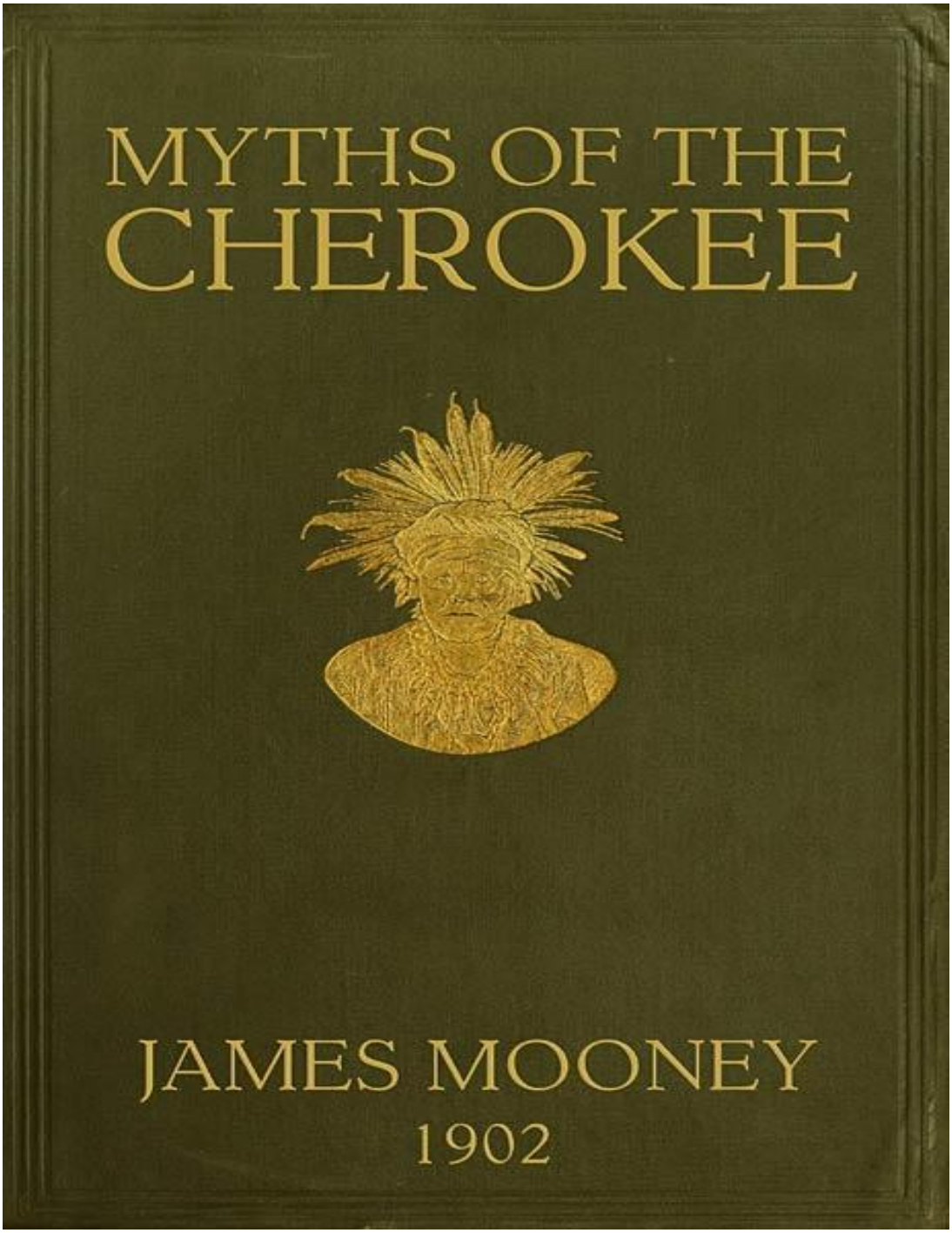
Мифы чероки

Джеймс Муни



Содержание

СОДЕРЖАНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

МИФЫ ЧЕРОКИ

I—ВВЕДЕНИЕ

II — ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК О ЧЕРОКИ

Период традиций

Период испанских исследований — 1540–?

Колониальный и революционный период — 1654–1784

Отношения с Соединенными Штатами

ОТ ПЕРВОГО ДОГОВОРА ДО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ — 1785–1838

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ — 1838–39

ПЛЕМЯ АРКАНЗАС — 1817–1838

ПЛЕМЯ ТЕХАС — 1817–1900

НАРОД ЧЕРОКИ НА ЗАПАДЕ — 1840–1900

ВОСТОЧНАЯ ГРУППА

III — ПРИМЕЧАНИЯ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ОЧЕРКУ

IV — ИСТОРИИ И РАССКАЗЧИКИ

V — МИФЫ

Космогонические мифы

1. КАК БЫЛ СОЗДАН МИР

2. ПЕРВЫЙ ОГОНЬ

3. КАНАТИ И СЕЛУ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОХОТЫ И КУКУРУЗЫ

4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОЛЕЗНИ И МЕДИЦИНЫ

5. ДОЧЬ СОЛНЦА

6. КАК ОНИ ВЕРНУЛИ ТАБАК

7. ПУТЕШЕСТВИЕ К ВОСХОДУ СОЛНЦА

8. ЛУНА И ГРОМЫ.

9. КАК ВЫГЛЯДЯТ ЗВЕЗДЫ

10. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЛЕЯД И СОСНЫ

11. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

12. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЛУБНИКИ

13. ВЕЛИКИЙ ЖЕЛТЫЙ ЖАЛО: ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЫБ И ЛЯГУШЕК

14. ПОТОП

Мифы о четвероногих

15. ЧЕТВЕРНОНОГИЕ ПЛЕМЕНА

16. КРОЛИК ОХОТИТСЯ НА УТОК

17. КАК КРОЛИК УКРАЛ ШЕРСТЬ ВЫДРЫ

18. ПОЧЕМУ У ОПОССУМА ХВОСТ БЕЗ ШЕРСТИ

19. КАК ДИКАЯ КОШКА ПОймала ИНДЮКА

20. КАК ЧЕРЕПАХА ПОБЕЖДАЕТ КРОЛИКА

21. КРОЛИК И ТАРОВЫЙ ВОЛК

22. КРОЛИК И ОПОССУМ В ПОИСКАХ ЖЕНЫ

23. КРОЛИК УЖИНАЕТ С МЕДВЕДЕМ

24. КРОЛИК УБЕГАЕТ ОТ ВОЛКОВ

25. ФЛИНТ НАВЕЩАЕТ КРОЛИКА

26. КАК ОЛЕНЬ ПОЛУЧИЛ РОГА

27. ПОЧЕМУ ЗУБЫ ОЛЕНЯ ТУПЫЕ

28. ЧТО СТАЛОСЬ С КРОЛИКОМ

29. ПОЧЕМУ НОРКА ПАХНЕТ

30. ПОЧЕМУ КРОТ ЖИВЕТ ПОД ЗЕМЛЕЙ

31. Побег черепахи от волков

32. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАНЦА СУРКИ: ГОЛОВА СУРКИ

33. МИГРАЦИЯ ЖИВОТНЫХ

34. МЕСТЬ ВОКА — ВОК И СОБАКА

Мифы о птицах

35. ПТИЧЬИ ПЛЕМЕНА

36. ИГРА В МЯЧ ПТИЦ И ЖИВОТНЫХ

37. КАК ИНДЕЙКА ПОЛУЧИЛА СВОЮ БОРОДУ

38. ПОЧЕМУ ИНДЕЙКА ГУГИКАЕТ

39. КАК ЗОЛОТОГЛАЗКА ПОЛУЧИЛА СВОЙ КЛОВ

40. КАК КУРЧАТА ПОЛУЧИЛА СВОЙ СВИСТОК

41. КАК КРАСНАЯ ПТИЦА ПОЛУЧИЛА СВОЙ ЦВЕТ

42. ФАЗАН, СОБИРАЮЩИЙ КУКУРУЗУ; ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАНЦА ФАЗАНОВ

43. СОСТЯЗАНИЕ МЕЖДУ ЖУРАВЛЕМ И КОЛЫБЕЛЬКОЙ

44. СОВЫ ВЫХОДЯТ ЗАМУЖ

45. ВЫПЕЧКА ВЫХОДИТ ЗАМУЖ

46. ПОЧЕМУ ГОЛОВА КАНЮКА ЛЫСАЯ

47. МЕСТЬ ОРЛА

48. ОХОТНИК И КАНЯ

Мифы о змеях, рыбах и насекомых

49. ПЛЕМЯ ЗМЕЙ

50. УКТЕНА И УЛУНСУТ

51. ПОИСКИ УКТЕНЫ АГАН-УНИЦИ

52. КРАСНОКОЖИЙ И УКТЕНА

53. ОХОТНИК И УКСУХИ

54. УСТУТЛИ

55. УВТСУНТА

56. ЗМЕИНЫЙ МАЛЬЧИК

57. ЧЕЛОВЕК-ЗМЕЯ

58. МЕСТЬ ГРЕМЕЛЬНОЙ ЗМЕИ

59. МЕЛКИЕ РЕПТИЛИИ — РЫБЫ И НАСЕКОМЫЕ

60. ПОЧЕМУ ГОЛОВА ЛЯГУШКИ-БЫКА ИМЕЕТ ПОЛОСЧАТЫЙ УЗОР

61. ЛЮБОВНИК ЛЯГУШКИ-БЫКА

62. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СВЕРЧКА

Чудесные истории

63. ÛÑTSAIYĬ′, АЗАРТНЫЙ ИГРОК

64. ГНЕЗДО ТЛАНУВА

65. ОХОТНИК И ТЛАНУВА

66. УТЛУНТА, КОПЬЕ-ПАЛЕЦ

67. НУНЬЮНУВ, КАМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

68. ОХОТНИК В ДАКВЕ

69. АТАГАНХИ, ЗАКОЛДОВАННОЕ ОЗЕРО

70. НЕВЕСТА С ЮГА

71. ЛЕДОВОЙ ЧЕЛОВЕК

72. ОХОТНИК И СЕЛУ

73. ПОДЗЕМНЫЕ ПАНТЕРЫ

74. ЦУНДИГЕВ

75. ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕДВЕДЯ: ПЕСНИ О МЕДВЕДЕ

76. МЕЧОТЧИК

77. ВЕЛИКАЯ ПИЩУЩАЯ ТЛАНУСИ

78. НУНЕНХИ И ДРУГИЕ ДУХОВНЫЕ СУЩЕСТВА

79. УДАЛЕННЫЕ ТАУНХАУСЫ

80. ДУХОВНЫЕ ЗАЩИТНИКИ НĬКВАСĬ′

81. ЦУЛКАЛУ, КОСОГЛАЗЫЙ ВЕЛИКАН

82. КАНАСТА, ПОТЕРЯННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

83. ЦУВЕНАХИ: ЛЕГЕНДА О ПИЛОТ-НОБЕ

84. ЧЕЛОВЕК, ВЗЯВШИЙ В ЖЕНЫ СЕСТРУ ГРОМА

85. ПРИЗРАЧНЫЙ ВОРОТ

86. ЯХУЛА

87. ВОДНЫЕ КАННИБАЛЫ

Исторические традиции

88. ПЕРВЫЙ КОНТАКТ С БЕЛЫМИ

89. ВОЙНЫ ИРОКЕЗОВ

90. ХИАДЕОНИ, СЕНЕКА

91. ДВА МОХАВКА

92. ПОБЕГ МАЛЬЧИКОВ СЕНЕКА

93. НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ

94. ПОБЕГ ХАТСИНОНДО ИЗ ЧЕРОКИ

95. ПЕРЕВОЗЧИК КОНОПЛЫ

96. МИРОТВОРЦЫ СЕНЕКА

97. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАНЦА ЙОНТОНИСА

98. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАНЫ СРЕДИ ЧЕРОКИ

99. ВОЙНЫ ШАВАНО

100. НАПАДЕНИЕ НА ТИКВАЛИЦИ

101. ПОСЛЕДНЕЕ ВТОРЖЕНИЕ ШАВАНО

102. ЛОЖНЫЕ ВОИНЫ ЧИЛХОВИ

103. ГОРОД КОВИ

104. ВОСТОЧНЫЕ ПЛЕМЕНА

105. ЮЖНЫЕ И ЗАПАДНЫЕ ПЛЕМЕНА

106. ВЕЛИКАНЫ С ЗАПАДА

107. ПОТЕРЯННЫЕ ЧЕРОКИ

108. РЕЗНЯ АНИ-КУТАНИ

109. ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА

110. СЛУЧАИ ЛИЧНОГО ГЕРОИЗМА

111. КУРГАНЫ И ПОСТОЯННЫЙ ОГОНЬ: СТАРЫЕ СВЯЩЕННЫЕ ВЕЩИ

Разные мифы и легенды

112. НЕУМЕЛАЯ ХОЗЯЙКА

113. ЧЕЛОВЕК В ПЕНЬКЕ

114. ДВА ЛЕНИВЫХ ОХОТНИКА

115. ДВА СТАРИКА

116. ЗВЕЗДНЫЕ ПЕРЬЯ

117. ПЕСНЯ МАТЕРИ-МЕДВЕДИЦЫ

118. ПЕСНЯ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ, ЧТОБЫ ПОНРАВИТЬСЯ ДЕТЯМ

119. КОГДА РОДЯТСЯ МЛАДЕНЦЫ: МЕЧКА И СВЕРЧОК

120. КРЕСТЧАТЫЙ ВОРОН

121. ВЕСНА ГЕРБЕРТА

122. МЕСТНЫЕ ЛЕГЕНДЫ СЕВЕРНОЙ КАРОЛИНЫ

123. МЕСТНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ЮЖНОЙ КАРОЛИНЫ

124. МЕСТНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ТЕННЕССИ

125. МЕСТНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ГРУЗИИ

126. ФОЛЬКЛОР О РАСТЕНИЯХ

ПРИМЕЧАНИЯ И ПАРАЛЛЕЛИ С МИФАМИ

ГЛОССАРИЙ СЛОВ ЧЕРОКИ

УКАЗАТЕЛЬ К ЧАСТИ 1

A

B

C

D

E

F

G

H

I

J

K

L

M

N

O

P

Q

P

S

T

U

V

W

X

Y

Z

Колофон

Доступность

Кодировка

История изменений

Внешние ссылки

Исправления

ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ

Электронная книга проекта «Гутенберг» Мифы чероки

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Мифы чероки

Автор: Джеймс Муни

Дата выпуска: 11 мая 2014 г. [электронная книга № 45634]
Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Джероном Хеллингманом и командой онлайн-корректоров http://www.pgdp.net/ для проекта Gutenberg (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive/American Libraries).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «МИФЫ ЧЕРОКИ» ***

MYTHS OF THE CHEROKEE

BY

JAMES MOONEY

EXTRACT FROM THE NINETEENTH ANNUAL REPORT OF THE BUREAU OF AMERICAN ETHNOLOGY

WASHINGTON
GOVERNMENT PRINTING OFFICE
1902

МИФЫ ЧЕРОКИ

ДЖЕЙМС МУНИ

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ГОДОВОГО ОТЧЕТА БЮРО АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОЛОГИИ

ВАШИНГТОН
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕЧАТНАЯ СЛУЖБА
1902

МИФЫ ЧЕРОКИ

ДЖЕЙМС МУНИ

СОДЕРЖАНИЕ

Страница

I— Введение 11

II— Исторический очерк о чероки 14

Период традиций 14

Период испанских исследований — 1540–? 23

Колониальный и революционный период — 1654–1784 29

Отношения с Соединенными Штатами 61

От первого договора до переселения — 1785–1838 61

Переселение — 1838–1839 130

Племя Арканзас — 1817–1838 135

Племя Техаса — 1817–1900 143

Народ чероки Запада — 1840–1900 146

Восточные чероки — 1838–1900 157

III — Примечания к историческому очерку 182

IV— Рассказы и рассказчики 229

V— Мифы 239

Космогонические мифы 239

1. Как был сотворен мир 239

2. Первый огонь 240

3. Канати и Селу: происхождение кукурузы и дичи 242

4. Происхождение болезни и медицины 250

5. Дочь Солнца: происхождение смерти 252

6. Как они вернули табак 254

7. Путешествие к восходу солнца 255

8. Луна и гром 256

9. Каковы звезды 257

10. Происхождение Плеяд и сосны 258

11. Млечный путь 259

12. Происхождение клубники 259

13. Великий желтый шершень: происхождение рыб и лягушек 260

14. Потоп 261

Мифы о четвероногих 261

15. Четвероногие племена 261

16. Кролик идет на охоту на уток 266

17. Как кролик украл шкуру выдры 267

18. Почему у опоссума голый хвост 269

19. Как дикая кошка поймала индюков 269

20. Как черепаха победила кролика 270

21. Кролик и смоляной волк 271

22. Кролик и опоссум в поисках жены 273

23. Кролик устраивает обед для медведя 273

24. Кролик спасается от волков 274

25. Кремень навещает Кролика 274

26. Как олень получил рога 275

27. Почему у оленя тупые зубы 276

28. Что стало с кроликом 277

29. Почему норка пахнет 277

30. Почему крот живет под землей 277

31. Побег черепахи от волков 278

32. Происхождение танца сурка: голова сурка 279

33. Миграция животных 280

34. Месть волка: волк и собака 280

Мифы о птицах 280

35. Птичьи племена 280

36. Игра в мяч птиц и животных 286

37. Как индейка получила бороду 287

38. Почему индюк гогочет 288

39. Как у зимородка появился клюв 288

40. Как куропатка получила свой свист 289

41. Как красная птица получила свой цвет 289

42. Фазан, молотящий зерно: Танец фазана 290

43. Соревнование журавля и колибри 290

44. Сова выходит замуж 291

45. Хуху женится 292

46. Почему у канюка голая голова 293

47. Месть орла 293

48. Охотник и канюк 294

Мифы о змеях, рыбах и насекомых 294

49. Племя змей 294

50. Уктена и Улунсути 297

51. Поиски Уктена Аган-Уници 298

52. Красный человек и Уктена 300

53. Охотник и уксухи 301

54. Устутли 302

55. Увцунта 303

56. Змеиный мальчик 304

57. Человек-змея 304

58. Месть гремучей змеи 305

59. Мелкие рептилии, рыбы и насекомые 306

60. Почему голова бычьего лягушонка полосатая 310

61. Любовник бычьего лягушонка 310

62. Предупреждение кузнечика 311

Чудесные истории 311

63. Ûñtsaiyĭ′, азартный игрок 311

64. Гнездо Tlă′nuwa 315

65. Охотник и Tlă′nuwa 316

66. Утлунта, Копьепальце 316

67. Нуньюнуви, каменный человек 319

68. Охотник в Даква 320

69. Атагахи, заколдованное озеро 321

70. Невеста с юга 322

71. Ледяной человек 322

72. Охотник и Селу 323

73. Подземные пантеры 324

74. Цундигеви 325

75. Происхождение медведя: песни о медведе 325

76. Человек-медведь 327

77. Великая пиявка Тлануси′и 329

78. Нуньнехи и другие духовные существа 330

79. Удаленные таунхаусы 335

80. Духовные защитники Никваси 336

81. Цулкалу, гигант с раскосыми глазами 337

82. Каناста, затерянное поселение 341

83. Цувенах, легенда о Пилотном холме 343

84. Человек, который женился на сестре Грома 345

85. Призрачный водоворот 347

86. Яхула 347

87. Водные людоеды 349

Исторические традиции , 350

88. Первый контакт с белыми 350

89. Война ирокезов 351

90. Хиадеони, сенека 356

91. Два могавка 357

92. Побег мальчиков сенека 359

93. Невидимые помощники 359

94. Побег Хатсиньондоня из племени чероки 362

95. Перевозчик конопли 364

96. Миротворцы сенека 365

97. Происхождение танца Йонтоньвисас 365

98. Приключения Ганы среди чероки. 367

99. Войны Шавано 370

100. Набег на Тиквалици 374

101. Последнее вторжение шавано 374

102. Лжевоины Чилхоуи 375

103. Город Коуи 377

104. Восточные племена 378

105. Южные и западные племена 382

106. Великаны с запада 391

107. Потерянные чероки 391

108. Резня Ани′-Кута′ни 392

109. Военная медицина 393

110. Случаи личного героизма 394

111. Курганы и вечный огонь: старые священные вещи 395

Разные мифы и легенды 397

112. Невежественная хозяйка 397

113. Человек в пне 397

114. Два ленивых охотника 397

115. Два старика 399

116. Звездные перья 399

117. Песня матери-медведицы 400

118. Песня для детей, чтобы порадовать малышей. 401

119. Когда рождаются дети: крапивник и сверчок 401

120. Ворона-насмешница 401

121. Весна Герберта 403

122. Местные легенды Северной Каролины. 404

123. Местные легенды Южной Каролины 411

124. Местные легенды Теннесси 412

125. Местные легенды Джорджии 415

126. Народные предания о растениях 420

VI— Примечания и параллели 428

VII— Глоссарий 506

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Страница

ТАБЛИЦА I. В горах Чероки 11

II. Карта: Чероки и их соседи. 14

III. Карта: Старая страна чероки 23

IV. Секвойя (Sikwâyĭ) 108

V. Алфавит чероки 112

VI. Тачи (Tătsĭ) или голландский 140

VII. Весенняя лягушка или Туантух (Ду′сту′) 142

VIII. Джон Росс (Гувисгуви) 150

IX. Полковник У. Х. Томас (Уил-Усди′) 160

X. Вождь Н. Дж. Смит (Цаладихи) 178

XI. Пловец (Аюньини) 228

XII. Джон Акс (Itagû′nûhĭ) 238

XIII. Тагвадихи 256

XIV. Аяста 272

XV. Саванугі, игрок в мяч из племени чероки 284

XVI. Курган Никваси в Франклине, Северная Каролина 337

XVII. Энни Акс (Садай) 358

XVIII. Валини, женщина из племени чероки 378

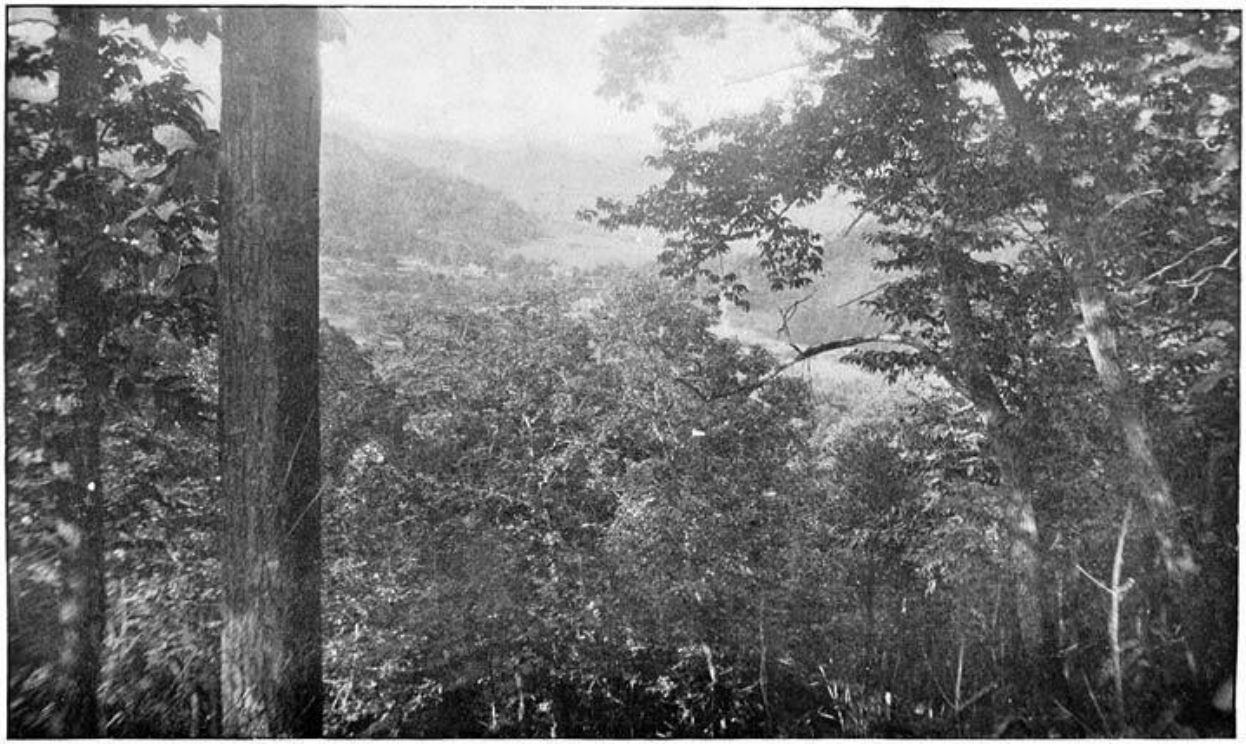
XIX. На реке Оконалуфти 405

XX. Петроглифы в Трак-Рок-Гэп, Джорджия 418

РИСУНОК

1. Перьевая палочка для танца орла 282

2. Древние пояса ирокезов из ракушек 354



ФОТОГРАФИЯ АВТОРА, 1888 Г.

В ГОРАХ ЧЕРОКИ

МИФЫ ЧЕРОКИ

Джеймс Муни

I — ВВЕДЕНИЕ

Мифы, приведенные в данной статье, являются частью обширного материала, собранного среди чероки, главным образом в ходе последовательных полевых сезонов с 1887 по 1890 год включительно, и включают в себя более или менее обширные заметки, а также оригинальные рукописи чероки, касающиеся истории, археологии, географической номенклатуры, личных имен, ботаники, медицины, искусства, домашней жизни, религии, песен, церемоний и языка племени. Предполагается, что этот материал будет время от времени появляться в серии статей, которые, когда будут окончательно собраны воедино, составят монографию об индейцах чероки. Эта статья может считаться первой в серии, поскольку все, что было опубликовано до сих пор, представляло собой краткую статью о священных формулах племени, опубликованную в Седьмом годовом отчете Бюро в 1891 году и содержащую краткое изложение медико-религиозной теории чероки, с двадцатью восемью образцами, выбранными из около шестисот ритуальных формул, записанных на языке и алфавите чероки бывшими врачами племени и составляющих в совокупности самый большой существующий корпус литературы коренных американцев.

Хотя чероки, вероятно, являются самым большим и важным племенем в Соединенных Штатах, имеющим собственное национальное правительство и насчитывающим в любой момент своей истории от 20 000 до 25 000 человек, по сравнению с литературой о таких северных племенах, как делавэры, ирокезы или оджибве, об их истории или общей этнологии пока почти ничего не написано. Эта разница обусловлена историческими причинами, которые не нужно обсуждать здесь.

На первый взгляд может показаться, что чероки с их цивилизованным сводом законов, национальной прессой, школами и семинариями настолько продвинулись по пути белых людей, что не представляют большого интереса для этнологических исследований. Это в значительной степени верно в отношении тех, кто проживает на территории индейцев, которых два поколения назад насильственная депортация из привычной среды обитания одним махом сделала больше для уничтожения индейских идей, чем могло бы быть достигнуто за пятьдесят лет медленного развития. Однако в сердце гор Каролины осталась значительная группа, превосходящая по численности такие известные западные племена, как омаха, пони, команчи и киова, и именно среди них, старых консервативных китухва, сохранились древние традиции. Горцы хорошо хранят прошлое, и в уединенных лесах Нантахала и Оконалуфти, вдали от главных дорог современного прогресса, священник чероки по-прежнему хранит легенды и повторяет мистические ритуалы, переданные ему от предков. Конечно, произошли изменения в одежде и внешнем виде, но сердце индейца по-прежнему остается его собственным.

По этой и другим причинам большая часть материала, содержащегося в данной работе, была собрана среди восточных чероки, проживающих в резервации Куалла в западной части Северной Каролины и в различных отдельных поселениях между резервацией и границей с Теннесси. Этот материал был дополнен информацией, полученной в нации чероки на территории индейцев, главным образом от стариков и старух, которые эмигрировали из того, что сейчас является Теннесси и Джорджией, и которые, следовательно, лучше знали эти районы, а также историю западной нации, чем их родственники в Каролине. Исторические факты и параллели, конечно, в основном собраны из печатных источников, но сами мифы, за редким исключением, являются результатом оригинального исследования.

Исторический очерк следует понимать именно как очерк, а не как подробное повествование, для которого в настоящей статье нет места. Чероки оказали глубокое влияние на историю южных

штатов, и здесь мы лишь попытались изложить основные факты в последовательном порядке. Поскольку история нации после переселения на Запад и реорганизации в соответствии с Законом о переселении индейцев ( ) на территории индейцев представляет лишь небольшой интерес с этнологической точки зрения, она была рассмотрена лишь кратко. С другой стороны, дела восточного племени были обсуждены довольно подробно, поскольку в печати можно найти очень мало информации об этом остатке племени.

Одной из главных целей этнологического исследования является отслеживание развития человеческой мысли в различных условиях расы и окружающей среды, результат которого всегда показывает, что первобытный человек по сути своей одинаков во всех частях мира. С этой целью значительное место отведено параллелям, почти полностью взятым из индейских племен Соединенных Штатов и Британской Америки. По южным странам имеется лишь немного достоверных материалов, а расширение исследования на восточный континент и острова моря было бы бесконечной задачей.

Автор желает выразить благодарность за многочисленные услуги Библиотеке Конгресса, Геологической службе и Смитсоновскому институту, а также за любезную помощь и дружеские советы сотрудникам и персоналу Бюро американской этнологии; ; выразить признательность покойному вождю Н. Дж. Смиту и его семье за услуги переводчика и kind гостеприимство во время последовательных полевых сезонов; агенту Х. В. Спрею и его жене за неизменную доброту, проявленную во многих полезных делах; г-ну Уильяму Хардену, библиотекарю, и Историческому обществу штата Джорджия за предоставление возможности ознакомиться с документами в Саванне, штат Джорджия; покойному полковнику В. Х. Томасу; подполковнику В. В. Стрингфилду из Уэйнсвилля; капитану Джеймсу В. Терреллу из Вебстера; миссис А. С. Эйвери и доктору П. Л. Мерфи из Моргантона; мистеру В. А. Фэйру из Линкольнтона; покойному майору Джеймсу Брайсону из Диллсборо; г-ну Х. Г. Троттеру из Франклина; г-ну Сиббалду Смиту из Чероки; майору Р. К. Джексону из Смитвуда, штат Теннесси; г-ну Д. Р. Данну из Конасауги, штат Теннесси; покойному полковнику З. А. Зайлу из Атланты; г-н Л. М. Грир из Эллиджея, Джорджия; г-н Томас Робинсон из Портленда, Мэн; г-н Аллен Росс, г-н В. Т. Кануп, редактор *Indian Arrow,* и должностные лица чероки, Талеква, Индейская территория; д-ру Д. Т. Дэю из Геологической службы США, Вашингтон, округ Колумбия, и проф. Г. М. Бауэрсу из Комиссии по рыболовству США за ценную устную информацию, письма, вырезки из газет и фотографии; майору Дж. Адджеру Смиту из Чарльстона, Южная Каролина, за документальные материалы; г-ну Стэнсбери Хагару и покойному Роберту Гранту Халибертону из Бруклина, Нью-Йорк, за предоставление ценных рукописных заметок о звездных легендах чероки; мисс А. М. Брукс за предоставление ценных копий испанских документов и переводов, переданных в распоряжение Бюро американской этнологии; г-ну Джеймсу Блайту, который большую часть времени, проведенного автором в полевых условиях, выполнял функции переводчика; а также различным чероки и другим информаторам, упомянутым в тексте работы, от которых были получены материалы.

II — ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЧЕРОКИ

Период традиций

Чероки были горцами Юга, занимая всю область Аллегани от слияния верховьев рек Канава и Теннесси на юге почти до Атланты, и от горы Блу-Ридж на востоке до горного хребта Камберленд на западе, территорию площадью около 40 000 квадратных миль, которая сейчас входит в состав штатов Вирджиния, Теннесси, Северной Каролины, Южной Каролины, Джорджии и Алабамы. Их главные города находились на верховьях рек Саванна, Хивасси и Тукасиги, а также вдоль всей длины реки Литл-Теннесси до ее слияния с основным руслом. Исати, или Эчота, на южном берегу Малой Теннесси, в нескольких милях выше устья реки Теллико в Теннесси, обычно считалась столицей нации. По мере того как продвигавшиеся белые давили на них с востока и северо-востока, более уязвимые города были разрушены или заброшены, и новые поселения были образованы ниже по течению Теннесси и на верхних притоках Чаттахучи и Куса.

Как всегда бывает с географией племен, не было фиксированных границ, и со всех сторон границы чероки оспаривались соперничающими претендентами. Есть основания полагать, что в Вирджинии в ранние времена племя сдерживалось племенами Поухатан и Монакан. На востоке и юго-востоке их заклятыми врагами были тускарора и катавба, с которыми в исторический период практически не было даже временного перемирия; а факты свидетельствуют о том, что сара или чероу были не менее враждебны. На юге велась наследственная война с криками, которые считали почти всю верхнюю часть Джорджии своей первоначальной собственностью, но постепенно были вытеснены к побережью Мексиканского залива, пока благодаря посредничеству Соединенных Штатов не был наконец заключен договор, устанавливающий границу между двумя племенами по линии, проходящей примерно на запад от устья реки Брод на Саванне. На западе чикасо на нижнем Теннесси и шавано на Камберленде неоднократно отбивали вторжения чероки из богатых центральных долин, в то время как могущественные ирокезы на крайнем севере установили почти неоспоримую власть от реки Оттава в Канаде на юг, по крайней мере, до реки Кентукки.

Julius Bien & Co. Lith N.Y.

ЧЕРОКИ И ИХ СОСЕДИ

С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТЕРРИТОРИИ, ПРИНАДЛЕЖАВШЕЙ ИМ В РАЗНОЕ ВРЕМЯ К ЗАПАДУ ОТ РЕКИ МИССИСИПИ

ДЖЕЙМС МУНИ 1900

Примечание — территория родственных ирокезских племен обозначена заштрихованными границами.

С другой стороны, победив криков и изгнав шауно, чероки подтвердили свои права на все земли от верхней части Джорджии до реки Огайо, включая богатые охотничьи угодья Кентукки. Удерживая в своих руках великую горную преграду между английскими поселениями на побережье и французскими или испанскими гарнизонами вдоль Миссисипи и Огайо, их географическое положение, не менее чем их численное превосходство, дало бы им равновесие сил

на Юге, если бы не слабость племенной организации, резко контрастирующая с компактностью лиги ирокезов, благодаря которой более века французская власть сдерживалась на севере. Англичане, конечно, считали удобным признавать некоторых вождей верховными в племени, но единственная реальная попытка объединить весь народ чероки в политическую единицу была предпринята французским агентом Прибером около 1736 года, но она провалилась из-за преждевременного обнаружения англичанами. Мы часто видим, что их королевство раздирается внутренними противоречиями, а их численность мешает единству действий, хотя и дает им преимущество перед соседними племенами.

Название, которым чероки называют себя (1)[1] , — Yûñ′wiyă′ или Ani′-Yûñ′wiyă′ в третьем лице, что означает «настоящие люди» или «главные люди», слово, близко связанное с Oñwe-hoñwe, названием, которым называют себя родственные ирокезы. Это слово правильно обозначает «индейцев» в отличие от людей других рас, но в употреблении оно ограничивается членами племени чероки, а представители других племен обозначаются как крики, катавба и т. д., в зависимости от случая. Во время церемоний они часто называют себя Ani′-Kitu′hwagĭ, или «люди Китухва», древнего поселения на реке Тукасеги, которое, по-видимому, было первоначальным ядром племени. Среди западных чероки это название было принято тайным обществом, состоящим из представителей чистой крови и поклявшимся сопротивляться проникновению цивилизации белых людей. Под различными формами Cuttawa, Gattochwa, Kittuwa и т. д., как пишут разные авторы, оно также использовалось несколькими северными алгонкинскими племенами как синоним чероки.

Название «чероки», под которым они обычно известны, не имеет значения в их собственном языке и, по-видимому, имеет иностранное происхождение. Среди них самой распространенной формой является Tsa′lăgĭ′ или Tsa′răgĭ′. Впервые оно появляется как Chalaque в португальском описании экспедиции Де Сото, впервые опубликованном в 1557 году, в то время как Cheraqui встречается во французском документе 1699 года, а Cherokee в английской форме — по крайней мере, в 1708 году. Таким образом, это название имеет подлинную историю, насчитывающую 360 лет. Есть свидетельства того, что оно происходит от слова чокто *choluk* или *chiluk*, означающего яму или пещеру, и пришло к нам через так называемый мобильский торговый язык, искаженный жаргон чокто, который ранее использовался в качестве средства общения ( ) между всеми племенами штатов Мексиканского залива, простиравшимися на север до устья Огайо (2). В этой области многие племена были широко известны под именами чокто, несмотря на то, что они принадлежали к совершенно разным языковым группам, и если такое имя существовало для чероки, то оно, несомненно, было передано первым испанским исследователям переводчиками Де Сото. Эта теория подтверждается их ирокезским (могавкским) именем Oyata’ge‘ronoñ’, данным Хьюиттом, означающим «жители страны пещер», поскольку регион Аллегани является своеобразной страной пещер, в которой часто встречаются «скальные укрытия», содержащие многочисленные следы проживания индейцев. Их название на языке катавба, Mañterañ, данное Гатшетом, означающее «выходящие из земли», кажется, содержит ту же самую отсылку. Попытка Адаира связать название «чероки» с их словом «огонь», *atsila*, является ошибкой, основанной на неполном знании языка.

Среди других синонимов этого племени — Rickahockan или Rechahecrian, древнее название Поухатан, и Tallige′ или Tallige′wi, древнее название, используемое в хронике Walam Olum о племени Ленапе ( ). Относительно применения и этимологии этого последнего названия было много споров, но, по-видимому, нет никаких разумных сомнений в идентичности этого народа.

С лингвистической точки зрения чероки принадлежат к ирокезской группе, о чем более века назад высказал предположение Бартон, а позднее — Галлатин и Хейл, и что было окончательно доказано Хьюиттом в 1887 году.[2] Хотя сейчас нет никаких сомнений в этой связи, заметные

лексические и грамматические различия указывают на то, что разделение должно было произойти в очень ранний период. Как это обычно бывает с большим племенем, занимающим обширную территорию, язык имеет несколько диалектов, основные из которых, за неимением других названий, можно удобно обозначить как восточный, средний и западный. Классификация Адаира на «айрат» (*e'ladĭ*), или низменный, и «оттаре» (*â'talĭ*), или горный, должна быть отвергнута как несовершенная.

Восточный диалект, ранее часто называемый нижним диалектом чероки, первоначально использовался во всех городах на берегах рек Кеоуи и Тугалу, верховьях реки Саванна, в Южной Каролине и прилегающей части Джорджии. Его главная особенность — произношение *«р»* с рокочущим *звуком*, которое заменяет *«л»* в других диалектах. В этом диалекте название племени — Tsa′răgĭ′, которое английские поселенцы Каролины исказили до Cherokee, в то время как испанцы, продвигаясь с юга, лучше познакомились с другой формой, которую они писали как Chalaque. Из-за своего уязвимого пограничного положения, граничащего с белыми поселениями Каролины, чероки этого подразделения первыми ощутили на себе удар войны в кампаниях 1760 и 1776 годов, в результате чего до окончания революции они были полностью истреблены со своей первоначальной территории и рассеяны как беженцы по более западным городам племени. В результате они утратили свой самобытный диалект, который в настоящее время практически исчез. В 1888 году на нем говорил только один человек в резервации в Северной Каролине.

Средний диалект, который можно было бы правильно назвать диалектом китухва, первоначально использовался в городах на реке Тукасеги и в верховьях реки Литл Теннесси, в самом сердце страны чероки, и до сих пор используется большинством людей, проживающих в резервации Куалла. В некоторых своих фонетических формах он совпадает с восточным диалектом, но похож на западный в наличии звука *l*.

Западный диалект был распространен в большинстве городов восточной Теннесси и верхней Джорджии, а также на реках Хивасси и Чеова в Северной Каролине. Это самый мягкий и мелодичный из всех диалектов этого музыкального языка, с частым использованием жидкого *l* и опущением многих более резких согласных, встречающихся в других формах. Это также литературный диалект, на котором говорит большинство тех, кто сейчас составляет народ чероки на Западе.

Среди других чероки встречаются люди, чье произношение и иногда используемые ими особые термины для обозначения знакомых предметов указывают на существование четвертого и, возможно, пятого диалекта, которые в настоящее время не могут быть локализованы. Возможно, эти различия могут быть результатом иностранного влияния, например, крови натчез, таскиги или шавано. Есть некоторые основания полагать, что люди, жившие на реке Нантахала, отличались диалектом от своих соседей по обе стороны реки (3).

Ирокезская группа, к которой принадлежат чероки, имела свою главную родину на севере, ее племена занимали компактную территорию, которая включала части Онтарио, Нью-Йорка, Огайо и Пенсильвании и простиралась вниз по реке Саскуэханна и Чесапикскому заливу почти до широты Вашингтона. Другая группа, включая тускарора, ноттоуэй и, возможно, также мехеррин, занимала территорию в северо-восточной части Северной Каролины и прилегающую часть Вирджинии. Сами чероки составляли третью и самую южную группу. Очевидно, что племена одной группы когда-то должны были занимать смежные территории, и в данном случае мы видим, что так и было. Известно, что тускарора и мехеррин, а также, предположительно, ноттоуэй, пришли с севера ( ), в то время как традиционные и исторические свидетельства сходятся в том, что ранней родиной чероки был регион в верховьях Огайо, непосредственно к югу от их

родственников, но злейших врагов, ирокезов. Теория, согласно которой чероки пришли из северной Айовы, а ирокезы — из Манитобы, не заслуживает серьезного внимания. (4)

Самая древняя традиция, касающаяся чероки, по-видимому, является традицией делавэров о изгнании таллигеви с севера ( ), впервые отмеченная миссионером Хекевельдером в 1819 году и более подробно опубликованная Бринтоном в «Валам Олум» в 1885 году. Согласно первому рассказу, делавэры, продвигаясь с запада, столкнулись с сопротивлением могущественного народа под названием Аллигеви или Таллигеви, занимавшего землю на реке, которую Хекевельдер считает идентичной Миссисипи, но которая, как показывает продолжение, скорее всего была верхней частью Огайо. Говорили, что они регулярно строили земляные укрепления, в которых так хорошо защищались, что в конце концов делавэры были вынуждены обратиться за помощью к «менгве» или ирокезов, в результате чего после многолетней войны аллигеви в конце концов потерпели сокрушительное поражение, а выжившие бежали вниз по реке и оставили эту землю захватчикам, которые разделили ее между собой: «менгве» выбрали часть около Великих озер, а делавэры заняли земли к югу и востоку от них. Миссионер добавляет, что река Аллегани (и Огайо) по-прежнему называлась делавэрами Аллигеви Сипу, или рекой Аллигеви. Это, по-видимому, указывает на то, что она и есть та самая река из предания. Он также рассказывает о замечательных земляных укреплениях, которые он видел в 1789 году в окрестностях озера Эри и которые, по словам индейцев, были построены истребленным племенем в качестве оборонительных укреплений в ходе этой войны. Рядом с двумя из них, в окрестностях Сандаски, ему показали курганы, под которыми, как говорили, были похоронены несколько сотен убитых Таллигеви.[3] Как обычно в таких преданиях, Аллигеви, как говорили, были гигантского роста, намного превосходя по размеру своих завоевателей.

В «Валам Олум», который, как утверждается, является метрическим переводом древней иероглифической записи на коре дерева, обнаруженной в 1820 году, основная традиция изложена практически таким же образом, с приложением, в котором рассказывается о судьбе побежденного племени до начала исторического периода, что завершает цепочку доказательств. (5)

В «Валам Олум» мы также находим, что делавэры продвигались с запада или северо-запада, пока не дошли до «Рыбной реки» — той же, которую Хекевельдер считает Миссисипи (6). С другой стороны, нам говорят, что «Таллигеви владели Востоком». Вождь делавэров «желал восточные земли», и некоторые из его людей продолжают путь, но убиты таллигеви. Делавэры решают начать войну и призывают на помощь своих северных друзей, «таламатан», т. е. виандотов и другие союзные ирокезские племена. Начинается война, которая продолжается в течение четырех сроков правления последовательных вождей, когда победа объявляется за захватчиками, и «все талега уходят на юг». Затем страна была разделена: таламатаны заняли северную часть, а делавэры «остались к югу от озер». Хроника продолжает рассказывать о том, как после смены еще одиннадцати вождей нантикоки и шавано отделились от родительского племени таламатанов ( ) и переселились на юг. Затем сменилось еще шесть вождей, пока мы не дошли до седьмого, который «ушел в горы талега». К этому времени делавэры достигли океана. После них приходят другие вожди, после которых «восточные и волки» — вероятно, махиканы или ваппингери и мунси — переселяются на северо-восток. Наконец, после шести других вождей, «белые пришли на восточное море», что, вероятно, означает высадку голландцев на Манхэттене в 1609 году (7). Мы можем считать эту дату приблизительной датой начала XVII века. Правило еще два вождя, и о втором из них нам говорят, что «он сражался на юге; он сражался в земле Талега и Ковета», и снова четвертый вождь после прихода белых «ушел в Талегу». Таким образом, мы имеем традиционное свидетельство о завоевательной войне, веденной против таллигеви четырьмя последовательными вождями, и ную смену около двадцати пяти вождей между окончательным изгнанием этого племени и появлением белых, в течение которого нантикоки, шавано, махиканы и мунси отделились от родительского племени делавэров. Не рискуя запутаться в извилистом

лабиринте индейской хронологии, достаточно отметить, что все это подразумевает очень длительный период времени — настолько длительный, что за это время от основного корня ленапе отделились несколько новых племен, каждое из которых со временем выработало свой собственный диалект. Четко указано, что все талега после своего окончательного поражения ушли на юг; а из более поздних упоминаний мы узнаем, что они укрылись в горной местности по соседству с коветами (криками) и что воинственные отряды делавэров еще долго после первого появления белых совершали набеги на оба эти племени.

Хотя на первый взгляд может показаться, что название «Таллиге-ви» является лишь искажением слова «Цалаги», более тщательное изучение приводит к мнению, что это настоящее слово делавэров, по всей вероятности связанное со *словом «валох»* или *«валок»*, означающим пещеру или нору (Зейсбергер), откуда мы находим в «Валам Олум» слово *«олигонунк»*, переводимое как «место пещер». Таким образом, это было бы точным переводом из языка делавэров того же имени, «люди из страны пещер», под которым, как мы видели, чероки были широко известны среди племен. Каким бы ни было происхождение самого имени, нет никаких разумных сомнений в его применении. «Имя, местоположение и легенды позволяют отождествить чероки или цалаки с таллике; и это все, что мы можем ожидать от таких исследований». [4]

Вьяндоты подтверждают рассказ делавэров и устанавливают идентичность изгнанного племени. Согласно их преданию, изложенному в 1802 году, древние укрепления в долине Огайо были возведены в ходе длительной войны между ними и чероки, которая в конечном итоге закончилась поражением последних. [5]

Традиции чероки, насколько они сохранились, дополняют и подтверждают традиции северных племен, таким образом, донося историю до их окончательного поселения на верховьях Теннесси в богатых долинах южных Аллеганов. Благодаря склонности чероки к новым богам, резко контрастирующей с консерватизмом ирокезов, их ритуальные формы и национальные эпосы пришли в упадок еще до Революции, как мы узнаем от Адаира. Некоторые следы их легенды о миграции еще существовали во времена Хейвуда, но сейчас она полностью забыта как на Востоке, так и на Западе.

Согласно Хейвуду, который в 1823 году писал на основе информации, полученной непосредственно от ведущих членов племени задолго до переселения, у чероки раньше была длинная легенда о миграции, которая уже была утрачена, но которая, по воспоминаниям матери одного из информаторов — примерно 1750 года — все еще рассказывалась избранными ораторами по случаю ежегодного танца зеленого кукурузы. Эта легенда о миграции, по-видимому, напоминала легенды делавэров и криков, начинавшиеся с сотворения мира и периода животных-монстров, а затем следовавшие за переменчивой судьбой избранной группы до исторического периода. Согласно преданию, они происходили из земли на восходе солнца, куда их поместили по приказу «четырех советов, посланных свыше». В этом первозданном доме обитали огромные змеи и водные чудовища, по этой причине предполагалось, что он находился недалеко от морского побережья, хотя это предположение не является обязательным следствием, так как эти существа являются характерной чертой мифологии всех восточных племен. После периода генезиса началась медленная миграция, во время которой «города людей перемещались из лагеря в лагерь в течение многих ночей», но подробности не приводятся. Из Хекевельдера следует, что выражение «ночной лагерь», которое также встречается в легенде о миграции делавэров, является индейским образным выражением, обозначающим годичную остановку в одном месте. [6]

В другом месте Хейвуд говорит, хотя, по-видимому, путает хронологический порядок событий: «Одна из традиций, которая существует среди них, гласит, что они пришли с запада и истребили прежних жителей; а затем говорится, что они пришли из верхней части Огайо, где воздвигли

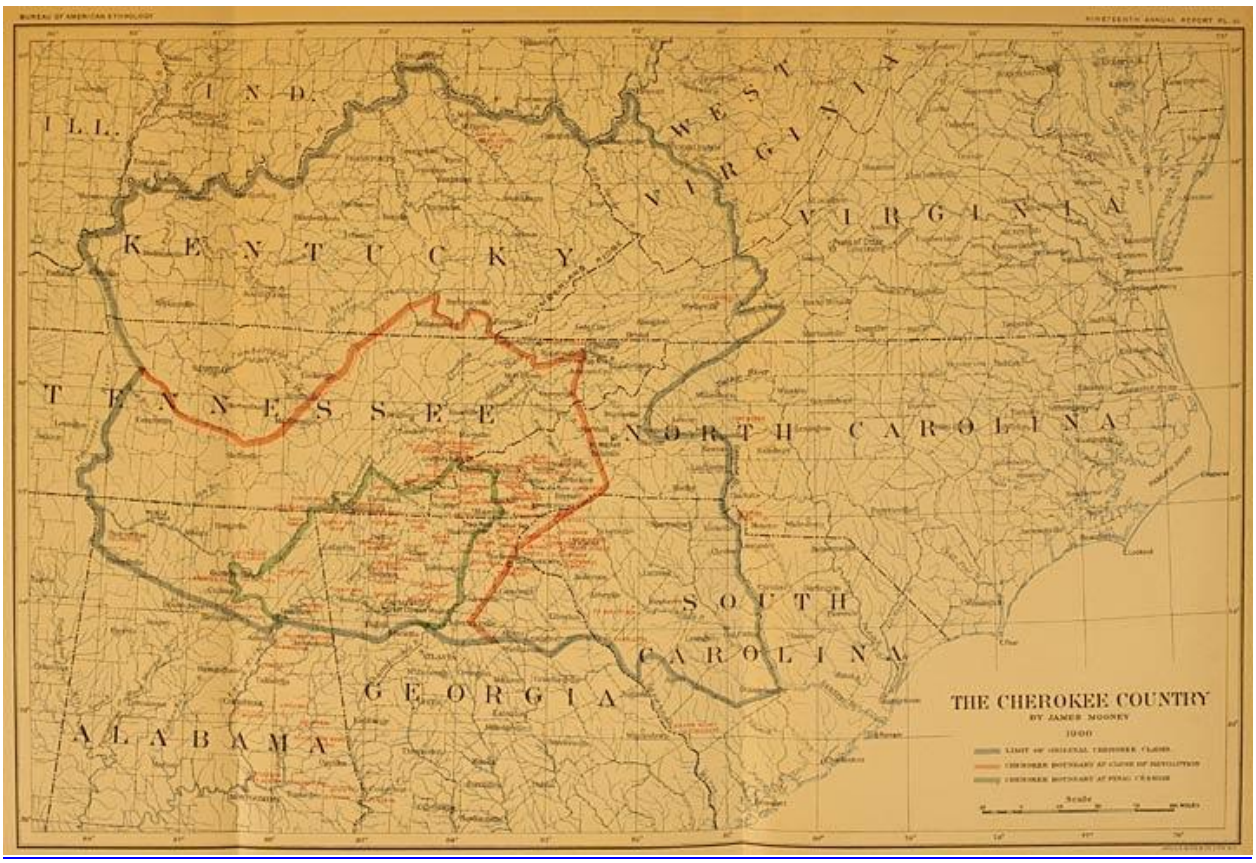
курганы на Грейв-Крик, и что они переселились туда из страны, где находится Монтичелло (недалеко от Шарлоттсвилля, Вирджиния)».[7] Первое упоминание относится к знаменитым курганам на Огайо недалеко от Маундсвилля, ниже Уилинг, Западная Вирджиния; второе, несомненно, относится к известному погребальному кургану, описанному Джефферсоном в 1781 году как существовавший в то время недалеко от его дома, на низменности реки Риванна напротив места древнего индейского поселения. Он сам открыл его и обнаружил, что в нем находилось, пожалуй, тысяча разрозненных скелетов взрослых и детей, кости были сложены в несколько слоев, причем те, что находились ближе к верху, были наименее разложившимися. Они не имели следов насилия , но, очевидно, были накоплены за долгие годы из соседнего индейского поселения. Выдающийся писатель добавляет: «Но независимо от того, при каких обстоятельствах они были созданы, они пользуются значительной известностью среди индейцев: потому что около тридцати лет назад [т. е. около 1750 года] группа людей, проходящая через ту часть страны, где находится этот курган, прошла через лес прямо к нему без каких-либо указаний или расспросов и, пробыв там некоторое время с выражением лица, которое было истолковано как выражение скорби, вернулась на главную дорогу, от которой они отклонились примерно на полдюжины миль, чтобы посетить это место, и продолжила свой путь».[8] Хотя племя не названо, индейцы, вероятно, были чероки, так как в то время никакие другие южные индейцы не были привычны к обитанию в этой местности. В подтверждение этого мнения мы имеем заявление видного вождя чероки, сделанное Скулкрафту в 1846 году, что согласно их традиции его народ ранее жил в Пиках Оттера, в Вирджинии, известной достопримечательности горы Блу-Ридж, недалеко от места, где река Стаунтон прорывается через горы.[9]

Тщательно проанализировав имеющиеся данные, Хейвуд приходит к выводу, что создатели древнейших памятников в Теннесси расселились по этой области с юга и юго-запада в очень ранний период, но что более поздние заселенцы, чероки, пришли сюда с севера и северо-востока в относительно недавнее время, захватив и истребив коренное население. Он заявляет, что, по-видимому, установлен исторический факт, что чероки проникли в эту страну из Вирджинии, основав временные поселения на реке Нью и в верховьях реки Холстон, пока под постоянным давлением врагов с севера они не были вынуждены снова переселиться дальше на юг, обосновавшись на реке Литл Теннесси, в месте, которое впоследствии стало известно как средние города. Один из ведущих представителей смешанной крови племени сообщил ему, что они основали свои первые поселения на территории своего современного дома на реке Ноличаки и что, прожив там в течение длительного периода, они не могли дать точного описания более раннего местоположения. Эчота, их столица и город мира, «претендовала на звание старшего брата в нации», и эта претензия была общепризнанной.[10] В подтверждение утверждения о раннем заселении верхней части региона Холстон можно отметить, что «Ватауга Олд Филдс», ныне Элизабеттаун, были названы так потому, что когда в 1769 году там было основано первое белое поселение на территории современного штата Теннесси, на низинных землях были обнаружены могилы и другие многочисленные древние остатки бывшего индейского поселения, которое, согласно преданию, принадлежало чероки, чьи ближайшие поселения тогда находились за много миль к югу.

Хотя чероки утверждали, что построили курганы в верхней части реки Огайо ( ), они, по словам Хейвуда, явно отрицали авторство очень многочисленных курганов и петроглифов на своей более поздней территории проживания, утверждая, что эти древние сооружения имели тот же вид, когда они сами впервые заселили этот регион.[11] Это согласуется с утверждением Бартрама о том, что чероки, хотя и использовали иногда курганы в качестве мест для своих городских домов, были так же невежественны, как и белые, в отношении их происхождения или назначения, имея только общее предание о том, что их предки нашли их в почти таком же состоянии, когда впервые прибыли в эту страну.[12]

Хотя, как уже отмечалось, Хейвуд высказывает мнение, что вторгшиеся чероки захватили и истребили прежних жителей, в другом месте он, опираясь на свидетельства метисов, говорит, что новоприбывшие не нашли индейцев на водах Теннесси, за исключением некоторых криков, живших на этой реке, недалеко от устья Хивасси, причем основная часть этого племени была поселена на юге и претендовала на все реки в этом направлении.[13] Существует множество свидетельств того, что крики предшествовали чероки, и в течение последнего столетия они по-прежнему считали Теннесси, или, по крайней мере, водораздел Теннесси, своей северной границей.

Существует смутное, но стойкое предание о странной белой расе, предшествовавшей чероки, а в некоторых рассказах даже указывается место их прежних поселений и утверждается, что они являются авторами древних произведений, найденных в этой стране. Самым ранним упоминанием об этом, по-видимому, является высказывание Бартона в 1797 году, основанное на заявлении одного джентльмена, которого он цитирует как авторитетного знатока южных племен. «Чероки рассказывают нам, что когда они впервые прибыли в страну, которую они населяют, они обнаружили, что она была занята неким «людьми с лунными глазами», которые не могли видеть днем. Этих несчастных они изгнали». Он, по-видимому, считает их расой альбиносов.[14] Двадцать шесть лет спустя Хейвуд сообщает, что вторгшиеся чероки обнаружили «белых людей» у истоков реки Литл-Теннесси, с фортами, простирающимися оттуда вниз по Теннесси до ручья Чикамауга. Он указывает местонахождение трех из этих фортов. Чероки вступили с ними в войну и изгнали их к устью ручья Биг-Чикамауга, где они заключили договор и согласились уйти, если им будет позволено уйти мирно. Получив разрешение, они покинули эту землю. В другом месте он говорит об этой искорененной белой расе, которая, согласно совпадающим преданиям разных племен, распространилась на Кентукки и, вероятно, также на западную часть Теннесси. Он описывает их дома, на основании каких данных — не указано, — как небольшие круглые постройки из вертикальных бревен, покрытые землей, выкопанной изнутри.[15]



JULIUS BIEN & CO. LITH. N.Y.

СТРАНА ЧЕРОКИ

ДЖЕЙМС МУНИ

1900

Гарри Смит, метис, родившийся около 1815 года, отец покойного вождя восточных чероки, рассказал автору, что в детстве старая женщина рассказала ему легенду о расе очень маленьких людей, совершенно белых, которые когда-то пришли и некоторое время жили на месте древнего кургана на северной стороне Хивасси, у устья ручья Пичтри, в нескольких милях выше нынешнего Мерфи, Северная Каролина. Позже они переселились на запад. Полковник Томас, белый вождь восточных чероки, родившийся примерно в начале века, также слышал предание о другой расе людей, которые жили на Хивасси, напротив нынешнего Мерфи, и предупреждали чероки, что они не должны пытаться перейти на южную сторону реки, иначе большая пиявка в воде проглотит их. [16] В конце концов они ушли на запад, «задолго до прихода белых». Эти две истории явно одинаковы, хотя и рассказываются независимо друг от друга и за много миль друг от друга.

Период испанских исследований — 1540–?

Определенная история чероки начинается с 1540 года, когда мы видим, что они уже обосновались там, где их всегда знали впоследствии, — в горах Каролины и Джорджии. Первые испанские авантюристы не смогли проникнуть так далеко вглубь страны, и первым, кто вступил на их территорию, был Де Сото, продвигавшийся вверх по Саванне в своем безуспешном поиске золота в мае того же года.

Находясь в Кофитачики, важном индейском городе в нижней части Саванны, управляемом «королевой», испанцы нашли топоры и другие предметы из меди, некоторые из которых были более светлого цвета и, по-видимому, содержали примесь золота, хотя у них не было средств для проверки этого.[17] На их вопрос им ответили, что металл был привезен из внутренней горной провинции под названием Чиска, но эта местность, как им сказали, была малонаселенной, а дорога туда была непроходимой для лошадей. Некоторое время назад, продвигаясь через восточную Джорджию, они также слышали о богатой и плодородной провинции под названием Коса, расположенной к северо-западу, и теперь жители Кофитачики рассказали им, что Чиаха, ближайший город провинции Коса, находится в двенадцати днях пути вглубь материка. Поскольку и люди, и животные были уже почти измождены голодом и тяжелым путешествием, а индейцы не могли или не хотели предоставить им достаточное количество провианта, Де Сото решил не пытаться пересечь горы в тот момент, а сразу направиться в Косу, чтобы там отдохнуть и восстановить силы перед продолжением исследования. В то же время он надеялся получить более точную информацию о рудниках. Поскольку главной целью экспедиции было открытие рудников, многие офицеры считали это изменение плана ошибкой и предпочитали остаться на месте до созревания нового урожая, а затем сразу отправиться в горы, но поскольку генерал был «суровым человеком и немногословным», никто не осмелился противостоять его решению.[18] Провинция Коса была территорией индейцев криков, называемых чероки Ани-Куса, от Куса или Коса, их древней столицы, а Чиаха была тождественна Чехау, одному из главных городов криков на реке Чаттахучи. Кофитачики, возможно, был столицей индейцев учи.

Возмутительное поведение испанцев так разгневало индейскую королеву, что она отказалась предоставить проводников и носильщиков, после чего Де Сото взял ее в плен, с намерением заставить ее самой выступать в качестве проводника и одновременно использовать ее в качестве заложницы, чтобы обеспечить послушание ее подданных. Однако вместо того, чтобы вести испанцев по прямой тропе на запад, она увела их далеко от их курса, пока наконец не сумела сбежать, оставив их искать выход из гор, как могут.

Выйдя из Кофитачики, они сначала повернули на север, проходя через несколько городов, подчиненных королеве, которой, несмотря на то что она была пленницей, индейцы повсюду оказывали большое уважение и повиновение, предоставляя любую помощь, которую испанцы заставляли ее требовать для своих целей. Через несколько дней они прибыли в «провинцию под названием Чалаке», территорию индейцев чероки, вероятно, на берегах реки Кеоуи, восточного притока Саванны. Она описывается как самая бедная страна для выращивания кукурузы, которую они видели до сих пор, жители которой питались дикими корнями и травами, а также дичью, которую они убивали с помощью луков и стрел. Они были голые, худые и невоинственные. Страна изобиловала дикими индейками («галлинас»), которые люди очень щедро дарили незнакомцам, один город подарил им семьсот штук. Вождь также подарил Де Сото две оленьи шкуры в качестве великолепного подарка.[19] Гарсиласо, опираясь на свидетельство старого солдата почти пятьдесят лет спустя, пишет, что «чалаки» покинули свои города при приближении

белых людей и бежали в горы, оставив после себя только стариков и старух и некоторых почти слепых.[20] Хотя было еще слишком рано для нового урожая, бедность людей, возможно, была скорее кажущейся, чем реальной, из-за их нежелания отдавать часть своих запасов продовольствия нежеланным пришельцам. Поскольку испанцы очень нуждались в кукурузе для себя и своих лошадей, они не задержались, а поспешили дальше. Через несколько дней они прибыли в Гуакили, о котором упоминает только Ранхель, не уточняя, был ли это город или провинция, то есть территория племени. Вероятно, это был небольшой город. Здесь их встретили дружелюбно, индейцы дали им немного кукурузы и много диких индюков, а также несколько собак необычной маленькой породы, которых разводили для еды и которые не лаяли.[21] Им также предоставили людей, чтобы помочь нести багаж. Название Гуакили имеет черокий звук и может быть связано со *словами wa'gulĭ'*, «свистунок», *uwâ'gi'lĭ*, «пена», или *gi'lĭ*, «собака».

Продолжая путь на север, через день или два они прибыли в провинцию Xuala, которую мы узнаем как территорию индейцев Suwali, Sara или Cheraw, расположенную в предгорьях у истоков реки Broad в Северной Каролине. Гарсиласо, который не видел ее, описывает ее как богатую страну, в то время как Эльвас и Биедма сходятся во мнении, что это была суровая, изрезанная страна, малонаселенная и бедная продовольствием. По словам Гарсиласо, она находилась под властью королевы Кофитачики, хотя и была отдельной провинцией.[22] Главный город находился рядом с небольшим быстрым потоком, у подножия горы. Вождь принял их дружелюбно, подарив им кукурузу, собак той же породы, что и упомянутые ранее, несущих корзины, и носильщиков. Окрестности страны давали больше признаков наличия золотых приисков, чем все, что они видели до сих пор.[21]

Здесь Де Сото повернул на запад, пересек очень высокий горный хребет, который, по-видимому, был голубым хребтом, и спустился с другой стороны к ручью, текущему в противоположном направлении, который, вероятно, был одним из верхних притоков реки Френч-Брод.[23] Хотя было уже конец мая, в горах было очень холодно.[24] После нескольких дней такого путешествия они прибыли, примерно в конце месяца, в город Гуасили, или Гуаксуле. Вождь и главные люди вышли на некоторое расстояние, чтобы приветствовать их, одетые в прекрасные одежды из кожи, с головными уборами из перьев, по моде этой страны. До того, как они достигли этого места, королева сумела сбежать вместе с тремя рабами испанцев, и последнее, что о ней было известно, — это то, что она возвращалась в свою страну с одним из беглецов в качестве мужа. Больше всего Де Сото огорчало то, что она унесла с собой маленькую шкатулку с жемчугом, которую он намеревался отобрать у нее перед освобождением, но оставил ей на время, чтобы «не вызвать у нее полного недовольства».[25]

Гуаксуле описывается как очень большой город, окруженный множеством небольших горных ручьев, которые объединялись, образуя большую реку, по которой испанцы и направились после того, как покинули это место.[26] Здесь, как и в других местах, индейцы встретили белых людей с добротой и гостеприимством — настолько, что название Гуаксуле стало для армии синонимом удачи.[27] Среди прочего они дали испанцам 300 собак на пропитание, хотя, согласно рассказу Эльваса, сами индейцы их не ели.[28] Главные офицеры экспедиции были размещены в «доме вождя», под которым мы должны понимать городской дом, который находился на высоком холме с дорогой, ведущей на вершину.[29] Из тщательного изучения повествования следует, что этот «холм» был не чем иным, как великим курганом Накучи в округе Уайт, штат Джорджия, в нескольких милях к северо-западу от нынешнего Кларксвилля.[30] Он находился на территории чероки, и город, вероятно, был поселением этого племени. Отсюда Де Сото послал гонцов вперед, чтобы уведомить вождя Чиахи о своем приближении, с тем чтобы к его прибытию было приготовлено достаточное количество кукурузы.

Покинув Гуаксуле, они продолжили путь вниз по реке, которую мы идентифицируем как Чаттахучи, и через два дня прибыли в Канасогу, или Канасагуа, пограничный город чероки. Когда они приблизились к городу, их встретили индейцы, несущие корзины с «шелковицей».[31] , скорее всего, это была вкусная ива южных гор, которая созревает в начале лета, в то время как шелковица созревает позже.

Отсюда они продолжили путь вниз по реке, которая становилась все шире, через незаселенную местность, которая составляла спорную территорию между чероки и криками. Примерно через пять дней после отправления из Канасагуа их встретили посланцы, которые сопроводили их в Чиаха, первый город провинции Коса. Де Сото пересек штат Джорджия, оставив за собой землю чероки, и теперь находился среди нижних криков, в окрестностях современного Колумбуса, штат Джорджия.[32] Его последующими странствиями после пересечения Чаттахучи в Алабаму и далее нам не нужно заниматься (8).

Во время отдыха в Чиаха Де Сото встретился с вождем, который подтвердил то, что испанцы слышали ранее о рудниках в провинции Чиска, сказав, что там «плавят медь» и другой металл примерно того же цвета, но более мягкий и поэтому не так широко используемый.[33] Провинция находилась к северу от Чиаха, где-то в верхней части Джорджии или в прилегающей части Алабамы или Теннесси, на всей территории которых в горных районах добывают природную медь. Другой минерал, который испанцы приняли за золото, мог быть пиритом, хотя есть некоторые свидетельства того, что индейцы иногда находили и обрабатывали золотые самородки.[32]

Соответственно, двух солдат отправили пешком с индейскими проводниками, чтобы найти Чиску и выяснить правду об этих рассказах. Они присоединились к армии через некоторое время после возобновления марша и сообщили , , согласно летописцу Эльвасу, что их проводники провели их через страну, настолько бедную кукурузой, настолько суровую и с такими высокими горами, что армии было бы невозможно следовать за ними, поэтому, поскольку путь становился длинным и затяжным, они повернули назад, достигнув небольшого бедного городка, где не увидели ничего, что могло бы принести какую-либо пользу. Они привезли с собой обработанную шкуру буйвола, которую им дали местные индейцы, первую, когда-либо добытую белыми людьми, и описанную в старинной хронике как «шкура быка, тонкая как кожа теленка, с шерстью, похожей на мягкую шерсть между грубой и тонкой шерстью овец».[34]

Восторженное повествование Гарсиласо создает несколько иное впечатление. По словам этого автора, разведчики вернулись полные энтузиазма по поводу плодородия этой страны и сообщили, что в рудниках добывают медь высокого качества, а также есть признаки наличия золота и серебра, в то время как их путь от одного городка к другому был непрерывной чередой пиров и индейского гостеприимства.[35] Как бы то ни было, Де Сото не предпринял дальнейших попыток добраться до рудников чероки, а продолжил свой путь на запад через страну криков, проведя в горной местности в общей сложности месяц.

В течение двадцати шести лет не было никаких упоминаний о повторных попытках проникнуть в страну чероки (9). В 1561 году испанцы официально взяли под свой контроль залив Санта-Элена, ныне Сент-Хелена, недалеко от Порт-Рояла, на побережье Южной Каролины. В следующем году французы предприняли неудачную попытку основать поселение в том же месте, а в 1566 году Менендес закрепил испанское владение, построив там форт, который он назвал Сан-Фелипе.[36] В ноябре того же года капитан Хуан Пардо был отправлен с отрядом из форта для исследования внутренних районов. В сопровождении вождя «Хуады» (который, судя по рассказу Вандеры, должен быть «Хоара», т. е. индейцев сара, уже упомянутых в хронике Де Сото), он продвинулся до территории этого племени, где построил форт, но из-за снега в горах счел нецелесообразным

идти дальше и вернулся, оставив сержанта с тридцатью солдатами для охраны поста. Вскоре после своего возвращения он получил письмо от сержанта, в котором тот сообщал, что вождь Чиски — богатой горнодобывающей страны, о которой слышал Де Сото, — был очень враждебен к испанцам и что в недавнем сражении последние убили тысячу его индейцев и сожгли пятьдесят домов, практически не понеся ущерба самим. Либо сержант, либо его летописец были беззастенчивыми лжецами, поскольку утверждалось, что все это было сделано всего лишь пятнадцатью людьми. Сразу после этого, согласно той же истории, сержант с двадцатью людьми прошел примерно дневной путь в горах против другого враждебного вождя, которого он нашел в крепко укрепленном городе, который после тяжелого сражения он и его люди штурмовали и сожгли, убив полторы тысячи индейцев, не потеряв ни одного человека. По указанию своего вышестоящего офицера сержант со своей небольшой группой отправился исследовать, что находится за городом, и, выбрав дорогу, которая, как им сказали, вела к территории великого вождя, после четырех дней тяжелого марша они прибыли в его город, называвшийся Чиаха (Чича, по ошибке в рукописном переводе), тот же, где отдыхал Де Сото. В это время он описывается как укрепленный частоколом и сильно укрепленный, с глубокой рекой по обеим сторонам, и защищаемый более чем тремя тысячами воинов, среди которых не было ни женщин, ни детей. Возможно, что, учитывая свой предыдущий опыт общения с испанцами, индейцы отправили свои семьи подальше от города, а в то же время, возможно, они призвали воинов из соседних городов криков, чтобы быть готовыми к любой чрезвычайной ситуации. Однако, как и раньше, они приняли белых людей с величайшей добротой, и испанцы в течение двенадцати дней продолжали путь по территории того же племени, пока не прибыли в главный город (Куса?), где по приглашению вождя они построили небольшой форт и ждали прибытия Пардо, который, как ожидалось, должен был последовать с более крупными силами из Санта-Элены, что он и сделал летом 1567 года, встретившись по прибытии с проявлениями гостеприимства со стороны вождей криков. Этот второй форт, как говорили, находился в ста сорока лигах от форта в стране Сара, который, в свою очередь, находился в ста двадцати лигах от Санта-Элены.[37]

Летом 1567 года, согласно предварительной договоренности, капитан Пардо покинул форт в Санта-Элене с небольшим отрядом солдат и после недельного путешествия, ночуя каждую ночь в разных индейских поселениях, прибыл в «Канос, который индейцы называют Каноси, а также под другим названием Кофетакке» (Кофитачики из хроники Де Сото), который, как описывается, расположен в благоприятном месте для большого города, в пятидесяти лигах от Санта-Элены, до которого проще всего добраться по реке (Саванна), протекающей мимо города, или по другой реке, которую они миновали десять лиг назад. Продолжая путь, они прошли Ягая, Геза и Араучи и прибыли в Отариятики, или Отари, в котором, возможно, мы имеем чероки *â'tărĭ* или *â'tălĭ*, «гора». Возможно, это было пограничное поселение чероки, и, согласно старому летописцу, его вождь и язык правили большой и хорошей страной. Отсюда тропа вела на север к Гуатари, Сокса, и Уси, т. е. к Ватери, Вакшоу (или Сиссипау?) и Ашерри или Катауба.

Покинув Отариятики, они направились в Кинахаки, а затем, повернув налево, в Иссу, где нашли рудники кристаллов (слюды?). Затем они прибыли в Агуакири (Гуакили из хроники Де Сото), а затем в Джоару, «рядом с горой, куда Хуан Пардо прибыл со своим сержантом во время своего первого путешествия». Как уже отмечалось, это был Шуала из хроники Де Сото, территория индейцев сара, расположенная у подножия горы Блу-Ридж, к юго-востоку от современного города Эшвилл в Северной Каролине. Вандера указывает расстояние в сто лиг от Санта-Элены, а Мартинес, уже цитированный выше, — сто двадцать лиг. Разница не важна, так как оба утверждения были лишь приблизительными оценками. Оттуда они следовали «вдоль гор» до Токакса (Токсауэй?), Каучи (Накучи?) и Танаски — по-видимому, городов чероки, хотя формы не могут быть идентифицированы — и после трехдневного отдыха в последнем из названных мест отправились «в Соламеко, иначе называемое Чиаха», где сержант встретил их. Объединенные

силы затем прошли через Косса (Куса), Таскики (Таскиги) и другие города криков до Таскалузы в Алабаме и оттуда вернулись в Санта-Элену, по-видимому, встретив повсюду по пути дружеский прием. От Кофитачики до Таскалузы они шли примерно по той же дороге, по которой в 1540 году прошел Де Сото.[38]

Теперь мы подошли к большому пробелу, длиной почти в столетие. Ши имеет сведения об испанской миссии, основанной среди чероки в 1643 году и все еще процветавшей, когда ее посетил английский путешественник десять лет спустя ,[39] , но поскольку его информация полностью почерпнута из фальшивой работы Дэвиса, а Барсия ни в одном из этих лет не упоминает о такой миссии, мы можем считать эту историю ложной (10). Первой миссионерской деятельностью в племени, по-видимому, была деятельность Прибера, почти сто лет спустя. Однако задолго до конца XVI века существование рудников золота и других металлов на территории чероки было общеизвестным фактом среди испанцев в Сент-Огастине и Санта-Элене, и было организовано более одной экспедиции для исследования внутренних районов.[40] Многочисленные следы древних горных работ, остатки старых шахт и укреплений, очевидно европейского происхождения, свидетельствуют о том, что эти открытия имели продолжение, хотя политика Испании скрывала этот факт от внешнего мира. Насколько сильное впечатление произвели на чероки эти ранние контакты с испанцами, оценить невозможно, но оно, должно быть, было значительным (11).

Колониальный и революционный период — 1654–1784

Только в 1654 году англичане впервые вступили в контакт с чероки, которые в записях того периода называются «речахекрианами» — искаженным вариантом слова «рикахокан», по-видимому, того имени, под которым они были известны племенам поухатан. В том году колония Вирджиния, которая только недавно завершила долгую и уничтожительную войну с Поухатанами, была встревожена новостью о том, что большая группа из шести или семи сотен индейцев Rechahecrian ( ) — вероятно, имеется в виду количество воинов — из гор вторглась в низины и обосновалась у водопадов реки Джеймс, где сейчас находится город Ричмонд. Ассамблея немедленно приняла постановление, «что этим вновь прибывшим индейцам ни в коем случае не будет позволено поселиться там или в любом другом месте поблизости от нас, поскольку столько крови было пролито, чтобы изгнать и истребить тех вероломных и коварных индейцев, которые жили там ранее». Поэтому было приказано немедленно отправить против них отряд из не менее 100 белых мужчин, к которому должны были присоединиться воины всех соседних подчиненных племен в соответствии с договорными обязательствами. Вождь памунки с сотней своих людей откликнулся на призыв, и объединенные силы выступили против захватчиков. Результатом стала кровопролитная битва с катастрофическим исходом для виргинцев: вождь памунки и большинство его людей были убиты, а белые были вынуждены заключить с речахекрианцами такой мир, что собрание уволило командующего экспедицией и заставило его оплатить всю стоимость договора из своего собственного состояния.[41] Из-за несовершенства вирджинских архивов мы не имеем возможности узнать причины внезапного вторжения или то, как долго захватчики удерживали свои позиции у водопадов. По всей вероятности, это было лишь последнее из длинной серии незарегистрированных вторжений горцев на более мирных жителей низменностей. Из замечания Ледерера следует, что чероки, вероятно, помогали также некоторые из племен предгорий, враждебных поухатанам. Пики Оттера, вблизи которых, как уже отмечалось, чероки утверждают, что когда-то жили, находятся всего в ста милях по прямой от Ричмонда, а упомянутые Джефферсоном погребальные курганы и местоположение города вблизи Шарлоттсвилля находятся всего в половине этого расстояния.

В 1655 году экспедиция из Вирджинии, отправленная от водопадов реки Джеймс (Ричмонд), пересекла горы и достигла крупных рек, впадающих в Миссисипи. Подробности не известны, и маршрут экспедиции остается неопределенным, но независимо от того, встречали ли они индейцев, они должны были пройти через территорию чероки.[42]

В 1670 году немецкий путешественник Джон Ледерер отправился от водопада на реке Джеймс в страну катавба в Южной Каролине, следуя большую часть пути по маршруту, используемому торговцами из Вирджинии, которые уже имели регулярные связи с южными племенами, в том числе, вероятно, с чероки. В нескольких местах он упоминает о рикахоканах, что, по-видимому, является более правильной формой, чем «речахекрианы», и в своем повествовании и прилагаемой карте он помещает их в горах Северной Каролины, за катавбами и сара, к югу от истоков реки Роанок. Они, по-видимому, находились в враждебных отношениях с племенами на востоке, и когда путешественник остановился в индейской деревне на реке Дан, примерно в районе современного Кларксвилля, штат Вирджиния, делегация Рикахокан, прибывшая по делам племени, была жестоко убита во время танца, устроенного в ночь их прибытия их вероломными хозяевами. Добравшись до страны катавба, он услышал о белых людях на юге и вскользь упоминает, что соседние горы испанцы называли горами Суала.[43] В следующем году, 1671, группа из Вирджинии под руководством Томаса Баттса исследовала северное ответвление реки Роанок и пересекла голубой хребет к истокам реки Нью, где они обнаружили следы проживания, но не индейцев. К этому времени все племена этой области, расположенной к востоку от гор, были вооружены огнестрельным оружием.[44]

Первое постоянное английское поселение в Южной Каролине было основано в 1670 году. В 1690 году Джеймс Мур, секретарь колонии, совершил исследовательскую экспедицию в горы и достиг

точки, в которой, по словам его индейских проводников, он находился в двадцати милях от места, где испанцы из Кабальер-де-ла-Крус-де-Альмас ( ) занимались добычей и плавкой руды с помощью мехов и печей, но из-за некоторого недоразумения он вернулся, не посетив это место, хотя и добыл образцы руды, которые отправил в Англию для анализа.[45] Возможно, это было в окрестностях современного Линкольнтона, Северная Каролина, где недавно были обнаружены плотина из тесаного камня и другие остатки прежнего цивилизованного поселения (11). В этом же году Корнелиус Догерти, ирландец из Вирджинии, стал первым торговцем среди чероки, с которыми он прожил остаток своей жизни.[46] Некоторые из его потомков до сих пор занимают почетные должности в племени.

Среди рукописных архивов Южной Каролины, как говорили, около пятидесяти лет назад находился договор или соглашение, заключенное с правительством этой колонии чероки в 1684 году и подписанное иероглифами восьми вождей нижних городов, а именно: Корани, Ворона (Kâʼlanû); Синнава, Ястреба (Tlăʼnuwă); Неллаугитехи, Горхалеке и Оваста, все из Токсавы; а также Канакаут, великий чародей, Гохома и Каунасаита из Кеовы. Если он все еще существует, то это, вероятно, самый старый из известных договоров чероки.[47]

Следующее упоминание о чероки в архивах Южной Каролины относится, по-видимому, к 1691 году, когда было распоряжено провести расследование по поводу сообщения о том, что некоторые колонисты «без объявления войны напали и убили» нескольких представителей этого племени.[48]

В 1693 году некоторые вожди чероки отправились в Чарльстон с подарками для губернатора и предложениями о дружбе, чтобы попросить Южную Каролину о защите от своих врагов — эсау (катавба), саванна (шавано), и конгари, всех из этой колонии, которые вели против них войну и продали в рабство ряд членов их племени. Им ответили, что их соплеменников теперь невозможно вернуть, но что англичане желают дружбы с их племенем и что правительство позаботится о том, чтобы в будущем не было поводов для подобных жалоб.[49] По-видимому, обещание не было выполнено, поскольку в 1705 году мы находим резкое обвинение в адрес губернатора Южной Каролины Мура в том, что он дал поручение ряду лиц «нападать, убивать, уничтожать и брать в плен как можно больше индейцев», а пленников продавать в рабство для своей и их личной выгоды. Утверждалось, что таким образом он «уже почти полностью разрушил торговлю шкурами и мехом, благодаря которой мы поддерживали наши основные связи с Англией, и превратил ее в торговлю индейцами или работорговлю, в результате чего индейцы к югу и западу от нас уже вовлечены в кровопролитие и хаос». Обвинение заканчивается предупреждением, что такие условия, по всей вероятности, приведут к индейской войне с всеми ее ужасными последствиями.[50] Учитывая то, что произошло несколько лет спустя, это читается как пророчество.

Около 1700 года первые ружья были введены в оборот среди чероки, и это событие традиционно считается произошедшим в девичьем возрасте старой женщины из племени, умершей около 1775 года.[51] В 1708 году мы находим их описанными как многочисленный народ, живущий в горах к северо-западу от поселений Чарльстона и имеющий шестьдесят городов, но не имеющий большого значения в индейской торговле, будучи «простыми охотниками и еще меньшими воинами».[52]

В войне с тускарора в 1711–1713 годах, которая привела к изгнанию этого племени из Северной Каролины, более тысячи южных индейцев подкрепили добровольцев Южной Каролины, среди них было более двухсот чероки, наследственных врагов тускарора. Хотя эти индейские союзники хорошо справились со своей задачей в ходе боевых действий, их помощь была сомнительной пользой, поскольку они свободно брали все, что хотели, по пути, так что поселенцы имели основания бояться их почти так же, как и враждебных тускарора. После того, как они пытали

большое количество пленных в обычной для них жестокой манере, они вернулись с остальными, которых впоследствии продали в рабство в Южную Каролину.[53]

Покончив со старыми счетами с тускарора, бывшие союзники англичан приступили к обсуждению своих собственных претензий, которые, как мы видели, были достаточно серьезными. Результатом стало объединение против белых, охватившее все племена от Кейп-Фир до Чаттахучи, включая чероки, которые таким образом впервые подняли руку на англичан. Война началась с ужасной резни, устроенной ямасси в апреле 1715 года, за которой последовали нападения по всей границе, в результате чего в течение некоторого времени существовали серьезные опасения, что колония Южная Каролина будет полностью уничтожена. Однако в борьбе между дикостью и цивилизацией конечный результат неизбежен. Поселенцы наконец собрали все свои силы под командованием губернатора Крейвена и нанесли ямаси таким сокрушительным ударом, что оставшиеся в живых покинули свою страну и укрылись у испанцев во Флориде или среди нижних криков. Затем англичане быстро разобрались с меньшими племенами вдоль побережья, а те, что жили в глубине страны, вскоре с радостью просили о мире.[54]

Несколько вождей чероки прибыли в Чарльстон в сопровождении торговца, чтобы выразить свое желание заключить мир. Зимой 1715–16 годов отряд из нескольких сотен белых солдат и нескольких негров под командованием полковника Мориса Мура поднялся по реке Саванна и разбил штаб среди нижних чероки, где их встретили вожди нижних и некоторых западных городов, которые вновь подтвердили свое желание заключить прочный мир с англичанами, но отказались сражаться против ямаси, хотя были готовы выступить против некоторых других племен. Они возложили вину за большинство бедствий на торговцев, которые «в последнее время очень плохо с ними обращались». Отряд под командованием полковника Джорджа Чикена, отправленный к верхним чероки, проник в «Кунеаши» (Тланусий, на Хивасси, примерно в районе современного Мерфи), где они обнаружили, что вожди были более вызывающими, решили продолжить войну против криков, с которыми англичане тогда пытались заключить мир, и требовали большие поставки оружия и боеприпасов, говоря, что если они заключат мир с другими племенами, у них не будет средств для приобретения рабов, с помощью которых они могли бы покупать боеприпасы для себя. В то время они насчитывали 2370 воинов, половина из которых, как полагали, имела оружие. Поскольку сила всего народа была гораздо больше, эта оценка, возможно, относилась только к верхним и средним чероки. После «многочисленных уговоров» со стороны офицеров они наконец «сказали нам, что снова доверят нам», и было достигнуто соглашение о предоставлении им двухсот ружей с запасом боеприпасов, а также пятидесяти белых солдат, чтобы помочь им в борьбе с племенами, с которыми англичане все еще воевали. В марте 1716 года эта сила была увеличена на сто человек. Отряд под командованием полковника Чикена вернулся через города в верхней части Малого Теннесси, проникнув таким образом в самое сердце страны чероки.[55]

Теперь были предприняты шаги для обеспечения мира путем введения удовлетворительной торговой системы, для чего за счет государственных средств Южной Каролины было закуплено большое количество подходящих товаров, и соответствующая большая группа была снаряжена для первоначальной поездки.[56] В 1721 году, чтобы еще больше систематизировать дела индейцев, губернатор Южной Каролины Николсон пригласил вождей чероки на конференцию, на которой были представлены тридцать семь городов. Был заключен договор, который регулировал методы торговли, согласовывал границу между их территорией и английскими поселениями и назначал агента для надзора за их делами. По предложению губернатора один вождь по имени Вросетасатов (?)[57] был официально назначен верховным главой нации с полномочиями наказывать за все преступления, включая убийства, и представлять все требования чероки перед колониальным правительством. Таким образом, чероки были низведены с прежнего положения свободного народа, кочующего по своему усмотрению, до положения зависимых вассалов с границами,

установленными колониальным губернатором. Переговоры сопровождались уступкой земель, первой в истории племени. Чуть более чем через столетие после этого они уступили всю свою первоначальную территорию.[58]

В уже цитированном документе 1716 года численность чероки в то время оценивается в 2370 воинов, но в эту оценку, по-видимому, не были включены нижние чероки. В 1715 году, согласно торговой переписи, составленной губернатором Джонсоном из Южной Каролины, племя имело тридцать городов с 4000 воинов и общей численностью населения 11 210 человек.[59] Другая перепись 1721 года дает им пятьдесят три города с 3510 воинами и общим населением 10 379 человек,[60] в то время как отчет торговой палаты за тот же год дает им 3800 воинов,[61] что в той же пропорции соответствует почти 12 000 человек. Адаир, авторитетный эксперт в таких вопросах, оценивает, что около 1735 года, когда страна была лучше известна, у них было «шестьдесят четыре города и деревни, густонаселенные и полные детей», с более чем 6000 воинов,[62] что по той же схеме расчета соответствует от 16 000 до 17 000 душ. Из того, что мы знаем о них в более позднее время, можно предположить, что последняя оценка вполне верна.

К этому времени колониальное правительство было встревожено продвижением французов, которые в 1699 году основали свою первую постоянную колонию в штатах Персидского залива в заливе Билокси, Миссисипи, а в 1714 году построили форт Тулуза, известный англичанам как «форт в Алабаме» ( ), на реке Куса, в нескольких милях выше нынешнего Монтгомери, Алабама. Из этой центральной выгодной позиции они быстро распространили свое влияние на все соседние племена, так что к 1721 году, по оценкам, 3400 воинов, которые ранее торговали с Каролиной, были «полностью переманили на сторону французов», еще 2000 колебались, и только чероки все еще можно было считать дружественными англичанам.[63] С этого момента и до окончательного ухода французов в 1763 году объяснение наших индейских войн можно найти в борьбе двух наций за территориальное и торговое превосходство, причем индейцы были просто марионетками той или другой стороны. По своим собственным причинам чикасо, чья территория находилась в пределах признанных границ Луизианы, вскоре стали непримиримыми врагами французов, и поскольку их положение позволяло им в некоторой степени контролировать подступы к Миссисипи, правительство Каролины позаботилось о том, чтобы они были хорошо снабжены оружием и боеприпасами. Британские торговцы были во всех их городах, и однажды французские войска, наступавшие на окруженную частоколом деревню чикасо, обнаружили, что она укреплена англичанами, поднимающими британский флаг.[64] Чероки, хотя и были номинально союзниками англичан, были сильно склонны к французам, и правительству Каролины приходилось прилагать все усилия, чтобы удержать их в верности.

В 1730 году, чтобы еще больше укрепить интересы англичан среди чероки, сэр Александр Куминг был отправлен с секретной миссией к этому племени, которое вновь страдало от обид и было почти готово присоединиться к крикам в союзе с французами. Прибыв в древний город Неквасси (Nĭkwăsĭ′, нынешний Франклин, Северная Каролина), он настолько впечатлил вождей своей смелой манерой поведения, что они без вопросов согласились на все его требования, подчинив себя и свой народ во второй раз английскому господству и назначив Мойтоя (Moytoy,[65] из Теллико) своим «императором» и представителем нации во всех сделках с белыми. Семь вождей были выбраны для посещения Англии, где в дворце Уайтхолл они торжественно возобновили договор, признав суверенитет Англии и обязуясь не вступать в торговые отношения или союзы с другими народами, не позволять другим белым людям селиться среди них и выдавать всех беглых рабов, которые могут искать у них убежища. В подтверждение своих слов они передали «корону», пять орлиных хвостов и четыре скальпа, которые привезли с собой. В ответ они получили обычные блестящие обещания любви и вечной дружбы, а также значительное количество оружия, боеприпасов и красной краски. Договор был заключен в сентябре, и они отплыли на корабле в

Каролину, куда, как сообщает губернатор, прибыли «в добром здравии и чрезвычайно довольные щедростью Его Величества по отношению к ним».[66]

В следующем году были предприняты некоторые действия по использованию чероки и катавба для подавления непокорных остатков тускарора в Северной Каролине, но когда выяснилось, что это может вызвать гнев ирокезов на поселения Каролины, вместо этого были использованы более мирные методы.[67]

В 1738 или 1739 году оспа, завезенная в Каролину на работорговых кораблях, разразилась среди чероки с такими ужасными последствиями, что, по словам Адаира, почти половина племени была уничтожена в течение года. Ужасная смертность была в значительной степени обусловлена тем, что, поскольку для индейцев это была новая и странная болезнь, у них не было надлежащих средств против нее, и поэтому они прибегали к универсальному индейскому панацее от «сильных» болезней почти любого рода, а именно к холодным ваннам в проточной реке, что было худшим лечением, которое только можно было придумать. По мере того как чума распространялась из города в город, отчаяние охватило весь народ. Священники, считая это бедствие наказанием за нарушение древних заповедей, выбросили свои священные атрибуты как вещи, утратившие свою защитную силу. Сотни воинов покончили с собой, увидев свои ужасные увечья. «Некоторые застрелились, другие перерезали себе горло, некоторые закололи себя ножами, а другие — острыми тростями; многие в мрачном безумии бросались в огонь и там медленно умирали, как будто они были полностью лишены врожденной способности чувствовать боль».[68] Другой авторитетный источник оценивает их потери в тысячу воинов, частично от оспы, частично от рома, привезенного торговцами.[69]

Около 1740 года чероки проложили торговый путь для всадников от нового поселения Аугуста в Джорджии до своих городов на верховьях реки Саванна и оттуда на запад. Эта дорога, которая шла по южному берегу реки, вскоре стала очень оживленной.[69] До этого времени большая часть торговых товаров перевозилась на спинах индейцев. В том же году группа чероки под командованием вождя Калану «Ворона» приняла участие в экспедиции Оглторпа против испанцев в Сент-Огастине.[70]

В 1736 году Кристиан Прибер, который, как говорят, был иезуитом, действовавшим в интересах Франции, прибыл к чероки и, благодаря своей способности быстро осваивать язык и приспосабливаться к местной одежде и образу жизни , быстро приобрел среди них влияние. Он разработал для них план управления, основанный на европейской модели, со столицей в Грейт-Теллико, штат Теннесси, главным знахарем в качестве императора и самим Прибером в качестве секретаря императора. Под этим титулом он вел переписку с правительством Южной Каролины, пока не начали опасаться, что он в конечном итоге переманит все племя на сторону французов. Был отправлен комиссар, чтобы арестовать его, но чероки отказались выдать его, и заместитель был вынужден вернуться под охраной эскорта, предоставленного Прибером. Однако через пять лет после начала своей работы он был схвачен английскими торговцами по дороге в Форт Тулуз и доставлен в качестве пленника в Фредерику, в Джорджию, где вскоре умер в заключении. Хотя его враги представляли его как чудовище, подстрекающее индейцев к грубым аморальным поступкам, он оказался джентльменом с изысканными манерами, обширными знаниями и редким мужеством, что проявилось позже во время взрыва в казарменном складе. Помимо греческого, латинского, французского, немецкого, испанского и свободного английского, он также говорил на языке чероки, и среди его конфискованных бумаг был найден рукописный словарь этого языка, который он подготовил к публикации — первое и, возможно, до сих пор самое важное исследование этого языка. Адаир пишет: «Поскольку он был ученым человеком, обладал очень проницательным умом и имел все качества, необходимые для его смелого и сложного предприятия, не было сомнений в том, что, составляя словарь чероки, предназначенный для

публикации в Париже, он также записал многое, что было бы очень приемлемо для любознательных и полезно для представителей Южной Каролины и Джорджии, что можно легко найти в Фредерике, если рукописи имели счастье избежать разграбления военными». Он утверждал, что является иезуитом, действующим по приказу своего начальника, с целью внедрить привычки постоянного труда, цивилизованные искусства и регулярную форму правления среди южных племен с целью окончательного основания независимого индейского государства. Из всего, что можно собрать о нем, даже если это исходит от его врагов, можно с уверенностью сказать, что он был достойным членом этого прославленного ордена, чье имя было синонимом учености, преданности и мужества со времен Жога и Маркетта до Де Смета и Менгарини.[71]

До этого времени ни одно из правительств Каролины не предпринимало никакой цивилизационной или миссионерской работы среди племен, проживавших в пределах их границ. Как своеобразно выразился один писатель того времени, «дух Евангелия еще не пробудился настолько, чтобы искать их больше, чем они сами», а другой в более резких выражениях утверждает: «К позору христианского имени, никогда не предпринималось никаких усилий, чтобы обратить их в христианство; напротив, их нравы извращены и развращены печальным примером, который они ежедневно видят в лице развращенных профессоров, проживающих в их городах».[72] Читатели Лоусона и других повествований того периода почувствуют силу этого упрека.

На протяжении всего XVIII века чероки вели хронические войны со своими индейскими соседями. Поскольку эти споры мало касались белых, какими бы важными они ни были для главных участников, у нас есть лишь немногие подробности. Война с тускарора продолжалась до тех пор, пока в 1711 году последние не подняли восстание против Каролины, что дало чероки возможность объединиться и нанести удар, который вынудил тускарора покинуть свои древние дома и искать убежища на севере. Затем чероки обратили свое внимание на шавано на Камберленде и с помощью чикасо наконец изгнали их из этого региона примерно в 1715 году. Набеги на катавба, вероятно, продолжались до тех пор, пока последние не были настолько ослаблены войнами и болезнями, что стали просто зависимыми пенсионерами белых. Прежняя дружба с чикасо была окончательно разрушена из-за высокомерного поведения чероки, и последовала война, о которой мы находим случайные упоминания в 1757 году,[73] и которая закончилась решительной победой чикасо около 1768 года. Несмотря на все усилия колониальных правительств, ожесточенная война с ирокезами на крайнем севере продолжалась до тех пор, пока в том же году благодаря усилиям сэра Уильяма Джонсона (12) не был заключен официальный мирный договор.

Наследственная война с криками за владение верхней Джорджией продолжалась с короткими перерывами мира или даже союза, пока Соединенные Штаты наконец не вмешались в качестве посредника между соперничающими претендентами. В 1718 году мы находим упоминание о большой военной группе чероки, движущейся на город криков Ковета в нижней части Чаттахучи, но рассеявшейся, узнав о присутствии там некоторых французских и испанских офицеров, а также нескольких английских торговцев, все из которых были настроены на заключение союза с криками. Сами крики заявили о своей готовности заключить мир с англичанами, но при этом по-прежнему были полны решимости продолжать кровопролитную войну с чероки.[74] Наиболее важным событием в борьбе между двумя племенами, вероятно, была битва при Талива около 1755 года.[75]

К этому времени более слабые прибрежные племена практически исчезли, а более сильные племена внутренних районов начали тревожиться, видя, как беспокойные поселенцы с каждым годом все дальше продвигаются в индейские земли. Еще в 1748 году доктор Томас Уокер с группой охотников и лесорубов из Вирджинии пересек горы на юго-запад, открыв и назвав знаменитый проход Камберленд, и прошел к истокам реки Камберленд. Два года спустя он совершил вторую экспедицию и проник к реке Кентукки, но из-за проблем с индейцами тогда не

было предпринято никаких попыток создать постоянное поселение.[76] Это вторжение на их территорию вызвало естественное недовольство коренных владельцев, и мы находим доказательства в архивах Вирджинии, что безответственные поселенцы на границе редко упускали возможность убить и ограбить любого заблудившегося индейца, найденного в их окрестностях.

В 1755 году, согласно официальным данным, число воинов чероки составляло 2590 человек, тогда как за шестнадцать лет до этого, до великой эпидемии оспы, их число, вероятно, было в два раза больше. Число их соседей и давних врагов, катавба, сократилось до 240 человек.[77]

Хотя Англия официально объявила войну только в 1756 году, военные действия в семилетней борьбе между Францией и Англией, широко известной в Америке как «Франко-индейская война», начались в апреле 1754 года, когда французы захватили небольшой пост, который англичане начали строить на месте нынешнего Питтсбурга и который впоследствии был достроен французами под названием Форт-дю-Кен. Англичане приложили огромные усилия, чтобы заручиться поддержкой чероки в борьбе против французов и их индейских союзников, и были заключены договоры, по которым чероки обещали оказать помощь.[78] Однако, поскольку эти договоры предусматривали обычную уступку территории и строительство нескольких фортов в центре страны чероки, можно опасаться, что индейцы не были должным образом впечатлены бескорыстным характером этих действий. Их предпочтение французам было едва скрыто, и только сиюминутная политика помешала им бросить все свои силы на эту сторону. Причины этого предпочтения приводит Тимберлейк, молодой офицер из Вирджинии, который несколько лет спустя посетил племя с миссией примирения:

Я обнаружил, что этот народ очень привязан к французам, которые, проявляя осторожность, дружескую вежливость — что стоит недорого, но часто приносит большую пользу — и подстраиваясь под их обычаи и нравы, умиротворяют почти всех индейцев, с которыми они знакомы, в то время как гордость наших офицеров часто вызывает у них отвращение. Более того, они не стеснялись признаться мне, что только торговля побудила их заключить с нами мир, а не какое-либо предпочтение французам, которых они любили гораздо больше... Англичане теперь настолько приблизились и ежедневно все больше вторгаются в их земли, что они не только ощущают негативные последствия этого в своих охотничьих угодьях, которые были испорчены, но и имеют все основания в мире опасаться, что будут поглощены такими могущественными соседями или изгнаны из страны, населенной их отцами, в которой они родились и выросли, короче говоря, из своей родной земли, к которой все люди испытывают особую нежность и привязанность.

Он добавляет, что только крайняя необходимость заставила их заключить мир с англичанами в 1761 году.[79]

В соответствии с положениями договора форт Принц Джордж был построен в 1756 году рядом с важным городом чероки Кеоуи, расположенным в верховьях реки Саванна, а форт Лаудон — недалеко от слияния рек Теллико и Литл Теннесси, в центре городов чероки за горами.[80] По специальной договоренности с влиятельным вождем Ата-куллакулла (Ătă′-gûl′‘kălû′),[81] Форт Доббс был также построен в том же году примерно в 20 милях к западу от нынешнего Солсбери, Северная Каролина.[82]

Чероки согласились предоставить четыреста воинов для совместной борьбы против французов на севере, но еще до завершения строительства форта Лаудон стало очевидно, что они раскаялись в своем обещании, поскольку их великий совет в Эчоте приказал прекратить работы и вернуть гарнизон, ясно дав понять ответственному офицеру, что они не хотят столько белых людей среди себя. Ата-куллакулла, до сих пор считавшийся одним из самых верных друзей англичан, теперь был одним из самых решительных противников. Было также очевидно, что они находились в постоянном контакте с французами. Благодаря большому такту и аргументам их возражения были наконец преодолены на время, и они с большой неохотой приступили к набору обещанных воинов. Майор Эндрю Льюис, который руководил строительством форта, пришел к убеждению,

что чероки на самом деле были дружны с французами, и что все их заявления о дружбе и помощи были «только для прикрытия их мошенничества». Форт был наконец достроен и, по его предложению, укомплектован сильным гарнизоном из двухсот человек под командованием капитана Демере.[83] Были веские основания полагать, что некоторые грабежи, совершенные в это время на верховьях рек Катауба и Брод в Северной Каролине, были совместным делом чероки и северных индейцев.[84] Несмотря на все это, значительная часть чероки присоединилась к британским войскам на границе Вирджинии.[85]

Форт Дюкейн был взят американскими провинциалами под командованием Вашингтона 25 ноября 1758 года. Квебек был взят 13 сентября 1759 года, и окончательным мирным договором 1763 года война закончилась передачей Канады и долины Огайо короне Англии. Луизиана уже была уступлена Францией Испании.

Хотя Франция таким образом была устранена из индейской проблемы, сами индейцы из племен « » не были готовы принять это урегулирование. На севере конфедерация племен под предводительством Понтиака продолжала вести войну на свой счет до 1765 года. На юге те же чероки, которые выступали союзниками англичан против форта Дюкейн и добровольно предложили охранять границу к югу от Потомака, вернулись, чтобы поднять свое племя на сопротивление.

Непосредственной причиной беспорядков стала неудачная экспедиция, предпринятая в феврале 1756 года майором Эндрю Льюисом (тем самым, который построил форт Лаудон) с двумя сотнями солдат из Вирджинии при поддержке около ста чероки против враждебных шауно. После шести недель бесплодных блужданий по лесам, покрытым снегом, и рекам, разбухшим от дождей, в результате чего они потеряли свои припасы и боеприпасы при переправе, они были вынуждены вернуться в поселения в голодном состоянии, убив по дороге своих лошадей. Индийский контингент с самого начала был возмущен презрением и пренебрежением со стороны тех, кому они пришли на помощь. Тускарора и другие уже ушли домой, и чероки теперь начали возвращаться пешком в свою страну. Найдя несколько лошадей, бегающих на воле, они присвоили их, руководствуясь теорией, что, поскольку они потеряли своих животных, не говоря уже о том, что рисковали жизнью, служа колонистам, это был справедливый обмен. Однако поселенцы посмотрели на этот вопрос по-другому, напали на возвращающихся чероки и убили нескольких из них, по разным данным от двенадцати до сорока, в том числе нескольких их видных деятелей. По словам Адаира, они также скальпировали и изуродовали тела по дикому обычаю, к которому они привыкли в пограничных войнах, и принесли скальпы в поселения, где их представили как скальпы французских индейцев и продали по обычной цене, установленной тогда законом. Молодые воины сразу же приготовились отомстить, но были сдержаны вождями, пока не было возможно потребовать удовлетворения обычным способом, в соответствии с договорами, заключенными с колониальными правительствами. Заявление было подано поочередно в Вирджинию, Северную Каролину и Южную Каролину, но без успеха. Пока женщины по-прежнему рыдали ночами и утром по своим убитым родственникам, а крики издевались над воинами за их трусость, с которой они так спокойно подчинялись обиде, некоторые беззаконные офицеры форта Принц Джордж совершили непростительное преступление в соседнем индейском поселении, пока большинство мужчин были на охоте.[86] Воинов уже было невозможно сдерживать. Вскоре поступили известия о нападениях на задние поселения Каролины, а на другой стороне гор были убиты два солдата гарнизона форта Лаудон. Война казалась неизбежной.

В этот момент, в ноябре 1758 года, группа влиятельных вождей, сначала отдав приказ вернуться воинскому отряду, который собирался выступить из западных городов против поселений Каролины, прибыла в Чарльстон и успешно урегулировала конфликт на дружественной основе. Собрание официально объявило мир с чероки, когда в мае 1759 года губернатор Литтлтон

неожиданно выступил с требованием выдать для казни всех индейцев, убивших белых людей в недавних стычках, среди которых были вожди Ситико и Теллико. В то же время командир форта Лаудон, забыв о том, что у него был лишь небольшой гарнизон посреди нескольких тысяч беспокойных дикарей, потребовал выдать еще двадцать четыре вождя, которых он подозревал в недружественных действиях. Чтобы заставить их сдаться, был отдан приказ прекратить все торговые поставки, предназначенные для верхних чероки.

Это возмутило весь народ, и делегация, представляющая каждый город, прибыла в Чарльстон, заявляя о желании индейцев мира и дружбы, но объявляя о своей неспособности сдать своих вождей. Губернатор ответил объявлением войны в ноябре 1759 года, сразу же вызвав войска и отправив послов, чтобы заручиться поддержкой всех соседних племен против чероки. Тем временем вторая делегация из тридцати двух самых видных мужчин во главе с молодым вождом Оконостотой (Âgăn-stâta),[87] прибыла, чтобы предпринять еще одну попытку достичь мира, но губернатор, отказавшись их выслушать, схватил всю группу и заключил их в форте Принц Джордж в комнате, достаточно большой только для шести солдат, а в то же время направил 1400 солдат для вторжения в страну чероки. После дальнейших представлений Ата-куллакулла (Ătă′-gûl′‘kălû′), гражданского вождя племени, известного как друг англичан, губернатор освободил Оконостоту и двух других после того, как заставил полдюжины членов делегации подписать документ, в котором они якобы соглашались, чтобы их племя убивало или захватывало всех французов, входящих на их территорию, и давали согласие на заключение группы в тюрьму до тех пор, пока все воины, которых они требовали, не будут сданы для казни или иного наказания. На этом этапе в городах чероки разразилась эпидемия оспы, что сделало дальнейшее пребывание в их окрестностях небезопасным, и, полагая, что все дело теперь решено на его условиях, Литтлтон вернулся в Чарльстон.

События вскоре доказали, как мало он знал о характере индейцев. Оконостота сразу же осадил форт Принц Джордж, полностью перерезав коммуникации в то время, когда, поскольку наступила зима, никакой помощи с юга ожидать не приходилось. В феврале 1760 года, после нескольких недель осады форта, он однажды послал индейскую женщину с сообщением, что хочет поговорить с командиром, лейтенантом Койтмором. Когда лейтенант вышел из частокола , чтобы узнать, что нужно, Оконостота, стоя на противоположном берегу реки, взмахнул уздечкой над головой в знак своим воинам, спрятанным в кустах, и офицер был сразу же застрелен. Солдаты немедленно ворвались в комнату, где содержались заложники, каждый из которых был видным вождем племени, и убили их до последнего.

Теперь это была война до конца. Под предводительством Оконостоты чероки напали на пограничные поселения Каролины, а воины из-за гор осадили форт Лаудон. В июне 1760 года сильная армия из более чем 1600 человек под командованием полковника Монтгомери начала уничтожать города чероки и освобождать осажденный гарнизон. Пересекая индейскую границу, Монтгомери быстро изгнал врага из окрестностей форта Принц Джордж, а затем, быстро продвигаясь вперед, застал врасплох Литтл Кеоуи, убив всех защитников, и последовательно уничтожил все города нижних чероки, сжигая их дотла, вырубая кукурузные поля и сады, убивая и захватывая более ста их мужчин и гоняя все население в горы перед собой. Его собственные потери были очень незначительными. Затем он послал гонцов в средние и верхние города, призывая их сдаться под угрозой такой же участи, но, не получив ответа, он повел своих людей через водораздел к водам Малого Теннесси и продолжил спуск по этому потоку без сопротивления, пока не подошел к Эчои (Itse′yĭ), в нескольких милях выше священного города Никваси (Nĭkwăsĭ′), нынешнего Франклина, Северная Каролина. Здесь чероки собрали все свои силы, чтобы противостоять его продвижению, и в результате 27 июня 1760 года произошло отчаянное сражение, в результате которого Монтгомери был вынужден отступить в форт Принц Джордж, потеряв почти сто человек убитыми и ранеными. Потери индейцев неизвестны.

Его отступление решило судьбу форта Лаудон. Гарнизон, хотя и находился в тяжелом положении и был вынужден питаться лошадьми и собаками, смог продержаться благодаря доброте индейских женщин, многие из которых, найдя себе возлюбленных среди солдат, ежедневно приносили им продовольствие. Когда вожди угрожали им, женщины смело отвечали, что солдаты являются их мужьями и что их долг — помогать им, и что если им будет причинен вред за их преданность, их английские родственники отомстят за них.[88] Однако конец был лишь отложен, и 8 августа 1760 года гарнизон из примерно двухсот человек под командованием капитана Демере сдался Оконостоте, получив обещание, что им будет позволено беспрепятственно уйти с оружием и достаточным количеством боеприпасов для марша, при условии сдачи всех оставшихся военных запасов.

Войска вышли из форта и прошли достаточно далеко, чтобы разбить лагерь на ночь, а индейцы устремились в форт, чтобы посмотреть, что они могут там найти. «Случайно были обнаружены десять мешков пороха « » и большое количество пуль, которые были тайно закопаны в форте, чтобы они не попали в руки врага» (Хьюат). Говорят также, что пушки, стрелковое оружие и боеприпасы были сброшены в реку с той же целью (Хейвуд). Разгневанные этим нарушением условий капитуляции, чероки на следующее утро с рассветом напали на солдат, убив Демере и двадцать девять других при первом же выстреле. Остальные были взяты в плен и удерживались до тех пор, пока через некоторое время за них не был выплачен выкуп. Второй офицер, капитан Стюарт (13), которого индейцы очень уважали, был выкуплен Ата-куллакуллой, который вскоре после этого увёл его в лес, якобы на охоту, и девять дней вел его по пустыне, пока не передал его в надежные руки друзей в Вирджинии. Доброта вождя была вознаграждена, и в значительной степени благодаря его влиянию наконец был установлен мир.

Теперь было уже слишком поздно, и поселения были слишком истощены для новой экспедиции, поэтому осень и зима были потрачены англичанами на подготовку к активной кампании в следующем году, чтобы силой подавить все сопротивление. В июне 1761 года полковник Грант с армией в 2600 человек, включая ряд чикасо и почти всех оставшихся воинов катавба,[89] выступил из форта Принц Джордж. Отказавшись от просьбы Ата-куллакулла о дружеском урегулировании, он пересек ущелье Рабун и быстро продвигался вниз по реке Литл Теннесси по тому же маршруту, что и экспедиция предыдущего года. 10 июня, когда он находился в двух милях от поля битвы Монтгомери, он столкнулся с чероки, которых он победил, хотя и с значительными потерями для себя, после упорного сражения, длившегося несколько часов. Отбив индейцев, он продолжил свой путь, посылая отряды в отдаленные поселения, пока в течение месяца не уничтожил все 15 средних городов с их зернохранилищами и кукурузными полями, не изгнал жителей в горы и не «продвинул границу на семьдесят миль дальше на запад».

Чероки теперь оказались в крайне тяжелом положении. Некоторые из их лучших городов были превращены в пепел, их поля и сады были опустошены в течение двух лет подряд, их боеприпасы были почти исчерпаны, многие из их самых храбрых воинов погибли, их народ бежал в горы, прячась в пещерах и живя как звери, питаясь корнями или убивая своих лошадей для пропитания, а к страданиям от голода добавилась еще и страшная чума, и все это на фоне раздора между фракциями, существовавшего с самого начала войны — даже храбрым людям было невозможно сопротивляться дольше. В сентябре Ата-куллакулла, который все это время делал все, что в его силах, чтобы остановить недовольство, прибыл в Чарльстон, был заключен мирный договор, и война « » закончилась. Из примерно 5000 воинов, которые были несколько лет назад, число чероки сократилось до 2300 человек.[90]

Тем временем войска вирджинцев под командованием полковника Стивена продвинулись до Большого острова Холстон (ныне Кингспорт, Теннесси), где их встретила большая делегация чероки, просившая о мире, который был заключен с ними полковником Стивеном 19 ноября 1761

года, независимо от того, что происходило в Южной Каролине. По настоятельной просьбе вождя, чтобы офицер на короткое время посетил их народ для укрепления новой дружбы, лейтенант Генри Тимберлейк, молодой вирджинец, уже отличившийся в активной службе, вызвался вернуться с ними в их города, где он провел несколько месяцев . Затем он сопровождал делегацию вождей в Англию, где, поскольку они прибыли без полномочий от правительства, их встретили настолько неприятно, что они вернулись в отвращении.[91]

После заключения мира между Англией и Францией в 1763 году, по которому вся западная территория была уступлена Англии, в Огасте был созван великий совет, на котором присутствовали вожди и главные деятели всех южных индейцев, и на котором капитан Джон Стюарт, суперинтендант южных племен, вместе с колониальными губернаторами Вирджинии, Северной Каролины, Южной Каролины и Джорджии, подробно объяснили индейцам новое положение дел, и 10 ноября того же года был заключен договор о взаимном мире и дружбе.[92]

Под руководством нескольких лидеров, таких как Уокер, Уоллен, Смит и Бун, волна эмиграции теперь хлынула через горы, несмотря на все попытки ее сдержать,[93] и период между окончанием войны с чероки и началом революции в основном примечателен рядом договоров об уступке земель индейцами, каждый из которых был бесплодной попыткой установить постоянный барьер между ними и наступающей волной белых поселенцев. Главным из них была знаменитая покупка Хендерсона в 1775 году, которая включала весь участок между реками Кентукки и Камберленд, охватывающий большую часть современного штата Кентукки. Этими договорами чероки были лишены практически всех своих древних территориальных претензий к северу от современной границы Теннесси и к востоку от Блу-Ридж и Саванны, включая большую часть своих лучших охотничьих угодий; однако их родные поселения остались в их владении.[94]

Одним из последствий недавней войны с чероки стало издание в 1763 году королевского прокламации, направленной на предотвращение будущих посягательств со стороны белых, которая запрещала любую частную покупку земель у индейцев или выдачу разрешений на земли к западу от истоков рек, впадающих в Атлантический океан.[95] В 1768 году по просьбе самих индейцев британский суперинтендант южных племен капитан Джон Стюарт заключил в Хард-Лейбор в Южной Каролине договор, по которому реки Канава и Нью на всем их протяжении от границы Северной Каролины были определены в качестве границы между чероки и белыми в этом направлении. Однако за два года так много поселенцев переселилось на индейские земли, где они явно намеревались остаться, что возникла необходимость заменить договор другим, по которому граница пролегала на юг от устья Канавы до Холстона, тем самым отрезав чероки почти все их охотничьи угодья в Вирджинии и Западной Вирджинии. Два года спустя, в 1772 году, жители Вирджинии потребовали дальнейшей уступки, в результате которой была сдана вся территория к востоку от реки Кентукки; и, наконец, 17 марта 1775 года была завершена великая сделка Хендерсона, включавшая всю территорию между реками Кентукки и Камберленд. В результате этой последней уступки чероки были окончательно отрезаны от реки Огайо и всех своих богатых охотничьих угодий в Кентукки.[96]

Хотя эти сделки назывались договорами, на самом деле они были навязаны коренным владельцам, которые сопротивлялись каждой из них по очереди и в конце концов подписали их только под протестом и при самых торжественных заверениях, что никаких дальнейших требований выдвигаться не будет. Еще до совершения покупок на каждом из рассматриваемых участков поселилось большое количество посторонних лиц, которые отказались уходить за установленные

теперь границы, но остались под тем или иным предлогом в ожидании новой договоренности. Это особенно касалось рек Ватауга и верхней части Холстон в северо-восточной части Теннесси, где поселенцы, обнаружив, что они все еще находятся в пределах индейской границы, и решив остаться, в 1772 году заключили с чероки договор о временной аренде. Как и ожидалось и предполагалось, аренда превратилась в постоянное проживание, став ядром будущего штата Теннесси.[97]

Незадолго до начала революции ботаник Уильям Бартрам совершил длительное путешествие по стране чероки и оставил нам приятные воспоминания о гостеприимстве и дружелюбии индейцев того времени. Он приводит список из сорока трех городов, которые в то время были заселены племенем.[98]

Когда в 1776 году началась великая революционная борьба, индейские племена почти единодушно встали на сторону британцев против американцев. Для этого были веские причины. С момента падения французской власти британское правительство было для них единственным представителем власти, а также хранителем и защитником их прав от постоянных посягательств со стороны американских пограничников. Лицензированные британские торговцы проживали в каждом племени, многие из них вступали в смешанные браки и создавали семьи среди индейцев, в то время как поселенцы на границе рассматривали индейцев лишь как помеху. Британские суперинтенданты, сэр Уильям Джонсон на севере и капитан Джон Стюарт на юге, были известны как щедрые друзья, в то время как почти все воины индейцев питали давнюю обиду на своих соседей из глубинки. Они чувствовали, что единственной преградой между ними и национальным исчезновением была сила британского правительства, и когда наступил окончательный разрыв, они бросили всю свою мощь на сторону британцев. В этом решении их поддержали подарки в виде одежды и других товаров, обещания грабежей поселений и надежды на возвращение части утраченных территорий. Британское правительство еще в июне 1775 года приняло решение привлечь индейцев против американцев, и воинам всех племен от озер до залива были выданы топоры, ружья и боеприпасы, а за скальпы американцев, принесенные командующему офицеру в Детройте или Освего, были обещаны награды.[99] Даже Шесть Наций, которые торжественным договором согласились сохранять нейтралитет, были убеждены этими доводами. В августе 1775 года была перехвачена индейская «беседа», в которой чероки заверили Кэмерона, постоянного агента, что их воины, нанятые на службу королю, готовы по сигналу напасть на задние поселения Каролины и Джорджии.[100] Всем лицам в глубинке, которые, как предполагалось, симпатизировали роялистам, были разосланы циркулярные письма с указанием явиться в штаб-квартиру Кэмерона в стране чероки, чтобы присоединиться к индейцам в вторжении в поселения.[101]

В июне 1776 года британский флот под командованием сэра Питера Паркера с большими военно-морскими и военными силами атаковал Чарльстон, Южная Каролина, как с суши, так и с моря, и одновременно отряд чероки, возглавляемый тори в индейских костюмах, спустился с гор и опустошил незащищенную границу Южной Каролины, убивая и сжигая все на своем пути. После отважной обороны гарнизоном Чарльстона британцы были отбиты, после чего их индейские и торийские союзники отступили.[102]

Примерно в то же время поступило предупреждение от Нэнси Уорд (14), известной дружественной индианки, имевшей большой авторитет в племени чероки, о том, что семьсот воинов чероки наступают двумя отрядами на поселения Ватауга и Холстон с намерением уничтожить все вплоть до реки Нью. Мужчины из Холстона с обеих сторон границы Вирджинии поспешно собрались под командованием капитана Томпсона и выступили против индейцев, которых они встретили и разгромили с большими потерями после ожесточенного сражения возле Лонг-Айленда в Холстоне (Кингспорт, Теннесси) 20 августа. На следующий день вторая часть

чероки атаковала форт в Ватауге, укрепленный всего сорока людьми под командованием капитана Джеймса Робертсона (15), но была отбита без потерь для защитников, и индейцы отступили, узнав о результате сражения на Лонг-Айленде. В ходе этой операции были захвачены миссис Бин и мальчик по имени Мур и отвезены в один из городов чероки в окрестностях Теллико, где мальчик был сожжен, а женщина, после того как была приговорена к смерти и все было готово к трагедии, была спасена благодаря вмешательству Нэнси Уорд. Два других отряда чероки одновременно двинулись на верхние поселения. Один из них, обнаружив, что все жители надежно заперты в фортах, вернулся, не нанеся большого ущерба. Другой опустошил местность на реке Клинч почти до ее истоков, убил одного человека и ранил других на станции Блэка, ныне Абингдон, Вирджиния.[103]

В то же время, когда одна часть чероки нападала на поселения в Теннесси, другие напали на границы Каролины и Джорджии. В верхней части Катаубы они убили много людей, но белые укрылись в станциях с частоколом, где защищались, пока генерал Рутерфорд (16) не пришел им на помощь. В Джорджии небольшая группа американцев предприняла попытку захватить Кэмерона, который жил в одном из городов чероки со своей индейской женой, но, как и следовало ожидать, индейцы вмешались, убив нескольких членов группы и захватив других, которые впоследствии были замучены до смерти. Чероки из верхних и средних городов, вместе с некоторыми криками и тори из окрестностей, во главе с самим Кэмероном, сразу же начали разорять границу Южной Каролины, сжигая дома, уводя скот и убивая без разбора мужчин, женщин и детей, пока вся страна не погрузилась в дикую панику, а люди не покинули свои фермы, чтобы укрыться в укрепленных фортах. Однажды нападение двухсот врагов, половина из которых были тори, раздетые и раскрашенные как индейцы, было отбито благодаря своевременному прибытию отряда американцев, которым удалось захватить тринадцать тори. Вторжение распространилось на Джорджию, где также было уничтожено имущество, а жители изгнаны из своих домов.[104]

Осознавая общую опасность, приграничные штаты решили нанести чероки такой согласованный удар, который заставил бы их пассивно ждать, пока продолжалась борьба с Англией. В соответствии с этим планом сотрудничества были быстро мобилизованы пограничные силы, и летом 1776 года из Вирджинии, Северной Каролины, Южной Каролины и Джорджии были организованы четыре экспедиции, чтобы одновременно войти на территорию чероки с разных сторон.

В августе того же года армия Северной Каролины численностью 2400 человек под командованием генерала Гриффита Рутерфорда пересекла гору Блу-Ридж в ущелье Сваннаноа и, следуя по главной тропе почти вдоль нынешней линии железной дороги, нанесла удар по первому индейскому поселению, Стикайи или Стекои, на реке Тукасеги, недалеко от нынешнего Уиттиера. Жители бежали, солдаты сожгли поселок вместе с недостроенным общественным зданием, готовым к установке крыши, срубили стоящий кукурузу, убили одного или двух отставших индейцев, а затем продолжили свою миссию уничтожения. Все поселения на Оконалуфти, Тукасиги и в верхней части Малого Теннесси, а также на Хивасси до слияния с рекой Вэлли — в общей сложности тридцать шесть поселений — были поочередно уничтожены, кукуруза была срублена или вытоптана копытами скота, загнанного в поля для этой цели, а сам скот был убит или угнан. Перед такой подавляющей силой, дополненной тремя другими, одновременно наступавшими с других направлений, чероки оказали слабое сопротивление и бежали со своими женщинами и детьми в крепости Великих Дымных гор, оставив за собой опустошенные поля и дымящиеся города. Как обычно в индейских войнах, фактическое число убитых или взятых в плен было невелико, но разрушение имущества было неисчислимым. В Шугартауне (Кулсеци′и, к востоку от современного Франклина) один отряд, посланный для его уничтожения, был застигнут врасплох и спасся только благодаря помощи другого отряда, посланного на его помощь. Сам Рутерфорд, направляясь к городам Хиваси для их уничтожения, столкнулся с индейцами,

собравшимися, чтобы противостоять его продвижению в ущелье Вайя в горах Нантахала, и в результате произошло одно из самых тяжелых сражений этой кампании, в котором солдаты потеряли более сорока убитых и раненых, хотя чероки в конце концов были отбиты (17). Один из убитых в этом бою индейцев оказался женщиной, раскрашенной и вооруженной как воин.[105]

26 сентября армия Южной Каролины численностью 1860 человек под командованием полковника Эндрю Уильямсона, в состав которой входило несколько индейцев катавба, соединилась с войсками Рутерфорда на реке Хивасси, недалеко от современного города Мерфи в Северной Каролине. Ожидалось, что Уильямсон присоединится к северной армии в Коуи, на реке Литл Теннесси, после чего они вместе двинутся на западные города, но он задержался, а разрушения в том направлении уже были завершены, поэтому после короткого отдыха обе армии вернулись домой по тому же маршруту, по которому пришли.

Южнокаролинцы разделились на несколько отрядов и сосредоточились в нижних городах чероки около истоков реки Саванна ( ), сжигая один город за другим, вырубая персиковые деревья и созревший кукурузу, и время от времени вступая в стычки с чероки, которые постоянно преследовали их с флангов. В городе Сенека, недалеко от которого они столкнулись с Кэмероном, его индейцами и тори, они уничтожили шесть тысяч бушелей кукурузы, помимо других запасов продовольствия, после того как сожгли все дома, а индейцы отступили после упорного сопротивления. Самое серьезное столкновение произошло в Томаси, где было убито несколько белых и шестнадцать чероки, последние были впоследствии все скальпированы. Завершив разрушение нижних поселений, Уильямсон пересек перевал Рабун и спустился в долину Малого Теннесси, чтобы совместно с Рутерфордом уничтожить средние и долинные поселения. По мере продвижения армии все дома в каждом поселении были сожжены — девяносто домов в одном только поселении — и отряды были отправлены в поля, чтобы уничтожить кукурузу, которой, по оценкам, в самом маленьком городе было двести акров, помимо картофеля, фасоли и садов с персиковыми деревьями. Запасы обработанных оленьих шкур и других ценностей были унесены. Все было сметено, а индейцы, которые не были убиты или взяты в плен, были изгнаны, став бездомными беженцами, в темные уголки Нантахалы или с трудом добрались до городов Оверхилл в Теннесси, которые уже были под угрозой другого вторжения с севера.[106]

В июле, пока Уильямсон был занят в верхней части Саванны, отряд из двухсот грузин под командованием полковника Сэмюэла Джека двинулся в том же направлении и успешно сжег два города на верховьях рек Чаттахучи и Тугалу, уничтожив кукурузу и угнав скот, не потеряв ни одного человека, поскольку чероки, по-видимому, отступили, чтобы сосредоточиться для сопротивления в горах.[107]

Армия Вирджинии численностью около двух тысяч человек под командованием полковника Уильяма Кристиана (18) собралась в августе на острове Лонг-Айленд в Холстоне, обычном месте сбора на стороне Теннесси. Среди них было несколько сотен человек из Северной Каролины, а также все, кого можно было выделить из гарнизонов на стороне Теннесси. Не обращая особого внимания на небольшие отряды индейцев, которые пытались отвлечь внимание или задержать продвижение фланговыми атаками, они неуклонно, но осторожно продвигались по великому индейскому военному пути (19) к переправе через реку Френч-Брод, где, по сообщениям, их ждал сильный отряд чероки, чтобы помешать их проходу. Незадолго до достижения реки индейцы послали торговца-тори с белым флагом, чтобы обсудить условия. Зная, что его собственные силы превосходят противника, Кристиан разрешил посланнику пройти по всему лагерю, а затем отправил его обратно с сообщением, что никаких условий быть не может , пока не будут уничтожены поселения чероки. Добравшись до брода, он разжег костры и сделал все приготовления, как будто намереваясь разбить там лагерь на несколько дней. Однако, как только наступила ночь, он тайно отвёл половину своих сил и переправился через реку ниже по течению,

чтобы напасть на индейцев с тыла. Это было очень сложное предприятие, так как вода была настолько глубокой, что доходила почти до плеч, а течение было настолько быстрым, что они были вынуждены поддерживать друг друга вчетвером, чтобы не быть смытыми с ног. Однако они сумели сохранить оружие и порох сухими. Добравшись до другого берега, они были удивлены, не обнаружив там врага. Унылые от силы вторжения, индейцы бежали, даже не оказав сопротивления. Вероятно, почти все их люди и ресурсы были отправлены для противостояния войскам Каролины на восточной границе, и те немногие, кто остался, чувствовали себя не в силах противостоять противнику.

Продвигаясь без сопротивления, Кристиан достиг городов на реке Литл-Теннесси в начале ноября и, обнаружив их заброшенными, приступил к их уничтожению, один за другим, вместе с прилегающими полями. Несколько оставшихся воинов были убиты. Тем временем в более отдаленные города были отправлены сообщения, в ответ на которые несколько их вождей прибыли в лагерь Кристиана, чтобы договориться о мире. После того как они согласились сдать всех пленных и захваченный скот, а также уступить белым всю спорную территорию, занятую поселениями Теннесси, как только весной соберутся представители всего племени, Кристиан согласился приостановить военные действия и уйти, не нанося дальнейшего ущерба. Исключение было сделано для Таскиги и другого города, которые были причастны к сожжению мальчика, похищенного из Ватауги, о чем уже упоминалось, и эти два города были превращены в пепел. Священный «город мира» Эчота (20) не был тронут. Большая часть войск была распущена по возвращении на Лонг-Айленд, но часть осталась и построила форт Патрик Генри, где они ушли на зимние квартиры.[108]

Из случайных упоминаний в рассказах некоторых участников мы получаем интересные дополнительные сведения о безжалостном характере этой старой пограничной войны. В дополнение к обычным разрушениям войны — сжиганию городов, уничтожению плодородных полей и убийству защитников — мы обнаруживаем, что каждый убитый индейский воин был скальпирован, когда позволяла возможность; женщины, как и мужчины, были застрелены, а затем «помогли им умереть»; а пленники были выставлены на аукцион в качестве рабов, если не были убиты на месте. Недалеко от Томаси небольшая группа индейцев была окружена и полностью уничтожена. «Когда сражение закончилось, в долине было найдено шестнадцать трупов. Наши люди сняли с них скальпы». В личной схватке «крепкий индеец сразился с сильным молодым белым мужчиной, который был хорошим драчуном и мастером в выкалывании глаз. Разбив друг другу ружья, они схватились, и белый мгновенно впился большими пальцами в глаза соперника, который зарычал и закричал «canaly» — «хватит» по-английски. «Черт тебя дери, — сказал белый человек, — тебе никогда не будет достаточно, пока ты жив». Затем он бросил его на землю, поставил ногу на его голову и снял скальп с живого человека; потом взял одно из сломанных ружей и выбил ему мозги. Было бы забавно, если бы он не стал делать последнее и отправил его домой без ночной шапки, чтобы тот рассказал своим соотечественникам, как с ним обошлись». Позже некоторые из того же отряда (Уильямсона), увидев впереди женщину, открыли по ней огонь и сразили ее двумя серьезными ранениями, но она все еще могла говорить. После того, как они получили от нее всю информацию, которую она могла им дать, через переводчика-метиса, «информатор не мог путешествовать, и некоторые из наших людей проявили к ней такую милость, что убили ее на месте, чтобы избавить от мучений». Через несколько дней «отряд полка полковника Томаса, занимавшийся грабежом или чем-то в этом роде, нашел индейскую женщину и взял ее в плен, поскольку она была хромой и не могла идти со своими друзьями. Она была настолько угрюма, что, как гласит старая поговорка, не хотела ни вести, ни гнать, и, по их словам, умерла в их руках; но я полагаю, что они помогли ей умереть». В этом месте — на реке Хивасси — они нашли большой город, в котором было «более девяноста домов и большое количество кукурузы», и «мы разбили лагерь среди кукурузы, где у нас было в изобилии кукуруза, горох,

бобы, картофель и свиньи», а на следующий день на реке Уиваси ( ) «нам приказали собраться в отряды, чтобы распространиться по городу и уничтожить, срубить и сжечь все овощи, принадлежащие нашим языческим врагам, что было нелегким делом, поскольку их было очень много». Продолжая путь в другой город, «мы занялись прежней работой, то есть вырубали и уничтожали все, что могло принести пользу нашим врагам. Найдя здесь любопытные постройки, большие яблони и усовершенствования, подобные белым людям, мы уничтожили их». [109]

Пересекая горы, люди Рутерфорда подошли к дому, принадлежащему торговцу, когда один из его негров-рабов выбежал и «был застрелен капелланом Джеймсом Холлом, который, принимая его за индейца, выстрелил в него, когда тот бежал». [110] Вскоре после этого они захватили двух женщин и мальчика. Было предложено немедленно продать их с аукциона тому, кто предложит самую высокую цену, и когда один из офицеров возразил, что этот вопрос следует оставить на усмотрение Конгресса, «большинство клялись кровавой клятвой, что если их не продадут в рабство на месте, то они убьют их и немедленно сорвут скальпы». В результате пленники были проданы примерно за двенадцать сотен долларов. [111]

В поселении Вольф-Хиллс, ныне Абингдон, штат Вирджиния, отряд, отправленный из форта, вернулся с скальпами одиннадцати воинов. Найдя книги, которые их священник оставил в своей хижине, они провели молебен за свой успех, после чего свежие скальпы были повешены на шесте над воротами форта. Варварский обычай скальпирования, к которому приграничные жители привыкли в ходе предыдущих войн, практиковался при каждой возможности, по крайней мере в отношении тел воинов, а законодательный орган Южной Каролины предлагал награду в размере 75 фунтов за каждый скальп воина, однако за пленных предлагалась более высокая награда. [112] Несмотря на всю горечь, которую вызвала война, похоже, что нет никаких упоминаний о скальпировании тори или других белых американцами (21).

Вторжение более шести тысяч вооруженных врагов на территорию чероки имело на них практически парализующий эффект. Более пятидесяти их поселений были сожжены, сады вырублены, поля разорены, скот и лошади убиты или угнаны, запасы оленьей кожи и другое личное имущество разграблено. Сотни их людей были убиты или умерли от голода и холода, другие оказались в плену у американцев, а некоторые были проданы в рабство. Те, кто спасся, скрывались в горах, питаясь желудями, каштанами и дичью, или стали беженцами у британцев.[113] От границы Вирджинии до Чаттахучи цепь разрушений была полной. По крайней мере на данный момент любое дальнейшее сопротивление было безнадежным, и они были вынуждены просить о мире.

По договору, заключенному в Девиттс-Корнерс в Южной Каролине 20 мая 1777 года, первому из когда-либо заключенных с новыми штатами, нижние чероки сдали завоевателю всю оставшуюся территорию в Южной Каролине, за исключением узкой полосы вдоль западной границы. Всего два месяца спустя, 20 июля, по договору, заключенному на Лонг-Айленде, как и было согласовано Кристианом прошлой осенью, средние и верхние чероки уступили все территории к востоку от Блу-Ридж, а также все спорные территории на реках Ватауга, Ноличаки, верхней части Холстон и Нью. Этим вторым договором капитан Джеймс Робертсон был также назначен агентом чероки, который должен был проживать в Эчоте, следить за их передвижениями, возвращать любую захваченную собственность и предотвращать их переписку с лицами, недружественными к американской cause. Поскольку федеральное правительство еще не функционировало в полной мере, эти договоры были заключены комиссарами из четырех штатов, граничащих с землями чероки, и таким образом приобретенная территория была поделена между Южной Каролиной, Северной Каролиной и Теннесси.[114]

Хотя народ чероки был таким образом вынужден заключить мирный договор, значительная часть племени была непримиримо враждебна к американцам и отказывалась участвовать в последних уступках, особенно на стороне Теннесси. Хотя Ата-куллакулла сообщил, что он готов с пятьюстами молодыми воинами сражаться за американцев против англичан или индейских врагов, когда бы его ни призвали, Драггинг-каноэ (Tsiyu-gûnsi′nĭ), который возглавлял оппозицию против поселений Ватауга, заявил, что он будет твердо придерживаться слов Кэмерона и продолжать вести войну против тех, кто отнял у него охотничьи угодья. Под его руководством несколько сотен самых воинственных и непримиримых воинов племени вместе со своими семьями покинули верхние и средние города и переселились далеко вниз по реке Теннесси, где основали новые поселения на ручье Чикамауга, в окрестностях современного Чаттануги. Это место, по-видимому, уже было местом сбора для своего рода индейских бандитов, которые иногда грабили лодки, поврежденные в порогах в этом месте при спуске по реке. Под названием «Чикамауги» они вскоре прославились своей бескомпромиссной и неустанной враждебностью. В 1782 году, в результате разрушения их городов Севиером и Кэмпбеллом, они покинули это место и переселились дальше вниз по реке, где построили то, что впоследствии стало известно как «пять нижних городов», а именно: Раннинг-Уотер, Никаджак, Лонг-Айленд, Кроу-Таун и Лукаут-Маунтин-Таун. Все они находились на крайней западной границе чероки, недалеко от места, где река Теннесси пересекает границу штата, причем первые три находились в пределах современных границ Теннесси, а Лукаут-Маунтин-Таун и Кроу-Таун — в соседних углах Джорджии и Алабамы. Их население пополнялось за счет криков, шауно и белых тори, пока их численность не достигла, по оценкам, тысячи воинов. Здесь они оставались постоянной занозой в боку Теннесси, пока их города не были разрушены в 1794 году.[115]

Изгнанные нижние чероки также переселились на самую дальнюю западную границу своей племенной территории, где они могли надеяться на безопасность от посягательств, по крайней мере, на некоторое время, и построили для себя новые города на верхнем течении реки Куса. Двадцать лет спустя Хокинс обнаружил, что население Уиллстауна, расположенного на крайнем

западе Джорджии, полностью состояло из беженцев из Саванны, а дети, так хорошо знакомые с рассказами своих родителей о вторжении Уильямсона, что они с криками убегали при виде белого человека (22).[116]

В апреле 1777 года законодательный орган Северной Каролины, частью которой тогда еще был Теннесси, разрешил выделять землю на новой территории всем трудоспособным мужчинам, которые добровольно пойдут воевать против оставшихся враждебных чероки. В соответствии с этим законом вдоль уязвимой границы были размещены отряды рейнджеров, чтобы пресекать набеги индейцев и защищать неуклонное продвижение пионеров, в результате чего поселения в Теннесси получили кратковременную передышку и даже смогли оказать некоторую помощь своим братьям в Кентукки, которые подвергались сильному давлению со стороны шауно и других северных племен.[117]

Однако война между Англией и колониями продолжалась, и британское правительство неустанно стремилось заручиться активной поддержкой индейцев. В условиях, когда крики совершали набеги на границы Джорджии и Южной Каролины, а британский агент полковник Браун и ряд беженцев-тори регулярно проживали в Чикамауге,[118] чероки не могли долго оставаться в покое. Весной 1779 года из Эчоты пришло предупреждение от Робертсона о том, что триста воинов из Чикамауги выступили против поселений в глубине Северной Каролины. Без промедления штаты Северная Каролина (включая Теннесси) и Вирджиния объединились, чтобы направить против них сильные силы добровольцев под командованием полковников Шелби и Монтгомери. Спустившись в апреле по реке Холстон на флотилии каноэ, построенных специально для этой цели, они настолько застали врасплох города Чикамауга, что немногие оставшиеся воины бежали в горы, не пытаясь дать сражение. Некоторые из них были убиты, Чикамауга и прилегающие деревни сожжены, двадцать тысяч бушелей кукурузы уничтожены, а также захвачено большое количество лошадей и крупного рогатого скота, а также большое количество товаров, отправленных британским губернатором Гамильтоном из Детройта для распределения среди индейцев. Успех этой экспедиции сорвал осуществление плана Гамильтона по объединению всех северных и южных индейцев, которым должны были помогать британские регулярные войска, для совместного нападения на всю американскую границу. Узнав от гонцов о нанесенном им ударе, воины Чикамауги отказались от идеи вторжения в поселения и вернулись в свои разрушенные деревни.[119] Однако они, как и крики, поддерживали постоянную связь с британским командующим в Саванне. В этом же году делегация чероки посетила города Огайо, чтобы выразить соболезнования в связи со смертью известного вождя делавэров Белоглазого.[120]

Ранней весной 1780 года большая группа эмигрантов под командованием полковника Джона Донелсона спустилась по рекам Холстон и Теннесси до Огайо, откуда они поднялись по реке Камберленд, соединились с другой группой под командованием капитана Джеймса Робертсона, которая только что прибыла по трудного сухопутного маршрута, и основали первое поселение на месте нынешнего Нэшвилла. Проходя мимо городов Чикамауга, они подверглись нападению враждебных чероки, которые преследовали их на значительном расстоянии за водоворотом, известным как Сук, где река прорывается через гору. Семья человека по имени Стюарт была заражена оспой, его лодка отстала, и все находившиеся на борту, двадцать восемь человек, были убиты или захвачены индейцами, а их крики были отчетливо слышны их друзьям, которые шли впереди и не могли им помочь. Другая лодка наткнулась на скалы, и три женщины, находившиеся в ней, одна из которых накануне вечером стала матерью, выбросили груз в реку, а затем, прыгнув в воду, сумели толкнуть лодку в течение, в то время как муж одной из них сдерживал индейцев с помощью ружья. Младенец погиб в суматохе. Трое трусов попытались сбежать, не думая о своих товарищах. Один из них утонул в реке, двое других были схвачены и отвезены в Чикамаугу, где один был сожжен, а другой выкуплен торговцем. Остальные продолжили свой путь, чтобы основать столицу нового содружества.[121] Как будто в отместку, в результате захвата семьи

Стюарта в племени Чикамауга разразилась эпидемия оспы, унесшая жизни большого числа людей. [122]

Британцы отвоевали Джорджию и Южную Каролину и уничтожили все сопротивление на юге. В начале 1780 года Корнуоллис со своими подчиненными Фергюсоном и безжалостным Тарлетоном готовился вторгнуться в Северную Каролину и продвинуться на север до Вирджинии. Крики под предводительством Макгилливрея (23) и ряд чероки под руководством различных местных вождей вместе с тори сразу присоединились к его знамени.

В то время как жители глубинки Теннесси собрались на барбекю, чтобы побороться за приз в стрельбе, освобожденный под честное слово пленник принес требование Фергюсона о их подчинении; с угрозой, что в случае отказа он пересечет горы, повесит их вождей, убьет каждого вооруженного человека и сожжет все поселения. До этого момента горцы ограничивались сдерживанием индейского врага, но теперь, когда на карту была поставлена судьба революции, они почувствовали, что настало время для более широких действий ( ). Они решили не ждать атаки, а опередить ее. Без приказа или полномочий от Конгресса, без палаток, продовольствия и снаряжения, индейские бойцы из Вирджинии, Северной Каролины и Теннесси быстро собрались на отмели Сикамор реки Ватауга в количестве около тысячи человек под командованием Кэмпбелла из Вирджинии, Севиера (24) и Шелби из Теннесси и Макдауэлла из Северной Каролины. Перейдя горы, они встретились с Фергюсоном у горы Кингс в Южной Каролине 7 октября 1780 года и одержали решающую победу, которая переломила ход революции на Юге. [123]

Здесь уместно процитировать описание этих людей в одежде из оленьей кожи, белых по крови и традициям, но наполовину индейцев по привычкам и инстинктам, которые за полвека непрерывных конфликтов оттеснили криков, чероки и шауно, и, держа одной рукой плуг, а другой — ружье, освоили дикую местность и принесли цивилизацию и свободное правительство на берега Миссисипи.

«Их возглавляли лидеры, которым они доверяли, они были привычны к индейским войнам, были искусными всадниками и стрелками, знали, как противостоять любому виду опасности, лишениям и лишению. Их охотничьи рубашки с бахромой и кисточками были перепоясаны поясами, украшенными бисером, а убранство их лошадей было окрашено в красный и желтый цвета. На головах они носили шапки из шкуры енота или норки с свисающими хвостами или фетровые шляпы, в каждую из которых был воткнут оленьи хвост или веточка вечнозеленого растения. Каждый мужчина носил с собой винтовку малого калибра, томагавк и скальпирующий нож. Очень немногие офицеры имели мечи, а в армии не было ни штыков, ни палаток». [124]

Чтобы нанести удар по Кингс-Маунтин, пограничники были вынуждены оставить свои дома без защиты. Еще до того, как они смогли пересечь горы на обратном пути, пришла весть, что чероки снова вышли в полном составе, чтобы уничтожить верхние поселения, и их многочисленные небольшие отряды убивали, жгли и грабили по обычной индейской традиции. Не теряя времени, поселения Холстона в Вирджинии и Теннесси сразу же собрали семьсот всадников с винтовками, чтобы выступить против врага, командование было поручено полковнику Артуру Кэмпбеллу из Вирджинии и полковнику Джону Севиеру из Теннесси.

Севир выступил первым с почти тремястами людьми, направляясь на юг по великой индейской военной тропе и прогоняя перед собой небольшие отряды чероки, пока 16 декабря 1780 года не пересек реку Френч-Брод и не наткнулся на семьдесят из них на ручье Бойдс, недалеко от нынешнего Севирвилля. Приказав своим людям распределиться по полукругу, он послал вперед нескольких разведчиков, которые, притворившись отступающими, сумели заманить индейцев в

западню, подготовленную таким образом, в результате чего те оставили тринадцать убитых и всю свою добычу, в то время как ни один из белых даже не был ранен.[125]

Через несколько дней к Севиеру присоединился Кэмпбелл с остатками войска. Продвигаясь к Малой Теннесси, встретив лишь незначительное сопротивление, они переправились в трех милях ниже Эчоты, в то время как индейцы наблюдали за ними на броде выше по течению. Затем, разделившись на две группы, они приступили к уничтожению поселений вдоль реки. Вожди направили мирные переговоры через Нэнси Уорд, женщину из племени чероки, которая так подружилась с белыми в 1776 году, но на эти предложения Кэмпбелл ответил уклончиво, пока не смог сначала уничтожить города в нижней части Хивасси, воины которых были особенно враждебны. Продолжая продвигаться на юг, войска уничтожили эти города, Хивасси и Честуи, со всеми их запасами провианта, завершив работу в последний день года. Индейцы бежали перед ними, выставив шпионов, чтобы следить за их движениями. Один из них, подавая сигналы с горного хребта, ударяя в барабан, был застрелен белыми. Солдаты потеряли только одного человека, которого похоронили в индейской хижине, а затем сожгли, чтобы скрыть следы захоронения. Возвращение началось в день Нового года. Были разрушены десять главных городов, включая столицу Эчота, а также несколько небольших деревень, в которых в общей сложности насчитывалось более тысячи домов и не менее пятидесяти тысяч бушелей кукурузы и большие запасы других продовольственных товаров. Все, что не было необходимо для обратного марша, было сожжено или иным образом уничтожено. Из всех городов к западу от гор уцелели только Таласси и один или два около Чикамауги или на верховьях Кузы. Белые потеряли только одного человека убитым и двух ранеными. Перед возвращением чероки-вождям была отправлена прокламация, предупреждающая их о необходимости заключить мир под угрозой еще более сурового наказания.[126]

Некоторые чероки, которые встретили их в Эчоте на обратном пути, чтобы поговорить о мире, привели и сдали нескольких белых пленных.[127] Одной из причин слабого сопротивления индейцев, вероятно, был тот факт, что в момент вторжения многие из их воинов были вдали, совершая набеги на Верхний Холстон и в окрестностях Камберленд-Гэп.[128]

Хотя верхние или оверхиллские чероки были таким образом унижены, жители средних поселений, расположенных в верховьях Малого Теннесси, по-прежнему продолжали отправлять отряды против задних поселений. Севир решил нанести по ним внезапный удар и в начале марта того же 1781 года с 150 отборными всадниками начал переход через Великие Дымные горы по тропам, по которым белые люди никогда раньше не ходили и которые были настолько неровными, что в некоторых местах едва ли можно было вести лошадей. Неожиданно напав на Тукасиги, недалеко от современного Вебстера, Северная Каролина, он полностью застал город врасплох, убив нескольких воинов и захватив в плен ряд женщин и детей. Два других крупных города и три небольших поселения были захвачены таким же образом, с большим количеством провианта и около 200 лошадей, поскольку индейцы были полностью не начеку и не готовы оказать какое-либо эффективное сопротивление. Разрушив средние города, потеряв при этом только одного человека убитым и еще одного раненым, он ушел так же внезапно, как и пришел, двигаясь так быстро, что уже был на пути домой, прежде чем чероки смогли собраться для преследования.[129] В то же время небольшая экспедиция из Теннесси вышла, чтобы рассеять индейцев, которые обосновались в горах около прохода Камберленд и беспокоили путешественников по дороге в Кентукки.[130] Было найдено множество следов индейцев, но никого не встретили, хотя прочесали значительную территорию.[131] Летом чероки совершили еще одно вторжение, на этот раз на новые поселения на реке Френч-Брод, недалеко от современного Ньюпорта, штат Теннесси. С сотней всадников Севир внезапно напал на их лагерь на реке Индиан-Крик, убил дюжину воинов и рассеял остальных.[132] Этими последовательными ударами чероки были настолько измотаны и обескуражены, что были вынуждены просить о мире, и в середине лета 1781 года на острове Лонг-Айленд в Холстоне был

заключен мирный договор, хотя и сомнительный.[133] Передышка пришла как раз вовремя, чтобы позволить жителям Теннесси отправить отряд против Корнуоллиса.

Хотя в Теннесси было перемирие, на Юге его не было. В ноябре этого года чероки внезапно вторглись в поселения Джорджии, уничтожая все на своем пути. В отместку войска под командованием генерала Пикенса вторглись в их страну, уничтожив их города вплоть до реки Вэлли. Обнаружив, что дальнейшее продвижение заблокировано сильными снегопадами, и узнав от пленного ( ), что индейцы, которые отступили перед ним, собираются в горах, чтобы противостоять ему, он отступил, как он сам говорит, «по абсолютной необходимости», не достигнув практически никаких ожидаемых результатов. Вскоре после этого чероки вместе с некоторыми криками снова вторглись в Джорджию ( ), но были встречены на реке Окони и отброшены отрядом американских войск ( ).[134]

Чероки из Оверхилла, на нижнем течении реки Литл Теннесси, по-видимому, искренне пытались соблюдать мир, установленный на Лонг-Айленде. В начале 1781 года государственное земельное управление было закрыто для новых заявок и не открывалось до тех пор, пока не был объявлен мир с Англией, но жители приграничных районов мало обращали внимания на закон в таких вопросах, и ажиотаж вокруг спекуляций землями в Теннесси с каждым днем усиливался.[135] Осенью 1782 года вождь Старый Тассел из Эчоты от имени всех дружественных вождей и городов направил губернаторам Вирджинии и Северной Каролины трогательное обращение, в котором жаловался, что, несмотря на все их усилия сохранить спокойствие, поселенцы постоянно посягают на их земли и построили дома в одном дне ходьбы от городов чероки. Они просили, чтобы все белые, поселившиеся за последней установленной границей, были выселены.[136] Как и следовало ожидать, этого так и не было сделано.

Однако племя чикамауга и те, кто жил дальше на юг, по-прежнему были настроены на войну, в чем их активно поддерживали британские агенты и беженцы-лоялисты, жившие среди них. Они продолжали нападать как на север, так и на юг, и в сентябре 1782 года Севир с 200 всадниками снова совершил набег на их города, уничтожив несколько поселений около ручья Чикамауга и проникнув до важного города Устанали, расположенного в верховьях реки Куса, недалеко от современного Калхуна, штат Джорджия. Этот город он также уничтожил. Все найденные воины были убиты, а также белый человек, найденный в одном из городов, документы которого показали, что он активно подстрекал индейцев к войне. На обратном пути экспедиция остановилась в Эчоте, где получила новые заверения от дружественных элементов.[137] Тем временем экспедиция из Джорджии численностью более 400 человек под командованием генерала Пикенса разоряла города чероки в том же районе, в результате чего чероки были вынуждены купить мир, уступив еще одну территорию на верховьях реки Брод в Джорджии.[138] Эта уступка была заключена в мирном договоре, подписанном с комиссарами Джорджии в Огасте в следующем году, и позже была подтверждена криками, которые претендовали на эти же земли, но никогда не была принята ни одной из сторон как добровольный акт всего племени.[139]

Предварительным Парижским договором от 30 ноября 1782 года затянувшаяся революционная борьба за независимость была завершена, и чероки, как и другие племена, видя безнадежность продолжения борьбы в одиночку, начали просить о мире. Семь лет непрерывных войн привели их к крайней нищете, почти к полному исчезновению. Их города были снова и снова превращены в пепел, а поля опустошены. Их лучшие воины были убиты, а женщины и дети заболели и умерли от голода в горах. Их великий военачальник Оконостота, приведший их к победе в 1780 году, теперь был сломленным стариком и в этом году в Эчоте официально уступил свой пост своему сыну Террапину. Чтобы довершить их страдания, в 1783 году среди них снова разразилась эпидемия оспы.[140] Лишенные помощи своих бывших белых союзников, они были предоставлены на произвол своей жестокой судьбы, и последнее слабое сопротивление горных воинов

наступающей волне колонизации закончилось сожжением города Коуи,[141] и путь к соглашению был открыт. В том же году законодательный орган Северной Каролины назначил представителя для чероки и установил правила для торговцев, работающих среди них.[142]

Отношения с Соединенными Штатами

ОТ ПЕРВОГО ДОГОВОРА ДО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ — 1785–1838

Пропустив несколько неудовлетворительных и в целом неудачных переговоров, проведенных правительствами различных штатов в 1783–84 годах, включая уже упомянутый договор в Огасте, [143] мы подошли к поворотной точке в истории чероки — их первому договору с новым правительством Соединенных Штатов о мире и делимитации границ, заключенному в Хоупвелле (25) в Южной Каролине 28 ноября 1785 года. В нем приняли участие почти тысяча чероки, а комиссарами от Соединенных Штатов были полковник Бенджамин Хокинс (26) из Северной Каролины, генерал Эндрю Пикенс из Южной Каролины, агент чероки Джозеф Мартин из Теннесси и полковник Лаклан Макинтош из Джорджии. Документ был подписан тридцатью семью вождями и главными людьми, представляющими почти столько же разных городов. Переговоры длились десять дней и были осложнены протестом со стороны Северной Каролины и Джорджии против действий правительственных комиссаров, которые без согласия чероки подтвердили индейцам право на некоторые земли, которые уже были выделены в качестве земель для вознаграждения государственных войск. С другой стороны, чероки жаловались, что в тот момент 3000 белых поселенцев занимали неотчужденные земли между Холстоном и Френч-Брод. Несмотря на их протест, этим нарушителям было позволено остаться, хотя территория была приобретена по договору только несколько лет спустя. В соответствии с окончательной договоренностью, договор оставлял средние и верхние города, а также города в окрестностях реки Куса ( ) нетронутыми, в то время как вся территория к востоку от горы Блу-Ридж с поселениями Ватауга и Камберленд была передана белым. Общая граница следовала по водоразделу между рекой Камберленд и более южными водами Теннесси на восток до слияния двух рукавов реки Холстон, недалеко от нынешнего Кингспорта, штат Теннесси, оттуда на юг до горы Блу-Ридж и на юго-запад до точки недалеко от нынешней Атланты, оттуда на запад до реки Кооса и на северо-запад до ручья, впадающего в реку Теннесси на западной границе Алабамы, оттуда на север по реке Теннесси до начала. Земли к югу и западу от этих линий были признаны принадлежащими крикам и чикасо. Военные действия должны были прекратиться, и чероки были взяты под защиту Соединенных Штатов. Процедура завершилась раздачей нескольких подарков. [144]

Хотя договор Хоупвелл определил отношения чероки с правительством и обеспечил надежную основу для будущих переговоров, он все же не смог принести полный мир и безопасность. Тысячи нарушителей по-прежнему селились на индейских землях, и мелкие агрессии и репрессии происходили постоянно. Крики и северные племена по-прежнему были враждебны и оставались таковыми в течение нескольких последующих лет, а их воины, сотрудничая с воинами непримиримых городов Чикамауга, продолжали беспокоить незащищенные поселения, особенно на Камберленде. Британцы ушли с юга, но испанцы и французы, которые претендовали на нижнюю часть Миссисипи и регион залива и имели свои торговые посты в западном Теннесси, использовали любую возможность, чтобы поддержать дух вражды к американцам. [145] Но дух народа чероки был сломлен, а поселения на реке Холстон были теперь слишком прочно укреплены, чтобы их можно было уничтожить.

Поселения Камберленда, основанные Робертсоном и Донелсоном зимой 1779–80 годов, имели лишь кратковременную передышку. В начале весны индейцы — чероки, крики, чикасо и северные индейцы — начали серию нападений с целью изгнать этих захватчиков со своих земель, и с тех пор в течение многих лет жизнь ни одного человека за пределами частокола не была в безопасности. Длинный список поселенцев, застреленных во время работы или охоты в лесу, украденного скота и уничтоженного имущества, хотя и вызывает печальное сочувствие у тех, кого это касается наиболее близко, слишком утомителен для перечисления здесь, и необходимо упомянуть только основные события. Подробные сведения можно найти в работах местных историков.

В ночь на 15 января 1781 года группа индейцев незаметно приблизилась к станции Фриленда и даже сумела расстегнуть крепко запертые ворота, когда Робертсон, не спавший внутри, услышал

шум и вскочил как раз вовремя, чтобы разбудить гарнизон и отбить нападавших, которые продолжали стрелять через бойницы после того, как были изгнаны из форта. Только два американца были убиты, хотя спасение было узким.[146]

Примерно через три месяца, 2 апреля, большая группа чероки приблизилась к форту в Нэшвилле (тогда называвшемуся Нэшборо или просто «Блафф») и, отправив вперед приманку, сумела заманить большую часть гарнизона в засаду. Казалось, что они будут отрезаны, поскольку индейцы находились между ними и фортом, когда те, кто был внутри, выпустили собак, которые так яростно набросились на индейцев, что последние были вынуждены защищаться и в конце концов были вынуждены отступить, унеся с собой, однако, пять американских скальпов.[147]

Нападения продолжались в течение этого и следующего года в такой степени, что в какой-то момент казалось, что поселения Камберленда придется покинуть, но в июне 1783 года комиссары из Вирджинии и Северной Каролины заключили договор недалеко от Нэшвилла (Нэшборо) с вождями чикасо, чероки и криков. Этот договор, хотя и не полностью остановил индейские набеги, по крайней мере значительно их сократил. После этого чикасо остались дружественными, и только чероки и крики продолжали создавать проблемы.[148]

Города в долине Хивасси, а также Чикамауга, по-видимому, продолжали проявлять враждебность. В 1786 году большая группа их воинов под предводительством вождя смешанного происхождения Джона Уоттса совершила набег на новые поселения в окрестностях современного Ноксвилла, штат Теннесси. В отместку Севир снова повел своих добровольцев через горы к городам в долине и уничтожил три из них, убив ряд воинов, но он отступил, узнав, что индейцы собираются, чтобы дать ему сражение.[149] Весной этого года агент Мартин, находившийся в Эчоте, совершил инспекционную поездку по городам чероки и доложил, что они в целом были дружелюбны и стремились к миру, за исключением племени чикамауга под предводительством Драггинг-Кано, которое, действуя совместно с враждебными криками и поощряемое французами и испанцами, готовилось уничтожить поселения Камберленда. Несмотря на дружеские заявления остальных, отряд, отправленный для получения удовлетворения за убийство четырех чероки жителями Теннесси, вернулся с пятнадцатью скальпами белых и сообщил Севиеру, что они хотят мира, но если белые хотят войны, они ее получат.[150] С беззаконными людьми по обе стороны было очевидно, что мир был под угрозой. В августе, в результате дальнейших убийств и репрессий, комиссары нового «штата Франклин», как теперь называли Теннесси , заключили с вождями городов Оверхилл соглашение, известное на местном уровне как «договор Кояти». Несмотря на упоминания о мире, любви и братской дружбе, весьма сомнительно, что так называемый договор каким-либо образом ускорил наступление эры доброй воли, поскольку жители Теннесси, которые только что сожгли еще один индейский город в отместку за убийство белого человека, без обиняков объявили, что Северная Каролина — против которой, кстати, они тогда вели организованное восстание — всю территорию к северу от реки Теннесси до гор Камберленд на западе, и что они намерены захватить ее «мечом, который является лучшим правом на все страны». Поскольку вся эта территория находилась в пределах территории, торжественно гарантированной чероки договором Хоупвелл всего лишь годом ранее, вожди просто ответили, что Конгресс ничего им не говорил по этому поводу, и на этом дело было закрыто.[151] Теория прав штатов была слишком сложной для понимания индейцев.

Пока продолжался этот конфликт между властями штата и федеральными властями, в котором главным призом были земли чероки, мир был невозможен. В марте 1787 года в письме из Эчоты, по-видимому написанном агентом Мартином, говорится о недавней экспедиции против городов чероки и о замешательстве и тревоге среди них в результате ежедневных посягательств «франклинитов» или жителей Теннесси, которые приступили к выполнению своего обещания, открыв земельное агентство для продажи всех земель к югу от реки Теннесси, включая даже часть

любимого города Эчота. В то же время к чероки прибывали посланцы от торговцев, представлявших иностранные интересы, которые сообщали им ( ), что Англия, Франция и Испания объединились против американцев, и убеждали их присоединиться к войне, обещая оружие и боеприпасы.[152] В результате каждое дальнейшее продвижение поселений Теннесси, нарушающее любой признанный договор, упорно оспаривалось индейскими владельцами земли. Записи об этих столкновениях, продолжавшихся в течение нескольких лет, слишком утомительны для перечисления. «Если бы можно было нарисовать карту, точно обозначив на ней каждое место, где произошла индейская резня , нападение, грабеж, отважная атака, оборона, преследование или победа белых, или станция, форт, поле битвы, или личное столкновение, то вся эта часть страны была бы усеяна обозначениями таких событий. Каждый ручей, каждый брод, каждая тропа, каждая ферма, каждый след, почти каждый дом в первоначальном поселении когда-то был местом опасности, угрозы, нападения, подвига, достижения, смерти».[153] Конец был победой Теннесси.

Между тем вторжения криков и их союзников из племени чикамауга на границу Джорджии и поселения Камберленда вокруг Нэшвилла стали настолько угрожающими, что были приняты меры для совместной кампании объединенных сил Джорджии и Теннесси («Франклин»). Это предприятие не увенчалось успехом из-за вмешательства федеральных властей.[154] На протяжении всего 1788 года мы слышим о нападениях и репрессиях вдоль границы Теннесси, хотя агент чероки заявил в своем официальном отчете, что, за исключением племени чикамауга, индейцы хотели бы жить в мире, если бы белые им это позволили. В марте две экспедиции под командованием Севиера и Кеннеди выступили против городов в направлении Френч-Брод. В мае несколько человек из семьи по имени Кирк были убиты в нескольких милях к югу от Ноксвилла. В отместку Севир собрал большую группу и двинулся на город на реке Хивасси — один из тех, которые были разрушены несколько лет назад и затем восстановлены — и сжег его, убив ряд жителей в реке, когда те пытались спастись. Затем он развернулся и, продвигаясь к городам на Малом Теннесси, сжег также несколько из них, убив ряд индейцев. Здесь небольшая группа индейцев, в том числе Авраам и Тассел, два известных дружественных вождя, была жестоко убита одним из Кирков, и никто не вмешался, после того как они добровольно пришли по просьбе одного из офицеров. Это произошло во время временного отсутствия Севиера. Другая экспедиция под командованием капитана Фейна попала в засаду в городе Ситико и потеряла нескольких человек убитыми и ранеными. Индейцы преследовали выживших почти до Ноксвилля, по пути атаковав небольшую станцию недалеко от нынешнего Мэривилля. Их отбили Севир и другие, которые, в свою очередь, вторглись в индейские поселения, пересекли горы и проникли до городов в долине Хивасси, но поспешно отступили, увидев, что индейцы собираются перед ними.[155] Тем же летом была организована еще одна экспедиция против городов Чикамауга. Главным командующим был назначен генерал Мартин, который покинул форт Уайта, ныне Ноксвилл, с четырьмястами пятьюдесятью людьми и совершил быстрый марш к окрестностям нынешнего Чаттануги, где основные силы разбили лагерь на месте старого индейского поселения. Отряд, отправленный вперед, чтобы застать врасплох город в нескольких милях ниже по течению реки, подвергся обстрелу и был отброшен назад, и в узком проходе между утесом и рекой произошло общее сражение с такими катастрофическими результатами, что три капитана были убиты, а солдаты настолько деморализованы, что отказались продвигаться дальше. Мартин был вынужден повернуть назад, похоронив погибших офицеров в большом городском доме, который затем был сожжен, чтобы скрыть могилу.[156]

В октябре большая группа чероки и криков атаковала станцию Гиллеспи, к югу от нынешнего Ноксвилла. Небольшой гарнизон был побежден после короткого сопротивления, и 28 человек, в том числе несколько женщин и детей, были убиты. Индейцы оставили письмо, подписанное четырьмя вождями, в том числе Джоном Уоттсом, в котором выражалось сожаление по поводу того, что они назвали случайным убийством женщин и детей, напоминая белым об их

собственном вероломстве в убийстве Авраама и Тассела, и вызывающе заключая: «Когда вы уйдете с этой земли, тогда мы заключим мир». Другие незащищенные посты подверглись нападениям, пока, наконец, Севир снова не собрал войско, изгнал врага с границы и преследовал индейцев до их городов на верховьях реки Куса, с такой энергией, что они были вынуждены просить о мире и согласиться на сдачу пленных, что и было сделано в городе Кусавати, в верхней части Джорджии, в следующем апреле.[157]

Среди пленников, таким образом возвращенных своим друзьям, были шестнадцатилетний мальчик Джозеф Браун и его две младшие сестры, которые вместе с несколькими другими были захвачены в плен в городе Никаджак, когда почти год назад спускались по Теннесси на плоскодонке. Его отец и другие мужчины из группы, всего около десяти человек, были убиты в то время, а мать и несколько других детей были увезены в различные индейские города, некоторые из них попали к крикам, которые помогали чероки в пленении. Молодой Браун, чье краткое и простое повествование вызывает живой интерес, сначала был приговорен к смерти, но был спасен белым человеком, жившим в поселении, а затем усыновлен семьей вождя, несмотря на предупреждение старой индианки, что, если его оставить в живых, он однажды приведет армию, которая уничтожит их. Предупреждение оказалось странно пророческим, поскольку именно Браун возглавил экспедицию, которая несколько лет спустя окончательно уничтожила города чикамауга. Когда его спасли в Кусавати, он был одет в индейский костюм: рубашку, набедренную повязку, скальп и проколотые уши. Его пятилетняя сестра так привязалась к индианке, которая ее усыновила, что отказалась идти к своей матери и ее пришлось уводить силой.[158] Мать и еще одна дочь, которые были похищены криками, были впоследствии выкуплены Макгилливреем, вождем криков, который вернул их друзьям, великодушно отказавшись от любой компенсации за свою доброту.

В 1783 году с племенем чикасо было заключено соглашение, по которому они уступили поселению Камберленд свои права на земли от реки Камберленд на юг до водораздела реки Дак.[159] Однако только через два года, после заключения договора Хоупвелл, чероки отказались от своих прав на эту же территорию, и даже тогда воины чикамауга вместе со своими союзниками, враждебными индейцами крик и шавано из племен , отказались признать уступку и продолжили свои нападения с явной целью уничтожить новые поселения. До окончательного установления границы в 1797 году Испания претендовала на всю территорию к западу от гор и к югу от реки Камберленд, и ее агенты были обвинены в подстрекательстве индейцев против американцев, вплоть до предложения вознаграждения за скальпы американцев.[160] Одна из этих групп налетчиков, убившая брата капитана Робертсона, была выслежена в Колдвотере, небольшом смешанном поселении чероки и криков, расположенном на южном берегу реки Теннесси, примерно в районе современного города Таскамбия, штат Алабама. Робертсон решил уничтожить его и, взяв с собой отряд добровольцев и двух проводников из племени чикасо, переправился через Теннесси, не будучи обнаруженным, и неожиданно напал на поселение, сожгив его. Индейцы, которых было менее пятидесяти человек, пытались бежать к реке, но были окружены и более двадцати из них убиты, при этом техасцы потеряли только одного человека. В городе также были найдены несколько французских торговцев. Трое из них, отказавшиеся сдаться, были убиты, вместе с белой женщиной, которая случайно была застрелена в одной из лодок. Остальные были впоследствии освобождены, а их большой запас торговых товаров был конфискован и продан в пользу войск. Это событие произошло примерно в конце июня 1787 года. Благодаря этой акции и усилиям Робертсона, предпринятым примерно в то же время для достижения договоренности с племенем чикамауга, враждебные вторжения в Камберленд временно прекратились, но задолго до конца года нападения возобновились в такой степени, что возникла необходимость выставить отряд рейнджеров с приказом прочесать местность и убить всех индейцев, обнаруженных к востоку от границы чикасо.[161]

Поскольку крики теперь, по-видимому, были почти так же вовлечены в эти набеги, как и чероки, их главному вождю Макгилливрею было направлено протестное письмо, на которое он ответил, что, хотя крики, как и другие южные племена, поддерживали интересы Великобритании во время революции, они приняли предложения о дружбе, но пока велись переговоры, шесть их соплеменников были убиты в инциденте в Колдвотере, что привело к возобновлению враждебных настроений. Однако он пообещал приложить все усилия для достижения мира и, похоже, сдержал свое слово, хотя набеги продолжались в течение этого и следующего года, с обычными последствиями в виде преследования и репрессий. В одной из этих стычек рота под командованием капитана Мюррея преследовала индейских налетчиков от Нашвилла до их лагеря на реке Теннесси и успешно убила всю группу из одиннадцати воинов.[162] В 1790 году с криками был подписан мирный договор, но из-за интриг испанцев он не имел практически никакого эффекта,[163] и только после решительной победы Уэйна над объединенными северными племенами в 1794 году и окончательного уничтожения городов Никаджак в том же году на границе наступил настоящий мир.

Согласно акту о передаче от 25 февраля 1790 года, Теннесси перестал быть частью Северной Каролины и был организован в соответствии с федеральными законами как «Территория Соединенных Штатов к югу от реки Огайо», что было предварительным шагом к получению полного статуса штата шесть лет спустя. Уильям Блаунт (27) был назначен первым губернатором территории, а также суперинтендантом южных индейцев, с заместителем, проживающим в каждом из четырех основных племен.[164] Пенсакола, Мобил, Сент-Луис и другие южные посты по-прежнему удерживались испанцами, которые претендовали на всю территорию к югу от Камберленда, в то время как британские гарнизоны еще не были выведены с севера. Недовольство индейцев оккупацией белыми их зарезервированных и гарантированных земель усердно поощрялось обеими сторонами, и набеги вдоль границы Теннесси были обычным явлением. В это время, согласно официальному отчету президента Вашингтона, более пятисот семей нарушителей поселились на землях, по праву принадлежащих чероки, в дополнение к тем, которые находились между Френч-Брод и Холстоном.[165] Более чем за год до этого министр войны заявил, что «позорное нарушение договора Хоупвелл с чероки требует серьезного рассмотрения Конгрессом. Если такое прямое и явное пренебрежение авторитетом Соединенных Штатов останется безнаказанным, то попытки распространить власть правительства на пограничные территории будут тщетными. Индейские племена не могут верить в такие нелепые обещания, а беззаконные белые будут высмеивать правительство, которое только на бумаге заключает договоры с индейцами и регулирует индейские границы».[166] Чтобы предотвратить рост недовольства, федеральное правительство издало прокламацию, запрещающую дальнейшее посягательство на индейские земли на реке Теннесси; несмотря на это, в начале 1791 года группа людей спустилась по реке на лодках и, высадившись на острове у Мускул-Шолс, недалеко от нынешнего Тускамбии, штат Алабама, построила блокгауз и другие оборонительные сооружения. Сразу после этого появился вождь чероки Гласс с около шестьюдесятью воинами и спокойно сообщил им, что, если они не уйдут немедленно, он убьет их. После некоторого переговора вторгшиеся отступили к своим лодкам, а индейцы подожгли постройки и превратили их в пепел.[167]

Чтобы предотвратить более серьезные трудности, необходимо было заключить новый договор с целью покупки спорной территории. Соответственно, благодаря усилиям губернатора Блаунта, летом 1791 года в форте Уайта, ныне Ноксвилле, штат Теннесси, состоялась конвенция с участием главных вождей чероки ( ). С большим трудом чероки наконец согласились уступить треугольный участок в Теннесси и Северной Каролине, простирающийся от реки Клинч почти до горы Блу-Ридж и включающий почти всю территорию Френч-Брод и нижнюю часть Холстона, с местами, где сейчас находятся Ноксвилл, Гринвилл и Эшвилл. Вся эта территория, а также значительная прилегающая территория, уже была полностью занята белыми. Было также дано разрешение на

прокладку дороги от восточных поселений до поселений на реке Камберленд, с правом свободного судоходства по реке Теннесси. Пленники с обеих сторон должны были быть возвращены, и был гарантирован вечный мир. В качестве компенсации за уступку земель чероки должны были получать ежегодную ренту в размере тысячи долларов, а также некоторые дополнительные товары и помощь на пути к цивилизации. Договор был подписан сорока одним главными вождями племени и был заключен 2 июля 1791 года ( ). Официально он описывается как заключенный «на берегу Холстона, недалеко от устья Френч-Брод», и обычно называется «договором Холстона».

Однако чероки были недовольны этим соглашением, и до конца года делегация из шести главных вождей без предварительного уведомления о своем приезде прибыла в Филадельфию, тогдашнюю столицу, и заявила, что, когда губернатор Блаунт вызвал их на конференцию, они не знали, что цель этой встречи — убедить их продать земли; что они в течение нескольких дней сопротивлялись этому предложению и уступили только под настойчивыми и угрожающими требованиями губернатора; что вознаграждение было слишком малым; и что они не верили, что белые будут уважать новую границу, поскольку они фактически уже селились за ее пределами. Наконец, поскольку договор был подписан, они попросили, чтобы этих нарушителей выдворили. Поскольку их изложение дела казалось справедливым и было желательно, чтобы они увезли с собой благоприятное впечатление о отношении к ним правительства, была добавлена дополнительная статья, увеличивающая ежегодную ренту до восьми тысяч пятисот долларов. В связи с возобновлением враждебных действий индейцев в долине Огайо и желанием правительства сохранить добрую волю чероки достаточно долго, чтобы заручиться их помощью против северных племен, новая граница была обследована только в 1797 году.[168]

В качестве примера индейского обычая можно отметить, что один из главных подписантов первоначального договора был среди протестующих делегатов, но, изменив между тем свое имя, он фигурирует в дополнительном параграфе как «Искагуа, или Ясное Небо, ранее Ненетуя, или Кровавый Парень».[169] Поскольку он был одним из главных налетчиков на границе Теннесси, новое имя, возможно, символизировало его перемену в сердце в связи с перспективой возвращения мира.

Договор, по-видимому, мало повлиял на предотвращение враждебных действий индейцев, вероятно, потому что захватчики по-прежнему оставались на индейских землях, и набеги продолжались. Крик были известны как виновники некоторых беспорядков, а враждебные чикамауги считались главными виновниками остальных.[170] Даже когда делегаты чероки вели переговоры о заключении договора в Филадельфии, лодка, случайно севшая на мель на отмели Масл-Шолс, была атакована группой индейцев под предлогом оказания помощи, в результате чего один человек был убит, а другой тяжело ранен топором.[171]

Пока в Филадельфии шли переговоры, молодой человек по имени Леонард Д. Шоу, студент Принстонского колледжа, выразил министру войны искреннее желание получить поручение, которое позволило бы ему сопровождать возвращающихся делегатов чероки в их южные дома, чтобы там изучать жизнь и особенности индейцев. Поскольку цель казалась полезной, а он казался хорошо подготовленным для такой работы, он был назначен заместителем агента, который должен был проживать среди чероки, наблюдать за их передвижениями и сообщать о них, помогать в распределении ежегодных выплат и оказывать другую помощь губернатору Блаунту, суперинтенданту южных племен, изучать их язык и быт, а также собирать материалы для истории индейцев. Интерес представляет выдержка из официальных инструкций, в соответствии с которыми этот первый этнолог Соединенных Штатов приступил к своей работе. Определив его исполнительные обязанности в связи с распределением ежегодных выплат, ведением учета и составлением официальных отчетов, секретарь Нокс продолжает:

Для надлежащего выполнения ваших обязанностей, вероятно, потребуется проявить все ваше терпение и стойкость, а также все ваши знания о человеческом характере. Школа будет строгой, но интересной. Если вам удастся завоевать любовь и познать характер южных индейцев, вы сразу же станете полезным для Соединенных Штатов и продвинете свои собственные интересы.

Вы будете стремиться выучить их языки; это необходимо для вашего общения. Вы будете собирать материалы для истории всех южных племен и всего, что с этим связано. Вы будете стремиться установить их соответствующие границы, составить словарь их языков, научить их земледелию и таким полезным искусствам, которые вы знаете или можете приобрести. Вы будете регулярно вести переписку с губернатором Блаунтом, который является суперинтендантом по делам индейцев, и информировать его обо всех событиях. Вы также будете поддерживать переписку с бригадным генералом Макгилливреем [вождем племени криков], а также будете вести дневник своих действий и передавать его в Военное министерство... Вы должны показать губернатору Блаунту книгу чероки и все содержащиеся в ней записи, сообщения нескольким индейским племенам и эти инструкции.

Ваш маршрут будет пролегать отсюда до Рединга; оттуда до парома Харриса [Харрисбург, Пенсильвания] до Карлайла; до парома на Потомаке; до Винчестера; до Стаунтона; до Уолтон-Гардс ( ) и до Холстона. Я надеюсь, что вы будете проходить более двадцати миль в день и доберетесь до Холстона примерно за тридцать дней.[172]

Путешествие, которое тогда казалось таким долгим, должно было проходить на повозках от Филадельфии до начала судоходства на реке Холстон, оттуда на лодках до городов чероки. Шоу, по-видимому, поселился в Устанали, который заменил Эчоту в качестве столицы чероки. Мы слышим о нем как о присутствующем на совете там в июне того же года, без каких-либо признаков недружелюбия по отношению к его присутствию.[173] Однако дружеские чувства продлились недолго, поскольку через несколько месяцев мы видим, как он пишет из Устанали губернатору Блаунту, что из-за агрессивной враждебности криков, чьим явным намерением было убить каждого встреченного белого человека, он не был в безопасности даже в 50 ярдах от дома. Вскоре после этого города Чикамауга вновь объявили войну, в связи с чем, а также в связи с возобновившимися угрозами со стороны криков, чероки посоветовали ему покинуть Устанали, что он и сделал в начале сентября 1792 года, отправившись в дом генерала Пикенса, недалеко от Сенеки, Южная Каролина, в сопровождении охраны из дружественных чероки. Следующей зимой он был уволен со службы по серьезным обвинениям, и его миссия, по-видимому, закончилась неудачей.[174]

Чтобы предотвратить союз чероки, криков и других южных индейцев с конфедерацией враждебных северных племен, правительство пыталось убедить первых предоставить отряд воинов для совместных действий с армией против северных индейцев, и Шоу было дано специальное указание приложить все усилия для достижения этой цели. Однако попытка не увенчалась успехом. Поражение Сент-Клера перевесило чашу весов в пользу Соединенных Штатов, и в сентябре 1792 года города Чикамауга официально объявили войну.[175]

В ноябре того же года губернатор Джорджии официально сообщил, что группа беззаконных джорджийцев проникла на территорию племени чероки, сожгла там город и варварски убила трех индейцев, а примерно в то же время еще два чероки были убиты в поселениях. Опасаясь мести, он приказал выставить патруль войск для охраны границы в этом направлении и направил вождям примирительное письмо, в котором выразил сожаление по поводу случившегося. Ответа на письмо не последовало, но через несколько дней была найдена убитая семья — четыре женщины, трое детей и молодой человек — все со скальпированными головами, изуродованные и с торчащими из тел стрелами, а согласно старому индейскому военному обычаю, на земле были оставлены две боевые дубинки, чтобы показать, кто совершил это преступление. Так быстро была осуществлена жестокая месть.[176]

В начале 1792 года гонец, отправленный по делам губернатора Блаунта в города Чикамауга, вернулся с сообщением, что только что прибыла группа с пленными и свежими скальпами, над которыми вожди и воины двух городов танцевали; что шавано призывали чероки присоединиться к ним против американцев; что сильное отряды криков направлялись против поселений Камберленда, и что вождь криков Макгилливрей пытался создать общий союз всех индейских

племен против белых. Чтобы правильно понять это, необходимо помнить, что в то время все племена к северо-западу от Огайо и вплоть до истоков Миссисипи были объединены в большой союз во главе с воинственными шавано с целью удержать реку Огайо в качестве индейской границы против наступающей волны белых поселенцев. Они только что разгромили одну из лучших армий, когда-либо отправленных на Запад, под командованием ветерана генерала Сент-Клера (28), и на мгновение показалось, что американское наступление будет отброшено за Аллеганы.

В чрезвычайной ситуации министр войны поручил губернатору Блаунту провести в июне в Нэшвилле конференцию с вождями чикасо, чокто и чероки, чтобы, по возможности, привлечь их воинов к активной службе против северных племен. Конференция состоялась, как и было предложено, в августе, но, похоже, ничего из этого не вышло, хотя вожди, казалось, искренне заверили в своей дружбе. На конференции присутствовали очень немногие из чокто и чероки. Незадолго до этого, во время распределения ежегодных выплат чероки, вожди также щедро заявляли о своем стремлении к миру.[177] Несмотря на все это, нападения на границе Теннесси продолжались в такой степени, что блокгаузы были вновь приведены в порядок и укомплектованы гарнизоном. Вскоре после этого губернатор доложил министру войны, что пять нижних городов чероки на Теннесси (Чикамауга), возглавляемых Джоном Уоттсом, наконец объявили войну Соединенным Штатам и что от трехсот до шестисот воинов, включая сотню криков, выступили против поселений. Была немедленно мобилизована милиция как в восточной части Теннесси, так и на Камберленде. На стороне Камберленда было дано указание не преследовать врага за пределы границы чероки, хребта между реками Камберленд и Дак. Приказ, отданный полковником Уайтом из округа Нокс каждому из своих капитанов, показывает, насколько велика была тревога:

Ноксвилл, *11 сентября 1792 года*.

Сэр: Настоящим приказываю вам с вашим отрядом прибыть в Ноксвилл, вооруженными, для защиты границ; существует непосредственная опасность. Принесите с собой провизию на два дня, если возможно, но не задерживайтесь ни на час.

С уважением,
Джеймс Уайт.[178]

Около полуночи 30 сентября 1792 года индейские войска, состоящие из нескольких сотен чикамаугов и других чероки, криков и шауно, атаковали станцию Бьюкенена, расположенную в нескольких милях к югу от Нэшвилла. Хотя многие семьи собрались внутри частокола для безопасности, среди них было менее двадцати трудоспособных мужчин. Приближение врага напугало скот, благодаря чему гарнизон получил предупреждение как раз вовремя, чтобы закрыть ворота, когда индейцы уже были в нескольких метрах от входа. Нападение было яростным и решительным: индейцы бросились к частоколу, пытаясь поджечь его, и целились из ружей в бойницы. Одному индейцу удалось взобраться на крышу с зажженным факелом, но он был застрелен и упал на землю, прижимая факел к бревнам, когда испускал последний вздох. Позже выяснилось, что он был полукровкой, пасынком старого белого торговца, который когда-то спас мальчика Джозефа Брауна в Никаджаке. Он был отчаянным воином и в свои двадцать два года уже снял шесть скальпов с белых. Атака была отбита по всем направлениям, и нападавшие в конце концов отступили, понеся значительные потери, унеся с собой своих мертвых и раненых и оставив на земле множество топоров, трубок и другой добычи. Среди раненых был вождь Джон Уоттс. Ни один из находившихся в форте не был ранен. Было справедливо сказано, что защита станции Бьюкенена такой горсткой людей против атакующих сил, численность которых оценивалась от трехсот до семисот индейцев, является подвигом храбрости, который едва ли превзойден в анналах пограничных войн. Эффект на индейцев, должно быть, был совершенно удручающим.[179]

В том же месяце были приняты меры по защите границы вдоль реки Френч-Брод с помощью ряда укрепленных блокпостов, между которыми регулярно патрулировали разведчики, а Северная Каролина сотрудничала со своей стороны границы. Враждебные вторжения в этом районе продолжались, крики действовали совместно с враждебными чероки. Одна из набеговых групп криков была обнаружена в направлении города Чилхоуи на реке Литл Теннесси, и белые собирались сжечь этот город и соседний город чероки, но Севир вмешался и предотвратил это.[180] Нет оснований предполагать, что жители этих городов были непосредственно вовлечены в грабежи вдоль границы в этот период, поскольку вред причиняли те, кто находился дальше на юге, совместно с криками.

В конце 1792 года капитан Сэмюэл Хэндли, возглавляя небольшой отряд для усиления поселения Камберленд, был атакован смешанными силами чероки, криков и шауно вблизи Крэб-Орчард, к западу от современного Кингстона, штат Теннесси. Отделившись от своих людей, он встретил воина, который поднял топор, чтобы нанести удар, но Хэндли схватил оружие и крикнул «Канали» (от *higĭna'lii*), «друг», на что чероки ответил тем же словом и сразу опустил руку. Хэндли был отвезен в Уилльстаун, штат Алабама, где его приняли в клан Волков (29) и где он оставался до следующей весны. Воспользовавшись его услугами для написания мирного письма губернатору Блаунту, чероки наконец отпустили его домой к друзьям под охраной восьми воинов, не требуя выкупа. Впоследствии он поселился недалеко от блокпоста Теллико, рядом с Лаудоном, где после окончания войн его индейские друзья часто приезжали к нему в гости и останавливались у него.[181]

1793 год начался с серии нападений вдоль всей границы Теннесси. Как и раньше, большая часть грабежей была совершена чикамаугами и криками, а также несколькими бродячими шауно из севера. Чероки из городов на Малом Теннесси оставались мирными, но их терпение было подвергнуто серьезному испытанию в связи с прискорбным событием, произошедшим в июне. В то время как несколько дружественных вождей собрались на конференцию в Эчоте по настоятельной просьбе президента, отряд людей под командованием капитана Джона Бирда внезапно напал на них, убив около пятнадцати индейцев, в том числе нескольких вождей и двух женщин, одна из которых была женой Хангинг-Мау (Ушвали-гута), главного вождя нации, который сам был ранен. Убийцы затем скрылись, оставив других страдать от последствий. Двести воинов сразу взялись за оружие, чтобы отомстить за свою утрату, и только самые настоятельные призывы заместителя губернатора смогли удержать их от быстрой мести. В то время как вождь, чья жена была убита, а он сам ранен, воздержался от мести, чтобы не навлечь войну на свой народ, министр войны был вынужден сообщить: «К моему великому сожалению, я считаю, что наказать Бирда по закону в данный момент невозможно». Бирд был арестован, но суд оказался фарсом, и его оправдали.[182]

Полагая, что народ чероки, за исключением чикамаугов, искренне стремится сохранить мир, правительство территории, принимая меры по обеспечению безопасности уязвимых поселений, строго запретило любое вторжение на индейскую территорию. Жители пограничных районов были другого мнения, и, несмотря на запрет, летом этого года отряд из почти двухсот всадников под командованием полковников Доэрти и Макфарланда пересек горы и уничтожил шесть средних городов, вернувшись с пятнадцатью скальпами и стольким же пленными.[183]

В конце сентября сильные войска, насчитывавшие около тысячи воинов — семьсот криков и триста чероки — под командованием Джона Уоттса и Даблхеда пересекли Теннесси и двинулись в направлении Ноксвилля, где в то время хранились государственные запасы. В своем стремлении добраться до Ноксвилля они тихо прошли мимо одного или двух небольших поселений, пока не оказались в непосредственной близости от города, когда на рассвете 25-го числа услышали, как гарнизон выстрелил из пушки на восходе солнца, и решили, что их обнаружили. Между лидерами

уже возникли разногласия, и, не рискуя продвигаться дальше, они ограничились нападением на небольшой блокгауз в нескольких милях к западу, известный как станция Кавиттс, в котором в то время находились только три мужчины с тринадцатью женщинами и детьми. После некоторого времени отважной обороны они сдались, получив обещание, что их будут держать для обмена, но как только они вышли, воины Даблхеда набросились на них и убили всех, за исключением мальчика из племени эндо-индейцев ( ), которого спас Джон Уоттс. Это кровавое деяние было полностью делом рук Даблхеда, другие вожди сделали все возможное, чтобы предотвратить его. [184]

Отряд из семисот человек под командованием генерала Севиера сразу же вышел на их след с приказом на этот раз продвинуться вглубь индейской территории. Перейдя реки Литл-Теннесси и Хивасси, они проникли в город Устанали, недалеко от современного Калхуна, штат Джорджия. Обнаружив его заброшенным, хотя и хорошо снабженным провизией, они отдохнули там несколько дней, а индейцы тем временем предприняли ночную атаку, которая закончилась неудачей. Сожгив город, Севир продолжил спуск по реке к городу Этова, недалеко от нынешнего Рома. Здесь индейцы — чероки и крики — вырыли окопы и готовились к сопротивлению, но, оказавшись в окружении, потерпели поражение с большими потерями и были вынуждены отступить. Этот город, а также несколько других в окрестностях, принадлежавших как чероки, так и крикам, были разрушены, а все запасы продовольствия индейцев, включая триста голов скота, были уничтожены, после чего армия отправилась в обратный поход. Американцы потеряли только трех человек. Это была последняя военная служба Севиера.[185]

Во время отсутствия войск Севиера на юге индейцы совершили внезапное вторжение в район Френч-Брод, недалеко от современного Дандриджа, убив и скальпировав женщину и мальчика. Пока их друзья сопровождали останки к соседнему кладбищу для захоронения, двое мужчин, которые неосторожно пошли вперед, были обстреляны. Один из них, Эдмунд Уоррен ( ), сумел спастись, но другой был найден убитым и лишенным скальпа, когда подоспели остальные члены отряда, и был похоронен вместе с первыми жертвами. Успех Севиера принес временное перемирие поселениям Камберленда. В начале года набеги небольших индейских отрядов были настолько частыми и досадными, что группа людей под командованием офицеров, которые с некоторым успехом применили тактику охоты на индейцев в их лагерях в зарослях, а не ждали, пока они придут в поселения, была вынуждена патрулировать территорию.[186]

В феврале 1794 года территориальная ассамблея Теннесси собралась в Ноксвилле и, помимо прочего, направила в Конгресс решительное обращение с призывом обеспечить более эффективную защиту границ и объявить войну крикам и чероки. В мемориале говорится, что со времени заключения договора Холстона (июль 1791 года) эти два племени самым варварским и бесчеловечным образом убили более двухсот граждан Теннесси обоих полов, увезли других в плен, уничтожили их скот, сожгли их дома и опустошили их плантации, ограбили граждан, похитив их рабов, и украли не менее двух тысяч лошадей. Особое внимание было уделено двум крупным вторжениям в сентябре 1792 года и сентябре 1793 года, и авторы меморандума заявляют, что едва ли был хоть один человек в ассамблее, который не мог бы рассказать о «дорогой жене или ребенке, пожилом родителе или близком родственнике, помимо друзей, убитых руками этих кровожадных народов в их домах или на полях».[187]

Тем временем набеги продолжались, и каждая разбросанная хижина становилась мишенью для нападения. В апреле группа из двадцати воинов окружила дом человека по имени Кастил на реке Френч-Брод, примерно в девяти милях выше Ноксвилля, и самым жестоким образом убила отца, мать и четверых детей. В живых осталась только одна девочка десяти лет, которую нашли со скальпированной головой и шестью ранами от томагавка, но она выжила. Остальные были похоронены в одной могиле. Резня вызвала такой шквал возмущения, что губернатору и местным

чиновникам пришлось приложить все усилия, чтобы предотвратить вторжение в индейскую территорию. Стало известно, что Даблхед из городов Чикамауга пытался заручиться поддержкой городов долины, которые, однако, продолжали придерживаться мирной позиции. Дружественные чероки также заявили, что испанцы постоянно подстрекают нижние города к враждебным действиям, хотя Джон Уоттс, один из их главных вождей, выступал за мир.[188]

В июне лодка под командованием Уильяма Скотта, груженная горшками, металлическими изделиями и другим имуществом, с шестью белыми мужчинами, тремя женщинами, четырьмя детьми и двадцатью неграми на борту, покинула Ноксвилл, чтобы спуститься по реке Теннесси ( ) до Натчеза. Проходя мимо городов Чикамауга, она подверглась обстрелу со стороны Ранинг-Уотер и Лонг-Айленда, но не понесла повреждений. Белые ответили огнем, ранив двух индейцев. Большая группа чероки во главе с Убийцей белых (Une′ga-dihĭ′) начала преследование лодки, которую они догнали в Масл-Шолс, где убили всех белых, взяли в плен негров и разграбили товары. В ходе боя трое индейцев были убиты, один получил ранение.[189] Говорят, что индейцы, участвовавшие в этой резне, бежали через Миссисипи на испанскую территорию и стали ядром западной части племени чероки, о чем будет сказано в другом месте.

26 июня 1794 года в Филадельфии был заключен еще один договор, который должен был дополнить договор Холстона 1791 года, и был подписан министром войны и тринадцатью главными вождями чероки. Было достигнуто соглашение о надлежащей маркировке установленной тогда границы, а ежегодная рента была увеличена до пяти тысяч долларов с оговоркой, что пятьдесят долларов будут вычитаться за каждую лошадь, украденную чероки и не возвращенную в течение трех месяцев.[190]

В июле человек по имени Джон Иш был застрелен, когда пахал свое поле в восемнадцати милях от Ноксвилля. По приказу Хэнггинг-Мау, дружественного вождя Эчоты, отряд чероки вышел на след и поймал убийцу, который оказался криком, и привел его к агенту в блокгауз Теллико, где он был официально судим и повешен. Когда ему задали обычный вопрос, он ответил, что его народ находится в состоянии войны с белыми, что он ушел из дома, чтобы убить или быть убитым, что он убил белого человека и сбежал бы, если бы не чероки, и что его народа достаточно, чтобы отомстить за его смерть. Через несколько дней отряд из ста воинов криков пересек реку Теннесси и направился к поселениям. Тревогу поднял Хэнггинг-Мау, и пятьдесят три чероки с несколькими федеральными солдатами отправились в погоню. 10 августа они настигли криков, убив одного и ранив другого, один чероки был легко ранен. Крики отступили, а победители вернулись в города чероки, где их возвращение было объявлено песней смерти и выстрелами из ружей. «Ночь прошла в танце скальпов, согласно обычаю воинов после победы над врагами, в котором искренне участвовали белые и красные люди. Верхние чероки теперь зашли слишком далеко, чтобы повернуть назад, и их заявления о дружбе больше не подлежали сомнению». В том же месяце произошло столкновение между отрядом из около сорока солдат и большим отрядом криков недалеко от Крэб-Орчард, в котором погибло несколько человек с каждой стороны.[191] Очевидно, что большая часть ущерба по обе стороны хребта Камберленд была нанесена криками.

Тем временем губернатор Блаунт пытался договориться о мире со всем народом чероки, но без особого успеха. Чероки заявляли, что они заинтересованы в постоянном мире, но говорили, что невозможно вернуть захваченное ими имущество, поскольку оно было захвачено во время войны, и они сами понесли такие же потери, как и белые. Они также говорили, что не могут помешать враждебным крикам проходить через их территорию. В конце июля стало известно, что сильное

отряды криков двинулись на север, чтобы напасть на поселения. Милиция была немедленно отправлена на границу с Теннесси, а дружественные чероки предложили свою помощь, в то время как были приняты меры для защиты их женщин и детей от врага. Крики продвинулись до Уилстауна, когда пришла весть о полном разгроме северных племен генералом Уэйном (30), и, опасаясь той же участи для себя, они повернули назад и рассеялись по своим городам.[192]

Жители Теннесси, особенно те, кто проживал на реке Камберленд, давно пришли к выводу, что мир можно установить только путем уничтожения городов чикамауга. Предвидя подобные действия, которые федеральное правительство не считало необходимыми или целесообразными, министр войны отдал приказ губернатору Блаунту не допускать никаких попыток такого рода. Однако жители пограничных районов продолжили свои приготовления, и по результатам очевидно, что местные военные власти были в сговоре с ними. Генерал Робертсон был главным организатором добровольцев в окрестностях Нэшвилла, которые были подкреплены ротой из Кентукки под командованием полковника Уитли. Майор Оре был отправлен губернатором Блаунтом с отрядом войск для защиты поселений Камберленда, и по прибытии в Нэшвилл он с таким же энтузиазмом включился в проект, как если бы никаких противоположных приказов и не было, и ему было поручено главное командование экспедицией, которая по этой причине широко известна как «экспедиция Оре».

7 сентября 1794 года армия из пятисот пятидесяти всадников покинула Нэшвилл и через пять дней пересекла Теннесси у устья реки Секватчи, их проводником был тот самый Джозеф Браун, о котором старая индианка сказала, что однажды он приведет солдат, чтобы уничтожить их. Оставив лошадей на другом берегу реки, они двинулись вперед по южному берегу сразу после рассвета 13-го числа и застали врасплох город Никаджак, убив нескольких воинов и взяв в плен ряд пленников. Некоторые, кто пытался сбежать на каноэ, были застрелены в воде. Воины из города Раннинг-Уотер ( ), расположенного в четырех милях выше по течению, услышали выстрелы и сразу же пришли на помощь своим друзьям, но после попытки удержать свои позиции были отброшены назад, и второй город разделил судьбу первого. Более пятидесяти индейцев были убиты, ряд был взят в плен, оба города и все их содержимое были разрушены, а нападавшие потеряли только трех человек, получивших ранения. Среди убитых был и вождь Раннинг-Уотера, Брет (Breath). В поселках были найдены два свежих скальпа и большое количество добычи из поселений, а также запас боеприпасов, который, как говорят, был предоставлен испанцами.[193]

Вскоре после возвращения экспедиции Робертсон послал сообщение Джону Уоттсу, главному вождю враждебных чероки, угрожая вторым визитом, если индейцы не сдадут своих пленников и не дадут гарантий мира.[194] Разрушение их городов на Теннесси и Куса и полное поражение северных союзников сломили мужество чероки, и по их просьбе губернатор Блаунт провел с ними конференцию в блокхаусе Теллико 7 и 8 ноября 1794 года, на которой присутствовали Хэнггинг-Мау, верховный вождь нации, и полковник Джон Уотт, главный вождь враждебных городов, с около четырьмя сотнями своих воинов. Результат был удовлетворительным; все разногласия были урегулированы на дружеской основе, и долгая война чероки подошла к концу.[195]

Из-за продолжавшегося опустошения их городов во время революционной борьбы, ряд чероки, в основном из племени Чикамауга, переселились через Огайо около 1782 года и поселились на Пэйнт-Крик, притоке реки Сайото, вблизи своих друзей и союзников, шауно. В 1787 году их число, по имеющимся данным, составляло около семидесяти воинов. Они принимали активное участие в боевых действиях на границе Огайо и участвовали в великой битве у порогов Мауми, в результате которой власть конфедерации северных племен была окончательно сломлена. Поскольку они не явились на конференцию по заключению договора, состоявшуюся в Гринвилле в августе 1795 года, генерал Уэйн направил им через их вождя Лонг-Хэйра специальное послание, в котором говорилось, что если они откажутся прийти и заключить договор, как сделали другие,

то будут считаться не подпадающими под защиту правительства. После этого часть из них пришла и пообещала, что, как только они соберут урожай, все племя навсегда покинет Огайо и вернется к своему народу на юге.[196]

Крики по-прежнему были враждебно настроены и продолжали нападать на западные поселения. В начале января 1795 года губернатор Блаунт провел еще одну конференцию с чероки и попытался убедить их организовать отряд из своих молодых людей для патрулирования границы против криков, но вожди отказались согласиться на это предложение.[197]

В следующем году было обнаружено, что готовится движение по захвату определенных индейских земель к югу от Камберленда под предлогом полномочий, ранее предоставленных Северной Каролиной для помощи солдатам-революционерам. Поскольку такие действия почти наверняка привели бы к новой индейской войне, Конгресс, по представлению президента Вашингтона, вмешался, приняв закон о регулировании взаимоотношений между гражданами Соединенных Штатов и различными индейскими племенами. Его основной целью было предотвратить вторжение на земли, права индейцев на которые не были аннулированы договором с федеральным правительством, и в соответствии с его положениями ряд самовольных поселенцев были изгнаны с индейских земель и переселены за границу. Однако давление со стороны приграничных районов постоянно требовало расширения территории белых поселений, что привело к немедленной агитации за заключение нового договора о передаче земель.[198]

В результате настоятельных представлений от жителей Теннесси, в 1797 году Конгресс предпринял шаги по заключению нового договора с чероки, по которому изгнанные поселенцы могли бы быть восстановлены, а границы нового штата расширены, чтобы обеспечить более тесную связь между восточными поселениями и поселениями на Камберленде. Революционная война заставила чероки уйти на запад и юг, и их столицей и центральным местом сбора теперь был город Устанали, недалеко от современного Калхуна, штат Джорджия, в то время как Эчота, их древняя столица и любимый город мира, находилась почти на границе белых поселений. Комиссары хотели, чтобы переговоры проходили в Эчоте, а чероки предпочитали Устанали. После некоторого обсуждения был выбран удобный место рядом с блокпостом Теллико, где в июле началась конференция, но она была внезапно прервана категорическим отказом чероки продавать какие-либо земли или разрешать возвращение изгнанных поселенцев.

Остаток лета прошел в переговорах по уже предложенным условиям, и 2 октября 1798 года в том же месте был заключен договор, широко известный как «первый договор Теллико», который был подписан тридцатью девятью вождями от имени чероки. По этому договору индейцы уступили участок между рекой Клинч и хребтом Камберленд, другой участок вдоль северного берега реки Литл-Теннесси, простирающийся до горы Чилхоуи, и третий участок в Северной Каролине на верховьях рек Френч-Брод и Пиджен, включая места нынешних городов Уэйнсвилл и Хендерсонвилл. Эти уступки включали большую часть или все земли, с которых были изгнаны поселенцы. Было также дано разрешение на прокладку «дороги Камберленд», соединяющей поселения восточного Теннесси с поселениями около Нэшвилла. В обмен на уступленные земли и права Соединенные Штаты согласились предоставить чероки товары на сумму пять тысяч долларов, увеличить их существующую ежегодную ренту на тысячу долларов и, как обычно, «продолжать гарантировать оставшуюся часть их страны навсегда».[199]

Победа Уэйна над северными племенами в битве при порогах Мауми полностью сломила их силу и заставила их принять условия мира, продиктованные в договоре Гринвилля летом 1795 года. Непосредственным результатом этого стало сдача индейцами границы реки Огайо и вывод британских гарнизонов из внутренних постов, которые до этого момента они продолжали удерживать, несмотря на договор, заключенный в конце революции. Согласно договору,

заключенному в Мадриде в октябре 1795 года, Испания отказалась от всех претензий на восточную часть Миссисипи к северу от 31-й параллели, но под различными предлогами официальная передача постов была отложена, и испанский гарнизон продолжал занимать Сан-Фернандо-де-Барранкас, нынешний Мемфис, штат Теннесси, до осени 1797 года, а гарнизон в Натчезе, штат Миссисипи, был сдан только в марте 1798 года. Крики, видя развитие событий, заключили мир в Колерене, штат Джорджия, в июне 1796 года. С устранением враждебного европейского влияния, по крайней мере на время, разгромлением и деморализацией воинственных племен на севере и юге и уничтожением городов чикамауга ( ), чероки поняли, что должны принять сложившуюся ситуацию, и после почти двадцати лет непрерывных войн отложили томагавки, чтобы заняться искусством мира и цивилизации.

К концу века они по-прежнему были компактным народом (движение на запад еще едва началось), насчитывавшим, вероятно, около 20 000 душ. После неоднократной уступки больших участков земли, на некоторые из которых они имели сомнительные права, они остались в признанном владении территорией площадью почти 43 000 квадратных миль, что примерно соответствует площади Огайо, Вирджинии или Теннесси. Около половины этой территории находилась в пределах Теннесси, остальная часть была почти поровну разделена между Джорджией и Алабамой, с небольшим участком в крайнем юго-западном углу Северной Каролины.[200] Старые нижние города на реке Саванна были разрушены в течение двадцати лет, и белые настолько вторглись в верхние города, что столица и совет огневого костра нации были перенесены из древнего мирного города Эчота в Устанали, в Джорджии. Города на реке Куса и в Алабаме были почти все недавно основанными, заселенными беженцами с востока и севера. Средние города в Северной Каролине по-прежнему были окружены индейскими землями.

Огнестрельное оружие было введено в племени около ста лет назад, и чероки хорошо научились им пользоваться. Такие цивилизованные товары, как топоры, ножи, одежда и безделушки, стали настолько распространенными до первой войны чероки, что индейцы заявили, что больше не могут жить без торговцев. Лошади и другие домашние животные были введены в начале века, и в начале войны 1760 года, по словам Адаира, чероки имели «огромное количество превосходных лошадей», и хотя голод заставил их съесть большую часть из них в тот период, в 1775 году у каждого из них все еще было от двух до двенадцати лошадей, и вскоре они могли рассчитывать на изобилие лучших лошадей, поскольку, по словам того же источника, они были искусными жокеями и хорошо разбирались в выборе лошадей. Некоторые из них полюбили крупный рогатый скот, и у них также было много свиней и домашней птицы, причем индейская свинина ценилась выше, чем выращенная в поселениях белых, из-за питания каштанами.[201] Во время экспедиции Севиера против городов на реке Куса в 1793 году армия убила триста голов крупного рогатого скота в Этоуа и оставила их туши гнить на земле. Пересекая землю чероки в 1796 году, Хокинс встретил индейскую женщину на лошади, которая гнала десять очень тучных коров в поселения на продажу. На их полях в изобилии росли персиковые деревья и картофель, а также местная кукуруза и бобы, у некоторых были пчелы и мед, и они ведели значительную торговлю пчелиным воском. Похоже, что они быстро оправились от повторяющихся разрушений войны, и во всей нации царила атмосфера процветания. Коренные ремесла гончарства и плетения корзин по-прежнему были основным занятием женщин, а воины охотились с таким успехом, что одна группа торговцев привезла тридцать телег с шкурами за одну поездку.[202] В одежде и строительстве домов индейский стиль практически не изменился.

В соответствии с политикой цивилизации правительство согласилось по договору 1791 года бесплатно предоставить чероки сельскохозяйственные орудия и аналогичную помощь. Эта политика была продолжена и расширена до такой степени, что в 1801 году Хокинс сообщает, что «в агентстве чероки колесо, ткацкий станок и плуг [*sic*] находятся в довольно широком употреблении, а сельское хозяйство, производство и животноводство являются темой разговоров

среди мужчин и женщин». На конференции, состоявшейся в этом году, вожди горных поселений жаловались, что жители более западных и юго-западных поселений получили больше, чем им полагалось, прялок и чесальных машин и, следовательно, были более продвинуты в изготовлении собственной одежды, а также в земледелии, на что другие ответили, что все эти вещи были предложены всем одинаково и одновременно, но в то время как жители низменностей быстро их приняли, горцы отнеслись к этому сдержанно. «Те, кто жалуются, опоздали. Мы опередили их и намерены сохранить свое преимущество». Прогрессисты во главе с Джоном Уоттсом, Даблхедом и Уиллом угрожали отделиться от остальных и оставить тех, кто жил к востоку от горы Чилхоуи, самим заботиться о себе.[203] Здесь мы видим зародыш недовольства, которое в конечном итоге привело к эмиграции западной группы. Наряду с другими достижениями цивилизации, было введено рабство негров, и несколько ведущих деятелей теперь были рабовладельцами (31).

Во многом прогресс цивилизации был обусловлен смешанными браками между белыми мужчинами, в основном торговцами дореволюционного периода, и несколькими американцами из отдаленных поселений. Семьи, которые вошли в историю чероки, почти все были смешанного происхождения. Дугерти, Галпины и Адаиры были из Ирландии; Россы, Ванны и Макинтоши, как и Макгилливреи и Грейсоны среди криков, были шотландского происхождения; Ваффорды и другие были американцами из Каролины или Джорджии, а отец Секвойи был немцем (из Пенсильвании?). Большинство этих белых были из хороших семей, в отличие от «сквоу-менов» западных племен. Те из смешанных семей, кто мог себе это позволить, обычно отправляли своих детей учиться, а некоторые строили школы на своей земле и приглашали частных учителей извне. В начале нынешнего века мы видим влиятельных представителей смешанных семей почти в каждом городе, а цивилизованная идея доминировала даже в национальных советах. Средние города, отрезанные от внешнего мира высокими горами, оставались оплотом консерватизма чероки.

За исключением Прибера, похоже, что до 1800 года не было никаких достоверных сведений о миссионерах, работавших среди чероки. Действительно, есть случайное упоминание о пресвитерианском священнике из Северной Каролины, который в 1758 году направлялся к племени, но, похоже, ничего из этого не вышло, и вскоре мы находим его в Южной Каролине, отделенного от своей первоначальной юрисдикции.[204] Первая постоянная миссия была основана моравскими братьями, мирными немецкими иммигрантами, чьи учения нашли яркое воплощение в жизни Цейсбергера и Хекевельдера. Еще в 1734 году, временно поселившись в Джорджии, они стремились принести знания о христианской религии индейцам, проживавшим в непосредственной близости от Саванны, в том числе, возможно, и некоторым бродячим чероки. Позже они основали миссии среди делавэров в Огайо, где в 1773 году был принят их первый обращенный в христианство чероки, который в детстве был захвачен делавэрами, вырос и женился в этом племени. В 1752 году они основали поселение на верхнем Ядкине, недалеко от нынешнего Сейлема, Северная Каролина, где они дружески познакомились с чероки.[205] В 1799 году, услышав, что чероки нуждаются в учителях, или, возможно, по прямому приглашению вождей, два миссионера посетили племя, чтобы изучить этот вопрос. Летом следующего года был сделан еще один визит, и в агентстве Теллико был созван совет, на котором после дискуссии, в ходе которой индейцы продемонстрировали значительные различия во мнениях, было решено открыть миссию. Получив разрешение от правительства, в апреле 1801 года преподобный Абрахам Штайнер и преподобный Готлиб Байхан приступили к работе в резиденции Дэвида Ванна, видного вождя смешанного происхождения, который разместил их в своем доме и оказал им всяческую помощь в строительстве миссии, которую они впоследствии назвали Спринг-Плейс, где сейчас находится одноименная деревня в округе Мюррей, на северо-западе Джорджии. Им также оказал материальную помощь агент полковник Ретрон Дж. Мейгс (32). Вскоре стало ясно, что чероки хотели для своих детей не новых теологических учений, а цивилизаторов, и когда они

поняли, что школу нельзя открыть сразу, великий совет в Устанали приказал миссионерам организовать школу в течение шести месяцев или покинуть страну. С помощью Ванна дело было улажено, и школа была открыта, среди учеников были несколько сыновей видных вождей. Еще одна моравская миссия была основана преподобным Дж. Гэмболдом в Уткалого, в том же округе, в 1821 году. Обе миссии процветали, когда в 1834 году штат Джорджия распустил их вместе с другими миссиями чероки. Позже работа была возобновлена за пределами Миссисипи.[206]

В 1804 году преподобный Гидеон Блэкберн, пресвитерианский священник из Теннесси, открыл школу среди чероки, которая просуществовала несколько лет, пока не была закрыта из-за нехватки средств.[207]

Несмотря на обещание, данное чероки в договоре 1798 года, что правительство «будет вечно гарантировать оставшуюся часть их страны», почти сразу же были начаты меры по получению еще одной большой уступки земель и привилегий на строительство дорог. Несмотря на энергичные протесты чероки, которые направили в Вашингтон делегацию видных вождей, чтобы выразить протест против дальнейшей продажи земель, было оказано такое давление, главным образом благодаря усилиям агента полковника Мейгса, что цель правительства была достигнута, и в 1804 и 1805 годах в агентстве Теллико были заключены три договора, по которым чероки лишились более восьми тысяч квадратных миль своей оставшейся территории.

Первым из этих договоров, заключенным 24 октября 1804 года, была куплена небольшая территория на северо-востоке Джорджии, известная как «поселение Уэффорд- », на которой несколько лет назад поселилась группа под руководством полковника Уэффорда, полагая, что она находится за пределами границ, установленных договором Хоупвелл. В качестве компенсации чероки должны были получить немедленную выплату в размере пяти тысяч долларов в виде товаров или наличных денег с дополнительной ежегодной выплатой в размере одной тысячи долларов. По другим договорам — от 25 и 27 октября 1805 года — был приобретен большой участок в центральной части Теннесси и Кентукки, простирающийся между горным хребтом Камберленд и западной границей договора Хоупвелл, а также от реки Камберленд на юго-запад до реки Дак. Один участок был также обеспечен в Юго-Западной точке (ныне Кингстон, Теннесси) с целью создания там столицы штата, которая, однако, семь лет спустя была расположена в Нэшвилле. Было также получено разрешение на прокладку двух почтовых дорог через территорию чероки в Джорджию и Алабаму. В качестве компенсации за уступки по двум договорам Соединенные Штаты согласились выплатить пятнадцать тысяч шестьсот долларов в виде рабочих инструментов, товаров или наличных денег, а также дополнительную ежегодную ренту в размере трех тысяч долларов. Чтобы заручиться согласием некоторых ведущих вождей, комиссары договора прибегли к позорному прецеденту секретных статей, по которым несколько ценных небольших участков были зарезервированы для Даблхеда и Толлантиски, причем соглашение было зафиксировано как часть договора, но не включено в копию, отправленную в Сенат для утверждения.[208] В результате продолжающегося злоупотребления своим служебным положением в корыстных целях Двойная Голова вскоре после этого был убит в соответствии с указом вождей нации, а майором Риджем был выбран палачом.[209]

Согласно договору от 25 октября 1805 года, поселения в восточной части Теннесси были объединены с поселениями около Нэшвилла на реке Камберленд, и штат наконец приобрел компактную форму. Вся южная часть штата, как было определено в хартии, по-прежнему оставалась индейской территорией, и существовало сильное и постоянное давление с целью ее открытия, причем преобладающим мнением было сделать реку Теннесси границей между двумя расами. Новые иммигранты постоянно стекались с востока, и, как говорит Ройс, «желание поселиться на индейской земле было столь же сильным и ненасытным у среднестатистического поселенца на границе тогда, как и сейчас». Практически через два месяца после заключения последних договоров 7 января 1806 года в Вашингтоне был заключен еще один договор, по которому чероки уступили свои права на обширную территорию между реками Дак и Теннесси, охватывающую почти семь тысяч квадратных миль в Теннесси и Алабаме, а также остров Лонг (Большой остров) на реке Холстон, который до этого времени они считали своим. В качестве компенсации им было обещано десять тысяч долларов, выплачиваемых пятью денежными взносами, мельница и хлопкоочистительная машина, а также пожизненная рента в размере ста долларов для Блэк-Фокса, пожилого вождя племени. Подписавшие документ, в том числе Даблхед и Толлантиски, были сопровождены в Вашингтон теми же комиссарами, которые заключили предыдущий договор. В результате некоторых недоразумений границы уступленной территории были еще более расширены в дополнительном договоре, заключенном в Чикасо-Олд-Филдс на Теннесси 11 сентября 1807 года. Поскольку на землю между реками Дак и Теннесси также претендовали чикасо, их права были аннулированы отдельными договорами.[210] Согласно договору, явной компенсацией за эту последнюю уступку чероки было две тысячи долларов, но агент Мейгс тайно договорился, что вождям, подписавшим договор, будет выплачено то, что он называет «тихой компенсацией» в размере одной тысячи долларов и нескольких винтовок.[211]

В 1807 году полковник Элиас Эрл с согласия правительства получил от чероки концессию на создание металлургического завода в устье реки Чикамауга, на южном берегу реки Теннесси, который должен был снабжаться рудой, добываемой на территории чероки. Ожидалось, что это станет значительным шагом на пути к цивилизации индейцев, а также позволит правительству получать поставки готового железа по более низким ценам, но после длительных усилий проект был окончательно заброшен из-за отказа штата Теннесси санкционировать эту субсидию.[212] В том же году, по соглашению с федеральным правительством, законодательный орган Теннесси попытался вести переговоры с чероки о той части их неотчужденных земель, которая находилась в пределах штата, но без успеха из-за нежелания индейцев расставаться с еще большей территорией и их особой неприязни к жителям Теннесси.[213]

В 1810 году национальный совет чероки зарегистрировал дальнейший прогресс в цивилизации, официально отменив обычай клановой мести, до сих пор бытовавший среди племен. Закон подписан главным вождем Черной Лисой (Ina'lĭ) и семью другими лицами и гласит следующее:

В Совете, Остиналех, *18 апреля 1810 года.*

1. Да будет известно в этот день, что различные кланы или племена, составляющие народ чероки, единодушно приняли закон о прощении всех жизней, за которые они могли быть обязаны друг другу, и взаимно согласились, что после этого вечера вышеупомянутый закон станет обязательным для каждого клана или племени.

2. Вышеупомянутые кланы или племена также согласились, что если в будущем какая-либо жизнь будет утрачена без злого умысла, невиновный агрессор не будет считаться виновным; и, если случится так, что брат, забыв о своих естественных чувствах, поднимет руки в гневе и убьет своего брата, он будет считаться виновным в убийстве и понесет соответствующее наказание.

3. Если у человека украли лошадь, и он догнал вора, и его гнев был настолько велик, что он пролил его кровь, пусть это останется на его совести, но от его родственников или клана, к которому он мог принадлежать, не будет требоваться никакой компенсации за его жизнь.

По приказу семи кланов.[214]

В соответствии с соглашением с чероки, заключенным в 1813 году, была организована компания, состоящая из представителей Теннесси, Джорджии и народа чероки, с целью проложить бесплатную общественную дорогу от реки Теннесси до верховья судоходной части реки Тугалу, притока реки Саванна, с предусмотренными удобными местами для остановки вдоль линии. Дорога была построена в течение следующих трех лет и стала великой магистралью от побережья до поселений Теннесси. Начинаясь на Тугалу или Саванне, недалеко от входа в ручей Токкоа, она пересекала верхнюю часть Чаттахучи, проходя через Кларксвилл, долину Накучи, перевал Уникой и Хивасси в Джорджии; затем, войдя в Северную Каролину, спускалась по Хивасси, проходя через Хейсвилл и Мерфи и через горный хребет Грейт-Смоки в Теннесси, пока не достигала конечной точки в столице чероки, Эчота, на реке Литл-Теннесси. Официально она называлась «Уникой-Тернпайк» (Unicoi turnpike),[215] но в Северной Каролине была широко известна как «тропа Вачеса» (Wachesa trail), от имени Ватсиса (Watsi′sa) или Вачеса (Wachesa), известного индейца, который жил недалеко от переправы через ручей Бивердам, ниже Мерфи. Эта часть дороги пролегала по старой индейской тропе, которая уже носила это название.[216]

Пропустив пока некоторые переговоры, целью которых было переселение чероки на запад, мы подходим к периоду войны с криками.

С момента заключения Гринвиллского договора великий вождь шауно Текумта (33) мечтал вновь объединить конфедерацию северных племен, чтобы создать барьер против дальнейших агрессий белых людей. Его пламенная красноречивость была умело поддержана более тонким убеждением его брата, который взял на себя роль пророка с новым откровением, суть которого заключалась в том, что индейцы должны вернуться к своей прежней индейской жизни, если они хотят сохранить свое национальное существование. Новая доктрина распространилась среди всех северных племен и в конце концов достигла южных, куда сам Текумта отправился, чтобы набрать воинов в великую индейскую конфедерацию. Пророки Верхних Криков с энтузиазмом приняли эту доктрину, и вскоре их воины танцевали «танец индейцев озер». В ожидании предстоящей войны с Соединенными Штатами ( ) британские агенты в Канаде поощряли враждебные настроения по отношению к американцам разговорами и подарками в виде товаров и боеприпасов, в то время как испанцы также тайно разжигали пламя недовольства.[217] В разгар волнений 28 июня 1812 года между этой страной и Англией была объявлена война. Текумта, возглавлявший полторы тысячи воинов, сразу же поступил на службу к англичанам с званием генерала, а крики начали убивать и жечь вдоль южной границы, после того как тщетно пытались заручиться сотрудничеством чероки.

От криков новое откровение было передано чероки, чьи жрецы сразу же начали видеть сны и проповедовать возвращение к прежней жизни как единственную надежду индейской расы. В Устанали, столице страны, был назначен великий лечебный танец, после которого пророк чероки, представленный делегацией из Кусавати, публично объявил и объяснил эту доктрину. Он начал с того, что некоторые горные города оскорбили его и отказались принять его послание, но, несмотря на это, он должен продолжать свидетельствовать о своей миссии, что бы ни случилось. Чероки нарушили путь, который был дан их отцам в начале мира. Они взяли одежду и украшения белых людей, у них были кровати, столы и мельницы; у некоторых даже были книги и кошки. Все это было плохо, и из-за этого их боги были разгневаны, и дичь покидала их страну. Если они хотели жить и быть счастливыми, как раньше, они должны были сбросить одежду белых людей, выбросить их мельницы и ткацкие станки, убить своих кошек, накрасить лица и надеть одежду из оленьей кожи и снова стать индейцами; в противном случае их постигнет быстрое уничтожение.

Его речь сильно понравилась людям, которые в большом волнении восклицали, что его слова правильны. Из всех присутствующих только майор Ридж, главный вождь, имел мужество встать и

выступить против, предупреждая своих слушателей, что такие разговоры неизбежно приведут к войне с Соединенными Штатами, которая закончится их собственным уничтожением. Обезумевшие последователи пророка набросились на Риджа и убили бы его, если бы не вмешательство друзей. В результате он был сбит с ног и едва спас свою жизнь, а один из его защитников был заколот ножом.

Пророк угрожал через некоторое время вызвать страшную бурю, которая должна была уничтожить всех, кроме истинных верующих, которых призывали собраться для безопасности на одной из высоких вершин гор Грейт-Смоки. С полной верой они бросили своих пчел, свои сады, своих рабов и все, что досталось им от белых людей, и отправились в утомительный поход в высокие горы. Там они ждали, пока назначенный день наступил и прошел, показав , что их надежды и страхи были беспочвенны, после чего они с грустью вернулись в свои дома, и великое индейское возрождение среди чероки подошло к концу.[218]

Среди криков, где действовали другие враждебные влияния, волнение достигло кульминации в крикской войне. Уже было совершено несколько убийств и злодеяний, но только после ужасной резни в форте Мимс (34) 30 августа 1813 года пробудилась вся американская нация. Под влиянием Риджа и других видных вождей чероки отказались присоединиться к враждебным крикам и, напротив, пообещали помочь белым и дружественным городам.[219] Более чем за год до этого совет направил крикам дружественное письмо, предупреждая их о недопустимости перехода на сторону британцев в надвигающейся войне, а несколько видных вождей предложили нанять чероки для службы в армии Соединенных Штатов.[220] Поняв, что от чероки помощи ждать не приходится, крики воспользовались случаем и убили женщину из племени чероки недалеко от города Этова в Джорджии. С помощью колдуна убийц выследили, догнали и убили на второй день вечером в зарослях, где они укрылись. После этого союз между двумя племенами стал невозможен.[221]

Во время резни в Форт-Мимс Макинтош (35), вождь дружественных нижних криков, находился в гостях у чероки, среди которых у него были родственники. По приказу совета чероки его сопроводила домой делегация во главе с Риджем. По возвращении Ридж привез с собой просьбу нижних криков, чтобы чероки присоединились к ним и американцам в подавлении войны. Сам Ридж настоятельно призывал принять это предложение, заявляя, что если пророкам будет позволено поступать по-своему, дело цивилизации будет разрушено. Однако совет решил не вмешиваться в дела других племен, после чего Ридж призвал добровольцев, в результате чего откликнулось так много воинов, что совет изменил свое решение и объявил войну крикам.[222] Для правильного понимания ситуации необходимо отметить, что враждебные настроения были ограничены почти исключительно городами верхних криков на Таллапусе, где проживали пророки новой религии. Вождем воинствующей группы был полукровка Уэзерфорд (36). Нижние города криков на реке Чаттахучи ( ) под руководством другого вождя-полукровки Макинтоша были дружественны и действовали вместе с чероки и американцами против своих же братьев.

Наша цель не состоит в том, чтобы рассказать историю войны криков, а лишь отметить роль, которую в ней сыграли чероки. Дружественные нижние крики под руководством Макинтоша с несколькими беженцами из верхних городов действовали в основном вместе с армией генерала Флойда, которая вторглась в южную часть страны криков из Джорджии. Некоторые дружественные чокто и чикасо также оказали помощь в этом направлении. Чероки вместе с некоторыми дружественными криками из верхних городов действовали вместе с армиями под командованием генералов Уайта и Джексона, которые вторглись в страну криков со стороны Теннесси. В то время как несколько сотен их воинов сражались на поле боя, чероки, оставшиеся дома, были заняты сбором провианта для американских войск.

Когда Джексон приблизился с севера, примерно в конце октября 1813 года, его встретили гонцы с просьбой прийти на помощь Паткиллеру, вождю чероки, который был в опасности быть отрезанным врагами в своей деревне Туркейтаун, на верхнем Куса, недалеко от нынешнего Центра, Алабама. Джексон приказал свежему отряду, направлявшемуся из восточного Теннесси под командованием генерала Уайта, освободить город, и тот успешно выполнил эту задачу. Отряд Уайта состоял из тысячи человек, в том числе четырехсот чероки под командованием полковника Гидеона Моргана и Джона Лоури.[223]

Когда армия продвигалась вниз по Кузе, крики отступили в Талласихатчи, на одноименном ручье, недалеко от нынешнего Джексонвилля, округ Калхун, штат Алабама. Против них были отправлены тысяча человек под командованием генерала Коффи, а также рота чероки под командованием капитана Ричарда Брауна и несколько криков. Индийские вспомогательные войска носили головные уборы из белых перьев и оленьих хвостов. Атака была совершена на рассвете 3 ноября 1813 года, и город был взят после отчаянного сопротивления, из которого ни один из защитников не выжил, поскольку крики были полностью окружены со всех сторон. Кофе в своем официальном отчете пишет:

Они оказали все сопротивление, на которое был способен побежденный солдат — они сражались до последнего, но их уничтожение было очень быстро завершено. Наши люди ворвались в дома и за несколько минут убили последнего из воинов. Враг сражался с дикой яростью и встретил смерть со всеми ее ужасами, не сдаваясь и не жалуясь — ни один из них не просил пощады, а сражался до тех пор, пока мог стоять или сидеть.

Крики продемонстрировали такую боевую готовность на протяжении всей войны, сражаясь против превосходящих сил противника. На поле боя было насчитано почти двести тел погибших воинов, и генерал повторяет, что «ни один из воинов не спасся». Ряд женщин и детей были взяты в плен. Почти каждый мужчина из племени криков имел лук с пучком стрел, который он использовал после первого выстрела из ружья ( ). Потери американцев составили всего пять убитых и сорок один раненый, что, возможно, не включает индейский контингент.[224]

Передовой отряд Уайта, состоявший в основном из четырехсот других чероки под командованием Моргана и Лоури, достиг Талласихатчи в тот же вечер, но обнаружил, что он уже разрушен. Они подобрали двадцать раненых криков, которых привезли с собой в Туркитаун.[225]

Следующее крупное сражение произошло в Талладеге, на месте нынешнего одноименного города в округе Талладега, штат Алабама, 9 ноября 1813 года. Джексон лично командовал двумя тысячами пехотинцев и кавалеристов. Хотя чероки не упоминаются конкретно, они были частью армии и, вероятно, принимали участие в сражении. Сам город был занят дружественными криками, которые были осаждены врагами, число которых, по оценкам, превышало тысячу воинов. И в этом случае сражение было простой резней, поскольку соотношение сил было два к одному, а крики не имели укрытия, хотя они сражались так отчаянно, что в какой-то момент ополчение было отброшено назад. Они оставили на поле боя двести девяносто девять трупов, что, по их собственным заявлениям, было лишь частью их общих потерь. Американцы потеряли пятнадцать убитых и восемьдесят пять раненых.[226]

Через день или два жители города Хиллаби, расположенного примерно на месте нынешней деревни с таким же названием в округе Клэй, штат Алабама, послали послов в лагерь Джексона с просьбой о мире, на которую командир немедленно согласился. Тем временем даже когда посланцы мира возвращались домой с хорошей новостью, армия из тысячи человек из восточного Теннесси под командованием генерала Уайта, который заявлял о своей независимости от власти Джексона, вместе с четырьмястами чероки под командованием полковника Гидеона Моргана и Джона Лоури, 18 ноября 1813 года окружила город, застав его врасплох, поскольку жители так уверенно полагались на успех своего мирного посольства, что не предприняли никаких

приготовлений к обороне. Шестьдесят воинов были убиты и более двухсот пятидесяти взяты в плен, при этом американцы не понесли никаких потерь, поскольку сопротивления практически не было. В официальном отчете Уайта об этом событии он заявляет, что он послал вперед часть своих сил вместе с чероки под командованием Моргана, чтобы окружить город, и добавляет, что «полковник Морган и чероки под его командованием дали неопровержимое доказательство того, что они заслуживают доверия своего правительства».[227] Не зная, что нападение было совершено без санкции или ведома Джексона, крики, естественно, пришли к выводу , что мирные предложения бесполезны, и с тех пор до конца войны не было никаких разговоров о капитуляции.

29 ноября 1813 года армия Джорджии под командованием генерала Флойда, состоящая из девятисот пятидесяти американских солдат и четырехсот дружественных индейцев, в основном нижних криков под командованием Макинтоша, захватила и разрушила город Аутосси на реке Таллапуса, к западу от нынешнего Таскиги, убив около двухсот воинов и сожгив четыреста хорошо построенных домов. 23 декабря крики были вновь разгромлены генералом Клейборном при поддержке дружественных чокто в Эканачаке, или Святой земле, на реке Алабама, недалеко от нынешнего Бентона в округе Лоундс. Этот город и другой, расположенный в нескольких милях от него, также были разрушены, вместе с большим количеством провианта и другого имущества.[228] Сомнительно, что в этих действиях принимали участие чероки.

К концу года силы Джексона в северной Алабаме были настолько сокращены из-за мятежей и истечения срока службы, что у него осталось всего сто солдат, и он был вынужден нанять чероки для охраны форта Армстронг на верхнем Куса и защиты своего склада продовольствия.[229] С началом нового 1814 года, получив подкрепление из Теннесси, а также около двухсот дружественных криков и еще шестьдесят пять чероки, он покинул свой лагерь на Кусе и двинулся на города на Таллапусе. Прибыв к реке, он узнал, что находится в нескольких милях от основной части врага, и остановился для разведки, разбив лагерь в боевом порядке на ручье Эмукфау, на северном берегу Таллапузы, недалеко от знаменитого изгиба Хорсшу-Бенд. Здесь, утром 24 июня 1814 года, он был внезапно атакован врагом с такой яростью, что, несмотря на то, что войска атаковали штыками, крики снова вернулись в бой и были окончательно разбиты только благодаря помощи дружественных индейцев, которые напали на них с тыла. Джексон был настолько тяжело ранен, что отступил в форт Стротер на реке Куса, унося на лошадиных носилках своих раненых, среди которых был генерал Коффи. Крики преследовали его и снова атаковали, когда он пересекал ручей Эноточопко 24 января, но после ожесточенного боя были отброшены назад залпами картечи из шестифунтовой пушки с близкого расстояния. Затем армия продолжила отступление к форту Стротер. Американские потери в этих двух сражениях составили около ста убитых и раненых. Потери криков были гораздо больше, но они заставили отступить превосходящие силы, вооруженные штыками и артиллерией, и без помощи дружественных индейцев вряд ли Джексон смог бы спасти свою армию от деморализации. Сами крики провозгласили победу и впоследствии хвастались, что «разгромили Джексона и прогнали его к реке Куса». Пикетт утверждает, опираясь, по-видимому, на достоверные источники, что в сражении участвовало не более пятисот воинов криков. У Джексона, вероятно, было не менее тысячи двухсот человек, включая индейцев.[230]

В то время как эти события разворачивались на севере, генерал Флойд снова выдвинулся из Джорджии с силами численностью около 1300 американцев и 400 дружественных индейцев, но утром 27 января 1814 года был застигнут врасплох на ручье Калеби, недалеко от современного Таскиги, штат Алабама, и вынужден отступить, оставив поле боя во владении врага.[231]

Теперь мы подошли к заключительному событию войны с криками, к ужасной битве при Хорсшу-Бенд. Получив значительное подкрепление из Теннесси, Джексон оставил гарнизон в форте Стротер и примерно в середине марта спустился по реке Куса к устью ручья Сидар, к юго-востоку от нынешнего Колумбиана, где построил форт Уильямс. Оставив здесь свои склады под охраной

гарнизона, он начал марш к изгибу реки Таллапуса под названием Хорсшу-Бенд ( ), где, по сообщениям, собрались вражеские силы. В этом месте, известном крикам как Тохопки или Тохопека, река Таллапуса делала изгиб, образовывая узкий полуостров площадью около восьмидесяти или ста акров, открытый с севера. В нижней части реки находился остров, а примерно в миле ниже — ручей Эмукфау, впадающий с севера, где два месяца назад был отбит Джексон. Оба места находились в современном округе Таллапуса, штат Алабама, в пределах двух миль от современного поселка Тохопека. Поперек перешейка полуострова крики построили прочное укрепление из бревен, за которым находились их дома, а за ними — несколько каноэ, пришвартованных к берегу на случай необходимости отступления. Форт защищали тысяча воинов, с которыми также находилось около трехсот женщин и детей. Силы Джексона насчитывали около двух тысяч человек, включая, по его собственным словам, пятьсот чероки. У него также было две небольшие пушки. Описание сражения, или, скорее, массового убийства, которое произошло утром 27 марта 1814 года, лучше всего изложить в виде краткого изложения официальных отчетов главных командиров.

Прибыв в окрестности форта, Джексон расположил своих людей для атаки, поручив генералу Коффи с конными и почти всей индейской армией переправиться через реку в брод примерно в трех милях ниже и окружить изгиб таким образом, чтобы никто не мог сбежать в этом направлении. Сам он с остальной частью своих войск продвинулся к передней части бруствера и установил свои пушки на небольшом возвышении в восьмидесяти ярдах от укрепления. Затем он направил сильный артиллерийский обстрел на центр бруствера, в то время как винтовки и мушкеты вели интенсивный огонь по защитникам, когда те появлялись за бревнами. Бруствер был очень прочно и компактно построен, высотой от пяти до восьми футов, с двойным рядом бойниц, и спроектирован таким образом, что ни один враг не мог приблизиться, не подвергаясь перекрестному огню со стороны тех, кто находился внутри. После примерно двух часов пушечной и ружейной стрельбы, не принесшей большого результата, «рота шпионов капитана Рассела и отряд чероки во главе с их доблестным вождем полковником Ричардом Брауном и под командованием храброго полковника Моргана переправились на полуостров на каноэ и подожгли несколько зданий, расположенных там. Затем они с большой доблестью продвинулись к брустверу и начали обстреливать врага, который лежал за ним. Увидев, что эти силы, несмотря на проявленную ими решимость, были совершенно недостаточны для вытеснения врага, и что генерал Коффи захватил противоположный берег реки, я решил взять их укрепления штурмом». [232]

В официальном докладе Коффи своему командующему указано, что он взял с собой семьсот всадников и около шестисот индейцев, из которых пятьсот были чероки, а остальные — дружественные крики, и пришел с тыла, приказав индейцам тайно занять позиции вдоль берега реки, чтобы не дать врагу переправиться, как уже отмечалось. Это было сделано, но из-за того, что сражение велось так близко, индейцы не могли оставаться спокойными. Далее Коффи говорит:

Вскоре стрельба из ваших пушек и стрелкового оружия стала общей и интенсивной, что воодушевило наших индейцев, и, увидев около ста воинов и всех женщин и детей врага, бегающих между хижинами деревни, которая была открыта для нашего взгляда, они не могли больше оставаться молчаливыми зрителями. В то время как одни продолжали стрелять через реку, чтобы не дать врагу приблизиться к берегу, другие бросились в воду и переплыли реку, чтобы достать каноэ, которые в значительном количестве лежали на другом берегу, и переправили их, в которых многие из них сели и высадились на изгибе реки вместе с врагом. Полковник Гидеон Морган, командовавший чероки, капитан Керр и капитан Уильям Рассел с частью своей роты разведчиков были среди первых, кто переправился через реку. Они продвинулись в деревню и очень скоро вытеснили врага из хижин на берег реки к укрепленным сооружениям, из которых они сражались с вами. Они преследовали и продолжали беспокоить вас на протяжении всей вашей операции. Это движение моих индейских войск оставило берег реки без охраны, и мне пришлось отправить часть моей линии, чтобы захватить берег реки. [233]

Согласно официальному отчету полковника Моргана, который командовал чероки и сам был тяжело ранен, чероки заняли назначенные им места вдоль берега в таком упорядоченном порядке ,

что ни одна часть не осталась незанятой, и те немногие беглецы, которые пытались сбежать из форта по воде, «стали легкой добычей их мести». Наконец, видя, что канонада не оказывает на бруствер большего воздействия, чем проделывание дыр в бревнах, некоторые из чероки бросились в реку и, переплыв в город, привезли обратно несколько каноэ. Часть из них переправилась на них под прикрытием орудий своих товарищей и укрылась под берегом, пока каноэ отправлялись за подкреплением. Таким образом, все они переправились и затем продвинулись вверх по берегу, где сразу же подверглись яростной атаке со всех сторон, кроме тыла, который они удерживали только благодаря упорной борьбе.[234]

Крики сражались с американцами на таком близком расстоянии, что их пули сбивались на штыках, проткнутых через иллюминаторы. Эта атака с тыла со стороны пятисот чероки отвлекла их внимание и дала возможность теннессийцам, среди которых был Сэм Хьюстон, подбадривавший их, ворваться через бруствер. Окруженные смертью от пуль, штыков и топоров, с дымом горящих домов в глазах, ни один воин не просил пощады. Когда более половины из них лежали мертвыми на земле, остальные развернулись и бросились в реку, но обнаружили, что берега на противоположной стороне были усыпаны врагами, и путь к спасению был перекрыт со всех сторон. Генерал Коффи говорит:

Враг пытался переправиться через реку во всех точках изгиба, но никому не удалось сбежать. Очень немногие достигли берега, и эти немногие были убиты в тот же миг, как только вышли на берег. Исходя из отчетов моих офицеров, а также из моих собственных наблюдений, я могу с уверенностью сказать, что от двухсот пятидесяти до трехсот врагов были похоронены под водой и не были включены в число найденных трупов.

Некоторые плыли к острову ниже изгиба, но и здесь был выставлен отряд, и «ни один из них не высадился. Они были потоплены подразделением лейтенанта Бина, не доплыв до берега».[235]

Еще одна цитата из Джексона:

Враг, хотя многие из них сражались до последнего с той храбростью, которую вдохновляет отчаяние, в конце концов был полностью разгромлен и изрезан на куски. Можно сказать, что сражение продолжалось с особой жестокостью около пяти часов, но стрельба и убийства продолжались до тех пор, пока их не прервала ночная тьма. На следующее утро сражение возобновилось, и шестнадцать врагов, которые спрятались под берегами, были убиты.[236]

Предполагалось, что у криков было около тысячи воинов, не считая женщин и детей. Люди, посланные подсчитать убитых, нашли пятьсот пятьдесят семь воинов, лежащих мертвыми внутри ограды, и Коффи оценивает, что от двухсот пятидесяти до трехсот были застрелены в воде. Сколько их было еще, неизвестно, но сам Джексон утверждает, что не более двадцати могли спастись. О раненых не упоминается. Было взято около трехсот пленных, из которых только трое были мужчинами. Защитники Хорсшу были истреблены.[237]

С другой стороны, потери составили 26 убитых и 107 раненых американцев, 18 убитых и 36 раненых чероки, 5 убитых и 11 раненых дружественных криков. Следует отметить, что потери чероки были несоразмерны их численности, поскольку они сражались в рукопашной без защитного прикрытия. Учитывая тот факт, что всего за несколько недель до этого Джексон был вынужден отступить перед тем же врагом, и что два часа артиллерийского и ружейного огня не принесли никаких результатов, пока чероки не обошли врага с тыла, смело перейдя реку, в хвастовстве чероки о том, что они спасли Джексона в битве при Хорсшу-Бенд, есть доля правды. По количеству фактически участвовавших в сражении и огромной доле погибших, оно считается величайшей индейской битвой в истории Соединенных Штатов, за исключением, возможно, битвы при Маувиле, в которой участвовали те же индейцы во времена Де Сото. Результат был решающим. Две недели спустя Уэзерфорд прибыл и сдался, и война с криками закончилась.

Как обычно бывает в случаях, когда индейцы выступают в качестве вспомогательных сил белых войск, трудно получить точные данные о количестве чероки, участвовавших в этой войне, или распределить заслуги между различными вождями. В официальном отчете Коффи говорится, что в последней великой битве участвовали пятьсот чероки, и из случайных намеков следует, что другие, вероятно, были задействованы в другом месте, на гарнизонной службе или в других делах. Маккенни и Холл утверждают, что Ридж набрал для Джексона восемьсот воинов,[238] и это, возможно, близко к истине, поскольку в то время племя насчитывало по крайней мере в шесть раз больше воинов. Из-за общей неорганизованности индейцев мы обычно видим, что заслуги приписываются тому вождю, который лучше всего известен летописцу. Так, Маккенни и Холл делают майора Риджа героем войны, особенно сражения при Хорсшу, хотя он не упоминается в официальных отчетах. Джексон особо отмечает, что в том сражении чероки «возглавлял их доблестный вождь полковник Ричард Браун, а руководил отважный полковник Морган». Коффи говорит, что полковник Гидеон Морган «командовал чероки», и именно Морган составляет официальный отчет об их участии в сражении. В вашингтонской газете, посвященной договору делегации 1816 года, шесть подписавшихся упоминаются как полковник [Джон] Лоури, майор [Джон] Уокер, майор Ридж, капитан [Ричард] Тейлор, адъютант [Джон] Росс и Куннеси (Tsi′yu-gûnsi′nĭ, Cheucunsene) и описываются как образованные люди, почти все из которых служили офицерами чероки под командованием Джексона и прославились как своей храбростью, так и привязанностью к Соединенным Штатам.[239] Среди восточных чероки в Каролине единственное имя, которое до сих пор помнят, — это имя их старого вождя Джуналуска (Tsunu′lahuñ′skĭ), который впоследствии сказал: «Если бы я знал, что Джексон изгонит нас из наших домов, я бы убил его в тот день в Хорсшу».

Чероки вернулись в свои дома и обнаружили, что в их отсутствие они были разграблены и разорены беспорядочными белыми войсками. Два года спустя, по договору в Вашингтоне, правительство согласилось возместить им ущерб. Заинтересованные стороны отрицали, что они понесли какой-либо ущерб или оказали какие-либо услуги, на что их агент возмущенно ответил: «На это можно ответить, что тысячи людей были свидетелями и того, и другого; что почти во всех сражениях с криками чероки оказали наиболее эффективную помощь, и это стоило жизни многим достойным людям, чьи жены, дети, братья и сестры оплакивают их гибель».[240]

Весной 1816 года делегация из семи главных мужчин в сопровождении агента Мейгса посетила Вашингтон, и результатом этого визита стало подписание двух договоров в том же месте в тот же день, 22 марта 1816 года. Первым из них чероки уступили за пять тысяч долларов свою последнюю оставшуюся территорию в Южной Каролине, небольшую полосу в крайнем северо-западном углу, примыкающую к реке Чаттуга. Второй договор устанавливал границу между землями, на которые претендовали чероки и крики в северной Алабаме. Эта мера была необходима для определения границ обширной территории, которую крики были вынуждены уступить в наказание за свое недавнее восстание. Линия пролегала от точки на ручье Литл-Беар в северо-западной Алабаме прямо до десяти островов Куса у старого форта Стротер, к юго-востоку от нынешнего Ашвилла. Генерал Джексон решительно протестовал против этой линии, мотивируя это тем, что вся территория к югу от реки Теннесси и к западу от Куса принадлежала крикам и была частью их уступки. Чикасо также протестовали против признания этой территории территорией чероки. Договор также предоставлял свободные и неограниченные права на использование дорог на всей территории чероки, и эта уступка была результатом многолетних настойчивых усилий со стороны правительства; кроме того, было выделено 25 500 долларов в качестве компенсации за ущерб, понесенный чероки в результате грабежей войск, проходящих через их территорию во время войны с криками.[241]

В ходе последнего договора чероки сопротивлялись всем попыткам заставить их уступить больше земель по обе стороны Теннесси, поскольку правительство особенно стремилось лишить их прав

на земли к северу от этой реки в пределах штата Теннесси. Не добившись этого, сразу же было начато давление с целью добиться уступки в Алабаме, в результате чего 14 сентября того же года в доме совета чикасо был заключен договор, , который впоследствии был ратифицирован на общем совете в Туркейтауне на реке Куса, по которому чероки уступили все свои права в этом штате к югу от реки Теннесси и к западу от неровной линии, проходящей от острова Чикасоу в этой реке, ниже устья реки Флинт, до слияния ручья Уиллс с рекой Куса, в нынешнем Гадсдене. За эту уступку, охватывающую площадь почти три тысячи пятьсот квадратных миль, они должны были получить шестьдесят тысяч долларов в виде десяти ежегодных выплат, а также пять тысяч долларов за оставленные улучшения.[242]

Теперь мы на время отклонимся от прямого повествования, чтобы отметить развитие событий, которые привели к принудительной эмиграции чероки из их родовых домов и их переселению в далекие западные пустыни.

За несколькими заметными исключениями, отношения между французскими и испанскими колонистами и коренными племенами после первой оккупации страны были дружественными и приятными. Под властью Франции или Испании никогда не было индейских границ. Пионеры и индейцы строили свои хижины и возделывали свои поля бок о бок, вместе бродили по лесам, преклонялись перед одним и тем же алтарем и часто вступали в браки на равных условиях, что касается расы. Результат этого можно увидеть сегодня в смешанных по крови сообществах Канады и Мексики, где на индейском фундаменте была построена нация. В зоне английской колонизации все было иначе. С момента первого поселения до недавнего введения системы распределения земель людям германской крови никогда не приходило в голову, что их соседом может быть кто-то, не принадлежащий к их расе и не имеющий их цвета кожи. Английские колонисты признавали право собственности коренных жителей настолько, что заключали с индейцами договоры, но в основном это делалось с целью установить границы, за которые индейцы не должны были выходить после того, как они отказались от своих прав в обмен на товары и безделушки. В одном из ранних договоров Вирджинии даже оговаривалось, что дружественные индейцы, пересекающие границу, должны быть казнены. Индейцы считались помехой, которую нужно было устранить, как деревья и волков, прежде чем белые люди могли бы жить в этой стране. Смешанные браки были практически неизвестны , и дети от таких союзов обычно были вынуждены из-за расовой неприязни связать свою судьбу с дикарями.

В таких условиях племена с большим недоверием относились к продвижению англичан и их преемников, американцев, и уже к концу французско-индейской войны некоторые из них покинули окрестности английских поселений и переселились в более безопасные места на более отдаленных территориях, все еще принадлежавших Испании. Вскоре после того, как французы покинули форт Тулуза в 1763 году, часть племени алабама, входящего в конфедерацию криков, покинула свои деревни на реке Куса, пересекла Миссисипи, где на некоторое время остановилась на западном берегу, и поселилась на реке Сабин под защитой Испании.[243] Несколько лет спустя за ними последовала часть племени коасати из той же конфедерации,[244] и впоследствии оба племени переселились в Техас, где они проживают и по сей день. Хичите и другие племена нижних криков переселились в испанскую Флориду, где задолго до них обосновались изгнанники из Южной Каролины, племя ямаси, и оба племена объединились, образовав современное племя семинолов. Когда революция привела к появлению новой линии раздела, коренные племена почти без исключения присоединились к Англии против американцев, в результате чего около половины ирокезов бежали в Канаду, где они до сих пор проживают на землях, предоставленных британским правительством. Незадолго до победы Уэйна часть шауно и делавэров, измученных почти двадцатилетней войной с американцами, пересекла Миссисипи и с разрешения испанского правительства поселилась на землях в окрестностях мыса Жирардо, в том месте, которое сейчас является юго-востоком штата Миссури, на которые они получили официальный документ от этого

правительства в 1793 году.[245] Изгнанные американцами примерно двадцать лет спустя, они переселились в Канзас, а оттуда — на индейскую территорию, где теперь они объединились со своими старыми друзьями, чероки.

Когда первые чероки пересекли Миссисипи, сказать невозможно, но, вероятно, в истории племени не было времени, когда их воины и охотники не были привычны к походам за пределы великой реки. Согласно старой традиции, первая эмиграция произошла вскоре после заключения первого договора с Каролиной, когда часть племени под руководством Юньви-усгасети, «Опасного человека», предвидя неизбежный конец уступок требованиям колонистов, отказалась от любых отношений с белыми людьми и отправилась в долгий поход на неизвестный Запад. Связь с родным краем поддерживалась до пересечения Миссисипи, после чего они исчезли из виду и были забыты. Спустя долгие годы с Запада пришли слухи, что они все еще живут у подножия Скалистых гор.[246] В 1782 году чероки, которые верно сражались на стороне британцев на протяжении всей долгой революционной борьбы, обратились к испанскому губернатору Нового Орлеана с просьбой разрешить им поселиться на западном берегу Миссисипи, на испанской территории. Разрешение было дано, и, вероятно, некоторые из них переселились в Арканзас, хотя точных сведений об этом, по-видимому, нет.[247] Однако мы узнаем, что примерно в этот период враждебные чероки, как и шауно и другие северные племена, имели обыкновение наносить дружеские визиты испанским поселениям в этой местности.

По словам преподобного Сефаса Уошберна, пионера миссионера западных чероки, первое постоянное поселение чероки за пределами Миссисипи было прямым результатом массового убийства в 1794 году группы Скотта в Масл-Шолс на реке Теннесси враждебными воинами из городов Чикамауга летом. Как рассказывает миссионер, эта история значительно отличается от той, что приводится Хейвудом и другими историками Теннесси, о которой рассказывается в другом месте.[248] По словам Уошберна, белые были агрессорами, сначала напоив индейцев, а затем обманом лишив их денег, которые те только что получили в агентстве в Теллико. Когда индейцы протрезвели настолько, что потребовали вернуть им деньги, белые напали на них и убили двоих, после чего остальные сели на лодку и убили всех белых. Однако они пощадили женщин и детей, а также их негров-рабов и все их личные вещи, и позволили им продолжить путь, при этом вождь и его свита лично сопровождали их по рекам Теннесси, Огайо и Миссисипи до устья реки Св. Франциска, откуда эмигранты благополучно спустились в Новый Орлеан, в то время как их похитители под руководством своего вождя Боула поднялись вверх по реке Св. Франциска, которая тогда была частью испанской территории, чтобы дождаться исхода событий. Как только новость дошла до народа чероки, вожди официально осудили действия группы Боула и вызвались помочь в аресте виновных. Боул и его люди в конце концов были оправданы, но они испытывали такую горечь по поводу поведения своих бывших друзей и, кроме того, нашли землю настолько плодородной, а дичь настолько обильной, что отказались возвращаться в свое племя и решили остаться на Западе навсегда. К ним время от времени присоединялись другие, привлеченные перспективой охоты, пока их число не стало достаточным для получения признания со стороны правительства.[249]

Хотя миссионера можно простить за то, что он старался представить своих друзей в лучшем свете, его заявление содержит несколько очевидных ошибок, и в целом рассказ Хейвуда, вероятно, более точен. Поскольку в то время ежегодная рента чероки составляла всего полторы тысячи долларов на все племя, или чуть менее десяти центов на человека, у них вряд ли могло быть достаточно денег из этого источника, чтобы заплатить такие завышенные цены, как шестнадцать долларов за штуку за карманные зеркала, которые, как утверждается, приобрели лодочники. Кроме того, поскольку воины чикамауга отказались подписать какие-либо договоры и были известны своей враждебностью, они еще не имели права на получение выплат. Заявление Хейвуда о том, что группа эмигрантов сначала подверглась нападению при прохождении через города чикамауга, а

затем была преследована до Мускул-Шолс и там убита, вероятно, близка к истине, хотя вполне возможно, что белые могли спровоцировать нападение таким образом, как указывает миссионер. Поскольку Уошберн получил свой рассказ от одной из женщин из группы « », которая долгое время жила в Новом Орлеане, можно с уверенностью сказать, что по крайней мере некоторые из них были пощажены индейцами, и вполне вероятно, что, как он утверждает, были убиты только мужчины.

Эмиграция из Боула, возможно, не была первой или даже самой важной переселением на запад, поскольку в тот период индейцы были в состоянии беспорядков. Небольшие группы постоянно пересекали Миссисипи и уходили на испанскую территорию, чтобы избежать наступающих американцев, но в 1803 году, когда вся западная часть страны была уступлена Соединенным Штатам, они вновь оказались под американской юрисдикцией. Неуемную жажду земли поселенцев было невозможно сдержать или удовлетворить, и в начале того же года президент Джефферсон предложил Конгрессу переселить все племена к западу от Миссисипи. В следующем, 1804 году, были выделены средства для принятия предварительных мер в этом направлении.[250] Вероятно, в это время в Арканзасе проживало лишь небольшое количество чероки, поскольку они не упоминаются в списке племен к югу от этой реки, составленном Сибли в 1805 году.

Летом 1808 года, когда делегация чероки собиралась посетить Вашингтон, их агент, полковник Мейгс, получил от министра войны указание приложить все усилия, чтобы получить их согласие на обмен их земель на участки за Миссисипи. К этому времени политика цивилизации, проводимая правительством в виде ежегодного раздачи сельскохозяйственных орудий, прялок и ткацких станков, привела к значительным различиям в привычках и настроениях между северными и южными чероки. Те, кто жил в районах Литл-Теннесси и Хивасси, были в основном фермерами и скотоводами, а также производили ограниченное количество хлопка, из которого женщины ткали ткани. Те, кто жил дальше, в Джорджии и Алабаме, старые враги, по-прежнему предпочитали охотничий образ жизни и отвергали любые попытки нововведений, хотя дичь к тому времени стала настолько редкой, что было очевидно, что скоро должны произойти изменения . В результате возникла ревность, и делегаты, представляющие прогрессивную группу, предложили правительству провести линию через территорию племени, чтобы разделить две группы, позволив жителям севера разделить свои земли и стать гражданами Соединенных Штатов, а жителям юга — продолжать охотиться, пока останется дичь. Воспользовавшись этой ситуацией, правительственные власти поручили агенту представить консерваторам предложение о передаче их доли племенной территории в обмен на участок к западу от Миссисипи, достаточно большой, чтобы они могли продолжать вести охотничий образ жизни. План был одобрен президентом Джефферсоном, и была выделена сумма для оплаты расходов делегации, которая должна была посетить и осмотреть земли на реках Арканзас и Уайт с целью переселения. Визит состоялся летом 1809 года, и делегаты привезли настолько благоприятный отчет, что большое число чероки заявили о своем намерении немедленно переселиться. Поскольку на тот момент не было средств для их переселения, вопрос был отложен на несколько лет, в течение которых семьи и отдельные лица переселялись на запад за свой счет, и к 1817 году их число достигло двух-трех тысяч человек.[251] Они стали известны как чероки Арканзаса, или западные чероки.

Эмигранты вскоре столкнулись с трудностями с коренными племенами: осейджи претендовали на все земли к северу от реки Арканзас, а квапау — на земли к югу от нее. После жалобы правительству эмигрантам-чероки было сказано, что им изначально было разрешено переселиться только при условии уступки части их восточной территории и что ничего не может быть сделано для их защиты в их новом западном доме, пока такая уступка не будет осуществлена. Однако основная часть народа чероки решительно выступала против такой продажи и предложила заставить эмигрантов вернуться. После длительных переговоров 8 июля 1817 года в агентстве чероки (ныне Калхун, Теннесси), по которому народ чероки уступил два значительных участка —

первый в Джорджии, расположенный к востоку от Чаттахучи, а второй в Теннесси, между хребтом Уолденс и Литл Секватчи — в качестве компенсации за участок, который будет выделен тем, кто уже переселился или намеревался переселиться в Арканзас. Также были уступлены два меньших участка на северном берегу Теннесси, в районе Масл-Шолс ( ) у Масл-Шолс. В обмен на эти уступки эмигранты из племени чероки должны были получить участок в пределах нынешних границ штата Арканзас, ограниченный с севера и юга реками Уайт и Арканзас, соответственно, с востока линией, проходящей между этими реками примерно от нынешнего Бейтсвилля до Льюисбурга, и с запада линией, которая должна была быть определена позднее. Как было установлено впоследствии, эта западная линия пролегала от слияния реки Литл-Норт-Форк с рекой Уайт до точки, расположенной чуть дальше места, где нынешняя западная граница Арканзаса пересекает реку Арканзас. Было предусмотрено проведение переписи всего народа чероки на востоке и западе с целью надлежащего распределения ежегодных выплат и других платежей в будущем, при этом две группы по-прежнему должны были считаться одним народом. Соединенные Штаты согласились оплатить любые существенные улучшения, оставленные теми, кто покидал уступленные земли, и каждому эмигранту-воину, не оставившему после себя такого ценного имущества, в качестве полной компенсации за оставленные поля и хижины должны были быть предоставлены винтовка и патроны, одеяло и чайник или ловушка для бобров. Правительство также согласилось предоставить лодки и провизию для путешествия. Было также предусмотрено, что лица, проживающие на уступленных землях, могут сохранить за собой участки и стать гражданами, если они того пожелают, причем площадь участка будет вычтена из общей площади уступленной территории.

Комиссарами по заключению договора были генерал Эндрю Джексон, генерал Дэвид Мериуэзер и губернатор Теннесси Джозеф Макминн. От имени чероки договор подписали тридцать один главный вождь восточной нации и пятнадцать вождей западного племени, которые подписали его по доверенности.[252]

Большинство чероки резко выступали против любой уступки или переселения, и до заключения договора комиссарам было представлено заявление, подписанное шестьюдесятью семью вождями и старейшинами племени, в котором говорилось, что делегаты, впервые поднявшие этот вопрос в Вашингтоне несколько лет назад, действовали без каких-либо полномочий от племени. Они заявили, что большая часть чероки желает остаться на земле своих предков, где они быстро продвигаются в цивилизации, вместо того, чтобы быть вынужденными вернуться к своим первобытным условиям и окружению. Поэтому они просили, чтобы этот вопрос не поднимался больше, а им было позволено мирно владеть землей своих отцов. К меморандуму не было обращено никакого внимания, и договор был заключен и ратифицирован. Не дожидаясь ратификации, власти сразу же приняли меры по переселению тех, кто желал уехать на Запад. Между реками Литл-Теннесси и Секватчи были предоставлены лодки, и эмигранты были собраны под руководством губернатора Макмина. В течение следующего года эмигрировало большое количество людей, и к концу 1819 года число эмигрантов, по некоторым данным, увеличилось до шести тысяч. Однако вожди племени утверждали, что эта оценка значительно превышает реальное число.[253]

«Несомненно, что значительная часть, и, вероятно, большинство, народа чероки, проживающего к востоку от Миссисипи, было и по-прежнему оставалось резко настроено против условий договора 1817 года. Они с ревностью и болью в сердце наблюдали за всеми попытками изгнать их из домов их предков, поскольку не могли не рассматривать постоянные и настойчивые приставания федеральных властей как настоятельное требование уступить еще больше территории. Они чувствовали, что их народ, как нация, медленно, но верно сжимается в кольцах гигантской анаконды цивилизации; тем не менее, они держались тщетной надежды, что их беспомощное положение породит дух справедливости и милосердия, который в конце концов возобладает в их

пользу. Их традиции не давали им никаких ориентиров, по которым можно было бы судить о результатах, которые неминуемо последуют за таким конфликтом, в который они были вовлечены. Это различие во мнениях нации по вопросу, столь важному для ее благосостояния, вызвало много горечи и яростной вражды. Те, кто поддерживал план эмиграции и был склонен, либо по личным предпочтениям, либо под влиянием субсидий правительственных агентов, одобрить заключение договора, стали объектом презрения и ненависти со стороны остальной части нации. Они подверглись столь безжалостным преследованиям, пока оставались в восточной части страны, что это никогда не было забыто, и когда, по естественному ходу событий, остальная часть народа была вынуждена переселиться в Арканзас и присоединиться к более ранним эмигрантам, старая ненависть и разногласия вспыхнули с новой силой и до сих пор в той или иной степени живы в сердцах их потомков». [254]

Через два месяца после подписания договора 8 июля 1817 года и за три месяца до его ратификации совет нации направил делегацию в Вашингтон, чтобы подробно рассказать о неправомерных методах и влиянии, которые были использованы для его заключения, и попросить отменить его и заменить другим соглашением. Миссия не принесла результатов. [255]

В 1817 году Американский совет комиссаров по зарубежным миссиям основал свою первую станцию среди чероки в Брейнерде, штат Теннесси, на западном берегу ручья Чикамауга, в двух милях от границы с Джорджией. Миссия получила свое название в честь выдающегося пионера-работника среди северных племен (37). Правительство помогло в возведении зданий, в число которых входили школа, мельница и мастерские, где, помимо обычных предметов, мальчиков обучали простым механическим искусствам, а девочек — искусному обращению с иголкой и прялкой. Там также была большая рабочая ферма. Миссия процветала, и тот же совет основал другие миссии в Уилстауне, Хайтауэре и других местах, где в 1820 году обучение получали двести учеников. [256] Среди первых и наиболее известных работников миссии Брейнерда были преподобный Д. С. Батрик и преподобный С. А. Вустер (38), причем последний особенно много сделал для духовного возвышения чероки и не раз подвергался тюремному заключению за свою ревностную защиту их дела. Миссии процветали до тех пор, пока не были расформированы штатом Джорджия в начале беспорядков, связанных с переселением, а затем были возобновлены на западе страны. Миссионерский хребет сохраняет память о учреждении Брейнерда.

В начале 1818 года делегация эмигрантов из племени чероки посетила Вашингтон с целью добиться более удовлетворительного определения границ их новых земель в Арканзасе. Вскоре после этого были приняты меры для достижения этой цели. Они также просили признать их в будущем отдельным и самостоятельным племенем, но в этом вопросе ничего не было сделано. Чтобы, по возможности, устранить враждебные чувства между эмигрантами и коренными жителями Осейдж, которые считали первых захватчиками, губернатор Уильям Кларк, суперинтендант по делам индейцев в Миссури, организовал в октябре того же года в Сент-Луисе встречу вождей двух племен, на которой, после длительных усилий, ему удалось установить между ними дружеские отношения. Примерно в то же время как эмигранты-чероки, так и правительство предприняли попытки убедить шауно и делавэров, проживавших в то время в Миссури, а также онейдов в Нью-Йорке, присоединиться к западным чероки, но переговоры ни к чему не привели. [257] В 1825 году делегация западных чероки посетила шауно в Огайо с той же целью, но без успеха. Их цель в приглашении дружественных индейцев присоединиться к ним заключалась в том, чтобы укрепить свои позиции против осейджей и других коренных племен.

Тем временем правительство через губернатора Макмина оказывало сильное давление на восточных чероки, чтобы заставить их переселиться на Запад. На созванном им в ноябре 1818 года совете губернатор заявил вождям, что теперь уже невозможно защитить их от посягательств окружающего белого населения; что, как бы правительство ни хотело им помочь, их земли будут

отняты, их скот украден, их женщины развращены, а их мужчины превращены в пьяниц, если они не переселятся в западный рай. В заключение он предложил выплатить им сто тысяч долларов за всю их территорию, включая расходы на переселение, если они уедут немедленно. После их немедленного и возмущенного отказа он предложил удвоить сумму, но с таким же небольшим успехом.

Поскольку все пункты переговоров провалились, был принят другой курс, и была выбрана делегация для посещения Вашингтона под руководством агента Мейгса. Здесь усилия были возобновлены, пока, уставшие и обескураженные настойчивой назойливостью, вожди не согласились на крупную уступку, которая была представлена как необходимая для компенсации территории, выделенной эмигрантам-чероки в Арканзасе в соответствии с предыдущим договором. Эта оценка была основана на цифрах, предоставленных губернатором Макминном, который сообщил, что 5291 чероки зарегистрированы в качестве эмигрантов, в то время как восточные чероки утверждали, что не более 3500 человек переселились, а число оставшихся составило 12 544 человека, или более трех четвертей всего народа. Однако губернатор решил считать, что половина народа поддерживает переселение, а треть уже переселилась.[258]

В договоре, заключенном в Вашингтоне 27 февраля 1819 года, говорится, что большая часть народа чероки, выразив искреннее желание остаться на Востоке и стремясь приступить к необходимым мерам по цивилизации и сохранению своего народа, а также урегулировать разногласия, возникшие в результате договора 1817 года, предложила уступить Соединенным Штатам участок земли «по крайней мере такой же обширный», как тот, на который правительство имеет право в соответствии с последним договором. Уступка включает (1) участок в Алабаме и Теннесси, между реками Теннесси и Флинт; (2) участок в Теннесси, между рекой Теннесси и хребтом Уолденс; (3) большой нерегулярный участок в Теннесси, Северной Каролине и Джорджии, охватывающий в Теннесси почти все оставшиеся земли чероки к северу от реки Хивасси, а в Северной Каролине и Джорджии — почти все, что осталось у них к востоку от гор Нантахала и верхней западной ветви Чаттахучи; (4) шесть небольших участков, зарезервированных предыдущими договорами. Общая площадь уступленных земель составляла почти шесть тысяч квадратных миль, или более четверти всех земель, принадлежавших тогда нации. Нескольким семьям, которые решили остаться среди белых и стать гражданами, а не покидать свои дома, были предоставлены индивидуальные резервации площадью в одну квадратную милю каждая в пределах уступленной территории. За все существенные улучшения, от которых пришлось отказаться, должна была быть выплачена компенсация, одна треть всех племенных аннуитетов впредь должна была выплачиваться западной группе, и договор был объявлен окончательным урегулированием всех претензий и разногласий, возникших в результате договора 1817 года.[259]

Цивилизация продвинулась среди чероки настолько, что осенью 1820 года они приняли регулярную республиканскую форму правления по образцу Соединенных Штатов. В соответствии с этим соглашением нация была разделена на восемь округов, каждый из которых имел право направлять четырех представителей в национальный законодательный орган чероки, который собирался в Ньютауне, или Нью-Эчота, столице, расположенной на слиянии рек Конасауга и Кусауати, в нескольких милях выше нынешнего Калхуна, штат Джорджия. Законодательный орган состоял из верхней и нижней палат, называемых соответственно (на языке чероки) национальным комитетом и национальным советом, члены которых избирались на ограниченный срок избирателями каждого округа. Главный должностной лицо называлось президентом национального совета; первым, кто занял эту должность, был выдающийся Джон Росс. Также был секретарь комитета и два главных члена, выражавших волю совета или нижней палаты. Для каждого округа назначались здание совета для проведения заседаний два раза в год, судья и маршал. Для содействия в исполнении законов были организованы роты «легкой кавалерии», а в

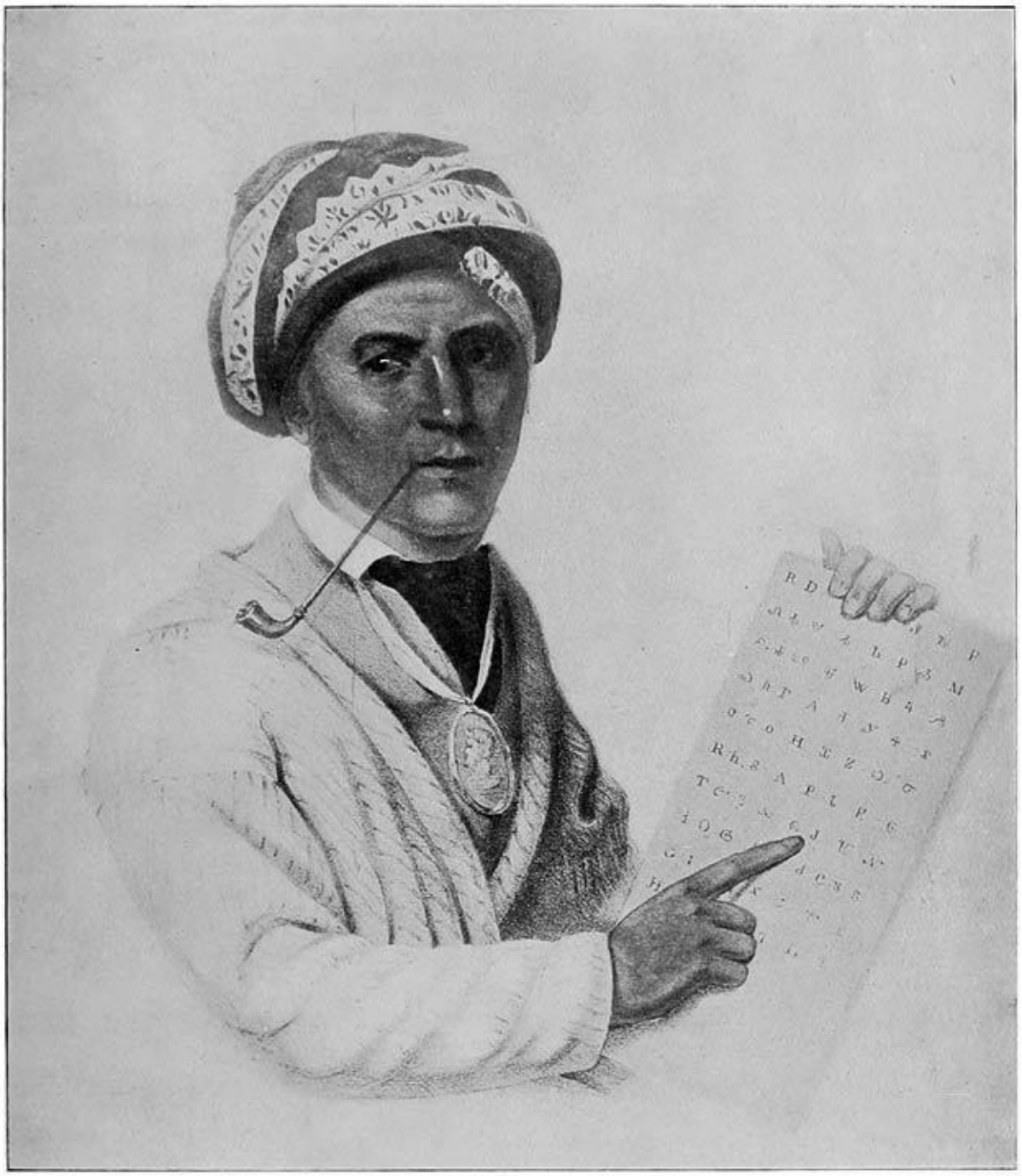
каждом округе был «рейнджер», следивший за бродячим скотом. Каждый глава семьи и каждый холостой мужчина в возрасте до шестидесяти лет подлежал уплате подушной подати. Были приняты законы о сборе налогов и долгов, о ремонте дорог, о лицензиях для белых, занимающихся сельским хозяйством или другим бизнесом в стране, о поддержке школ, о регулировании торговли спиртными напитками и поведении негров-рабов, о наказании за кражу лошадей и воровство, о принуждении всех браков между белыми мужчинами и индейскими женщинами к соблюдению обычной юридической или церковной формы и о пресечении полигамии. Специальным указом право кровной мести или смертной казни было отобрано у семи кланов и передано уставным органам власти нации. Любое лицо, заключавшее сделку о продаже земель белым из племени « » без согласия национального совета, подвергалось наказанию за измену, караемое смертной казнью (39). Белым мужчинам не разрешалось голосовать или занимать должности в нации.[260] Эта система выгодно отличалась от системы федерального правительства или любого из существовавших в то время правительств штатов.

В то время в нации существовало пять основных миссий, помимо одной или двух небольших филиалов, а именно: Спринг-Плейс, самая старая, основанная моравскими миссионерами в Спринг-Плейс, штат Джорджия, в 1801 году; Уткалога, штат Джорджия, основанная той же конфессией в 1821 году на ручье с таким же названием, недалеко от нынешнего Калхуна; Брейнерд, штат Теннесси, основанная Американским советом комиссаров по зарубежным миссиям в 1817 году; «Вэлли-таунс», Северная Каролина, основанный баптистами в 1820 году на месте старого города Натчез на северном берегу реки Хивасси, чуть выше ручья Пичтри; Кусавати, Джорджия («Тенсаватти», по ошибке в государственных документах), также основанный баптистами в 1821 году, недалеко от устья реки с таким же названием. Все они процветали, особенно учреждение в Брейнерде, где училось почти сто учеников, и которое было вынуждено отказывать абитуриентам из-за нехватки мест ( ). Начальник учреждения сообщил, что дети были способны к обучению, готовы трудиться и легко подчинялись дисциплине, добавив, что чероки быстро продвигались к цивилизованной жизни и в целом проявляли горячее желание получить образование. Миссией в долине, основанной по инициативе Куррахи Дика, видного местного вождя смешанного происхождения, руководил преподобный Эван Джонс, известный как переводчик Нового Завета на язык чероки, а его помощником был Джеймс Д. Уэффорд, ученик смешанного происхождения, который составил букварь на том же языке. Преподобный С. А. Вустер, плодовитый переводчик и составитель черокийского альманаха и других работ, был направлен в Брейнерд, откуда переехал в Нью-Эчоту, а затем в черокийскую нацию на Западе.[261] С 1817 года Американский совет также поддерживал в Корнуолле, штат Коннектикут, индейскую школу, в которой обучалось несколько молодых чероки, среди которых был Элиас Будинот, впоследствии редактор газеты *«Cherokee Phœnix»*.

Примерно в это же время произошло событие, которое сразу же вывело чероки на первое место среди коренных племен и было суждено оказать глубокое влияние на всю их будущую историю, а именно — изобретение алфавита.

Изобретатель, которого по праву называли Кадмом своего народа, был метисом, известным среди своего народа как Сиквайи (Секвойя), а среди белых как Джордж Гист, или, менее правильно, Гест или Гесс. Как это обычно бывает в биографиях индейцев, его происхождение и ранние годы жизни окутаны большой неопределенностью. Историки в целом сходятся во мнении, что его отцом был белый человек, который несколько лет до революции пришел в племя чероки и заключил временный союз с девушкой чероки смешанного происхождения, которая таким образом стала матерью будущего учителя. Автор статьи в газете *Cherokee Phœnix* в 1828 году пишет, что только его дед по отцовской линии был белым человеком.[262] Маккенни и Холл утверждают, что его отцом был белый мужчина по имени Гист.[263] Филлипс утверждает, что его отцом был Джордж Гист, нелицензированный немецкий торговец из Джорджии, который прибыл в племя чероки в

1768 году.[264] Семья из Кентукки утверждает, что отцом Секвойи был Натаниэль Гист, сын разведчика, сопровождавшего Вашингтона в его памятной экспедиции в Огайо. Согласно этой истории, Натаниэль Гист был захвачен чероки во время поражения Брэддока (1755) и оставался их пленником в течение шести лет, в течение которых он стал отцом Секвойи. Вернувшись в цивилизованный мир, он женился на белой женщине в Вирджинии, от которой у него были другие дети, а затем переехал в Кентукки, где Секвойя, к тому времени ставший баптистским проповедником, часто навещал его и всегда признавался семьей как его сын.[265]



СЕКВОЯ (СИКВАЙ)

(Из копии оригинальной картины 1828 года, принадлежащей Маккенни и Холлу)

Помимо того, что чероки выступали союзниками англичан во время войны, в которой произошло поражение Брэддока, и что Секвойя, будучи далеко не проповедником, даже не был христианином, эта история содержит и другие элементы невероятности и, по-видимому, является одним из тех генеалогических мифов, построенных на случайном сходстве имен. С другой стороны, несомненно, что Секвойя родился до даты, указанной Филлипсом. По материнской линии он происходил из хорошей семьи племени, его дядя был вождем в Эчоте.[266] Согласно личной информации Джеймса Уэффорда, который хорошо его знал, будучи его двоюродным братом, Секвойя, вероятно, родился около 1760 года и в детстве жил с матерью в городе Таскиги в

Теннесси, недалеко от старого форта Лаудон. Вполне возможно, что его белый отец был солдатом гарнизона, одним из тех любовников, ради которых женщины чероки рисковали жизнью во время осады.[267] Что стало с отцом, неизвестно, но мать жила одна с сыном.

Единственный известный нам случай из его детства — это его присутствие в Эчоте во время визита мирной делегации ирокезов, примерно в 1770 году.[268] Его ранние годы прошли в бурных событиях Революции, и по мере взросления он развил значительную механическую изобретательность, особенно в работе с серебром. Как и большинство членов его племени, он был также охотником и торговцем мехом. Достигнув почти среднего возраста до того, как в нации была основана первая миссия, он никогда не ходил в школу и за всю свою жизнь так и не научился говорить, читать или писать по-английски. Он также никогда не отказывался от своей родной религии, хотя благодаря частым посещениям моравской миссии он проникся дружескими чувствами к новой цивилизации. Будучи по натуре человеком созерцательным, в 1809 году он случайно услышал разговор, который заставил его задуматься о способности белых людей обмениваться мыслями с помощью письменности, в результате чего он приступил к разработке аналогичной системы для своего народа. В результате несчастного случая на охоте, который сделал его инвалидом на всю жизнь, у него, к счастью, появилось больше свободного времени для учебы. Наличие его имени, Джордж Гесс, в приложении к договору 1816 года, указывает на то, что он уже был довольно известен в своем народе еще до того, как довел до совершенства свое великое изобретение. После многих лет терпеливого и неустанного труда, несмотря на насмешки, разочарования и неоднократные неудачи, он наконец разработал слоговую азбуку чероки и в 1821 году представил ее на общественное испытание ведущим деятелям своего народа. К этому времени, в результате неоднократных уступок, чероки были лишены своих земель вокруг Эчоты, и Секвойя теперь жил в Уилстауне ( ) на верхнем притоке реки Куса в Алабаме. Cyllabary вскоре был признан бесценным изобретением для процветания племени, и в течение нескольких месяцев тысячи до сих пор неграмотных чероки научились читать и писать на своем языке, обучая друг друга в хижинах и на обочинах дорог. В следующем году Секвойя посетил Запад, чтобы познакомить с новой наукой тех, кто эмигрировал в Арканзас. В следующем 1823 году он снова посетил Арканзас и поселился на постоянное жительство с западной группой, после чего больше не возвращался к своим восточным соплеменникам. Осенью того же года национальный совет чероки публично признал его заслуги, отправив ему через Джона Росса, тогдашнего президента национального комитета, серебряную медаль с памятной надписью на обоих языках.[269] В 1828 году он посетил Вашингтон в качестве одного из делегатов племени Арканзас, привлекая к себе большое внимание, и договор, заключенный по этому случаю, содержит положение о выплате ему пятисот долларов «за большие услуги, которые он оказал народу чероки, благодаря благотворным результатам, которые они теперь получают от использования открытого им алфавита».[270] Его последующая история связана с Западом и будет рассмотрена в другом месте (40).[271]

Изобретение алфавита оказало немедленное и замечательное влияние на развитие чероки. Благодаря замечательной адаптации слогового алфавита к языку, для того, чтобы сразу научиться читать, нужно было только выучить символы. Не было построено ни одной школы и не было нанято ни одного учителя, но весь народ стал академией для изучения этой системы, и «в течение нескольких месяцев, без школы, без затрат времени и денег, чероки научились читать и писать на своем языке».[272] Между восточным и западным отделениями началась активная переписка, и были разработаны планы создания национальной прессы, а также национальной библиотеки и музея в столице, Нью-Эчота.[273] Миссионеры, которые сначала выступали против нового алфавита из-за его индейского происхождения, теперь увидели целесообразность его использования для продвижения своей работы. Осенью 1824 года Атси, или Джон Арч, молодой обращенный в христианство туземец, сделал рукописный перевод части Евангелия от Иоанна на силлабарии, который стал первым переводом Библии на язык чероки. Он был скопирован сотни раз и широко

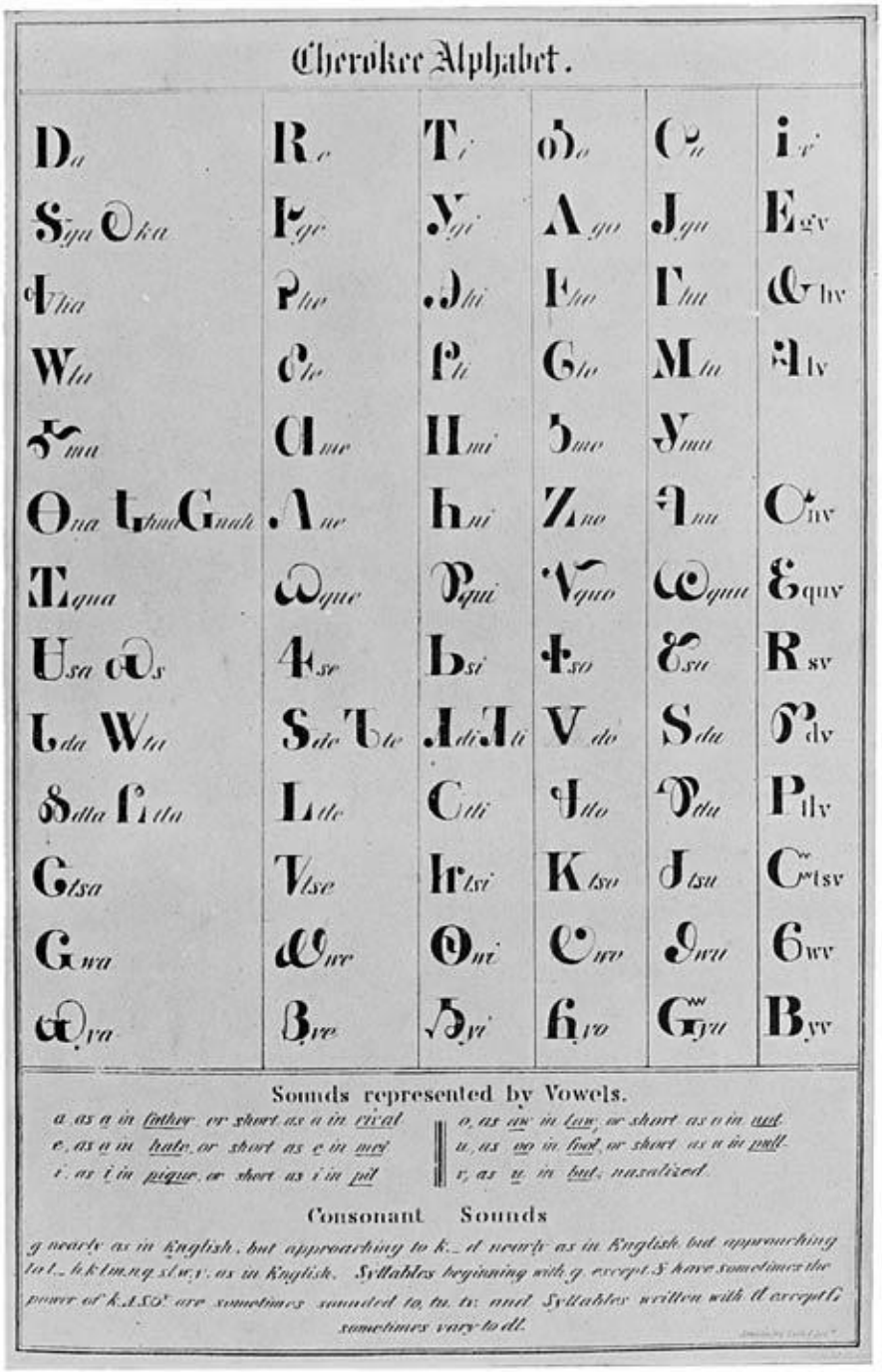
распространен по всей нации.[274] В сентябре 1825 года Дэвид Браун, известный проповедник-метис , который уже делал некоторые попытки перевода латинским алфавитом, завершил перевод Нового Завета новым слоговым алфавитом, и эта работа передавалась в рукописном виде, так как еще не было набранных букв в алфавите Секвойи.[275] В том же месяце он направил Томасу Маккенни, главе Бюро по делам индейцев в Вашингтоне, рукописную таблицу символов с пояснениями, что, вероятно, было первым официальным упоминанием об этом проекте.[276]

В 1827 году совет чероки официально принял решение о создании национальной газеты на языке и письменности чероки, и для этой цели в Бостоне под руководством известного миссионера Вустера из Американского совета комиссаров по зарубежным миссиям были отлиты шрифты. В декабре того же года он предоставил журналу *Missionary Herald* пять стихов из Книги Бытия, написанных новым слоговым алфавитом, что, по-видимому, было его первым появлением в печати. В начале следующего года печатный станок и шрифты прибыли в Нью-Эчоту, и 21 февраля 1828 года вышел первый номер новой газеты «*Tsa'lăgĭ Tsu'lehisanuñ'hĭ*» (*«Чероки Феникс*»), напечатанный на обоих языках. Первыми печатниками были два белых человека, Исаак Н. Харрис и Джон Ф. Уилер, а также Джон Кэнди, ученик-полукровка. Редактором был Элиас Будинот (Găla̧gi′na, «Олень»), образованный чероки, а вдохновителем, приведшим порядок в хаос и запустившим работу, был преподобный С. А. Вустер. Офис представлял собой бревенчатый дом. Ручная печатная машина и шрифты, доставленные по воде из Бостона, были перевезены на телегах из Огасты на расстояние в двести миль до места назначения. Бумага для печати была упущена из виду и должна была быть доставлена тем же утомительным способом из Ноксвилла. Шрифтовые кассеты и другое оборудование пришлось изобретать и изготавливать самим печатникам, ни один из которых не понимал ни слова на языке чероки, а просто набирал символы, переданные им в рукописи Вустером и редактором. Так начиналась журналистика в нации чероки. После шести лет нестабильного существования *газета «Феникс*» была закрыта из-за враждебных действий властей Джорджии, которые дошли до того, что бросили Вустера и Уилера в тюрьму. Ее преемником после переселения чероки на Запад стала газета *«Cherokee Advocate*», первый номер которой вышел в Талеквахе в 1844 году под редакцией Уильяма П. Росса. Он по-прежнему издается под эгидой нации, печатается на обоих языках и бесплатно распространяется за счет нации среди тех, кто не умеет читать по-английски — пример, не имеющий аналогов в других странах.

В дополнение к многочисленным переводам Библии, сборникам гимнов и другим религиозным произведениям « », на языке чероки и с использованием *черокийского* алфавита были напечатаны журнал «*Cherokee* Phœnix», *Cherokee Advocate* (журнал), *Cherokee Messenger* (периодическое издание), *Cherokee Almanac* (ежегодник), черокийские буквари, арифметики и другие школьные учебники для тех, кто не умеет читать по-английски, несколько изданий законов нации, а также большой объем трактатов и мелких публикаций. Из-за нехватки места невозможно даже упомянуть имена преданных своему делу работников в этой области. Помимо этой печатной литературы, слоговая азбука постоянно и ежедневно используется среди не говорящих по-английски жителей как на территории индейцев, так и в Северной Каролине для написания писем, протоколов советов, личных заметок и т. д. Самым странным в этой литературной эволюции, пожалуй, является тот факт, что это же изобретение было использовано священниками и колдунами консервативной партии с целью сохранения для своих преемников древних ритуалов и тайных знаний племени, и автор получил от них целые тома такой оккультной литературы в рукописном виде.[277]

В 1819 году все население чероки оценивалось в 15 000 человек, треть из которых проживала к западу от Миссисипи. В 1825 году перепись населения восточной части нации показала: коренные чероки — 13 563 человека; белые мужчины, вступившие в брак с представительницами нации — 147 человек; белые женщины, вступившие в брак с представителями нации — 73 человека; негритянские рабы — 1277 человек. Здесь были большие стада крупного рогатого скота, лошадей, свиней и овец, а также большие урожаи всех основных культур, включая хлопок, табак и пшеницу, и часть хлопка экспортировалась на лодках вплоть до Нового Орлеана. Было много яблоневых и персиковых садов, в некоторой степени использовались масло и сыр, а также производились хлопчатобумажные и шерстяные ткани, особенно одеяла. Почти все торговцы были коренными чероки. Процветала машиностроительная промышленность, нация была свободна от долгов, а население увеличивалось.[278] По оценкам, одна треть проживала за пределами Миссисипи, поэтому общее число чероки, не считая усыновленных белых граждан и негров-рабов, должно было составлять около 20 000 человек.

Одновременно с декретами об учреждении национальной прессы, нации чероки на общем съезде делегатов, созванном для этой цели в Нью-Эчоте 26 июля 1827 года, приняла национальную конституцию, основанную на предположении о наличии отдельной и независимой национальности. Джон Росс, столь прославленный в связи с историей своего племени, был президентом съезда, который разработал этот документ. Чарльз Р. Хикс, моравский новообращенный смешанного происхождения, в то время самый влиятельный человек в нации, был избран главным вождем, а Джон Росс — его помощником.[279] Имея конституцию и национальную прессу, хорошо развитую систему промышленности и домашнего образования, а также правительство, управляемое образованными христианами, чероки теперь по праву могли считаться цивилизованным народом.



АЛЬФАВИТ ЧЕРОКИ

D a	R e	T i	Ꮱ o	Ꮳ u	Ꮴ v
Ꮲ ra Ꮵ ка	Ꮶ ge	Ꮷ gi	Ꮸ go	Ꮹ gu	Ꮺ gv

ᏏᏂ ha	ᏒᏂ he	ᏓᏂ hi	ᏔᏂ ho	ᏕᏂ hu	ᏖᏂ hv
ᏙᏂ la	ᏚᏂ le	ᏛᏂ li	ᏜᏂ lo	ᏝᏂ lu	ᏞᏂ lv
ᏟᏂ ma	ᏠᏂ me	ᏡᏂ mi	ᏢᏂ mo	ᏣᏂ mu	
ᏤᏂ на ᏥᏂ хна ᏦᏂ на	ᏧᏂ ne	ᏨᏂ ни	ᏩᏂ no	ᏪᏂ nu	ᏫᏂ nv
ᏬᏂ qua	ᏭᏂ que	ᏮᏂ qui	ᏯᏂ quo	ᏰᏂ quu	ᏱᏂ quv
ᏲᏂ sa ᏳᏂ s	ᏴᏂ se	ᏵᏂ si	᏶Ꮒ co	᏷Ꮒ su	ᏸᏂ sv
ᏹᏂ да ᏺᏂ та	ᏻᏂ de ᏼᏂ te	ᏽᏂ di ᏾Ꮒ ti	᏿Ꮒ до	᐀Ꮒ du	ᐁᏂ dv
ᐂᏂ dla ᐃᏂ tla	ᐄᏂ tle	ᐅᏂ tli	ᐆᏂ tlo	ᐇᏂ tlu	ᐈᏂ tlv
ᐉᏂ tsa	ᐊᏂ tse	ᐋᏂ tsi	ᐌᏂ tso	ᐍᏂ tsu	ᐎᏂ tsv
ᐏᏂ ва	ᐐᏂ we	ᐑᏂ wi	ᐒᏂ wo	ᐓᏂ wu	ᐔᏂ wv
ᐕᏂ ya	ᐖᏂ ye	ᐗᏂ yi	ᐘᏂ yo	ᐙᏂ yu	ᐚᏂ yv

Звуки, обозначаемые гласными.

a как в *слове father*, или короткое как в слове *rival*.

e как в *слове hate*, или короткое как *e* в слове *met*.

i как в *слове pique*, или короткое как в слове *pit*.

o как *aw* в *слове law*, или короткое как *o* в слове *not*.

u как *oo* в *слове fool*, или короткое как *u* в слове *pull*.

v как *u* в *слове but*; назализованное.

Согласные звуки.

g почти как в английском, но приближается к *k*. *d* почти как в английском, но приближается к *t h, k, l, m, n, q, s, t, w, y,* как в английском. Слоги, начинающиеся с *g*, за исключением Ꞩ, иногда имеют силу *k*. Λ, S, ϭ᾽ иногда произносятся *как to, tu, tv*; а слоги, написанные с *d,* за исключением Ɛ, иногда варьируются до *dl*.

Идея цивилизованного индейского правительства не была новой. Первый договор, заключенный Соединенными Штатами с индейским племенем в 1778 году, давал делавэрам надежду, что благодаря конфедерации дружественных племен они смогут «образовать государство, главой которого будет народ делавэров, имеющий представительство в Конгрессе».[280] Иезуит Прибер уже до середины XVIII века ознакомил чероки с формами цивилизованного правительства. По мере того как после революции разрыв между консервативными и прогрессивными элементами увеличивался, эта идея набирала обороты, пока в 1808 году представители обеих партий не посетили Вашингтон, чтобы предложить соглашение, по которому тем, кто привязан к старой жизни, будет позволено переселиться на западные охотничьи угодья, а остальные должны остаться, чтобы принять цивилизацию и «начать установление постоянных законов и регулярного правительства». Этот проект получил теплую поддержку президента Джефферсона, и именно с таким пониманием несколько лет спустя западная эмиграция была впервые официально признана. Сразу после возвращения делегатов из Вашингтона чероки составили свой первый краткий письменный свод законов, составленный в соответствии с дружественными предложениями Джефферсона.[281]

К этому времени быстрые успехи цивилизации и христианства встревожили консервативные элементы, которые видели в новом порядке вещей только признаки отступничества и быстрого национального упадка. В 1828 году Уайт-Пэт (Nûñ′nâ-tsune′ga), влиятельный чистокровный индеец и член совета, живший в Тернипттауне (U‘lûñ′yĭ) недалеко от нынешнего Эллиджея в округе Гилмер, штат Джорджия, возглавил восстание против нового свода законов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вскоре у него появилась большая группа последователей, известная белым как «Красные палки» — название, которое иногда принимали на себя более воинственные элементы среди криков и других южных племен. Из городского дома Эллиджея он проповедовал отказ от новой конституции, отказ от христианства и образа жизни белых людей и возвращение к старым племенным законам и обычаям — той же доктрине, которая не раз составляла основу индейских откровений в прошлом. Однако теперь было уже слишком поздно, чтобы повернуть вспять колесо прогресса, и под руководством таких людей, как Хикс и Росс, консервативная оппозиция постепенно растаяла. Уайт-Пэт был смещен со своего места в совете , но впоследствии подчинился и был восстановлен в должности. Позже он был одним из командиров отряда во время переселения, но умер во время марша.[282]

В этом же году Джон Росс стал главным вождем нации, должность, которую он занимал до своей смерти в 1866 году, тридцать восемь лет спустя.[283] В этот долгий период, включающий в себя такие важные события, как переселение и война за независимость, можно с полным правом сказать, что его история — это история нации.

И вот, когда казалось, что цивилизация и просвещение вот-вот завершат свое совершенное дело, чероки начали слышать первые тихие ропоты надвигающейся бури, которая вскоре должна была разрушить всю их государственную структуру и навсегда смести их с земли их рождения.

В соответствии с соглашением между Соединенными Штатами и штатом Джорджия от 1802 года, последний за ценное вознаграждение уступил федеральному правительству свои права на территории к западу от нынешней границы штата, а Соединенные Штаты в то же время согласились за свой счет, но в интересах штата, погасить права индейцев в пределах границ штата, «как только это можно будет сделать мирным путем на разумных условиях». [284] В соответствии с этим соглашением с индейцами криков и чероки уже было заключено несколько договоров, по которым Джорджия получила обширные территории за счет федерального правительства. Несмотря на этот факт и условия оговорки, Джорджия обвинила правительство в недобросовестности за то, что оно не приняло срочных мер, чтобы заставить индейцев немедленно сдать все оставшиеся земли в пределах уставных границ штата, сопроводив жалобу угрозой взять дело в свои руки. В 1820 году агент Мейгс высказал мнение, что чероки достигли такого прогресса, что дальнейшая помощь правительства не нужна, и что их земли должны быть распределены, а излишки проданы в их интересах, а сами они должны получить полные права гражданства в нескольких штатах, в которых они проживали. Это предложение было одобрено президентом Монро, но встретило решительное сопротивление со стороны заинтересованных штатов. Теннесси категорически отказался признавать отдельные резервации, созданные предыдущими договорами, в то время как Северная Каролина и Джорджия выкупили все такие резервации за счет средств, выделенных Конгрессом. [285] Ни один индеец не должен был иметь права проживать в этих штатах под каким бы то ни было предлогом.

Между тем, из-за постоянного давления со стороны Джорджии, были предприняты неоднократные безуспешные попытки добиться от чероки уступки их земель в пределах установленных границ штата Джорджия ( ). Все попытки наталкивались на твердый отказ, индейцы заявляли, что, уже уступив одну за другой свои когда-то обширные территории, оставшиеся земли были для них и их детей необходимыми, тем более что опыт показывал, что за каждой уступкой следовало новое требование. Они пришли к выводу: «Это твердое и неизменное решение нашего народа — никогда больше не уступать ни пяди земли». Вскоре после этого они направили президенту меморандум аналогичного содержания, на который Кэлхун, как министр войны, ответил, что, поскольку Джорджия возражает против их присутствия как племени, так и в качестве индивидуальных владельцев или граждан, они должны подготовиться к переселению за пределы Миссисипи. [286]

В ответ чероки через своих делегатов — Джона Росса, Джорджа Лоури, майора Риджа и Илайджу Хикса — направили резкое письмо, в котором обращали внимание на то, что по самой формулировке соглашения 1802 года договор был условным и не мог быть выполнен без их добровольного согласия, и предлагали, чтобы Джорджия удовлетворилась прилегающими государственными землями во Флориде. Далее они напоминают министру, что чероки не являются иностранцами, а являются коренными жителями Америки, проживающими и стоящими сейчас на земле своей собственной территории, границы которой определены договорами с Соединенными Штатами, и что, доверяя добросовестности правительства в соблюдении положений договора, они не колеблются заявить, что их истинные интересы, процветание и счастье требуют их постоянного проживания там, где они находятся, и сохранения их земель. [287]

Копия этого письма была отправлена секретарем губернатору Джорджии Труп, который в своем ответе обвинил миссионеров в отказе индейцев, заявил, что штат не позволит им стать гражданами, и что секретарь должен либо помочь штату в захвате земель чероки, либо, сопротивляясь этому захвату, начать войну и пролить кровь братьев и друзей. Делегация Джорджии в Конгрессе направила аналогичное письмо президенту Монро, в котором

правительство подвергалось критике за то, что оно обучало индейцев искусству цивилизованной жизни и тем самым внушило им желание приобретать собственность.[288]

В ответ президент представил доклад министра Кэлхуна, в котором указывалось, что с момента заключения соглашения с Джорджией в 1802 году правительство за свой счет погасило претензии индейцев на 24 600 квадратных миль в пределах этого штата, или более трех пятых всех претензий индейцев, и выплатило по этому и другим счетам, связанным с соглашением, почти семь с половиной миллионов долларов , из которых подавляющая часть пошла Джорджии или ее гражданам. В отношении другой критики в отчете указывается, что политика цивилизации была столь же старой, как и само правительство, и что при выполнении высоких обязанностей гуманности по отношению к индейцам никогда не предполагалось, что положения конвенции были нарушены. Представляя отчет, президент вновь обратил внимание на условный характер соглашения и заявил, что, по его мнению, оно ни в малейшей степени не затрагивает права индейцев и что Соединенные Штаты не обязаны выселять их силой.[289]

В 1827 и 1828 годах были предприняты дальнейшие попытки, вплоть до использования секретных методов, чтобы побудить индейцев к уступке или эмиграции, но безрезультатно. 26 июля 1827 года, как уже отмечалось, чероки приняли конституцию как отдельное и суверенное государство. После этого законодательный орган Джорджии принял резолюции, в которых подтверждалось, что этот штат «имеет власть и право владеть, любыми средствами, которые он сочтет нужными, спорными землями и распространять на них свою власть и законы», и рекомендовалось, чтобы это было сделано следующим законодательным органом, если земли не будут приобретены в результате успешных переговоров общего правительства в промежуточный период. Правительство было предупреждено, что эти земли принадлежат Джорджии, и она должна и будет их получить. Однако было предложено разрешить Соединенным Штатам выделить определенное количество резерваций отдельным индейцам.[290]

Оставив пока в стороне некоторые важные переговоры с западными чероки, мы переходим к событиям, приведшим к финальному акту драмы. До этого момента давление оказывалось только в отношении земель, но теперь добавился более весомый мотив. Примерно в 1815 году маленький мальчик из племени чероки, играя у реки Честати в верхней части Джорджии, принес своей матери блестящий желтый камушек, едва превышающий размер его большого пальца. После промывки оказалось, что это самородок золота, и во время следующей поездки в поселения женщина взяла его с собой и продала белому человеку. Новость распространилась, и хотя она, вероятно, скрыла точное место его происхождения, вскоре стало известно, что золотые мечты Де Сото осуществились в стране чероки в Джорджии. В течение четырех лет вся территория к востоку от Честейти перешла из владения чероки. Они по-прежнему удерживали западный берег, но золотоискатели разбрелись по горам, и это не могло длиться долго.[291] Около 1828 года золото было найдено на ручье Уордс, западном притоке Честейти, недалеко от нынешнего Далонеги,[292] и судьба нации была предрешена (41).

В ноябре 1828 года Эндрю Джексон был избран президентом, сменив на этом посту Джона Куинси Адамса. Он был пограничником и ненавидел индейцев, и эта перемена не сулила ничего хорошего для чероки. Его позиция была хорошо понятна, и есть все основания полагать, что действия, немедленно предпринятые Джорджией, были предприняты по его собственному предложению.[293] 20 декабря 1828 года, через месяц после его избрания, Джорджия приняла закон, аннексирующий часть территории чероки в пределах своих уставных границ и распространяющий на нее свою юрисдикцию; все законы и обычаи, установленные среди чероки, были объявлены недействительными, и ни один человек индейской крови или происхождения, проживающий на территории индейцев, не мог впредь выступать в качестве свидетеля или стороны в любом судебном процессе, где ответчиком был белый человек. Закон должен был вступить в силу 1 июня

1830 года (42). Вскоре после этого вся территория была разбита на округа и разбита государственными геодезистами на «земельные участки» по 160 акров каждый и «золотые участки» по 40 акров, которые были выставлены на публичную лотерею и распределены между белыми гражданами Джорджии, каждый из которых получил билет. Каждому главе семьи из племени чероки действительно было разрешено зарезервировать 160 акров, но никаких документов на право собственности выдано не было, и его дальнейшее проживание на этой земле зависело исключительно от благоволения законодательного органа. Были приняты меры для урегулирования спорных лотерейных претензий между белыми гражданами, но самые строгие законы, в дополнение к всеобъемлющему закону, запрещавшему любому человеку с индейской кровью подавать иск или свидетельствовать против белого человека, сделали невозможным для индейского владельца отстаивать свои права в любом суде или сопротивляться изъятию его усадьбы или даже его собственного жилого дома, и любой, кто сопротивлялся, подлежал тюремному заключению по усмотрению суда Джорджии. Вскоре последовали другие законы, направленные на ту же цель, один из которых признавал недействительным любой договор между белым человеком и индейцем, если он не был подтвержден показаниями двух белых свидетелей, что практически аннулировало все долги белых людей перед индейцами, а другой обязывал всех белых людей, проживающих на территории чероки, принести специальную присягу на верность штату Джорджия под угрозой четырех лет тюремного заключения, Этот закон был направлен на изгнание всех миссионеров, учителей и других просветителей, которые отказывались поддерживать грабеж. Примерно в то же время чероки было запрещено проводить совещания или собираться для каких-либо общественных целей,[294] а также добывать золото на своих землях.

Цель этого закона заключалась в том, чтобы сделать жизнь чероки в своей стране невыносимой, лишив их всякой правовой защиты и дружеского совета, и эффект был именно таким, как и предполагалось. В красноречивой речи по этому вопросу перед Палатой представителей выдающийся Эдвард Эверетт ясно указал на то, как это поощряет беззаконников: «Им нужно только пересечь границу чероки; им нужно только выбрать время и место, где на них не сможет увидеть ни один белый человек, и они могут сжечь жилище, разграбить ферму, опустошить имущество, напасть на человека, убить детей чероки, подданных Джорджии, и хотя сотни членов племени могут на это смотреть, ни один из них не может дать показания против грабителя».[295] Сенатор Спраг из штата Мэн сказал о законе, что он отдает имущество чероки на откуп алчности их соседей, оставляя их беззащитными перед любыми надругательствами, которые могут совершить беззаконники, так что даже грабежи и убийства могут совершаться безнаказанно в полдень, если не в присутствии белых, которые могли бы дать показания против этого.[296]

Предсказание сбылось дословно. Банды вооруженных людей вторглись в страну чероки, насильно захватывая лошадей и скот, овладевая домами, из которых они выгнали жильцов, и нападая на владельцев, которые осмеливались сопротивляться.[297] В одном случае, недалеко от нынешнего Далонеги, два белых мужчины, которых образованный гражданин чероки почти чисто белой крови гостеприимно принял и угостил ужином, позже вечером, во время временного отсутствия родителей, выгнали детей и их няню и умышленно подожгли дом, который сгорел дотла со всем его содержимым. Их преследовали и привлекли к суду, но дело было закрыто судьей на том основании, что индеец не может свидетельствовать против белого человека.[298] Шахтеры-чероки на своей собственной земле были арестованы, оштрафованы и заключены в тюрьму, а их инструменты и оборудование были уничтожены, в то время как тысячи белых нарушителей могли беспрепятственно копать в тех же местах.[299] Чероки, судимый в своей собственной стране за убийство другого индейца, был арестован государственными властями, судим и приговорен к смертной казни, хотя, не понимая английского языка, он не мог выступить в свою защиту. Суд Соединенных Штатов запретил казнь, но судья, который вел процесс, проигнорировал постановление, пришел на место казни и стоял рядом с шерифом, пока индеец был повешен.[300]

Сразу после принятия первого закона чероки обратились к президенту Джексону, но им было сказано, что им не будет оказана никакая защита. Затем были предприняты другие попытки — в 1829 году — убедить их переселиться или добиться еще одной уступки — на этот раз всех их земель в Северной Каролине, — но чероки остались непреклонны. Закон Джорджии вступил в силу 3 июня 1830 года, после чего президент распорядился, чтобы ежегодные выплаты, причитающиеся нации чероки по предыдущим договорам, больше не выплачивались их национальному казначею, как это было до сих пор, а распределялись агентом на душу населения. Как национальный фонд, эти средства использовались для содержания их школ и национальной прессы. В виде выплат на душу населения они составляли сорок два цента на каждого человека. Спустя несколько лет они все еще оставались невыплаченными. В страну чероки были также отправлены федеральные войска с приказом предотвращать любую добычу полезных ископаемых как белыми, так и индейцами, если она не была разрешена штатом Джорджия. Все эти меры только укрепили чероки в их решимости. В сентябре 1830 года было выдвинуто еще одно предложение о переселении племени, но национальный совет категорически отказался рассматривать этот вопрос.[301]

В январе 1831 года народ чероки, во главе с главным вождем Джоном Россом, подал в Верховный суд США исковое заявление с требованием вынести запретительное судебное решение против штата Джорджия. Большинство судей отклонило иск на том основании, что чероки не являются иностранным народом в понимании Конституции, при этом два судьи высказали особое мнение.[302]

Вскоре после этого, в соответствии с законом, запрещавшим любому белому человеку проживать в племени чероки без принесения присяги на верность штату Джорджия, был произведен ряд арестов, в том числе Уилера, печатника газеты *«Cherokee Phœnix»*, и миссионеров Вустера, Батлера, Томпсона и Проктора, которые, находясь там с разрешения агента и считая, что простое американское гражданство должно действовать в любой части Соединенных Штатов, отказались принести присягу. Некоторые из арестованных приняли присягу и были освобождены, но Вустер и Батлер, по-прежнему отказываясь, были одеты в тюремную форму и отправлены на каторжные работы среди преступников. В свою защиту Вустер заявил, что он является гражданином Вермонта и въехал на территорию чероки с разрешения президента Соединенных Штатов и с одобрения чероки, и что, поскольку Соединенные Штаты в нескольких договорах признали чероки нацией с гарантированной и определенной территорией, штат не имел права вмешиваться в его дела. Он был приговорен к четырем годам тюремного заключения. 3 марта 1832 года дело было передано в качестве тестового дела в Верховный суд Соединенных Штатов, который вынес решение в пользу Вустера и племени чероки и распорядился освободить его. Однако штат Джорджия через своего губернатора проигнорировал повестку, пригрозив сопротивлением, даже если это приведет к уничтожению Союза, и теперь игнорировал решение, отказываясь освободить миссионера, который оставался в тюрьме, пока почти год спустя не был освобожден по воле губернатора. Замечание, приписываемое президенту Джексону, услышавшему о решении Верховного суда, может пролить некоторый свет на весь процесс: «Джон Маршалл принял свое решение, теперь пусть он его исполняет».[303]

19 июля 1832 года во всей нации чероки был объявлен общественный пост. В прокламации, рекомендующей его, вождь Росс отмечает, что «В то время как кризис в делах нации свидетельствует о дне скорби и печали, и, похоже, быстро приближается время, когда судьба этого народа будет предрешена; независимо от того, было ли это вызвано привычной порочностью и злобой человека или непостижимой и таинственной волей всемудрого Существа, нам, как разумному и христианскому сообществу, следует с покорностью склонить головы в смирении» и т. д.[304]

Были предприняты дальнейшие попытки убедить чероки переселиться на Запад, но они встретили такой же решительный отказ, как и раньше. Стало известно, что ввиду угнетающих условий, в которых они находились, чероки теперь серьезно рассматривали проект эмиграции на тихоокеанское побережье, в устье реки Колумбия, на территорию, которая тогда принадлежала Англии и контролировалась постами Британской компании Гудзонова залива. Министр войны немедленно принял меры, чтобы пресечь это движение.[305] Предложение чероки о том, чтобы правительство удовлетворило тех, кто завладел землями чероки в результате лотереи, предоставив им взамен равноценные незанятые государственные земли, было отклонено президентом.

Весной 1834 года чероки представили меморандум, в котором, утверждая, что они никогда добровольно не согласятся покинуть свои дома, предложили удовлетворить Джорджию, уступив ей часть своей территории, а самим остаться в владении остальной частью до истечения определенного срока, который должен был быть установлен Соединенными Штатами, по истечении которого, после распоряжения излишними землями, они должны были стать гражданами различных штатов, в которых проживали. Им было сказано, что их проблемы могут быть решены только путем переселения на запад от Миссисипи. Тем временем велись переговоры о договоре о переселении с самопровозглашенным комитетом из примерно пятнадцати или двадцати чероки, созванным в агентстве. Он был заключен несмотря на протест Джона Росса и чероки, выраженный в документе, который, как утверждается, содержал подписи 13 000 чероки, но не был ратифицирован.[306]

Отчаявшись получить какую-либо помощь от президента, делегация чероки во главе с Джоном Россом 17 мая 1834 года направила в Конгресс еще одно искреннее обращение. Ройс приводит полный текст документа с замечанием: «Не вынося суждения о достоинствах этой полемики, автор считает, что это обращение заслуживает воспроизведения здесь как свидетельство преданной и трогательной привязанности, с которой чероки цеплялись за землю своих отцов, и, помня о несправедливости и унижениях прошлого, отказывались верить, что за Миссисипи их ждут справедливость, процветание и счастье».[307]

В августе того же года в Ред-Клэй, к юго-востоку от Чаттануги, на границе с Джорджией, состоялось еще одно совещание, на котором вновь обсуждался вопрос о переселении. Оно было официально описано как бурное и возбужденное. Один из главных сторонников плана эмиграции, известный человек смешанного происхождения по имени Джон Уокер-младший, был убит из засады, когда возвращался с совещания в свой дом, расположенный в нескольких милях к северу от нынешнего Кливленда, штат Теннесси. Ввиду его превосходного образования и влиятельных связей (его жена была племянницей бывшего агента Ретрна Дж. Мейгса), это событие вызвало в то время бурное возмущение. Это убийство считается первым в длинной череде политических убийств, вызванных агитацией за переселение, но, согласно показаниям старого чероки, знакомого с фактами, убийство было совершено по более личным мотивам.[308]

Чероки были теперь почти измотаны постоянной борьбой с судьбой, от которой они не видели спасения. В феврале 1835 года в Вашингтон прибыли две соперничающие делегации . Одна из них, национальная партия, возглавляемая Джоном Россом, была готова бороться до конца за свой дом и национальное существование. Другая, возглавляемая майором Джоном Риджем, видным подвожком, отчаявшись в дальнейшем успешном сопротивлении, была готова вести переговоры о переселении. Преподобный Дж. Ф. Шермерхорн был назначен комиссаром для заключения с партией Риджа договора, который позже должен был быть утвержден общим советом чероки. На этой основе с группой Риджа был заключен договор, по которому чероки должны были уступить всю свою восточную территорию и переселиться на Запад в обмен на сумму в 3 250 000 долларов, дополнительные земельные участки на Западе и небольшую сумму за ущерб, нанесенный им белыми. Узнав о ходе этих переговоров, группа Росса подала встречное предложение на сумму 20

000 000 долларов, которое было отклонено Сенатом как чрезмерное. Соглашение Шермерхорна с группой Риджа, в котором сумма компенсации была изменена на 4 500 000 долларов, было завершено и подписано 14 марта 1835 года, но с явным оговоркой, что оно должно быть одобрено полным советом чероки ( ) перед тем, как считаться имеющим обязательную силу. Добившись этого, г-н Шермерхорн отправился в страну чероки, вооружившись обращением президента Джексона, в котором излагались огромные преимущества переселения для чероки. Истратив лето и осень на бесплодные попытки добиться благоприятных действий, достопочтенный джентльмен уведомил президента, предложив либо получить подписи ведущих представителей чероки, пообещав им оплату за их улучшения по их собственной оценке, если она в какой-то степени разумна, либо заключить договор с частью народа и заставить остальных принять его. Министр войны Льюис Касс от имени президента незамедлительно сообщил ему, что договор, если он вообще будет заключен, должен быть заключен на справедливых и открытых условиях, без каких-либо особых обещаний какому-либо лицу, высокопоставленному или низкопоставленному, с целью получить его помощь или влияние, и без ущерба для интересов всего народа в пользу корысти немногих. Ему также сообщили, что, поскольку это, вероятно, будет противоречить его желанию, его письмо не будет занесено в архив.[309]

В октябре 1835 года договор Риджа был отклонен наполнительном советом чероки в Ред-Клэй, даже его главные сторонники, сам Ридж и Элиас Будино, перешли на сторону большинства, что было совершенно неожиданно для Шермерхорна, который сообщает об этом результате, благочестиво добавляя: «но Господь способен обратить все во благо». Во время сессии этого совета чероки было вручено уведомление о встрече с комиссарами в Нью-Эчота в декабре с целью переговоров о заключении договора. Уведомление было также напечатано на языке чероки и распространено по всей нации с заявлением, что те, кто не явится, будут считаться согласными с любым договором, который может быть заключен.[310]

Совет уполномочил постоянную делегацию во главе с Джоном Россом заключить договор либо там, либо в Вашингтоне, но, обнаружив, что Шермерхорн не имеет полномочий вести переговоры на каких-либо других условиях, кроме тех, которые были отвергнуты нацией, делегаты отправились в Вашингтон.[311] Перед их отъездом Джон Росс, который переехал в Теннесси, чтобы избежать преследований в своем собственном штате, был арестован в своем доме охраной Джорджии, при этом были изъяты все его личные документы и протоколы совета и перевезены через границу в Джорджию, где он пробыл некоторое время без предъявления обвинений и в конце концов был освобожден без извинений и объяснений. Поэт Джон Говард Пейн, который в то время гостил у Росса и занимался сбором исторических и этнологических материалов, касающихся чероки, был арестован в то же время, а все его письма и научные рукописи были конфискованы ( ). Национальная газета *«Cherokee Phœnix»* была закрыта, а ее офис и оборудование были конфискованы той же охраной за несколько дней до этого.[312] Таким образом, в момент наибольшей нужды чероки были лишены помощи и совета своих учителей, национальной прессы и вождя.

Хотя в течение двух месяцев угрозы и поощрения использовались для обеспечения полного участия в декабрьской конференции в Нью-Эчота, по сообщению самого Шермерхорна, на момент открытия заседания из более чем 17 000 человек присутствовали только от трехсот до пятисот мужчин, женщин и детей. Несмотря на низкую явку и отсутствие главных должностных лиц нации, был назначен комитет для согласования деталей договора, который был окончательно составлен и подписан 29 декабря 1835 года.[313]

Вкратце, по этому договору, заключенному в Нью-Эчота, штат Джорджия, народ чероки уступил Соединенным Штатам всю оставшуюся территорию к востоку от Миссисипи за сумму в пять миллионов долларов и общие совместные права на территорию, уже занятую западными чероки,

на территории, которая сейчас является индейской территорией, с дополнительным небольшим участком, примыкающим к северо-востоку, на территории, которая сейчас является Канзасом. Улучшения должны были быть оплачены, а индейцы должны были быть переселены за счет Соединенных Штатов и содержаться за счет правительства в течение одного года после их прибытия в новую страну. Переселение должно было состояться в течение двух лет с момента ратификации договора.

По настоятельной просьбе подписавших договор чероки, которые в противном случае, вероятно, не подписали бы его даже тогда, было решено, что ограниченное число чероки, желающих остаться в Северной Каролине, Теннесси и Алабаме и стать гражданами, после того как они будут признаны «пригодными или способными стать полезными гражданами», могут остаться, вместе с несколькими лицами, владеющими отдельными резервациями по предыдущим договорам. Это положение было одобрено комиссарами, но впоследствии было отменено после объявления президентом Джексоном о его решении «не допускать никаких преимущественных прав или резерваций, поскольку он желает, чтобы весь народ чероки переселился вместе».

Были также предусмотрены положения об уплате долгов индейцев из средств, поступающих им в соответствии с договором; о восстановлении миссий на Западе; о выплате пенсий чероки, раненным на службе правительства в войне 1812 года и в войне с криками; о разрешении на создание в новой стране таких военных постов и дорог для использования Соединенными Штатами, которые будут сочтены необходимыми; для удовлетворения претензий осейджей на западной территории и для достижения дружеского взаимопонимания между двумя племенами; а также для перечисления всех аннуитетов и других сумм, причитающихся от Соединенных Штатов, в постоянный национальный фонд, проценты от которого должны быть переданы в распоряжение должностных лиц чероки и распределены ими в соответствии с волей своего народа на нужды школ и сирот, а также на общие национальные цели.

Западная территория, выделенная чероки по этому договору, состояла из двух смежных участков, а именно: (1) участок площадью семь миллионов акров вместе с «вечным выходом на запад», уже выделенный западным чероки по договору 1833 года, как будет отмечено ниже,[314] и идентична нынешней территории, занимаемой народом чероки в Индейской территории, вместе с бывшей «полосой чероки», за исключением полосы шириной две мили вдоль северной границы, которая теперь входит в пределы Канзаса; (2) меньший дополнительный участок площадью восемьсот тысяч акров, простирающийся на пятьдесят миль с севера на юг и на двадцать пять миль с востока на запад, в том месте, которое сейчас является юго-восточным углом Канзаса. За этот второй участок чероки должны были заплатить Соединенным Штатам пятьсот тысяч долларов.

Договор 1833 года, присваивающий первый описанный участок западным чероки, гласит, что Соединенные Штаты соглашаются «гарантировать его им навсегда, и эта гарантия настоящим закрепляется». Согласно тому же договору, «в дополнение к семи миллионам акров земли, предоставленных и ограниченных таким образом, Соединенные Штаты далее гарантируют народу чероки вечный выход на запад и свободное и беспрепятственное использование всей территории, лежащей к западу от западной границы указанных семи миллионов акров, насколько простирается суверенитет Соединенных Штатов и их право на землю... и патентные грамоты будут выданы Соединенными Штатами, как только это будет практически возможно, на землю, гарантированную настоящим договором». Все это было повторено в настоящем договоре и включено также в отношении меньшего (второго) участка следующими словами:

Статья 3. Соединенные Штаты также соглашаются, что земли, уступленные вышеуказанным договором от 14 февраля 1833 года, включая выход, и земли, уступленные настоящим договором, должны быть включены в один патент, выданный индейской нации чероки президентом Соединенных Штатов в соответствии с положениями закона от 28 мая 1830 года...

Статья 5. Соединенные Штаты настоящим обязуются и соглашаются, что земли, уступленные народу чероки в предыдущей статье, в будущем не будут без их согласия включены в территориальные границы или юрисдикцию какого-либо штата или территории. Однако они гарантируют племени чероки право их национальных советов принимать и осуществлять все законы, которые они сочтут необходимыми для управления и защиты лиц и имущества на территории своей страны, принадлежащих их народу или лицам, связанным с ними: при условии, что они не будут противоречить Конституции Соединенных Штатов и таким актам Конгресса, которые были или могут быть приняты для регулирования торговли и общения с индейцами; а также что они не будут считаться распространяющимися на таких граждан и армию Соединенных Штатов, которые могут путешествовать или проживать на территории индейской страны по разрешению, в соответствии с законами и правилами, установленными правительством этой страны...

Статья 6. Между гражданами Соединенных Штатов и индейцами чероки будет существовать вечный мир и дружба. Соединенные Штаты соглашаются защищать народ чероки от внутренних конфликтов и внешних врагов, а также от междоусобных войн между различными племенами. Чероки должны стремиться сохранять и поддерживать мир в стране и не вести войны со своими соседями; они также должны быть защищены от вмешательства и вторжения со стороны граждан Соединенных Штатов, которые могут пытаться поселиться в стране без их согласия; все такие лица должны быть удалены из страны по приказу президента Соединенных Штатов. Однако это не имеет целью помешать проживанию среди них полезных фермеров, механиков и учителей для обучения индейцев в соответствии с положениями договора.

Статья 7. Поскольку народ чероки уже достиг большого прогресса в цивилизации и считается важным, чтобы его народу были предложены все надлежащие и похвальные стимулы для улучшения его положения, а также для наиболее эффективной защиты и обеспечения прав, гарантированных ему в настоящем договоре, и с целью продемонстрировать либеральную и расширенную политику правительства Соединенных Штатов в отношении индейцев, переселяющихся за пределы территориальных границ штатов, устанавливается, что они имеют право на представителя в Палате представителей Соединенных Штатов, когда Конгресс примет соответствующее постановление.

Документ был подписан (губернатором) Уильямом Кэрроллом из Теннесси и (преподобным) Дж. Ф. Шермерхорном в качестве уполномоченных — однако первый из них не смог присутствовать по причине болезни — а также двадцатью представителями чероки, среди которых наиболее заметными были майор Ридж и Элиас Будинот, бывший редактор газеты *«Феникс»*. Ни Джон Росс, ни кто-либо из должностных лиц чероки не присутствовали и не были представлены. После некоторых изменений, внесенных Сенатом, договор был ратифицирован 23 мая 1836 года.[315]

На основании договора Нью-Эчота и договора, ранее заключенного с западными чероки в Форт-Гибсоне в 1833 году, объединенная чероки-нация основывала свои права на нынешнюю территорию, принадлежащую племени в Индейской территории, на выход чероки к морю и на национальное самоуправление с защитой от внешнего вторжения.

Официальная перепись, проведенная в 1835 году, показала, что общее число чероки в Джорджии, Северной Каролине, Алабаме и Теннесси составляло 16 542 человека, не считая 1592 негров-рабов и 201 белого, вступившего в смешанный брак с чероки. Чероки распределялись следующим образом: Джорджия — 8946, Северная Каролина — 3644, Теннесси — 2528, Алабама — 1424.[316]

Несмотря на усилия Росса и национальных делегатов, которые представили протесты с подписями, представляющими почти 16 000 чероки, договор был ратифицирован большинством в один голос над необходимым числом, и сразу же были предприняты предварительные шаги для его выполнения. По всей территории чероки были созваны советы оппозиции, и были составлены резолюции, осуждающие использованные методы и объявляющие договор абсолютно недействительным, которые были представлены генералу Вулу, командующему войсками в стране чероки, который направил их в Вашингтон. Президент в ответ выразил удивление тем, что офицер армии получил или передал документ, столь неуважительный по отношению к исполнительной власти, Сенату и американскому народу; заявил о своей твердой решимости выполнить договор без изменений и со всей последовательностью и распорядился, чтобы после доставки копии письма Россу с ним не велось никаких дальнейших устных или письменных переговоров по поводу договора. Кроме того, было дано распоряжение не допускать созыва совета для

обсуждения договора. Росс уже был проинформирован о том, что президент перестал признавать какое-либо существующее правительство среди восточных чероки и что любые дальнейшие попытки с его стороны помешать заключению договора будут пресекаться.[317]

Несмотря на это подавление мнения, настроения нации вскоре стали ясны из других источников. До ратификации договора майор У. М. Дэвис был назначен для регистрации чероки для переселения и оценки стоимости их улучшений. Он вскоре узнал о реальном положении дел и, хотя занимал свою должность по доброй воле президента Джексона, направил министру войны резкое письмо по этому поводу, из которого приводится следующий отрывок:

Я считаю, что мой долг перед президентом, перед вами и перед моей страной вынуждает меня с неохотой сделать заявление о фактах, связанных с встречей небольшой группы чероки в Нью-Эчоте в декабре прошлого года, на которой присутствовал г-н Шермерхорн, и о положениях общего договора, заключенного между ними от имени всего народа чероки... Сэр, этот документ, ... называемый договором, не является договором, поскольку он не одобрен большинством чероки и составлен без их участия или согласия. Я торжественно заявляю вам, что при представлении его народу чероки он будет немедленно отвергнут девятью десятыми его членов, а я полагаю, что и девятнадцатью двадцатыми. При заключении договора присутствовало не более ста избирателей из числа чероки и не более трехсот человек, включая женщин и детей, хотя погода была идеальной. Индейцы были заранее уведомлены о собрании, и всем, кто придет и проголосует за договор, были обещаны одеяла. Были применены самые хитрые и коварные средства, чтобы скрыть малочисленность присутствующих на заключении договора. Шермерхорн не проводил их пересчета. Дело заключения договора велось с комитетом, назначенным присутствующими индейцами, чтобы не раскрывать их численность. Доверенность, на основании которой действовал комитет, была подписана только председателем и секретарем собрания, чтобы не раскрывать их слабость... Очевидно, г-н Шермерхорн намеревался скрыть реальное число присутствующих и обмануть общественность и правительство в этом вопросе. Делегация, которую г-н Шермерхорн взял с собой в Вашингтон, не имела больше полномочий для заключения договора, чем любая другая дюжина чероки, случайно подобранная для этой цели. Я предупреждаю вас и президента, что если этот документ Шермерхорна, называемый договором, будет отправлен в Сенат и ратифицирован, вы навлечете беду на правительство и в конечном итоге уничтожите эту [чероки] нацию. Чероки — мирный, безобидный народ, но вы можете довести их до отчаяния, и этот договор не может быть приведен в исполнение, кроме как с помощью сильной руки.[318]

Генерал Вул, который был поставлен во главе войск, сосредоточенных в стране чероки для предотвращения сопротивления исполнению договора, сообщил 18 февраля 1837 года, что он созвал их и выступил с речью, но «бесполезно говорить с народом, который почти единодушно выступает против договора и утверждает, что никогда не заключал такого договора. Они настолько решительны в своем сопротивлении, что ни один из тех, кто присутствовал и голосовал на совете, состоявшемся всего день или два назад, как бы беден или обездолен он ни был, не согласился бы принять продовольствие или одежду от Соединенных Штатов, чтобы не скомпрометировать себя в отношении договора. Эти же люди, а также те, кто живет в горах Северной Каролины, в течение прошлого лета предпочитали питаться корнями и соком деревьев, чем получать продовольствие от Соединенных Штатов, и, как мне сообщили, тысячи из них не имели другой пищи в течение нескольких недель. Многие сказали, что скорее умрут, чем покинут эту страну».[319]

Другие письма генерала Вула, написанные во время работы по разоружению и устрашению чероки, показывают, насколько неприятной была для него эта обязанность и насколько сильно он сочувствовал индейцам, которые практически единодушно отвергали договор. В одном из писем он пишет:

Вся картина, которую я вижу с тех пор, как прибыл в эту страну, просто разрывает сердце, и я был бы рад избавиться от нее, как только позволят обстоятельства. Не думайте, что я буду несправедлив, потому что я тверд и решителен. Если бы я мог, и я не мог оказать им большей любезности, я бы завтра переселил всех индейцев подальше от белых людей, которые, как стервятники, наблюдают за ними, готовые наброситься на свою добычу и лишить их всего, что у них есть или что они ожидают от правительства Соединенных Штатов. Да, сэр, девятнадцать двадцатых, если не девяносто девять из ста, уедут на Запад без гроша в кармане.[320]

Как это должно было произойти, частично объясняется в письме, адресованном президенту самим майором Риджем, главным подписантом договора:

Мы обращаемся к вам по поводу наших страданий и бедствий, причиненных действиями белых людей. Они отняли у нас наши земли, а теперь готовятся лишить нас денег, причитающихся нам по договору. Мы обнаружили, что наши плантации были полностью или частично захвачены жителями Джорджии, которые подали на нас в суд за задолженность по аренде наших собственных ферм. Эти иски возбуждены в судах низшей инстанции с явным намерением ( ) арестовать наших людей, когда мы будем готовы к переселению, и на основании этих гнусных претензий заставить нас пойти на компромисс ради нашего собственного освобождения, чтобы мы могли уехать с нашими семьями. Таким образом, наши средства будут похищены у нашего народа, и мы будем вынуждены покинуть нашу страну как нищие и нуждающиеся.

Даже законы Джорджии, которые лишают нас права приносить присягу, отброшены в сторону, и, несмотря на крики наших людей и заявления о нашей невиновности и мирных намерениях, низшие слои белого населения избивают чероки кожаными ремнями, дубовыми палками и дубинками. Мы не в безопасности в наших домах — наш народ подвергается нападениям со стороны черни днем и ночью. Даже мировые судьи и полицейские участвуют в этом деле. Это варварское обращение не ограничивается мужчинами, но и женщины также раздевают и бьют без суда и милости... Пошлите регулярные войска, чтобы защитить нас от этих беззаконных нападений и защитить наш народ, когда он будет уходить на Запад. Если этого не будет сделано, мы унесем с собой только шрамы от плетей на спинах, а наши угнетатели получат все деньги. Мы говорим прямо, как вожди, чья собственность и жизнь находятся в опасности, и просим вас о защите...[321]

Генерал Данлап, командующий войсками Теннесси, вызванными для предотвращения предполагаемого восстания чероки, узнав о реальном положении дел, выступил с возмущенной речью перед своими солдатами, в которой заявил, что он никогда не опозорит оружие Теннесси, помогая применять штыки для выполнения договора, заключенного небольшим меньшинством против воли и власти народа чероки. Он также заявил, что предоставил чероки всю защиту, в которой был способен, а белые в ней не нуждались.[322]

Конфиденциальный агент, посланный для составления отчета о ситуации, написал в сентябре 1837 года, что противодействие договору было единодушным и непримиримым, чероки заявляли, что он не может их связывать, потому что они его не заключали, что это было делом рук нескольких неуполномоченных лиц и что нация не была его стороной. Они сохранили формы своего правительства, хотя с 1830 года выборы не проводились, и продолжали работать с теми же должностными лицами, которые были у власти в то время, пока их правительство не смогло быть вновь восстановлено в обычном порядке. В соответствии с этой договоренностью Джон Росс был главным вождем, обладающим неограниченным и бесспорным влиянием. «Вся нация, насчитывающая восемнадцать тысяч человек, поддерживает его, а те немногие — около трехсот человек, которые заключили договор, покинули страну, за исключением небольшого числа видных деятелей, таких как Ридж, Будинот и другие, которые остались, чтобы помочь в его выполнении. Поэтому очевидно, что Росс и его партия фактически являются нацией чероки... Я полагаю, что большая часть народа, особенно горные индейцы, будет стоять или падать вместе с Россом...»[323]

Общественное мнение по поводу этого договора было настолько сильным, что оно в некоторой степени стало партийным вопросом: демократы поддерживали президента Джексона, а виги яростно ему противостояли. Среди видных лидеров оппозиции были Генри Клей, Дэниел Вебстер, Эдвард Эверетт, Уайз из Вирджинии и Дэвид Крокетт. Речи в Конгрессе по этому вопросу «отличались такой глубиной и горечью чувств, каких не было даже в вопросе о рабстве».[324] Это считалось не просто индейским вопросом, а проблемой между правами штатов, с одной стороны, и федеральной юрисдикцией и Конституцией, с другой.

Несмотря на угрозы ареста и наказания, Росс продолжал активно выступать в защиту своего народа. Весной 1838 года, за два месяца до назначенного срока переселения, он вновь представил Конгрессу протест и меморандум, которые, как и другие, были отложены Сенатом. Ван Бюрен сменил Джексона и был готов предоставить чероки больше времени на подготовку к переселению, но губернатор Джорджии Гилмер заявил, что любая задержка будет нарушением прав штата и противоречить правам *владельцев земли*, и что если правительственные войска будут защищать чероки, это приведет к прямому столкновению между властями штата и федеральным правительством.[325]

До последнего момента чероки все еще верили, что договор не будет выполнен, и, несмотря на все давление, оказанное на них, только около 2000 из 17 000 жителей восточной части нации переселились по истечении срока, установленного для их отъезда, 26 мая 1838 года. Поскольку было очевидно, что переселение может быть осуществлено только силой, генерал Уинфилд Скотт был назначен для выполнения этой задачи с инструкциями как можно скорее начать переселение индейцев на Запад. Для этой цели ему было приказано взять на себя командование войсками, уже находившимися на территории чероки, а также дополнительными подкреплениями пехоты, кавалерии и артиллерии, с правом обращаться к губернаторам соседних штатов за 4000 ополченцев и добровольцев. Общая численность войск составляла около 7000 человек — регулярных войск, ополченцев и добровольцев.[326] Индейцы уже были разоружены генералом Вулом.

По прибытии в страну чероки Скотт установил штаб-квартиру в столице, Нью-Эчота, откуда 10 мая он издал прокламацию чероки, предупреждая их, что эмиграция должна быть начата в спешке и что до наступления следующей луны каждый мужчина, женщина и ребенок чероки должны быть в пути, чтобы присоединиться к своим братьям на далеком Западе, в соответствии с решением президента, которое он, генерал, пришел исполнить. Прокламация заканчивается следующими словами: «Мои войска уже занимают многие позиции... и тысячи и тысячи приближаются со всех сторон, чтобы сделать сопротивление и побег одинаково безнадежными... Будете ли вы, таким образом, сопротивлением вынуждать нас прибегнуть к оружию... или будете ли вы бегством пытаться спрятаться в горах и лесах и тем самым вынуждать нас преследовать вас?» — напоминая им, что преследование может привести к конфликту и кровопролитию, закончившимся общей войной.[327]

Даже после этого Росс пытался от имени своего народа добиться небольших изменений в условиях договора, но безрезультатно.[328]

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ — 1838–1839

История переселения чероки в 1838 году, как ее изложил автор, опираясь на рассказы участников этой трагедии, по своей тяжести и пафосу, возможно, превосходит любой другой эпизод в истории Америки. Даже широко известное изгнание акадцев значительно уступает ей по количеству смертей и страданий. По приказу Скотта войска были размещены в различных точках по всей территории чероки, где были построены укрепленные форты для сбора и содержания индейцев в ожидании переселения (43). Оттуда отряды солдат отправлялись с винтовками и штыками на поиски каждой маленькой хижины, спрятанной в бухтах или на берегах горных ручьев, чтобы схватить и привести в качестве пленных всех жильцов, где бы они ни находились. Семьи, сидевшие за обедом, были напуганы внезапным блеском штыков в дверном проеме и поднялись, чтобы быть уведенными с ударами и ругательствами по изнурительным милям тропы, ведущей к форту. Мужчин хватали на полях или на дороге, женщин забирали с колесниц, а детей — с игр. Во многих случаях, оглянувшись в последний раз, когда они пересекали хребет, они видели свои дома в огне, подожженные беззаконной толпой, которая следовала за солдатами, чтобы грабить и мародерствовать. Эти преступники были настолько увлечены своей добычей, что в некоторых случаях они уводили скот и другое имущество индейцев почти до того, как солдаты успевали отправить их владельцев в другом направлении. Эти же люди систематически охотились за индейскими могилами, чтобы ограбить их серебряных кулонов и других ценностей, положенных вместе с умершими. Доброволец из Джорджии, впоследствии полковник в армии Конфедерации, сказал: «Я сражался в гражданской войне и видел, как тысячи людей были застрелены и убиты, но изгнание чероки было самым жестоким делом, которое я когда-либо видел».

Чтобы предотвратить побег, солдатам было приказано подойти и окружить каждый дом, насколько это было возможно, чтобы застать жильцов врасплох. Один старый патриарх, когда его таким образом застали врасплох, спокойно позвал своих детей и внуков к себе, преклонил колени и попросил их помолиться вместе с ним на их родном языке, в то время как изумленные солдаты молча наблюдали за этим. Затем он поднялся и пошел в изгнание . Одна женщина, обнаружив, что дом окружен, подошла к двери и позвала кур, чтобы покормить их в последний раз, после чего, взяв младенца на спину и двух других детей за руки, последовала за мужем с солдатами.

Не все были так покорны. Один старик по имени Цали, «Чарли», был схвачен вместе со своей женой, братом, тремя сыновьями и их семьями. Разгневанный жестоким обращением с женой, которую, поскольку она не могла быстро идти, подгоняли штыками, чтобы она ускорила шаг, он призвал других мужчин присоединиться к нему в попытке вырваться на свободу. Поскольку он говорил на языке чероки, солдаты, хотя и слышали его, ничего не понимали, пока каждый воин внезапно не набросился на ближайшего и не попытался вырвать у него ружье. Нападение было настолько внезапным и неожиданным, что один солдат был убит, а остальные бежали, в то время как индейцы скрылись в горах. Сотни других, некоторые из них из различных заграждений, также время от времени удавалось сбежать в горы, где те, кто не умер от голода, питались корнями и дикими ягодами, пока охота не закончилась. Поняв, что поймать этих беглецов невозможно, генерал Скотт в конце концов через (полковника) У. Х. Томаса, их самого доверенного друга, предложил им следующее: если они сдадут Чарли и его группу для наказания, остальным будет позволено остаться, пока их дело не будет рассмотрено правительством. Узнав об этом предложении, Чарли добровольно пришел со своими сыновьями, предложив себя в жертву за свой народ. По приказу генерала Скотта Чарли, его брат и два старших сына были расстреляны у устья реки Тукасиги, а отряд чероки-пленных был вынужден выполнить расстрел, чтобы убедить индейцев в их полной беспомощности. От этих беглецов, которым было позволено остаться, произошла нынешняя восточная группа чероки.[329]

Когда почти 17 тысяч чероки были таким образом собраны в различных загонах, началась работа по их переселению. В начале июня несколько групп, насчитывающих в общей сложности около пяти тысяч человек, были доставлены войсками в старое агентство в Хивасси, в нынешнем Калхуне, штат Теннесси, и в Росс-Лэндинг (ныне Чаттануга), и пристань Гантера (ныне Гантерсвилл, штат Алабама), расположенную ниже по течению Теннесси, где их посадили на пароходы и перевезли по Теннесси и Огайо на другую сторону Миссисипи, откуда путешествие продолжилось по суше до индейской территории. Это переселение, в самое жаркое время года, сопровождалось такими большими заболеваемостью и смертностью, что по решению национального совета чероки Росс и другие вожди представили генералу Скотту предложение разрешить чероки переселиться осенью, после окончания сезона болезней. Это было разрешено при условии, что все должны были выехать до 20 октября, за исключением больных и пожилых, которые не могли передвигаться так быстро. Соответственно, совет чероки назначил офицеров, которые должны были руководить эмиграцией; индейцы были организованы в отряды по тысяче человек в среднем, с двумя лидерами во главе каждого отряда и достаточным количеством повозок и лошадей для этой цели. Таким образом, остальные, числом около 13 000 человек (включая негров-рабов), в конце осени начали долгий переход по суше (44).

Те, кто эмигрировал под руководством своих собственных офицеров, собрались в Раттлснейк-Спрингс, примерно в двух милях к югу от реки Хивасси, недалеко от нынешнего Чарльстона, штат Теннесси, где был проведен заключительный совет, на котором было решено сохранить старую конституцию и законы в их новом доме. Затем, в октябре 1838 года, длинная процессия изгнанников тронулась в путь. Очень немногие пошли по реке; остальные, почти все из 13 000, шли по суше. Переправившись на северную сторону Хивасси на пароме выше ручья Ганстокер, они продвигались вниз по реке, больные, старики и маленькие дети с одеялами, кастрюлями и другими вещами в повозках, остальные пешком или на лошадях. Количество повозок составляло 645.

Это было похоже на поход армии, полк за полком, повозки в центре, офицеры вдоль линии и всадники по флангам и в тылу. Реку Теннесси пересекли на пароме Такерс (?), недалеко от острова Джоллис, в устье реки Хивасси. Оттуда маршрут пролегал к югу от Пайквилля, через Макминнвилл и далее до Нэшвилла, где пересекли реку Камберленд. Затем они направились в Хопкинсвилл, штат Кентукки, где известный вождь Уайт-Пэт, возглавлявший отряд, заболел и умер. Его люди похоронили его у дороги, поставив над могилой ящик и окружив ее шестами с лентами, чтобы те, кто шел следом, могли заметить это место и помнить о нем. Где-то на этом марше смерти — ведь изгнанники умирали десятками и двадцатками каждый день путешествия — скончалась преданная жена Джона Росса, оставив его продолжать путь с горькой болью утраты, добавившейся к душевной муке от гибели его народа. Огайо пересекли на пароме у устья Камберленда, и армия прошла через южную часть Иллинойса, пока не достигла великой Миссисипи напротив Кейп-Джирардо, штат Миссури. Была середина зимы, река была полна льда, поэтому несколько отрядов были вынуждены некоторое время ждать на восточном берегу, пока канал не очистится. В беседах со стариками и старухами из племени тава ( ) в Талеква (Tahlequah) автор обнаружил, что прошедшее более полувека не смогло стереть из памяти страдания, пережитые во время остановки у замерзшей реки, когда сотни больных и умирающих были заперты в фургонах или лежали на земле, прикрывшись лишь одеялами, чтобы укрыться от январского холода. В конце концов переправа была осуществлена двумя частями, в Кейп-Жирардо и на пароме Грина, расположенном немного ниже, откуда поход продолжился через Миссури в индейскую территорию, а более поздние отряды сделали северный обход через Спрингфилд, потому что те, кто шел впереди, истребили всю дичь на прямом маршруте. Наконец они достигли своей цели. Они вышли в путь в октябре 1838 года, а теперь был март 1839 года, и путешествие заняло почти шесть месяцев самой суровой поры года.[330]

Трудно точно определить количество чероки, погибших в результате переселения. Согласно официальным данным, те, кто переселился под руководством Росса, потеряли более 1600 человек в пути.[331] Пропорциональная смертность среди тех, кто был переселен ранее под военным надзором, вероятно, была выше, поскольку именно их страдания привели к предложению национальных должностных лиц чероки взять на себя ответственность за эмиграцию. Сотни людей умерли в лагерях и лагерях ожидания, в основном из-за предоставленных им пайков, которые состояли из муки и других продуктов, к которым они не были привычны и которые они не знали, как правильно приготовить. Сотни других умерли вскоре после прибытия на индейскую территорию от болезней и перенесенных в пути испытаний. В целом утверждается, вероятно, обоснованно, что более 4000 чероки умерли в результате переселения.

По прибытии на индейскую территорию эмигранты сразу же приступили к строительству домов и посеву урожая, поскольку правительство в соответствии с договором согласилось снабжать их продовольствием в течение одного года после прибытия. Их приветствовали их соплеменники, «арканзасские чероки», в дальнейшем известные как «старые поселенцы», которые владели этой землей в соответствии с предыдущими договорами 1828 и 1833 годов. Однако последние, уже имея собственную организацию под руководством правительства и вождей, ни в коем случае не были готовы подчиниться власти новоприбывших. Возникла ревность, в результате которой меньшинство эмигрантов, возглавляемое Риджем, встало на сторону старых поселенцев против Росса или национальной партии, которая превосходила обе другие почти в три раза.

В разгар этих разногласий нацию охватила лихорадка возбуждения из-за новости о том, что майор Ридж, его сын Джон Ридж и Элиас Будинот — все лидеры договорной партии — были убиты сторонниками национальной партии сразу после закрытия общего совета, который был отложен после почти двухнедельных дебатов, не сумев принять согласованное решение. Майор Ридж был застигнут врасплох и застрелен недалеко от границы с Арканзасом, его сын был вытащен из постели и зарублен топорами, а Будинот был вероломно убит в своем доме в Парк-Хилле, на территории индейцев. Все трое были убиты в один и тот же день, 22 июня 1839 года.

В отчете агента министру войны, составленном двумя днями позже, об этом событии говорится следующее:

Убийство Будино было вероломным и жестоким. Он помогал нескольким рабочим строить новый дом. К нему подошли трое мужчин и попросили лекарства. Он пошел с ними в сторону дома миссионера Вустера, который хранил лекарства, примерно в трехстах ярдах от дома Будино. Когда они дошли примерно до середины пути, двое мужчин схватили Будинота, а третий ударил его ножом, после чего все трое порезали его на куски своими ножами и томагавками. Это убийство произошло в двух милях от дома Джона Росса, и его друзья опасались, что его могут обвинить в пособничестве; в момент, когда я пишу эти строки, шестьсот вооруженных чероки собрались вокруг дома Росса, чтобы защитить его. Убийцы двух Риджей и Будино, безусловно, являются поздними эмигрантами из племени чероки и, конечно же, сторонниками Росса, но я пока не могу поверить, что Росс поощрял это преступление. Он слишком разумный человек, чтобы втягивать свой народ в конфликт в это критическое время; кроме того, с тех пор как я его знаю, а это уже двадцать пять лет, он всегда был миролюбивым человеком... Жена Будинота — белая женщина, уроженка Нью-Джерси, насколько я понимаю. У него шестеро детей. Жена Джона Риджа-младшего — белая женщина, но откуда она родом и из какой семьи, я не знаю. Будинот был в умеренном положении. Риджи, и отец, и сын, были богаты...[332]

Хотя все доказательства указывают на то, что Росс никак не был причастен к этому делу, нет никаких сомнений в том, что эти люди были убиты в соответствии с законом нации — трижды сформулированным и все еще действующим — который считал предательством, наказуемым смертной казнью, уступку земель, за исключением случаев, когда это было сделано по решению общего совета нации. Именно за нарушение аналогичного закона среди криков вождь Макинтош лишился жизни в 1825 году, а группа во главе с самим майором Риджем убила Даблхеда за несколько лет до этого по подозрению в получении взятки за участие в заключении договора.

Узнав о смерти Риджей и Будино, несколько других подписавших отвергнутый договор, среди которых были Джон Белл, Арчила Смит и Джеймс Старр, бежали в поисках безопасности под

защиту гарнизона в Форт-Гибсоне. Брат Будино, Стэнд Уэйти, поклялся отомстить Россу, которого призывали бежать, но тот отказался, заявив о своей полной невиновности. Его друзья собрались, чтобы поддержать его, и выставили охрану вокруг его дома, пока не улеглось первое волнение. Примерно через три недели национальный совет принял декреты, в которых объявлялось, что убитые и их главные союзники своим поведением сделали себя вне закона, предоставил амнистию их союзникам на определенных строгих условиях и объявил убийц невиновными в убийстве и полностью восстановил их доверие и благосклонность сообщества. В августе последовал еще один указ совета, объявляющий договор Нью-Эчота недействительным и подтверждающий право чероки на их старую землю, а через три недели еще один указ вызывал подписавших договор явиться и ответить за свое поведение под угрозой объявления вне закона. На этом этапе Соединенные Штаты вмешались, пригрозив арестовать Росса как соучастника убийства Риджей.[333] Тем временем национальная партия и старые поселенцы объединились, и несколько последних, которые встали на сторону фракции Риджа и пытались увековечить раскол в нации, были осуждены на совете старых поселенцев, который заявил, что «идентифицируя себя с лицами, известными как партия Риджа, которые своим поведением вызвали ненависть народа чероки, они действовали вопреки известным чувствам и настроениям той части нации, которая известна как Старые поселенцы, часто, по-разному и публично выражаемым». Оскорбившие народ вожди были одновременно лишены всей власти. Среди более чем двухсот подписавшихся под документом имен вторым по значимости был «Джордж Гесс» (Секвойя) как вице-президент.[334]

12 июля 1839 года на общем съезде восточных и западных чероки, состоявшемся в лагере Иллинойс на территории индейцев, был принят акт о союзе, в соответствии с которым обе группы были провозглашены «единым политическим образованием под названием и титулом нации чероки». От имени восточных чероки документ подписали Джон Росс, главный вождь, Джордж Лоури, президент совета, и Гоуинг-Снейк (Iʹnadû-naʹĭ), спикер совета, а также тринадцать других лиц. От имени западных чероки документ подписали Джон Луни, исполняющий обязанности главного вождя, Джордж Гесс (Секвойя), президент совета, и пятнадцать других лиц. 6 сентября 1839 года съезд, состоявший в основном из представителей восточных чероки, собрался в Талеква, на территории индейцев, которая тогда впервые была официально признана столицей нации, и принял новую конституцию, которая была одобрена съездом старых поселенцев в Форт-Гибсоне, на территории индейцев, 26 июня 1840 года, что завершило воссоединение нации.[335]

Племя Арканзас — 1817–1838

Проследив судьбу основной части народа до их конечного пункта назначения на Западе, мы теперь обратимся к краткому обзору истории более ранних эмигрантов, арканзасских или старых поселенцев чероки.

События, приведшие к первой миграции на запад, и последующие переговоры, в результате которых западным чероки была передана территория в Арканзасе по договору 1817 года, уже были отмечены. Подавляющее большинство тех, кто добровольно переселился, принадлежали к консервативной группе охотников, которые хотели восстановить в западной дикой местности старую индейскую жизнь, от которой под влиянием школ и умного руководства основная часть чероки быстро отходила. Поскольку земли, на которых поселились эмигранты, принадлежали племени осейдж, чьи права на них еще не были аннулированы Соединенными Штатами, последние возражали против их присутствия, и чероки были вынуждены сражаться, чтобы отстоять свою позицию, так что в течение первых двадцати лет или более история западного племени представляет собой лишь мелкую хронику набегов осейдж и ответных действий чероки, время от времени подчеркиваемых массовыми убийствами. По договору 1817 года западные чероки получили право на определенную территорию и официальный статус под защитой и

надзором правительства, поскольку земли, выделенные им, были приобретены по договору с осейджами. Большая часть чероки на востоке решительно выступала против любого признания западной группы, видя в таких действиях лишь начало попытки, направленной на окончательное изгнание всего племени. Однако правительство поддержало этот план, и началась постоянная эмиграция, в результате которой к 1819 году число эмигрантов, по некоторым данным, достигло нескольких тысяч. Были предприняты безуспешные попытки увеличить их число, побуждая шауно и делавэров из Миссури и онейдов из Нью-Йорка присоединиться к ним.[336]

В 1818 году Толлунтески (Ata′lûñti′skĭ), главный вождь чероки из Арканзаса, во время визита к старым друзьям на Востоке познакомился с одним из сотрудников Американского совета комиссаров по зарубежным миссиям и попросил об учреждении миссии среди его народа на Западе. В ответ на приглашение преподобный Сефас Уошберн и его помощник, преподобный Альфред Финни, вместе со своими семьями в следующем году вышли из старой Нации и после долгого и изнурительного путешествия достигли страны Арканзас, где весной 1820 года основали миссию Дуайт, примыкающую к агентству в устье ручья Иллинойс, на северном берегу Арканзаса, в том месте, которое сейчас является округом Поуп, Арканзас. Название было дано в память о Тимоти Дуайте, президенте Йельского университета и пионере-организаторе Американского совета. Толлунтески к тому времени умер, и его место главного вождя занял его брат Джон Джолли,[337] друг и приемный отец Сэмюэля Хьюстона. Джолли в 1818 году переехал из своего старого дома в устье реки Хивасси в Теннесси.[338]

Весной 1819 года натуралист Томас Наттал поднялся вверх по течению Арканзаса и дал интересное описание западных чероки, которых он встретил в то время. По мере продвижения вверх по течению «оба берега реки были застроены домами и фермами чероки, и хотя их одежда представляла собой смесь местного и европейского стилей, в их домах, которые были прилично обставлены, и на их фермах, которые были хорошо огорожены и заселены скотом, мы заметили счастливый подход к цивилизации. Их многочисленные семьи, также хорошо питаемые и одетые, свидетельствуют о благоприятном росте их населения. Их превосходная трудолюбивость как охотников или фермеров доказывает ценность собственности среди них, и они больше не чужды алчности и различиям, созданным богатством. Некоторые из них владеют имуществом на сумму в многие тысячи долларов, имеют красиво и удобно меблированные дома, а на их столах расставлены наши деликатесы и роскошные блюда». Он упоминает о недавнем столкновении между ними и осейджами, в ходе которого чероки убили почти сто осейджей, а также взяли в плен ряд человек. Он оценивает их численность примерно в полторы тысячи человек, что составляет примерно половину от числа, которое, по оценкам восточных народов, эмигрировало на Запад, и только четверть от официальной оценки. Несколько делавэров жили вместе с ними.[339]

Проблемы с осейджами продолжались, несмотря на мирный договор между двумя племенами, заключенный на совете под руководством губернатора Кларка в Сент-Луисе в октябре 1818 года.[340] Воины из восточных чероки привыкли совершать долгие путешествия в Арканзас, чтобы помочь своим западным братьям, и возвращались со скальпами и пленными.[341]

Летом 1820 года губернатор Миллер из территории Арканзас предпринял вторую попытку установить мир. В ответ на его речь осейджи жаловались, что чероки не выполнили условие предыдущего соглашения, заключенного в Сент-Луисе, о выдаче пленных осейджи. По-видимому, это было частично связано с тем, что некоторые из этих пленных были увезены в восточную часть территории чероки, и поэтому был отправлен гонец, чтобы обеспечить их безопасность и вернуть их обратно. Вскоре после этого в Форт-Смите была проведена еще одна мирная конференция, но она не принесла практически никаких результатов, поскольку враждебные действия вскоре возобновились и продолжались до тех пор, пока США не вмешались в осенью 1822 года.[342]

В этом же году Секвойя посетил западных чероки, чтобы познакомить их с своим великим изобретением, которое сразу же было принято благодаря влиянию Такатоки (Дегатага), видного вождя, который до этого противостоял всем попыткам миссионеров ввести свои школы и религию. Возможно, благодаря этой поддержке Секвойя в следующем году навсегда переехал на Запад и с тех пор стал членом западного племени.[343]

Как и другие индейцы, западные чероки твердо верили в колдовство, что приводило к частым трагедиям наказания или мести. В 1824 году был сделан шаг вперед с принятием закона, согласно которому убийство любого человека за колдовство считалось убийством, а обвинение другого человека в колдовстве — преступлением, наказуемым поркой.[344] Этот закон, возможно, был результатом тихого влияния миссионеров, поддержанных такими просвещенными людьми, как Секвойя.

Договор, по которому земли Арканзаса были переданы западным чероки, предусматривал проведение отдельной переписи населения восточной и западной частей нации и немедленное распределение национальной ренты на этой основе. Западная граница территории Арканзаса также оставалась открытой до тех пор, пока, согласно другому положению того же договора, не будет установлена общая площадь земель, уступленных Соединенным Штатам племенем чероки на востоке, с тем чтобы равная площадь могла быть включена в границы западной территории.[345] Эти обещания еще не были выполнены, отчасти из-за усилий правительства по организации более массовой эмиграции или дальнейшей уступки, отчасти из-за задержки в проведении государственных съемок, а отчасти также из-за того, что осейджи возражали против прохождения линии, которая сделала бы чероки их ближайшими соседями.[346] В связи с невыясненными границами и удержанием ежегодных выплат, западные чероки были охвачены бедствиями и недовольством, и многие из них, считая себя освобожденными от территориальных ограничений, рассеялись по южной стороне реки Арканзас,[347] а другие, под руководством вождя по имени Боул (Diwa′‘lĭ), пересекли реку Ред и попали в Техас, который тогда был частью Мексики, в тщетной попытке избежать американской юрисдикции.[348]

После того как была установлена временная западная граница, которая оказалась неудовлетворительной как для западных чероки, так и для жителей Арканзаса, была предпринята попытка урегулировать эту проблему путем обмена территории Арканзаса на новую землю к западу от границы Арканзаса. Однако западные чероки так решительно выступили против этого проекта, что в 1825 году их совет, как и ранее восточные чероки и крики, принял закон, устанавливающий смертную казнь для любого члена племени, который предпримет попытку уступить или обменять землю, принадлежащую нации.[349]

После длительной серии переговоров на делегацию, посетившую Вашингтон в 1828 году, было оказано такое давление, что в конце концов было получено согласие на обмен участка в Арканзасе на другой участок площадью семь миллионов акров, расположенный дальше на запад, вместе с «бессрочным выходом на запад» от выделенного таким образом участка, насколько далеко на запад может простираться суверенитет Соединенных Штатов.[350] Границы этого участка площадью семь миллионов акров и прилегающего западного выхода были изменены договором, заключенным в Форт-Гибсоне пять лет спустя, так что они стали практически эквивалентны нынешней территории чероки в Индейской территории, с недавно уступленной полосой чероки.

В преамбуле Вашингтонского договора от 6 мая 1828 года говорится, что «Принимая во внимание, что правительство Соединенных Штатов искренне желает обеспечить индейцам чероки, как проживающим в настоящее время в пределах территории Арканзаса, так и их друзьям и братьям, проживающим в штатах к востоку от Миссисипи и желающим присоединиться к своим братьям на Западе, *постоянное место жительства*, которое под самым торжественным гарантией

Соединенных Штатов будет и останется их вечным домом, который никогда, в будущем, не будет ущемлено расширением границ или установлением юрисдикции территории или штата, а также не будет подвергаться давлению в результате расширения границ любой существующей территории или штата; и поскольку нынешнее местонахождение чероки в Арканзасе неблагоприятно для их нынешнего покоя и, как показывает прошлое, ведет к их будущему упадку и страданиям, а чероки стремятся избежать таких последствий» и т. д.—поэтому они уступают все, что было им подтверждено в 1817 году.

Статья 2 определяет границы нового участка и западного выхода, который будет предоставлен в обмен, расположенного непосредственно к западу от нынешней границы Арканзаса, в то время как следующая статья предусматривает выселение всех белых и других лиц, проживающих в пределах указанных границ, «чтобы никакие препятствия, возникающие из-за присутствия белого населения или любого другого населения, не мешали чероки, а также чтобы в будущем все такие лица не проживали к западу от указанной линии».

Другие статьи предусматривают выплату компенсации за оставленные улучшения; выплату денежной суммы в размере 50 000 долларов за неудобства и расходы, связанные с переселением, а также в качестве компенсации за более низкое качество земель в новом участке; выплату 6000 долларов за возмещение убытков в связи с утерей скота, который может заблудиться «в поисках пастбищ, с которых его могут прогнать»; 8760 долларов за грабежи, совершенные осейджами и белыми; 500 долларов Джорджу Гессу (Секвойя) — который сам был одним из подписавших договор — в качестве вознаграждения за благотворные результаты для его племени от изобретенного им алфавита; 20 000 долларов в виде десяти ежегодных выплат на образование; 1000 долларов на печатный станок и шрифт, чтобы помочь просвещению народа «на их собственном и нашем языке»; личная компенсация за незаконное заключение; а также за перемещение и восстановление миссии Дуайта.

В статье 6 «Соединенные Штаты также соглашаются, когда чероки пожелают, предоставить им набор простых законов, соответствующих их положению; кроме того, когда они пожелают отделить свои земли и владеть ими индивидуально, будет направлен геодезист для проведения измерений за счет Соединенных Штатов». Эта статья была аннулирована в 1833 году по просьбе чероки.

Статья 9 предусматривает создание военной резервации Форт-Гибсон на территории нового участка, а статья 7 обязывает чероки сдать и покинуть все свои земли в Арканзасе в течение четырнадцати месяцев.

Статья 8 показывает, что все это было лишь предварительным шагом к переселению всего народа чероки из восточной части Миссисипи, к чему администрация Джексона и штат Джорджия немедленно начали прилагать все усилия. Она гласит следующее:

Статья 8. Народ чероки, проживающий к западу от Миссисипи, освободился в соответствии с настоящим соглашением от притеснений и разрушительных последствий, вызванных проживанием среди белого населения, и обеспечил себе и своим потомкам, под торжественной гарантией Соединенных Штатов, содержащейся в настоящем соглашении, обширную территорию, свободную от препятствий; и чтобы их братья, все еще проживающие в штатах, могли быть побуждены присоединиться к ним и наслаждаться покоем и благами такого состояния в будущем, Соединенные Штаты далее соглашаются, что каждому главе семьи чероки, проживающему в настоящее время в пределах уставных границ Джорджии или любого из штатов к востоку от Миссисипи, который пожелает переселиться на запад, при регистрации для эмиграции будет предоставлено хорошее ружье, одеяло, чайник и пять фунтов табака; (а каждому члену его семьи — одно одеяло), а также справедливую компенсацию за имущество, которое он может оставить, которая будет оценена лицами, назначаемыми президентом Соединенных Штатов. Расходы на эмиграцию всех таких лиц также будут нести Соединенные Штаты, которые обеспечат удобные и подходящие пути для их комфорта, проживания и поддержки в пути, а также продовольствие на двенадцать месяцев после их прибытия в агентство; каждому лицу или главе семьи, если он берет с собой четырех человек, будет выплачена сумма в размере пятидесяти долларов сразу по прибытии в агентство и регистрации себя и своей семьи или последователей в качестве эмигрантов или постоянных поселенцев, в дополнение к вышеуказанному, *при условии, что он и они эмигрировали из пределов уставных границ штата Джорджия*, сумма в пятьдесят

долларов, и эта сумма пропорциональна большему или меньшему числу лиц, которые могут сопровождать его из пределов вышеуказанных уставных границ штата Джорджия.

Поправка Сената, определяющая границы западного выхода, впоследствии была признана невыполнимой в своих ограничениях и была отменена договором, заключенным в Форт-Гибсоне в 1833 году.[351]

БЮРО АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОЛОГИИ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ PL. VI

ТАЧИ (TĂTSĬ′) ИЛИ ДУТЧ

(Из картины Катлина 1834 года)

Вашингтонский договор был подписан несколькими делегатами, в том числе Секвойей, четверо из которых подписались символами языка чероки. Поскольку законы западных чероки считали

смертным преступлением ведение переговоров о продаже или обмене земли без разрешения совета, а делегаты действовали без такого разрешения, они были настолько не уверены в том, что может произойти по их возвращении, что министр войны отправил с ними письмо с объяснением, в котором заверил чероки, что их представители действовали честно и с искренним рвением в интересах своего народа и сделали все, что было возможно, в отношении договора. Несмотря на это, они обнаружили, что все племя так решительно выступало против договора, что их собственные жизни и имущество были в опасности. Национальный совет признал их виновными в мошенничестве и обмане и объявил договор недействительным, поскольку он был заключен без полномочий, и попросил разрешения направить делегацию, уполномоченную урегулировать все разногласия.[352] Между тем, однако, договор был ратифицирован в течение трех недель после его заключения, и таким образом, едва прошло десять лет после того, как они расчистили свои поля в Арканзасе, западные чероки были вынуждены покинуть свои хижины и плантации и вновь переселиться в дикую местность.

Значительное число людей, отказавшись подчиняться договору или дольше доверять гарантиям и обещаниям, пересекли реку Ред-Ривер в Техас и присоединились к колонии чероки, уже расположенной там под мексиканской юрисдикцией. Среди тех, кто таким образом переселился, был известный вождь Тачи (Tătsĭ) или «Датчанин», который был одним из первых эмигрантов в страну Арканзас. Проведя несколько лет в Техасе, где он возглавлял военные отряды против более диких племен, он вновь пересек реку Ред-Ривер и вскоре стал настолько известен своими набегами на осейгов, что генерал Арбакл объявил награду в пятьсот долларов за его поимку. Чтобы продемонстрировать свое пренебрежение прокламацией, он намеренно отправился в форт Гибсон, напал на группу осейджей в торговом посту поблизости и снял скальп с одного из них в пределах слышимости барабанов форта. С винтовкой в одной руке и окровавленным скальпом в другой, он перепрыгнул через обрыв и скрылся, хотя пуля задела его щеку. Получив обещание амнистии и отмены награды, он впоследствии вернулся и поселился со своими последователями на реке Канадской, к юго-западу от форта Гибсон, заработав среди армейских офицеров репутацию ценного разведчика и проводника.[353]

По договорам, заключенным в 1826 и 1827 годах, крики уступили все свои оставшиеся земли в Джорджии и согласились переселиться на индейскую территорию. Некоторые из этих эмигрантов поселились вдоль северного берега Арканзаса и на реке Вердигрис, на землях, которые позже оказались в пределах территории, выделенной западным чероки по договору 1828 года. Это привело к ревности и столкновениям между двумя племенами, и для урегулирования этой проблемы Соединенные Штаты созвали совместный совет криков и чероки в Форт-Гибсоне, в результате чего 14 февраля 1833 года с каждым из них были заключены отдельные договоры, определяющие их соответствующие границы к удовлетворению всех заинтересованных сторон. В соответствии с этим соглашением верхняя часть реки Вердигрис была подтверждена в собственности чероки, а крики, поселившиеся вдоль этой части реки, согласились переселиться на территорию криков, непосредственно примыкающую к югу.[354]

Согласно договору, заключенному по этому случаю с чероки, границы участка площадью семь миллионов акров, предоставленного по договору 1828 года, определены таким образом, чтобы соответствовать нынешним границам страны чероки на индейской территории, вместе с полосой шириной две мили вдоль северной границы, которая впоследствии была присоединена к штату Канзас по договору 1866 года. Участок в северо-восточном углу, между реками Неошо или Гранд и границей с Миссури, был выделен для использования племен сенека и нескольких других

остатков племен, выселенных из своих первоначальных территорий. Западный выход, установленный договором 1828 года, был восстановлен в качестве западного продолжения участка площадью семь миллионов акров, ограниченного таким образом, и впоследствии стал известен как полоса чероки или выход плюс полоса шириной две мили, простирающаяся на запад вдоль южной границы Канзаса.

После описания границ основного участка проживания первая статья продолжается:

В дополнение к семи миллионам акров земли, предоставленных и ограниченных таким образом, Соединенные Штаты далее гарантируют народу чероки вечный выход на запад и свободное и беспрепятственное использование всей территории, лежащей к западу от западной границы указанных семи миллионов акров, насколько простирается суверенитет Соединенных Штатов и их право на землю, при условии, однако, что если солончаковая или соленая равнина на большой западной прерии попадет в пределы, установленные для указанного выхода, Соединенные Штаты оставляют за собой право разрешить другим племенам краснокожих добывать соль на указанной равнине наравне с чероки, и Соединенные Штаты выдадут патентные грамоты на земли, гарантированные настоящим договором, как только это будет возможно.

Третья статья отменяет, по особой просьбе чероки, статью договора 1828 года, согласно которой правительство должно было предоставить чероки свод законов и землемера для проведения межевания земель для отдельных лиц, если чероки того пожелают.[355]

ВЕСЕННЯЯ ЛЯГУШКА ИЛИ ТУАНТУХ (ДУЦУ)

(Из копии оригинальной картины Маккенни и Холла, около 1830 г.)

После урегулирования разногласий с криками, чероки из Арканзаса приступили к заселению гарантированной им территории, куда через несколько лет к ним присоединились их соотечественники, изгнанные с востока. По молчаливому соглашению, некоторым крикам, поселившимся в пределах чероки, было разрешено остаться. Среди них было несколько семей учи — племени, входящего в конфедерацию криков ( ), — которые поселились в месте, где позже был основан город Талеква. Они оставались здесь, пока около шестидесяти лет назад не были уничтожены оспой. [356]

ПОЛЕ ЧЕРЕКИ В ТЕХАСЕ — 1817–1900

Как уже упоминалось, группа западных чероки под предводительством вождя Боула, недовольная задержкой в выполнении условий договора 1817 года, покинула Арканзас и пересекла реку Ред-Ривер, попав в Техас, который в то время находился под юрисдикцией Мексики. Несколько лет спустя к ним присоединились Тачи и другие представители западной группы, которые были против договора 1828 года. Здесь они объединились с другими индейцами-беженцами из Соединенных Штатов, образовав вместе свободную конфедерацию, известную впоследствии как «чероки и связанные с ними племена», состоящую из чероки, шавано, делавэров, кикапу, квапау, чокто, билокси, «иавани» (хейвани, йовани), «унатаква» (Надако или Анадарко, другое подплемя каддо), «Тахукатуки» (?), Алабама (подплемя криков) и «Кушатта» (Коасати, другое подплемя криков). Чероки были самым большим и важным племенем, и их вождь Боул, известный белым как полковник Боулз, считался вождем и главным человеком всех племен.

Беженцы поселились в основном вдоль рек Ангелина, Нечес и Тринити в восточном Техасе, где Боул пытался получить от мексиканского правительства землю для их использования. Согласно техасским историкам, им было молчаливо разрешено занять эту землю, и они надеялись, что земля будет им предоставлена, но документы не были оформлены до начала техасской революции.[357] Согласно заявлению чероки, земля была действительно предоставлена, и испанский документ, заключенный в жестяную коробку, был найден при Боуле, когда его убили.[358] По жалобе некоторых американских колонистов в Техасе президент Джексон издал прокламацию, запрещающую индейцам пересекать реку Сабин из Соединенных Штатов.[359]

В 1826–27 годах недовольная американская колония в восточном Техасе под руководством Хейдена Эдвардса организовала так называемое «восстание Фредонии» против мексиканского правительства. Чтобы обеспечить союз с чероки и их союзниками, американцы заключили договор, по которому индейцам гарантировались земли, занятые ими , но без указания границ. Движение Фредонии вскоре развалилось, и, по-видимому, переговоры не принесли никаких ощутимых результатов.[360]

Осенью 1835 года началась техасская революция, в результате которой Техас отделился от Мексики и провозгласил себя независимой республикой, пока позже не был аннексирован Соединенными Штатами. Генерал Сэмюэл Хьюстон, один из лидеров революционного движения, был старым другом чероки и так убедительно изложил требования этого народа и его союзников, что конвенция приняла закон, по которому этим племенам были переданы все земли, которые они владели при мексиканском правительстве. В соответствии с этим законом генерал Хьюстон и Джон Форбс были назначены для заключения договора с чероки и связанными с ними племенами. 23 февраля 1836 года они встретились с вождями чероки, в том числе с Боулом и Биг-Машем (Gatûñ′wa‘lĭ, «Хард-Маш»), в деревне Боула и заключили официальный договор, по которому чероки и их союзники получили право безусловного владения всеми землями, расположенными «к западу от дороги Сан-Антонио, начиная с запада в точке, где указанная дорога пересекает реку Ангелина, и проходя вверх по указанной реке до устья первого большого ручья ниже большой деревни шауни, впадающего в указанную реку с северо-востока, оттуда проходя по указанному ручью до его главного истока, а оттуда по прямой линии на север до Сабины и по указанной реке на запад. Затем, начиная с места, где дорога Сан-Антонио пересекает Ангелину, и по указанной дороге до места, где она пересекает Нечес, и оттуда вверх по восточной стороне указанной реки в северо-западном направлении». Историк отмечает, что описание несколько расплывчато, но является дословной транскрипцией договора.[361] Таким образом, выделенная территория примерно соответствовала современному округу Чероки в Техасе.

Договор вызвал такое общее недовольство среди техасцев, что он не был представлен на ратификацию конвенции. Генерал Хьюстон стал президентом Техаса в ноябре 1836 года, но, несмотря на все его усилия в интересах чероки, договор был отклонен сенатом Техаса на закрытом

заседании 16 декабря 1837 года.[362] Техас, между тем, добившись победоносной независимости, теперь мог отказаться от своих обязательств перед индейцами, что он и сделал, не только в отношении чероки, но и в отношении команчей и других диких племен, которые были убеждены сохранять нейтралитет во время борьбы под обещанием обеспечения их владения землями.

Тем временем президент Хьюстон неустанно пытался добиться ратификации договора с чероки, но без успеха. С другой стороны, чероки были обвинены в различных грабежах, и утверждалось, что они заключили соглашение с Мексикой, по которому им гарантировалось право на владение данной территорией при условии, что они помогут изгнать американцев.[363] Обвинение было выдвинуто довольно поздно, и было очевидно, что президент Хьюстон не поверил в него, поскольку он продолжал свои усилия в интересах чероки, даже до такой степени, что приказал провести границу в соответствии с условиями договора (45).[364]

В декабре 1838 года Хьюстона на посту президента сменил Мирабо Б. Ламар, который сразу же объявил о своем намерении изгнать все индейские племена из Техаса, заявив в своей инаугурационной речи, что «меч должен обозначить границы республики». В то время индейцы в восточном Техасе, включая чероки и их двенадцать конфедеративных племен, а также некоторые другие, насчитывали, по оценкам, 1800 воинов, или, возможно, 8000 человек.[365]

Небольшой отряд войск, отправленный для захвата соляных источников в индейской территории у истоков реки Нечес, получил от Боула уведомление о том, что такие действия встретят сопротивление. Затем индейцам было сообщено, что они должны подготовиться к покиданию этой территории осенью, но что им будет выплачена компенсация за оставленные улучшения. Тем временем соседние мексиканцы предприняли попытку освободиться от техасского правления и направили индейцам предложение объединиться с ними. Когда об этом стало известно, кризис обострился, и комиссия в составе генерала Альберта Сидни Джонстона (министра войны республики), вице-президента Бернета и некоторых других чиновников, подкрепленная несколькими полками войск, была отправлена в деревню чероки на реке Ангелина, чтобы потребовать от индейцев немедленного переселения за границу. Индейцы отказались, и 15 июля 1839 года были атакованы и разгромлены техасскими войсками под командованием генерала Дугласа. Их преследовали, и на следующее утро произошло второе сражение, в результате которого погибли сам Боул и его помощник Гатуньва'ли, «Хард-Маш», а индейские войска были рассеяны, понеся в двух сражениях потери в 55 убитых и 80 раненых, в то время как потери техасцев были сравнительно незначительными. Первое сражение произошло на холме недалеко от главной деревни чероки на Ангелине, где индейцы оказали сопротивление и некоторое время хорошо защищали свои позиции. Второе сражение произошло в ущелье недалеко от реки Нечес, где они были перехвачены при отступлении. Тролл говорит: «После этого сражения индейцы покинули Техас, оставив свои прекрасные земли в владении белых».[366]

Этими двумя поражениями силы чероки и их союзников были полностью разгромлены. Часть чероки пересекла реку Ред и присоединилась к своим соплеменникам на индейской территории, принеся с собой окровавленный ящик, содержащий патент на их земли в Техасе, который Боул носил с собой с момента заключения договора с Хьюстоном и который был при нем, когда его застрелили. Он до сих пор хранится в Нации.[367] Другие, вместе с кикапу, делаварами и кадо, рассеялись небольшими группами по западной границе Техаса, где о них иногда слышали впоследствии. В Рождество того же года на ручье Чероки в округе Сан-Саба произошло сражение, в котором было убито несколько индейцев и захвачено в плен ряд женщин и детей, в том числе жена и семья погибшего вождя Боула.[368] Те из чероки, которые не вернулись на индейскую территорию, постепенно переселились в Мексику, где несколько сотен из них теперь постоянно и благополучно проживают далеко на юге, в окрестностях Гвадалахары и озера Чапала, поддерживая связь с родственниками на территории благодаря их случайным визитам.[369]

НАРОД ЧЕРОКИ НА ЗАПАДЕ — 1840–1900

С окончательным переселением чероки из их родной страны и их воссоединением и реорганизацией в новых условиях на территории индейцев в 1840 году их период аборигенности подошел к концу, и остальное можно описать в нескольких абзацах, поскольку это скорее интересует местных историков, чем этнологов. Проследив на протяжении трех полных столетий их постепенную эволюцию от дикого племени до цивилизованной христианской нации с национальной конституцией и национальной прессой, печатающейся их собственным национальным алфавитом, мы можем позволить себе оставить остальное другим, поскольку основные материалы легко доступны в национальных архивах чероки в Талеква, в архивах *Cherokee Advocate* и других газет, издаваемых в Нации, а также в годовых отчетах и других документах индейского управления.

На протяжении многих лет охотники и воины уступали место фермерам и механикам, а принудительная эмиграция сделала эту перемену полной и окончательной. Оторванные от своих родных рек и гор, с погасшими кострами совета и сожженными за ними городскими домами, перевезенные в далекую страну, где все было новым и незнакомым, они были вынуждены отказаться от прежней жизни и приспособиться к изменившимся условиям. Игра в мяч была заброшена, а танец зеленого кукурузы запрещен, а героические традиции былых дней стали блеклым воспоминанием или сказкой для развлечения детей. Вместо церемоний и советов мира мы теперь слышим о железнодорожных сделках и контрактах с скотоводческими синдикатами, а вместо старых вождей-воинов, которые сделали имя чероки страшным — Оконостота, Висячий рот, Двойная голова и Убийца троп — мы видим, как судьбой народа « » отныне руководят хитрые политики смешанного происхождения, носящие имена белых людей, говорящие на языке белых людей и зачастую имеющие в себе столько индейской крови, что она едва проступает в чертах лица.

Изменения не произошли мгновенно и до сих пор не завершились, поскольку, несмотря на постоянную тенденцию к отказу от старых традиций и быстрое исчезновение смуглого цвета кожи индейцев в результате частых смешанных браков, все еще остается несколько тысяч чистокровных чероки — достаточно, чтобы составить большое племя, если бы они жили отдельно, — которые говорят только на своем родном языке и в тайне поклоняются богам природы своих предков. Здесь, как и в других странах, консервативные элементы укрылись в горных районах, в то время как смешанные крови и усыновленные белые в основном проживают на более богатых низменных землях и в железнодорожных городах.

При реорганизации объединенной нации место совета в Талеква было назначено резиденцией правительства, и вскоре на этом месте был заложен нынешний город, получивший свое название от старого города чероки Таликва, или Теллико, в Теннесси. Миссии были восстановлены, газета *«Advocate»* возобновила свою работу, и дело цивилизации было вновь взято на вооружение, хотя и в очень сложных условиях, поскольку продолжавшиеся переселения и преследования, сопровождавшиеся ужасными страданиями и смертностью во время последней большой эмиграции, обеднили и более чем десятикратно сократили численность народа и измотали мужество даже самых смелых. Горькие чувства, порожденные договором Нью-Эчота, привели к серии убийств, покушений и других противозаконных действий, которые почти привели к гражданской войне между фракциями Росса и Риджа, пока правительство наконец не было вынуждено вмешаться. Старые поселенцы также имели свои претензии и жалобы на

новоприбывших, так что история народа чероки на следующие двадцать лет в основном представляет собой хронику междоусобных распрей, в результате которых цивилизация и все добрые дела фактически откатились назад, к состоянию, существовавшему поколением ранее.

Секвойя, который занимал видное положение в делах старых поселенцев и много помогал в реорганизации нации, был охвачен желанием провести лингвистические исследования среди отдаленных племен, скорее всего с целью разработки универсального индейского алфавита. Его мысли также были заняты старой традицией о потерянном племени чероки, живущем где-то в западных горах. В 1841 и 1842 годах, в сопровождении нескольких чероки и с провизией и документами, загруженными в воловью повозку, он совершил несколько путешествий на Запад, где его везде встречали с добротой даже самые дикие племена. Разочарованный своими филологическими результатами, в 1843 году он отправился на поиски потерянных чероки, которые, как полагали, находились где-то на севере Мексики, но, будучи уже стариком и изможденным трудностями, он не выдержал нагрузки и умер — как говорят, в одиночестве и без посторонней помощи — недалеко от деревни Сан-Фернандо ( ) в Мексике в августе того же года. Узнав о его беспомощном состоянии, из Нации была отправлена группа, чтобы вернуть его, но она прибыла слишком поздно и не застала его живым. Пенсия в размере трехсот долларов, ранее утвержденная для него нацией, была продолжена его вдове — единственная литературная пенсия в Соединенных Штатах. Помимо жены, он оставил двух сыновей и дочь.[370] Район Секвойя в нации чероки был назван в его честь, а великие деревья Калифорнии (*Sequoia gigantea*) также сохраняют память о нем.

В 1846 году в Вашингтоне был заключен договор, по которому были урегулированы противоречивые претензии старых поселенцев и более поздних эмигрантов, было обещано возмещение сумм, несправедливо вычтенных из пяти миллионов долларов, гарантированных договором 1835 года, и была провозглашена общая амнистия за все прошлые преступления в пределах нации.[371] Окончательное урегулирование претензий по договору еще не состоялось, и этот вопрос по-прежнему является предметом судебных разбирательств, включая все договоры и соглашения до настоящего времени.

В 1859 году преданный миссионер Сэмюэл Вустер, автор многочисленных переводов и первый организатор *газеты «Advocate»*, скончался в миссии Парк-Хилл в нации чероки после тридцати пяти лет, проведенных на службе чероки, перенеся ради них цепи, тюремное заключение и изгнание.[372]

Когда в 1861 году разразилась гражданская война, чероки были разделены в своих чувствах. Будучи рабовладельцами, как и другие индейцы, выселенные из южных штатов, и окруженные южными влияниями, а также имея агентов, которые сами были сторонниками южан, значительная часть каждого из племен была склонна принять активное участие в Конфедерации. Старая партия Риджа, возглавляемая Стэндом Уэйти и поддерживаемая тайной сепаратистской организацией, известной как «Рыцари Золотого Круга», выступила за Конфедерацию. Национальная партия, возглавляемая Джоном Россом и поддерживаемая патриотической организацией, известной как общество Китоова, члены которой впоследствии стали известны как индейцы Пин, заявила о строгой нейтральности. В конце концов, однако, давление стало слишком сильным, чтобы ему сопротивляться, и 7 октября 1861 года в Талеквахе был заключен договор с генералом Альбертом Пайком, комиссаром Конфедеративных штатов, по которому народ чероки присоединился к Конфедерации, как это уже сделали крики, чокто, чикасо, семинолы, осейджи, команчи и несколько меньших племен.[373]

Два полка чероки были сформированы для службы в Конфедерации под командованием Стэнда Уэйти и полковника Дрю, соответственно, причем первый из них был назначен бригадным

генералом. Они участвовали в нескольких сражениях, главным из которых было сражение при Пи-Ридж, Арканзас, 7 марта 1862 года.[374] Следующим летом войска Союза вторглись на территорию чероки и направили Россу предложение, призывая его отказаться от договора с Конфедеративными штатами, но это предложение было с негодованием отклонено. Однако вскоре после этого солдаты полка Дрю, не получив жалованья и почувствовав себя пренебрегаемыми союзниками, почти все перешли на сторону Союза, вынудив Росса заключить соглашение с командующим Союзом полковником Уиром. Покинув территорию чероки, Росс удалился в Филадельфию, из которой он не возвращался до окончания войны (.).[375] Тем временем территория индейцев была опустошена поочередно враждующими фракциями и вооруженными отрядами, и тысячи лояльных беженцев были вынуждены укрыться в Канзасе, где о них заботилось правительство. Среди них в конце 1862 года было две тысячи чероки. Следующей весной их отправили обратно в свои дома под вооруженным конвоем, чтобы дать им возможность собрать урожай, для чего им были предоставлены семена и инструменты, но они едва начали работу, как были вынуждены отступить из-за приближения Стэнда Уэйти и его полка чероки-конфедератов, численностью около семисот человек. Стэнд Уэйти и его люди, вместе с криками-конфедератами и другими, беспрепятственно разграбляли страну, уничтожая или унося все, что принадлежало лояльным чероки, которые к тому времени в количестве почти семи тысяч человек укрылись в форте Гибсон. Отказавшись встать на сторону правительства, которое по-прежнему не могло их защитить, они были вынуждены смотреть, как все плоды двадцати лет труда были уничтожены в этой партизанской войне. Только в одном скоте их потери оценивались более чем в 300 000 голов.[376]

«События войны принесли им больше опустошения и разрушений, чем, пожалуй, любому другому сообществу. Подвергаясь то набегам, то грабежам не только со стороны сил Конфедерации и Союза, но и со стороны мстительной жестокости и ненависти своих собственных фракций, их страна превратилась в черную и опустошенную пустошь. Изгнанные из уютных домов, подвергнутые нужде, страданиям и стихиям, они погибли, как овцы в снежной буре. Их дома, заборы и другие постройки были сожжены, их сады уничтожены, их стада и стада скота забиты или разгнаны, их школы разрушены, их школьные здания преданы пламени, а их церкви и общественные здания подверглись аналогичной судьбе; и вся та часть их страны, которая была занята их поселениями, отличалась от девственной прерии только выжженными и почерневшими дымоходами и вспаханными, но теперь заброшенными полями».[377]

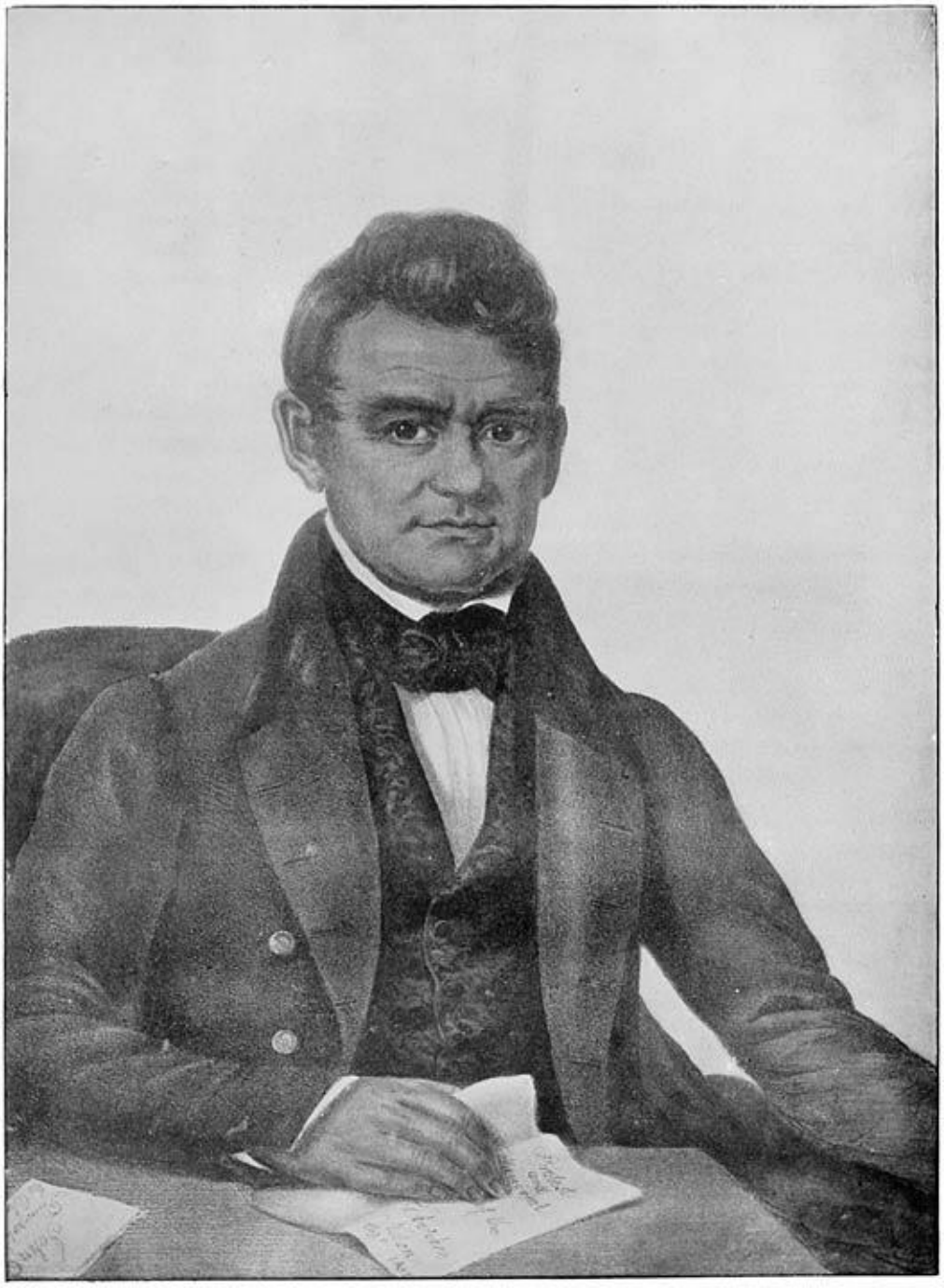
После пяти лет опустошения чероки вышли из войны с сокращением численности с 21 000 до 14 000 человек,[378] и всей своей страной в руинах. 19 июля 1866 года по договору, заключенному в Талеква, нация была вновь принята под защиту Соединенных Штатов, была провозглашена всеобщая амнистия и запрещены все конфискации в связи с войной; рабство было отменено без компенсации бывшим владельцам, и все негры, проживавшие на территории нации, получили полное гражданство чероки. Статьями 15 и 16 Соединенным Штатам было дано разрешение на поселение дружественных индейцев на территории родной страны чероки или на полосе земли чероки с согласия и по покупке у нации. Согласно статье 17, чероки продали 800 000 акров земли в Канзасе, закрепленной договором 1835 года, вместе с полосой земли шириной две мили, проходящей вдоль южной границы Канзаса, которая впоследствии должна была быть включена в пределы этого штата, таким образом оставив страну чероки в том же состоянии, в каком она была до недавней уступки полосы земли чероки. Была обещана компенсация за грабежи, совершенные войсками Соединенных Штатов во время войны; и 3000 долларов должны были быть выплачены из фондов чероки преподобному Эвану Джонсу, который в то время был инвалидом и жил в бедности, в качестве вознаграждения за сорок лет верной миссионерской работы. Согласно статье 26 «Соединенные Штаты гарантируют чероки спокойное и мирное владение своей страной и защиту от внутренних распрей и восстаний, а также от враждебных действий других племен. Они

также будут защищены от вторжения всех неавторизованных граждан Соединенных Штатов, пытающихся поселиться на их землях или проживать на их территории». [379]

Миссионер, преподобный Эван Джонс, который последовал за чероки в изгнание, и его сын, Джон Б. Джонс, были приняты в гражданство чероки годом ранее по решению нации. В акте, предоставляющем это признание, говорится, что «мы свидетельствуем, что они хорошо выполнили свою работу». [380]

Джон Росс, к тому времени уже пожилой человек, не смог присутствовать на подписании этого договора, поскольку в тот момент находился в Вашингтоне по делам своего народа. До ратификации договора он скончался в этом городе 1 августа 1866 года в возрасте семидесяти семи лет, пятьдесят семь из которых он посвятил служению своему народу. Никогда не было произнесено более прекрасной похвальной речи, чем мемориальная резолюция, принятая народом чероки после известия о его смерти. [381] Несмотря на неоднократные попытки подорвать его авторитет, его народ оставался ему верным, и он умер, как и жил почти сорок лет, официально признанным вождем народа. Несмотря на неоднократные возможности обогатиться за счет своего племени, он умер бедным человеком. Его тело было возвращено и похоронено на территории племени. В память о великом вожде один из девяти округов племени чероки был назван его индейским именем, Cooweescoowee (46).

БЮРО АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОЛОГИИ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ ЗА ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК PL. VIII



ДЖОН РОСС (GU′WISGUWĬ′)

(Из копии оригинальной картины Маккенни и Холла, около 1835 г.)

В соответствии с положениями позднего договора 985 представителей племени делаваров из Канзаса в 1867 году переселились на индейскую территорию и стали гражданами племени чероки. В 1870 году за ними последовали 770 представителей племени шауно, в основном также из Канзаса.[382] Эти иммигранты поселились в основном вдоль реки Вердигрис, в северо-западной части племени. В соответствии с тем же договором племена осейдж, кау, пони, понка, ото и миссури, а также тонкава впоследствии поселились на западной окраине, известной тогда как полоса чероки. Пленники из племени nez percés из группы Джозефа также временно проживали там, но впоследствии были переселены в штаты Вашингтон и Айдахо.

В 1870 году по землям нации чероки была проложена железная дорога Миссури, Канзас и Техас, ветка системы Union Pacific, в соответствии с соглашением, ратифицированным правительством. Это была первая железная дорога, проложенная в этой стране.[383] С тех пор было построено или запланировано несколько других железных дорог.

В том же году произошло возрождение черокийской литературы. Была возобновлена публикация *газеты «Advocate»*, которая была приостановлена за несколько лет до войны, и по поручению племени Джон Б. Джонс приступил к подготовке серии учебников на черокийском языке и алфавите для детей, не знающих английского языка.[384]

Весной 1881 года делегация от народа чероки посетила восточных чероки, все еще проживавших в горах Северной Каролины, и направила им сердечное и настоятельное приглашение переселиться и присоединиться на равных условиях к народу чероки на индейской территории. В результате несколько групп восточных чероки, насчитывающих в общей сложности 161 человек, переселились в течение года в западную часть страны, расходы были оплачены федеральным правительством. Другие впоследствии обратились за помощью в переселении, но, поскольку на эти цели не было выделено дополнительных средств, ничего больше не было сделано.[385] В 1883 году восточные чероки подали иск о пропорциональном разделе средств чероки и других интересов в соответствии с предыдущими договорами,[386] но их иск был окончательно отклонен три года спустя по апелляции в Верховном суде.[387]

В 1889 году в Талеквахе было построено женское семинарское училище стоимостью более 60 000 долларов, которое дополнило работу мужского семинарского училища, построенного несколькими годами ранее стоимостью 90 000 долларов. Нация чероки теперь ежегодно выделяла более 80 000 долларов на нужды школ, включая поддержку двух семинарий, приюта для сирот и более ста начальных школ, помимо которых существовало еще несколько миссионерских школ.[388]

В течение ряда лет давление с целью открытия индейских территорий для поселения белых усиливалось. Тысячи нарушителей поселились на землях каждого из пяти цивилизованных племен, где они оставались под различными предлогами, несмотря на настоятельные и неоднократные призывы индейцев к правительству о их выселении. Согласно договорам с пятью цивилизованными племенами, право решать вопросы гражданства или проживания принадлежало соответствующим племенам, но вторгшиеся в конце концов стали настолько многочисленными и сильными, что создали между собой организацию для рассмотрения своих собственных претензий и других, которые могли быть им представлены, с адвокатами и достаточными средствами для защиты каждой претензии в внешних судах против решения племени. В то же время политика правительства была направлена на сокращение или полный развал индейских резерваций и распределение земель среди индейцев в индивидуальное владение с целью их окончательного получения гражданства и открытия излишних земель для заселения белыми. В рамках той же политики юрисдикция судов Соединенных Штатов постепенно распространялась на индейские земли, принимая к сведению многие вопросы, которые до сих пор рассматривались индейскими судами в соответствии с прежними договорами с Соединенными Штатами. Против всего этого протестовали чероки и другие цивилизованные племена, но безрезультатно. Чтобы усугубить раздражение, были организованы отряды вооруженных «бумеров» с явной целью вторжения и захвата выхода чероки и других незанятых частей индейской территории, зарезервированных по договору для будущего заселения индейцами, вопреки гражданской и военной власти правительства.

Теперь мы подошли к тому, что, по-видимому, стало началом конца индейской автономии. В 1889 году в соответствии с актом Конгресса была назначена комиссия, впоследствии известная как Комиссия по делам чероки, для «ведения переговоров с индейцами чероки и всеми другими

индейцами, владеющими или претендующими на земли, расположенные к западу от 96-й долготы на индейской территории, о передаче Соединенным Штатам всех их прав, претензий или интересов любого рода в отношении указанных земель». В августе того же года комиссия обратилась к вождю племени чероки ( ) Дж. Б. Мэйсу с предложением уступить все описанные земли чероки, известные как «выход чероки» или «полоса чероки». Предложение было отклонено на том основании, что конституция чероки запрещала его рассмотрение.[389] С аналогичной целью были обращены к другим племенам, и комиссия продолжала свою работу, меняя состав из года в год, до тех пор, пока не были заключены соглашения о передаче и распределении земель почти со всеми дикими племенами на территории современной Оклахомы.

Тем временем генеральный прокурор вынес решение, отказывающее индейским племенам в праве сдавать свои земли в аренду без разрешения правительства. В то время чероки получали годовой доход в размере 150 000 долларов от аренды пастбищ на этой полосе, но прокламацией президента Харрисона от 17 февраля 1890 года, предписывающей скотоводам покинуть эту территорию до конца года, этот доход был ликвидирован, и полоса стала для них практически бесполезной.[390] Чероки были теперь вынуждены пойти на уступки, и второе предложение о передаче полосы земли чероки было окончательно принято национальным советом 4 января 1892 года. «Чероки было известно, что в течение некоторого времени потенциальные поселенцы на землях полосы проживали в южной части Канзаса и, используя все имеющиеся в их распоряжении средства влияния, настаивали на том, чтобы правительство открыло эту территорию для заселения и впоследствии провело переговоры с чероки, и что законопроект с этой целью был внесен в Конгресс». Сумма компенсации составила почти 8 600 000 долларов, или около 1,25 доллара за акр, за более чем 6 000 000 акров земли. Один из пунктов соглашения предусматривает «подтверждение права чероки на местное самоуправление».[391] После ратификации соглашения Конгрессом, 16 сентября 1893 года президентским указом была открыта полоса земли чероки.[392]

Движение за упразднение индейских правительств, распределение и открытие индейских земель набрало такую силу, что в соответствии с законом Конгресса, утвержденным 3 марта 1893 года, президент был уполномочен назначить комиссию из трех человек, позже известную как Комиссия Доуса, по имени ее выдающегося председателя, сенатора Генри Л. Доуса из Массачусетса, для ведения переговоров с пятью цивилизованными племенами индейской территории, а именно: чероки, чокто, Чикасо, Крик и Семинол, по вопросу «упразднения племенных прав на любые земли в пределах этой территории, в настоящее время принадлежащие любым и всем таким народам и племенам, либо путем уступки всех или части этих земель Соединенным Штатам, либо путем распределения и раздела этих земель между индейцами таких народов или племен, которые могут иметь на них право, либо путем иного согласованного метода... чтобы обеспечить окончательное создание штата или штатов Союза, которые будут охватывать земли в пределах указанной индейской территории».[393] Назначенная комиссия прибыла на индейскую территорию в январе 1894 года и сразу же приступила к переговорам.[394]

На тот момент, по официальным данным, число неграждан на индейской территории составляло не менее 200 000 человек, в то время как число лиц, имеющих права граждан пяти цивилизованных племен, включая индейцев чистой крови и смешанной крови, усыновленных белых и негров, составляло всего 70 500 человек.[395] Не все неграждане были нарушителями, многие находились там с разрешения индейских правительств или по официальным или другим законным делам, но большая часть из них были незаконными поселенцами или непризнанными претендентами на индейские права, против присутствия которых сами индейцы никогда не переставали протестовать. В этом году в Чероки-Нэйшн был рассмотрен тестовый случай, по которому Министерство внутренних дел вынесло решение против претендентов и в пользу чероки. Комментируя угрозы, высказанные в результате отклоненными претендентами, агент пяти племен замечает: «Маловероятно, что Конгресс создаст суд, чтобы аннулировать и отменить

официальное решение Министерства внутренних дел».[396] Год спустя он говорит об этих нарушителях, что «до тех пор, пока у них есть опора — место жительства, законное или нет — на территории индейцев, они будут нарушать мир и сеять раздор, и пока они громко и безжалостно требуют выделения земель и статуса штата, они являются лишь камнем преткновения и препятствием для взаимной доброй воли и братских чувств, которые необходимо культивировать и укреплять, прежде чем выделение земель станет возможным, а статус штата — желательным».[397] Выселение нарушителей все еще задерживалось, и в 1896 году решение по вопросам гражданства было отобрано у индейского правительства и передано Комиссии Доуса.[398]

В 1895 году комиссия была увеличена до пяти членов с расширенными полномочиями. Тем временем было распоряжено провести и начато обследование индейской территории. В сентябре агент написал: «Индейцы теперь знают, что проводится обследование их земель, и независимо от их согласия, обследование продолжается. Значение такого обследования слишком очевидно, чтобы его можно было игнорировать, и оно справедливо считается первым шагом, торжественным и авторитетным, к свержению их нынешних общинных владений. На момент написания этой статьи геодезические корпуса работают в нациях криков, чокто и чикасо, и поэтому каждое из этих племен имеет наглядную демонстрацию фактических намерений и конечной цели правительства Соединенных Штатов».[399]

Общее процветание и прогресс народа чероки в настоящее время можно оценить по отчету секретаря Национального совета по образованию чероки агенту Уиздому. Он сообщает, что 4800 детей посещают две семинарии, мужскую и женскую, две средние школы и сто начальных школ, а учителя получают от 35 до 100 долларов в месяц в течение девяти месяцев в году. Четырнадцать начальных школ были предназначены для негров-граждан нации, кроме того, у них была отличная средняя школа, которая, как и все остальные, содержалась за счет правительства чероки . Помимо национальных школ, существовало двенадцать миссионерских школ, которые проделывали великолепную работу для детей как граждан, так и неграждан. Дети неграждан не допускались в национальные школы чероки, но имели свои собственные платные школы. Приют для сирот считался средней школой, в которой проживали и обучались 150 сирот, ежегодно получавших аттестаты. Это было большое кирпичное трехэтажное здание размером 80 на 240 футов. Мужская семинария, вмещавшая 200 учеников, и женская семинария, вмещавшая 225 учениц, также были большими кирпичными зданиями высотой в три этажа и размером 150 на 240 футов. Три члена, все по крови чероки, составляли совет по образованию. Секретарь добавляет, что чероки гордятся своими школами и учебными заведениями и что ни одна другая страна под солнцем не обладает такими преимуществами в области образования в целом.[400]

В это время народ чероки насчитывал более 25 000 индейцев, белых и негров; общее число граждан трех рас в пяти цивилизованных племенах составляло около 70 000, в то время как число неграждан увеличилось до 250 000 и быстро росло.[401] Понимая, что быстрым и неизбежным результатом будет уничтожение их национальных правительств, чероки вновь начали рассматривать вопрос о выселении из Соединенных Штатов. План изложен в письме, написанном братом главного вождя племени чероки от 31 мая 1895 года, из которого мы приводим цитату.

После вступительных слов о том, что правительство Соединенных Штатов, по-видимому, намерено лишить пять цивилизованных племен их автономии и разделить их земли, создав тем самым условия, при которых чероки не смогут существовать, он продолжает:

Тогда для исправления ситуации, которая выведет нас из нее, уведет от нее и обещает наше сохранение как отдельной расы людей, пользующихся обычаями, социальными и политическими, которые были переданы нам из далеких поколений прошлого. Мой план заключается в том, чтобы чероки продали все свои земельные владения Соединенным Штатам, разделили вырученные средства на душу населения, а затем те, кто желает, объединились для создания индейской колонии и на свои средства совместно приобрели в Мексике или Южной Америке участок земли, достаточный для всех их нужд, который навсегда станет их общим домом... Я также

считаю, что для тех индейцев, которые не желают присоединяться к колонии и покидать страну, следует предусмотреть возможность выкупа их старых домов или других земель в стране, которые они могут пожелать, и они смогут остаться здесь и встретить ту судьбу, которая их ждет. Я считаю, что это представляет собой наиболее осуществимое и справедливое решение вопросов, которые мы должны решить в ближайшем будущем, и окажется абсолютно справедливым и честным по отношению ко всем классам и слоям наших граждан. Я также считаю, что то же самое может быть сделано любым или всеми пятью цивилизованными племенами...[402]

Последнюю главу уже почти написали. В результате последовательных законов, принятых за последние десять лет, юрисдикция индейских судов была постепенно сужена, а полномочия федеральных судов пропорционально расширены; право определять индейское гражданство было отобрано у индейцев и передано правительственной комиссии; земли пяти племен были обследованы и разбиты на участки правительственными геодезистами; а в соответствии с радикальными положениями закона Кертиса от 28 июня 1898 года «для защиты народа индейской территории» весь контроль над доходами племен был отобран у пяти индейских племен и передан постоянному инспектору-надзирателю, племенные суды были упразднены, распределение земель стало обязательным, а белым людям было дано право создавать города на территории индейских племен.[403] Этим законом пять цивилизованных племен были сведены к положению обычных племен, проживающих в резервациях под управлением правительственных агентов, с белыми общинами, поселенными среди них. Между тем комиссия Доуса, продолжающая свою работу до настоящего времени, неустанными усилиями сломила сопротивление чокто и чикасо, которые согласились на распределение земель, в то время как крики и семинолы сейчас колеблются.[404] Чероки все еще сопротивляются, особенно сильное сопротивление оказывает тайное общество кетоуа (47), и когда наступит конец, возможно, что протест примет форму массовой эмиграции в Мексику. В конце 1897 года агент пяти племен сообщает, что «многие чистокровные индейцы, по-видимому, твердо намерены эмигрировать в Мексику или Южную Америку и приобрести там новые дома для себя и своих семей. Такие индивидуальные действия могут перерасти в колонизацию, и, как известно, в упомянутых странах можно получить щедрые земельные гранты.[405] В настоящее время (1901 г.) среди чероки есть мексиканские агенты, пропагандирующие этот план, который может развиться и охватить значительную часть пяти цивилизованных племен.[406]

По данным последней переписи населения 1898 года, проведенной агентом Wisdom, народность чероки насчитывала 34 461 человек, в том числе: чероки по крови (включая все степени смешения), 26 500; белые, вступившие в смешанные браки, 2300; освобожденные негры, 4000; делавэры, 871; шауни, 790. Общая площадь территории племени составляла 5 031 351 акр, что, если разделить на душу населения в соответствии с положениями законопроекта Кертиса, после вычета 60 000 акров, зарезервированных для городских и других целей, даст каждому гражданину чероки 144 акра.[407] Следует отметить, что в официальных списках значится большое количество лиц, чьи права оспариваются властями чероки.

ВОСТОЧНАЯ ГРУППА

Остается рассказать о восточной группе чероки — остатке, который все еще держится за леса и воды старой родины. Как уже было сказано, значительное число из них ускользнуло от войск во время общей облавы 1838 года и бежало в крепости высоких гор. К ним присоединились другие, которым удалось прорвать охрану в Калхуне и других пунктах сбора, так что общее число скрывающихся беглецов достигло тысячи или более, в основном это были горные чероки из Северной Каролины, самые чистокровные и консервативные из всего народа. Около половины беженцев-воинов подчинились командованию известного вождя по имени Утсала, «Лишайник», который разместил свой штаб среди высоких вершин у истоков Оконалуфти, откуда, находясь в безопасном укрытии, несмотря на крайние страдания от голода и холода, они сопротивлялись всем попыткам их поймать.

Работа по поимке этих беглецов оказалась настолько сложной и практически безрезультатной, что когда Чарли и его сыновья предприняли смелый шаг к свободе[408] генерал Скотт с энтузиазмом воспользовался этим инцидентом как возможностью для компромисса. С этой целью он нанял Уильяма Х. Томаса, торговца, который более двадцати лет был тесно связан с горными чероки и пользовался их полным доверием, и уполномочил его представить Утсале предложение о том, что если последний поймает Чарли и других, причастных к нападению на солдат, и сдаст их для наказания, преследование будет прекращено, а беглецы смогут оставаться в покое до тех пор, пока не будет получено разрешение от правительства на их пребывание.

Томас принял это поручение и, взяв с собой одного или двух индейцев, пробрался по тайным тропам к месту укрытия Утсалы. Он изложил предложение Скотта и объяснил вождю, что, помогая привлечь группу Чарли к наказанию в соответствии с правилами войны, он сможет обеспечить отсрочку для своих тяжело страдающих последователей, с конечной надеждой, что им будет позволено остаться в своей стране , тогда как, если он отклонит предложение, вся сила семи тысяч солдат, которые к тому времени уже завершили работу по сбору и депортации остальной части племени, будет направлена на его небольшую группу, пока последний беженец не будет захвачен или убит.

Утсала долго и серьезно обдумывал это предложение. Его сердце было полно горечи, потому что его жена и маленький сын умерли от голода на склоне горы, но он подумал о тысячах людей, которые уже были в долгом марше в изгнание, а затем оглянулся на свою небольшую группу последователей. Если бы только они могли остаться, даже если несколько человек должны были быть принесены в жертву, это было бы лучше, чем если бы все погибли, — ведь они поклялись никогда не покидать свою страну. Он согласился, и Томас вернулся, чтобы доложить генералу Скотту.

Теперь произошел замечательный случай, который показывает характер Томаса и то мастерское влияние, которое он уже имел на индейцев, хотя ему было едва ли больше тридцати лет. Было известно, что Чарли и его группа скрывались в пещере в горах Грейт-Смоки, у истоков Дип-Крик, но считалось маловероятным, что его можно будет взять без кровопролития и дальнейших задержек, которые могли бы поставить под угрозу всю операцию. Томас решил пойти к нему и попытаться убедить его сдаться. Отказавшись от предложения Скотта сопроводить его, он пошел в пещеру один и, пробравшись между индейцами и их ружьями, которые сидели вокруг костра у входа, подошел к Чарли и передал ему свое сообщение. Старик выслушал его в тишине, а затем просто сказал: «Я сдамся. Я не хочу, чтобы меня преследовали мои собственные люди». Они добровольно вышли и были застрелены, как уже было сказано, только один , простой мальчик,

был пощажен из-за своей молодости. Этот мальчик, теперь уже старик, все еще жив, Васитуна, более известный белым как Вашингтон.[409]

Таким образом, беглецам была предоставлена отсрочка, и Томас отправился в Вашингтон, чтобы попытаться договориться об их постоянном поселении. Согласно договору Нью-Эчота 1835 года, чероки имели право, помимо единовременной выплаты в размере пяти миллионов долларов за уступленные земли, на дополнительную компенсацию за усовершенствования, которые они были вынуждены оставить, и за грабежи со стороны белых граждан, а также на подушевое пособие для покрытия расходов на переезд и проживание в течение одного года в новой стране. Двенадцатая статья также предусматривала, что индейцы, которые решили остаться на Востоке и стать гражданами, могут сделать это при определенных условиях, при этом каждому главе семьи, оставшемуся в этой местности, подтверждалось право на преимущественную покупку 160 акров земли. В результате твердого намерения президента Джексона депортировать всех индейцев это разрешение было отменено и заменено дополнительными статьями, в соответствии с которыми вместо обещанных преимущественных прав и всех индивидуальных резерваций, предоставленных в соответствии с предыдущими договорами, была разрешена дополнительная компенсация.[410] Таким образом, каждый чероки стал безземельным иностранцем в своей родной стране.

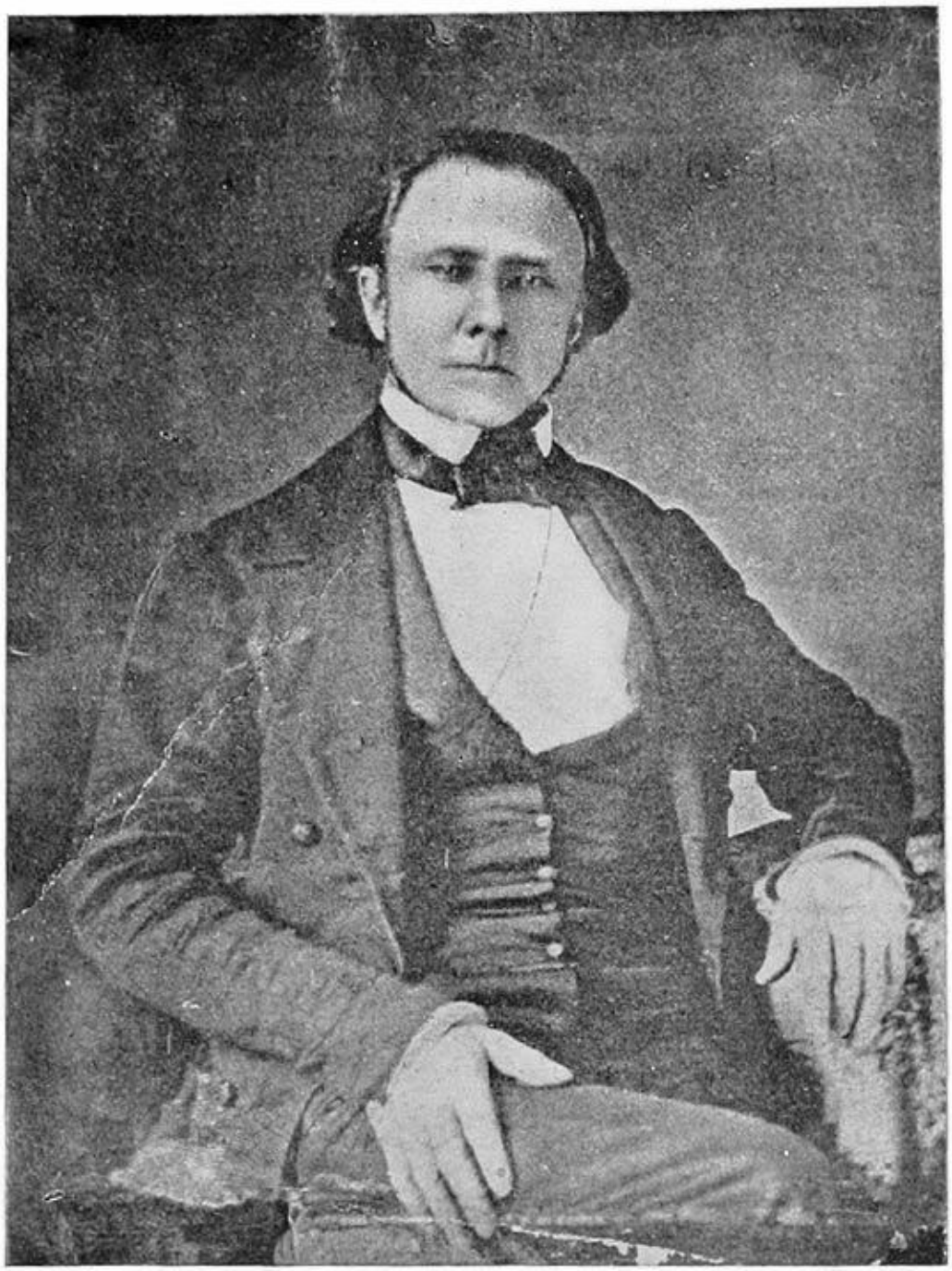
Последняя группа эмигрантов из племени чероки отправилась на Запад в декабре 1838 года. Девять месяцев спустя число беженцев, все еще разбросанных по горам Северной Каролины и Теннесси, по сообщениям, составляло 1046 человек.[411] Благодаря настойчивым усилиям в Вашингтоне с 1836 по 1842 год, включая одно непрерывное пребывание в столице в течение трех лет, Томас наконец получил разрешение правительства на их пребывание, и их доля денег, причитающихся за улучшения и конфискованные резервации, была передана в его распоряжение, как их агента и попечителя, с целью покупки земель, на которых они могли бы постоянно поселиться. В соответствии с этими полномочиями он приобрел для них в разное время до 1861 года ряд смежных участков земли на реке Оконалуфти и ручье Соко, в пределах нынешних округов Свейн и Джексон в Северной Каролине, а также несколько отдельных участков в более западных округах того же штата. Основная часть, расположенная на водах Оконалуфти, которая в основном находилась в пределах уступки 1819 года, впоследствии стала известна как граница Квалла или резервация Квалла, получив название от главного торгового магазина Томаса и штаб-квартиры агентства. Отдельные западные участки находились в пределах окончательной уступки 1835 года, но все они были куплены Томасом у белых владельцев. Поскольку Северная Каролина отказывалась признавать индейцев землевладельцами в пределах штата и продолжала отказываться до 1866 года,[412] Томас, как их уполномоченный агент при правительстве, держал документы на свое имя. До того, как по законам штата стало юридически возможным передать право собственности индейцам, его собственные дела усложнились, а здоровье ухудшилось из-за возраста и тягот военной службы, в результате чего он потерял рассудок, оставив весь вопрос о праве собственности индейцев предметом судебного разбирательства до вынесения решения Соединенными Штатами в 1875 году, дополненного дальнейшими решениями в 1894 году.

Полковник Уильям Холланд Томас — это человек, которому сегодняшние восточные чероки обязаны своим существованием как народ, и на протяжении полувека он был так же тесно связан с их историей, как Джон Росс — с историей основного племени чероки. Довольно странно, что их связь с делами чероки продлилась почти столько же, но в то время как Росс участвовал в их национальных делах, Томас посвятил свои усилия племени « » — пренебрегаемому племени, о котором почти не знали в советах племени. Своей многогранностью он поразительно напоминает другого белого человека, известного в истории чероки, генерала Сэма Хьюстона.

Томас родился в 1805 году на реке Раккун-Крик, примерно в двух милях от Уэйнсвилля в Северной Каролине. Его отец, который был родственником президента Закари Тейлора,

происходил из валлийской семьи, иммигрировавшей в Вирджинию в ранний период, а по материнской линии он был потомком семьи из Мэриленда, участвовавшей в Войне за независимость. Он был единственным и посмертным ребенком Эндрю Уокера ( ), поскольку его отец случайно утонул незадолго до рождения мальчика. Будучи необычайно умным для своего возраста, в двенадцать лет он был нанят для работы в индейском торговом магазине на реке Соко-Крик, в нынешнем округе Джексон, принадлежащем Феликсу Уокеру, сыну конгрессмена с таким же именем, который приобрел национальную известность благодаря «выступлению за Банкомб». Магазин находился на южной стороне ручья, примерно в миле выше ныне заброшенной миссии Македония, на территории нынешней резервации, и был филиалом более крупного заведения, которое Уокер сам держал в Уэйнсвилле. Торговля велась в основном шкурами и женьшенем, или «санг», который отправлялся в Китай, где, как говорили, он стоил своего веса в серебре. Эта торговля была очень прибыльной, так как индейцам платили всего десять центов за фунт товара за зеленый корень, тогда как сейчас он приносит семьдесят пять центов наличными в резервации, а его запасы с каждым годом неуклонно сокращаются. Контракт был заключен на три года с общим вознаграждением в сто долларов и расходами, но Уокер уделял столько внимания изучению права, что магазин в Уэйнсвилле в конце концов был закрыт из-за долгов, и по истечении срока контракта молодой Томас был вынужден принять много подержанных юридических книг вместо другой оплаты. Насколько хорошо он их использовал, видно из его последующей службы в сенате штата и на других официальных должностях.

Вскоре после вступления в должность он привлек внимание Йонагуски, или Тонущего Медведя (Yâ′na-gûñ′skĭ, «Медведь, тонущий его»), признанного вождя всех чероки, живших тогда на водах Тукасеги и Оконалуфти — старой стране Китухва. Узнав, что у мальчика нет ни отца, ни брата, старый вождь официально усыновил его, и с тех пор он был признан в племени под именем Уил-Усди, или «Маленький Уилл», поскольку даже в зрелом возрасте он оставался небольшого роста. От своих индейских друзей, в частности от мальчика того же возраста, который был его товарищем в магазине, он выучил язык так же хорошо, как его когда-либо выучил белый человек, так что в старости он запомнился ему даже лучше, чем его родной язык. После изобретения алфавита чероки он также научился читать и писать на этом языке.



ПОЛКОВНИК В. Х. ТОМАС (WIL-USDI′)

(С фотографии 1858 года, любезно предоставленной капитаном Джеймсом В. Терреллом)

В 1819 году земли на реке Такасиги и ее притоках были проданы индейцами племени Соко ( ), и вскоре после этого мать Томаса переехала из Уэйнсвилля на ферму, которую она купила на западном берегу реки Оконалуфти, напротив устья реки Соко, где ее сын поселился вместе с ней, открыв собственное дело в Куалле. Йонагуска и его ближайшие родственники продолжали проживать в небольшой резервации в том же районе, в то время как остальные чероки ушли на запад от гор Нантахала, хотя по-прежнему посещали Соко и торговали там. После нескольких переездов Томас наконец, вскоре после переселения в 1838 году, купил ферму на северном берегу Тукасеги, чуть выше нынешнего города Уиттиер в округе Свейн, и построил там усадьбу, которую назвал Стекоа в честь индейского города, разрушенного Рутерфордом, который занимал то же место. На момент переселения он был владельцем пяти торговых магазинов в Череки-Каунти ( )

или прилегающих к территории чероки, а именно: в городе Куалла (Qualla), недалеко от устья ручья Соко (Soco creek); на ручье Скотта (Scott's creek), недалеко от Вебстера (Webster); на Чеова (Cheowa), недалеко от нынешнего Роббинсвилля (Robbinsville); на слиянии рек Вэлли (Valley) и Хивасси (Hiwassee), ныне Мерфи (Murphy); и в агентстве чероки в Калхуне (Calhoun, ныне Чарлстон), штат Теннесси. Помимо успешного ведения торгового дела, он также изучал право и активно интересовался местной политикой.

В качестве агента восточных чероки он разделил земли, купленные для них, на пять округов или «городов», которые он назвал Берд-таун, Пейнт-таун, Вольф-таун, Йеллоу-хилл и Биг-коув, названия, которые они сохранили до сих пор, причем первые три являются названиями черокийских кланов.[413] Он также разработал для них простую форму правления, исполнение которой находилось в его руках и руках Йонагуски до смерти последнего, после чего племя не знало другого вождя, кроме Томаса, до его ухода из активной жизни. В 1848 году он был избран в сенат штата и продолжал служить в этой должности до начала гражданской войны. Как сенатор штата он ввел систему улучшения дорог в западной части Северной Каролины, а также был основателем железной дороги Western North Carolina Railroad (ныне входящей в систему Southern), первоначально предназначенной для развития медных рудников в Дактауне, штат Теннесси.

Вместе со своими коллегами по сенату штата он проголосовал за отделение в 1861 году и сразу же ушел в отставку, чтобы набирать войска для Конфедерации, которой до конца войны он посвятил все свое время, мысли и усилия. В 1862 году он организовал Легион Томаса, состоявший из двух пехотных полков, батальона кавалерии, роты инженеров и полевой батареи, которым он сам командовал в звании полковника, хотя ему тогда было уже почти шестьдесят лет. Четыре роты состояли в основном из его собственных чероки. Легион Томаса действовал в основном в качестве пограничной охраны для Конфедерации вдоль горного региона к югу от Камберлендского прохода.

После окончания конфликта он вернулся в свой дом в Стекоа и снова взял на себя неофициальное руководство делами чероки, которым он помогал во время эпидемии оспы 1866 года и в нестабильные условия периода реконструкции. Его собственные ресурсы были уничтожены войной, и все его надежды рухнули вместе с проигранной борьбой. Это, в сочетании с последствиями трех лет лишений и беспокойства на поле боя, когда он уже почти превысил возрастной предел, вскоре привело к физическому и психическому истощению, от которого он так и не смог оправиться, за исключением редких моментов, когда на короткое время его прежний дух вспыхивал во всей своей яркости. Он умер в 1893 году в преклонном возрасте почти девяноста лет, до последнего сохранив вежливые манеры джентльмена по природе и воспитанию, с точной памятью и четкой речью юриста и делового человека. Жители западной части Северной Каролины обязаны его работе в сенате штата больше, чем работе любого другого человека, а среди старейших чероки имя Уил-Усди по-прежнему почитается как имя отца и великого вождя.[414]

Йонагуска, правильнее Яну-гуньски, приемный отец Томаса, является самым выдающимся вождем в истории восточных чероки, хотя, что достаточно странно, его имя не встречается в связи с какими-либо ранними войнами или договорами. Это отчасти объясняется тем, что он был скорее вождем мира и советником, чем военачальником, а отчасти тем, что изолированное положение горных чероки в значительной степени удерживало их в стороне от племенных советов тех, кто жил на западе и юге. Внешне он был поразительно красив, ростом шесть футов три дюйма и крепкого телосложения, с легким красноватым оттенком кожи из-за небольшой доли белой крови со стороны отца, смягчавшим коричневый цвет его щек. Говорят, что по силе ораторского искусства он превосходил всех других вождей своего времени. Когда земли чероки на Тукасеги были проданы по договору 1819 года, Йонагуска продолжал проживать в резервации площадью 640 акров в излучине реки, недалеко от нынешнего города Брайсон-Сити, на месте древнего

Китухва. Позже он переехал в Оконалуфти, а после переселения собрал вокруг себя свой народ и поселился с ним на берегу реки Соко, на землях, купленных для них Томасом.

Он был пророком и реформатором, а также вождем. Когда ему было около шестидесяти лет, он тяжело заболел и впал в транс, во время которого его народ оплакивал его как мертвого. Однако через сутки он пришел в сознание и объявил, что побывал в мире духов, где поговорил с ушедшими друзьями и с Богом, который отправил его обратно с посланием к индейцам, пообещав позже снова его призвать. С того дня и до самой смерти к его словам прислушивались как к словам вдохновенного человека. Он был несколько пристрастен к спиртному, но теперь, по рекомендации Томаса, не только сам бросил пить, но и организовал в своем племени общество трезвости. Для этого он созвал совет своего народа и, ясно указав им на серьезные последствия нетрезвости, в красноречивой речи, которая довела некоторых из его слушателей до слез, объявил, что Бог позволил ему вернуться на землю специально для того, чтобы он мог предупредить свой народ и изгнать виски из их среды. Затем он попросил Томаса написать клятву, которую сначала подписал вождь, а затем каждый из членов совета, и с того времени до самой его смерти виски было неизвестно среди восточных чероки.

Несмотря на частые попытки заставить его и его народ переселиться на Запад, он твердо сопротивлялся всяким уговорам, заявляя, что индейцы в большей безопасности от агрессии среди своих скал и гор, чем они когда-либо могли бы быть на земле, которую белые люди считают прибыльной, и что чероки могут быть счастливы только в той стране, где их поселила природа. Призывая к миру и дружбе с белыми людьми, он всегда оставался верным своей индейской вере и с крайней подозрительностью относился к миссионерам. Однажды, после первого перевода Библии на язык и алфавит чероки, кто-то принес экземпляр Евангелия от Матфея из Нью-Эчоты, но Йонагуска не разрешил читать его своему народу, пока не прочитал его сам. Прослушав одну или две главы, старый вождь сухо заметил: «Что ж, кажется, это хорошая книга — странно, что белые люди не стали лучше, прожив с ней так долго».

Он умер в возрасте около восьмидесяти лет в апреле 1839 года, менее чем через год после переселения. Незадолго до конца он велел отнести себя в городской дом в Соко, строительство которого он курировал, где, растянувшись на диване, он произнес последнюю речь перед своим народом, порекомендовав им Томаса в качестве вождя и снова искренне предупредив их, чтобы они никогда не покидали свою страну. Затем он укутался в одеяло, тихо лежал и умер. Он был похоронен рядом с Соко, примерно в миле ниже старой миссии Македония, с грубым курганом из камней, обозначающим это место. Он оставил двух жен и значительное имущество, в том числе старого негра-раба по имени Куджо, который был преданно привязан к нему. Одна из его дочерей, Каталста, до сих пор жива ( ) и является последней хранительницей искусства гончарного дела среди восточных чероки ([415]).

Йонагуска уступил власть Янегве, «Большому медведю», который, по-видимому, был в свое время весьма известен в местности, но чье имя даже у старейших членов племени теперь осталось лишь воспоминанием. Он был одним из подписавших договоры 1798 и 1805 годов, а договором 1819 года ему было подтверждено право на резервацию площадью 640 акров как одному из тех, кто проживал на уступленной территории, кто «считался трудолюбивым и способным управлять своей собственностью с умом» и кто значительно улучшил состояние зарезервированных участков. Эта резервация, до сих пор известная как ферма Большого Медведя, находилась на западном берегу Оконалуфти, в нескольких милях выше его устья, и, по-видимому, впоследствии была занята Йонагуской.[416]

Еще одним из старых знатных людей среди восточных чероки был Цунулахуньски, имя которого белые исказили до Джуналуска, великий воин, в честь которого назван хребет к западу от

Уэйнсвилля. В молодости он был известен как Гулкаласки.[417] Когда в 1813 году началась война с криками, он собрал отряд воинов, чтобы, как он хвастался, «истребить криков». Не добившись полного успеха, он объявил о результате, согласно обычаю чероки, на следующем танце после своего возвращения одним словом, *detsinu'lăhûñgû'*, «Я пытался, но не смог», которое было подано как сигнал руководителю песен, который сразу же взял его в качестве припева своей песни. С тех пор разочарованный воин стал известен как Цунулахунски, «Тот, кто пытается, но терпит неудачу». Он отличился в битве при Хорсшу-Бенд, где действия чероки решили исход сражения в пользу армии Джексона, и после переселения его часто слышали говорящим: «Если бы я знал, что Джексон изгонит нас из наших домов, я бы убил его в тот день в Хорсшу». Он сопровождал изгнанников 1838 года, но потом вернулся в свой старый дом; ему разрешили остаться, и в знак признания его заслуг законодательный орган штата специальным актом в 1847 году предоставил ему право гражданства и выделил ему участок земли в безусловное владение, но без права отчуждения.[418] Эта резервация находилась в индейском поселении Чеова, недалеко от нынешнего Роббинсвилля, в округе Грэм, где он умер примерно в 1858 году. Его могила до сих пор находится недалеко от Роббинсвилля.

В качестве примера его проницательности рассказывают, что однажды он отследил маленькую индейскую девочку до Чарльстона, Южная Каролина, куда ее увезли похитители и продали в рабство, и вернул ей свободу, доказав с помощью экспертного микроскопического исследования, что ее волосы не имели никаких негритянских характеристик.[419]

Христианство было введено среди китухва-чероки незадолго до переселения благодаря переводу Евангелия от Матфея, выполненному Вустером и Будинотом и впервые опубликованному в Нью-Эчота в 1829 году. В отсутствие миссионеров индейцы читали эту книгу, переходя от дома к дому. После переселения методистский священник, преподобный Ульрих Кинер, начал посещать индейцев с проповедями через нерегулярные промежутки времени, а несколько лет спустя за ним последовали баптистские миссионеры.[420]

Осенью 1839 года комиссар по делам индейцев сообщил, что восточные чероки недавно выразили желание присоединиться к своим братьям на западе, но были удержаны от этого нестабильной обстановкой в территории. Он заявляет, что «они имеют право остаться или уйти», но поскольку их решение затрагивает интересы других, они должны принять его без промедления.[421]

В 1840 году около ста катавба, почти все, кто остался от племени, недовольные своим положением в Южной Каролине, переселились и поселились вместе с чероки. Однако скрытая племенная вражда вспыхнула, и по их просьбе в 1848 году через Томаса и других были начаты переговоры об их переселении на индейскую территорию. Поскольку эти усилия не принесли результата, вскоре они начали возвращаться в свои дома, и к 1852 году среди чероки осталось только около дюжины. В 1890 году осталась только одна старушка, вдова чероки. Она и ее дочь, обе говорившие на этом языке, были опытными гончарными мастерицами, работавшими по методу катавба, который значительно отличается от метода чероки. В настоящее время в племени проживают две женщины катавба, обе замужем за мужчинами из племени чероки, которые занимаются своим родным ремеслом гончарного искусства. Проживая среди чероки, катавба приобрели репутацию врачей и лидеров танца.[422]

6 августа 1846 года в Вашингтоне был заключен договор с представителями западного племени чероки, в котором были четко признаны права восточных чероки на участие в выгодах договора Нью-Эчота 1835 года и были предусмотрены положения об окончательном урегулировании всех неоплаченных и нерешенных претензий, причитающихся по этому договору. Право восточных чероки на участие в выгодах договора Нью-Эчота, хотя и не отрицаемое правительством, было обусловлено их переселением на запад.[423]

Весной 1848 года автор, Ланман, посетил восточных чероки и оставил интересное описание их положения в то время, а также описание их игр с мячом, танцев и обычаев в целом, будучи гостем полковника Томаса, о котором он говорит как о проводнике, советнике и друге индейцев, а также их деловом агенте и вожде, так что их связь была похожа на связь между отцом и его детьми. Он оценивает число индейцев примерно в 800 чероки и 100 катавба в резервации «Квалла-таун» — название, которое использовалось уже в то время — и еще 200 индейцев, проживающих в более западной части штата. Об их общем положении он говорит:

Около трех четвертей всего населения умеют читать на своем языке, и, хотя большинство из них понимают английский, очень немногие могут говорить на этом языке. Они в значительной степени практикуют сельское хозяйство и приобрели такие знания в области механики, которые отвечают всем их обычным потребностям, поскольку они сами изготавливают свою одежду, свои плуги и другие сельскохозяйственные орудия, свои топоры и даже свои ружья. Их женщины больше не рассматриваются как рабыни, а как равные; мужчины работают в полях, а их жены полностью посвящают себя домашним делам. Они держат тех же домашних животных, что и их белые соседи, и выращивают все обычные для этой страны зерновые культуры. Они, вероятно, так же умеренны, как и любой другой класс людей на земле, честны в своих деловых отношениях, нравственны в своих мыслях, словах и поступках и отличаются верностью в исполнении религиозных обязанностей. Они в основном являются методистами и баптистами и имеют регулярно рукоположенных священников, которые проповедуют им каждую субботу, а также отказались от многих своих бессмысленных суеверий. У них есть свой суд, и они судят преступников с помощью обычного жюри. Их судьи и адвокаты выбираются из их числа. Они поддерживают порядок на общественных дорогах, проходящих через их поселение. По закону штата они имеют право голосовать, но редко пользуются этим правом, так как им не нравится идея быть отождествленными с какой-либо политической партией. За исключением праздничных дней, они одеваются по-белому, но гораздо более колоритно. Они живут в небольших бревенчатых домах, построенных своими руками, и имеют все необходимое и желаемое в плане питания. По сути, это самое счастливое сообщество, которое я встречал в этой южной стране.[424]

Среди других известных личностей Ланман так говорит о Салали, «Белке», прирожденном механике племени, который умер всего несколько лет назад:

Он довольно молодой человек с удивительно задумчивым лицом. Он кузнец своего народа и с небольшой помощью снабжает весь город Куалла топорами и плугами; но, что еще более важно, он изготовил ряд очень качественных винтовок и пистолетов, включая приклады, стволы и замки, а также построил мельницы, которые перемалывают все зерно, которое едят его люди. Образец его мастерства в виде винтовки можно увидеть в Патентном бюро в Вашингтоне, где она была сдана на хранение г-ном Томасом; и я полагаю, что Салола — первый индеец, который когда-либо изготовил целое ружье. Но если вспомнить, что он никогда не получал ни капли образования в области механических искусств, а является полностью самоучкой, его достижения следует считать поистине замечательными.[425]

29 июля 1848 года Конгресс одобрил закон о проведении переписи всех чероки, которые остались в Северной Каролине после переселения и по-прежнему проживали к востоку от Миссисипи, с тем чтобы выделить им их долю из «фонда переселения и проживания» в соответствии с договором Нью-Эчота. Одновременно каждому из них или его представителю была выделена сумма, эквивалентная 53,33⅓ доллара, которая должна была пойти на покрытие расходов на его переселение в западную часть территории чероки и проживание там в течение одного года, если он решит переселиться. Любой излишек сверх этих расходов должен был быть выплачен ему наличными после его прибытия на запад. Вся потраченная сумма должна была быть возмещена правительству из общего фонда, зачисленного на счет племени чероки в соответствии с условиями договора Нью-Эчота. В то же время было распоряжено, чтобы каждому лицу, имеющему на это право, были выплачены начисленные проценты на эту сумму на душу населения с даты ратификации договора Нью-Эчота (23 мая 1836 г.), причем выплата процентов по той же ставке должна была продолжаться ежегодно в последующем.[426] В соответствии с этим законом осенью 1848 года Дж. К. Маллей провел перепись чероки, проживавших в то время в Северной Каролине, Теннесси и Джорджии, в результате которой было установлено, что их общее число составляет 2133 человека. На основании этой переписи в течение следующих десяти лет специальные агенты произвели несколько выплат, одна из которых была выплата на душу населения, произведенная Альфредом Чепменом в 1851–52 годах по неоплаченным требованиям, возникшим в соответствии с договором Нью-Эчота и составившим в совокупности 197 534,50 долларов, другие выплаты представляли собой ежегодные проценты по «фонду переселения и прожиточного минимума», выделенному в их пользу в 1848 году. В ходе осуществления этих выплат были проведены еще две

регистрации: Д. В. Силером в 1851 году и Чепменом в 1852 году, причем последняя была просто исправленной версией списка Силера и не отличалась значительно от списка Маллей.[427]

После назначения Чапмана для осуществления вышеупомянутых выплат на душу населения, западная часть племени чероки подала протест против этих выплат, основываясь на двух причинах: во-первых, восточная часть племени чероки утратила право на участие, а во-вторых, их перепись населения, по мнению протестующих, была значительно завышена. На самом деле, первоначально Маллей сообщил о 1517 человек, к которым впоследствии было добавлено столько « », что их число увеличилось более чем на 600 человек.[428] Перепись, проведенная их агентом, полковником Томасом, в 1841 году, дала число восточных чероки (возможно, только тех, кто проживал в Северной Каролине) равным 1220,[429] в то время как год спустя общее число проживающих в Северной Каролине, Теннесси, Алабаме и Джорджии было официально оценено от 1000 до 1200.[430] Это не единственный случай, когда выплата на душу населения привела к внезапному увеличению численности населения по переписи.

В 1852 году (капитан) Джеймс У. Террелл был нанят Томасом, тогдашним членом сената штата, для управления его магазином в Куалле, и с тех пор до окончания войны оставался связанным с ним и поддерживал тесные контакты с индейцами, помогая в качестве специального агента Соединенных Штатов в выплате процентов, а затем, как офицер Конфедерации, в организации индейских рот, занимая должность капитана роты А 69-й пехотной роты Конфедерации Северной Каролины. Имея склонность к исследованиям, капитан Террелл уделил внимание обычаям и мифологии чероки и накопил большой объем информации по этой теме, которой редко обладают белые люди. Он по-прежнему проживает в Вебстере, в нескольких милях от резервации, и сейчас ему 71 год.

В 1855 году Конгресс распорядился выплатить восточным чероки подушевые выплаты из фонда переселения, созданного для них в 1848 году, при условии, что Северная Каролина сначала даст гарантии, что им будет позволено остаться в этом штате на постоянное жительство. Однако эта гарантия была дана только в 1866 году, и поэтому деньги не были распределены, а оставались в казне до 1875 года, когда они были использованы для покупки земель и урегулирования прав собственности в интересах индейцев.[431]

С 1855 года до окончания гражданской войны мы не находим никаких официальных упоминаний о восточных чероки, и наша информация должна быть получена из других источников. Однако это был самый важный период в их истории. К моменту начала войны Томас уже седьмой срок подряд занимал должность сенатора штата. Будучи ярым сторонником Конфедерации, он был избран делегатом на съезд, который принял постановление о выходе из Союза, и сразу после голосования за эту меру ушел из сената, чтобы работать на благо южных штатов. Поскольку он был уже в преклонном возрасте, сомнительно, что его усилия вышли бы за рамки сбора средств и других поставок, если бы в этот момент генерал Конфедерации Кирби Смит не предпринял попытку привлечь восточных чероки к активной службе.

Агентом, посланным для этой цели, был Вашингтон Морган, известный индейцам как «Ганстата», сын полковника Гидеона Моргана, который командовал чероки в Хорсшу-Бенд. Благодаря своей индейской крови и историческому происхождению он был признан наиболее подходящим посланником для этой цели. В начале 1862 года он прибыл к чероки и, апеллируя к старым воспоминаниям, настолько возбудил в них боевой дух, что многие из них заявили о своей готовности следовать за ним, куда бы он ни повел. Считая, что вопрос, который решается в войне, не касается индейцев, Томас отговаривал их от участия в ней и советовал им оставаться дома в спокойной нейтральности. Теперь же, зная о репутации Моргана как безрассудного смельчака, он забеспокоился о возможных последствиях для них такого руководства. Вынужденный либо

лишиться возможности защищать их, либо сам возглавить их, он выбрал второй вариант и предложил им вступить в легион Конфедерации, который он собирался организовать. Его цель, как он сам заявил, состояла в том, чтобы по возможности уберечь их от опасности, используя в качестве разведчиков и охранников на территории гор, вдали от путей следования крупных армий. Ничего из этой « » не было сказано индейцам, которые, возможно, не были бы удовлетворены таким расположением дел. Морган вернулся один, и чероки вступили в ряды под командованием своего белого вождя.[432]

«Легион Томаса», набранный в 1862 году Уильямом Х. Томасом для службы в Конфедерации и находившийся под его командованием в звании полковника, первоначально состоял из одного пехотного полка из десяти рот (69-й пехотный полк Северной Каролины), одного пехотного батальона из шести рот, одного кавалерийского батальона из восьми рот (Первый кавалерийский батальон Северной Каролины), одной полевой батареи (легкая батарея) из 103 офицеров и солдат и одной роты инженеров; всего около 2800 человек. Пехотный батальон был набран к концу войны до полного полка из десяти рот. Роты А и В 69-го полка и две другие роты пехотного полка, набранные позднее, состояли почти полностью из индейцев восточных чероки, а большинство офицеров были белыми. Таким образом, общее число чероки, вступивших в армию, составило почти четыреста человек, или примерно всех трудоспособных мужчин племени.[433]

В соответствии с планом Томаса индейцы использовались в основном в качестве разведчиков и охранников в горном регионе вдоль границы Теннесси и Каролины, где, по свидетельству полковника Стрингфилда, «они проделали хорошую работу и оказали большую услугу Югу». Самое важное сражение, в котором они участвовали, произошло в Баптист-Гэп, Теннесси, 15 сентября 1862 года, где лейтенант Астугатага, «великолепный образец индейского мужества», был убит в атаке. Индейцы были в ярости от его смерти и, прежде чем их удалось удержать, они сняли скальпы с одного или двух убитых федералов. За это действие их вышестоящие офицеры впоследствии принесли извинения. Война, по сути, пробудила в них все скрытые индейские черты характера. Перед отправкой на фронт каждый мужчина обращался к оракульному камню, чтобы узнать, может ли он надеяться на безопасное возвращение. Отправление отмечалось грандиозным старинным военным танцем в городском доме в Соко, и этот же танец повторялся с короткими интервалами впоследствии, индейцы были «раскрашены и украшены перьями в старом добром стиле», а сам Томас часто помогал в качестве церемониймейстера. Не забывали и об игре в мяч, и однажды отряд чероки, оставленный охранять мост, настолько увлекся игрой, что едва не попал в плен из-за внезапного набега федералов. Благодаря заботе Томаса об их благополучии, они понесли лишь незначительные потери в реальных сражениях, хотя многие умерли от лишений и болезней. Когда конфедераты эвакуировали восточную часть Теннесси зимой 1863–64 годов, часть белых войск легиона вместе с одной или двумя ротами чероки были переброшены в западную Вирджинию, и благодаря переводу в другие полки несколько чероки присутствовали при окончательной осаде и капитуляции Ричмонда. Основная часть индейцев вместе с остатками легиона Томаса перешла в Северную Каролину и до конца войны защищала западную границу, а в мае 1865 года сдалась в Уэйнсвилле, Северная Каролина, при этом всем военнослужащим было позволено оставить свое оружие. Их офицеры утверждают, что они были последними из сил Конфедерации, кто сдался. Около пятидесяти ветеранов из племени чероки все еще живы, и почти половина из них под руководством полковника Стрингфилда приняла участие в съезде Конфедерации в Луисвилле, штат Кентукки, в 1900 году, где они привлекли к себе большое внимание.[434]

В 1863 году, постановлением от 12 февраля, Палата представителей Конфедерации запросила информацию о численности и положении восточных чероки, а также об их отношениях с федеральным правительством в начале войны, с целью продолжения этих отношений под эгидой Конфедерации. В ответ на этот запрос комиссар Конфедерации по делам индейцев С. С. Скотт

представил отчет, основанный на информации, предоставленной полковником Томасом и капитаном Джеймсом У. Терреллом, их бывшим казначеем, из которого следовало, что проценты по «фонду переселения и проживания», учрежденному в 1848 году, выплачивались ежегодно вплоть до 1859 года включительно в размере 3,20 доллара на душу населения, или в общей сложности, без учета комиссионных агента по выплатам, 4838,40 долларов в год, исходя из первоначальной переписи Маллей, которая насчитывала 1517 человек.

По получении этого отчета Конгресс Конфедерации постановил выплатить восточным чероки сумму в размере 19 352,36 долларов для покрытия процентов за четырехлетний период с 23 мая 1860 года по 23 мая 1864 года. В связи с этим комиссар Конфедерации предложил произвести выплату в виде продовольствия, в котором индейцы тогда очень нуждались и которое, если бы выплата была произведена наличными, они не смогли бы приобрести из-за общей нехватки. Он добавляет, что, по его информации, почти все чероки, способные носить оружие, тогда служили в армии Конфедерации. Список, предоставленный капитаном Терреллом, является оригинальным списком Маллей, исправленным в мае 1860 года, без ссылки на более позднюю перепись Маллей (2133), о которой уже упоминалось. Нет никаких записей, подтверждающих, что утвержденная таким образом выплата была произведена, и, поскольку правительство Конфедерации в то время находилось в тяжелом положении, вероятно, что в этом вопросе больше ничего не было сделано.

Представляя отчет о предыдущих выплатах, полковник Томас, их бывший агент, добавляет:

Поскольку чероки Северной Каролины, как и их братья на западе, взяли в руки оружие против правительства Линкольна, маловероятно, что это правительство будет и дальше выплачивать проценты какой-либо части племени чероки. Я также прилагаю копию закона от 29 июля 1848 года в той части, которая касается чероки Северной Каролины, а также напечатанное объяснение их прав, подготовленное мной в 1851 году и представленное генеральному прокурору, и его мнение по этому поводу, которое может быть не совсем бесполезным для тех, кто интересуется историей индейского племени чероки, чья судьба так тесно связана с судьбой Южной Конфедерации.[435]

Примерно через год после зачисления в армию в ходе стычки недалеко от Брайсон-Сити (тогда Чарльстон), округ Свейн, Северная Каролина, небольшая группа чероки — возможно, около дюжины человек — была захвачена отрядом войск Союза и отправлена в Ноксвилл, где, разочаровавшись в службе в Конфедерации, они были легко убеждены перейти на сторону Союза. Под влиянием их лидера, Диганески, несколько других были склонены дезертировать в армию Союза, в результате чего их число достигло около тридцати. В составе Третьей конной добровольческой пехоты Северной Каролины они служили в войсках Союза в том же регионе до конца войны, после чего вернулись в свои дома и обнаружили, что их соплеменники настолько разгневаны на них, что в течение некоторого времени их жизни были в опасности. Восемь из них были еще живы в 1900 году.[436]

Один из этих чероки Союза привез с собой оспу из зараженного лагеря недалеко от Ноксвилла. Вскоре после возвращения он заболел и вскоре умер. Поскольку характерные пустулы не появились, а болезнь, по-видимому, протекала внутри, сначала не подозревали о природе его болезни — оспа была неизвестной болезнью среди чероки почти столетие — и на его похороны пришло много людей. Через неделю ряд присутствовавших заболели, и полковник Томас распознал болезнь как оспу во всей ее вирулентности. Она распространилась по всему племени в начале весны 1866 года, и, несмотря на все усилия Томаса, который привез врача из Теннесси, чтобы тот ухаживал за ними, более ста человек из небольшой общины умерли в результате. Смертельный исход был в значительной степени обусловлен невежеством индейцев, которые, обнаружив бесполезность своих собственных средств лечения, прибегли к героическому

аборигенному методу лечения — погружению в реку и обливанию холодной водой, что почти во всех случаях приводило к смерти. Так война принесла восточным чероки смерть, страдания и гражданскую вражду.[437]

Вскоре после этого события полковник Томас был вынужден из-за физических и психических недугов отказаться от дальнейшего активного участия в делах восточных чероки, после более чем полувекового тесного общения с ними, в течение большей части которого он был их самым надежным другом и советником. Их дела сразу же стали жертвой хаоса и междоусобных распрей, которые продолжались до тех пор, пока Соединенные Штаты не вмешались в качестве арбитра.

В 1868 году Конгресс распорядился провести еще одну перепись восточных чероки, которая должна была служить ориентиром для будущих выплат, причем в список должны были быть включены только те лица, чьи имена фигурировали в списке Маллей 1848 года, а также их законные наследники и представители. Работа была завершена в следующем году С. Х. Свитлендом, и на этом основании им была произведена выплата процентов, причитающихся по прежнему закону.[438] «В соответствии с их искренне выраженным желанием перейти под непосредственную опеку правительства», Конгресс, распорядившийся о проведении этой последней переписи, поручил комиссару по делам индейцев взять на себя такую же ответственность за восточных чероки, как и за другие племена, но поскольку для этой цели не было выделено дополнительных средств, вопрос был отложен.[439] Нератифицированный договор, заключенный в этом году с западной частью племени чероки, содержал положение о том, что любой чероки к востоку от Миссисипи, который переселится в западную часть племени в течение трех лет, будет иметь право на полное гражданство и привилегии, но после этой даты может быть принят только по решению национального совета чероки.[440]

После ухода Томаса, в отсутствие какого-либо активного правительственного надзора, возникла необходимость в какой-то центральной власти. 9 декабря 1868 года общий совет восточных чероки собрался в Чеове, в округе Грэм, Северная Каролина, и предпринял первые шаги по принятию регулярной формы племенного правительства в соответствии с конституцией. Н. Дж. Смит, впоследствии главный вождь, был секретарем совета. Новое правительство было официально учреждено 1 декабря 1870 года. Оно предусматривало наличие первого и второго вождя, срок полномочий которых составлял два года, младших должностных лиц, срок полномочий которых составлял один год, и ежегодного совета, представляющего каждое поселение чероки в штате Северная Каролина. Калаху, «Все кости», широко известный белым как Летучая белка или Савук (Савунуги), был избран вождем. Пять лет спустя была принята новая конституция, согласно которой срок полномочий вождя был установлен на четыре года.[441]

Статус земель, принадлежащих индейцам, теперь стал предметом серьезной озабоченности. Как уже упоминалось, документы были оформлены Томасом на свое имя, поскольку законы штата в то время запрещали индейцам владеть недвижимостью. В результате потерь, понесенных Томасом во время войны, и его последующей инвалидности, имущество Томаса, частью которого технически были земли чероки, оказалось задействовано, так что все имение перешло в руки кредиторов, наиболее важным из которых был Уильям Джонстон, получивший в 1869 году от шерифа документы на все эти индейские земли на основании трех различных судебных решений против Томаса на общую сумму 33 887,11 долларов. Чтобы урегулировать этот вопрос и обеспечить индейцам право собственности и владения, в 1870 году Конгресс разрешил подать от их имени иск о восстановлении их интересов. Этот иск был подан в мае 1873 года в окружной суд США по западной части Северной Каролины. Год спустя спорные вопросы были по соглашению переданы на рассмотрение арбитражной комиссии, решение которой было подтверждено судом в ноябре 1874 года.

В решении указано, что Томас приобрел на средства индейцев участок площадью около 50 000 акров на реке Оконалуфти и ручье Соко, известный как граница Квалла, а также ряд отдельных участков за пределами этой границы; что индейцы по-прежнему были должны Томасу за покупку земель границы Квалла сумму в размере 18 250 долларов, из которой следует вычесть 6500 долларов, уплаченных ими Джонстону за освобождение прав собственности, с процентами на дату вынесения решения, что составляет в общей сложности 8486 долларов, а также дополнительную сумму в размере 2478 долларов, которая была доверена Терреллу, , делопроизводителю и помощнику Томаса, и переданной им Томасу, как кредитору индейцев, по доверенности, эта последняя сумма с процентами на дату вынесения решения, составляющая в общей сложности 2697,89 долларов; таким образом, остаток задолженности индейцев перед Томасом или его законным кредитором Джонстоном составляет 7066,11 долларов. В решении заявлено, что в связи с сомнительным образом, в котором Джонстон приобрел спорные земли ( ), ему должно быть разрешено удерживать их только в качестве обеспечения задолженности до момента ее погашения, и что после уплаты указанной задолженности в размере 7066,11 долларов с процентами в размере 6 процентов с даты вынесения решения, индейцы должны получить от него правовой титул на все земли, расположенные в пределах границ Кваллы.[442]

Чтобы индейцы могли снять это обременение с своих земель и для других целей, в 1875 году Конгресс распорядился, чтобы оставшаяся часть «фонда переселения и прожиточного минимума», выделенного в их пользу в 1848 году, была использована «для усовершенствования прав собственности на земли, присужденные им, а также для оплаты расходов, издержек и обязательств, связанных с их недавними судебными разбирательствами, а также для выкупа и аннулирования прав белых лиц на земли в пределах общих границ, выделенных им судом, и для образования, улучшения и цивилизации их народа». В соответствии с этим полномочием, неоплаченный остаток и проценты, причитающиеся Джонстону, в размере 7242,76 долларов, были выплачены ему в том же году, и вскоре после этого от имени индейцев было приобретено еще около пятнадцати тысяч акров, а комиссар по делам индейцев был назначен попечителем индейцев. Для лучшей защиты индейцев земли были объявлены неотчуждаемыми, за исключением случаев, когда на это давал согласие совет и одобрял президент Соединенных Штатов. Документы о передаче права собственности на границы Кваллы ( ) и покупке 15 000 акров были подписаны соответственно 9 октября 1876 года и 14 августа 1880 года.[443] Поскольку границы различных покупок были определены лишь приблизительно, было разрешено провести новую съемку всей границы Кваллы и прилегающих участков. Эта работа была поручена М. С. Темплу, заместителю геодезиста США, который завершил ее в 1876 году, а его карты резервации были приняты в качестве официального стандарта.[444]

После корректировки прав собственности и границ, Управление по делам индейцев взяло на себя регулярный надзор за делами восточных чероки, и в июне 1875 года был отправлен первый агент после ухода Томаса в отставку в лице У. К. Маккарти. Согласно его отчету, он обнаружил, что индейцы были нищими и унылыми, почти без скота и сельскохозяйственных орудий. Школ не было, и очень немногие чистокровные индейцы могли говорить по-английски, хотя, к их чести, почти все могли читать и писать на своем языке, поскольку родители учили детей. Под его руководством было проведено распределение скота, семян пшеницы и сельскохозяйственных орудий, а также открыто несколько школ. Однако в следующем году агентство было закрыто, а вопросы образования племени были переданы государственному инспектору школ.[445]

Тем временем преемником Калаху в качестве вождя стал Ллойд Р. Уэлч (Дасигияги), образованный человек смешанного происхождения из племени чеова, который прослужил около пяти лет и умер вскоре после переизбрания на второй срок (48). Он добился хороших результатов в своей работе по примирению различных фракций, возникших после ухода Томаса, и в борьбе с интригами мошеннических белых претендентов и злоумышленников. Незадолго до его смерти

правительство через специального агента Джона А. Сиббалда признало его авторитет в качестве главного вождя, а также конституцию, которая была принята племенем под его эгидой в 1875 году. Н. Дж. Смит (Tsa′lădihĭ′), который ранее занимал должность секретаря совета, был избран на оставшийся срок и продолжал служить до осени 1890 года.[446]

Мы не находим никаких дальнейших официальных упоминаний о восточных чероки до 1881 года, когда комиссар Прайс сообщил, что они по-прежнему не имеют агента или суперинтенданта и что, по мнению Управления по делам индейцев, их дела находятся в аномальном и неудовлетворительном состоянии, а междоусобные распри усугубляют трудности и замедляют прогресс племени. Весной того же года делегация из западной части племени чероки обратилась к ним с настоятельным призывом переселиться на индейскую территорию, и Управление по делам индейцев поддержало этот проект, в результате чего 161 человек из племени переселился в течение года на индейскую территорию, расходы были взяты на себя правительством. Другие были представлены как желающие переселиться, и комиссар рекомендовал выделить средства на эти цели, но поскольку Конгресс не принял никаких мер, вопрос был снят с повестки дня.[447]

Запущенное состояние восточных чероки было доведено до сведения старых друзей индейцев, квакеров, благодаря обращению от их имени членов этого общества, проживающих в Северной Каролине, и Западное ежегодное собрание в Индиане вызвалось взять на себя работу по цивилизации и образованию. 31 мая 1881 года представители Друзей заключили с индейцами договор, подлежащий утверждению правительством, о создании и продолжении в течение десяти лет промышленной школы и других общеобразовательных школ, которые будут частично финансироваться за счет ежегодных процентов от трастового фонда, принадлежащего правительству в пользу восточных чероки, и частично за счет средств, предоставленных самими Друзьями. Благодаря усилиям Барнабаса К. Хоббса из Западного ежегодного собрания, позднее в том же году был заключен ежегодный договор аналогичного содержания с комиссаром по делам индейцев ( ), который был продлен последующими комиссарами на период в десять лет, заканчивающийся 30 июня 1892 года, когда система договоров была прекращена и правительство взяло на себя прямой контроль. В рамках совместного соглашения, с некоторой помощью в начале от собрания Северной Каролины, работа была начата в 1881 году Томасом Брауном с несколькими учителями, направленными друзьями из Индианы, которые основали небольшую учебную школу в штаб-квартире агентства в Чероки и несколько дневных школ в отдаленных поселениях. Через три года его сменил Х. В. Спрей, опытный педагог, который с помощью группы эффективных помощников и значительно расширенных возможностей продолжал делать хорошую работу по улучшению положения индейцев до прекращения действия контрактной системы восемь лет спустя.[448] После перерыва, во время которого школы страдали от частых изменений, он был вновь назначен правительственным агентом и суперинтендантом в 1898 году, должность, которую он занимает и по сей день, в 1901 году. Восточные чероки во многом обязаны ему за то, что они сегодня имеют в плане цивилизации и просвещения.

От некоторых путешественников, посетивших резервацию примерно в это время, мы получили приятный отчет о поездке по Соко и дне, проведенном с вождем Смитом в Йеллоу-Хилл. Они описывают индейцев как народ, настолько похожий на белых в своем образе жизни, что посторонний человек редко мог отличить хижину индейца или небольшую ферму в бухте от дома белого человека. Их основной культурой была кукуруза, которую они сами мололи, а также у них было много яблок, персиков и слив, а также несколько небольших стад пони и крупного рогатого скота. Их потребности были настолько невелики, что они почти не использовали деньги. Их примитивная одежда давно вышла из употребления, и они одевались как белые, за исключением того, что вместо обуви носили мокасины, а одежду изготавливали сами с помощью прялок и ткацких станков. Они также изготавливали изящно вырезанные трубки и хорошо сделанные корзины, а благотворное влияние недавно открытых школ уже было очевидно в детях.[449]

В 1882 году агентство было восстановлено, и были приняты меры для проведения новой переписи всех чероки к востоку от Миссисипи, а Джозеф Г. Хестер был назначен ответственным за эту работу.[450] Перепись была представлена в полном виде в июне 1884 года и содержала имена 1881 человека в Северной Каролине, 758 в Джорджии, 213 в Теннесси, 71 в Алабаме и 33 разбросанных по другим местам, всего 2956 человек.[451] Хотя эта перепись была одобрена и заверена советом восточных чероки, значительная часть племени по-прежнему отказывается признавать ее авторитетной, утверждая, что большое количество лиц, включенных в нее, не имеют черокийской крови.

Восточные чероки никогда не переставали бороться за участие в правах и привилегиях, предоставленных западной нации в соответствии с договорами с правительством. В 1882 году был назначен специальный агент для расследования их претензий, и в следующем году, по поручению Конгресса, восточное племя чероки подало иск в Суд по претензиям против Соединенных Штатов и западного племени чероки, чтобы определить свои права на постоянный пенсионный фонд и другие трастовые фонды, принадлежащие Соединенным Штатам для индейцев чероки.[452] Дело было решено не в пользу восточной группы, сначала судом по претензиям в 1885 году,[453] и, наконец, по апелляции, Верховным судом 1 марта 1886 года, который в своем решении постановил, что чероки в Северной Каролине разорвали свои связи с нацией чероки и перестали быть ее частью, когда отказались сопровождать основную группу при переселении, и что если индейцы в Северной Каролине или в любом штате к востоку от Миссисипи желают пользоваться преимуществами общей собственности народа чероки в любой форме, они должны быть вновь приняты в гражданство народа чероки и соблюдать его конституцию и законы. В соответствии с этим решением агент на территории индейцев получил указание больше не выдавать разрешения на проживание лицам, претендующим на гражданство чероки, и было официально объявлено, что все лица, вступающие в эту страну без согласия властей чероки, будут рассматриваться как нарушители.[454] Это решение, лишившее восточных чероки всякой надежды на получение каких-либо преимуществ по договору, которыми пользовались их западные соплеменники, стало для них всех большим разочарованием, особенно для вождя Смита, который с самого начала разбирательства неустанно работал в их интересах. Учитывая результат, комиссар Аткинс настоятельно рекомендовал, в качестве наилучшего способа поселения их в постоянных домах, защищенных от вторжения белых и от беспокойства по поводу их неопределенного права владения и правового статуса в Северной Каролине, начать переговоры через правительственные каналы о восстановлении их гражданства в нации чероки, а в случае успеха — о продаже их земель в Северной Каролине и переселении в индейскую территорию.[455]

Чтобы получить более четкий правовой статус, чероки, проживающие в Северной Каролине — а это практически все представители восточной группы, имеющие подлинные индейские интересы — в 1889 году стали юридическим лицом в соответствии с законами штата. Закон, ратифицированный 11 марта, в своей первой статье гласит «Что индейцы Северной Каролины или восточные чероки, проживающие или имеющие место жительства в округах Джексон, Свейн, Грэм и Чероки, настоящим создаются и учреждаются в качестве политического и юридического лица под названием, стилем и титулом Восточная группа индейцев чероки, со всеми правами, франшизами, привилегиями и полномочиями, присущими и принадлежащими юридическим лицам в соответствии с законами штата Северная Каролина.[456]

2 августа 1893 года бывший вождь Смит скончался в Чероки на 57-м году жизни, более 20 из которых он посвятил служению своему народу. Нимрод Джарретт Смит, известный чероки как Tsa'lădihĭ', был сыном отца-метиса и индейской матери и родился 3 января 1837 года недалеко от нынешнего Мерфи, округ Чероки, Северная Каролина. Его самые ранние воспоминания были связаны с бедствиями, которые сопровождали бегство беженцев в горы в период переселения. Его мать почти не говорила по-английски, но его отец был человеком довольно умным, он работал

переводчиком и переводчиком для преподобного Эвана Джонса в старой миссии Вэллитаун. По мере взросления мальчик получил хорошее образование, что в сочетании с его внушительной внешностью сделало его влиятельной личностью среди своих сверстников. В двадцать пять лет он вступил в легион Томаса в звании старшего сержанта роты B 69-го пехотного полка Северной Каролины (Конфедерации) и служил в этой должности до конца войны. Он был секретарем совета, который разработал первую конституцию Восточного Чероки в 1868 году, а после смерти главного вождя Ллойда Уэлча в 1880 году был избран на оставшийся срок, продолжая занимать эту должность благодаря последующим переизбраниям до конца 1891 года, то есть в течение примерно двенадцати лет, что является самым длительным сроком, который когда-либо занимал действующий вождь. Как главный вождь он подписал договор, в соответствии с которым в 1881 году была начата работа школы. В течение нескольких последующих лет его обязанности, особенно связанные с иском против западных чероки, требовали его постоянного присутствия в Вашингтоне, в то время как дома он почти все время был занят удовлетворением потребностей зависимых от него людей. Хотя согласно конституции племени он имел право на зарплату в размере пятисот долларов в год, ни одна часть этой зарплаты никогда не выплачивалась из-за ограниченных ресурсов его народа, и только незадолго до его смерти ему была выплачена частичная компенсация за расходы, понесенные в связи с официальными визитами в Вашингтон. Имея частые возможности обогатиться за счет своего народа, он сохранил свою честь и умер бедным человеком.

Лично вождь Смит был великолепным образцом физической мужественности: ростом шесть футов четыре дюйма, пропорциональным телосложением, прямой осанкой, с струящимися черными волосами, спадающими на плечи, глубоким музыкальным голосом, добрым нравом и естественным достоинством, которые неизменно производили впечатление на посторонних. Его вдова — белая женщина — и несколько детей пережили его.[457]

ФОТОГРАФИЯ, 1886

ВОЖДЬ Н. Дж. СМИТ (TSALĂDIHĬ′)

В 1894 году длительный судебный спор между восточными чероки и рядом кредиторов и претендентов на индейские земли в пределах и вблизи границы Квалла был окончательно урегулирован компромиссом, по которому несколько белых арендаторов и претендентов в пределах границы согласились подписать отказ от прав и освободить земли после выплаты им индейцами суммы в размере 24 552 долларов, в то время как за другой спорный прилегающий участок площадью 33 000 акров Соединенные Штаты согласились заплатить индейцам по цене 1,25 доллара за акр. После получения необходимого одобрения правительства Конгресс выделил достаточную сумму для выполнения соглашения, тем самым окончательно оформив безупречное и

необремененное право собственности на все земли, на которые претендовали индейцы, за исключением нескольких отдаленных участков, не имеющих особого значения.[458]

В 1895 году число чероки, проживавших в Северной Каролине на резервации и в отдаленных поселениях, официально составляло 1479 человек.[459] Год спустя по племени распространилась эпидемия гриппа, в результате чего перепись 1897 года показала, что их число сократилось до 1312 человек.[460] Среди умерших в это время были Биг-Уитч (Tskĭl-e′gwa), старейший мужчина племени, который хорошо помнил войну с криками, и Вадийяхи, последняя старуха, сохранившая искусство изготовления корзин с двойными стенками. В следующем году население восстановилось до 1351 человека. Описание образа жизни, который в то время был обычным для большинства индейцев, почти так же хорошо подходит и к сегодняшнему дню:

Несмотря на свою трудолюбивость, эти люди не являются прогрессивными фермерами и ничего не знают о современных методах. Одни и те же культуры выращиваются непрерывно до тех пор, пока почва не перестает давать урожай или не смывается, после чего расчищается или вспахивается новая земля. Ценность севооборота и удобрения еще не открыта и не преподается...

То, что эти люди могут вообще жить за счет продуктов своих небольших ферм, объясняется крайней простотой их питания, одежды и образа жизни. Типичный дом построен из бревен, имеет размеры примерно 14 на 16 футов, состоит из одной комнаты, высота которой едва позволяет жильцам стоять прямо, и, возможно, небольшого чердака для хранения лишних вещей. Крыша сделана из расколотых гонтов или дранки. Окон нет, необходимый свет поступает через открытую дверь. В одном конце дома находится камин с внешней трубой из камней или палок, заделанной глиной. Мебель простая и дешевая. Железный котел, чайник, кофейник и кофемолка, небольшой столик, несколько чашек, ножей и ложек — это все, что нужно. Все это, а также одна или две самодельные кровати, несколько подушек и одеял, перьевые матрасы для зимнего укрытия, а также для обычного использования, составляют основное имущество дома. Для работы на открытом воздухе используются топор, мотыга и лопата-плуг. Может быть телега или повозка, но это не обязательно. Оборудование недорогое и подходит для любых целей. Обычная еда — хлеб из фасоли с кофе. Осенью также едят хлеб из каштанов. Говядину едят редко, но свинина очень ценится, и летом разводят значительное количество свиней, которые бегают на воле и не требуют ухода.[461]

По последним официальным данным, в 1900 году восточные чероки, проживающие в Северной Каролине под непосредственным управлением агента и включенные в закон о регистрации № 1376, насчитывали , из которых около 1100 проживают в резервации, а остальные — дальше на запад, на реках Нантахала, Чеова и Хивасси. Это не включает смешанных кровей в соседних штатах и несколько сотен непризнанных заявителей. Перечисленные владеют примерно 100 000 акров земли, из которых 83 000 входят в резервацию Куалла и прилегающий участок в округах Джексон и Свейн. Они не получают продовольственных пайков или ежегодных выплат и полностью обеспечивают себя самостоятельно, а годовые проценты по их трастовому фонду, созданному в 1848 году, который сократился примерно до 23 000 долларов, идут на уплату налогов с их незанятых общинных земель. Время от времени они сдают в аренду права на заготовку древесины, добычу золота и выпас скота, но без особой выгоды для себя. За счет специальных ассигнований правительство поддерживает промышленную школу в Чероки, штаб-квартире агентства, в которой в настоящее время 170 учеников получают питание, одежду и образование в области практических навыков жизни. Эта школа, которая по своему функционированию является образцом в своем роде, во многом обязана своей полезностью и высоким авторитетом эффективному управлению профессора Х. В. Спрея (Wĭlsĭnĭ′), уже упомянутого выше, который совмещает обязанности суперинтенданта и агента племени. Его главный клерк, г-н Джеймс Блайт (Diskwa′‘nĭ, «Каштановый хлеб»), чероки по крови, в свое время занимал должность агента, будучи, пожалуй, единственным индейцем, когда-либо занимавшим такую должность.

Точный правовой статус восточных чероки по-прежнему остается предметом споров, поскольку они одновременно являются подопечными правительства, гражданами Соединенных Штатов и (в Северной Каролине) юридическим лицом в соответствии с законами штата. Они платят налоги на недвижимость и дорожное обслуживание, пользуются правом голоса,[462] и подчиняются местным судам, но не платят подушную подать и не получают никакой помощи от округов для бедных; они

также не могут заключать свободные договоры или отчуждать свои земли (49). В соответствии с их племенной конституцией они управляются вождем и его помощником, избираемыми на четырехлетний срок, с исполнительным советом, назначаемым вождем, и шестнадцатью советниками, избираемыми различными поселениями на двухлетний срок. Ежегодный совет проводится в октябре в Чероки, на территории резервации, заседания проходят на языке чероки и записываются их секретарем на алфавите чероки, а также на английском языке. Нынешний вождь — Джесси Рид (Tsĕ′si-Ska′tsĭ, «Шотландский Джесси»), умный человек смешанного происхождения, который занимает эту должность с достоинством и умением. Как народ, они миролюбивы и законопослушны, добры и гостеприимны, обеспечивая свои простые потребности собственным трудом, не прося и не ожидая помощи извне. Их поля, сады и рыболовные ловушки, а также несколько домашних животных и случайная охота обеспечивают их продовольствием, а за счет продажи женьшеня и других лекарственных растений, собранных в горах, а также фруктов и меда собственного производства, они приобретают у торговцев необходимые им дополнительные продукты. Большинство из них живут в достатке, намного превосходящем условия жизни большинства индейских племен и лишь немного уступая условиям жизни их белых соседей. В литературных способностях они, можно даже сказать, превосходят их, так как в дополнение к результатам почти двадцатилетней школьной работы среди молодежи, почти все мужчины и некоторые женщины умеют читать и писать на своем языке. Все носят цивилизованную одежду, хотя иногда можно увидеть пару мокасин, а женщины находят способ удовлетворить свою расовую любовь к цвету, нося красные банданы вместо чепцов. Пожилые люди по-прежнему придерживаются своих древних обрядов и священных традиций, но танцы и игры с мячом угасают, и индейская эпоха подходит к концу.

1

См. примечания к историческому очерку. ↑

2

Бартон, Бенджамин С., Новые взгляды на происхождение племен и народов Америки, стр. xlv, passim; Филадельфия, 1797; Галлатин, Альберт, Краткое изложение индейских племен, Trans. American Antiquarian Society, II, стр. 91; Кембридж, 1836; Хьюитт, Дж. Н. Б., «Чероки — язык ирокезов», Вашингтон, 1887 (рукопись в архивах Бюро американской этнологии). ↑

3

Хекевельдер, Джон, «Индейские народы Пенсильвании», стр. 47–49, изд. 1876. ↑

4

Бринтон, Д. Г., «Валам Олум», стр. 231; Филадельфия, 1885. ↑

5

Скулкрафт, Х. Р., «Заметки об ирокезах», стр. 162; Олбани, 1847. ↑

6

Хекевельдер, «Индейские народы», стр. 47, изд. 1876. ↑

7

Хейвуд, Джон, «Естественная и аборигенная история Теннесси», стр. 225–226; Нэшвилл, 1823. ↑

8

Джефферсон, Томас, «Заметки о Вирджинии», стр. 136–137; изд. Бостон, 1802. ↑

9

Скулкрафт, Заметки об ирокезах, стр. 163, 1847. ↑

10

Хейвуд, «Естественная и аборигенная история Теннесси», стр. 233, 236, 269, 1823. ↑

11

Хейвуд, «Естественная и аборигенная история Теннесси», стр. 226, 234, 1823. ↑

12

Бартрам, У., «Путешествия», стр. 365; переиздание, Лондон, 1792. ↑

13

Хейвуд, указ. соч., стр. 234–237. ↑

14

Бартон, Новые взгляды, стр. xliv, 1797. ↑

15

Хейвуд, «Натуральная и аборигенная история Теннесси», стр. 166, 234–235, 287–289, 1823. ↑

16

См. рассказ «Великий пиявка из Тлануси», стр. 328. ↑

17

Гарсиласо де ла Вега, «Флорида инков», стр. 129, 133–134; Мадрид, 1723. ↑

18

Джентльмен из Эльваса, Публикации Общества Хаклюита, IX, стр. 52, 58, 64; Лондон, 1851. ↑

19

Там же, стр. 60. ↑

20

Гарсиласо, «Флорида инки», стр. 136, изд. 1723 г. ↑

21

Ранхель, в Овьедо, «Historia General y Natural de las Indias», i, стр. 562; Мадрид, 1851. ↑

22

Гарсиласо, «Флорида инки», стр. 137, 1723. ↑

23

См. примечание 8, маршрут Де Сото. ↑

24

Ранхель, указ. соч., I, с. 562. ↑

25

Эльвас, Общество Хаклюита, IX, стр. 61, 1851. ↑

26

Гарсиласо, указ. соч., с. 139. ↑

27

Ранхель, в Овьедо, История, I, стр. 563, 1861. ↑

28

Эльвас, Бьедма и Ранхель все особо упоминают собак, подаренных им в этом месте; по-видимому, это были собаки той же мелкой породы («perrillos»), которых, по словам Ранхеля, индейцы использовали в пищу. ↑

29

Гарсиласо, La Florida del Inca, стр. 139, 1723. ↑

30

См. примечание 8, маршрут Де Сото. ↑

31

См. Эльвас, Hakluyt Society, IX, стр. 61, 1851; и Ранджел, указ. соч., стр. 563. ↑

32

См. примечание 8, Маршрут Де Сото. ↑

33

Эльвас, op. cit., стр. 64. ↑

34

Эльвас, Hakluyt Society, IX, стр. 66, 1851. ↑

35

Гарсиласо, «Флорида инков», стр. 141, изд. 1723. ↑

36

Ши, Дж. Г., в Уинсор, Джастин, «Нарративная и критическая история Америки», II, стр. 260, 278; Бостон, 1886. ↑

37

Рассказ о экспедиции Пардо, написанный Мартинесом, около 1568 г., рукописи Брукса. ↑

38

Повествование Вандеры, 1569, на французском языке, Б. Ф., Hist. Colls. of La., новая серия, стр. 289–292; Нью-Йорк, 1875. ↑

39

Ши, Дж. Г., Католические миссии, стр. 72; Нью-Йорк, 1855. ↑

40

См. рукописи Брукса в архивах Бюро американской этнологии. ↑

41

Бурк, Джон, «История Вирджинии», II, стр. 104–107; Петербург, 1805. ↑

42

Рэмси, Дж. Г. М., «Летопись Теннесси», стр. 37; Чарльстон, 1853 (цитируя Мартина, Северная Каролина, I, стр. 115, 1853). ↑

43

Ледерер, Джон, «Открытия», стр. 15, 26, 27, 29, 33 и карта; переиздание, Чарльстон, 1891; Муни, «Племена сиу на востоке» (Бюллетень Бюро этнологии), стр. 53–54, 1894. ↑

44

Муни, указ. соч., стр. 34–35. ↑

45

Документ 1699 г., цитируется в South Carolina Hist. Soc. Colls., I, стр. 209; Чарльстон, 1857. ↑

46

Хейвуд, «Национальная и аборигенная история Теннесси», стр. 233, 1823. ↑

47

Отмечено в Cherokee Advocate, Талеква, Индейская территория, 30 января 1845 г. ↑

48

Документ 1691 г., South Carolina Hist. Soc. Colls., I, стр. 126. ↑

49

Хьюат, Южная Каролина и Джорджия, I, стр. 127, 1778. ↑

50

Документы 1705 года, в Колониальных архивах Северной Каролины, II, стр. 904; Роли, 1886. ↑

51

Хейвуд, Нат. и Абориг. Тенн., стр. 237, 1823; исходя из общепринятого представления о том, что индейцы доживают до глубокой старости, Хейвуд указывает, что она умерла в возрасте 110 лет, что отодвигает время появления огнестрельного оружия на 1677 год. ↑

52

Письмо 1708 года, в Rivers, South Carolina, стр. 238, 1856. ↑

53

Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 140, 1888; Хьюат, указ. соч., стр. 216 и далее. ↑

54

Хьюат, Южная Каролина и Джорджия, I, стр. 216 и далее, 1778. ↑

55

См. Журнал полковника Джорджа Чикена, 1715–16, с примечаниями, в Charleston Yearbook, стр. 313–354, 1894. ↑

56

Журнал Ассамблеи Южной Каролины, в Колониальных записях Северной Каролины, II, стр. 225–227, 1886. ↑

57

Для ознакомления см. глоссарий. ↑

58

Хьюат, Южная Каролина и Джорджия, I, стр. 297–298, 1778; Ройс, Нация чероки, в Пятом годовом отчете Бюро этнологии, стр. 144 и карта, 1888. ↑

59

Ройс, указ. соч., стр. 142. ↑

60

Документ 1724 г., в Фернов, Бертольд, Долина Огайо в колониальные времена, стр. 273–275; Олбани, 1890. ↑

61

Отчет Торговой палаты, 1721 г., в North Carolina Colonial Records, II, с. 422, 1886. ↑

62

Адаир, Джеймс, «Американские индейцы», стр. 227; Лондон, 1775. ↑

63

Отчет Торговой палаты, 1721 г., Колониальные архивы Северной Каролины, II, стр. 422, 1886 г. ↑

64

Пикетт, Х. А., История Алабамы, стр. 234, 280, 288; переиздание, Шеффилд, 1896. ↑

65

Для ознакомления см. глоссарий. ↑

66

Хьюат, Южная Каролина и Джорджия, II, стр. 3–11, 1779; документы договора 1730 года, Колониальные архивы Северной Каролины, III, стр. 128–133, 1886; Дженкинсон, Сборник договоров, II, стр. 315–318; Дрейк, С. Г., «Ранняя история Джорджии:

посольство Куминга»; Бостон, 1872; письмо губернатора Джонсона от 27 декабря 1730, упомянутое в South Carolina Hist. Soc. Colls., I, стр. 246, 1867. ↑

67

Документы 1731 и 1732 годов, Колониальные архивы Северной Каролины, III, стр. 153, 202, 345, 369, 393, 1886. ↑

68

Адаир, «Американские индейцы», стр. 232–234, 1775. ↑

69

Мидоуз (?), Состояние провинции Джорджия, стр. 7, 1742, в Force Tracts, I, 1836. ↑

70

Джонс, С.С., История Джорджии, I, стр. 327, 328; Бостон, 1883. ↑

71

Адаир, Американские индейцы, стр. 240–243, 1775; Стивенс, У. Б., История Джорджии, I, стр. 104–107; Филадельфия, 1847. ↑

72

Анонимный автор в Кэрролл, Исторические сборники Южной Каролины, II, стр. 97–98, 517, 1836. ↑

73

Бакл, Журнал, 1757, в Риверс, Южная Каролина, стр. 57, 1856. ↑

74

Барсия, А.Г., Ensayo Chronologico para la Historia General de la Florida, стр. 335, 336. Мадрид, 1723. ↑

75

Более подробную информацию об этих межплеменных войнах см. в исторических преданиях. ↑

76

Уокер, Томас, Журнал исследований и т. д., стр. 8, 35–37; Бостон, 1888; Монетт (Долина Миссисипи I, стр. 317; Нью-Йорк, 1848) ошибочно указывает вторую дату 1758 год. ↑

77

Письмо губернатора Доббса, 1755 г., в «Исторических записках колонии Северная Каролина», V, стр. 320, 321, 1887. ↑

78

Рамси, Теннесси, стр. 50–52, 1853; Ройс, Нация чероки, в Пятом годовом отчете Бюро этнологии, стр. 145, 1888. ↑

79

Тимберлейк, Генри, «Мемуары», стр. 73, 74; Лондон, 1765. ↑

80

Рэмси, Теннесси, стр. 51, 1853; Ройс, «Нация чероки», в Пятом годовом отчете Бюро этнологии, стр. 145, 1888. ↑

81

См. примечание Ătă′-gûl′‘kălû′ в глоссарии. ↑

82

Рэмси, указ. соч., стр. 50. ↑

83

Письма майора Эндрю Льюиса и губернатора Динвидди, 1756 г., в North Carolina Colonial Records V, стр. 585, 612–614, 635, 637, 1887; Рамзи, указ. соч., стр. 51, 52. ↑

84

Письмо губернатора Доббса, 1756 г., в «North Carolina Colonial Records», V, стр. 604, 1887 г. ↑

85

Письмо Динуидди, 1757 г., там же, стр. 765. ↑

86

Адаир, «Американские индейцы», 245–246, 1775; «Колониальные архивы Северной Каролины», V, стр. xlviii, 1887; Хьюат, цитируется в Рамси, «Теннесси», стр. 54, 1853. ↑

87

Для примечаний см. глоссарий. ↑

88

Тимберлейк, Мемуары, стр. 65, 1765. ↑

89

Ссылка на катавба из Миллиган, 1763, в Кэрролл, Исторические сборники Южной Каролины, II, стр. 519, 1836. ↑

90

Цифры из Адаира, Американские индейцы, стр. 227, 1775. Если не указано иное, этот обзор войны чероки 1760–61 годов составлен в основном на основе современных сообщений в журнале Gentleman’s Magazine, дополненных историческим описанием Южной Каролины и Джорджии Хьюата, 1778; с дополнительными подробностями из Адаира, Американские индейцы; Рамси, Теннесси; Ройс, Нация чероки; Колониальные записи Северной Каролины, v, документы и введение; и т. д. ↑

91

Тимберлейк, «Мемуары», стр. 9 и далее, 1765. ↑

92

Стивенс, «Джорджия», II, стр. 26–29, 1859. ↑

93

Рэмси, Теннесси, стр. 65–70, 1853. ↑

94

Ройс, Чероки, в Пятом годовом отчете Бюро этнологии, стр. 146–149, 1888. ↑

95

Ройс, «Нация чероки», указ. соч., стр. 149; Рамзи, Теннесси, стр. 71, 1853. ↑

96

Рэмси, указ. соч., стр. 93–122; Ройс, указ. соч. стр. 146–149. ↑

97

Рэмси, указ. соч., стр. 109–122; Ройс, указ. соч., стр. 146 и далее. ↑

98

Бартрам, «Путешествия», стр. 366–372, 1792. ↑

99

Рэмси, Теннесси, стр. 143–150, 1853; Монетт, Долина Миссисипи, I, стр. 400, 401, 431, 432, и II, стр. 33, 34, 1846; Рузвельт, Завоевание Запада, I, стр. 276–281, и II, стр. 1–6, 1889. ↑

100

Рэмси, указ. соч., стр. 143. ↑

101

Цитата из Стэдмана, в Рамси, указ. соч., стр. 162. ↑

102

Рамзи, указ. соч., с. 162. ↑

103

Рэмси, Теннесси, стр. 150–159, 1853. ↑

104

Рузвельт, «Завоевание Запада», I, стр. 293–297, 1889. ↑

105

См. № 110, «Случаи личного героизма». Об экспедиции Рутерфорда см. Moore, Rutherford’s Expedition, в North Carolina University Magazine, февраль 1888 г.; Swain, Sketch of the Indian War in 1776, там же, май 1852 г., перепечатано в Historical Magazine, ноябрь 1867 г.; Рэмси, Теннесси, стр. 164, 1853; Рузвельт, «Завоевание Запада», I, стр. 294–302, 1889, и др. ↑

106

Об экспедиции Уильямсона см. Ross Journal, с примечаниями Рокуэлла, в Historical Magazine, октябрь 1876 г.; Свейн, «Очерк индейской войны 1776 года», в North Carolina University Magazine за май 1852 г., перепечатано в Historical Magazine, ноябрь 1867 г.; Джонс, Джорджия, II, стр. 246 и далее, 1883 г.; Рэмси, Теннесси, 163–164, 1853; Рузвельт, Завоевание Запада, I, стр. 296–303, 1889. ↑

107

Джонс, указ. соч., с. 246; Рамси, указ. соч., с. 163; Рузвельт, указ. соч., с. 295. ↑

108

Об экспедиции в Вирджинию и Теннесси см. Рузвельт, «Завоевание Запада», I, стр. 303–305, 1889; Рамзи, «Теннесси», стр. 165–170, 1853. ↑

109

Дневник Росса, в Historical Magazine, октябрь 1867 г. ↑

110

Свейн, «Очерк индейской войны 1776 года», в Historical Magazine, ноябрь 1867 г. ↑

111

Рассказ Мура, в журнале North Carolina University Magazine, февраль 1888 г. ↑

112

Рузвельт, «Завоевание Запада», I, стр. 285, 290, 303, 1889. ↑

113

Около пятисот человек нашли убежище у Стюарта, британского инспектора по делам индейцев во Флориде, где они некоторое время питались за счет британского правительства (Джонс, Джорджия, II, стр. 246, 1883). ↑

114

Ройс, «Нация чероки», в Пятом годовом отчете Бюро этнологии, стр. 150 и карта, 1888; Рамси, «Теннесси», стр. 172–174, 1853; Стивенс, «Джорджия», II, стр. 144, 1859; Рузвельт, «Завоевание Запада», I, стр. 306, 1889. ↑

115

Рэмси, указ. соч., стр. 171–177, 185–186, 610 и далее; Ройс, указ. соч., стр. 150; письмо Кэмпбелла, 1782, и другие документы в Государственных документах Вирджинии, III, стр. 271, 571, 599, 1883, и IV, стр. 118, 286, 1884; письмо Блаунта, 14 января 1793 г., American State Papers; Indian Affairs, I, стр. 431, 1832. Кэмпбелл говорит, что они покинули свое первоначальное местоположение из-за вторжения из Теннесси. Губернатор Блаунт говорит, что они ушли из-за ведьм. ↑

116

Хокинс, рукописный дневник, 1796 г., в Историческом обществе Джорджии. ↑

117

Рэмси, Теннесси, стр. 174–178, 1853. ↑

118

Письмо Кэмпбелла, 1782 г., Государственные документы Вирджинии, III, стр. 271, 1883 г. ↑

119

Рэмси, указ. соч., стр. 186–188; Рузвельт, «Завоевание Запада», II, стр. 236–238, 1889. Заявления Рэмси, в основном основанные на авторитете Хейвуда, о силе экспедиции, количестве убитых воинов и т. д., настолько явно преувеличены, что здесь они опущены. ↑

120

Хекевельдер, «Индийские нации», стр. 827, переиздание 1876 года. ↑

121

Дневник Донельсона и др., в Рамси, Теннесси, стр. 197–208, 1853; Рузвельт, «Завоевание Запада», II, стр. 324–340, 1889. ↑

122

Там же, II, стр. 337. ↑

123

Рузвельт, «Завоевание Запада», II, стр. 241–294, 1889; Рамси, Теннесси, стр. 208–249, 1853. ↑

124

Рузвельт, указ. соч., с. 256. ↑

125

Рузвельт, «Завоевание Запада», II, стр. 298–300, 1889; Рамси, «Теннесси», стр. 261–264, 1853. Существуют значительные расхождения в различных описаниях этой битвы, поскольку заинтересованные историки пытаются преувеличить масштабы победы. Один автор указывает, что индейцы имели 1000 воинов. Здесь, как и в других случаях, Рузвельт является более надежным источником, поскольку его утверждения обычно основаны на официальных документах. ↑

126

Рузвельт, указ. соч., стр. 300–304; Рамси, указ. соч., стр. 265–268; Кэмпбелл, отчет, 15 января 1781 г., в Virginia State Papers, I, стр. 436. Хейвуд и другие после него утверждают, что экспедиция дошла до рек Чикамауга и Куса, но отчет Кэмпбелла прямо опровергает это. ↑

127

Рэмси, указ. соч., с. 266. ↑

128

Рузвельт, указ. соч., с. 302. ↑

129

Кэмпбелл, письмо от 28 марта 1781 г., в Virginia State Papers, I, стр. 602, 1875; Мартин, письмо от 31 марта 1781 г., там же, стр. 613; Рэмси, Теннесси, с. 268, 1853; Рузвельт, Завоевание Запада, II, с. 305–307, 1889. ↑

130

Кэмпбелл, письмо от 28 марта 1781 г., в Virginia State Papers, I, стр. 602, 1875. ↑

131

Рэмси, указ. соч., с. 269. ↑

132

Там же; Рузвельт, указ. соч., с. 307. ↑

133

Там же; Рамзи, указ. соч., с. 267, 268. Последний источник, по-видимому, указывает 1782 год, что, очевидно, является ошибкой. ↑

134

Стивенс, Джорджия, II, стр. 282–285, 1859; Джонс, Джорджия, II, стр. 503, 1883. ↑

135

Рузвельт, «Завоевание Запада», II, стр. 811, 1889. ↑

136

Речь Старого Тассела, в Рамси, Теннесси, стр. 271, 1853, и в Рузвельт, указ. соч., стр. 315. ↑

137

Рэмси, указ. соч., с. 272; Рузвельт, указ. соч., с. 317 и далее. ↑

138

Стивенс, указ. соч., стр. 411–415. ↑

139

Ройс, «Нация чероки», в Пятом годовом отчете Бюро этнологии, с. 151, 1888. ↑

140

См. документы в Virginia State Papers, III, стр. 234, 398, 527, 1883. ↑

141

Рэмси, Теннесси, стр. 280, 1853. ↑

142

Там же, стр. 276. ↑

143

См. Ройс, «Нация чероки», указ. соч., стр. 151, 152; Рамзи, указ. соч., стр. 299 и далее. ↑

144

Indian Treaties, стр. 8 и далее, 1837. Полное обсуждение договора Хоупвелл на основе официальных документов см. в Royce, Cherokee Nation, в Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, стр. 152–158, 1888, с картой; Treaty Journal, etc., American State Papers; Indian Affairs, I, стр. 38–44, 1832; также Стивенс, Джорджия, II, стр. 417–429, 1859; Рамзи, Теннесси, стр. 336, 337, 1853; см. также карту, прилагаемую к этой работе. ↑

145

Рамзи, указ. соч., с. 459–461; агент Мартин и комиссары Хоупвелла, там же, с. 318–336; письмо Бледсо и Робертсона, там же, с. 465; Рузвельт, «Завоевание Запада», II, с. 368, 1899. ↑

146

Рузвельт, «Завоевание Запада», II, с. 353, 1889. ↑

147

Там же, стр. 355, 1889; Рамси, Теннесси, стр. 452–454, 1853. ↑

148

Там же, стр. 358–366, 1889. ↑

149

Там же, с. 341, 1853. ↑

150

Письмо Мартина от 11 мая 1786 г., там же, с. 342. ↑

151

Отчеты комиссаров Теннесси и ответы вождей чероки и др., 1786 г., в Рамси, Теннесси, стр. 343–346, 1853 г. ↑

152

Письмо Мартина (?) от 25 марта 1787 г., там же, с. 359. ↑

153

Там же, стр. 370. ↑

154

Рэмси, Теннесси, стр. 393–399, 1853. ↑

155

Там же, стр. 417–423, 1853. ↑

156

Там же, стр. 517–519, и рассказ Брауна, там же, стр. 515. ↑

157

Рэмси, Теннесси, стр. 515, 519. ↑

158

Рассказ Брауна и др., там же, стр. 508–516. ↑

159

Там же, стр. 459, 489. ↑

160

Письмо Бледсо и Робертсона от 12 июня 1787 г., в Ramsey, Tennessee, стр. 465, 1853. ↑

161

Там же, с письмом Робертсона, стр. 465–476. ↑

162

Там же, стр. 479–486. ↑

163

Монетт, Долина Миссисипи, I, стр. 505, 1846. ↑

164

Рэмси, Теннесси, стр. 522, 541, 561, 1853. ↑

165

Вашингтон Сенату, 11 августа 1790 г., Американские государственные документы: дела индейцев, I, стр. 83, 1832. ↑

166

Секретарь Нокс президенту Вашингтону, 7 июля 1789 г., там же, стр. 53. ↑

167

Рэмси, указ. соч., стр. 550, 551. ↑

168

Договоры с индейцами, стр. 34–38, 1837; доклад министра войны, 5 января 1798 г., в American State Papers, I, стр. 628–631, 1832; Рамзи, Теннесси, стр. 554–560, 1853; Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 158–170, с полным обсуждением и картой, 1888. ↑

169

Indian Treaties, стр. 37, 38, 1837. ↑

170

Рэмси, Теннесси, стр. 557, 1853. ↑

171

Показания Абеля, 16 апреля 1792 г., American State Papers: Indian Affairs, I, стр. 274, 1832. ↑

172

Генри Нокс, министр войны, инструкции Леонарду Шоу, временному представителю индейского племени чероки, 17 февраля 1792 г., в American State Papers: Indian Affairs, I, 247, 1832; также Нокс, письма губернатору Блаунту, 31 января и 16 февраля 1792 г., там же, стр. 245, 246. ↑

173

Отчет о конференции в Эстанауле, 26 июня 1792 г., там же, стр. 271; Дерак, показания, 15 сентября 1792 г., там же, стр. 292; Пикенс, письмо, 12 сентября 1792 г., там же, стр. 317. ↑

174

См. письма Шоу, Кейси, Пикенса и Блаунта, 1792–93, там же, стр. 277, 278, 317, 436, 437, 440. ↑

175

Нокс, инструкции Шоу, 17 февраля 1792 г., там же, с. 247; Блаунт, письмо, 20 марта 1792 г., там же, с. 263; Нокс, письма, 9 октября 1792 г., там же, с. 261, 262. ↑

176

Письма губернатора Телфайра от 14 ноября и 5 декабря с приложением, 1792 г., American State Papers: Indian Affairs, I, стр. 332, 336, 337, 1832. ↑

177

Рэмси, Теннесси, стр. 562–663, 598, 1853. ↑

178

Рэмси, Теннесси, стр. 562–565, 1853. ↑

179

Блаунт, письмо, 2 октября 1792 г., в American State Papers: Indian Affairs, I, стр. 294, 1832; Блаунт, письмо и др., в Рамзи, указ. соч., стр. 566, 567, 599–601; см. также рассказ Брауна, там же, 511, 512; Ройс, Cherokee Nation, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, стр. 170, 1888. ↑

180

Рэмси, указ. соч., 569–571. ↑

181

Рэмси, Теннесси, стр. 571–573, 1853. ↑

182

Там же, стр. 574–578, 1853. ↑

183

Рамси, Теннесси, стр. 579. ↑

18

Там же, стр. 580–583, 1853; Смит, письмо от 27 сентября 1793 г., American State Papers: Indian Affairs, I, стр. 468, 1832. Рамзи оценивает численность индейских войск в 1000 воинов; Смит сообщает, что во многих местах они шли колонной по 28 человек в ряд, причем каждый ряд, по-видимому, насчитывал 40 человек. ↑

185

Рамзи, указ. соч., стр. 584–588. ↑

186

Рэмси, Теннесси, стр. 590, 602–605, 1853. ↑

187

Хейвуд, Гражданская и политическая история Теннесси, стр. 300–302; Ноксвилл, 1823. ↑

188

Там же, стр. 303–308, 1823; Рамзи, указ. соч., стр. 591–594. История этого периода, описанная Хейвудом, представляет собой не более чем непрерывный перечень убийств и мелких столкновений. ↑

189

Хейвуд, «Гражданская и политическая история Теннесси», стр. 308, 1823; Рамси, «Теннесси», стр. 594, 1853; см. также мемориал в Путнэме, «Средний Теннесси», стр. 502, 1859. Хейвуд называет лидера Унакала, который должен быть Унега-дихи, «Убийца белых людей». Сравните заявление Хейвуда с заявлением Уошберна на стр. 100. ↑

190

Договоры с индейцами, стр. 39, 40, 1837; Ройс, Нация чероки, Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 171, 172, 1888; Документы 1797–98 годов, Американские государственные документы: дела индейцев, I, стр. 628–631, 1832. Договор не упоминается историками Теннесси. ↑

191

Хейвуд, Гражданская и политическая история Теннесси, стр. 309–311, 1823; Рамси, Теннесси, стр. 594, 595, 1853. ↑

192

Хейвуд, указ. соч., стр. 314–316; Рамси, указ. соч., стр. 596. ↑

193

Хейвуд, «Политическая и гражданская история Теннесси», стр. 392–396, 1823; Рамзи, «Теннесси» (с отчетом майора Ора), стр. 608–618, 1853; Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 171, 1888; Оре, Робертсон и Блаунт, отчеты, «Американские государственные документы: дела индейцев», I, стр. 632–634, 1832. ↑

194

Рэмси, указ. соч., стр. 618. ↑

195

Конференция в Теллико, 7–8 ноября 1794 г., Американские государственные документы: дела индейцев, I, стр. 536–538, 1832, Ройс, указ. соч., стр. 173; Рамзи, указ. соч., стр. 596. ↑

196

Речь Бивера, 1784, Государственные документы Вирджинии, III, с. 571, 1883; Макдауэлл, отчет, 1786, там же, IV, с. 118, 1884; Макдауэлл, отчет, 1787, там же, с. 286; Тодд, письмо, 1787, там же, стр. 277; Конференция в Теллико, 7 ноября 1794 г., American State Papers: Indian Affairs, I, стр. 538, 1832; Конференция по заключению договора в Гринвилле, август 1795 г., там же, стр. 582–583. ↑

197

Ройс, Cherokee Nation, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, с. 173, 1888. ↑

198

Там же, стр. 174, 175; Рамси, Теннесси, стр. 679–685, 1853. ↑

199

Договоры с индейцами, стр. 78–82, 1837; Рамзи, Теннесси, стр. 692–697, 1853; Ройс, Нация чероки (с картой и полным обсуждением), Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 174–183, 1888. ↑

200

См. таблицу в Ройс, указ. соч., стр. 378. ↑

201

Адаир, Американские индейцы, стр. 230, 231, 1775. ↑

202

См. Хокинс, дневник из Южной Каролины в Крикс, 1796 г., в библиотеке Исторического общества Джорджии. ↑

203

Хокинс, Договорная комиссия, 1801, рукопись № 5, в библиотеке Исторического общества Джорджии. ↑

204

Фут (?), в Колониальных записях Северной Каролины, т. V, стр. 1226, 1887. ↑

205

Колониальные архивы Северной Каролины, т. V, с. x, 1887. ↑

206

Райхель, Э. Х., «Исторический очерк церкви и миссий Объединенных братьев», стр. 65–81; Бетлехем, Пенсильвания, 1848; Холмс, Джон, «Очерки миссий Объединенных братьев», стр. 124, 125, 209–212; Дублин, 1818; Томпсон, А. К., «Моравские миссии», стр. 341; Нью-Йорк, 1890; Де Швейниц, Эдмунд, «Жизнь Цейсбергера», стр. 394, 663, 696; Филадельфия, 1870. ↑

207

Морс, Американская география, I, стр. 577, 1819. ↑

208

Договоры с индейцами, стр. 108, 121, 125, 1837; Ройс, Нация чероки, Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 183, 193, 1888 (карта и полное обсуждение). ↑

209

Маккенни и Холл, «Индейские племена», II, стр. 92, 1858. ↑

210

Индийские договоры, стр. 132–136, 1837; Ройс, Нация чероки, Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 193–197, 1888. ↑

211

Мейгс, письмо, 28 сентября 1807 г., Американские государственные документы: дела индейцев, I, стр. 754, 1832; Ройс, указ. соч., стр. 197. ↑

212

См. договор от 2 декабря 1807 г. и послание Джефферсона с приложениями от 10 марта 1808 г., American State Papers: Indian Affairs, I, стр. 752–754, 1832; Royce, op. cit., стр. 199–201. ↑

213

Там же, стр. 201, 202. ↑

214

В American State Papers: Indian Affairs, II, стр. 283, 1834. ↑

215

См. договор, приложенный к Вашингтонскому договору, 1819, Indian Treaties, стр. 269–271, 1837; карта Ройса, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, 1888. ↑

216

Личная информация автора. ↑

217

Муни, Религия танца духов, Четырнадцатый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 670 и далее, 1896; современные документы в Американских государственных документах: Дела индейцев, I, стр. 798–801, 845–850, 1832. ↑

218

См. Муни, «Религия танца духов», Четырнадцатый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 670–677, 1896; Маккенни и Холл, «Индейские племена», II, стр. 93–95, 1858; см. также современные письма (1813 г. и др.) Хокинса, Корнеллса и других в Американских государственных документах: Дела индейцев, I, 1832. ↑

219

Письма Хокинса, Пинкни и Куссета Кинга, июль 1813 г., Американские государственные документы: дела индейцев, II, стр. 847–849, 1832. ↑

220

Мейгс, письмо, 8 мая 1812 г., и Хокинс, письмо, 11 мая 1812 г., там же, стр. 809. ↑

221

Информация автора от Джеймса Д. Уэффорда. ↑

22

Маккенни и Холл, «Индейские племена», II, стр. 96–97, 1858. ↑

223

Дрейк, «Индейцы», стр. 395–396, 1880; Пикетт, «Алабама», стр. 556, переиздание 1896 года. ↑

224

Кофе, отчет и др., в Дрейк, Индейцы, стр. 396, 1880; Лоссинг, Полевой дневник войны 1812 года, стр. 762, 763 [без даты (1869)]; Пикетт, Алабама, стр. 553, переиздание 1896 года. ↑

225

Там же, стр. 556. ↑

226

Дрейк, «Индейцы», стр. 396, 1880; Пикетт, указ. соч., стр. 554, 555. ↑

227

Отчет Уайта и др. в Фэй и Дэвисон, «Очерки войны», стр. 240, 241; Рутланд, Вермонт, 1815; Лоу, Джон, «Беспристрастная история войны», стр. 199; Нью-Йорк, 1815; Дрейк, указ. соч., с. 397; Пикетт, указ. соч., с. 557; Лоссинг, указ. соч., с. 767. Лоу утверждает, что Уайт имел около 1100 всадников, «включая более 300 индейцев чероки». Пикетт указывает, что Уайт имел 400 чероки. ↑

228

Дрейк, «Индианцы», стр. 391, 398, 1880; Пикетт, «Алабама», стр. 557–559, 572–576, переиздание 1896 года. ↑

229

Там же, стр. 579; Лоссинг, Полевой дневник войны 1812 года, стр. 773. ↑

230

Пэй и Дэвисон, «Очерки войны», стр. 247–250, 1815; Пикетт, «Алабама», стр. 579–584, переиздание 1896 года; Дрейк, «Индейцы», стр. 398–400, 1880. Пикетт утверждает, что у Джексона было «767 человек и 200 дружественных индейцев»; Дрейк утверждает, что он начал с 930 человек, а в Талладеге к нему присоединились 200 дружественных индейцев; сам Джексон, как цитируется в Фэй и Дэвисон, говорит, что он начал с 930 человек, *не считая индейцев*, а в Талладеге к нему присоединились «от 200 до 300 дружественных индейцев», 65 из которых были чероки, а остальные — крики. Из этого следует, что у него уже было несколько индейцев в начале — вероятно, чероки, которые несли гарнизонную службу. ↑

231

Пикетт, указ. соч., с. 584–586. ↑

232

Отчет Джексона губернатору Блаунту, 31 марта 1814 г., в Fay and Davison, Sketches of the War, стр. 253, 254, 1815. ↑

233

Отчет генерала Коффи генералу Джексону, 1 апреля 1814 г., там же, с. 257. ↑

234

Отчет полковника Моргана губернатору Блаунту, в Fay and Davison, Sketches of the War, стр. 258, 259, 1815. ↑

235

Отчет Коффи Джексону, там же, стр. 257, 258. ↑

236

Отчет Джексона губернатору Блаунту, там же, стр. 255, 256. ↑

237

Отчет Джексона и отчет полковника Моргана, в Fay and Davison, Sketches of the War, стр. 255, 256, 259, 1815. Пикетт оценивает потери белых войск в 32 убитых и 99 раненых. Ссылка на Хьюстона взята из Лоссинга. Битва также описана Пикеттом, Алабама, стр. 588–591, переиздание 1896 года; Дрейком, Индейцы, стр. 391, 400, 1880; Маккенни и Холлом, Индейские племена, II, стр. 98, 99, 1858. ↑

238

Маккенни и Холл, указ. соч., стр. 98. ↑

239

Дрейк, «Индейцы», стр. 401, 1880. ↑

240

Договоры с индейцами, стр. 187, 1837; письмо Мейгса министру войны от 19 августа 1816 г., в American State Papers: Indian Affairs, II, стр. 113, 114, 1834. ↑

241

Договоры с индейцами, стр. 185–187, 1837; Ройс, Нация чероки, Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 197–209, 1888. ↑

242

Договоры с индейцами, стр. 199, 200, 1837; Ройс, указ. соч., стр. 209–211. ↑

243

Клейборн, письмо Джефферсону, 5 ноября 1808 г., Американские государственные документы, I, стр. 755, 1832; Гатчет, Легенда о миграции криков, I, стр. 88, 1884. ↑

244

Хокинс, 1799, цитируется в Гатшете, указ. соч., с. 89. ↑

245

См. Договор Сент-Луиса, 1825 г., и Кастор-Хилл, 1852 г., в Indian Treaties, стр. 388, 539, 1837. ↑

246

См. номер 107, «Потерянные чероки». ↑

247

См. письмо губернатора Эстевана Миро Робертсону от 20 апреля 1783 г. в Roosevelt, Winning of the West, II, стр. 407, 1889. ↑

248

См. стр. 76–77. ↑

249

Уошберн, «Воспоминания», стр. 76–79, 1869; см. также Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 204, 1888. ↑

250

Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 202, 203, 1888. ↑

251

Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 202–204, 1888; см. также «Индийские договоры», стр. 209–215, 1837. В преамбуле к договору 1817 года говорится, что делегация 1808 года желала раздела племенной территории, чтобы жители верхних (северных) городов могли «приступить к установлению постоянных законов и регулярного правительства», в то время как жители нижних (южных) городов желали переселиться на Запад. Ничего не говорится о раздельном распределении земель или гражданстве. ↑

252

Indian Treaties, стр. 209–215, 1837; Royce, Cherokee Nation, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, стр. 212–217, 1888; см. также карты в Royce. ↑

253

Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, 217–218, 1888. ↑

254

Там же, стр. 218–219. ↑

255

Там же, стр. 219. ↑

256

Морс, География, I, стр. 577, 1819; и стр. 185, 1822. ↑

257

Ройс, Нация чероки, Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 221–222, 1888. ↑

258

Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 222–228, 1888. ↑

259

Договоры с индейцами, стр. 265–269, 1837; Ройс, указ. соч., стр. 219–221 и таблица, стр. 378. ↑

260

Законы народа чероки (несколько документов), 1820, Американские государственные документы ; Дела индейцев, II, стр. 279–283, 1834; письмо, процитированное Маккенни, 1825, там же, стр. 651, 652; Дрейк, Индейцы, стр. 437, 438, изд. 1880. ↑

261

Список миссий и отчеты миссионеров и т. д., American State Papers: Indian Affairs, II, стр. 277–279, 459, 1834; личная информация от Джеймса Д. Уэффорда о миссии в долине. Информация о Вустере, Джонсе и Уэффорде см. в Pilling, Bibliography of the Iroquoian Languages 1888. ↑

262

G. C., в Cherokee Phœnix; перепечатано в Christian Advocate and Journal, Нью-Йорк, 26 сентября 1828 г. ↑

263

McKenney and Hall, Indian Tribes, I, стр. 35, et passim, 1858. ↑

264

Филлипс, Секвойя, в Harper's Magazine, стр. 542–548, сентябрь 1870 г. ↑

265

Рукописные письма Джона Мейсона Брауна от 17, 18 и 22 января, а также 4 февраля 1889 г., в архивах Бюро американской этнологии. ↑

266

Маккенни и Холл, «Индейские племена», I, стр. 45, 1858 г. ↑

267

См. стр. 43. ↑

268

См. номер 89, «Войны ирокезов». ↑

269

Маккенни и Холл, «Индейские племена», I, стр. 46, 1858; Филлипс, в журнале Harper's Magazine, стр. 547, сентябрь 1870. ↑

270

«Договоры с индейцами», стр. 425, 1837. ↑

271

Подробности о жизни и изобретении Секвойи см. Маккенни и Холл, «Индейские племена», I, 1858; Филлипс, «Секвойя», в журнале Harper's Magazine, сентябрь 1870 г. ; Фостер, «Секвойя», 1885 г., и «История Библии чероки», 1899 г., в основном основанная на статье Филлипса; Г. К., Изобретение алфавита чероки, в Cherokee Phœnix, переиздано в Christian Advocate and Journal, Нью-Йорк, 26 сентября 1828 г.: Пиллинг, Библиография ирокезских языков, 1888. ↑

272

G. C., «Изобретение алфавита чероки», указ. соч. ↑

273

(Неподписанное) письмо Дэвида Брауна, 2 сентября 1825 г., цитируется в American State Papers: Indian Affairs, II, стр. 652, 1834. ↑

274

Фостер, Секвойя, стр. 120, 121, 1885. ↑

275

Пиллинг, Iroquoian Bibliography, стр. 21, 1888. ↑

276

Письмо Брауна (без подписи), в American State Papers: Indian Affairs, II, стр. 652, 1834. ↑

277

Для более подробной информации о литературе и авторах чероки см. многочисленные ссылки в Pilling, Bibliography of the Iroquoian Languages, 1888; а также Foster, Sequoyah, 1885, и Story of the Cherokee Bible, 1899. Наиболее обширный сборник оригинальных рукописных материалов чероки, включающий сотни древних ритуальных формул, был получен автором среди восточных чероки и в настоящее время находится в распоряжении Бюро американской этнологии для перевода в будущем. ↑

278

Письмо Брауна (без подписи), 2 сентября 1825 г., Американские государственные документы: дела индейцев, II, стр. 651, 652, 1834. ↑

279

См. Ройс, Cherokee Nation, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, стр. 241, 1888; Мередит, в The Five Civilized Tribes, Extra Census Bulletin, стр. 41, 1894; Морс, American Geography, I, стр. 577, 1819 (для Хикса). ↑

280

Договор Форт-Питт, 17 сентября 1778 г., Indian Treaties, стр. 3, 1837. ↑

281

Договор Агентства чероки, 8 июля 1817 г., там же, стр. 209; Дрейк, «Индейцы», стр. 450, изд. 1880 г.; Джонсон в отчете Сената о территориях; Мемориал чероки, 18 января 1831 г.; см. законы 1808, 1810 и более поздние годы в Американских государственных документах: Дела индейцев, II, стр. 279–283, 1834. Том законов чероки, составленный на языке чероки нацией в 1850 г., начинается с 1808 г. ↑

282

Личная информация от Джеймса Д. Уэффорда. Насколько известно, это восстание консерваторов до сих пор никогда не упоминалось в печати. ↑

283

См. Resolutions of Honor, в Laws of the Cherokee Nation, стр. 187–140, 1868; Мередит, в The Five Civilized Tribes, Extra Census Bulletin, стр. 41, 1894; Эпплтон, Cyclopedia of American Biography. ↑

284

См. четвертую статью «Статей соглашения и уступки» от 24 апреля 1802 г. в «Документах американского государства: класс VIII, Общественные земли, I», цитируемых также Грили, «Американский конфликт», I, стр. 103, 1864 г. ↑

285

Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 231–233, 1888. ↑

286

Переписка чероки, 1823 и 1824 гг., American State Papers: Indian Affairs, II, стр. 468–473, 1834; Ройс, Cherokee Nation, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, стр. 236–237, 1888. ↑

287

Мемориал чероки, 11 февраля 1824 г., в Американских государственных документах: дела индейцев, II, стр. 473, 494, 1834; Ройс, указ. соч., стр. 237. ↑

288

Письма губернатора Труп из Джорджии, 28 февраля 1824 г., и делегатов Джорджии, 10 марта 1824 г., Американские государственные документы: дела индейцев, II, стр. 475, 477, 1834; Ройс, указ. соч., стр. 237, 238. ↑

289

Монро, послание Сенату с докладом Кэлхуна, 30 марта 1824 г., American State Papers: Indian Affairs, II, стр. 460, 462, 1834. ↑

290

Ройс, Cherokee Nation, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, стр. 241, 242, 1888. ↑

291

Личная информация от Дж. Д. Уэффорда. ↑

292

Нитце, Х. Б. К., в Двадцатом годовом отчете Геологической службы США, часть 6 (Минеральные ресурсы), стр. 112, 1899. ↑

293

См. письмо Батлера, цитируемое в Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 297, 1888; см. также Эверетт, речь в Палате представителей 31 мая 1838 г., стр. 16–17, 32–33, 1839. ↑

294

Выдержки и краткое изложение этих законов см. в Royce, op. cit., стр. 259–264; Дрейк, «Индейцы», стр. 438–456, 1880; Грили, «Американский конфликт», I, стр. 105, 106, 1864; Эдвард Эверетт, речь в Палате представителей, 14 февраля 1831 г. (закон о лотереях). Золотая лотерея также упоминается вскользь Ланманом, Чарльзом, Letters from the Alleghany Mountains, стр. 10; Нью-Йорк, 1849, и Нитце в его отчете о золотых приисках Джорджии в Двадцатом ежегодном отчете Геологической службы США, часть 6 (Минеральные ресурсы), стр. 112, 1899. Автор сам видел в горной деревне в Джорджии старую книгу под названием « Cherokee Land and Gold Lottery» (Золотая лотерея земли и золота чероки), содержащую карты и планы, охватывающие всю страну чероки в Джорджии, с пронумерованными участками и описаниями водотоков, почвы и предполагаемых минеральных жил. ↑

295

Речь от 19 мая 1830 г., Вашингтон; напечатано Gales & Seaton, 1830. ↑

296

Речь в Сенате Соединенных Штатов, 16 апреля 1830 г.; Вашингтон, Peter Force, типограф, 1830 г. ↑

297

См. Меморандум чероки Конгрессу, 18 января 1831 г. ↑

298

Личная информация от профессора Клинтона Дункана из Талеква, чероки, чей отцовский дом был сожжен. ↑

299

Меморандум чероки Конгрессу, 18 января 1831 г. ↑

300

Там же; см. также речь Эдварда Эверетта в Палате представителей 14 февраля 1831 г.; отчет специального комитета Сената Массачусетса по резолюциям Джорджии, Бостон, 1831 г.; Грили, «Американский конфликт», I, стр. 106, 1864 г.; Эббот, «Индейцы чероки в Джорджии»; «Атланта Конституш», 27 октября 1889 г. ↑

301

Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 261, 262, 1888. ↑

302

Там же, стр. 262. ↑

303

Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 264–266, 1888; Дрейк, «Индейцы», стр. 454–457, 1880; Грили, «Американский конфликт», I, 106, 1864. ↑

304

Дрейк, «Индейцы», стр. 458, 1880. ↑

305

Ройс, указ. соч., стр. 262–264, 272, 273. ↑

306

Там же, стр. 274, 275. ↑

307

Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 276, 1888. ↑

308

Комиссар Элберт Херринг, 25 ноября, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 240, 1834; личная информация автора от майора Р. К. Джексона и Дж. Д. Уэффорда. ↑

309

Ройс, Нация чероки, Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 278–280, 1888; речь Эверетта в Палате представителей, 31 мая 1838 г., стр. 28, 29, 1839, в которой приводится полный текст ответа секретаря. ↑

310

Ройс, указ. соч., стр. 280–281. ↑

311

Там же, стр. 281. ↑

312

Ройс, «Нация чероки», указ. соч. (арест Росса), с. 281; Дрейк, «Индейцы» (Росс, Пейн, Феникс), с. 459, 1880; см. также речь Эверетта от 31 мая 1838 г., указ. соч. ↑

313

Ройс, указ. соч., стр. 281, 282; см. также речь Эверетта, 1838 г. ↑

314

См. договор Форт-Гибсон, 1833, стр. 142. ↑

315

См. договор Нью-Эчота, 1835 г., и договор Форт-Гибсон, 1833 г., Indian Treaties, стр. 633–648 и 561–565, 1837 г.; также полное обсуждение обоих договоров см. Royce, Cherokee Nation, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, стр. 249–298. Краткое изложение всех мер давления, оказанных на чероки до окончательного переселения, см. также Эверетт, речь в Палате представителей, 31 мая 1838 г.; главы «Изгнание чероки», Дрейк, «Индейцы», 1880 г.; и глава «Права штатов — аннулирование» в Грили, «Американский конфликт», I, 1864 г. Точка зрения Джорджии на этот спор представлена в книге Э. Дж. Хардена «Жизнь (губернатора) Джорджа М. Труппа», 1849 г. ↑

316

Ройс, указ. соч., с. 289. Общая цифра по Индии также приведена в Отчете комиссара по делам индейцев, с. 369, 1836 г. ↑

317

Ройс, «Нация чероки», указ. соч., с. 283, 284; Отчет комиссара по делам индейцев, с. 285, 286, 1836. ↑

318

Цитируется Ройсом, Cherokee Nation, op. cit., стр. 284–285; цитируется также, с некоторыми словесными отличиями, Эвереттом, речь в Палате представителей 31 мая 1838 г. ↑

319

Цитируется в Royce, op. cit., стр. 286. ↑

320

Письмо генерала Вула от 10 сентября 1836 г., в Эверетт, речь в Палате представителей, 31 мая 1838 г. ↑

321

Письмо от 30 июня 1836 г. президенту Джексону, в Эверетт, речь в Палате представителей, 31 мая 1838 г. ↑

322

Цитируется Эвереттом, там же; также Ройсом, Cherokee Nation, op. cit., стр. 286. ↑

323

Письмо Дж. М. Мейсона-младшего министру войны от 25 сентября 1837 г., в Эверетт, речь в Палате представителей, 31 мая 1838 г.; также цитируется в выдержке Ройсом, op. cit., стр. 286–287. ↑

324

Ройс, Cherokee Nation, op. cit. стр. 287, 289. ↑

325

Там же, стр. 289, 290. ↑

326

Там же, стр. 291. Данные об общей численности задействованных войск взяты из речи Эверетта в Палате представителей 31 мая 1838 г., посвященной всему вопросу о договоре. ↑

327

Ройс, «Нация чероки», указ. соч., с. 291. ↑

328

Там же, стр. 291. ↑

329

Заметки о сборе и переселении чероки почти полностью основаны на информации, предоставленной автором участниками событий, как чероки, так и белыми, среди которых можно назвать покойного полковника У. Х. Томаса; покойного полковника З. А. Зайла из Атланты, из добровольцев Джорджии; покойного Джеймса Брайсона из Диллсборо, Северная Каролина, также добровольца; Джеймс Д. Уэффорд из западной части племени чероки, который командовал одним из отрядов эмигрантов; а также старые индейцы, как с востока, так и с запада, которые помнили переселение и слышали эту историю от своих родителей. История Чарли широко известна среди восточных чероки и была в полных деталях рассказана полковником Томасом и Васитуной («Вашингтоном»), младшим сыном Чарли, который был единственным, кого генерал Скотт пощадил из-за его молодости ( ). Этот инцидент также упоминается, с некоторыми небольшими неточностями, в книге Ланмана «Письма из Аллеганских гор» (Letters from the Alleghany Mountains). См. стр. 157. ↑

330

Личная информация автора, как указано выше. ↑

331

Как цитируется в Royce, Cherokee Nation, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, стр. 292, 1888, агент по выплатам указывает, что количество неучтенных составляет 1428; агент по приему, который принимал их по прибытии, указывает, что их количество составляет 1645. ↑

332

Агент Стокс министру войны, 24 июня 1839 г., в Отчете комиссара по делам индейцев, стр. 355, 1839 г.; Ройс, Cherokee Nation, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, стр. 293, 1888 г.; Дрейк, Indians, стр. 459–460, 1880 г.; личная информация автора. В отчете агента ошибочно указано, что убийства произошли в три разных дня. ↑

333

Ройс, «Нация чероки», указ. соч., стр. 294, 295. ↑

334

Резолюции Совета, 23 августа 1839 г., в Отчете комиссара по делам индейцев, стр. 387, 1839; Ройс, указ. соч., стр. 294. ↑

335

См. «Акт о союзе» и «Конституцию» в Конституции и законах народа чероки, 1875 г.; письмо генерала Арбакла министру войны от 28 июня 1840 г. в Отчете комиссара по делам индейцев, стр. 46, 1840 г.; также Ройс, указ. соч., стр. 294, 295. ↑

336

См. выше, стр. 105–106; Наттал, который был на месте, дает им только 1500. ↑

337

Уошберн, Сефас, «Воспоминания об индейцах», стр. 81, 103; Ричмонд, 1869. ↑

338

Нутталл, «Дневник путешествий по территории Арканзаса» и др., стр. 129; Филадельфия, 1821 г. ↑

339

Там же, стр. 123–136. Упомянутая битва, по-видимому, является той же самой, о которой несколько иначе упоминает Уошберн, «Воспоминания», стр. 120; 1869. ↑

340

Ройс, «Нация чероки», указ. соч., с. 222. ↑

341

Уошберн, указ. соч., с. 160, и личная информация от Дж. Д. Уэффорда. ↑

342

Ройс, указ. соч., стр. 242, 243; Уошберн, указ. соч., стр. 112–122 и далее; см. также зарисовки Тачи и Туантуха, или Весенней лягушки, в Маккенни и Холл, «Индейские племена», I и II, 1858. ↑

343

Уошберн, «Воспоминания», стр. 178, 1869; см. также выше, стр. 206. ↑

344

Там же, стр. 138. ↑

345

См. Договор 1817 г., Договоры с индейцами, 1837 г. ↑

346

Ройс, Нация чероки, Пятый отчет Бюро этнологии, стр. 243, 244, 1888. ↑

347

Там же, стр. 243. ↑

348

Личная информация автора; см. стр. 143. ↑

349

Ройс, Чероки Нэйшн, указ. соч., с. 245. ↑

350

Там же, стр. 247, 248. ↑

351

Вашингтонский договор, 6 мая 1828 г., Indian Treaties, стр. 423–428, 1837; договор Порт-Гибсона, 1833 г., там же, стр. 561–565; см. также краткое изложение, Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 229, 230, 1888. ↑

352

Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 248, 1888. ↑

353

Краткое описание Тачи с портретами см. в McKenney and Hall, I, стр. 251–260, 1858; Catlin, North American Indians, II, стр. 121, 122, 1844. Уошберн также упоминает об эмиграции в Техас после заключения договора 1828 года (Воспоминания, стр. 217, 1869). ↑

354

Договоры в Форт-Гибсоне, 14 февраля 1833 г., с криками и чероки, в Indian Treaties, стр. 561–569, 1837. ↑

355

Договор 1833 года, Indian Treaties, стр. 561–565, 1837; Ройс, Cherokee Nation, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, стр. 249–253, 1888; см. также Договор Нью-Эчота, 1835, ante, стр. 123–125. ↑

356

Личная информация автора. В 1891 году автор открыл две могилы учи на территории Корнелиуса Будинота в Талеква, обнаружив рядом с одним телом несколько французских, испанских и американских серебряных монет, завернутых в ткань и сложенных в два пакета по обе стороны от головы. Сейчас они находятся в Национальном музее в Вашингтоне. ↑

357

Боннелл, «Топографическое описание Техаса», стр. 141; Остин, 1840; Тролл, «История Техаса», стр. 58; Нью-Йорк, 1876. ↑

358

Личная информация автора от Дж. Д. Уэффорда и других старых жителей чероки, а также от недавних делегатов чероки. Банкрофт согласен с Боннеллом и Троллом в том, что официально никаких грантов не выдавали, но утверждает, что вождь чероки поселил свой народ в Техасе, «доверившись обещаниям, данным ему, и условному соглашению 1822 года» с испанским губернатором (История северных штатов Мексики и Техаса, II, стр. 103, 1889). Вероятно, что документ, который нес Боул, был более поздним договором Хьюстона. См. следующую страницу. ↑

359

Thrall, op. cit., p. 58. ↑

360

Thrall, Texas, стр. 46, 1879. ↑

361

Боннелл, Техас, стр. 142, 143, 1840. ↑

362

Там же, стр. 143, 1840. ↑

363

Боннелл, Техас, стр. 143, 144. ↑

364

Там же, стр. 144, 146. ↑

365

Тролл, Техас, стр. 116–168, 1876. ↑

366

Боннелл, указ. соч., стр. 146–150; Тролл, указ. соч., стр. 118–120. ↑

367

Личная информация автора от Дж. Д. Уэффорда и других старых западных чероки, а также недавних делегатов чероки; некоторые утверждают, что это был мексиканский патент, но, вероятно, это был патент, выданный Техасом. См. выше, стр. 143. ↑

368

Thrall, Texas, стр. 120, 1876. ↑

369

Личная информация автора из мексиканских и чероки источников. ↑

370

W. A. Phillips, Sequoyah, в Harper's Magazine, сентябрь 1870 г.; Foster, Sequoyah, 1885 г.; Royce, Cherokee Nation, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, стр. 302, 1888 г.; письмо Уильяма П. Росса, бывшего редактора Cherokee Advocate, 11 марта 1889 г., в архивах Бюро американской этнологии; Cherokee Advocate, 19 октября 1844 г., 2 ноября 1844 г. и 6 марта 1845 г.; личная информация автора. Сан-Фернандо, по-видимому, был небольшой деревней в Чиуауа, но на картах не указан. ↑

371

Полное обсуждение см. в Royce, op. cit., стр. 298–312. ↑

372

Pilling, Bibliography of the Iroquoian Languages (бюллетень Бюро этнологии), стр. 174, 1888. ↑

373

См. договоры с чероки от 7 октября 1861 г. и с другими племенами в Confederate States Statutes at Large, 1864; Royce, op. cit., pp. 324–328; Greeley, American Conflict, II, pp. 30–34, 1866; Reports of Indian Commissioner for 1860 to 1862. ↑

374

В этой битве конфедератам помогали от 4000 до 5000 индейцев южных племен, включая чероки, под командованием генерала Альберта Пайка. ↑

375

Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 329, 330, 1888. ↑

376

Там же, стр. 331. ↑

377

Ройс, Чероки, указ. соч., стр. 376. ↑

378

Там же, с. 376. Перепись 1807 года дает им 13 566 человек (там же, с. 351). ↑

379

См. краткое изложение и полное обсуждение в Ройс, указ. соч., с. 334–340. ↑

380

Закон о гражданстве, 7 ноября 1865 г., Законы нации чероки, с. 119; Сент-Луис, 1868 г. ↑

381

См. Почетные резолюции, там же, стр. 137–140. ↑

382

Ройс, Нация чероки, Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 356–358, 1888; Конституция и законы нации чероки, стр. 277–284; Сент-Луис, 1875. ↑

383

Ройс, указ. соч., с. 367. ↑

384

Фостер, Секвойя, стр. 147, 148, 1885; Пиллинг, Библиография ирокезов, 1888, статьи «Cherokee Advocate» и «John B. Jones». Серия учебников, по-видимому, закончилась арифметикой, потому что, как объяснил автору национальный суперинтендант школ чероки, «слишком много белых людей». ↑

385

Комиссар Х. Прайс, Report of Indian Commissioner, стр. lxv, 1881, и стр. lxx, 1882; см. также стр. 175. ↑

386

Отчет комиссара по делам индейцев, стр. lxv, 1883. ↑

387

Комиссар Дж. Д. К. Аткинс, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. xlv, 1886 г., и стр. lxxvii, 1887 г. ↑

388

Агент Л. Э. Беннетт, в Отчете комиссара по делам индейцев, стр. 93, 1890 г. ↑

389

Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 22, 1889 г. ↑

390

См. прокламацию президента Харрисона и приказ комиссара по делам индейцев в «Отчете комиссара по делам индейцев», стр. lxxii–lxxiii, 421–422, 1890. Данные по аренде взяты из личной информации. ↑

391

Комиссар Т. Дж. Морган, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 79–80, 1892 г. ↑

392

Комиссар Д. М. Браунинг, «Отчет комиссара по делам индейцев», стр. 33–34, 1893 г. ↑

393

Цитата из закона и т. д., Отчет комиссара по делам индейцев за 1894 г., стр. 27, 1895 г. ↑

394

Отчет агента Д. М. Уиздома, там же, стр. 141. ↑

395

Там же, и статистическая таблица, стр. 570. ↑

396

Отчет агента Д. М. Уиздома, там же, стр. 145. ↑

397

Агент Д. М. Уиздом, в отчете комиссара по делам индейцев за 1895 г., стр. 155, 1896 г. ↑

398

Комиссар Д. М. Браунинг, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 81, 1896. ↑

399

Отчет агента Д. М. Уиздома, Отчет комиссара по делам индейцев за 1895 год, стр. 159, 160, 1896. ↑

400

Письмо А. Э. Айви, секретаря Совета по образованию, в Отчете комиссара по делам индейцев за 1895 г., стр. 161, 1896 г. Автор может добавить личное свидетельство о полноте создания семинарии. ↑

401

Отчет агента Уиздома, там же, стр. 162. ↑

402

Письмо Берда Харриса от 31 мая 1895 г., в Отчете комиссара по делам индейцев за 1895 г., стр. 160, 1896 г. ↑

403

Краткое изложение закона Кертиса, стр. 75–79, и полный текст закона Кертиса, стр. 425 и далее, в Отчете комиссара по делам индейцев за 1898 г.; также отмечено в Отчете комиссара по делам индейцев, стр. 84 и далее, 1899 г. ↑

404

Комиссар В. А. Джонс, там же, стр. i, 84 и далее (закон Кертиса и комиссия Доуса). ↑

405

Отчет агента Д. М. Уиздома, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 141–144, 1897 г. ↑

406

Личная информация автора; см. также законопроект Палаты представителей № 1165 «О помощи некоторым индейцам на территории индейцев» и т. д., 56-й Конгресс, первая сессия, 1900 г. ↑

407

Отчет агента Д. М. Уиздома, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 159, 1898 г. ↑

408

См. стр. 131. ↑

409

История Чарли, приведенная здесь, основана на личной информации автора, полученной в основном из бесед с полковником Томасом, Васитуной и другими старыми индейцами. Богато украшенный, но несколько неточный отчет также приводится в книге Ланмана «Письма из Аллеганских гор», написанной на месте событий через десять лет после описанных событий. Основные факты отмечены в официальных донесениях генерала Скотта. ↑

410

См. договор Нью-Эчота от 29 декабря 1835 г. и дополнительные статьи от 1 марта 1836 г. в «Договорах с индейцами», стр. 633–648, 1837 г.; а также полное обсуждение того же договора в Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, 1888 г. ↑

411

Ройс, указ. соч., стр. 292. ↑

412

Там же, стр. 314. ↑

413

На языке чероки Tsiskwâ′hĭ, «Место птиц», Ani′-Wâ′dihĭ, «Место красок», Wa‘yâ′hĭ, «Место волков», E′lawâ′di, «Красная земля» (ныне почта и агентство чероки) и Kâlănûñ′yĭ, «Место воронов». Некоторое время существовал также «город красивых женщин» (Ani′-Gilâ′hĭ?). ↑

414

Факты, касающиеся карьеры полковника Томаса, в основном взяты из бесед автора с самим Томасом, дополненных информацией от его бывшего помощника, капитана Джеймса У. Террелла, и других людей, которые его знали, а также из замечательной статьи в журнале North Carolina University Magazine за май 1899 года, написанной его дочерью, миссис А. К. Эйвери. Он также часто упоминается в связи с делами Восточного Чероки в ежегодных отчетах комиссара по делам индейцев, в списке конфедератов Северной Каролины, в «Письмах из Аллеганских гор» Ланмана и в книге Зейглера и Гроскупа «Сердце Аллеганских гор» и т. д.

Некоторые рукописные материалы, переданные в библиотеку Исторического общества Джорджии в Саванне (к сожалению, в настоящее время утерянные), свидетельствуют о его интересе к лингвистике чероки. ↑

415

Факты, касающиеся Йонагуски, основаны на личной информации автора, полученной от полковника Томаса и дополненной беседами со старыми индейцами. Дата его смерти и приблизительный возраст взяты из списка Террелла. О нем также подробно упоминается в «Письмах из Аллеганских гор» Ланмана, 1848 г., и в «Сердце Аллеганов» Зейглера и Гроскупа, 1883 г. Транс, который, по словам Томаса и Ланмана, длился около одного дня, последние авторы растягивают до пятнадцати дней, причем все 1200 индейцев маршировали и контрмаршировали вокруг спящего тела! ↑

416

В договорах это имя встречается как Yonahequah (1798), Yohanaqua (1805) и Yonah (1819). — Indian Treaties, стр. 82, 123, 268; Вашингтон, 1837. ↑

417

Название относится к чему-то, что обычно падает из наклонного положения. ↑

418

Закон цитируется в Отчете комиссара по делам индейцев за 1895 г., стр. 636, 1896. ↑

419

Факты, касающиеся Джуналуски, взяты из информации, полученной автором от полковника Томаса, капитана Джеймса Террелла и информантов из племени чероки. ↑

420

Информация автора от полковника Томаса. ↑

421

Комиссар Кроуфорд, 25 ноября, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 333, 1839 г. ↑

422

Информация автора от полковника Томаса, капитана Террелла и индейских источников; комиссар У. Медилл, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 399, 1848 г.; комиссар Орландо Браун, Отчет комиссара по делам индейцев за 1849 г., стр. 14, 1850 г. ↑

423

Краткое изложение договора и т. д. в Ройс, Нация чероки, Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 300–313, 1888; см. также выше, стр. 148. ↑

424

Ланман, Письма из Аллеганских гор, стр. 94–95, 1849. ↑

425

Ланман, «Письма из Аллеганских гор», стр. 111. ↑

426

См. закон, цитируемый в «Соединенные Штаты Америки *против* Уильяма Х. Томаса *и* др.»; а также Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 313, 1888. В более ранних уведомлениях термины «чероки Северной Каролины» и «восточные чероки» используются как синонимы, поскольку первоначальные беглецы все находились в Северной Каролине. ↑

427

См. Ройс, указ. соч., стр. 313–314; Комиссар Х. Прайс, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. li, 1884; Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 495, 1898; а также ссылки комиссара У. Медилла, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 399, 1848; и Отчет комиссара по делам индейцев за 1855 год, стр. 255, 1856. ↑

428

Ройс, Чероки Нэйшн, указ. соч., с. 313 и примечание. ↑

429

Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 459–460, 1845. ↑

430

Комиссар Кроуфорд, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 3, 1842 г. ↑

431

Ройс, указ. соч., стр. 314. ↑

432

История событий, приведших к созданию «Легиона Томаса», в основном основана на беседах автора с самим полковником Томасом, подтвержденных и дополненных другими источниками. По словам Томаса, «если бы не индейцы, я бы не участвовал в войне». ↑

433

Считается, что это верное описание численности и состава Легиона Томаса. Из-за несовершенства записей и отсутствия надежных меморандумов среди выживших офицеров, ни одно из двух описаний не совпадает точно. Список, приведенный в реестре Конфедерации Северной Каролины, переданном капитаном Терреллом, помощником квартирмейстера, был составлен в начале войны и не содержит упоминания о инженерной роте или втором пехотном полку, в который входили две другие индейские роты. Информация, содержащаяся в нем, дополнена разговорами и личными письмами капитана Террелла, а также письмами и газетными статьями подполковника Стрингфилда из 69-го полка. Другое заявление приводится в заметке миссис Эйвери о полковнике Томасе в журнале North Carolina University Magazine за май 1899 года. ↑

434

Личная информация от полковника У. Х. Томаса, подполковника У. У. Стрингфилда, капитана Джеймса У. Террелла, вождя Н. Дж. Смита (старший сержант роты B) и других, а также другие подробности из списка войск Северной Каролины (Конфедерации) Мура, IV; Роли, 1882; а также список выживших в 1890 году, составленный Кэррингтоном, в «Восточная группа чероки», Дополнительный бюллетень одиннадцатой переписи, стр. 21, 1892. ↑

435

Рукопись Томаса-Террелла «Список восточных чероки» с сопроводительными письмами, 1864 г. (архивы Bur. Am. Eth.). ↑

436

Личная информация от полковника У. Х. Томаса, капитана Дж. В. Террелла, вождя Н. Дж. Смита и других; см. также Каррингтон, Восточное племя чероки, Дополнительный бюллетень одиннадцатой переписи, стр. 21, 1892. ↑

437

Информация автора от полковника Томаса и других. Различные источники информации преувеличили число погибших до нескольких сотен, но приведенная здесь оценка, полученная от Томаса, вероятно, более достоверна. ↑

438

Ройс, «Нация чероки», Пятый годовой отчет Бюро этнологии, стр. 314, 1888 г. ↑

439

Комиссар Ф. А. Уокер, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 26, 1872. ↑

440

Ройс, указ. соч., стр. 353. ↑

441

Конституция и т. д., цитируется в Carrington, Eastern Band of Cherokees, Extra Bulletin Eleventh Census, стр. 18–20, 1892; личная информация автора. ↑

442

См. решение арбитров Руфуса Баррингера, Джона Х. Дилларда и Т. Руффина с полным текстом заявления в деле Восточное племя чероки против У. Т. Томаса *и др.* H. R. Ex. Doc. 128, 53-й Конгресс, 2-я сессия, 1894; резюме в Royce, Cherokee Nation, Fifth Ann. Rep. Bureau of Ethnology, стр. 315–318, 1888. ↑

443

См. Ройс, указ. соч., стр. 315–318; комиссар Т. Дж. Морган, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. xxix, 1890. Окончательное урегулирование в соответствии с законами Северной Каролины было завершено только в 1894 году. ↑

444

Ройс, указ. соч., стр. 315–318; Кэррингтон, Восточное племя чероки, с картой исследования Темпла, Дополнительный бюллетень одиннадцатой переписи, 1892. ↑

445

Отчет агента У. К. Маккарти, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 343–344, 1875; и Отчет комиссара по делам индейцев , стр. 118–119, 1876. ↑

446

Личная информация автора; см. также Carrington, Eastern Band of Cherokees; Zeigler and Grosscup, Heart of the Alleghanies, стр. 35–36, 1883. ↑

447

Комиссар Х. Прайс, «Отчет комиссара по делам индейцев», стр. lxiv-lxv, 1881, и «Отчет комиссара по делам индейцев», стр. lxix–lxx, 1882; см. также выше, стр. 151. ↑

448

См. комиссар Т. Дж. Морган, «Отчет комиссара по делам индейцев», стр. 141–145, 1892; личная информация автора от Б. К. Хоббса, вождя Н. Дж. Смита и других. Для получения дополнительной информации о росте школы см. также «Отчет комиссара по делам индейцев», стр. 426–427, 1897. ↑

449

Зейглер и Гроскуп, «Сердце Аллеганов», стр. 36–42, 1883. ↑

450

Комиссар Х. Прайс, «Отчет комиссара по делам индейцев», стр. lxix–lxx, 1882. ↑

451

Отчет комиссара по делам индейцев, стр. li-lii, 1884. ↑

452

Комиссар Х. Прайс, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. lxix-lxxi, 1882, а также «Законодательство по делам индейцев», там же, стр. 214; Комиссар Х. Прайс, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. lxv-lxvi, 1883. ↑

453

Комиссар Дж. Д. К. Аткинс, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. lxx, 1885 г. ↑

454

Тот же комиссар, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. xlv, 1886; решение, процитированное тем же комиссаром, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. lxxvii, 1887. ↑

455

Тот же комиссар, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. li, 1886 г.; повторено им в Отчете за 1887 г., стр. lxxvii. ↑

456

См. полный текст закона, Отчет комиссара по делам индейцев, т. I, стр. 680–681, 1891 г. ↑

457

Из личных знакомств автора; см. также Zeigler и Grosscup, Heart of the Alleghanies, стр. 38–39, 1883; Агент Дж. Л. Холмс, в Отчете комиссара по делам индейцев, стр. 160, 1885; комиссар Т. Дж. Морган, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 142, 1892; Мур, Список войск Северной Каролины, IV, 1882. ↑

458

Комиссар Д. М. Браунинг, «Отчет комиссара по делам индейцев за 1894 год», стр. 81–82, 1895; также агент Т. В. Поттер, там же, стр. 398. ↑

459

Агент Т. В. Поттер, Отчет комиссара по делам индейцев за 1895 год, стр. 387, 1896. ↑

460

Агент Дж. К. Харт, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 208, 1897. ↑

461

Агент Дж. К. Харт, Отчет комиссара по делам индейцев, стр. 218–219, 1898 г. ↑

462

На недавних выборах в ноябре 1900 года местные избирательные комиссии не позволили им зарегистрироваться или проголосовать, и сейчас этот вопрос оспаривается. ↑

III — ПРИМЕЧАНИЯ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ОЧЕРКУ

(1) Синонимия племен (стр. 15): Очень немногие индейские племена известны нам под именами, которыми они называют себя. Одна из причин этого заключается в том, что белые обычно слышали о племени от его соседей, говорящих на других языках, прежде чем встретили само племя. Многие из популярных названий племен изначально были прозвищами, данными соседними племенами, часто относящимися к каким-то особенным обычаям, и в большинстве случаев они вызывали резкое неприятие у людей, которых они обозначали. Как правило, каждое племя имело разные названия на всех окружающих индейских языках, помимо тех, которые были даны испанскими, французскими, голландскими или английскими поселенцами.

Yûñ'wiyă' — это слово состоит из *yûñwĭ* (человек) и *yă* (настоящий или главный). Предположение о превосходстве явно прослеживается в индейских племенных названиях; так, ирокезы, делавэры и пони называют себя соответственно Oñwe-hoñwe, Leni-lenape′ и Tsariksi-tsa′riks, что можно перевести как «люди из людей», «люди, превосходящие других людей» или «настоящие люди».

Kĭtu'hwagĭ — это слово, которое невозможно проанализировать, происходит от Kĭtu′hwă, названия древнего поселения чероки, ранее находившегося на реке Тукасеги, чуть выше нынешнего города Брайсон-Сити, в округе Свейн, Северная Каролина. В 1730 году оно упоминается как один из «семи материнских городов» племени. Его жители назывались Ани′-Китхуваги (люди Китухва) и, по-видимому, оказывали контролирующее влияние на жителей всех городов на водах Тукасеги и в верхней части Малого Теннесси, причем все они часто классифицировались вместе как Ани′-Китхуваги. Диалект этих городов занимал среднее положение между диалектами, на которых говорили на востоке, в верховьях Саванны, и на западе, в Хивасси, Чеова и нижнем течении Малой Теннесси. В различных формах это слово было принято делавэрами, шавано и другими северными алгонкинскими племенами как синоним слова «чероки», вероятно, из-за того, что народ китухва охранял северную границу чероки. В форме «куттава» оно появляется на французской карте Вогнди 1755 года. Из-за сходства в написании Скулкрафт ошибочно считает его синонимом слова «катавба», а Бринтон ошибочно утверждает, что это алгонкинский термин, причудливо переведенный как «жители великой пустыни». Среди западных чероки это название теперь обозначает могущественное тайное общество, возникшее незадолго до Гражданской войны.

Cherokee — это название встречается в пятидесяти различных вариантах написания. В стандартной признанной форме, которая восходит по крайней мере к 1708 году, оно дало название округам в Северной Каролине, Южной Каролине, Джорджии и Алабаме, расположенным на древней территории племени, а также еще двадцати другим географическим местам в Соединенных Штатах. В восточном или нижнем диалекте, с которым английские поселенцы познакомились первыми, форма звучит как Tsa′răgĭ′, откуда мы и получаем Cherokee. В других диалектах форма Tsa′lăgĭ′. Очевидно, что она чужда племени, как это часто бывает с племенными названиями, и, по всей вероятности, имеет чоктоское происхождение, пришедшее с юга через торговый жаргон мобильцев. Следует отметить, что Де Сото, чьи летописцы впервые использовали это слово в форме Chalaque, нанял своих переводчиков на побережье Флориды. Фонтанедо, писавший около 1575 года, упоминает другие племена, проживавшие в глубине материка и известные коренным жителям Флориды под именами, которые, по-видимому, имеют чокто происхождение ( ); например, Canogacole, что означает «злые люди», причем последняя часть, по-видимому, является чокто словом *okla* или *ogula*, «люди», которое также встречается в Pascagoula, Bayou Goula и Pensacola. Шетимаша, Атакапа и, вероятно, Билокси также являются именами чокто, хотя сами племена имеют другое происхождение. Поскольку чокто занимали большую часть побережья Мексиканского залива и были главными торговцами этого региона, было естественно, что исследователи, высадившиеся среди них, приняли их названия для более отдаленных племен.

Название, по-видимому, относится к тому факту, что племя занимало пещерную местность. В «Choctaw Leksikon» Аллена Райта, 1880, стр. 87, мы находим *choluk*, существительное, означающее дыру, полость, яму, пропасть и т. д., а также прилагательное, означающее полость. В рукописном словаре чокто Кируса Байинтона, хранящемся в библиотеке Бюро американской этнологии, мы находим *слово chiluk*, существительное, означающее «дыра», «полость», «углубление», «яма» и т. д., с пояснением, что в обычном употреблении оно означает полость или углубление, а не дыру, проделанную в чем-либо. В качестве прилагательного та же форма дается в значении «полый», «имеющий отверстие», как *iti chiluk*, «полое дерево»; *aboha chiluk*, «пустой дом»; *chiluk chukoa*, «войти в отверстие». Другие формы существительного — *chuluk* и *achiluk* в единственном числе и *chilukoa* во множественном числе, все означающие «дыра», «яма» или «полость». Глагольные формы — *chilukikbi*, «делать дыру», и *chilukba*, «открывать и образовывать трещину».

В соответствии с особенностями языка чероки, корень племенного названия принимает номинальные или глагольные приставки в зависимости от его связи с остальной частью предложения и склоняется, или, вернее, спрягается, следующим образом: Единственное число — первое лицо, *tsi-Tsa'lăgĭ*, я (являюсь) чероки; второе лицо, *hi-Tsa'lăgĭ*, ты являешься чероки; третье лицо, *a-Tsa'lăgĭ*, он является чероки. Двойственное число — первое лицо, *âsti-Tsa'lăgĭ*, мы двое — чероки; второе лицо, *sti-Tsa'lăgĭ*, вы двое — чероки; третье лицо, *ani'-Tsa'lăgĭ*, они двое — чероки. Множественное число — первое лицо, *atsi-Tsa'lăgĭ*, мы (несколько человек) — чероки; второе лицо, *hitsi-Tsa'lăgĭ*, вы (несколько человек) — чероки; третье лицо, *ani'-Tsa'lăgĭ*, они (несколько человек) — чероки. Следует отметить, что третье лицо двойного и множественного числа одинаково.

Oyata'ge'ronoñ' и т. д. — Форма ирокезов (могавков) приведена Хьюиттом как O-yata'-ge'ronoñ', корень которой — *yata'*, пещера, *o* — утвердительный префикс, *ge* — локатив at, а *ronoñ'* — племенной суффикс, эквивалентный (английскому) *-ites* или people. Это слово, имеющее несколько диалектных форм, означает «жители страны пещер» или «люди страны пещер», а не «люди, живущие в пещерах», как переводит его Скулкрафт. Тот же корень *yata'* встречается также в ирокезском названии опоссума, который является роющим животным. Как хорошо известно, регион Аллегани является своеобразной страной пещер, которые индейцы использовали для захоронения и в качестве укрытия, о чем свидетельствуют многочисленные останки, найденные в них. Вероятно, ирокезы просто перевели название (Chalaque), распространенное на юге, как это имеет место на западе, где основные племена равнин известны под переводами тех же имен на всех разных языках. Название чероки у индейцев виандотов, Wataiyo-ronoñ', и их название у индейцев катавба, Mañterañ′, по-видимому, оба относятся к выходу из земли и, возможно, изначально были призваны передать ту же идею о пещерных людях.

Рикахокан — это название было использовано немецким исследователем Ледерером в 1670 году для обозначения народа, населявшего горы к юго-западу от поселений Вирджинии. На своей карте он помещает их в горах на южных притоках реки Роанок, в западной части Северной Каролины. Он утверждает, что, по словам его индейских информаторов, рикахокан жили за горами, в стране больших волн, что он интерпретировал как морское побережье (!), но более вероятно, что индейцы пытались передать с помощью языка жестов идею о череде горных хребтов. Название, вероятно, было поухатанского происхождения и, очевидно, идентично названию Rechahecrian из вирджинских хроник примерно того же периода, причем буква *r* в последнем варианте, возможно, является опечаткой. Оно может быть связано с Righkahauk, указанным на карте Вирджинии Смита 1607 года как название города на территории Поухатанов ( ) и до сих пор сохранившимся в Rockahock, названии поместья на нижнем течении реки Памунки. У нас слишком мало материалов по языку Поухатан, чтобы рискнуть дать интерпретацию, но, возможно, оно содержит корень слова «песок», который встречается в различных восточных алгонкинских диалектах в виде

lekawa, nikawa, negaw, rigawa, rekwa и т. д. , откуда произошли Rockaway (песок) и Recgawawank (песчаное место). Форма языка поухатан, приведенная Страчи, — *racawh* (песок). Он также приводит *rocoyhook* (выдра), *reihcahahcoik*, скрытый под облаком, пасмурный, *rickahone* или *reihcoan* (гребень) и *rickewh* (разделять пополам).

Таллигеви — Как хорошо сказал Бринтон: «Ни одно имя в легендах ленапе не вызвало столь широких дискуссий, как это». На карте Колдена в его «Истории пяти наций» 1727 года мы находим «Аллегенс», обозначенные на реке Аллегани. Хекевельдер, который записал традиции делавэров в 1819 году, говорит: «Эти люди, как мне сказали, называли себя Таллигеу или Таллигеви. Однако полковник Джон Гибсон, человек, который хорошо знает индейцев и говорит на нескольких их языках, считает, что они назывались не Таллигеви, а Аллигеви; и, судя по следам их имени, которые до сих пор сохранились в этой стране, река Аллегейни и горы, несомненно, были названы в их честь. Делавэры до сих пор называют бывшую Аллигеви Сипу (реку Аллигеви)» — Indian Nations, стр. 48, изд. 1876. Лоскель, опираясь на авторитет Цайсбергера, пишет, что делавэры знали всю страну, орошаемую Огайо, под названием Аллигевиненг, что означает «земля, в которую они прибыли из дальних мест», основывая свою интерпретацию на этимологии, составленной из *talli* или *alli*, там, *icku*, в то место, и *ewak*, они идут, с локативным окончанием. Эттвайн, другой моравский писатель, говорит, что делавэры называли «западную страну» Аллигевенорк, что означает «тропа войны», а реку — Аллигеви Сипо. Согласно этому определению, слово происходит от *palliton* или *alliton*, «сражаться, вести войну», *ewak*, «они идут», и локативного окончания, т. е. «они идут туда, чтобы сражаться». Трамбулл, авторитетный специалист по алгонкинским языкам, выводит название реки от *слов wulik*, «хороший, лучший», *hanne*, «быстрый поток», и *sipu*, «река», что почти соответствует его ирокезскому названию *Огайо*. Рафинеск переводит Talligewi как «там найденный» от *talli*, там, и какого-то другого корня, не указанного (Brinton, Walam Olum, стр. 229–230, 1885).

Следует отметить, что названия Огайо и Аллигеви (или Аллегейни) индейцы, в отличие от нас, применяли не к разным частям одной и той же реки, а ко всему течению или, по крайней мере, к большей его части от истока вниз. Хотя Бринтон не видит необходимой связи между названием реки и традиционным названием племени, утверждение Хекевельдера, который в целом является авторитетом в вопросах, касающихся Делавэра, делает их идентичными.

В традиционном названии племени, Таллигеви или Аллигеви, *wi* является утвердительным глагольным суффиксом, так что форма правильно означает «он — таллиге» или «они — таллиге». Это очень близко к Tsa′lăgĭ′, названию, которым чероки называют себя, и, возможно, было ранним искажением этого названия. Однако в словаре Зейсбергера по языку делавэров мы находим *waloh* или *walok*, означающие пещеру или нору, в то время как в «Walam Olum» мы имеем *oligonunk,* переводимое как «место пещер», причем этот регион далее описывается как земля буйволов на приятной равнине, где ленапе, продвигаясь к морю из менее богатой северной области, наконец нашли пищу (Walam Olum, стр. 194–195). К сожалению, как и другие подобные произведения коренных народов северных племен, ленапская хроника носит скорее намекающий характер, чем является полной и связной. С большим количеством информации, возможно, кажущиеся несоответствия исчезнут, и мы наконец обнаружим, что чероки в древние времена, как и в исторический период, всегда были южным авангардом ирокезской расы, всегда в первую очередь горным народом, но с флангом, опирающимся на Огайо и его великие притоки, следуя за тенденцией Блу-Ридж и Камберленда, которые медленно уступали под давлением с севера, пока не были окончательно отрезаны от родительского племени клином алгонкинского вторжения, но всегда, будь то на севере или на юге, сохраняя свое отличительное название среди племен как «народ страны пещер».

Поскольку чероки на протяжении столь долгого времени занимали видное место в истории, их название встречается во многих синонимах и различных вариантах написания. Ниже приведены основные из них:

СИНОНИМЫ

TSA'LĂGĬ' (множественное число, *Ani'-Tsa'lăgĭ'*). Правильная форма в среднем и западном диалектах чероки.

TSA'RĂGĬ'. Правильная форма в восточном или нижнем диалекте чероки.

Achalaque. Schoolcraft, Notes on Iroquois, 1847 (неправильно цитируя Гарсиласо).

Chalakee. Наттал, «Путешествия», 124, 1821.

Чалаке. Джентльмен из Эльваса, 1557; Публикации Общества Хаклюита, IX, 60, 1851.

Чалаки. Барсия, Энсайо, 335, 1723.

Чараки. Карта наследников Хоманна, около 1730 года.

Чарики. Документ 1718 года, *fide* Rivers, Южная Каролина, 55, 1856.

Чароки. Губернатор Джонсон, 1720, *fide* Rivers, Early History South Carolina, 93, 1874.

Чилаке. Бартон, Новые взгляды, xliv, 1798.

Чираки. Адаир, Американские индейцы, 226, 1775.

Чираки. Там же, 137.

Чираки. Мур, 1704, в Кэрролл, Исторические сборники Южной Каролины, II, 576, 1836.

Чероки. Росс (?), 1776, в «Историческом журнале», 2-я серия, II, 218, 1867.

Чел-а-ке. Лонг, Экспедиция в Скалистые горы, II, lxx, 1823.

Челаки. Галлатин, Trans. Am. Antiq. Soc., II, 90, 1836.

Челаки. Наттал, Путешествия, 247, 1821.

Челеки. Кин, в Сборнике Стэнфорда, 506, 1878.

Челоки. Скулкрафт, «Индейские племена», II, 204, 1852.

Челокулги. Уайт, Статистика Джорджии, 28, 1849 (указано как множественное число от названия племени криков).

Челоки. Галлатин, Trans. Am. Antiq. Soc., II, 104, 1836.

Чоки. Джонсон, 1772, в New York Doc. Col. Hist., VIII, 314, 1857 (опечатка вместо *«чероки»*).

Cheraguees. Coxe, Carolina, II, 1741.

Cherakees. Там же, карта, 1741.

Черакис. Шовиньери, 1736, *по* Скулкрафту, Indian Tribes, III, 555, 1853.

Cheraquees. Coxe, Carolana, 13, 1741.

Cheraquis. Penicaut, 1699, в Margry, V, 404, 1883.

Cherickees. Кларк, 1739, в New York Doc. Col. Hist., VI, 148, 1855.

Черики. Конференция в Олбани, 1742, там же, 218.

ЧЕРОКИ. Губернатор Джонсон, 1708, в Риверс, Южная Каролина, 238, 1856.

Чероки. Кроган, 1760, в Mass. Hist. Soc. Colls., 4-я серия, IX, 372, 1871.

Чероки. Кэмпбелл, 1761, там же, 416.

Чераки. Эванс, 1755, в Грегг, Старые Чероки, 15, 1867.

Чероки. Договор 1722 года, *fide* Drake, Book of Indians, кн. 4, 32, 1848.

Черрики. Вайзер, 1748, *по* Кауфману, Западная Пенсильвания, приложение, 18, 1851.

Чиракуэс. Рэндольф, 1699, в Риверс, Южная Каролина, 449, 1856.

Чироки. Автор около 1825 г., «Анналы проповеди веры», II, 384, 1841.

Чоракис. Документ 1748 года, New York Doc. Col. Hist., X, 143, 1858.

Чреоки. Пайк, Travels, 173, 1811 (опечатка, перестановка).

Шанаки. Гатчет, Каддо МС, Бюро Ам. Этнос., 1882 (имя Каддо).

Шан-нак. Марси, Ред-Ривер, 273, 1854 (название из языка вичита).

Шаннаки. Гатчет, Фокс МС, Бюро американской этнографии, 1882 (название Фокс: форма множественного числа, *Шаннакиак*).

Шаяге. Гэтчет, Кау МС, Бюро американской этнографии, 1878 (название Кау).

Суллугос. Кокс, Каролана, 22, 1741.

Ткалке. Гатчет, Тонкава МС, Бюро американской этнографии, 1882 (название Тонкава, *Чал-ке*).

Tcerokiec. Gatschet, Wichita MS, Bur. Am. Ethn., 1882 (название Wichita, *Cherokish*).

Tchatakes. Ла Саль, 1682, в Margry, II, 197, 1877 (опечатка).

Цалаки. Галлатин, Trans. Am. Antiq. Soc., II, 90, 1836.

Цаллаки. Скулкрафт, Заметки об ирокезах, 310, 1847.

Ца-ло-ки. Морган, Древнее общество, 113, 1878.

Tschirokesen. Wrangell, Ethn. Nachrichten, XIII, 1839 (немецкая форма).

Цулахки. Грейсон, Крик MC, Bur. Am. Ethn., 1885 (название криков; форма множественного числа, *Цальгальги* или *Цульгульги* — Муни).

Tzerrickey. Urlsperger, *fide* Gatschet, Creek Migration Legend, I, 26, 1884.

Цулуки. Рафинеск, Am. Nations, I, 123, 1836.

Золуканцы.
Зулоканы. } Рафинеск, в Маршалле, Кентукки, I, 23, 1824.

ТАЛЛИГЕУ.

ТАЛЛИГЕВИ. } Хекевельдер, 1819, Indian Nations, 48, переиздание 1876 г. (традиционное название на языке делавэров; единственное число — *Таллиге'* или *Аллиге'* (см. предыдущее объяснение).

АЛЛИГЕВИ.

Аллега. Скулкрафт, «Индейские племена», V, 133, 1855.

Аллеганс. Колден, карта, 1727, *fide* Скулкрафт, там же, III, 525, 1853.

Аллегеви. Скулкрафт, там же, V, 133, 1855.

Аллеганс. Колден, 1727, цитируется в Скулкрафт, Заметки об ирокезах, 147, 1847.

Аллегани. Рафинеск, в Маршалл, Кентукки, I, 34, 1824.

Аллегенс. Колден, карта, 1727, *fide* Скулкрафт, Заметки об ирокезах, 305, 1847.

Аллегви. Сквайер, в Бич, «Индийский сборник», 26, 1877.

Алли. Скулкрафт, «Индийские племена», V, 133, 1855.

Аллигевис. Кин, в Стэнфордском сборнике, 500, 1878.

Талаганы. Рафинеск, в Маршалл, Кентукки, I, 28, 1824.

Талега. Бринтон, «Валам Олум», 201, 1885.

Таллагеви. Скулкрафт, «Индейские племена», II, 36, 1852.

Таллегви. Рафинеск, *по данным* Мерсера, Ленапе Стоун, 90, 1885.

Таллигви. Скулкрафт, Заметки об ирокезах, 310, 1847.

Таллике. Бринтон, Валам Олум, 230, 1885.

KĬTU'HWAGĬ (множественное число, *Ani'-Kĭtu'hwagĭ.* См. предыдущее объяснение).

Cuttawa. Vaugondy, карта, Partie de l'Amérique, Septentrionale 1755.

Гатохуа.

Гатточва. } Гатчет, Легенда о миграции криков, I, 28, 1884.

Катова (мн. ч. *Катоваги*).

Кетаваугас. Хейвуд, «Природный и аборигенный Теннесси», 233, 1823.

Киттува. Бринтон, «Валам Олум», 16, 1885 (название на языке делавэров).

Куттоовау. Аупаумут, 1791, *fide* Бринтон, там же, 16 (название махикан).

ОЯТАГЕРОНОН. Хьюитт, устная информация (ирокезское (могавкское) название. См. предыдущее объяснение).

Оджадагохроене. Ливингстон, 1720, в New York Doc. Col. Hist., V, 567, 1855.

Ондадеонвас. Бликер, 1701, там же, IV, 918, 1854.

Оядакучраоно. Вайзер, 1753, там же, VI, 795, 1855.

Оядагаронес. Письмо 1713 года, там же, V, 386, 1855 (неправильно указаны как плоскоголовые, т. е. либо катавбы, либо чокто).

Оядагеоно. Гатчет, Сенека MC, 1882, Bur. Am. Ethn. (имя сенека).

О-я-дэ'-го-о-но. Морган, Лига ирокезов, 337, 1851.

Ояудах. Скулкрафт, Заметки об ирокезах, 448, 1847 (имя сенека).

Увата-йо-ро-но. Гатчет, Легенда о миграции криков, 28, 1884 (имя в языке виандотов).

Уяда. Там же (имя сенека).

Ве-яу-да. Скулкрафт, Заметки об ирокезах, 253, 1847.

Ва-тай-йо-ро-нонь''. Хьюитт, «Вьяндот MC», 1893, Bur. Am. Ethn. (имя вьяндотов).

РИКАХОКАНЦЫ. Ледерер, 1672, Открытия, 26, переиздание 1891 г. (см. предыдущее объяснение).

Рикохоканцы. Карта, там же.

Речахекрианцы. Дрейк, Книга индейцев, книга 4, 22, 1848 (из старых документов Вирджинии).

Речехекрианцы. Рафинеск, в Маршалл, Кентукки, I, 36, 1824.

МАНЬТЕРАНЬ. Гатчет, Катауба MC, 1881, Bur. Am. Ethn. (Название Катауба. См. предыдущее объяснение).

ЭНТАРИРОННОН.
ОЧИТАРИРОННОН. } Потье, Racines Huronnes et Grammaire, MS, 1751 (имена виандотов. Первое, по Хьюитту, означает «люди хребта или горы»).

T'KWEN-TAH-E-U-HA-NE. Бошам, в Journal Am. Folklore, V, 225, 1892 (указано как имя онондага и переведено как «люди красивого красного цвета»).

КАНОГАКОЛЕ (?). Фонтанедо, около 1575, Memoir, переведено в French Hist. Colls., II, 257, 1875 (переведено как «злые люди»).

(2) ТОРГОВЫЙ ЯЗЫК МОБИЛЬЦЕВ (стр. 16): Этот торговый жаргон, основанный на языке чокто, но заимствующий также из всех соседних диалектов и даже из более северных алгонкинских языков, был распространен и понимаем всеми племенами штатов Мексиканского залива, вероятно, на западе до залива Матагорда и на севере вдоль обоих берегов Миссисипи до алгонкинской границы около устья Огайо. Французы называли его мобильским, по названию Мобиля, крупного торгового центра региона Мексиканского залива. Вдоль Миссисипи он иногда был также известен как торговый язык чикасо, который является диалектом собственно языка чокто. Джеффрис в 1761 году сравнивает этот жаргон по его использованию с лингва франка Леванта, и, очевидно, с помощью этого межплеменного средства общения переводчик Де Сото из залива Тампа мог общаться со всеми племенами, которые они встречали, пока не достигли Миссисипи. Некоторые из названий, использованных Фонтанедо около 1575 года для племен, проживавших к северу от залива Аппалачи, по-видимому, происходят из этого источника, как и в более позднее время названия других племен региона залива, независимо от лингвистического сходства, в том числе, среди прочих, таенса, туника, атакапа и шетимаша, представляющие столько же различных лингвистических групп. В своем отчете о юго-западных племенах в 1805 году Сибли говорит, что на «мобилианском» языке, помимо своих родных языков, говорили все индейцы, прибывшие с восточной стороны Миссисипи. Среди тех, кто его использовал, он называет алабама, апалачи, билокси, чактоо, пакана, паскагула, таенса и туника. Вудворд, писавший из Луизианы более пятидесяти лет спустя, говорит: «Есть еще один язык, который индейцы Техаса называют мобильским языком, который был торговым языком почти всех племен, населявших эту страну. Я знаю белых людей, которые сейчас на нем говорят. Рядом со мной живет человек пятидесяти лет, выросший в Техасе, который хорошо говорит на этом языке. Это смесь крик, чокто, чикасей, нечес [натчез] и апелаш [апалачи]» — «Воспоминания», 79. Дополнительную информацию см. также в Гэтшете, «Легенда о миграции крик», и Сибли, «Отчет».

Торговый жаргон мобильцев не был единственным в своем роде. В Америке, как и в других частях мира, общая необходимость взаимопонимания привела к образованию нескольких таких смешанных диалектов, которые иногда преобладали на обширных территориях. В некоторых случаях язык доминирующего племени служит общим средством общения для всех племен определенного региона. В Южной Америке мы находим lingoa geral, основанный на языке тупи,

который понимают для повседневных целей все племена огромного центрального региона от Гвианы до Парагвая, включая почти весь бассейн Амазонки. На северо-западном побережье мы находим хорошо известный «жаргон чинук», который получил свое название от небольшого племени, ранее проживавшего в устье реки Колумбия, и широко используется всеми племенами от Калифорнии до Аляски ( ) и на восток до великого водораздела Скалистых гор. На юго-западе язык навахо-апачей понимают почти все индейцы Аризоны и Нью-Мексико, а на равнинах язык сиу на севере и язык команчей на юге занимают почти такое же положение. В дополнение к этому у нас есть также известный «язык жестов», система жестов, используемая и прекрасно понимаемая как средство свободного общения между всеми охотничьими племенами равнин от Саскачевана до Рио-Гранде.

(3) Диалекты (стр. 17): Лингвистическое родство диалектов чероки и северных ирокезов, хотя и хорошо установлено, обычно не очевидно на первый взгляд, но требует тщательного анализа слов и знания законов фонетических изменений, чтобы проявиться. Наиболее очевидное внешнее сходство, пожалуй, наблюдается между диалектами могавков и восточных (нижних) чероки, поскольку в обоих диалектах полностью отсутствуют губные согласные и вместо *l* используется *r*. В приведенной ниже краткой таблице слова ирокезов взяты с небольшими изменениями в используемом алфавите из рукописей Хьюитта, а слова чероки — из рукописей автора:

	Могавк	**Чероки (восточный)**
человек	oñgwe’	yûñwĭ
огненный	otsi’ra’	ацира (ацила)
вода	awĕñ’	ăwă′ (ămă′)
камень	oněñya’	nûñyû′
стрела	канонь	куни
труба	каноннавен	kănûñ′năwû
рука (рука)	ове′я	uwâ′yĭ
молоко	уненьта	унуньти
пять	wĭsk	hĭskĭ

табак	[tcărhû’, тускарора]	tsârû (tsâlû)
рыба	отконьта	û′tsûtĭ′
призрак	o’скĕньна’	asgi′na
змея	ĕñnătûñ	и'наду'

Сравнение диалектов чероки

	Восточный (нижний)	Средний	Западный (верхний)
огонь	atsi′ra	ацила	ацила
вода	ăwă′	ămă′	ămă′
собака	gi’rĭ′	гили	гили
волосы	гицу	гицу′	гитлу′
ястреб	цанува	цанува	тланува
пиявка	цану′си′	цану′си′	тланусĭ′
летучая мышь	цавеха	цамеха	тламеха
пантера	цунтуц	цуньту′ци	тлунту′ци
сойка	tsay’kû′	tsay’kû′	тлайку
мартин (птица)	цуцу	цуцу′	тлутлу′
боевой дубинка	атасу′	атасу′	атаси

сердце	unăhŭ′	unăhŭ′	unăhwĭ′
где?	га′цу	га′цу	ха′тлу
сколько?	хуньгу′	хуньгу′	хилагу
ключ	stugi′stĭ	стугисти	стуисти
Я поднимаю это (долго)	tsĭnigi′û	tsĭnigi′û	tsĭne′û
мой отец	agidâ′tă	агида′та	эда′та
моя мать	a′gitsĭ′	агици	etsĭ′
отец моего отца	агиниси	агиниси	эниси
отец моей матери	агиду′ту	агиду′ту	edu′tŭ

Следует отметить, что восточный и средний диалекты практически одинаковы, за исключением изменения *l* на *r* и полного отсутствия губного *m* в восточном диалекте, в то время как западный диалект значительно отличается от других, в частности, более частым использованием жидкого *l* и смягчением гортанного *g*, что делает его самым мелодичным из всех диалектов чероки. Он также является стандартным литературным диалектом. В дополнение к этим трем основным диалектам существуют некоторые особые формы и выражения, используемые несколькими людьми, которые указывают на существование в прошлом одного или нескольких других диалектов, которые сейчас слишком давно исчезли, чтобы их можно было восстановить. Как и в большинстве других племен, церемониальные формы, используемые священниками, настолько наполнены архаичными и образными выражениями, что они практически непонятны для мирян.

(4) Племена ирокезов и их миграции (с. 17): Ирокезская группа, получившая свое название от знаменитой конфедерации ирокезов, ранее состояла из пятнадцати-двадцати племен, говоривших почти на стольких же различных диалектах, в том числе, среди прочих, на следующих:

Вьяндот, или Гурон. Тиононтати, или народ табака.	Онтарио, Канада.

Аттивандарон, или нейтральный народ.

Тохотаенрат.

Венророно.

Могавк.

Онейда.

Онондага. } Ирокезы, или Пять Наций, Нью-Йорк.

Каюга.

Сенека.

Эри. Северный Огайо и др.

Конестога или Сускеханна. Южная Пенсильвания и Мэриленд.

Ноттоуэй.

} Южная Вирджиния.

Мехеррин?

Тускарора. Восточная Северная Каролина.

Чероки. Западная Каролина и т. д.

Традиции и история указывают на регион Святого Лаврентия как на раннюю родину этого народа. В этом вопросе все авторитеты сходятся во мнении. Хейл в своей статье «Миграции индейцев» (стр. 4) пишет: «Согласно неизменной традиции ирокезов, их предки были эмигрантами из региона к северу от Великих озер, где они в древние времена жили вместе со своими братьями-гуронами. Эта традиция подробно описана Кадвалладером Колденом, генеральным землемером Нью-Йорка, который в начале прошлого века написал свою известную «Историю пяти наций». В несколько иной форме она изложена Дэвидом Кусиком, историком из племени тускарора, в его «Очерках древней истории шести наций», и повторена г-ном Л. Х. Морганом в его ставшей классической работе «Лига ирокезов», для которой он почерпнул информацию главным образом из рассказов сенеков. Наконец, как мы узнаем из рассказа индейца виандота Питера Кларка в его

книге «Происхождение и традиционная история виандотов», верования гуронов в этом отношении совпадают с верованиями ирокезов. Оба народа указывают на землю, расположенную непосредственно к северу от реки Святого Лаврентия, и особенно на ту ее часть, которая лежит к востоку от озера Онтарио, как на раннюю родину народов гуронов и ирокезов. Ничего не известно о традициях конестога или ноттоуэй, но традиции тускарора, как их передают Кузик и другие авторитетные источники, делают их прямыми потомками северных ирокезов, с которыми они впоследствии воссоединились. Традиции чероки, как мы видели, также приводят их с севера, завершая таким образом цикл. «Стало очевидным, что путь миграции семьи гуронов-чероки пролегал с северо-востока на юго-запад, то есть от восточной Канады, на нижнем течении реки Святого Лаврентия, до гор северной Алабамы» (Хейл, «Миграции индейцев», стр. 11).

Уход северных ирокезских племен из региона реки Святого Лаврентия был вызван враждебностью их алгонкинских соседей ( ), из-за которой гуроны и их союзники были вынуждены укрыться в районе залива Джорджиан и верховьев озера Онтарио, а собственно ирокезы отступили в центральную часть штата Нью-Йорк. В 1535 году Картье обнаружил, что берега реки от Квебека до Монреаля заняты ирокезским народом, но при заселении этой страны семьдесят лет спустя тот же регион оказался во владении алгонкинских племен. Конфедерация пяти ирокезских народов, образованная, вероятно, около 1540 года, позволила им сдержать вторжение алгонкинов и перейти в наступление. Лингвистические и другие данные свидетельствуют о том, что отделение чероки от родительского племени должно было произойти задолго до этого периода.

(5) WALAM OLUM (с. 18): Название означает «красная отметка», от слова *walam* из языка делавэров, означающего «окрашенный», а точнее «окрашенный в красный цвет», и *olum*, означающего «отметка, знак». Валам Олум был впервые опубликован в 1836 году в работе под названием «Американские нации» Константина Самуэля Рафинеска, многогранного и плодовитого, но очень непредсказуемого французского ученого, который провел вторую половину своей жизни в этой стране и умер в Филадельфии в 1840 году. Он утверждал, что это был перевод рукописи на языке делавэров, которая представляла собой интерпретацию древней священной метрической легенды делавэров, записанной пиктограммами, вырезанными на дереве, полученной в 1820 году его другом-врачом, проживавшим среди делавэров, которые тогда жили в центральной части штата Индиана. Он сам говорит: «Эти настоящие *олумы* были впервые получены в 1820 году в качестве вознаграждения за медицинское лечение, считались курьезом и были необъяснимы. В 1822 году от другого человека были получены приложенные к ним песни на языке оригинала, но я не смог найти никого, кто мог бы их перевести. Поэтому мне пришлось выучить язык с помощью Цейсбергера, Хекевельдера и рукописного словаря, специально для того, чтобы перевести их, что я и сделал только в 1833 году». Из-за уникального характера предполагаемой индейской записи и недостаточного авторитета Рафинеска среди его современников-ученых, этому открытию уделялось мало внимания, пока Бринтон не взялся за эту тему несколько лет назад. После критического анализа доказательств со всех точек зрения он пришел к выводу, что эта работа является подлинным произведением коренных жителей, хотя рукописный перевод является неточным, отчасти из-за незнания языка белым писцом, а отчасти из-за незнания индейским рассказчиком значения архаичных форм. Издание Бринтона (см.), опубликованное на основе рукописи Рафинеска, представляет легенду в тройном варианте — пиктографическом, на языке делавэров и в английском переводе, с примечаниями и глоссарием, а также ценным этнологическим введением самого Бринтона.

Неизвестно, сохранились ли какие-либо оригинальные пиктографические гравюры на дереве из «Валам Олум», хотя из заявления Рафинеска следует, что он их видел. Однако в подтверждение правдивости его заявления мы имеем факт, что точно такие же пиктографические серии, вырезанные на березовой коре, где каждая пиктограмма представляет собой строку или куплет священного метрического стихотворения, в настоящее время широко распространены среди

оджибве, меномини и других северных племен. В 1762 году пророк из племени делавэров записал свои видения иероглифами, вырезанными на деревянной палке, а около 1827 года реформатор из племени кикапу использовал тот же метод для распространения новой религии среди племен. Одна из этих «молитвенных палок» сейчас находится в Национальном музее и является единственным сохранившимся экземпляром из большой корзины, доставленной миссионеру в Индиане группой индейцев кикапу в 1830 году (см. иллюстрацию и описание на стр. 665, 697 *и далее* в книге автора «Религия танца духов», Четырнадцатый ежегодный отчет Бюро этнологии).

(6) Река Фиш (стр. 18): Namæsi Sipu (Heckewelder, Indian Nations, 49) или Namassipi (Walam Olum, стр. 198). Обманутый небольшим сходством звучания, Хекевельдер отождествляет эту реку с Миссисипи, но, как показывает Скулкрафт (Notes on Iroquois, стр. 316), настоящее название Миссисипи — просто Misi-sipi, «великая река», и «река рыб» было бы самым неподходящим названием для такого бурного течения, где могут жить только более крупные виды рыб. Сам факт, что среди экспертов, знакомых с индейской номенклатурой, может возникнуть вопрос об идентичности, указывает на то, что это не была одна из крупных рек. Хотя Хекевельдер заставляет аллигеви, как он предпочитает их называть, бежать вниз по Миссисипи после своего окончательного поражения, в хронике Валам Олум говорится только о том, что «все талега уходят на юг». Вероятно, это было постепенное отступление, а не внезапное и согласованное бегство (см. Хейл, «Миграции индейцев», стр. 19–22).

(7) Первое появление белых (стр. 19): возможно, это относится к одному из первых авантюристов, которые в первые десятилетия после открытия Америки плавали по Северной Атлантике, среди которых были Себастьян Кабот в 1498 году, Верразано в 1524 году и Гомес в 1525 году. Поскольку эти путешествия не привели к постоянной оккупации страны, сомнительно, что они оставили какой-либо длительный след в индейских традициях. Автор решил предположить, в соответствии с Бринтоном и Рафинеском, что упоминание в «Валам Олум» относится к поселению голландцев в Нью-Йорке и англичан в Вирджинии вскоре после 1600 года.

(8) Маршрут Де Сото (с. 26): 30 мая 1539 года Эрнандо де Сото из Испании с 600 вооруженными людьми и 213 лошадьми высадился в бухте Тампа на западном побережье Флориды в поисках золота. После более чем четырех лет тягостных и безуспешных странствий от Флориды до великих равнин Запада и обратно к Миссисипи, где Де Сото умер и его тело было предано великой реке, 311 человек, все, кто остался от экспедиции, наконец прибыли в Пануко, в Мексике, 10 сентября 1543 года.

Для истории этой экспедиции, самой важной из когда-либо предпринятых Испанией на востоке Соединенных Штатов, у нас есть четыре оригинальных источника. Первый — очень краткий, но, очевидно, правдивый (испанский) отчет Бидмы, офицера экспедиции, представленный королю в 1544 году, сразу после возвращения в Испанию. Следующим по порядку, но первым по важности с точки зрения деталей и общей достоверности, является рассказ анонимного португальского кавалериста экспедиции, широко известного как Джентльмен из Эльваса, первоначально опубликованный на португальском языке в 1557 году. Далее следует (испанский) рассказ Гарсиласо, написанный, но не опубликованный в 1587 году. В отличие от других, автор не был очевидцем того, что он описывает, а составил свой рассказ в основном из устных воспоминаний старого солдата экспедиции более чем через сорок лет после события, дополнив эту информацию документами, написанными двумя другими солдатами Де Сото. Как и следовало ожидать, повествование Гарсиласо, хотя и написано в цветистом стиле, изобилует преувеличениями и тривиальными инцидентами и выглядит невыгодно по сравнению с другими описаниями, хотя, вероятно, в нем больше второстепенных событий. Четвертый оригинальный отчет — это незавершенный (испанский) доклад Ранхеля, секретаря экспедиции, написанный вскоре после прибытия в Мексику и впоследствии включенный с значительными изменениями Овьедо в его

«Historia natural y general de las Indias». Поскольку этот четвертый рассказ оставался неопубликованным до 1851 года и никогда не был переведен, до сих пор он полностью игнорировался комментаторами, за исключением Уинсора, который упоминает его вскользь. В целом он хорошо согласуется с рассказом Эльваса и проливает ценный свет на историю экспедиции.

Основные источники, сохраняя общее единство повествования, сильно различаются в деталях, особенно в оценках численности и расстояний, часто до такой степени, что бесполезно пытаться согласовать их разные утверждения. В целом, джентльмен из Эльваса наиболее умерен в своих высказываниях, в то время как Биедма занимает среднюю позицию, а Гарсиласо сильно преувеличивает. Так, первый называет число людей Де Сото 600, Биедма — 620, а Гарсиласо — 1000. На определенном этапе путешествия португальский джентльмен называет число индейцев, сопровождавших Де Сото, 700, Биедма — 800, а Гарсиласо — 8000. В сражении при Мавилье, согласно отчету Эльваса, погибло 18 испанцев и 2500 индейцев, Бидма говорит о 20 погибших испанцах, не давая оценки числа индейцев, а Гарсиласо указывает 82 погибших испанца и более 11 000 индейцев. В расстояниях также наблюдаются большие расхождения. Так, Бидма считает, что расстояние от Гуаксуле до Чиахи составляет четыре дня, Гарсиласо — шесть дней, а Эльвас — семь дней. Что касается длины дневного марш-броска ( ), то мы видим, что Эльвас оценивает его от «четырех лиг, плюс-минус» (Гарсиласо) до «семи или восьми лиг в день» (Эльвас). В другом месте летописец Эльвас утверждает, что они обычно проходили пять или шесть лиг в день по заселенным территориям, но при пересечении незаселенных регионов, таких как тот, что находится между Канасагуа и Чиаха, они шли каждый день как можно дальше из-за опасений, что у них закончатся припасы. Одно из самых ярких несоответствий касается расстояния между Чиаха и Косте. И португальский писатель, и Гарсиласо помещают Чиаху на острове — утверждение, которое само по себе не соответствует нынешним условиям, — но в то время как первый считает, что остров имеет длину чуть более лиги, второй утверждает, что он был длиной в пять лиг. Следующим городом был Косте, который Гарсиласо помещает непосредственно в нижней части того же острова, в то время как португальский джентльмен представляет его как находящийся на расстоянии семи дней пути, хотя он сам и дает острову меньшую длину.

Несмотря на обманчивую точность, особенно в повествованиях Эльваса и Ранжеля, которые имеют форму ежедневного дневника, нельзя не прийти к выводу, что большая часть записей была сделана после того, как даты были забыты, а последовательность событий стала неясной. Учитывая все трудности, опасности и неопределенности, которые постоянно преследовали экспедицию, было бы слишком много ожидать регулярности ведения дневника, и более вероятно, что записи делались не ежедневно, а через нерегулярные промежутки времени, когда появлялась возможность в нескольких местах отдыха. История должна быть интерпретирована в свете наших более поздних знаний о географии и этнологии страны, через которую прошла экспедиция.

Каждое из трех основных повествований прошло через переводы и более поздние издания, более или менее сомнительные с точки зрения верности оригиналу, причем английское издание в некоторых случаях само по себе является переводом с более раннего французского или голландского перевода. Англоязычные историки экспедиции обычно черпали свои материалы из того или иного из этих переводов, не зная ни оригинального языка, ни этимологии индейских имен, ни отношений между различными упомянутыми племенами, ни общей системы индейской географической номенклатуры. Одной из самых больших ошибок была попытка в каждом случае придать фиксированное местное значение имени, которое в некоторых случаях вовсе не является собственным именем, а в других — просто описательным термином или дублирующимся именем, встречающимся в нескольких местах на территории одного племени. Так, Tali — это просто слово *talua* из языка криков, означающее «город», а не конкретное географическое название, как это было ошибочно представлено при работе с неизвестным индейским языком через переводчиков.

Таллисе и Таллимучасе — это соответственно «Старый город» и «Новый город» на языке криков, и нет никакой уверенности в том, что те же названия применялись к тем же местам столетие спустя. Канасагуа — это искаженное название на языке чероки, которое встречается по крайней мере в трех других местах на территории старого чероки, помимо упомянутого в повествовании, и почти каждое старое индейское местное название повторялось несколько раз, как в случае с такими распространенными названиями, как Шорт-Крик, Уайтвотер, Ричмонд или Лексингтон у нас. Тот факт, что на карте сохранилось только одно название из этого набора, не доказывает его тождества с городом из старой хроники. Опять же, такие расплывчатые термины, как «большая река», «красивая долина», были приняты за что-то более конкретное, чем предполагает формулировка. Наиболее распространенной ошибкой в переводе было переведение испанского слова «despoblado» как «пустыня». В штатах Мексиканского залива нет пустынь, и это слово означает просто незаселенный регион, обычно спорную полосу между двумя племенами.

Было много попыток проследить маршрут Де Сото. Поскольку почти каждый историк, писавший о южных штатах, уделял внимание этой теме, нет необходимости перечислять их все. Из примерно тридцати работ, с которыми ознакомился автор, помимо уже упомянутых оригинальных повествований, не более двух или трех можно считать авторитетными, остальные просто копируют их без какого-либо исследования. Первая попытка точно определить маршрут была предпринята Миком (Meek) (Romantic Passages, etc.) в 1839 году (переиздана в 1857 году), его выводы были основаны на его общих знаниях о географии региона ( ). В 1851 году Пикетт ( ) попытался определить маршрут, в основном, как он утверждает, на основе индейских преданий, переданных смешанными кровями. Насколько можно полагаться на индейские предания, интерпретированные таким образом через три столетия после событий, не нужно говорить. Оба эти писателя провели Де Сото по реке Куса, и Ирвинг, Ши и другие последовали за ними без каких-либо исследований, но ни один из них не знал о существовании племени сували, не был хорошо знаком с индейской номенклатурой верхней части страны или страны криков, так хорошо обобщенной Гатшетом в его «Легенде о миграции криков». Они также ошибаются, полагая, что только Де Сото прошел через эту страну, тогда как мы теперь знаем, что несколько испанских исследователей и многочисленные французские авантюристы пересекли ту же территорию, причем последние экспедиции, конечно, остались в памяти индейцев. Джонс в своей книге «Поход Де Сото через Джорджию» просто приукрашивает более ранние утверждения в более литературном стиле, иногда превращая предположения в утвердительные утверждения, не упоминая своих источников. Карты предполагаемого маршрута, на которых Де Сото спускается по реке Куса, а не по Чаттахучи, были опубликованы в книге Ирвинга «Завоевание Флориды», в издании Хаклюйта «Джентльмен из Эльвы» и в переводе Бакингем Смита того же рассказа, а также в нескольких других работах. Что касается восточной части, с которой мы имеем дело, то все эти карты практически дублируют друг друга. На нескольких старых испанских и французских картах названия, упомянутые в повествовании, похоже, были указаны лишь для заполнения пространства, без особого отношения к тексту хроники. Список и заметки основных авторов, затронувших эту тему, см. в приложении к главе Ши «Древняя Флорида» в книге Уинсора «Повествовательная и критическая история Америки», II; Бостон, 1886. Мы будем говорить только о той части маршрута, которая пролегала вблизи гор Чероки.

Первое место, которое нас интересует в повествовании, — это Кофитачики, город, из которого Де Сото отправился в страну чероки. Название встречается в различных вариантах: Кофитачеки (Ранхель), Кофитачике (Биедма), Кофачики (Гарсиласо), Кутифа-Чики (путем перестановки, Эльвас), Кофетакке (Вандера), Катафачике (Уильямс) и Косатачики (опечатка, Брукс МСС), а

испанцы впервые услышали о регионе как Юпаха от племени, проживавшего дальше на юг. Правильной формой, по-видимому, является первая, которую Гэтчет, основываясь на более поздней информации, чем та, что приводится в его «Легенде о миграции криков», считает словом из языка хичи, означающим примерно «город кизила», от *cofi*, «кизил», *cofita*, «заросли кизила», и *chiki*, «дом», или в совокупности «город». Маккалок помещает город на верховьях Окмулги; Уильямс — на Чаттахучи; Галлатин — на Окони или Саванне; Мик и Монетт, следуя за ним, — вероятно, на развилке Саванны и Брод; Пикетт, а за ним Джонс и другие — на Серебряном утесе на восточном (северном) берегу Саванны, в округе Барнвелл, Южная Каролина, примерно в 25 милях по воде ниже нынешней Аугусты. Таким образом, можно видеть, что в самом начале нашего исследования комментаторы расходятся во мнениях на расстояние, равное более чем половине ширины штата Джорджия. Здесь достаточно сказать, не вдаваясь в споры, что автор склонен полагать, что индейский город находился на Сильвер-Блафф или рядом с ним, который был известен своими обширными древними руинами еще во времена Бартрама (Travels, 313) и где в 1736 году известный Джордж Галфин основал торговый пост. Первоначальное местоположение с тех пор было почти полностью смыто рекой. По словам индейцев Кофитачики, город, который находился на более отдаленном (северном) берегу реки, был в двух днях пути от моря, вероятно, на каноэ, и моряки экспедиции полагали, что эта река была той же самой, что впадала в Св. Елену, что было очень близким предположением. Испанцам показали европейские предметы, которые, как им сказали, были получены от белых людей, которые много лет назад вошли в устье реки. Они предположили, что это были люди с Айльоном, которые высадились на этом побережье в 1520 году и снова в 1524 году. Город, вероятно, был древней столицей индейцев учи, которые до своего поглощения криками ( ) владели или претендовали на большую часть территории по обоим берегам реки Саванна от границы с чероки до примерно сорока миль от Саванны и на запад до рек Огичи и Каннучи (см. Гэтчет, «Легенда о миграции криков», I, 17–24). В 1540 году страна уже находилась в упадке из-за недавней смертельной эпидемии, но все еще была густонаселенной и богатой и управлялась женщиной-вождем, чья власть простиралась на значительное расстояние. Город также посетил Пардо в 1567 году и снова Торрес в 1628 году, когда он все еще был главным поселением, таким же богатым жемчугом, как и во времена Де Сото (Brooks MSS, в архивах Бюро американской этнологии).

Где-то на юге Джорджии Де Сото рассказали о богатой провинции под названием Коса (Coosa, страна криков) на северо-западе. В Кофитачики он снова услышал о ней и об одном из ее главных городов под названием Чиаха (Chehaw), расположенном в двенадцати днях пути вглубь материка. Хотя, услышав об этом впервые, он продолжил путь в другом направлении, чтобы добраться до Кофитачики, теперь он решил отправиться туда и взял королеву в плен, чтобы заставить ее сопровождать его часть пути в качестве проводника. Провинция Коса находилась, хотя он этого не знал, почти на западе, и он спешил добраться до нее, чтобы добыть кукурузу, так как его люди и лошади были почти измотаны голодом. Однако очевидно, что не желающая этого королева, боясь быть увезенной за пределы своих владений, повела испанцев окольным путем в надежде сбежать, что она в конце концов и сделала, или, возможно, оставить их голодать и умирать в горах, именно такой трюк индейцы пытались проделать с другим испанским авантюристом, Коронадо, который в том же году вошел на великие равнины с тихоокеанского побережья в поисках золотых сокровищ.

Поэтому, вместо того чтобы пересечь реку на запад, испанцы, ведомые плененной королевой, направились на север («la vuelta del norte» — Бидма) и, пройдя через несколько городов, подчиненных королеве, через семь дней прибыли в «провинцию Чалаке» (Эльвас). Эльвас, Гарсиласо и Ранхель согласны в написании, но последний указывает расстояние всего в два дня от Кофитачики. Биедма вообще не упоминает эту страну. Незначительная разница в утверждении о пяти днях из семи не должна нас беспокоить, так как Биедма оценивает все расстояние от Кофитачики до Ксуалы в восемь дней, а от Гуаксуле до Чиахи — в четыре дня, тогда как Эльвас

оценивает его соответственно в двенадцать и семь дней. Чалаке, конечно, является чероки, как сходятся во мнении все авторы, и Де Сото, вероятно, находился теперь на водах реки Кеоуи, восточного притока реки Саванна, где были расположены города нижних чероки. Обнаружив, что в этой стране нет кукурузы, он не стал задерживаться.

Пройдя еще шесть дней, они прибыли в Гуакили, где их радушно приняли. Это название встречается только в рассказе Ранхеля, три других автора полностью умалчивают об этом месте остановки. Название имеет черокий звук (Wakili), но если допустить диалектную замену *l* на *r*, оно может быть связано с такими названиями катавба, как Конгари, Ватери и Сугери. Вероятно, это была деревня второстепенного значения.

Затем они подошли к провинции Xuala или Xualla, как чаще упоминается в рассказе Эльваса. Во французском издании она фигурирует как Chouala. Ранхель считает, что она находится в трех днях пути от Гуакили или в пяти днях от Чалаке. Эльвас также считает, что она находится в пяти днях пути от Чалаке, а Биедма — в восьми днях от Кофитачики, что дает общее расхождение в четыре дня от последнего упомянутого места. Биедма описывает ее как суровую горную местность, малонаселенную, но с несколькими индейскими домами, и полагает, что в этих горах берет свое начало великая река Эспириту-Санто (Миссисипи). Ранхель описывает город как расположенный на равнине вблизи рек и в местности, где золотых приисков больше, чем в любой другой, которую они видели до сих пор. Португальский джентльмен описывает его как место с очень небольшим количеством кукурузы и говорит, что они добрались до него из Кофитачики через холмистую местность. В своей заключительной главе он утверждает, что путь от Кофитачики до этого места пролегал с юга на север, что согласуется с утверждением Бидмы. Согласно Гарсиласо (стр. 136–137) , это было пятьдесят лиг по дороге, по которой испанцы пришли из Кофитачики в первую долину провинции Ксуала ( ), с небольшим количеством гор на пути, а сам город был расположен у подножия горы («a la falda de una sierra») рядом с небольшим, но быстрым ручьем, который образовывал границу территории Кофитачики в этом направлении. Из Раньеля мы узнаем, что в тот же день, покинув это место и направляясь в следующую «провинцию», испанцы пересекли очень высокий горный хребет («una sierra muy alta»).

Не упоминая названия, Пикетт (1851) называет Ксуалу «городом в нынешнем округе Хабершем, штат Джорджия», но не приводит никаких оснований для этого мнения. Рай и Ирвинг, в том же году, основываясь на небольшом сходстве названий, полагают, что он мог находиться на месте бывшего города чероки Квалатчи, в верховьях реки Чаттахучи в Джорджии. Однако сходство довольно натянутое, к тому же такое же название встречается на реке Кеоуи в Южной Каролине. Джонс (De Soto in Georgia, 1880) интерпретирует описание Гарсиласо как относящееся к «долине Накучи, округ Хабершем» — который должен быть округом Уайт — и соседней горе Йона, упуская из виду тот факт, что такое же описание горы, долины и быстротечной реки может в равной степени относиться к любому из двадцати других населенных пунктов в этой южной горной местности. В прямом противоречии Гарсиласо говорит, что испанцы отдыхали здесь пятнадцать дней, потому что нашли много провианта, в то время как португальский джентльмен говорит, что они остановились всего на два дня, потому что нашли так мало кукурузы! Ранжел заставляет их остановиться на четыре дня и говорит, что они нашли обильный провиант и помощь.

Как бы то ни было, нет никаких сомнений в идентичности названия. Так как провинция Чалаке является страной чероки, так и провинция Ксуала является территорией индейцев сували или сара, более известных впоследствии как чероу, которые в древние времена жили в предгорной местности около истоков реки Брод в Северной Каролине, соседствуя с чероки, которые до сих пор помнят их под именем Ани′-Сували ( ). Главная тропа, ведущая в их страну с запада, поднималась вверх по реке Сваннаноа и пересекала ущелье, которое по этой причине было известно чероки как Сували-нуньна, «тропа Сували», искаженное белыми до Сваннаноа. Ледерер,

который обнаружил их в том же регионе в 1670 году, называет этот перевал «перевалом Суала», а соседние горы — горами Сара, «которые, по его словам, испанцы называют Суала». Впоследствии они переместились на север, а затем вернулись и объединились с катавбами (см. Муни, «Племена сиу на востоке», бюллетень Бюро этнологии, 1894).

До этого момента испанцы следовали на север от Кофитачики (Биедма и Эльвас), но теперь они повернули на запад (Эльвас, последняя глава). В тот же день, когда они покинули Ксуалу, они пересекли «очень высокий горный хребет» и на следующий день спустились на широкую лужайку («савана»), через которую протекала река, которую они сочли частью Эспириту-Санто, Миссисипи (Ранхель). Биема говорит о пересечении горной местности и упоминает реку, которую, по его словам, они также считали притоком Миссисипи. Гарсиласо говорит, что эта часть их маршрута пролегала через горную местность без жителей («деспобладо»), а португальский джентльмен описывает ее как «очень неровные и высокие хребты». За пять дней такого путешествия — и здесь, что удивительно, все рассказы сходятся — они прибыли в Гуаксуле. Такую форму дают Гарсиласо и Джентльмен из Эльваса; у Бидмы это Гуасула, а у Ранхеля — Гуасили или Гуасули. Переводчики и комментаторы дают нам такие формы, как Гуачуле, Кваксуле, Кваксулла и Квексале. Согласно испанскому способу написания индейских слов, название произносилось как Вашуле или Васули, что имеет звучание чероки, хотя и не поддается переводу. Бакingham Смит (Narratives, стр. 222) намекает, что испанцы, возможно, изменили Guasili на Guasule из-за сходства последней формы с названием города на юге Испании. Такие искажения индейских имен встречаются довольно часто. Гарсиласо говорит о нем как о «провинции и городе», в то время как Бидма и Ранхель называют его просто городом («pueblo»). До того, как они достигли этого места, индейская королева успела сбежать. Все летописцы рассказывают о радушном приеме , который испанцы получили здесь, но единственное описание самого города принадлежит Гарсиласо, который говорит, что он был расположен посреди множества небольших ручьев, стекающих с окружающих гор, и состоял из трехсот домов, что, вероятно, является преувеличением, хотя это показывает, что деревня была довольно большой, и что дом вождя, в котором размещались главные офицеры, находился на высоком холме («un cerro alto»), вокруг которого была дорога («paseadero»), достаточно широкая, чтобы по ней могли идти шесть человек в ряд. Под «домом вождя» мы должны понимать городской дом, а из различных подобных упоминаний в других частях повествования не вызывает сомнений, что «холм», на котором он стоял, был искусственным насыпным холмом. В современной испанской литературе такие искусственные возвышенности чаще называют *lomas*, но этих ранних путешественников можно простить за то, что они не отметили это различие. Из гор, окружающих город, вытекали многочисленные небольшие ручьи, которые объединялись, образуя реку, по которой испанцы отсюда следовали вниз до Чиахи, где она была такой же большой, как Гвадалквивир в Севилье (Гарсиласо).

Обманутые упоминанием в португальском описании названия Канасагуа, которое, как они полагали, могло относиться только к одному месту, ранние комментаторы отождествили эту реку с Куса, а Пикетт поместил Гуаксуле где-то на ее верхнем течении, в то время как Джонс усовершенствовал эту версию, сделав это место «идентичным или почти идентичным старому городу Кусаватти в юго-восточном углу округа Мюррей» в Джорджии. Однако, как мы покажем, это название повторялось в нескольких штатах, и тщательное изучение описаний в свете современных знаний о стране показывает, что река была не Кооса, а Чаттахучи.

Возвращаясь еще раз к Сюала, самой северной точке, до которой дошел Де Сото, мы видим, что это была территория индейцев сувала или сара, расположенная в восточных предгорьях Аллеганских гор ( ), около истоков рек Брод и Катауба в Северной Каролине. Поскольку испанцы здесь повернули на запад, они, вероятно, не проникли далеко за пределы современной границы Южной Каролины. «Очень высокий горный хребет», который они пересекли сразу после выхода

из города, по всей вероятности, был главной цепью горы Блу-Ридж, а река, которую они обнаружили после спуска в саванну на другой стороне и которую они приняли за приток Миссисипи, почти наверняка была верхней частью реки Френч-Брод, первым водотоком, текущим в противоположном направлении от тех, которые они встречали ранее. Возможно, они наткнулись на нее в окрестностях Хендерсонвилля или Бреварда, где в главном хребте к востоку от первого из названных городов есть два прохода, проходимых для транспортных средств. Необитаемые горы, через которые они несколько дней пробирались по пути в Чиаха и Коса (страна криков) на юго-западе, были изломанными хребтами, в которых берут начало Саванна и Малая Теннесси, и, если они следовали индейской тропе, то, возможно, прошли через ущелье Рабун, недалеко от нынешнего Клейтона, штат Джорджия. Гуаксуле, а не Ксуала, как предполагает Джонс, находился в долине Накучи, в нынешнем округе Уайт, штат Джорджия, а небольшие ручьи, которые объединялись, образуя реку, по которой испанцы продвигались к Чиахе, были верховьями реки Чаттахучи. Холм, на котором был построен городской дом, должен был быть большим курганом Накучи, самым заметным ориентиром в долине, на восточном берегу ручья Саути, в округе Уайт, примерно в двенадцати милях к северо-западу от Кларксвилля. Это самый большой курган в верхней части Джорджии, за исключением известного кургана Этова недалеко от Картерсвилля, и единственный, который может удовлетворить требованиям данного дела. В западной части Северной Каролины есть только два значительных кургана: один в Франклине и один меньший на реке Оконалуфти, на территории нынешней резервации Восточных чероки, и поскольку оба они находятся на реках, текущих из страны криков, этот факт сам по себе исключает их из рассмотрения. Единственные крупные курганы в верхней части Джорджии — это курган в Накучи и группа курганов на реке Этова, недалеко от Картерсвилля. Самый большой из курганов группы Этова имеет высоту около пятидесяти футов, и на одну из его сторон ведет дорога шириной около пятидесяти футов у основания, постепенно сужающаяся к вершине. Если бы это был курган из повествования, вряд ли летописец не заметил бы также два других кургана из этой группы или еще один на противоположной стороне реки, каждый из которых имеет высоту от двадцати до двадцати пяти футов, не говоря уже о большом рве длиной в четверть мили, который окружает группу. Кроме того, Картерсвилл находится на некотором расстоянии от гор, а река Этова в этом месте не соответствует описанию небольшого бурлящего горного потока. В Кусавати или в любом из трех соседних округов нет значительных курганов.

Курган Накучи был расчищен и возделывался в течение многих лет, и в настоящее время на его склоне не видно никаких следов дороги, но, судя по его большой высоте, можно с достаточной уверенностью предположить, что в древние времена существовал какой-то способ легкого подъема на него. В остальном это единственный курган во всей верхней части страны, который соответствует этим условиям. Долина является одним из самых плодородных мест в Джорджии, и многочисленные древние остатки свидетельствуют о том, что в древние времена она была излюбленным местом поселения. В начале современного исторического периода она принадлежала чероки, которые имели там город под названием Накучи, но их права на эту землю оспаривались криками. Джентльмен из Эльваса утверждает, что Гуаксуле подчинялся королеве Кофитачики, но это может означать только то, что жители двух городов или племен были в дружеском союзе. Современное название произносится как *Нагуци* по-чероки, которые, однако, утверждают, что оно не принадлежит их языку. Окончание может быть от крикского *udshi,* «маленький», или может иметь отношение к названию индейцев учи.

Из Гуаксуле испанцы продвинулись в Канасога (Ранхель) или Канасагуа (Эльвас), что находится в одном-двух днях марша от Гуаксуле, согласно одним или другим источникам. Гарсиласо и Биедма не упоминают это название. Поскольку Гарсиласо утверждает, что от Гуаксуле до Чиаха путь лежал по берегу реки Итока ( ), которую мы отождествляем с Чаттахучи ( ), город, возможно, находился в окрестностях современного Гейнсвилла. Однако, как мы уже видели, полагаться на

оценки расстояний небезопасно. Исходя из названия, Мик делает вывод, что город находился около реки Конасауга в округе Мюррей, и что река, по которой они шли, чтобы добраться до него, была «несомненно Этова», хотя для того, чтобы добраться до первой названной реки от Этовы, необходимо было бы сделать еще один резкий поворот на север. Исходя из того же совпадения, Пикетт помещает его на реке Конасауга, «в современном округе Мюррей, штат Джорджия», в то время как Джонс, руководствуясь той же теорией, помещает его «на слиянии рек Конасауга и Кусаватти или вблизи него, в первоначальном округе Касс, ныне округе Гордон». Здесь его современная география, как и древняя, ошибочна, поскольку первоначальный округ Касс теперь называется Бартоу, а название было изменено вследствие местной неприязни к генералу Кассу. Вся теория похода вниз по реке Куса основана на этом совпадении названий. Однако то же название, произносимое чероки как *Gănsâ'gĭ*, применялось ими по крайней мере к трем разным местам на их старой территории, а упомянутое в повествовании стало бы четвертым. Другие находились (1) на реке Оостанаула, напротив устья реки Конасауга, где позже была построена Новая Эчота, в округе Гордон, штат Джорджия; (2) на ручье Канасауга, в округе Макминн, штат Теннесси; (3) на реке Тукасеги, примерно в двух милях выше Вебстера, в округе Джексон, штат Северная Каролина. В каждом из этих мест есть остатки древних поселений. Возможно, что название горы Кенесоу, недалеко от Мариетты, в округе Кобб, штат Джорджия, является искажением названия Гансаги (Gănsâ′gĭ), и если это так, то Канасагуа из повествования могла находиться где-то в этой местности на реке Чаттахучи. Значение этого названия утрачено.

Покинув Канасагуа, они продолжили путь по той же реке, по которой следовали из Гуаксуле (Гарсиласо), и после нескольких дней путешествия по безлюдной («деспобладо») местности (Эльвас) прибыли в Чиаха, которая подчинялась великому вождю Коса (Эльвас). Это название пишется как Chiaha у Ранхеля и джентльмена Эльваса ( ), как Chiha у Бидмы в Documentos, как China из-за опечатки в английском переводе и как Ychiaha у Гарсиласо. Оно фигурирует как Chiha на английской карте 1762 года, воспроизведенной в книге Уинсора «Westward Movement» (1897), стр. 31. Галлатин пишет его как Ichiaha, а Уильямс и Фэрбенкс, по опечатке, пишут Chiapa. Согласно Ранжелю и Эльвасу, армия вошла в него 5 июня, хотя первый указывает, что это было в четырех днях пути от Канасагуа, а второй — в пяти. Бьедма говорит, что это было в четырех днях пути от Гуаксуле, и, наконец, Гарсиласо говорит, что это было в шести днях и тридцати лигах от Гуаксуле и на той же реке, которая здесь, в Чиаха, была такой же большой, как Гвадалквивир в Севилье. Как мы видели, в утверждениях о расстоянии от Кофитачики до этого места есть большие расхождения. Все четыре авторитета сходятся в том, что город находился на острове на реке, вдоль которой они шли некоторое время (Гарсиласо, Ранхель), но в то время как в рассказе Эльваса остров имеет длину «два выстрела из арбалета» выше города и одну лигу в длину ниже него, Гарсиласо называет его «большим островом длиной более пяти лиг». По обе стороны острова река была очень широкой и легко переходимой вброд (Эльвас). Найдя приют и пропитание для людей и лошадей, испанцы отдыхали здесь почти месяц (5–28 июня, Ранхель; двадцать шесть или двадцать семь дней, Биедма; тридцать дней, Эльвас). Несмотря на опасность нападения, Де Сото разрешил своим людям спать под деревьями под открытым небом, «потому что было очень жарко и люди бы сильно страдали, если бы не это» (Эльвас). Само по себе это свидетельствует о том, что место находилось довольно далеко на юге, так как была только первая неделя июня. Город подчинялся вождю великой провинции Коса, расположенной дальше на запад. Отсюда они начали встречать города, окруженные частоколом.

Исходя из теории, что поход проходил вниз по реке Коса, все комментаторы до сих пор локализовали Чиаху в какой-то точке на этом водотоке, либо в Алабаме, либо в Джорджии. Галлатин (1836) говорит, что она «должна была находиться на Косе, вероятно, на некотором расстоянии ниже места расположения Нью-Эчоты». Он отмечает сходство звучания между Ичиаха и «Эчой» (Itseyĭ), названием города чероки. Уильямс (1837) говорит, что он находился на Мобиле

(т. е. на реке Алабама или нижней части реки Кооса). Мик (1839) говорит , что «не может быть никаких сомнений в том, что Чиаха находилась недалеко от слияния рек Кооса и Чаттуга», т. е. недалеко от границы Алабамы. Он отмечает наличие ручья «Chiaha» (Chehawhaw) недалеко от Талладеги, Алабама. В отношении острова, на котором, как считается, находился город, он говорит: «Сейчас в Кооса нет такого острова. Вероятно, испанцы либо приняли полуостров, образованный слиянием двух рек, Куса и Чаттуга, за остров, либо эти две реки изначально были соединены, образуя остров недалеко от их нынешнего слияния. Мы слышали, как это предположение высказывали люди, хорошо знакомые с этой местностью». — Romantic Passages, стр. 222, 1857. Монетт (1846) помещает его на ветке Этова реки Куса, вероятно, в округе Флойд, штат Джорджия. Пикетт (1851), за которым последовали Ирвинг, Джонс и Ши, помещает его на «месте современного Рима». Под «островом» понимается пространство между двумя рукавами выше слияния.

Как уже было сказано, Пикетт основывает свои утверждения главным образом или полностью на индейских преданиях, полученных от метисов или торговцев. Сколько информации можно собрать из таких источников о событиях, произошедших три века назад, можно оценить, подумав о том, сколько неграмотный горный житель того же региона мог бы рассказать об основании колонии Джорджия. Сам Пикетт, по-видимому, совершенно не знал о более поздних испанских экспедициях Пардо и Де Луны по той же стране, поскольку он не упоминает о них в своей истории Алабамы, а все приписывает Де Сото. Относительно Чиахи он говорит:

«Самые древние индейцы чероки, чьи предания были переданы нам старыми индейскими торговцами, расходятся во мнениях относительно точного места [!], где Де Сото пересек Оостанаулу, чтобы попасть в город Чиаха — некоторые утверждают, что он пересек эту реку в семи милях выше ее слияния с Этова, и что он прошел оттуда до Чиахи, которая, по общему мнению, находилась непосредственно у слияния двух рек; в то время как другие древние индейцы утверждали, что он пересек реку со своей армией непосредственно напротив города. Но это не очень важно. Сопоставляя индейские предания с рассказом Гарселлассо и португальского очевидца, мы склонны верить последнему преданию, что экспедиция продолжала продвигаться по западной стороне Оостанаулы, пока не остановилась в поле зрения устья Этова. Де Сото, прибыв прямо напротив большого города Чиаха, ныне занимающего место Рима, пересек Останаулу» и т. д. (История Алабамы, стр. 23, переиздание, 1896 г.). Он упускает из виду тот факт, что Чиаха не был городом чероки, а принадлежал провинции Коса, т. е. территории индейцев криков.

Внимательное изучение четырех оригинальных повествований показывает, что экспедиция не спускалась ни по Оостанауле, ни по Этова, и что, следовательно, Чиаха не могла находиться на их слиянии, на месте нынешнего Рима. С другой стороны, нельзя не прийти к выводу, что поход проходил вниз по реке Чаттахучи от ее истоков в горах, и что Чиаха из повествования была городом нижних криков с таким же названием, более известным как Чехау, ранее находившимся на этой реке в окрестностях современного города Колумбус, в то время как Косте, в повествовании следующий соседний город, был Касита, или Куссета, из той же группы деревень. Водопады в этом месте обозначают геологическую линию разлома, где река из прозрачного, быстрого течения превращается в широкий, медленно текущий поток нижней части страны. Привлеченные рыбными промыслами и плодородными низинными землями, нижние крики основали здесь ядро своего поселения, и до начала нынешнего века они имели в пределах легкой досягаемости друг от друга по обе стороны реки около пятнадцати городов, среди которых были Чиаха (Чехау), Чиахудши (Малый Чехау) и Касита (Куссета). Большинство этих поселений находились на территории современных округов Маскоги и Чаттахучи в штате Джорджия, а также округов Ли и Рассел в штате Алабама (см. список городов и карту в Gatschet, Creek Migration Legend). Крупные курганы и другие земляные сооружения по обе стороны реки в окрестностях Колумбуса свидетельствуют о важности этого места в древние времена, а общий вид указывает на то, что иногда прилегающие низменности затоплялись или отрезались от основного русла реки. Главная тропа пересекала здесь Окмулги, проходя мимо Таскиги к городам Верхнего Крика около слияния рек Куса и Таллапуса в Алабаме. В начале нынешнего века эта тропа была известна торговцам как «тропа Де Сото» (Woodward, Reminiscences, стр. 76). Поскольку индейские поселения часто меняют свое положение в пределах ограниченного диапазона из-за эпидемий, паводков или истощения почвы, не следует предполагать, что в 1540 году они занимали точно те же места, что и в 1800 году, а только то, что в целом они находились в одном и том же районе. Так, сам Касита в один период находился выше водопада, а в более поздний период — примерно в восьми милях ниже него. И Касита, и Чиаха были главными городами с несколькими прилегающими деревнями.

Время, указанное как время, затраченное на марш от Канасагуа до Чиахи, кажется слишком малым для фактического расстояния, но, как мы видели, летописцы не согласны между собой. Мы можем

легко поверить ( ), что испанцы, воодушевленные уверенностью в том, что найдут еду и отдых на следующей остановке, продвигались быстрее по ровной речной тропе, чем блуждая беспомощно по горам под руководством крайне нежелательного проводника. Если Канасагуа находилась где-то в окрестностях Кенесо, в округе Кобб, времени, упомянутого в повествовании Эльваса или Гарсиласо, вероятно, было бы достаточно, чтобы добраться до Чиахи у водопада. Незаселенная местность между двумя городами была нейтральной территорией между двумя враждующими племенами, чероки и криками, и стоит отметить, что гора Кенесоу была сделана точкой на границе, установленной впоследствии между двумя племенами при посредничестве правительства Соединенных Штатов.

Ни в Кузе, ни в Чаттахучи нет больших островов, и мы вынуждены прийти к выводу, что то, что в хронике описывается как остров, на самом деле было частью низменности, временно отрезанной от реки из-за подъема воды. Аналогичным образом «Слю», к востоку от реки Флинт в округе Митчелл, могло образоваться в результате смещения русла реки. Два месяца спустя в Алабаме испанцы достигли реки, которая была настолько разбухшей от дождей, что им пришлось ждать шесть дней, прежде чем они смогли переправиться (Эльвас). Ледерер, пересекая Южную Каролину в 1670 году, обнаружил, что его дальнейшее продвижение преграждает «большое озеро», которое он обозначил на своей карте как «озеро Ашерри», хотя в этом штате нет такого озера; но эту загадку объясняет Лоусон, который, проходя по той же местности тридцать лет спустя, обнаружил, что все низинные земли были затоплены в результате большого наводнения, в частности, уровень реки Санти был на 36 футов выше нормального. Поскольку Лоусон был геодезистом, его данные можно считать достоверными. «Озеро Ашерри» Ледерера было просто переполнением реки Катауба. Паводковые воды в руслах верхней части Джорджии и Алабамы быстро уносились, но могли оставаться в течение некоторого времени на более ровной местности ниже водопадов.

Согласно информации, предоставленной г-ном Томасом Робинсоном, экспертом в области инженерии, хорошо знакомым с нижней частью реки Чаттахучи, ранее на восточном берегу реки, примерно в девяти милях ниже Колумбуса, находился большой холм, который сейчас почти полностью смыт, а на западном берегу, или берегу Алабамы, на милю или две ниже, все еще можно увидеть другой холм почти такого же размера. «Во время сильных паводков оба этих холма были частично затоплены. К востоку от первого, известного как индейский холм, пойма реки имеет ширину в одну-две мили, а вдоль восточной стороны равнины тянется ряд болот или лесистых топей, указывающих на старое русло реки. Вся равнина между нынешней рекой и топями является землей, образованной рекой. Утес реки вдоль холма на стороне Джорджии находится на высоте от двадцати до тридцати футов над нынешней поверхностью реки при низком уровне воды. Примерно в миле выше кургана находятся остатки того, что было известно как остров Дженнис. При обычном уровне воды в реке острова там нет. Восточное русло было заблокировано правительственными работами несколько лет назад, и все оно засыпано и теперь используется как кукурузное поле. Остатки острова, я думаю, можно проследить на протяжении полумили, с возможной максимальной шириной 300 футов... Вся эта местность по обеим сторонам реки полна индейских преданий. Я упомянул оба кургана просто для того, чтобы показать, что эта часть реки была индейской местностью, а также изложил факты о остатках острова Дженнис, чтобы дать возможную подсказку специалисту, который мог бы изучить эту местность». — Письмо от 22 апреля 1900 года.

Чиаха был первым городом «провинции Коса», территории индейцев коса или крик. Следующий упомянутый город, Косте (Эльвас и Ранжел), Костехе (Бидма) или Акосте (Гарсиласо), был Касита, или Куссета, как он впоследствии стал известен белым. В то время как Гарсиласо помещает его в нижней части того же острова, на котором располагалась Чиаха, в повествовании Эльваса он находится в семи днях пути! Современные города Чехау и Куссета находились в

нескольких милях друг от друга на реке Чаттахучи, первый — на западной, или алабамской, стороне, а Куссета в 1799 году — на восточной, или грузинской, стороне, примерно в восьми милях ниже водопада в Колумбусе, в округе Чаттахучи, который дал своему столице такое же название — Куссета. Из общего тона повествования очевидно, что в времена Де Сото эти два города находились близко друг к другу, и, возможно, что в хронике Эльваса Касита была перепутана с Коасати, главным городом Верхнего Крика, расположенным недалеко ниже слияния рек Куса и Таллапуса. В Косте они пересекли реку и продолжили путь на запад «через многие города, подчиненные касике Коса» (Эльвас), пока не достигли самого большого города Коса. Это был Куса или Коса, древняя столица Верхних Криков. В разные периоды существовали два города с таким названием. Один из них, описанный Адаиром в 1775 году как «великий и старинный любимый город-убежище Коса», находился на восточном берегу реки Коса, в нескольких милях к юго-западу от современного Талладеги, штат Алабама. Другой, известный как «Старая Коса» и, вероятно, более древнего происхождения, находился на западном берегу реки Алабама, недалеко от нынешнего Монтгомери (см. Гатчет, «Легенда о миграции криков»). Вероятно, именно последний посетил Де Сото, а позже, в 1559 году, Де Луна. За Кокой они прошли через другой город криков, по-видимому, расположенный ниже по течению реки Алабама, название которого пишется по-разному: Ytaua (перевод Элваса, Force), Ytava (перевод Элваса, Hakluyt Society) или Itaba (Ranjel) и которое может быть связано с I′tăwă′, Etowah или «Hightower», названием бывшего поселения чероки у истоков реки Etowah в Джорджии. Чероки считают это иностранным названием, и его встреча в верхней части Джорджии, а также в центральной части Алабамы, может подтвердить предание о том, что южная граница чероки ранее принадлежала крикам.

Маршрут Де Сото за пределами страны чероки нас не интересует, за исключением того, что он проливает свет на его предыдущие успехи. В семнадцатой главе повествование Эльваса резюмирует этот участок от высадки в бухте Тампа до точки в южной Алабаме следующим образом: «От Порта-де-Спирито-Санто до Апалаче, что составляет около ста лиг, губернатор шел с востока на запад; от Апалаче до Кутифачики, что составляет 430 лиг, с юго-запада на северо-восток; от Кутифачики до Ксуаллы, что составляет около 250 лиг, с юга на север; а от Сюаллы до Таскалуки, что составляет еще 250 лиг, он прошел 190 лиг с востока на запад, то есть до провинции Коса; а остальные 60 лиг, от Косы до Таскалуки, он прошел с севера на юг».

Чиска (Эльвас и Ранджел), горный северный регион, в поисках которого из Чиахи были отправлены люди, чтобы найти медь и золото, находился где-то в стране чероки в верхней части Джорджии или Алабамы. Точное местоположение не имеет значения, так как сейчас известно, что природная медь, в таком состоянии, что ее легко обрабатывали индейцы, встречается по всей южной части региона Аллегани, от Аннистона, Алабама, до Вирджинии. Значительные находки природной меди были сделаны в верхней части Таллапузы, в округе Клеберн, Алабама; около Дактауна, в округе Полк, Теннесси, и в юго-западной Вирджинии, где был найден самородок весом в несколько фунтов. Судя по внешнему виду древних сосудов из мыльного камня, найденных в том же регионе, существует даже вероятность того, что индейцы обладали некоторыми знаниями в области плавки, как предполагали испанские исследователи (устная информация от г-на В. Х. Уида, Геологическая служба США). Мы снова слышим об этой «провинции» после того, как Де Сото достиг Миссисипи, и в одном месте Гарсиласо, кажется, путает ее с другой провинцией под названием Квиски (Ранхель) или Квискис (Эльвас и Биедма). Название имеет некоторое сходство с черокийским словом *tsiskwa*, «птица».

(9) Де Луна и Рогель (с. 27): Джонс в своей книге «Поход Де Сото через Джорджию» ошибочно приписывает некоторые следы древних горных работ в стране чероки, особенно на реке Вэлли в Северной Каролине, последователям Де Луны, «которые в 1560 году... прибыли в этот регион с 300 испанскими солдатами и провели лето в усердных и кропотливых поисках золота». Дон Тристан де Луна с полутора тысячами человек высадился где-то в районе залива Мобил в 1559

году с целью основать постоянное испанское поселение в глубине страны, но из-за череды несчастных событий эта попытка была прекращена в следующем году. В ходе своих странствий он пересек земли чокто, чикасо и верхних криков, о чем свидетельствуют имена и другие данные в повествовании, но вернулся, не заходя в горы ( ) и не проводя никаких раскопок (см. Barcia, Ensayo Cronologico, стр. 32–41, 1723; Winsor, Narrative and Critical History, II, стр. 257–259).

В 1569 году иезуит Рогель, которого Ши называет отцом Джоном Роджером, начал миссионерскую работу среди племен Южной Каролины, проживавших в глубине материка от Санта-Элены (около Порт-Рояла). Миссия, которая поначалу обещала хорошие результаты, была прекращена в следующем году из-за нежелания индейцев отказаться от своих старых привычек и верований. Ши в своей работе «Католические миссии» предполагает, что эти индейцы, вероятно, были частью племени чероки из племени « », но изучение испанских записей в Барсии (Ensayo, стр. 138–141) показывает, что Рогель проник лишь на небольшое расстояние от побережья.

(10) «История Карибских островов» Дэвиса (стр. 29): Мошеннический характер этой работы, которая сама по себе является измененным переводом вымышленной истории Рошфора, отмечают Бакингем Смит (Letter of Hernando de Soto, стр. 36, 1854), Уинсор (Narrative and Critical History, II, стр. 289) и Филд (Indian Bibliography, стр. 95). Филд говорит: «Эта книга является примером самой бесстыдной наглости. Псевдоавтор присваивает себе заслуги за эту работу, лишь слегка упоминая о ее предыдущем существовании. Это почти точный перевод «Истории Антильских островов» Рошфора. Однако в отношении Дэвиса к Рошфору есть приятная месть, поскольку работа последнего была вымышленной во всех частях, которые не были украдены у авторов, чьи знания снабдили его всем, что было правдой в его трактате».

(11) Древние испанские шахты (стр. 29, 31): Поскольку испанцы с самого начала знали о наличии драгоценных металлов в южной части Аллеганских гор, вероятно, что более тщательное изучение этого региона выявит многочисленные свидетельства их горнодобывающей деятельности. В своей работе «Древности южных индейцев» Джонс описывает своего рода подземную деревню, обнаруженную в 1834 году на ручье Дьюкс в округе Уайт, штат Джорджия, состоящую из ряда небольших бревенчатых хижин, простирающихся вдоль ручья, но зарытых на несколько футов под поверхностью земли, на которой росли большие деревья, из чего можно сделать вывод, что дома были таким образом покрыты последовательными паводками. Бревна были вырезаны и обработаны, по-видимому, с помощью острых металлических инструментов. Шахты были обнаружены на реке Вэлли в Северной Каролине, на дне одной из которых в 1854 году был найден хорошо сохранившийся лебедка из тесаных дубовых брусьев, на которых были следы того, что когда-то они были обвязаны железом. Другой шахтный ствол, проходящий через твердую породу, имел следы от острых инструментов, использовавшихся при бурении. Оболочка и другие деревянные элементы были все еще в хорошем состоянии (Джонс, стр. 48, 49). Подобные древние шахтные стволы были найдены в других местах в верхней части штата Джорджия и западной части Северной Каролины, вместе с некоторыми замечательными каменными укреплениями или загонами, в частности, на горе Форт в округе Мюррей, штат Джорджия, и на Силвер-Крик, в нескольких милях от Рима, штат Джорджия.

Совсем недавно были обнаружены остатки раннего поселения белых, традиционно приписываемого испанцам, в Линкольнтоне, Северная Каролина, на окраине древней страны Сара, среди которой испанцы построили форт в 1566 году. Эти сооружения включают плотину из тесаного камня, ряд низких столбов из тесаного камня, расположенных квадратами, как будто предназначенных для фундаментов, колодец с каменными стенами, карьер, из которого добывался камень, кострище и ряд раковин, простирающихся вдоль ручья, в которых были найдены остатки бревен, напоминающие подземные хижины на ручье Дьюкс. Все это предшествовало первому заселению этого региона, примерно в 1750 году. Древние следы добычи полезных ископаемых

также были обнаружены на горе Кингс, примерно в двадцати милях отсюда (Reinhardt MS, 1900, в архивах Бюро американской этнологии). Испанские шахтеры, о которых Ледерер слышал в 1670 году, а Мур — в 1690 году, вероятно, работали в этой местности.

(12) Сэр Уильям Джонсон (стр. 38): Этот великий солдат, чья история неразрывно связана с историей Шести Наций, родился в графстве Мит, Ирландия, в 1715 году и умер в Джонстауне, Нью-Йорк, в 1774 году. Будучи младшим сыном ирландского джентльмена, он покинул свою родную страну в 1738 году из-за разочарования в любви и эмигрировал в Америку, где он занялся освоением большого участка дикой земли, принадлежавшей его дяде, которая простиралась вдоль южного берега реки Мохок в том, что тогда было дикой местностью Нью-Йорка. Это привело его к тесному контакту с шестью племенами, особенно с могавками, к которым он проникся таким интересом, что выучил их язык и в некоторой степени приспособился к их обычаям, иногда даже нося национальную одежду. Этот интерес, в сочетании с его природной добротой и достоинством, полностью завоевал сердца шести племен (Six Nations), над которыми он приобрел большее влияние, чем когда-либо имел любой другой белый человек до или после него. Он был официально принят в качестве вождя племенем могавков. В 1744 году, будучи еще очень молодым человеком, он был поставлен во главе британских дел с Шестью племенами, а в 1755 году по их настоятельной просьбе был официально назначен суперинтендантом Шести племен и зависимых от них союзных племен, должность, которую он занимал до конца своей жизни. В 1748 году он также был поставлен во главе колониальных войск Нью-Йорка, а два года спустя был назначен в совет губернатора. В начале Франко-индейской войны он был назначен генерал-майором. Он разгромил Дьескау в битве при озере Джордж, где в начале сражения был тяжело ранен, но отказался покинуть поле боя. За эту службу он получил благодарность парламента, грант в размере 5000 фунтов стерлингов и баронетство. Он также отличился в Тикондероге и форте Ниагара, захватив последний после разгрома французской армии, посланной на его помощь. Во главе своих индейских и колониальных войск он принимал участие в других сражениях и экспедициях и присутствовал при капитуляции Монреаля. За свои заслуги на протяжении всей войны он получил в дар 100 000 акров земли к северу от реки Мохок. Здесь он построил «Джонсон-Холл», который стоит до сих пор, недалеко от деревни Джонстаун, которую он за свой счет застроил магазинами, церковью и другими зданиями. В Джонсон-Холле он жил в стиле старого деревенского барона, деля свое внимание между делами индейцев и разведением породистых лошадей, а также оказывая княжеское гостеприимство всем приезжим. Только его влияние помешало Шести Нациям присоединиться к великой конфедерации Понтиака против англичан. В 1768 году он заключил договор в Форт-Станвикс, который установил Огайо в качестве границы между северными колониями и западными племенами, границу, за которую индейцы впоследствии боролись с американцами до 1795 года. В 1739 году он женился на немецкой девушке из долины Мохок, которая умерла, родив ему троих детей. Позже в жизни он связался с сестрой Бранта, вождя мохоков. Он умер от переутомления на индейском совете. Его сын, сэр Джон Джонсон, унаследовал его титул и поместья, а когда разразилась революция, перешел на сторону британцев, увлекая за собой могавков и большую часть других шести племен, которые покинули свои дома и бежали с ним в Канаду (см. W. L. Stone, Life of Sir William Johnson).

(13) Капитан Джон Стюарт (с. 44): этот выдающийся офицер был современником сэра Уильяма Джонсона и происходил из того же авантюрного кельтского рода, который дал столько выдающихся людей в ранней истории индейцев. Родившись в Шотландии около 1700 года, он прибыл в Америку в 1733 году, был назначен на подчиненную должность в британской армии и вскоре стал любимцем индейцев. Когда в 1760 году форт Лаудон был захвачен чероки, он был вторым в команде, и его спасение Ата-куллакуллой является одним из романтических эпизодов того периода. В 1763 году он был назначен суперинтендантом южных племен, должность,

которую он занимал до самой смерти. В 1768 году он заключил с чероки договор Хард-Лейбор, по которому Канава была установлена в качестве западной границы Вирджинии, а сэр Уильям Джонсон в то же время заключил договор с северными племенами, по которому граница была продлена на север вдоль Огайо. В начале революции он организовал чероки и другие южные племена вместе с белыми лоялистами против американцев и в значительной степени был ответственен за индейские беспорядки вдоль южной границы. Он планировал общее вторжение южных племен вдоль всей границы в сотрудничестве с британскими войсками, которые должны были высадиться в западной Флориде, в то время как британский флот должен был отвлечь внимание американцев на побережье, а тори должны были подняться на восстание в глубине страны. После раскрытия заговора и последующего разгрома чероки американцами ( ) он бежал во Флориду, а вскоре после этого отплыл в Англию, где умер в 1779 году.

(14) Нэнси Уорд (с. 47): известная женщина-полукровка из племени чероки, дата и место рождения и смерти которой неизвестны. Говорят, что ее отец был британским офицером по имени Уорд, а мать — сестрой Ата-куллакулла, главного вождя племени во время первой войны чероки. Вероятно, она была родственницей Брайана Уорда, старого торговца среди чероки, упоминаемого в других источниках в связи с битвой при Талива. Во время революции она проживала в Эчоте, столице нации, где занимала должность «Любимой женщины» или «Красивой женщины», в силу чего имела право выступать на советах и решать судьбу пленников. Она отличалась постоянной дружбой с американцами, всегда прилагая все усилия, чтобы установить мир между ними и своим народом, и часто своевременно предупреждая о готовящихся индейских набегах, в частности, во время великого вторжения в поселения Ватауга и Холстон в 1776 году. Миссис Бин, захваченная во время этого вторжения, была спасена ее вмешательством после того, как была приговорена к смерти и уже привязана к колу. В 1780 году, во время очередного восстания чероки, она помогла нескольким торговцам бежать, а в следующем году была послана вождями для заключения мира с Севиером и Кэмпбеллом, которые наступали на города чероки. Кэмпбелл в своем отчете называет ее «знаменитой индианкой Нэнси Уорд». Хотя мир тогда не был заключен, ее родственники, когда их позже привели вместе с другими пленными, были обращены с должным уважением в благодарность за ее добрые услуги. Робертсон, который посетил ее примерно в это время, описывает ее как «величественную и властную» по внешнему виду и манерам, а ее дом — как обставленный в соответствии с ее высоким достоинством. Находясь среди чероки Арканзаса в 1819 году, Наттал узнал, что она завезла в нацию первых коров и что благодаря ее влиянию и влиянию ее детей условия жизни чероки значительно улучшились. Ему также рассказали, что ее советы и рекомендации были практически верховными, и что ее вмешательство считалось решающим даже в вопросах жизни и смерти. Хотя он говорит в настоящем времени, вряд ли она была тогда еще жива, и он не утверждает, что встречался с ней. Ее потомки до сих пор проживают в племени. См. Хейвуд, «Естественный и аборигенный Теннесси»; Рамси, «Теннесси»; Наттал, «Путешествия», стр. 130, 1821; письмо Кэмпбелла, 1781, и показания Спрингстоуна, 1781, в «Документах штата Вирджиния I», стр. 435, 436, 447, 1875; «Энциклопедия американских биографий» Эпплтона.

(15) Генерал Джеймс Робертсон (стр. 48): этот выдающийся пионер и основатель Нэшвилла родился в округе Брансуик, штат Вирджиния, в 1742 году и умер в агентстве Чикасо в западном Теннесси в 1814 году. Как и большинство выдающихся деятелей ранней истории Теннесси, он был шотландско-ирландского происхождения. Его отец переехал около 1750 года в западную часть Северной Каролины, и мальчик вырос без образования, но с сильной любовью к приключениям, которую он удовлетворял, совершая исследовательские экспедиции по горам. После женитьбы его жена научила его читать и писать. В 1771 году он возглавил колонию, которая переселилась к реке Ватауга, и основал поселение, ставшее ядром будущего штата Теннесси. Он сыграл ведущую роль в организации Ассоциации Ватауга, самого раннего организованного правительства в штате, а

затем участвовал в войне Данмора, приняв участие в кровопролитной битве при Пойнт-Плезант в 1774 году. Он участвовал в ранних революционных кампаниях против чероки, а в 1777 году был назначен агентом, проживающим в их столице, Эчота, и выступающим посредником в их переписке с правительствами штатов Северная Каролина (включая Теннесси) и Вирджиния. В этой должности он своевременно предупредил о готовящемся вторжении враждебной части племени в начале 1779 года. Вскоре после этого в том же году он возглавил предварительную разведку от Ватауги до Камберленда. Поздней осенью он вывел более крупную группу, а весной 1780 года построил первые частоколы на месте, которое он назвал Нэшборо, ныне Нэшвилл. Только его сильный характер смог удержать молодое поселение от распада перед лицом трудностей и враждебности индейцев, но благодаря своему такту и твердости он в конце концов смог заключить мир с окружающими племенами и создать поселение Камберленд на прочной основе. Испанское правительство однажды безуспешно пыталось вовлечь его в заговор с целью отделить западную территорию от Соединенных Штатов, но встретило патриотический отказ. В 1790 году он был назначен бригадным генералом и продолжал организовывать кампании, сопротивляться вторжениям и вести переговоры о заключении договоров до окончательного завершения индейских войн в Теннесси. Впоследствии он занимал должность комиссара по делам индейцев в племенах чикасо и чокто. См. Рамси, Теннесси; Рузвельт, Завоевание Запада; Энциклопедия американских биографий Апплтона.

(16) Генерал Гриффит Рутерфорд (стр. 48): Хотя этот офицер революционной армии командовал величайшей экспедицией, когда-либо направленной против чероки, и добился настолько выдающегося успеха, что в его честь были названы округа в Северной Каролине и Теннесси, о его жизни мало что известно. Он родился в Ирландии около 1731 года, эмигрировал в Америку и поселился недалеко от Солсбери, Северная Каролина. С началом революционной борьбы он стал членом Провинциального конгресса и Совета безопасности. В июне 1776 года он был назначен бригадным генералом американской армии, а через несколько месяцев возглавил свою знаменитую экспедицию против чероки, о которой рассказывается в других источниках. Он оказал другие важные услуги революции, в одной из битв был взят в плен англичанами и пробыл в плену почти год. Впоследствии он служил в сенате штата Северная Каролина, а затем переехал в Теннесси, где некоторое время был членом территориального совета. Он умер в Теннесси около 1800 года.

(17) Маршрут Рутерфорда (с. 49): Различные отряды Северной Каролины, которые объединились для формирования экспедиции Рутерфорда против чероки осенью 1776 года, организовались в разных точках в верхней части Катауба и, вероятно, сосредоточились в форте Дэвидсона, ныне Старом форте, в округе Макдауэлл. Оттуда, продвигаясь на запад, вплотную следуя линии нынешней Южной железной дороги и ее ветки в Западной Северной Каролине, армия пересекла голубой хребет через перевал Сваннаноа и спустилась по Сваннаноа до его слияния с Френч-Брод, пересекая последнюю в брод Уорриор, ниже нынешнего Эшвилла; оттуда вверх по ручью Хомини и через хребет к реке Пиджен, пересекая ее в нескольких милях ниже слияния восточной и западной ветвей; оттуда к ручью Ричленд, пересекая его чуть выше нынешнего Уэйнсвилля; и через водораздельный хребет между нынешними округами Хейвуд и Джексон к истоку ручья Скотта; оттуда вниз по этому ручью по «слепой тропе через очень гористую плохую дорогу», как говорится в старом рассказе Мура, до его слияния с рекой Тукасеги чуть ниже нынешнего Вебстера; оттуда, перейдя на западную (южную) сторону реки, войска следовали по главной тропе вниз по течению на несколько миль, пока не достигли первого города чероки, Стегоа, на месте фермы, ранее принадлежавшей полковнику Уильяму Х. Томасу, чуть выше нынешнего железнодорожного поселка Уиттиер, округ Свейн, Северная Каролина. После разрушения поселения отряд отделился от основной части войск и преследовал беглецов на север по другой стороне реки до реки Оконалуфти и ручья Соко, а затем вернулся в поселения, двигаясь на восток

через горы к ручью Ричланд (повествование Мура). Основная армия под командованием Рутерфорда пересекла водораздельный хребет к югу от Уиттиера и спустилась по ручью Коуи к водам реки Литл Теннесси в нынешнем округе Мейкон. После разрушения городов в этой местности армия поднялась по ручью Картугаджа, к западу от нынешнего Франклина, и пересекла горы Нантахала в ущелье Вайя, где произошло сражение, до реки Нантахала, вероятно, в городе с таким же названием, примерно в районе нынешней станции Джарреттс. Отсюда поход продолжился на запад через горы в нынешний округ Чероки и вниз по реке Вэлли до ее слияния с Хивасси, в нынешнем Мерфи. *Источники*: рассказ Мура и письмо Уилсона в журнале North Carolina University Magazine, февраль 1888 г.; Рамси, Теннесси, стр. 164; Рузвельт, «Завоевание Запада», I, стр. 300–302; Ройс, карта Чероки; личная информация от полковника Уильяма Х. Томаса, майора Джеймса Брайсона, чей дед был с Рутерфордом, и информаторов из племени чероки.

(18) Полковник Уильям Кристиан (стр. 50): Полковник Уильям Кристиан, иногда неправильно называемый Кристи, родился в округе Беркли, штат Вирджиния, в 1732 году. Привыкший к пограничным войнам почти с детства, он служил в французско-индейской войне в звании капитана, а затем командовал войсками Теннесси и Северной Каролины, которые участвовали в великой битве при Пойнт-Плезант в 1774 году, хотя сам он прибыл на место сражения слишком поздно. В начале войны за независимость он организовал полк, а в 1776 году возглавил экспедицию из Вирджинии против верхних чероки и заставил их просить о мире. В 1782 году, во время экспедиции против племен Огайо, он был захвачен и сожжен на костре.

(19) Великий индейский военный путь (с. 50): этот известный индейский путь из Вирджинии через Кентукки и Теннесси в страну криков в Алабаме и Джорджии часто упоминается в ранних описаниях этого района и указан на картах, прилагаемых к «Анналам Теннесси» Рамси и «Нации чероки» Ройса в Пятом годовом отчете Бюро этнологии. Карта Ройса показывает его с большей точностью. Это был великий торговый и военный путь между северными и южными племенами, и по этому же пути Кристиан, Севир и другие старые индейские воины вели своих людей к разрушению городов на Малом Теннесси, Хивасси и южнее.

Согласно Рамзи (стр. 88), одна из ветвей этого пути пролегала почти по линии позднейшей почтовой дороги от Харперс-Ферри до Ноксвилля, проходя мимо Биг-Лик в округе Ботеторт, штат Вирджиния, пересекая реку Нью-Ривер возле старого форта Чисвелл (который стоял на южном берегу Рид-Крик реки Нью-Ривер, примерно в девяти милях к востоку от Уайтвилля, Вирджиния), пересекая Холстон в Семимильном броде, оттуда слева от почтовой дороги возле реки к северному рукаву Холстона, «пересекая, как и в настоящее время»; оттуда к Биг-Крик, пересекая Холстон в Додсонс-Форд, к Грасси-Спрингс, недалеко от бывшей резиденции Микайи Ли; оттуда вниз по Ноличаки до Лонг-Крик, вверх до его истока и вниз по Дамплин-Крик почти до его устья, где тропа поворачивала налево и пересекала Френч-Брод недалеко от острова Бакингемс. Здесь от нее отходила ветка, которая поднималась по западной ветке Литтл Пиджен и через горы вела к средним городам на Тукасеги и верхней части Литтл Теннесси. Основная тропа продолжалась вверх по Бойдс-Крик до его истоков, а затем вниз по Элджой-Крик до Литл-Ривер, пересекая ее возле места проживания Генри; оттуда через нынешний Мэривилл до устья Теллико и, проходя через города чероки Теллико, Эчота и Хивасси, вниз по Куса, соединяясь с великим военным путем криков. Возле холмов Волка, ныне Абингдон, Вирджиния, присоединялась другая тропа из Кентукки, проходящая через ущелье Камберленд. Именно по этой последней дороге первые исследователи вошли в Кентукки, и по ней же шавано и другие племена Огайо часто проникали, чтобы нападать на поселения на реках Холстон и Нью.

На карте Ройса тропа обозначена от Вирджинии на юг. Начинаясь от слияния Мокасин-Крик с северным рукавом Холстона, чуть выше границы штата Теннесси, он пересекает последнюю реку

с восточной стороны у ее устья или слияния с южным рукавом, чуть ниже Кингспорта или Лонг-Айленда; затем следует вниз по западной стороне Холстона, пересекая Биг-Крик у его устья и переходя на южную (восточную) сторону Холстона у Додсон-Крик; оттуда вверх по восточной стороне ручья Додсон и через ручей Биг-Гэп, следуя по нему на небольшое расстояние и продолжая на юго-запад, слегка задевая Ноличаки, проходя по западной стороне ручья Лонг этого потока и вниз по той же стороне ручья Дамплин, и пересекая Френч-Брод чуть ниже устья ручья; оттуда вверх по западной стороне ручья Бойд до его истока и вниз по западной стороне ручья Элледжой до реки Литтл и через нее; оттуда через нынешний Мэривилл, чтобы пересечь реку Литл Теннесси у впадения реки Теллико, где был построен старый форт Лаудон; оттуда поворачивая вверх по южной стороне реки Литл Теннесси до Эчоты, древней столицы, а затем на юго-запад через реку Теллико вдоль хребта между ручьями Честуа и Канасауга, и пересекая последний у его устья, чтобы достичь реки Хивасси в одноименном городе; оттуда на юго-запад, пересекая реку Окои у ее устья, проходя к югу от Кливленда, через нынешний Оултева и через ручей Чикамауга в Джорджию и Алабаму.

Согласно Тимберлейку (Memoirs, with map, 1765), тропа пересекала Малый Теннесси от Эчоты на север в двух местах, чуть выше и чуть ниже ручья Фоурмайл, причем первое место для стоянки находилось на слиянии ручья Элледжой и реки Литтл, на месте старого города. Она пересекала Холстон в миле от форта Робинсон.

Согласно Хатчингу (Топографическое описание Америки, стр. 24, 1778), дорога, которая проходила через ущелье Камберленд, была той, по которой северные индейцы совершали свои набеги на страну «Каттава», и шла от Сандаски на озере Эри по прямой дороге к устью реки Сайото (где сейчас находится Портсмут), а оттуда через Кентукки к ущелью.

(20) Города мира и города-убежища (с. 51): Города-убежища существовали у чероки, криков и, вероятно, других индейских племен, а также у древних евреев. Это учреждение было милосердным средством смягчения суровости первобытного закона, который требовал жизни за жизнь. Из Второзакония мы узнаем, что Моисей назначил три города на восточной стороне Иордана, «чтобы туда мог бежать убийца, который убил своего соседа неожиданно и не ненавидел его в прошлом, и чтобы, бежав в один из этих городов, он мог жить». Было также предписано, что по мере завоевания новых территорий у язычников следует выделять еще три города в качестве убежищ для тех, кто случайно лишил человека жизни, где они будут в безопасности до тех пор, пока дело не будет урегулировано. Однако умышленный убийца не должен был получать убежище, а должен был быть без пощады предан наказанию (Второзаконие IV, 41–43 и XIX, 1–11).

Эчота, древняя столица чероки у устья реки Литл-Теннесси, была городом-убежищем чероки, обычно называемым «белым городом» или «городом мира». По словам Адаира, чероки его времени, хотя и были крайне развращенными в других отношениях, все же так строго соблюдали закон в этом отношении, что даже умышленный убийца, которому удавалось бежать в этот город, был в безопасности, пока оставался там, хотя, если дело не было урегулировано в это время, друзья убитого редко позволяли ему вернуться домой живым после того, как он покинул город. Он рассказывает, как торговец, убивший индейца, чтобы защитить свою собственность, укрылся в Эчоте и, пробыв там несколько месяцев, приготовился вернуться в свой торговый магазин, который находился неподалеку, но вожди заверили его, что он будет убит, если осмелится выйти за пределы города. В результате он был вынужден остаться там дольше, пока слезы осиротевших родственников не были утешены подарками. В другом месте тот же автор рассказывает, как чероки, убивший торговца, был преследуем и пытался укрыться в городе, но был изгнан в реку, как только его увидели жители, которые боялись либо осквернить свой город пролитием крови, либо спровоцировать англичан, предоставив ему убежище (Adair, American Indians, стр. 158, 1775).

В 1768 году Оконостота, выступая от имени делегатов чероки, прибывших в Джонсон-Холл для заключения мира с ирокезами, сказал: «Мы прибыли из Чотте, где воздвигнут мудрый [белый?] дом, дом мира» (протокол договора, 1768, New York Colonial Documents, VIII, стр. 42, 1857). В 1786 году дружественные чероки сделали «Чота» паролем, по которому американцы могли отличать их от враждебных криков (Рамси, Теннесси, стр. 343). Из бесед со старыми чероки следует, что в случаях, когда родственники убийцы не получали удовлетворения, он продолжал проживать в пределах города до следующего ежегодного танца зеленого кукурузы, когда объявлялась всеобщая амнистия.

Среди криков древний город Куса или Куса на реке Куса в Алабаме был городом-убежищем. Во времена Адаира, хотя он был почти заброшен и находился в руинах, он все еще оставался безопасным местом для тех, кто лишил человека жизни без умысла. Некоторые города также были известны как города мира, благодаря своей важной роли в мирных церемониях и заключении договоров. По этому поводу Адаир говорит: «Практически в каждом индейском племени есть несколько *мирных городов*, которые называются «старыми любимыми, древними, святыми или белыми городами». По-видимому, раньше они были городами-убежищами, поскольку даже самые старые жители не помнят, чтобы в них когда-либо пролилась человеческая кровь, хотя они часто изгоняют оттуда людей и казнят их в других местах». — Адаир, «Американские индейцы», 159. Похоже, что среди сенеков существовала очень похожая институция. «Племя сенеков, всегда самое многочисленное, охранявшее западные ворота «длинного дома», который подвергался угрозе как с севера, так и с запада и юга, имело свои собственные традиции, помимо тех, которые были общими для других членов конфедерации. Крепость Гау-стра-йеа, расположенная на горном хребте в четырех милях к востоку от Льюистона, имела особый характер, поскольку в ней проживала девственная королева, известная как «Миротворец». Когда конфедерация ирокезов была впервые образована, ее основными факторами были взаимная защита и внутренний мир, и эта крепость была предназначена для обеспечения комфорта и облегчения страданий, связанных с войной. Это был настоящий «город-убежище», в который беглецы с поля битвы, независимо от их национальности, могли бежать в поисках безопасности и найти щедрое гостеприимство. Занавески из оленьей кожи отделяли преследователей от преследуемых, пока их размещали и кормили. При расставании занавески снимали, и враждующие стороны, воспользовавшись гостеприимством королевы, не могли возобновить вражду или преследование без согласия королевы. Согласно традиции, на протяжении многих поколений ни одна дева не считалась достойной занять это место или обладала талантом и дарами, необходимыми для этой должности. В 1878 году племя тонаванда предложило возродить эту должность и присвоило Каролине Паркер этот титул». — Каррингтон, в «Шесть наций Нью-Йорка, Дополнительный бюллетень одиннадцатой переписи», стр. 73, 1892.

(21) Скальпирование белыми (стр. 53): Для студента, знающего, как легко цивилизованный человек возвращается к своему первобытному варварству, когда попадает в соответствующие условия, не будет сюрпризом узнать, что все варварские методы ведения войны индейцев были быстро переняты белыми пионерами и солдатами и часто легализованы и поощрялись местными властями. Скальпирование, хотя и было наиболее распространенным, вероятно, было наименее жестоким и варварским из всех, поскольку обычно осуществлялось после смерти жертвы, с основной целью получить трофей победы. Пытки, увечья и безымянные злодеяния, причиняемые индейцам их белыми завоевателями в первые дни, едва ли могли найти себе аналоги даже в цивилизованной Европе, когда сожжение на костре было наказанием за инакомыслие, а распиливание пополам — наказанием за дезертирство. Фактические пытки индейцев по закону были редки в английских колониях, но увечья были обычным явлением, а скальпирование было правилом вплоть до конца войны 1812 года и практиковалось в той или иной степени почти во всех индейских войнах вплоть до последней. Капитан Черч, командовавший в войне короля

Филиппа в 1676 году, утверждает, что его люди получали по тридцать шиллингов за каждого убитого или взятого в плен индейца, а голова Филиппа, после того как ее отрубили, «ушла по той же цене». Когда вождь был убит, одна из его рук была отрезана и отдана его индейскому убийце, «чтобы показать таким джентльменам, которые могли бы дать ему вознаграждение, и, соответственно, он получил за это много пенни». Другая его рука была отрублена и отправлена в Бостон для выставки, его голова была отправлена в Плимут и выставлена там на эшафоте в течение двадцати лет, а остальные части тела были четвертованы и оставлены висеть на четырех деревьях. Пятьдесят лет спустя Массачусетс предложил награду в сто фунтов за каждый индейский скальп, и охота за скальпами стала регулярным и, как правило, прибыльным делом. Однажды некий Ловелл, набрав для этой цели отряд из сорока человек, обнаружил десять индейцев, спящих у костра, и убил всю группу. Сняв с них скальпы, они натянули их на обручи и так прошли в Бостон, где скальпы были выставлены на всеобщее обозрение, и за них была выплачена награда в тысячу фунтов. Продавая время от времени несколько других скальпов по обычной рыночной цене, Ловелл постепенно приобретал достаток, когда в мае 1725 года его отряд потерпел катастрофу. Он обнаружил и застрелил одинокого охотника, который впоследствии был скальпирован капелланом группы, но индеец сумел убить Ловелла, прежде чем его одолели, после чего белые отступили, но были преследованы соплеменниками убитого охотника, в результате чего только шестнадцать из них вернулись домой живыми. Известная старинная баллада того времени рассказывает, как

«Наш достойный капитан Лаввелл среди них там погиб.

Они убили лейтенанта Роббинса и ранили доброго молодого Фрая,

который был нашим английским капелланом; он убил многих индейцев,

А некоторых из них он скальпировал, когда вокруг него летали пули».

Когда примерно в то же время миссионерская деревня Норриджвок подверглась нападению со стороны жителей Новой Англии, женщины и дети были обречены на ту же участь, что и воины. Ученый миссионер Раслес, автор словаря языка абнаки, был застрелен у подножия креста, где его тело было найдено с пробитым пулями черепом, разбитым и скальпированным, с землей во рту и глазах, со сломанными конечностями и изуродованными членами — и все это было сделано белыми людьми. Пограничники периода Революции и позднее неизменно скальпировали убитых индейцев, когда только позволяла возможность, и, как уже было показано, как британские, так и американские чиновники поощряли эту практику, предлагая награды и вознаграждения, даже в случае с первыми, когда скальпы принадлежали белым людям. Наши трудности с апачами начались с вероломной резни, устроенной в 1836 году группой американских охотников за скальпами, нанятых губернатором Соноры. Награда составляла одну унцию золота за каждый скальп. В 1864 году ополчение Колорадо под командованием полковника Чивингтона напало на группу шайенов, разбивших лагерь под защитой флага Соединенных Штатов, и убило, изуродовало и скальпировало 170 мужчин, женщин и детей, привезя скальпы в Денвер, где они были выставлены на всеобщее обозрение в общественном зале. Один лейтенант Ричмонд убил и снял скальпы с трех женщин и пяти детей. Скальпы были сняты американскими войсками в войне с модоками в 1873 году, и сейчас в племени команчей живет женщина, с которой белые солдаты сняли скальп, хотя она и не была смертельно ранена, во время одного из поздних столкновений с индейцами в Техасе. *Источники*: Дрейк, «Индейцы» (о войнах в Новой Англии); Рузвельт, «Документы штата Вирджиния» и др. (о революции и др.); Бэнкрофт, «Тихоокеанские штаты» (о апачах); «Официальный отчет о положении индейских племен», 1867 г. (об эпизоде с Чивингтоном); личная информация автора.

(22) Беженцы из Нижнего Чероки (стр. 55): «В каждой хижине, которую я посетил, я видел, что дети чрезвычайно пугаются при виде белых людей, и здесь [в Уилстауне] восьмилетний мальчик был настолько напуган, что не мог перестать кричать, пока не выбежал за дверь, а затем убежал и спрятался; но как только я начинаю с ними разговаривать и они узнают, кто я такой, они с готовностью выполняют все мои приказы. Я специально спросил матерей, в чем может быть причина такого поведения. Они сказали, *что* этот город является остатком нескольких городов, которые ранее находились на Тугало и Кеоуи и подвергались жестоким преследованиям со стороны белых; что старики помнят свое прежнее положение и страдания и часто рассказывают о них; что дети слушают эти рассказы, и они производят на них такое впечатление, которое проявляется в том, что я наблюдал. Женщины, которых я видел собирающими орехи, рассказали мне, что мое прибытие в лагерь вызвало у них сильнейшее беспокойство, и когда я слез с лошади, взял их за руки и заговорил с ними, они сначала не могли ответить, хотя одна из них очень хорошо понимала и говорила по-английски». — Хокинс, рукописный дневник, 1796 г., в библиотеке Исторического общества Джорджии.

(23) Генерал Александр Макгилливрей (стр. 56): Этот знаменитый вождь криков, как и многие выдающиеся деятели южных племен, был смешанной крови, будучи сыном шотландского торговца, Лаклана Макгилливрея, и женщины-метиски из влиятельной семьи, чей отец был французским офицером в форте Тулуза. Будущий вождь родился в племени криков около 1740 года и умер в Пенсаколе, Флорида, в 1793 году. Он получил образование в Чарльстоне, изучая латынь в дополнение к обычным предметам, и после окончания школы был отправлен отцом в торговую фирму в Саванне. Он проработал там недолго, после чего вернулся в страну криков, где вскоре начал привлекать к себе внимание, став партнером в фирме Panton, Forbes & Leslie в Пенсаколе, которая практически монополизировала торговлю с криками. Он унаследовал вождьство после смерти своей матери, которая происходила из правящего рода, но отказался принять эту должность, пока его не призвали к ней официальный совет, после чего он принял титул императора племени криков. Его отцовские владения были конфискованы Джорджией в начале революции, и он присоединился к британской стороне со всеми своими воинами и продолжал быть ведущим зачинщиком пограничных военных действий до 1790 года, когда он посетил Нью-Йорк с большой свитой и заключил мирный договор с Соединенными Штатами от имени своего народа. В инструкциях президента Вашингтона для членов комиссии по заключению договора, подготовленных в преддверии этого визита, говорилось, что он, как утверждается, обладает большими способностями и неограниченным влиянием на криков и часть чероки, и что стоит приложить значительные усилия, чтобы привязать его к Соединенным Штатам. В соответствии с этой политикой вожди криков были приняты обществом Таммани, все члены которого были одеты в полные индейские костюмы, что очень понравилось гостям, и они ответили индейским танцем, а Макгилливрей был убежден отказаться от звания полковника испанской армии в пользу более высокого звания в армии Соединенных Штатов. Вскоре после этого, из-за некоторого сопротивления, вызванного Боулзом, отступником-белым человеком, он на время покинул свое племя, но вскоре был отозван и продолжал править нацией до своей смерти.

Макгилливрей, по-видимому, обладал любопытной смесью шотландской проницательности, французской любви к показной роскоши и индейской скрытности. Он поселился в Литл-Таласси, на реке Куса, в нескольких милях выше нынешнего Уэтампки, штат Алабама, где жил в красивом доме с обширными помещениями для своих негров-рабов, так что его поместье выглядело как небольшой городок. Он устраивал роскошные приемы и всегда путешествовал с почестями, как и подобает тому, кто называл себя императором. На протяжении всех индейских войн он, насколько это было возможно, стремился предотвратить ненужные жестокости и был известен своей добротой к пленникам; последние годы своей жизни он посвятил привлечению учителей к своему народу. С другой стороны, он в значительной степени следовал индейским обычаям и вел

переговоры с Англией, Испанией и Соединенными Штатами с такой ловкостью, что смог сыграть одну сторону против другой, поочередно занимая должности на службе у всех трех. Вудворд, который знал о нем по более поздней репутации, утверждает, что мать Макгилливрея была чистокровной индианкой, а сам он не имел образования, поскольку его письма писал за него Лесли из торговой фирмы, с которой он был связан. Однако остальные свидетельства, похоже, не оставляют сомнений в том, что он был образованным и способным человеком, каким бы ни было его происхождение. *Источники*: Дрейк, «Американские индейцы»; документы в «Американских государственных документах, дела индейцев», I, 1832; Пикетт, «Алабама», 1896; «Энциклопедия американских биографий» Эпплтона; Вудворд, «Воспоминания», стр. 59 и далее, 1859.

(24) Губернатор Джон Севир (с. 57): Этот известный лидер и государственный деятель в истории первопоселенцев Теннесси родился в округе Рокингем, штат Вирджиния, в 1745 году и умер в городе Тукабатчи, штат Алабама, в 1815 году. Его отец был французским иммигрантом из хорошей семьи и с хорошим образованием, первоначальное имя семьи было Ксавье. Сын получил хорошее образование и, будучи от природы необычайно красивым, с изысканными манерами, мужеством и щедрым характером, вскоре приобрел заметное влияние на суровых пограничников, с которыми ему суждено было жить и среди которых он впоследствии стал известен под ласковым прозвищем «Чакки Джек». У чероки он был известен как Цан-усди, «Маленький Джон». После некоторого времени службы против индейцев на границе Вирджинии он переехал в новое поселение Ватауга в Теннесси в 1772 году и в Уокитоне ( ) стал известен благодаря своей активной деятельности в местных делах. Он принял активное участие ( ) в войне Данмора в 1774 году, а затем, с начала революции в 1775 году до окончания индейских войн в Теннесси — период, продолжавшийся почти двадцать лет — был признанным лидером или организатором всех важных индейских кампаний вдоль границы Теннесси. Его заслуги в этом отношении уже были отмечены. Он также командовал одним крылом американских войск в битве при Кингс-Маунтин в 1780 году, а в 1783 году возглавил отряд горцев, пришедших на помощь патриотам под командованием Мэриона. Однажды во время революции заговор тори с целью его убийства был раскрыт женой главного заговорщика. В 1779 году он был назначен командиром ополчения округа Вашингтон, Северная Каролина — ядра нынешнего штата Теннесси — должность, которую он уже занимал по общему согласию. Вскоре после окончания революции он недолго занимал пост губернатора отколовшегося «штата Франклин», за что был арестован и привлечен к суду правительством Северной Каролины, но сбежал, когда дело было закрыто. Вопрос о юрисдикции был окончательно решен в 1790 году, когда Северная Каролина уступила спорную территорию общему правительству. До этого Севир был назначен бригадным генералом. Когда Теннесси был принят в состав США в 1796 году, он был избран его первым губернатором и прослужил три срока, или шесть лет. В 1803 году он был вновь переизбран и прослужил еще три срока. В 1811 году он был избран в Конгресс, где проработал два срока и был переизбран на третий, но умер, не успев занять свое место, заразившись лихорадкой во время службы в качестве пограничного комиссара среди индейцев криков, когда ему было 71 год. Более сорока лет он непрерывно служил своей стране, и ни один человек в его штате не был так любим и уважаем. В расцвете сил он считался самым красивым мужчиной и лучшим борцом с индейцами в Теннесси.

(25) Хоупвелл, Южная Каролина (с. 61): Это место, обозначенное в ранних договорах, а также в рукописном дневнике Хокинса как «Хоупвелл на Киоуи», было плантацией генерала Эндрю Пикенса, который проживал там с конца Революции до своей смерти в 1817 году. Она была расположена на северной окраине нынешнего округа Андерсон, на восточном берегу реки Кеоуи, напротив и немного ниже устья реки Литтл, примерно в трех милях от нынешнего Пендлтона. На противоположном берегу Кеоуи, в пределах видимости, находился старый город чероки Сенека, разрушенный американцами в 1776 году. Здесь были заключены важные договоры с чероки в 1785 году и с чикасо в 1786 году.

(26) Полковник Бенджамин Хокинс (стр. 61): этот выдающийся военный, государственный деятель и писатель родился в округе Уоррен, штат Северная Каролина, в 1754 году и умер в Хокинсвилле, штат Джорджия, в 1816 году. Его отец, полковник Филемон Хокинс, организовал и командовал полком во время Войны за независимость и был членом конвента, ратифицировавшего национальную конституцию. В начале революции молодой Хокинс был студентом Принстона, но предложил свои услуги американскому делу и благодаря знанию французского и других современных языков был назначен Вашингтоном своим штабным переводчиком для общения с французскими офицерами, сотрудничавшими с американской армией. Он принимал участие в нескольких сражениях, а затем был назначен комиссаром по закупке военных материалов за рубежом. После окончания войны он был избран в Конгресс, а в 1785 году был назначен в комиссию, которая вела переговоры в Хоупвелле о первом федеральном договоре с чероки. Он прослужил второй срок в Палате представителей и еще один в Сенате, а в 1796 году был назначен суперинтендантом всех индейцев к югу от Огайо. После этого он переехал в страну криков и поселился в дикой местности, где сейчас находится Хокинсвилл, штат Джорджия, где он оставался на своей должности до самой смерти. Как сенатор он подписал документ, по которому Северная Каролина уступила Теннесси Соединенным Штатам в 1790 году, а как суперинтендант по делам индейцев помог заключить семь различных договоров с южными племенами. Он обладал обширными знаниями о обычаях и языке криков, и его «Очерк о стране криков- », написанный в 1799 году и опубликованный Историческим обществом Джорджии ( ) в 1848 году, остается эталоном. Его дневник и другие рукописи находятся в собственности того же общества, а рукописный словарь чероки — в собственности Американского философского общества в Филадельфии. *Источники*: рукописи Хокинса, хранящиеся в Историческом обществе Джорджии; Indian Treaties, 1837; American State Papers: Indian Affairs, I, 1832; II, 1834; Gatschet, Creek Migration Legend; Appleton, Cyclopædia of American Biography.

(27) Губернатор Уильям Блаунт (стр. 68): Уильям Блаунт, территориальный губернатор Теннесси, родился в Северной Каролине в 1744 году и умер в Ноксвилле, Теннесси, в 1800 году. Он занимал несколько важных должностей в своем родном штате, в том числе два срока в ассамблее и два других в качестве делегата в старом конгрессе, в котором он был одним из подписавших Федеральную конституцию в 1787 году. При организации территориального правительства Теннесси в 1790 году он был назначен территориальным губернатором, а также суперинтендантом южных племен, установив свою штаб-квартиру в Ноксвилле. В 1791 году он заключил важный договор с чероки и принимал активное участие в руководстве операциями против индейцев до окончания индейской войны. Он был президентом конвента, который организовал штат Теннесси в 1796 году, и был избран в национальный сенат, но был исключен по обвинению в участии в изменническом заговоре с целью помочь британцам завоевать Луизиану у Испании. Для его ареста был отправлен офицер армии США, но он вернулся, не выполнив свою миссию, после того как друзья Блаунта предупредили его, что не позволят вывезти его из штата. Впоследствии процедура импичмента против него была прекращена по формальным основаниям. Тем временем жители его собственного штата продемонстрировали свое доверие к нему, избрав его в сенат штата, президентом которого он был избран. Он умер в возрасте 53 лет, будучи самым популярным человеком в штате после Севиера. Его младший брат, Уилли Блаунт, который был его секретарем, впоследствии был губернатором Теннесси в 1809–1815 годах.

(28) Поражение Сент-Клера, 1791 г. (с. 72): В начале 1791 г. генерал-майор Артур Сент-Клер, ветеран двух войн и губернатор Северо-Западной территории, был назначен главнокомандующим армией, действовавшей против племен Огайо. 4 ноября того же года, наступая на деревни майами с армией в 1400 человек, он был застигнут врасплох индейскими войсками примерно такого же численности под командованием вождя майами Маленькой Черепахи в том месте, которое сейчас является юго-западной частью округа Мерсер, штат Огайо, граничащего с Индианой. Из-за

трусливого поведения ополчения он потерпел полное поражение, потеряв 632 офицера и солдата убитыми и пропавшими без вести, а также 263 раненых, многие из которых впоследствии умерли. Артиллерия была брошена, так как не осталось ни одной живой лошади, чтобы ее увезти, и паника была настолько велика, что солдаты бросали оружие и бежали на многие мили, даже после того, как преследование прекратилось. Позже стало известно, что индейцы потеряли 150 человек убитыми, помимо многих раненых. Два года спустя генерал Уэйн построил форт Рекавери на том же месте. Отряд, отправленный для выполнения этой работы, обнаружил в пределах 350 ярдов 500 черепов, а на протяжении нескольких миль вдоль линии преследования лес был усыпан скелетами и мушкетами. Две потерянные пушки были найдены в соседнем ручье. *Источники*: отчет Сент-Клера и связанные с ним документы, 1791 г.; American State Papers, Indian Affairs, I, 1832 г.; Дрейк, Indians 570, 571, 1880 г.; Appleton's Cyclopædia of American Biography.

(29) Кланы чероки (с. 74): У чероки есть семь кланов, а именно: Ани-Вайя, Волк; Ани-Кави, Олень; Ани-Цисква, Птица; Ани-Вади, Краска; Ани-Сахани; Ани-Гатагеви; Ани-Гилахи. Названия последних трех не могут быть переведены с уверенностью. Клан Волков является самым большим и важным в племени. Вероятно, что в соответствии с общей системой, принятой в других племенах, каждый клан ранее имел определенные наследственные обязанности и привилегии, но сейчас от них не осталось и следа. Дети принадлежат к клану матери, и закон, запрещающий браки между лицами одного клана, по-прежнему соблюдается среди консервативных чистокровных индейцев. «Семь кланов» часто упоминаются в священных формулах и даже в некоторых племенных законах, принятых в течение столетия. Есть свидетельства того, что изначально их было четырнадцать, но в результате вымирания или поглощения их число сократилось до семи; таким образом, древние кланы «Горлица» и «Ворон» теперь составляют единый клан «Птица». Эта тема будет более подробно рассмотрена в будущей статье о чероки.

(30) Победа Уэйна, 1794 г. (с. 78): После последовательных неудач Хармара и Сент-Клера в их усилиях против племен Огайо в 1793 г. главнокомандование было передано генерал-майору Энтони Уэйну, который уже отличился своими боевыми качествами во время Революции. Построив форт Рекавери на месте поражения Сент-Клера, он сделал этот пост своей штаб-квартирой на зиму 1793–94 годов. Летом 1794 года он продвинулся вниз по реке Мауми с армией в 3000 человек, две трети из которых были регулярными войсками. 20 августа он столкнулся с объединенными индейскими войсками у истоков порогов Мауми в месте, известном как Фоллен Тимберс, и нанес им сокрушительное поражение, преследование которого продолжила кавалерия, пока индейцы не укрылись под защитой орудий британского гарнизона в форте Майами, расположенном чуть ниже порогов. Его собственные потери составили всего 33 убитых и 100 раненых, из которых 11 впоследствии скончались от ран. Потери индейцев и их белых союзников, по оценкам, были более чем в два раза выше. Численность индейских войск, по предположениям, составляла 2000 человек, в то время как из-за стремительности атаки Уэйна число его войск, фактически участвовавших в сражении, не превышало 900 человек. Из-за этого поражения и последующего опустошения их городов и полей победившей армией индейцы были вынуждены просить о мире, который был предоставлен договором, заключенным в Гринвилле, Огайо, 3 августа 1795 года, по которому представленные племена уступили почти всю свою территорию в Огайо. *Источники*: отчет Уэйна и связанные с ним документы, 1794 г., American State Papers: Indian Affairs, I, 1832; Дрейк, Indians, 571–577, 1880; договор Гринвилля, в Indian Treaties, 1837; Appleton's Cyclopædia of American Biography.

(31) Первые вещи цивилизации (с. 83): Обычно мы видим, что первыми вещами, которые индейцы перенимают у своих белых соседей, являются усовершенствованное оружие и режущие инструменты, а также безделушки и предметы личного украшения. После того как налаживается регулярная торговля, некоторые торговцы женятся на индейских женщинах и, поселившись на постоянное жительство в индейской стране, занимаются сельским хозяйством и животноводством

по цивилизованным методам, тем самым, даже не имея такого намерения, становясь учителями промышленности для племени.

Судя по данным, предоставленным Хейвудом, оружие, по-видимому, впервые появилось у чероки около 1700 или 1710 года, хотя он сам указывает гораздо более раннюю дату. До прокладки конной тропы для торговцев из Огасты около 1740 года лошади, вероятно, не были широко распространены. Однако чероки полюбили это животное и к началу войны 1760 года имели «огромное количество» лошадей. Несмотря на большие потери в то время, к 1775 году они восстановили свои запасы настолько, что почти каждый мужчина имел от двух до дюжины лошадей (Adair, стр. 231). В пограничных войнах, последовавших за революцией, отряды из сотен всадников из племен чероки и криков иногда вторгались в поселения. Корова называется *wa'ka* у чероки и *waga* у криков, что указывает на то, что они впервые узнали о ней от испанцев. Нутталл утверждает, что впервые ее среди чероки ввела знаменитая Нэнси Уорд (Travels, стр. 130). Она не пользовалась такой же популярностью, как лошадь, поскольку ценилась главным образом как пища, которой в то время было в изобилии благодаря дикой дичи. Весомой причиной для ее избегания было индейское поверье, что употребление в пищу мяса медлительного животного вызывает соответствующую вялость у поедающего его. Тот же аргумент еще сильнее применялся к свиньям, и по сей день некоторые старые консерваторы среди восточных чероки не хотят иметь ничего общего с говядиной, свининой, молоком или маслом. Тем не менее, Бартрам рассказывает о торговце в стране чероки еще в 1775 году, который имел стадо крупного рогатого скота ( ) и чья индейская жена научилась делать масло и сыр (Travels, стр. 347). В 1796 году Хокинс упоминает о встрече с двумя женщинами из племени чероки, которые гнали десять очень тучных голов скота на рынок в поселениях белых (рукописный дневник, 1796). Пчелы, если они и не были коренными, как утверждают индейцы, были завезены в столь ранний период, что индейцы забыли об их иностранном происхождении ( ). В повествовании Де Сото упоминается о находке горшка с медом в индейской деревне в Джорджии в 1540 году. Персики выращивались в садах за столетие до Революции, и один сорт, известный еще в 1700 году как индейский персик, индейцы считали своим, утверждая, что он был у них еще до прихода белых в Америку (Лоусон, Каролина, стр. 182, изд. 1860). Картофель был завезен рано и ценился настолько, что, по словам одного старого информатора, индейцы в Джорджии до переселения «жили на нем». Кофе появился позже, и тот же информатор вспоминал, как чистокровные индейцы все еще считали его ядом, несмотря на усилия вождя Чарльза Хикса по его внедрению среди них.

Прялки и ткацкие станки были введены незадолго до революции. Согласно рукописи Вахненаухи, первые из них были привезены в Чероки из Англии англичанином по имени Эдвард Грейвс, который научил свою черокийскую жену прясть и ткать. Анонимный автор, возможно, перепутал этого раннего цивилизатора с молодым англичанином, который в 1801 году был нанят агентом Хокинсом для изготовления колес и ткацких станков для криков (Хокинс, 1801, в American State Papers: Indian Affairs, I, стр. 647). Ваффорд в детстве, примерно в 1815 году, знал старика по имени Цзинави на ручье Янг-Кейн реки Ноттли в верхней части Джорджии, который был известен как колесник и, по слухам, изготовил первое прядильное колесо и ткацкий станок, когда-либо созданные среди горных чероки, а может быть, и во всей нации, задолго до времени Уэффорда, или «примерно в то время, когда чероки начали отказываться от серебряных украшений и приступать к работе». В 1785 году комиссары по договору Хоупвелл сообщили, что некоторые женщины чероки недавно научились прясть, и многие из них очень хотели получить навыки выращивания, прядения и ткачества льна, хлопка и шерсти (Отчет комиссаров Хоупвелл, 1785, Американские государственные документы: дела индейцев, I, стр. 39). В соответствии с их рекомендацией следующий договор, заключенный с племенем в 1791 году, содержал положение о поставке чероки сельскохозяйственных орудий (Договор Холстона, 1791, Договоры с индейцами, стр. 36, 1837), и эта политика цивилизации продолжалась и расширялась до тех пор, пока в 1801

году их агент не сообщил, что в агентстве чероки колесо, ткацкий станок и плуг были в довольно широком употреблении, а сельское хозяйство, производство и животноводство были основными темами разговоров среди мужчин и женщин (рукописи Хокинса, Комиссия по договорам 1801 года).

(32) Полковник Ретюрн Дж. Мейгс (стр. 84): Ретюрн Джонатан Мейгс родился в Мидлтауне, штат Коннектикут, 17 декабря 1734 года и умер в агентстве чероки в Теннесси 28 января 1823 года. Он был первенцем своих родителей, которые дали ему несколько необычное имя Ретурн Джонатан в память о романтическом эпизоде из их собственной истории любви, когда его мать, молодая квакерка, окликнула своего возлюбленного, когда тот садился на лошадь, чтобы навсегда покинуть дом после того, как он, как он полагал, получил окончательный отказ. Это имя передавалось по наследству в течение пяти поколений, каждое из которых давало миру какого-нибудь выдающегося государственного деятеля. Герой этой зарисовки вступил в армию сразу после начала революции в Лексингтоне и был назначен на службу под командованием Арнольда в звании майора. Он сопровождал Арнольда в катастрофическом походе через пустыню на Квебек, был взят в плен во время штурма цитадели и пробыл в плену до обмена пленными в следующем году. В 1777 году он сформировал полк и был произведен в полковники. За отважную и успешную атаку на врага в Саг-Харборе на Лонг-Айленде он получил меч и благодарность от Конгресса, а своим поведением во главе полка в Стони-Пойнт заслужил благосклонное внимание Вашингтона. После окончания революции он переехал в Огайо, где, будучи членом территориального законодательного собрания, разработал первый свод правил для первых поселенцев. В 1801 году он был назначен агентом по делам чероки и поселился в агентстве в блокхаусе Теллико, напротив устья реки Теллико в Теннесси, продолжая служить в этой должности до самой смерти. Его преемником в качестве агента стал губернатор Теннесси Макминн. В течение двадцати двух лет он заключил несколько договоров с чероки и многое сделал для продвижения цивилизации среди них и для защиты их от несправедливой агрессии. Он также написал дневник экспедиции в Квебек. Его внук с тем же именем был специальным агентом по делам чероки и криков в 1834 году, а впоследствии завоевал репутацию в юридической профессии как в Теннесси, так и в округе Колумбия. *Источники*: Appleton, Cyclopædia of American Biography, 1894; Royce, Cherokee Nation, в Пятом годовом отчете Бюро этнологии, 1888; документы в American State Papers, Indian Affairs, I и II.

(33) Текумта (с. 87): этот великий вождь шауно и командующий союзными северными племенами на службе у британцев родился около 1770 года недалеко от современного Чилликоте, в западной части Огайо, и пал в битве на реке Темзе, в Онтарио, 5 октября 1813 года. Его имя означает «летучая пантера», то есть метеор. Он происходил из рода воинов, даже в племени, отличавшемся своими воинственными качествами, его отец и старший брат были убиты в сражении с белыми. Говорят, что его мать умерла среди чероки. Впервые о Текумте стало известно, когда он в возрасте около двадцати лет принял участие в сражении с жителями Кентукки, и через несколько лет он завоевал признание как самый способный вождь среди союзных племен. Говорят, что он принимал участие во всех важных сражениях с американцами со времени поражения Хармара в 1790 году до битвы, в которой он погиб. Когда ему было около тридцати лет, он задумал объединить племена к северо-западу от Огайо, как ранее сделал Понтиак, в большую конфедерацию, чтобы противостоять дальнейшему продвижению американцев, исходя из того, что вся территория между Огайо и Миссисипи принадлежит всем этим племенам совместно и что ни одно племя не имеет права продавать какую-либо ее часть без согласия других. Отказ правительства признать этот принцип побудил его принять активные меры по объединению племен на этой основе, в чем его поддержал его брат Пророк, который дополнял красноречие Текумты своими собственными утверждениями о сверхъестественном откровении. Летом 1810 года Текумта провел встречу с губернатором Харрисоном в Винсенне, чтобы выразить протест

против недавней уступки по договору, и, исчерпав все свои аргументы и поняв, что его усилия бесплодны, он завершил дискуссию словами: «Президент находится далеко и может сидеть в своем городе и пить вино, но вам и мне придется сражаться». Обе стороны сразу же приготовились к войне: Текумта отправился на юг, чтобы заручиться поддержкой криков, чокто и других южных племен, а Харрисон воспользовался его отсутствием, чтобы форсировать события, выступив против города Пророка на реке Типпекану, где собрались враждебные воины из дюжины племен. Сражение, которое произошло перед рассветом 6 ноября 1811 года, закончилось поражением индейцев и рассеянием их сил. Текумта вернулся и обнаружил, что его планы на время сошли на нет, но начало войны между Соединенными Штатами и Англией несколько месяцев спустя позволило ему вновь собрать конфедерацию племен для поддержки англичан против американцев. В качестве бригадного генерала на британской службе он командовал 2000 воинов в войне 1812 года, проявив себя не только своей храбростью, но и гуманностью, предотвращая зверства и защищая пленных от массовых убийств, однажды спас жизнь четырехсот американских пленных, которые были захвачены в засаде недалеко от форта Мейгс и не могли больше сопротивляться. Он был ранен в Магуагуа, где с обеих сторон было убито и ранено почти четыреста человек. Он прикрывал отступление британцев после битвы на озере Эри и, отказавшись отступать дальше, заставил британского генерала Проктора занять позиции на реке Темзе. Почти все силы американского наступления обрушились на дивизию Текумты. В начале сражения у озера Эри ( ) он был ранен в руку, но продолжал отчаянно сражаться, пока не получил пулю в голову и не упал замертво, окруженный телами 120 своих убитых воинов. Заслуги Текумты и его индейцев перед британской стороной были отмечены английским историком, который сказал: «Если бы не они, то, вероятно, у нас сейчас не было бы Канады». *Источники*: Дрейк, «Индейцы», изд. 1880; Энциклопедия американских биографий Апплтона, 1894; Эгглстон, «Текумсе и пророк шауни».

(34) Резня в форте Мимс, 1813 г. (с. 89): Форт Мимс, названный в честь старого индейского торговца, на землях которого он был построен, был укрепленным фортом, возведенным летом 1813 года для защиты поселенцев в районе, известном как Тенсоу, и расположенным на озере Тенсоу, штат Алабама, в одной миле к востоку от реки Алабама и примерно в сорока милях выше Мобила. В нем находился гарнизон из примерно 200 добровольцев под командованием майора Дэниела Бисли, а также беженцы из соседнего поселения, в результате чего на момент его разрушения в форте находилось 553 человека, включая мужчин, женщин и детей. Из-за небрежной охраны утром 30 августа форт был атакован около 1000 воинов племени криков под предводительством вождя смешанного происхождения Уильяма Уэзерфорда, которые ворвались через открытые ворота и, после упорного, но безнадежного сопротивления гарнизона, убили всех, кто находился внутри, за исключением нескольких негров и метисов, которых они пощадили, и около дюжины белых, которым удалось сбежать. Потери индейцев неизвестны, но были очень тяжелыми, так как сражение продолжалось в непосредственной близости, пока здания не были подожжены над головами защитников. Эта несчастная трагедия была полностью вызвана небрежностью командующего офицера, которого неоднократно предупреждали о приближении индейцев, а в момент нападения негр был связан и ждал порки за то, что сообщил, что накануне видел нескольких раскрашенных воинов, скрывающихся недалеко от частокола. *Источники*: Пикетт, Алабама, изд. 1896; Гамильтон и Оуэн, примечание, с. 170, в «Транзакциях Исторического общества Алабамы», II, 1898; отчет агента Хокинса, 1813, «Американские государственные документы: дела индейцев», I, с. 853; Дрейк, «Индейцы», изд. 1880. Приведенные цифры взяты из работы Пикетта, которые в данном случае кажутся наиболее точными, в то время как цифры Дрейка явно преувеличены.

(35) Генерал Уильям Макинтош (стр. 98): Этот известный вождь полукровки из племени нижних криков был сыном шотландского офицера британской армии и индейской матери. Он родился в городе Ковета в Алабаме, на нижнем течении реки Чаттахучи, почти напротив современного города Колумбус в Джорджии, и был убит в том же месте по приказу национального совета криков 30 апреля 1825 года. Имея достаточное образование, чтобы вести официальную переписку, он привлек к себе внимание общественности и стал считаться главным вождем нижних криков. В войне криков 1813–1814 годов он возглавил своих воинов на помощь американцам против своих братьев из верхних городов и сыграл ведущую роль в ужасных резнях в Аутосси и Хорсшу-Бенд. В 1817 году он снова возглавил своих воинов на стороне правительства против семинолов и был назначен майором. Его обычное звание генерала принадлежало ему только по вежливости. В 1821 году он был главным сторонником договора Индиан-Спрингс, по которому была уступлена большая территория между реками Флинт и Чаттахучи. Договор был отвергнут народом криков как акт небольшой фракции. Были предприняты еще две попытки реализовать договор, в ходе которых корыстные мотивы Макинтоша стали настолько очевидны, что он был заклеймен как предатель своего народа и приговорен к смерти вместе со своими главными подчиненными в соответствии с законом криков, предусматривающим смертную казнь за продажу земель без согласия национального совета. Примерно в то же время он был публично разоблачен и осужден советом чероки за попытку подкупить Джона Росса и других вождей чероки таким же образом. На рассвете 30 апреля 1825 года сотня или более воинов, посланных национальным советом криков, окружили его дом и, позволив женщинам и детям выйти, подожгли его и застрелили Макинтоша и другого вождя, Эндрю Уоррела ( ), когда те пытались сбежать. Он оставил трех жен, одна из которых была чероки. *Источники*: Дрейк, «Индейцы», изд. 1880; письма сына Макинтоша и вдов, 1825, в «Американских государственных документах: индейские дела», II, стр. 764 и 768.

(36) Уильям Уэзерфорд (стр. 89): этот лидер враждебных сил в войне с криками был сыном белого отца и женщины-метиски из города Таскиги, чей отец был шотландцем. Уэзерфорд родился в нации криков около 1780 года и умер на реке Литл в округе Монро, штат Алабама, в 1826 году. Он впервые прославился, возглавив нападение на форт Мимс 30 августа 1813 года, в результате которого форт был разрушен, а более пятисот заключенных были убиты. Считается, и это, по-видимому, соответствует действительности, что он сделал все возможное, чтобы предотвратить эксцессы, последовавшие за победой, и покинул место событий, не желая быть свидетелем зверств, когда понял, что не может удержать своих последователей. Тот факт, что Джексон позволил ему вернуться домой без преследований после окончательной капитуляции, свидетельствует о том, что он считал Уэзерфорда невиновным. В битве при Холи-Граунд в декабре того же года он потерпел поражение и едва избежал плена войсками генерала Клейборна. Когда последняя надежда криков была разрушена, а их сопротивление сломлено в кровопролитной битве при Хорсшу-Бенд 27 марта 1814 года, Уэзерфорд добровольно пришел в штаб генерала Джексона и сдался, произведя таким впечатлением своей прямолинейностью и бесстрашием, что генерал после дружеской беседы позволил ему вернуться одного, чтобы собрать своих людей для предварительного согласования условий мира. После заключения договора он удалился на плантацию в округе Монро, где жил в комфорте и пользовался большим уважением со стороны своих белых соседей до самой смерти. В качестве примера его мужества рассказывают, как однажды он в одиночку арестовал двух убийц сразу после преступления, когда местный судья и большая толпа свидетелей боялись к ним подойти. Джексон объявил его самым высоконравственным и бесстрашным человеком из всех, кого он когда-либо встречал. Внешне он был высоким, прямым и хорошо сложенным, с чертами лица, указывающими на ум, храбрость и предприимчивость. *Источники*: Пикетт, Алабама, изд. 1896; Дрейк, Индейцы, изд. 1880; Вудворд, Воспоминания, 1859.

(37) Преподобный Дэвид Брейнерд (стр. 104): Пионер американской миссии, от которого получила свое название знаменитая миссия чероки, родился в Хаддаме, Коннектикут, 20 апреля 1718 года, и умер в Нортгемптоне, Массачусетс, 9 октября 1747 года ( ). Он поступил в Йельский колледж в 1739 году, но был исключен из-за своих религиозных взглядов. В 1742 году он получил лицензию проповедника, а в следующем году начал работать миссионером среди индейцев махикан в деревне Каунамик, в двадцати милях от Стокбриджа, штат Массачусетс. Он убедил их переселиться в Стокбридж, где передал их под опеку местного священника, после чего с хорошими результатами занялся работой среди племен делавэров и других племен на реках Делавэр и Саскуэханна. В 1747 году его здоровье ухудшилось, и он был вынужден уехать в Нортгемптон, где умер через несколько месяцев. Он вел дневник и записывал свои миссионерские труды в Каунамике. Его позднюю миссионерскую работу продолжил его брат. *Источник*: Энциклопедия американских биографий Эпплтона, 1894.

(38) Преподобный Сэмюэл Остин Вустер (стр. 105): Этот известный миссионер и филолог, сын конгрегационального священника, который также был типографом, родился в Вустере, штат Массачусетс, 19 января 1798 года и умер в Парк-Хилле, в западной части нации чероки, 20 апреля 1859 года. Еще в детстве он переехал с отцом в Вермонт, в 1819 году с отличием окончил государственный университет в Берлингтоне, а после окончания курса в теологической семинарии в Андовере в 1825 году был рукоположен в сан священника. Через неделю он вместе со своей новобрачной женой покинул Бостон, чтобы начать миссионерскую работу среди чероки, и в октябре прибыл в миссию Американского совета в Брейнерде, штат Теннесси, где оставался до конца 1827 года. Затем он вместе с женой переехал в Нью-Эчоту, столицу племени чероки в штате Джорджия, где был главным организатором создания первой газеты *«Cherokee Phœnix»*, печатавшейся на языке и алфавите чероки ( ). В этой работе проявился его врожденный инстинкт печатника, поскольку он сам контролировал отливку новых шрифтов и их систематическое

расположение в наборе. В марте 1831 года он был арестован властями Джорджии за отказ принести специальную присягу на верность штату. Он был освобожден, но вскоре после этого снова арестован, заключен в тюрьму штата и вынужден носить тюремную форму до января 1833 года, несмотря на решение Верховного суда США, принятое почти год назад, о том, что его заключение было нарушением закона страны. После того как газета *«Cherokee Phœnix»* была закрыта, а народ чероки был ввергнут в беспорядки в результате распространения на него законов штата, он вернулся в Брейнерд, который находился за пределами Джорджии. В 1835 году он переехал в Индейскую территорию, куда уже уехали чероки из Арканзаса, и после короткого пребывания в миссиях Дуайт и Юнион в декабре 1836 года окончательно поселился в Парк-Хилле. Он уже основал свою миссионерскую типографию в Юнионе, печатая как на языке чероки, так и на языке криков, и, обосновавшись в Парк-Хилле, начал регулярную серию публикаций на языке чероки. В 1843 году он заявляет, что «в Парк-Хилле, помимо проповеди Евангелия, основным предметом внимания является подготовка и публикация книг на языке чероки» (Письмо в Отчете комиссара по делам индейцев, стр. 356, 1843). Список его публикаций на языке чероки (первые издания) под его собственным именем в библиографии Пиллинга включает около двадцати названий, в том числе Библию, сборники гимнов, трактаты и альманахи, а также *«Феникс»* и большое количество анонимных работ. Пиллинг говорит: «Весьма вероятно, что он был переводчиком ряда книг, за которые ему здесь не отдается должное, особенно тех частей Священного Писания, которые здесь не приписаны никому. Действительно, можно с уверенностью сказать, что за тридцать четыре года его связи с чероки мало что было сделано в области перевода, в чем он не принимал участия». Он также начал работу над географией чероки и готовил грамматику и словарь языка, когда его работа была прервана арестом. Рукописи, вместе со всеми его личными вещами, впоследствии погибли вместе с тонущим пароходом на Арканзасе. Его дочь, миссис А. Э. В. Робертсон, стала миссионеркой среди криков и опубликовала ряд работ на их языке. *Источники*: Pilling, Bibliography of the Iroquoian languages (статьи Worcester, Cherokee Phœnix и др.), 1888; Drake, Indians, ed. 1880: Report of Indian Commissioner, 1843 (письмо Worcester).

(39) Смертная казнь за продажу земель (с. 107): в 1820 году народ чероки принял закон, согласно которому вступление в какие-либо переговоры о продаже племенных земель без согласия национального совета считалось государственной изменой, наказуемой смертной казнью. Примерно в то же время аналогичный закон был принят племенем криков. Именно за нарушение этих законов Макинтош и Ридж были казнены в своих племенах. Основные положения закона чероки, вновь принятого объединенным народом на Западе в 1842 году, приводятся в сборнике, утвержденном в 1866 году:

«Закон о запрете продажи земель и т. д.: *Принимая во внимание*, что мир и процветание индейских народов часто приносятся в жертву или подвергаются опасности из-за необузданной алчности отдельных граждан; *и принимая во внимание*, что мы сами можем пострадать от той же причины и подвергнуться в будущем переселению и беспорядкам: Поэтому...

«Далее постановляется, что любое лицо или лица, которые вопреки воле и согласию законодательного совета этой нации, созванного на общее собрание, заключат договор с любым комиссаром или комиссарами Соединенных Штатов, или любым должностным лицом или должностными лицами, уполномоченными для этой цели, и согласятся уступить, обменять или каким-либо образом распорядиться любой частью или участком земель, принадлежащих или заявленных чероки, к западу от Миссисипи, то такое лицо или лица, признанные виновными любым судьей окружного или верховного суда, *подлежат смертной казни*, и любой из вышеупомянутых судей уполномочен созвать суд для рассмотрения дела любого лица или лиц, совершивших такое правонарушение.

«Далее постановляется, что любое лицо или лица, которые нарушат положения второго раздела настоящего закона и будут сопротивляться или откажутся явиться в место, назначенное для суда, или скрываются, настоящим объявляются вне закона; и любое лицо или лица, граждане этой нации, могут убить его или их, совершивших такое правонарушение, в любое время и любым наиболее удобным способом в пределах этой нации и не будут нести ответственности перед законом за это....

«Далее постановляется, что никакой договор не будет иметь обязательной силы для этой нации, если он не будет ратифицирован общим советом и одобрен главным вождем нации. 2 декабря 1842 года». — Законы нации чероки, 1868 год.

(40) Силлабарий чероки (с. 110): Среди различных систем символического представления мыслей, от простых пиктограмм первобытного человека до совершенного алфавита цивилизованных народов, наша собственная система, хотя и не совершенная, стоит на первом месте, являясь результатом трехтысячелетнего развития египтян, финикийцев и греков. Силлабарий Секвойи, созданный без посторонней помощи необразованным индейцем, выросшим в полудикой среде, занимает второе место.

Говорят, что он посвятил двенадцать лет своей жизни этому великому труду. Будучи совершенно необразованным и не имея никаких знаний о философии языка, не зная даже английского языка, его первые попытки были, естественно, направлены в сторону примитивных индейских пиктограмм. Он приступил к разработке символа для каждого слова языка, и после нескольких лет экспериментов, обнаружив, что это совершенно безнадежная задача, он отбросил тысячи символов, которые он вырезал или выцарапал на кусках коры, и заново начал изучать структуру самого языка. В результате длительного внимательного наблюдения он наконец обнаружил, что звуки в словах, используемых чероки в повседневной речи и публичных выступлениях, можно проанализировать и классифицировать, и что тысячи возможных слов образуются из различных комбинаций чуть более ста различных слогов. Тщательно проверив свое открытие, чтобы убедиться в его правильности, он приступил к формулированию символа для каждого слога. Для этой цели он использовал ряд символов, которые нашел в старом английском букваре, выбрав заглавные, строчные, курсивные и цифры ( ), и расположив их в правильном или перевернутом положении, не имея представления об их звучании или значении в английском языке (см. иллюстрацию V). Использовав таким образом около тридцати пяти готовых символов, к которым необходимо добавить еще десяток или более, полученных путем модификации тех же оригиналов, он создал из своего воображения столько символов, сколько было необходимо для его цели, в общей сложности восемьдесят пять. Полный слоговый алфавит, как он был первоначально разработан, потребовал бы около ста пятнадцати символов, но после долгих и тщательных исследований шипящего звука в различных комбинациях он пришел к выводу, что этот звук можно обозначить с помощью отдельного символа — точного эквивалента нашей буквы *s* — всякий раз, когда он образует начальную букву слога. Галлатин говорит: «Не хватало всего одного шага — присвоить отдельный символ каждому согласному, чтобы сократить общее количество до шестнадцати и получить алфавит, похожий на наш. Однако на практике, применительно к его собственному языку, превосходство алфавита Гесса очевидно и полностью подтверждено опытом. Конечно, нужно выучить и запомнить восемьдесят пять символов вместо двадцати пяти [*sic*]. Но как только это сделано, образование ученика завершено; он может читать и он совершенен в орфографии, не делая ее предметом отдельного изучения. Мальчик за несколько недель учит то, что у нас занимает два года». Филлипс говорит: «По моим наблюдениям, индейским детям требуется один или два, а иногда и несколько лет, чтобы освоить английский печатный и письменный язык, но за несколько дней они могут читать и писать на языке чероки. Последнее они делают, фактически, как только научатся формировать буквы. Как только они осваивают алфавит, они избавляются от всех сложных вопросов орфографии, которые заставляют ломать

голову наших детей. Не будет преувеличением сказать, что ребенок за месяц, приложив те же усилия, освоит язык Секвойи так же тщательно, как наши дети осваивают свой язык в течение как минимум двух лет».

Хотя в теории в письменном языке чероки каждому слогу соответствует одна буква, на практике это правило не всегда соблюдается из-за частого опущения гласных звуков. Так, слово «душа» пишется четырьмя буквами как *a-da-nûñ-ta*, но произносится в трех слогах, *adanta*. Точно так же *tsâ-lûñ-i-yu-sti* («похожий на табак», кардинальный цветок) произносится *как tsâliyustĭ*. Как и в других языках, существует ряд мелких звуковых вариаций, не обозначенных в письменном слове, поэтому для правильного произношения необходимо слышать, как говорят на этом языке. Старый верхний диалект является стандартом, к которому был адаптирован алфавит. Нет положений для *r* нижнего диалекта или *sh* среднего диалекта, каждый говорящий обычно вносит свои диалектные изменения в чтение. Буквы в слове не соединяются, и нет разницы между письменным и печатным символом. *Источники*: Галлатин, «Краткое изложение индейских племен», в Trans. Am. Antiq. Soc, II, 1836; Филлипс, «Секвойя», в Harper's Magazine, сентябрь 1870; Пиллинг, «Библиография ирокезских языков» (статья о Гессе и таблица слогового алфавита), 1888; личная информация автора.

(41) Южные золотые прииски (стр. 116): Практически все ценные минералы и кристаллы, известные производителям и ювелирам, встречаются в южной части Аллеганских гор, хотя, насколько известно на сегодняшний день, лишь немногие из них встречаются в количествах, пригодных для добычи. Однако вероятно, что эта оценка может измениться с усовершенствованием методов и расширением железнодорожной инфраструктуры. Не считая ранних операций испанских, французских и английских авантюристов, о которых уже упоминалось, первым достоверным свидетельством об обнаружении золота в любом из штатов к югу от линии Мейсона и Диксона в период, который можно назвать американским, является сообщение Джефферсона, написанное в 1781 году, о куске руды, найденном в Вирджинии, из которого было добыто семнадцать пеннивесов золота. Однако это, вероятно, не было самым ранним случаем, поскольку мы находим сомнительные упоминания об обнаружении золота в обеих Каролинах до Революции. Первые отчеты о добыче золота были сделаны в Северной Каролине в 1793 году и в Южной Каролине в 1829 году, хотя известно, что золото было найдено в последнем штате несколько лет ранее. Самые ранние записи о золоте в других южных штатах относятся примерно к 1815–1820 годам в Джорджии (около Далонеги), 1830 году в Алабаме ( ), 1831 году в Теннесси (Coco creek, округ Монро) и 1849 году в Мэриленде (округ Монтгомери). Систематический поиск золотых поясов к югу от Северной Каролины начался в 1829 году и быстро привел к насильственному изгнанию чероки из золотоносной области. Большая часть драгоценного металла добывалась из россыпей или аллювиальных отложений простым процессом копания и промывки. Добыча кварца практически не велась, а если и велась, то обычно самыми примитивными методами. Фактически, в течение длительного периода добыча золота была своего рода побочным занятием, которым занимались между сезонами сбора урожая. В Северной Каролине золотоискатели получали разрешение от владельцев земли на промывку или выкапывание золота с долей участия от одной четверти до половины, и владелец обычно заставлял своих рабов работать таким же образом на дне ручьев после того, как урожай был благополучно собран. «Золотая пыль стала значительным средством обращения, и шахтеры привыкли носить с собой трубочки, наполненные золотом, и пару маленьких ручных весов, на которых они взвешивали золото по стандартным ставкам; например, 3½ грана золота обычно эквивалентно пинте виски». В течение нескольких лет, примерно с 1830 года и позже, человек по имени Бехтлер чеканил золото на свой счет в Северной Каролине, и эти монеты, наряду с мексиканским серебром, как говорят, составляли основную валюту на обширной территории. В 1838 году в Далонеге был основан регулярный монетный двор, который просуществовал несколько лет. С

1804 по 1827 год все золото, добываемое в Соединенных Штатах, поступало из Северной Каролины, хотя его общее количество составляло всего 110 000 долларов. Открытие богатых месторождений в Калифорнии приостановило добычу золота на юге, а гражданская война привела к почти полной остановке, от которой до сих пор не наблюдается восстановления. Согласно самым точным официальным оценкам, добыча золота в южной части региона Аллегани за столетие с 1799 по 1898 год составила более 46 000 000 долларов, распределившихся следующим образом:

Северная Каролина	21 926 376
Джорджия	16 658 630
Южная Каролина	3 961 863
Вирджиния, немного превышает	3 216 343
Алабама, немного превышает	437 927
Теннесси, немного превышает	167 405
Мэриленд	47 068
Всего, немного превышает	46 415 612

Источники: Беккер, «Золотые месторождения южных Аппалачей», в Шестнадцатом годовом отчете Геологической службы США, 1895 г.; Дэй, «Минеральные ресурсы США», Семнадцатый годовой отчет Геологической службы США, часть 3, 1896 г.; Nitze, «Добыча золота » и «Металлургия в южных штатах», в отчете Геологической службы Северной Каролины, переизданном в «Минеральные ресурсы Соединенных Штатов», двадцатый ежегодный отчет Геологической службы США, часть 6, 1899 г.; Lanman, «Письма из Аллеганских гор», 1849 г.

(42) Распространение законов Джорджии, 1830 г. (с. 117): «Настоящим постановляется, что все законы Джорджии распространяются на территорию чероки; что после первого июня 1830 г. все индейцы, проживающие на тот момент на указанной территории, будут нести ответственность и подчиняться законам и правилам, которые законодательный орган может в дальнейшем установить; что все законы, обычаи и традиции, принятые, установленные и применяемые на указанной территории индейцами чероки, настоящим объявляются недействительными с 1 июня 1830 года; и ни один индеец или потомок индейца, проживающий на территории индейских племен криков или чероки, не может считаться компетентным свидетелем или стороной в любом судебном процессе, в котором ответчиком является белый человек».—Выдержка из закона, принятого законодательным собранием штата Джорджия 20 декабря 1828 года, «о присоединении территории в пределах этого штата, занятой индейцами чероки, к округам ДеКалб и др. и о

распространении на нее законов этого штата». *Источники*: Дрейк, «Индейцы», стр. 439, изд. 1880; Ройс, «Нация индейцев чероки», в Пятом годовом отчете Бюро этнологии, стр. 260, 1888.

(43) Форты для переселения, 1838 г. (с. 130): Для сбора чероки в преддверии переселения были построены следующие форты с частоколами: в Северной Каролине — форт Линдсей на южном берегу реки Теннесси у слияния с рекой Нантахала в округе Свейн; форт Скотт в Акуоне, выше по течению реки Нантахала, в округе Мейкон; Форт Монтгомери в Роббинсвилле, округ Грэм; Форт Хембри в Хейсвилле, округ Клэй; Форт Делани в Вэллитауне, округ Чероки; Форт Батлер в Мерфи, в том же округе. В Джорджии: Форт Скаддер на ручье Фрогтаун, к северу от Далонеги, округ Лампкин; Форт Гилмер, недалеко от Эллиджей, округ Гилмер; Форт Кусавати, округ Мюррей; Форт Токинг-Рок, недалеко от Джаспера, в округе Пикенс; Форт Баффингтон, недалеко от Кантона, в округе Чероки. В Теннесси: Форт Касс, в Калхуне, на реке Хивасси, в округе Макминн. В Алабаме: Форт Туркитаун, на реке Куса, в Центре, в округе Чероки. *Источник*: личная информация автора.

(44) Могила Макнейра (с. 132): Сразу за границей Теннесси, где река Конасауга снова поворачивает в сторону Джорджии, находится могила с каменной стеной и плитой, на которой высечена эпитафия, рассказывающая о трагедии переселения. Макнейр был белым человеком, известным в племени чероки, чья жена была дочерью вождя Ванна, который приветствовал моравских миссионеров и предоставил им свой дом. Дата показывает, что она умерла во время переселения, возможно, от туберкулеза ( ), ожидая в лагере-загоне. Надпись с подробностями приведена из информации, любезно предоставленной г-ном Д. К. Данном из Конасауги, Теннесси, в письме от 16 августа 1890 года:

«Священная память Дэвида и Делайлы А. Макнейр, которые ушли из жизни, первый 15 августа 1836 года, а вторая 30 ноября 1838 года. Их дети, являющиеся членами племени чероки и вынужденные уйти со своим народом на Запад, оставляют этот памятник не только для того, чтобы выразить свою любовь к родителям, но и для того, чтобы защитить их священные прахи от нечестивого вторжения белых людей».

(45) *Президент Сэмюэл Хьюстон* (стр. 145): Этот замечательный человек родился в округе Рокбридж, штат Вирджиния, 2 марта 1793 года и умер в Хантсвилле, штат Техас, 25 июля 1863 года. Обладая удивительно многогранным, но сильным характером, он занимает уникальное место в американской истории, в удивительной степени сочетая в себе суровую мужественность пионера, эксцентричную тщеславность индейца, строгое достоинство солдата, гениальность государственного деятеля и высокое рыцарство рыцаря старины. Его непредсказуемая карьера стала предметом множества дешевых романов, но простые факты сами по себе достаточно интересны ( ), без помощи вымышленных украшений. Для чероки, которых он так любил, он был известен как Калану, «Ворон», старинное воинское звание в племени.

Его отец умер, когда мальчику было девять лет, и его овдовевшая мать переехала с ним в Теннесси, напротив территории чероки, границей которой тогда была река Теннесси. Здесь он работал на ферме, периодически посещая школу, но, будучи авантюрным по натуре, в шестнадцать лет ушел из дома, перебрался через реку и присоединился к чероки, среди которых он вскоре стал большим любимцем и был усыновлен семьей вождя Джолли, в честь которого назван остров в устье реки Хивасси. Прожив так три года, в течение которых он носил индейскую одежду и выучил индейский язык, он вернулся к цивилизации и поступил на службу рядовым солдатом под командованием Джексона в войне с криками. Вскоре он привлек к себе внимание и был произведен в звание прапорщика. Проявив выдающуюся храбрость в кровопролитной битве при Хорсшу-Бенд, где он, с стрелой в бедре, взобрался на бруствер и повел своих людей в гущу врага, он завоевал прочную дружбу Джексона, который сделал его лейтенантом, хотя ему тогда

было едва двадцать один год. После войны он продолжил службу в армии, некоторое время работая по просьбе Джексона заместителем агента по делам чероки, пока летом 1818 года не ушел в отставку из-за критики со стороны Калхуна, тогдашнего министра войны. Официальное расследование, проведенное по его требованию, привело к его оправданию.

Переехав в Нэшвилл, он начал изучать право и вскоре после этого был допущен к адвокатской практике и открыл собственную практику в Ливане. В течение пяти лет он последовательно занимал должности окружного прокурора, генерал-адъютанта и генерал-майора государственных войск. В 1823 году он был избран в Конгресс, где проработал два срока, по окончании которых, в 1827 году, был избран губернатором Теннесси подавляющим большинством голосов, будучи тогда тридцати четырех лет от роду. Незадолго до этого он сражался на дуэли с генералом Уайтом и ранил его. В январе 1829 года он женился на молодой леди, проживавшей недалеко от Нэшвилла, но два месяца спустя, не дав никаких объяснений посторонним, он оставил ее, сложил с себя полномочия губернатора и другие официальные должности и навсегда покинул штат, чтобы присоединиться к своим старым друзьям, чероки, на Западе. В течение многих лет причина этого странного поведения оставалась тайной, и сам Хьюстон всегда отказывался говорить об этом, но теперь считается, что это было связано с тем, что его жена призналась ему, что любит другого и вышла за него замуж только под нажимом своих родителей.

Из Теннесси он отправился в Индейскую территорию, куда уже переселилась большая часть чероки, и вновь поселился по соседству с вождем Джолли, который теперь был главным вождем западных чероки. Великое разочарование, которое, казалось, омрачило его жизнь в самый светлый ее момент, тяжело давило на его сердце, и он искал забвения в выпивке до такой степени, что на время, казалось, утратил свою мужественность, несмотря на что, благодаря силе своего характера и прошлой репутации, он сохранил любовь чероки и свое положение среди офицеров и их семей в соседних постах Форт-Смит, Форт-Гибсон и Форт-Кофе. Тем временем его бывшая жена в Теннесси получила развод, и Хьюстон, таким образом, вновь став свободным, вскоре женился на Талихине, младшей дочери известного чероки смешанного происхождения по имени Роджерс, который проживал недалеко от Форт-Гибсона. Она была племянницей приемного отца Хьюстона, вождя Джолли, и он знал ее еще с детства в старой Нации. Будучи красивой девушкой и получив образование выше своего окружения, она стала желанной гостьей везде, где принимали ее мужа. Он открыл торговый магазин недалеко от Вебберс-Фолс, но продолжал вести разгульную жизнь, пока не опомнился после пьяной драки, в которой он напал на своего приемного отца, старого вождя, и сам был сбит с ног и потерял сознание. После выздоровления он публично извинился за свое поведение и с тех пор вел трезвый образ жизни.

В 1832 году он посетил Вашингтон в интересах западных чероки, явившись в индейском костюме к президенту Джексону, который принял его с давней дружбой. Будучи обвиненным там в связи с мошенническим индейским контрактом, он жестоко избил своего обвинителя, члена Конгресса. За это он был оштрафован на 500 долларов и получил выговор от палаты представителей, но Джексон снял штраф. Вскоре после возвращения на Запад он переехал в Техас, чтобы принять участие в только что начавшейся агитации против мексиканского правления. Он был членом конвента, который в 1833 году принял отдельную конституцию для Техаса, а два года спустя помог сформировать временное правительство и был избран главнокомандующим для организации новой милиции. В 1836 году он был членом конвента, который провозгласил независимость Техаса. В битве при Сан-Хасинто в апреле того же года он с 750 человек разгромил армию Санта-Аны, насчитывавшую 1800 человек, нанеся мексиканцам ужасные потери: 630 убитых и 730 пленных, среди которых был сам Санта-Ана. Хьюстон получил тяжелое ранение в бою. Осенью того же года он был избран первым президентом Республики Техас, получив более четырех пятых голосов. Он прослужил два года и ушел в отставку по окончании срока, оставив страну в хороших отношениях как с Мексикой, так и с индейскими племенами, а также с

паритетными банкнотами. Он был немедленно избран в Конгресс Техаса и занимал эту должность до 1841 года, когда был переизбран президентом. Именно в эти годы он вел упорную борьбу за интересы техасских чероки, как рассказывается в других источниках, поддерживая их дело без колебаний, рискуя своей популярностью и положением. Он часто заявлял, что ни один договор, заключенный и выполненный добросовестно, никогда не нарушался индейцами. Его жена из племени чероки умерла несколько лет назад, и в 1840 году он снова женился, на этот раз на даме из Алабамы, которая оказывала на него сдерживающее и облагораживающее влияние в бурных перипетиях его насыщенной событиями жизни. В июне 1842 года он наложил вето на законопроект, делавший его диктатором с целью противостоять угрозе вторжения со стороны Мексики.

29 декабря 1845 года Техас был принят в Союз, а в марте следующего года Хьюстон был избран в Сенат, где он непрерывно работал до 1859 года, когда он ушел в отставку, чтобы занять пост губернатора, на который он только что был избран. С 1852 по 1860 год его имя трижды выдвигалось на национальных съездах по выдвижению кандидатов в президенты, в последний раз он получил 57 голосов. На протяжении всего своего срока в Сенате он был в оппозиции к демократическому большинству, и когда в феврале 1861 года Техас принял постановление о сецессии, будучи бескомпромиссным сторонником Союза, он отказался принести присягу на верность Конфедерации и был соответственно отстранен от должности губернатора, отказавшись от предложенной помощи федеральных войск, чтобы сохранить свой пост. Не желая ни сражаться против Союза, ни выступать против своих друзей, он держался в стороне от великой борьбы и оставался в тихой отставке до своей смерти два года спустя. Ни один другой человек в американской истории не оставил после себя такого послужного списка непрерывных избраний на высокие должности, при этом неуклонно придерживаясь своих убеждений перед лицом сильной народной оппозиции. *Источники*: Appleton’s Cyclopædia of American Biography, 1894; Bonnell, Texas, 1840; Thrall, Texas, 1876; Lossing, Field Book of the War of 1812, 1869; личная информация автора; различные статьи из периодических изданий и газет.

(46) Вождь Джон Росс (стр. 151): Этот великий вождь чероки, чье имя неотделимо от истории его народа, сам был лишь на одну восьмую индейцем и мало чем напоминал индейца внешне, поскольку его отец, Дэниел Росс, эмигрировал из Шотландии до революции и женился на женщине, которая была на четверть чероки, а ее отец, Джон Макдональд, также был из Шотландии. Он родился в семейном поместье в Россвилле, штат Джорджия , , недалеко от границы с Чаттанугой, штат Теннесси. В детстве он был известен среди чероки как Цан-усди, «Маленький Джон», но после достижения зрелого возраста его стали называть Гувисгуви, именем редкой перелетной птицы большого размера с белым или сероватым оперением, которая, как говорят, раньше появлялась в старой стране чероки с большими промежутками. Возможно, это была цапля или лебедь. Он получил образование в школе для индейцев ( ) в Кингстоне, штат Теннесси, и начал свою общественную карьеру, когда ему было всего девятнадцать лет. Его первая жена, чистокровная чероки, умерла в результате тягот переселения во время марша на запад и была похоронена в Литл-Роке, штат Арканзас. Несколько лет спустя он женился во второй раз, на мисс Стэплер из Уилмингтона, штат Делавэр, брак был заключен в Филадельфии (личная информация автора от г-на Аллена Росса, сына Джона Росса; см. также Мередит, «Чероки», в «Пять цивилизованных племен», Дополнительный бюллетень одиннадцатой переписи, 1894 г.). Район Кууискоуи в западной части нации чероки был назван в его честь. Следующие биографические факты взяты из панегирика в его честь, принятого национальным советом чероки после известия о его смерти, «как слабое выражение потери, которую они понесли».

Джон Росс родился 3 октября 1790 года и умер в Вашингтоне 1 августа 1866 года на 76-м году жизни. Его официальная карьера началась в 1809 году, когда агент Ретурн Мейгс доверил ему важную миссию в Арканзасе у чероки. С того времени и до конца своей жизни, за исключением

двух-трех лет в начале, он постоянно служил своему народу, «демонстрируя доверие с их стороны и верность с его стороны, которые никогда не были превзойдены в анналах истории». В войне 1813–14 годов против криков он был адъютантом полка чероки, который сотрудничал с генералом Джексоном, и присутствовал в битве при Хорсшу, где чероки под командованием полковника Моргана из Теннесси оказали выдающиеся услуги. В 1817 году он был избран членом национального комитета совета чероки. Первой задачей, возложенной на него, было подготовить ответ комиссарам Соединенных Штатов, которые прибыли с целью вести переговоры с чероки об их землях к востоку от Миссисипи, в твердом сопротивлении которым он был предназначен, несколько лет спустя, проверить силу правды и завоевать репутацию неординарного человека. 26 октября 1819 года его имя впервые появляется в сборнике законов народа чероки как президент национального комитета и приложено к постановлению, направленному на улучшение положения народа чероки, предусматривающему введение в нацию школьных учителей, кузнецов, механиков и других специалистов. Он продолжал занимать эту должность до 1826 года. В 1827 году он был заместителем вождя Уильяма Хикса и президентом съезда, который принял конституцию того года. Считается, что эта конституция является первой попыткой создания регулярного правительства с четко определенными ветвями власти и полномочиями, когда-либо предпринятой и реализованной индейцами Северной Америки. С 1828 года до переселения на запад он был главным вождем восточных чероки, а с 1839 года до своей смерти — главным вождем объединенного народа чероки.

В отношении длительной борьбы, кульминацией которой стало переселение, в резолюциях заявлено, что «чероки во главе с Джоном Россом, опираясь только на свои договоры, добились признания своих прав, но были не в силах обеспечить их соблюдение . Они были вынуждены уступить, но только после того, как борьба раскрыла высшие качества терпения, мужества и стойкости в отстаивании своих прав и целей как со стороны чероки, так и со стороны их вождя. То же самое можно сказать и об их поведении после переселения в эту страну, которое привело к воссоединению восточных и западных чероки в один народ и к принятию нынешней конституции».

Что касается событий гражданской войны и официальной попытки сместить Росса с его поста, то они заявляют, что эти события, как и многие другие в их тяжелой истории как народа, с уверенностью переданы на будущие страницы историков. «Достаточно знать, что договор, заключенный в Вашингтоне в 1866 году, полностью и справедливо признавал имя Джона Росса в качестве главного вождя народа чероки».

Подведение итогов панегирика — великолепная дань уважения великолепному человеку:

«Обладая крепким здоровьем и энергичным умом, Джон Росс имел физическую способность следовать по пути долга, куда бы он ни вел. Никакая опасность не пугала его. Он никогда не колебался в поддержке того, что считал правильным, но придерживался этого с твердостью, которая могла проистекать только из самых ясных убеждений в справедливости. Он никогда не жертвовал интересами своего народа ради выгоды. Он никогда не терял из виду благосостояние народа. Он трудился для него каждый день на протяжении всей своей долгой жизни, и ему он посвятил свои последние мысли. Будучи сторонником закона, он его соблюдал; будучи сторонником образования, он верно поддерживал школы по всей стране и щедро тратил свои средства на то, чтобы дать образование другим. Будучи гостеприимным, он никогда не позволял никому голодать у своих дверей. Будучи профессором христианской религии, он следовал ее заповедям. Его дела неотделимы от истории народа чероки на протяжении почти полувека, а его пример в повседневной жизни будет жить в будущем и шептать слова надежды, умеренности и милосердия в годы потомков».

Были также приняты резолюции о перевозке его тела из Вашингтона за счет чероки и организации надлежащих похорон, чтобы «его останки покоились среди тех, кому он так долго служил» (Резолюции в честь Джона Росса, в Законах чероки, 1869).

(47) Общество Кетоова (стр. 156): Это тайное общество чероки, которое недавно получило известность в газетах благодаря своей борьбе за автономию чероки, получило свое название — правильно Kĭtuʼhwă, но обычно пишется Ketoowah в английской печати — от древнего города в старом племени, который составлял ядро наиболее консервативной части племени и иногда давал название самому племени (см. *Kĭtuʼhwagĭ*, в разделе «Племенные синонимы»). Сильная группа товарищества, если не регулярная общественная организация, по-видимому, существовала среди воинов и лидеров различных поселений района Китухва с давних времен, так что это название даже сейчас используется в советах как обозначение подлинных чувств чероки в их высшей патриотической форме. Когда несколько лет назад делегаты из западной части нации посетили восточных чероки, чтобы пригласить их присоединиться к своим более процветающим братьям за Миссисипи, представитель делегатов выразил их братские чувства к своим разлученным родственникам, сказав в своей вступительной речи: «Мы все — народ китухва» (Aniʹ-Kĭtuʼhwagĭ). Общество Ketoowah в западной части нации чероки было организовано незадолго до гражданской войны Джоном Б. Джонсом, сыном миссионера Эвана Джонса и усыновленным гражданином нации, как тайное общество с явной целью культивирования национальных чувств среди чистокровных, в противовес новаторским тенденциям смешанных кровей. Настоящей целью было противодействовать влиянию «Голубой ложи» и других тайных сепаратистских организаций среди более богатых рабовладельческих классов, состоявших в основном из смешанных кровей и белых. Оно распространилось на криков, и его члены в обоих племенах оказали большую услугу делу Союза на протяжении всей войны. Их часто называли «пин-индейцами» по причине, объясненной ниже. С момента окончания великой борьбы общество прославилось своей решительной оппозицией всем планам, направленным на ограничение или уничтожение национального самоуправления чероки.

Следующее описание общества было написано вскоре после окончания гражданской войны:

«Те чероки, которые были лояльны Союзу, объединились в тайную организацию для самозащиты, приняв название общества Ketoowha, которое вскоре было объединено с названием «Pins». Пинс были названы так из-за своеобразного способа ношения булавки. Этот символ был обнаружен их врагами, которые использовали этот термин в насмешку, но он был принят этим лояльным союзом и почти заменил название, которое его члены приняли изначально. Организация Пинс возникла среди членов баптистской общины в Пивайн, округ Гоуинг-Снейк, в нации чероки. За короткое время общество насчитывало почти три тысячи членов и начало прозелитизм среди криков, когда восстание, против которого оно вооружалось, помешало его дальнейшему расширению, а бедные крики были изгнаны в Канзас повстанцами из «Золотого круга» ( ). Во время войны Пинс оказали услуги делу Союза во многих кровопролитных сражениях, что было признано нашими генералами. Это была явно антирабовладельческая организация. Рабовладельцы из племени чероки, которые составляли богатый и более интеллигентный класс, естественно, примкнули к Югу, в то время как лояльные чероки все больше и больше выступали против рабства. Это проявилось очень ясно, когда лоялисты впервые собрались на съезде в феврале 1863 года. Они не только безоговорочно и навсегда отменили рабство, прежде чем какой-либо рабовладельческий штат предпринял шаги к освобождению рабов, но и объявили любые попытки порабощения серьезным правонарушением.

Секретным знаком пинсов было своеобразное прикосновение к шляпе в качестве приветствия, особенно когда они находились слишком далеко друг от друга, чтобы узнать друг друга другим способом. У них был своеобразный способ хвататься за лацкан пальто, сначала оттягивая его от

тела, а затем делая движение, как будто обертывая его вокруг сердца. Во время войны часть из них была вынуждена присоединиться к повстанцам, но быстро восстала против генерала Купера, который был поставлен над ними, и когда они сражались против этого генерала в Берд-Крик, они носили в волосах кусочки кукурузной шелухи, разорванные на полоски. Ночью, когда два пинса встречались, и один спрашивал другого: «Кто ты?», ответ или пароль был: «Талеква — кто ты?», а ответ был: «Я сын Кетоухи»». — Д-р Д. Дж. МакГоуэн, «Индийские тайные общества», в Historical Magazine, X, 1866.

(48) Прощальная речь Ллойда Уэлча (с. 175): В печальной и богатой событиями истории чероки их одаренные лидеры, часто имевшие белых предков, нередко обращались к миру с красноречивыми словами призыва, протеста или признания, но никогда так красноречиво, как в последнем прощальном обращении вождя Ллойда Уэлча к восточному племени, когда он почувствовал приближение конца (листовка, МакГоуэн, Чаттануга [без даты, 1880]):

«Председателю и Совету восточной группы чероки:

«Мои братья! Я считаю своим долгом проститься с вами и передать в ваши руки доверие, которое вы так великодушно возложили на меня, главного вождя восточной группы. Я вынужден пойти на этот шаг из-за большой заботы и беспокойства о вашем благополучии. Но неумолимые законы природы и стремительное ухудшение моего здоровья предупреждают меня, что скоро, очень скоро я покину эту землю, мое тело будет предано земле, а дух — Богу, который его даровал, в том счастливом доме за гранью, где нет болезней, нет печали, нет боли, нет смерти, а есть только вечная радость и счастье навеки.

Единственное сожаление, которое я испытываю, будучи так скоро призванным из вашего числа, в расцвете сил, когда надежда сладка, — это большая тревога, которую я испытываю, желая служить и приносить пользу своему народу. Для этого я учился и трудился последние десять лет своей жизни, чтобы обеспечить своим братьям равное правосудие со стороны их братьев с запада и из Соединенных Штатов, и чтобы вы больше не были дровосеками и водоносами , а заняли то гордое место среди цивилизованных народов земли, которое нам предназначено Создателем и которое в ближайшем будущем вы займете или будете уничтожены. Когда вы получите образование, в качестве естественного следствия вы станете более умными, трезвыми, трудолюбивыми и процветающими.

«Целью моей жизни, главной задачей было служить моему народу верно, честно и в меру своих сил. Насколько хорошо мне это удалось, я оставлю решать истории и вашему великодушию, доверяя всемудрому и справедливому Богу, который будет направлять и защищать вас в будущем, как Он всегда все делает хорошо. На земле мы можем не увидеть доброту и мудрость Бога, когда Он забирает от нас наших лучших и самых полезных людей, но когда мы перейдем на другой берег, в наш счастливый и вечный дом в далеком загробном мире, тогда наши глаза откроются, и мы сможем увидеть и осознать доброту и милосердие Бога, который таким образом испытывает нас здесь, на земле, и сможем более полно прославлять Бога, от Которого исходят все благословения.

«Я надеюсь, что когда вы будете выбирать из своего числа человека, который займет ответственную должность главного вождя вашего племени, вы отбросите все личные соображения и выберете человека, который будет компетентен во всех отношениях, не запятнанный в своей честной репутации, чистого, благородного, честного, любящего Бога и все чистое, обладающего достаточным интеллектом, чтобы понимать ваши права, независимость и смелостью, чтобы их защищать. Если вам посчастливится сделать такой выбор, все будет хорошо. Правдиво сказано: «Когда праведники правят, народ радуется, а когда правят нечестивые, народ скорбит».

Я уверен, что среди вас есть много людей, полностью способных выполнить эту задачу. Если бы я был уверен, что это ваше желание и для блага моих братьев, я мог бы упомянуть некоторых из них, но считаю лучшим оставить вас в руках всемудрого Бога, который делает все правильно, чтобы он направлял и вел вас по правильному пути.

И теперь, братья мои, прощаясь, возможно, в последний раз на земле, я молю Бога, чтобы вы вели себя так, чтобы, когда последний печальный обряд будет совершен любимыми друзьями, мы могли составить одну неразрывную семью в том небесном городе, из которого ни один путешественник никогда не возвращался, чтобы описать красоту, величие и счастье рая, приготовленного для верных самим Богом за пределами неба. И еще раз, братья мои, позвольте мне попрощаться с вами с любовью, но, возможно, в последний раз на земле, пока мы не встретимся снова там, где нет расставаний и где друзья встречаются, чтобы больше никогда не расставаться.

Л. Р. Уэлч,

главный вождь восточного племени чероки.

Свидетель:

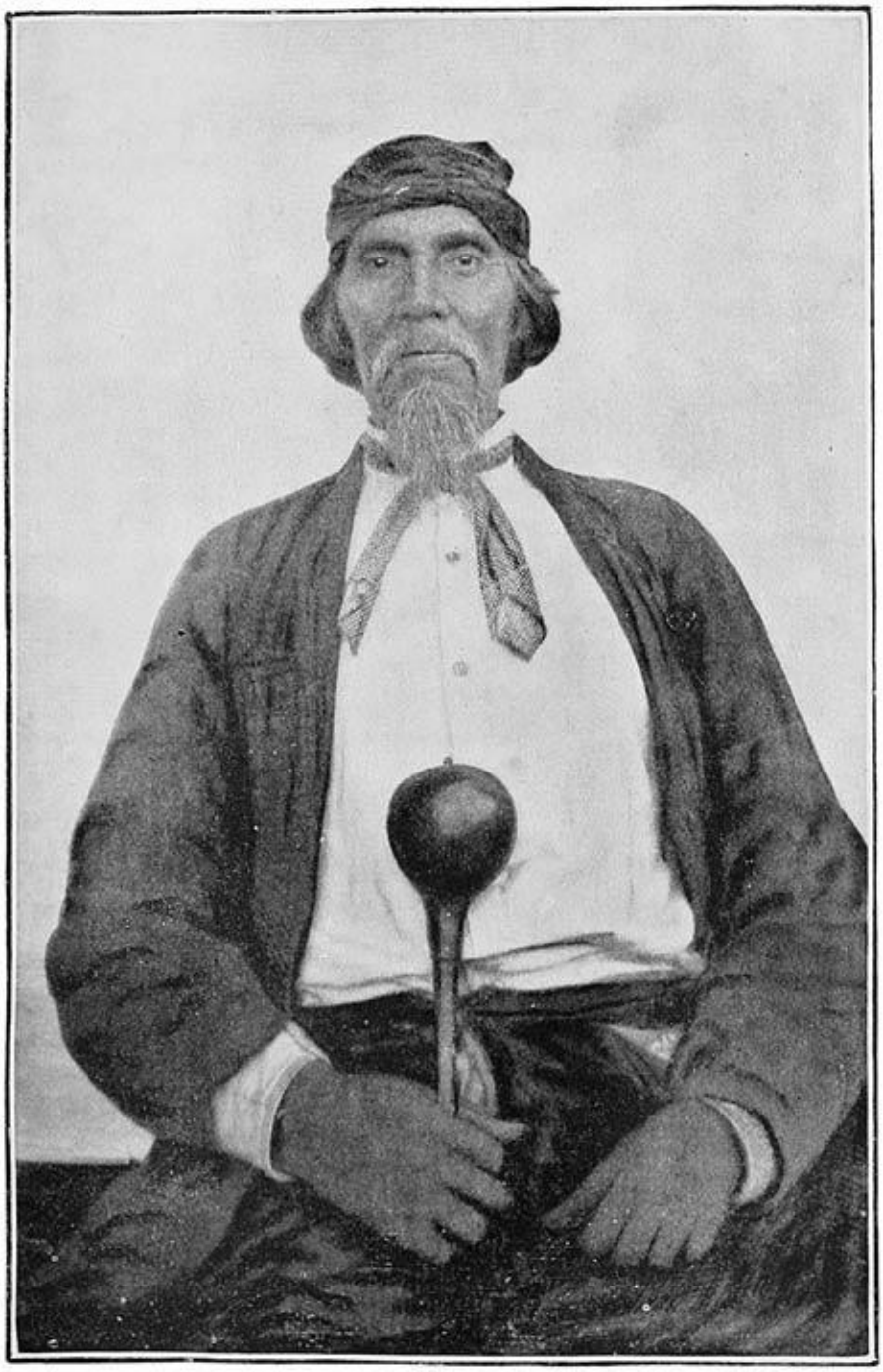
«Сэмюэл У. Дэвидсон.

Б. Б. Мерони».

(49) Статус восточного племени (с. 180): По какой-то причине все авторитеты, которые до сих пор обсуждали статус восточного племени чероки, по-видимому, совершенно не знали о принятии дополнительных статей к договору Нью-Эчота, в соответствии с которыми все права преимущественной покупки и резервирования, предоставленные в соответствии с двенадцатой статьей, были отменены. Таким образом, в деле чероки «Соединенные Штаты *и др.* против Д. Т. Бойда *и др*.» мы видим, что окружной судья Соединенных Штатов цитирует двенадцатую статью в ее первоначальной форме в качестве основания для аргументации, в то время как его помощник судья говорит: «Их предки воспользовались положением договора Нью-Эчота и остались в штате Северная Каролина» и т. д. (Отчет комиссара по делам индейцев за 1895 год, стр. 633–635, 1896). Правда заключается в том, что ратифицированный договор с его дополнительными статьями

отменил право на проживание всех чероки к востоку от Миссисипи, и только через тридцать лет Северная Каролина наконец дала гарантию, что восточная группа будет иметь право остаться в пределах ее границ.

Двенадцатая статья нового договора Эчота от 29 декабря 1835 года предусматривает пропорциональное распределение средств между теми чероки, которые желают остаться на востоке, и продолжает: «Главы семейств чероки, желающие проживать в штатах Северная Каролина, Теннесси и Алабама, подчиняться законам этих штатов и имеющие право или способность стать полезными гражданами, имеют право, по свидетельству комиссаров, на преимущественное право на сто шестьдесят акров земли, или одну четверть участка, по минимальной цене, установленной Конгрессом, с учетом существующих построек или улучшений тех, кто в настоящее время проживает там; а тем, кто в настоящее время не проживает там, будет разрешено в течение двух лет занять любые земли, которые еще не заняты лицами, имеющими право преимущественной покупки в соответствии с настоящим договором» и т. д. Статья 13 определяет термины со ссылкой на отдельные резервации, предоставленные в соответствии с предыдущими договорами. В преамбуле к дополнительным статьям, согласованным 1 марта 1836 года, говорится: «Принимая во внимание, что президент Соединенных Штатов выразил свое решение не допускать никаких преимущественных прав или резерваций, поскольку он желает, чтобы весь народ чероки переселился и поселился в стране, предоставленной ему к западу от реки Миссисипи (статья 1): поэтому согласовано, что все права преимущественной покупки и оговорки, предусмотренные в статьях 12 и 13, должны быть и настоящим отменены и объявлены недействительными». Договор в таком виде был ратифицирован 23 мая 1836 года (см. Indian Treaties, стр. 633–648, 1837).



ПЛАВЕЦ (A‘YÛÑ′INĬ)

IV —ИСТОРИИ И РАССКАЗЧИКИ

Мифы чероки можно условно разделить на священные мифы, истории о животных, местные легенды и исторические традиции. К первому классу относятся истории о сотворении мира, природе небесных тел и стихийных сил, происхождении жизни и смерти, мире духов и невидимых существ, древних чудовищах и героях-богах. Почти наверняка большинство мифов этой категории являются лишь разрозненными фрагментами первоначальной полной легенды о сотворении мира и миграции, которая в настоящее время утрачена. Практически у каждого изученного племени мы находим такую священную легенду, сохраненную жрецами традиции, которые являются единственными, кто имеет право ее рассказывать и объяснять, и которая касается происхождения и странствий народа от начала мира до окончательного поселения племени на своей территории. Среди лучших примеров таких традиций генезиса можно назвать те, которые записаны в «Валам Олум» делавэров и «Легенде о происхождении навахо» Мэтьюса. Другие можно найти в «Истории шести наций» Кусика, «Легенде о миграции Гатчета» и «Генезисе джикарилла» автора.[1] Известно, что шайенны, арапахо и другие племена равнин имеют похожие мифы о генезисе.

Существование такой национальной легенды среди чероки подтверждает Хейвуд, писавший в 1823 году, который на основании информации, полученной от одного из вождей племени, утверждает, что у них когда-то была длинная речь, теперь почти забытая, в которой рассказывалась история их странствий с тех пор, как они были впервые помещены на землю некой высшей силой свыше. Примерно до середины прошлого века эта традиция все еще передавалась на ежегодном танце зеленого кукурузы.[2] В отличие от большинства индейцев, чероки не являются консервативными, и еще до революции они настолько утратили свои первобытные обычаи в результате контактов с белыми, что Адаир в 1775 году назвал их гнездом отступников-шершней, которые более тридцати лет быстро деградировали.[3] Как бы то ни было, их национальная легенда теперь утрачена навсегда. Тайные организации, которые, должно быть, существовали ранее среди священников, также исчезли, и теперь каждый человек работает независимо, в соответствии со своими индивидуальными способностями и знаниями.

Священные мифы были доступны не всем, а только тем, кто соблюдал надлежащую форму и церемонию. Когда Джон Акс (John Ax) и другие старики ( ) были мальчиками, а это было около восьмидесяти лет назад, хранители мифов и жрецы обычно собирались ночью в аси (âsĭ), или низком бревенчатом спальном доме, чтобы рассказывать традиции и обсуждать свои тайные знания. Иногда те, кто желал получить наставления от знатока священных знаний племени, встречались с ним по договоренности в аси, где они сидели всю ночь, беседуя при свете небольшого костра, горящего посреди пола. На рассвете вся компания спускалась к проточной реке, где ученики или слушатели мифов раздевались, и священник царапал их обнаженную кожу костяным гребнем, после чего они выходили из воды, стоя лицом к восходящему солнцу, и семь раз окунались под воду, пока священник читал молитвы на берегу. Этот очистительный обряд, наблюдавшийся более века назад Адаиром, также является частью церемонии игры в мяч, танца зеленого кукурузы и, по сути, каждого важного ритуального представления. Перед тем как начать одну из священных историй, информатор иногда в шутку предлагал автору сначала подвергнуться царапанию и «пойти в воду».

В качестве особой привилегии мальчик иногда допускался в аси в таких случаях, чтобы присматривать за огнем, и таким образом имел возможность слушать истории и узнавать что-то о тайных обрядах. Таким образом Джон Акс приобрел большую часть своих знаний, хотя и не претендует на звание адепта. Как он описывает, огонь, предназначенный для обогрева комнаты — ведь ночи в горах Чероки холодные — разжигался на земле в центре небольшого дома, который был недостаточно высоким, чтобы в нем можно было стоять, а его обитатели сидели вокруг него по кругу. Перед костром был положен большой плоский камень, а рядом с ним — куча сосновых сучков или щепок. Когда огонь сгорел до углей, мальчик зажег один или два сосновых сучка и положил их на камень, где они горели ярким светом, пока почти не сгорели, после чего на них клали другие, и так до рассвета.

Иногда сосновые щепки укладывались поперек, таким образом, ××××, по кругу вокруг костра, с промежутком на восточной стороне. Затем их зажигали с одного конца, и они постепенно горели по кругу, а новые щепки укладывались сзади по мере того, как те, что впереди, сгорали. Лоусон описывает этот же обычай, который он наблюдал на танцах у племени вакшоу на реке Катауба в 1701 году:

Теперь вернёмся к нашему государственному дому, куда нас пригласили вельможи. Как только мы вошли, они посадили наших англичан рядом с королём, и мне посчастливилось сидеть рядом с ним, а с другой стороны от меня сидел его великий генерал или военачальник. Дом был темный, как подземелье, и жаркий, как голландская печь. В центре дома развели круглый костер из расколотых тростников, и один человек был занят тем, что подбрасывал новые тростники на один конец, когда другой сгорал, оставляя небольшое пространство для подкидывания топлива.[4]

Ко второму классу относятся более короткие мифы о животных, которые утратили свой сакральный характер, который они, возможно, имели когда-то, и теперь рассказываются просто как юмористические объяснения некоторых особенностей животных. В то время как сакральные мифы имеют постоянное отношение к формульным молитвам и обрядам, только в редких случаях какой-либо обряд или обычай основан на мифе о животных. Кроме того, священные мифы, как правило, известны только профессиональным жрецам или колдунам, в то время как более короткие истории о животных более или менее знакомы почти всем и встречаются в почти идентичной форме у чероки, криков и других южных племен.

Животные из мифов чероки, как и традиционные герои-боги, были больше и совершеннее, чем их современные представители. У них были вожди, советы и городские дома, они смешивались с людьми на условиях полного равенства и говорили на одном языке. Каким-то необъяснимым образом они в конце концов покинули этот нижний мир и поднялись в Галуньлати, мир наверху, где они существуют до сих пор. Переселение не было одновременным, каждое животное выбирало свое время. Животные, которых мы знаем, небольшие по размеру и скудные по интеллекту, появились на земле позже и не являются потомками мифических животных, а лишь их слабыми имитациями. Однако в одном или двух особых случаях современное существо является потомком прежнего чудовища. В древние времена деревья и растения также были живыми и могли говорить, и имели свое место в совете, но не занимают видное место в мифах.

Каждое животное имело свое назначение и обязанности. Так, лягушка Валаси была маршалом и лидером в совете, а Кролик был посланником, который передавал все публичные объявления и, как правило, вел танцы. Он также был великим обманщиком и проказником, характер, который он обычно носит в мифах восточных и южных индейцев, а также в южных негритянских рассказах. Медведь фигурирует как существо, которое изначально было человеком, с человеческой формой и природой.

Как и в других племенах и странах, почти каждая заметная скала и гора, каждый глубокий изгиб реки в старой стране чероки имеет свою легенду. Это может быть небольшая история, которую можно рассказать в одном абзаце, чтобы объяснить какую-то природную особенность, или это может быть одна глава мифа, продолжение которого находится в горах за сотню миль отсюда. Как обычно бывает, когда народ долгое время живет в одной и той же стране, почти каждый важный миф локализуется, приобретая таким образом более определенный характер.

Есть обычное количество анекдотов и рассказов о личных приключениях, некоторые из которых безнадежно вульгарны, но исторические традиции странным образом отсутствуют. Подлинные записи неграмотных народов в лучшем случае краткие и редко уходят дальше воспоминаний их старейших людей; и хотя чероки были самым важным из южных племен, ведя войны и заключая договоры на протяжении трех веков с испанцами, англичанами, французами и американцами, ирокезами, шауно, катавбами и криками, в их традициях мало свидетельств этого факта. Эта ситуация может быть частично обусловлена характером чероки, которые, как уже было сказано, привыкли смотреть в будущее, а не зацикливаться на прошлом. Первая война чероки с ее историями об Аганстате и Ата-гулкэлу полностью забыта. Они почти не помнят о долгой революционной борьбе, хотя они постоянно сражались на протяжении всего этого периода и в течение нескольких лет после него, и в одно время были доведены до грани гибели четырьмя совместными экспедициями, которые одновременно опустошили их страну с разных сторон и уничтожили почти все их города. Даже война с криками, в которой многие из их воинов приняли активное участие, уже несколько лет назад была почти забыта. Помимо нескольких рассказов о столкновениях с шауно и ирокезами, до начала нынешнего века почти ничего не осталось, что можно было бы назвать историей.

У некоторых племен зимний сезон и ночь — время для рассказывания историй, но для чероки все времена одинаковы. Как наши бабушки начинают с «Жили-были», так и черокийский рассказчик вводит свое повествование словами: «Вот что рассказывали мне старики, когда я был мальчиком».

Не все рассказывают одни и те же истории, потому что в племенных преданиях, как и во всех других видах знаний, есть специалисты. Некоторые обычные умы обращают внимание только на обычные вещи — небольшие истории о кролике, черепахе и других животных, рассказываемые для того, чтобы пошутить или развлечь ребенка. Другие останавливаются на чудесном и сверхъестественном — Цулкалу, Цувенах и Громовержцах — и тех священных вещах, о которых можно рассказывать только с молитвой и очищением. Есть еще несколько старых воинов, которые живут воспоминаниями о героических днях, когда были войны с сенека и шавано, и эти люди являются историками племени и хранителями его древностей.

Вопрос о происхождении мифов дает богатую почву для изобретательных теорий в отсутствие какой-либо возможности доказательства. Мифы чероки слишком разрозненны, чтобы их можно было снова соединить в какую-либо длинную связанную легенду о происхождении, как это бывает у некоторых племен, хотя некоторые из них все же демонстрируют определенную последовательность, которая указывает на то, что когда-то они составляли составные части цикла. Из-за заметного места, которое занимает кролик в рассказах о животных, а также в рассказах южных негров, были предприняты попытки установить для них негритянское происхождение, несмотря на то, что кролик — Великий Белый Кролик — является героем-богом, проказником и чудотворцем всех племен к востоку от Миссисипи, от Гудзонова залива до Мексиканского залива. В европейском фольклоре кролик также считается чем-то сверхъестественным и полумистическим, и даже в далекой Корее он является центральной фигурой в мифах о животных. Почему это так, — вопрос, который можно оставить на усмотрение теоретиков. Среди алгонкинских племен ( ) название *«вабос»* (*wabos*) было, по-видимому, спутано с названием «рассвет» (*waban*), так что Великий Белый Кролик на самом деле является воплощением

восточного рассвета, приносящего свет и жизнь и прогоняющего темные тени, которые держали мир в цепях. Само животное, по-видимому, рассматривается индейцами как подходящий тип беззащитной слабости, защищаемой и оберегаемой постоянной бдительностью, и, кроме того, склонной появляться в неожиданные моменты. Те же характеристики так же сильно привлекают примитивный ум негров. Само выражение, которое Харрис вкладывает в уста дяди Ремуса: «В те дни Брэр Кролик ( ) и его семья были во главе банды, когда дело доходило до какого-нибудь шума» [5], было перефразировано на языке чероки Суйета при введении его первой истории о кролике: *«Tsi'stu wuliga'nătûtûñ' une'gutsătû'* gese'ĩ—Кролик был лидером всех в проделках». Это выражение произвело на автора такое сильное впечатление, что слова были записаны в том виде, в каком они были произнесены.

Что касается контактов между двумя расами, благодаря которым такие истории могли быть заимствованы одной из них у другой, то мало кто знает, что во всех южных колониях индейские рабы покупались, продавались, содержались в рабстве и работали на полях бок о бок с неграми вплоть до момента революции. Не возвращаясь к испанскому периоду, когда такие вещи были в порядке вещей, мы видим, что уже в 1693 году чероки жаловались на то, что их людей похищали охотники за рабами. Сотни плененных тускарора и почти все племя аппалачи были распределены в качестве рабов среди колонистов Каролины в начале XVIII века, в то время как натчез и другие племена постигла аналогичная судьба в Луизиане, и по крайней мере до 1776 года чероки, взятые в плен, по-прежнему продавались тому, кто предложит самую высокую цену, для тех же целей. В одно время губернатору Южной Каролины было предъявлено обвинение в том, что он провоцирует общую индейскую войну, поощряя охоту на рабов. Кроме того, по мере сокращения численности прибрежных племен они были вынуждены объединяться и вступать в смешанные браки с неграми, пока наконец не утратили свою идентичность и не были отнесены к этой расе, так что значительная часть крови южных негров, несомненно, является индейской.

Негры, с их талантом к подражанию и любовью к рассказам, особенно комическим, несомненно, многое переняли от индейцев таким образом, в то время как индейцы, с их гордостью консерватизма и презрением к подчиненной расе, взяли от негров очень мало, и это малое не могло легко вернуться к свободным племенам. Некоторые из этих историй о животных распространены среди племен, расположенных на большом расстоянии друг от друга, между которыми не может быть никакого подозрения о влиянии негров. Так, знаменитая история о «дегтярном ребенке» имеет варианты не только у чероки, но и в Нью- -Мексико, Вашингтоне и на юге Аляски — фактически везде, где сосна или пиньон дают достаточно смолы, чтобы слепить из нее шарик для индейских нужд, — в то время как история о кролике, пообедавшем медведем, встречается почти у всех племен от Новой Шотландии до Тихого океана. Представление о том, что такие истории обязательно имеют негритянское происхождение, в значительной степени обусловлено распространенным, но ошибочным мнением, что индейцы не обладают чувством юмора.

Во многих случаях нет необходимости предполагать заимствование с той или другой стороны, поскольку мифы являются такими, которые естественным образом возникают в любой части мира среди первобытных народов, привыкших наблюдать за особенностями животных, которые, согласно их религиозной системе, не отличаются от человека ничем существенным, за исключением внешней формы. Так, в Европе и Америке черепаха считается символом медлительности, а кролик, с его внезапными рывками, или олень, с его прыжками, — символом скорости. Что может быть более естественным, чем то, что рассказчик устраивает состязание между ними, в котором победу одерживает терпеливый труженик над самоуверенным хвастуном? Идея голодного волка или другого хищника, заманивающего своих жертв обещанием новой песни или танца, во время которого они должны закрыть глаза, также легко могла возникнуть у любого первобытного народа, чьим главным развлечением были танцы.[6]

С другой стороны, такая концепция, как концепция Флинта и Кролика, могла быть только результатом особой космогонической теологии, хотя сейчас она действительно разрушена и деградировала, и вполне вероятно, что многие мифы, рассказываемые сейчас только для развлечения, на самом деле являются изношенными фрагментами древних священных традиций. Таким образом, только что упомянутая история появляется в другом обличье у ирокезов как часть их великого мифа о сотворении мира. Поскольку чероки являются отделенным племенем ирокезов, мы можем ожидать найти среди последних, если еще не слишком поздно, объяснение и более совершенное изложение некоторых вещей, которые остаются неясными в мифах чероки. Однако не следует забывать, что индейцы , как и другие люди, делают некоторые вещи просто для развлечения, и бесполезно искать оккультные значения там, где их нет.

За исключением местных традиций и нескольких других, которые явно являются прямым результатом условий жизни чероки, невозможно установить точную точку отсчета для мифов. Было бы неразумно утверждать, что даже большинство из них возникло внутри племени. Чероки имеют кровь криков, катавба, учи, натчез, ирокезов, осейджей и шавано, и такая смесь подразумевает более или менее тесный и продолжительный контакт. Индейцы — великие странники, и миф о « » может путешествовать так же далеко, как трубка из красного камня или нитка вампума. Было принято, как и сейчас в ограниченной степени на Западе, что большие группы, иногда даже целые племена или деревни, отправлялись в длительные визиты к другим племенам, где они танцевали, пировали, торговали и обменивались историями со своими друзьями в течение нескольких недель или месяцев, ожидая, что их хозяева ответят визитом следующим летом. Регулярные торговые пути пересекали континент с востока на запад и с севера на юг, и когда этот вопрос будет полностью исследован, окажется, что эта межплеменная торговля была такой же постоянной и признанной частью жизни индейцев, как сегодня наше железнодорожное сообщение. Само существование торгового жаргона или языка жестов является доказательством межплеменных отношений на обширных территориях. Их политические союзы также часто были далекоидущими, поскольку Понтиак объединил в воинственную конфедерацию все племена от атлантической границы до истоков Миссисипи, а посланники пророка Шавано разнесли весть о его откровениях по всей территории от побережья Флориды до Саскачевана.

Учитывая эти факты, попытки проследить происхождение каждого мифа столь же бесполезны, как и утверждение, что все они были созданы чероки. Из того, что мы знаем о характере шавано, их склонности к церемониям и мистике, а также их тесных отношениях с чероки, можно сделать вывод, что некоторые мифы возникли в этом племени. Естественно, мы должны ожидать также тесного соответствия с мифами криков и других южных племен, проживавших на территории, где ранее был распространен торговый язык мобильян. Локализация всех наиболее важных мифов на территории проживания указывает на длительное проживание в этой стране. Поскольку большинство из приведенных здесь мифов принадлежат к полудюжине округов, которые до сих пор знакомы восточным чероки, мы можем догадываться, сколько мифов, связанных с древней территорией племени, теперь безвозвратно утрачено.

Контакт с белой расой, по-видимому, оказал очень небольшое влияние на мифологию племени, и не более трех или четырех историй, распространенных среди чероки, можно отнести к кавказскому источнику. Они не были воспроизведены здесь по той причине, что они явно европейские, и автор решил не следовать примеру некоторых собирателей, которые предполагали, что каждая сказка, рассказанная на языке индейцев , обязательно является индейской историей. Записи, сделанные в сборниках с севера и запада, являются не чем иным, как вариантами знаменитых Hausmärchen, рассказанных французскими трапперами и путешественниками своим индейским товарищам по лагерю и детям-метисам. Можно было бы подумать, что влияние миссионеров будет очевидным в традиции генезиса, но это не так. Библейская история убивает индейскую традицию, и слияния не происходит. Едва ли нужно говорить, что истории о большой

рыбе, которая проглатывает человека, и о великом потопе , который уничтожает народ, встречаются во всем мире. Предполагаемый герой-бог чероки, Васи, описанный одним писателем как удивительно похожий на великого еврейского законодателя, на самом деле является тем самым великим учителем, Васи — это приблизительный черокийский эквивалент Моисея, а добрый миссионер, который первым записал эту историю, просто слушал главу, взятую его обращенным из черокийского завета. Весь первобытный пантеон чероки до сих пор сохранился в их священных формулах.

По сравнению с мифами некоторых других племен, мифы чероки чисты. Они занимают высокое место по живописности воображения и богатству деталей, а некоторые из удивительных историй могут соперничать с европейскими и индийскими. Многочисленные параллели послужат указанием на их связь с общей индийской системой. Если не указано иное, каждый приведенный здесь миф был получен непосредственно от индейцев и почти во всех случаях был проверен из нескольких источников.

«Я не знаю, как обстоит правда,

я рассказываю историю так, как она была рассказана мне».

Первым и главным в списке рассказчиков идет Аюни, «Пловец», от которого было получено почти три четверти всего материала, а также почти такая же доля всего материала о чероки, который сейчас находится в распоряжении автора. Без его помощи сборник не мог бы быть составлен, и теперь, когда его нет, его невозможно повторить. Родившийся около 1835 года, незадолго до переселения, он вырос под руководством учителей, чтобы стать священником, врачом и хранителем традиций, так что он был признан авторитетом во всем племени и таким компетентным внешним судьей, как полковник Томас. Он служил во время войны вторым сержантом чероки-роты А, 69-го пехотного полка Северной Каролины, легиона Томаса. Он играл заметную роль в местных делах племени, и ни один танец зеленого кукурузы, игра в мяч или другое племенное мероприятие не считалось полным без его присутствия и активной помощи. Настоящий аборигенный антиквар и патриот, гордящийся своим народом и его древней системой, он с удовольствием записывал на своем родном алфавите песни и священные формулы священников и танцоров, а также названия лекарственных растений и рецепты, по которым они составлялись, в то время как его ум был хранилищем индейских традиций. К своему удачному описательному стилю он добавлял музыкальный голос для песен и особую способность имитировать характерные крики птиц или животных, так что слушать одно из его выступлений часто было удовольствием само по себе, даже для тех, кто не понимал ни слова на этом языке. Он не говорил по-английски и до самой смерти носил мокасины и тюрбан, а также погремушку, символ его власти. Он умер в марте 1899 года в возрасте около шестидесяти пяти лет и был похоронен, как настоящий чероки, на склоне покрытой лесом горы ( ). Мир его праху и скорбь о его уходе, ибо вместе с ним погибла половина традиций народа.

Следующим по порядку идет имя Итагунахи, более известного как Джон Акс, родившегося около 1800 года и в настоящее время достигшего столетнего возраста, что делает его самым пожилым членом племени. Он хорошо помнит войну с криками, когда ему было около двенадцати лет, и уже был женат и имел детей, когда земли к востоку от Нантахалы были проданы по договору 1819 года. Хотя он и не был профессиональным священником или врачом, до того как возраст притупил его способности, он считался авторитетом во всех вопросах, касающихся племенных обычаев, и был экспертом в изготовлении погремушек, жезлов и других церемониальных принадлежностей. Обладая поэтическим и творческим темпераментом, он больше всего любил удивительные истории о великане Цулкалу, великом Уктена или невидимых духов, но также высоко ценил юмористические истории о животных. Он не говорит по-английски, а его прямая стройная фигура

и пронзительный взгляд делают его прекрасным образцом индейца старых времен. Несмотря на свой преклонный возраст, он дошел без посторонней помощи, опираясь только на свою палку, до последней игры в мяч, где с большим интересом наблюдал за каждым забегом, и пришел бы на танцы накануне вечером, если бы не вмешательство друзей.

Суйета, «Избранный», который регулярно проповедует как баптистский священник перед индейской общиной, не занимается индейским сверхъестественным, возможно, из уважения к своим священническим обязанностям, но имеет хорошую память и любит истории о кроликах и другие истории того же рода. Во время войны он служил в армии Конфедерации в звании четвертого сержанта в роте А 69-го полка Северной Каролины, а сейчас он хорошо сохранившийся мужчина лет шестидесяти двух. Он не говорит по-английски, но благодаря своей изобретательной системе научился использовать конкорданс для проверки ссылок в своей библии на языке чероки. Он также является первоклассным плотником и каменщиком.

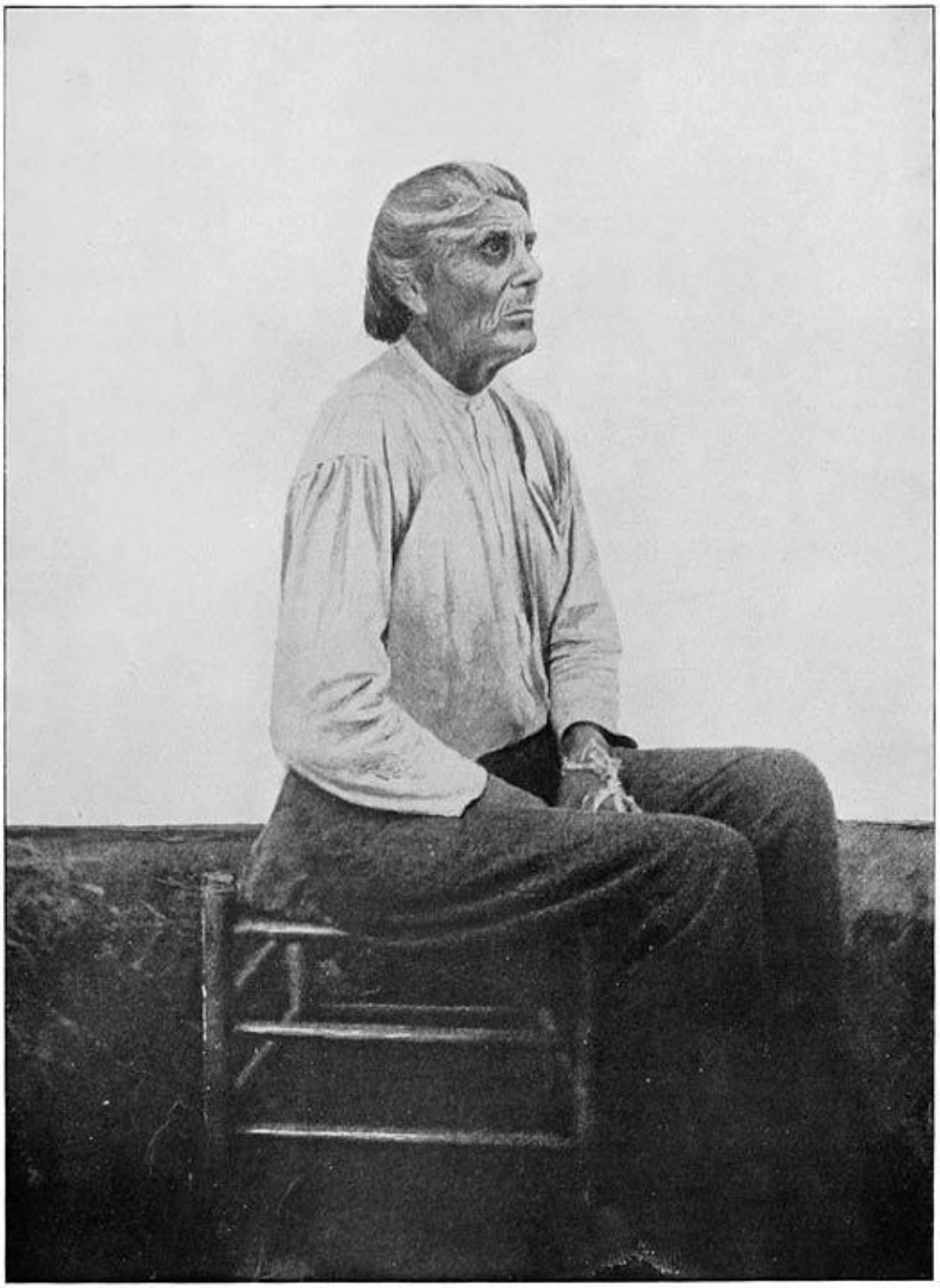
Другим основным информатором был Тагвадихи, «Убийца Катавба», из Чеовы, который умер несколько лет назад в возрасте около семидесяти лет. Он был врачом и не претендовал на особые знания в области мифов или обрядов, но смог предоставить несколько ценных историй, помимо подтверждающих свидетельств для большого количества историй, полученных из других источников.

Кроме них, среди восточных чероки можно назвать покойного вождя Н. Дж. Смита; Салали, упомянутого в других местах, который умер около 1895 года; Цесани или Джессана, который также участвовал в войне; Айаста, одна из главных консерваторов среди женщин; а также Джеймс и Дэвид Блайт, молодые люди смешанного происхождения, получившие английское образование, но унаследовавшие большую часть индейских знаний от своего отца, который был признанным лидером церемоний.

Среди информаторов в западной части нации чероки главным был Джеймс Д. Уэффорд, известный индейцам как Цускваннунавата («Изношенное одеяло», человек смешанной крови, говоривший и писавший на обоих языках, родился в старой нации чероки недалеко от места, где сейчас находится Кларксвилл, штат Джорджия, в 1806 году и умер в возрасте около девяноста лет в своем доме в восточной части нации чероки, примыкающей к резервации сенека. Это имя занимает видное место в ранней истории Северной Каролины и Джорджии. Его дед, полковник Уэффорд, был офицером в армии американской революции и вскоре после заключения договора Хоупвелл в 1785 году основал колонию, известную как «поселение Уэффорда», в верхней части Джорджии, на территории, которая впоследствии оказалась в пределах индейской границы и была приобретена по специальному договору в 1804 году. Его имя, как свидетель от штата Джорджия, приложено к договору Холстона 1794 года.[7] По материнской линии г-н Уэффорд был смешанного происхождения: чероки, натчез и белый, поскольку его мать была двоюродной сестрой Секвойи. Он также был отдаленно связан с Корнелиусом Дагерти, первым торговцем, обосновавшимся среди чероки. За свою долгую жизнь он занимал много почетных и ответственных должностей среди своего народа. В молодости он учился в миссионерской школе в Вэллитауне под руководством преподобного Эвана Джонса, и незадолго до принятия алфавита чероки он закончил перевод в фонетическую черокийскую орфографию учебника по правописанию для воскресной школы, упомянутого в « » Пиллинга. Библиография ирокезских языков . В 1824 году он был переписчиком в том районе чероки, который охватывал верхнюю часть реки Хивасси в Северной Каролине, а также Ноттели и Токкоа в прилегающей части Джорджии. Его знания о географии чероки, приобретенные таким образом, оказались неоценимыми. Он был одним из двух командиров крупнейшего отряда эмигрантов во время переселения, и его имя фигурирует в качестве советника западной нации в «Альманахе чероки» за 1846 год. Когда автор нанял его на работу в Талеква в 1891 году, его ум был все еще ясным, а память острой. Будучи практичным

человеком, он интересовался главным образом историей племени, географией, лингвистикой, повседневной жизнью и обычаями, и по всем этим вопросам его знания были точными и подробными, но было мало мифов, по которым он не мог предоставить подтверждающих свидетельств. Несмотря на свое образование, он был твердым приверженцем Нуннехи, и от него было получено несколько лучших легенд, связанных с ними. Его смерть лишила чероки одного из последних связующих звеньев между настоящим и прошлым.

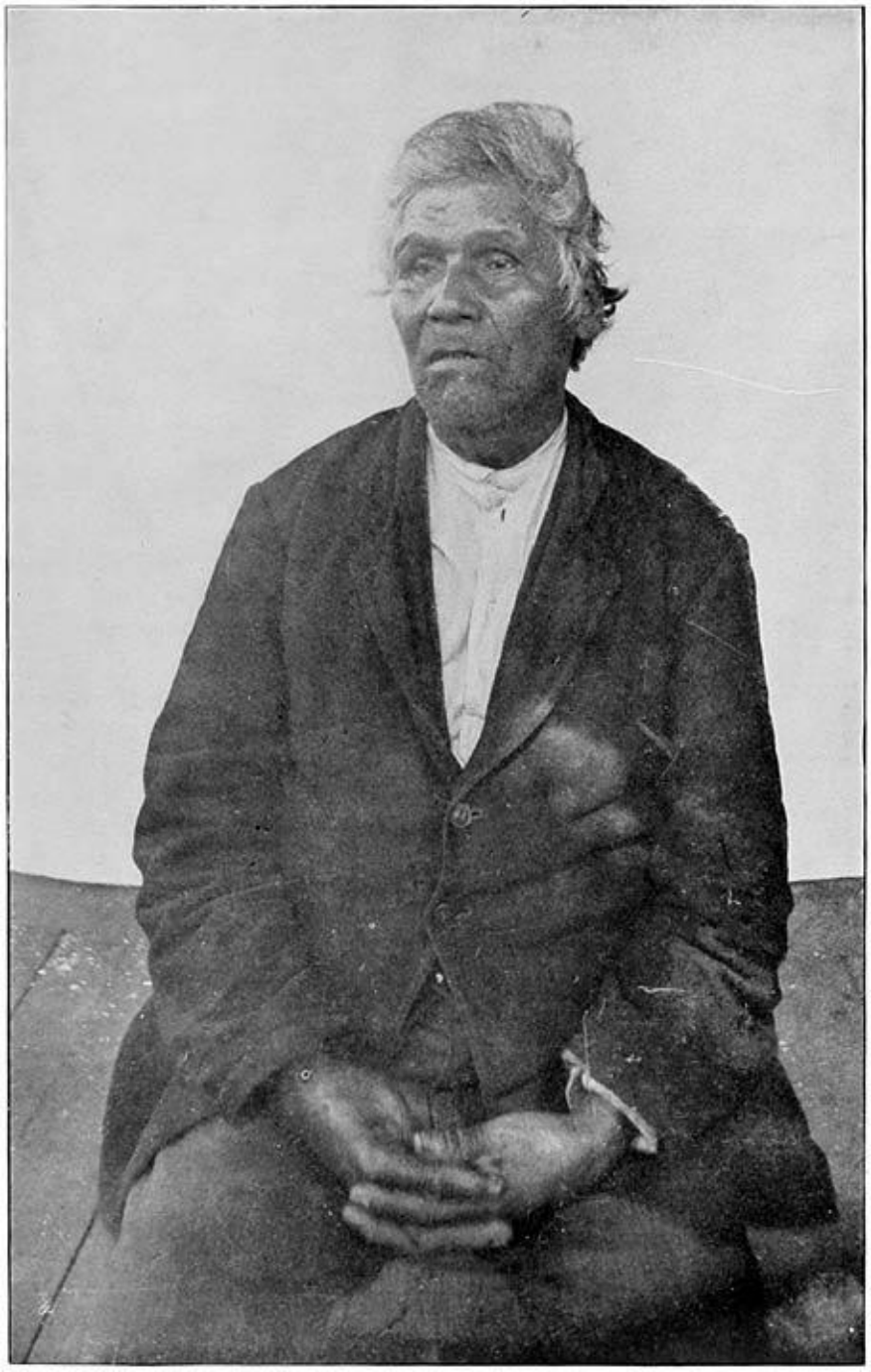
БЮРО АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОЛОГИИ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ PL. XII



ФОТОГРАФИЯ АВТОРА, 1888

ДЖОН АКС (ИТАГУНУХИ)

БЮРО АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОЛОГИИ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ PL. XIII



ФОТОГРАФИЯ АВТОРА, 1888

ТАГВАДИХ

---

[1]

Американский антрополог, т. XI, июль 1898 г. ↑

[2]

См. стр. 20. ↑

3

Адаир, Американские индейцы, стр. 81, 1775. ↑

4

Лоусон, Каролина, 67–68, переиздание 1860. ↑

5

Харрис, Дж. К., «Дядя Ремус, его песни и поговорки» (Uncle Remus, His Songs and Sayings), «Его поговорки» ( ), стр. 29; Нью-Йорк, 1886. ↑

6

Представление африканской и европейской точек зрения см. в: Harris, Nights with Uncle Remus, введение, 1883; и Uncle Remus, His Songs and His Sayings, введение, 1886; Gerber, Uncle Remus Traced to the Old World, в Journal of American Folklore, VI, стр. 23, октябрь 1893. В отношении распространения мифов среди племен см. Boas, Dissemination of Tales among the Natives of North America, в Journal of American Folklore, IV, стр. 12, январь 1891 г.; The Growth of Indian Mythologies, в том же журнале, IX, стр. 32, январь 1896 г.; «Северные элементы в мифологии навахо», в American Anthropologist, X, стр. 11, ноябрь 1897 г.; введение к книге Тейта «Традиции индейцев реки Томпсон», 1898 г. Доктор Боас, вероятно, посвятил этому предмету больше исследований, чем любой другой антрополог, и его личные наблюдения включают племена от арктических регионов до Колумбии. ↑

7

См. современное сообщение в «Историческом очерке». ↑

V —МИФЫ

Космогонические мифы

1. КАК БЫЛ СОЗДАН МИР

Земля — это огромный остров, плавающий в море воды и подвешенный в каждой из четырех сторон света на веревках, свисающих с небосвода, который состоит из твердой скалы. Когда мир состарится и износится, люди умрут, веревки порвутся, и земля погрузится в океан, и все снова станет водой. Индейцы боятся этого.

Когда все было водой, животные находились вверху, в Гэлуньлати, за сводом, но там было очень тесно, и им хотелось больше места. Они гадали, что же находится под водой, и наконец Даюниси, «Внук Бобра», маленький водный жук, предложил пойти и посмотреть, сможет ли он что-нибудь узнать. Он мчался во всех направлениях по поверхности воды, но не мог найти твердого места, где можно было бы отдохнуть. Тогда он нырнул на дно и поднялся с мягким илом, который начал расти и распространяться во все стороны, пока не превратился в остров, который мы называем землей. Позже он был прикреплен к небу четырьмя веревками, но никто не помнит, кто это сделал.

Сначала земля была плоской, очень мягкой и влажной. Животные с нетерпением ждали, когда же они смогут спуститься на землю, и посылали разных птиц, чтобы те проверили, высохла ли она уже. Но птицы не находили места, где можно было бы приземлиться, и возвращались обратно к Гэлунлати. Наконец, казалось, что время пришло, и они послали канюка, велев ему отправиться и подготовить для них все необходимое. Это был Великий Канюк, отец всех канюков, которых мы видим сейчас. Он пролетел над всей землей, низко над землей, и она все еще была мягкой. Когда он достиг страны чероки, он был очень уставшим, и его крылья начали махать и ударять по земле, и везде, где они ударяли по земле, появлялась долина, а там, где они поднимались, появлялась гора. Когда животные, находившиеся наверху, увидели это, они испугались, что весь мир станет горами, и позвала его обратно, но земля чероки до сих пор остается полной гор.

Когда земля высохла и животные спустились, было еще темно, поэтому они взяли солнце и поместили его на орбиту, чтобы оно каждый день пересекало остров с востока на запад, прямо над головой. Так было слишком жарко, и у Цискагили, красного рака, панцирь обгорел до ярко-красного цвета, так что его мясо испортилось, и чероки его не едят. Чародеи из племени чероки ( ) подняли солнце еще на одну ладонь выше, но было все еще слишком жарко. Они подняли его еще раз, и еще, пока оно не оказалось на высоте семи ладоней, чуть ниже небесного свода. Тогда оно было в порядке, и они оставили его так. Вот почему колдуны называют самое высокое место Gûlkwâ′gine Di′gălûñ′lătiyûñ′, «седьмая высота», потому что оно находится на семь ладоней выше земли. Каждый день солнце проходит под этой аркой и возвращается ночью на верхней стороне к месту отправления.

Под этим миром есть еще один мир, и он во всем похож на наш — животные, растения и люди — за исключением того, что времена года там другие. Ручьи, стекающие с гор, — это тропы, по которым мы попадаем в этот подземный мир, а источники у их истоков — это входы, через которые мы в него попадаем, но для этого нужно поститься, пойти к воде и взять с собой в качестве проводника одного из подземных людей . Мы знаем, что времена года в подземном мире

отличаются от наших, потому что вода в источниках всегда теплее зимой и прохладнее летом, чем воздух снаружи.

Когда животные и растения были впервые созданы — мы не знаем кем — им было велено бодрствовать и не спать семь ночей, так же как молодые люди сейчас постятся и не спят, когда молятся своим лекарствам. Они пытались это сделать, и почти все не спали всю первую ночь, но на следующую ночь несколько из них заснули, а на третью ночь заснули другие, а затем и остальные, пока на седьмую ночь из всех животных только сова, пантера и еще одно или два остались бодрствовать. Им была дана способность видеть и передвигаться в темноте, а также охотиться на птиц и животных, которые должны спать ночью. Из деревьев только кедр, сосна, ель, падуб и лавр бодрствовали до конца, и им было дано быть всегда зелеными и быть величайшими для медицины, но другим было сказано: «Поскольку вы не выдержали до конца, вы будете терять свои волосы каждую зиму».

После животных и растений появились люди. Сначала были только брат и сестра, пока он не ударил ее рыбой и не велел ей размножаться, и так и произошло. Через семь дней у нее родился ребенок, а после этого каждые семь дней по одному, и они размножались очень быстро, пока не возникла опасность, что мир не сможет их всех содержать. Тогда было решено, что женщина должна рожать только одного ребенка в год, и так было с тех пор.

2. ПЕРВЫЙ ОГОНЬ

Вначале не было огня, и мир был холодным, пока Громы (Ani′-Hyûñ′tĭkwălâ′skĭ), которые жили в Gălûñ′lătĭ, не послали свою молнию и не зажгли огонь в дупле дуба, который рос на острове. Животные знали, что он там, потому что видели дым, поднимающийся из верхушки, но не могли добраться до него из-за воды ( ), поэтому созвали совет, чтобы решить, что делать. Это было очень давно.

Все животные, которые могли летать или плавать, хотели достать огонь. Ворон предложил свои услуги, и, поскольку он был таким большим и сильным, животные решили, что он точно справится с этой задачей, и отправили его первым. Он высоко взлетел и далеко пролетел над водой, приземлился на платановое дерево, но пока он думал, что делать дальше, жар опалил все его перья, и он испугался и вернулся без огня. Маленькая сова (*Wa′huhu′*) вызвалась полететь и благополучно добралась до места, но пока она смотрела вниз, в дупло дерева, подул поток горячего воздуха и почти выжег ей глаза. Она как могла долетела до дома, но долго не могла хорошо видеть, и до сих пор ее глаза красные. Затем отправились сова-ухань (*U′guku′*) и филин (*Tskĭlĭ′*), но к тому времени, когда они добрались до дупла, огонь горел так сильно, что дым почти ослепил их, а пепел, поднятый ветром, образовал белые кольца вокруг их глаз. Им пришлось вернуться домой без огня, но, как ни терли они глаза, белые кольца не исчезали.

Теперь ни одна из птиц не осмеливалась пойти, и тогда маленькая змея Уксухи, черная гончая, сказала, что она проплывет через воду и принесет огонь. Она переплыла на остров, проползла через траву к дереву и пролезла в него через маленькое отверстие внизу. Жара и дым были слишком сильны и для него, и, слепо уклоняясь от горячего пепла, пока он сам почти не загорелся, ему по счастливой случайности удалось выбраться обратно через то же отверстие, но его тело было обожжено до черноты, и с тех пор он имеет привычку мчаться и удваивать свой путь, как будто пытается сбежать из тесного места. Он вернулся, и большая черная змея Гулеги, «Восходитель», предложила пойти за огнем. Он переплыл на остров и взобрался на дерево с внешней стороны, как всегда делают черные змеи, но когда он опустил голову в дыру, дым задушил его, и он упал в горящий пень, и прежде чем он смог выбраться обратно, он стал черным, как Уксухи.

Теперь они созвали еще один совет, потому что все еще не было огня, и в мире было холодно, но птицы, змеи и четвероногие животные все имели какие-то оправдания, чтобы не идти, потому что все боялись приближаться к горящему платану, пока, наконец, Kănăne′skĭ Amai′yĕhĭ (Водный паук) не сказала, что пойдет. Это не тот водный паук, который похож на комара, а другой, с черными пушистыми волосками и красными полосками на теле. Она может бегать по воде или нырять на дно, поэтому ей не составило бы труда добраться до острова, но вопрос был в том, как она сможет принести огонь? «Я справлюсь с этим», — сказала Водяная Паук; и она сплела из своего тела нить и соткала из нее чашу *тусти*, которую прикрепила к спине. Затем она перебралась на остров и прошла через траву к месту, где еще горел огонь . Она положила один маленький уголек в свою чашу и вернулась с ним, и с тех пор у нас есть огонь, а Водяная Паук до сих пор хранит свою чашу тусти.

3. КАНАТИ И СЕЛУ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОХОТЫ И КУКУРУЗЫ

Когда я был мальчиком, старики рассказывали мне, что они слышали, когда были мальчиками.

Много лет назад, вскоре после сотворения мира, охотник и его жена жили в Пилот-Ноб со своим единственным ребенком, маленьким мальчиком. Отца звали Канати (Счастливый охотник), а его жену — Селу (Кукуруза). Когда бы Канати ни отправлялся в лес, он всегда возвращался с полной добычей, которую его жена разделывала и готовила, смывая кровь с мяса в реке возле дома. Мальчик каждый день играл у реки, и однажды утром старики услышали смех и разговоры в кустах, как будто там были два ребенка. Когда мальчик вернулся домой вечером, родители спросили его, кто играл с ним весь день. «Он выходит из воды, — сказал мальчик, — и называет себя моим старшим братом. Он говорит, что его мать была жестока с ним и бросила его в реку». Тогда они поняли, что странный мальчик появился из крови дичи, которую Селу смыла на берегу реки.

Каждый день, когда маленький мальчик выходил играть, другой присоединялся к нему, но, поскольку он всегда возвращался обратно в воду, старики так и не смогли его увидеть. Наконец, однажды вечером Канати сказал своему сыну: «Завтра, когда другой мальчик придет играть, попроси его побороться с тобой, а когда обнимешь его, держись крепко и позови нас». Мальчик пообещал сделать, как ему велели, и на следующий день, как только появился его товарищ по играм, он вызвал его на борьбу. Другой сразу согласился, но как только они обнялись, сын Канати начал звать отца. Старики сразу прибежали, и как только Дикий Мальчик увидел их, он начал вырываться и кричать: «Отпустите меня, вы меня бросили!», но его брат держал его, пока родители не подошли к ним, схватили Дикого Мальчика и унесли его домой. Они держали его в доме, пока не приручили, но он всегда был диким и хитрым по своему характеру и был лидером своего брата во всех проделках. Вскоре старики обнаружили, что он обладает магическими способностями, и назвали его Инаге-утасуньхи (Тот, кто вырос диким).

Всякий раз, когда Канати отправлялся в горы, он всегда приносил с собой тучного оленя или лань, а иногда и пару индюков. Однажды Дикий Мальчик сказал своему брату: «Интересно, где наш отец добывает всю эту дичь; давай в следующий раз проследим за ним и узнаем». Через несколько дней Канати взял лук и несколько перьев и отправился на запад ( ). Мальчики подождали немного, а затем пошли за ним, оставаясь незамеченными, пока не увидели, как он вошел в болото, где росло много маленьких камышей, которые охотники используют для изготовления стрел. Тогда Дикий Мальчик превратил себя в пушинку, которую подхватил ветер и унес, пока она не приземлилась на плечо Канати, как раз когда он вошел в болото, но Канати ничего об этом не знал. Старик срезал тростник, прикрепил к нему перья и сделал несколько стрел, а Дикий Мальчик — в своем другом обличье — подумал: «Интересно, для чего они нужны?» Когда Канати закончил

свои стрелы, он вышел из болота и пошел дальше. Ветер сдул пух с его плеча, и он упал в лесу, когда Дикий Мальчик снова принял свою правильную форму, вернулся и рассказал брату о том, что он видел. Не показываясь отцу, они последовали за ним в гору, пока он не остановился в определенном месте и не поднял большой камень. Сразу же выбежал олень, которого Канати застрелил, а затем, взяв его на спину, он снова отправился домой. «Ого!» — воскликнули мальчики, — «он держит всех оленей в этой норе, и когда ему хочется мяса, он просто выпускает одного и убивает его теми штуками, которые он сделал в болоте». Они поспешили и добрались до дома раньше своего отца, которому пришлось нести тяжелого оленя, и он так и не узнал, что они следовали за ним.

Через несколько дней мальчики вернулись в болото, нарезали тростника, сделали семь стрел, а затем отправились в горы, туда, где их отец держал дичь. Когда они добрались до места, они подняли камень, и из норы выбежал олень. Как только они натянули тетивы, чтобы выстрелить, выбежал еще один, а затем еще и еще, пока мальчики не запутались и не забыли, зачем они пришли. В те дни у всех оленей хвосты свисали, как у других животных, но когда мимо пробежал олень, Дикий Мальчик ударил его стрелой по хвосту, так что тот поднялся вверх. Мальчики решили, что это хорошая забава, и когда мимо пробежал следующий олень, Дикий Мальчик ударил его по хвосту, так что тот встал прямо, а его брат ударил следующего так сильно, что хвост оленя почти свернулся над его спиной. С тех пор олени носят хвосты именно так. Олени бежали мимо, пока последний из них не выбрался из норы и не скрылся в лесу. Затем пришли стаи енотов, кроликов и всех других четвероногих животных — всех, кроме медведей, потому что тогда медведей еще не было. Последними прилетели большие стаи индюков, голубей и куропаток, которые затмили небо, как туча, и шумели крыльями так громко, что Канати, сидящий дома, услышал этот шум, как далекий гром в горах, и сказал себе: «Мои плохие мальчики попали в беду; я должен пойти и посмотреть, что они делают».

И он пошел в горы, и когда пришел к месту, где хранил дичь, то увидел двух мальчиков, стоящих у скалы, а все птицы и животные исчезли. Канати был в ярости, но, не говоря ни слова, с , он спустился в пещеру и сбил крышки с четырех кувшинов в углу, и из них высыпались клопы, блохи, вши и комары, которые набросились на мальчиков. Они кричали от боли и страха и пытались отгонять насекомых, но тысячи паразитов ползали по ним, кусали и жалили их, пока оба не упали почти мертвые. Канати стоял и смотрел, пока не решил, что они достаточно наказаны, после чего сбил паразитов и поговорил с мальчиками. «Ну, вы, негодяи, — сказал он, — у вас всегда было много еды, и вам никогда не приходилось работать, чтобы ее добыть. Когда вы были голодны, мне нужно было только прийти сюда, добыть оленя или индюка и принести его домой, чтобы ваша мать приготовила его; но теперь вы выпустили всех животных, и после этого, когда вы захотите съесть оленя, вам придется искать его по всему лесу, и, возможно, вы его не найдете. Идите домой к матери, а я посмотрю, смогу ли я найти что-нибудь поесть на ужин».

Когда мальчики вернулись домой, они были очень уставшие и голодные и попросили мать дать им что-нибудь поесть. «Мяса нет, — сказала Селу, — но подождите немного, я что-нибудь найду». Она взяла корзину и пошла в кладовую. Кладовая была построена на столбах высоко над землей, чтобы животные не могли туда добраться, и в нее можно было подняться по лестнице. В ней была только одна дверь, никаких других отверстий. Каждый день, когда Селу готовилась варить обед, она шла в кладовую с корзиной и приносила ее полной кукурузы и фасоли. Мальчики никогда не были внутри склада, поэтому удивлялись, откуда может браться все это кукуруза и фасоль, ведь дом был не очень большой; поэтому, как только Селу вышла из двери , Дикий Мальчик сказал своему брату: «Пойдем посмотрим, что она делает». Они побежали, залезли на заднюю часть склада и вытащили кусок глины из-под бревен, чтобы заглянуть внутрь. Там они увидели Селу, стоящую посреди комнаты с корзиной перед собой на полу. Наклонившись над корзиной, она потеребила живот — *вот* так — и корзина наполовину наполнилась кукурузой. Затем она

потеребила подмышки — *вот так* — и корзина наполнилась доверху фасолью. Мальчики посмотрели друг на друга и сказали: «Так не пойдет; наша мать — ведьма. Если мы съедим что-нибудь из этого, то отравимся. Мы должны убить ее».

Когда мальчики вернулись в дом, она знала их мысли, еще прежде чем они заговорили. «Так вы собираетесь убить меня?» — спросила Селу. «Да», — ответили мальчики, — «ты ведьма». «Хорошо», — сказала их мать, — «когда вы убьете меня, очистите большой участок земли перед домом и семь раз обойдите вокруг круга с моим телом. Затем семь раз перетащите меня по земле внутри круга, не ложитесь спать всю ночь и наблюдайте, а утром у вас будет много кукурузы». Мальчики убили ее дубинами, отрезали ей голову и положили ее на крышу дома лицом на запад, сказав ей искать своего мужа. Затем они приступили к расчистке земли перед домом , но вместо того, чтобы расчистить весь участок, они расчистили только семь маленьких участков. Вот почему кукуруза теперь растет только в нескольких местах, а не по всему миру. Они тащили тело Селу по кругу, и везде, где ее кровь падала на землю, вырастала кукуруза. Но вместо того, чтобы тащить ее тело по земле семь раз, они тащили его только два раза, и поэтому индейцы до сих пор обрабатывают свои поля только два раза. Два брата сидели и наблюдали за своей кукурузой всю ночь, и утром она была полностью выросшей и созревшей.

Когда Канати наконец вернулся домой, он огляделся, но нигде не увидел Селу и спросил мальчиков, где их мать. «Она была ведьмой, и мы убили ее», — сказали мальчики, — «вот ее голова там, на крыше дома». Увидев голову своей жены на крыше, он очень рассердился и сказал: «Я не буду больше с вами жить; я ухожу к народу Волков». И он отправился в путь, но не успел он далеко уйти, как Дикий Мальчик снова превратился в пучок пуха, который упал на плечо Канати. Когда Канати достиг поселения народа Волков, они проводили совет в ратуше. Он вошел и сел с пучком птичьего пуха на плече, но даже не заметил его. Когда вождь волков спросил его, зачем он пришел, он ответил: «У меня дома есть два плохих мальчика, и я хочу, чтобы вы через семь дней пришли и сыграли с ними в мяч». Хотя Канати говорил, как будто хотел, чтобы они сыграли в мяч, волки поняли, что он имел в виду, чтобы они пошли и убили двух мальчиков. Они пообещали пойти. Тогда птичий пух слетел с плеча Канати, и дым унес его через отверстие в крыше городского дома. Когда он упал на землю снаружи, Дикий Мальчик снова принял свой истинный облик, пошел домой и рассказал брату все, что он услышал в городском доме. Но когда Канати покинул народ Волков, он не вернулся домой, а пошел дальше.

Затем мальчики начали готовиться к встрече с волками, и Дикий Мальчик — волшебник — сказал своему брату, что нужно делать. Они бегали вокруг дома по широкому кругу, пока не проложили тропу вокруг всего дома, за исключением той стороны, с которой должны были прийти волки, где они оставили небольшое открытое пространство. Затем они сделали четыре больших связки стрел и разместили их в четырех разных точках снаружи круга, после чего спрятались в лесу и стали ждать волков. Через день или два целая стая волков пришла и окружила дом, чтобы убить мальчиков. Волки не заметили тропу вокруг дома, потому что пришли туда, где мальчики оставили проход, но в тот момент, когда они вошли в круг, тропа превратилась в высокий кустарниковый забор и заперла их внутри. Тогда мальчики снаружи взяли свои стрелы и начали стрелять в них, и поскольку волки не могли перепрыгнуть через забор, все они были убиты, за исключением нескольких, которые сбежали через проход в большое болото поблизости. Мальчики обошли болото, и на их следах возник круг огня, который поджег траву и кусты и сжег почти всех остальных волков. Только два или три сбежали, и от них произошли все волки, которые сейчас живут в мире.

Вскоре после этого некоторые пришельцы из дальних краев, услышав, что у братьев есть чудесное зерно, из которого они пекут хлеб, пришли попросить его, потому что никто, кроме Селу и ее семьи, никогда раньше не знал кукурузы. Мальчики дали им семь зерен кукурузы и сказали, чтобы

они посадили их на следующую ночь по дороге домой, не ложась спать, чтобы наблюдать за кукурузой, которая к утру даст семь спелых початков. Их нужно было посадить на следующую ночь и наблюдать за ними таким же образом, и так каждую ночь, пока они не дойдут до дома, когда у них будет достаточно кукурузы, чтобы накормить весь народ. Незнакомцы жили в семи днях пути от них. Они взяли семь зерен и бодрствовали всю ночь до утра, когда увидели семь высоких стеблей, на каждом из которых висел созревший початок. Они собрали початки и продолжили свой путь. На следующую ночь они посадили всю кукурузу и охраняли ее, как и раньше, до рассвета, когда обнаружили, что она обильно разрослась. Но путь был долгий, солнце жаркое, и люди устали. В последнюю ночь перед возвращением домой они заснули, и утром кукуруза, которую они посадили, даже не проросла. Они принесли с собой в свое поселение оставшуюся кукурузу, посадили ее и, ухаживая за ней, смогли вырастить урожай. Но с тех пор кукурузу нужно было охранять и ухаживать за ней в течение половины года, тогда как раньше она росла и созревала за одну ночь.

Поскольку Канати не возвращался, мальчики наконец решили пойти и найти его. Дикий Мальчик взял игровое колесо и покатил его в сторону Земли Мрака. Через некоторое время колесо вернулось, и мальчики поняли, что их отца там нет. Он покатил его на юг и на север, и каждый раз колесо возвращалось к нему, и они поняли, что их отца там нет. Затем он покатил его в сторону Земли Солнца, и оно не вернулось. «Наш отец там», — сказал Дикий Мальчик, — «пойдем и найдем его». Итак, два брата отправились на восток, и после долгого путешествия они наткнулись на Канати, идущего с маленькой собачкой у его ног. «Плохие мальчики», — сказал их отец, — «вы пришли сюда?» «Да», — ответили они, — «мы всегда достигаем того, что намереваемся сделать — мы мужчины». «Эта собака догнала меня четыре дня назад», — сказал тогда Канати, но мальчики знали, что собака была колесом, которое они послали за ним, чтобы найти его. «Ну, — сказал Канати, — раз вы нашли меня, мы можем путешествовать вместе, но я буду вести».

Вскоре они подошли к болоту, и Канати сказал им, что там есть что-то опасное и они должны держаться от него подальше. Он пошел вперед, но как только он скрылся из виду, Дикий Мальчик сказал своему брату: «Пойдем, посмотрим, что в болоте». Они вошли туда вместе и посреди болота нашли спящую большую пантеру ( ). Дикий мальчик достал стрелу и выстрелил пантере в бок головы. Пантера повернула голову, и другой мальчик выстрелил ей в эту сторону. Она снова отвернула голову, и два брата выстрелили вместе — *туст, туст, туст!* Но пантера не была ранена стрелами и больше не обращала внимания на мальчиков. Они вышли из болота и вскоре догнали Канати, который ждал их. «Вы нашли его?» — спросил Канати. «Да», — ответили мальчики, — «мы нашли его, но он не причинил нам вреда. Мы — мужчины». Канати был удивлен, но ничего не сказал, и они продолжили путь.

Через некоторое время он повернулся к ним и сказал: «Теперь вы должны быть осторожны. Мы приближаемся к племени под названием Анадъдунскаски («Жаравы», т. е. каннибалы), и если они поймают вас, то посадят в котел и съедят». Затем он пошел вперед. Вскоре мальчики подошли к дереву, в которое ударила молния, и Дикий Мальчик велел своему брату собрать несколько осколков дерева и сказал ему, что с ними делать. Через некоторое время они подошли к поселению людоедов, которые, как только увидели мальчиков, выбежали, крича: «Хорошо, вот два хороших толстых незнакомца. Теперь у нас будет великое пиршество!» Они поймали мальчиков, затащили их в городской дом и послали весть всем жителям поселения, чтобы они пришли на пир. Они развели большой костер, налили воду в большой котел и поставили его кипеть, а затем схватили Дикого Мальчика и опустили его в котел. Его брат ничуть не испугался и не пытался сбежать, а тихо опустился на колени и начал бросать щепки в огонь, как будто хотел, чтобы он горел сильнее. Когда людоеды решили, что мясо почти готово, они сняли котел с огня, и в тот же миг городской дом наполнился ослепительным светом, и молнии начали метаться из стороны в сторону, поражая людоедов, пока ни один из них не остался в живых. Затем молния

прошла через дымоход, и в следующий момент два мальчика стояли снаружи дома, как ни в чем не бывало. Они пошли дальше и вскоре встретили Канати, который, увидев их, был очень удивлен и сказал: «Что! Вы снова здесь?» «О, да, мы никогда не сдаемся. Мы великие люди!» «Что с вами сделали людоеды?» «Мы встретили их, и они привели нас в свой дом, но они не причинили нам вреда». Канати больше ничего не сказал, и они пошли дальше.

* * *

Он скоро скрылся из виду мальчиков, но они продолжали идти, пока не дошли до края света, где восходит солнце. Небо как раз опускалось, когда они туда добрались, но они подождали, пока оно снова поднялось, а затем прошли через него и поднялись на другую сторону. Там они нашли Канати и Селу, сидящих вместе. Старики приняли их радушно и были рады их видеть, сказав, что они могут остаться там на некоторое время, но потом должны уйти жить туда, где заходит солнце. Мальчики пробыли с родителями семь дней, а затем отправились в темную землю, где и находятся сейчас. Мы называем их Анисга′я Цунсди′ (Маленькие люди), и когда они разговаривают друг с другом, мы слышим низкий раскатистый гром на западе.

После того как мальчики Канати выпустили оленей из пещеры, где их отец держал их, охотники долго бродили по лесу, не находя дичи, так что люди очень проголодались. Наконец они услышали, что Мальчики-Громы теперь живут на дальнем западе, за дверью солнца, и что, если их позвать, они могут принести дичь. Поэтому они послали за ними послов, и мальчики пришли, сели посреди общественного дома и начали петь.

При первой песне раздался рев, похожий на сильный ветер на северо-западе, и он становился все громче и ближе, пока мальчики пели, пока при седьмой песне из леса не вышло целое стадо оленей, возглавляемое большим оленем. Мальчики сказали людям, чтобы они приготовили луки и стрелы, и когда песня закончилась и все олени были рядом с городским домом, охотники застрелили столько, сколько им было нужно, прежде чем стадо смогло вернуться в лес.

Затем Громовые Мальчики вернулись в Темную землю, но перед уходом они научили людей семи песням, с помощью которых можно вызвать оленей. Все это произошло так давно, что песни теперь забыты — все, кроме двух, которые охотники по-прежнему поют, когда идут на охоту за оленями.

ВЕРСИЯ ВАХНЕНАУХИ

После того как мир был поднят из-под воды, «они создали мужчину и женщину и провели их по краю острова. Прибыв в исходное место, они посадили кукурузу, а затем сказали мужчине и женщине пройти по тому же пути, по которому их привели. Они так и сделали, и, вернувшись, обнаружили, что кукуруза взошла и хорошо растет. Затем им было велено продолжить обход. Каждый обход занимал все больше времени. Наконец кукуруза созрела и была готова к употреблению».

Есть еще одна история о том, как грех пришел в мир. Мужчина и женщина вырастили большую семью детей в комфорте и достатке, практически не испытывая трудностей с обеспечением их пищей. Каждое утро отец уходил и очень скоро возвращался, принося с собой оленя, индюка или какое-нибудь другое животное или птицу. В то же время мать уходила и скоро возвращалась с большой корзиной, наполненной колосьями кукурузы, которые она очищала от шелухи и растирала в ступке, получая муку для хлеба.

Когда дети выросли, видя, с какой кажущейся легкостью им обеспечивали пищу, они обсуждали это между собой, удивляясь, что никогда не видели таких вещей, которые приносили их родители. Наконец один из них предложил понаблюдать, когда их родители уйдут, и последовать за ними.

На следующее утро план был осуществлен. Те, кто следовал за отцом, увидели, как он остановился на небольшом расстоянии от хижины и перевернул большой камень, который, казалось, был небрежно прислонен к другому. Приглядевшись, они увидели вход в большую пещеру, в которой находилось много разных животных и птиц, таких, как те, которых их отец иногда приносил домой в качестве еды. Человек, стоявший у входа, позвал оленя, который лежал на некотором расстоянии позади других животных. Олень сразу же поднялся, услышав зов, и подошел к нему. Он поднял его, закрыл вход в пещеру и вернулся, ни разу не заподозрив, что его сыновья сделали.

Когда старик окончательно скрылся из виду, его сыновья, радуясь тому, что перехитрили его, вышли из укрытия и пошли к пещере, говоря, что покажут старикам, что они тоже могут что-то принести. Они сдвинули камень, хотя он был очень тяжелым и им пришлось приложить все свои силы. Когда пещера открылась, животные, вместо того чтобы ждать, пока их поймают, все бросились к входу, перепрыгнули через испуганных и ошеломленных мальчиков, разбежались во все стороны и исчезли в пустыне, а виновные преступники могли только смотреть в ошеломленном изумлении , как они убегают. Там были животные всех видов, большие и маленькие — буйволы, олени, лоси, антилопы, еноты и белки; даже пумы и пантеры, волки и лисы, и многие другие, все бежали вместе. В то же время из отверстия вылетали птицы всех видов, все в таком же диком смятении, как и четвероногие — индюки, гуси, лебеди, утки, перепела, орлы, ястребы и совы.

Те, кто следовал за матерью, видели, как она вошла в маленькую хижину, которую они никогда раньше не видели, и закрыла дверь. Преступники нашли небольшую щель, через которую могли подглядывать. Они видели, как женщина поставила корзину на землю и, стоя над ней, энергично встряхивала себя, прыгая вверх и вниз, и вот, о чудо! в корзину начали падать большие початки кукурузы. Когда корзина была хорошо наполнена, она подняла ее, поставила на голову, вышла, заперла дверь и приготовила им завтрак, как обычно. Когда еда была съедена в тишине, мужчина обратился к своим детям, сказав им, что он знает о том, что они сделали, что теперь он должен умереть, и они будут вынуждены сами заботиться о себе. Он сделал для них луки и стрелы, а затем послал их охотиться на животных, которых они отпустили.

Затем мать сказала им, что, поскольку они узнали ее секрет, она больше ничего не может для них сделать; что она умрет, и они должны будут тащить ее тело по земле; что везде, где будет тащиться ее тело , будет расти кукуруза. Из нее они должны были делать хлеб. Она сказала им, что они должны всегда оставлять часть на семена и сажать их каждый год.

4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОЛЕЗНЕЙ И МЕДИЦИНЫ

В старину звери, птицы, рыбы, насекомые и растения могли говорить, и они жили с людьми в мире и дружбе. Но со временем люди размножились так быстро, что их поселения

распространились по всей земле, и бедные животные начали испытывать нехватку места. Это было достаточно плохо, но чтобы усугубить ситуацию, человек изобрел луки, ножи, духовые ружья, копья и крючки и начал убивать крупных животных, птиц и рыб ради их мяса или шкур, а мелких существ, таких как лягушки и черви, бездумно давили и топтали из чистой небрежности или презрения. Поэтому животные решили посовещаться о мерах для общей безопасности.

Медведи первыми собрались на совет в своем городском доме под горой Кувахи, «местом шелковицы», и старый вождь Белый Медведь председательствовал. После того, как каждый по очереди пожаловался на то, как человек убивает их друзей, ест их мясо и использует их шкуры для своих целей, было решено немедленно начать войну против него. Кто-то спросил, какое оружие человек использует, чтобы уничтожить их. «Конечно, луки и стрелы», — хором воскликнули все Медведи. «А из чего они сделаны?» — прозвучал следующий вопрос. «Лук из дерева, а тетива из наших внутренностей», — ответил один из медведей. Тогда было предложено изготовить лук и несколько стрел и посмотреть, не смогут ли они использовать то же оружие против человека. Один медведь добыл хороший кусок дерева акации, а другой пожертвовал собой ради блага остальных, чтобы предоставить кусок своих внутренностей для тетивы. Но когда все было готово и первый медведь вышел, чтобы попробовать, оказалось, что, выпуская стрелу после натяжения лука, его длинные когти зацепились за тетиву и испортили выстрел. Это было досадно, но кто-то предложил подстричь ему когти, что и было сделано, и при повторной попытке стрела полетела прямо в цель. Но тут вождь, старый Белый Медведь, возразил, сказав, что им нужны длинные когти, чтобы лазать по деревьям. «Один из нас уже погиб, чтобы предоставить тетиву для лука, и если мы теперь обрежем наши когти, то все вместе умрем с голоду. Лучше довериться зубам и когтям, которые дала нам природа, потому что очевидно, что оружие человека не предназначено для нас».

Никто не мог придумать лучшего плана, поэтому старый вождь распустил совет, и медведи разошлись по лесам и зарослям, не согласовав никакого способа предотвратить рост человеческой расы. Если бы результат совета был иным, мы бы сейчас воевали с медведями, но в данном случае охотник даже не просит прощения у медведя, когда убивает его.

Затем олени провели совет под руководством своего вождя, Маленького Оленя, и после некоторого обсуждения решили послать ревматизм каждому охотнику, который убьет одного из них, если он не попросит прощения за свое преступление. Они отправили уведомление о своем решении в ближайшее поселение индейцев и одновременно рассказали им, что делать, когда необходимость заставит их убить одного из оленей. Теперь, когда охотник стреляет в оленя, Маленький Олень, который быстр как ветер и не может быть ранен, быстро подбегает к месту и, наклонившись над кровавыми пятнами, спрашивает дух оленя, услышал ли он мольбу охотника о прощении. Если ответ «да», все в порядке, и Маленький Олень продолжает свой путь; но если ответ «нет», он следует по следам охотника, ориентируясь по каплям крови на земле, пока не добирается до его хижины в поселении, где Маленький Олень незаметно проникает внутрь и поражает охотника ревматизмом, так что тот сразу становится беспомощным калекой. Ни один охотник, заботящийся о своем здоровье, никогда не забывает просить прощения у оленя за то, что убил его ( ), хотя некоторые охотники, не знающие молитвы, могут попытаться отвлечь Маленького Оленя от преследования, разведя огонь позади себя на тропе.

Затем пришли Рыбы и Рептилии, которые имели свои собственные претензии к Человеку. Они провели совет и решили заставить своих жертв видеть во сне змей, обвивающих их слизистыми кольцами и дышащих им в лицо гнилым дыханием, или видеть во сне, как они едят сырую или гнилую рыбу, чтобы они потеряли аппетит, заболели и умерли. Вот почему люди видят во сне змей и рыб.

Наконец, птицы, насекомые и мелкие животные собрались с той же целью, и главным на совете был червь. Было решено, что каждый по очереди выскажет свое мнение, а затем они проголосуют по вопросу о виновности человека. Семь голосов должно было быть достаточно, чтобы осудить его. Один за другим они осуждали жестокость и несправедливость человека по отношению к другим животным и голосовали за его смерть. Первым выступил Лягушка, сказав: «Мы должны что-то сделать, чтобы сдержать рост численности человеческой расы, иначе людей станет так много, что нас вытеснят с Земли. Посмотрите, как они избивали меня за то, что я, по их словам, уродлив, пока моя спина не покрылась язвами», — и здесь он показал пятна на своей коже. Следующим выступил Птица — сейчас никто не помнит, какая именно — который осудил Человека «за то, что он сжигает мне лапы», имея в виду то, как охотник жарит птиц, насаживая их на палку над огнем, так что их перья и нежные лапы обжигаются. Другие последовали его примеру. Только суслик осмелился сказать хорошее слово в защиту человека, который редко причинял ему вред, потому что он был такой маленький, но это так разозлило остальных, что они набросились на суслика и растерзали его когтями, и до сих пор на его спине остались шрамы.

Затем они начали придумывать и называть одну за другой столько новых болезней, что, если бы их изобретательность не иссякла, никто из рода человеческого не смог бы выжить. Червь Grubworm становился все более довольным по мере того, как назывались названия болезней, пока, наконец, они не дошли до конца списка, и кто-то предложил сделать менструацию иногда смертельной для женщин. На это он поднялся со своего места и воскликнул: *«Вадань!* [Спасибо!] Я рад, что еще несколько из них умрут, потому что их становится так много, что они наступают на меня». Эта мысль заставила его дрожать от радости, так что он упал назад и не мог снова встать на ноги, а должен был отползти на спине, как червь делает с тех пор.

Когда растения, которые были дружны с человеком, услышали о том, что сделали животные, они решили сорвать злые планы последних. Каждое дерево, куст и трава, вплоть до трав и мхов, согласились предоставить лекарство от одной из названных болезней, и каждое из них сказало: «Я появлюсь, чтобы помочь человеку, когда он обратится ко мне в нужде». Так появилась медицина, и растения, каждое из которых имеет свое применение, если мы только знаем о нем, предоставляют лекарство, чтобы противодействовать злу, причиненному мстительными животными. Даже сорняки были созданы для какой-то хорошей цели, которую мы должны найти сами. Когда врач не знает, какое лекарство использовать для больного человека, дух растения подсказывает ему.

5. ДОЧЬ СОЛНЦА

Солнце жило на другой стороне небесного свода, но его дочь жила посреди неба, прямо над землей, и каждый день, когда Солнце поднималось по небесной дуге на запад, оно останавливалось в доме своей дочери на обед.

Солнце ненавидела людей на земле, потому что они никогда не могли смотреть на нее прямо, не морщась. Она сказала своему брату, Луне: «Мои внуки уродливы; они кривляются, когда смотрят на меня». Но Луна ответила: «Я люблю своих младших братьев; я считаю их очень красивыми», потому что они всегда мило улыбались, когда видели его в ночном небе, ведь его лучи были более мягкими.

Солнце было ревниво и планировало убить всех людей, поэтому каждый день, когда оно приближалось к дому своей дочери, оно посылало такие жаркие лучи, что люди страдали от сильной лихорадки и умирали сотнями, пока все не потеряли кого-то из друзей и не возник страх, что никого не останется. Они обратились за помощью к Маленьким Людям, которые сказали, что единственный способ спастись — убить Солнце.

Маленькие люди приготовили лекарство и превратили двух мужчин в змей, Распространяющуюся гадюку и Медноголовую, и послали их наблюдать у двери дочери Солнца, чтобы укусить старое Солнце, когда оно появится на следующий день. Они пошли вместе и спрятались возле дома, пока не пришло Солнце, но когда Распространяющаяся гадюка собиралась прыгнуть, яркий свет ослепил ее, и она смогла только выплюнуть желтую слизь, как она делает до сих пор, когда пытается укусить. Она назвала ее мерзкой тварью и прошла мимо в дом, а Медная голова уползла, не пытаясь ничего сделать.

Так что люди по-прежнему умирали от жары, и они во второй раз обратились за помощью к Маленьким Людям. Маленькие Люди снова приготовили лекарство и превратили одного человека в великого Уктена, а другого в Гремучую Змею и послали их наблюдать за домом и убить старое Солнце, когда оно придет на обед. Они сделали Уктена очень большим, с рогами на голове, и все думали, что он обязательно справится с задачей, но Гремучая змея была настолько быстрой и рьяной, что опередила его и свернулась кольцом прямо у дома, и когда дочь Солнца открыла дверь, чтобы посмотреть, где ее мать, она вскочила, укусила ее, и та упала замертво на пороге. Он забыл дождаться старого Солнца, а вернулся к людям, и Уктена был так зол, что тоже вернулся. С тех пор мы молимся гремучей змее и не убиваем ее, потому что она добрая и никогда не пытается укусить, если мы ее не беспокоим. Уктена становился все злее и злее и очень опасным, так что даже если он только посмотрел на человека, семья этого человека умирала. Спустя долгое время люди созвали совет и решили, что он слишком опасен, чтобы быть с ними, поэтому они отправили его в Гэлуньлати, и он находится там до сих пор. Распространяющаяся гадюка, медноголовая змея, гремучая змея и Уктена были людьми.

Когда Солнце обнаружило, что ее дочь мертва, она ушла в дом и скорбела, и люди больше не умирали, но теперь мир был постоянно погружен в темноту, потому что Солнце не выходило. Они снова пошли к Маленьким Людям, и те сказали им, что если они хотят, чтобы Солнце снова вышло, они должны вернуть ее дочь из Цусгинаи, страны Призраков, в Усуньхии, темной земле на западе. Они выбрали семерых мужчин, чтобы пойти, и дали каждому палку из кисличного дерева длиной в ладонь. Маленькие люди сказали им, что они должны взять с собой ящик, и когда они доберутся до Цусгинаи, то найдут всех призраков на танце. Они должны стоять за пределами круга, и когда молодая женщина пройдет мимо во время танца, они должны ударить ее палками, и она упадет на землю. Затем они должны положить ее в ящик и отвезти обратно к ее матери, но они должны быть очень осторожны и не открывать ящик, даже немного, пока не вернутся домой.

Они взяли палки и ящик и шли семь дней на запад, пока не пришли в Темную землю. Там было очень много людей, и они танцевали, как будто были дома, в своих поселениях. Молодая женщина была во внешнем кругу, и когда она повернулась к месту, где стояли семь мужчин, один из них ударил ее палкой, и она повернула голову и увидела его. Когда она повернулась во второй раз, другой коснулся ее палкой, а затем еще один и еще один, пока на седьмом круге она не выпала из круга, и они положили ее в ящик и плотно закрыли крышку. Другие призраки, казалось, не заметили, что произошло.

Они взяли ящик и направились домой на восток. Через некоторое время девушка снова ожила и стала просить, чтобы ее выпустили из ящика, но они не ответили и пошли дальше. Вскоре она снова позвала и сказала, что голодна, но они по-прежнему не отвечали и шли дальше. Через некоторое время она снова заговорила и попросила попить, и ее было очень трудно слушать, но мужчины, несущие ящик, ничего не сказали и продолжали идти. Когда они наконец подошли к дому, она снова позвала и попросила их приоткрыть крышку, потому что она задыхалась. Они испугались, что она действительно умирает, и приоткрыли крышку, чтобы дать ей воздух, но в этот момент внутри раздался шуршащий звук, и что-то пролетело мимо них в заросли, и они

услышали крик красной птицы *«квиш! квиш! квиш!»* в кустах. Они закрыли крышку и продолжили путь к поселениям, но когда они туда добрались и открыли ящик, он был пуст.

Так что мы знаем, что Красная Птица — дочь Солнца, и если бы мужчины держали ящик закрытым, как велели им маленькие люди, они бы принесли ее домой в целости и сохранности, и мы могли бы вернуть наших других друзей из страны Призраков, но теперь, когда они умерли, мы никогда не сможем их вернуть.

Солнце было радо, когда они отправились в страну Призраков, но когда они вернулись без ее дочери, она опечалилась и закричала: «Моя дочь, моя дочь», и плакала, пока ее слезы не наполнили землю, и люди испугались, что мир утонет. Они созвали еще один совет и послали своих самых красивых молодых мужчин и женщин, чтобы развлечь ее, чтобы она перестала плакать. Они танцевали перед Солнцем и пели свои лучшие песни, но она долгое время держала лицо закрытым и не обращала на них внимания, пока наконец барабанщик внезапно не сменил песню, и она подняла лицо и была так довольна увиденным, что забыла о своем горе и улыбнулась.

6. КАК ОНИ ВЕРНУЛИ ТАБАК

В начале мира, когда люди и животные были одинаковыми, существовало только одно растение табака, к которому все приходили за табаком, пока гуси Дагулку не украли его и не унесли далеко на юг. Люди страдали без него, и была одна старуха, которая так похудела и ослабела, что все говорили, что она скоро умрет, если не получит табака, чтобы остаться в живых.

Разные животные предлагали пойти за ним, одно за другим, сначала большие, а потом маленькие, но Дагулку видел и убивал каждого, прежде чем тот мог добраться до растения. После всех остальных маленький Крот попытался добраться до него, пробравшись под землей, но Дагулку увидел его следы и убил его, когда тот вылез.

Наконец, Колебалка предложила свои услуги, но остальные сказали, что она слишком мала и может оставаться дома. Она умоляла их дать ей попробовать, и они показали ей растение в поле и сказали, чтобы она показала им, как она это сделает. В следующий момент она исчезла, и они увидели, как она сидит на растении, а через мгновение она вернулась, но никто не видел, как она улетела и прилетела, потому что она была очень быстра. «Я буду делать так», — сказал колибри, и они позволили ему попробовать.

Он улетел на восток, и когда он увидел табак, Дагулку наблюдали за ним со всех сторон, но они не могли его увидеть, потому что он был очень маленьким и летал очень быстро. Он стремительно спустился на растение — *тса!* — и сорвал верхушку с листьями и семенами, и снова улетел, прежде чем Дагулку поняли, что произошло. Прежде чем он вернулся домой с табаком, старуха потеряла сознание, и они подумали, что она умерла, но он подул дымом в ее ноздри, и с криком *«Цалу!* [Табак!]» она открыла глаза и снова ожила.

ВТОРАЯ ВЕРСИЯ

Вначале у людей был табак, но они его весь израсходовали, и из-за его нехватки они сильно страдали. Был один старик, настолько старый, что его приходилось поддерживать в живых с помощью курения, и поскольку его сын не хотел видеть его смерть, он решил сам отправиться на юг, чтобы попытаться добыть еще табака. Страна табака находилась далеко на юге, окруженная высокими горами, а перевалы охранялись, поэтому туда было очень трудно попасть, но молодой

человек был чародеем и не боялся. Он путешествовал на юг, пока не добрался до гор на границе страны табака. Тогда он открыл свою сумку с лекарствами, достал кожу колибри и надел ее на себя, как платье. Теперь он был колибри и полетел над горами к табачному полю, сорвал несколько листьев и семян и положил их в свою сумку с лекарствами. Он был настолько маленьким и быстрым, что охранники, кто бы они ни были, не заметили его, и когда он взял столько, сколько мог унести, он полетел обратно через горы таким же образом. Затем он снял кожу колибри, положил ее в сумку с лекарствами и снова стал человеком. Он отправился домой и по дороге подошел к дереву, в стволе которого, рядом с первыми ветвями, была дыра, похожая на дверь, и из нее смотрела очень красивая женщина. Он остановился и попытался взобраться на дерево, но, хотя он был хорошим альпинистом, обнаружил, что всегда соскальзывает обратно. Он надел пару лечебных мокасин из своей сумки, и тогда смог взобраться на дерево, но когда он достиг первых ветвей, он посмотрел вверх и увидел, что дыра была все так же далеко, как и раньше. Он поднимался все выше и выше, но каждый раз, когда он смотрел вверх, дыра казалась еще дальше, чем раньше, пока, наконец, он не устал и не спустился обратно. Когда он вернулся домой, он обнаружил, что его отец очень слаб, но все еще жив, и одна затяжка трубки снова придала ему сил. Люди посадили семена и с тех пор выращивают табак.

7. ПУТЕШЕСТВИЕ К ВОСХОДУ СОЛНЦА

Давным-давно несколько молодых людей решили найти место, где живет Солнце, и посмотреть, какое оно. Они приготовили луки и стрелы, сушеную кукурузу и запасные мокасины ( ) и отправились на восток. Сначала они встретили племена, которые знали, затем племена, о которых только слышали, и, наконец, племена, о которых никогда не слышали.

Было племя, питавшееся корнями, и другое, питавшееся желудями, с большими кучами желудевых скорлупок возле своих домов. В одном племени они нашли умирающего больного человека и узнали, что там было принято, когда мужчина умирал, хоронить его жену в одной могиле с ним. Они подождали, пока он умер, и увидели, как его друзья опустили тело в большую яму, настолько глубокую и темную, что сверху не было видно дна. Затем к телу женщины привязали веревку вместе с пучком сосновых шишек, вложили ей в руку зажженную сосновую шишку и опустили в яму, чтобы она умерла там в темноте после того, как сгорит последняя сосновая шишка.

Молодые люди путешествовали, пока наконец не пришли к месту восхода солнца, где небо опускается до земли. Они обнаружили, что небо представляет собой арку или свод из твердой скалы, висящий над землей и постоянно качающийся вверх и вниз, так что, когда он поднимался, между небом и землей появлялось открытое место, похожее на дверь, а когда он качался назад, дверь закрывалась. Солнце выходило из этой двери с востока и поднималось по внутренней стороне свода. Оно имело человеческий облик, но было слишком ярким, чтобы его можно было ясно разглядеть, и слишком горячим, чтобы подойти к нему близко. Они подождали, пока Солнце вышло, и затем попытались пройти, пока дверь была еще открыта, но как только первый из них оказался в дверном проеме, скала опустилась и раздавила его. Остальные шестеро побоялись попробовать, и, поскольку они теперь были на краю света, развернулись и снова отправились в путь, но они прошли такой долгий путь, что к моменту возвращения домой стали стариками.

8. ЛУНА И ГРОМ.

Солнце было молодой женщиной и жило на Востоке, а ее брат, Луна, жил на Западе. У девушки был возлюбленный, который приходил каждый месяц в темноте луны, чтобы ухаживать за ней. Он приходил ночью и уходил до рассвета, и хотя она разговаривала с ним, она не могла видеть его

лицо в темноте, а он не говорил ей своего имени, так что она все время гадала, кто он такой. Наконец она придумала план, как это выяснить, и когда он пришел в следующий раз, они сидели вместе в темноте аси, она хитро окунула руку в золу и пепел из камина и потерела ему лицо, сказав: «Твое лицо холодное, наверное, ты страдал от ветра», и притворившись, что ей очень жаль его, но он не знал, что у нее на руке был пепел. Через некоторое время он покинул ее и ушел.

На следующую ночь, когда Луна поднялась в небо, его лицо было покрыто пятнами, и тогда его сестра поняла, что это он был тем, кто приходил к ней . Ему было так стыдно, что она узнала об этом, что он всю ночь держался как можно дальше, на другом конце неба. С тех пор он старается держаться подальше от Солнца, а когда ему все же приходится приближаться к ней на западе, он делает себя тонким, как лента, чтобы его было почти не видно.

Некоторые старики говорят, что Луна — это мяч, который был брошен в небо во время игры давным-давно. Они говорят, что два города играли друг против друга, но один из них имел лучших бегунов и почти выиграл игру, когда лидер другой стороны поднял мяч рукой — что запрещено в игре — и попытался бросить его в ворота, но мяч ударился о твердое небо и застрял там, чтобы напомнить игрокам, что нельзя обманывать. Когда луна выглядит маленькой и бледной, это потому, что кто-то нечестно обращался с мячом, и по этой причине раньше играли только во время полнолуния.

Когда происходит затмение солнца или луны, это потому, что большая лягушка в небе пытается их проглотить. Об этом знают все, даже крики и другие племена, и в старину, восемьдесят или сто лет назад, до того как умерли все великие знахари, всякий раз, когда люди видели, что солнце темнеет, они собирались вместе, стреляли из ружей и били в барабаны, и через некоторое время это отпугивало большую лягушку, и солнце снова становилось нормальным.

Простые люди называют и Солнце, и Луну *Нуньда*, одно — «Нуньда, обитающая днем», а другое — «Нуньда, обитающая ночью», но жрецы называют Солнце *Су'талидихи*, «Шестиубийца», а Луну — *Ge'ʻyăgu'ga*, хотя сейчас никто не знает, что означает это слово и почему они используют эти имена. Иногда люди просят Луну, чтобы не было дождя или снега.

Великий Гром и его сыновья, два Громовых мальчика, живут далеко на западе, над небесным сводом. Молния и радуга — их прекрасные одежды. Жрецы молятся Грому и называют его Красным Человеком, потому что это самый яркий цвет его одежды. Есть и другие Громы, которые живут ниже, в скалах и горах, под водопадами, и путешествуют по невидимым мостам от одной высокой вершины к другой, где у них есть свои городские дома. Великие Громы над небом добры и отзывчивы, когда мы молимся им, но другие всегда замышляют зло. Нельзя показывать пальцем на радугу, иначе палец опухнет в нижнем суставе.

9. КАК ВЫГЛЯДЯТ ЗВЕЗДЫ

Существуют разные мнения о звездах. Некоторые говорят, что это шары света, другие — что это люди, но большинство людей считают, что это живые существа, покрытые светящейся шерстью или перьями.

Однажды ночью охотники, разбив лагерь в горах, заметили два света, похожих на большие звезды, движущиеся по вершине далекого хребта. Они удивились и наблюдали, пока свет не исчез на другой стороне. На следующую ночь, и на следующую, они снова видели, как огни движутся по хребту, и после обсуждения этого вопроса решили на следующий день пойти и попытаться выяснить причину. Утром они вышли и шли, пока не дошли до хребта, где, после некоторого поиска, нашли двух странных существ примерно *такого* размера (сделав круг с вытянутыми

руками), с круглыми телами, покрытыми тонким мехом или пуховыми перьями, из которых торчали маленькие головы, похожие на головы черепах. Когда ветерок играл с этими перьями, летели дожди искр.

Охотники отнесли странных существ обратно в лагерь, намереваясь по возвращении отвезти их домой, в поселения. Они продержали их несколько дней и заметили, что каждую ночь они становились яркими и сияли, как большие звезды, хотя днем они были всего лишь шариками из серого меха, за исключением тех случаев, когда ветер шевелил их и вызывал искры. Они вели себя очень тихо, и никто не думал, что они могут попытаться сбежать, но на седьмую ночь они внезапно поднялись с земли, как огненные шары, и вскоре оказались над верхушками деревьев. Они поднимались все выше и выше, а удивленные охотники смотрели на них, пока, наконец, они не стали двумя яркими точками света в темном небе, и тогда охотники поняли, что это звезды.

10. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЛЕЯД И СОСНЫ

Давным-давно, когда мир был еще молодым, жили семь мальчиков, которые все свое время проводили у городского дома, играя в игру гатайусти, катая по земле каменное колесо и подталкивая его изогнутой палкой. Их матери ругали их, но это не помогало, поэтому однажды они собрали несколько камней для гатайусти и сварили их в кастрюле вместе с кукурузой на ужин. Когда мальчики пришли домой голодные, их матери вынули камни и сказали: «Раз вам гатайусти нравится больше, чем кукурузное поле, то ешьте камни на ужин».

Мальчики очень рассердились и пошли в городской дом, говоря: «Раз наши матери так с нами поступают, давайте уйдем туда, где мы больше не будем их беспокоить». Они начали танцевать — некоторые говорят, что это был танец Перьев — и кружили вокруг городского дома, моля духов помочь им. Наконец их матери испугались, что что-то не так, и вышли их искать. Они увидели мальчиков, все еще танцующих вокруг городского дома, и, наблюдая за ними, заметили, что их ноги не касаются земли и что с каждым кругом они поднимаются все выше и выше в воздух. Они побежали за своими детьми, но было уже слишком поздно, потому что они уже были над крышей городского дома — все, кроме одного, которого мать успела спустить с помощью шеста гатайусти, но он ударился о землю с такой силой, что провалился в нее, и земля закрылась над ним.

Остальные шестеро поднимались все выше и выше, пока не достигли неба « », где мы видим их сейчас как Плеяды, которые чероки до сих пор называют Ani′tsutsă (Мальчики). Люди долго скорбели о них, но мать, чей мальчик ушел в землю, приходила каждое утро и каждый вечер, чтобы плакать над этим местом, пока земля не стала влажной от ее слез. Наконец, появился маленький зеленый росток, который рос день ото дня, пока не стал высоким деревом, которое мы сейчас называем сосной, и сосна имеет ту же природу, что и звезды, и несет в себе тот же яркий свет.

11. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

У некоторых людей на юге была мельница, в которой они перемалывали кукурузу в муку, и несколько утра подряд, когда они приходили наполнять ее, они замечали, что часть муки была украдена ночью. Они осмотрели землю и нашли следы собаки, поэтому на следующую ночь они стали наблюдать, и когда собака пришла с севера и начала есть муку из миски, они выскочили и избили ее. Она убежала с воем к своему дому на севере, роняя муку из пасти, и оставив за собой белый след, который мы сейчас видим как Млечный Путь, который чероки до сих пор называют Gi‘lĭ′-utsûñ′stănûñ′yĭ, «Место, где бежала собака».

12. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЛУБНИКИ

Когда был создан первый человек и ему дали спутницу, они некоторое время жили вместе очень счастливо, но потом начали ссориться, пока наконец женщина не оставила мужа и не отправилась в сторону Нуньдагуньи, страны Солнца, на востоке. Мужчина последовал за ней в одиночестве и в печали, но женщина продолжала идти вперед и никогда не оглядывалась, пока Унеланнуххи, великий Распределитель (Солнце), не сжалился над ним и не спросил, все ли он еще злится на свою жену. Он ответил, что нет, и Унеланнухи спросил его, хочет ли он вернуть ее, на что он с энтузиазмом ответил «да».

Тогда Уне'лануньхи заставил выросшую вдоль тропы перед женщиной грядку с лучшими спелыми голубиками, но она прошла мимо, не обратив на них никакого внимания. Чуть дальше он посадил куст ежевики, но она тоже не обратила на него внимания. Другие фрукты, один, два, три, а затем несколько деревьев, покрытых красивыми красными ягодами, были размещены рядом с тропой, чтобы соблазнить ее, но она все еще шла, пока внезапно не увидела перед собой куст больших спелых клубник, первых, которые она когда-либо видела. Она наклонилась, чтобы собрать несколько ягод, и, собирая их, случайно повернулась лицом на запад, и сразу же к ней вернулись воспоминания о муже, и она поняла, что не может идти дальше. Она села, но чем дольше она ждала, тем сильнее становилось ее желание увидеть мужа, и наконец она собрала букет самых красивых ягод и пошла обратно по тропе, чтобы отдать их ему. Он встретил ее с добротой, и они вместе пошли домой.

13. ВЕЛИКИЙ ЖЕЛТЫЙ ЖАЛО: ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЫБ И ЛЯГУШЕК

Давным-давно жители старого города Канугалай («Место Брайера», или Бриртаун), на реке Нантахала, в нынешнем округе Мейкон, Северная Каролина, были очень раздражены большим насекомым под названием Улагу, размером с дом, которое появлялось из какого-то тайного укрытия, стремительно летело по воздуху, хватало детей, играющих на улице, и уносило их прочь. Оно не походило ни на одно из известных насекомых, и люди много раз пытались отследить его домой, но оно было слишком быстрым, чтобы за ним угнаться.

Они убили белку и привязали к ней белую нить, чтобы можно было следить за ее полетом, как пчеловоды следят за полетом пчелы к дереву. U'la‘gû′ прилетело и унесло белку с привязанной к ней нитью, но пронеслось по воздуху так быстро, что через мгновение исчезло из виду. Они убили индюка и привязали к нему более длинную белую нить, и Улагу прилетел и унес индюка, но снова исчез, прежде чем они успели увидеть, в каком направлении он улетел. Они взяли оленину и привязали к ней белую нить, и снова Улагу пикировал вниз и унес ее так быстро, что за ним было невозможно уследить. Наконец они убили годовалого оленя и привязали к нему очень длинную белую веревку. Улагу снова прилетел и схватил оленя, но на этот раз груз был настолько тяжелым, что ему пришлось лететь медленно и так низко, что веревку было хорошо видно.

Охотники собрались вместе, чтобы продолжить преследование. Они следовали за ним по хребту на восток, пока не подошли к месту, где сейчас находится Франклин, и, глядя через долину на другую сторону, увидели гнездо Улагу в большой пещере в скалах. Увидев это, они громко закричали и быстро спустились с горы и перешли к пещере. Вход в гнездо находился внизу, а ячейки были построены ярусами одна над другой до самого потолка пещеры. Там находился большой U'la‘gû′ с тысячами более мелких, которых мы сейчас называем желтыми шершнями. Охотники развели костры вокруг отверстия, так что дым заполнил пещеру и задушил большого насекомого и множество меньших, но другие, которые были вне пещеры, не погибли, и они сбежали и размножились, так что теперь желтые осы, которые раньше были неизвестны,

распространены по всему миру. Люди назвали пещеру Tsgâgûñ′yĭ, «Где была желтая оса», а место, откуда они впервые увидели гнездо, они назвали A‘tahi′ta, «Где они кричали», и так они называются до сих пор.

Они также говорят, что все рыбы и лягушки произошли от огромной рыбы-монстра и лягушки-монстра, которые нанесли много вреда, пока, наконец, не были убиты людьми, которые разрезали их на мелкие кусочки, которые были брошены в воду и впоследствии приняли форму более мелких рыб и лягушек.

14. ПОТОП

Давным-давно у одного человека была собака, которая каждый день спускалась к реке, смотрела на воду и выла. Наконец человек рассердился и отругал собаку, которая тогда заговорила с ним и сказала: «Скоро будет большой паводок, и вода поднимется так высоко, что все утонут; но если ты построишь плот, на который сможешь сесть, когда пойдет дождь, ты сможешь спастись, но сначала ты должен бросить меня в воду». Человек не поверил, и собака сказала: «Если ты хочешь доказательство, что я говорю правду, посмотри на мою шею». Он посмотрел и увидел, что кожа на шее собаки стерлась, и кости торчали наружу.

Тогда он поверил собаке и начал строить плот. Вскоре пошел дождь, и он взял свою семью, много провианта, и все они сели на плот. Дождь шел долго, и вода поднялась так высоко, что покрыла горы, и все люди на земле утонули. Затем дождь прекратился, и вода снова пошла на убыль, пока наконец не стало безопасно сойти с плота. Теперь в живых остались только этот человек и его семья, но однажды они услышали звуки танцев и криков с другой стороны хребта. Человек взобрался на вершину и посмотрел вниз; все было тихо, но по всей долине он увидел огромные кучи костей утонувших людей, и тогда он понял, что это танцевали призраки.

Мифы о четвероногих

15. ЧЕТВЕРНОЖНЫЕ ПЛЕМЕНА

В мифологии чероки, как и в мифологии индейских племен в целом, нет существенной разницы между людьми и животными. В первобытный период сотворения мира они, по-видимому, были совершенно недифференцированными, и мы видим, что все существа жили и работали вместе в гармонии и взаимопомощи, пока человек своей агрессивностью и пренебрежением правами других не вызвал их враждебность, и тогда насекомые, птицы, рыбы, рептилии и четвероногие звери объединились против него (см. рассказ «Происхождение болезней и медицины»). С тех пор их жизни разделены, но разница всегда заключается только в степени. Животные, как и люди, организованы в племена и, как и они, имеют своих вождей и городские дома, свои советы и игры с мячом, и то же самое происходит в дальнейшем в Темной стране Усуньхии. Человек по-прежнему является высшей силой, он охотится и убивает других в соответствии со своими потребностями, но обязан удовлетворять племена животных в каждом случае, подобно тому, как убийство, согласно индийской системе, компенсируется «прикрытием костей мертвых» подарками для осиротевших родственников.

Это прощение охотника облегчается благодаря своеобразной доктрине реинкарнации, известной как « », согласно которой, как объясняют шаманы, каждому животному назначен определенный срок жизни, который не может быть сокращен насильственными средствами. Если оно убито до истечения отведенного ему времени, смерть является лишь временной, и тело немедленно воскресает в своей прежней форме из капель крови, и животное продолжает свое существование до конца предопределенного периода, когда тело окончательно распадается, а освобожденный дух присоединяется к своим родственным теням в Земле Мрака. Эта идея появляется в истории о медвежьем человеке и в поверье о Маленьком Олене. Таким образом, смерть является лишь временным несчастным случаем, а убийство — незначительным преступлением. Некоторые жрецы считают, что перед окончательным концом происходит семь последовательных воскрешений.

Некоторые сверхъестественные персонажи, Канати и Цулкалу (см. мифы), властвуют над животными и поэтому считаются особыми богами охотников. Канати когда-то держал диких животных, а также вредных насекомых, запертыми в подземной пещере, из которой их выпустили его непослушные сыновья. Считается, что первобытные животные — действующие лица в мифах о животных и предшественники существующих видов — были гораздо больше, сильнее и умнее своих современных потомков. В этих мифах мы находим индейское объяснение некоторых особенностей формы, цвета или повадок, и различные животные всегда последовательно изображаются как действующие в соответствии со своими хорошо известными характеристиками.

Первым и наиболее заметным в мифах о животных является Кролик (*Цисту*), который всегда выступает в роли обманщика и мошенника, обычно злонамеренного, но часто терпящего поражение в своей собственной игре от тех, кого он намеревался обмануть. Связь кролика с богом рассвета и отношение индийских мифов к рассказам, распространенным среди южных негров, обсуждаются в другом месте. Игрокам в мяч во время тренировок запрещено есть мясо кролика, потому что это животное очень легко теряется в беге. С другой стороны, их шпионы ищут возможность рассыпать по пути, по которому должны пройти их соперники, суп из кроличьих сухожилий, с целью сделать их робкими в действиях.

В игре в мяч между птицами и четвероногими животными (см. рассказ) летучая мышь, которая встала на сторону птиц, как говорят, принесла победу своей команде благодаря своим превосходным навыкам уклонения. По этой причине крылья или иногда чучело летучей мыши привязывают к орудиям, используемым в игре, чтобы обеспечить успех игрокам. Согласно тому же мифу, летяга (*тева*) также помогла обеспечить победу, и поэтому оба этих животных до сих пор призываются игроками в мяч. Мясо обыкновенной серой белки (*sălâ'lĭ*) запрещено для пациентов с ревматизмом из-за привычки белки принимать скученное положение во время еды. Полосы на спине суслика ( ) (*kiyu'ʻga*) являются следами царапин, нанесенных разъяренными животными на памятном совете, на котором он взял на себя смелость сказать доброе слово в защиту заклятого врага, человека (см. «Происхождение болезней и медицины»). Особенности норки (*sûñgĭ*) объясняются другой историей.

Буйвол, крупнейшее охотничье животное Америки, охотился в южной части региона Аллегани почти до конца прошлого века, причем конкретный вид, вероятно, был известен на Западе как лесной или горный буйвол. Название, используемое среди основных племен залива, было практически таким же и не поддается анализу, а именно: чероки, *yûñsû'*; хичите, *ya'nasi*; крик, *yĕna'sa*; чокто — *yanash*. Хотя мясо буйвола употреблялось в пищу, из его шкуры изготавливали одеяла и постельные покрывала, из его длинной шерсти плели пояса, а из рогов вырезали ложки, он, тем не менее, странным образом отсутствует в фольклоре чероки. Насколько известно, он упоминается только в одной из священных формул, в которой человеку, проходящему лечение от ревматизма, запрещается есть мясо, прикасаться к шкуре или использовать ложку, сделанную из рога буйвола, на основании оккультной связи между привычной скученной позой ревматика и естественным «горбом» этого животного.

Лось известен, вероятно, по рассказам, под именем *aʻwĭ' e'gwa*, «великий олень», но с ним не связано никаких мифов или фольклора.

Олень, *aʻwĭ'*, который до сих пор распространен в горах, был основным источником пропитания охотников чероки и, следовательно, занимает видное место в мифах, фольклоре и обрядах. Одно из семи родов племени названо в его честь (Ani′-Kawĭ′, «Люди-олени»). Согласно мифу, приведенному в другом месте, олень завоевал свои рога в успешной гонке с кроликом. Ревматизм обычно приписывают мести призраков оленей, которых охотник не умилостивил, в то время как помощь оленя призывают против обморожения, поскольку считается, что его ноги не подвержены повреждениям от мороза. Волк, лиса и опоссум также призываются для этой цели и по той же причине. Когда красный корень (*Ceanothus americanus*) пускает листья, люди говорят, что молодые оленята находятся в горах. Убивая оленя, охотник всегда вырезает подколенную связку из задней части туши и выбрасывает ее, опасаясь, что, съев ее, он впоследствии будет быстро уставать во время путешествий.

Могущественным вождем племени оленей является A[ʻ]wĭ′ Usdi′, или «Маленький олень», который невидим для всех, кроме величайших мастеров охотничьих секретов, и может быть ранен только охотником, который дополнил годы оккультных исследований частыми постами и одинокими бдениями. Маленький олень постоянно охраняет своих подданных и следит за тем, чтобы ни один из них не был убит без причины. Когда охотник застрелил оленя, Маленький Олень сразу об этом узнает и мгновенно появляется на месте ( ). Склонив голову, он спрашивает кровавые пятна на земле, слышали ли они, т. е. просил ли охотник прощения за жизнь, которую он отнял. Если была произнесена формальная молитва, все в порядке, потому что необходимая жертва была искуплена; но если нет, Маленький Олень отслеживает охотника до его дома по каплям крови на тропе и, незаметно и незаподозренно, вселяет в его тело дух ревматизма, который будет мучить его болями и страданиями с того момента и впредь. Как можно увидеть в редких случаях — возможно, раз в долгую жизнь — Маленький Олень чисто белого цвета и размером с

небольшую собаку, имеет разветвленные рога и всегда находится в компании большого стада оленей. Даже если его застрелит мастер-охотник, он снова оживает, будучи бессмертным, но счастливый охотник, который может таким образом заполучить его рога, получает в надежный талисман, который приносит ему успех в охоте навсегда. Самая маленькая часть одного из рогов Маленького оленя, если она должным образом освящена, привлекает оленей к охотнику, а когда ее вынимают из обертки, ослепляет их, так что они забывают бежать и становятся легкой добычей. Как и камень Улунсути (см. номер 50), он является опасным трофеем, если к нему не относиться с должным уважением, и хранится — или хранился — всегда в тайном месте вдали от дома, чтобы защитить его от кощунственного обращения.

Нечто подобное талисманной силе придается пуху с молодых рогов оленя, когда он должным образом освящен. Вера в то, что он имеет влияние на «все, что касается оленей», была настолько сильна, что восемьдесят и сто лет назад даже белые торговцы торговались с индейцами за такие амулеты, чтобы увеличить свои запасы оленьих шкур, привлекая к себе торговлю. Вера в существование чудесного Маленького Оленя сегодня почти так же сильна и распространена среди пожилых чероки, как вера в будущую жизнь.

Медведи (*yânû*) — это преобразованные чероки из древнего клана Ani′-Tsâ′gûhĭ (см. рассказ «Происхождение медведя»). Их вождем является Белый Медведь, который живет в Кувахи, «месте шелковицы», одной из высоких вершин гор Грейт-Смоки, недалеко от зачарованного озера Атагахи (см. номер 69), куда раненые медведи отправляются, чтобы излечиться от своих ран. Под Кувахи и каждой из трех других вершин в том же горном регионе у медведей есть таунхаусы, где они собираются и устраивают танцы каждую осень, прежде чем уйти в свои берлоги на зиму. Будучи на самом деле людьми, они могут говорить, если захотят, и однажды охотник услышал, как медведица пела своему медвежонку словами, которые он понял. Существует одна разновидность, известная как *калас-гунахита*, «длинные бедра», описываемая как большой черный медведь с длинными ногами и маленькими лапами, который всегда худой, и которого охотник не любит стрелять, возможно, из-за его худобы. Считается, что новорожденные медвежата безволосые, как мыши.

Волк (*wa′‘ya*) почитается как охотник и сторож Канати, и самый большой род в племени носит имя Ани′-ва′‘я, «люди Волка- ». Обычный чероки никогда не убьет волка, если может этого избежать, а отпустит животное невредимым, веря, что родственники убитого волка обязательно отомстят за его смерть, а оружие, с помощью которого был совершен этот поступок, станет бесполезным для дальнейшей охоты, пока его не очистит и не избавит от злых духов знахарь. Однако некоторые люди, знающие надлежащие обряды искупления, могут убивать волков безнаказанно и нанимаются для этой цели другими, которые пострадали от набегов на их рыболовные ловушки или скот. Подобно убийце орла (см. «Племена птиц»), профессиональный убийца волков, убив одного из этих животных, обращается к нему с молитвой, в которой он пытается отвратить месть племени, возложив вину на жителей другого поселения. Затем он откручивает ствол своего ружья, вставляет в него семь маленьких палочек из кислого дерева, нагретых над огнем, и оставляет его на ночь в проточной реке; утром палочки вынимаются, а ствол тщательно высушивается и очищается.

Собака (*gi‘lĭ′*), хотя и является неотъемлемой частью жизни индейцев чероки, как и других племен, почти не встречается в фольклоре. В одном мифе она ответственна за появление Млечного Пути; в другом она изгоняет волка из уютного дома у камина и занимает его место. Она также фигурирует в связи с потопом. Нет традиций, связанных с появлением лошади (*sâ′gwălĭ, asâ′gwălihû′*, «вьюк или груз») или коровы (*wa′‘ka*, от испанского *vaca*). Свинья называется *sĭkwă*, что изначально было названием опоссума, который чем-то напоминает ее по выражению лица и который теперь называется *sĭkwă utse′tstĭ*, «улыбающийся sĭkwă». Точно так же овца, еще одно завезенное

животное, называется *a'wĭ' unăde'na*, «шерстистый олень»; коза — *a'wĭ' ahănu'lăhĭ*, «бородатый олень», а мул — *sâ'gwă'lĭ digû'lanăhi'ta*, «длинноухая лошадь». Кошка, также полученная от белых, называется *wesă*, что является попыткой перевести английское «pussy». Когда она мурлычет у камина, дети говорят, что она считает на языке чероки: *«ta'ladu', nûñ'gĭ, ta'ladu',* nûñ'gĭ», «шестнадцать, четыре, шестнадцать, четыре». Слона, которого некоторые чероки видели в цирке, они называют *kăma'mă u'tănû*, «большая бабочка», из-за предполагаемого сходства его длинного хобота и машущих ушей с хоботком и крыльями этого насекомого. Анатомические особенности опоссума обоих полов являются предметом многочисленных любопытных спекуляций среди индейцев, многие из которых верят, что его детёныши рождаются без помощи самца. Это упоминается в одном или двух второстепенных мифах.

Лиса (*tsu'ʻlă*) упоминается в одной из формул, но не фигурирует в фольклоре племени ( ). Черная лиса известна под другим именем (*inâ'lĭ*). Считается, что запах скунса (*dĭlă'*) отгоняет инфекционные заболевания, поэтому мешочек с запахом вынимают и вешают над дверью, проделывая в нем небольшое отверстие, чтобы содержимое могло вытекать на деревянные балки. Иногда, как во время эпидемии оспы 1866 года в , вешали все тело животного, а в некоторых случаях, в качестве дополнительной меры предосторожности, мясо варили и ели, а масло втирали в кожу человека. Основная идея заключается в том, что зловонный запах отпугивает дух болезни, и по тому же принципу канюк, который явно превосходит запах падали, считается мощным средством против тех же болезней.

Бобр (*dâ'yĭ*), благодаря своей хорошо известной способности грызть, которой не может противостоять даже самое твердое дерево, призывается на помощь маленьким детям, у которых только-только появляются постоянные зубы. Согласно небольшой формуле, знакомой почти каждой матери в племени, когда выпавший молочный зуб вырывают или он выпадает сам, ребенок бегает с ним по дому, четыре раза повторяя: *«Dâ'yĭ, skĭntă'* (Бобр, вставь новый зуб в мою челюсть)», после чего бросает зуб на крышу дома.

В характерной песенной формуле для предотвращения обморожения путешественник, прежде чем выйти в холодное зимнее утро, трет ноги в пепле костра и поет песню из четырех куплетов, с помощью которой, согласно индейскому представлению, он приобретает способность противостоять холоду, как волк, олень, лиса и опоссум — четыре животных, чьи лапы, как считается, никогда не обмораживаются. После каждого куплета он имитирует крик и действия животного. Используемые слова имеют архаичную форму и могут быть переведены как «Я становлюсь настоящим волком» и т. д. Песня звучит так:

Tsûñ'wa'ʻya-ya' (повторяется четыре раза), *wa + a!* (продолжительный вой). (Имитирует волка, царапающего землю лапами.)

Цун'ка'ви-е' (повторяется четыре раза), *саух! саух! саух! саух!* (Имитирует крик и прыжки оленя.)

Tsûñ'-tsu'ʻla-ya' (повторяется четыре раза), *gaih! gaih! gaih! gaih!* (Имитирует лай и царапанье лисы.)

Tsûñ'-sĭ'kwa-ya' (повторяется четыре раза), *kĭ +*. (Имитирует крик опоссума, когда его загнали в угол, и откидывает голову назад, как это делает животное, когда притворяется мертвым.)

16. КРОЛИК ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ОХОТУ ЗА УТКАМИ

Кролик был настолько хвастлив, что утверждал, что может делать все, что видит у других, и настолько хитр, что обычно мог заставить других животных поверить в это. Однажды он

притворился, что может плавать в воде и есть рыбу, как выдра, и когда другие сказали ему доказать это, он придумал план, чтобы обмануть саму выдру.

Вскоре после этого они снова встретились, и выдра сказала: «Я иногда ем уток». Кролик ответил: «Ну, я тоже ем уток». Выдра предложила ему попробовать, и они пошли вверх по реке, пока не увидели в воде несколько уток и сумели подойти к ним незаметно. Кролик сказал выдре плыть первой. Выдра не колебалась, нырнула с берега и поплыла под водой, пока не доплыла до уток, вытащила одну из них, не будучи замеченной другими, и вернулась тем же путем.

Пока выдра была под водой, кролик снял кусок коры с молодого деревца и сделал себе петлю. «Теперь, — сказал он, — просто смотри», — и он нырнул и проплыл немного под водой, пока не задохнулся и не вынырнул на поверхность, чтобы вздохнуть. Он снова погрузился и всплыл чуть ближе к уткам. Он сделал еще один вдох и погрузился, и на этот раз он всплыл среди уток, набросил петлю на голову одной из них и поймал ее. Утка сильно сопротивлялась и, наконец, расправила крылья и взлетела с воды, а Кролик висел на петле.

Она летела и летела, пока Кролик не смог больше держаться и не вынужден был отпустить петлю и упасть. Так случилось, что он упал в высокий полый пень платана без отверстия внизу, из которого можно было бы выбраться, и остался там, пока не проголодался настолько, что был вынужден съесть свою шерсть, как это делают кролики, когда голодают. Через несколько дней, когда он был очень слаб от голода, он услышал, как дети играют снаружи вокруг деревьев. Он начал петь:

Вырежьте дверь и посмотрите на меня;

Я самое красивое, что вы когда-либо видели.

Дети побежали домой и рассказали об этом отцу, который пришел и начал вырезать отверстие в дереве. Пока он рубил, кролик внутри продолжал петь: «Вырежьте отверстие побольше, чтобы вы могли меня лучше видеть; я такой красивый». Они сделали отверстие побольше, и тогда кролик сказал им отойти, чтобы они могли хорошо разглядеть его, когда он вылезет. Они отошли, и кролик, увидев свой шанс, выпрыгнул и убежал.

17. КАК КРОЛИК УКРАЛ ШЕРСТЬ ВЫДРЫ

Животные были разного размера и носили шкуры разных цветов и узоров. У некоторых была длинная шерсть, у других — короткая. У некоторых были кольца на хвостах, а у некоторых хвостов не было вовсе. У некоторых шкуры были коричневые, у других — черные или желтые. Они всегда спорили о своей красоте, поэтому в конце концов решили созвать совет, чтобы определить, у кого самая красивая шкура.

Они много слышали о выдре, которая жила так далеко вверх по ручью, что редко спускалась вниз, чтобы навестить других животных. Говорили, что у нее была самая красивая шерсть из всех, но никто не знал, как она выглядела, потому что никто не видел ее уже очень давно. Они даже не знали, где именно она жила — только общее направление, но знали, что она придет на совет, когда об этом станет известно.

Теперь Кролик хотел, чтобы вердикт был вынесен в его пользу, поэтому, когда стало ясно, что он может достаться Выдре, он придумал план, как обмануть ее. Он задал несколько хитрых вопросов, пока не узнал, по какому пути Выдра пойдет к месту совета. Затем, ничего не говоря, он пошел вперед и через четыре дня пути встретил Выдру и сразу узнал ее по красивой шерсти из мягкого

темно-коричневого меха. Выдра была рада его видеть и спросила, куда он идет. « » «О, — сказал Кролик, — животные послали меня, чтобы привести тебя на совет; потому что ты живешь так далеко , что они боялись, что ты можешь не знать дорогу». Выдра поблагодарила его, и они пошли вместе.

Они шли весь день к месту совета, а ночью Кролик выбрал место для лагеря, потому что Выдра была чужая в этой части страны, и срубил кусты для постелей и все приготовил. На следующее утро они снова отправились в путь. Днем Кролик начал собирать по дороге дрова и кору и грузить их на спину. Когда Выдра спросила, для чего это, Кролик ответил, что для того, чтобы ночью им было тепло и уютно. Через некоторое время, когда солнце уже клонилось к закату, они остановились и разбили лагерь.

Когда ужин был закончен, Кролик взял палку и вырезал из нее весло. Выдра удивилась и снова спросила, для чего это нужно.

«Я вижу хорошие сны, когда сплю с веслом под головой», — ответил Кролик.

Когда весло было готово, Кролик начал вырубать кусты, чтобы проложить чистую тропу к реке. Выдра все больше удивлялась и хотела знать, что это значит.

Кролик сказал: «Это место называется Ди′татласки′и [Место, где идет огненный дождь]. Иногда здесь идет огненный дождь, и сегодня ночью небо выглядит немного так. Ты иди спать, а я буду сидеть и наблюдать, и если действительно пойдет огонь, как только услышишь мой крик, беги и прыгай в реку. Лучше повесь свое пальто на ветку вон там, чтобы оно не сгорело».

Выдра сделала, как ей велели, и они оба свернулись калачиком, чтобы заснуть, но Кролик не спал. Через некоторое время огонь сгорел до красных углей. Кролик позвал, но Выдра крепко спала и не ответила. Через некоторое время он позвал снова, но Выдра не шелохнулась. Тогда Кролик наполнил весло горячими углями, бросил их в воздух и закричал: «Идет огненный дождь! Идет огненный дождь!»

Горячие угли упали вокруг Выдры, и она вскочила. «В воду!» — крикнул Кролик, и Выдра побежала и прыгнула в реку, и с тех пор она живет в воде.

Кролик взял шубу Выдры и надел ее, оставив свою, и пошел на совет. Все животные были там, и все искали Выдру. Наконец они увидели ее вдали и сказали друг другу: «Выдра идет!» и послали одного из маленьких животных показать ей лучшее место. Все были рады его видеть и по очереди подходили, чтобы поприветствовать его, но Выдра держала голову опущенной, прикрывая лицо лапой. Они удивлялись, почему она такая застенчивая, пока не подошел Медведь и не отдернул лапу, и там оказался Кролик с разбитым носом. Он вскочил и начал бежать, но Медведь ударил его и оторвал ему хвост, но Кролик был слишком быстр для них и убежал.

18. ПОЧЕМУ У ОПОССУМА НЕТ ХВОСТА

У опоссума был длинный пушистый хвост, и он так им гордился, что каждое утро расчесывал его и пел о нем на танцах, пока Кролик, у которого не было хвоста с тех пор, как Медведь его оторвал, не стал очень завидовать и не решил подшутить над Опоссумом.

Должно было состояться большое собрание и танцы, на которых должны были присутствовать все животные. Зайцу было поручено разнести весть, и, проходя мимо дома опоссума, он остановился, чтобы спросить его, собирается ли он прийти. Опоссум сказал, что придет, если ему выделят

особое место, «потому что у меня такой красивый хвост, что я должен сидеть там, где меня все могут видеть». Кролик ( ) пообещал позаботиться об этом и послать кого-нибудь, чтобы причесать и причесать хвост опоссума для танца, так что опоссум был очень доволен и согласился прийти.

Затем Кролик подошел к Сверчку, который был таким искусным парикмахером, что индейцы называли его цирюльником, и сказал ему, чтобы он на следующее утро пришел и причесал хвост Поссума для танцев в тот вечер. Он рассказал Сверчку, что именно нужно делать, а затем занялся какими-то другими проделками.

Утром Сверчок пришел в дом Опоссума и сказал, что пришел, чтобы подготовить его к танцу. Опоссум вытянулся и закрыл глаза, а Сверчок расчесал его хвост и обмотал его красной нитью, чтобы он оставался гладким до вечера. Но все это время, обматывая нить, он обрезал волосы близко к корням, и Опоссум даже не заметил этого.

Когда наступила ночь, Посум пошел в городской дом, где должен был проходить танец, и обнаружил, что для него приготовили лучшее место, как и обещал Кролик. Когда настала его очередь танцевать, он ослабил веревку на хвосте и вышел на середину танцпола. Барабанщики начали играть, а Посум запел: «Посмотрите на мой красивый хвост». Все закричали, и он танцевал по кругу и снова пел: «Посмотрите, какой у него прекрасный цвет». Они снова закричали, и он танцевал еще раз, поя: «Посмотрите, как он скользит по земле». Животные закричали еще громче, чем раньше, и Посум был в восторге. Он снова танцевал и пел: «Посмотрите, какая у него прекрасная шерсть». Тогда все так долго смеялись, что Посум задался вопросом, что они имеют в виду. Он огляделся по кругу на животных, и все они смеялись над ним. Тогда он посмотрел на свой красивый хвост и увидел, что на нем не осталось ни одного волоска, что он был голый, как хвост ящерицы. Он был так удивлен и постыжен, что не мог сказать ни слова, а только беспомощно перевернулся на землю и улыбнулся, как опоссумы улыбаются до сих пор, когда их застают врасплох.

19. КАК ДИКАЯ КОШКА ПОймала КУРЧАТА

Однажды дикая кошка поймала кролика и собиралась убить его, но кролик стал умолять о пощаде, говоря: «Я такой маленький, что для тебя я буду всего лишь глотком ( ), но если ты отпустишь меня, я покажу тебе, где можно найти целое стадо индюков». Дикая кошка отпустила его и пошла с ним туда, где были индюки.

Когда они подошли к месту, Кролик сказал Дикой кошке: «Теперь ты должен делать только то, что я скажу. Ляг, как будто ты мертв, и не двигайся, даже если я тебя пну, но когда я скажу, вскочи и поймай самого большого из них». Дикая кошка согласилась и растянулась, как будто мертвая, а Кролик собрал гнилые ветки и разбросал их по ее глазам и носу, чтобы они выглядели как мухи, и индюки подумали, что она уже давно мертва.

Затем Кролик подошел к Индейкам и сказал дружелюбным тоном: «Смотрите, я нашел нашего старого врага, Дикого Кота, лежащего мертвым на тропе. Давайте станцуем над ним». Индейки были очень сомневающиеся, но в конце концов пошли с ним к месту, где Дикий Кот лежал на дороге, как мертвый. Кролик имел хороший голос и был отличным танцором, поэтому он сказал: «Я буду вести песню, а вы танцуйте вокруг него». Индейки согласились, и Кролик взял палку,

чтобы отбивать такт, и начал петь: *«Gălăgi'na hasuyak', Gălăgi'na hasuyak'* (выберите индюка, выберите индюка)».

«Почему ты так говоришь?» — спросил старый индюк. «О, все в порядке, — ответил Кролик, — он просто такой, и мы поем об этом». Он снова запел, и индюки начали танцевать вокруг дикой кошки. Когда они протанцевали несколько кругов, Кролик сказал: «Теперь подойдите и ударьте его, как мы делаем в военном танце». И индюки, думая, что дикая кошка наверняка мертва, теснились вокруг нее, а старый индюк пнул ее. Тогда Кролик забарабанил сильно и запел как можно громче: «Выбери индюка, выбери индюка», и дикая кошка вскочила и поймала индюка.

20. КАК ЧЕРЕПАХА ПОБЕЖДАЕТ КРОЛИКА

Кролик был отличным бегуном, и все это знали. Никто не считал черепаху чем-то иным, как медленным путешественником, но она была отличным воином и очень хвастливой, и эти двое всегда спорили о своей скорости. Наконец они решили решить этот вопрос с помощью гонки. Они назначили день и место старта и договорились пробежать через четыре горных хребта, и тот, кто придет первым, будет победителем.

Кролик был настолько уверен в своей победе, что сказал черепахе: «Ты же знаешь, что не умеешь бегать. Ты никогда не сможешь выиграть гонку, поэтому я отдам тебе первый хребет, и тебе останется пересечь только три, а я пересеку четыре».

Черепаха согласилась, но в тот же вечер, когда она вернулась домой к своей семье, она позвала своих друзей-черепах и сказала, что ей нужна их помощь. Она сказала, что знает, что не сможет обогнать Кролика, но хочет положить конец его хвастовству. Она объяснила свой план друзьям, и они согласились ей помочь.

Когда наступил день, все животные собрались, чтобы посмотреть на гонку. Кролик был с ними, но черепаха ушла вперед к первому хребту, как они и договорились, и его было почти не видно из-за высокой травы. Был дан старт, и Кролик начал подниматься по горе длинными прыжками, рассчитывая выиграть гонку, прежде чем Черепаха спустится с другой стороны. Но прежде чем он поднялся на гору, он увидел, как черепаха пересекла гребень перед ним. Он побежал дальше, и когда достиг вершины, огляделся по сторонам, но не смог увидеть черепаху из-за высокой травы. Он продолжил спуск с горы и начал подниматься на второй гребень, но когда он снова посмотрел вверх, черепаха как раз пересекала вершину. Теперь он был удивлен и сделал самые длинные прыжки, чтобы догнать ее, но когда он добрался до вершины, черепаха уже была далеко впереди и перелезала через третий хребет. Кролик уже устал и почти задыхался, но он продолжал спускаться с горы и подниматься на другой хребет, пока не добрался до вершины как раз вовремя, чтобы увидеть, как черепаха перелезает через четвертый хребет и таким образом выигрывает гонку.

Кролик не смог сделать еще один прыжок, но упал на землю, плача *«ми, ми, ми, ми»*, как кролики всегда делают, когда они слишком устают, чтобы бежать дальше. Победа в гонке была присуждена черепахе, и все животные удивлялись, как она смогла победить кролика, но она молчала и никому не рассказывала. Однако это было довольно легко, потому что все друзья черепахи были похожи друг на друга, и она просто поставила одного из них на вершину каждого хребта, чтобы он ждал, пока кролик появится в поле зрения, а затем перелез и спрятался в высокой траве. Когда Кролик подошел, он не смог найти Черепаху и подумал, что она впереди, и если бы он встретил одну из других черепах, он бы подумал, что это та же самая, потому что они были очень похожи. Настоящая Черепаха расположилась на четвертом хребте, чтобы появиться в конце гонки и быть готовой ответить на вопросы, если животные что-то заподозрят.

Поскольку Кролик должен был лечь и проиграть гонку, теперь, готовя своих юношей к игре в мяч, фокусник варит суп из кроличьих сухожилий и посылает ночью кого-нибудь вылить его на тропу, по которой утром должны пройти другие игроки, чтобы они устали так же и проиграли игру. Сделать это не всегда легко, потому что другая сторона ожидает этого и выставляет наблюдателей, чтобы предотвратить это.

21. КРОЛИК И ТАРОВЫЙ ВОЛК

Однажды была такая затяжная засуха, что в ручьях и родниках не осталось воды, и животные созвали совет, чтобы решить, что делать. Они решили выкопать колодец, и все согласились помочь, кроме Кролика, который был ленивым парнем и сказал: «Мне не нужно копать колодец. Мне хватает росы на траве». Другим это не понравилось, но они вместе приступили к работе и выкопали колодец.

Они заметили, что Кролик оставался упитанным и бодрым, хотя погода по-прежнему была засушливой, а вода в колодце подходила к концу. Они сказали: «Этот хитрый Кролик крадет нашу воду по ночам», — и сделали волка из сосновой смолы и дегтя и поставили его у колодца, чтобы напугать вора. В ту ночь Кролик пришел, как и каждую ночь, чтобы напиться на весь следующий день. Он увидел странную черную штуку у колодца и спросил: «Кто здесь?», но смоляной волк ничего не ответил. Он подошел ближе, но волк не шевелился, поэтому он осмелел и сказал: «Уйди с дороги, или я тебя ударю». Волк по-прежнему не шевелился, и Кролик подошел и ударил его лапой, но смола прилипла к его лапе, и она застряла. Теперь он был зол и сказал: «Отпусти меня, или я тебя пну». Волк по-прежнему ничего не отвечал. Тогда Кролик ударил его снова задней лапой, так сильно, что она застряла в смоле, и он не мог пошевелиться, и простоял так, пока утром животные не пришли за водой. Когда они обнаружили, кто был вором, они некоторое время издевались над ним, а потом собрались убить его, но как только его освободили от смоляного волка, он сумел убежать. — Уоффорд.

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

«Жили-были в одной стране, где была такая сильная засуха, что все ручьи и озера высохли. В этой чрезвычайной ситуации животные собрались вместе, чтобы придумать, как добыть воду. Один из них предложил выкопать колодец. Все согласились, кроме зайца. Она отказалась, потому что это испачкало бы ее маленькие лапки. Остальные, однако, выкопали колодец и, к счастью, нашли воду. Заяц начал страдать от жажды, но, не имея права пользоваться колодцем, прибег к хитрости, чтобы добыть воду. Она решила, что проще всего будет украсть воду из общественного колодца. Остальные животные, удивленные тем, что заяц так хорошо снабжен водой, спросили его, где он ее берет. Он ответил, что встает рано утром и собирает капли росы. Однако волк и лиса заподозрили его в краже и придумали следующий план, чтобы вычислить его:

Они сделали волка из дегтя и поставили его возле колодца. На следующую ночь заяц, как обычно, пришел за водой. Увидев волка из дегтя, она спросила, кто там. Не получив ответа, она повторила свой вопрос, угрожая пнуть волка, если он не ответит. Не получив ответа, она пнула волка и таким образом прилипла к дегтю и была поймана. Когда лиса и волк схватили ее, они посовещались, что лучше с ней сделать. Один предложил отрезать ей голову. Заяц возразил, что это бесполезно, так как это уже много раз пробовали, но ей не было больно. Были предложены другие способы убить ее, но она сказала, что все они бесполезны. Наконец, было предложено отпустить ее, чтобы она погибла в зарослях. Заяц притворился очень встревоженным и стал умолять о пощаде. Однако ее враги из племени отказались слушать, и ее отпустили. Однако, как только она оказалась вне

досягаемости своих врагов, она издала крик и, ускакав, воскликнула: «Здесь я живу»». — Cherokee Advocate, 18 декабря 1845 г.

БЮРО АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОЛОГИИ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ PL. XIV

ФОТОГРАФИЯ АВТОРА, 1888 Г.

АЯСТА

22. КРОЛИК И ОПОССУМ В ПОИСКАХ ЖЕНЫ

Кролик и опоссум хотели найти себе жену, но никто не хотел выходить за них замуж. Они обсудили этот вопрос, и Кролик сказал: «Здесь мы не найдем жен, давайте пойдем в соседнее

поселение. Я посланник совета, и я скажу людям, что принес приказ, чтобы все немедленно нашли себе пару, и тогда мы обязательно найдем себе жен».

Опоссум посчитал, что это отличный план, и они вместе отправились в соседний город. Кролик бежал быстрее и прибыл туда первым, где ждал снаружи, пока люди не заметили его и не пригласили в ратушу. Когда вождь подошел, чтобы спросить, в чем дело, Кролик сказал, что принес важный приказ от совета, согласно которому все должны немедленно жениться. Тогда вождь созвал людей и передал им сообщение от совета. Все животные сразу же нашли себе пару, и Кролик тоже обзавелся женой.

Опоссум путешествовал так медленно, что прибыл туда после того, как все животные уже нашли себе пару, и остался без жены. Кролик притворился, что ему жаль его, и сказал: «Не беспокойся, я отнесу весть жителям следующего поселения, а ты поспеши туда как можно быстрее, и на этот раз ты найдешь себе жену».

Итак, он отправился в соседний город, а Посум следовал за ним по пятам. Но когда Кролик добрался до ратуши, он распространил весть, что, поскольку мир длился так долго, что все стали ленивыми, совет приказал немедленно начать войну, и начать ее прямо в ратуше. Итак, все начали драться, но Кролик сделал четыре больших прыжка и сбежал как раз в тот момент, когда Посум вошел. Все набросились на Посума, который не подумал взять с собой оружие в свадебное путешествие и поэтому не мог защищаться. Они почти забили его до смерти, когда он упал и притворился мертвым, пока не увидел хороший шанс вскочить и убежать. Посум так и не получил жену, но он запомнил урок и с тех пор закрывает глаза и притворяется мертвым, когда охотник загоняет его в угол.

23. КРОЛИК УЖИНАЕТ С МЕДВЕДЕМ

Медведь пригласил Кролика пообедать с ним. У них в кастрюле были бобы, но не было жира, чтобы их приготовить, поэтому Медведь сделал надрез на боку и выпустил жир, пока его не набралось достаточно, чтобы приготовить обед. Кролик выглядел удивленным и подумал про себя: «Это удобный способ . Думаю, я попробую». Когда он отправился домой, он пригласил Медведя прийти и пообедать с ним через четыре дня.

Когда Медведь пришел, Кролик сказал: «У меня тоже есть бобы на ужин. Сейчас я достану жир для них». Он взял нож и вонзил его себе в бок, но вместо жира хлынула струя крови, и он упал, почти мертвый. Медведь поднял его и с трудом перевязал рану, чтобы остановить кровотечение. Затем он отругал его: «Ты, маленький глупец, я большой и сильный, и у меня везде жир, нож мне не причиняет боли, а ты маленький и худой, и не можешь делать такие вещи».

24. КРОЛИК УБЕГАЕТ ОТ ВОЛКОВ

Однажды несколько волков поймали кролика и собирались съесть его, когда он попросил разрешения показать им новый танец, который он разучивал. Они знали, что кролик был великим певцом, и хотели научиться новому танцу, поэтому согласились и образовали круг вокруг него, пока он готовился. Он хлопнул в ладоши и начал танцевать по кругу, напевая:

Tlâge'sitûñ' găli'sgi'sidâ'hă—

Ha'nia lĭl! lĭl! Ha'nia lĭl! lĭl!

На краю поля я танцую —

Ханья лил! лил! Ханья лил! лил!

«Теперь, — сказал Кролик, — когда я пою «на краю поля», я танцую в эту сторону» — и он танцевал в этом направлении — «а когда я пою *«lĭl! lĭl!»*, вы все должны сильно топать ногами». Волки сочли это хорошей идеей. Он начал новый круг, напевая ту же песню, и танцевал чуть ближе к полю, а волки топали ногами. Он пел все громче и громче и танцевал все ближе и ближе к полю, пока на четвертой песне, когда волки топали ногами так сильно, как могли, и думали только о песне, он сделал один прыжок и скрылся в высокой траве. Они сразу же бросились за ним, но он побежал к дуплистому пню и залез внутрь. Когда волки добежали до него, один из них засунул голову внутрь, чтобы посмотреть, но Кролик плюнул ему в глаз, и тот вынужден был вытащить голову. Остальные побоялись повторить попытку и ушли, оставив Кролика в пне.

25. КРЕМНИЙ ПОСЕЩАЕТ КРОЛИКА

В старые времена Тавискала (Кремень) жил в горах, и все животные ненавидели его, потому что он помог убить так много из них. Они собирались вместе, чтобы обсудить способы избавиться от него, но все боялись приближаться к его дому, пока Кролик, самый смелый из них, не предложил пойти за Флинтом и попытаться убить его. Они сказали ему, где его найти, и Кролик отправился в путь и наконец пришел к дому Флинта.

Флинт стоял у своей двери, когда Кролик подошел и сказал с насмешкой: *«Сю!* Привет! Ты тот, кого называют Флинтом?» «Да, так меня называют», — ответил Флинт. «Ты здесь живешь?» «Да, я здесь живу». Все это время Кролик оглядывался по сторонам, пытаясь придумать план, как застать Флинта врасплох. Он ожидал, что Флинт пригласит его войти в дом, поэтому немного подождал, но когда Флинт не сделал ни одного движения, он сказал: «Ну, меня зовут Кролик; я много слышал о тебе, поэтому я пришел пригласить тебя к себе в гости».

Флинт хотел узнать, где находится дом Кролика, и тот сказал ему, что он находится внизу, на поле с веником, возле реки. Тогда Флинт пообещал навестить его через несколько дней. «Почему бы тебе не прийти сейчас и не поужинать со мной?» — сказал Кролик, и после небольшого уговора Флинт согласился, и они вдвоем начали спускаться с горы.

Когда они подошли к кроличьей норе, Кролик сказал: «Вот мой дом, но летом я обычно остаюсь здесь, на улице, где прохладнее». Тогда он разжег костер, и они поужинали на траве. Когда ужин закончился, Флинт растянулся, чтобы отдохнуть, а Кролик принес несколько толстых палок и свой нож и вырезал из них молоток и клин. Флинт поднял голову и спросил, для чего это нужно. «О, — сказал Кролик, — я люблю чем-нибудь заниматься, и они могут пригодиться». Тогда Флинт снова лег и вскоре крепко заснул. Кролик позвал его пару раз, чтобы убедиться, но ответа не было. Тогда он подошел к Флинту и одним сильным ударом молотка вонзил острый кол в его тело и побежал со всех ног к своей норе; но прежде чем он добежал до нее, раздался громкий взрыв, и осколки кремня разлетелись во все стороны. Вот почему сейчас мы находим кремний во многих местах. Один кусок ударил Кролика сзади и порезал его, когда он нырнул в свою нору. Он сидел и прислушивался, пока все не стало снова тихо. Затем он высунул голову, чтобы оглядеться, но в этот момент упал еще один кусок, ударил его по губе и разбил ее, как мы видим до сих пор.

26. КАК ОЛЕНЬ ПОЛУЧИЛ РОГА

Вначале у оленя не было рогов, а его голова была гладкой, как у лани. Он был отличным бегуном, а Кролик — отличным прыгуном, и все животные были любопытны узнать, кто из них сможет пробежать большее расстояние за одно и то же время. Они долго обсуждали это и наконец

договорились устроить соревнование между ними и сделали красивую большую пару рогов в качестве приза для победителя. Они должны были стартовать вместе с одной стороны зарослей, пробежать через них, затем развернуться и вернуться, и тот, кто выбежит первым, получит рога.

В назначенный день все животные собрались на месте, а рога были положены на землю у края зарослей, чтобы обозначить стартовую точку. Пока все любовались рогами, Кролик сказал: «Я не знаю эту часть страны; я хочу посмотреть через кусты, где я буду бежать». Все согласились, и Кролик ушел в заросли, но он так долго не возвращался, что в конце концов животные заподозрили, что он снова вытворяет свои проделки. Они послали гонца, чтобы тот пошел его искать, и тот нашел Кролика посреди зарослей, грызущего кусты и вырывающего их, пока не проложил дорогу почти до другого края.

Посланник тихо развернулся, вернулся и рассказал об этом другим животным. Когда Кролик наконец вышел, они обвинили его в обмане, но он все отрицал, пока они не зашли в заросли и не обнаружили проложенную дорогу. Они решили, что такой обманщик не имеет права участвовать в гонке, поэтому рога отдали Оленю, который был признан лучшим бегуном, и с тех пор он носит их. Они сказали Кролику, что, поскольку он так любит вырубать кусты, он может зарабатывать этим на жизнь, и так он и делает до сих пор.

27. ПОЧЕМУ ЗУБЫ ОЛЕНЯ ТУПЫЕ

Кролик был обижен тем, что Олень выиграл рога (см. предыдущую историю), и решил отомстить. Однажды, вскоре после гонки, он протянул большую виноградную лозу поперек тропы и прогрыз ее почти пополам. Затем он отбежал на некоторое расстояние, разбежался и прыгнул на лозу. Он продолжал бежать и прыгать на лозу, пока не подошел Олень и не спросил его, что он делает.

«Разве ты не видишь?» — ответил Кролик. «Я настолько силен, что могу перекусить эту лозу одним прыжком».

Олень с трудом поверил в это и захотел увидеть, как это делается. Тогда Кролик побежал назад, сделал огромный прыжок и перекусил лозу в том месте, где он ее грыз раньше. Увидев это, Олень сказал: «Ну, если ты можешь, то и я могу». Тогда Кролик протянул более толстую лозу поперек тропы, но не грыз ее посередине. Олень побежал назад, как видел, что делал Кролик, сделал прыжок и ударил по лозе прямо по центру, но она только отскочила назад и сбила его с ног. Он пробовал снова и снова, пока не был весь в синяках и крови.

«Покажи мне свои зубы», — наконец сказал Кролик. И Олень показал ему свои зубы, которые были длинные, как у волка, но не очень острые.

«Неудивительно, что у тебя не получается, — сказал Кролик, — твои зубы слишком тупые, чтобы что-либо кусать. Позволь мне заточить их, как мои. Мои зубы настолько острые, что я могу перерезать палку, как ножом». И он показал ему веточку черного робинии, молодые побеги которой кролики грызут, которую он обстругал так же хорошо, как нож, по-кроличьи. Олень подумал, что это как раз то, что нужно. Тогда Кролик взял твердый камень с шероховатыми краями и стал точить и точить зубы Оленя, пока они не износились почти до десен.

«Это больно», — сказал олень, но кролик ответил, что всегда немного больно, когда зубы начинают остриться, поэтому олень промолчал.

«Теперь попробуй», — наконец сказал Кролик. И Олень снова попробовал, но на этот раз он не смог ничего укусить.

«Теперь ты расплатился за свои рога», — сказал Кролик и убежал в кусты. С тех пор зубы Оленя настолько тупые, что он не может жевать ничего, кроме травы и листьев.

28. ЧТО СТАЛСЯ С КРОЛИКОМ

Олень был очень зол на Кролика за то, что тот заточил ему зубы, и решил отомстить, но он вел себя спокойно и притворялся дружелюбным, пока Кролик не потерял бдительность. И вот однажды, когда они шли вместе и разговаривали, он предложил Кролику прыгнуть на него. Кролик, как всем известно, был отличным прыгуном, поэтому сразу согласился. Рядом с тропой был небольшой ручей, как обычно бывает в той местности, и Олень сказал:

«Давай посмотрим, сможешь ли ты перепрыгнуть через эту ветку. Мы отойдем на несколько шагов назад, а когда я скажу *«Ку!»*, то оба побежим и прыгнем».

«Хорошо», — сказал Кролик. Они отошли назад, чтобы хорошо разбежаться, и когда Олень сказал *«Ку!»*, они побежали к ручью, и Кролик одним прыжком перебрался на другую сторону. Но Олень остановился на берегу, и когда Кролик оглянулся, Олень превратил ручей в большую реку. Кролик так и не смог вернуться обратно и до сих пор находится на другом берегу. Кролик, которого мы знаем, — это всего лишь маленькое существо, появившееся позже.

29. ПОЧЕМУ НОРКА ПАХНЕТ

Норка была таким большим вором, что в конце концов животные созвали совет по этому поводу. Было решено сжечь его, поэтому они поймали норку, развели большой костер и бросили ее в него. Когда пламя поднялось и они почувствовали запах жареного мяса, они решили, что он достаточно наказан и, вероятно, в будущем будет вести себя лучше, поэтому вытащили его из огня. Но норка уже была обожжена до черноты и с тех пор осталась черной, и всякий раз, когда на нее нападают или она возбуждается, она снова пахнет жареным мясом. Однако урок не пошел на пользу, и она по-прежнему остается такой же великой воровкой, как и раньше.

30. ПОЧЕМУ КРОТА ЖИВЕТ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Один мужчина был влюблен в женщину, которая его не любила и не хотела иметь с ним ничего общего. Он пробовал все способы завоевать ее расположение, но безрезультатно, пока наконец не расстроился и не заболел, думая об этом. Крота подошел к нему, увидел его в таком удрученном состоянии и спросил, в чем дело. Человек рассказал ему всю историю, и когда он закончил, Крота сказал: «Я могу тебе помочь, чтобы она не только полюбила тебя, но и сама пришла к тебе». Итак, той ночью Крот прокопал подземный ход до места, где спала девушка, и вынул ее сердце. Он вернулся тем же путем и отдал сердце мужчине, который не мог его увидеть, даже когда оно было положено ему в руку. «Вот, — сказал Крот, — проглоти его, и она будет притягиваться к тебе и не сможет удержаться». Мужчина проглотил сердце, и когда девушка проснулась, она почему-то сразу же подумала о нем и почувствовала странное желание быть с ним, как будто она должна была немедленно пойти к нему. Она удивилась и не могла этого понять, потому что раньше она всегда его не любила, но в конце концов это чувство стало настолько сильным, что она была вынуждена сама пойти к мужчине и сказать ему, что любит его и хочет быть его женой. И так они поженились, но все волшебники, которые знали их обоих, были удивлены и гадали, как это произошло. Когда они узнали, что это было делом крота, которого они всегда считали слишком незначительным, чтобы обращать на него внимание, они очень позавидовали и пригрозили убить его, так что он спрятался под землей и с тех пор не смел выходить на поверхность.

31. Побег черепахи от волков

Опоссум и черепаха отправились вместе на охоту за хурмой и нашли дерево, усыпанное спелыми плодами. Опоссум залез на дерево и бросал хурму черепахе, когда появился волк и начал хватать плоды, прежде чем черепаха успевала их достать. Опоссум дождался своего шанса и наконец сумел сбросить вниз большой плод (некоторые говорят, что это была кость, которую он носил с собой), так что тот застрял в горле волка, когда тот прыгнул за ним, и задушил его. «Я возьму его уши для ложек из кукурузной крупы», — сказал черепаха, отрезал уши волка и отправился домой с ними, оставив опоссума, который все еще ел хурму на дереве. Через некоторое время он подошел к дому и был приглашен попробовать кашу *канахена* из кувшина, который всегда стоит у двери. Он сел рядом с кувшином и зачерпнул кашу одним из волчьих ушей, используя его в качестве ложки. Люди заметили это и удивились. Когда он наелся, он пошел дальше, но вскоре подошел к другому дому, где его пригласили съесть еще канахены. Он снова окунул ложку из уха волка и пошел дальше, когда наелся. Вскоре разнеслась весть, что черепаха убила волка и использует его уши в качестве ложек. Все волки собрались вместе и пошли по следам черепахи, пока не нашли ее и не взяли в плен. Затем они созвали совет, чтобы решить, что с ним делать, и решили сварить его в глиняном горшке. Они принесли горшок, но черепаха только рассмеялась и сказала, что если они положат ее в эту штуку, она разорвет ее на куски. Они сказали, что сожгут ее в огне, но черепаха снова рассмеялась и сказала, что потушит огонь. Тогда они решили бросить его в самую глубокую яму в реке и утопить. Черепаха умоляла и просила их не делать этого, но они не обратили на нее внимания, оттащили ее к реке и бросили в воду. Это было именно то, чего черепаха ждала все это время, и она нырнула под воду, вынырнула на другой стороне и сбежала.

Некоторые говорят, что когда его бросили в реку, он ударился о камень, который сломал ему спину в дюжине мест. Он спел лечебную песню:

Gû'daye'wû, Gû'daye'wû,

Я сшил себя, я сшил себя,

и куски соединились, но шрамы остались на его панцире до сих пор.

32. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАНЦА СУРКИ: ГОЛОВА СУРКИ

Однажды семь волков поймали сурка и сказали: «Теперь мы убьем тебя и будем иметь что поесть». Но сурок ответил: «Когда мы находим хорошую пищу, мы должны радоваться ей, как люди в танце зеленого кукурузы. Я знаю, что вы хотите убить меня, и я ничего не могу поделать, но если вы хотите танцевать, я спою для вас. Это совершенно новый танец. Я буду по очереди прислоняться к семи деревьям, а вы будете танцевать, а затем поворачиваться и возвращаться, когда я дам сигнал, и на последнем повороте вы сможете убить меня».

Волки были очень голодны, но они хотели научиться новому танцу, поэтому сказали ему, чтобы он продолжал. Сурок прислонился к дереву и начал песню *Ha'wiye'ĕhĭ'*, и все волки танцевали впереди, пока он не дал сигнал *Yu!* и не начал *Hi'yagu'wĕ*, когда они развернулись и танцевали обратно в линию. «Хорошо», — сказал сурок, подошел к следующему дереву и начал вторую песню. Волки танцевали, а затем по сигналу развернулись и снова танцевали в линию. «Очень хорошо», — сказал сурок, подошел к другому дереву и начал третью песню. Волки танцевали как могли, а Сурок подбадривал их, но с каждой песней он переходил к другому дереву, и каждое дерево было немного ближе к его норе под пнем. При седьмой песне он сказал: «Теперь это последний танец, и когда я скажу *«Ю!»*, вы все повернетесь и пойдете за мной, и тот, кто доберётся до меня, сможет меня забрать». Итак, он начал седьмую песню и продолжал ее, пока « »

волки не оказались впереди. Затем он дал сигнал *«Ю!»* и прыгнул к своей норе. Волки повернулись и бросились за ним, но он первым добрался до норы и нырнул в нее. Как только он оказался внутри, самый первый волк схватил его за хвост и так сильно дернул, что тот отломился, и с тех пор хвост сурка остался коротким.

Неприятный запах головы сурка был дан ему другими животными в наказание за оскорбительное замечание, сделанное им на совете. История вульгарная, без достаточного остроумия, чтобы ее стоило записывать.

33. МИГРАЦИЯ ЖИВОТНЫХ

В старые времена, когда животные разговаривали и проводили советы, а червь и сурок женились на людях, однажды в горах случился большой голод, и все животные и птицы, которые питались желудями, собрались вместе и послали голубя в низину, чтобы посмотреть, можно ли найти там пищу. Через некоторое время она вернулась и сообщила, что нашла землю, где орехи лежали «по колено» на земле. Тогда они собрались и переселились в низину большой армией.

34. МЕСТЬ ВОКА — ВОК И СОБАКА

Канати имел волков, которые охотились для него, потому что они были хорошими охотниками и никогда не подводили. Однажды он отправил сразу двух волков. Один пошел на восток и не вернулся. Другой пошел на север, и когда он вернулся ночью и не нашел своего товарища, он понял, что с ним что-то не так, и отправился на его поиски. Пройдя некоторое время, он нашел своего брата, лежащего почти мертвым рядом с большой зеленой змеей (*саликвайи*), которая напала на него. Сама змея была слишком тяжело ранена, чтобы уползти, и разъяренный волк, обладавший магическими способностями, вырвал несколько волос из своих усов, бросил их в тело змеи и убил ее. Затем он поспешил обратно к Канати, который послал Черепаху за великим врачом, жившим на западе, чтобы спасти раненого волка. Волк вернулся, чтобы помочь своему брату, и благодаря своим магическим силам вылечил его задолго до того, как врач прибыл с запада, потому что Черепаха была очень медлительным путешественником, а врач должен был приготовить свои корни, прежде чем отправиться в путь.

Вначале, по словам людей, Собака была помещена на гору, а Волк — рядом с костром. Когда наступила зима, Собака не могла выдержать холода, поэтому спустилась в поселение и прогнала Волка от костра. Волк убежал в горы, где ему так понравилось, что он процветал и размножался, пока через некоторое время он снова не осмелился спуститься вниз и убить несколько животных в поселениях. Люди собрались, пошли за ним и убили его, но его братья пришли из гор и отомстили так, что с тех пор люди боятся причинять вред волкам.

Мифы о птицах

35. ПТИЧЬИ ПЛЕМЕНА

Все виды крылатых существ объединены общим термином *aninâ'hilidâ'hĭ* (летающие). Птицы называются, как в единственном, так и во множественном числе, *tsi'skwa*, причем этот термин, как правило, не включает домашнюю птицу, завезенную белыми. Когда необходимо провести различие, они упоминаются, соответственно, как *inăgĕhĭ* (живущие в лесах) и *uluñni'ta* (ручные). Красношейка называется *tsiskwa'gwă*, это название не поддается анализу, а маленький воробей называется *tsiskwâ'yă* (настоящая или главная птица), возможно, в соответствии с принципом индейской номенклатуры, из-за его широкого распространения. Как и в других языках, многие названия птиц являются ономатопеями, например, *wa'huhu'* (кричащая сова), *u'guku'* (ухающая сова), *wagulĭ'* (американец), *kâgû* (ворона), *gŭgwĕ'* (перепел), *huhu* (желтая пересмешница), *tsĭ'kĭlilĭ'* (синица), *sa'sa'* (гусь). Горлица называется *gulĕ'-diska'nihĭ'* (она кричит о желудях) из-за сходства ее крика со звуком слова «желудь» (*gulĕ'*). Полевой жаворонок называется *năkwĭsĭ'* (звезда) из-за внешнего вида его хвоста, когда он расправляется во время полета. Поползень (*Sitta carolinensis*) называется *tsulie'na* (глухой) и считается лишенным слуха, возможно, из-за его бесстрашного пренебрежения присутствием человека. Некоторые болезни диагностируются врачами как вызванные птицами, будь то мстительные призраки птиц, птичьи перья в доме или тени птиц, падающие на пациента сверху.

Орел (*awâ'hĭlĭ*) является великой священной птицей чероки, как и почти всех наших коренных племен, и занимает видное место в их церемониальных ритуалах, особенно во всем, что касается войны. Особо ценился золотой или военный орел (*Aquila chrysætus*), называемый чероки «орлом с красивыми перьями» из-за его прекрасных хвостовых перьев, белых с черными кончиками, которые были так востребованы для декоративных и церемониальных целей, что среди западных племен один хвост часто оценивался как равный по стоимости лошади. В старину среди чероки убийство орла было событием, которое касалось всего поселения, и его мог совершить только профессиональный убийца орлов, регулярно выбираемый для этой цели из-за его знания предписанных форм и молитв, которые нужно было произносить после этого, чтобы получить прощение за необходимое святотатство и таким образом отвратить месть от племени. Рассказывают об одном человеке из резервации, который, умышленно убив орла в нарушение предписаний, постоянно преследовался снами о свирепых орлах, набрасывающихся на него, пока кошмар не был наконец изгнан после длительного лечения священником. В 1890 году среди восточных чероки остался только один убийца орлов. Не похоже, что орлов когда-либо ловили живыми, как это делали племена равнин.

Орла можно было убивать только зимой или поздней осенью, после сбора урожая и ухода змей в свои норы. Если его убивали летом, то мороз уничтожал бы кукурузу, а песни танца орла, когда перья приносили домой, так разгневали бы змей, что они стали бы вдвойне опасными. Поэтому песни орла никогда не пели, пока змеи не уходили на зимнюю спячку.

Когда жители города решали устроить танец орла, приглашали охотника на орлов ( ), часто из далекого поселения, чтобы он добыл перья для этого случая. Ему платили за его услуги из пожертвований, сделанных позже во время танца, и, поскольку немногие профессионалы тщательно охраняли свои секреты от посторонних, их дело было довольно прибыльным. После некоторой предварительной подготовки охотник на орлов отправляется в горы в одиночку, взяв с собой ружье или лук и стрелы ( ). Добравшись до гор, он проводит бдение с молитвами и постом,

которое может длиться четыре дня, после чего он охотится, пока ему не удается убить оленя. Затем, поместив тушу в удобном открытом месте на одном из самых высоких утесов, он скрывается поблизости и начинает тихо напевать песни, чтобы привлечь орлов с неба. Когда орел садится на тушу, что происходит почти сразу, если певец знает свое дело, он стреляет в него, а затем, стоя над мертвой птицей, обращается к ней с молитвой, в которой просит ее не мстить его племени, потому что это не чероки, а испанец (*Askwa'nĭ*) совершил это деяние. Выбор такой заместительной жертвы мести свидетельствует как о древности молитвы в ее нынешнем виде, так и о неизгладимом впечатлении, которое жестокость ранних испанских авантюристов произвела на коренных жителей.

Рис. 1 — Перьевая палочка для танца Орла (изготовлена Джоном Аксом).

Закончив молитву, он оставляет мертвого орла там, где он упал, и спешит в поселение, где люди с нетерпением ждут его возвращения. Встретив первых воинов, он просто говорит: «Снежная птица умерла» и сразу же направляется в свои апартаменты, поскольку его работа теперь закончена. Объявление делается в такой форме, чтобы застраховаться от мести орлов, которые могли бы подслушать, поскольку маленькая снежная птица считается слишком незначительным существом, чтобы ее бояться.

Подождав четыре дня, чтобы дать время паразитирующим насекомым покинуть тело, охотники, уполномоченные для этой цели, отправляются за перьями. Прибыв на место, они снимают с тела большие хвостовые и крыльчатые перья, которые заворачивают в свежую оленью шкуру, принесенную с собой, а затем возвращаются в поселение, оставляя тело мертвого орла на земле вместе с телом убитого оленя, который предназначен в жертву духам орлов. По прибытии в поселение перья, все еще завернутые в оленью шкуру, вешают в небольшой круглой хижине, построенной специально для этой цели у края танцевальной площадки (*detsănûñ'lĭ*) и известной как место, «где хранятся перья», или дом перьев. В некоторых поселениях было по два таких дома перьев, по одному на каждом конце танцевальной площадки. Танец орла проводился в ночь того

же дня, когда приносили перья, после того как все необходимые приготовления были сделаны заранее. Между тем, поскольку перья, как полагали, были голодны после путешествия, под ними на землю ставили блюдо с олениной и кукурузой и приглашали их поесть. С той же целью вместе с перьями подвешивали тушку льна или алого танагера (*Piranga rubra*). Пища, поданная перьям, после танца утилизировалась, как описано в другом месте.

Орел считается великим адавехи, поэтому только величайшие воины и те, кто хорошо знаком со священными обрядами, осмеливаются носить его перья или использовать их в танце. Если кто-либо из жителей поселения видит во сне орла или орлиные перья, он должен при первой же возможности организовать танец орла с обычным бдением и постом, иначе кто-то из его семьи умрет. Если насекомые-паразиты, которые заражают перья птицы при жизни, попадут на человека, они вызовут кожную болезнь, которая обязательно разовьется, даже если она может оставаться в латентном состоянии в течение многих лет. Именно по этой причине тело орла оставляют на земле на четыре дня, прежде чем принести его в поселение.

Ворон (*kâ'lănû*) иногда встречается в горах, но не занимает видное место в народных верованиях, за исключением страшных рассказов о Вороне-насмешнике (см. соответствующую статью). В прежние времена его имя иногда принималось в качестве военного титула. Ворона, занимающая видное место в мифологии других племен, по-видимому, не встречается в мифологии чероки. Существует три разновидности сов ( ), каждая из которых имеет свое название: *tskĭlĭ'* — темная рогатая сова (*Bubo virginianus saturatus*); *u'guku'* — полосатая или ухающая сова (*Syrnium nebulosum*) и *wa'huhu'* — визжащая сова (*Megascops asio*). Первое из этих имен означает «ведьма», остальные являются ономатопеями. Совы и другие ночные птицы считаются воплощением призраков или замаскированных ведьм, и их крик вызывает страх как звук дурного предзнаменования. Если глаза ребенка омыть водой, в которой была замочена одна из длинных крыльев или хвостовых перьев совы, ребенок сможет не спать всю ночь. Перо должно быть найдено случайно, а не приобретено специально для этой цели. С другой стороны, если натереть глаза водой, в которой было замочено перо голубой сойки, полученное таким же образом, ребенок будет рано просыпаться.

Говорят, что канюк (*sulĭ'*) принимал участие в формировании Земли, как рассказывается в мифе о сотворении мира. Он считается врачом среди птиц и соответственно уважается, хотя его перья никогда не носят игроки в мяч из-за страха облысеть. Его собственное облысение объясняется вульгарной историей. Поскольку он питается падалью и гниющими остатками, считается, что он не подвержен болезням, особенно инфекционным, и небольшое количество его мяса, съеденное или использованное в супе для омовения, считается надежным средством профилактики оспы и использовалось для этой цели во время эпидемии оспы среди восточных чероки в 1866 году. Согласно рукописи Вахненаухи, также считается, что перо канюка, помещенное над дверью хижины, отгоняет ведьм. При лечении огнестрельных ранений лекарство вдувается в рану через трубочку, вырезанную из пера канюка, а затем на рану кладут немного пуха канюка.

О ястребах известно очень мало, за исключением великого мифического ястреба *Tlă'nuwă'*. *Tlă'nuwă' usdi'*, или «маленький tlă'nuwă», описывается как птица размером примерно с индюка и серо-голубого цвета, которая следовала за стаями диких голубей, летая над ними и время от времени пикируя на жертву, которую она поражала и убивала своим острым клювом, а затем съедала на лету, не приземляясь. Вероятно, это ястреб-тетеревятник (*Astur atricapillus*).

Обыкновенная болотная курочка, известная местным жителям как mudhen или didapper (*Gallinula galeata*), называется *diga'gwanĭ'* (хромой или калекой) из-за своей привычки летать только на очень короткие расстояния за раз. В танце « Diga'gwanĭ' » исполнители поют имя птицы, а « » пытаются имитировать ее прерывистые движения. *Дагулку*, или белолобый гусь (*Anser albifrons*),

появляется в связи с мифом о происхождении табака. Перья *цквайи*, большой белой цапли или американской белой цапли (*Herodias egretta*), носят игроки в мяч, и эта птица, вероятно, является «лебедем», чье белое крыло использовалось в древности как символ мира.

ФОТОГРАФИЯ АВТОРА, 1888

САВАНУГИ, ИГРОК В МЯЧ В ЧЕРОКИ

Редкая птица, которую, как говорят, много лет назад иногда видели в резервации , носили любопытное название *nûñdă-dikanĭ'*, «она смотрит на солнце», «солнцегледалка». Ее описывают как птицу, похожую на синего журавля ( ), и, возможно, это была *Floridus cerulea*, или малая синяя цапля. Еще одним редким гостем, который иногда пролетал над горной местностью в компании

стай диких гусей, был *gu'wisguwĭ'*, названный так из-за своего крика. Его описывают как похожего на большую бекасу, с желтыми ногами и лапами без перепонок, и считается, что он периодически посещает индейскую территорию. Он примечателен главным образом тем, что знаменитый вождь Джон Росс получил свое индейское имя, Gu'wisguwĭ', от этой птицы, и это имя увековечено в районе Cooweescoowee нации чероки на западе.

Другой случайный гость, о котором среди стариков восточных чероки ходит много любопытных догадок, назывался *tsun'digwûntsu''gĭ* или *tsun'digwûn'tskĭ*, «раздвоенный», что относится к его хвосту. Он появился только однажды, на короткое время, около сорока лет назад, и с тех пор больше не видели. Говорят, что оно было бледно-голубого цвета с красными пятнами, размером почти с ворону, и имело длинный раздвоенный хвост, как у рыбы. Оно охотилось на шершней, которых ловило в полете, а также питалось личинками в гнездах. Появляясь неожиданно и так же внезапно исчезая, он считался не птицей, а превратившейся рыбой-красной лошадкой (*Moxostoma,* Cherokee *âligă'*), и эта теория подтверждалась красными пятнами и длинным раздвоенным хвостом. Даже утверждается, что примерно в то время, когда эти птицы впервые появились, некоторые охотники на Оконалуфти видели семерых из них, сидящих на ветке дерева, и они все еще имели форму красной рыбы, хотя у них уже были крылья и перья. Несомненно, это был ножниковый или ласточковый мухолов (*Milvulus forficatus*), который в основном обитает в Техасе и прилегающих регионах, но иногда забредает в восточные штаты.

Из-за красного выроста на горле индейки, напоминающего зобу, известную на Юге как «зерна» (чероки, *dule'tsĭ*), перья этой птицы не носят игроки в мяч, а шею не разрешается есть детям и больным людям из-за опасения, что это приведет к появлению «зерен». Мясо тетерева, известного местным жителям как фазан (*Bonasa umbellus*), запрещено беременным женщинам, поскольку эта птица высиживает большое количество птенцов, но теряет большинство из них до достижения ими зрелости. Согласно более строгому толкованию этой теории, это мясо запрещено женщинам до тех пор, пока они не перестанут быть детородными.

Красная птица, *tatsu'hwă*, по поверьям, изначально была дочерью Солнца (см. рассказ). *Xyxy*, или желтая пересмешница, встречается в нескольких рассказах. Она считается чем-то сверхъестественным, возможно, из-за своей способности подражать, и ее сердце дают детям, чтобы они быстрее учились.

Чикадея (*Parus carolinensis*), *tsĭkĭlilĭ'*, и пушистая синица (*Parus bicolor*), *utsu''gĭ* или *u'stûtĭ*, считаются носителями новостей , но одна из них почитается как правдивая, а другая высмеивается как лживая, по причинам, которые объясняются в истории о Нуньюнуви (см. там же). Когда tsĭkĭlilĭ' садится на ветку возле дома и щебечет, это считается предзнаменованием того, что скоро появится известие от отсутствующего друга или что тайный враг замышляет зло. В подтверждение этого поверья рассказывается много историй, среди которых можно привести пример Тома Старра, бывшего известного преступника из племени чероки на западе, который однажды, не подозревая об этом, собирался войти в засаду, устроенную для него на узкой тропе, когда услышал предупреждающий крик tsĭkĭlilĭ', и, резко развернувшись, побежал вверх по склону холма и сумел спастись, хотя его враги горячо преследовали его.

36. ИГРА В МЯЧ ПТИЦ И ЖИВОТНЫХ

Однажды животные вызвали птиц на великую игру в мяч, и птицы приняли вызов. Лидеры договорились и назначили день, и когда настало время, обе стороны встретились в месте для танца с мячом: животные на ровном травянистом дне у реки, а птицы на верхушках деревьев над хребтом. Капитаном животных был Медведь, который был настолько силен и тяжел, что мог сбить с ног любого, кто вставал у него на пути. Всю дорогу до места бала он подбрасывал большие

бревна, чтобы продемонстрировать свою силу, и хвастался тем, что он сделает с птицами, когда начнется игра. Черепаха тоже была с животными — не та маленькая, что у нас есть сейчас, а большая первоначальная Черепаха. Его панцирь был настолько твердым, что даже самые сильные удары не могли его повредить, и он то и дело поднимался на задние лапы и тяжело опускался на землю, хвастаясь, что именно так он будет давить любую птицу, которая попытается отобрать у него мяч. Еще был Олень, который мог обогнать любое другое животное. В целом это была отличная компания.

У птиц капитаном был Орел, а также Ястреб и великий Тланува, все быстрые и сильные в полете, но все же они немного боялись животных. Танец закончился, и все они чистили перья на деревьях и ждали, когда капитан даст команду, как вдруг появились две маленькие существа, едва ли больше полевых мышей, которые залезли на дерево, на котором сидел капитан птиц. Наконец они достигли вершины и, ползком пробравшись по ветке к месту, где сидел капитан-орел, попросили разрешения присоединиться к игре. Капитан посмотрел на них и, увидев, что они четвероногие, спросил, почему они не пошли к животным, к которым они принадлежат. Маленькие существа сказали, что они пошли, но животные посмеялись над ними и прогнали их, потому что они были такие маленькие. Тогда капитан-птица пожалел их и захотел взять их с собой.

Но как они могли присоединиться к птицам, если у них не было крыльев? Орел, Ястреб и другие посовещались и наконец решили сделать крылья для маленьких существ. Они долго думали, что можно использовать, пока кто-то не вспомнил о барабане, который они использовали в танце. Головка барабана была сделана из шкуры сурка, и, возможно, они могли бы отрезать уголок и сделать из него крылья. Так что они взяли два куска кожи с барабанной головки, вырезали из них крылья, растянули их с помощью тростниковых шин и прикрепили к передним лапам одного из маленьких животных, и таким образом появился *Тламеха*, Летучая мышь. Они бросили ему мяч и сказали, чтобы он его поймал, и по тому, как он уворачивался и кружил, держа мяч всегда в воздухе и не давая ему упасть на землю, птицы скоро поняли, что он будет одним из их лучших игроков.

Теперь они хотели приспособить другого маленького зверька, но всю кожу они израсходовали на изготовление крыльев для Летучей мыши, и времени за новой кожей не было. Кто-то сказал, что можно растянуть его кожу, и тогда две большие птицы схватили его с противоположных сторон своими сильными клювами и, тянув за шерсть в течение нескольких минут, сумели растянуть кожу с каждой стороны между передними и задними лапами, и так появился *Тева*, Летучая белка. Чтобы проверить его, капитан птиц подбросил мяч, и летучая белка прыгнула с ветки за ним, поймала его зубами и перенесла через воздух на другое дерево почти на противоположном конце поля.

Когда все были готовы, был дан сигнал, и игра началась, но почти с первого броска Летучая Белка поймала мяч и унесла его на дерево, с которого бросила его птицам, которые некоторое время держали его в воздухе, пока он не упал. Медведь бросился за ним, но ласточка устремилась за ним и бросила его летучей мыши, которая летела близко к земле, и, уклоняясь и уворачиваясь, удержала его даже от оленя, пока наконец не бросила его между столбами и не выиграла игру для птиц.

Медведь и черепаха, которые так хвастались тем, что они сделают, так и не получили возможности даже прикоснуться к мячу. За то, что он спас мяч, когда тот упал, птицы потом подарили ласточке тыкву, в которой она построила свое гнездо, и она до сих пор у нее есть.

37. КАК ИНДЕЙКА ПОЛУЧИЛА СВОЮ БОРОДУ

Когда черепаха выиграла гонку у кролика (см. рассказ), все животные удивлялись и много об этом говорили, потому что они всегда считали черепаху медлительной, хотя знали, что она была воином и знала много секретов волшебства. Но индюк не был удовлетворен и сказал другим, что в этом должно быть какое-то уловка. Он сказал: «Я знаю, что черепаха не может бегать — она едва может ползать — и я собираюсь проверить его».

И вот однажды Индюк встретил Черепаху, возвращавшуюся с войны со свежим скальпом, висевшим у нее на шее и волочившимся по земле, когда она шла. Индюк рассмеялся при этом виде и сказал: «Этот скальп не идет тебе. У тебя шея слишком короткая и низкая, чтобы носить его таким образом. Позволь мне показать тебе».

Черепаха согласилась и отдала скальп индюку, который прикрепил его к своей шее. «Теперь, — сказал индюк, — я пройду немного, и ты сможешь посмотреть, как это выглядит». Он прошел немного вперед, затем повернулся и спросил черепаху, как ей это нравится. Черепаха ответила: «Выглядит очень хорошо, тебе идет».

«Теперь я закреплю его по-другому, и ты посмотришь, как это будет выглядеть», — сказал Индюк. Он снова потянул за веревку и снова пошел вперед. «О, это очень красиво», — сказал Черепаха. Но Индюк продолжал идти, и когда Черепаха позвал его, чтобы он вернул скальп, он только ускорил шаг и побежал. Тогда черепаха достала свой лук и своим волшебным искусством выпустила несколько тростниковых стрел в ногу индейки, чтобы она не могла бежать, что объясняет наличие множества маленьких косточек в ноге индейки, которые совершенно бесполезны; но черепаха так и не поймала индейку, которая до сих пор носит скальп на шее.

38. ПОЧЕМУ ИНДЕЙКА ГУГЛИТ

Теперь индюк не имел хорошего голоса и не мог громко кричать во время игры в мяч. В те времена все животные и птицы играли в мяч и были так же горды своим громким криком, как и современные игроки в мяч. У индейки не было хорошего голоса, поэтому она попросила тетерева дать ей уроки. Тетерев согласился научить ее, но хотел получить вознаграждение за свои труды, и индейка пообещала дать ему несколько перьев, чтобы он мог сделать себе воротник. Так тетерев получил свой воротник из индюшиных перьев. Они начали уроки, и индейка училась очень быстро, пока тетерев не решил, что пришло время попробовать ее голос. «Теперь, — сказал тетерев, — я встану на это дупло, и когда я дам сигнал, постучав по нему, ты должен крикнуть так громко, как только сможешь». Итак, он встал на бревно, готовый постучать по нему, как это делает тетерев, но когда он дал сигнал, индюк был так взволнован и возбужден, что не смог поднять голос для крика, а только загоргожал, и с тех пор он горгочет всякий раз, когда слышит шум.

39. КАК ЗОЛОТОГЛАЗКА ПОЛУЧИЛА СВОЙ КЛОВ

Некоторые старики говорят, что вначале зимородок должен был быть водоплавающей птицей, но так как ему не дали ни перепончатых лап, ни хорошего клюва, он не мог зарабатывать себе на жизнь. Животные созвали совет и решили сделать ему клюв, похожий на длинное острое шило для рыболовного копья (рыболовного копья). Так они сделали ему рыболовное копье и прикрепили его перед его ртом. Он полетел на верхушку дерева, вылетел и бросился в воду, а затем поднялся с рыбой на своем копье. И с тех пор он является лучшим рыболовом.

Другие говорят, что все было так: черная змея нашла гнездо желтого дрозда ( ) в дупле дерева и, проглотив птенцов, свернулась калачиком, чтобы поспать в гнезде, где ее нашла мать птиц, когда

вернулась домой. Она пошла за помощью к маленьким людям, которые отправили ее к зимородку ( ). Он прилетел, несколько раз пролетел туда и обратно мимо дупла, а затем одним рывком схватил змею и вытащил ее мертвой. Когда они посмотрели, то обнаружили в голове змеи отверстие, которое ловка проделал тонкой рыбой *тугалуна*, которую он нес в клюве, как копье. Из этого маленькие люди сделали вывод, что он был бы первоклассным охотником, если бы только у него было подходящее копье, поэтому они отдали ему его длинный клюв в качестве награды.

40. КАК КУРЧАТА ПОЛУЧИЛА СВОЙ СВИСТОК

В старые времена черепаха имела прекрасный свисток, а куропатка не имела его. Черепаха постоянно ходила, свистела и показывала свой свисток другим животным, пока куропатка не позавидовала ей, и однажды, когда они встретились, куропатка попросила разрешения попробовать его. Черепаха сначала побоялась рискнуть, подозревая какой-то трюк, но куропатка сказала: «Я сразу же верну его, а если ты боишься, можешь остаться со мной, пока я буду практиковаться». Черепаха отдала ему свисток, и куропатка ходила вокруг, красиво дуя в него. «Как у меня получается?» — спросила куропатка. «О, у тебя очень хорошо получается», — ответила черепаха, идя рядом. «А теперь, как тебе?» — спросила куропатка, бежав вперед и свистя немного быстрее. «Отлично», — ответил черепаха, спеша не отставать, — «но не беги так быстро». «А теперь, как тебе это?» — крикнул куропатка, и с этими словами он расправил крылья, дал один длинный свист и взлетел на верхушку дерева, оставив бедную черепаху смотреть на него с земли. Черепаха так и не смогла восстановить свой свист, и из-за этого, а также из-за потери скальпа, который украл у нее индюк, она стала стесняться появляться на глазах у других и с тех пор закрывается в своей коробке, когда кто-то приближается к ней.

41. КАК КРАСНАЯ ПТИЦА ПОЛУЧИЛА СВОЙ ЦВЕТ

Однажды енот, проходя мимо волка, сделал несколько оскорбительных замечаний, пока наконец волк не рассердился, развернулся и не погнался за ним. Енот бежал изо всех сил и успел добежать до дерева на берегу реки, прежде чем волк догнал его. Он залез на дерево и растянулся на ветке, нависающей над водой. Когда волк подошел, он увидел отражение в воде и, думая, что это енот, прыгнул на него и чуть не утонул, прежде чем смог выбраться обратно, весь мокрый и капающий. Он лег на берегу, чтобы высохнуть, и заснул, а пока он спал, енот спустился с дерева и заклеил ему глаза навозом. Когда волк проснулся, он обнаружил, что не может открыть глаза, и начал скулить. Мимо пролетела маленькая коричневая птичка, услышала плач волка и спросила, в чем дел . Волк рассказал ей свою историю и сказал: «Если ты поможешь мне открыть глаза, я покажу тебе, где найти красивую красную краску, чтобы ты мог покрасить себя». «Хорошо», — сказал коричневый птица; и он клевал глаза Волка, пока не снял всю штукатурку. Затем Волк отнес его к скале, по которой тянулись полосы ярко-красной краски, и маленькая птица покрасила себя ею и с тех пор стала Красной птицей.

42. ФАЗАН, МОЛОТЯЩИЙ ЗЕРНО; ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАНЦА ФАЗАНОВ

Однажды фазан увидел женщину, которая молотила кукурузу в деревянной ступе перед домом. «Я тоже так могу», — сказал он, но женщина не поверила ему, поэтому фазан пошел в лес, забрался на дупло и «барабанил» крыльями, как это делают фазаны, пока люди в доме не услышали его и не подумали, что он действительно молотит кукурузу.

В танце фазана, который является частью танца зеленого кукурузы, используется барабан, и танцоры стучат ногами по земле, имитируя звук барабана, издаваемый фазаном. Они образуют два концентрических круга, мужчины находятся внутри, лицом к женщинам во внешнем кругу, и по сигналу барабанщика, который сидит сбоку и поет песни фазана, по очереди выдвигаются вперед и отступают назад. Согласно легенде, однажды среди птиц и животных наступил зимний голод. В лесу не было маста (упавших орехов), и они были близки к голодной смерти, когда фазан обнаружил падуб, усыпанный красными ягодами, которые, как говорят, фазан особенно любит. Он позвал своих товарищей-птиц, и они образовали круг вокруг дерева, пели, танцевали и барабанили крыльями в знак своей радости, и так возник танец фазана.

43. СОСТЯЗАНИЕ МЕЖДУ ЖУРАВЛЕМ И КОЛТИСТЫМ КОЛТИСТЫМ

Колибри и журавль были влюблены в одну и ту же красивую женщину. Она предпочитала колибри, который был так же красив, как журавль был неуклюж, но журавль был настолько настойчив, что, чтобы избавиться от него, она наконец сказала ему, что он должен вызвать другого на гонку, и она выйдет замуж за победителя. Колибри был так быстр — почти как молния — а журавль так медленен и тяжел, что она была уверена, что колибри победит. Она не знала, что журавль может летать всю ночь.

Они договорились стартовать от ее дома и облететь круг земли до начала, и тот, кто придет первым, женится на девушке. С этими словами Колибри вылетел как стрела и в мгновение ока исчез из виду, оставив своего соперника тяжело следовать за ним. Он летел весь день, и когда наступил вечер и он остановился, чтобы переночевать, он был далеко впереди. Но Журавль летел неустанно всю ночь, обогнав Колибри вскоре после полуночи и продолжая лететь, пока не долетел до ручья и не остановился отдохнуть на рассвете. Колибри проснулся утром и снова полетел, думая, как легко он выиграет гонку, пока не достиг ручья и не обнаружил там журавля, который своим длинным клювом ловил головастиков на завтрак. Он был очень удивлен и задался вопросом, как это могло произойти, но быстро пролетел мимо и вскоре снова оставил журавля вне поля зрения.

Журавль закончил свой завтрак и продолжил путь, а когда наступил вечер, он продолжал, как и раньше. На этот раз было едва полночь, когда он обогнал колибри, спящего на ветке, а утром он закончил свой завтрак до того, как тот поднялся. На следующий день он опередил его еще немного, а на четвертый день он ловил головастиков на ужин, когда колибри обогнал его. На пятый и шестой день Колибри появился только поздно днем, а на утро седьмого дня Журавль опередил его на целую ночь. Он не торопясь позавтракал, а затем привел себя в порядок у ручья и ранним утром прибыл к месту старта, где жила женщина. Когда Колибри прибыл днем, он обнаружил, что проиграл гонку, но женщина заявила, что никогда не выйдет замуж за такого уродливого парня, как Журавль, и осталась незамужней.

44. СОВЫ ВЫХОДЯТ ЗАМУЖ

Вдова с одной дочерью всегда предупреждала девушку, что она должна обязательно выйти замуж за хорошего охотника. Молодая женщина слушала и обещала поступить так, как советовала мать. Наконец, к матери пришел жених, чтобы просить руки девушки, но вдова сказала ему, что только хороший охотник может получить ее дочь. «Я как раз такой», — сказал жених и снова попросил ее поговорить с девушкой. Мать пошла к дочери и рассказала ей, что пришел молодой человек, и, поскольку он сказал, что он хороший охотник, она посоветовала дочери выйти за него замуж. «Как скажешь», — ответила девушка. Когда он пришел снова, все было решено, и он пошел жить с девушкой.

На следующее утро он собрался и сказал, что пойдет на охоту, но перед тем, как выйти, передумал и сказал, что пойдет на рыбалку. Он отсутствовал весь день и вернулся домой поздно ночью, принеся только трех маленьких рыбок, сказав, что ему не повезло, но завтра у него будет больше успеха. На следующее утро он снова отправился на рыбалку и отсутствовал весь день, но вернулся домой ночью только с двумя бесполезными весенними ящерицами (*duwĕ'gă*) и той же самой отмазкой. На следующий день он сказал, что на этот раз пойдет на охоту. Он снова отсутствовал до ночи и, наконец, вернулся с горсткой обрывков, которые нашел там, где охотники разделали оленя ( ).

К этому времени старуха уже заподозрила неладное. Поэтому на следующее утро, когда он снова отправился, как он сказал, на рыбалку, она велела дочери тайно проследить за ним и посмотреть, чем он занимается. Девушка прошла через лес и следила за ним, пока он не спустился к реке, где она увидела, как ее муж превратился в сову (*угуку*) и полетел к куче коряг в воде, крича: *«У-гу-ку! Ху! Ху! У! У!»* Она была удивлена и очень рассержена и сказала себе: «Я думала, что вышла замуж за мужчину, но мой муж — всего лишь сова». Она наблюдала и видела, как сова долго смотрела в воду, а потом наконец пикировала вниз и подняла в когтях горсть песка, из которой выбрала рака. Затем она перелетела на берег, снова приняла облик человека и отправилась домой с раком. Его жена поспешила вперед через лес и добралась туда раньше него. Когда он вошел с раком в руке, она спросила его, где все рыбы, которых он поймал. Он ответил, что у него нет ни одной, потому что сова всех их спугнула. «Я думаю, что ты и есть сова», — сказала его жена и выгнала его из дома. Сова ушла в лес и там томилась от горя и любви, пока на ее теле не осталось ни грамма плоти, кроме головы.

45. ХУХУ ВЫХОДИТ ЗАМУЖ

Вдова, у которой была только дочь, но не было сына, с трудом зарабатывала на жизнь и постоянно настаивала на том, что в семье должен быть мужчина, который был бы хорошим охотником и мог бы помогать в поле. Однажды вечером в дом пришел незнакомый поклонник, и когда девушка сказала ему, что может выйти замуж только за хорошего работника, он заявил, что он именно такой человек; тогда девушка поговорила с матерью, и по ее совету они поженились.

На следующее утро вдова дала своему новому зятю мотыгу и отправила его на кукурузное поле. Когда завтрак был готов, она пошла звать его, следуя за звуком, похожим на то, как кто-то мотыгает каменистую почву, но когда она подошла к тому месту, то обнаружила только небольшой круг взрыхленной земли и никаких следов своего зятя. Вдали, в зарослях, она услышала крик уху.

Он не пришел и на обед, и когда вечером вернулся домой, старуха спросила его, где он был весь день. «Тяжело работал», — ответил он. «Но я не видела тебя, когда приходила звать тебя на завтрак». «Я был в зарослях, рубил палки, чтобы огородить поле», — сказал он. «Но почему ты не пришел на обед?» «Я был слишком занят работой», — сказал он. Старуха успокоилась, и они поужинали вместе.

Рано утром он отправился на работу с мотыгой на плече. Когда завтрак был готов, старуха снова пошла его звать, но не нашла его, только мотыгу, лежащую на месте, и никакой работы не было сделано. А в кустах кричал уху: *«Сау-х! Сау-х! Сау-х! Ху! Ху! Ху! Ху! Ху! Чи! Чи! Чи! — Фууу!»*

Она вернулась в дом, и когда он наконец пришел домой вечером, она снова спросила его, чем он занимался весь день. «Тяжело работал», — ответил он. «Но тебя не было там, когда я пришла за тобой». «О, я просто зашел на минутку в заросли, чтобы повидаться с некоторыми из моих родственников», — сказал он. Тогда старуха сказала: «Я живу здесь уже долго, и в болотах нет

ничего, кроме уху. Моя дочь хочет мужа, который умеет работать, а не ленивого уху; так что ты можешь уходить». И она выгнала его из дома.

46. ПОЧЕМУ У КАНЮКА ГОЛОВА БЕЗ ПЕРЬЕВ

У коршуна был красивый хохолок, которым он так гордился, что отказывался есть падаль, и пока другие птицы клевали тушу оленя или другого животного, которое они нашли, он ходил вокруг и говорил: «Можете взять все, это не годится для меня». Они решили наказать его и с помощью буйвола осуществили заговор, в результате которого коршун лишился не только хохолка, но и почти всех других перьев на голове. Вместе с тем он лишился и своей гордости, так что теперь он с удовольствием питается падалью.

47. МЕСТЬ ОРЛА

Однажды ночью охотник в горах услышал шум, похожий на порыв ветра, за пределами хижины, и, выйдя наружу, обнаружил, что орел только что приземлился на сушильный столб и рвал тушу оленя, висевшую там. Не задумываясь об опасности, он застрелил орла. Утром он взял оленя и отправился обратно в поселение, где рассказал о том, что он сделал, и вождь послал нескольких человек, чтобы принести орла и организовать танец Орла. Они принесли мертвого орла, все было готово, и в ту ночь они начали танец в городском доме.

Около полуночи снаружи раздался крик, и в круг вошел странный воин и начал рассказывать о своих подвигах. Никто его не знал, но все думали, что он пришел из одного из более отдаленных городов чероки. Он рассказал, как убил человека, и в конце истории издал хриплый крик *«Хи!»*, который напугал всех присутствующих, и один из семи мужчин с гремушками упал замертво. Он спел о другом подвиге и в конце выпрямился, снова громко закричав. Второй человек с погремушкой упал замертво, и люди были настолько напуганы, что не могли сдвинуться с места. Он продолжал, и при каждой паузе снова раздавался этот ужасный крик, пока последний из семи людей с погремушками не упал замертво, а затем незнакомец ушел в темноту. Спустя долгое время они узнали от убийцы орла, что это был брат орла, застреленного охотником.

48. ОХОТНИК И КАНЯ

Охотник весь день безрезультатно искал оленей в горах, пока не устал и не сел на бревно, чтобы отдохнуть и подумать, что ему делать, когда над ним пролетел коршун — птица, которая всегда обладает магическими способностями — и спросил его, в чем его беда. Когда охотник рассказал свою историю, коршун сказал, что на горных хребтах за холмами много оленей, если бы только охотник мог подняться высоко в воздух, где он мог бы их увидеть, и предложил на время поменяться местами: коршун полетит домой к жене охотника, а охотник пойдет искать оленей. Охотник согласился, и канюк превратился в человека и отправился домой к жене охотника, которая приняла его как своего мужа, а охотник превратился в канюка и улетел над горой, чтобы найти оленей. Пробыв некоторое время с женщиной, которая все время думала, что это ее настоящий муж, канюк извинился, сказав, что ему нужно снова отправиться на поиски дичи, иначе им нечего будет есть. Он прилетел к месту, где впервые встретил охотника, и застал его там, все еще в образе коршуна, ожидающим его. Он спросил охотника, удалось ли ему что-нибудь добыть, и охотник ответил, что нашел нескольких оленей за горным хребтом, как и говорил коршун. Тогда коршун вернул охотнику человеческий облик, а сам снова превратился в коршуна и улетел. Охотник пошел туда, где видел оленей, и убил нескольких, и с тех пор он никогда не возвращался из леса с пустыми руками.

Мифы о змеях, рыбах и насекомых

49. ПЛЕМЯ ЗМЕЙ

Общее название змей — *inădû'*. Все они считаются *anida'wehĭ*, «сверхъестественными существами», имеющими тесную связь с богами дождя и грома и обладающими определенным влиянием на другие племена животных и растений. Говорят, что змеи, олени и женьшень действуют как союзники, поэтому вред, нанесенный одному из них, мстится всеми. Отношение к змеям — это смесь страха и почтения, и принимаются все меры предосторожности, чтобы не убить и не обидеть змею, особенно гремучую. Тот, кто убивает змею, вскоре увидит других; и если он убьет вторую, то вокруг него, куда бы он ни повернулся, появится столько змей, что он ошеломится при виде их блестящих глаз и стремительных языков и будет бродить как сумасшедший, не в силах найти выход из леса. Чтобы защититься от этой беды, существуют определенные молитвы, которые посвященные произносят, чтобы змеи не пересекали их путь, и, встретив первую змею сезона « », охотник смиренно просит ее: «Давай не будем видеться этим летом». Некоторые запахи, такие как запах дикого пастернака, и некоторые песни, такие как песни танца *Уникави* или Таунхаус, раздражают змей и вызывают у них гнев. По этой причине танец Уникави проводится только поздней осенью, после того как змеи ушли в свои норы на зиму.

Когда человек видит во сне, что его укусила змея, с ним нужно обращаться так же, как при реальном укусе, потому что его укусил призрак змеи; в противном случае место укуса опухнет и покрыется язвой, даже если пройдет много лет. Из страха оскорбить змей, даже в разговоре никогда не говорят, что человека укусила змея, а только что его «поцарапал колючий куст». Большинство верований и обычаев, связанных с этим, имеют более специальное отношение к гремучей змее.

Гремучая змея называется *utsa'nătĭ*, что можно перевести как «у него есть колокольчик», имея в виду гремушку. Согласно мифу, приведенному в другом месте, она когда-то была человеком и была преобразована в свою нынешнюю форму, чтобы спасти человечество от истребления Солнцем, миссию, которую она успешно выполнила после того, как другие потерпели неудачу. Старики также называют ее «ожерельем Грома» (см. историю Ûñtsaiyĭ′), и убить ее — значит уничтожить одно из самых ценных украшений бога грома. В одной из формул, обращенных к Маленьким Людям, сыновьям Грома, их умоляют взять болезнь змеи на себя, потому что «это именно то, чем вы украшаете себя».

По понятным причинам гремучая змея считается вождем племени змей и соответственно вызывает страх и уважение. Немногие чероки осмелятся убить ее, за исключением случаев крайней необходимости, и даже тогда преступление должно быть искуплено просьбой о прощении у духа змеи, либо лично, либо через посредничество жреца, в соответствии с установленной формулой. В противном случае родственники убитой змеи пошлют одного из своих, чтобы выследить преступника и укусить его, чтобы он умер (см. рассказ «Месть гремучей змеи»). Единственное, чего боится гремучая змея, — это растение, известное как кампион, или «хозяин гремучей змеи» (*Silene stellata*), которое врачи используют для нейтрализации эффекта укуса, и считается, что змея в ужасе убежит от охотника, который носит с собой небольшой кусочек корня. На укус также накладывают измельченную кору линна, возможно, из-за предполагаемой оккультной связи между змеей и громом, так как это дерево, как говорят, не подвержено ударам молнии.

Несмотря на страх перед гремучей змеей, ее гремушки, зубы, мясо и масло очень ценятся для оккультных или медицинских целей, и змей убивают для этой цели некоторые священники, знающие необходимые обряды и формулы для получения прощения ( ). Этот прием, позволяющий избавиться от дьявола и, между прочим, увеличить свои доходы ( ), является распространенным трюком индейских знахарей. Посторонних, желающих приобрести это тайное знание, отговаривают, говоря, что это опасно, поскольку новый посвященный почти наверняка будет укушен, чтобы змеи «проверили» его и узнали, правильно ли он выучил формулу. Когда гремучая змея убита, ее голову необходимо отрезать и закопать на глубину длины руки в землю, а тело тщательно спрятать в дупле дерева. Если оставить его под открытым небом, разгневанные змеи вызовут такие потоки дождя, что все ручьи выйдут из берегов. Более того, они расскажут об этом своим друзьям, оленям и женьшеню в горах, чтобы те спрятались, и охотники искали их напрасно.

Зуб гремучей змеи, убитой священником с соблюдением надлежащих обрядов, когда змея лежала вытянувшись с востока на запад, используется для скарификации пациентов перед применением лекарства при определенных заболеваниях. Перед использованием врач держит его между большим и указательным пальцами правой руки и обращается к нему с молитвой, в конце которой зуб «оживает» и готов к операции. Объяснение заключается в том, что напряженное, нервное сжатие врача заставляет его руку дергаться, и зуб слегка двигается между его пальцами. Гремушки носят на голове, а иногда часть мяса съедают игроки в мяч, чтобы выглядеть более грозными для своих противников, но говорят, что это имеет плохой эффект, делая их злыми на своих жен. Из нижней половины тела, считающейся самой жирной частью, извлекают масло, которое пользуется такой же большой репутацией среди индейцев для лечения ревматизма и болей в суставах, как и среди белых горцев. Врач, который готовит масло, также должен съесть мясо змеи. В определенные сезоны эпидемий в доме висела зажаренная (на гриле) гремучая змея, и каждое утро отец семьи откусывал небольшой кусочек и жевал его, смешивая с водой, которую он плевал на тела других, чтобы защитить их от заражения. Говорили, что это надежное лекарство, но оно делает пациентов вспыльчивыми.

Медная голова, *wâ'dige-askâ'lĭ*, «коричневая голова», хотя и вызывает страх из-за своего ядовитого укуса, ненавидится, а не почитается, как гремучая змея. Считается, что она является потомком великого мифического змея (см. номер 5) и, как говорят, имеет «огненные глаза» из-за их интенсивного блеска. Черная змея называется *gûle'gĭ*, «лазальщик». Укус ее тела, как говорят, предотвращает зубную боль, а также существует поверье, возможно, заимствованное у белых, что если повесить ее тело на дерево, то через три (четыре?) дня пойдет дождь. Маленькая зеленая змея называется *sălikwâ'yĭ*, то же название применяется и к определенному растению, *Eryngium virginianum*, или медвежья трава, чьи длинные, тонкие листья имеют некоторое сходство с зеленой змеей. Как и в случае с черной змеей, считается, что зубную боль можно предотвратить и обеспечить здоровье зубов на всю жизнь, если укусить зеленую змею по телу. Ее нужно держать за голову и хвост и всеми зубами одновременно четыре раза прижать к середине тела, но не впиваясь в плоть и не повреждая змею. Некоторые информаторы говорят, что эту операцию нужно повторить четыре раза на стольких же змеях и что также нужно соблюдать определенное пищевое табу. Водяная мокасиновая змея, *kanegwâ'tĭ*, не пользуется особым уважением, но очень редкая лесная змея, которая, как говорят, похожа на нее, за исключением того, что у нее голубые глаза, считается обладающей великими сверхъестественными силами, какими именно — не уточняется. Отталкивающая, но безвредная гадюка (*Heterodon*) называется *dalĭkstă'*, «рвотная», из-за ее привычки плевать, а иногда *kwandăya'hû*, слово с неопределенной этимологией. Раньше она была человеком, но была превращена в змею, чтобы уничтожить Дочь Солнца (см. рассказ). За свою неудачу в этом деле она обычно подвергается презрению.

В рукописи Вахненаухи упоминается легенда о великом змее, названном из-за своего цвета «земляной змеей». Увидеть его было предзнаменованием смерти для того, кто его увидел, а если его видели несколько человек, то ожидалось какое-то великое бедствие для племени. Традиции и верования, связанные с Уктеной, Уксухи и другими мифическими змеями, см. в соответствующих разделах.

50. УКТЕНА И УЛУНСУТ

Давным-давно — *xĭlahi'yu* — когда Солнце разгневалось на людей на земле и послало болезнь, чтобы уничтожить их, Маленькие Люди превратили человека в чудовищного змея, которого они назвали Уктена, «Остроглазый», и послали его убить ее. Он не смог выполнить задание, и вместо него пришлось послать гремучую змею, что вызвало у Уктена такую ревность и гнев, что люди испугались его и отвезли в Гэлуньлати, чтобы он остался там с другими опасными существами.[1] Однако он оставил после себя других, почти таких же больших и опасных, как он сам, и теперь они прячутся в глубоких омутах реки и в уединенных перевалах в высоких горах, в местах, которые чероки называют «местом, где живет Уктена».

Те, кто знает, говорят, что Уктена — это огромная змея, толстая, как ствол дерева, с рогами на голове и ярким, сверкающим гребнем, похожим на алмаз, на лбу, и чешуйками, блестящими, как искры огня. По всей длине у нее есть кольца или пятна разного цвета, и ее нельзя ранить, кроме как выстрелом в седьмое пятно от головы, потому что под этим пятном находится ее сердце и ее жизнь. Пылающий алмаз называется *Улунсути*, «Прозрачный», и тот, кто сможет его добыть, может стать величайшим чудотворцем племени, но попытка это сделать стоит жизни человека, потому что тот, кого увидит Уктена, настолько ослеплен ярким светом, что бежит к змее, вместо того чтобы пытаться убежать. Даже увидеть спящего Уктена означает смерть, но не для самого охотника, а для *его семьи*.

Из всех смелых воинов, которые отправлялись на поиски Улунсути, только Аган-Уници вернулся с успехом.[2] Восточные чероки до сих пор хранят то, что он принес. Оно похоже на большой прозрачный кристалл, почти в форме патрона, с кроваво-красной полосой, проходящей по центру сверху вниз. Владелец хранит его, завернутым в цельную оленью шкуру, в глиняном сосуде, спрятанном в тайной пещере в горах. Каждые семь дней он кормит его кровью мелкой дичи, натирая кровью весь кристалл, как только животное убито. Два раза в год он должен получать кровь оленя или другого крупного животного. Если он забудет накормить его в нужное время, оно выйдет из пещеры ночью в виде огня и полетит по воздуху, чтобы утолить свою жажду кровью чародея или кого-то из его народа. Он может спастись от этой опасности, сказав ему, когда убирает его, что в течение долгого времени он не будет ему нужен. Тогда оно спокойно уснут и не будет чувствовать голода, пока его снова не вынесут, чтобы посоветоваться с ним. Тогда его нужно снова накормить кровью, прежде чем использовать.

Ни один белый человек не должен его видеть, и никто, кроме владельца, не осмелится приблизиться к нему из-за страха внезапной смерти. Даже колдун, который его хранит, боится его и время от времени меняет его укрытие, чтобы оно не запомнило путь. Когда он умрет, оно будет похоронено вместе с ним. В противном случае оно выйдет из своей пещеры, как яркая звезда, чтобы искать его могилу, ночь за ночью в течение семи лет, а если все равно не сможет его найти, то вернется спать навсегда туда, где он его поместил.

Тот, кто владеет Улунсути, может быть уверен в успехе в охоте, любви, вызывании дождя и любом другом деле, но его главное применение — предсказание будущего. Когда его используют

для этой цели, будущее отражается в прозрачном кристалле, как дерево отражается в тихом ручье, и колдун знает, выздоровеет ли больной, вернется ли воин с битвы или доживет ли молодой человек до старости.

51. ПОИСКИ УКТЕНЫ АГАН-УНИЦИ

В одной из битв с шавано, которые все были магами, чероки пленили великого знахаря по имени Âgăn-uni′tsĭ, «Мать сурков». Они привязали его, готовые к пыткам, когда он стал умолять о пощаде и пообещал, что, если его пощадят, он найдет для них великого чудотворца Улунсути. Улунсути похож на яркую звезду на лбу великого змея Уктена, и знахарь, который смог бы завладеть им, мог бы творить чудеса, но все знали, что это невозможно, потому что встреча с Уктеной означала верную смерть . Они предупредили его обо всем этом, но он только ответил, что его магия сильна и он не боится. Поэтому они пощадили его жизнь на этом условии, и он начал поиски.

Уктена обычно поджидала своих жертв в уединенных местах, чтобы застать их врасплох, и особенно часто появлялась в темных перевалах Великих Дымных гор. Зная об этом, колдун сначала отправился к проходу в горном хребте на крайней северной границе страны чероки. Он искал и нашел там огромную черную змею, большую, чем когда-либо видели, но это было не то, что он искал, и он посмеялся над ней, как над чем-то слишком маленьким, чтобы обращать на это внимание. Придя на юг к следующему проходу, он нашел там огромную змею-мокасин, самую большую из когда-либо виденных, но когда люди удивились, он сказал, что это ничего особенного. В следующем проходе он нашел зеленую змею и позвал людей посмотреть на «красивую саликвай», но когда они увидели огромную зеленую змею, свернувшуюся на тропе, они в страхе убежали. Придя к Утавагунта, Лысой горе, он нашел там огромную ящерицу, греющуюся на солнце, но, хотя она была большой и страшной на вид, это было не то, что он искал, и он не обратил на нее внимания. Продолжая путь на юг к Валасии, месту Лягушки, он нашел огромную лягушку, сидящую в ущелье, но когда люди, пришедшие посмотреть на нее, испугались, как и другие, и убежали от чудовища, он посмеялся над ними за то, что они боятся лягушки, и пошел к следующему ущелью. Он пошел дальше в Дунисква'лгуньи, ущелье Раздвоенного Рога, и к зачарованному озеру Атага'хи, и в каждом из них он нашел чудовищных рептилий, но сказал, что они ничто. Он подумал, что Уктена может скрываться в глубоких водах Тланусии, Месте пиявок, на Хивасси, где раньше видели другие странные вещи, и, отправившись туда, он погрузился глубоко под воду. Он увидел черепах и водных змей, и две огромные солнечные рыбы бросились на него и снова отступили, но это было все. Он попробовал другие места, всегда двигаясь на юг, и наконец на горе Гахути он нашел спящего Уктена.

Без шума развернувшись, он быстро сбежал по склону горы так далеко, как мог на одном длинном вздохе, почти до самого подножия. Там он остановился и нагромоздил большой круг из сосновых шишек, а внутри него выкопал глубокую траншею. Затем он поджег шишки и вернулся обратно на гору.

Уктена все еще спал, и, натянув тетиву лука, Аган-унитси выпустил стрелу и пронзил ей сердце змея, которое находилось под седьмым пятном от головы. Великий змей поднял голову, и алмаз на его лбу сверкнул огнем, и он бросился прямо на своего врага, но волшебник, быстро повернувшись, побежал со всей скоростью вниз по горе, одним прыжком перелетел через круг огня и траншею и лег на землю внутри.

Уктена попытался последовать за ним, но стрела пронзила его сердце , , и через мгновение он перевернулся в агонии, изрыгая я яд по всему склону горы. Но капли яда не могли пройти через круг огня, а только шипели и брызгали в пламени, и волшебник внутри остался невредим, за

исключением одной маленькой капли, которая попала ему на голову, когда он лежал близко к земле; но он этого не знал. Кровь, столь же ядовитая, как пена, хлестала из раны Уктена и стекала по склону темным потоком, но она стекала в ров и не причиняла ему вреда. Умирающее чудовище каталось по горе, сбивая на своем пути большие деревья , пока не достигло дна. Тогда Âgăn-uni′tsĭ позвал всех птиц в лесу на пир, и их прилетело так много, что когда они закончили, не осталось даже костей.

Через семь дней он пошел ночью на это место. Тело и кости змеи исчезли, все съели птицы, но он увидел яркий свет, сияющий в темноте, и, подойдя к нему, обнаружил на низко висящей ветке, куда его сбросил ворон, алмаз с головы Уктена. Он аккуратно завернул его и взял с собой, и с тех пор стал величайшим знахарем во всем племени.

Когда Аган-унитси снова спустился в поселение, люди заметили маленькую змею, висящую у него на голове, там, где попала единственная капля яда Уктена, но он сам до конца своих дней не знал, что она там была.

Там, где кровь Уктена заполнила ров, впоследствии образовалось озеро, вода в котором была черной, и в этой воде женщины красили тростниковые полоски для своих корзин.

52. КРАСНОКОЖИЙ И УКТЕНА

Два брата отправились на охоту вместе, и когда они нашли хорошее место для лагеря в горах, развели костер, и пока один собирал кору, чтобы построить укрытие, другой отправился вверх по ручью на поиски оленя. Вскоре он услышал шум на вершине хребта, как будто два животных сражались. Он поспешил через кусты, чтобы посмотреть, что это может быть, и когда он подошел к месту, то обнаружил большую уктена, обвившуюся вокруг человека и душащую его. Человек боролся за свою жизнь и крикнул охотнику: «Помоги мне, племянник, он твой враг так же, как и мой». Охотник прицелился, натянул тетиву и пустил стрелу в голову уктена, так что из раны хлынула кровь. Змея с хрустом размотала свои кольца и скатилась с хребта в долину, разрывая землю, как водяной столб.

Незнакомец встал, и это был Асга′я Ги′гагеї, Красный Человек Молнии. Он сказал охотнику: «Ты помог мне, и теперь я вознагражу тебя и дам тебе лекарство, чтобы ты всегда мог находить дичь». Они подождали, пока стемнеет, а затем спустились с хребта к месту, где скатилась мертвая уктена, но к этому времени птицы и насекомые ( ) съели тело, и остались только кости. В одном месте из земли вырывались вспышки света, и, копнув здесь, прямо под поверхностью, Красный Человек нашел чешую уктена. Затем он подошел к дереву, в которое ударила молния, собрал горсть щепок, разжег огонь и сжег чешуйку уктена до угля. Он завернул ее в кусок оленьей кожи и отдал охотнику, сказав: «Пока ты будешь хранить это, ты всегда сможешь убивать дичь». Затем он сказал охотнику, что, когда тот вернется в лагерь, он должен повесить лекарство на дерево снаружи, потому что оно очень сильное и опасное. Он также сказал ему, что, войдя в хижину, он найдет своего брата лежащим внутри почти мертвым из-за присутствия чешуйки уктена, но он должен взять маленький кусочек трости, который ему дал Красный Человек, соскоблить с него немного в воду и дать своему брату выпить, и тот снова поправится. Затем Красный Человек исчез, и охотник не смог увидеть, куда он ушел. Он вернулся в лагерь один и обнаружил, что его брат очень болен, но вскоре вылечил его с помощью лекарства из тростника, и в тот день, и на следующий, и каждый день после этого он находил дичь, когда выходил на охоту.

53. ОХОТНИК И УКСУ′ХИ

Человек, живший в Джорджии, приехал навестить родственников в Хикори-лог. Он был великим охотником, и, отдохнув в доме день или два, собрался в горы. Его друзья ( ) предупредили его, чтобы он не шел на север, так как в том направлении, возле одного большого выкорчеванного дерева, жило опасное чудовище — змея уксухи. Она постоянно дежурила и, когда могла наброситься на неосторожного охотника, обвивалась вокруг него и задушила его, а затем тащила мертвое тело вниз по склону горы в глубокую яму в Хивасси.

Он тихо выслушал предупреждение, но все, что они сказали, только усилило его желание увидеть такое чудовище, поэтому, не сказав ни слова о своем намерении, он покинул поселение и направился прямо в гору на север. Вскоре он подошел к поваленному дереву, взобрался на ствол и, конечно же, на другой стороне увидел огромного уксухи, растянувшегося в траве с поднятой головой, но смотрящего в другую сторону. Он был примерно такого размера [сделал круг диаметром в фут руками]. Испуганный охотник сразу же спустился и начал бежать, но змея услышала шум, быстро повернулась и бросилась за ним. Охотник побежал вверх по гребню, змея следовала за ним, затем он сбежал с другой стороны к реке. Несмотря на то, что он бежал, уксухи быстро настигала его, и как только он достиг низменности, она догнала его и обернулась вокруг него, прижимая одну руку к боку, но оставляя другую свободной.

Теперь она сжала его так сильно, что почти сломала ему ребра, а затем начала тащить его к воде. Свободной рукой охотник хватался за кусты, мимо которых они пролетали, но змея повернула голову и дунула ему в лицо своим отвратительным дыханием, пока он не вынужден был отпустить куст. Это повторялось снова и снова, и все время они приближались к глубокой яме в реке, когда, почти в последний момент, охотнику пришла в голову счастливая мысль.

Он весь был в поту от тяжелого бега по горам и вдруг вспомнил, что слышал, что змеи не переносят запах пота. Он засунул свободную руку в грудь и потеребил ее под мышкой, пока она не покрылась потом. Затем он вытащил руку и схватился за куст, пока змея не повернула голову, и быстро хлопнул ее по носу своей потной рукой. Уксухих сделал один вздох, как будто его ранили, ослабил кольца и быстро ускользнул в кусты, оставив охотника, ушибленного, но не выведенного из строя, чтобы тот мог вернуться домой в Хикори-лог.

54. УСТУ'ТЛИ

Жил-был великий змей по имени Уступтли, который обитал на горе Кохутта. Его называли Уступтли, или «нога», потому что он не скользил, как другие змеи, а имел ноги на каждом конце тела и передвигался рывками, как большой измерительный червь. Эти ноги были треугольными и плоскими и могли цепляться за землю, как присоски. У него не было ног, но он поднимался на задние лапы, высоко поднимая змеиную голову в воздух, пока не находил подходящее место, чтобы зацепиться; затем он наклонялся и цеплялся передними лапами за землю, подтягивая тело сзади. Он мог пересекать реки и глубокие овраги, перебрасывая голову через них, цепляясь передними лапами и перекидывая тело. Везде, где находились его следы, была опасность. Оно блеяло, как молодой олененок, и когда охотник слышал блеяние олененка в лесу, он никогда не искал его, а спешил в другую сторону. В гору или вниз, ничто не могло ускользнуть от преследования Уступтли, но по бокам хребта оно не могло идти, потому что большой вес его качающейся головы нарушал сцепление с землей, когда оно двигалось вбок.

Спустя некоторое время ни один охотник из Кохутты не осмеливался приближаться к горе из-за страха перед Уступтли. Наконец, один человек из северных поселений приехал навестить родственников, живших в тех краях. Когда он прибыл, они устроили для него пир, но у них было только кукуруза и бобы, и они извинились за то, что у них не было мяса, потому что охотники боялись ходить в горы. Он спросил о причине, и когда ему рассказали, он сказал, что завтра сам

пойдет и либо принесет оленя, либо найдет Уступли. Они пытались отговорить его, но, поскольку он настаивал на своем, они предупредили его, что, если он услышит блеяние олененка в зарослях, он должен сразу же бежать, а если змея пойдет за ним, он не должен пытаться сбежать с горы, а бежать вдоль гребня.

Утром он вышел и направился прямо к горе. Пробираясь через кусты у подножия, он вдруг услышал блеяние олененка впереди. Он сразу догадался, что это был Уступли, но он уже решил увидеть его, поэтому не повернул назад, а пошел прямо вперед, и там, как и ожидалось, было чудовище с огромной головой, поднятой в воздух, высоко над ветвями сосен, оглядывающееся во все стороны в поисках оленя или, может быть, человека на завтрак. Оно увидело его и сразу же бросилось на него, двигаясь рывками, каждый из которых был длиной с ствол дерева, держа свою чешуйчатую голову высоко над кустами и блея по мере приближения.

Охотник был настолько напуган, что полностью потерял рассудок и начал бежать прямо в гору. Огромная змея погналась за ним, каждый раз набирая половину своей длины, когда она снова хваталась передними лапами, и догнала бы охотника, прежде чем он достиг вершины хребта, но тот внезапно вспомнил предупреждение и изменил направление, чтобы бежать по склонам горы. Змея сразу же начала терять позиции, потому что каждый раз, когда она поднималась, вес ее тела сбивал ее с прямой линии и заставлял падать немного ниже по склону хребта. Она пыталась восстановить равновесие, но теперь охотник набрал скорость и продолжал бежать, пока не повернул за конец хребта и не оставил змею вне поля зрения. Затем он осторожно поднялся на вершину, оглянулся и увидел, что Уступли все еще медленно пробирается к вершине.

Он спустился к подножию горы, открыл свой мешок с огнем и поджег траву и листья. Вскоре огонь охватил всю гору и начал подниматься вверх. Когда большая змея почувствовала запах дыма и увидела приближающиеся пламени, она забыла о охотнике и повернула, чтобы как можно быстрее добраться до высокого утеса возле вершины. Она достигла скалы и взобралась на нее, но огонь последовал за ней и охватил мертвые сосны у подножия утеса, пока жар не заставил чешуйки Уступли растрескаться. Крепко ухватившись за скалу задними лапами, она подняла свое тело и приложила все свои силы, чтобы перепрыгнуть через окружавшую ее стену огня, но дым задушил ее, и она ослабила хватку, упала среди горящих сосновых стволов и лежала там, пока не сгорела дотла.

55. УВТСУНТА

В Нуньдайели, самом диком месте на реке Нантахала, в том, что сейчас является округом Мейкон, Северная Каролина, где нависающий утес самый высокий, а река протекает далеко внизу, в древние времена жила большая змея по имени Увтсунта, или «подпрыгивающая», потому что она двигалась рывками, как измерительный червь, при этом только одна часть ее тела находилась на земле. Она обычно оставалась на восточной стороне, где утром первым появлялось солнце, и перебиралась через реку, дотягиваясь от самой высокой точки утеса до другой стороны, где она могла ухватиться, а затем перетягивала остальную часть своего тела. Она была настолько огромна, что, когда она так растягивалась, ее тень затмевала всю долину внизу. Долгое время люди не знали о его существовании, но когда наконец узнали, они испугались жить в долине, так что она была заброшена, даже когда еще принадлежала индейцам.

56. МАЛЬЧИК-ЗМЕЯ

Был один мальчик, который каждый день ходил на охоту за птицами, и всех птиц, которых он приносил домой, он отдавал своей бабушке, которая его очень любила. Это вызывало зависть у

остальных членов семьи, и они так с ним обращались, что в конце концов он сказал бабушке, что уйдет от них, но она не должна о нем грустить. На следующее утро он отказался завтракать, а голодный ушел в лес и пробыл там весь день. Вечером он вернулся, принеся с собой пару оленьих рогов, и пошел прямо в теплицу (âsĭ), где его ждала бабушка. Он сказал старухе, что в эту ночь ему нужно побыть одному, и она встала и пошла в дом, где были остальные.

На рассвете она снова пришла к теплице и заглянула внутрь, где увидела огромную уктена, заполнившую всю теплицу, с рогами на голове, но все еще с двумя человеческими ногами вместо змеиного хвоста. Это было все, что осталось от ее мальчика. Он обратился к ней и сказал, чтобы она оставила его, и она снова ушла от двери. Когда солнце поднялось высоко, уктена начала медленно выползать, но только в полдень она полностью выбралась из аси. Выползая, она издавала ужасный шипящий звук, и все люди убежали от нее. Она ползла по поселению, оставляя за собой широкий след на земле, пока не дошла до глубокого изгиба реки, где она нырнула и ушла под воду.

Бабушка очень скорбела о своем мальчике, пока остальные члены семьи не рассердились и не сказали ей, что, раз она так о нем думает, ей следует пойти и остаться с ним. Тогда она покинула их и пошла по следам, оставленным уктеной, к реке, вошла прямо в воду и исчезла. Однажды после этого мужчина, рыбачивший неподалеку, увидел ее сидящей на большом камне в реке, выглядящей так же, как и раньше, но как только она заметила его, она прыгнула в воду и исчезла.

57. ЧЕЛОВЕК-ЗМЕЯ

Два охотника, оба по какой-то причине подверженные табу на мясо белки или индейки, вместе отправились в лес. Когда наступил вечер, они нашли хорошее место для лагеря и развели костер, чтобы приготовить ужин. Один из них за день убил несколько белок и теперь готовился жарить их на огне. Его товарищ предупредил его, что, если он нарушит табу и съест мясо белки, он превратится в змею, но тот рассмеялся и сказал, что это всего лишь сказка фокусника. Он продолжил свои приготовления, и когда белки были зажарены, он съел их на ужин, а затем лег спать рядом с костром.

Поздно ночью его товарищ проснулся от стонов и, оглядевшись, увидел, что другой лежит на земле, корчится от боли, а нижняя часть его тела уже превратилась в тело и хвост большой водной змеи. Человек еще мог говорить и громко звал на помощь, но его товарищ ничего не мог сделать, только сидеть рядом и пытаться утешить его, наблюдая, как руки погружаются в тело, а кожа покрывается чешуйками, которые постепенно поднимаются к шее, пока, наконец, даже голова не становится головой змеи, и большая змея ползет прочь от костра и спускается по берегу в реку.

58. МЕСТЬ ГРЕМЕЛЬНОЙ ЗМЕИ

Однажды в старые времена, когда мы еще могли разговаривать с другими существами, пока дети играли возле дома, их мать услышала их крики. Выбежав на улицу, она обнаружила, что из травы выползла гремучая змея, и, взяв палку, убила ее. Отец был на охоте в горах, и тем вечером, когда он возвращался домой после наступления темноты через ущелье, он услышал странный плачущий звук. Оглядевшись, он обнаружил, что оказался посреди целой стаи гремучих змей, которые все открыли пасти и, казалось, плакали. Он спросил их о причине их бедствия, и они сказали ему, что его собственная жена убила в тот день их вождя, Желтую Гремучую Змею ( ), и что они как раз собирались послать Черную Гремучую Змею, чтобы отомстить.

Охотник сказал, что ему очень жаль, но они ответили ему, что, если он говорит правду, он должен быть готов загладить свою вину и отдать свою жену в жертву за жизнь их вождя. Не зная, что может случиться в противном случае, он согласился. Тогда они сказали ему, что Черная Гремучая Змея пойдет с ним домой и свернется кольцом прямо у двери в темноте. Он должен был войти в дом, где его ждала жена, и попросить ее принести ему стакан свежей воды из родника. Это было все.

Он пошел домой, зная, что Черная Гремучая Змея следует за ним. Когда он пришел, была ночь и было очень темно, но он нашел свою жену, которая ждала его с готовым ужином. Он сел и попросил воды. Она подала ему тыкву, наполненную из кувшина, но он сказал, что хочет свежей воды из родника, поэтому она взяла миску и вышла за дверь. В следующий момент он услышал крик, вышел и увидел, что Черная гремучая змея укусила ее, и она уже умирала. Он остался с ней, пока она не умерла, и тогда Черная гремучая змея снова вышла из травы и сказала, что ее племя теперь удовлетворено. Затем он научил охотника молитвенной песне и сказал: «Когда ты встретишь кого-нибудь из нас в будущем, спой эту песню, и мы не причиним тебе вреда; но если случайно кто-нибудь из нас укусит кого-нибудь из твоих людей, спой эту песню над ним, и он поправится». И чероки сохранили эту песню до наших дней.

59. МЕЛКИЕ РЕПТИЛИИ — РЫБЫ И НАСЕКОМЫЕ

Существует несколько видов лягушек и жаб, каждый из которых имеет свое название, но с ними связано очень мало фольклора. Обычная зеленая лягушка называется *walâ'sĭ*, и среди чероки, как и среди необразованных белых, считается, что при прикосновении к ней появляются бородавки, которые по этой причине называются тем же именем, *walâ'sĭ*. Считается, что солнечное затмение вызвано попыткой большой лягушки проглотить солнце, и в прежние времена в таких случаях было принято стрелять из ружей и издавать другие громкие звуки, чтобы отпугнуть лягушку. Меньшие виды лягушек иногда едят, а в редких случаях — и бычьих лягушек, но мясо лягушек запрещено игрокам в мяч во время тренировок из-за опасения, что хрупкость костей лягушки передастся костям игрока.

Сухопутная черепаха (*tûksĭ'*) занимает видное место в мифах о животных и, по преданию, в древние времена была великим воином. Из-за крепости ее ног игроки в мяч растирают ими свои конечности перед соревнованием. Обычная водная черепаха (*săligu'gĭ*), которая занимает столь важное место в мифологии северных племен, не упоминается в мифах и фольклоре чероки, то же самое можно сказать и о мягкотелых черепахах (*u'lănă'wă*), возможно, по той причине, что обе эти разновидности редко встречаются в холодных горных ручьях страны чероки.

Существует, пожалуй, полдюжины видов ящериц, каждая из которых имеет свое название. Самая распространенная из них — серая дорожная ящерица, или *diyâ'hălĭ* (аллигаторная ящерица, *Sceloporus undulatus*). Из-за своей привычки то выпячивать, то втягивать горло, как будто сося, когда греется на солнце, она упоминается в заклинаниях для вытягивания яда из укусов змей. Если поймать первую diyâ'hălĭ, увиденную весной, и, держа ее между пальцами, почесать ноги ее когтями, то все лето не будет видно опасных змей. Кроме того, если поймать живую змею в любое время и потереть ею голову и горло младенца, слегка царапая кожу когтями, ребенок никогда не будет капризничать, а будет спать спокойно, не жалуясь, даже когда болен или подвергается воздействию дождя. Однако это несколько рискованный эксперимент, так как после этого ребенок может заснуть, где бы его ни положили на мгновение , так что мать постоянно рискует потерять его. По мнению некоторых авторитетов, эта спящая ящерица — не diyâ'hălĭ, а более крупный вид, родственный описанному далее.

Гига-цухали («кровавый рот», *Pleistodon*?) описывается как очень большая ящерица, почти такая же большая, как водяная собака, с красным горлом и уголками рта, как будто она пила кровь. Считается, что это не настоящая ящерица, а преобразованная рыба *ugûñste'lĭ* (описанная ниже) из-за сходства окраски и того факта, что рыба исчезает примерно в то время, когда gigă-tsuha′‘lĭ начинает появляться. Она свирепая и сильно кусается, преследует других ящериц. В сухую погоду она кричит или издает звуки, похожие на цикаду, поднимаясь при этом вверх. Она имеет привычку подходить близко к месту, где сидит или стоит человек, затем останавливаться и пристально смотреть на него, постоянно раздувая горло, пока ее голова не приобретает ярко-красный цвет. Считается, что в этот момент она высасывает кровь своей жертвы, поэтому ее боятся и избегают. Маленькая ящерица-скорпион (*tsâne'nĭ*) иногда называется также *gigă-danegi'skĭ*, «кровопийца». Это полосатая ящерица, которая часто встречается на песчаных пляжах и похожа на diyâ′hălĭ, но имеет коричневый цвет. Считается, что она также каким-то загадочным образом высасывает кровь, когда кивает головой, и если ее сердце съест собака, то это животное сможет извлекать все питательные вещества из пищи, просто глядя на тех, кто ест.

Маленькая весенняя ящерица (*duwĕ'‘gă*), обитающая в родниках, как полагают, вызывает дождь, когда выползает из родника. Ее часто упоминают в заклинаниях. Другая весенняя (?) ящерица, красная с черными пятнами, называется *dăgan'‘tû'* или *aniganti'skĭ* «дождевой», потому что, как говорят, ее крик приносит дождь. Водяная собака (*tsuwă'*, грязевой щенок, *Menopoma* или *Protonopsis*) — очень большая ящерица, или, скорее, саламандра, обитающая в грязной воде. Ее редко едят из-за необъяснимого поверья, что если тот, кто съел ее мясо, сразу после этого выйдет в поле, урожай будет испорчен. Существуют названия для одной или двух других разновидностей ящериц, а также для аллигатора (*tsula'skĭ*), но нет никаких фольклорных преданий, связанных с ними.

Хотя на территории чероки много быстрых рек, богатых рыбой, которой индейцы свободно пользуются, фольклор о рыбах практически отсутствует. Ряд «сновидческих» болезней, на самом деле вызванных несварением желудка, приписывают мстительным призракам рыб, и врач обычно пытается вылечить больного, призывая какую-нибудь крупную рыбу или рыбоядную птицу изгнать призрак.

Ручей Токо в округе Монро, штат Теннесси, получил свое название от мифической рыбы-монстра Даква, считающейся отцом всего рыбного племени, которая, как говорят, раньше жила в реке Литл-Теннесси в этом месте (см. рассказ «Охотник и Даква»). Рыба под названием *угуньстели,* «имеющая рога», которая появляется только весной, по поверьям, позже превращается в уже упомянутую ящерицу гига-цухали. Эта рыба описывается как имеющая рога или выступы на носу и красивые красные пятна на голове, а также как сопровождаемая множеством более мелких красных рыбок, которые, включая угуньстели, привыкли складывать в воде маленькие камни. С наступлением сезона она исчезает, и считается, что тогда она превращается в ящерицу giga-tsuha′lĭ, причем изменение начинается с головы и заканчивается хвостом. Вероятно, это *Campostoma* или каменная рыба-каток, которая отличается яркой окраской в начале весны, но теряет свои оттенки после нереста. Мясо вялой рыбы-свиньи запрещено для игрока в мяч, который должен быть обязательно активным в движениях. Пресноводная мидия называется *dăgû'nă*, и то же название применяется к некоторым прыщам на лице из-за мнимого сходства. Игрок в мяч натирается кожей угря, чтобы стать скользким и трудно удерживаемым, и, согласно рукописи Wahnenauhi, женщины раньше завязывали волосы сушеной кожей угря, чтобы они росли длинными. Большой красный рак, называемый *tsiska'gĭlĭ*, очень похожий на омара, используется для царапания маленьких детей, чтобы дать им крепкий захват, при этом каждую руку ребенка слегка царапают один раз клешнями живого животного. Мать, чей взрослый сын был подвергнут такой процедуре в младенческом возрасте ( ), утверждала, что он мог держать что угодно большим

и указательным пальцами. Однако говорят, что это делает ребенка сварливым и склонным к укусам.

О насекомых можно сказать еще многое. Общее название для всех видов мелких насекомых и червей — *tsgâya*, и, по мнению врачей, которые на несколько веков опередили теорию микробов, эти tsgâya виноваты почти во всех человеческих недугах, которые не могут быть напрямую связаны с *asgina* более крупных животных или колдовством. Причина проста. Их так много повсюду на земле и в воздухе, что человечество постоянно уничтожает их без пощады и почти без ведома, и это их способ мести.

Жуки классифицируются под общим названием, которое означает «насекомые с панцирями». Маленький водный жук или мягкий жук (*Dineutes discolor*) называется *dâyuni'sĭ*, «бабушка бобра», и согласно традиции сотворения мира, он поднял первую землю из-под воды. Определенный жук с зеленой головой и рогами (*Phanæus carnifex*) упоминается как собака мальчиков Грома, а металлический зеленый блеск на его лбу, как говорят, был вызван ударом знаменитого мифического азартного игрока Ûñtsaiyĭ', «Латунь» (см. рассказ). Июньский жук (*Allorhina nitida*), еще один зеленый жук, является *tagû*, но часто называется любопытным именем *tu'ya-dĭ'skalaw'sti'skĭ*, «тот, кто держит огонь под фасолью». Его личинка — червь, который председательствовал на собрании насекомых, созванном с целью уничтожения человеческой расы (см. рассказ «Происхождение болезней и медицины»). Большой рогатый жук (*Dynastes tityus*?) называется *tsistû'na*, «ракообразное», *a'wĭ'*, «олень», или *gălăgi'na*, «олень», из-за его разветвленных рогов. Щелчащий жук (*Alaus oculatus*?) называется *tûlsku'wa*, «тот, кто щелкает головой».

Когда *lâlû* или кузнечик (*Cicada auletes*) начинает петь в середине лета , они говорят: «Кузнечик принес бобы», считая его песню сигналом того, что бобы созрели и что зеленая кукуруза не за горами. Когда чуть позже слышится стрекотание кузнечика (*tsĭkĭkĭ'*), они говорят: «Кузнечик принес жареный хлеб». Сверчок (*tăla'tŭ'*) часто называют «парикмахером» (*ditastaye'skĭ*) из-за его привычки грызть шерсть с мехов, и когда чероки встречают человека с неровно подстриженными волосами, они иногда шутливо спрашивают: «Это сверчок подстриг тебе волосы?» (см. рассказ «Почему у опоссума голый хвост»). Говорят, что некоторые люди пьют чай из сверчков, чтобы стать хорошими певцами.

Крикет-крот (*Gryllotalpa*), названный так потому, что он роет туннели в земле и имеет похожие на руки когти, приспособленные для рытья, известен чероки как *gûl'kwâgĭ*, слово, которое буквально означает «семь», но, вероятно, является ономатопоэтическим. Среди них он считается бдительным, трудно поймаемым и отличным певцом, который «никогда не ошибается». Как и рак и сверчок, он играет важную роль в подготовке людей к жизненным обязанностям. Младенцам, которые медленно учатся говорить, царапают язык клешней gûl'kwâgĭ, держа живого насекомого в руке во время операции, чтобы они могли быстро научиться говорить отчетливо и быть красноречивыми, мудрыми и проницательными в речи по мере взросления, а также обладать таким быстрым умом, чтобы без усилий запоминать все, что однажды услышали. Тот же желаемый результат может быть достигнут и у взрослого человека, но с гораздо большим трудом, так как в этом случае необходимо царапать внутреннюю часть горла в течение четырех утра подряд, вдавливая насекомое пальцами и снова вынимая его, при этом в течение того же периода времени необходимо строго соблюдать обычные табу, иначе операция не даст эффекта. В некоторых случаях насекомое на ночь помещают в небольшую миску с водой, и если утром оно еще живо, его вынимают, а воду дают выпить пациенту, после чего гулкваги отпускают на свободу.

Многие чероки держат пчел, в дополнение к диким пчелам, которых ловят в лесу. Хотя считается, что они были привезены белыми, у чероки нет традиций, связанных с временем, когда они их не знали; однако, похоже, что с ними не связано никаких фольклорных представлений . Корова-муравей (*Myrmica*?), большой красный жалящий муравей, правильно называется *dasûñ'tălĭ atatsûñ'skĭ*, «жалящий муравей», но из-за своего твердого панциря его часто называют *nûñ'yunu'wĭ*, «каменное платье», в честь знаменитого мифического чудовища. Как ни странно, но, похоже, нет никаких фольклорных преданий, связанных с светлячками или светлячками-светлячками, в то время как паук, столь заметный в мифологии других племен, появляется только в одном мифе чероки, где он приносит огонь из-за воды. В заклинаниях его часто призывают, чтобы он опутал своими нитями душу жертвы, которую колдун желает подчинить своим злым чарам. Из-за мнимого сходства во внешнем виде название паука, *kă'năne'skĭ*, также применяется к часам ( ). Небольшая желтоватая бабочка, которая летает ночью вокруг огня, называется *tûñ'tăwû*, что означает, что она влетает в огонь и вылетает из него, и когда она наконец подлетает слишком близко и падает в пламя, чероки говорят: «Tûñ′tăwû ложится спать». Из-за ее привязанности к огню врач призывает ее при всех «огненных болезнях», включая боль в глазах и обморожение.

60. ПОЧЕМУ ГОЛОВА ЛЯГУШКИ-БЫКА ИМЕЕТ ПОЛОСКИ

Согласно одной из версий, лягушка-бык всегда высмеивала великого азартного игрока Ûñtsai′yĭ, «Латунь» (см. рассказ), пока тот наконец не рассердился и не вызвал лягушку-быка сыграть с ним в игру *gatayû'stĭ* (колесо и палка), в которой проигравший должен был получить царапину на лбу. Брасс выиграл, как всегда, и желтые полосы на голове лягушки-быка показывают, где его поцарапали пальцы азартного игрока.

Другая история гласит, что у быка-лягушки был фокусник, который раскрасил его голову желтыми полосками (брэсс), чтобы он выглядел более привлекательным для красивой женщины, которую он ухаживал.

61. ВЛЮБЛЕННЫЙ БЫК-ЛЕЖАЧИЙ

Молодой человек ухаживал за девушкой, которая его очень любила, но ее мать была так против него, что не позволяла ему приближаться к дому. Наконец он сделал трубу из ручки тыквы и ночью спрятался возле родника, пока старуха не спустилась за водой. Пока она черпала воду, он приложил трубу к губам и проворчал глубоким голосом, как лягушка-бык:

Яндаска'га хуньяху'ска,

Яндаска'га хуньяху'ска.

Критикант умрет,

Критикант умрет.

Женщина подумала, что это ведьма-лягушка-бык, и так испугалась, что уронила черпак и побежала обратно в дом, чтобы рассказать об этом людям. Все согласились, что это было предупреждение ей, чтобы она перестала вмешиваться в дела своей дочери, поэтому она дала свое согласие, и таким образом молодой человек получил свою жену.

Есть еще одна история о девушке, которая каждый день, когда спускалась к источнику за водой, слышала голос, поющий: *«Кунуну туцахьеси, Кунуну туцахьеси»*, «Лягушка-бык выйдет за тебя замуж, лягушка-бык выйдет за тебя замуж». Она долго размышляла над этим, пока однажды,

спустившись к источнику, не увидела сидящего на камне лягушку-быка, которая внезапно приняла облик молодого человека и попросила ее выйти за него замуж. Она согласилась и взяла его с собой домой. Но хотя он и имел облик человека, на его лице было что-то странное, похожее на лягушку-быка, так что семья девушки возненавидела его и в конце концов убедила ее прогнать его. Она рассказала ему об этом, и он ушел, но когда они в следующий раз спустились к источнику , они услышали голос: *Ste'tsĭ tûya'husĭ, Ste'tsĭ tûyahusĭ'*, «Ваша дочь умрет, ваша дочь умрет», и так и произошло вскоре после этого.

По некоторым рассказам, возлюбленный был головастиком, который принял человеческий облик, сохранив только свой головастиковый рот. Чтобы скрыть это, он постоянно отказывался есть с семьей, а стоял спиной к огню и скривил лицо, притворяясь, что у него болит зуб. Наконец его жена заподозрила неладное и, внезапно повернув его к огню, обнажила головастиковый рот, после чего все так сильно высмеяли его, что он навсегда покинул дом.

62. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СВЕРЧКА

Однажды ночью два охотника, разбив лагерь в лесу, готовили ужин, когда рядом с ними запела кузнечица. Один из них насмешливо сказал: *«Ку!* Она поет и не знает, что умрет до конца сезона». Кузнечик ответил: *«Ку! Ниви* (ономатопея); О, так ты говоришь; но тебе не нужно хвастаться. Ты умрешь до завтрашней ночи». На следующий день они были застигнуты врасплох врагом, и охотник, который насмехался над кузнечиком, был убит.

63. ÛÑTSAIYĬ′, АЗАРТНЫЙ ИГРОК

Гром живет на западе, или чуть южнее запада, недалеко от места, где солнце садится за водой. В старину он иногда отправлялся в путешествие на восток, и однажды, после того как он вернулся из одного из таких путешествий, на востоке родился ребенок, который, по словам людей, был его сыном. Когда мальчик вырос, оказалось, что у него по всему телу были язвы от золотухи, и однажды его мать сказала ему: «Твой отец, Гром, великий врач. Он живет далеко на западе, но если ты найдешь его, он сможет тебя вылечить».

И мальчик отправился на поиски своего отца, чтобы вылечиться. Он долго путешествовал на запад, спрашивая всех, кого встречал, где живет Гром, пока наконец ему не сказали, что до него осталось совсем немного. Он пошел дальше и пришел в Ûñtiguhĭ′, в Теннесси, где жил Ûñtsaiyĭ′ «Латунь». Ûñtsaiyĭ′ был большим азартным игроком и зарабатывал на жизнь именно этим. Именно он изобрел игру *gatayûstĭ*, в которую мы играем с каменным колесом и палкой. Он жил на южной стороне реки и всех, кто проходил мимо, вызывал на игру. Большой плоский камень с линиями и канавками, по которым они катили колесо, все еще находится там, вместе с самими колесами и палкой, превратившимися в камень. Он выигрывал почти каждый раз, потому что был очень хитрым, так что его дом был заполнен всевозможными прекрасными вещами. Иногда он проигрывал, и тогда он ставил на кон все, что у него было, даже свою жизнь, но победитель не получал ничего за свои труды, потому что Ûñtsaiyĭ′ умел принимать разные обличья, так что всегда уходил.

Как только Ûñtsaiyĭ′ увидел его, он попросил его остановиться и поиграть немного, но мальчик сказал, что ищет своего отца, Грома, и у него нет времени ждать. «Ну, — сказал Уньцайи, — он живет в соседнем доме; ты можешь слышать, как он все время ворчит» — он имел в виду Громовержца, — «так что мы можем сыграть пару раз, прежде чем ты пойдешь». Мальчик сказал, что у него нет ничего, что можно было бы поставить на кон. «Ничего страшного», — сказал азартный игрок, — «мы будем играть на твои красивые пятна». Он сказал это, чтобы разозлить мальчика, чтобы тот согласился играть, но мальчик все равно сказал, что сначала должен найти своего отца, а потом вернется.

Он ушел, и вскоре Гром получил известие, что его ищет мальчик, который утверждает, что он его сын. Гром сказал: «Я путешествовал по многим странам и у меня много детей. Приведите его сюда, и мы скоро узнаем». Итак, они привели мальчика, и Гром показал ему место и велел сесть. Под одеялом на сиденье были длинные острые шипы медовой акации, все торчащие вверх, но когда мальчик сел, они не поранили его, и тогда Гром понял, что это его сын. Он спросил мальчика, зачем он пришел. «У меня по всему телу язвы, и моя мать сказала мне, что ты мой отец и великий врач, и что, если я приду сюда, ты меня вылечишь». «Да», — сказал его отец, — «я великий врач, и скоро тебя вылечу».

В углу стоял большой котел, и он велел своей жене наполнить его водой и поставить на огонь. Когда вода закипела, он бросил в нее несколько корней, а затем взял мальчика и опустил его туда же. Он дал воде кипеть так долго, что казалось, будто плоть бедного мальчика отварилась от костей, а затем велел своей жене взять котел и бросить его в реку вместе с мальчиком. Она сделала, как ей велели, и бросила его в воду, и с тех пор там есть водоворот, который мы называем Ûñ′tiguhĭ′, «Кастрюля в воде». На берегу выше росли дерево сервис и куст калико. Поднялось большое облако пара, которое оставило полосы и пятна на их коре, и так осталось до сих пор. Когда пар рассеялся, она посмотрела и увидела мальчика, цепляющегося за корни ивового дерева,

свисающие в воду, но теперь его кожа была чистой. Она помогла ему подняться на берег, и они вернулись домой. По дороге она сказала ему: «Когда мы войдем, твой отец наденет на тебя новое платье, но когда он откроет свой ящик и скажет тебе выбрать украшения, обязательно бери их со дна. Тогда он позовет своих других сыновей, чтобы они сыграли с тобой в мяч. Перед домом растет дерево медовой акации, и как только ты начнешь уставать, ударь по нему, и твой отец остановит игру, потому что он не хочет потерять это дерево».

Когда они вошли в дом, старик был рад видеть, что мальчик выглядит так чисто, и сказал: «Я знал, что скоро смогу вылечить эти пятна. Теперь мы должны тебя одеть». Он принес красивый костюм из оленьей кожи с поясом и головным убором и велел мальчику надеть их. Затем он открыл ящик и сказал: «Теперь выбери себе ожерелье и браслеты». Мальчик посмотрел, и коробка была полна всевозможных змей, скользящих друг по другу с поднятыми головами. Он не испугался, но вспомнил, что сказала ему женщина, и опустил руку на дно, вытащил большую гремучую змею и надел ее на шею в качестве ожерелья. Он опустил руку еще четыре раза и вытащил четыре медных головы, которые обвил вокруг запястий и лодыжек. Затем его отец дал ему боевую дубинку и сказал: «Теперь ты должен сыграть в мяч со своими двумя старшими братьями. Они живут за пределами этой земли, в Земле Мрака, и я послал за ними». Он сказал «сыграть в мяч», но имел в виду, что мальчик должен сражаться за свою жизнь. Пришли молодые люди, и они были старше и сильнее мальчика, но он не испугался и сражался с ними. Грохотал гром и сверкали молнии при каждом ударе, потому что они были молодыми Громом, а сам мальчик был Молнией. Наконец он устал защищаться в одиночку от двоих и сделал вид, что наносит удар по дереву медовой акации. Тогда его отец остановил бой, потому что боялся, что молния расколет дерево, и увидел, что мальчик храбрый и сильный.

Мальчик рассказал отцу, как Ûñtsaiyĭ′ вызвал его на игру и даже предложил поставить на кон пятна на его коже. «Да, — сказал Гром, — он великий азартный игрок и зарабатывает таким образом на жизнь, но я позабочусь о том, чтобы ты выиграл». Он принес маленькую тыкву с отверстием в горлышке и привязал ее к запястью мальчика. Внутри тыквы была нитка с бусинами, один конец которой свисал из отверстия в верхней части, но внутри нитки не было конца. «Теперь, — сказал отец, — вернись по тому же пути, по которому пришел, и как только он тебя увидит, он захочет сыграть на бусины. Его очень трудно победить, но на этот раз он проиграет каждую игру. Когда он закричит, что хочет пить, ты поймешь, что он начинает терять надежду, и тогда ударь по камню своим боевым дубиной, и появится вода, чтобы ты мог играть без остановки. Наконец он поставит на кон свою жизнь и проиграет. Тогда сразу пошли за своими братьями, чтобы они убили его, иначе он сбежит, он очень хитрый».

Мальчик взял тыкву и свою боевую дубинку и отправился на восток по дороге, по которой пришел. Как только Ûñtsaiyĭ′ увидел его, он позвал его, и когда он увидел тыкву с ниткой бус, свисающей из нее, он захотел сыграть за нее. Мальчик вытащил нитку, но она казалась бесконечной, и он продолжал тянуть, пока не вытащил достаточно, чтобы сделать круг вокруг игровой площадки. «Я сыграю одну игру за столько против твоей ставки, — сказал мальчик, — а когда она закончится, мы сможем сыграть еще одну игру».

Они начали игру с колесом и палкой, и мальчик выиграл. Ûñtsaiyĭ′ не знал, что и думать, но он поставил еще одну ставку и предложил сыграть вторую игру. Мальчик снова выиграл, и так они играли до полудня, когда Ûñtsaiyĭ′ потерял почти все, что у него было, и был на грани отчаяния. Было очень жарко, и он сказал: «Я очень хочу пить ( )», и хотел сделать перерыв, чтобы попить. «Нет», — сказал мальчик и ударил по камню своей палкой, так что из него потекла вода, и они напились. Они играли, пока Уньцайи не проиграл все свои оленьи шкуры и бисерные изделия, орлиные перья и украшения, и наконец предложил поставить на кон свою жену. Они играли, и мальчик выиграл ее. Тогда Уньцайи в отчаянии предложил поставить на кон свою жизнь. «Если я

выиграю, я убью тебя, а если выиграешь ты, ты можешь убить меня». Они играли, и мальчик выиграл.

«Позволь мне пойти и сказать моей жене, — сказал Ûñtsaiyĭ′, — чтобы она приняла своего нового мужа, а потом ты сможешь убить меня». Он вошел в дом, но у него было две двери, и хотя мальчик долго ждал, Ûñtsaiyĭ′ не возвращался. Когда он наконец пошел его искать, то обнаружил, что игрок вышел через заднюю дверь и уже почти скрылся из виду, уходя на восток.

Мальчик побежал в дом своего отца и попросил братьев помочь ему. Они взяли с собой собаку — Рогатого Зеленого Жука — и поспешили за азартным игроком. Он бежал быстро и вскоре скрылся из виду, а они следовали за ним так быстро, как могли. Через некоторое время они встретили старую женщину, которая лепила глиняную посуду, и спросили ее, не видела ли она Уньцайи, но она ответила, что нет. «Он пошел в эту сторону», — сказали братья. «Тогда он, должно быть, прошел ночью, — сказала старуха, — потому что я была здесь весь день». Они уже собирались пойти по другой дороге, когда Жук, который кружил в воздухе над старухой, бросился на нее и ударил ее по лбу, и раздался звук, как от латуни — *ûñtsaiyĭ′*! Тогда они поняли, что это был Брасс, и бросились на него, но он вскочил в своем истинном обличье и убежал, бежав так быстро, что вскоре снова исчез из виду. Жук ударил так сильно, что часть латуни отскочила, и мы до сих пор можем видеть ее на лбу жука.

Они пошли за ним и подошли к старику, сидящему у тропы и вырезающему каменную трубку. Они спросили его, видел ли он Медь, проходящую мимо, и он ответил, что нет, но снова Жук — который мог узнать Медь в любом обличье — ударил его по лбу, так что раздался звук, похожий на звон металла, и азартный игрок вскочил в своем истинном обличье и снова убежал, прежде чем они смогли его удержать. Он бежал на восток, пока не добежал до большой воды; затем он бежал на север, пока не добежал до края света, и ему пришлось снова повернуть на запад. Он принимал всевозможные формы, чтобы сбить их со следа, но Зеленый Жук всегда узнавал его, и братья преследовали его так упорно, что в конце концов он не смог бежать дальше, и они поймали его, когда он добежал до края большой воды, где заходит солнце.

Они связали ему руки и ноги виноградной лозой, пронзили его грудь длинным колом и воткнули его далеко в глубокую воду. Они посадили двух ворон на конец кола, чтобы они его охраняли, и назвали это место *Кагуньи,* «Место ворон». Но Брасс никогда не умирал и не может умереть до конца света, а лежит там всегда лицом вверх. Иногда он бьется под водой, пытаясь освободиться, и иногда бобры, которые являются его друзьями, приходят и грызут виноградную лозу, чтобы освободить его ( ). Тогда колышек трясется, и вороны на верхушке кричат *«Ка! Ка! Ка!»* и отпугивают бобров.

64. ГНЕЗДО ТЛЕНУВ

На северном берегу реки Литл Теннесси, в изгибе ниже устья ручья Ситико, в округе Блаунт, штат Теннесси, над водой возвышается высокий утес, и примерно на середине высоты скалы находится пещера с двумя входами. Скала выступает над пещерой, так что вход не виден сверху, и кажется невозможным добраться до пещеры ни сверху, ни снизу. На скале от пещеры до воды видны белые полосы. Чероки называют это место Tlă′nuwâ′ĭ, «место Tlă′nuwă», или великого мифического ястреба.

В древние времена, вскоре после сотворения мира, пара Tlă′nuwăs гнездилась в этой пещере. Полосы на скале образовались от помета из гнезда. Это были огромные птицы, больше, чем любые из ныне живущих, очень сильные и свирепые. Они постоянно летали вверх и вниз по реке, прилетали в поселения и уносили собак и даже маленьких детей, играющих возле домов. Никто не

мог добраться до гнезда, чтобы убить их, а когда люди пытались стрелять в них, стрелы только отскакивали и были схвачены и унесены в когтях Tlă′nuwăs.

Наконец люди обратились к великому знахарю, который пообещал им помочь. Некоторые боялись, что если ему не удастся убить Tlă′nuwăs, они отомстят людям, но знахарь- сказал, что он может это исправить. Он сделал длинную веревку из коры линна, как это до сих пор делают чероки, с петлями для ног, и попросил людей спустить его с вершины утеса в тот момент, когда он знал, что старые птицы улетели. Когда он оказался напротив входа в пещеру, он все еще не мог до нее дотянуться, потому что скала над ним нависала, поэтому он несколько раз раскачивался вперед и назад, пока веревка не оказалась достаточно близко, чтобы он мог затянуть себя в пещеру с помощью крючкообразной палки, которую он нес с собой и которую ему удалось закрепить в кустах, растущих у входа. В гнезде он нашел четырех птенцов, а на полу пещеры лежали кости всевозможных животных, принесенных туда ястребами. Он вытащил птенцов из гнезда и бросил их со скалы в глубокую воду, где их доела огромная змея Уктена, обитавшая там. В этот момент он увидел двух старых птиц и едва успел взобраться на вершину скалы, прежде чем они достигли гнезда.

Увидев пустое гнездо, они пришли в ярость и кружили в воздухе, пока не увидели, как змея подняла голову из воды. Тогда они бросились вниз, и пока один схватил змею когтями и унес ее высоко в небо, его партнер ударил ее и откусил кусок за куском, пока от нее ничего не осталось. Они были так высоко, что когда куски упали, они пробили дыры в скале , которые до сих пор можно увидеть там, в месте, которое мы называем «Где Tlă′nuwă разрезали ее», напротив устья Citico. Затем два Tlă′nuwă кружили все выше и выше, пока не исчезли из виду, и с тех пор их больше никто не видел.

65. ОХОТНИК И TLĂ′NUWĂ

Однажды охотник, находясь в лесу, увидел над головой Тлануву из племени Тланува ( ) и попытался спрятаться от него, но великая птица уже заметила его, спустилась вниз, вонзила когти в его охотничий рюкзак и унесла его высоко в воздух. Пока летела, Tlă′nuwă, которая была матерью птиц, заговорила и сказала охотнику, что ему нечего бояться, так как она не причинит ему вреда, а только хочет, чтобы он остался на некоторое время с ее птенцами, чтобы охранять их, пока они не станут достаточно взрослыми, чтобы покинуть гнездо. Наконец они приземлились у входа в пещеру на крутом утесе. Внутри с потолка капала вода, а в дальнем конце находилось гнездо из веток, в котором сидели два птенца. Старая Tlă′nuwă посадила охотника, а затем улетела, вскоре вернувшись с только что убитым оленем, которого она разорвала на куски, отдав первый кусок охотнику, а затем накормив двух птенцов.

Охотник пробыл в пещере много дней, пока птенцы почти не выросли, и каждый день старая мать-ястреб улетала из гнезда и возвращалась вечером с оленем или медведем, первый кусок которого она всегда отдавала охотнику. Он очень хотел увидеть свой дом, но Тланува продолжал говорить ему, чтобы он не беспокоился, а подождал еще немного. Наконец он решил сбежать из пещеры и наконец-то придумал план. На следующее утро, после того как старая птица улетела, он потащил одного из птенцов к входу в пещеру и привязал себя к одной из его лап ремнем из своего охотничьего рюкзака. Затем плоской стороной томагавка он несколько раз ударил его по голове, пока тот не ошеломился и не потерял сознание, и толкнул птицу и себя вместе с уступа скалы в воздух.

Они упали далеко, далеко вниз, к земле, но воздух снизу поддерживал крылья птицы, так что казалось, будто они летят. Когда Тланува пришла в себя, она попыталась взлететь вверх, к гнезду, но охотник снова ударил ее топором, пока она не ошеломилась и не упала снова. Наконец они

приземлились на верхушке тополя, и охотник развязал ремешок с ноги молодой птицы и отпустил ее, сначала вырвав из ее крыла перо. Он спустился с дерева и пошел домой в поселение, но когда он заглянул в свой рюкзак, чтобы найти перо, то обнаружил там камень.

66. УТЛУНТ, КОПЬЕ-ПАЛЕЦ

Давным-давно — *hĭlahi'yu* — в горах жила ужасная людоедка, женщина-монстр, которая питалась человеческими печенками. Она могла принимать любую форму или облик, чтобы достичь своей цели, но в своей правой форме она очень походила на старуху, за исключением того, что все ее тело было покрыто кожей, твердой как камень, которую не могло ранить или пробить никакое оружие, и что на правой руке у нее был длинный каменный указательный палец из кости, похожий на шило или наконечник копья, которым она пронзала всех, к кому могла подойти достаточно близко. Из-за этого ее называли *Утлун'та*, «Копье-палец», а из-за ее каменной кожи ее иногда называли *Нуньюну'ви*, «Каменное платье». Было еще одно каменное чудовище, которое убивало людей, но это уже другая история.

Копьепальце обладала такой силой над камнем, что могла легко поднимать и переносить огромные камни, а также скреплять их друг с другом, просто ударяя один о другой. Чтобы легче преодолевать пересеченную местность, она решила построить большой каменный мост через воздух от Нунью-тлугуньи, «Дерево-скалы», на Хивасси, до Санигилаги (гора Уайтсайд) на голубом хребте, и уже хорошо продвинулась от вершины «Дерево-скалы», когда в нее ударила молния и разбросала осколки по всему хребту, где их до сих пор могут увидеть те, кто бывает там. Она бродила по горам у истоков ручьев и в темных перевалах Нантахала, всегда голодная и ищущая жертв. Ее любимым местом на стороне Теннесси был перевал на тропе, где гора Чилхоуи спускается к реке.

Иногда старуха подходила к тропе, где дети собирали клубнику или играли возле деревни, и ласково говорила им: «Идите, внучки мои, идите к бабушке, бабушка причешет вам волосы». Когда какая-нибудь маленькая девочка подбегала и клала голову на колени старухи, чтобы та ее погладила и причесала, старая ведьма нежно проводила пальцами по волосам ребенка, пока тот не засыпал, а затем пронзала маленькую девочку в сердце или в затылок длинным шилом, которое она держала спрятанным под одеждой. Затем она вынимала печень и съедала ее.

Она входила в дом, принимая облик одного из членов семьи, который случайно вышел на короткое время, и ждала подходящего момента, чтобы пронзить кого-нибудь своим длинным пальцем и вынуть его печень. Она могла ударить его незаметно, и часто жертва даже не подозревала об этом в тот момент, поскольку это не оставляло раны и не причиняло боли, но продолжала заниматься своими делами, пока вдруг не чувствовала слабость и не начинала постепенно чахнуть, и всегда умирала, потому что Копьепальце вынимала ее печень.

Когда чероки выходили осенью, согласно своему обычаю, сжигать листья в горах, чтобы собрать каштаны, они никогда не были в безопасности, потому что старая ведьма всегда была начеку, и как только она видела поднимающийся дым, она знала, что там есть индейцы, и подкрадывалась, чтобы застать кого-нибудь врасплох. Поэтому они старались держаться вместе и были очень осторожны, не подпуская к лагерю посторонних. Но если кто-то спускался к источнику, чтобы попить, они никогда не знали, не вернется ли печеноед и не сядет ли с ними.

Иногда она принимала свой обычный облик, и однажды или дважды, когда они были далеко от поселений, одинокий охотник видел старуху со странной рукой, идущую по лесу и тихо напевающую себе под нос:

Uwe'la nátsĭkû'. Su' să' sai'.

Печень, я ем ее. Су′ са′ сай′.

Это была довольно красивая песня, но она леденила ему кровь, потому что он знал, что это была пожирательница печени, и он поспешил уйти, не произнеся ни слова, пока она не заметила его.

Наконец, был созван великий совет, чтобы придумать способ избавиться от Утлунты, пока она не уничтожила всех. Люди сошли со всех сторон, и после долгих обсуждений было решено, что лучший способ — заманить ее в яму, где все воины смогут напасть на нее сразу. Поэтому они выкопали глубокую яму поперек тропы и засыпали ее землей и травой, как будто земля и не была тронута. Затем они развели большой костер из хвороста рядом с тропой и спрятались в лаврах, потому что знали, что она придет, как только увидит дым.

И действительно, вскоре они увидели старуху, идущую по тропе. Она была похожа на старуху, которую они хорошо знали в деревне, и хотя несколько мудрых мужчин хотели стрелять в нее, другие помешали им, потому что не хотели ранить одну из своих. Старуха медленно шла по тропе, держа одну руку под одеялом, пока не наступила на яму и не упала через кусты в глубокую яму внизу. Тогда она сразу показала свою истинную природу, и вместо слабой старухи появилась ужасная Утлунты с каменной кожей и острыми пальцами, которые тянулись во всех направлениях, чтобы кого-нибудь заколоть.

Охотники выбежали из зарослей и окружили яму, но, как бы точно и часто они ни стреляли, их стрелы ударялись о каменную кольчугу ведьмы, ломались и бесполезно падали к ее ногам, а она издевалась над ними и пыталась выбраться из ямы, чтобы добраться до них. Они держались от нее подальше, но только зря тратили свои стрелы, когда маленькая птичка, Utsŭ′‘gĭ , синица, присела на дерево над их головами и начала петь *«ун, ун, ун»*. Они подумали, что она говорит *«у'наху»*, сердце, имея в виду, что они должны целиться в сердце каменной ведьмы. Они направили свои стрелы туда, где должно было быть сердце, но стрелы только отскочили, сломав кремневые наконечники.

Тогда они поймали Utsŭ′‘gĭ и отрезали ему язык, так что с тех пор его язык короткий, и все знают, что он лжец. Когда охотники отпустили его, он взлетел прямо в небо, пока не исчез из виду, и больше никогда не возвращался. Синица, которую мы знаем сейчас, — лишь образ той синицы.

Они продолжали сражение безрезультатно, пока другая птица, маленькая Tsĭ′kĭlilĭ′, синица, не слетела с дерева и не приземлилась на правую руку ведьмы. Воины приняли это за знак, что они должны целиться туда, и они были правы, потому что ее сердце находилось внутри ее руки, которую она держала сжатой в кулак, той самой рукой с шилом, которой она пронзила столько людей. Теперь она испугалась по-настоящему и начала яростно набрасываться на них своим длинным шилообразным пальцем и прыгать по яме, чтобы уклониться от стрел, пока, наконец, счастливая стрела не попала точно в место, где шило соединялось с ее запястьем, и она упала замертво.

С тех пор цыкилили известен как вестник правды, и когда человек уезжает в путешествие, если эта птица прилетает и садится возле дома и щебечет свою песню, его друзья знают, что он скоро благополучно вернется домой.

67. НУНЮНУВЕ, КАМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Об этом мне рассказывали старики, когда я был мальчиком.

Однажды, когда все жители поселения ушли в горы на большую охоту, один человек, который пошел впереди, взобрался на вершину высокого хребта и обнаружил на другой стороне большую реку . Глядя на другую сторону, он увидел старика, который ходил по противоположному хребту с тростью, которая, казалось, была сделана из яркого, блестящего камня. Охотник наблюдал и видел, что через каждые несколько минут старик указывал тростью в определенном направлении, затем отводил ее назад и нюхал ее конец. Наконец он указал тростью в направлении охотничьего лагеря на другой стороне горы, и на этот раз, когда он отводил трость назад, он несколько раз понюхал ее, как будто она пахла очень хорошо, а затем пошел по гребню прямо к лагерю. Он двигался очень медленно, опираясь на трость, пока не достиг конца хребта, где бросил трость в воздух, и она превратилась в мост из блестящего камня, протянувшийся через реку. После того как он перешел по мосту, тот снова превратился в трость, и старик поднял ее и направился через гору к лагерю.

Охотник испугался и был уверен, что это предвещает беду, поэтому поспешил спуститься с горы и пошел по самой короткой тропе обратно в лагерь, чтобы добраться туда раньше старика. Когда он прибыл туда и рассказал свою историю, знахарь сказал, что старик был злобным людоедом по имени Нуньюнуви, «Одетый в камень», который жил в той части страны и всегда бродил по горам в поисках охотников, чтобы убить и съесть их. От него было очень трудно убежать, потому что его палка вела его, как собака, и убить его было почти так же трудно, потому что все его тело было покрыто кожей из твердой скалы. Если он придет, он убьет и съест их всех, и был только один способ спастись. Он не мог смотреть на женщину во время менструации, и если бы они могли найти семь женщин во время менструации, которые бы стояли на пути, когда он подойдет, этот вид убил бы его.

Поэтому они спросили всех женщин и нашли семерых, которые были больны этим недугом, а у одной из них он только начался. По приказу знахаря они разделись и встали вдоль тропы, по которой должен был идти старик. Вскоре они услышали, как Нуньюнуви идет через лес, прощупывая путь своей каменной тростью. Он подошел по тропе к месту, где стояла первая женщина, и, как только он ее увидел, вздрогнул и воскликнул: *«Ю!* Моя внучка, ты в очень плохом состоянии!» Он поспешил мимо нее, но через мгновение встретил следующую женщину и снова воскликнул: «*Ю!* Мое дитя, ты в ужасном состоянии», — и поспешил мимо нее, но теперь он уже изрыгал кровью. Он поспешил дальше и встретил третью, четвертую и пятую женщину, но с каждой из них его шаг становился все слабее, пока он не дошел до последней, у которой болезнь только началась, и кровь хлынула из его рта, и он упал на тропу.

Тогда знахарь пронзил его тело семью кольями из кисличного дерева и пригвоздил его к земле, а когда наступила ночь, они навалили на него большие бревна и подожгли их, и все люди собрались вокруг, чтобы посмотреть. Нуньюнуви был великим адавехи и знал много секретов, и теперь, когда огонь приблизился к нему, он начал говорить и рассказал им о лекарстве от всех видов болезней. В полночь он начал петь и пел охотничьи песни, чтобы привлечь медведей, оленей и всех животных лесов и гор. По мере того как огонь становился все жарче, его голос становился все тише и тише, пока, наконец, с наступлением рассвета, бревна превратились в кучу белого пепла, а голос умолк.

Тогда знахарь велел им разгрести пепел, и там, где лежало тело, они нашли только большой комок красной краски вади и волшебный камень улунсути. Он оставил камень себе и, собрав вокруг себя людей, раскрасил им лица и груди красной краской wâ′dĭ, и все, о чем каждый молился во время раскрашивания — будь то успех в охоте, мастерство в работе или долгая жизнь — то и получал в подарок.

68. ОХОТНИК В ДАКВЕ

В старину жила огромная рыба под названием Даква, которая обитала в реке Теннесси, где ручей Токо впадает в Дакваи, «место Даква», выше устья Теллико, и была настолько велика, что могла легко проглотить человека. Однажды каноэ, заполненное воинами, переправлялось из города на другой берег реки, когда Даква внезапно поднялась под лодку и выбросила всех в воздух. Когда они упали, она проглотила одного из них одним щелчком челюстей и погрузилась с ним на дно реки. Как только охотник пришел в себя, он обнаружил, что не пострадал, но внутри Dăkwă′ было так жарко и душно, что он чуть не задохнулся. Нащупывая в темноте, он наткнулся на множество ракушек-мидий ( ), которые проглотила рыба, и, взяв одну из них вместо ножа, начал прорезать себе путь наружу, пока рыба, обеспокоенная скрежетом в своем желудке, не поднялась на поверхность воды, чтобы глотнуть воздуха. Он продолжал резать, пока рыба не почувствовала такую боль, что начала плавать туда-сюда по течению и взбивать воду в пену своим хвостом. Наконец, отверстие стало настолько большим, что он смог выглянуть наружу и увидел, что Dăkwă′ теперь отдыхает на мелководье у берега. Он поднялся и выбрался из рыбы, двигаясь очень осторожно, чтобы Даква не заметил, а затем выбрался на берег и вернулся в поселение, но соки в желудке большой рыбы обжгли все волосы на его голове, и с тех пор он остался лысым.

ВЕРСИЯ ВАХНЕНАУХИ

Один мальчик был послан отцом по делам, но, не желая идти, он убежал к реке. Поиграв некоторое время в песке, он увидел нескольких своих знакомых мальчиков, которые подплыли на каноэ и пригласили его присоединиться к ним. Рад возможности уйти, он пошел с ними, но едва он сел в каноэ, как оно начало непонятно качаться и раскачиваться. Мальчики очень испугались, и в суматохе плохой мальчик упал в воду и был сразу же проглочен большой рыбой. Пролежав некоторое время в ее желудке, он очень проголодался и, оглядевшись, увидел над своей головой висящую рыбью печень. Подумав, что это вяленое мясо, он попытался отрезать кусок ракушкой, с которой играл и которую все еще держал в руке. Это вызвало у рыбы тошноту, и она выплюнула мальчика.

69. АТАГАХИ, ЗАКОЛДОВАННОЕ ОЗЕРО

К западу от истоков реки Оконалуфти, в самых диких глубинах гор Грейт-Смоки, которые образуют границу между Северной Каролиной и Теннесси, находится зачарованное озеро Атагâ′hĭ, «Место желчи». Хотя все чероки знают о его существовании, никто его никогда не видел, потому что путь к нему настолько труден, что только животные знают, как туда добраться. Если бы заблудившийся охотник подошел к этому месту, он узнал бы о нем по жужжащему звуку тысяч диких уток, летающих над озером, но, достигнув этого места, он обнаружил бы только сухую равнину, без птиц, животных и травинки, если бы он сначала не обострил свое духовное зрение молитвой, постом и ночным бдением.

Поскольку озеро не видно, некоторые люди думают, что оно давно высохло, но это не так. Тому, кто бодрствовал и постился всю ночь, на рассвете оно явится как широкое, но мелкое пурпурное водоем, питаемое родниками, бьющими из высоких скал вокруг. В воде обитают всевозможные рыбы и рептилии, а на поверхности плавают или над головой летают большие стаи уток и голубей, а по берегам повсюду видны следы медведей, пересекающие во всех направлениях. Это целебное озеро для птиц и животных, и всякий раз, когда медведь ранен охотниками, он пробирается через лес к этому озеру и погружается в воду, а когда выходит на другой стороне, его раны заживают. По этой причине животные не показывают озеро охотникам.

70. НЕВЕСТА С ЮГА

Север отправился в путешествие, и, пройдя долгий путь и встретив много разных племен, он наконец влюбился в дочь Юга и захотел жениться на ней. Девушка была согласна, но ее родители возразили и сказали: «С тех пор, как ты пришел, погода стала холодной, и если ты останешься здесь, мы все можем замерзнуть насмерть». Север упорно умолял их и сказал, что если они позволят ему взять их дочь, он отвезет ее в свою страну, и в конце концов они согласились. Они поженились, и он отвез свою невесту в свою страну, и когда она туда прибыла, она обнаружила, что все люди живут в ледяных домах.

На следующий день, когда взошло солнце, дома начали протекать, а когда солнце поднялось выше, они начали таять, и становилось все теплее и теплее, пока, наконец, люди не пришли к молодому мужу и не сказали ему, что он должен отправить свою жену обратно домой, иначе погода станет настолько теплой, что все поселение растает. Он любил свою жену и поэтому сопротивлялся, сколько мог, но по мере того, как солнце становилось все жарче, люди становились все настойчивее, и в конце концов ему пришлось отправить ее домой к родителям.

Люди сказали, что, поскольку она родилась на юге и всю жизнь питалась пищей, выращенной в том же климате, вся ее природа была теплой и непригодной для севера.

71. ЛЕДОВОЙ ЧЕЛОВЕК

Однажды, когда люди сжигали лес осенью, пламя подожгло тополь, который продолжал гореть, пока огонь не проник в корни и не прожег большую дыру в земле. Он горел и горел, и дыра становилась все больше и больше, пока люди не испугались и не забоялись, что он сожжет весь мир. Они пытались потушить огонь, но он проник слишком глубоко, и они не знали, что делать.

Наконец кто-то сказал, что далеко на севере в ледяном доме живет человек, который может потушить огонь, поэтому туда отправили послов, и после долгого путешествия они пришли к ледяному дому и нашли там Ледяного Человека. Он был маленьким человечком с длинными волосами, свисающими до земли двумя косами. Посланцы рассказали ему о своей миссии, и он сразу же сказал: «О да, я могу вам помочь», и начал расплетать свои волосы. Когда все волосы были расплетены, он взял их в одну руку и один раз ударил ими по другой руке, и посланцы почувствовали, как ветер дует им в щеки. Второй раз он ударил волосами по руке, и пошел легкий дождь. В третий раз, когда он ударил волосами по открытой ладони, к дождю примешался снег, а когда он ударил в четвертый раз, на землю упали большие градины, как будто они вылетели из кончиков его волос. «Возвращайтесь сейчас, — сказал Ледяной Человек, — а я буду там завтра». И посланцы вернулись к своему народу, который все еще беспомощно собрался вокруг большой горящей ямы.

На следующий день, когда все они наблюдали за огнем, с севера подул ветер, и они испугались, потому что знали, что он пришел от Ледяного Человека. Но ветер только разжег огонь еще сильнее. Затем пошел небольшой дождь, но капли, казалось, только разжигали огонь. Затем дождь перешел в сильный ливень со снегом и градом, который погасил огонь и заставил облака дыма и пара подниматься из красных углей. Люди убежали в свои дома, чтобы укрыться, а буря усилилась до вихря, который загнал дождь в каждую горящую щель и нагромоздил большие градины на угли, пока огонь не погас и даже дым не прекратился. Когда наконец все закончилось и люди вернулись, они обнаружили озеро на месте горящей ямы, и из-под воды доносился звук, как будто угли все еще потрескивали.

72. ОХОТНИК И СЕЛУ

Охотник весь день бродил по горам, не найдя ни одной дичи, и когда солнце село, он разжег костер в дупле, проглотил несколько ложек кукурузной каши и лег спать, уставший и полностью разочарованный. Примерно в середине ночи ему приснился сон, и ему показалось, что он слышит прекрасное пение, которое продолжалось до самого рассвета, а затем, казалось, угасло в верхних слоях атмосферы.

Весь следующий день он охотился с таким же плохим успехом, а ночью снова разбил свой одинокий лагерь в лесу. Он заснул, и странный сон приснился ему снова, но настолько ярко, что ему показалось, будто это происходит на самом деле. Проснувшись до рассвета, он все еще слышал песню и, теперь уже уверенный, что она реальна, пошел в направлении звука и обнаружил, что он исходил от одного зеленого стебля кукурузы (*селу*). Растение заговорило с ним и велело ему отрезать часть его корней и отнести их в свой дом в поселении, а на следующее утро жевать их и «пойти к воде», пока никто еще не проснулся, а затем снова выйти в лес, и он убьет много оленей и с тех пор всегда будет успешен в охоте. Кукурузное растение продолжало говорить, обучая его секретам охоты и советуя всегда быть щедрым с добычей, пока не наступил полдень и солнце не поднялось высоко, когда оно внезапно приняло облик женщины, грациозно поднялось в воздух и исчезло из виду, оставив охотника одного в лесу.

Он вернулся домой и рассказал свою историю, и все люди поняли, что он видел Селу, жену Канати. Он поступил так, как велел дух, и с тех пор был известен как самый удачливый из всех охотников в поселении.

73. ПОДЗЕМНЫЕ ПАНТЕРЫ

Однажды зимой охотник был в лесу, когда вдруг увидел приближающуюся к нему пантеру и сразу приготовился защищаться. Пантера продолжала приближаться, и охотник уже собирался выстрелить, когда животное заговорило, и вдруг человеку показалось, что между ними нет никакой разницы, что они оба одинаковы по своей природе. Пантера спросила его, куда он идет, и человек ответил, что ищет оленя. «Хорошо, — сказала пантера, — мы готовимся к танцу зеленого кукурузы, и нас семеро охотимся за оленем, так что мы можем охотиться вместе».

Охотник согласился, и они пошли вместе. Они подняли одного оленя, потом другого, но пантера не подала никаких признаков и сказала только: « », « » («Они слишком малы; нам нужно что-то получше»). Поэтому охотник не стрелял, и они пошли дальше. Они подняли еще одного оленя, более крупного, и пантера прыгнула на него, перегрызла ему горло и, наконец, убила его после упорной борьбы. Охотник достал нож, чтобы снимать шкуру, но пантера сказала, что шкура слишком порвана, чтобы ее можно было использовать, и что они должны попробовать еще раз. Они нагнали еще одного большого оленя, и пантера убила его без труда, а затем, обернув его хвостом, бросила на спину. «Теперь пойдем в наш дом», — сказала она охотнику.

Пантера пошла впереди, неся добытого оленя на спине, вверх по небольшому ручью, пока они не дошли до источника, где, казалось, в склоне холма открылась дверь, и они вошли внутрь. Теперь охотник оказался перед большим городским домом с самыми прекрасными detsănûñʼlĭ, которые он когда-либо видел, а вокруг были зеленые деревья, и воздух был теплым, как летом. Там собралась большая компания, готовящаяся к танцу, и все они были пантерами, но почему-то охотнику все это казалось естественным. Через некоторое время другие, которые были на охоте, пришли с добычей, и начался танец. Охотник протанцевал несколько кругов, а затем сказал, что уже поздно и ему пора домой. Пантеры открыли дверь, он вышел и сразу же оказался снова один в лесу, и была зима, и было очень холодно, на земле и на всех деревьях лежал снег. Когда он добрался до поселения, он обнаружил, что группа людей как раз собиралась отправиться на его поиски. Они

спросили его, где он так долго был, и он рассказал им всю историю, а затем обнаружил, что пробыл в доме пантер несколько дней, а не совсем немного, как он думал.

Он умер через семь дней после своего возвращения, потому что уже начал приобретать характер пантеры и поэтому не мог больше жить с людьми. Если бы он остался с пантерами, он бы выжил.

74. ЦУНДИГЕВ

Однажды несколько молодых людей из племени чероки отправились посмотреть, что есть в мире, и путешествовали на юг, пока не пришли к племени маленьких людей, называемых *Цундигеви*, с очень странной формой тела, едва достигающими колена человека, у которых не было домов, но которые жили в гнездах, вырытых в песке и покрытых сухой травой. Маленькие люди были настолько слабы и хилы, что не могли сражаться и постоянно жили в страхе перед дикими гусями и другими птицами, которые прилетали большими стаями с юга, чтобы воевать с ними.

Как раз в тот момент, когда путешественники прибыли туда, они застали маленьких людей в сильном страхе, потому что с юга дул сильный ветер и разносил по песку белые перья и пух, так что Цундигеви знали, что их враги недалеко. Чероки спросили их, почему они не защищаются, но они ответили, что не могут, потому что не знают, как. Не было времени изготавливать луки и стрелы, но путешественники сказали им взять палки в качестве дубин и показали, куда нужно бить птиц по шее, чтобы убить их.

Ветер дул несколько дней, и наконец птицы прилетели, их было так много, что они казались огромным облаком в воздухе, и сели на песок. Маленькие люди побежали к своим гнездам, а птицы последовали за ними и втыкали в них свои длинные клювы, чтобы вытащить их и съесть. Однако на этот раз у цундигеви были дубинки, и они били птиц по шее, как показал им чероки, и убили так много, что в конце концов остальные были рады расправить крылья и улететь обратно на юг.

Маленькие люди поблагодарили чероки за помощь и дали им все самое лучшее, что у них было, пока путешественники не отправились дальше, чтобы увидеть другие племена. Позже они услышали, что птицы прилетали еще несколько раз, но Цундигеви всегда прогоняли их дубинами, пока не прилетела стая песчаных журавлей. Они были настолько высокими, что маленькие люди не могли дотянуться до их шеи, чтобы ударить их, и в конце концов журавли убили их всех.

75. ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕДВЕДЯ: ПЕСНИ О МЕДВЕДЕ

Давным-давно существовал клан чероки под названием Ани′-Ца′гухи, и в одной семье этого клана был мальчик, который часто уходил из дома и целый день проводил в горах. Со временем он стал ходить все чаще и оставаться все дольше, пока, наконец, не перестал есть дома, а начал уходить на рассвете и возвращаться только ночью. Родители ругали его, но это не помогало, и мальчик продолжал ходить каждый день, пока они не заметили, что по всему его телу начали расти длинные коричневые волосы. Тогда они удивились и спросили его, почему он так хочет быть в лесу, что даже не ест дома. Мальчик ответил: «Я нахожу там много еды, и она лучше, чем кукуруза и бобы, которые у нас есть в поселениях, и скоро я уйду в лес, чтобы остаться там навсегда». Родители были обеспокоены и умоляли его не покидать их, но он ответил: «Там лучше, чем здесь, и вы видите, что я уже начинаю меняться, так что я не могу больше жить здесь. Если вы пойдете со мной, там будет достаточно для всех нас, и вам никогда не придется работать, но если вы хотите пойти, вы должны сначала поститься семь дней».

Отец и мать обсудили это и рассказали старейшинам клана. Они провели совет по этому вопросу и, после того как все было сказано, решили: «Здесь мы должны много работать и не всегда имеем достаточно. Там, по его словам, всегда много и не нужно работать. Мы пойдем с ним». Итак, они постились семь дней, и на седьмой день утром все Ани′-Цагухи покинули поселение и отправились в горы, а мальчик вел их.

Когда жители других городов услышали об этом, они очень опечалились и послали своих вождей, чтобы убедить Ани′-Ца′гухи остаться дома и не уходить жить в лес. Посланцы нашли их уже в пути и были удивлены, заметив, что их тела начали покрываться шерстью, как у животных, потому что в течение семи дней они не принимали человеческой пищи, и их природа менялась. Ани′-Ца′гухи не хотели возвращаться, но сказали: «Мы уходим туда, где всегда есть много еды. Отныне нас будут называть *яну* (медведи), и когда вы сами будете голодны, приходите в лес и зовите нас, и мы придем, чтобы дать вам свою плоть. Не бойтесь убивать нас, потому что мы будем жить вечно». Затем они научили посланников песням, которыми нужно было их звать, и эти песни до сих пор сохранились у охотников на медведей. Когда они закончили петь, Ани′-Ца′гухи снова отправились в путь, а посланники вернулись в поселения, но, пройдя немного, они оглянулись и увидели стадо медведей, уходящее в лес.

Первая песня о медведе

Эй! Ани'-Цагухи, Ани'-Цагухи, аквандули эланти гинунти,

Ани'-Цагухи, Ани'-Цагухи, аквандули эланти гинунти—Ю!

Хе-е! Ани′-Цагухи, Ани′-Цагухи, я хочу повалить их на землю,

Ани′-Цагухи, Ани′-Цагухи, я хочу повалить их на землю — Ю!

Медвежий охотник каждое утро начинает свой день с поста и не ест до самого вечера. Он поет эту песню, когда покидает лагерь, и снова на следующее утро, но никогда дважды в один и тот же день.

* * *

Вторая песня о медведе

Эту песню также поет охотник на медведей, чтобы привлечь медведей, когда он идет из лагеря к месту, где он планирует охотиться в течение дня. Мелодия простая и жалобная.

Хе-е! Хаюяханива, хаюяханива, хаюяханива, хаюяханива,

Цистуйи нехандуяну, Цистуйи нехандуяну — Йохо-о!

Хе-е! Хаюяханива, хаюяханива, хаюяханива, хаюяханива,

Кувахи нехандуяну, Кувахи нехандуяну — Йохо-о!

Хе-е! Хаюяханива, хаюяханива, хаюяханива, хаюяханива,

Уйахье нехандуяну, Уйахье нехандуяну — Йохо-о!

Хе-е! Хаюяханива, хаюяханива, хаюяханива, хаюяханива,

Гатегва нехандуяну, Гатегва нехандуяну — Йохо-о!

(Рецитируется) *Уле-ну асехи тадея статакухи гуньнаге асту цики.*

Эй! Хаюяханива (четыре раза),

В Цистуи ты был зачат (два раза) — Йохо!

Эй! Хаюяханива (четыре раза),

В Кувахи ты был зачат (два раза) — Йохо!

Эй! Хаюяханива (четыре раза),

В Уйахье ты был зачат (два раза) — Йохо!

Хей! Хаюяханива (четыре раза),

В Гатегва ты был зачат (два раза) — Йохо!

И теперь, несомненно, мы и добрые черные существа, лучшие из всех, увидим друг друга.

76. МЕЧАТЕЛЬ

Один человек пошел на охоту в горы и встретил черного медведя, которого ранил стрелой. Медведь развернулся и побежал в другую сторону, а охотник последовал за ним, стреляя в него одну стрелу за другой, но не сбивая его. Это был медведь-целитель, который мог говорить и читать мысли людей, не говоря ни слова. Наконец он остановился, вытащил стрелы из своего бока и отдал их человеку, сказав: «Бесполезно стрелять в меня, ты не можешь меня убить. Приходи ко мне домой, и давай жить вместе». Охотник подумал про себя: «Он может убить меня», но медведь прочитал его мысли и сказал: «Нет, я не причиню тебе вреда». Человек снова подумал: «Как я смогу добыть себе еду?», но медведь знал его мысли и сказал: «Еды будет в изобилии». Итак, охотник пошел с медведем.

Они шли вместе, пока не дошли до отверстия в склоне горы, и медведь сказал: «Я не здесь живу, но здесь будет совет, и мы посмотрим, что они будут делать». Они вошли, и нора расширялась по мере того, как они шли, пока они не пришли к большой пещере, похожей на таунхаус. Она была полна медведей — старых медведей, молодых медведей и медвежат, белых медведей, черных медведей и бурых медведей — и большой белый медведь был вождем. Они сели в углу, но вскоре медведи почувствовали запах охотника и начали спрашивать: «Что это так плохо пахнет ?» Вождь сказал: «Не говорите так, это просто незнакомец, который пришел к нам. Оставьте его в покое». В горах становилось мало еды, и совет должен был решить, что с этим делать. Они разослали послов по всей округе, и пока они обсуждали, вошли два медведя и сообщили, что нашли в низине страну, где было так много каштанов и желудей, что они лежали по колено. Тогда все обрадовались и приготовились к танцу, а ведущим танца был тот, кого индейцы называют Калас-гунахита, «Длинные бедра», большой черный медведь, который всегда худой. После танца медведи заметили лук и стрелы охотника, и один из них сказал: «Это то, чем люди убивают нас. Давайте попробуем, может быть, мы сможем сражаться с людьми их же оружием». Итак, они взяли лук и стрелы у охотника, чтобы попробовать их. Они натянули тетиву и выпустили стрелу, но она зацепилась за их длинные когти и упала на землю. Они поняли, что не могут пользоваться луком и стрелами, и вернули их человеку. Когда танец и совет закончились, они начали возвращаться домой, за исключением вождя Белого Медведя, который жил там, и, наконец, охотник и медведь вышли вместе.

Они шли, пока не дошли до другой норы в склоне горы, и медведь сказал: «Здесь я живу», и они вошли внутрь. К этому времени охотник был очень голоден и думал, как бы ему раздобыть что-нибудь поесть. Другой знал о его мыслях, сел на задние лапы и почесал живот передними лапами — *вот так* — и сразу же набрал обе лапы каштанами и дал их человеку. Он снова потеребил живот — *вот так* — и набрал лапами полную порцию черники и отдал ее человеку. Он снова потеребил — *вот так* — и отдал человеку обе лапы, полные ежевики. Он снова потеребил — *вот так* — и набрал лапами полную порцию желудей, но человек сказал, что не может их есть и что ему уже достаточно.

Охотник жил в пещере с медведем всю зиму, пока по всему его телу не начали расти длинные волосы, как у медведя, и он не стал вести себя как медведь; но он все еще ходил как человек. Однажды ранней весной медведь сказал ему: «Твои люди в поселении готовятся к великой охоте в этих горах, и они придут в эту пещеру, убьют меня и заберут у меня эту одежду» — он имел в виду свою шкуру — «но тебе они не причинят вреда и заберут тебя с собой домой». Медведь знал, что люди делали в поселении, так же как он всегда знал, о чем думал человек. Прошло несколько дней, и медведь снова сказал: «Сегодня день, когда Топкноты придут убить меня, но Сплит-носы придут первыми и найдут нас. Когда они убьют меня, они вытащат меня из пещеры, снимут с меня

одежду и порежут на куски. Ты, , должен покрыть кровь листьями, а когда они будут уводить тебя, оглянись, пройдя немного, и ты увидишь кое-что».

Вскоре они услышали, как охотники поднимаются по горе, а затем собаки нашли пещеру и начали лаять. Охотники подошли, заглянули внутрь, увидели медведя и убили его стрелами. Затем они вытащили его из пещеры, сняли с него шкуру и порезали на четверти, чтобы отнести домой. Собаки продолжали лаять, пока охотники не решили, что в пещере, должно быть, еще один медведь. Они снова заглянули внутрь и увидели человека в дальнем конце. Сначала они подумали, что это еще один медведь из-за его длинных волос, но вскоре поняли, что это был охотник, пропавший годом ранее, поэтому они вошли и вытащили его. Затем каждый охотник взял по грузе медвежьего мяса, и они снова отправились домой, везя с собой человека и шкуру. Перед тем как уйти, человек насыпал листья на место, где они разрезали медведя, и когда они прошли немного, он оглянулся и увидел, как медведь поднялся из листьев, встряхнулся и вернулся в лес.

Когда они подошли к поселению, человек сказал охотникам, что его нужно запереть там, где его никто не увидит, без еды и питья на семь дней и ночей, пока медвежья натура не покинет его и он снова не станет человеком. Поэтому они заперли его одного в доме и старались никому об этом не рассказывать, но новость просочилась, и его жена узнала об этом. Она пришла за мужем, но люди не подпускали ее к нему; но она приходила каждый день и так сильно умоляла, что наконец, через четыре или пять дней, они отпустили его. Она забрала его домой, но вскоре он умер, потому что в нем все еще была медвежья натура и он не мог жить как человек. Если бы они держали его взаперти и на голодной диете до конца семи дней, он снова стал бы человеком и остался бы в живых.

77. ВЕЛИКАЯ ПИЩУЩАЯ ИЗ ТЛАНУСИ

Место, где река Вэлли впадает в Хивасси, в Мерфи, в Северной Каролине, известно среди чероки как Тлануси′и, «Место пиявок», и вот какую историю они рассказывают об этом месте:

Чуть выше перекрестка в реке Вэлли находится глубокая яма, а над ней — уступ скалы, пересекающий ручей, по которому люди раньше ходили, как по мосту. С южной стороны тропа поднималась на высокий берег, с которого можно было смотреть вниз на воду. Однажды несколько мужчин, идущих по тропе, увидели большой красный объект, размером с дом, лежащий на уступе скалы посреди ручья под ними. Когда они стояли, гадая, что это может быть, они увидели, как он развернулся — и тогда они поняли, что он живой — и вытянулся вдоль скалы, пока не стал похож на огромную пиявку с красно-белыми полосками по всему телу. Он свернулся в комок, снова вытянулся во всю длину, а затем сполз по скале и исчез из виду в глубокой воде. Вода закипела и запенилась, и высокий столб белой пены взметнулся в воздух и обрушился, как водяной столб, на то самое место, где стояли мужчины, и унес бы их всех в воду, если бы они не заметили его вовремя и не убежали с этого места.

Более одного человека унесло таким образом, и их друзья находили тела, лежащие на берегу с откушенными ушами и носами, пока, наконец, люди не стали бояться переходить через уступ из-за огромной пиявки или даже идти по этой части тропы. Но был один молодой человек, который посмеялся над всей этой историей и сказал, что он не боится ничего в реке Вэлли, и он им это докажет. Итак, однажды он раскрасил лицо, надел свою лучшую одежду из оленьей кожи и отправился к реке, а все люди следовали за ним на расстоянии, чтобы посмотреть, что произойдет. Он спустился по тропе и вышел на уступ скалы, весело напевая:

Tlanu'sĭ găne'ga digi'găge

Dakwa'nitlaste'stĭ.

Я привяжу красные кожи пиявок

На ноги, чтобы были подвязки.

Но еще не дойдя до середины, вода начала кипеть, покрываясь белой пеной, и поднялась большая волна, которая накрыла скалу и унесла его вниз, и его больше никто не видел.

Незадолго до переселения, шестьдесят лет назад, две женщины вышли на уступ, чтобы порыбачить. Их друзья предупредили их об опасности, но одна женщина, у которой на спине был ребенок, сказала: «Там есть рыба, и я собираюсь ее поймать; я устала от этого жирного мяса». Она положила ребенка на скалу и готовила удочку, когда вода внезапно поднялась и накрыла уступ, и унесла бы ребенка, если бы мать не успела вовремя прибежать и спасти его. Большая пиявка все еще находится в глубокой яме, потому что, когда люди смотрят вниз, они видят что-то живое, двигающееся на дне, и хотя они не могут различить ее форму из-за ряби на воде, они знают, что это пиявка. Некоторые говорят, что есть подземный водоток, пересекающий реку Ноттли, недалеко от устья, где река поворачивает в сторону Мерфи, и иногда пиявка перебирается туда и заставляет воду кипеть, как раньше на скалистом уступе. Это место на Ноттли они тоже называют «местом пиявок».

78. НУННЭХИ И ДРУГИЕ ДУХОВНЫЕ СУЩЕСТВА

Нуньнехи, или бессмертные, «люди, которые живут где угодно», были расой духовных существ, которые жили в высокогорьях старой страны чероки и имели множество таунхаусов, особенно в голых горах, высоких вершинах, на которых никогда не растет лес. У них были большие таунхаусы в Пайлот-Ноб и под старым курганом Никваси в Северной Каролине, а также еще один под горой Блад, у истоков реки Ноттели, в Джорджии. Они были невидимы, за исключением тех случаев, когда они хотели быть увиденными, и тогда они выглядели и говорили так же, как другие индейцы. Они очень любили музыку и танцы, и охотники в горах часто слышали танцевальные песни и барабанный бой в каком-то невидимом таунхаусе, но когда они шли в сторону звука, он смещался, и они слышали его позади себя или в каком-то другом направлении, так что они никогда не могли найти место, где происходил танец. Они были также дружелюбным народом и часто приводили заблудившихся странников в свои таунхаусы под горами и ухаживали за ними, пока те не отдыхали, а затем проводили их обратно домой. Более того, когда чероки подвергались сильному давлению со стороны врага, воины Нуньнехи выходили, как они делали в старом Никваси, и спасали их от поражения. Некоторые люди думали, что они такие же, как Юньви Цунсди, «Маленькие люди», но это феи, не больше детей.

В городе Ноттели жил человек, который в детстве был с Нуньнехи, и он рассказал Ваффорду все об этом. Он был честным, упрямым человеком, и Ваффорд так часто слышал эту историю от других людей, что попросил этого человека рассказать ее. Дело было так:

Когда ему было около 10 или 12 лет, он однажды играл у реки, стреляя из лука по мишени, пока не устал и не начал строить в воде рыболовную ловушку. Пока он складывал камни в две длинные стены, подошел мужчина, остановился на берегу и спросил его, что он делает. Мальчик рассказал ему, и мужчина сказал: «Ну, это довольно тяжелая работа, тебе нужно немного отдохнуть. Пойдем прогуляемся вверх по реке». Мальчик ответил: «Нет», что он скоро пойдет домой на обед. «Пойдем прямо ко мне домой, — сказал незнакомец, — я накормлю тебя хорошим обедом и утром отвезу тебя обратно домой». И мальчик пошел с ним вверх по реке, пока они не дошли до дома, вошли в него, и жена мужчины и другие люди, которые там были, очень обрадовались его видеть,

накормили его вкусным обедом и были с ним очень добры. Пока они ели, вошел мужчина, которого мальчик хорошо знал, и заговорил с ним, так что он почувствовал себя как дома.

После ужина он поиграл с другими детьми и переночевал там, а утром, после завтрака, мужчина собрался отвезти его домой. Они шли по тропе, по одну сторону которой было кукурузное поле, а по другую — огороженный персиковый сад, пока не дошли до другой тропы, и мужчина сказал: «Иди по этой тропе через тот хребет, и ты выйдешь на дорогу у реки, которая приведет тебя прямо к твоему дому, а я теперь вернусь в дом». Мужчина вернулся в дом, а мальчик пошел по тропе, но, пройдя немного, он оглянулся, и не увидел ни кукурузного поля, ни сада, ни забора, ни дома; только деревья на склоне горы.

Он подумал, что это очень странно, но почему-то не испугался и пошел дальше, пока не дошел до речной тропы, откуда был виден его дом. Там стояло много людей и разговаривало, и когда они увидели его , они побежали к нему, крича: «Вот он! Он не утонул и не погиб в горах!» Они сказали ему, что искали его с вчерашнего полудня, и спросили, где он был. «Один человек привел меня в свой дом, который находится прямо за хребтом, и я хорошо пообедал и весело провел время с детьми», — сказал мальчик. «Я думал, что Удсискала» — так звали человека, которого он видел за обедом — «скажет вам, где я был». Но Удсискала ответил: «Я тебя не видел. Я весь день был в каноэ и искал тебя. Это был один из Нуньнехи, который сделал себя похожим на меня». Тогда его мать сказала: «Ты говоришь, что ужинал там? » «Да, и я наелся», — ответил мальчик, но его мать ответила: «Там нет домов — только деревья и скалы, — но иногда мы слышим барабанный бой на большой голе выше. Люди, которых ты видел, были нуньнехи».

Однажды четыре женщины Нуньнехи пришли на танцы в город Ноттели и танцевали там с молодыми мужчинами половину ночи, и никто не знал, что они были Нуньнехи, а думали, что они приезжие из другого поселения. Около полуночи они ушли домой, и некоторые мужчины, вышедшие из городского дома, чтобы охладиться, наблюдали, в какую сторону они пошли. Они видели, как женщины спускались по тропе к броду через реку, но как только они подошли к воде, они исчезли, хотя это была ровная тропа, и там не было места, где они могли бы спрятаться. Тогда наблюдатели поняли, что это были женщины Нуньнехи. Несколько мужчин видели, как это произошло, и одним из них был тесть Уэффорда, который был известен как честный человек. В другой раз мужчина по имени Бурнт-тобак пересекал хребет от Ноттели до Хемптауна в Джорджии и услышал барабан и песни танцоров в холмах на одной стороне тропы. Он поехал посмотреть, кто может танцевать в таком месте, но когда он добрался до того места, барабан и песни были позади него, и он так испугался, что поспешил обратно на тропу и поехал в Хемптаун так быстро, как только мог, чтобы рассказать об этом. Он был честным человеком, и ему поверили.

Должно быть, в тех краях жило немало нуньнехи, потому что барабанный бой часто слышался на высоких голых вершинах почти до самого времени переселения.

На небольшом верхнем притоке Ноттели, протекающем почти на север от горы Блад, также была дыра, похожая на небольшой колодец или дымоход, в земле, из которой поднимался теплый пар, нагревавший весь воздух вокруг. Люди говорили, что это потому, что у Нуньнехи был таунхаус и огонь под горой. Иногда в холодную погоду охотники останавливались там, чтобы согреться, но боялись задерживаться надолго. Это было более шестидесяти лет назад, но дыра, вероятно, еще там.

Недалеко от старого торгового пути из Южной Каролины до территории племени чероки, где-то вблизи истоков реки Тугалу, раньше находилось известное круглое углубление размером с таунхаус и глубиной до пояса . Внутри оно всегда было чистым, как будто его подметали

неизвестные руки. Проходящие мимо торговцы бросали в него бревна и камни, но по возвращении всегда находили их выброшенными далеко от ямы. Индейцы говорили, что это был таунхаус Nûñnĕ′hĭ, и никогда не любили приближаться к этому месту и даже говорить о нем, пока, наконец, некоторые бревна, брошенные торговцами, не были оставлены там, и тогда они пришли к выводу, что Nûñnĕ′hĭ, раздраженные преследованиями белых людей, навсегда покинули свой таунхаус.

Есть еще одна раса духов, *Юньви Цунсди*, или «Маленькие люди», которые живут в скальных пещерах на склоне горы. Это маленькие существа, едва достигающие колена человека, но хорошо сложенные и красивые, с длинными волосами, спадающими почти до земли. Они великие чудотворцы и очень любят музыку, проводя половину своего времени за барабанами и танцами. Они отзывчивы и добросердечны, и часто, когда люди терялись в горах, особенно дети, которые отбились от родителей, Юньви Цунсди находили их, заботились о них и возвращали домой. Иногда их барабан слышен в уединенных местах в горах, но следовать за ним небезопасно, потому что маленькие люди не любят, когда их беспокоят дома, и они накладывают заклятие на незнакомца, чтобы он растерялся и сбился с пути, и даже если он в конце концов вернется в поселение, он будет как ошеломленный навсегда. Иногда они подходят к дому ночью, и люди внутри слышат их разговоры, но они не должны выходить, а утром они обнаруживают, что кукуруза собрана или поле очищено, как будто над этим работала целая армия людей. Если кто-нибудь выйдет посмотреть, он умрет. Когда охотник находит в лесу что-нибудь, например нож или безделушку, он должен сказать: «Маленькие люди, я хочу взять это», потому что это может принадлежать им, и если он не спросит их разрешения, они будут бросать в него камнями, когда он будет возвращаться домой.

Однажды зимой охотник нашел на снегу следы, похожие на следы маленьких детей. Он удивился, как они могли туда попасть, и пошел по следам, пока они не привели его к пещере, которая была полна маленьких людей, молодых и старых, мужчин, женщин и детей. Они привели его внутрь и были добры к нему, и он пробыл с ними некоторое время; но когда он уходил, они предупредили его, что он не должен никому рассказывать, иначе умрет. Он вернулся в поселение, и все его друзья были очень любопытны узнать, где он был. Долгое время он отказывался говорить, но в конце концов не выдержал и рассказал всю историю, а через несколько дней умер. Всего несколько лет назад два охотника из Равентауна, проходя за высоким водопадом у истоков Оконалуфти в резервации Восточных Чероки, нашли там пещеру со свежими следами маленьких людей по всему полу.

Во время эпидемии оспы среди восточных чероки сразу после войны один больной человек ушел и его друзья искали его, но не могли найти. Через несколько недель он вернулся и сказал, что Маленькие Люди ( ) нашли его, отвели в одну из своих пещер и ухаживали за ним, пока он не выздоровел.

Около двадцати пяти лет назад человек по имени Цантаву′ заблудился в горах на вершине Оконалуфти. Была зима, и было очень холодно, и его друзья думали, что он, наверное, умер, но через шестнадцать дней он вернулся и сказал, что Маленькие Люди нашли его и отвели в свою пещеру, где о нем хорошо заботились и давали ему много всего, кроме хлеба. Хлеб был в виде больших буханок, но когда он брал их в руки, чтобы съесть, они, казалось, сжимались в маленькие лепешки, такие легкие и крошащиеся, что, хотя он мог есть их весь день, он не мог насытиться. После того, как он хорошо отдохнул, они провели его часть пути домой, пока не дошли до небольшого ручья, глубиной примерно по колено, и сказали ему перейти его вброд, чтобы добраться до главной тропы на другой стороне. Он перешел ручей и обернулся, чтобы оглянуться, но маленькие люди исчезли, а ручей превратился в глубокую реку. Когда он добрался до дома, его ноги были замерзшими до колен, и он прожил всего несколько дней.

Когда-то Юньви Цунсди были очень добры к жителям одного поселения, помогая им ночью в работе и заботясь о потерявшихся детях, пока не произошло нечто, что обидело их, и они решили покинуть окрестности. Те, кто наблюдал за этим, видели, как вся компания маленьких людей спустилась к броду реки, перешла через него и исчезла в устье большой пещеры на другой стороне. Больше о них в окрестностях поселения ничего не слышали.

Есть и другие феи, *Юньви Амайинэхи*, или Водные обитатели, которые живут в воде, и рыбаки молятся им о помощи. Другие дружелюбные духи живут в домах людей, хотя никто их не видит, и пока они там, чтобы защищать дом, никакая ведьма не может приблизиться, чтобы причинить вред.

Tsăwa'sĭ и *Tsăga'sĭ* — имена двух маленьких фей, которые достаточно озорные, но все же часто помогают охотнику, который молится им. Цаваси, или Цаваси Усдига (Маленький Цаваси), — крошечный парень, очень красивый, с длинными волосами, спадающими до ног, который живет в травянистых зарослях на склонах холмов и обладает большой властью над дичью. Охотнику на оленей, который молится ему, он дает умение незаметно подкрадываться к оленю через высокую траву. Цагаси — еще один из духов, к которым обращается охотник, и он очень полезен, но когда кто-то спотыкается и падает, мы знаем, что это Цагаси виновен в этом. Есть еще несколько таких фей с именами, все они добродушные, но более или менее хитрые.

Еще есть *Деката*. Деката когда-то был мальчиком, который сбежал в лес, чтобы избежать царапин, и с тех пор пытается оставаться невидимым. Он симпатичный маленький парень и все свое время проводит, охотясь на птиц с помощью духового ружья и стрел. У него много детей, которые все похожи на него и носят то же имя. Когда стая птиц « » внезапно взлетает, как будто испугавшись, это потому, что Деката гонится за ними. Он озорной и иногда прячет стрелу у охотника на птиц, который, возможно, выпустил ее в совершенно чистое пространство, но ищет и ищет, не находя ее. Тогда охотник говорит: «Деката, у тебя моя стрела, и если ты ее не отдашь, я тебя поцарапаю», и когда он смотрит снова, он находит ее.

Есть один дух, который бродит по ночам со светом. Чероки называют его *Atsil'-dihye'gĭ*, «Огненосный», и все его боятся, потому что считают опасным, хотя и не знают о нем почти ничего. Они даже не знают, как он выглядит, потому что боятся остановиться, когда его увидят. Возможно, это ведьма, а не дух. Мать Уэффорда однажды видела «Огненосца», когда была молодой женщиной и возвращалась ночью домой из торгового поста в Южной Каролине. Казалось, что он следует за ней сзади, и она испугалась и пришпорила лошадь, пока не ушла от него и больше никогда его не видела.

79. УДАЛЕННЫЕ ТАУНХАУСЫ

Давным-давно, задолго до того, как чероки были изгнаны из своих домов в 1838 году, жители долины реки и Хивасси слышали в воздухе голоса невидимых духов, которые звали их и предупреждали о войнах и несчастьях, которые приготовило им будущее, и приглашали их прийти и жить с Нуньнехи, Бессмертными, в их домах под горами и под водой. Голоса витали в воздухе несколько дней, и люди слушали, пока не услышали, как духи сказали: «Если вы хотите жить с нами, соберите всех в своих таунхаусах и поститесь там семь дней, и никто не должен кричать или вопить в течение всего этого времени. Сделайте это, и мы придем, и вы увидите нас, и мы заберем вас, чтобы вы жили с нами».

Люди боялись грядущего зла и знали, что бессмертные из гор и вод были счастливы вечно, поэтому они собрались в своих городских домах и решили пойти с ними. Жители города Анисгайи собрались все вместе в своем городском доме и молились и постились шесть дней. На седьмой

день из дальних гор раздался звук, который становился все ближе и громче, пока весь городской дом не наполнился грохотом грома, и люди почувствовали, как земля под ними задрожала. Теперь они испугались, и, несмотря на предупреждение, некоторые из них закричали. Нуньнехи, которые уже подняли городской дом с его насыпью, чтобы унести его, испугались криков и уронили часть его на землю, где теперь мы видим насыпь Сеци. Они снова укрепились и отнесли остальную часть городского дома со всеми людьми в нем на вершину Цудайелуньи (Одинокая вершина), недалеко от истока Чеова, где мы все еще можем его увидеть, давно превратившегося в твердую скалу, но люди невидимы и бессмертны.

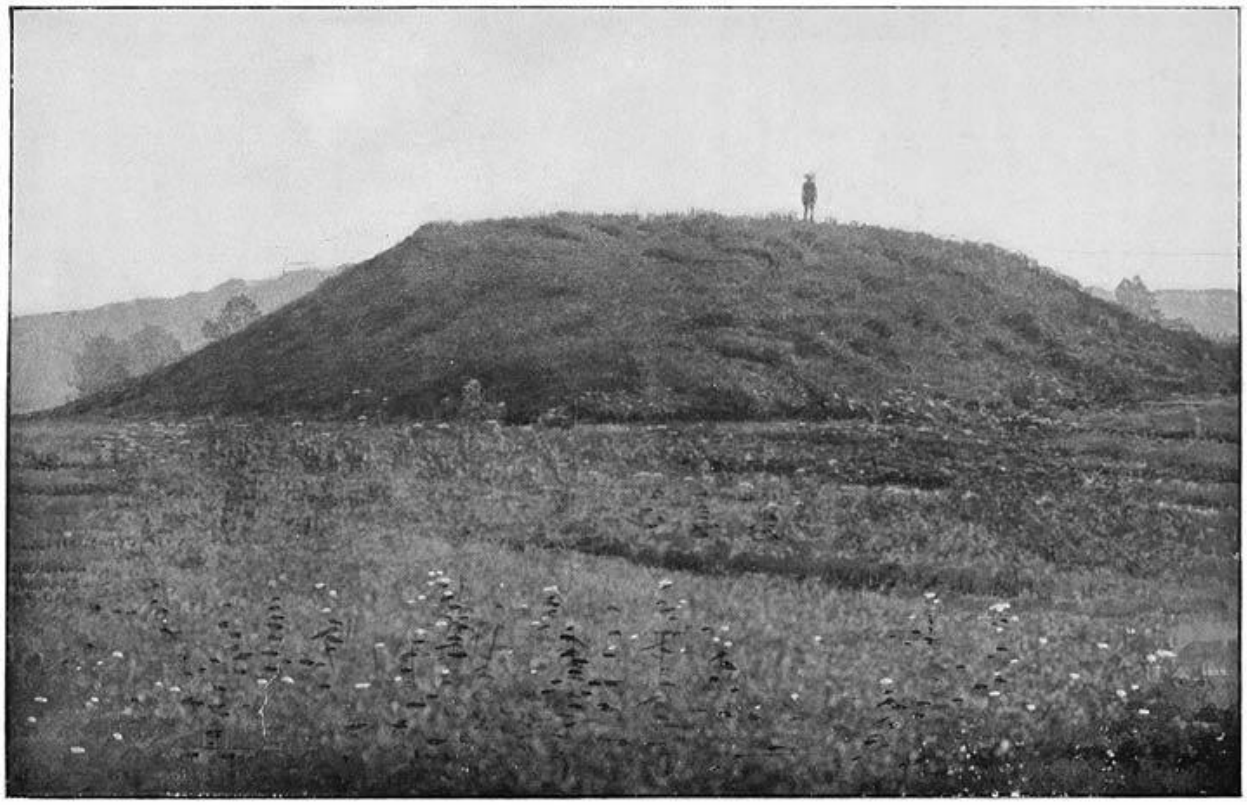
Люди из другого города, на Хивасси, в месте, которое мы сейчас называем Дустиялуньи, где впадает ручей Шутинг, также молились и постились, и по истечении семи дней Нуньнехи пришли и унесли их под воду. Они находятся там и сейчас, и в теплый летний день, когда ветер рябит поверхность, те, кто хорошо прислушивается, могут услышать их разговоры внизу. Когда чероки тянут сеть по реке, чтобы ловить рыбу, она всегда останавливается и зацепляется там, хотя вода глубокая, и люди знают, что ее удерживают их потерянные родственники, которые не хотят быть забытыми.

Когда чероки были насильно переселены на Запад, одним из самых больших сожалений тех, кто жил вдоль рек Хивасси и Вэлли, было то, что они были вынуждены навсегда оставить своих родственников, которые ушли в Нуньнехи.

На реке Теннесси, недалеко от Кингстона, в 18 милях ниже Лаудона, штат Теннесси, находится место, которое чероки называют Густи, где когда-то давно было поселение, но однажды ночью, когда люди собрались в городском доме для танцев, берег обрушился и унес их всех в реку. Лодочники, проплывающие мимо этого места на своих каноэ, видят круглый купол городского дома, теперь превратившегося в камень, в воде под ними и иногда слышат звуки барабанов и танцев, доносящиеся оттуда, и они никогда не забывают бросить в воду еду в обмен на то, что им позволяют безопасно переправиться.

80. ДУХОВНЫЕ ЗАЩИТНИКИ НИКВАСИ

Давным-давно могущественное неизвестное племя вторглось в страну с юго-востока, убивая людей и разрушая поселения, где бы они ни появлялись. Ни один вождь не мог противостоять им, и вскоре они разорили все низинные поселения и продвинулись в горы. Воины старого города Никваси, расположенного на вершине Малого Теннесси, собрали своих жен и детей в городском доме и постоянно держали разведчиков начеку, чтобы обнаружить опасность. Однажды утром, незадолго до рассвета, разведчики увидели приближающегося врага и сразу же подняли тревогу. Мужчины Никваси′ схватили оружие и бросились навстречу врагу, но после долгой и тяжелой битвы они оказались в меньшинстве и начали отступать, когда вдруг среди них появился незнакомец и крикнул вождю, чтобы тот отозвал своих людей, а он сам отразит врага. По одежде и языку незнакомца люди Никваси′ решили, что он вождь, прибывший с подкреплением из поселений Оверхилл в Теннесси. Они отступили по тропе и, подойдя к городскому дому, увидели большую группу воинов, выходящих из-за холма, как через открытую дверь. Тогда они поняли, что их друзьями были Нуньнехи, Бессмертные, хотя никто раньше не слышал, что они жили под курганом Никваси.



КУРГАН НИКВАСИ В ФРАНКЛИНЕ, СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА.

(С фотографии 1890 года, предоставленной г-ном Х. Г. Троттером, владельцем кургана)

Нуннехи высыпали сотнями, вооруженные и раскрашенные для битвы с индейцами племени тукасеги ( ), и самое любопытное в этом было то, что они становились невидимыми, как только выходили за пределы поселения, так что, хотя враг видел летящую стрелу или мчащийся томагавк и чувствовал удар, он не мог увидеть, кто его нанес. Перед такими невидимыми врагами захватчики вскоре были вынуждены отступить, сначала направившись на юг вдоль хребта к месту, где он соединяется с главным хребтом, отделяющим Френч-Брод от Тукасеги, а затем повернув вместе с ним на северо-восток. Отступая, они пытались укрыться за камнями и деревьями, но стрелы нуньнехи обходили камни и убивали их с другой стороны, и они не могли найти укрытия. Они падали вдоль всего хребта, и к тому времени, когда они достигли вершины Тукасеги, в живых осталось не более полудюжины, и в отчаянии они сели и стали просить пощады. С тех пор чероки называют это место Даюлсуньи, «Где они плакали». Тогда вождь Нуньнехи сказал им, что они заслужили наказание за нападение на мирное племя, и пощадил их жизни, велев им вернуться домой и передать новость своему народу. Таков был обычай индейцев — всегда оставлять в живых нескольких, чтобы они передали новость о поражении. Они отправились домой на север, а Нуньнехи вернулись на холм.

И они до сих пор там, потому что в последней войне, когда сильная группа федеральных войск пришла, чтобы застать врасплох горстку конфедератов, размещенных там, они увидели так много солдат, охраняющих город, что испугались и ушли, не совершив нападения.

Есть еще одна история о том, как однажды, когда все воины одного города ушли на охоту или на танцы в другое поселение, один старик рубил дрова на склоне холма, когда внезапно на него

напала группа врагов — шавано, сенека или какое-то другое племя. Бросив топор в ближайшего из них, он развернулся и побежал к дому, чтобы взять ружье и как можно лучше защищаться. Выйдя с ружьем, он был удивлен, увидев большую группу незнакомых воинов, оттесняющих врага. Не было времени на вопросы, и, заняв свое место среди других, они сражались до тех пор, пока враг не был оттеснен к ручью и, наконец, не разбежался и не отступил через гору. Когда все закончилось и появилось время передохнуть, старик повернулся, чтобы поблагодарить своих новых друзей, но обнаружил, что остался один — они исчезли, как будто их поглотила гора. Тогда он понял, что они были нуньнехи, которые пришли на помощь своим друзьям, чероки.

81. ЦУЛКАЛУ, КОСОГЛАЗЫЙ ВЕЛИКАН

Давным-давно в старом городке Кануга на реке Пиджен жила вдова со своей единственной дочерью. Девушка была в том возрасте, когда можно было выходить замуж, и ее мать часто разговаривала с ней и говорила, что она должна обязательно выбрать в мужья только хорошего охотника, чтобы у них был кто-то, кто будет заботиться о них и всегда обеспечивать их мясом. Девушка говорила, что такого мужчину трудно найти, но мать советовала ей не торопиться и ждать, пока появится подходящий кандидат.

Мать спала в доме, а девушка — снаружи, в аси. Однажды темной ночью в аси пришел незнакомец, желая ухаживать за девушкой, но она сказала ему, что мать не позволит ей выйти замуж ни за кого, кроме хорошего охотника. «Ну, — сказал незнакомец, — я великий охотник», и она впустила его, и он остался на всю ночь. Перед рассветом он сказал, что должен возвращаться домой, но принес мясо для ее матери, и она найдет его снаружи. Затем он ушел, и девушка его не видела. Когда наступил день, она вышла и нашла там оленя, которого принесла в дом своей матери и сказала, что это подарок от ее нового возлюбленного. Мать была довольна, и на завтрак они ели оленину.

Он пришел снова на следующую ночь, но снова ушел до рассвета, и на этот раз оставил двух оленей снаружи. Мать была еще более довольна, но сказала дочери: «Хотелось бы, чтобы твой возлюбленный принес нам дрова». Где бы он ни был, незнакомец знал их мысли, поэтому, когда он пришел в следующий раз, он сказал девушке: «Скажи своей матери, что я принес дрова»; и когда она выглянула утром, перед дверью лежало несколько больших деревьев, с корнями, ветвями и всем остальным. Старуха рассердилась и сказала: «Он мог бы принести нам дрова, которые мы могли бы использовать, а не целые деревья, которые мы не можем расколоть, чтобы завалять дорогу сучьями». Охотник знал, что она сказала, и в следующий раз, когда он пришел, он ничего не принес, и когда они выглянули утром, деревья исчезли, и дров не было совсем, поэтому старухе пришлось самой пойти за ними.

Почти каждую ночь он приходил к девушке и каждый раз приносил оленя или другую дичь, но всегда уходил до рассвета. Наконец ее мать сказала ей: «Твой муж всегда уходит до рассвета. Почему он не подождет? Я хочу посмотреть, какой у меня зять». Когда девушка рассказала об этом мужу, он сказал, что не может позволить старухе увидеть его, потому что ее вид испугает ее. «Она все равно хочет тебя увидеть», — сказала девушка и начала плакать, пока он наконец не согласился, но предупредил ее, что мать не должна говорить, что он выглядит страшно (*usga'sĕ'ti'yu*).

На следующее утро он не ушел так рано, а остался в аси, и когда рассвело, девушка вышла и рассказала об этом матери. Старуха подошла и заглянула внутрь, и там она увидела огромного великана ( ) с длинными косыми глазами (*tsul'kălû'*), лежащего, сгорбившись, на полу, с головой у стропил в левом углу сзади, а пальцами ног он касался крыши в правом углу у двери. Она бросила только один взгляд и побежала обратно в дом, крича: *«Усга'се'ти'ю! Усга'се'ти'ю!*

Цулкалу′ был ужасно зол. Он развернулся, вышел из аси и попрощался с девушкой, сказав ей, что никогда больше не позволит ее матери увидеть его, а вернется в свою страну. Затем он ушел в направлении Цунегуньи.

Вскоре после его ухода у девушки начались месячные. Кровь текла очень сильно, и мать вылила ее всю в реку. Однажды ночью, когда девушка легла спать в аси, ее муж снова пришел к двери и сказал ей: «Похоже, ты одна», и спросил, где ребенок. Она ответила, что его не было. Тогда он спросил, где кровь, и она ответила, что ее мать выбросила ее в реку. Она сказала, где именно это место, и он пошел туда и нашел в воде маленького червя. Он поднял его и отнес обратно в аси, и пока он шел, червь принял форму и начал расти, так что, когда он дошел до аси, он нес на руках маленькую девочку. Он отдал ее своей жене и сказал: «Твоя мать не любит меня и жестоко обращается с нашим ребенком, так что пойдем, я отведу тебя в мой дом». Девочка хотела быть со своим мужем, поэтому, попрощавшись с матерью, она взяла ребенка, и они вместе ушли в Цунегуньи.

У девушки был старший брат, который жил со своей женой в другом поселении, и когда он услышал, что его сестра вышла замуж, он приехал навестить ее и ее нового мужа, но когда он прибыл в Канугу, его мать сказала ему, что его сестра взяла ребенка и уехала с мужем, и никто не знал, куда. Ему было жаль видеть свою мать такой одинокой, поэтому он сказал, что пойдет за сестрой, попытается найти ее и привезти обратно. Следы великана было легко отследить, и молодой человек пошел по следу, пока не пришел к месту, где они отдыхали, и на земле были следы, где лежал ребенок, и другие следы, как будто там родился младенец. Он пошел дальше по тропе и пришел к другому месту, где они отдыхали, и там были следы ползающего младенца и еще один, лежащий на земле. Он пошел дальше и пришел к месту, где они снова отдыхали, и там были следы идущего ребенка и еще одного, ползающего. Он пошел дальше, пока не пришел к месту, где они снова отдыхали, и там были следы одного бегущего ребенка и другого идущего. Он продолжал следовать по тропе вдоль ручья в горы и пришел к месту, где они снова отдыхали, и на этот раз там были следы двух детей, бегавших вокруг, и эти следы до сих пор можно увидеть на скале в этом месте.

Еще дважды он находил место, где они отдыхали, а затем след вел вверх по склону Цунегуньи, и он услышал звук барабана и голоса, как будто люди танцевали внутри горы. Вскоре он подошел к пещере, похожей на дверной проем в склоне горы, но скала была настолько крутой и гладкой, что он не мог взобраться на нее, а мог только просто заглянуть за край и увидеть головы и плечи множества людей, танцующих внутри. Он увидел свою сестру, танцующую среди них, и позвал ее выйти. Она обернулась, услышав его голос, и как только барабанная дробь на мгновение стихла, вышла к нему, без труда спустившись по скале и ведя за руку своих двух маленьких детей. Она была очень рада встрече с братом и долго разговаривала с ним, но не пригласила его войти, и в конце концов он ушел, так и не увидев ее мужа.

Еще несколько раз ее брат приходил в горы, но сестра всегда встречала его снаружи, и он так и не смог увидеть ее мужа. Через четыре года она однажды пришла в дом своей матери и сказала, что ее муж охотился в ближайшем лесу и что они собираются завтра возвращаться домой, и если ее мать и брат придут рано утром, то они смогут увидеть ее мужа. Если они опоздают, сказала она, то найдут много мяса, которое смогут забрать с собой домой. Она вернулась в лес, а мать побежала сообщить об этом сыну. На следующее утро они пришли на место рано, но Цулкалу и его семья уже ушли. На сушильных шестах они нашли тела свежеубитых оленей, как и обещала девушка, и их было так много, что они вернулись и сказали всем своим друзьям, чтобы те пришли за ними, и их хватило на все поселение.

Но брат все еще хотел увидеть свою сестру и ее мужа, поэтому он снова пошел в горы, и она вышла ему навстречу. Он попросил показать ему ее мужа, и на этот раз она сказала ему войти с ней внутрь. Они вошли, как через дверь, и внутри он обнаружил что-то похожее на большой городской дом. Казалось, что они были одни, но его сестра громко крикнула: «Он хочет тебя увидеть», и из воздуха раздался голос: «Ты не можешь меня увидеть, пока не наденешь новое платье, а потом ты сможешь меня увидеть». «Я согласен», — сказал молодой человек, обращаясь к невидимому духу, и из воздуха снова раздался голос: «Тогда вернись и скажи своим людям, что, чтобы увидеть меня, они должны войти в городской дом и поститься семь дней, и все это время они не должны выходить из городского дома и поднимать боевой клич, а на седьмой день я приду с новыми платьями, которые вы должны надеть, чтобы все могли увидеть меня».

Молодой человек вернулся в Канугу и рассказал людям. Все они хотели увидеть Цулкалу, которому принадлежала вся дичь в горах, поэтому они вошли в городской дом и начали пост. Они постились первый день, второй и каждый день до седьмого — все, кроме одного человека из другого поселения, который каждую ночь, когда стемнело, выскальзывал, чтобы найти что-нибудь поесть, и снова пробирался обратно, когда никто не смотрел. Утром седьмого дня солнце только-только поднималось на востоке, когда они услышали сильный шум, похожий на раскаты грома, как будто камни катились по склону Цунегуньи. Они испугались и сгрудились в городском доме, и никто не шептал. Шум становился все ближе и громче, пока не превратился в ужасный рев, и все задрожали и затаили дыхание — все, кроме одного человека, незнакомца из другого поселения, который потерял сознание от страха, выбежал из городского дома и закричал боевой клич.

Рев сразу прекратился, и некоторое время царила тишина. Затем они услышали его снова, но как будто он удалялся, и удалялся, и удалялся, пока наконец не затих в направлении Цунегуньи, и тогда все снова стало тихо. Люди вышли из городского дома, но вокруг царила тишина, и они не видели ничего, кроме того, что было семь дней назад.

Брат все еще не был обескуражен и снова пришел к сестре, и она привела его в горы. Он спросил, почему Цулкалу не принес новые платья, как обещал, и голос из воздуха сказал: «Я пришел с ними, но ты не послушался моего слова, нарушил пост и поднял боевой клич». Молодой человек ответил: «Это сделал не наш народ, а чужой. Если ты придешь снова, мы обязательно сделаем, как ты скажешь». Но голос ответил: «Теперь ты никогда не сможешь меня увидеть». Тогда молодой человек не смог больше ничего сказать и вернулся в Канугу.

82. КАНАСТА, ПОТЕРЯННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Давным-давно, когда люди еще жили в старом городе Каноста на реке Френч-Брод, два незнакомца, ничем не отличавшиеся от других чероки, пришли однажды в поселение и прошли в дом вождя. После первых приветствий вождь спросил их, из какого города они пришли, думая, что они из одного из западных поселений, но они ответили: «Мы — ваши соплеменники, и наш город находится неподалеку, но вы его никогда не видели. Здесь у вас есть войны и болезни, враги со всех сторон, и через некоторое время более сильный враг придет, чтобы отнять у вас вашу страну. Мы всегда счастливы, и мы пришли, чтобы пригласить вас жить с нами в нашем городе там», — и они указали на Цувательда (Пилот-Ноб). «Мы не живем вечно и не всегда находим дичь, когда идем на охоту, потому что дичь принадлежит Цулкалу, который живет в Цунегуньи, но у нас всегда мир, и нам не нужно думать об опасности. Мы уходим, но если ваш народ захочет жить с нами, пусть они постятся семь дней, и тогда мы придем за ними». Затем они ушли на запад.

Вождь созвал свой народ в городской дом, и они провели совет по этому вопросу и в конце концов решили пойти с незнакомцами. Они собрали все свое имущество для переезда, а затем снова пошли в городской дом и начали свой пост. Они постились шесть дней, и на утро седьмого дня,

еще до того, как солнце поднялось высоко, они увидели большую компанию, идущую по тропе с запада, во главе с двумя мужчинами , которые остановились с вождем. Они выглядели как чероки из другого поселения, и после дружеской встречи взяли часть вещей, которые нужно было перевезти, и обе группы вместе отправились обратно в Цувательду. В Канасте гостил один человек из другого города, и он пошел вместе с остальными.

Когда они подошли к горе, два проводника повели их в пещеру, которая открывалась как большая дверь в боковой части скалы. Внутри они обнаружили открытую местность и город с домами, выстроенными в два длинных ряда с востока на запад. Горные жители жили в домах на южной стороне, а другие дома они приготовили для новоприбывших, но даже после того, как все жители Канасты с детьми и вещами переселились, осталось еще много домов, готовых для следующих, кто мог бы прийти. Горцы рассказали им, что над ними, на той же горе, был еще один город, где жили другие люди, а еще выше, на самой вершине, жили Ани-Хюнтиквалски (Громы).

Теперь все жители Канасты поселились в своих новых домах, но человек, который был у них только в гостях, хотел вернуться к своим друзьям. Некоторые горцы хотели помешать этому, но вождь сказал: «Нет, пусть уходит, если хочет, и когда он расскажет своим друзьям, они, может быть, тоже захотят прийти. Здесь хватит места для всех». Затем он сказал мужчине: «Вернись и скажи своим друзьям, что если они хотят прийти и жить с нами и быть всегда счастливыми, здесь есть место, готовое и ждущее их. Другие из нас живут в Дацу′наласгуньи и в высоких горах вокруг, и если они предпочитают пойти к кому-либо из них, это все равно. Мы видим вас, куда бы вы ни пошли, и мы с вами во всех ваших танцах, но вы не можете нас увидеть, если не поститесь. Если вы хотите нас увидеть, поститесь четыре дня, и мы придем и поговорим с вами; а потом, если вы хотите жить с нами, поститесь еще семь дней, и мы придем и заберем вас». Затем вождь провел человека через пещеру к выходу из горы и оставил его там, но когда человек оглянулся, он не увидел пещеры, а только твердую скалу.

Люди из затерянного поселения больше никогда не появлялись, и они до сих пор живут в Цувательде. Там происходят странные вещи, поэтому чероки знают, что гора заклята, и не любят к ней приближаться. Всего несколько лет назад группа охотников разбила там лагерь, и когда они сидели вокруг костра во время ужина, они обсуждали эту историю и грубо шутили о жителях старого Канаста. В ту ночь их разбудил шум, как будто кто-то бросал в них камни из-за деревьев, но когда они осмотрелись, никого не нашли и были настолько напуганы, что собрали свои ружья и сумки и покинули это место.

83. ЦУВЕНАХИ: ЛЕГЕНДА О ПИЛОТ-НОБЕ

В старом городе Кануга, на реке Пиджен, жил ленивый парень по имени Цувенах, который жил от дома к дому у своих родственников и никогда не приносил домой дичи, хотя почти все свое время проводил в лесу. Наконец его друзья очень устали его содержать, и он сказал им, чтобы они приготовили для него жареную кукурузу, а он пойдет и принесет оленя, иначе больше никогда не будет их беспокоить. Они наполнили его мешок жареным кукурузным зерном, которого хватило бы на долгий путь, и он отправился в горы. Проходили дни, и друзья уже думали, что они его больше не увидят, но еще не прошло и половины месяца, как он вернулся в Канугу, без оленя, но с удивительной историей.

Он сказал, что едва отклонился от тропы, чтобы подняться на хребет, как встретил незнакомца, который спросил его, куда он идет. Цувенахи ответил, что его друзья в поселении изгнали его,

потому что он был плохим охотником, и что, если он не найдет оленя в этот раз, то никогда больше не вернется. «Почему бы тебе не пойти со мной?» — сказал незнакомец. «Мой город недалеко отсюда, и у тебя там есть родственники». Цувенах был очень рад этой возможности, потому что ему было стыдно возвращаться в свой город. Поэтому он пошел с незнакомцем, который отвёл его в Цувательда (Пилот-Ноб). Они подошли к пещере, и другой сказал: «Давай зайдем сюда», но пещера вела прямо в сердце горы, и когда они оказались внутри, охотник обнаружил там открытую местность, похожую на широкую низменность, с большим поселением и сотнями людей. Все были рады его видеть и привели его к своему вождю, который взял его в свой дом и показал ему место у костра. Цувенах сел, но почувствовал, что оно шевелится под ним, и, посмотрев снова, увидел, что это черепаха, высунувшая голову из панциря. Он вскочил, но вождь сказал: «Она не причинит тебе вреда, она только хочет посмотреть, кто ты такой». Поэтому он очень осторожно сел, и черепаха снова спрятала голову. Ему принесли еду, такую же, как он привык есть дома, и когда он поел, вождь провел его по поселению, пока он не осмотрел все дома и не поговорил с большинством людей. Когда он все осмотрел и отдохнул несколько дней, ему захотелось вернуться домой, и вождь сам отвёл его к входу в пещеру и показал тропу, ведущую к реке. Затем он сказал: «Ты возвращаешься в поселение, но там ты больше никогда не будешь счастлив. Когда захочешь прийти к нам, ты знаешь дорогу». Вождь оставил его, и Цувенах спустился с горы и пошел вдоль реки, пока не пришел в Канугу.

Он рассказал свою историю, но никто ему не поверил, и люди только смеялись над ним. После этого он очень часто уходил и пропадал на несколько дней, а когда возвращался в поселение, говорил , что был с горными людьми. Наконец один человек сказал, что верит этой истории и пойдет с ним, чтобы убедиться. Они вместе отправились в лес, где разбили лагерь, а затем Цувенахи пошел вперед, сказав, что скоро вернется. Другой ждал его, охотясь недалеко от лагеря, и через две ночи Цувенахи вернулся. Он казался одиноким, но, идя, разговаривал, и другой охотник слышал голоса девушек, хотя никого не видел. Когда он подошел к костру, он сказал: «Со мной два друга, и они говорят, что через две ночи в их городе будет танцевальный вечер, и если ты хочешь пойти, они за тобой придут». Охотник сразу согласился, и Цувенихи позвал, как будто кого-то рядом: «Он говорит, что пойдет». Затем он сказал: «Наши сестры пришли за олениной». Охотник убил оленя и сушил мясо над костром, поэтому он спросил: «Какую они хотят?» Голоса ответили: «Наша мать сказала нам попросить ребра», но он все еще ничего не видел. Он снял несколько кусков ребер и отдал их Цувенахи, который взял их и сказал: «Через два дня мы снова придем за тобой». Затем он ушел, и другой услышал, как голоса уходили в лес, пока все снова не стихло.

Через два дня Цувених пришел, и на этот раз с ним были две девушки. Когда они стояли у костра, охотник заметил, что у них короткие и круглые ноги, почти как у собак, но как только они увидели, что он смотрит, они сели, чтобы он не мог видеть их ноги. После ужина вся группа из Тсувенахи покинула лагерь и пошла вверх по ручью к Тсувателде. Они вошли в пещеру через дверь и дошли до ее дальнего конца, откуда могли видеть дома, когда вдруг ноги охотника как будто онемели, он пошатнулся и упал на землю. Другие подняли его, но он все равно не мог стоять, пока знахарь не принес «старый табак», не натер им его ноги и не заставил его нюхать его, пока он не чихнул. Тогда он смог снова встать и вошел вместе с другими. Сначала он не мог стоять, потому что не подготовился к этому, не постившись перед выходом.

Танец еще не начался, и Цувенихи отвел охотника в городской дом и показал ему место у огня, но из него торчали длинные шипы медовой акации, и он боялся сесть. Цувенихи сказал ему не бояться, и он сел и обнаружил, что шипы были мягкими, как пуховые перья. Теперь вошли барабанщик и танцоры, и танец начался. Один человек шел в конце ряда, все время крича *«Ку! Ку!»*, но не танцуя. Охотник удивился, и ему сказали: «Этот человек заблудился в горах и все

время звал своих друзей по лесу, пока его голос не отказал, и он мог только хрипеть *«Ку! Ку!»*, а потом мы нашли его и взяли с собой».

Когда все закончилось, Цувенихи и охотник вернулись в поселение. На следующем танце в Кануге они рассказали всем, что видели в Цувательде ( ), какой большой город там и как все были добры, и на этот раз — потому что их было двое — люди им поверили. Теперь другие тоже захотели поехать, но Цувенах сказал им, что сначала они должны поститься семь дней, а он пойдет вперед, чтобы все подготовить, а потом вернется и заберет их. Он ушел, а остальные постились, пока через семь дней он не пришел за ними, и они пошли с ним в Цувательду, и их друзья в поселении больше никогда их не видели.

84. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЖЕНИЛСЯ НА СЕСТРЕ ГРОМА

В старину люди часто танцевали всю ночь напролет. Однажды в старом городе Саквии, на вершине Чаттахучи, был устроен танец, и когда он уже был в самом разгаре, вошли две молодые женщины с красивыми длинными волосами, но никто не знал, кто они и откуда пришли. Они танцевали с разными партнерами, а утром ускользнули, прежде чем кто-нибудь заметил их исчезновение; но один молодой воин влюбился в одну из сестер из-за ее красивых волос и, по обычаю чероки, уже спросил ее через старика, согласна ли она выйти за него замуж и позволить ему жить с ней. На это молодая женщина ответила, что сначала нужно посоветоваться с ее братом, который остался дома, и они пообещали вернуться на следующий танец через семь дней с ответом, но пока, если молодой человек действительно любит ее, он должен доказать свою постоянность строгим постом до тех пор. Нетерпеливый возлюбленный с готовностью согласился и с нетерпением считал дни.

Через семь ночей состоялся очередной танец. Молодой воин пришел рано, и позже вечером две сестры появились так же неожиданно, как и раньше. Они сказали ему, что их брат согласен, и после танца они отведут молодого человека к себе домой, но предупредили его, что если он кому-нибудь расскажет, куда он пошел и что видел, то наверняка умрет.

Он снова танцевал с ними, и на рассвете, незадолго до окончания танца, все трое ушли, чтобы никто не мог их проследить, и отправились вместе. Женщины вели его по тропе через лес, которую молодой человек никогда раньше не замечал, пока они не дошли до небольшого ручья, где, не колеблясь, вошли в воду. Молодой человек остановился на берегу в удивлении и подумал про себя: «Они идут по воде; я не хочу этого делать». Женщины знали его мысли, как будто он их произнес, и повернулись к нему и сказали: «Это не вода; это дорога к нашему дому». Он все еще колебался, но они подтолкнули его, и он вошел в воду и обнаружил, что это была только мягкая трава, образующая ровную тропу.

Они шли, пока тропа не привела их к большому ручью, который он знал как реку Таллула. Женщины смело вошли в воду, но воин снова засомневался на берегу, думая про себя: «Эта вода очень глубокая, и я утону; я не могу идти дальше». Они знали его мысли, повернулись и сказали: «Это не вода, а главная тропа, которая проходит мимо нашего дома, который теперь находится неподалеку». Он вошел, и вместо воды там была высокая колышущаяся трава, которая закрывала ему голову, когда он следовал за ними.

Они прошли небольшое расстояние и подошли к скальной пещере под водопадом Угуньи (Tallulah). Женщины вошли внутрь, а воин остановился у входа, но они сказали: «Это наш дом, входи, наш брат скоро вернется, он уже идет». Они услышали вдали низкий гром. Он вошел внутрь и встал рядом с входом. Тогда женщины сняли свои длинные волосы и повесили их на скалу, и обе их головы были гладкими, как тыква. Мужчина подумал: «Это вовсе не волосы», и испугался еще больше.

Младшая женщина, та, на которой он собирался жениться, села и предложила ему сесть рядом с ней. Он посмотрел и увидел, что это была большая черепаха, которая поднялась и вытянула когти, как будто злая за то, что ее потревожили. Молодой человек сказал, что это черепаха, и отказался садиться, но женщина настаивала, что это сиденье. Затем раздался еще более громкий раскат грома, и женщина сказала: «Теперь наш брат почти дома». Пока они уговаривали его, а он все еще отказывался подойти ближе или сесть, внезапно прямо за ним раздался громкий раскат грома, и, быстро обернувшись, он увидел мужчину, стоящего в дверях пещеры.

«Это мой брат», — сказала женщина, и он вошел и сел на черепаху, которая снова поднялась и вытянула свои когти. Молодой воин по-прежнему отказывался войти. Тогда брат сказал, что он как раз собирается отправиться на совет, и пригласил молодого человека пойти с ним. Охотник сказал, что готов пойти, если только у него будет лошадь, поэтому молодой женщине велели привести лошадь. Она вышла и вскоре вернулась, ведя за собой огромную змею уктена, которая извивалась и скручивалась по всей длине пещеры. Некоторые говорят, что это была белая уктена, а брат сам ехал на красной. Охотник был ужасно напуган и сказал: «Это змея, я не могу на ней ехать». Остальные настаивали, что это не змея, а их верховая лошадь. Брат потерял терпение и сказал женщине: «Может быть, ему понравится больше, если ты принесешь ему седло и несколько браслетов для его запястий и рук». Тогда они снова вышли и принесли седло и несколько браслетов, а седло было еще одной черепахой, которую они прикрепили к спине уктена, а браслеты были живыми слизистыми змеями, которые они приготовили, чтобы обернуть вокруг запястий охотника.

Он был почти мертв от страха и сказал: «Что это за ужасное место? Я никогда не смогу остаться здесь, чтобы жить со змеями и ползучими тварями». Брат очень рассердился и назвал его трусом, и тогда из его глаз как будто вылетела молния и ударила молодого человека, и страшный раскат грома лишил его сознания.

Когда он наконец пришел в себя, он стоял с ногами в воде и обеими руками хватался за лавровый куст, который рос на берегу, и не было никаких следов пещеры или Громового народа, но он был один в лесу. Он выбрался наружу и наконец добрался до своего поселения, но обнаружил, что его не было так долго, что все люди считали его мертвым, хотя ему казалось, что прошел всего лишь день после танца. Его друзья тщательно расспрашивали его, и, забыв о предупреждении, он рассказал им всю историю; но через семь дней он умер, потому что никто не может вернуться из подземного мира, рассказать о нем и остаться в живых.

85. ПРИЗРАЧНЫЙ ВОРОТ

В устье реки Сук, на Теннесси, примерно в 8 милях ниже Чаттануги, находится ряд опасных водоворотов, известных как «Сук» и известных среди чероки как место, где когда-то давно жил Ûñtsaiyĭ′, азартный игрок (см. рассказ). Они называют его Ûñ′tiguhĭ′, «Кастрюля в воде», из-за внешнего вида бурлящей, перекатывающейся воды, напоминающей кипящую кастрюлю. Они утверждают, что в старину водовороты были периодическими, и каноисты, пытавшиеся пройти это место, прижимались к берегу, постоянно начеку, высматривая признаки приближающегося извержения, и когда видели, что вода начинает вращаться быстрее, останавливались и ждали, пока она снова не успокоится, прежде чем пытаться продолжить путь.

Однажды два человека, спускаясь по реке на каноэ, приблизившись к этому месту, увидели, как вода быстро кружится перед ними. Они причалили к берегу, чтобы подождать, пока она снова успокоится, но водоворот, казалось, приближался все шире и шире, пока они не были втянуты в него. Их выбросило из каноэ и унесло под воду, где одного из них схватила большая рыба, и его больше никто не видел. Другой был унесен кругами в самое дно водоворота, где его поймал другой круг и унес наружу и вверх, пока он наконец не был выброшен на поверхность и не выплыл на мелководье, откуда он спасся на берег. Позже он рассказал, что, когда он достиг самого узкого круга водоворота, вода как будто раскрылась под ним, и он мог смотреть вниз, как через балки крыши дома, и там, на дне реки, он увидел большую группу людей, которые смотрели вверх и манили его присоединиться к ним, но когда они подняли руки, чтобы схватить его, быстрое течение унесло его из их досягаемости.

86. ЯХУЛА

Ручей Яхула, протекающий мимо Далонеги в округе Лампкин, штат Джорджия, называется Яхула (место Яхула) чероки, и вот история этого названия:

Много лет назад, задолго до революции, Яхула был процветающим торговцем скотом среди чероки, и звон колокольчиков, висевших на шеях его пони, был слышен на каждой горной тропе. Однажды была великая охота, и все воины ушли, но когда она закончилась и они были готовы вернуться в поселение, Яхула не был с ними. Они ждали и искали, но его не могли найти, и в конце концов они вернулись без него, и его друзья скорбели о нем, как о мертвом. Через некоторое время его народ был удивлен и обрадован, когда он вошел среди них и сел, когда они ужинали вечером. На их вопросы он ответил, что заблудился в горах и что Нуннехи, Бессмертные, нашли его и привели в свой город, где он с тех пор и находился, окруженный самой заботливой и любезной заботой, пока тоска по старым друзьям не заставила его вернуться. На приглашение друзей присоединиться к ним за ужином он ответил, что теперь уже слишком поздно — он попробовал волшебную пищу и больше никогда не сможет есть вместе с людьми, и по той же причине он не может остаться со своей семьей, а должен вернуться к Нуньнехи. Его жена, дети и брат умоляли его остаться, но он сказал, что не может; либо жизнь с бессмертными, либо смерть со своим народом — и после некоторого дальнейшего разговора он встал, чтобы уйти. Они видели его, когда он сидел и разговаривал с ними, и когда он встал, но в тот момент, когда он вышел за дверь, он исчез, как будто его и не было.

После этого он часто возвращался, чтобы навестить свой народ. Они видели его сначала, когда он входил в дом, и пока он сидел и разговаривал, он был в полной мере прежним, но в тот момент, когда он переступал порог, он исчезал, хотя на него могли смотреть сотни глаз. Он приходил часто, но в конце концов их просьбы стали настолько настойчивыми, что Нуньнехи, должно быть, обиделся и больше не приходил. На горе у истока ручья, примерно в 10 милях выше нынешнего Далонеги, находится небольшое квадратное ограждение из необработанного камня, без крыши и входа. Говорили, что он жил здесь, поэтому чероки назвали это место Яхула и дали такое же название ручью. Часто ночью запоздалый путешественник, идущий по тропе вдоль ручья, слышал голос Яхулы, поющего некоторые из его любимых старых песен, которые он любил петь, когда гнал свою упряжку лошадей через горы. Звук голоса подгонял их, и к песне присоединялись щелчки кнута и звон колокольчиков, но ни погонщика, ни лошадей не было видно, хотя звуки доносились совсем близко. Песни и колокольчики слышались только ночью.

Был один человек, который был его другом и который пел те же песни некоторое время после исчезновения Яхулы, но он внезапно умер, и тогда чероки побоялись петь эти песни, пока не прошло столько времени, что никто не слышал этих звуков в горах, и они подумали, что Яхула, должно быть, ушел, возможно, на Запад, куда уже ушли другие члены племени. Прошло столько времени, что даже каменный дом Яхулы ( ) к настоящему моменту, возможно, уже разрушен, но более чем один отец старика видел его и слышал песни и колокола сто лет назад. Когда чероки переселились из Джорджии в Индейскую территорию в 1838 году, некоторые из них сказали: «Может быть, Яхула ушел туда, и мы услышим его», но они больше никогда его не слышали.

87. ВОДНЫЕ КАННИБАЛЫ

Помимо дружелюбных Nûñnĕ'hĭ из ручьев и гор, существует раса людоедских духов, которые обитают на дне глубоких рек и питаются человеческой плотью, особенно плотью маленьких детей. Они появляются сразу после рассвета и незаметно ходят от дома к дому, пока не найдут кого-нибудь, кто еще спит, после чего стреляют в него невидимыми стрелами и уносят мертвое тело

под воду, чтобы полакомиться им. Чтобы никто не узнал о случившемся, они оставляют на месте тела тень или образ умершего человека или маленького ребенка, который просыпается, говорит и ходит, как и раньше, но в нем нет жизни, и через семь дней он увядает и умирает, и люди хоронят его, думая, что хоронят своего умершего друга. Прошло много времени, прежде чем люди узнали об этом, но теперь они всегда стараются не спать до рассвета и будят детей, говоря им: «Охотники среди вас».

Так они впервые узнали о водных людоедах: в городе Тиквалици был человек, который заболел и стал так плохо себя чувствовать, что врачи сказали, что он не выживет, и тогда его друзья ушли из дома и оставили его одного умирать . В старину люди не были так добры друг к другу, как сейчас, потому что боялись ведьм, которые приходили мучить умирающих.

Он пролежал один несколько дней, не в силах подняться с постели, когда однажды утром в дверь вошла старая женщина. Она выглядела так же, как и другие женщины поселения, но он ее не знал. Она подошла к постели и сказала: «Ты очень болен, и твои друзья, похоже, покинули тебя. Пойдем со мной, я вылечу тебя». Человек был так близок к смерти, что не мог пошевелиться, но ее слова сразу придали ему сил, и он спросил, куда она хочет, чтобы он пошел. «Мы живем неподалеку; пойдем со мной, я тебе покажу», — сказала женщина, и он встал с постели, а она повела его к воде. Когда она подошла к воде, она вошла в нее, а он последовал за ней, и под водой была дорога, а там была другая страна, точно такая же, как и наверху.

Они шли, пока не дошли до поселения с множеством домов, где женщины занимались своими делами, а дети играли. Они встретили группу охотников, возвращавшихся с охоты, но вместо оленьих или медвежьих туш, висевших у них на плечах, они несли тела мертвых мужчин и детей, и несколько из этих тел мужчина узнал как тела своих друзей из Тиквалици. Они подошли к дому , и женщина сказала: «Здесь я живу», и пригласила его войти, приготовила ему постель и устроила его поудобнее.

К этому времени он был очень голоден, но женщина знала о его мыслях и сказала: «Мы должны дать ему что-нибудь поесть». Она взяла одно из тел, которые только что принесли охотники, и отрезала кусок, чтобы зажарить. Мужчина был ужасно напуган, но она снова прочитала его мысли и сказала: «Я вижу, что ты не можешь есть нашу пищу». Затем она отвернулась от него и поднесла руки к животу — *вот так* — и когда она снова повернулась, ее руки были полны хлеба и бобов, таких же, как те, что он ел дома.

Так продолжалось каждый день, пока он не поправился и не стал снова сильным. Тогда она сказала ему, что теперь он может идти домой, но он должен быть уверен, что не будет разговаривать с кем-либо в течение семи дней, и если кто-нибудь из его друзей будет его расспрашивать, он должен делать знаки, как будто у него болит горло, и молчать. Она пошла с ним по той же тропе к берегу, и вода закрыла ее, а он вернулся один в Тиквалици. Когда он пришел туда, его друзья были удивлены, потому что думали, что он заблудился и умер в лесу. Они спросили его, где он был, но он только показал на горло и ничего не сказал, поэтому они подумали, что он еще не выздоровел, и оставили его в покое, пока не прошло семь дней, когда он снова заговорил и рассказал всю историю.

Исторические традиции

88. ПЕРВЫЙ КОНТАКТ С БЕЛЫМИ

Существует несколько историй о первом контакте чероки с белыми и неграми. Они очень современны и имеют мало значения как мифы, но проливают некоторый свет на индейское представление о разных расах.

Одна история рассказывает о том, как первые белые пришли с востока и пытались вступить с индейцами в дружеские отношения, но индейцы долгое время не хотели иметь с ними ничего общего. Наконец белые оставили кувшин виски и черпак возле источника, который часто посещали индейцы. Индейцы подошли, попробовали спиртное, которое они никогда раньше не знали, и оно им так понравилось, что в конце концов все они приятно опьянели. Пока они были в этом счастливом настроении, подошли белые люди, и на этот раз индейцы пожали им руки, и с тех пор они остаются друзьями. Возможно, это адаптация чероки истории о первом высадке Хадсона на острове Манхэттен.

При сотворении мира белому человеку был дан улунсути, а индейцу — кусок серебра. Но белый человек презрел камень и выбросил его, а индеец поступил так же с серебром. Позже белый человек нашел серебряную монету, положил ее в карман ( ) и с тех пор хранит ее как сокровище. Индеец, таким же образом, нашел улунсути там, где его бросил белый человек. Он поднял его и с тех пор хранит как талисман, так как деньги являются талисманной силой белого человека. Эта история довольно общая и, вероятно, старше других подобных ей.

Когда Секвойя, изобретатель алфавита чероки, пытался ввести его среди своего народа, около 1822 года, некоторые из них выступили против этого, мотивируя это тем, что индейцам нечего делать с чтением. Они говорили, что когда были созданы индеец и белый человек, индеец, будучи старшим, получил книгу, а белый человек получил лук и стрелы. Каждому было велено бережно хранить свой дар и использовать его с максимальной пользой, но индейцы так пренебрегали своей книгой, что белые люди вскоре украли ее, оставив вместо нее лук, так что теперь книги и чтение по праву принадлежат белым людям, а индейцы должны довольствоваться охотой для пропитания. — *Cherokee Advocate,* 26 октября 1844 года.

Негр сделал первый локомотив в качестве игрушки, поставил его на деревянные рельсы и весело играл с ним, когда подошел белый человек, посмотрел, как он работает, а затем убил негра и забрал локомотив себе. Об этом, хотя и явно недавнем происшествии, рассказали несколько информаторов.

89. ВОЙНЫ ИРОКЕЙС

Между чероки и их отдаленными северными родственниками, ирокезами, велись длительные войны, и пятьдесят лет назад воспоминания об этом, сейчас почти стершиеся, были яркой

традицией. Ирокезы из племени сенека ( ) знают чероки как Oyada’ge‘oñnoñ, название, которое можно свободно перевести как «люди из пещер». Последние называют ирокезов, а точнее их самое многочисленное и агрессивное племя, сенека, Nûndăwe′gĭ, Ani′-Nûn-dăwe′gĭ или Ani′-Sĕ′nikă, причем первые формы происходят от Nûndawa′ga или Nûndawa′-ono, «люди великих холмов», — так сенека называют самих себя. Согласно авторитетным источникам, цитируемым Скулкрафтом, сенека утверждают, что когда-то у них было поселение в Сенеке, Южная Каролина, известное в истории как один из главных городов Нижнего Чероки, из которого они впоследствии были изгнаны.

Лига ирокезов была основана, вероятно, в середине XVI века. До 1680 года они завоевали или истребили все племена, проживавшие в непосредственной близости от их границ, и обратили свое оружие против более отдаленных племен иллинойсов, катавба и чероки. Согласно традиции ирокезов, чероки были агрессорами, напавшими и ограбившими охотничью группу сенека где-то на западе, в то время как в другой истории они представлены как нарушившие мирный договор, убив делегатов ирокезов. Какова бы ни была причина, войну подняли все племена лиги.

Путь от страны ирокезов до границы чероки считался пятидневным путешествием для быстро передвигающейся военной группы. Поскольку расстояние было слишком большим для крупных экспедиций, война состояла в основном из серии индивидуальных подвигов, когда один чероки часто проделывал сотни миль, чтобы нанести удар, на который, несомненно, незамедлительно отвечали воины с севера, поскольку главной целью каждого мальчика-ирокеза было выступить против чероки, как только он становился достаточно взрослым, чтобы идти на войну. Пленники брались с обеих сторон, и, вероятно, в равном количестве, поскольку обе стороны были слишком равны, чтобы одна из них могла получить какое-либо постоянное преимущество, и в конце концов был достигнут компромисс, по которому река Теннесси стала считаться границей между их соперничающими претензиями, а все, что находилось к югу от этой реки, было заявлено чероки и признано ирокезами в качестве предела своих завоеваний в этом направлении. Эта индейская граница признавалась британским правительством вплоть до момента революции.

Морган утверждает, что однажды между двумя племенами было заключено любопытное соглашение, по которому эта река также стала пределом преследования. Если возвращающаяся с войны группа чероки могла пересечь Теннесси, прежде чем их догнали преследовавшие их ирокезы, они были в безопасности от нападения, как если бы они укрепились за частоколом. Преследователи, если они того пожелали, все еще могли вторгнуться на территорию врага, но они проходили мимо лагеря отступающих чероки, не предлагая им напасть. Подобное соглашение существовало в течение некоторого времени между сенека и эри.

Традиционно считается, что танец буйвола ирокезов возник во время похода против чероки. Когда воины, направлявшиеся на юг, достигли солончака в Кентукки, они обнаружили там стадо буйволов и впервые услышали, как те «поют свои любимые песни», то есть мычат и фыркают. Из мычания и движений животных были взяты музыка и движения танца.

Согласно традиции чероки, переданной вождем Стэндом Уэйти, война была окончательно прекращена ирокезами, которые направили к чероки делегацию с предложением о заключении общего союза южных и западных племен. Чероки приняли это предложение и, в свою очередь, разослали приглашения другим племенам, которые все присоединились к миру, за исключением осейгов, о которых поэтому говорили, что отныне они должны быть как дикие плоды на прерии, которые могут склевать все птицы, и поэтому осейги остались хищным племенем без друзей и союзников. Возможно, это тот же договор, который описан в рассказе «Миротворцы сенека». Официальный и окончательный мир между двумя племенами был заключен благодаря усилиям британского агента сэра Уильяма Джонсона в 1768 году.

В 1847 году среди сенеков все еще жили внуки чероки, захваченных в плен во время этих войн. В 1794 году сенеки указали полковнику Пикерингу вождя, который был коренным чероки, захваченным в плен в детском возрасте и усыновленным сенеками, которые впоследствии сделали его вождем. Вероятно, это был тот самый человек, о котором они рассказали Скулкрафту пятьдесят лет спустя. Он был чистокровным чероки, но был захвачен в плен, когда был слишком молод, чтобы помнить это событие. Спустя годы, когда он вырос и стал вождем племени, он узнал о своем иностранном происхождении и сразу же был охвачен непреодолимым желанием вернуться на юг, чтобы найти свой народ и жить и умереть среди него. Он отправился в страну чероки, но по прибытии туда с большим разочарованием обнаружил, что история его пленения была забыта в племени, и что его родственники, если они еще остались, не узнали его. Не сумев найти своих родственников, он остался там ненадолго и вернулся к сенека.

От Джеймса Уэффорда из Индейской территории автор получил подробный отчет о миротворческой миссии ирокезов, упомянутой Стэндом Уэйти, и о поясе из ракушек, который сопровождал ее. Информация Уэффорда о событиях в Эчоте была получена непосредственно от двух очевидцев — Секвойи, изобретателя алфавита, и Гатуньвали, «Твердого каши», который семьдесят лет спустя объяснил значение пояса на великом совете возле Талеква. Во время конференции в Эчоте Секвойя был мальчиком, жившим с матерью в городе Таскиги, расположенном в нескольких милях от Эчоты, а Гатуньвали был уже молодым человеком.

Согласно записям, мирный договор между чероки и ирокезами, заключенный в Джонсон-Холле в Нью-Йорке в 1768 году, был инициирован чероки, которые для этой цели отправили делегацию вождей во главе с Âgănstâ′ta, «Сурком-колбасой», из Эчоты, их великим лидером в войне 1760–61 годов против англичан. После заключения договора делегаты чероки пригласили некоторых вождей ирокезов поехать с ними домой в гости, но те отказались, мотивируя это тем, что еще не было безопасного, и действительно, некоторые из их воинов в то самое время сражались против чероки, еще не зная о мирных переговорах. Поэтому вполне вероятно, что делегаты ирокезов прибыли в Эчоту только через значительное время, возможно, через три года, после того как на севере были заключены официальные предварительные соглашения.

Согласно рассказу Секвойи, переданному Уэффорду, между чероки и северными индейцами велась долгая война, и последние так и не смогли победить чероки или сломить их дух, пока наконец ирокезы не устали от боевых действий и не отправили делегацию для заключения мира. Посланцы отправились на юг со своими поясами вампум и символами мира, но после пересечения реки Теннесси- , возможно, из-за необходимости обойти главную тропу, сбились с пути и вместо того, чтобы прибыть в Итсати или Эчоту, древний город мира и столицу народа чероки, расположенный на реке Литл-Теннесси ниже ручья Ситико, в современном округе Монро, штат Теннесси— они оказались на окраине Таликва или Теллико, на реке Теллико, примерно в 10 или 15 милях к югу.

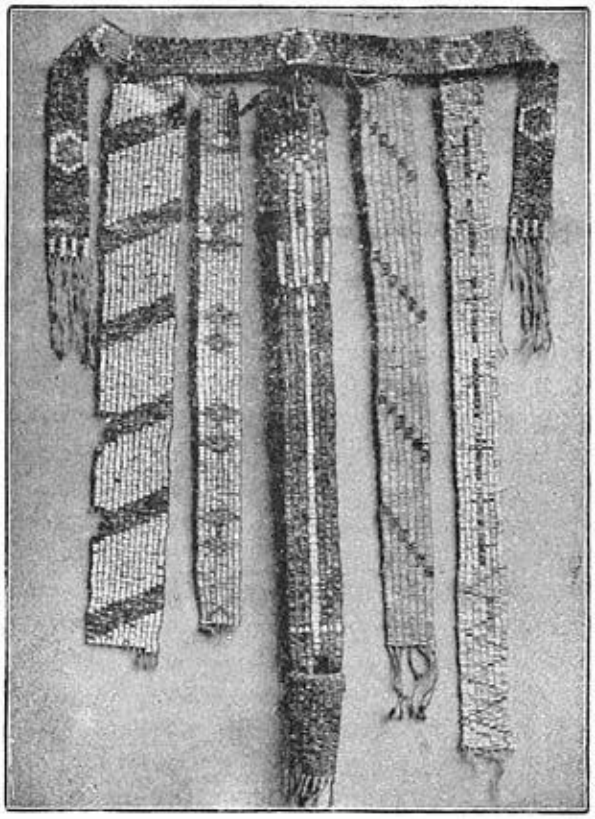


Рис. 2 — Древние пояса ирокезов из ракушек.[3]

Скрывшись в окрестностях, они послали одного из своих в город, чтобы объявить о своем приезде. Так случилось, что вождь и его семья работали на кукурузном поле, и его дочь как раз пошла в дом по какому-то делу, когда ирокезы вошли и попросили чего-нибудь поесть. Увидев, что он чужой, она подала ему еду в соответствии со старым обычаем гостеприимства. Пока он ел, ее отец, вождь, вошел, чтобы посмотреть, что ее задерживает, и был удивлен, увидев там одного из извечных врагов своего племени. К этому времени уже разнесся слух, что в доме вождя находится ирокез, и мужчины города бросили свою работу и схватили оружие, чтобы убить его, но вождь услышал, как они приближаются, и, стоя в дверях, удержал их, сказав: «Этот человек пришел сюда с миротворческой миссией, и прежде чем убить его, вы должны сначала убить меня». В конце концов они послушались его и позволили посланнику выйти и привести своих товарищей в дом вождя, где о них всех позаботились.

Когда они хорошо отдохнули после долгого путешествия, вождь Таликва сам отправился с ними в Иццати, столицу, где жил великий вождь Аганстата, который теперь был гражданским правителем нации. Были созваны вожди различных городов и состоялось совещание, на котором представитель делегации ирокезов выступил с речью и продемонстрировал пояса вампум и трубки, которые они привезли в качестве доказательства своей миссии и везли с собой в рюкзаках на спинах.

Он сказал, что в течение трех лет его народ хотел заключить мир. В их стране был источник с темной, мутной водой, и они накрыли его на год, а потом посмотрели, но вода все еще была мутной. Они снова накрыли ее, но когда посмотрели в конце следующего года, она все еще была темной и мутной. Еще на год они накрыли родник, и на этот раз, когда посмотрели, вода была

чистой и сверкающей. Тогда они поняли, что время пришло, и покинули свой дом с поясами из ракушек, чтобы заключить мир со своими врагами.

Дружеское послание было принято чероки, и пояса и другие символические знаки мира были переданы им на хранение. Другие пояса, вероятно, были переданы ирокезам, и после обычного круга пиршеств и танцев посланцы вернулись к своему народу на севере, и долгая война закончилась.

В течение почти столетия эти символические свидетельства мира с ирокезами хранились чероки и были перевезены с ними на западную территорию, когда в 1838 году племя было окончательно изгнано из своего старого дома. Затем они находились на хранении у Джона Росса, главного вождя на момент переселения, и были торжественно представлены на большом межплеменном совете, состоявшемся недалеко от Талеква, на территории индейцев, в июне 1843 года, когда они были переведены чероки-переводчиком Гатуньва'ли, «Хард-Маш», который видел, как их передавали вождям его племени в старом Итсати семьдесят лет назад. Уэффорд присутствовал при этом событии и описывает его.

Держа пояса на руке, Хард-Маш рассказал о первоначальном договоре с ирокезами и объяснил значение каждого пояса по очереди. Насколько Ваффорд помнил, там был один большой пояс, к которому были прикреплены более мелкие пояса. Бусины, по-видимому, не были из ракушки, а, возможно, из фарфора. Там также были красные трубки для воинов, серовато-белые трубки для вождей, которые сыграли ведущую роль в заключении мира, и несколько вееров или других украшений из перьев. Было несколько красных трубок, напоминающих трубки из красного камня сиу, но только одна, или, возможно, две белые трубки мира, которые, возможно, были только раскрашены и были намного больше других. Трубки передавали по кругу на совете, чтобы каждый делегат мог понюхать их. Все предметы составляли значительную посылку, которую тщательно охранял хранитель чероки. Считается, что они были уничтожены во время Гражданской войны, когда дом Джона Росса, расположенный в нескольких милях к югу от Талеква, был сожжен конфедератами-чероки под командованием их генерала Стэнда Уэйти.

90. ХИАДЕОНИ, СЕНЕКА

«Хиадеони был отцом покойного вождя Янг-Кинг. Он был воином сенека, человеком большого мастерства, ловкости и быстроты, и много раз доказал свою храбрость и умение. Когда сенека еще жили на реке Дженеси, он решил в одиночку совершить набег на землю чероки. Он гордился мыслью, что сможет прославиться в этом смелом приключении, и подготовился к нему в соответствии с обычаями воинов. Они никогда не обременяют себя багажом. Он взял с собой только оружие и немного поджаренной и растолченной кукурузы. Лес давал ему мясо.

Хиадеони благополучно и в одиночку достиг границ страны чероки. Он дождался вечера, прежде чем войти в пределы деревни. Он застал людей, занятых танцами. Он выждал подходящий момент, и когда один из танцоров вышел из круга в кусты, он убил его топором. Таким образом, он убил двух мужчин той ночью на окраине леса, не вызвав тревоги, взял их скальпы и отступил. Было уже поздно, когда он подошел к хижине, стоящей в стороне от остальных, на пути домой. Наблюдая за ней, он увидел, как из нее вышел молодой человек, убил его, как и других, и взял его скальп. Осторожно заглянув в хижину, он увидел, что она пуста, и рискнул войти в надежде найти табак и патроны, которые пригодились бы ему в пути домой.

Пока он был занят обыском хижины, он услышал шаги у двери и сразу же бросился на кровать, с которой встал молодой человек, и прикрыл лицо, притворившись спящим. Оказалось, что это были шаги матери его последней жертвы. Она, полагая, что это ее сын, которого она недавно

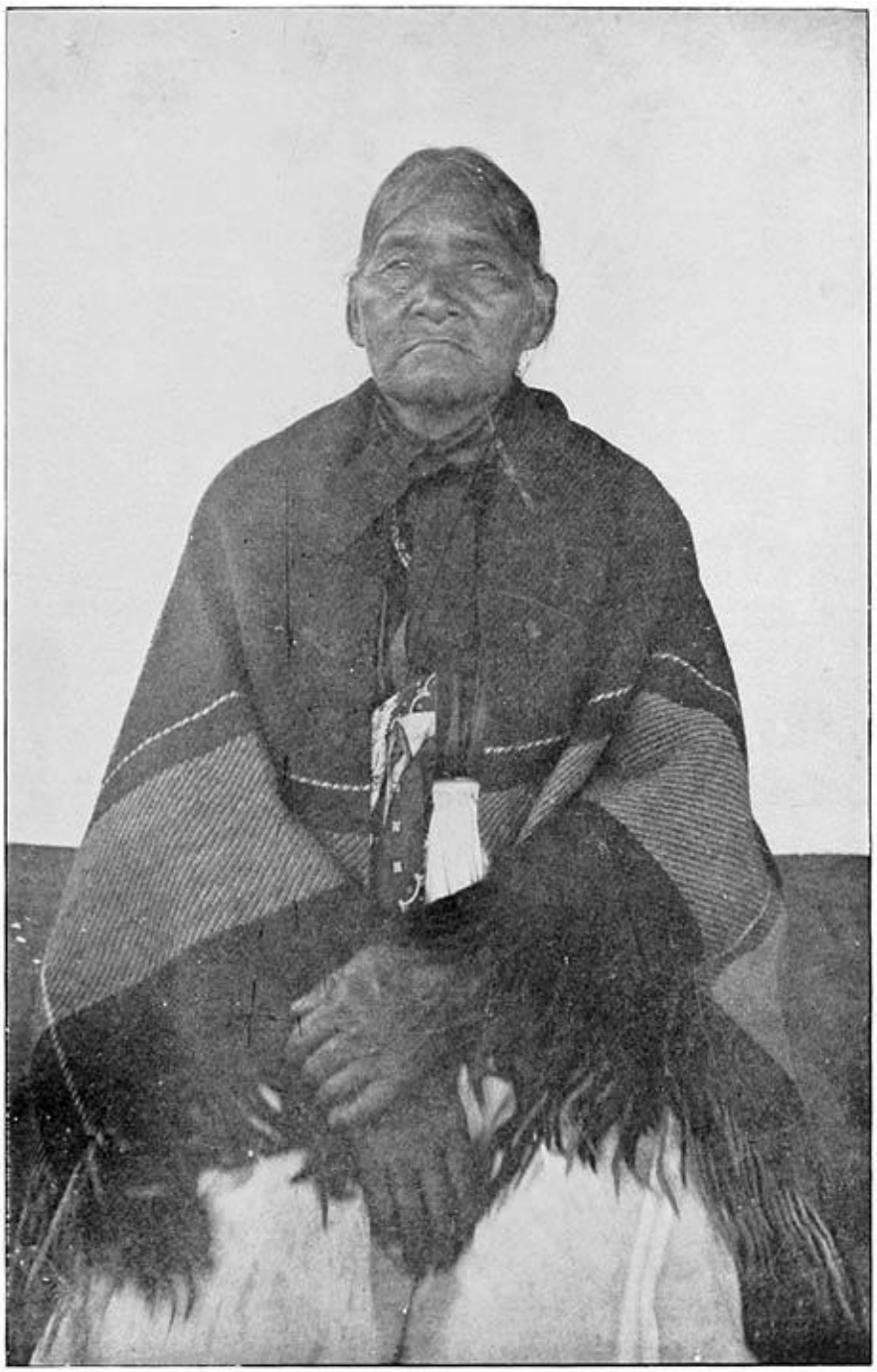
оставила лежащим здесь, сказала: « » («Сынок, я ухожу в такое-то место и вернусь только утром»). Он ответил соответствующим образом, и старуха вышла. Он незаметно заснул и ничего не знал до утра, когда первым делом услышал голос матери. Она, заботясь о сыне, очень рано встала у камина, вытащила из пепла несколько запеченных тыкв, погасила огонь и, сказав, что оставила их ему на еду, ушла. Он мгновенно вскочил и убежал, но ранний рассвет раскрыл его вторжение, и его горячо преследовали. Будучи легким на ногу и имея фору, он успел добраться до отдаленного леса и спрятаться там, где пролежал до ночи, а затем продолжил свой путь к реке Дженеси, которую в свое время достиг, принеся с собой три скальпа чероки в качестве трофеев своей победы и доблести». — Скулкрафт, «Заметки об ирокезах», стр. 253, 1847 г.

91. ДВА МОХАВКА

«В 1747 году два индейца из племени могавков напали на нижние города чероки и так искусно устроили засаду на них в течение большей части весны и лета, что убили более двадцати человек в различных нападениях, прежде чем их обнаружила группа разъяренных и подавленных людей. Они хорошо знали местность, наиболее подходящую для своих целей, и были чрезвычайно быстры и выносливы. Всякий раз, когда они убивали кого-нибудь и снимали скальп, они убегали в соседние горы и бежали по широким уступам скал в противоположных направлениях, как позволяла ситуация, так что преследователи никак не могли их выследить. Однажды, когда за ними гналась большая группа, они обогнули крутой холм у истока восточного рукава реки Савана, перехватили, убили и сняли скальп с последнего в группе, а затем скрылись между ними и Киоухи. Поскольку это был город, к которому принадлежала группа, они поспешили домой, держась вместе, как в безопасное место от таких вражеских колдунов. Таким образом, эти два живые и отважные дикари в течение четырех лун сбивали с толку и запугивали своих врагов, находясь в полной безопасности, хотя им часто приходилось убивать и жарить на костре то, чем они в основном питались, в окружении бдительных врагов. Достаточно отомстив за кровь своих родственников и удовлетворив свою амбицию необычным количеством скальпов, они решили поймать одного из них и увести его домой в качестве доказательства того, что они убивали только врагов своей страны. Соответственно, они подошли очень близко к Киоухи, примерно в полумиле ниже бывшего форта Принц Джордж. Продвигаясь с обычной в таких случаях осторожностью, один из них полз под лучшим укрытием на расстоянии около ста ярдов впереди, а другой перебирался с дерева на дерево, внимательно осматриваясь по сторонам. Однако вечером старый, уважаемый человек обнаружил их с вершины соседнего холма и по стрижке волос, легкой одежде для бега и по осанке понял, что они враги. Он вернулся в город и сначала зашел в дом одного из наших торговцев и сообщил ему об этом деле, запретив ему говорить об этом кому-либо, чтобы люди не отправились против них безрезультатно, прежде чем их следы будут обнаружены, и его обвинят в том, что он их обманул. Но, вопреки истинной политике торговцев среди неумолимых дикарей, этот бездумный член компании Choktah Sphynx, как обычно, занялся делом, не входящим в его компетенцию, пригласил вождей и рассказал им эту историю. Поскольку могавки были союзниками и не были известны тем, что беспокоили торговцев на тропах и в лесах, он должен был соблюдать строгий нейтралитет. Молодежь города по приказу своих вождей продолжала свои шумные публичные развлечения в обычном режиме, чтобы не вызвать у врагов подозрений об опасности, а из города к соседям были отправлены гонцы с просьбой тихо прийти и помочь им захватить добычу в состоянии безопасности. Они пришли, как бесшумные призраки, согласовали план действий, переправились через реку по старому торговому броду напротив бывшего форта, который находился между двумя соседними возвышенными холмами, и, спустившись вниз по широкому ручью, образовали большой полукруг от берега реки, в то время как город, казалось, погрузился в обычный покой. Затем они сократили окружение и наконец обнаружили двух храбрых, несчастных мужчин, лежащих под верхушками нескольких поваленных молодых сосен. Компания дала сигнал к началу атаки, и могавки, вскочив, храбро повторили его; но из-за

внезапного выскочения из-под густого укрытия их оружие оказалось бесполезным. Однако они предприняли отчаянные попытки убить или быть убитыми, как того требовала ситуация. Один из чероки, известный метис из города Истанаре [Ustănaʹlĭ], расположенного в 2 милях от того места, был сражен с первого удара и почти убит своим собственным тесаком, который был вырван у него, хотя он был самым сильным из всего племени. Но они были побеждены численным превосходством, взяты в плен и подвергнуты самым жестоким пыткам огнем среди огромной толпы ликующих врагов.

Один из нынешних торговцев Чокта, который был на месте, рассказал мне, что, когда их привязали к колу, младший из них обнаружил наших торговцев на ближайшем холме, обратился к ним по-английски и умолял их спасти их жизни. Старший немедленно обратился к нему на его родном языке, призывая его прекратить. Услышав это, он пришел в себя и стал невозмутим, как стоик, проявляя безразличие к жизни или смерти, удовольствию или боли, в соответствии с их стандартами воинской добродетели, и их поведение перед смертью ни в малейшей степени не порочило их прежние доблестные поступки. Все муки огненных пыток только укрепили их мужественный дух, и, поскольку торговцы не могли их спасти, они, согласно нашему обычаю, удалились, как только индейцы начали свою дьявольскую трагедию». — Адаир, «Американские индейцы», стр. 383, 1775 г.



ФОТОГРАФИЯ АВТОРА, 1888 Г.

ЭННИ АКС (САДАЙ)

92. ПОБЕГ МАЛЬЧИКОВ СЕНЕКА

Некоторые воины сенека охотились в лесу, и однажды утром, отправляясь на охоту, они оставили двух мальчиков присматривать за лагерем. Вскоре после их ухода появилась группа воинов чероки, которые, обнаружив мальчиков одних, забрали их обоих и отправились обратно на юг, двигаясь с такой скоростью, что когда охотники вернулись вечером, они решили, что преследовать их бесполезно. Когда чероки достигли своей страны, они отдали мальчиков старику из племени

лакота ( ), чьи сыновья были убиты сенеками. Он взял мальчиков и усыновил их, и они росли с ним, пока не стали достаточно большими и сильными, чтобы самим ходить на охоту.

Но все это время они помнили свой дом, и однажды старший сказал своему брату: «Давай убьем старика и сбежим». «Нет, — ответил другой, — мы можем заблудиться, если сбежим, мы так далеко от дома». «Я помню дорогу», — сказал его брат, и они составили план побега. Через несколько дней старик взял мальчиков с собой, и все трое отправились на охоту в горы. Когда они достаточно далеко отошли от поселения, мальчики убили старика, взяли все мясо и жареную кукурузную муку, которую могли легко унести, и начали возвращаться на север, держась подальше от главной тропы и следуя по гребню гор. Через много дней они дошли до конца гор и нашли тропу, которую старший брат узнал как ту, по которой их вели, когда их впервые похитили. Теперь они смело шли дальше, пока не дошли до широкой поляны с домами на дальнем конце, и старший брат сказал: «Я думаю, что это там, где мы жили». Это было так давно, что они не были в этом уверены, к тому же теперь они были одеты как чероки, поэтому решили, что безопаснее подождать до темноты. Они увидели впереди реку, спустились к ней и сели за большим деревом, чтобы подождать. Вскоре несколько женщин спустились за водой и прошли мимо дерева, не заметив мальчиков. Старший брат сказал: «Я знаю этих женщин. Одна из них — наша мать». Они подождали, пока женщины наполнили ведра и направились в деревню, а затем оба выбежали им навстречу с приветственным криком сенека: *«Гоуэ! Гоуэ!»* Сначала женщины испугались и подумали, что это группа чероки, но когда услышали свой родной язык, подошли ближе. Тогда мать узнала своих двух сыновей и сказала: «Давайте вернемся и станцуем, чтобы мертвые воскресли», и все были очень рады и вместе пошли в деревню. — Пересказ по рукописи сеноков Куртина.

93. НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ

Ганогвиоэон, военачальник сенеков, возглавил отряд против чероки. Когда они подошли к первому городу, он оставил своих людей за пределами и вошел один. В первом доме он нашел старуху и ее внучку. Они его не заметили, и он вошел в âsĭ и спрятался под дровами. Когда наступила темнота, он услышал, как старуха сказала: «Возможно, Ганогвиоэон рядом; я закрою дверь». Через некоторое время он услышал, как они ложились спать. Когда он подумал, что они уснули, он вошел в дом. Огонь почти погас, но девушка еще не спала и увидела его. Она собиралась закричать, но он сказал: «Я Ганогвиоэон. Если ты закричишь, я убью тебя. Если будешь молчать, я не трону тебя». Они поговорили, и он сказал ей, что утром она должна привести к нему дочь вождя. Она пообещала сделать это и сказала ему, где он должен ждать. Перед рассветом он покинул дом.

Утром девушка пошла в дом вождя и сказала его дочери: «Пойдем вместе за дровами». Дочь вождя собралась и пошла с ней, и когда они пришли к месту, где прятался Ганогвиоэон, он выскочил и убил ее, но не тронул другую девушку. Он снял скальп и так громко закричал, что все воины в городе услышали его и выбежали за ним. Он помахал им скальпом, а затем развернулся и побежал. Он убил первого, кто подошел, но когда он попытался выстрелить в следующего, лук сломался, и чероки поймали его.

Они связали его и отнесли к двум женщинам из племени, которые имели право решать, что с ним делать. У каждой из этих женщин на губах были татуировки в виде двух змей, головы которых были обращены друг к другу, так что, когда она открывала рот, две змеи тоже открывали рты . Они решили обжечь ему подошвы ног до появления волдырей, затем засунуть под кожу зерна кукурузы и гонять его с дубинками, пока не забивают до смерти.

Они раздели его и обожгли ему ноги. Затем они обвязали его талию веревкой из коры, а другой конец держал старик, и заставили его бежать между двумя рядами людей с дубинами в руках. Когда они дали команду, Ганогвиоэон вырвал веревку из рук старика, прорвался через ряды и бежал, пока не скрылся из виду. Когда наступила ночь, он залез в дупло. Он был голый и безоружный, его ноги были в плачевном состоянии, и он думал, что никогда не сможет сбежать.

Он услышал шаги на листьях снаружи и подумал, что его враги настигли его. Шаги подошли к бревну, и кто-то сказал другому: «Это наш друг». Затем незнакомец сказал Ганогвиоэону: «Ты думаешь, что ты мертв, но это не так. Мы позаботимся о тебе. Высунь ноги». Он высунул ноги из бревна и почувствовал, как что-то лижет их. Через некоторое время голос сказал: «Думаю, мы достаточно полизали его ноги. Теперь мы должны залезть внутрь бревна и лечь по обе стороны от него, чтобы согреть его». Они залезли рядом с ним. Утром они вылезли и сказали ему снова высунуть ноги. Они снова лизнули их, а затем сказали ему: «Теперь мы сделали все, что могли на этот раз. Иди дальше, пока не дойдешь до места, где ты давно построил укрытие из коры, и под корой ты найдешь то, что тебе поможет». Ганогвиоэон вылез из бревна, но они исчезли. Его ноги были теперь в порядке, и он мог ходить без труда. Он шел до полудня, когда дошел до укрытия из коры, и под ним нашел нож, шило и кремневый камень, которые его люди спрятали там два года назад. Он взял их и снова отправился в путь.

К вечеру он осмотрелся и нашел еще одно дупло, в которое заполз, чтобы переночевать. Ночью он снова услышал шаги и голоса. Когда он снова высунул ноги, как велели ему незнакомцы, они, как и раньше, облизнули его ноги, а затем заползли внутрь и легли по обе стороны от него, чтобы согреть его. Он по-прежнему не мог их видеть. Утром, после того как они ушли, они снова облизнули его ноги и сказали ему: «В полдень ты найдешь еду». Затем они ушли.

Ганогвиоэон вылез из дерева и пошел дальше. В полдень он подошел к горящему бревну, а рядом с ним лежал мертвый медведь, который был еще теплым, как будто его убили совсем недавно. Он снял с медведя шкуру и обнаружил, что он очень жирный. Он разрезал мясо и зажарил столько, сколько мог съесть или унести. Пока мясо жарилось, он соскребал кожу и натирал ее гнилой древесной пылью, чтобы очистить, пока не устал. Когда наступила ночь, он лег спать. Он снова услышал шаги и голоса, и один из них сказал: «Ну, наш друг лежит. У него есть чем покушать, и не похоже, что он умрет. Давайте снова оближем ему ноги». Когда они закончили, они сказали ему: «Теперь тебе не нужно больше беспокоиться. Ты благополучно доберёшься до дома». До рассвета они покинули его.

Когда наступило утро, он надел медвежью шкуру как рубашку, шерстью наружу, и снова отправился в путь, взяв с собой столько мяса, сколько мог унести. Ночью его друзья снова пришли к нему. Они сказали: «Твои ноги в порядке, но тебе будет холодно», и снова легли по обе стороны от него. До рассвета они ушли, сказав: «Около полудня ты найдешь что-нибудь, чтобы одеться». Он пошел дальше и около полудня наткнулся на двух только что убитых медведей. Он снял с них шкуры, вычистил их, затем зажарил столько мяса, сколько хотел, и лег спать. Утром он сделал из шкур гетры, взял немного мяса и пошел дальше.

На следующую ночь его друзья пришли снова и сказали ему, что утром он найдет что-нибудь еще, чтобы одеться. Как они и сказали, около полудня он нашел двух только что убитых оленят. Он вывернул шкуры и сделал себе пару мокасин, затем нарезал немного мяса и шел до вечера, когда разжег костер и поужинал.

В ту ночь он снова услышал шаги и голоса, и один из них сказал: «Друг мой, очень скоро ты благополучно доберешься до дома и найдешь своих друзей в добром здравии. Теперь мы расскажем тебе, почему мы помогли тебе. Всякий раз, когда ты ходил на охоту, ты всегда отдавал

нам лучшую часть мяса и оставлял себе только самую маленькую. За это мы благодарны тебе и помогаем тебе. Утром ты увидишь нас и узнаешь, кто мы такие».

Утром, когда он проснулся, они все еще были там — два человека, как он думал, — но после того, как он сказал им последние слова и тронулся в путь, он обернулся, чтобы посмотреть, и увидел, что один из них был белым волком, а другой — черным. В тот день он добрался до дома. — Пересказ по рукописи Куртина, сенека.

94. Побег Хатцинондо из племени чероки

Хатсинондонь был великим воином, величайшим среди сенеков. Однажды он возглавил отряд против чероки. Они шли, пока не дошли до большого хребта на границе страны чероки, и тогда поняли, что их враги находятся на другой стороне. Хатсинондонь велел своим людям остановиться на месте, а сам пошел вперед, чтобы посмотреть, что там. Враги обнаружили его и погнались за ним, и он убежал в тростниковый заросли, где тростник рос двумя большими зарослями, между которыми была узкая полоса открытой земли. Они увидели, как он ушел в тростник, поэтому подожгли заросли и стали ждать, когда он выйдет на открытое место, но прежде чем они успели это сделать, он перебежал во вторую заросли и сбежал. Когда тростник сгорел, чероки искали его тело в пепле, но не нашли никаких следов, поэтому они вернулись домой.

Когда Хатсинондонь попал во второй камышовый заросли, он был измотан, поэтому лег и заснул. Ночью, пока он спал, пришли два человека, взяли его за руку и сказали: «Мы пришли за тобой. Кто-то послал за тобой». Они пронесли его далеко, выше небесного свода, пока не пришли к дому. Тогда они сказали: «Здесь живет человек, который послал за тобой». Он посмотрел, но не увидел двери. Тогда изнутри раздался голос: «Входи», и что-то похожее на дверь открылось само собой. Он вошел, и там сидел Хавэньнио, бог грома.

Хауэньнио сказал: «Я послал за тобой, и ты здесь. Ты голоден?» Хатсинондонь подумал: «Странно так говорить; я так не делаю — я даю еду». Гром знал его мысли, поэтому он рассмеялся и сказал: «Я сказал это только для шутки». Он встал и принес половину хлебца, половину дикого яблока и половину голубя. Хатсиноньдон сказал: «Этого очень мало, чтобы насытиться», но Гром ответил: «Если ты это съешь, будет еще». Он начал есть, но, пока он ел, все снова стало целым, так что он не смог доесть.

Сидя, он услышал, как кто-то бежит снаружи, и сразу же дверь распахнулась, и вошло Солнце, такое яркое, что Хатсиноньдон был вынужден опустить голову. Два существа разговаривали, но сенека не мог понять ни слова, и вскоре гость снова ушел. Тогда Гром сказал: «Это тот, кого вы называете Солнцем, который наблюдает за миром внизу. Сейчас там ночь, и он спешит на восток. Он говорит, что только что была битва. Я люблю и сенеков, и чероки, и когда ты вернешься к своим воинам, ты должен сказать им, чтобы они прекратили сражаться и пошли домой». Он снова принес еду, по половине каждого вида, и когда Хатсинондон поел, Гром сказал: «Теперь мои посланники отведут тебя на твое место».

Дверь снова открылась сама собой, и Хатсиноньдон последовал за двумя Небесными Людьми, пока они не привели его к месту, где он спал, и не оставили его там. Он нашел свою группу и рассказал воинам о том, что видел. Они провели совет и решили нанести врагу один удар, прежде чем возвращаться домой. Хатсиноньдон повел их. Они встретили чероки и вернулись домой со скальпами.

Он возглавил еще одну группу против чероки, но на этот раз его схватили и отвели в город чероки. У чероки было принято, чтобы две женщины решали, что делать с пленными. Они решили, что его следует подвергнуть пыткам огнем, поэтому его привязали к дереву, а вокруг него нагромоздили дрова. Хатсиноньдонь уже считал себя погибшим, когда начался ливень, и люди решили подождать, пока он закончится. Они ушли, оставив его привязанным к дереву.

Вскоре к нему подошла старая женщина и сказала: «Мой внук, ты думаешь, что умрешь, но это не так. Попробуй пошевелить конечностями». Он изо всех сил пытался и наконец освободил свои конечности. Тогда она сказала: «Теперь ты свободен. Я пришла, чтобы отплатить тебе за твою доброту. Помнишь, как однажды ты нашел лягушку посреди круга огня, поднял ее и бросил в воду? Я была той лягушкой, и теперь я помогаю тебе. Я послала ливень, и теперь ты должен спуститься к ручью и плыть по течению».

Когда дождь закончился, люди вернулись, но Хатсинондонь исчез. Они проследили его до ручья, но он нашел дупло в дереве, лежащем в воде, с отверстием в верхней части, через которое он мог дышать, поэтому он залез в него, и они не смогли его найти. Однажды двое чероки пришли и сели на бревно, и он слышал, как они говорили о нем, но они не знали, что он был внутри. Когда все ушли, он вылез и продолжил путь вниз по течению. После наступления темноты он пришел к месту, где трое охотников развели костер и уснули на ночь. Их топоры и оружие висели на дереве. Хатсиноньдон был голым. Он прислушался, пока не убедился, что мужчины спят, затем взял один из их топоров и убил всех троих, одного за другим. Он одел одежду одного из них и надел его пояс с ножом и топором. Затем он умылся в ручье, сел у костра и приготовил себе ужин. После этого он вытянул и раскрасил три скальпа и лег у костра спать. Утром он взял с собой все, что мог унести, и пошел по большому кругу, пока не нашел дорогу, по которой он и его воины пришли. Он нашел свежие следы и пошел по ним, пока не увидел впереди дым. Он прислушался и услышал, как люди говорят на языке сенека, и понял, что это его отряд. Тогда он трижды прокричал сенекский клич *«Гоуэ!»* — и его друзья выбежали ему навстречу. Они боялись, что он погиб, но теперь были рады, что дождались его. Они вместе вернулись домой. Это их история. — Пересказ по рукописи Куртина, сенека.

95. ПЕРЕВОЗЧИК КОНОПЛЫ

На южном склоне хребта, вдоль тропы от Роббинсвилля до реки Вэлли, в округе Чероки, Северная Каролина, находятся остатки нескольких каменных курганов. Сейчас курганы сровнены, но тридцать лет назад камни все еще были насыпаны в пирамиды, к которым каждый проходящий мимо чероки добавлял по камню. Согласно преданию, эти кучи обозначали могилы нескольких женщин и детей племени, которые были застигнуты врасплох и убиты на месте отрядом ирокезов незадолго до заключения окончательного мира между двумя народами. Как только эта новость дошла до поселений на реках Хивасси и Чеова, под руководством Таледанигиски (, «Перевозчик конопли») была организована группа, чтобы преследовать врага и отомстить ему. Среди других участников отряда был отец известного вождя Цунулахунски, или Джуналуска, который (Джуналуска) умер в Чеове около 1855 года.

В течение нескольких дней они следовали по следам ирокезов через Великие Дымные горы, через леса и реки, пока наконец не выследили их в их самом городе на крайнем севере страны сенека. По дороге они встретили другую военную группу, направлявшуюся на юг, и чероки убили всех ее членов и сняли с них скальпы. Когда они подошли к городу сенека, было уже почти ночь, и они услышали крики в городском доме, где женщины танцевали над свежими скальпами чероки . Мстители спрятались возле источника, и когда танцоры спустились, чтобы попить, чероки молча убили одного за другим, пока не насчитали столько же скальпов, сколько было взято на Чеове, и

танцоры в городском доме так и не догадались, что враги были рядом. Тогда вождь чероки сказал: «Мы покрыли скальпы наших женщин и детей. Пойдем ли мы теперь домой, как трусы, или поднимем боевой клич и дадим понять сенекам, что мы мужчины?» «Пусть приходят, если хотят», — сказали его люди, и они подняли боевой клич чероки. Сразу же из городского дома раздался ответный крик, и танец внезапно прекратился. Воины сенека высыпали с готовыми ружьями и топорами, но проворные чероки уже были далеко. В темноте началась горячая погоня, но чероки знали тропы и были легкими и быстрыми бегунами , и им удалось уйти, потеряв только одного человека. Остальные благополучно вернулись домой, и люди были так довольны храбростью и успехом Хемп-Кэрриера, что подарили ему семь жен.

96. МИРОТВОРЦЫ СЕНЕКА

В ходе долгой войны с чероки однажды восемь сенеков решили отправиться на юг, чтобы посмотреть, смогут ли они заключить мир со своими врагами. Приблизившись к границе страны чероки, они встретили нескольких охотников из этого племени, которым рассказали о своей цели. Те сразу же поспешили передать эту новость, и когда миротворцы прибыли, их хорошо приняли вожди чероки, которые созвали совет, чтобы рассмотреть это предложение. Все вожди, кроме одного, высказались за мир, но он потребовал, чтобы восемь делегатов сначала присоединились к их военному отряду, который как раз готовился к походу на племя, проживавшее дальше на юге, вероятно, на криков. Сенеки согласились и отправились с военным отрядом на юг, но в результате сражения вождь сенеков, Сова, был взят в плен. Остальные семь сбежали с чероки.

В лагере врага был созван совет, и было решено, что Сова должен быть сожжен на костре. Было собрано дерево и все подготовлено, но когда его собирались связать, он воспользовался привилегией воина спеть свою песню смерти и ударить по столбу, рассказывая о своих воинских подвигах. Его просьба понравилась врагам, которые дали ему в руки томагавк и велели начинать.

Сначала он рассказал о своих подвигах на севере, а затем на западе, указав время, место и количество взятых скальпов, пока его враги не были настолько увлечены и заинтересованы, что забыли о пленнике-воине. Это была длинная история, но наконец он дошел до сражения, в котором был взят в плен. Он рассказал, сколько родственников он убил из числа окружающих его людей, а затем, ударив томагавком по столбу, сказал: «Я убил так много ваших людей, и еще столько же я убью», — и с этими словами он сразил двух человек, проскочил через круг воинов и скрылся. Все произошло так внезапно, что его враги не могли оправиться от удивления несколько минут. Затем они схватили оружие и бросились за ним через лес, но он имел хороший старт и бежал, спасая свою жизнь, так что опередил преследователей и наконец благополучно добрался до лагеря чероки, где присоединился к своим семи товарищам.

На основании этого доказательства доброй воли чероки заключили договор, и миротворцы вернулись в свою страну. — По мотивам книги Скулкрафта «Заметки об ирокезах», стр. 258.

97. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАНЦА ЙОНТОНИСА

Две сестры из племени сенека с младенцем старшей из них находились в сахарном лесу недалеко от своего дома, когда на них напала воинская группа чероки из племени « » и увезла их. Когда жители города « » узнали о случившемся, они решили не преследовать врага из-за опасений, что тот убьет женщин, и поэтому не стали их преследовать.

Чероки вели женщин с собой, пока не подошли к городам чероки на расстояние одного дня пути. Старшая сестра узнала об этом и решила попытаться сбежать. У нее был нож без рукояти,

спрятанный под поясом, и той ночью, когда все легли спать у костра, она не заснула. Когда все крепко заснули, она огляделась. Она и ее сестра были связаны вместе, а по обе стороны от них лежали чероки, под которыми на земле находился конец веревки. Достав нож, она перерезала веревку, не разбудив мужчин, а затем тихо разбудила сестру и шепнула ей, чтобы та шла с ней. Они собирались оставить маленького мальчика, но он начал плакать, и она сказала: «Давай умрем вместе», взяла его на спину, и обе женщины поспешили уйти. Через некоторое время они услышали тревогу позади себя и поняли, что их побег был обнаружен, а затем увидели горящие сосновые сучки, развевающиеся среди деревьев, где чероки шли их искать. Женщины знали, что чероки будут искать их на севере, вдоль тропы, ведущей в страну сенека, поэтому они сделали круг и пошли на юг, пока не увидели костер и человека, сидящего у дерева, трясущего погремушкой и тихо поющего. Они обнаружили, что вернулись прямо в лагерь врага, поэтому старшая сестра сказала: «Так не пойдет, мы должны попробовать еще раз. Давайте пойдем прямо к тому большому дереву впереди, а от него прямо к следующему, и к следующему». Таким образом, они шли по прямой до утра. Когда взошло солнце, они повернули в другом направлении, к дому, а ночью отдыхали в лесу.

Они шли весь следующий день, а ночью снова отдыхали. Ночью голос спросил младшую женщину: «Ты здесь отдыхаешь?», и она ответила: «Да». Голос снова сказал: «Продолжай идти, и ты выйдешь в том месте, где тебя похитили. Тебе не причинят вреда. Завтра ты найдешь еду». Она разбудила сестру и рассказала ей, что сказал голос.

Утром они продолжили путь и в полдень нашли свежеубитого оленя. Рядом они нашли горящее полено, поэтому они зажарили часть мяса, хорошо покушали, а потом унесли с собой столько мяса, сколько смогли. Они продолжали путь, каждую ночь разбивая лагерь, и когда мясо почти закончилось, они оставили остатки для маленького мальчика.

Наконец, однажды ночью голос снова заговорил с младшей сестрой и сказал: «Вы на правильном пути, и завтра вы будете на границе страны сенека. Вы найдете еду. Это все».

Утром она рассказала об этом старшей сестре. Они снова отправились в путь и шли до полудня, когда наткнулись на участок с диким картофелем. Они копали и нашли его много, а оглядевшись, увидели дым , поднимающийся от костра. Они собрали дрова, развели огонь и зажарили картофель. Затем они съели столько, сколько хотели, а остальное унесли с собой.

Они шли, пока картофель почти не закончился. Ночью голос снова обратился к младшей женщине, говоря: «Завтра в полдень ты дойдешь до своего дома, и первым человеком, которого ты встретишь, будет твой дядя. Когда ты дойдешь до города, ты должна собрать людей и рассказать им все, что произошло. Ты должна пойти в длинный дом, снять юбку и нести ее на плече. Затем ты должна войти внутрь и обойти его один раз, напевая: «Мы вернулись домой, мы здесь». Это песня *Йонтоньвисас*, и она предназначена только для женщин. Знайте, что мы — *Хадионьягононь,* Небесные Люди, которые все это время охраняли вас».

Когда девочка проснулась, она рассказала об этом своей сестре, и они сказали: «Мы должны сделать все это», и начали петь, идя по дороге. Около полудня они услышали звук рубки, и когда подошли к тому месту, то увидели, что их дядя рубит бруски, чтобы сделать ложки. Он не заметил их, пока они не заговорили ( ), и сначала с трудом поверил, что они живые женщины, потому что знал, что их похитили чероки. Он был очень рад их видеть, и когда они шли в город, они рассказали ему все, что им велели сделать Небесные Люди. Когда они прибыли в город, он созвал всех людей, и они пошли в длинный дом. Там две женщины спели свою песню и сделали все точно так, как им было велено, а когда все закончилось, они сказали: «Это все» и сели. Это та же

песня Йонтоньвисас, которую до сих пор поют женщины. — Адаптировано из рукописи Куртина, сенека.

98. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАНЫ СРЕДИ ЧЕРОКИ

Гана был вождем племени сенека. Он созвал совет и сказал: «Мы должны пойти к чероки и посмотреть, сможем ли мы договориться о дружбе и жить в мире впредь». Люди согласились, и вождь сказал: «Прежде чем отправиться в путь, мы должны сначала пойти к воде». И они отправились, большая группа воинов, далеко в густой лес у реки. С ними не было женщин. Десять дней подряд они каждое утро пили лекарство, чтобы вызвать рвоту, и каждый день мылись и купались в реке.

Затем вождь сказал: «Теперь мы должны добыть орлиные перья». Они поднялись на вершину высокого холма, выкопали там яму длиной с человеческое тело, положили в нее человека, накрыли его ветвями, чтобы его не было видно, а сверху положили целое тело оленя. Затем люди ушли из поля зрения и произнесли слова, приглашающие Шадагеа, великого орла, живущего в облаках, спуститься вниз.

Человек под кустарником услышал шум, и прилетел обыкновенный орел, съел немного и снова улетел. Вскоре он вернулся, съел еще немного и улетел в другом направлении. Он рассказал об этом другим птицам, и они прилетели, но человек отпугнул их, потому что не хотел, чтобы обычные птицы съели мясо. Через некоторое время он услышал сильный шум в воздухе и понял, что это Шадагеа, птица, которую он искал. Шадагеа очень осторожен и некоторое время оглядывался по сторонам, прежде чем начал есть мясо. Как только он начал есть, человек осторожно поднял руку, схватил птицу за хвост и удержал ее. Шадагеа поднялась и улетела, а мужчина вырвал одно перо. Им пришлось поймать таким образом немало орлов, и прошло два года, прежде чем они собрали достаточно перьев, чтобы сделать полный хвост, и были готовы отправиться в страну чероки.

Они провели много дней в пути, и когда добрались до первого города чероки, обнаружили, что он окружен частоколом, чтобы враги не могли проникнуть внутрь. Они подождали, пока ворота открылись, и тогда два танцора из племени сенека вышли вперед, неся орлиные перья и выкрикивая сигнал. Услышав шум, чероки вышли и увидели двух мужчин, поющих и танцующих, и вождь сказал: «Эти люди, должно быть, пришли по какому-то делу». Посланцы сенека подошли и сказали: «Созовите совет, мы пришли поговорить о важном деле». Все повернулись и пошли к ратуше, а остальные сенека последовали за двумя танцующими. Ратуша была переполнена, и сенека пели и танцевали, пока не устали, и только тогда остановились. Чероки не танцевали.

После танца вождь сенека сказал: «Теперь я расскажу вам, почему мы прошли такой долгий путь через лес, чтобы увидеться с вами. Мы решили, что пора прекратить войну. Ваш народ и наш всегда готовы убить друг друга, и мы считаем, что пора положить этому конец. Вот пояс из вампума, чтобы доказать, что я говорю правду. Если ваш народ готов к дружбе, примите его», — и он поднял пояс. Вождь чероки вышел вперед и сказал: «Я возьму его в руки, и завтра мы сообщим вам о нашем решении». Затем он повернулся и сказал людям: «Идите домой и принесите еду». Они пошли и принесли столько еды, что она образовала большую кучу поперек дома, и все из обоих племен ели вместе, но не смогли съесть все.

На следующий день они снова ели вместе, и когда все закончили, вождь чероки сказал сенекам: «Мы решили быть друзьями и закопать наше оружие, эти ножи и топоры, чтобы никто больше не мог их взять». Вождь сенека ответил: «Мы рады, что вы приняли наше предложение, и теперь мы все вместе сложили наше оружие в кучу, а белый вампум висит между нами, и пояс будет длиной с человека и свисать до земли».

Тогда вождь чероки сказал своему народу: «Теперь настало время для тех из вас, кто желает усыновить родственника из племени сенека, сделать это». И некоторые женщины из племени чероки подошли и выбрали одного мужчину, а сказал: «Ты будешь нашим дядей», а другие взяли другого за своего брата, и так далее, пока не остался только вождь Гана, но вождь чероки сказал: «Никто не должен брать Гану, потому что здесь есть молодой человек, который хочет признать его своим отцом». Тогда молодой человек подошел к Гана и сказал: «Отец, я рад тебя видеть. Отец, мы пойдем домой», и он привел Гана в дом своей матери, дом, где Гана провел первую ночь. Молодой человек был действительно его сыном, и когда Гана пришел в дом, он узнал в женщине свою жену, которую давно увезли чероки.

Пока они были там, пришел гонец из племени Сеогвагеоно, которое жило у большого соленого озера на востоке, чтобы вызвать чероки на игру в мяч. Он был одет в шкуры, которые были настолько длинными, что касались земли. Он сказал, что его народ уже в пути и прибудет через несколько дней. Они прибыли в назначенный день, и на следующее утро начали делать ставки с чероки. Сенека все еще были там. Незнакомцы поставили на кон две очень тяжелые и дорогие мантии, помимо прочего. Они начали играть, и чероки проиграли. Тогда сенека сказали: «На этот раз попробуем мы». Обе стороны снова поставили на кон большие суммы, и игра началась, но после небольшого бега сенека донесли мяч до своей цели и забили очко. Вскоре они забили все очки и выиграли игру. Затем ставки удвоили, и сенека снова выиграли. Когда они выиграли и третью игру, Сеогвагеоно сказал: «Давайте попробуем бег», и сенека согласились.

Трасса была ровная, а открытое пространство очень широкое. Чероки выбрали бегуна из племени сенека, и было решено, что первую гонку они проведут без ставок, а ставки сделают на вторую гонку. Они пробежали первую гонку, и когда добежали до столба, бегун из племени сенека отставал от другого всего на длину своего тела. Его люди спросили его, сделал ли он все, что мог, но он ответил: «Нет, не выложился», и тогда они сделали ставки, и началась вторая гонка — настоящая гонка. Когда они добежали до середины, бегун из племени сенека сказал другому: «Теперь выложись на полную, потому что я собираюсь выложиться», и, сказав это, он ускорился, оставив другого далеко позади, и выиграл гонку. Тогда Сеогвагеоно сказал: «Еще одна гонка — длинная гонка», и они приготовились к ней, но вождь чероки сказал своим людям: «Мы выиграли у этих людей все. Думаю, будет лучше позволить им выиграть одну гонку, потому что, если они проиграют все, они могут устроить неприятности». Они выбрали чероки для участия в гонке, и он проиграл, а Сеогвагеоно ушел домой.

Через несколько дней они послали гонца, чтобы вызвать чероки на сражение на полпути. Когда чероки услышали это, они сказали сенека: «Вас здесь так мало, что мы не хотим, чтобы вас убили. Вам лучше вернуться домой». И сенека вернулись в свою страну.

Три года спустя они снова пришли к чероки, которые рассказали им, что сеогвагеоно выиграли битву, и что вождь врага после этого сказал: «Я хочу сражаться с сенека, потому что я двойной человек». Вскоре враг услышал, что сенека находятся там, и послал им вызов на бой. Сенеки сказали: «Мы должны постараться удовлетворить их», и с чероки в качестве проводников отправились в страну Сеогвагеоно. Они шли, пока не дошли до поляны в лесу, в одном дне пути от первой деревни. Тогда они остановились и приготовились послать двух послов, чтобы уведомить врага, но чероки сказали: «Вы должны послать их так, чтобы они прибыли около заката». Они так и сделали, и когда посланцы прибыли к городу, они увидели, что все люди играют в мяч.

Два сенека обошли с другой стороны и, приблизившись, начали бросать дротики из сумаха, чтобы остальные подумали, что это их соплеменники играют. Таким образом, они подошли достаточно близко, чтобы убить человека, который стоял в одиночестве. Они сняли с него скальп, а затем, подняв крик скальпера, бросились бежать через лес, говоря друг другу: «Будь сильным — будь

сильным». Вскоре они увидели, как Сеогвагеоно приближается на лошадях, но им удалось добраться до сухого ручья и спрятаться под берегом, так что враг прошел мимо, не заметив их.

На следующее утро они вышли и продолжили путь, но враг все еще был начеку, и вскоре двое мужчин увидели за собой облако пыли от лошадей. Они подошли так близко, что почти догнали их, и начали стрелять в них из луков, но к этому времени два сенека были уже близко к проходу, где прятались их друзья, выстроившиеся по обе стороны прохода. Когда преследователи ворвались в проход, две линии сенека сомкнулись, и все сеогвагеоно были либо убиты, либо взяты в плен.

Сенеки вернулись в страну чероки, а примерно через месяц вернулись в свои дома. Позже чероки сказали им: «Мы слышали, что сеогвагеоно считают вас опасными людьми. Они сами являются чародеями и могут предсказывать, что сделают другие люди, но они не могут предсказать, что сделают сенеки. Магия сенеков сильнее». — Составлено по рукописи Куртина, сенека.

99. ВОЙНЫ С ШАВАНО

Среди самых закоренелых врагов чероки были шавано, известные чероки как Ани′-Савану′ги, которые в древние времена, вероятно, еще в 1680 году, переселились из Саванны (т. е. Shawano) в Южной Каролине и заняли район реки Камберленд в центральной части Теннесси и Кентукки, откуда они впоследствии были изгнаны превосходящими силами южных племен и вынуждены укрыться к северу от Огайо. На всех старых картах река Камберленд ( ) обозначена как «река Шавано». Хотя эти два племени часто, и, возможно, в течение длительных периодов, находились в дружеских отношениях, обычным состоянием было хроническое военное противостояние, начиная с раннего традиционного периода и до конца Революции. Эта враждебность усугублялась тем фактом, что шавано обычно были верными союзниками криков, извечных южных врагов чероки. Однако в 1749 году группа шавано с севера в сопровождении нескольких чероки вторглась на территорию криков, а затем укрылась у чероки, втянув последних в новую войну с их южными соседями (Adair, Am. Inds., 276, 1775). Шавано заслужили уважение своими боевыми качествами, завоевав репутацию доблестных воинов, которую они сохранили в своих более поздних войнах с белыми, а благодаря своим внезапным нападениям и изобретательности в стратегии они стали считаться племенем волшебников. В старину в результате пленения или смешанных браков в племени чероки появилось довольно много шавано.

Согласно Хейвуду, пожилой вождь чероки по имени Маленький Корнплантер (Маленький Плотник?) в 1772 году заявил, что шавано давно покинули реку Саванна в результате катастрофической войны с несколькими соседними племенами и поселились на реке Камберленд с разрешения его народа. Впоследствии между двумя племенами возникла ссора, и сильное войско чероки вторглось на территорию шавано, вероломно напало на них и убило большое количество людей. Шавано укрепились, и началась долгая война, которая продолжалась до тех пор, пока чикасо не пришли на помощь чероки, после чего шавано были постепенно вынуждены отступить к северу от Огайо.

Во время их окончательного изгнания, около 1710 года, мальчик Шарлевиль работал на французском посту, созданном для торговли с шавано, который занимал холм на южной стороне реки Камберленд ( ), где сейчас находится город Нэшвилл. В течение долгого времени шавано подвергались такому сильному давлению со стороны своих врагов, что в течение нескольких лет отступали на север небольшими группами, пока не осталось лишь несколько человек, и теперь они тоже решили полностью покинуть эту землю. В марте торговец отправил Шарлевилля вперед с несколькими грузами шкур, намереваясь сам последовать за шавано через несколько месяцев. Тем временем чикасо, узнав о предполагаемом переезде, расположились по обеим сторонам реки

Камберленд, выше устья Харпет, с каноэ, чтобы перекрыть отступление по воде, и внезапно напали на отступающих шавано, убив большую часть из них, вместе с торговцем, и забрав все их шкуры, торговые товары и другое имущество. Шарлевиль дожил до того, чтобы рассказать эту историю почти семьдесят лет спустя. Поскольку война так и не была завершена официальным мирным договором, враждующие воины продолжали нападать друг на друга всякий раз, когда случайно встречались на богатых охотничьих угодьях Кентукки, пока, наконец, из-за взаимного страха перед « » (неизвестным) этот регион не был покинут обеими сторонами и оставался незаселенным до его заселения белыми.[4]

Согласно традиции чероки, группа криков уже обосновалась у устья реки Хивасси, в то время как чероки все еще имели свои основные поселения на реке Литл Теннесси. Крики, будучи ближайшими соседями, притворялись друзьями, но в то же время тайно помогали шауно. Обнаружив предательство, чероки воспользовались присутствием криков на большом танце в Итсати, или Эчота, древней столице чероки, чтобы внезапно напасть на них и убить почти всю группу. Следствием этого стала война, в результате которой крики были разгромлены и вынуждены покинуть все свои поселения на берегах реки Теннесси.[5]

Хейвуд говорит, что «Маленький Корнплантар» видел скальпы шавано, принесенные в города чероки. Когда он был мальчиком, его отец, который также был вождем, рассказал ему, как однажды он возглавил отряд против шавано и возвращался с несколькими скальпами, когда, проходя через горный перевал, они столкнулись с другим отрядом воинов чероки, которые, приняв их за врагов, открыли огонь и убили нескольких, прежде чем обнаружили свою ошибку.[6]

Скулкрафт также приводит традицию чероки о войне с шаунами, полученную косвенно от белых информаторов, но ошибочно относит ее к периоду, когда последнее племя еще жило в Саванне. «Чероки одержали победу после долгой и кровопролитной борьбы и изгнали шаунов на север. Это событие они считают одним из своих самых гордых достижений. «Что?! — воскликнул пожилой вождь чероки, обращаясь к мистеру Барнвеллу, который предложил окончательно сохранить расу путем смешанных браков с белыми. — Что?! Чероки должны исчезнуть! Завоеватели шауни должны исчезнуть! Никогда!»[7]

Войны между племенами, как правило, состояли из беспорядочной череды мелких набегов, редко достигавших уровня полноценных сражений и едва заслуживающих серьезного внимания, за исключением их конечного результата. Традиции, естественно, имеют тот же тривиальный характер, будучи скорее анекдотами, чем повествованиями об исторических событиях с датами и именами. С течением времени они становятся все более расплывчатыми.

Со стороны Каролины шауно обычно подходили по долине реки Пиджен, чтобы напасть на поселения чероки с тыла, и небольшие отряды почти постоянно скрывались в ожидании благоприятного случая, чтобы добыть скальп. Однажды ночью несколько охотников чероки лежали вокруг костра, когда услышали крик летучей белки в лесу — *цу-у! цу-у! цу-у!* Всегда начеку, они заподозрили, что это может быть сигнал врага, и все, кроме одного, поспешно покинули костер и спрятались. Однако тот, кто остался, посмеялся над их страхами и, бросив в огонь несколько тяжелых поленьев, растянулся на своем одеяле и начал петь. Вскоре он услышал тихие шаги, доносящиеся из кустов и постепенно приближающиеся к костру, пока внезапно из темноты на него не набросился враг и не повалил его на землю. Но чероки был начеку, поднял руки, схватил противника за руки и с огромным усилием бросил его назад в огонь. Ошеломленный Шавано лежал на углях, корчась от боли, затем вскочил на ноги и побежал в лес, воя от боли. Из кустов раздался ответный смех его товарищей, но, хотя чероки некоторое время оставался на страже, враг больше не нападал, вероятно, потому что смелость охотника заставила его заподозрить засаду.

В другой раз небольшая группа охотников в Смоки-Маунтинс услышала громкое гоготание индейки (рассказывая эту историю, Свиммер хорошо имитирует этот звук). Некоторые нетерпеливые молодые охотники хотели сразу же отправиться на охоту, но другие, более осторожные, заподозрили уловку и посоветовали провести разведку. Соответственно, один охотник обошел хребет сзади и, поднявшись с другой стороны, обнаружил человека, сидящего на большом дереве и издающего громкие звуки, чтобы заманить охотников в зону досягаемости воинского отряда шауно, скрывавшегося за кустами на полпути между деревом и лагерем. Держась близко к земле, чероки подкрался незаметно до расстояния выстрела, затем вскочил на ноги, застрелил человека на дереве и, крикнув «Убейте их всех», бросился на врага, который, думая, что на них напала сильная группа чероки, бежал вниз с горы, не пытаясь сопротивляться.

Еще одна легенда об этих войнах связана с Тунаи, великим воином и знахарем из древнего Итсати, расположенного на реке Теннесси. В одной из тяжелых битв с шауэно, произошедшей недалеко от города, он одолел своего противника и пронзил ему обе руки. Продев веревки через отверстия, он связал руки своего пленника и привел его в Итсати, где женщины казнили его с такими пытками, что его мужество сломилось, и он умолял их убить его сразу.

После отступления в верхнюю часть Огайо шавано были приняты под защиту делаваров и их союзников, и, укрепившись таким образом, почувствовали себя достаточно сильными, чтобы возобновить войну против чероки с еще большей энергией. Последние, однако, оказались более чем достойными противниками для своих врагов, преследуя их даже до их городов в западной Пенсильвании и случайно убив там некоторых делавэров, которые занимали эту землю совместно с шавано. Это втянуло чероки в войну с могущественными делавэрами, которая продолжалась до 1768 года, когда по просьбе чероки, которые одновременно заключили мир с ирокезами, она была прекращена. Шавано, оставшиеся в одиночестве и, кроме того, подвергшиеся резкому осуждению со стороны своих друзей, делавэров, как виновники всех бедствий, не имели духа продолжать войну и были вынуждены заключить окончательный мир.[8]

100. НАПАДЕНИЕ НА ТИКВАЛИЦ

Последним известным вождем рейдерских отрядов шавано был вождь, известный чероки как Тавали-укваннунти, «Панк-вставленный», из-за красного пятна на его щеке, которое выглядело так, как будто кусок панка (*тавали*) был вбит в плоть.

Жители города Тиквалици на реке Тукасеги слышали слухи, что отряд воинов под командованием этого вождя прибыл с севера и скрывается где-то поблизости. Черкесский колдун по имени Ĕtăwa′hă-tsistatla′skĭ, «Мертвое дерево-зажигалка», прибег к своим магическим искусствам и обнаружил, что шавано устроили засаду вдоль тропы на северной стороне реки, недалеко от города. По его совету была сформирована группа, которая должна была подняться на южную сторону и напасть на тыл врага. Однако несколько безрассудных парней пренебрегли его словами и смело пошли по тропе на северной стороне, пока не дошли до Дип-Крик, где шауно, скрывавшиеся у брода, поймали их «как рыбу в сети» и убили почти всех.

Их друзья на другой стороне реки услышали выстрелы, переправились через реку выше Дип-Крик, подошли сзади к шавано и атаковали их, убив многих и заставив остальных отступить к Смоки-Маунтинс, а чероки преследовали их. У захватчиков с собой было два пленника из племени чероки, которые не смогли угнаться за быстрым бегством, поэтому их похитители взяли их, связанных, как были, и сбросили с обрыва. Старый колдун из их собственной группы, не в силах идти дальше, намеренно сел у дерева недалеко от того же места, чтобы дождаться смерти. Приблизившиеся преследователи раскололи ему голову топором и сбросили его тело с того же утеса, который получил свое название от этого обстоятельства. Шавано продолжали отступать, а

чероки следовали за ними по пятам, пока они не пересекли главный хребет в ущелье чуть ниже купола Клингмана. Здесь чероки прекратили преследование и вернулись в свои дома.

101. ПОСЛЕДНЕЕ ВТОРЖЕНИЕ ШАВАНО

Примерно через год после набега на Тиквалици шавано под тем же вождем снова напали на незащищенное поселение Кануга на реке Пиджен и увезли женщину и двух детей, которых они нашли собирающими ягоды недалеко от города. Не дожидаясь атаки, они поспешно отступили со своими пленниками. Жители Кануги обратились за помощью к другим поселениям, расположенным дальше на юг, и вскоре была собрана сильная группа для преследования врага и освобождения пленников. Однако к этому времени шавано уже имели несколько дней форы, и чероки пришлось взять более короткий путь через горы, чтобы догнать их. Известный чародей по имени Калану, «Ворон», из города Хивасси, был призван, чтобы с помощью своих магических искусств обнаружить, в каком направлении двинулись шавано и как далеко они уже ушли. Собрав вождей, он велел им наполнить трубку и курить, а сам пообещал вернуться с информацией, прежде чем трубка догорит. Они сели в круг вокруг костра и зажгли трубку, а он ушел в лес. Вскоре они услышали крик совы, а через некоторое время услышали его снова, и в следующий момент чародей вышел из леса, еще не докурив первую трубку.

Он сообщил, что проследил за шавано до их лагеря и что они ушли на семь дней вперед. Чероки сразу же последовали за Вороном и через семь дней достигли места, где были все следы лагеря, но враг уже ушел. Снова и снова колдун уходил вперед своим таинственным образом, чтобы разведать местность, а они следовали за ним, когда он указывал им путь. Вернувшись в третий раз, он сообщил, что их враги остановились у большой реки (Огайо), а вскоре после этого он пришел с новостью, что они переправляются через нее. Чероки поспешили к реке, но к этому времени шауно уже были на другом берегу. Преследователи искали подходящее место для переправы, пока не нашли его, а затем, дождавшись темноты, приготовились к переправе, используя бревна в качестве плотов и плывя по течению, и справились с этим так хорошо, что переправились задолго до рассвета, не вызвав подозрений у врага.

Следы были свежими, и, следуя по ним, они вскоре наткнулись на лагерь, который спал и был без охраны, поскольку шавано, считая себя в безопасности на своей территории, не поставили часовых. Ворвавшись с ножами и томагавками, чероки набросились на спящих врагов и убили многих из них, прежде чем остальные успели проснуться и взять оружие для защиты. Затем произошло короткое, отчаянное сражение, но шавано оказались в невыгодном положении, их вождь был одним из первых убитых, и через несколько минут они разбежались, каждый в свою сторону, чтобы спастись, как могли. Чероки освободили пленников, которых они нашли привязанными к деревьям, и, сняв скальпы с убитых шавано, забрав их оружие и другое снаряжение, вернулись в свою страну.

102. ЛОЖНЫЕ ВОИНЫ ЧИЛХОВИ

Некоторые воины из города Чилхоуи, расположенного на реке Литл Теннесси, организовали, по их словам, военный отряд, чтобы выступить против шавано. Они отправились на север по великому военному тропе, но, когда дошли до реки Пиджен, изменили направление и, вместо того чтобы идти в сторону страны шавано, пошли вверх по реке и вышли в тыл Коуи, одного из средних поселений своего племени. Здесь они спрятались возле тропы, пока мимо не прошла группа из трех или четырех ничего не подозревающих горожан, после чего они выскочили, убили их, сняли скальпы и забрали ружье, принадлежавшее человеку по имени Гунскалиски, а затем поспешно направились домой тем же окольным путем в Чилхоуи, где показали свежие скальпы и

ружье и рассказали, как они встретили шавано на севере и победили их, не потеряв ни одного человека.

Согласно обычаю, сразу же были начаты приготовления к великому танцу скальпов, чтобы отпраздновать победу над шавано. Танец проходил в городском доме, и все жители поселения были там и смотрели, как женщины танцевали со скальпами и ружьем, а вернувшиеся воины хвастались своими подвигами. Случилось так, что среди зрителей был гость из Коуи, оружейник, который обратил особое внимание на ружье и сразу узнал его как то, которое он починил дома для Гунскалиски. Он ничего не сказал, но очень удивился, как оно попало в руки шавано.

Танец скальпов закончился, и, согласно обычаю, через семь дней был назначен второй танец, чтобы дать другим воинам возможность похвастаться своими военными подвигами. Оружейник, которого звали Гулсадихи, вернулся домой в Коуи и там впервые услышал, как отряд шавано застал врасплох некоторых жителей города, убил нескольких и забрал их скальпы и ружье. Тогда он все понял и сказал вождю, что злодеяние было совершено не враждебным племенем, а вероломными людьми из Чилхоуи. Это казалось слишком невероятным, и вождь сказал, что это невозможно, пока оружейник не заявил, что он узнал ружье, которое сам починил для убитого человека. Наконец они убедились, что его история правдива, и все Коуи жаждали мести.

Было решено отправить десять самых храбрых воинов под руководством оружейника на следующий танец в Чилхоуи, чтобы там осуществить свой план мести. Добровольцы сразу же вызвались на эту службу. Они вышли в назначенное время и прибыли в Чилхоуи в ночь, когда должен был начаться танец. Переходя ручей ниже города, они встретили женщину, которая шла за водой, и совершили свою первую месть, убив ее. Мужчины, женщины и дети собрались в городском доме, но мужчины Коуи спрятались снаружи и ждали.

На этом танце было принято, чтобы каждый воин по очереди рассказывал историю о каком-нибудь подвиге против врага, выражая свои слова в песне, которую он сначала шептал барабанщику, а тот затем пел вместе с ним, все время играя на барабане. Обычно это серьезное дело, но иногда, в шутку, кто-нибудь играет клоуна или поет о каком-нибудь нелепом поступке, который настолько явно невозможен, что все смеются. Один за другим мужчины выходили на круг и пели о том, что они сделали против врагов своего племени. Наконец один из участников недавней войны поднялся со своего места и, шепнув барабанщику, начал петь о том, как они пошли в Коуи и взяли скальпы и ружье, которое он нес, танцуя. Вождь и люди, которые ничего не знали о вероломном поступке, от души смеялись над тем, что считали великолепной шуткой.

Но в этот момент оружейник, который ждал снаружи вместе с людьми из Коуи, снял набедренную повязку и вбежал голым в городской дом. Наклонившись к барабанщику, который был одним из предателей, но не узнал Гулсадихи, он передал ему слова, а затем, выпрямившись, начал петь: *«Эй!* Спросите, кто это сделал!», — и танцевал по кругу, делая оскорбительные жесты в сторону всех присутствующих. Песня была быстрой, и барабанщик бил очень быстро.

Он сделал один круг и снова наклонился к барабанщику, затем выпрямился и спел: *«Ю!* Я убил беременную женщину на броде и бросил ее тело в реку!» Несколько мужчин вздрогнули от удивления, но вождь сказал: «Он просто шутит; продолжайте танец», и барабанщик быстро забарабанил.

Еще один круг, и он снова наклонился к барабанщику, а затем начал петь: «Мы думали, что наши враги из севера, но мы последовали за ними, и они здесь!» Теперь барабанщик наконец понял, что все это означает, и забарабанил очень медленно, а люди стали нервничать. Затем, не дожидаясь барабанщика, Гулсадихи спел: «Коуи устроит вам баскетбольный матч!» — и все поняли, что это

был вызов на бой, — а затем яростно добавил: «Но если вы хотите сражаться сейчас, мои люди готовы умереть здесь!»

С этими словами он махнул рукой и покинул ратушу. Танцоры с тревогой посмотрели друг на друга, и некоторые из них поднялись, чтобы уйти. Вождь, который не мог этого понять, призвал их продолжить танец, но это было бесполезно. Они покинули городской дом, и, выходя, встретили людей Коуи, стоящих с готовым оружием и топорами за поясом. Ни одна из сторон ничего не сказала, потому что они все еще находились на дружественной территории, но все знали, что впереди их ждут неприятности.

Мужчины из Коуи вернулись домой и организовали сильную группу воинов из своего и всех соседних поселений Средней части, чтобы отомстить Чилхоуи и Кувахи, расположенному чуть ниже, которое также было вовлечено в набег. Они спустились по Теннесси и пересекли горы, но когда они оказались на другой стороне, то обнаружили, что их враги покинули свои дома и бежали в более отдаленные поселения или к враждебным шавано на севере.

103. ГОРОД КОВИ

Коуи, правильное название Кави, сокращенно Кави, было названием двух поселений чероки, одно из которых существовало в 1755 году на притоке реки Кеоуи, в верхней части Южной Каролины, а другое, более важное, находилось на реке Литтл Теннесси, в устье ручья Коуи, примерно в 10 милях ниже нынешнего Франклина, в Северной Каролине. Оно было разрушено американцами в 1876 году, когда в нем насчитывалось около ста домов, но было восстановлено и продолжало существовать до уступки 1819 года. Название не поддается переводу, но, возможно, означает «место клана Оленей» (Ani′-Kawĭ′). Это был один из старейших и крупнейших городов чероки ( ), и когда Уэффорд посетил его в детстве, он обнаружил, что тропа, ведущая к нему, была в некоторых местах настолько изношена, что, хотя он ехал верхом, он мог достать ногами до земли с обеих сторон.

Есть история, рассказанная Уэффордом как факт, о Шавано, который был там пленником, но сбежал к своему народу на севере, а после заключения мира между двумя племенами вернулся в эти места на охоту. Стоя на холме с видом на долину, он увидел нескольких чероки на противоположном холме и крикнул им: «Вы все еще владеете Коуи?» Они ответили криком: «Да, мы все еще владеем им». Шавано ответил, чтобы побудить их не продавать больше своих земель: «Ну, это лучший город чероки. Это хорошая земля, держитесь за нее».

104. ВОСТОЧНЫЕ ПЛЕМЕНА

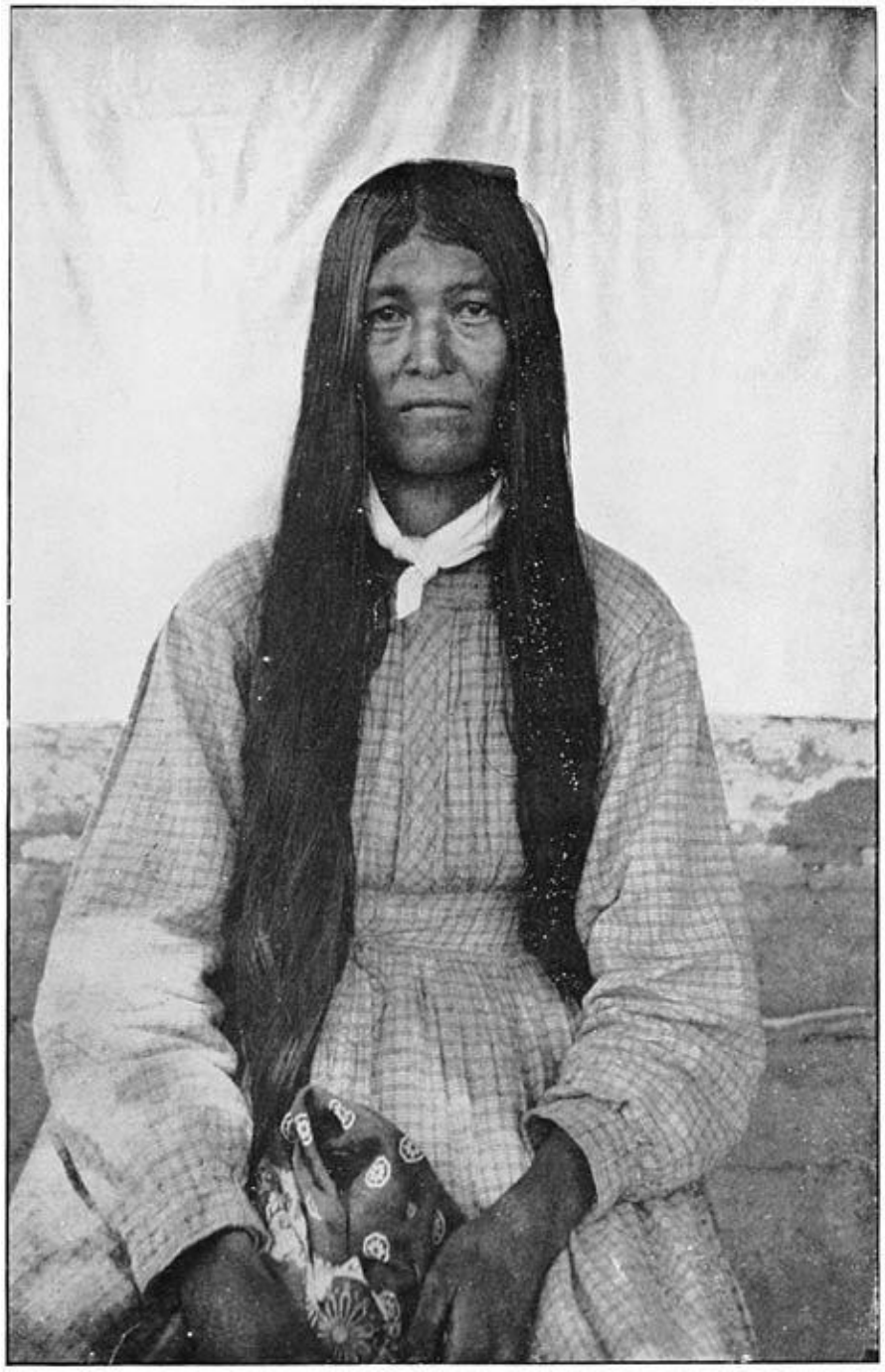
Помимо ирокезов и шавано, чероки помнят также делавэров, тускарора, катавба и чероу как племена на востоке или севере, с которыми они ранее поддерживали отношения.

Чероки называют делавэров Anakwan′‘kĭ, в единственном числе Akwan′‘kĭ, что является производным от Wapanaq′kĭ, «восточные», общее название, которым называют себя делавэры и их ближайшие родственники, с учетом обычной фонетической модификации чероки.

В древнейших преданиях делавэров чероки называются Талега, Таллиге, Таллиге-ви и т. д.[9] В более поздних преданиях делавэров они называются Китува, и снова мы видим, что два племени находятся в состоянии войны, за что ответственность возлагается на их соседей. Согласно рассказу делаваров, ирокезы во время одного из своих набегов на юг убили чероки в лесу и специально оставили рядом с телом боевой дубинку делаваров, чтобы создать впечатление, что

это сделали люди из этого племени. Чероки нашли тело и дубинку и, естественно, предположив, что убийство совершили делавары, внезапно напали на них, что привело к долгой и кровопролитной войне между двумя племенами.[10] В это время, то есть примерно в конце XVII века, по крайней мере часть чероки, по-видимому, жила на берегах Верхнего Огайо, где делавэры постоянно нападали на них, в конце концов изгнав их из этого региона и захватив его для себя примерно в 1708 году.[11] Столетие назад делавэры рассказывали, как их воины иногда переодевались и смешивались с чероки на их ночных танцах, пока не появлялась возможность нанести внезапный удар и скрыться, пока их враги не оправились от удивления.

БЮРО АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОЛОГИИ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ ПЛ. XVIII



ФОТОГРАФИЯ АВТОРА, 1888 Г.

ВАЛИНИ, ЖЕНЩИНА ИЗ ПЛЕМЕНИ ЧЕРОКИ

Позже, казалось, наступил мир, пока война не была вновь развязана действиями шавано, которые укрылись у делаваров после того, как были изгнаны из своего старого дома на реке Камберленд чероки. Чувствуя себя в безопасности благодаря новому союзу, шавано возобновили набеги на чероки, которые в отместку преследовали их в страну делаваров, где по ошибке убили нескольких делаваров. Это возмутило последних, и без того возбужденных видом скальпов и пленников чероки, привезенных через их земли ирокезами, и в результате началась еще одна война, которая длилась до тех пор, пока чероки, уставшие сражаться со столькими врагами, в 1768 году добровольно не предложили мир, приветствуя делавэров как Деда, почетный титул, присвоенный им всеми алгонкинскими племенами. Делавэры затем отчитали шауэно как виновников беспорядков и посоветовали им вести себя тихо, что, поскольку теперь им приходилось сражаться в одиночку, они с радостью и сделали. В то же время чероки заключили мир с ирокезами, и долгая война с северными племенами подошла к концу. Установленные таким образом дружеские отношения были подчеркнуты в 1779 году, когда чероки направили сообщение с соболезнованиями по поводу смерти вождя делавэров Белоглазого.[12]

Тускарора, бывшее правящее племя восточной части Северной Каролины, до сих пор помнят под именем Ани′-Скалали, и оно упоминается в Племени перьев чероки, в котором некоторые из актеров, как предполагается, являются приезжими из других племен.

Поскольку большинство тускарора бежали из Каролины в страну ирокезов около 1713 года в результате катастрофической войны с белыми, память о них почти исчезла из воспоминаний южных индейцев. Судя по скудным сведениям, которые история проливает на их взаимные отношения, два племени, по-видимому, почти постоянно воевали друг с другом. Когда однажды чероки, уже заключившие мир с некоторыми другими соседями, были принуждены белыми заключить мир и с тускарора, они отказались, мотивируя это тем, что, поскольку они не могут жить без войны, лучше оставить все как есть, чем заключать мир с тускарора и быть вынужденными немедленно искать новых врагов, с которыми можно было бы воевать. За несколько лет до начала войны с тускарора в 1711 году чероки прекратили свои набеги на это племя, и поэтому предполагалось, что они были более заняты другими народами к западу от гор, вероятно, шавано, которых они изгнали из Теннесси примерно в это же время.[13] В войне 1711–1713 годов чероки помогали белым против тускарора. В 1731 году чероки снова угрожали начать войну против остатков этого племени, все еще проживавшего в Северной Каролине, и колониальное правительство было вынуждено вмешаться.[14]

Чероки или сара, проживавшие в разные периоды от верхней части Южной Каролины до южной границы Вирджинии, также известны под именем Ани′-Сували или Ани′-Сувала, что соответствует испанской форме Xuala из хроники Де Сото и Suala или Sualy из хроники Ледерера. Чероки помнят их как народ, живший к востоку от горы Блу-Ридж, а путь в их страну вел через ущелье у истоков реки Сваннаноа, к востоку от Ашвилла. Название реки и ущелья является искажением черокийского Suwa′lĭ-Nûñnâ′hĭ, «тропа Сували». Будучи очень воинственным племенем, они в конце концов были настолько ослаблены конфликтами с колониальными правительствами и ирокезами, что были вынуждены объединиться с катавбами, среди которых они сохраняли свой особый язык вплоть до 1743 года.[15]

Катавба известны чероки как Ani′ta′gwa, в единственном числе Ata′gwa или Ta′gwa — это попытка чероки назвать их тем именем, под которым они наиболее широко известны. Они были непосредственными соседями чероки на востоке и юго-востоке, имея свои основные поселения на реке с таким же названием, в пределах Южной Каролины, и занимая ведущее место среди всех племен к востоку от страны чероки, за исключением тускарора. При первом заселении Южной Каролины в племени насчитывалось около 7000 человек, но их численность быстро сокращалась, и к 1775 году в результате войн и болезней их число сократилось до едва 500 человек, включая

остатки племени чероу и нескольких более мелких племен. В настоящее время, возможно, около 100 человек все еще проживают в небольшой резервации недалеко от места их древних городов. Некоторые местные названия на территории старого племени чероки, по-видимому, указывают на прежнее присутствие катавба, хотя нет никаких упоминаний о каких-либо поселениях катавба в этих пределах. Среди таких названий можно упомянуть ручей Токкоа в северо-восточной части штата Джорджия и реку Токкоа в северо-центральной части штата Джорджия, оба названия происходят от слова чероки Tagwâ′hĭ, «место катавба». Старое личное имя чероки — Ta′gwădihĭ′, «убийца катавба».

Эти два племени были извечными врагами, и отношения между ними сегодня почти так же напряжены, как и сто лет назад. Пожалуй, единственный зафиксированный случай их совместных действий был во время войны 1711–1713 годов, когда они сотрудничали с колонистами против тускарора. По словам покойного полковника Томаса, чероки утверждают, что ранее они занимали всю территорию от истоков реки Катауба до современного Моргантона, пока дичь не стала редкой, после чего они отступили к западу от горы Блу-Ридж, а затем «одолжили» восточную территорию катауба. Это вполне согласуется с традицией катавба, записанной в трудах Скулкрафта, согласно которой катавба — которые ошибочно представляются как относительно недавние иммигранты с севера — по прибытии к реке Катавба обнаружили, что их продвижение оспаривают чероки, которые претендовали на первоначальное владение этой землей ( ). Была сражена битва, принесшая невероятные потери обеим сторонам, но не принесшая решающего результата, хотя преимущество было на стороне катавба, поскольку они имели оружие, а их противники — только индейское оружие. Велись приготовления к возобновлению сражения, когда чероки предложили признать реку границей, позволяя катавба селиться в любом месте к востоку от нее. Предложение было принято, и в конце концов было заключено соглашение, по которому катавба должны были занять землю к востоку от этой реки, а чероки — землю к западу от реки Брод, при этом территория между двумя реками оставалась нейтральной. На поле битвы были насыпаны каменные кучи в память о договоре, и река Брод отныне называлась катавбами Эсвау Хуппедей (Линейная река), а земли к востоку от реки Катавба оставались незанятыми.[16] Тот факт, что одна из сторон имела огнестрельное оружие, относит это событие к раннему историческому периоду.

Катавба помогали белым в войне 1760 года против чероки и в более поздней революционной борьбе. Около 100 воинов, почти вся боевая сила племени, приняли участие в первой упомянутой войне, несколько из них были убиты, а меньшее число сопровождало войска Уильямсона в 1776 году.[17] В сражении, которое произошло под командованием Уильямсона недалеко от нынешнего города Франклин в Северной Каролине, чероки, согласно преданию, переданному Уэффордом, приняли союзников войск из племени катавба за своих воинов и некоторое время сражались под этим впечатлением, пока не заметили, что катавба носят оленьи хвосты в волосах, чтобы белые не совершили ту же ошибку. В этом сражении, которое было одним из самых кровопролитных индейских столкновений во время Революции, чероки утверждают, что они фактически разгромили войска и их союзников-катавба, но когда у них закончились боеприпасы, они были вынуждены отступить. Вождем чероки был известный военачальник по имени Цани (Джон).

Около 1840 года почти все племя катавба переселилось из Южной Каролины и присоединилось к восточной группе чероки, но в результате межплеменной вражды они пробыли там недолго и впоследствии вернулись в свои прежние дома, как об этом рассказывается в других источниках.

Другие названия племен (с сомнительной достоверностью) — Ани′-Сани и Ани′-Савахни, принадлежащие народу, который, как говорят, жил на севере; оба названия, возможно, относятся к шавано или шауни, правильное название которых — Ани′-Савануги. Говорят, что Ани′-Гили′ были

соседями Анин′ци или Натчез; это название, возможно, является черокийской формой слова Конгари.

105. ЮЖНЫЕ И ЗАПАДНЫЕ ПЛЕМЕНА

Ближайшими соседями чероки на юге были крики или мускоги, которые образовали смешанную конфедерацию, занимавшую центральную и южную части Джорджии и Алабамы. Чероки называли их Ани-Куса или Ани-Гуса по названию Куса, главного города верхних криков, расположенного на реке Куса, к юго-западу от современного Талладеги, Алабама. Нижние крики, проживавшие в основном на реке Чаттахучи, ранее всегда отличались как Ани-Кавита, от Кавита или Ковета, их древней столицы, на западном берегу реки, в Алабаме, почти напротив современного Колумбуса, штат Джорджия ( ). По численности крики были почти равны чероки, но отличались тем, что были конфедерацией родственных или объединенных племен, главным из которых было собственно племя мускоги. Чероки назывались ими Tsal-gal′gi или Tsûlgûl′gi, множественное число от Tsa′lăgĭ′, собственного названия племени.

Обычно отношения между двумя племенами были враждебными, с периодическими проявлениями доброй воли. История, традиции и лингвистические свидетельства показывают, что крики в одно время занимали почти всю северную часть Джорджии и Алабамы, простираясь на значительное расстояние в Теннесси и, возможно, Северную Каролину, и были изгнаны чероки, наступавшими на них с севера и северо-востока. Это завоевание было осуществлено в основном в первой половине XVIII века и завершилось решающей битвой при Талива около 1755 года. В большинстве своих ранних переговоров с правительством крики требовали, чтобы земли различных племен рассматривались как общая собственность и чтобы учитывалась только граница между индейцами и белыми. Не добившись этого, они заявили свои права на всю область Чаттахучи и Куса, к северу от водораздела между этими реками и Теннесси, или даже за пределами Теннесси, и утверждали, что любые поселения чероки в пределах этих границ существовали только с их разрешения. В 1783 году они заявили о реке Саванна как о восточной границе между ними и чероки и утверждали свое исключительное право на продажу всей территории между этой рекой и Окони. С другой стороны, чероки столь же решительно заявляли о своих правах на всю территорию до точки, расположенной примерно в 70 милях к югу от современного города Атланта, на том основании, что они изгнали из нее криков в ходе трех последовательных войн, и утверждали, что их права были признаны самими криками на совете, созванном для решения вопроса между двумя племенами до революции. По взаимной договоренности, около 1816 года, членам обоих племен было разрешено селиться на территории, на которую претендовало другое племя. Граница, окончательно установленная при посредничестве колониального и федерального правительств, пролегала от устья реки Брод на Саванне почти на запад через Джорджию, проходя через реку Коса ( ) примерно в 10 милях к северу от Атланты, до реки Куса (Coosa) в Алабаме, а оттуда на северо-запад, чтобы соединиться с западной границей Алабамы примерно в 20 милях к югу от Теннесси.[18]

Среди названий, которые остались в память о прежнем присутствии криков к северу от этой границы, можно назвать следующие: Коуита (Coweeta) — небольшой ручей, впадающий в реку Литл-Теннесси выше Франклина, Северная Каролина; Томатола (Tomatola, чероки Tama′‘lĭ) — бывшее местоположение города на реке Вэлли, недалеко от Мерфи, Северная Каролина, название которого происходит от названия бывшего города криков на реке Чаттахучи; Томотли (Cherokee, Tama′‘lĭ), брод в другом месте города на реке Литл Теннесси, выше устья Теллико, в Теннесси: Куса (Cherokee, Kusă′), верхний рукав реки Ноттли, в округе Юнион, Джорджия: Чаттуга (Cherokee, Tsatu′gĭ), река на северо-западе Джорджии: Чаттуга (Cherokee, Tsatu′gĭ), другая река, верховье реки Саванна: река Чаттахучи (Creek, Chatu-huchi, «картинные скалы»); Кусавати

(Cherokee, Ku′să-weti′yĭ, «старое место криков»), река на северо-западе Джорджии; Tali′wă, черокий вариант названия места на верхнем притоке реки Этова в Джорджии, вероятно, от крикского *ta'lua* или *ita'lua,* «город»; Euharlee (черокий, Yuha′lĭ, по мнению чероки, от Yufala или Eufaula, названия нескольких крикских городов), ручей, впадающий в нижнюю часть реки Этова; Сувани (Cherokee, Suwa‘nĭ) — небольшой ручей на верхнем течении Чаттахучи, место бывшего города чероки с названием, которое, по мнению чероки, происходит от криков. Несколько других названий на той же территории, по мнению чероки, имеют иностранное происхождение, хотя, возможно, не от криков, а от языка таскиги.

Согласно традиции чероки, переданной Хейвуду почти восемьдесят лет назад, земли вокруг устья реки Хивасси в Теннесси принадлежали крикам, в то время как чероки по-прежнему имели свои основные поселения дальше на север, на реке Литл-Теннесси. Во время войны с шауно, около 1700 года, крики притворялись друзьями чероки, тайно помогая их врагам, шауно. Чероки обнаружили предательство и, воспользовавшись случаем, когда группа криков посещала танцевальный праздник в Итсати (Эчота), столице чероки, напали на них и почти всех мужчин убили. Результатом стала война между двумя племенами, в результате которой крики были вынуждены покинуть все свои поселения на берегах Теннесси и уйти на юг, в Коосу и окрестности «Крик-пат», старого торгового пути из Южной Каролины, который пересекал слияние рек Оостанаула и Этова, где сейчас находится город Рим, штат Джорджия, и достигал Теннесси в месте, где сейчас находится Гантерсвилл, штат Алабама.

В связи с этой войной та же легенда рассказывает, как однажды чероки подошли к большому поселению криков «на острове на тропе криков в Останауле» на реке Теннесси, напротив Гантерсвилля, и, скрыв свои основные силы, послали небольшой отряд вперед, чтобы заманить криков в бой. Воины криков сразу переправились на своих каноэ, чтобы атаковать, когда чероки внезапно поднялись из засады, окружили криков и разгромили их после отчаянной битвы. Затем, захватив пленные каноэ, они переправились на остров и уничтожили все, что там было. Великим вождем чероки в этой войне был вождь по имени Буллхед, известный в традиции своей храбростью и стратегическим талантом.[19] Примерно в то же время, по словам Уэффорда, чероки утверждают, что изгнали криков и шауно из поселения, которое они совместно занимали недалеко от Саванны, штат Джорджия.

Среди немногих старых торговцев, все еще живших в верхней части Джорджии в 1890 году, существовала традиция, согласно которой чероки отвоевали у криков большой участок земли в этой части штата в игре в мяч.[20] В настоящее время в этом регионе не проживает ни одного индейца, который мог бы подтвердить эту историю. Первоначально она, возможно, имела скрытый смысл, поскольку среди чероки выражение «играть в мяч» часто используется в переносном смысле для обозначения сражения. Похоже, что у Бартрама нет веских оснований утверждать, что чероки были изгнаны криками из региона между Саванной и Окмулги, в юго-западной части Джорджии, в исторический период.[21] Эта территория находится к югу от традиционных владений чероки, и это утверждение противоречит тому, что мы знаем из истории. Вероятно, он имел в виду учи, которые действительно занимали эту землю, пока не присоединились к крикам.

Однако победа не всегда была на одной стороне, поскольку Адаир утверждает, что к концу последней войны между двумя племенами крики, легко победив чероки в сражении, с презрением послали против них несколько женщин и мальчиков. По мнению этого автора, «истинной и

единственной причиной» этой последней войны было убийство в 1749 году нескольких приемных родственников криков группой северных шавано, которых направляли и впоследствии укрывали чероки. Война, которую он представляет как проигрышную для чероки, была окончательно прекращена благодаря усилиям губернатора Южной Каролины, что привело к неудачному для англичан результату: крики поддержали чероки в войне 1760 года и оказали им очень существенную помощь в виде людей и боеприпасов.[22]

Битва при Талива, которая решила в пользу чероки долгую войну между ними и криками, была сражена около 1755 года или несколькими годами позже в местечке на реке Маунтин-Крик или Лонг-Свомп-Крик, которая впадает в реку Этова выше Кантона, штат Джорджия, недалеко от того места, где старая тропа пересекала реку около города Лонг-Свомп. Вся наша информация об этом сражении является традиционной и получена от Джеймса Уэффорда, который услышал эту историю в детстве, около 1815 года, от старого торговца по имени Брайан Уорд, который был свидетелем сражения шестьдесят лет назад. Согласно его рассказу, это было, вероятно, самое тяжелое сражение, которое когда-либо велось между двумя племенами, в котором участвовали около пятисот воинов чероки и вдвое больше воинов криков. Первоначально чероки были в меньшинстве и отступили, но затем вновь собрались и вернулись в атаку, вытеснив криков из укрытий, так что те разбежались. Победа была полной и решающей, и сразу после этого побежденное племя покинуло всю верхнюю часть Джорджии и прилегающую часть Алабамы, оставив их завоевателям. До этой битвы крики были привыкли часто перемещаться с места на место, но после этого они стали более привязанными к своим постоянным местам проживания. В результате этого поражения они покинули свой город на реке Ноттли, ниже ручья Куса, недалеко от нынешнего Блэрсвилля, штат Джорджия, а их старые поля сразу же заняли чероки, которые переселились из своих поселений на верховьях реки Саванна. Как уже упоминалось, мир был заключен около 1759 года, как раз вовремя, чтобы крики могли помочь чероки в их войне с Южной Каролиной. Мы мало что слышим об отношениях между этими двумя племенами до войны криков 1813–1814 годов, подробно описанной в другом месте; после этого их истории расходятся.

Ючи или учи, называемые чероки Ани-Юци, были племенем с отличным языком и имели значительное значение в ранние времена; их территория граничила с рекой Саванна с обеих сторон сразу ниже страны чероки и простиралась на некоторое расстояние на запад в Джорджию, где она примыкала к территории криков. Они были постепенно изгнаны белыми и около 1740 года были включены в состав криков, но до сих пор сохраняют свою отдельную идентичность и язык, а их город в настоящее время является крупнейшим в нации криков на территории индейцев.

Согласно свидетельству смешанного происхождения чероки по имени Гансети или Рэттлинг-Горд, который родился на реке Хивасси в 1820 году и переехал на запад со своим народом в 1838 году, до переселения ряд ючи жили, разбросанные среди чероки, недалеко от нынешнего Кливленда, штат Теннесси, а также на Чикамауге, Кохутта и Пайнлог в соседнем районе Джорджии. У них не было отдельных поселений, но они говорили на своем языке, который он описал как «трудный и хриплый». Некоторые из них говорили также на языках чероки и крик. Вероятно, они переселились на север из страны крик до того, как была установлена граница между племенами. Когда в 1839 году Талеква была основана как столица нации чероки на западе, несколько представителей племени ючи уже поселились в этом месте, предположительно переселившись с востока вместе с некоторыми крик после убийства вождя Макинтоша в 1825 году. Они погибли во время эпидемии оспы, которая опустошила пограничные территории в 1840 году, и их могилы еще в 1891 году показывали в Талеква. Незадолго до начала Гражданской войны на реке Симаррон, на территории, которая впоследствии стала полосой земли чероки, существовало большое и процветающее поселение ючи.

Рэмси утверждает, что «небольшое племя учи» когда-то занимало территорию у устья реки Хивасси и было почти полностью истреблено в отчаянной битве с чероки в Учи Олд Филдс, в округе Реа (ныне Мейгс), штат Теннесси, а немногие выжившие отступили во Флориду, где присоединились к семинолам.[23] Похоже, что нет других источников, подтверждающих это утверждение.

Еще одним разбитым племенем, частично вошедшим в состав криков, а частично — чероки, было племя натси, или натчез, которое первоначально занимало территорию вокруг места, где сейчас находится город Натчез на юге Миссисипи, и оказывало ведущее влияние на все племена этого региона. В результате катастрофической войны с французами в 1729–1731 годах племя было расстроено, некоторые его члены укрылись у чикасо, другие — у криков, либо тогда, либо позже, а третьи в 1736 году обратились к правительству Южной Каролины с просьбой разрешить им поселиться на реке Саванна. Просьба, очевидно, была удовлетворена, и мы находим упоминание о «начи» как одном из племен, проживавших с катавбами в 1743 году, но сохранивших свой отдельный язык. В результате убийства нескольких катавба в пьяной ссоре они были вынуждены покинуть этот регион и, по-видимому, вскоре после этого присоединились к чероки, поскольку мы дважды находим упоминание о них ( ) в связи с этим племенем в 1755 году. По-видимому, это последнее упоминание о них в архивах Южной Каролины.[24]

Именно здесь традиция чероки подхватывает их под именем Anin′tsĭ, сокращенным от Ani′-Na′‘tsĭ, множественного числа от Na′‘tsĭ. Из-за случайного совпадения со словом, обозначающим сосну, *na‘tsĭ′*, некоторые англоговорящие индейцы перевели это название как «сосновые индейцы». Чероки в целом согласны с тем, что натчезы пришли к ним из Южной Каролины, хотя некоторые говорят, что они пришли из страны криков. Вероятно, что первые беженцы были из Каролины, а позже к ним присоединились другие из криков и чикасо. Бьенвиль утверждает, что в 1742 году некоторые из них ушли к чероки прямо из чикасо, когда обнаружили, что последние слишком сильно страдают от французов, чтобы иметь возможность заботиться о них.[25] По-видимому, чероки считали их расой волшебников и чародеев, что, вероятно, было частично связано с их своеобразными религиозными обрядами, а частично — с интересом, который они вызывали как остатки истребленного племени. Хотя мы не имеем прямых сведений по этому вопросу, есть все основания полагать, что эти два племени поддерживали связь друг с другом задолго до периода войны с натчезами.

Согласно заявлению Джеймса Уэффорда, родившегося в 1806 году недалеко от Кларксвилля, штат Джорджия, когда этот регион еще был индейской территорией, «нотчесы» имели свой город на северном берегу Хивасси, чуть выше ручья Пичтри, на месте, где в 1821 году преподобный Эван Джонс основал баптистскую миссию, в нескольких милях выше нынешнего Мерфи, округ Чероки, Северная Каролина. По материнской линии он сам имел натчезскую кровь. Его бабушка рассказывала ему, что когда она была молодой женщиной, примерно в 1755 году, ей однажды пришлось поехать в этот город по делам, которые она была вынуждена вести через переводчика, так как натчезы проживали там так недолго, что только один или два человека говорили на языке чероки. Все они жили в одном городе, который чероки называли Gwal‘gâ′hĭ, «Место лягушек», но он не мог сказать, было ли там ратуша. В 1824 году, будучи одним из переписчиков народа чероки, он посетил тот же район и обнаружил, что натчезы тогда жили вместе с чероки в городе под названием Гуланийи, расположенном на слиянии ручьев Брастаун и Гамлог, притоков Хивасси, примерно в 6 милях к юго-востоку от их прежнего местоположения и недалеко от границы с Джорджией. Переселение, возможно, было связано с недавним созданием миссии на прежнем месте. Это было большое поселение, состоящее примерно поровну из представителей двух племен, но к этому времени натчезы не отличались от других ни по одежде, ни по внешнему виду, и почти все говорили на ломаном чероки, хотя и сохранили свой собственный язык. Поскольку большинство индейцев подверглись христианскому влиянию настолько, что перестали

танцевать, городского дома не было. Гарри Смит, родившийся около 1820 года, отец покойного вождя восточных чероки, также помнит, что они жили на Хивасси и называли себя Нацци.

Уже упоминавшийся Гансети утверждает, что, когда он был мальчиком, натчезы были рассеяны по поселениям чероки вдоль верхней части Хивасси, простирающейся до Теннесси. Тогда у них не было отдельных городских домов. По крайней мере, некоторые из них пришли из Криков и говорили на крикском и чероки, а также на своем собственном языке, которого он не мог понять, хотя был знаком с обоими другими. Они были великими лидерами танцев, что соответствует их традиционной репутации обладателей церемониальных и тайных знаний. Они ушли на запад вместе с чероки при окончательном переселении племени в Индейскую территорию в 1838 году. В 1890 году на реке Иллинойс, в нескольких милях к югу от Талеква, в Чероки-Нэйшн, было небольшое поселение, в котором несколько человек все еще говорили на своем языке. Некоторые из них, возможно, прибыли вместе с криками, поскольку по соглашению между криками и чероки, заключенному примерно в то же время, когда произошло переселение, было решено, что граждане любого из племен, проживающие в пределах территорий, на которые претендует другое племя, могут остаться без вопросов, если они так решат. Среди восточных чероки до сих пор есть несколько человек из племени натчез ( ), утверждающих, что они являются потомками натчез, но последняя, как говорят, имевшая полную кровь натчез, старая женщина по имени Алкини (Alkĭnĭ′), умерла около 1895 года. Она была известна своими особенностями, особенно протяжным тоном речи, который, как говорили старики, был характерен для ее народа много лет назад.

Хейвуд, историк из Теннесси, говорит, что остатки народа натчез проживали в пределах современных границ штата еще в 1750 году и даже тогда были многочисленны. Он упоминает о тех, кто жил среди чероки, и рассказывает любопытную историю, которая, по-видимому, ускользнула от внимания других писателей. Согласно его утверждению, часть натчезов, которые после падения своего племени были распределены в качестве рабов среди французов в окрестностях своих старых домов, воспользовалась отступлением войск на север в 1758 году, чтобы подняться на восстание, убить своих хозяев и бежать к соседним племенам. По возвращении войск после падения форта Дюкейн они обнаружили, что поселение в Натчезе разрушено, а их индейские рабы бежали. Некоторое время спустя французский дезертир, ищущий убежища среди чероки, добравшись до города Грейт-Айленд на Теннесси, чуть ниже устья реки Теллико, был удивлен, обнаружив там некоторых из тех же натчезов, которых он ранее гнал в рабство. Он не теряя времени покинул это место, чтобы найти более безопасное убежище среди горных городов. Нотчи-Крик, нижний приток Теллико в округе Монро, штат Теннесси, вероятно, получил свое название от этих беженцев. Хейвуд также утверждает, что, хотя они и были включены в состав чероки, они долгое время оставались отдельным народом, не вступая в браки и не смешиваясь с другими племенами, имея своих вождей и свои советы; но к 1823 году от них почти ничего не осталось, кроме названия.[26]

Еще одним племенем беженцев, частично объединившимся с чероки, а частично с криками, было племя таскиги, которое в ранний период имело большой город с таким же названием на южной стороне реки Литл-Теннесси, чуть выше устья Теллико, в округе Монро, штат Теннесси. Секвойя, изобретатель алфавита чероки, жил здесь в детстве, примерно в период Революции. Земля была продана в 1819 году. Было еще одно поселение с таким же названием, возможно, когда-то заселенное теми же людьми, на северном берегу реки Теннесси, в излучине чуть ниже Чаттануги, штат Теннесси, на земле, также проданной в 1819 году. Еще одно поселение, возможно, существовало в свое время на ручье Таскиги, на южном берегу реки Литл-Теннесси, к северу от Роббинсвилля, в округе Грэм, штат Северная Каролина, на земле, которая была заселена до переселения в 1838 году. Город Таскиги в стране криков находился на реке Куса, недалеко от слияния с Таллапусой, на некотором расстоянии выше нынешнего Монтгомери, штат Алабама ( ). Мы находим упоминание о Таскики как о городе в стране криков, который посетил испанский

капитан Хуан Пардо в 1567 году. Название, очевидно, то же самое, хотя мы не можем быть уверены, что местоположение было идентично местоположению более позднего города.

Кем или чем были таскиги, точно неизвестно и, вероятно, никогда не будет известно, но они не были ни чероки, ни мускоги в собственном смысле этого слова. Наиболее вероятно, что они были родственны мускоги, но они могли быть и переселенцами из другого района, или даже составлять отдельный языковой народ, представляя все, что осталось от древнего народа, который заселял эту страну до прихода чероки и криков. Название может происходить от *слова taska* или *tasha'ya,* означающего «воин» в нескольких мускогийских диалектах. Это не слово чероки, и чероки-информаторы утверждают, что таскиги были чужим народом с отличным языком и обычаями. Они не были криками, натчезами, учи или шавано, с которыми чероки были хорошо знакомы под другими именами. В таунхаусе их поселения в устье Теллико у них был вертикальный столб, на вершине которого висело их защитное «лекарство» — изображение человеческой фигуры, вырезанное из кедрового бревна. По этой причине чероки иногда насмешливо называли это место Atsĭnă′-k‘taûñ, «Место висящего кедра». До продажи земли в 1819 году они были настолько близки к вымиранию, что чероки переселились и заняли эту территорию.

Адаир в 1775 году упоминает Тае-кео-ге (*sic* — двойная опечатка) как одно из нескольких разрозненных племен, которые крики «искусно заманили» к себе, чтобы укрепить свои позиции против враждебных попыток. Милфорт около 1780 года утверждает, что Таскиги на реке Куса были иностранным народом, который был вынужден войнами искать убежища среди криков, будучи воодушевленным тем, что другое беглое племя было принято с добротой. Их просьба была удовлетворена конфедерацией, и им были даны земли, на которых они построили свой город. Он относит это событие к периоду незадолго до присоединения ючи, то есть к началу XVIII века. По данным Хокинса, в 1799 году в городе было всего 35 воинов, он «утратил свой древний язык» и говорил на языке криков. В индейской территории в нации криков до сих пор существует «белый» или мирный город под названием Таскиги.[27]

Ближайшими соседями чероки на западе, после изгнания шавано, были чикасо, известные чероки как Ani′-Tsĭ′ksû, чья территория простиралась в основном между Миссисипи и Теннесси, на территории современного западного Кентукки и Теннесси, а также крайней северной части Миссисипи. Однако в силу завоевания шавано или древнего заселения они претендовали на большую дополнительную территорию к востоку от нее, включая все земли на водах реки Дак и ручья Элк. Эта претензия была оспорена чероки. По словам Хейвуда, два племени были друзьями и союзниками в изгнании шавано, но впоследствии, незадолго до 1769 года, чероки, по-видимому, без достаточной причины, затеяли ссору с чикасо и напали на них в их городе, в месте, впоследствии известном как Чикасо Олд Филдс, на северном берегу реки Теннесси, примерно в двадцати милях ниже нынешнего Гантерсвилля, штат Алабама. Чикасоу так хорошо защищались, что нападавшие потерпели сокрушительное поражение и были вынуждены отступить в свою страну.[28] Однако, по-видимому, чикасоу, посчитав это поселение слишком удаленным от своих главных городов, после битвы покинули его. Хотя впоследствии между двумя племенами был заключен мир, их соперничество продолжало быть предметом спора на протяжении всего периода действия договора.

Чокто, свободная конфедерация племен, ранее занимавших южную часть Миссисипи и прилегающий прибрежный регион, называются Ани′-Ца′‘та чероки, которые, по-видимому, имели с ними мало общения, вероятно, потому, что промежуточная территория принадлежала крикам, которые обычно воевали с теми или другими. В 1708 году мы находим упоминание о мощной экспедиции чероки, криков и катавба против чокто, живших около залива Мобил.[29]

Из индейцев, проживавших к западу от Миссисипи, наиболее известными чероки были Ани′-Васа′си, или Осейдж, могущественное племя хищников, ранее владевшее большей частью территории между реками Миссури и Арканзас и простиравшееся от Миссисипи далеко в равнины. Название чероки происходит от Wasash′, названия, которым осейджи называют себя.[30] Отношения между двумя племенами, по-видимому, были почти постоянно враждебными с того момента, когда осейджи отказались присоединиться к общему индейскому миру, заключенному в 1768 году (см. «Войны ирокезов»), до 1822 года, когда правительство вмешалось, чтобы положить конец кровопролитию. Горькая вражда была в значительной степени вызвана тем, что с момента заключения первого договора чероки с Соединенными Штатами в Хоупвелле, Южная Каролина, в 1785 году, небольшие группы чероки, возмущенные постоянными посягательствами белых, переселялись за Миссисипи, чтобы основать новые поселения на территории, на которую претендовали осейджи, где в 1817 году их число уже достигало двух-трех тысяч человек. Чтобы показать, насколько новым является наш рост как нации, интересно отметить, что Ваффорд, будучи мальчиком, посетил недалеко от места, где сейчас находится Кларксвилл, штат Джорджия, почти на реке Саванна, танец чероки «скальп», на котором женщины танцевали над несколькими скальпами осейджей, присланными их родственниками с запада в качестве трофеев недавней победы.

Другие старые названия чероки для западных племен, которые невозможно идентифицировать, — это Tayûñ′ksĭ, непереводимое название племени, которое просто описывается как живущее на Западе; Tsuniya′tigă, «Голые люди», которые, как описывается, жили на дальнем Западе; Gûn′-tsuskwa′‘lĭ, «Короткие стрелы», которые жили на дальнем Западе и были небольшими, но великими воинами; Юньвинигиски, «людоеды», враждебное племя на западе или севере, возможно, каннибалы атакапа или тонкава из Луизианы или Техаса. Их отношения с племенами, с которыми они познакомились после переселения на индейскую территорию, не входят в рамки данной статьи.

106. ВЕЛИКАНЫ С ЗАПАДА

Джеймс Уэффорд из западных чероки, родившийся в Джорджии в 1806 году, рассказывает, что его бабушка, которая, вероятно, родилась в середине прошлого века, рассказывала ему, что слышала от стариков, что задолго до ее времени группа великанов однажды пришла в гости к чероки. Они были почти в два раза выше обычных людей и имели раскосые глаза, поэтому чероки называли их Tsunil′ kălû′, «люди с раскосыми глазами», потому что они походили на великана-охотника Tsul‘kălû′ (см. рассказ). Они говорили, что эти великаны жили очень далеко, в направлении заката солнца. Чероки приняли их как друзей, и они пробыли некоторое время, а затем вернулись в свои дома на западе. Эта история может быть искаженной исторической традицией.

107. ПОТЕРЯННЫЕ ЧЕРОКИ

Когда в 1721 году чероки продали свои первые земли, часть племени яростно выступила против этой продажи, заявив, что если индейцы однажды согласятся отдать часть своей территории, белые никогда не будут удовлетворены, а скоро захотят еще немного, а потом еще немного, пока в конце концов у индейцев не останется ничего. Поняв, что все их слова не могут помешать заключению договора, они решили навсегда покинуть свои старые дома и уйти далеко на запад, за Великую реку, куда белые люди никогда не смогут их преследовать. Они не обращали внимания на мольбы своих друзей, а начали подготовку к долгому маршу, пока остальные, поняв, что не могут помешать их уходу, не взялись за дело и не сделали все возможное, чтобы снарядить их вьючными лошадьми, загруженными хлебом, сушеным олениной и другими припасами.

Когда все было готово, они вышли в путь под руководством своего вождя. С ними отправилась группа отборных воинов, чтобы помочь им пересечь Великую реку, и каждую ночь, пока они не достигли ее, бегуны отправлялись обратно в племя и из племени к отряду, чтобы передавать сообщения и информировать каждую группу о том, как дела у другой. Наконец они дошли до Миссисипи и переправились через нее с помощью тех воинов, которые были отправлены с ними ( ). Те затем вернулись в племя, а остальные продолжили путь на запад. На этом вся связь прервалась. О странниках больше ничего не было слышно, и со временем история о потерянных чероки была забыта или вспоминалась только как старая легенда.

Белые люди продолжали давить на чероки, и одна за другой продавались земли, пока с течением лет лишенные собственности люди не начали обращать свои лица к западу как к месту своего последнего пристанища, и небольшие группы охотников пересекли Миссисипи, чтобы узнать, что может быть за ним. Одна из этих групп продвинулась через равнины и у подножия великих гор — Скалистых гор — обнаружила племя, говорящее на старом языке чероки и живущее так же, как жили чероки до того, как они узнали о белых людях и их обычаях.

108. РЕЗНЯ АНИ-КУТАНИ

Среди других исчезающих традиций есть такая, которая связана с Ани′-Кута′ни или Ани′-Кватани, о которых современные чероки знают так мало, что их самая идентичность сейчас является предметом споров: некоторые считают, что они были древним народом, предшествовавшим чероки и построившим курганы, в то время как другие, обладающие большим авторитетом, утверждают, что они были кланом или обществом в племени и были уничтожены давным-давно эпидемией или другим бедствием. К счастью, мы не вынуждены полагаться в этом вопросе исключительно на догадки, поскольку эта традиция была зафиксирована Хейвудом около семидесяти лет назад, а еще одним писателем — примерно сорок лет спустя, причем связанную с ней историю все еще можно было узнать от компетентных источников. Из различных заявлений

следует, что Ани′- Кута′ни были священническим кланом, который наследуемо контролировал все религиозные церемонии среди чероки, пока, в результате злоупотребления своими священными привилегиями, они не были атакованы и полностью истреблены остальной частью племени, после чего священнические функции перешли к отдельным врачам и колдунам.

Хейвуд, не называя имен и не приводя подробностей, говорит: «Чероки прибегают к колдовству, чтобы узнать, выздоровеет ли больной человек. Этот обычай возник после уничтожения их жрецов. Традиция гласит, что такие люди жили среди их предков и считались выше других, но были истреблены давным-давно в результате проступка одного из жрецов, который попытался увести жену человека, который был братом главного вождя племени». [31]

Более подробное заявление от имени вождя Джона Росса и доктора Дж. Б. Эванса было сделано в 1866 году писателем, который говорит о массовом убийстве, произошедшем примерно столетие назад, хотя из туманности традиции « » очевидно, что оно должно было произойти гораздо раньше:

«Факты, хотя и немногочисленные, интересны. Орден был наследственным, что было необычно, поскольку среди индейцев редко, а среди чероки никогда власть не принадлежала какой-либо семье по праву. Однако семья Никотани — поскольку, по-видимому, это была семья или клан — пользовалась этой привилегией. Однако власть, которую они осуществляли, не была политической, и не похоже, что вожди избирались из их числа.

Никотани были мистической, религиозной группой, которую народ очень уважал, и, по-видимому, они были чем-то похожи на индийских браминов. Каким образом они достигли своего господства и как долго оно сохранялось, установить невозможно. Почти все, что можно узнать о них, — это то, что они были истреблены в результате массового убийства. Они стали высокомерными, наглыми, властными и разнузданными до невыносимой степени. Полагаясь на свои наследственные привилегии и странное благоговение, которое они внушали, они не hesitated by fraud or violence to rend asunder the tender relations of husband and wife when a beautiful woman excited their passions. Народ долго молча переживал угнетение и надругательства этой высшей касты, которую он глубоко ненавидел, но очень боялся. Наконец, смелый молодой человек, член влиятельной семьи, организовал среди народа заговор с целью массового убийства священников. Непосредственным поводом послужило похищение жены молодого лидера заговора. Его жена отличалась необыкновенной красотой и была насильно похищена и изнасилована одним из Никотани, пока он был в отсутствии на охоте. По возвращении он без труда разжег в других то же негодование, которое испытывал сам. Так много людей пострадали таким же образом, так много людей боялись, что им придется страдать, что не хватало только лидера. Лидером стал молодой храбрец, о котором мы упомянули, и народ поднялся под его руководством и убил всех Никотани, молодых и старых. Так погибло наследственное тайное общество, и с тех пор среди чероки не допускаются никакие наследственные привилегии». [32]

109. ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА

Некоторые воины обладали магией, позволявшей им менять свою форму по желанию, чтобы спасаться от врагов. Однажды один из таких воинов-магов, который был вдали от дома, вернулся и обнаружил, что сильная группа врагов атакует поселение, в то время как почти все мужчины ушли на охоту. Город находился на другом берегу реки, но там была его бабушка, поэтому он решил спасти ее. Спустившись немного вниз по течению, он охотился, пока не нашел раковину мидии . С помощью своего лекарства он превратил ее в каноэ, на котором переправился к дому своей бабушки и нашел ее сидящей там, ожидающей, когда враг придет и убьет ее. Он снова приготовил лекарство и поместил ее в маленькую тыкву, которую прикрепил к своему поясу.

Затем взобравшись на дерево, он превратил себя в болотную вальдшнеп, и с одним криком расправил крылья и перелетел на другую сторону реки, где оба приняли свою естественную форму и пробрались через лес в другое поселение.

Был еще один великий воин чероки по имени Дасигияги, или Шу-боутс, как его называли белые, который жил на ручье Хайтауэр в Джорджии. Он был настолько силен, что, как говорили, мог перебросить кукурузный ступ через дом, а своей магической силой мог перепрыгнуть через реку за один раз. Его боевым лекарством были чешуя уктена и очень большой панцирь черепахи, который он получил от шавано. Во время войны с криками он опустил эту чешую в воду и омыл ею свое тело, а также сжег кусок панциря черепахи и нарисовал угольком черную линию вокруг своих людей, и он никогда не был ранен и ни один из его людей не был убит.

Некоторые великие воины обладали магией, с помощью которой они могли нырять под землю, как под воду, подниматься среди врагов, чтобы убить и сняв скальп с одного из них, а затем снова нырять под землю и подниматься среди своих друзей.

Некоторые военачальники знали, как поднять свою жизнь на верхушки деревьев во время боя, так что даже если они были поражены врагом, их нельзя было убить. Однажды, в сражении с шавано, вождь чероки стоял прямо перед врагом и позволил всей группе стрелять в него, но не был ранен, пока капитан шавано, который сам знал это боевое зелье, не приказал своим людям стрелять в ветви над головой другого. Они так и сделали, и вождь чероки упал замертво.

110. СЛУЧАИ ЛИЧНОГО ГЕРОИЗМА

Во время войны чероки 1760 года, когда, по словам Хейвуда, небольшие отряды врага продвигались на восток почти до Солсбери, была обнаружена группа из шести или восьми воинов, за которой следили и следовали, пока не увидели, что они вошли в заброшенную хижину, чтобы переночевать. Была поднята тревога, и незадолго до рассвета белые окружили дом, расположившись за стогом сена и несколькими хозяйственными постройками, чтобы контролировать как дверь, так и широкую верхушку дымохода. Затем они начали бросать огонь на крышу, чтобы выгнать индейцев, и когда пламя охватило сухую черепицу и смерть от огня или пули казалась неизбежной, один из осажденных воинов крикнул своим товарищам, что лучше одному пожертвовать собой, чем всем погибнуть, и что, если они последуют его указаниям, он спасет их, но сам погибнет. Он предложил выйти в одиночку, чтобы отвлечь огонь осаждающих, а его друзья должны были стоять , готовые бежать в лес, как только оружие белых опустеет. Они согласились, и дверь открылась, когда он внезапно выбежал, уклоняясь и бегая зигзагами, так что все оружие было опустошено, прежде чем он упал замертво, покрытый ранами. Пока белые перезаряжали оружие, другие воины выбежали и успели добраться до леса, прежде чем осаждающие оправились от удивления. Историк добавляет: «Как жаль, что имя этого героя неизвестно автору, чтобы его можно было занести в историю вместе с этим примером храбрости и патриотизма чероки, их твердости и присутствия духа в час опасности».[33]

Судя по всему, женщины не раз проявляли мужество воинов, когда того требовала ситуация. В начале прошлого века среди чероки еще жила женщина, которая убила убийцу своего мужа в одном из сражений Войны за независимость. За этот поступок к ней относились с таким уважением, что ей разрешили присоединиться к воинам в военном танце, вооружившись ружьем и томагавком. В рукописи Вахненаухи есть предание о нападении на город чероки и убийстве вождя вражеской воинской группой. Его жена, которую звали Кухталата (Gatûñ'lătĭ, «Дикая конопля»?), увидев, как падает ее муж, схватила его томагавк и, крича: «Убей! Убей!», бросилась на врага с такой яростью, что отступавшие чероки ( ) собрались с силами и возобновили сражение с таким

мужеством, что одержали полную победу. Возможно, это другое описание того же самого события.

Во время экспедиции Рутерфорда против чероки в 1776 году индейцы оказали сопротивление возле ущелья Вайя в горах Нантахала, и произошло ожесточенное сражение, в котором американцы потеряли девятнадцать человек, хотя в конце концов враг был изгнан с этой территории. После того как основные силы отступили, индеец был замечен, выглядывающим из-за дерева, и сразу же застрелен солдатами, которые, подойдя к месту, обнаружили, что это была женщина, раскрашенная и striped как воин и вооруженная луком и стрелами. Она уже была ранена в бедро и поэтому не смогла бежать вместе с остальными.

111. КУРГАНЫ И ПОСТОЯННЫЙ ОГОНЬ: СТАРЫЕ СВЯЩЕННЫЕ ВЕЩИ

Некоторые говорят, что курганы были построены другим народом. Другие говорят, что они были построены предками старого племени Ани′-Кĭту′хваги в качестве фундаментов для городских домов, чтобы те были в безопасности во время паводков. Городские дома всегда строились на ровных низинных землях у реки, чтобы у людей была ровная поверхность для танцев и игр с мячом и чтобы они могли спускаться к воде во время танцев.

Когда они были готовы к возведению кургана, они начали с того, что выложили круг из камней на поверхности земли. Затем они развели огонь в центре круга и положили рядом с ним тело какого-нибудь выдающегося вождя или жреца, недавно умершего — некоторые говорят, что это были семь вождей из разных кланов — вместе с камнем Улунсути, чешуйкой или рогом уктена, пером с правого крыла орла или большого тланува, который жил в те времена, и бусинами семи цветов: красного, белого, черного, синего, пурпурным, желтым и серо-голубым. Затем жрец наложил на все это заклятие болезни, чтобы, если когда-нибудь враг вторгнется в страну, даже если он сожжет и разрушит город и ратушу, он никогда не смог вернуться домой.

Затем курган был насыпан землей, которую женщины приносили в корзинах, и, насыпая ее поверх камней, тел своих великих людей и священных предметов, они оставили открытое место у костра в центре и опустили туда полый ствол кедра с корой, который облегал костер и защищал его от земли. Этот кедровый ствол был вырезан такой длины, чтобы, когда все было готово, он почти достигал поверхности внутри городского дома. Земля была насыпана вокруг него, и весь курган был гладко закончен, а затем на нем был построен городской дом. Один человек, называемый хранителем огня, всегда оставался в городском доме, чтобы подкармливать и поддерживать огонь. Когда предстоял танец или совет, он проталкивал длинные стебли травы *ihyâ'ga*, которую некоторые называют *atsil'-sûñ'tĭ*, «создательница огня» (*Erigeron canadense* или fleabane), через отверстие в кедровом бревне к огню на дне. Он оставлял концы стеблей торчать наружу и складывал вокруг лишайники и труху, после чего молился, и пока он молился, огонь поднимался по стеблям, пока не зажигал труху. Затем он клал дрова, и к тому времени, когда танцоры были готовы, в общественном доме уже пылал большой огонь. После танца он снова закрывал отверстие пеплом, но огонь всегда тлел внизу. В старину, перед танцем Зеленого кукурузы, все костры в поселении тушили, и все люди приходили за новым огнем в городской дом. Это называлось *atsila gălûñkw'ti'yu*, «почтенный или священный огонь». Иногда, когда огонь в доме гас, женщина приходила к хранителю огня, который разжигал новый огонь, потирая стебель ihyâ′ga о нижнюю часть твердого сухого гриба, растущего на акациях.

Некоторые говорят, что этот вечный огонь был только в больших курганах в Никваси, Китухва и нескольких других городах, и что когда новый огонь был таким образом разведен для танца Зеленого кукурузы, он распределялся оттуда по другим поселениям. Огонь до сих пор горит на

дне этих больших курганов , и когда солдаты чероки разбили лагерь недалеко от Китухва во время гражданской войны, они видели, как дым все еще поднимается из кургана.

Когда-то у чероки была деревянная коробка, почти квадратная и обернутая оленьей кожей, в которой они хранили самые священные вещи своей старой религии . Во время каждой важной экспедиции два священника по очереди несли ее и охраняли в лагере, чтобы ничто не могло ее потревожить. Делавэры захватили ее более ста лет назад, и после этого старая религия была заброшена, и на нацию обрушились беды. У них также была большая трубка мира, вырезанная из белого камня, с семью отверстиями, чтобы семь мужчин могли сидеть вокруг нее и курить одновременно на своих мирных советах. В старом городе Кеоуи у них был каменный барабан, вырезанный в форме черепахи, который висел внутри городского дома и использовался на всех городских танцах. Другие города Нижнего Чероки тоже брали его напрокат для своих танцев.

Все старые вещи теперь исчезли, и индейцы изменились.

Разные мифы и легенды

112. НЕУМЕЛИЙ ДОМАШНИЙ ХОЗЯИН

Старик, чья жена умерла, жил один со своим сыном. Однажды он сказал молодому человеку: «Нам нужен повар, так что тебе лучше жениться». Молодой человек женился и привел жену домой. Тогда его отец сказал: «Теперь мы должны работать вместе и делать все, что в наших силах, чтобы помочь ей. Ты ходишь на охоту и приносишь мясо, а я ухаживаю за кукурузой и фасолью, а она может готовить». Молодой человек пошел в лес на охоту за оленем, а его отец вышел в поле, чтобы позаботиться о кукурузе. Когда они вернулись домой вечером, они были голодны, и молодая женщина поставила перед ними миску с ореховой кашей (*kanâ'talu'hĭ*). Она выглядела как-то странно, и когда старик осмотрел ее, он обнаружил, что орехи были положены целиком. «Почему ты не очистила грецкие орехи от скорлупы, а потом не растолокла ядра?» — спросил он молодую женщину. «Я не знала, что их нужно очищать от скорлупы», — ответила она. Тогда старик сказал: «Ты думаешь о замужестве, а не умеешь готовить», — и прогнал ее.

113. ЧЕЛОВЕК В ПНЕВЕ

Человек, у которого было поле с растущим кукурузой, однажды вышел посмотреть, как она созревает, и взобрался на высокий пень, чтобы лучше видеть. Пень был полым, и на дне у медведицы было гнездо с медвежатами. Человек поскользнулся и упал на медвежат, которые завыли так громко, что старая медведица услышала их и спустилась в пень, как это делают медведи, хвостом вперед, чтобы посмотреть, в чем дело. Мужчина схватил ее за задние лапы, и старая медведица так испугалась, что сразу же вылезла обратно, утащив с собой мужчину, который таким образом выбрался из пня, а медведица убежала.

114. ДВА ЛЕНИВЫХ ОХОТНИКА

Однажды группа воинов отправилась в долгий охотничий поход в горы. Они шли, пока не дошли до хорошего охотничьего района, где построили свою хижину из коры в удобном месте у реки. Каждое утро после завтрака они расходились, каждый сам по себе, и уходили на весь день, а вечером возвращались с добычей. Был один ленивый парень, который каждое утро выходил один, как и все остальные, но только до тех пор, пока не находил солнечный склон, где он растягивался рядом со скалой и спал до вечера, а затем возвращался в лагерь с пустыми руками, но с разорванными мокасинами и длинной историей о том, как он бродил весь день и ничего не нашел. Так продолжалось до тех пор, пока один из остальных не начал подозревать, что что-то не так, и не взялся выяснить, в чем дело. На следующее утро он тайно проследил за ним через лес, пока не увидел, как тот вышел на солнечную поляну, сел на большой камень, снял мокасины и начал тереть их о камни, пока не протер в них дыры. Затем ленивец ослабил пояс, лег рядом с камнем и уснул. Шпион поджег сухие листья и наблюдал, пока пламя не подползло к спящему человеку, который так и не открыл глаз.

Шпион вернулся в лагерь и рассказал о том, что видел. Примерно во время ужина ленивый парень пришел с той же старой историей о долгом дне охоты и отсутствии дичи. Когда он закончил, все остальные рассмеялись и назвали его соней. Он настаивал, что весь день лазал по горным хребтам, и показал свои мокасины, чтобы продемонстрировать, как они изношены, не зная, что они были обожжены от костра, так как он спал до заката. Увидев почерневшие мокасины , они снова рассмеялись, а он был слишком удивлен, чтобы сказать хоть слово в свою защиту; поэтому капитан сказал, что такой лжец не достоин оставаться с ними, и его изгнали из лагеря.

Был еще один ленивый парень, который ухаживал за красивой девушкой, но она не хотела иметь с ним ничего общего, говоря, что ее муж должен быть хорошим охотником, иначе она останется незамужней на всю жизнь. Однажды утром он пошел в лес и по счастливой случайности сумел убить оленя. Подняв его на спину, он отнес его в поселение, проходя прямо мимо двери дома, где жили девушка и ее мать. Как только он скрылся из виду, он пошел окольным путем обратно в лес и ждал до вечера, когда появился с оленем на плече и прошел по тропе мимо дома девушки, как и утром. Он делал это на следующий день, и на следующий, пока девушка не начала думать, что он, должно быть, убивает всех оленей в лесу. Тогда ее мать — старухи обычно являются свахами — собралась и пошла к матери молодого человека, чтобы обсудить это.

Когда она прибыла и поздоровалась, она сказала: «Ваш сын, должно быть, хороший охотник». «Нет», ответила старуха, «он редко что-нибудь убивает». «Но в последнее время он убил много оленей». «Я ничего не видела», сказала его мать. «Но он два раза в день в течение последних трех дней проносил оленей мимо нашего дома». «Я не знаю, что он с ними делал», — сказала мать молодого человека, — «он никогда их сюда не приносил». Тогда мать девушки поняла, что что-то не так, и пошла домой и рассказала об этом мужу, который пошел по следам молодого человека в лес, пока не нашел место, где было спрятано тело оленя, которое уже так разложилось, что его пришлось выбросить.

115. ДВА СТАРИКА

Два старика пошли на охоту. У одного было опущенное веко, и его звали Ук-квунагита, «Опущенное веко». У другого была искривленная рука, и его звали Ук-кусунцут, «Искривленный лук». Они убили оленя и сварили мясо в кастрюле. Второй старик окунул кусок хлеба в суп и, едя, смачно чавкал. «Вкусно?» — спросил первый старик. Другой ответил: *«Хаю! Ук-квунагисти* — Да, сэр! Это опустит глаза».

Первый старик подумал про себя: «Он имеет в виду меня». Поэтому он окунул кусок хлеба в кастрюлю и, пробуя его, чмокнул губами. «Тебе нравится?» — спросил другой старик. Его товарищ ответил: *«Хаю! Ук-кусунцутети* — Да, сэр! Это скрутит руку». Второй старик подумал: «Он имеет в виду меня», поэтому он очень рассердился и ударил первого старика, и тогда они дрались, пока не убили друг друга.

116. ЗВЕЗДНЫЕ ПЕРЬЯ

Давным-давно воин с бродячим нравом спустился в белые поселения на востоке, где впервые увидел павлина. Красивые длинные перья удивили и восхитили его, и, обменяв некоторые ценные индейские вещи, он сумел купить несколько из них, которые взял с собой в горы и спрятал в старом бобровом домике под берегом реки, пока не был готов их использовать. Чтобы попасть в бобровый домик, ему пришлось нырнуть под воду.

Затем он тайно приступил к работе и сделал себе головной убор с длинными павлиньими перьями спереди и сзади и более короткими по бокам. На следующем танцевальном празднике он надел новый головной убор и заявил, что был на небе и что это перья звезд (см. номер 9, «Как выглядят звезды»). Он также произнес длинную речь, которую представил как послание, полученное им от духов звезд для передачи людям.

Все удивлялись красивым перьям, которые так отличались от всех, что они видели раньше. Они не сомневались, что он был на небе и разговаривал с духами. Он стал великим пророком и целыми днями прятался в бобровой норе, а когда наступала ночь и собирались на танцы или совет, он внезапно появлялся среди них в своем пернатом головном уборе и передавал людям новое послание с небес. Затем он снова уходил, делая вид, что поднимается на небо.

Он стал знаменитым и влиятельным среди всех знахарей, пока наконец другой чероки не спустился в поселения белых и не увидел там другого павлина, и сразу понял, что пророк был мошенником. По возвращении он тихо рассказал об этом некоторым своим друзьям, и они решили расследовать дело. Когда наступила следующая ночь танцев, пророк, как обычно, был на месте с новым посланием, свежим от звезд. Люди слушали его с почтением и обещали выполнить все, что он прикажет. Затем он покинул их, сказав, что должен немедленно вернуться на небо, но когда он вышел из круга, шпионы последовали за ним в темноте и увидели, как он спустился к реке и нырнул под воду. Они ждали, но он не вынырнул, и они вернулись и рассказали об этом людям. На следующее утро группа людей отправилась на это место и обнаружила бобровую хижину под берегом. Один человек нырнул и поднялся внутрь, где он нашел пророка, сидящего с павлиньими перьями рядом.

117. ПЕСНЯ МАТЕРИ-МЕДВЕДИЦЫ

Однажды охотник в лесу услышал пение в пещере. Он подошел поближе и заглянул внутрь, и увидел, что это мать-медведица пела своим медвежатам и рассказывала им, что делать, когда за ними придут охотники.

Мать-медведица сказала медвежатам: «Когда услышите, что охотники спускаются по ручью, тогда...

Цаги, цаги, хвилахи;

Цаги, цаги, хвилахи.

Вверх по течению, вверх по течению, вы (должны) идти;

Вверх по течению, вверх по течению, вы (должны) идти.

Но если услышите, как они поднимаются по ручью, дети, тогда —

Гэ, гэ, хвилахи;

Ге, ге, хвилахи.

Вниз по течению, вниз по течению, вы (должны) идти;

Вниз по течению, вниз по течению, вы (должны) идти».

Однажды другой охотник, находясь в лесу, услышал, как женщина поет ребенку. Он пошел на звук до вершины ветки, пока не дошел до пещеры под кустами, а внутри была мать-медведица, качавшая своего медвежонка на лапах и напевающая ему эту детскую песню, которую Ани′-Цагухи знали до того, как превратились в медведей:

Ха'-мама', ха'-мама', ха'-мама', ха'-мама';

Удахалей хилунну, хилунну;

Удахалей хилунну, хилунну.

Позволь мне нести тебя на спине (четыре раза);

На солнечной стороне засыпай, засыпай;

На солнечной стороне засыпай, засыпай.

118. ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА, ЧТОБЫ ПОНРАВИТЬСЯ ДЕТЯМ

Ха'вие'-хюве', Ха'вие'-хюве',

Юве-ювехе, Хавиеху-уве

Яну унегухи цанасеха;

Эти унегухи цанасеха;

Яну нудуньнелу цанадиска.

Ха'вие'-хюве', Ха'вие'-хюве',

Юве-ювехе, Хавиеху-уве —

Медведь очень плохой, так говорят;

Давно он был очень плохим, так говорят;

Медведь сделал то-то и то-то, говорят.

119. КОГДА РОДЯТСЯ МЛАДЕНЦЫ: МЕЧОЧИК И СВЕРЧОК

Маленький крапивник — посланник птиц, он везде сует свой нос. Он встает рано утром и обходит все дома в поселении, чтобы собрать новости для совета птиц. Когда рождается новый ребенок, она узнает, мальчик это или девочка, и докладывает совету. Если это мальчик, птицы поют печальный хор: «Увы! Свист стрелы! Мои голени будут гореть», потому что птицы знают, что когда мальчик вырастет, он будет охотиться на них с помощью духового ружья и стрел и жарить их на палке.

Но если ребенок — девочка, они радуются и поют: «Спасибо! Звук пестика! В ее доме я смогу почесать там, где она подметает», потому что они знают, что через некоторое время смогут подбирать разбросанные зерна там, где она молотит кукурузу в муку.

Когда сверчок слышит, что родилась девочка, он тоже радуется и говорит: «Спасибо, я буду петь в доме, где она живет». Но если это мальчик, сверчок сетует: « » *« »* «*Gwe-he!* Он меня застрелит!

Он меня застрелит! Он меня застрелит!», потому что мальчики делают маленькие луки, чтобы стрелять в сверчков и кузнечиков.

Когда чероки спрашивают о поле новорожденного, они спрашивают: «Это лук или (мучной) сито?» или «Это мяч или хлеб?»

120. КРЕСТОВИНА

Из всех волшебников и ведьм чероки самым страшным является Ворон-издеватель (*Kâ'lanû Ahyeli'skĭ*), который лишает жизни умирающих. Они могут быть любого пола, и нет надежного способа их распознать, хотя обычно они выглядят увядшими и старыми, потому что добавили к своей жизни столько жизней других.

Ночью, когда кто-то в поселении болен или умирает, Ворон-издеватель прилетает туда, чтобы забрать жизнь. Он летит по воздуху в виде огненного образа, с распростертыми, как крылья, руками, оставляя за собой след из искр и сопровождаемый шумом, похожим на сильный ветер. Каждые несколько секунд, летя, он издает крик, похожий на крик ворона, когда он «ныряет» в воздухе — не похожий на обычный крик ворона — и те, кто слышит его ( ), боятся, потому что знают, что жизнь какого-то человека скоро угаснет. Когда Ворон-Издеватель приходит в дом, он находит там других своих сородичей, и, если там нет врача, который знает, как их прогнать, они входят внутрь, все невидимые, и пугают и мучают больного, пока не убьют его. Иногда для этого они даже поднимают его с постели и бросают на пол, но его друзья, которые находятся с ним, думают, что он просто задыхается.

После того, как ведьмы убивают его, они вынимают его сердце и съедают его, и таким образом добавляют к своей жизни столько дней или лет, сколько они отняли у него. Никто в комнате не может их увидеть, и на месте, где они вынимают сердце, не остается шрама, но в теле сердца уже нет. Только тот, кто имеет нужное лекарство, может распознать Ворона-насмешника, и если такой человек остается в комнате с больным, эти ведьмы боятся войти и отступают, как только его видят, потому что когда один из них узнается в своем истинном обличье, он должен умереть в течение семи дней. Жил-был человек по имени Гунскалиски, который обладал этим лекарством и охотился на Воронов-Посмешищ, убив нескольких из них. Когда друзья умирающего человека понимают, что надежды больше нет, они всегда стараются, чтобы один из этих знахарей остался в доме и наблюдал за телом до похорон, потому что после похорон ведьмы не крадут сердце.

Другие ведьмы завидуют воронам-издевателям и боятся входить в один дом с ними. Однажды человек, обладавший ведьминским лекарством, наблюдал за больным человеком и увидел, как другие ведьмы снаружи пытались войти в дом. Вдруг они услышали крик ворона-издевателя над головой, и остальные разбежались «как стая голубей, когда на них нападает ястреб». Когда наконец Raven Mocker умирает, другие ведьмы иногда мстят, выкапывая тело и оскорбляя его.

Следующая история рассказывается в резервации как реальное событие:

Один молодой человек был на охоте и возвращался домой, когда наступила ночь, а он еще был далеко от поселения. Он знал о доме недалеко от тропы , где жили старик и его жена, поэтому он повернул в ту сторону, чтобы найти место, где можно было бы переночевать до утра. Когда он подошел к дому, в нем никого не было. Он заглянул в аси и там тоже никого не нашел. Он подумал, что, возможно, они пошли за водой, и поэтому растянулся в дальнем углу, чтобы поспать. Вскоре он услышал крик ворона снаружи, а через некоторое время старик вошел в аси и сел у костра, не заметив молодого человека, который сидел неподвижно в темном углу. Вскоре снаружи снова раздался крик ворона, и старик сказал себе: «Теперь придет моя жена», и

действительно, через некоторое время старуха вошла и села рядом с мужем. Тогда молодой человек понял, что они были Вороньими насмешниками, испугался и вел себя очень тихо.

Старик спросил свою жену: «Ну, как тебе повезло?» «Никак», — ответила старуха, — «там было слишком много врачей, которые наблюдали за нами. А тебе как повезло?» «Я получил то, за чем пришел», — сказал старик, — «нет причин для неудачи, но тебе никогда не везет. Возьми это, приготовь, и давай покушаем». Она развела огонь, и молодой человек почувствовал запах жарящегося мяса, который показался ему слаще любого мяса, которое он когда-либо пробовал. Он выглянул одним глазом и увидел, что на вертеле жарится человеческое сердце.

Вдруг старуха спросила мужа: «Кто там в углу?» «Никто», — ответил старик. «Нет, кто-то есть», — сказала старуха, — «я слышу, как он храпит», — и она развела огонь, пока он не разгорелся и не осветил все помещение, и там, в углу, лежал молодой человек. Он молчал и притворялся спящим. Старик зашумел у костра, чтобы разбудить его, но тот все равно притворялся спящим. Тогда старик подошел к нему, потряс его, и тот сел и потер глаза, как будто он все это время спал.

Уже почти рассвело, и старуха была в другом доме, готовя завтрак, но охотник слышал, как она плакала. «Почему твоя жена плачет?» — спросил он старика. «О, она недавно потеряла нескольких друзей и чувствует себя одинокой», — ответил ее муж, но молодой человек знал, что она плакала, потому что слышал их разговор.

Когда они вышли на завтрак, старик поставил перед ним миску кукурузной каши и сказал: «Это все, что у нас есть — мы давно не ели мяса». После завтрака молодой человек снова отправился в путь, но, когда он прошел немного, старик побежал за ним с красивым изделием из бисера и дал его ему, сказав: «Возьми это и никому не рассказывай о том, что ты слышал прошлой ночью, потому что мы с женой всегда так ссоримся». Молодой человек взял изделие, но, дойдя до первого ручья, бросил его в воду и пошел дальше к поселению. Там он рассказал всю историю, и группа воинов отправилась с ним обратно, чтобы убить Воронов-насмешников. Когда они достигли того места, прошло семь дней с той ночи. Они нашли старика и его жену мертвыми в доме, поэтому подожгли его и сожгли вместе с ведьмами.

121. ИСТОЧНИК ГЕРБЕРТА

«От истока южного рукава реки Саванна до истока Миссисипи, протекающей через среднюю и верхнюю части территории племени чероки в северо-западном направлении, не более полумили, и, соединяясь с другими реками, они впадают в великую Миссисипи. Вышеупомянутый источник называется «Источник Герберта», названный в честь одного из первых комиссаров по делам индейцев, и для приезжих было естественно пить из него, чтобы утолить жажду, удовлетворить свое любопытство и сказать, что они пили французскую воду. Некоторые из наших людей, которые отправились туда с намерением остаться на короткое время, но по той или иной причине превысили назначенный срок, по возвращении сообщили, либо из веселья, либо из суеверия, что источник обладает таким естественным чарующим свойством, что любой, кто из него пьет, не может покинуть нацию в течение семи долгих лет. Все развратники с готовностью приняли это суеверное представление как оправдание своего плохого образа жизни, когда у них не было надлежащего повода оставаться в этой стране; и со временем оно стало такой же общепринятой истиной, как и все, что когда-либо говорил Дельфийский оракул. Один проклинал, потому что его очарование испортило его удачу; другой осуждал свою слабость за то, что выпил колдовское зелье, вопреки своим тайным подозрениям; один поклялся, что никогда больше не попробует такого опасного яда, даже если ему придется спуститься к Миссисипи за водой; а другой утешал себя тем, что из семи лет уже прошло столько-то, и желал, чтобы, если он когда-нибудь снова его попробует, пусть даже по крайней необходимости, его заточили в воды Стикса. Те, кто был более

широкого ума, развлекались за их счет, потому что это место было очень популярным благодаря своему названию; и, будучи хорошо расположенным и имея хороший источник, все путешественники обычно выпивали там бутылку избранного вина. Но теперь большинство вьючных всадников, хотя они и были сухими, а также беспрецедентными сыновьями Бахуса, при самых настойчивых приглашениях выпить там, клялись лишиться священного напитка на большую часть своей жизни, чем подло возобновить или подтвердить утрату своей свободы, которую вызывает этот проклятый источник». — Адаир, «Американские индейцы», стр. 231, 1775.

122. МЕСТНЫЕ ЛЕГЕНДЫ СЕВЕРНОЙ КАРОЛИНЫ

В основном благодаря тому, что чероки по-прежнему занимают западную часть Северной Каролины, существующие местные легенды об этом регионе более многочисленны, чем о всей остальной части их древней территории. Более важные легенды см. в рассказах: «Поиски Агануници Уктена», «Атагахи», «Перевозчик конопли», «Источник Герберта», «Канаста», «Великая пиявка Тланусии», Великая желтая шершка, Нуньнехи, Набег на Тиквалици, Унесенные таунхаусы, Духовные защитники Никваси, Увцунта, Цулкалу, Цувенах, Утлунта.

AKWĚ'TI'YĬ: Место на реке Тукасеги, в округе Джексон, между ручьем Дика и верхним концом туннеля Коуи. Согласно преданию, в реке обитало опасное водное чудовище. Значение названия утрачено.

БЮРО АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОЛОГИИ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ PL. XIX

ФОТОГРАФИЯ АВТОРА, 1888 Г.

НА РЕКЕ ОКОНАЛУФТИ

ATSI'LA-WA'Ĭ: «Родственник огня», вершина, иногда называемая «Гребень гремучей змеи», к востоку от реки Оконалуфти и примерно в 2 милях к северо-востоку от Чероки или Йеллоу-Хилл, в округе Свейн. Названа так по преданию, что однажды был замечен огненный шар, летевший по воздуху из направления Хайлендс ( ) в округе Мейкон и приземлившийся на этой горе. Индейцы

верят, что это был ulûñsûtĭ (см. номер 50), который его владелец хранил в тайнике на вершине, откуда после его смерти он выходил каждую ночь, чтобы искать его.

Черная скала: очень высокая голая вершина в направлении истока ручья Скотта, к северо-востоку от Вебстера, на границе округов Джексон и Хейвуд. Эта вершина или соседний холм Джонс, такой же высоты, известны чероки как Ûñ′wădâ-tsu‘gilasûñ′, «Место, где был снесен склад», из-за большой плоской скалы, поддерживаемой четырьмя другими скалами, так что она напоминала склад (*ûñwădâ′lĭ*), воздвигнутый на столбах, который раньше был хорошо виден на вершине, пока его не сбросила молния около пятидесяти лет назад.

Буффало-Крик, Западный: приток реки Чеова в округе Грэм. Название чероки — Yûnsâi′ĭ, «Место буйволов», от предания о том, что буйволы когда-то жили под водой у его устья (см. Tsuta′tsinasûñ′yĭ).

Чеова Максимум: Лысая гора у истоков реки Чеова, на границе округов Грэм и Мейкон. Эта гора и соседний пик Свим Болд вместе называются Севатеи, «Место шершней», по имени гигантских шершней, которые, согласно преданию, когда-то гнездились там и которых можно было увидеть, летающих над верхушками деревьев или греющихся на солнце на голых участках, и которые были настолько свирепы, что прогоняли всех, кто приближался к горе. В конце концов они исчезли.

Дакваи: «Место Даква», на реке Френч-Брод, примерно в 6 милях выше Уорм-Спрингс, в округе Мэдисон, и в 30 милях ниже Эшвилла. Говорят, что в этом месте в реке жила даква, или гигантская рыба.

Да′нава-(а) Са′цуньи: «Военный переход», брод на реке Чеова примерно в 3 милях ниже Роббинсвилля, в округе Грэм. Враждебная воинская группа с севера, вероятно, шауно или ирокезы, убив человека на Чеове, была преследуема и пересекла реку в этом месте.

Датле′яста′и: «Место, где они упали», на реке Тукасеги, на изгибе выше Вебстера, в округе Джексон, где раньше находился старый город Ганса′ги (Конасауга). Однажды два больших уктена, переплетенных друг с другом, как будто в бою, поднялись из глубокой ямы в реке и упали обратно в воду.

Дации: «Место Даци», чуть выше Игл-Крик, на реке Литл-Теннесси, между округами Грэм и Свейн. Названо в честь традиционного водного чудовища с таким именем, которое, как говорят, жило в глубокой яме в русле реки.

Дегалгуньи: «Место, где они сложены», серия каменных пирамид по обеим сторонам тропы, идущей по южному берегу реки Чеова, в округе Грэм. Они простираются вдоль тропы на несколько миль, от нижней части ручья Сантитла почти до ручья Слик-Рок, на границе с Теннесси (первый из них, « », находится чуть выше Disgâ′gisti′yĭ, см. там же), и, вероятно, отмечают место древней битвы. По крайней мере один из них, расположенный недалеко от ручья Йеллоу, считается могилой чероки, убитого врагом. Каждый проходящий индеец бросает по одному камню на каждую кучу, веря, что, если он пренебрежет этой обязанностью, его постигнет несчастье. Другие каменные кучи находятся на западной стороне ручья Слик-Рок, примерно в миле от реки Литл-Теннесси, а другие — к югу от Роббинсвилля, недалеко от места, где тропа пересекает хребет к Вэллитауну, в округе Чероки.

Дидаскасти: «Где они боялись друг друга» — место на восточной стороне реки Литл-Теннесси, недалеко от устья ручья Аларка, в округе Свейн. Однажды, до переселения, там должна была состояться игра в мяч между соперничающими командами из Куаллы и Вэллитауна, но она была отменена из-за взаимного страха обеих сторон.

DISGÂ′GISTI′YĬ: «Где они грызут», место, где тропа, идущая по южной стороне реки Чеова, пересекает небольшой ручей примерно на полпути между ручьями Кокрам и Йеллоу в округе Грэм. Проходящие индейцы грызут здесь веточки лавровых кустов, веря, что если они этого не сделают, то перед переходом следующего хребта их постигнет какое-то несчастье. Рядом находится каменный курган, к которому каждый также добавляет камень (см. Degal‘gûñ′yĭ).

DUDUÑ′LĚKSÛÑ′YĬ: «Место, где были сломаны ноги» — место на восточном берегу реки Такасиги, напротив устья реки Каллоухи, в нескольких милях выше Вебстера, в округе Джексон. Название указывает на традицию, которая, по-видимому, утрачена.

ДУЛАСТУНЬИ: «Место черепков», бывшее поселение на реке Ноттели, в округе Чероки, недалеко от границы с Джорджией. Капитан команды по игре в мяч, полукровка чероки, который раньше жил там, Джон Батлер или Цан-угасита (Кислый Джон), потерпев поражение в игре, с презрением сказал своим людям, что они не более полезны, чем разбитые горшки.

ДУНИДУЛАЛУНЬИ: «Место, где делали стрелы», на ручье Стрейт, верховье реки Оконалуфти, недалеко от пика Каталучи, в округе Свейн. Военный отряд шауно, направлявшийся против чероки, пересек горы Смоки и остановился там, чтобы изготовить стрелы.

РЕКА ФРЕНЧ-БРОД: Один журнальный писатель утверждает, что индейцы называли эту реку «рекой-гонщицей». Это верно лишь отчасти. У чероки нет названия для реки в целом, но район, через который она протекает около Ашвилла, они называют Унтакиясти, «где они гонятся». Название города они переводят как Касду, «место пепла».

ГАКАТИ′И: «Место освобождения», южный изгиб реки Такасиги примерно в 3 милях выше города Брайсон-Сити, в округе Свейн. Иногда оно употребляется во множественном числе, Дига′катии, «Место их освобождения». В одной из своих старых войн чероки великодушно освободили там некоторых пленников.

ГАТУТИ′И: «Место строительства города», недалеко от истока ручья Сантитла, к юго-западу от Роббинсвилля, в округе Грэм. Высоко на склонах соседней горы, Страттон Болд, находится широкая «площадка», где люди когда-то начали строить поселение, но были напуганы странным шумом, который, как они думали, был произведен уктеной.

ГИЛИ-ДИНЕХУНЬИ: «Место, где живут собаки», глубокое место в реке Оконалуфти, округ Свейн, недалеко от Йеллоу-Хилл (чероки) и чуть ниже кургана. Названо так по преданию, что однажды там видели двух «красных собак», играющих на берегу. Считалось, что они живут под водой.

GISEHÛÑ′YĬ: «Место, где живет женщина», на реке Такасиги, примерно в 2 милях выше города Брайсон-Сити, округ Свейн. Существует предание, что там видели каких-то сверхъестественных «белых людей», которые стирали одежду в реке и вешали ее на берегу для просушки. Вероятно, это была семья Агис′-е′гва, или «Великой Женщины», духа, вызываемого чародеями.

GREGORY BALD: высокая вершина гор Great Smoky на западной границе округа Свейн, граничащего с Теннесси. Чероки называют ее Tsistu′yĭ, «Место кроликов». Здесь кролики имели свой городской дом и здесь жил их вождь, Великий Кролик, и в старые времена люди могли его видеть. Он был величиной с оленя, и все маленькие кролики подчинялись ему.

ДЖОАННА БОЛД: Голая гора у истоков реки Вэлли, на границе округов Грэм и Чероки. Называется Diyâ′hăli′yĭ, «Место ящериц», от традиционной большой ящерицы с блестящей шеей, которая обитала в этом месте и часто грелась на солнце на каменистых склонах.

СТАРЫЕ ПОЛЯ ДЖУТАКУЛЛА: Лысина площадью около ста акров на склоне Теннесси Болд (Tsul‘kălû′ Tsunegûñ′yĭ), в самом верху реки Тукасеги, в округе Джексон, на хребте, от которого расходятся линии округов Хейвуд, Джексон и Трансильвания. Великан Цулкалу, или Джутакулла, как его имя исказили белые, жил в горах (см. рассказ), и согласно местной легенде среди белых, которая, как говорят, происходит от индейцев, это лысое место было поляной, которую он расчистил для фермы. Немного дальше к западу, на северном берегу Кань-Форк, примерно в 1 миле выше Мозес-Крик и, возможно, в 10 милях выше Вебстера, в том же округе, находится скала Джутакулла — большая плита из мыльного камня, покрытая грубыми вырезанными узорами, которые, согласно той же традиции, являются царапинами, сделанными великаном, когда он прыгал со своей фермы на горе к ручью внизу.

СКАЛА ДЖУТАКУЛЛА: см. Старые поля Джутакулла.

KÂL-DETSI′YÛÑYĬ: «Где находятся кости», ущелье на северном берегу реки Чеова, чуть выше устья ручья Ист-Баффало, в округе Грэм. В старину здесь были убиты два чероки врагом по имени Эн-Кал-Детси ( ), и их судьба оставалась неизвестной до тех пор, пока спустя долгое время их друзья не нашли их кости, разбросанные по ущелью.

NANTAHALA: река и хребет очень крутых гор в округе Макон, название является искажением Nûñ′dăye′‘lĭ, применяемого к бывшему поселению около устья ручья Briertown, городской дом находился на западной стороне реки, примерно в районе нынешнего Jarretts. Это слово означает «среднее солнце», т. е. «полуденное солнце», от *nûñdă′*, «солнце», и *aye′‘lĭ*, «середина», и относится к тому факту, что в некоторых местах вдоль ручья высокие утесы закрывают прямой солнечный свет почти до полудня. Из-за ложного представления, что оно происходит от *unûñtĭ*, «молоко», оно было фантазийно переведено как «центр женской груди», «грудь девушки» и т. д. Долина была легендарным пристанищем Uw’tsûñ′ta (см. номер 45). Чтобы проиллюстрировать крутизну утесов вдоль ручья, рассказывали о знаменитом охотнике Цастави, который жил в старом городе, что он стоял на вершине утеса, возвышающегося над поселением, и бросал на крышу своего дома печень только что убитого оленя, чтобы его жена приготовила ее к тому времени, когда он спустится с горы.

НУГАЦАННИ: хребет ниже Желтого холма (чероки) на реке Оконалуфти в округе Свейн, который, как говорят, является местом обитания фей Нуньнехи. Это слово является архаичной формой, обозначающей высокий хребет с длинным пологим склоном.

КВАЛЛА: почтовое отделение и бывшая торговая станция в округе Джексон, на границе нынешней резервации Восточных Чероки, поэтому иногда называемая резервацией Квалла. Черокийская форма — Kwalĭ, или Kwalûñyĭ в местном падеже. По словам капитана Террелла, бывшего торговца в этом месте, оно было названо в честь Kwalĭ, т. е. Полли, старой индианской женщины, которая жила там около шестидесяти лет назад.

САЛИГУГИ: «Место черепах», глубокая яма в реке Оконалуфти, примерно в полумиле ниже ручья Адамс, недалеко от Уиттиера, в округе Свейн, которая, как говорят, является пристанищем гигантской черепахи.

СКВАН-ДИГУНЬИ: от Аскван-дигуньи, «где испанец в воде», на ручье Соко, чуть выше впадения ручья Райт, в округе Джексон. Согласно преданию, группа испанцев, продвигавшаяся в горы, была здесь атакована чероки, которые бросили одного из них (мертвого?) в ручей.

СОКО-ГЭП: Ахлуна, Эхлунуньи или Унихлуна, «Засада» или «Место, где они устроили засаду»; у истоков ручья Соко, на границе округов Свейн и Хейвуд. Тропа от реки Пиджен пересекает этот

перевал, и в старину чероки привыкли держать здесь дозор, чтобы следить за приближением врагов с севера. В случае, который дал ему название, они устроили здесь, чуть ниже перевала, на стороне Хейвуда, засаду на большую группу вторгшихся шауно и убили всех, кроме одного, которому отрезали уши, после чего, согласно обычаю ( ), отпустили его, чтобы он передал новость своему народу.

STANDING INDIAN: высокая голая вершина на самом верху реки Нантахала, в округе Мейкон. Название является переводом черокийского названия Yûñ′wĭ-tsulenûñ′yĭ, «Где стоял человек» (первоначально Yû′ñwĭ-dĭkatâgûñ′yĭ, «Где стоит человек»), данного ему из-за скалы необычной формы, которая раньше выступала из лысой вершины, но теперь откололась. По мере того как старые воспоминания стирались, возникла традиция о таинственном существе, которое когда-то видели стоящим на вершине горы.

СТЕКОА: место на реке Тукасеги, чуть выше Уиттиера, в округе Свейн, более известное как ферма Томаса, поскольку здесь долгое время проживал полковник У. Х. Томас, агент Восточных чероки. Правильная форма — Стикайи, название древнего поселения в этом месте, а также другого поселения на ручье с таким же названием в округе Рабун, штат Джорджия. Это слово было неправильно переведено как «маленькая смазка» от *usdi'ga* или *usdi'*, «маленький», и *ka'ĭ*, «смазка» или «масло», но истинное значение было утрачено.

СВАННАНОА: река, впадающая в Френч-Брод в Эшвилле, и проход в горах Блу-Ридж у ее истоков. Один журнальный писатель перевел это название как «красивая». Однако это слово является искажением Suwa′li-nûñnâ′(-hĭ), «тропа Сували», названия чероки, не реки, а тропы, пересекающей ущелье в сторону страны Ани′-Сували или Черау (см. номер 104, «Восточные племена»).

СВИМ БОЛД ИЛИ ВОЛЬФ КРИК БОЛД. См. Чеова Максимум.

TSI′SKWUNSDI′-ADSISTI′YĬ: «Место, где убили Маленькую птицу», место недалеко от истока ручья West Buffalo, к юго-западу от Роббинсвилля, в округе Грэм. Недалеко от этого места через хребет проходит тропа, названная в честь человека, который был убит здесь вражеским отрядом в старые времена войн.

ЦУ'ДИНУНТИ'И: «Место, где бросили», место бывшего поселения в излучине на западном берегу реки Нантахала, в пределах округа Мейкон. Названо так по преданию, что чероки, преследуемый врагом, бросил там свое снаряжение.

TSUKILÛÑNÛÑ′YĬ: «Место, где он приземлился», два небольших лысых пятна на склоне горы у истока ручья Литтл Сноуберд, к юго-западу от Роббинсвилля, в округе Грэм. Однажды было замечено таинственное существо в виде гиганта с головой, сияющей как солнце, которое пролетело по воздуху, приземлилось в этом месте и некоторое время стояло, глядя на окружающий пейзаж. Затем оно улетело, и когда люди подошли посмотреть, они обнаружили, что трава на месте, где оно стояло, сгорела. Они не знают, кто это был, но некоторые думают, что это могло быть Солнце.

ЦУЛАСИНУНЬИ: «Где находится след», на реке Тукасеги, примерно в миле выше Дип-Крик, в округе Свейн. Скалы, которые сейчас называют Цунданильти ( ), были взорваны, чтобы проложить путь для железной дороги, на которых, как говорят, были отпечатки следов гиганта Цулкалу (см. рассказ) и оленя.

TSUNDA‘NILTI′YĬ: «Где они требовали от него долг», прекрасное место для кемпинга, на северной стороне ручья Литтл Сантитла, примерно на полпути, к западу от Роббинсвилля, округ Грэм. Здесь

однажды охотник убил оленя, который был потребован другими членами группы в качестве оплаты задолженности. Чероки обычно называют ручей тем же именем.

Цутага Увейюньи: «Куриный ручей», крайний восточный приток реки Нантахала, впадающий примерно в 4 милях выше Клир-Бранч, в округе Мейкон. Назван так по истории о том, что несколько охотников, разбивших там лагерь на ночь, однажды услышали шум, похожий на постоянное кукареканье кур на высокой скале выше по течению.

Tsuta′tsinâsûñ′yĭ: «Место, где образуются водовороты», глубокая яма в устье ручья Кокрам реки Чеова в округе Грэм, где, по преданию, водовороты образуются из-за буйвола, живущего под водой в этом месте, который в древности обитал в устье ручья Вест-Буффало, выше по течению реки.

Тусквити-Болд: Лысая гора у истоков ручья Тусквити, к востоку от Хейсвилля, в округе Клэй. Название на языке чероки — Tsuwă′-uniyetsûñ′yĭ, «Где смеялись водяные собаки», — водяная собака южных Аллеганов, иногда также называемая грязевым щенком или адским бондаром, представляет собой крупную амфибию или саламандру рода *Menopoma*, обитающую в грязных водах. Согласно легенде, однажды охотник, пересекавший гору в очень засушливый сезон, услышал голоса и, тихо подкравшись к месту, откуда доносился звук, заглянул за камень и увидел двух водяных собак, идущих вместе на задних лапах по тропе и разговаривающих по дороге. Их пруд высох, и они направлялись к реке Нантахала. Пока он слушал, одна из них сказала другой: «Где вода? Я так хочу пить, что у меня даже фартук (жабры) свисает», — и тогда оба водяных пса рассмеялись.

Уктена-цуганунцатунйи: «Место, где застрял уктена», место на реке Тукасеги, примерно в 2 милях выше Дип-Крик, недалеко от Брайсон-Сити, в округе Свейн. Существует предание, что уктена, пытаясь пробраться вверх по течению, застрял здесь и в своих попытках поднял несколько больших камней, которые теперь лежат на дне реки, и оставил глубокие царапины на других камнях вдоль берега.

Ukte′na-utansi′nastûñ′yĭ: «Место, где полз уктена», большой камень на ферме Хайатт, на северном берегу реки Такасиги, примерно в четырех милях выше Брайсон-Сити, в округе Свейн. На каменном дне русла и вдоль камней по бокам видны волнистые углубления, которые, как говорят, были сделаны уктеной, поднимаясь вверх по реке.

Untlasgâsti′yĭ: «Где они царапались», в верховьях ручья Хайатт, реки Вэлли, в округе Чероки. Согласно охотничьей традиции , каждое животное, прибывая в это место, привычно царапало землю, как индейка.

Ручей Венджанс: южный приток реки Вэлли в округе Чероки. Назван так первыми поселенцами в честь старой индианской женщины, которая жила там и которую они прозвали «Венджанс» из-за ее сурового взгляда. Чероки называют этот район Гансатии, «Место грабежа», потому что во время революции они ограбили там торговца.

Ущелье Вайя: ущелье в горах Нантахала, в округе Мейкон, где тропа пересекает ручей Лорел реки Нантахала и ручей Картугаджа реки Литл Теннесси. Чероки называют его Атахита, «Место криков». О традиции см. номер 13. Это было место упорного сражения во время революции (см. стр. 49). Название Вайя, по-видимому, происходит от слова чероки *wă′ʻya*, «волк».

Вебстер: административный центр округа Джексон, на реке Такасиги. Известен чероки как Унаданти, «Место, где они колдовали». Название правильно относится к проходу в 3 милях к востоку от Вебстера, на тропе, ведущей вверх по ручью Скоттс. Согласно традиции, воинская

группа шавано, идущая со стороны реки Пиджен, остановилась здесь, чтобы «сделать лекарство» против чероки, но, занимаясь этим, была застигнута врасплох последними, которые подошли сзади и убили нескольких, включая колдуна.

Яну-динехуньи: «Место, где живут медведи», на реке Оконалуфти, примерно в миле выше ее слияния с рекой Такасеги, в округе Свейн. Говорят, что в этом месте на дне реки в глубокой яме живет семья «водных медведей».

Яну-унатавасти: «Место, где купаются медведи», небольшой пруд с очень холодной, пурпурной водой, который не имеет стока и сейчас почти высох, в ущелье гор Грейт-Смоки, в самом верху Равен-Форк реки Оконалуфти, в округе Свейн. Говорили, что это было любимое место медведей для купания, и, по некоторым сведениям, его воды обладали теми же свойствами, что и воды Атагахи (см. номер 69).

Яваи: «Место Ява», место на южной стороне ручья Йеллоу-Крик реки Чеова, в округе Грэм, примерно в миле выше пересечения тропы у устья ручья. Легенда гласит, что таинственная личность, по-видимому, человек, ранее обитала на круглом холме неподалеку и иногда была замечена, бродящей по вершине холма и кричащей: *«Ява! Ява!»*, в то время как с холма доносился звук невидимых выстрелов, так что люди боялись приближаться к нему.

123. МЕСТНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ЮЖНОЙ КАРОЛИНЫ

Поскольку еще в 1777 году чероки покинули всю Южную Каролину, за исключением небольшой полосы на крайнем западе, память о старых легендах, связанных с этим штатом, полностью исчезла из сознания племени. Однако остались некоторые местные названия, на основе которых белые, унаследовавшие , создали традиции, достоверность которых вызывает сомнения.

В округах Пикенс и Андерсон, в северо-западной части штата, находится ряд ручьев, впадающих в реку Кеоуи и названных, соответственно, сверху вниз, Майл, Шесть миль, Двенадцать миль, Восемнадцать миль, Двадцать три мили и Двадцать шесть миль. Согласно местной легенде, они были так названы молодой женщиной во время одной из ранних индейских войн, когда она пересекала каждый брод на быстром скакуне, спеша в нижние поселения за помощью для осажденного гарнизона форта Принц Джордж. На самом деле эти названия восходят почти к первому основанию колонии и были призваны обозначить примерное расстояние по старому торговому пути от форта Девяносто шесть на ручье Хенлис реки Салуда до Кеоуи, в то время пограничного города нации чероки, поскольку эти два пункта считались удаленными друг от друга на 96 миль по маршруту. Форт Принц Джордж находился на восточном берегу реки Кеоуи, недалеко от впадения ручья Кроу, прямо напротив индейского поселения.

Коннеросс: название ручья, впадающего в реку Кеоуи (или Сенека) с запада, в округе Андерсон; это искаженная форма нижнечерокийского диалекта Kăwân′-urâ′sûñyĭ или Kăwân′-tsurâ′-sûñyĭ, «где упала утка». Согласно сохранившейся традиции чероки, однажды утка устроила гнездо на утесе над ручьем в пещере, вход в которую был расположен так, что, покидая гнездо, она казалась падающей с утеса в воду. Вероятно, существовало индейское поселение с таким же названием:

Токсауэй: название ручья и бывшего поселения чероки в самом верховье реки Кеоуи; оно было неправильно переведено как «Место проливания слез» от *daksăwa'ihû*, «он проливает слезы».

Правильная форма названия на языке чероки — Dûksa′ĩ или Dûkw’sa′ĩ, слово, которое не поддается анализу и значение которого в настоящее время утрачено.

124. МЕСТНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ТЕННЕССИ

Более важные легенды, связанные с Теннесси, см. в рассказах «Охотник в Даква», «Гнездо Тланува», «Перенесенные таунхаусы», «Призрачный водоворот», «Унцайи» и «Утлунта».

Скала «Следы буйвола»: эта скала, индейское название которой в настоящее время утрачено, неопределенно упоминается как расположенная к юго-западу от ущелья Камберленд, на северной границе штата. По словам Уэффорда, около восьмидесяти лет назад она была хорошо известна старым охотникам чероки, которые описывали ее как покрытую глубокими отпечатками, оставленными буйволами, бежавшими по скале и затем, как в безумной ярости, ударявшимися головами о каменную стену, оставляя отпечатки своих голов и рогов на камне.

Чаттануга: этот город на реке Теннесси, недалеко от входа в одноименный ручей в округе Гамильтон ( ), был основан в 1848 году. Насколько известно, в этом месте не было поселения чероки, хотя некоторые видные деятели племени жили в окрестностях. Изначально это название принадлежало какому-то месту на берегу ручья. Чероки произносят его как Tsatănu′gĭ, но говорят, что это не черокийское слово и не имеет значения в их языке. Наиболее авторитетные источники высказывают мнение, что оно происходит из языка чикасо (чокто), что вполне возможно, поскольку в древности земли чикасо простирались на значительное расстояние вверх по течению Теннесси, а ближайшее поселение находилось в 80 милях от нынешнего города. Чероки иногда называют город A‘tlă′nuwă′, «Tlă′nuwă (Ястреб) нора», что является их старым названием утеса на южной стороне реки у подножия нынешней Маркет-стрит. Вероятно, из этого обстоятельства и возникло утверждение одного журнального писателя, что название Чаттануга означает «Гнездо ворона».

Чикамауга: название двух ручьев в округе Гамильтон, впадающих в реку Теннесси с противоположных сторон в нескольких милях выше Чаттануги. Ручей с таким же названием является одним из истоков реки Чаттахучи в округе Уайт, штат Джорджия. Чероки произносят его как Tsĭkăma′gĭ, применяя это название в Теннесси к территории около устья южного, или главного, рукава, где раньше у них был город, из которого они переселились в 1782 году. Однако они утверждают, что это не слово из языка чероки и не имеет значения в их языке. Филсон в 1793 году ошибочно утверждает, что оно происходит из языка чероки и означает «кипящий котел», имея в виду опасный водоворот в реке поблизости, а более поздние авторы исправили эту ошибку, переведя его как «водоворот». Ошибка возникла из-за путаницы этого места с The Suck, водоворотом в реке Теннесси, расположенным на 15 миль ниже по течению и известным чероки как Ûñtiguhĭ′, «Кастрюля в воде» (см. номер 63, «Ûñtsaiyĭ′, азартный игрок»). Из-за ожесточенных боев в этом районе во время Гражданской войны реку иногда поэтично называли «Рекой смерти», и этот термин часто использовался в качестве перевода индейского слова. Было высказано предположение, что название происходит от алгонкинского слова, обозначающего место для рыбалки или ловли рыбы копьем, и в этом случае оно могло возникнуть у шавано, которые ранее занимали среднюю часть Теннесси, а некоторые из них в более поздний период проживали вместе с чероки в поселениях вдоль этой части реки. Если не от шавано, то, вероятно, от криков или чикасо.

Что касается «ущелья Чикамауга», каньона на северном рукаве реки с таким же названием, то один газетный журналист приводит следующую так называемую легенду, которая, разумеется, не является подлинной:

Чероки были племенем, необычайно богатым традициями, и, конечно же, такое дикое, мрачное и замечательное место не могло обойтись без легенды. Потомки изгнанных полуварваров до сих пор верят, что в давние времена великий змей сделал ущелье своим логовом ( ) и что ежегодно он требовал от краснокожих десяти самых красивых девушек в качестве жертвоприношения. Опасаясь истребления, племя всегда выполняло это требование, среди рыданий и стенаний женщин. За день до , когда должен был быть

принесен дань, змей объявлял о своем присутствии демоническим шипением, а на следующее утро избранные для спасения племени красавицы были отведены на вершину утеса и оставлены, чтобы быть проглоченными чешуйчатым Молохом.

ЧИЛХОУИ: гора и станция на северном берегу реки Литл-Теннесси, в округе Блаунт. Правильная форма на языке чероки — Tsû‘lûñwe'ĭ, применяемая к нижней части ручья Абрамс, который впадает в реку с севера чуть выше. Значение слова утрачено, хотя, возможно, оно имеет отношение к *tsû‘lû*, «зимородок». Оно было неправильно переведено как «огненный олень», интерпретация, основанная на ложном предположении, что название состоит из *atsi'la*, «огонь», и *a‘wĭ'*, «олень», откуда и происходит Chil-howee. Легенды, связанные с этой местностью, см. в рассказах, упомянутых выше. Чилхоуи также встречается как название ручья в горах юго-западной Вирджинии.

ЛЕНОР: на северном берегу главного русла Теннесси, у слияния с Малым Теннесси, в округе Лаудон. Название на языке чероки — Wa'gĭnsĭ', значение которого утрачено, первоначально применялось к водовороту в русле, где, как говорили, обитала большая змея, увидеть которую было предзнаменованием зла. Однажды человек, пересекавший реку в этом месте, увидел змею в воде и вскоре после этого потерял одного из своих детей.

МОРГАНТОН: На скалистом холме на старом индейском тропе на западном берегу реки Литл-Теннесси, выше и почти напротив Моргантона, в округе Лаудон, находятся, или находились несколько лет назад, четыре дерева, на которых были сделаны странные надписи, о которых индейцы рассказывали несколько неубедительных историй, причем наиболее распространенным мнением было, что эти надписи были очень старыми и были сделаны индейцами, чтобы обозначить местонахождение скрытых рудников.

НЭШВИЛЛ: Столица штата, в округе Дэвидсон. Название на языке чероки — Dăgû'năwelă'hĭ, «Место мидийной печени», которое, по-видимому, произошло от какой-то теперь забытой легенды.

НИКАДЖЕК: ручей, впадающий в реку Теннесси с юга примерно в 15 милях ниже Чаттануги. Рядом с его устьем находится известная пещера с таким же названием. В языке чероки это слово звучит как Nĭkutse'gĭ и является названием бывшего поселения этого племени в устье ручья, но в этом языке оно не имеет значения и, вероятно, имеет иностранное, возможно, чикасо, происхождение. Происхождение от имени некоего «Ниггер Джека», который, как говорят, сделал пещеру своей штаб-квартирой, является чисто вымышленным.

САВАННА: ферма на северном берегу реки Хивасси у брода с тем же названием, примерно в 5 милях выше ручья Конасауга и Колумбуса, в округе Полк. Здесь находятся обширные остатки древнего поселения, включая курганы, кладбище, а также, около семидесяти лет назад, небольшое квадратное ограждение или «форт» из необработанного камня ( ). Согласно преданию, переданному Уэффорду, чероки когда-то устроили здесь засаду на вражескую военную группу, которую они ожидали у реки, но сами были разгромлены врагом, который обошел Черную гору и напал на их тыл.

ТЕННЕССИ: Название чероки — Tănăsĭ' — применялось к нескольким населенным пунктам на старой территории племени. Самый важный город с таким названием находился на южном берегу реки Литл-Теннесси, на полпути между ручьями Ситико и Токо, в округе Монро, штат Теннесси. Другой находился на южной стороне Хивасси, чуть выше слияния с Окои, в округе Полк, штат Теннесси. Третий район с таким же названием находился на ручье Теннесси, в крайней восточной части реки Тукасиги, в округе Джексон, штат Северная Каролина. Значение этого названия утрачено. Это не было индейское название реки и не означает «Большая ложка», как было неверно утверждено.

125. МЕСТНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ГРУЗИИ

Более важные легенды, связанные с Джорджией, см. в рассказах «Яхула», «Нуньнехи», «Уступли», «Поиски Аган-унитси Уктена» и «Человек, который женился на сестре Грома». Исторические сборники Уайта о Джорджии содержат ряд псевдомифов.

Срубленный дуб: известное дерево, покрытое сотнями следов от топоров, ранее находившееся в округе Хабершем, в 6 милях к востоку от Кларксвилля, на вершине хребта Чаттахучи и на северной стороне дороги от Кларксвилля до ручья Токкоа. Название на языке чероки — Дигалуятюньи, «где оно изрезано топорами». Это было излюбленное место сбора индейцев, а также первых поселенцев, по словам которых рубцы были отметками, с помощью которых индейцы вели учет скальпов, взятых в своих набегах. Эта традиция передана Уайтом (Исторические сборники Джорджии, стр. 489, 1855) на основании более ранних источников:

Среди достопримечательностей этой страны был «Рубленный дуб», дерево, известное в индейской истории и в традициях первых поселенцев. Это дерево стояло примерно в 6 милях к юго-востоку от Кларксвилля и было известно как «Место закона», или место проведения собраний компаний и заседаний магистратских судов. Согласно традиции, «Рубленный дуб» был знаменитым местом сбора индейцев перед их грабительскими походами, поскольку находился на пересечении нескольких троп. Здесь они составляли планы военных действий, здесь несколько отрядов разделялись, и здесь, по возвращении, они ждали друг друга; затем, своим кратким языком, они сообщали о результатах своих предприятий, и за каждый взятый скальп делали надрез на дереве. Если традиция говорит правду, и каждый шрам на срубленном дубе означает один скальп, то успех их разведывательных отрядов должен был быть велик. Это дерево было живым еще несколько лет назад, когда молодой человек, обладающий всеми предрассудками своих соотечественников и заботящийся меньше о традициях индейцев, чем о своей мести, убил дерево, обрубив его, чтобы оно больше не было живым памятником жестокости дикарей. Пень все еще стоит.

Ущелье Мертвеца: в миле ниже водопада Таллула, на западной стороне железной дороги, в округе Хабершем. Названо так из-за бывшей индейской могилы, которая сейчас почти стерта. Согласно легенде, это была могила индейца, убитого здесь, когда он сбежал с белой женщиной, которую он похитил у ее мужа.

Фрогтаун: ручей в верховьях реки Честати, к северу от Далонеги, в округе Лампкин. Название на языке чероки — Walâsi′yĭ, «Место лягушек». Изначально это название применялось к горе на северо-востоке (Скала?), согласно преданию, что однажды охотник видел там лягушку размером с дом. Индейское поселение вдоль ручья носило то же название.

Hiwassee: река, берущая начало в округе Таунс, на севере Джорджии, и текущая на северо-запад, где впадает в Теннесси. Правильная форма на языке чероки, применявшаяся к двум бывшим поселениям на берегу реки, — Ayuhwa′sĭ (что означает «саванна»). Хотя с этим названием не связано никакого особого черокийского рассказа, Уайт (Исторические сборники Джорджии, стр. 660) делает его предметом длинного псевдомифа, в котором Хивасси, переводимой как «Прекрасная олениха», является красивой дочерью вождя катавба, которую ухаживает и в конце концов завоевывает молодой воин чероки по имени Нотли, «Смелый всадник», который в итоге становится главным вождем чероки и добивается вечного мира между двумя племенами. История звучит очень красиво, но является чистым вымыслом.

Накучи: деревня на месте бывшего поселения чероки, в красивой и плодородной долине с таким же названием у истоков реки Чаттахучи, в округе Уайт. Черокийская форма — Nagu‘tsĭ′, но это слово не имеет значения в этом языке и, по-видимому, имеет иностранное, возможно, крикское происхождение. Примерно в 2 милях выше деревни, на восточном берегу реки, находится большой курган. Уайт (Исторические сборники Джорджии, стр. 486) цитирует вымышленную легенду, согласно которой Накучи, «Вечерняя звезда», была красивой индейской принцессой, которая, к несчастью, влюбилась в вождя враждебного племени и была убита вместе со своим

возлюбленным, спасаясь от мести разгневанного отца. Оба были похоронены в одной могиле, и над этим местом был возведен курган. Единственная доля правды в этой истории заключается в том, что название имеет небольшое сходство с *năkwĭsĭ′*, черокийским словом, означающим «звезда».

НОТТЛИ: река, берущая начало в округе Юнион и текущая на северо-запад в Хивасси. Форма на языке чероки — Na′dû‘lĭ′, применяется к бывшему поселению на западном берегу реки, в округе Чероки, Северная Каролина, примерно в миле от границы с Джорджией. Хотя это слово напоминает *na‘tû‘lĭ*, «пряное дерево», оно является другим словом и не имеет значения в языке чероки, будучи, по-видимому, иностранного, возможно, крикского, происхождения. Псевдомиф, связанный с этим названием, см. в предыдущем примечании к Хивасси.

TALKING ROCK: ручей в верхней части Джорджии, текущий на север и впадающий в реку Coosawatee. Индейские поселения на его берегах считались принадлежащими Сандерстауну, расположенному в нижней части ручья, где городской дом находился примерно в миле выше нынешней станции Talking Rock на западной стороне железной дороги. Название является переводом с языка чероки Nûñyû′-gûñwani′skĭ, «Говорящая скала», и, по словам одного из информаторов, относится к скале с эхом, расположенной где-то на ручье ниже нынешней железнодорожной станции. Старый торговец, торговавший с чероки в Джорджии, говорит, что это название было дано скале, на которой индейцы раньше проводили свои совещания, но этимология слова противоречит этому происхождению.

ТАЛЛУЛА: река в округе Рабун, северо-восточная Джорджия, впадающая в Тугалу, с красивым водопадом примерно в 2 милях выше устья. Форма чероки — Tălulŭ′ (Tărurĭ′ в нижнем диалекте чероки), название древнего поселения, расположенного на некотором расстоянии выше водопада, а также ручья и района у истоков реки Чеова в округе Грэм, Северная Каролина. Это название не поддается переводу. Один журнальный писатель перевел его как «Ужасный», но для этого нет никаких оснований. Скулкрафт, опираясь на слова одной женщины из племени чероки, переводит его как «Там лежит твой ребенок», что происходит от истории о ребенке, которого унесло водопадом. Однако это название применялось не к водопаду, а к району выше по течению, а также к другому району в Северной Каролине. Ошибка возникает из-за того, что слово, имеющее несколько похожее звучание, означает «иметь детей» или «быть беременной» и используется при обращении к женщине. Один из информаторов выводит его от *tălulŭ′*, крика определенного вида лягушки, известной как *dulusĭ*, которая обитает в этой местности, но не на территории резервации, и которую раньше употребляли в пищу. Возможное происхождение слова — от *a′tălulû′*, «незавершенный, преждевременный, неудачный». Водопад назывался Ugûñ′yĭ, значение этого названия утрачено, оно также применялось к местности на реке Литл-Теннесси недалеко от Франклина, Северная Каролина. Миф, связанный с водопадом Таллула, см. под номером 84, «Человек, который женился на сестре Грома».

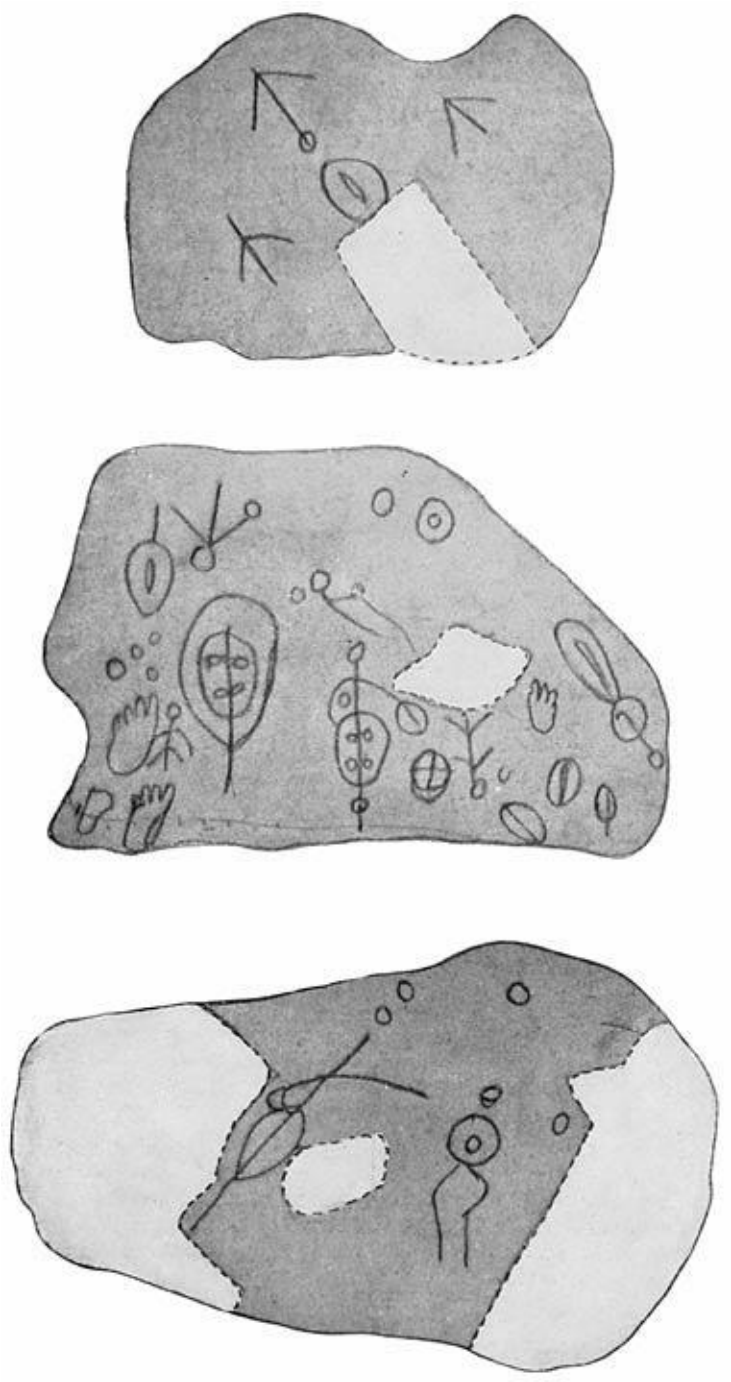
В связи с этим Ланман приводит следующую историю, которая, несмотря на белую одежду, по-видимому, основана на подлинной традиции чероки Нуньнехи:

Во время моего пребывания у водопадов Таллула я приложил все усилия, чтобы узнать одну или две индейские легенды, связанные с ними, и мне посчастливилось услышать одну, которая еще никогда не была напечатана. Изначально ее узнал белый человек, который первым открыл водопады, от чероки, живших в то время в этой местности. Суть ее заключается в следующем: много поколений назад случилось так, что несколько знаменитых охотников, которые бродили с запада к тому месту, где сейчас находится река Саванна, в поисках дичи, так и не вернулись в свои лагеря. Со временем любопытство и страхи народа возросли, и были предприняты попытки выяснить причину их странного исчезновения, после чего группа знахарей была отправлена в паломничество к великой реке. Они отсутствовали целую луну, и, вернувшись к своим друзьям, сообщили, что обнаружили ужасную расщелину в неизвестной части страны, через которую с оглушительным шумом протекал горный поток. Они сказали, что это было чрезвычайно дикое место, и что его обитателями были маленькие мужчины и женщины, которые жили в расщелинах скал и в гротах под водопадами. Они пытались всеми силами устроить совет с маленькими людьми, но все было тщетно; и по крикам, которые они часто издавали, знахари поняли, что они были врагами индейского племени, и поэтому в народе пришли к выводу, что

давно пропавшие охотники были заманены на смерть в ужасное ущелье, которое они назвали Таллула. С учетом этой маленькой легенды стоит отметить, что народ чероки, до своего отправления на далекий Запад, всегда избегал водопадов Таллула и редко охотился или рыбачил в их окрестностях.[34]

Токкоа: (1) Ручей, впадающий в реку Тугалу в округе Хабершам, с водопадом в верхнем течении, недалеко от одноименной деревни. (2) Река в верхней части Джорджии, впадающая в Хивасси в северо-западном направлении. Правильное название на языке чероки, применяемое к бывшему поселению на обоих ручьях, — Тагвахи ( ), что означает «место катавба», подразумевая бывшее присутствие индейцев этого племени. Земли вокруг водопада Токкоа были проданы чероки в 1783 году и в свое время принадлежали деду Уэффорда. По словам Уэффорда, существовала традиция, согласно которой, когда белые впервые посетили это место, они увидели, как им показалось, индейскую женщину, идущую под поверхностью воды под водопадом, а через мгновение, посмотрев снова, они увидели ее сидящей на нависающей скале на высоте 200 футов, с ногами, свисающими вниз. Уэффорд сказал: «Она, должно быть, была одной из Nûñnĕ′hĭ».

Трек-Рок-Гэп: ущелье примерно в 5 милях к востоку от Блэрсвилля, в округе Юнион, на хребте, отделяющем ручей Брастаун от вод реки Ноттли. Слюдистые мыльные камни по обеим сторонам тропы покрыты петроглифами, от которых ущелье и получило свое название. Чероки называют это место Datsu′nalâsgûñ′yĭ, «Где есть следы», или Degayelûñ′hă, «Место с отпечатками (клеймами)». Наскальные рисунки имеют множество различных узоров, некоторые из них напоминают следы людей или животных, а другие представляют собой квадраты, кресты, круги, «следы птиц» и т. д., расположенные без какого-либо видимого порядка. Ссылаясь на доктора Стивенсона, писавшего в 1834 году, Уайт (Исторические сборники Джорджии, стр. 658, 1855) и после него Джонс (Древности южных индейцев, 1873) дают вводящее в заблуждение и сильно преувеличенное описание этих наскальных рисунков, не потрудившись самостоятельно их исследовать, хотя это место легко доступно. Ни государство, ни местные власти не предпринимают никаких усилий для сохранения пиктограмм от разрушения, и многие из лучших были вырезаны из скалы и унесены вандалами, среди которых, по его собственному признанию, был и сам Стивенсон. Иллюстрация (таблица XX) взята из грубого эскиза, сделанного автором в 1890 году.



ПЕТРОГЛИФЫ В ТРЭК-РОК-ГЭП, ГЕОРГИЯ

(По эскизам автора, 1889 г. Части, вырезанные вандалами, обозначены более светлым оттенком)

У чероки есть различные теории, объясняющие происхождение этих рисунков. Более разумные индейцы говорят, что они были сделаны охотниками из племени эндо-американцев ( ) для собственного развлечения, когда они отдыхали в ущелье. Другая традиция гласит, что они были сделаны, когда поверхность недавно образовавшейся земли была еще мягкой, большой армией птиц и животных, бежавших через ущелье, чтобы спастись от преследующей их опасности с запада — некоторые говорят, что это была великая «охота с загоном» индейцев. Хейвуд путает их с другими петроглифами в Северной Каролине, связанными с историей о великане Цулкалу (см. номер 81).

Следующее красочное описание наскальных рисунков и предполагаемой индейской традиции их происхождения взято из книги Уайта, на основании свидетельства Стивенсона:

Видимых или четко определенных начертаний насчитывается 136, некоторые из них довольно естественные и совершенные, другие — довольно грубые подражания, а большинство из них под воздействием времени более или менее стерлись. Они включают в себя человеческие стопы от 4 дюймов в длину до стоп великих воинов, которые имеют 17½ дюймов в длину и 7¾ дюймов в ширину по пальцам. Что немного любопытно, все человеческие стопы естественные, за исключением этой, которая имеет 6 пальцев, что доказывает, что он был потомком Титана. Всего здесь 26 отпечатков, все босые, кроме одного, который выглядит так, как будто на нем были мокасины. Рядом с отпечатком великого воина находится отпечаток изящной, довольно нежной руки, вероятно, его жены, которая, без сомнения, сопровождала мужа во всех его походах, разделяя его труды и утешая его. Здесь можно увидеть много следов лошадей. Один из них, похоже, был подкован, некоторые очень маленькие, а один имеет размеры 12½ дюймов на 9½ дюймов. Чероки говорят, что это след великой боевой лошади, на которой ездил их вождь. Видны следы большого количества индюков, черепах, водяных черепах, лапа большого медведя, след змеи и следы двух оленей. Существуют разные легенды об этих отпечатках. Одна из них гласит, что когда-то мир был затоплен водой, и все люди и животные были уничтожены, за исключением одной семьи и различных животных, необходимых для заселения Земли. что Великий Дух перед наводнением приказал им сесть в большую каноэ, которая после долгого плавания была притянута к этому месту стаей лебедей и остановилась там, и здесь вся группа животных высадилась, оставив следы, когда они прошли по скале, которая, размягченная в результате длительного погружения, любезно приняла и сохранила их.

Ручей Военной Женщины: впадает в реку Чаттуга в округе Рабун, на северо-востоке Джорджии, в самом сердце старой страны Нижних Чероки. Название, по-видимому, имеет индейское происхождение, хотя черокийское название утрачено, а история утрачена. Писатель, цитируемый Уайтом (Исторические сборники Джорджии, стр. 444), пытается показать его происхождение от подвига некой амазонки-революционерки, захватившей группу тори, но это название встречается у Адаира (примечание, стр. 185) еще в 1775 году. Есть основания полагать, что оно относится к бывшей высокопоставленной женщине из племени чероки, описанной Хейвудом под названием «Красивая женщина» как имеющая право решать судьбу военнопленных. Уэффорд когда-то знал старую женщину по имени Дана-гаста, сокращенная форма от Данава-гастайя, «Острая война», что означает «Острая (, т. е. , «яростная») воительница». Среди чероки зафиксировано несколько случаев, когда женщины выполняли роль воинов.

126. ЗНАНИЕ О РАСТЕНИЯХ

Чероки всегда были земледельческим народом, а их старинная родина — регион с пышной флорой, высокими деревьями и зарослями подлеска на склонах и хребтах, а также бесчисленными яркими цветами и сладкими дикими фруктами вдоль протекающих ручьев. В результате растительный мир занимает гораздо более важное место в мифологии и обрядах племени, чем у индейцев безлесных равнин и засушливых пустынь Запада, причем большинство связанных с этим верований и обычаев сосредоточено вокруг практики медицины, как это объясняют жрецы и врачи в каждом поселении. В целом считается, что растительный мир дружелюбен к человеческому роду и постоянно находится в распоряжении врачей, чтобы противодействовать враждебности животных. Священные формулы содержат много любопытных инструкций по сбору и приготовлению лекарственных корней и коры, которые выбираются в основном в соответствии с теорией соответствий.

Индейцы — внимательные наблюдатели, и некоторые из их названий растений необычайно точны. Так, омела, которая никогда не растет в одиночестве, а всегда встречается с корнями, вросшими в кору какого-нибудь дерева или куста, от которых она получает питание, называется словом, означающим «она замужем» (*uda'ʻlĭ*). Фиалка до сих пор называется множественным числом *dinda'skwate'skĭ*, «они отрывают друг другу головы», что показывает, что дети чероки открыли для себя игру, не незнакомую и нашим детям. Медвежья трава (*Eryngium*) с ее длинными, тонкими листьями, похожими на крошечные лепестки кукурузы, называется *sălikwâ'yĭ*, «зеленая змея», а более крупная трава, известная как слезы Иова из-за своих блестящих, округлых зерен, которые индейские дети используют для изготовления ожерелий, называется *sel-utsĭ'*, «мать кукурузы».

Черноглазая Сьюзан (*Rudbeckia*) наших детей — это «оленьи глаза» (*a'wĭ'-aktă'*) чероки, а наш башмачок (*Cypripedium*) — их «мокасины куропатки» (*gŭgwĕ'-ulasu'la*). Майское яблоко (*Podophyllum*) с его зонтичной верхушкой называется *u'niskwetu'ʻgĭ*, что означает «оно носит шляпу», а белый гриб-дождевик — *năkwĭsĭ'-usdi'*, « «маленькая звезда», а обычный каменный лишайник носит музыкальное, хотя и не очень поэтичное, название *utsăle'ta*, «остатки из кастрюли». Некоторые растения названы по их реальному или предполагаемому месту в животноводстве, как дикая роза, *tsist-uni'gistĭ*, «кролики едят ее» — имея в виду семенные ягоды — и щитовидный папоротник (*Aspidium*), *yân-utse'stû*, «медведь лежит на нем». Другие, в свою очередь, названы по их бытовому или ритуальному использованию, как, например, пупавка (*Erigeron canadense*), называемая *atsil'-sûñʻtĭ*, «разжигатель огня», потому что ее сушеный стебель в древности использовался для разжигания огня трением, и буглас (*Lycopus virginicus*), известный как *aniwani'skĭ*, «болтуны», потому что жеваемый корень, который дают детям проглотить или втирают в их губы, как полагают, наделяет их даром красноречия. Некоторые, в дополнение к обычному термину, используемому среди простого народа, имеют священное или символическое название, которое используется только священниками и врачами в молитвенных формулах. Так, женьшень, или «санг», как его чаще называют белые горцы, известен мирянам как *â'talĭ-gûlĭ'*, «альпинист», но в формулах обращаются к нему как *Yûñwĭ Usdi'*, «Маленький Человек», в то время как *selu* (кукуруза) упоминается под именем *Agawe'la* в мифах, например, в мифе о *Prosartes lanuginosa*, который носит любопытное имя *walâs'-unûl'stĭ*, «лягушки сражаются с ним», из истории о том, что в давние времена — *hĭlahi'yu* — две сварливые лягушки однажды сражались на дуэли, используя его стебли в качестве копий. В локативной форме это было название бывшего поселения чероки в Джорджии, названного белыми Fighting-town («город сражений») из-за неправильного понимания значения этого слова. О белом клевере чероки говорят, что «он следует за белым человеком».

Разделение деревьев на вечнозеленые и лиственные объясняется мифом, рассказанным в другом месте, согласно которому потеря листьев зимой является наказанием для последних за то, что они не выдержали испытания до конца. У чероки, как и у почти всех других племен на востоке и западе, кедр считается священным деревом, превосходящим все другие деревья. Причины такого почитания легко найти в его вечнозеленой кроне, бальзамическом аромате и красивом цвете его мелкозернистой древесины, которая не деформируется и практически не подвержена гниению. Небольшие зеленые веточки бросают в огонь в качестве ладана во время определенных церемоний, в частности, чтобы нейтрализовать действие снов асгина, поскольку считается, что анисгина, или злобные духи, не выносят этого запаха; но сама древесина считается слишком священной, чтобы использовать ее в качестве топлива. Во время военного танца трофеи в виде скальпов, натянутых на небольшие обручи, вешали на кедровый саженец, обрезанный и украшенный для этого случая. Согласно мифу, красный цвет происходит от крови злого волшебника, отрубленная голова которого была повешена на верхушке высокого кедра. Эта история сейчас почти забыта, но, вероятно, она была почти идентична той, которая до сих пор существует среди ючи, бывших соседей чероки. Согласно мифу ючи, злобный волшебник нарушал ежедневный ход солнца, пока наконец два храбрых воина не нашли его и не убили в его пещере. Они отрезали ему голову и принесли ее домой, чтобы показать людям, но она продолжала жить. Чтобы она умерла, им посоветовали привязать ее к самым верхним ветвям дерева. Они так и сделали, пробуя одно дерево за другим, но каждое утро голова оказывалась у подножия дерева и была все еще жива. Наконец они привязали ее к кедру, и там голова оставалась, пока не умерла, а кровь, медленно стекающая по стволу, придала дереву красный цвет, и с тех пор кедр стал «лекарственным» деревом.[35]

Считается, что липа (*Tilia*) никогда не поражается молнией, и охотник, попавший в одну из частых гроз в южных горах , всегда ищет у нее укрытие. Из его волокнистой коры изготавливают

охотничьи пояса, которые носят на талии. Кислое дерево (*Oxydendrum*) используется охотниками для приготовления шашлыков на огне, поскольку они верят, что кисловатый вкус дерева передается мясу. Из дерева также вырезают ложки и расчески, но его никогда не сжигают, поскольку считается, что щелочь, полученная из золы, принесет болезнь тем, кто использует ее при приготовлении пищи. Говорят также, что если кто-то будет спать рядом с костром, в котором горят палки из кисличного дерева, то кисличное дерево «зажарит его», что, возможно, означает, что после этого у него будут горячие или лихорадочные боли.

Лавр, в двух его разновидностях, большом и маленьком (*Rhododendron* и *Kalmia*, или «плющ»), широко используется для изготовления ложек и гребней из-за его плотной текстуры, а также в медицине, но никогда не сжигается, так как считается, что это принесет холодную погоду и, кроме того, уничтожит лечебные свойства всего вида. Причина заключается в том, что при горении листья издают шипящий звук, напоминающий зимний ветер и падающий снег. Когда врач готовит смесь, в состав которой входит какая-либо часть лавра, принимаются серьезные меры предосторожности, чтобы ни один из листьев или веточек не попал в огонь, так как это сделает отвар бесполезным. Сассафрас запрещен в качестве топлива среди чероки, а также среди их белых соседей, возможно, по практической причине, что он имеет свойство выскакивать из огня при нагревании и может таким образом поджечь дом.

Измельченная кора орехового дерева бросается в небольшие ручьи, чтобы ошеломить рыбу, чтобы ее можно было легко выловить в корзины, когда она всплывает на поверхность воды. Если беременная женщина в это время войдет в ручей, эффект будет сведён на нет, если она предварительно не привяжет полоску коры к пальцу ноги. Считается, что огонь из дуба и древесины *telûñ'lătĭ* или летнего винограда (*Vitis æstivalis*) приносит теплую погоду даже в самую холодную зиму.

Древесина дерева, пораженного молнией, обладает таинственными свойствами, особенно если само дерево еще живо, и такая древесина широко используется в секретных смесях колдунов. Обычный человек из числа мирян не прикоснется к ней из-за страха, что на его руках и ногах появятся трещины, и ее не сжигают в качестве топлива из-за страха, что щелочь, полученная из золы, вызовет туберкулез. При подготовке игроков в мяч к соревнованиям знахарь иногда сжигает щепки дерева до состояния угля, который он дает игрокам, чтобы они накрасили себя им, чтобы они могли ударить своих противников со всей силой молнии. Кора или древесина дерева, пораженного молнией, но все еще зеленого, измельчается и кладется в воду, в которой замачиваются семена перед посадкой, чтобы обеспечить хороший урожай, но, с другой стороны, любая пораженная молнией древесина, брошенная в поле, приведет к увяданию урожая, и считается, что даже выход в поле сразу после пребывания рядом с таким деревом имеет плохое влияние.

Среди всех овощей первое место в домашнем хозяйстве и церемониальном поклонении племени занимает *селу*, «кукуруза», упоминаемая в священных формулах под именем Агавела, «Старуха», в аллюзии на ее мифическое происхождение из крови старухи, убитой своими непослушными сыновьями (см. номер 3, «Канати и Селу»). В прежние времена ежегодная церемония благодарения «Танец зеленой кукурузы», предшествующая употреблению первой новой кукурузы, была самым торжественным племенным обрядом, приносящим умилостивление и искупление грехов прошедшего года, амнистию для общественных преступников и молитву о счастье и процветании в наступающем году. Только те, кто должным образом подготовился к этому обряду молитвой, постом и очищением, могли принимать в нем участие, и до этого никто не смел пробовать новый кукурузный урожай. Семь початков с урожая прошлого года всегда тщательно откладывались в сторону, чтобы *привлечь кукурузу*, пока новый урожай не созрел и не наступило время танца, когда их съедали вместе с остальными. При употреблении первой новой кукурузы

после танца Зеленой кукурузы следовали за тому, чтобы не дуть на нее, чтобы охладить, из опасения вызвать ветряную бурю, которая повалила бы стоящий урожай на поле.

Посадка и уход за урожаем сопровождались множеством церемоний. В каждую грядку высевали семь зерен, священное число, и впоследствии их не прореживали. После последней обработки урожая священник и его помощник — обычно владелец поля — выходили на поле и строили в центре небольшое ограждение (*detsănûñ'lĭ*). Затем, войдя в него, они садились на землю, склонив головы, и пока помощник хранил полную тишину, священник, с погремушкой в руке, пел песни, призывая дух кукурузы. Вскоре, согласно православным верованиям, снаружи раздавался громкий шуршащий звук, который, как они знали, был вызван «Старой женщиной», приносящей кукурузу на поле, но ни один из них не должен был поднимать головы, пока песня не закончилась. Эта церемония повторялась четыре ночи подряд, после чего никто не входил на поле еще семь ночей, пока священник сам не входил туда и, если все священные правила были соблюдены должным образом, не получал награду в виде молодых початков на стеблях. Церемонии, связанные с кукурузой, мог проводить сам владелец поля, при условии, что он был готов заплатить священнику достаточную плату за обучение песням и ритуалам. Всегда следили за тем, чтобы от поля до дома был чистый след, чтобы кукуруза оставалась дома и не уходила в другие места. Большинство этих обычаев сейчас вышли из употребления, за исключением стариков, многие из которых по-прежнему религиозно их соблюдают.

Еще одна любопытная церемония, о которой сейчас почти забыли, проводилась после первой обработки кукурузы, когда владелец или священник стоял поочередно в каждом из четырех углов поля и громко плакал и рыдал. Даже священники сейчас не могут объяснить причину этого обряда, который, возможно, был плачем по кровавой смерти Селу, как женщины Библа плакали по Адонису.

После кукурузы фасоль (*tuya*) является самым важным продовольственным растением для чероки и других южных индейцев, у которых она, вероятно, является родной, но, по-видимому, с ней не связано никаких особых церемоний или фольклора. Фасоль, которая раскрывается при варке, иногда мамы натирают на губах своих детей, чтобы они выглядели улыбчивыми и добродушными. Эта ассоциация идей, по-видимому, аналогична той, которая в Ирландии привела к тому, что жирный мучнистый картофель, растрескивающийся при варке, называют «смеющимся» картофелем. Дыни и кабачки нельзя считать или слишком внимательно осматривать, пока они еще растут на лозе, иначе они перестанут расти; нельзя также переступать через лозу, иначе она завянет до созревания плодов. Тот, кто съел майское яблоко, ни в коем случае не должен приближаться к лозам, так как это растение очень быстро засыхает, и его присутствие заставит дыни завянуть таким же образом.

Табак использовался как священное благовоние или как гарантия торжественной клятвы почти во всех важных функциях — при обязывании воина взять топор против врага, при ратификации мирного договора, при подтверждении продаж или других обязательств, при поиске предзнаменований для охотника, при изгнании ведьм или злых духов, а также в обычной медицинской практике. Его курили в трубке или посыпали на огонь, никогда не скручивали в сигареты, как среди племен юго-запада, и никогда не курили просто для удовольствия. В последние годы белые соседи научили индейцев жевать его, но эта привычка не является коренной. Он называется *tsâlû*, название, которое утратило свое значение в языке чероки, но объясняется из родственного языка тускарора, в котором *charhû'*, «табак», все еще можно проанализировать как «огонь, который держится во рту», что показывает, что его использование так же старо, как и знание о растении. Табак, который изначально использовался среди чероки, ирокезов и других восточных племен, не был обычным коммерческим табаком (*Nicotiana tabacum*), завезенным из Вест-Индии, а *Nicotiana rustica*, или диким табаком, который сейчас

чероки называют *tsâl-agăyûñ'li*, «старый табак», а ирокезы — «настоящий табак». Его различные виды использования в ритуалах и медицине лучше описаны в других разделах. Миф о его утрате и возвращении см. в разделе 6 «Как они вернули табак». Кардинальный цветок (*Lobelia*), коровяк (*Verbascum*) и один или два родственных вида называются *tsâliyu'stĭ*, «похожий на табак», из-за их общего сходства с ним по внешнему виду, но они никогда не использовались таким же образом.

Ядовитый дикий пастернак (*Peucedanum*?) имеет неприятную репутацию из-за его частого использования в злых заклинаниях, особенно тех, которые предназначены для уничтожения жизни жертвы. В одном из этих заклинаний семь кусочков корня кладут на одну руку и аккуратно растирают другой ( ), а предзнаменование берется из положения кусочков, когда руку убирают. Говорят также, что отравители тайно подмешивают его в пищу своей предполагаемой жертвы, и если она съедает его, то вскоре становится сонной и, если не будет находиться в движении до тех пор, пока эффект не пройдет, засыпает, чтобы никогда больше не проснуться . Говорят, что самоубийцы едят его, чтобы добиться смерти. Перед началом путешествия иногда жуют небольшой кусочек корня и дуют на тело, чтобы предотвратить болезнь, но это средство почти так же вредно, как и сама болезнь, поскольку, как говорят, змеи не переносят неприятный запах и кусают того, кто его носит. Несмотря на свои ядовитые свойства, отвар корня широко используется для паровой бани, по-видимому, из-за того, что запах отгоняет дух болезни.

Ядовитый дуб или ядовитый плющ (*Rhus radicans*), так обильно растущий во влажных восточных лесах, вызывает страх как у индейцев, так и у белых. Когда приходится приближаться к нему или работать поблизости, чероки стараются умилостивить его, обращаясь к нему как к «другу» (*hi'gĭnalii*). Если они от него отравились, то натирают пораженное место измельченной мякотью рака.

Один из видов шиповника (*Smilax*) называется *di'nû'skĭ*, «размножитель», из-за поверья, что его шип, если его оставить в плоти, за день или два размножится.

Женьшень, который продается в больших количествах местным торговцам, а также используется в народной медицине, называется *âtalĭ-gûlĭ'*, «альпинист», но священники обращаются к нему как Yûñwĭ Usdi′, «Маленький человек», или Yûñwi Usdi′ga Ada′wehi′yu, «Маленький человек, самый могущественный волшебник», священный термин чероки, как и китайское название, происходит от частого сходства корня по форме с телом человека. Существует множество верований и обрядов, связанных с его сбором и приготовлением. Врач постоянно говорит о нем как о живом существе, и считается, что он может сделать себя невидимым для тех, кто недостоин его собирать. При охоте на него первые три найденные растения пропускаются. Четвертое берется после предварительной молитвы, в которой врач обращается к нему как к «Великому Адавехи» и смиренно просит разрешения взять небольшой кусочек его плоти. Выкопав его из земли, он бросает в ямку бусину и засыпает ее, оставляя там в качестве платы духу растения. После этого он берет их по мере появления без дальнейших церемоний.

Катгут или «дьявольская шнуровка» (*Tephrosia*) называется *distai'yĭ*, «они жесткие», в связи с его волокнистыми корнями, из которых женщины чероки готовят отвар, которым моют волосы, чтобы придать им силу и жесткость растения, а препарат из листьев используется игроками в мяч, чтобы умываться и укреплять свои конечности. Чтобы иметь возможность быстро вскочить на ноги, если их сбивают с ног, игроки также обливают свои конечности отваром из мелкого камыша (*Juncus tenuis*), который, по их словам, всегда восстанавливает свое вертикальное положение, независимо от того, как часто его топчут. Белые семена змеевика (*Echium vulgare*) раньше использовались во многих важных церемониях, цель которых заключалась в том, чтобы заглянуть в будущее, но теперь они были вытеснены обычными стеклянными бусинами торговцев. Корень кульвера (*Leptandra*) используется в любовных заклинаниях, причем предзнаменование берется из

движения корня, когда его держат в руке. Кампион (*Silene stellata*), местное название которого «хозяин гремучей змеи», называется *ganidawâ'skĭ*, «он разъединяется», потому что, как говорят, сухие стебли ломаются по суставам, начиная с верхушки. Как и среди белых горцев, сок считается панацеей от укусов змей, и даже считается, что самая смертоносная змея убежит от того, кто носит небольшую часть корня во рту.

Почти все разновидности репейника, от испанского репейника до кокльберга и дурмана, объединены под общим названием *u'nistilûn'istĭ*, которое можно свободно перевести как «прилипалы». Из-за их привычки крепко цепляться за любой предмет, к которому они прикасаются, считается, что они обладают оккультной силой, улучшающей память и придающей стабильность характеру. Вскоре после рождения ребенка один из более мелких видов, предпочтительно *Lespedeza repens*, измельчают и часть помещают в чашу с водой, взятой из водопада или каскада, где поток издает постоянный шум. Это дают ребенку пить в течение четырех дней подряд с целью сделать его быстрым в обучении и запоминании всего, что он услышал. Шум водопада, из которого берется вода, считается голосом Юньви Гунахита, «Длинного человека» или речного бога, преподающего уроки, которые ребенок может понять, а сам поток почитается за его способность захватывать и удерживать все, что бросают на его поверхность. Нечто подобное иногда используется для взрослых, но в этом случае дело обстоит гораздо сложнее, так как существуют табу на четыре или семь дней, и ум должен быть сосредоточен на цели обряда в течение всего этого периода, а если субъект настолько забудет себя, что потеряет самообладание в это время, он навсегда останется склонным к ссорам.

Цветущая лоза, известная как *nuniyu'stĭ*, «подобная картофелю», которая растет на возделываемых полях и имеет клубневидный корень, чем-то напоминающий картофель, используется в охотничьих заклинаниях. Помятый корень, из которого сочится молочный сок, натирают на оленье блеяние, *a'wĭ'-ahyeli'skĭ*, с помощью которого охотник имитирует блеяние олененка, полагая, что лань, услышав его, подумает, что ее детеныш хочет сосать, и поэтому придет быстрее. Корневище путти (Адам и Ева, *Aplectrum hiemale*), которое имеет маслянистую, слизистую природу, носит с собой охотник на оленей, который, застрелив оленя, вставляет небольшой кусочек изжеванного корня в рану, ожидая, что в результате животное будет необычно тучным, когда его снимают шкуру. Младенцев, которые кажутся истощенными и худеют, купают в отваре того же корня, чтобы они поправились. Корень редкого растения, известного как венерина мухоловка (*Dionæa*), которое обладает замечательным свойством ловить и переваривать насекомых, садящихся на него, жевают рыбаки и плевают на наживку, чтобы ни одна рыба не ускользнула от них, а растение привязывают к рыболовной ловушке с той же целью.

Корень растения под названием *unatlûñwe'hitû*, «имеющее спирали», используется в заклинаниях, призванных расположить незнакомцев к субъекту. Жрец «приносит его к воде», т. е. т. е. произносит над ним определенные молитвы, стоя рядом с проточной водой, затем жует небольшой кусочек и втирает его в тело и руки пациента, который, как предполагается, собирается отправиться в путешествие или принять участие в совете, в результате чего все, кто встречает его или слушает его слова, сразу же довольны его манерами и внешностью и готовы оказать всяческую помощь в его проектах.

1

См. «Дочь Солнца». ↑

2

См. следующую историю. ↑

3

«Онондаги хранят вампумы Пяти Наций, а хранитель вампумов Томас Вебстер из племени Снайп, убежденный и последовательный язычник, является их переводчиком. Несмотря на утверждения о том, что вампумы можно рассматривать как свод законов, очевидно, что они являются просто памятными напоминаниями о сохранившихся традициях, без каких-либо буквальных деталей.

«Первая [из этой] группы, слева направо, представляет собой съезд Шести Наций при принятии Тускарора в союз; вторая, Пять Наций, на семи нитях, иллюстрирует договор с семью канадскими племенами до 1600 года; третья означает осторожный подход чужаков к советам Пяти Наций (охраняемые ворота с длинной белой дорогой, ведущей к внутренним воротам, где собраны Пять Наций, с онондагами в центре и безопасным домом совета позади всех); четвертый представляет договор, когда были представлены только четыре из Шести Наций, а пятый воплощает обещание семи канадских христианизированных наций отказаться от своих кривых путей и сохранять честный мир (с крестом для каждого племени и зигзагообразной линией внизу, чтобы показать, что их пути были кривыми, но отныне будут такими же священными, как крест). Над этой группой находится еще одна, датированная примерно 1608 годом, когда Шамплен присоединился к алгонкинам против ирокезов». — Каррингтон, в «Шесть наций Нью-Йорка», Extra Bulletin, Eleventh Census, стр. 33–34, 1892. ↑

4

Хейвуд, «Национальная и аборигенная история Теннесси», стр. 222–224, 1823. ↑

5

Там же, стр. 241. ↑

6

Там же, стр. 222. ↑

7

Скулкрафт, «Заметки об ирокезах», стр. 160, 1847. ↑

8

Хекевельдер, «Индейские народы», стр. 88, переиздание 1876 года. ↑

9

Бринтон, Ленапе и их легенды, стр. 130 и далее, 1885; Скулкрафт, Заметки об ирокезах, стр. 147, 305 и далее, 1847; Хекевельдер, Индейские народы, стр. 47–50, изд. 1876. ↑

10

Хекевельдер, указ. соч., стр. 54. ↑

11

Лоскель, «История [моравской] миссии», стр. 124–127; Лондон, 1794. ↑

12

Хекевельдер, «Индейские народы», стр. 88–89, 1876. ↑

13

См. Хейвуд, «Национальная и аборигенная история Теннесси», стр. 220, 224, 237, 1823. ↑

14

Колониальные архивы Северной Каролины, III, стр. 153, 202, 345, 369, 393, 1886. ↑

15

Муни, «Племена сиу на востоке» (бюллетень Бюро этнологии), стр. 56, 61, 1894. ↑

16

Рукопись Катауба из официальных архивов Южной Каролины. Скулкрафт, «Индейские племена», III, стр. 293–4, 1853. ↑

17

Там же, стр. 294, 1853. ↑

18

Ройс, «Народ чероки», в Пятом отчете Бюро этнологии. С. 205–208, 266–272, 1887; также (для 1783 г.) Бартрам, «Путешествия», с. 483, 1792. ↑

19

Хейвуд, «Нация и аборигены Теннесси», стр. 241, 1823. Буллхед, возможно, означает Даблхед, старое имя чероки. ↑

20

Муни, Игра в мяч чероки, в The American Anthropologist, III, стр. 107, апрель 1890. ↑

21

Бартрам, «Путешествия», стр. 518, 1791. ↑

22

Адаир, «История американских индейцев», стр. 227, 247, 252–256, 270, 276–279, 1775. ↑

23

Рэмси, «Летопись Теннесси», стр. 81, 84, 1853. ↑

24

Муни, Племена сиу на востоке (бюллетень Бюро этнологии), стр. 83, 1894. ↑

25

Бьенвиль, цитируется в Гайарре, Луизиана. ↑

26

Хейвуд, «Естественная и аборигенная история Теннесси», стр. 105–107, 1823. Краткое изложение войны натчез и последующей истории разрозненных фрагментов племени см. в статье автора «Конец натчез» в журнале «Американский антрополог» за июль 1899 года. ↑

27

Адаир, «История американских индейцев», стр. 257, 1775. Другие утверждения, касающиеся таскиги среди криков, взяты из ценного исследования Гатшета «Легенда о миграции индейцев криков», I, стр. 122, 145, 228, 1884. ↑

28

Хейвуд, «Естественная и аборигенная история Теннесси», стр. 24, 1823. Из современного упоминания в Риверс, Южная Каролина, стр. 57, следует, что эта война была в самом разгаре в 1757 году. ↑

29

Маргри, цитируется в Гатшете, «Легенда о миграции криков», I, стр. 16, 87, 1884. ↑

30

Вашаш, французское Ouasage, искаженное американцами до Osage. ↑

31

Nat. and Aborig. Hist. Tenn., стр. 266. ↑

32

МакГоуэн, д-р Д. Дж., «Индийские тайные общества», Historical Magazine, X, стр. 139, 1866. Моррисания, Нью-Йорк. ↑

33

Хейвуд, «Национальная и аборигенная история Теннесси», стр. 239. ↑

34

Письма из Аллеганских гор, стр. 41–42. ↑

35

Гатчет, Некоторые мифические истории индейцев ючи, в American Anthropologist, VI, стр. 281, июль 1893 г. ↑

ПРИМЕЧАНИЯ И ПАРАЛЛЕЛИ С МИФАМИ

При подготовке следующих примечаний и параллелей ставилась цель включить все варианты или псевдомифы чероки, доступные из любых источников, и дать некоторые объяснения племенных обычаев и верований, затронутых в мифах, особенно среди южных племен. Было включено определенное количество параллелей, но должно быть очевидно, что эта область слишком обширна для рассмотрения в рамках одного тома. Кроме того, учитывая небольшое количество племен, которые уже были изучены, по сравнению с большим количеством еще неизученных, весьма сомнительно, что настало время для какого-либо расширенного исследования индейской мифологии. Самый полный указатель параллелей, который появился на сегодняшний день, сопровождает великолепный сборник доктора Франца Боаса «Indianische Sagen von der nordpacifischen Küste Amerikas» (1 При определении границ было сочтено необходимым ограничить сравнения, за исключением нескольких особых случаев, территорией Соединенных Штатов или прилегающими приграничными районами, хотя это вынуждает опустить несколько лучших сборников, в частности с северо-западного побережья и из внутренних районов Британской Америки. Достаточно было показано, что наши коренные племена имели свои собственные мифы, не заимствованные у других народов, и что эти мифы были настолько широко и постоянно распространены благодаря торговле, путешествиям и обмену обрядами на обширных территориях, что индейская мифологическая система стала в этой стране такой же единой, как арийская мифологическая структура в Европе и Азии. Можно ожидать, что каждое дополнительное исследование племен подтвердит этот результат.

Более специальное исследование мифов чероки в связи с медицинскими и религиозными ритуалами племени будет представлено в будущей статье, предварительная презентация которой была дана в работе автора «Священные формулы чероки» в Седьмом ежегодном отчете Бюро этнологии.

РАССКАЗЫ И РАССКАЗЧИКИ (с. 229): *Легенда о миграции* — В книге Батрика «Antiquities » 2 мы находим некоторые упоминания об этой легенде о миграции, которая, как сообщает миссионер, к сожалению, настолько перемешана с библейской историей, что почти невозможно выделить подлинную. Он начинает рассказ с того, что они под руководством своего «величайшего пророка» Васи — который является просто Моисеем — отправляются на поиски далекой страны, где они могут быть в безопасности от своих врагов. Кто эти враги и где они живут, не указано. Вскоре после отправления они приходят к большой воде, которую Васи ( ) ударяет своим посохом; вода разделяется, чтобы они могли безопасно пройти, а затем возвращается на место и препятствует преследованию их врагами. Затем они входят в пустыню и приходят к горе, и нам рассказывают библейскую историю о Синае и каменных скрижалях. Здесь они также получают священный огонь с небес, который впоследствии несут с собой, пока дом, в котором он хранится, не будет окончательно разрушен вражеским вторжением. Эта часть мифа, по-видимому, является подлинно индейской (см. примечания к номеру 111, «Курганы и вечный огонь»).

В этом путешествии «племена шли отдельно, как и кланы. Кланы отличались тем, что у них на ушах были прикреплены перья разных цветов. У них было два больших знамени, одно белое, другое красное. Белый штандарт находился под контролем жрецов и использовался в гражданских целях, а красный штандарт находился под управлением воинских жрецов и использовался в военных целях и для подачи сигнала тревоги. Их несли во время путешествия, а белый штандарт устанавливали перед вышеупомянутым зданием [ковчегом или палладиумом], когда отдыхали».

Они пересекли в общей сложности четыре реки — что соответствует индийскому представлению о священной четверке — и, после многих лет странствий, наконец остановились за четвертой

рекой. «Все их путешествие по этой пустыне сопровождалось большими страданиями и опасностями. Однажды их атаковали смертоносные змеи, которые убили многих людей, но в конце концов их вождь застрелил одну из них стрелой и прогнал змей. В другой раз они шли гуськом, когда земля раскололась, и несколько человек провалились и погибли, когда земля закрыла их. В другой раз они едва не погибли от жажды. Их вожди копали своими посохами во всех низких местах, но не могли найти воды. Наконец их вождь нашел прекрасный родник, бьющий из скалы».[3]

Согласно преданию, переданному Скулкрафту Стэндом Уэйти, в одном месте во время этого переселения они наткнулись на большую реку или другой большой водоем, который пересекли по мосту, сделанному из связанных вместе виноградных лоз.[4] Идея моста или лестницы из виноградных лоз встречается также в преданиях ирокезов, манданов и других племен.

Далее уже цитируемый миссионер говорит: «Щитоед однажды спросил меня, слышал ли я когда-нибудь о домах с плоскими крышами, и рассказал, что прадед его отца говорил, что когда-то у их народа был большой город, окруженный высокой стеной; что однажды их враги разрушили часть этой стены; что дома в этом городе имели плоские крыши — хотя, как он говорил, это было так давно, что теперь об этом не стоит говорить».[5]

Огонь из тростниковых щепок — Бартрам так описывает метод, который он наблюдал в Аттассе (Аутосси) среди криков около 1775 года. Огонь, который так таинственно пылал, возможно, постоянно тлел внизу, как описано в номере 111:

«Поскольку их ритуалы [*sic*] и способ проведения вечерних молитв и мистического огня в этой ротонде чрезвычайно необычны и совершенно отличаются от обычаев и традиций любого другого народа, я приступлю к их описанию. Во-первых, губернатор или чиновник, отвечающий за это дело, в сопровождении своих слуг приказывает приготовить черный напиток, который представляет собой отвар или настой из листьев и нежных побегов кассины. Это делается под открытым навесом или павильоном, в двадцати или тридцати ярдах от двери здания совета. Затем он приказывает принести связки сухих тростников: их предварительно раскалывают и ломают на куски длиной около двух футов, а затем кладут поперек друг на друга на пол, образуя спиралеобразный круг вокруг большого центрального столба, поднимающегося на высоту одного фута или восемнадцати дюймов от земли; и этот круг, расширяясь по мере того, как он проходит круг за кругом, часто повторяясь справа налево , с каждым оборотом увеличивает свой диаметр и в конце концов простирается на расстояние десяти или двенадцати футов от центра, более или менее, в зависимости от продолжительности собрания или встречи. К тому времени, когда эти приготовления завершаются, наступает ночь, и собравшиеся занимают свои места в порядке. Внешний или крайний конец спирального круга загорается и сразу же поднимается ярким пламенем (но как это происходит, я не понял; я не видел, чтобы кто-то поджигал его; возможно, на земле остался огонь; однако я не видел и не чувствовал запаха огня или дыма, пока пламя мгновенно не поднялось вверх), которое постепенно и медленно ползет вокруг центрального столба, следуя курсу солнца, питаясь сухими тростниками, и дает веселое, мягкое и достаточное освещение, пока круг не сгорит, после чего совет расходится».[6]

1. Как был сотворен мир (с. 239): Из-за упадка старой традиции и смешения библейских идей миф о сотворении мира у чероки слишком сильно разрушен, чтобы его можно было восстановить, за исключением разрозненных фрагментов. О полноте разрушения можно судить, изучив похожий миф ирокезов или оджибве. То, что здесь сохранилось, было получено в основном от Свиммера и Джона Акса, двух наиболее компетентных авторитетов восточного племени. Вечнозеленая история взята из Ta′gwădihĭ′. Инцидент, когда брат ударил сестру рыбой, чтобы она забеременела, был рассказан Айастой и, возможно, имеет фаллическое значение. Джон Акс говорит, что

беременность была вызвана «Маленькими Людьми», Юньви Цунсди, которые приказали женщине натереть спину слюной (брата?) и лежать на груди, полностью прикрыв тело, в течение семи дней и ночей, по истечении которых родился ребенок, а затем еще один каждые семь дней, пока период не стал дольше. Согласно Уэффорду, первый человек был создан слепым и оставался таким в течение некоторого времени. Инцидент с коршуном, формирующим горы, также встречается в мифе о сотворении мира у индейцев криков [7] и ючи [8], южных соседей чероки, но у них первая земля, как говорят, была поднята из-под воды раком. У северных племен обычно черепаха продолжает поддерживать землю на своей спине. Упомянутый водный жук — это *Gyrinus*, местное название которого — «мягкий жук» или «яблочный жук». В одном из вариантов в этой работе помогает *dilsta'ya'tĭ*, водный паук («ножницы», *Dolomedes*). Ничего не говорится о том, откуда взято солнце. Некоторые племена считают, что это колесо для игр, украденное у расы высших существ. См. также номер 7, «Путешествие к восходу солнца».

Миссионеры Батрик и Уошберн приводят версии генезиса чероки, обе из которых настолько искажены библейской интерпретацией, что становятся бесполезными. Ни один из записанных до сих пор космогонических мифов коренных народов не восходит к первому акту творения, но все начинаются с уже существующего мира и живых существ, хотя и не в их окончательной форме и состоянии.

Ширина ладони — слово чероки *utawâ'hilû*, от *uwâyĭ*, ладонь. Это не следует понимать буквально, а является образным выражением, часто используемым в священных формулах для обозначения последовательного интервала пространства. Идея последовательного удаления солнца с целью смягчения чрезмерной жары встречается и у других племен. Уже цитированный Батрик в своем изложении космогонии чероки говорит: «Когда Бог создал мир, он сотворил небо или твердь, высотой примерно с вершины гор, но оно было слишком теплым. Затем он сотворил второе, которое также было слишком теплым. Он продолжал так, пока не сотворил семь небес, и на седьмом установил свое обиталище. Во время некоторых молитв они поднимают руки к первому, второму, третьему, четвертому, пятому, шестому и седьмому небу» и т. д. [9]

В индуистской космогонии мы также находим семь небес или ступеней, святость которых возрастает по мере их восхождения; у ацтеков их было девять, как и у древних скандинавов. [10] У некоторых полинезийских племен их десять, каждое построено из лазурного камня, с отверстиями для взаимосвязи. Самое нижнее изначально почти касалось земли и было поднято на свое нынешнее положение последовательными толчками богов Ру и Матти, которые сначала лежали ниц на земле, затем на коленях, а затем поднимали его плечами, руками и кончиками пальцев, пока последнее высшее усилие не отправило его на его нынешнее место. [11]

Семь: священные числа — В каждом племени и культе по всему миру мы находим священные числа. В христианстве и христианском мире это три и семь. У индейцев всегда четыре является основным священным числом, обычно с другим, лишь немного подчиненным ему. Двумя священными числами чероки являются четыре и семь, причем последнее является фактическим числом племенных кланов, формульным числом верхних миров или небес и церемониальным числом абзацев или повторений в основных формулах. Таким образом, в молитвах о долгой жизни священник поднимает своего клиента поочередно на первый, второй, третий, четвертый и, наконец, на седьмой небо, прежде чем конец будет достигнут. Священная четверка имеет прямое отношение к четырем сторонам света, в то время как семерка, помимо них, включает в себя также «выше», «ниже» и «здесь, в центре». Во многих племенных ритуалах каждому направлению присваивается цвет, а иногда и пол. В священных формулах чероки духи Востока, Юга, Запада и Севера соответственно окрашены в красный, белый, черный и синий цвета, и каждый цвет также имеет свое символическое значение: сила (война), мир, смерть и поражение.

2. Первый огонь (с. 240): Этот миф был получен от Свиммера и Джона Акса. Он также упоминается в книге Фостера «Секвойя»[12] и в рукописи Вахненаухи.[13] Уксухи и гулеги — это, соответственно, *Coluber obsoletus* и *Bascanion constrictor*. Водяной паук — это крупный волосатый вид *Argyroneta*.

В версии, приведенной в рукописи Wahnenauhi, Possum и Buzzard первыми предпринимают попытку, но возвращаются без успеха: один теряет волосы на хвосте, а у другого обгорают перья на голове и шее. В другой версии Dragon-fly помогает Water-spider, толкая tusti сзади. В соответствующем мифе криков, приведенном в рукописи Таггла, кролик добывает огонь, прикоснувшись к пламени шапкой, украшенной палочками из канифоли, притворяясь, что он низко наклоняется в танце. В мифе джикарилла лиса крадет огонь, обернув свой хвост кедровой корой и бросив его в пламя, танцуя вокруг круга.[14]

3. Канати и Селу: Происхождение кукурузы и дичи (с. 242): Эта история была получена почти в том же виде от Свиммера и Джона Акса (восток) и от Ваффорда (запад), а также приведена в рукописи Вахненаухи. Хагар кратко упоминает ее в своей рукописи «Звездные легенды чероки». Столь много верований и обычаев зависит от мифа о Канати, что ссылки на основные события постоянно встречаются в песнях и формулах. Это один из тех мифов, которые считаются настолько священными, что в старину тот, кто желал услышать его от жреца традиции, должен был сначала очиститься, «пойдя к воде», т. е. искупавшись в проточной реке до рассвета, еще не прервав поста, в то время как жрец совершал свои мистические обряды на берегу.

В своих «Письмах из Аллеганских гор», написанных более пятидесяти лет назад, Ланман дает (с. 136, 137) очень точный обзор этого мифа, помещая дичь, которую охотится Канати, которого он делает старым вождем чероки, в (традиционной) пещере на северной стороне Черной горы, ныне горы Митчелл, в округе Янси, Северная Каролина, самой высокой вершине к востоку от Скалистых гор. После того как его отец исчез и не был найден после долгих поисков, «мальчик выпустил стрелу в северном направлении, но она вернулась и упала у его ног, и он понял, что его отец не отправился в том направлении. Он также выпустил стрелы в восточном, южном и западном направлениях, но все они вернулись таким же образом. Тогда он решил выпустить стрелу прямо над своей головой, и так случилось, что эта стрела не вернулась, и мальчик понял, что его отец ушел в страну духов. Великий Дух был зол на народ чероки и, чтобы наказать его за проступок глупого мальчика, он оторвал пещеру от склона Черной горы и оставил на ее месте только большой утес, который теперь является заметной достопримечательностью, а затем объявил, что наступит время, когда другая раса людей будет владеть горами, где чероки процветали на протяжении многих поколений».

Эта история имеет множество параллелей в индейских мифах, настолько много, что почти все важные концепции, встречающиеся в ней, повторяются на севере, на юге и на равнинах, и, вероятно, будут найдены также к западу от гор, когда будет собрано достаточное количество материалов по этому региону. История оджибве «Виндиго» ([15]), в частности, имеет много поразительных сходств; то же самое можно сказать и о мифе омаха «Двуликий и братья-близнецы», приведенном Дорси ([16]).

Его женой была Селу, «Кукуруза» — в верованиях чероки, как и в мифологии почти всех восточных племен, дух кукурузы — это женщина, а само растение изначально произрастало из капель крови или мертвого тела Женщины-Кукурузы. В священных формулах чероки кукуруза иногда упоминается как Агавела, «Старуха», и один миф (№ 72, «Охотник и Селу») рассказывает о том, как охотник однажды стал свидетелем превращения растущего стебля в красивую женщину.

В мифе криков «Происхождение индейского кукурузы», приведенном в рукописи Таггла, кукурузное растение представляется преобразованным телом старухи, единственный сын которой, наделенный магическими способностями, развился из одной капли ее (менструальной?) крови.

В легенде ирокезов, согласно Моргану, кукурузное растение выросло из груди матери Великого Духа (*sic*) после ее погребения. Духи кукурузы, фасоли и тыквы представлены в виде трех сестер. «Предполагается, что они имеют облик красивых женщин, очень любят друг друга и с удовольствием живут вместе. Последнее поверье иллюстрируется естественной адаптацией самих растений, которые растут вместе на одном поле и, возможно, на одном холме».[17]

Рожденный из крови — эта концепция ребенка, рожденного из капель крови, вновь появляется в истории чероки о Цулкалу (см. номер 81). Ее наличие среди криков только что было отмечено. Она также встречается у дакота (Дорси, «Мальчик из сгустков крови», в «Вклад в североамериканскую этнологию», IX, 1893), омаха (Дорси, «Кролик и гризли», в «Вклад в североамериканскую этнологию», VI, 1890), черноногих («Кутоис», в Grinnell, «Blackfoot Lodge Tales»; Нью-Йорк, 1892) и других племен. Обычно ребенок, рожденный таким образом, имеет более дикий и озорной характер, чем обычно.

Олени, запертые в пещере — Индейское поверье о том, что дикие животные изначально были заперты в пещере, из которой они впоследствии были освобождены случайно или с помощью хитрости, очень широко распространено. В версии Таггла о создании земли, записанной племенем криков, мы находим оленей, запертых таким образом и впоследствии освобожденных. Ирокезы «верили, что дикие животные не всегда были свободны, а были заперты в пещере , где их спрятал Тавискара; но чтобы они могли размножиться и заселить лес, Йоскеха дал им свободу».[18] Та же идея встречается в истории омаха «Иктинике, братья и сестра» (Dorsey, в Contributions to North American Ethnology, VI, 1890). Киова рассказывают, как буйволы были заключены в тюрьму Кроу, пока не были освобождены Синти, когда все люди голодали из-за нехватки мяса. Когда буйволы так внезапно и полностью исчезли с равнин около двадцати пяти лет назад, племена прерий не могли понять, что они были истреблены, но долгое время лелеяли веру, что они были снова заперты высшей силой белых в какой-то подземной тюрьме, из которой заклинания их собственных шаманов еще вернут их обратно (см. ссылки в работе автора «Календарная история индейцев киова» в «Семнадцатом ежегодном отчете Бюро американской этнологии», часть 1, 1901). Традиция киова почти точно повторяется у джикарилла (Рассел, «Мифы апачей джикарилла», в «Журнале американского фольклора», октябрь 1898 г.).

Хранилище — Унвадали, или хранилище для кукурузы, фасоли, сушеных тыкв и других продуктов, было характерной чертой каждого дома чероки и, вероятно, было распространено среди всех южных племен. Лоусон так описывает его у сантеев в Южной Каролине около 1700 года:

«Они строят себе очень любопытные амбары, в которых хранят кукурузу от вредителей, которые в этих теплых климатических условиях встречаются чаще, чем в странах, более удаленных от солнца. Эти красивые сооружения обычно поддерживаются восемью опорами высотой около семи футов от земли, хорошо обмазанными внутри и снаружи на решетках глиной или суглинком, что делает их герметичными и пригодными для защиты от мельчайших насекомых. . На торцевом конце находится небольшая дверь, сделанная из того же материала и снимаемая по желанию, размером не больше, чем может пролезть худой человек. Когда они вынимают зерно из амбара и уходят из дома, они заделывают дверь той же землей, и всегда находят свои зернохранилища в том же состоянии, в каком их оставили — кражи друг у друга совершенно не практикуются».[19]

Погладила живот — это чудесное получение провианта путем поглаживания тела также встречается в номере 76, «Человек-медведь».

Знал их мысли — чтение мыслей — часто встречающаяся концепция в индейских мифах, которая встречается в более чем одной истории чероки.

Семь раз — идея священных чисел уже отмечалась, и постоянное повторение числа семь в данном мифе хорошо иллюстрирует важность этого числа в ритуалах чероки.

Пучок пуха — В истории омаха «Женщина-кукуруза и женщина-буйвол» (Dorsey, Contributions to North American Ethnology, VI, 1890) волшебник превращается в перо и позволяет ветру уносить его, чтобы достичь своей цели. Волк делает то же самое в мифе о реке Томпсон.[20] Самопревращение героя в пучок птичьего пуха, перо, лист или какой-либо другой легкий предмет, который затем уносит ветер туда, куда он хочет, очень часто встречается в индейских мифах.

Играть с ними в мяч — это образное выражение чероки, обозначающее соревнование любого рода, в частности сражение.

Оставил открытое пространство — когда колдун чероки с помощью своих заклинаний обвивает большой (невидимый) змей вокруг дома больного человека, чтобы отпугнуть ведьм, он всегда заботится о том, чтобы оставить небольшое пространство между головой и хвостом змеи, чтобы члены семьи могли спуститься к источнику за водой.

Волки — Волк считается слугой и сторожем Канати. См. номер 15, «Четвероногие племена».

От них произошли все — почти во всех индейских мифологиях мы находим идею о том, что некоторые племена животных произошли от единственного выжившего после великого истребления, устроенного ранним героем-богом или трикстером. Так, киовы говорят, что все сурки на равнинах произошли от одного маленького сурка, который был слишком осторожен, чтобы закрыть глаза, как сделали его товарищи, когда голодный бродяга Синти планировал поймать их всех на ужин под предлогом научить их новому танцу.

Игровое колесо — это было каменное колесо или круглый диск, используемый в игре «колесо и палка», называемой чероки gatayûstĭ, которая в той или иной форме была практически универсальна среди племен. В эту игру играл великий мифический азартный игрок Ûñtsaiyĭ′ (см. номер 63). На севере она иногда была известна как «снежная змея», а ранние южные торговцы называли ее *chunki* или *chungkey*, что является искажением названия на языке криков. Тимберлейк (стр. 77) упоминает ее под названием *nettecawaw* — для которого, по-видимому, нет других подтверждений — так как он видел ее среди чероки в 1762 году.[21] Она также была отмечена среди племен Каролины Ледерером в 1670 году и Лоусоном в 1701 году. Джон Акс, самый пожилой человек, ныне живущий среди восточных чероки, — единственный оставшийся в племени, кто когда-либо играл в эту игру, научившись ей в детстве от старика, который хотел сохранить память о древних вещах. Используемые палки давно исчезли, но камни остались, их часто подбирают на вспаханных полях, особенно в окрестностях курганов. Лучшее описание южной игры дает Адаир:

«Рядом со своим государственным зданием у них есть квадратный участок земли, хорошо очищенный, и при необходимости он тщательно посыпается мелким песком, чтобы ускорить движение того, что они бросают по поверхности. В эту древнюю игру играют только один или два человека с каждой стороны. У них есть камень шириной примерно в два пальца по краю и длиной в две ладони. Каждая сторона имеет шест длиной около восьми футов, гладкий, сужающийся на каждом конце, с плоскими концами. Они стартуют рядом друг с другом в 6 ярдах от конца игровой площадки; затем один из них бросает камень на его краю, по возможности по прямой

линии, на значительное расстояние к середине другого конца квадрата. Пробежав несколько ярдов, каждый из них бросает свой шест, смазанный медвежьим маслом, с необходимой силой, насколько он может предположить, пропорционально движению камня, чтобы конец шеста оказался как можно ближе к камню. В этом случае игрок получает два очка, а в зависимости от близости палок к отметке, одно очко, если только при измерении не обнаружится, что обе палки находятся на равном расстоянии от камня. Таким образом, игроки будут бегать большую часть дня на полной скорости под палящим солнцем, ставя на кон свои серебряные украшения, кольца для носа, пальцев и ушей, нагрудные, налокотные и нарукавные пластины и даже всю свою одежду, за исключением той, которая едва прикрывает их живот. Все американские индейцы очень увлечены этой игрой, которая нам кажется глупой и утомительной работой. Однако, по-видимому, она имеет древнее происхождение, когда их предки использовали развлечения, столь же простые, как и их нравы. Камни, которые они используют в настоящее время, были с незапамятных времен отшлифованы до гладкости на скалах с помощью огромного труда. Они хранятся с строжайшей религиозной заботой от поколения к поколению и не подлежат захоронению вместе с умершими. Они принадлежат городу, в котором используются, и тщательно сохраняются». [22]

В одной из версий мифа о Канати колесо представляет собой стрелу, которую дикий мальчик стреляет в четыре стороны света и, наконец, прямо вверх, после чего она больше не возвращается. Когда они поднимаются над небом, они находят Канати и Селу сидящими вместе, а стрела торчит в земле перед ними. В рассказе криков «Лев [Пантера?] и маленькая девочка» из сборника Таггла у льва есть колесо, «которое могло найти все, что было потеряно».

Сумеречная земля — Усуньхии, «где всегда темнеет», земля духов на западе. Это слово постоянно используется в священных формулах для обозначения запада вместо обычного слова Уделигуньи, «где оно заходит». Точно так же Нуньдайи или Нуньдагуньи, «место или область Солнца», является формульным названием востока вместо обычного термина Дигалунгуньи, «где оно [т. е. солнце] восходит». Эти архаичные выражения придают мифам и формулам особую красоту, которая теряется в переводе. Как однажды сказал переводчик: «Я люблю слушать эти старые слова».

Пораженный молнией — У американских племен, как и в Европе, дерево, пораженное молнией, обладает таинственной силой. Заклинатели чероки утверждают, что с помощью такого дерева они совершают чудеса. Осколки такого дерева часто закапывают в поле, чтобы кукуруза хорошо росла. Не следует забывать, что мальчики в этом мифе — это Мальчики Грома.

Конец света — см. примечания к номеру 7, «Путешествие к восходу солнца».

Анисга'я Цунсди' — сокращение от Анисга′я Цунсди′га, «Маленькие люди». Этих двух сыновей Канати ( ) Канати ( ), которых иногда называют Громовыми мальчиками и которые живут в Усуньхии ( ) в Усуньхии ( ) над небесным сводом, не следует путать с Юньви Цунсди (Yûñwĭ Tsunsdi′), или «Маленькими людьми», которые также являются Громовержцами, но живут в пещерах скал и вызывают короткие, резкие раскаты грома. Есть также Великий Громовержец, гром вихря и урагана, который, по-видимому, тождественен самому Канати.

Песни о оленях — Индейские охотники древних времен имели много песен, предназначенных для призывания оленей и медведей. Большинство из них утрачены, но некоторые все еще помнят. Их

пели охотники, сопровождая их некоторыми церемониями, под сладкую, жалобную мелодию, либо перед выходом на охоту, либо по прибытии на место охоты.

Одна из песен чероки об оленях, исполняемая с повторениями, может быть свободно переведена:

О олень, ты стоишь рядом с деревом,

Ты подслащиваешь свою слюну желудями,

Теперь ты стоишь рядом,

Ты пришел туда, где твоя пища лежит на земле.

Гэтчет в своей «Легенде о миграции криков» (I, стр. 79) дает следующий перевод песни о охоте на оленей племени хичите:

Где-то (олень) лежит на земле, я думаю; я хожу вокруг.

Проснись, встань, поднимись!

Он поднимает голову, я верю; я хожу вокруг.

Проснись, встань, поднимись!

Он пытается подняться, я думаю; я хожу вокруг.

Проснись, встань, поднимись!

Медленно оно поднимает свое тело, я думаю; я хожу вокруг.

Проснись, встань, поднимись!

Теперь оно, по-моему, встало на ноги; я хожу вокруг.

Проснись, встань, вставай!

4. Происхождение болезни и медицины (с. 250): Этот миф был впервые получен от Свиммера как объяснение теории, на которой основана медицинская практика врача чероки. Позже он был услышан, с меньшей степенью детализации, от Джона Акса (восток) и Джеймса Уэффорда (запад). Первоначально он был опубликован в книге автора «Священные формулы чероки» в Седьмом ежегодном отчете Бюро этнологии.

В мифологии большинства индейских племен, а также первобытных народов в целом, болезни вызываются духами животных, призраками или колдовством, и усилия врача направлены главным образом на изгнание злобного духа. Согласно рукописи Таггла, в верованиях криков «все болезни вызываются ветрами, которые рождаются в воздухе, а затем спускаются на землю». Однако сомнительно, что это утверждение применимо к более чем нескольким классам болезней, а другой миф из той же коллекции гласит, что «когда-то звери, птицы и рептилии созвали совет, чтобы придумать способ уничтожить врага, человека». Более подробное обсуждение индейской медицинской теории см. в упомянутой выше статье автора.

Вожди животных и племена — для ознакомления с теорией чероки о племенной организации животных, с городскими домами и советами, под руководством таких вождей, как Белый Медведь, Маленький Олень и т. д., см. номер 15, «Четвероногие племена».

Гора Кувахи — «Место шелковицы», одна из высоких вершин в горах Грейт-Смоки, на границе между округом Свейн, Северная Каролина, и округом Севир, Теннесси. Под ней у медведей есть городской дом.

Попросите прощения у медведя — см. номер 15, «Четвероногие племена», и примечания.

Полоски на спине *суслика* — согласно мифу племени криков из сборника Таггла, полоски на спине суслика были сделаны медведем, который поцарапал маленького зверька в гневе на совете животных, созванном для решения вопроса о правильном разделении дня и ночи. Точно такое же объяснение дают ирокезы из штата Нью-Йорк[23] и индейцы реки Томпсон из Британской Колумбии.[24]

5. Дочь Солнца: Происхождение смерти (с. 252): Это один из основных мифов чероки, и, как и большинство мифов этого типа, он имеет несколько вариантов. Продолжение мифа имеет явное сходство с мифом о Пандоре. Он был получен полностью или частично от Свиммера, Джона Акса, Джеймса Блайта и других представителей восточного племени. В основном используется версия Свиммера, которая отличается важными деталями от версии Джона Акса.

По версии Джона Акса, убита сама Солнце, а не ее дочь, которой было поручено освещать землю после смерти ее матери, первоначального Солнца. Единственные упомянутые змеи — это Распространяющаяся гадюка и Гремучая змея, первая из которых является превращенным человеком, а вторая — палкой, на которой Маленькие Люди вырезают семь колец, прежде чем бросить ее на путь Солнца, где она превращается в гремучую змею. Семь палок или посохов из версии Пловца у Джона Акса заменяют семь кукурузных початков, которые бросают в девушку, когда она проходит мимо во время танца (ср. вариант Хагара под номером 8 в примечаниях). Маленькие люди (см. номер 3, «Канати и Селу» из сборника « » и другие рассказы) принадлежат к версии Джона Акса. В других версиях есть только чародей или вождь, который руководит происходящим.

Этот миф упоминается в рукописи Пейна, датированной примерно 1835 годом, цитируемой в книге Сквайера «Символ змеи» на странице 67: «Чероки утверждают, что в сотворении мира участвовало несколько существ. Первым было сотворено Солнце. Создатели хотели, чтобы люди жили вечно. Но Солнце, проходя над землей, сказало им, что земли недостаточно и что людям лучше умереть. В конце концов дочь Солнца, которая была с ними, была укушена змеей и умерла. Солнце, вернувшись, спросило о ней и узнало, что она мертва. Тогда оно согласилось, чтобы люди жили вечно, и велело им взять ящик, пойти туда, где находился дух его дочери, и принести его обратно к ее телу, завещав им, чтобы, когда они получат ее дух, они не открывали ящик, пока не прибудут туда, где находится ее тело. Однако, поддавшись любопытству, они открыли ее, вопреки запрету Солнца, и дух сбежал; и тогда была решена судьба всех людей, которые должны были умереть». Этот текст без указания источника скопирован Фостером, Секвойя, стр. 241.

Другая версия приводится миссионером Батриком, умершим в 1847 году, в его книге «Древности индейцев чероки», стр. 3: «Вскоре после сотворения мира один из членов семьи был укушен змеей и умер. Были испробованы все возможные средства, чтобы вернуть его к жизни, но тщетно. Потерпев поражение в этом первом случае, весь род был обречен не только на смерть, но и на последующие страдания, так как предполагалось , что этот человек отправился в страдания. Другая традиция гласит, что вскоре после сотворения мира молодая женщина была укушена змеей

и умерла, и ее дух отправился в определенное место, и людям было сказано, что если они вернут ее дух в ее тело, то тело снова оживет, и они предотвратят всеобщую смертность тела. Поэтому несколько молодых людей отправились с ящиком, чтобы поймать дух. Они пришли в одно место и увидели, как он танцует, и наконец поймали его в ящик, закрыли крышку, чтобы запереть его, и отправились обратно. Но дух постоянно умолял их открыть ящик, чтобы пропустить немного света, но они поспешили, пока не прибыли вблизи места, где находилось тело, и тогда, из-за ее особой настойчивости, они слегка приоткрыли крышку, и дух вылетел и исчез, а вместе с ним и все их надежды на бессмертие».

В варианте, отмеченном Хагаром, посланцы несут четыре посоха и семь дней путешествуют в страну призраков. «Они нашли ее танцующей в стране духов. Они ударили ее первым «посохом», но это не произвело никакого эффекта; вторым — и она перестала танцевать; третьим — и она оглянулась; четвертым — и она подошла к ним. Они сделали ящик и поместили ее в него». Один из информаторов рассказал ему: «Только один человек когда-либо возвращался из страны душ. Он попал туда во сне после того, как змея ударила его по лбу. Он, Турция-голова, вернулся через семь дней и рассказал обо всем. Мертвые сначала идут на восток, затем на запад, в Страну Сумерек. Она находится на западе в небе, но не среди звезд» (Звездные легенды чероки, MS, 1898).

В мифе шавано девушка умирает, и, долго скорбя о ней, ее брат отправляется, чтобы вернуть ее из страны теней. Он путешествует на запад, пока не достигает места, где земля и небо встречаются; затем он проходит через него и поднимается на другую сторону, пока не доходит до дома великого благодетельного духа, который, согласно индейской системе уважения, называется дедом. Узнав о его задании, этот помощник дает ему «лекарство», с помощью которого он сможет войти в мир духов, и инструктирует его, как и в каком направлении идти, чтобы найти свою сестру. «Он сказал, что она будет на танцах, и когда она встанет, чтобы присоединиться к танцу, он должен схватить ее и спрятать в дупле тростника, который ему дали, и закрыть отверстие кончиком пальца». Он делает, как ему велено, спасает сестру и возвращается в дом своего наставника- , который снова превращает их обоих в материальных существ и, дав им священные ритуалы, которые они должны выполнить в своем племени, отпускает их более коротким путем через люк в небе.[25]

В алгонкинском мифе из Нью-Брансуика осиротевший отец ищет душу своего сына в духовном царстве Папкуутпавута, индейского Плутона, который дает ему ее в виде ореха, который он должен вставить в тело сына, и тогда мальчик оживет. Он кладет его в мешочек и возвращается с друзьями, которые сопровождали его. Готовятся к танцу радости. «Отец, желая принять в нем участие, отдал душу своего сына на хранение стоящей рядом индианке. Любопытная, она открыла мешочек, из которого душа сразу же вылетела и устремилась в царство Папкуутпавута».[26] В мифе из Британской Колумбии два брата отправляются на похожее задание, чтобы вернуть душу своей матери. Переправившись через большое озеро, они подходят к берегу мира духов и слышат вдали звуки песен и танцев, но на пристани их останавливает часовой, который говорит им: «Ваша мать здесь, но вы не можете войти живыми, чтобы увидеть ее, и не можете увести ее». Один из них сказал: «Я должен увидеть ее!» Тогда мужчина отделил свое тело, или смертную часть, от себя и вошел. Другой брат вернулся.[27]

В древнеегипетской легенде о Ра и Исиде, сохранившейся в туринском папирусе, датируемом двадцатой династией, богиня Исида, желая вынудить великого бога Ра, солнце, раскрыть секрет своей силы, посылает змею укусить его, намереваясь потребовать секрет для себя в качестве платы за помощь. Взяв немного своей слюны, «Исида смешала ее рукой с землей, которая была там. Она сделала из нее священного змея, которому придала форму копья. Она ... бросила его на путь, по которому великий бог путешествовал по своему двойному царству, когда ему заблагорассудится. Почтенный бог продвигался вперед, боги, которые служили ему как их фараону, следовали за ним,

он шел, как и каждый день. Тогда священный змей укусил его. Божественный бог открыл рот, и его крик дошел до небес... Яд проник в его плоть» и т. д.[28]

Небесный свод — см. другие ссылки в номере 1 «Как был сотворен мир», номере 3 « Kana'tĭ и Selu» и номере 7 «Путешествие к восходу солнца».

Мои внуки — Солнце называет людей *tsûñgili'sĭ*, «мои внуки», это термин, используемый бабушками и дедушками по материнской линии, соответствующий термин, используемый бабушками и дедушками по отцовской линии, — *tsûñgini'sĭ*. Луна называет людей *tsûñkina'tlĭ*, «мои младшие братья», термин, используемый мужчинами, поскольку в мифологии чероки Луна олицетворяется мужчиной. Соответствующий термин, используемый женщинами, — *tsûñkită'*.

Маленькие люди — Громовые мальчики, сыновья Канати (см. номер 3, «Канати и Селу»). Они всегда изображаются как благодетельные чудотворцы, обладающие великой силой.

Превращенные в змей — Названия чероки для гремучей змеи (*Crotalus*), медноголовой змеи (*Trigonocephalus*) и распространенной гадюки (*Heterodon*) соответственно: *utsa'natĭ*, «у него есть колокольчик» (?); *ва'диге'и аска'ли*, «красно-коричневая голова»; и *да'ликста'*, «рвотник», из-за его привычки извергать желтую слизь, как рассказывается в истории. Для получения более подробной информации об Уктена см. номер 50, «Уктена и Улунсути».

Ширина ладони — см. примечание к номеру 1, «Как был сотворен мир».

6. Как они вернули табак (с. 254): Первая версия этого мифа, приведенная здесь, была получена от Свиммера и совпадает с версией Джона Акса, за исключением того, что вместо колибри в последней версии фигурирует *васулу*, или большая красно-коричневая бабочка, которая летает вокруг табачного цветка по вечерам, и утверждается, что она была выбрана потому, что могла летать так тихо, что ее было невозможно заметить ( ). Вторая версия была получена от Уоффорда из западной части племени чероки, который услышал ее от своего двоюродного деда почти девяносто лет назад, и она настолько отличается от другой, что было решено привести ее отдельно. Случай с деревом, которое становится выше по мере того, как человек на него забирается, имеет близкие параллели в мифологии киова и других западных племен, но не имеет очевидной связи с этой историей и, вероятно, является либо одним из ряда приключений, изначально относящихся к путешествию, либо фрагментом из какого-то иного забытого мифа. Следует отметить, что Уэффорд был человеком довольно практичным, мало интересовавшимся историями и плохо их запоминавшим, и смог вспомнить подробности лишь немногих из множества историй, которые он слышал в детстве.

В своих «Письмах из Аллеганских гор» (стр. 119–121) Ланман приводит эту историю в том виде, в каком он получил ее в 1848 году от вождя Калаху (см. стр. 173), которого до сих пор хорошо помнят те, кто знал его как авторитета в области племенных традиций и ритуалов. В версии Калаху эта история связана с Хикоринат-Гэп, замечательным перевалом в горах Блу-Ридж к юго-востоку от Ашвилла, Северная Каролина, и сравнение с более поздними версиями ясно показывает, как много было утрачено за пятьдесят лет. Вероятно, все традиции чероки понесли соразмерные потери.

«Перед тем как посетить этот замечательный проход через горы [Хикоринат-Гэп], я попытался выяснить у чероки из города Куалла его первоначальное индейское название , но без успеха. Однако мне посчастливилось узнать связанную с ним романтическую легенду. Я услышал ее из уст вождя, который гордится двумя именами — Всекости и Летучая белка, и, хотя он потратил не

менее двух часов на рассказ этой истории, я постараюсь передать ее своим читателям примерно за пять минут.

«Было время, когда чероки не знали знаменитого *tso-lungh*, или табачной травы, с которой их ранее познакомил странник из Дальнего Востока. Покурив его в своих больших каменных трубках, они стали нетерпеливо желать получить его в изобилии. Они выяснили, что страна, где он рос в наибольших количествах, находилась на больших водах, и что вход в эту страну (мощное ущелье среди гор) постоянно охранялся огромным количеством маленьких людей или духов. Был созван совет самых храбрых мужчин племени, и пока они обсуждали опасности посещения неизвестной страны и привезти оттуда большой рюкзак ароматного табака, молодой человек смело выступил вперед и сказал, что возьмет на себя эту задачу. Молодой воин отправился на свою миссию и больше не вернулся. Народ чероки теперь находился в великом бедствии, и был созван еще один совет, чтобы принять решение о новых мерах. На этом совете известный волшебник встал и выразил готовность избавить свой народ от бедствий, сообщив, что он посетит страну табака и посмотрит, что он сможет сделать. Он превратился в крота и в таком виде появился к востоку от гор, но, преследуемый духами-хранителями, был вынужден вернуться без добычи. Затем он превратился в колибри и таким образом сумел в очень ограниченной степени получить то, что ему было нужно. Вернувшись в свою страну, он обнаружил, что многие из его друзей находятся на грани смерти из-за своего сильного желания получить ароматную траву; тогда он поместил немного ее в трубку и, подув дымом в ноздри больных, все они ожили и были очень счастливы. Теперь волшебник решил отомстить за потерю молодого воина и одновременно стать единственным владельцем всего табака в неизвестной стране. Поэтому он превратился в вихрь и, пролетая через ущелье Хикоринат, обнажил горы от растительности и разбросал огромные камни по всей узкой долине; после чего все маленькие люди испугались и убежали, и он остался единственным существом в стране к востоку от гор. В русле ручья он нашел кости молодого воина, оживил их и снова превратился в человека. Затем они вдвоем вернулись в свою страну , тяжело нагруженные табаком, и с тех пор он стал очень распространенным во всей стране».

В истории ирокезов «Мальчик и каштаны» миф чероки имеет параллель с заменой табачного растения, за которым следили гуси дагулку, на каштановое дерево, охраняемое белой цаплей (см. Смит, «Мифы ирокезов», во Втором ежегодном отчете Бюро этнологии, 1883).

Табак — Табак, как хорошо известно, имеет американское происхождение и является священным для почти всех наших племен, занимая важное место почти в каждой совещательной или религиозной церемонии. Коммерческий табак (*Nicotiana tabacum*) был завезен из Вест-Индии. Первоначальным табаком чероки и других восточных племен был «дикий табак» (*Nicotiana rustica*), который они сейчас называют *tsâl-agayûñ'li*, «старый табак». Ирокезы называют этот же вид «настоящим табаком».

Гуси дагулку — Дагулку — это американский белолобый гусь (*Anser albifrons gambeli*). Говорят, что он был голубовато-белого цвета и был распространен в низменных районах у побережья, но очень редко встречался в горах. Примерно в конце сентября он улетает на юг, и ночью можно услышать, как он летит высоко в небе и кричит *«дугалй! дугалй! дугалй*!». Пловец слышал, как они пролетали над ним, но никогда не видел ни одного.

7. Путешествие к восходу солнца (стр. 255): Эта история, полученная от Джона Акса, с дополнительными подробностями от Свиммера и Уоффорда , имеет параллели во многих племенах. Свиммер не знал об инциденте с погребением, но сказал — очевидно, более позднее добавление — что, когда они приблизились к восходу солнца, они обнаружили там расу

чернокожих людей, занятых работой. Довольно примечательно, что в истории ничего не говорится о том, что путешественники достигли океана, поскольку чероки хорошо знали о его близости.

Как выглядит Солнце — Согласно уже цитированной рукописи Пейна, древние чероки верили, что мир, первые мужчина и женщина, а также солнце и луна были созданы рядом благодетельных существ, которые спустились для этой цели из верхнего мира, куда они впоследствии и вернулись, оставив солнце и луну в качестве своих заместителей, чтобы завершить и управлять таким образом созданным миром. «Поэтому, когда верующие в эту систему возносят молитву своему создателю, они под создателем подразумевают скорее Солнце и Луну. Что касается того, кто из них был верховным, то, по-видимому, мнения сильно расходились. В некоторых из их древних молитв они говорят о Солнце как о мужском начале и, конечно же, считают Луну женским началом. В других же они обращаются к Луне как к мужскому началу, а к Солнцу — как к женскому, потому что, как они говорят, Луна бдительна и путешествует по ночам. Но и Солнце, и Луна, как мы уже говорили, почитаются как создатели... Выражение «Солнце, мой создатель» часто встречается в их древних молитвах. Действительно, Солнце обычно считалось высшим в их поклонении» (цитируется в Squier, Serpent Symbol, стр. 68). Хейвуд в 1823 году говорит: «Солнце они называют дневной луной или женским, а ночную луну — мужским» (Nat. and Aborig. Hist. Tenn., стр. 266). Согласно Свиммеру, существует также предание, что Солнце было каннибалом и однажды было замечено в человеческом обличье, убивающим и пожирающим людей. Солнце и Луна — сестра и брат. См. номер 8, «Луна и Громы».

Индейцы реки Томпсон в Британской Колумбии говорят о солнце, что раньше «он был человеком и каннибалом, каждый день убивая людей во время своих путешествий... Когда он возвращался домой, он вешал людей, которых убил за день, снимал тела тех, кого повесил накануне вечером, и съедал их». В конце концов его убедили отказаться от каннибальских привычек (Teit, Thompson River Traditions, стр. 53).

В одной могиле — это напоминает нам о приключении в путешествии Синдбада-морехода, описанном в «Арабских ночах». Жертвоприношение жены на похоронах мужа было древним обычаем на Востоке и в некоторых частях Африки, и до сих пор сохраняется в индуистском сати. Возможно, когда-то он имел аналог в Америке, но, насколько известно автору, наиболее близким к нему был обычай, распространенный в районе нижней части реки Колумбия и прилегающего северо-западного побережья, где рабыню часто хоронили заживо вместе с трупом.

Свод из твердой скалы — Небесный свод, который постоянно поднимается и опускается на горизонте и сокрушает тех, кто пытается выйти за его пределы, встречается в мифологии ирокезов Нью-Йорка, омаха и сиу равнин, тилламуков Орегона и других широко разбросанных племен. Концепция ирокезов приведена Хьюиттом в статье «Подъем и падение неба» в сборнике «Легенды ирокезов», опубликованном в журнале «Американский антрополог» в октябре 1892 года. В омахской истории «Сын вождя и громы» (Дорси, «Вклад в североамериканскую этнологию», VI, 1890) группа путешественников в поисках приключений «дошла до края неба, и край неба опускался в землю». Они попытались перепрыгнуть через него, и всем это удалось, кроме одного, который не смог преодолеть расстояние, и «конец неба унес его под землю». Остальные прошли в другой мир и вернулись тем же путем. В мифе тилламуков шесть мужчин отправляются в путешествие и доходят до «молниеносной двери, которая открывалась и закрывалась с большой скоростью и силой». Они проходят через нее благополучно, но один из них попадает в ловушку на обратном пути, и его спина разрывается пополам опускающимся небом (Boas, Traditions of the Tillamook Indians, в Journal of American Folk-Lore, январь 1898 г.). См. также номер 1, «Как был сотворен мир», и номер 3, «Канати и Селу».

8. Луна и Громы (стр. 256): История о солнце и луне, приведенная здесь, была получена сначала от Свессера, а затем от других информаторов. Хагар в своей рукописи «Звездные легенды чероки» отмечает, что один из рассказчиков заставляет девушку почернить лицо своего брата семью (обгоревшими?) кукурузными початками (ср. версию Джона Акса под номером 5 в примечаниях). Точно такой же миф встречается у коренных племен Гренландии, Панамы, Бразилии и Северной Индии. Среди хасиа из Гималаев «изменения Луны объясняются теорией, что этот светило, который является мужчиной, ежемесячно влюбляется в мать своей жены, которая бросает ему в лицо пепел. Солнце — женщина». У некоторых северных племен Амазонки «луна представлена в образе девушки, которая влюбилась в своего брата и навещала его по ночам, но в конце концов была предана им, когда он провел своей почерневшей рукой по ее лицу». У гренландских эскимосов Солнце и Луна — сестра и брат, которые играли в темноте, «когда Малина, подвергаясь позорным насмешкам со стороны своего брата Аннинги, смазала руки сажей от лампы и потерела ими лицо и руки своего преследователя, чтобы днем она могла его узнать. Отсюда и возникли пятна на Луне (см. Тимоти Харли, «Moon Lore», Лондон, 1885, и рассказ «Солнце и Луна» в книге Генри Ринка «Сказки и традиции эскимосов», Лондон, 1875). В Британской Колумбии тот же случай происходит в истории о девушке и ее возлюбленном, который был собакой, превращенной в человека (Тейт, Традиции реки Томпсон, стр. 62). Очень похожий миф встречается у чейенов, в котором главные герои являются людьми, но их потомки становятся Плеядами (A. L. Kroeber, Cheyenne Tales, в Journal of American Folk-Lore, июль 1900 г.). Практически во всех мифологиях Солнце и Луна являются сестрой и братом, причем Луна обычно является мужским началом, а Солнце — женским (ср. немецкий Der Mond, Die Sonne).

Миф, связывающий Луну с игрой в мяч, взят из книги Хейвуда (Natural and Aboriginal History of Tennessee, стр. 285), по-видимому, на основании сведений Чарльза Хикса, вождя смешанного происхождения.

Затмение — О мифе о чудовище затмения, которое можно отпугнуть всевозможными ужасными звуками, достаточно сказать, что он является универсальным (см. Харли, «Предания о Луне»). Название этого явления на языке чероки — *nûñdă' walâ'sĭ u'giskă'*, «лягушка поглощает солнце или луну». Адаир (История американских индейцев, стр. 65) говорит: «Первое лунное затмение, которое я увидел после того, как поселился среди индейцев, произошло у чероки в 1736 году, и во время его продолжительности их поведение казалось очень удивительным для того, кто раньше не видел ничего подобного. Они все бегали как сумасшедшие, то в одну, то в другую сторону, стреляли из ружей, кричали и вопили, били в котлы, звенели конскими колокольчиками и издавали самые ужасные звуки, на которые только способны люди. Это было следствием их естественной философии и делалось для того, чтобы помочь страдающей луне».

Имена солнца и луны — Вероятно, в каждом племени солнце и луна называются одним и тем же именем, сопровождаемым отличительным прилагательным.

Громы — Название грома на языке чероки, Ani′-Hyûñ′tĭkwălâ′skĭ, является одушевленной формой множественного числа и буквально означает «Громовержцы» или «Те, кто создают гром». Великие Громовержцы — это Канати и его сыновья (см. рассказ), но менее значимые духи грома населяют все утесы и горы, и в особенности большие водопады, такие как Таллула, чей непрекращающийся рев, как полагают, является голосом Громовержцев, обращающихся к тем, кто может их понять. Подобное представление было распространено среди ирокезов и восточных племен в целом. Адаир говорит (История американских индейцев, стр. 65), говоря о южных племенах: «Я слышал, как они говорили, что когда долго идет дождь, гремит гром и дует сильный ветер, то любимые или святые люди воюют над облаками, и они верят, что в такие моменты война бывает умеренной или жаркой в зависимости от шума и силы бури». В португальской Западной Африке Громовержцы также являются братьями-близнецами, которые поссорились и ушли, один

на восток, другой на запад, откуда каждый отвечает другому ( ) всякий раз, когда поднимается сильная буря.[29] Среди племен равнин и гром, и молния вызываются большой птицей.

Радуга — Представление о радуге как о прекрасном одеянии бога Грома встречается также у жителей островов Южного моря. На Мангаиа это пояс бога Тангароа, который он ослабляет и позволяет свисать до земли, когда хочет спуститься (Gill, Myths and Songs of the South Pacific, p. 44). По какой-то необъяснимой причине страх указывать на радугу под угрозой того, что палец засохнет или деформируется, встречается у большинства племен даже на побережье Тихого океана. Автор впервые услышал об этом от мальчика из племени пуяллуп из Пьюджет-Саунд, штат Вашингтон.

9. Какие они, звезды (с. 257): эта история, рассказанная Свиммером, воплощает старое племенное поверье. Другой информатор рассказал Хагару: «Звезды — это птицы. Мы знаем это, потому что однажды одна из них упала с неба на землю, и некоторые чероки, которые искали ее, нашли маленькую птичку, размером с только что вылупившегося цыпленка, там, где она упала» (MS Stellar Legends of the Cherokee, 1898).

Эта история очень похожа на ту, которую Лоусон услышал от тускарора в восточной части Северной Каролины около 1700 года. Индеец был убит молнией, люди собрались на похороны, и священник произнес длинную речь о власти молнии над всеми людьми, животными и растениями, за исключением мышей и черного каучукового дерева. «Наконец он начал рассказывать самую нелепую и абсурдную ложь о молнии, какую только можно было придумать: что индеец из этого племени однажды получил молнию в виде куропатки; что никакая другая молния не могла ему навредить, пока она была с ним; и что после того, как он хранил ее несколько лет, она улетела от него, и он стал так же подвержен ударам молнии, как и любой другой человек. В то же время там присутствовал индеец, который с юности жил в основном в английском доме, поэтому я подозвал его и рассказал ему, какую ложь рассказывает чародей, не сомневаясь, что он думает так же, как и я; но я обнаружил, что все наоборот, потому что он ответил, что я сильно ошибаюсь, потому что старик, которому, , как я полагаю, был старше ста лет, никогда не лгал, а то, что он сказал, было правдой, потому что он сам знал, что это так. Увидев невежество этого человека, я больше не стал об этом говорить (История Каролины, стр. 346).

По словам Хагара, определенное созвездие из семи звезд, которое он идентифицирует как Гиады, чероки называют «Рука» из-за его сходства с согнутой в локте человеческой рукой, и они говорят, что это сломанная рука человека, который поднялся на небо, потому что, будучи таким образом искалеченным, он больше не был нужен на земле.

Метеор, и, вероятно, также комета, называется Atsil′-Tlûñtû′tsĭ” «Огненная пантера», и то же самое понятие встречается у шавано, воплощенное в имени их великого вождя Текумты (см. стр. 215).

10. Происхождение Плеяд и сосны (стр. 258): этот миф хорошо известен в племени и был рассказан почти в той же форме Свиммером, Тагвадихи и Суйетой. Танец перьев, также называемый танцем орла, является одним из старых любимых танцев и аналогичен древнему танцу калумет северных племен. Описание игры гатайусти см. в примечании к номеру 3, «Канати и Селу». В варианте, записанном Стэнсбери Хагаром (MS Stellar Legends of the Cherokee), мальчики проводят время, стреляя по кукурузным стеблям.

Согласно Сквайеру (Serpent Symbol, стр. 69), вероятно, на основании рукописи Пейна, «чероки почитали утреннюю звезду, а также семь звезд, с которыми они связывали множество легенд, все из которых, без сомнения, являются аллегорическими, хотя их значение сейчас неизвестно».

Соответствующий миф ирокезов, приведенный ниже, как его изложила миссис Эрмини Смит в своей книге «Мифы ирокезов» (Второй годовой отчет Бюро этнологии, стр. 80), практически такой же, и, вероятно, когда-то был распространен на обширной территории на востоке:

«Семь маленьких индейских мальчиков привыкли приносить вечером свой кукурузу и бобы на небольшой холм, на вершине которого после пира садился самый сладкий из их певцов и пел для своих товарищей, танцующих вокруг холма. Однажды они решили устроить более пышный пир, и каждый должен был принести что-нибудь для вкусного супа. Но родители отказали им в необходимых продуктах, и они собрались на танцы без пира. Их головы и сердца становились все легче, когда они кружились вокруг кургана, пока вдруг вся компания не взлетела в воздух. Неутешные родители тщетно звали их вернуться, но было уже слишком поздно. Они поднимались все выше и выше, кружась вокруг своего певца, пока, превратившись в яркие звезды, не заняли свои места на небосводе, где, как Плеяды, они танцуют до сих пор, хотя яркость певца померкла из-за его желания вернуться на землю».

В эскимосской сказке охотник был преследуем врагами, и, бежав, он постепенно поднялся с земли и наконец достиг неба, где превратился в звезду (Кробер, «Сказки эскимосов Смит-Саунд», в «Журнале американского фольклора»). Это превращение людей в звезды и созвездия является одним из наиболее распространенных мотивов в первобытных мифах.

11. Млечный Путь (с. 259): Эта история, в слегка измененном виде, хорошо известна среди чероки на востоке и западе. Общее слово для мельницы — *dista'stĭ*, включая также самодействующую мельницу-давилку или *ûlskwûlte'gĭ*. В оригинальной версии мельница, вероятно, была деревянной ступкой, такой, как обычно использовали чероки и другие восточные и южные племена.

В варианте, записанном в рукописи Хагар Чероки, есть два охотника, один из которых живет на севере и охотится на крупную дичь, а другой живет на юге и охотится на мелкую дичь. Первый, обнаружив жену второго, мелющую кукурузу, схватывает ее и уносит далеко по небу в свой дом на севере. Ее собака, съев оставшуюся муку, следует за парой по небу, и мука, выпадающая из ее пасти, когда она бежит, образует Млечный Путь.

У киова, шайенов и других племен равнин Млечный Путь — это пыльный след, по которому буйволы и лошади когда-то бежали в гонке по небу.

12. Происхождение клубники (с. 259): этот миф, приведенный здесь, был получен от Тагвадихи, который сказал, что все упомянутые фрукты были тогда созданы впервые, и добавил: «Так что, в любом случае, из ссоры вышло что-то хорошее». Версия Свессера более подробна, но кажется чрезмерно приукрашенной.

13. Великий Желтый Шершень: Происхождение рыб и лягушек (с. 260): Эта история, полученная от Свеммера, хорошо известна в племени и имеет много параллелей в других индейских мифологиях. Практически в каждом племенном генезисе мы находим первобытный мир, зараженный свирепыми чудовищными животными, которые в конце концов уничтожаются или становятся безвредными, оставляя только своих потомков, нынешних миниатюрных видов. Яркие примеры приводятся в книге Мэтью «Легенды навахо» (. 30) и в рассказе автора о генезисе джикарилла в журнале «Американский антрополог» за июль 1898 года.

Другая версия легенды чероки приводится Ланманом в его «Письмах из Аллеганских гор», стр. 73–74:

«Чероки рассказывают, что когда-то в этих горах [около Нантахалы и Франклина] обитала очень большая птица, внешне напоминавшая зеленокрылого шершня, и это существо имело привычку

уносить младших детей племени, которые случайно забредали в лес. Очень много детей таинственным образом исчезло таким образом, и весь народ объявил войну этому чудовищу. Для его уничтожения были использованы различные средства, но без успеха. Со временем было решено, что мудрецы (или знахари) племени должны попробовать свои силы в этом деле. Они собрались на совет и решили, что каждый из них должен занять позицию на вершине горы, и когда существо будет обнаружено, тот, кто его обнаружил, должен громко крикнуть, а его крик должен подхватить сосед на соседней горе, и так до конца линии, чтобы все мужчины могли выстрелить в странную птицу. Этот эксперимент был проведен и привел к обнаружению укрытия чудовища, которое находилось в глубокой пещере на восточной стороне горы Блу-Ридж, у истока реки Тугела [река Тугалу, Южная Каролина]. Прибыв на это место, они обнаружили, что вход в пещеру совершенно недоступен для смертных, и поэтому они помолились Великому Духу, чтобы он вывел птицу из ее логова и поместил ее в пределы досягаемости их рук. Их просьба была удовлетворена, поскольку сразу же разразилась страшная гроза, и удар молнии разорвал половину большой горы, и индейцы успешно убили своего врага. Великий Дух был доволен мужеством, проявленным чероки во время этой опасной битвы, и, чтобы вознаградить их, он пожелал, чтобы все самые высокие горы на их земле были отныне лишены деревьев, чтобы они всегда имели возможность наблюдать за движениями своих врагов.

В продолжение этой легенды уместно упомянуть, что на вершине Ту-ге-ла находится одна из самых замечательных достопримечательностей этой горной местности. Это гранитный утес с гладкой поверхностью или фасадом, длиной в полмили и высотой в двенадцать сотен футов, который в этой части страны обычно называют *Белой горой* или *Судом дьявола*. Одной только мысли об этом достаточно, чтобы закружилась голова, а увидев ее, можно испытать чувство благоговейного трепета. Ближе к вершине одной из частей этой скалы находится небольшая пещера, до которой можно добраться, только пройдя по полоске скалы шириной около двух футов. Известно, что только один человек когда-либо входил в нее, и когда он совершил этот поступок, он встретил у входа в пещеру большого медведя, который, пытаясь сбежать, соскользнул со скалы, упал с высоты почти тысячи футов и, конечно же, погиб. Увидев это, человек так возбудился, что ему потребовалось несколько часов, чтобы успокоиться и вернуться по опасному пути.

Миф чероки имеет близкий параллель в истории ирокезов о великом комаре, опубликованной традиционалистом тускарора Кусиком в 1825 году и процитированной Скулкрафтом в книге «Индейские племена», V, стр. 638:

«Примерно в это время в форт Онондага вторгся огромный комар; комар причинял людям вред, он летал по форту с длинным жалом и высасывал кровь из многих живых существ; воины несколько раз пытались изгнать чудовище, но безуспешно; страна была захвачена, пока Владыка Небес не соизволил посетить людей; пока он посещал короля в форте Онондага, мускусный козел появился, как обычно, и летал по форту, Властелин Небес напал на чудовище, оно летало так быстро, что он едва мог уследить за ним, но после нескольких дней погони чудовище начало сдавать, он преследовал его по границам Великих озер в сторону заката и вокруг великой страны, наконец он догнал чудовище и убил его возле соленого озера Онондага, и кровь превратилась в маленьких комаров».

U'la'gû' — это не название какого-либо конкретного вида, а означает лидера, руководителя или, в разговорном языке, «босса», и в этом смысле применяется к большой королеве желтых ос, которых можно увидеть весной, или к лидеру рабочей бригады. Насекомое из этой истории описывается как чудовищная желтая оса.

14. Потоп (стр. 261): Эта история приводится Скулкрафтом в его «Заметках об ирокезах» на стр. 358 как полученная в 1846 году от вождя чероки Стэнда Уэйти. Автор получил ее почти в том же виде в 1890 году от Джеймса Уэффорда из Индейской территории, который услышал ее от своей бабушки почти восемьдесят лет назад. Инцидент с танцующими скелетами не упоминается Скулкрафтом и, по-видимому, указывает на утраченное продолжение истории. Хейвуд (Nat. and Aborig. Hist. Tenn., стр. 161) упоминает миф чероки о всемирном потопе и предполагает, что петроглифы в ущелье Трак-Рок в Джорджии могут иметь к нему какое-то отношение. Версии, приведенные миссионерами Батриком и Уошберном, являются просто библейским повествованием, рассказанным индейцами. Однако информатор Уошберна объяснял это явление подъемом и наклоном земли, в результате чего воды на время затопили населенные районы (Reminiscences, стр. 196–197). В варианте, рассказанном Хагаром (MS Stellar Legends of the Cherokee), звезда с огненным хвостом падает с неба и превращается в человека с длинными волосами, который предупреждает людей о грядущем потопе.

Здесь не место обсуждать значение и универсальность мифа о потопе, для объяснения которого читателю следует обратиться к книге Бутона «Библейские мифы и библейский фольклор» (, 31). Достаточно сказать, что такой миф, по-видимому, существовал у всех народов и во все времена. Среди американских племен, у которых он был обнаружен, Бринтон перечисляет атапасков, алгонкинов, ирокезов, чероки, Чикасо, Каддо, Натчез, Дакота, Апачи, Навахо, Мандан, Пуэбло,

Ацтеки, Миштеки, Сапотеки, Тласкаланы, Мичоаканы, Тольтеки, Майя, Киче, Гаитяне, Дариенцы, Попаяны, Муйска, Кичуа, Тупинамба, Ачагуа, Аурауканы, «и, без сомнения, другие».[32] Он также встречается вдоль северо-западного побережья, был известен в районе залива Альбемарл и, как уже было сказано, вероятно, был распространен среди всех племен.

В одной версии криков предупреждение дают волки, в другой — журавли (см. Бутон, цитируемый выше).

15. Четвероногие племена (с. 261): *нет существенной разницы* — «Я часто размышлял о любопытной связи, которая, по-видимому, существует в сознании индейца между человеком и животным миром, и нашел в этом много интересного для наблюдения. Хотя они считают себя выше всех других животных и очень гордятся этим превосходством; хотя они верят, что лесные звери, птицы и рыбы были созданы Всемогущим для использования человеком, тем не менее, кажется, что они приписывают разницу между собой и животными, а также свое господство над ними скорее своей превосходной физической силе и ловкости, чем своим бессмертным душам. Все существа наделены Творцом силой воли и самодвижения, и они рассматривают себя как большое общество, главой которого они являются, которым они, действительно, назначены управлять, но между которым и ними могут существовать тесные связи и отношения, или, по крайней мере, существовали в начале времен. По их мнению, они являются лишь первыми среди равных, законными наследственными правителями всего одушевленного рода, частью которого они сами являются. Поэтому в их языках эти склонения существительных, которые мы называем *родами*, не описывают, как у нас, *мужской* и *женский* роды, а *одушевленные* и *неодушевленные* виды. Более того, они заходят так далеко, что включают деревья и растения в первую из этих категорий. Вся одушевленная природа, в какой бы степени она ни была одушевлена, в их глазах представляет собой одно большое целое, от которого они еще не осмелились отделиться. Они не исключают других животных из своего мира духов, места, куда они надеются попасть после смерти».[33]

Согласно оджибве, животные раньше обладали даром речи, пока Нанибожу не лишил их его в наказание за заговор против человеческого рода.[34]

Вожди и советы животных — Согласно Гринеллу, в верованиях пауни животные, или Nahurac, обладают чудесными свойствами, данными им великим создателем Тиравой. «Пауни знают пять мест, где эти животные собираются на совет — пять из этих хижин Nahurac». Он дает подробное описание каждого из них. Четвертое — это холм в форме кургана, на вершине которого находится глубокий колодец или водоем, в который пауни бросают подношения. Пятое — это скалистый холм в Канзасе, известный белым как Скала-путеводитель, и «на склоне холма есть большая яма, где Нахурак проводят советы».[35]

Такое же верование отмечает Шательен в Анголе, Западная Африка: «В африканских народных сказках животный мир, как и мир духов, организован и управляется так же, как и мир людей. В Анголе слон является верховным царем всего животного мира и особым вождем племени съедобных диких животных. Следующим по рангу после него является лев, особый вождь племени свирепых зверей и высший вассал слона. Вождем племени рептилий является питон. Вождем племени рыб в глубине страны является *ди-ленда*, самая крупная речная рыба. Вождем племени пернатых является *какулу ка хумби*, самый крупный из орлов. Среди домашних животных скипетр принадлежит быку, а среди саранчи — животному под названием *ди-нгунду*. Даже муравьи и термиты имеют своих королей или королев. У каждого вождя или короля есть свой двор, состоящий из нголамболе, тандала и других чиновников, его парламент *ма-кота* и его плебейские подданные, как у любого африканского саба» (Народные сказки Анголы, стр. 22).

Прошение прощения у животных — Другие упоминания о чероки см. в комментариях о Маленьком Олене, Волке и Гремучей Змее; а также в № 4 «Происхождение болезней и медицины» и № 58 «Месть гремучей змеи». Этот обычай, несомненно, был распространен среди племен, так как он полностью соответствует индейскому мировоззрению. Торговец Генри рассказывает о характерном случае среди оджибве в 1764 году, когда он убил медведя возле зимнего лагеря:

«Когда медведь был мертв, все мои помощники подошли к нему, и все, но особенно моя старая мать (как я ее называл), взяли его голову в руки, погладили и поцеловали ее несколько раз, тысячу раз прося прощения за то, что лишили ее жизни, называя ее своей родственницей и бабушкой и прося ее не винить их, поскольку на самом деле это англичанин убил ее.

Эта церемония длилась недолго, и хотя именно я убил их бабушку, они не отставали в том, что оставалось сделать. Сняв шкуру, мы обнаружили, что жир в нескольких местах достигал шести дюймов в толщину. Его разделили на две части, и две человека смогли унести его, а мясо было столько, что его смогли унести четыре человека. В целом туша весила более пятисот фунтов.

Как только мы добрались до хижины, голову медведя украсили всеми украшениями, которые были в семье, такими как серебряные браслеты, манжеты и пояса из ракушек, а затем положили на подмостки, установленные для нее в хижине. Рядом с носом было положено большое количество табака.

На следующее утро, как только рассвело, начались приготовления к пиру в честь предков. Хижину убрали и вымели, подняли голову медведя и под ней разложили новое одеяло, которое никогда раньше не использовалось. Теперь зажгли трубки, и Ваватам задул табачный дым в ноздри медведя, велев мне сделать то же самое, чтобы таким образом умилостивить медведя за то, что я убил его. Я пытался убедить своего благодетеля и дружеского советника, что она уже не жива, и заверил его, что не боюсь ее недовольства, но первое утверждение не вызвало доверия, а второе не принесло большого удовлетворения.

«Наконец, когда пир был готов, Ваватам начал речь, во многом напоминавшую его обращение к духам своих родственников и умерших товарищей, но с той особенностью, что здесь он сожалел о необходимости, из-за которой люди вынуждены были так поступать со своими *друзьями*. Однако он объяснил, что это несчастье было неизбежно, поскольку без этого они не могли бы выжить. После речи мы все с аппетитом съели мясо медведя; даже голова, пролежавшая три дня на эшафоте, была брошена в котел». — Travels, стр. 143–145.

Кролик — Роль кролика или зайца и его символический характер в индейских мифах уже отмечались (см. «Рассказы и рассказчики»). В его чисто животном характере, как действующем лице среди четвероногих существ, ему приписываются те же качества хитрости и непревзойденной проницательности, что и в других частях мира. В народных сказках Анголы, Западная Африка, «заяц, кажется, превосходит лису в хитрости», и «заяц обладает быстротой и хитростью обезьяны, но он никогда не бывает безрассудным, как иногда бывает обезьяна» (Chatelain, Folktales of Angola, стр. 295, 300). В далёкой Азии «животные тоже имеют свои истории, и в Корее, как и в некоторых других частях мира, кролик, как правило, выходит из них лучшим» (H. N. Allen, Korean Tales, стр. 34; Нью-Йорк и Лондон, 1889).

Буйвол — Тимберлейк неоднократно отмечает обилие буйволов в стране чероки в Восточном Теннесси в 1762 году. Однажды, находясь в лагере, они услышали быструю стрельбу со стороны своих разведчиков , и «менее чем через минуту семнадцать или восемнадцать буйволов вбежали к нам, прежде чем мы их обнаружили, так что нескольких из нас чуть не перебежали, особенно женщин, которые с некоторым трудом укрылись за деревьями. Большинство мужчин стреляли, но

стреляли наугад, и был убит только один, хотя еще несколько были ранены» (Мемуары, стр. 101). Согласно автору статьи в Historical Magazine, том VIII, стр. 71, 1864 г., последние два диких бизона, известные в Огайо, были убиты в округе Джексон в 1800 году.

Лось — это животное обитало в восточной Каролине в 1700 году. «Лось — это чудовище из рода оленей. Его шкура используется почти так же, как шкура буйвола [*sic*]... Его мясо не такое сладкое, как мясо меньших оленей. Его окорока превосходят по весу все животные, которые встречаются в Новом Свете. Они часто прибегают и питаются вместе с буйволами, наслаждаясь теми же пастбищами, что и они» (Лоусон, Каролина, стр. 203).

Вырезание подколенного сухожилия — Не было найдено удовлетворительного объяснения этому обычаю, который отмечается уже более века. Батрик говорит о чероки: «Индейцы никогда не ели определенное сухожилие в бедре... Некоторые говорят, что если они съедят эту сухожильную связку, то при попытке бежать у них возникнут судороги. Говорят, что однажды у женщины возникли судороги в этой сухожильной связке, и поэтому никто не должен ее есть» (Antiquities, стр. 12). Адаир, говоря о южных племенах в целом, говорит: «Когда индейцы находятся в лесу, они вырезают небольшой кусок из нижней части бедра убитого ими оленя, по длине и довольно глубоко. Среди большого количества оленьих окорочков, которые они приносят в наши торговые дома, я не помню, чтобы видел хотя бы один без этого» (История американских индейцев, стр. 137–138).

Белые животные — священные. Согласно формуле из рукописи Таггла для лечения «болезни оленей», «Белый олень» является вождем своего племени и в мифологии криков. В сознании индейцев белые и альбиносные животные всегда обладают особой священностью, отчасти из-за символического значения самого цвета, отчасти из-за тайны, окружающей феномен альбинизма. У чероки вожди племен оленей и медведей были белыми. На равнинах так называемый белый бизон всегда считался священным. У ирокезов, согласно Моргану (Лига ирокезов, стр. 210), «белый олень, белая белка и другие случайные животные альбиносского вида считались посвященными Великому Духу». Одним из самых торжественных жертвоприношений было принесение в жертву Белого Пса.

Медведь — Почитание медведя и вера в то, что он наполовину человек, очень распространены среди племен и, вероятно, частично основаны на способности животного стоять на задних лапах и сходстве его следов с человеческими. Согласно Гринеллу (Blackfoot Lodge Tales, стр. 260), «черноногие верят, что он наполовину зверь, наполовину человек, поскольку части его тела, особенно ребра и лапы, похожи на человеческие». В примечании к мифу народа навахо Мэтьюз говорит (Navaho Legends, , стр. 249): «Медведь является священным животным для народа навахо; по этой причине герой не снимал с медведей шкуру и не ел их мясо. Старик, будучи волшебником, мог делать и то, и другое».

Идея оджибве была отмечена в связи с церемонией прощения убитого животного. Любопытную иллюстрацию обратной стороны картины дает Хекевельдер (Indian Nations, стр. 255):

«Однажды охотник из племени делавэров застрелил огромного медведя и сломал ему позвоночник. Животное упало и издало самый жалобный крик, похожий на крик голодной пантеры. Охотник, вместо того чтобы выстрелить в него еще раз, подошел к нему и обратился к нему со следующими словами: «Слушай, медведь! Ты трус, а не воин, как ты притворяешься. Если бы ты был воином, ты бы показал это своей твердостью, а не плакал и скулил, как старуха. Ты знаешь, медведь, что наши племена находятся в состоянии войны друг с другом, и что твоё племя было агрессором [вероятно, имеется в виду традиция , согласно которой у индейцев существовал очень свирепый вид медведей, называемый «голым медведем», который, по их словам, когда-то

существовал, но был полностью истреблён их предками]... Ты обнаружил, что индейцы слишком сильны для тебя, и ты стал красться по лесам, воруя их свиней; возможно, в данный момент у тебя в животе лежит свиное мясо. Если бы ты победил меня, я бы принял это с мужеством и умер как храбрый воин; но ты, медведь, сидишь здесь и плачешь, позоря свое племя своим трусливым поведением». Я был свидетелем этой любопытной тирады. Когда охотник убил медведя, я спросил его, как, по его мнению, бедное животное могло понять то, что он ему говорил? «О, — ответил он, — медведь меня очень хорошо понял; разве вы не заметили, как он краснел, когда я его ругал?»

Волк и убийца волков — Говоря о племенах залива в целом, Адаир говорит: «Волк, действительно, многим из них не нравится, они считают, что убивать его — к несчастью, и это единственная причина, по которой немногие индейцы стреляют в это животное, из-за представления, что это испортит их ружья» (История американских индейцев, стр. 16). Автор слышал среди восточных чероки рассказ о человеке, который однажды ночью стоял на рыболовной ловушке и был обнаружен волком, который подошел так близко, что человек был вынужден застрелить его. Он сразу же пошел домой и попросил колдуна изгнать злого духа из ружья. Уэффорд, когда был мальчиком в старой Нации, знал профессионального убийцу волков. Всегда допустимо нанять белого человека для убийства грабящего волка, так как в этом случае индеец или его племя не несут никакой вины.

16. Кролик идет на охоту на уток (с. 266): эту историю рассказали Свиммер, Джон Акс, Суйета (восток) и Ваффорд (запад). Дискуссии между животными о том, какую пищу есть, очень распространены в индейских мифах, и способ, выбранный для разрешения спора, обычно весьма характерен. Первый эпизод имеет параллель в истории о Кролике и Льве (Пантере?) из рукописного сборника Таггла и среди отдаленных валлавалла из Вашингтона (см. Кейн, «Странствия художника среди индейцев Северной Америки», стр. 268; Лондон, 1859). В мифе омаха «Иктиник и канюк» последний берется перенести обманщика через ручей, но роняет его в дупло дерева, из которого его вырубают женщины, которых он убедил, что внутри находятся еноты (Dorsey, Contributions to North American Ethnology, VI). В сказке ирокезов «Приключения охотника» охотник, пытаясь поймать гусей в воде, поднимается в воздух и падает в дупло, из которого его освобождают женщины (Смит, «Мифы ирокезов», во Втором годовом отчете Бюро этнологии). В рассказе дяди Ремуса «Мистер Кролик снова встречает своего соперника» коршун убеждает кролика сесть ему на спину, чтобы перенести его через реку, но садится с ним на дерево, нависающее над водой, и таким образом заставляет кролика, из страха упасть, признаться в обмане.[36]

17. Как Кролик украл шубу Выдры (с. 267): Эта история хорошо известна в племени и была услышана от нескольких информаторов, как с востока, так и с запада. Ничего не говорится о том, как выдра вернула свое пальто. Эта история имеет точные параллели в мифах криков из сборника Таггла, в одном из которых Кролик пытается выдать себя за юного героя, украв его пальто, а в другом он подшучивает над Львом (Пантерой), бросая на него горячие угли, пока тот спит, у ручья, который, по словам Кролика, называется «Бросая-горячий-пепел-на-тебя».

18. Почему у опоссума голый хвост (с. 269): Эту историю рассказали несколько информаторов, как с востока, так и с запада. В одном варианте волосы были срезаны Молью, а в другом — заклинаниями Улитки, которая представлена как волшебник. Приведенная здесь версия является наиболее распространенной и лучше всего согласуется с фольклором чероки о Сверчке (см. номер 59, «Мелкие рептилии, рыбы и насекомые»).

В мифе криков, приведенном в сборнике Таггла, опоссум сжег волосы на своем хвосте, пытаясь надеть на него кольца, как у енота, и улыбается от жевания горького дубового желудя, который он принял за спелый плод.

Анатомические особенности опоссума обоих полов вызвали много спекуляций среди индейцев, многие из которых верят, что самка рождает детенышей без помощи самца. Согласно рукописи Таггла, крики верят, что детеныши рождаются в сумке, благодаря дыханию самки, когда она свернулась калачиком, и даже Лоусон и Тимберлейк утверждают, что они рождаются у соска, откуда потом падают в сумку.

Совет и танец — В старину, как и сегодня среди отдаленных западных племен, каждое большое собрание совета сопровождалось серией танцев, которые всегда сопровождались пиром и всеобщим весельем.

19. Как дикая кошка поймала индюка (с. 269): Эту историю рассказали Джон Акс и Дэвид Блайт (восток) и Ваффорд и Будинот (запад). Приведенная ниже версия, подправленная в соответствии с представлениями белых людей, появилась без подписи в газете Cherokee Advocate от 18 декабря 1845 года:

«Жили-были стадо диких индюков, пасшихся в долине. Пока они паслись, они услышали пение. Вскоре они обнаружили, что музыкантом был заяц, и суть его песни заключалась в том, что у него в груди был секрет, который он ни за что не раскрыл бы. Интерес индюков был возбужден, и они умоляли зайца раскрыть им секрет. В конце концов он согласился сделать это, если они найдут ему в жены дочь короля и пойдут с ним танцевать вокруг их врага. Они обещали сделать все, и заяц привел их к месту, где лежала, казалось бы, мертвая дикая кошка. Заяц убедил их закрыть глаза, пока они танцуют. Тем временем дикая кошка тихо поднялась и убила нескольких из них, прежде чем остальные поняли, в какую ловушку они попали. Благодаря этой хитрости дикой кошки, поддержанной зайцем, первая получила роскошный обед».

Эта история, с ее вариантами, является одной из самых распространенных мифов о животных. Та же самая история, рассказанная чероки, идентичная даже песне, приводится в сборнике Крика Таггла с добавлением, что хвост кролика впоследствии откусывают разъяренные индюки. В другой версии криков, очевидно более позднего происхождения, енот играет похожую шутку с оленем в интересах пантеры. Киовы южных равнин рассказывают, как голодный обманщик Синти заманивает к себе несколько прерийных собачек под предлогом научить их новому танцу, а затем убивает всех, кроме одной, пока они танцуют вокруг него, следуя его инструкциям, с закрытыми глазами. У омаха кролик сам ловит индюков, пока они танцуют вокруг него с закрытыми глазами под его пение (Дорси, «Кролик и индюки» и «Иктинике, индюки, черепаха и лось» в «Вкладе в североамериканскую этнологию», VI). Та же самая уловка, только с изменением имен, повторяется в другой истории омаха «Енот и крабы» из того же сборника, а также в истории шайенов о белом человеке (A. L. Kroeber, Cheyenne Tales, в Journal of American Folk-Lore, июль 1900 г.) и в истории джикарилла «Лиса и дикая кошка» (Рассел, «Мифы джикарилла», там же, октябрь 1898 г.). Южная негритянская версия, в которой отсутствует важная черта песни и танца, приводится Харрисом в его рассказе «Брат Кролик и мистер Дикая кошка» (, 37).

20. Как черепаха победила кролика (с. 270): Эта история была получена от Джона Акса и Суйета и хорошо известна в племени. Иногда в ней вместо кролика в качестве проигравшего бегуна фигурирует олень, и в таком виде она приводится Ланманом, который локализует ее следующим образом: «Гонка должна была проходить от Черной горы до вершины третьего пика, простирающегося на восток» (Letters, стр. 37).

В сборнике Крика Таггла та же история приводится в двух версиях, в одной из которых олень, а в другой волк терпит поражение от хитрости черепахи. Южная негритянская параллель приводится Харрисом (Дядя Ремус, его песни и поговорки) в истории «Мистер Кролик наконец находит себе

пару». Почти лишним кажется обращать внимание на европейскую фольклорную версию, известную историю о состязании Зайца и Черепахи.

21. Кролик и черный волк (с. 271): эта история была получена на территории индейцев от Джеймса Уэффорда, который сказал, что в детстве неоднократно слышал ее в долине реки, в старой нации, от чероки, которые не говорили по-английски.

Вторая версия, из Cherokee Advocate от 18 декабря 1845 года, приводится вместе с историей «Как дикая кошка поймала индюка» с таким вступлением:

«Индийские басни. Мистер Уильям П. Росс: Недавно я наткнулся на следующие басни чероки, и, возможно, вы сочтете их достойными публикации в Advocate для любознательных читателей. Мне сказали, что у чероки есть очень много басен. Если я правильно понимаю следующее, то, по-видимому, их цель — научить хитрости и уловкам на войне. Эзоп». На газетном абзаце стоят карандашные инициалы S[amuel] W[orcester] B[utler].

Другие индейские версии встречаются у племени джикарилла («Лиса и кролик», «Мифы джикарилла», Фрэнк Рассел, в «Журнале американского фольклора», октябрь 1898 г.) и у племени сиу (С. Д. Хинман, цитируется в «Трудах Антропологического общества Вашингтона», I, стр. 103, Вашингтон, 1882 г.). Южная негритянская версия «Чудесная история о смоляном ребенке» является вступительной сказкой в книге Харриса «Дядя Ремус, его песни и поговорки». Близкий параллель встречается в западноафриканской сказке «Леопард, обезьяна и заяц» (Шательен, «Народные сказки Анголы»).

22. Кролик и опоссум в поисках жены (с. 273): этот образец индейского юмора был получен в разное время от Свиммера, Джона Акса, Суйета (восток) и Ваффорда (запад) и хорошо известен в племени. Ваффорд, рассказывая эту историю, заметил, что Кролик был бегуном вождя и, согласно обычаю, всегда был хорошо принят, куда бы он ни пошел.

23. Кролик устраивает обед для Медведя (с. 273): эта любимая история восточных и западных чероки — еще один широко распространенный миф о животных, который встречается почти у всех племен от Мэна до Тихого океана. Различные сорта фасоли и гороха были распространены среди земледельческих племен.

В версии криков, содержащейся в рукописи Таггла, «Медведь пригласил Кролика на обед. Когда тот пришел, Медведь позвал свою жену и сказал: «Приготовь горох на обед: Кролик любит горох». «Но нет жира, — сказала жена Медведя, — чтобы их приготовить». «О, — сказал Медведь, — это не проблема, принеси мне нож». Она принесла нож, Медведь взял его и разрезал себе палец на ноге, а Кролик смотрел на это с удивлением. «Нет жира между пальцами ног! Ну, я знаю, где его найти», — и он сделал надрез на боку, и из него вытекло масло. Его жена взяла его и приготовила горох, и они прекрасно поужинали и поклялись всегда быть хорошими друзьями» и т. д. В версии « » раненого Кролика берут под опеку Канюк, который в конце концов съедает своего пациента.

В версии пассамакодди «Приключение кролика с медведем Муином» медведь вырезает кусок из своей лапы и кладет его в кастрюлю. Кролик приглашает Медведя на ужин и пытается сделать то же самое, но терпит неудачу.[38] В мифе племени джикарилла рассказывается о несколько похожем случае с Лисой (Койотом?) и Сусликом (Рассел, «Мифы джикарилла», в «Журнале американского фольклора», октябрь 1898 г.). В мифе британской Колумбии происходит почти то же самое, когда Койот решает отплатить Черному Медведю за его гостеприимство (Teit, Thompson River Indian Traditions, стр. 40).

24. Кролик спасается от волков (стр. 274): эта история была получена от Джеймса Уэффорда в индейской территории. Сравните с номером 19, «Как дикая кошка поймала индюка».

25. Кремень навещает Кролика (стр. 274): Эта история была рассказана в слегка измененном виде Джоном Аксом и Свиммером (восток) и подтверждена Уоффордом (запад). Хотя среди чероки она деградировала до простой юмористической истории для развлечения зимним вечером, первоначально она была основной частью великого космогонического мифа, общего, вероятно, для всех ирокезских и алгонкинских племен, следы которого мы находим также в мифологии ацтеков и майя. Среди северных алгонкинских племен «Запад олицетворялся кремнем и был братом-близнецом Мичабо, Великого Кролика. Вражда между ними была ожесточенной, а борьба — долгой и ужасной... Наконец Мичабо одолел своего брата-близнеца и разбил его на куски. Он разбросал осколки по земле...» Среди ирокезских племен, родственных чероки, это имя имеет различные варианты: *Тавискарон, Тавискара*, а иногда и *Охаа*, и все они обозначают как кремневый камень, так и град или лед. Tăwiskarĕ — злой бог, находящийся в постоянном конфликте со своим братом-близнецом Йоскеха, благодетельным богом, который в конце концов побеждает его, когда кровь, капающая из его ран, превращается в кремневые камни. Бринтон видит в Великом Кролике и Кремене противоположные силы дня и ночи, света и тьмы, олицетворяемые на местном уровне Востоком и Западом, в то время как в близнецах-богах ирокезов Хьюитт видит противостоящие силы тепла и холода, лета и зимы. Обе концепции в конечном итоге идентичны. Хьюитт выводит название ирокезов из корня, обозначающего «град, лед, стекло»; в языке чероки мы имеем *tăwiskalûñ'ĭ, tăwi'skălă*, «кремневый камень», *tăwi'skă*, «гладкий», *une'stălûñ*, «лед». (См. Brinton, American Hero Myths, стр. 48, 56, 61; Hewitt, The Cosmogonic Gods of the Iroquois, в Proc. Am. Ass. Adv. Sci., XLIV, 1895.)

В одной из священных формул чероки, собранных автором, встречается выражение: «Приближается страшный Кремень. Он проложил свои пути в этом направлении. Он угрожающе трясет красными прутьями. Давайте бежать к земле Солнца».

Siyu' — это слово, сокращенное от *âsiyu'*, «хорошо», является обычным приветствием чероки. Вероятно, у всех племен обычным приветствием является просто слово «хорошо», и в языке жестов равнин жест, передающий это значение, используется таким же образом. Обычное прощание обычно означает что-то вроде «я ухожу».

26. Как олень получил рога (с. 275): Эта история была услышана от Свессера, Суйета и других и хорошо известна в племени.

В параллельном мифе пауни «Как олень потерял свою желчь» олень и антилопа заключают пари на свои желчи в гонке, которую выигрывает антилопа, но из сочувствия снимает свои когти и отдает их оленю. В варианте черноногих олень и антилопа бегут две гонки. В первой, которая проходит по прерии, Антилопа выигрывает и забирает желчный пузырь Оленя, а во второй, которую Олень предлагает провести через лес, Олень выигрывает и забирает придаточные когти Антилопы (Гриннелл, «Сказки о героях пауни», стр. 204, 205).

27. Почему у оленя тупые зубы (стр. 276): эта история следует за предыдущей в обычной последовательности и была рассказана теми же информаторами.

В мифе племени джикарилла лиса убивает опасного медведя-монстра под предлогом того, что она подстригает ему ноги, чтобы он мог бегать быстрее (Рассел, «Миф джикарилла», в Journal of American Folk-Lore, стр. 262, октябрь 1898 г.).

28. Что стало с Кроликом (стр. 277): эта версия была получена от Суйеты, который говорит, что Кролик никогда не поднимался, потому что был «слишком злым», чтобы быть с другими животными. Однако Пловец говорит, что он все-таки поднялся в Гэлуньлати. Вера в то, что за большой рекой все еще существует большой кролик, возможно, имеет свое происхождение в косвенных сообщениях о зайце-кролике к западу от Миссури.

Этот миф имеет близкий параллель в южной негритянской истории «Происхождение океана» (Харрис, «Ночи с дядей Ремусом»), в которой Кролик хитростью убеждает Льва перепрыгнуть через ручей, когда Кролик «перерезает веревку, которая держит берега вместе... Конечно, когда Брат Кролик потянул и перерезал веревку, берега ручья отступили, и мистер Лев не смог перепрыгнуть обратно. Берега продолжали отступать, а ручей становился все шире и шире, пока наконец Брат Кролик и мистер Лев не исчезли из виду, и с того дня до сих пор большие воды текут между ними».

Kû! — восклицание чероки, используемое в качестве стартового сигнала и при введении абзацев речи. Его можно приблизительно перевести как *«Сейчас!»*.

29. Почему норка пахнет (с. 277): Получено от Джона Акса.

30. Почему крот живет под землей (с. 277): эта история, полученная от Джона Акса, не только объясняет подземный образ жизни крота, но и иллюстрирует распространенное среди чероки верование в колдовство, которое имеет параллели во всем мире.

31. Побег черепахи от волков (с. 278): эта история, версия которой, приведенная здесь, получена от Свиммера и Джона Акса, по общему признанию, несовершенна, известна также среди западных чероки, о чем упоминают Уэффорд и другие в журнале Nation, хотя по какой-то причине ни один из них не смог уточнить детали. Нечто похожее рассказала женщина из племени катавба, вышедшая замуж за представителя восточных чероки, как принадлежащее ее собственному племени. Это напоминает рассказ № 21 «Кролик и смоляной волк» и имеет множество параллелей.

В версии криков, содержащейся в рукописи Таггла, черепаха высмеивает женщину, которая в отместку разбивает ее панцирь кукурузным пестиком. Черепаха исправляет нанесенный ущерб, исполняя лечебную песню, но шрамы остаются в виде клетчатых пятен на ее спине. В варианте из той же коллекции муравьи чинят ее панцирь смолой в обмен на ее жир и кровь. Другие параллели можно найти у омаха в «Как большая черепаха пошла на войну» (Дорси, «Вклад в североамериканскую этнологию»; VI, стр. 275) и у шайенов в «Черепаха, кузнечик и скунс» (Кробер, «Сказки шайенов», в «Журнале американского фольклора», июль 1900 г.). Этот миф также записан в Западной Африке Шательеном («Человек и черепаха», в Folktales of Angola, 1894).

Канахена — это кислая кукурузная каша, *тамфули* или «том фуллер» у криков, которая является любимым блюдом всех южных племен. Большой глиняный кувшин с канахеной и деревянной ложкой, вставленной в него вертикально, всегда стоит на скамейке у входа в хижину, чтобы каждый посетитель мог угоститься.

32. Происхождение танца сурка (с. 279): Эта история взята из книги Свиммера, дополнительная часть добавлена Джоном Аксом. Танец сурка — один из танцев, относящихся к великой церемонии благодарения, танцу зеленого кукурузы. Он состоит из поочередных выдвижений и отступлений всей линии танцоров ( ) в соответствии с сигналами руководителя пения, который поет под аккомпанемент трещотки. Припев песни, не имеющий смысла, звучит так

Ha'wiye'ĕhi' Yaha'wiye'ĕhi [дважды] *Yu-u*

Hi'yagu'wĕ Hahi'yagu'wĕ [дважды] *Yu-yu.*

33. Миграция животных (с. 280): Эта небольшая история приводится в том виде, в каком ее рассказала Айаста, единственная женщина, имеющая право выступать на совете восточных чероки. Подобный случай описан в рассказе № 76 «Человек-медведь». Согласно одному из мифов чероки, касающемуся известного ущелья Трак-Рок, расположенного недалеко от Блэрсвилля в верхней части штата Джорджия, пиктограммы на скалах — это следы всех видов птиц и животных, которые когда-то пересекли ущелье во время великой миграции на юг.

34. Месть волка: Волк и собака (стр. 280): Эти короткие рассказы Свиммера иллюстрируют веру чероки в то, что если волк будет ранен, его соплеменники обязательно отомстят за нанесенную обиду. См. также примечание к номеру 15, «Четвероногие племена», и номеру 3, «Канати и Селу».

В западноафриканской сказке, записанной Шатленом (Folktales of Angola, 1894), собака и шакал — родственники, которые живут вместе в кустах, пока шакал не посылает собаку в деревню за огнем. Собака идет, входит в дом и получает еду от женщины, после чего решает остаться в деревне, где всегда есть еда.

35. Птичьи племена (с. 280): *Убийца орла* — О южных племенах в целом Адаир говорит: «Они используют перья из хвоста орла в определенных дружеских и религиозных танцах, но весь город вносит вклад в размере 200 оленьих шкур за убийство большого орла — белоголового орлана они не ценят — и человек также получает почетный титул за этот подвиг, как если бы он принес скальп врага».[39]

Тимберлейк говорит, что чероки очень ценили хвост орла, поскольку эти хвосты иногда дарили вместе с вампумом в своих договорах, и ни одна из их военных церемоний не могла быть проведена без них (Мемуары, стр. 81). Образное выражение «снежная птица была убита», используемое для того, чтобы не оскорбить племя орла, имеет параллель в выражении «он был поцарапан шиповником», которое чероки используют для обозначения «он был укушен змеей». Во многих племенах существовали профессиональные убийцы орлов, а также предписанный ритуал поимки орла. Наиболее распространенным методом, вероятно, был тот, который описан в примечании к номеру 98, «Приключения Ганы среди чероки». Подробное описание метода черноногих приводится Гринеллом в его книге «Рассказы из черноногих хижин», стр. 236–240. Орел, будучи хищной птицей, а также священной птицей, никогда не употреблялся в пищу.

Перекладывание ответственности за убийство на заместительную жертву является общей чертой индейских формул для получения прощения, особенно за преступления против племени животных или духов умерших. Замечательную параллель с молитвой чероки из языка кечуа Перу приводит доктор Г. А. Дорси. Начав с группой индейских рабочих и испанским джентльменом, хорошо знакомым с языком коренных народов, исследовать некоторые пещерные гробницы недалеко от древнего города Куско, они прибыли на место, и он собирался отдать приказ о начале работ, когда индейцы, сняв свои одеяла и шляпы, преклонили колени и хором прочитали на своем языке молитву духам умерших, из которой приводится следующий отрывок:

«Вожди, сыновья солнца, вы и мы — братья, сыновья великого Пачакамака. Вы знаете только это, но мы знаем, что существуют три лица: Отец, Сын и Святой Дух. Это единственное различие между вами и нами... Вожди, сыновья солнца, мы пришли не для того, чтобы нарушить ваш спокойный сон в этом вашем жилище. Мы пришли только потому, что нас заставили наши начальники; на них направьте свою месть и проклятия».

Затем последовали жертвоприношения листьев коки, агуардиенте и чичи, после чего они призвали заснеженную гору стать свидетелем их любви к предкам и были готовы приступить к работе (Дорси, «Церемония кечуа Перу», в Journal of American Folk-Lore, октябрь 1894 г.).

Ночные птицы — Адаир о южных племенах (History of the American Indians, стр. 130, 1775): «Они считают всех хищных птиц и ночных птиц нечистыми и незаконными для употребления в пищу». Смешанное чувство страха и почтения ко всем ночным птицам является универсальным среди западных племен. Особенно совы, как полагают, приносят пророческие вести немногим великим чародеям, которые могут истолковать их язык.

Ястреб — эта хищная птица никогда не употреблялась в пищу. Следующий случай рассказывает Адаир, вероятно, из племени чикасо: «Не так давно, когда индейцы устраивали зимнюю охоту, а старушки остались без мяса дома, я застрелил маленького жирного ястреба и попросил одну из них взять его и приготовить; но, хотя я сильно настаивал, она искренне отказалась, опасаясь заразиться нечистотой, которую она называла «проклятой болезнью», полагая, что болезнь будет неизбежным следствием такой нечистоты» (Hist. Am. Indians, стр. 130).

Чикадея и синица — Адаир рассказывает, как однажды наблюдал, как группа южных индейцев «испугалась голоса небольшой необычной птицы, когда она присела и защебетала на дереве над их лагерем» (op. cit., стр. 26). На конференции с шестью нациями в Олбани в 1775 году оратор из племени онейда сказал: «Мы, шесть наций, услышали голос птицы по имени Цклелели (*Tsĭkĭlilĭ*'?), носителя новостей, которая прилетела к нам. Она сообщила нам, что путь на западном соединении, у форта Станвикс, будет перекрыт одной из сторон». В ответ комиссары сказали: «Мы полагаем, что птица Цклелели снова была занята; она, похоже, озорная птица и не должна быть кормлена или развлекаема» (New York Colonial Documents, VIII, стр. 612, 628, 1857). Название птицы дано на диалекте онейда. Бруяс дает *teksereri* как могавское название синицы.

36. Игра в мяч птиц и животных (стр. 286): это одна из самых известных историй о животных, которую с большей или меньшей степенью подробности рассказывали Джон Акс, Свиммер, Суйета и Аванита на востоке, а также Ваффорд на территории.

Как мы узнаем из рукописного собрания Таггла, у криков и семинолов также есть истории об играх в мяч между птицами и четвероногими животными. В одной истории летучая мышь отвергается обеими сторонами, но в конце концов принимается четвероногими животными из-за того, что у нее есть зубы, и помогает им одержать победу над птицами.

Игра в мяч — Игра в мяч, *a'ne'tsâ*, является великой спортивной игрой племен чероки и племен залива, а также племен Св. Лаврентия и Великих озер. Не нужно говорить, что это не наша игра в бейсбол, а скорее разновидность тенниса, в которой мяч бросают не рукой, а сетчатой ракеткой или парой ракеток. Целями являются две пары вертикальных столбов на обоих концах игрового поля, которое всегда представляет собой ровную травянистую площадку рядом с небольшим ручьем. Игра сопровождается множеством церемоний и заклинаний, а также танцем с мячом, в котором накануне вечером участвуют женщины ( ). Это та же игра, с помощью которой враждебные племена получили доступ к британскому посту в Макино в 1763 году, и под названием «лакросс» она стала национальной игрой Канады. Она также была принята французскими креолами Луизианы под названием ракетка. В Британской Колумбии она считается любимым развлечением людей из преступного мира (Тейт, Традиции реки Томпсон, стр. 116). В южных штатах многочисленные населенные пункты с названиями «Баллплей», «Баллфлэт» и «Баллграунд» свидетельствуют о любви индейцев к этой игре. На эту игру ставили большие суммы, и даже существует предание, что значительная территория на севере Джорджии была

отвоевана у криков чероки в игре в мяч. Более подробное описание см. в статье автора «The Cherokee Ball Play» в журнале American Anthropologist за апрель 1890 года.

Выиграл игру — благодаря успешной работе в этом случае игрок в мяч из племени чероки призывает на помощь летучую мышь и летучую белку, а также привязывает небольшой кусочек крыла летучей мыши к своей клюшке для мяча или крепит его к раме, на которую вешают клюшки во время предварительного танца накануне вечером.

Подарил ласточке тыкву — Черная ласточка-домовая — любимец чероки, которые привлекают ее, прикрепляя полые тыквы к верхушкам длинных шестов, установленных возле их домов, чтобы птицы могли строить в них свои гнезда. В Южной Каролине, еще в 1700 году, согласно Лоусону: «Плантаторы специально ставили тыквы на стоячие дыры [шесты], чтобы эти птицы могли в них строить гнезда, потому что они очень воинственные птицы и изгоняют ворон с плантаций» (История Каролины, стр. 238).

37. Как индейка получила бороду (стр. 287): эта история хорошо известна в племени и была услышана от нескольких информаторов.

Согласно мифу криков из сборника Таггла, индейка когда-то была воином и до сих пор носит на шее свой последний скальп. В другой истории из того же сборника это скальп мужчины, который он отобрал у черепахи и случайно проглотил, когда убегал, так что он вырос у него на груди.

38. Почему индюк глотает (с. 288): Эту историю впервые услышали от Джона Акса (восток), а затем от Уоффорда (запад). Тетерев в южных Аллеганах местные жители называют «куропаткой».

39. Как у корольчика появился клюв (с. 288): первая версия принадлежит Джону Аксу, вторая — Свиммеру.

Yûñwĭ tsunsdi′ — «Маленькие люди», другое название Nuñnĕ′ĥĭ (см. номер 78). Их не следует путать с Anisga′ya Tsunsdi′, «Маленькими людьми» или Громовыми мальчиками.

Tugălû′nă — маленькая стройная пятнистая рыбка длиной около четырех дюймов, которая любит лежать на камнях на дне больших ручьев. Название происходит от слова «тыква», из-за воображаемого сходства длинного носа с ручкой тыквы.

40. Как куропатка получила свой свисток (с. 289): эта небольшая история хорошо известна в племени.

Свистки, флейты и флажолеты используются почти всеми племенами в церемониальных и развлекательных целях. Свисток, обычно изготовленный из кости орла, носили на шее. Флейта или флажолет обычно изготавливались из кедрового дерева.

41. Как красная птица получила свой цвет (стр. 289): эта короткая история была получена от Корнелиуса Будинота, известного смешанного происхождения из Талеква, и отличается от стандартного мифа чероки « », согласно которому красная птица является преобразованной дочерью Солнца (см. номер 5, «Дочь Солнца»).

Красная краска — В сознании индейцев красная краска имеет большое сакральное значение, поскольку этот цвет символизирует войну, силу, успех и защиту духа. Слово «краска» в любом индейском языке обычно понимается как красная краска, если не указано иное. Индейская красная краска — это обычно мягкая гематитовая руда, которая находится в жилах твердых пород и добывается с большим трудом и терпением. В западных племенах каждый, кто приходит за

краской, перед началом работы молится у скалы и вешает небольшую жертву на удобном кусте или палке.

42. Фазан, молотящий кукурузу: Танец фазана (с. 290): Первая из этих маленьких историй принадлежит Джону Аксу, вторая — Свиммеру. Фазан (*Bonasa umbella*; Cherokee *tluñti'stĭ*) также называется местными жителями тетеревом или куропаткой.

43. Соревнование журавля и колибри (с. 290): эта история является одной из любимых в племени и была услышана от нескольких информаторов, как с востока, так и с запада. Продолжение может удивить тех, кто полагал, что у женщин нет прав в индейском обществе.

В истории криков под тем же названием, из сборника Таггла, соперники договариваются лететь от определенного места на ручье до истока. Колибри вынужден следовать изгибам ручья, но журавль летит по прямой над деревьями и таким образом выигрывает гонку.

Летать по миру — не по глобусу, а по окружности диска, согласно индийской идее.

44. Сова выходит замуж (с. 291): рассказ Свессера. Три совы страны чероки известны, соответственно, как *tskĭlĭ'* (т. е. «ведьма», *Bubo virginianus saturatus*, большая, темнорогая сова), *wa'huhu'* (*Megascops asio*, крикливая сова) и *uguku'* (*Syrnium nebulosum*, ухающая или полосатая сова). Общего термина для них нет. Чероки говорят, что на теле ухающей совы почти нет мяса, кроме как на голове.

45. Хуху женится (с. 292): Эту историю в разное время рассказывали Свиммер, Джон Акс и Тагвадихи. Первый из них всегда очень хорошо имитировал крик хуху, вытягивая звук *«cay-x»* и произнося *«ху, ху, ху, ху, ху, ху»* быстрыми, приглушенными тонами, а в конце — три щебетания и длинный свист. Из этой и одной-двух других историй, имеющих схожее значение, можно сделать вывод, что женщина является доминирующим партнером в черокийском семейном устройстве. Браки обычно заключались по инициативе матери и зависели от согласия девушки (см. примечания к номеру 84, «Человек, который женился на сестре Грома»).

Хуху чероки, названный так из-за своего крика, — это желтогрудая пеночка (*Icteria virens*), также известная как желтая пересмешница из-за своих удивительных способностей к подражанию.

46. Почему голова канюка голая (с. 293): эта история была рассказана Свиммером и другими информаторами и хорошо известна. Она имеет точную параллель в истории омаха «Иктинике и канюк» (Дорси, в «Вклад в североамериканскую этнологию», vi).

47. Месть орла (с. 293): эта история, рассказанная Джоном Аксом, иллюстрирует племенные верования и обычаи, связанные с орлом и танцем орла, как уже описано в номере 35 «Племена птиц» и сопутствующих примечаниях.

Сушильный шест — шест, уложенный горизонтально в развилке двух вертикальных кольев, прочно вбитых в землю, для временного подвешивания дичи и свежего мяса в охотничьем лагере, чтобы защитить его от волков и других хищников или дать ему высохнуть перед костром.

48. Охотник и канюк (стр. 294): Рассказано Свиммером. Обычай одалживать или обменивать жен в знак гостеприимства и дружбы, при определенных церемониальных случаях или в качестве

платы за получение определенных секретных знаний, был очень распространен среди племен и отмечался исследователями и другими наблюдателями, как на востоке, так и на западе, с самых ранних времен.

49. Племя змей (стр. 294): *Гремучая змея* — обычай просить прощения у убитых или обиженных животных уже отмечался в пункте 15 «Четвероногие племена» и пункте 35 «Племена птиц» (орёл). Почитание гремучей змеи было распространено среди индейцев и неоднократно отмечалось путешественниками во всех частях страны. Рассуждать о великой теме поклонения змеям не входит в наши задачи.

Миссионер Уошберн рассказывает, как однажды он ехал верхом среди чероки в Арканзасе в сопровождении индейца, идущего пешком, когда они обнаружили ядовитую змею, свернувшуюся у тропы. «Я заметил, что Бланкет свернул в сторону, чтобы обойти змею, но не сделал никаких признаков нападения, и я попросил переводчика слезть с лошади и убить ее. Он так и сделал, и тогда я спросил Бланкета, почему он не убил змею. Он ответил: «Я никогда не убиваю змей, и поэтому змеи никогда не убивают меня; но я расскажу вам об этом, когда вы в следующий раз придете ко мне». Вскоре он сдержал свое слово, рассказав как о личном опыте (вероятно, на самом деле, индейский сон) длинную историю о том, как однажды гремучая змея провела его ( ) на подземное собрание племени гремучих змей, где он обнаружил, что все змеи оплакивают одну из своих, недавно убитую индейцем, и обсуждают метод наказания, который был приведен в исполнение через день или два путем нанесения смертельного укуса преступнику во время игры в мяч (Reminiscences, pp. 208–212). Как рассказывает миссионер, история сильно приукрашена, но поразительно напоминает номер 58, «Месть гремучей змеи».

Адаир, очевидно путая несколько мифов чероки о змеях, рассказывает о гигантских гремучих змеях в горах Чероки, с красивой меняющейся окраской и огромной силой очарования, с помощью которой они втягивали в свои челюсти любое живое существо, попадавшее в поле их зрения, и продолжает: «Они называют их и всех гремучих змей королями или вождями змей и позволяют по одному такому представителю каждого вида животных. Старый торговец из Чиоухи рассказал мне, что за вознаграждение в виде двух кусков ткани он нанял пару молодых воинов, чтобы они показали ему место их обитания; но вожди ни в коем случае не разрешили этого из-за суеверной традиции — они считают, что убийство этих змей подвергнет их опасности быть укушенными другими низшими видами змеиного племени, которые любят своих вождей и инстинктивно знают тех, кто злонамеренно убил их, поскольку они сражаются только в целях самообороны и защиты своих детенышей, никогда не кусая тех, кто их не беспокоит». Он также упоминает случай с жрецом чикасо, который, нанеся на руки сок определенного растения, взял гремучую змею, не повредив ее, и осторожно положил ее в дупло дерева, чтобы Адаир не убил ее (История американских индейцев, стр. 237–238).

О племенах Каролины в целом Лоусон в 1701 году говорит: «Что касается убийства змей, они избегают этого, если те лежат на их пути, потому что, по их мнению, некоторые родственники змей убьют некоторых родственников дикарей, которые должны уничтожить их» (История Каролины, стр. 341).

Бартрам говорит о семинолах, примерно в 1775 году: «Эти люди никогда не убивают гремучих змей или других змей, говоря, что, если они это сделают, дух убитой змеи возбудит или повлияет на ее живых сородичей или родственников, чтобы они отомстили за вред или насилие, причиненное ей при жизни». Он рассказывает забавный случай из собственного опыта, когда индейцы послали за ним, чтобы он пришел и убил гремучую змею, которая вторглась в их лагерь, а они боялись ее трогать. После того как их просьба была выполнена, индейцы настояли на том, чтобы поцарапать его, согласно индейскому обычаю, чтобы выпустить часть его избыточной

крови и мужества, но в конце концов, с некоторым трудом, их отговорили от их намерения. «Таким образом, все это казалось нелепой фарсой, чтобы удовлетворить свой народ и умилостивить дух мертвой гремучей змеи» (Travels, стр. 258–261).

Торговец Генри (Путешествия, стр. 176–179) рассказывает об одном очень интересном случае, произошедшем с индейцами оджибве из района озера Верхнее в 1764 году. Во время сбора дров недалеко от лагеря он вздрогнул от внезапного змеиного шипения и, опустив взгляд, обнаружил почти у своих ног гремучую змею, свернувшуюся кольцами и поднявшую голову, готовая к удару.

«Как только я увидел змею, я поспешил к каноэ, чтобы взять ружье, но индейцы, заметив, что я делаю, спросили, в чем дело, и, узнав, попросили меня не делать этого. В то же время они последовали за мной на место с трубками и табачными мешочками в руках. Вернувшись, я обнаружил, что змея все еще свернулась.

Индийцы, со своей стороны, окружили ее, по очереди обращаясь к ней и называя ее своим *дедом,* но при этом держась на некотором расстоянии. Во время этой части церемонии они наполнили свои трубки и теперь каждый из них выдувал дым в сторону змеи, которая, как мне показалось, действительно принимала его с удовольствием. Одним словом, после того как она пролежала свернувшись и принимая ладан в течение получаса , она вытянулась на земле, явно в хорошем настроении. Ее длина составляла от четырех до пяти футов. Пролежав некоторое время вытянутой, она наконец медленно уползла, а индейцы последовали за ней, по-прежнему обращаясь к ней с титулом деда и умоляя ее позаботиться об их семьях во время их отсутствия и открыть сердце сэра Уильяма Джонсона [британского агента по делам индейцев, которого они собирались посетить], чтобы он *проявил к ним милосердие* и наполнил их каноэ ромом. Один из вождей добавил просьбу, чтобы змея не обращала внимания на оскорбление, нанесенное ей англичанином, который даже убил бы ее, если бы не вмешательство индейцев, которым, как они надеялись, он не приписал бы никакой части вины. Они также просили, чтобы она осталась и поселилась в их стране, а не возвращалась к англичанам, то есть уходила на восток».

Он добавляет, что появление гремучей змеи так далеко на севере было расценено как необычное предзнаменование, и в течение остальной части вечера больше ни о чем другом не говорили. На следующий день, когда они пересекали озеро Гурон на каноэ, разразилась страшная буря.

«Индейцы, начав тревожиться, часто взывали к гремучей змее, чтобы она пришла им на помощь. Постепенно волны становились все выше, и в 11 часов разразился ураган, и мы ожидали, что нас поглотит в любой момент. После молитв индейцы приступили к жертвоприношениям, которые также были посвящены богу-гремучей змее, или манито-кинибику. Один из вождей взял собаку, связал ей передние лапы и бросил ее за борт, одновременно призывая змею уберечь нас от утопления и прося ее утолить свой голод тушкой собаки. Змея была неблагосклонна, и ветер усилился. Другой вождь принес в жертву еще одну собаку, добавив к ней немного табака. В молитве, сопровождавшей эти дары, он, как и прежде, умолял змею не мстить индейцам за оскорбление, которое она получила от меня, когда я задумал убить ее. Он заверил змею, что я абсолютно англичанин и не имею никакого отношения ни к ней, ни к ним. В конце этой речи индеец, сидевший рядом со мной, заметил, что если мы утонем, то это будет только по моей вине, и что я сам должен быть принесен в жертву, чтобы умилостивить разгневанного манито, и я не был лишен опасений, что в случае крайней необходимости это будет моей судьбой; но, к счастью для меня, буря наконец утихла, и мы благополучно достигли острова».

Делавэры, по словам Хекевельдера, также называли гремучую змею дедушкой и воздерживались от причинения ей вреда. Он говорит: «Однажды, когда я гулял с пожилым индейцем по берегу Мускингама, я увидел большую гремучую змею, лежащую поперек тропы, которую я собирался

убить. Индеец сразу же запретил мне это делать, сказав: «Потому что гремучая змея — дедушка индейцев, и она находится здесь специально для того, чтобы охранять нас и предупреждать о надвигающейся опасности своим гремучим звуком, который означает для нас: *«Оглянитесь вокруг»*. «Теперь, — добавил он, — если мы убьем одну из них, другие скоро об этом узнают, и весь род поднимется на нас и укусит нас». Я заметил ему, что белые люди не боятся этого, потому что они убивают всех гремучих змей, которых встречают. На это он спросил, был ли кто-нибудь из белых укушен этими животными, и, конечно, я ответил утвердительно. «Неудивительно, — ответил он, — вы сами виноваты в этом. Вы фактически объявили им войну, и теперь они будут часто нападать на *вашу* страну. Они очень опасные враги; постарайтесь не раздражать их в *нашей* стране; они и их внуки находятся в хороших отношениях и не причиняют друг другу вреда». Однако эти древние представления в значительной степени исчезли с последним поколением, и в настоящее время индейцы без церемоний убивают своего деда, гремучую змею, всякий раз, когда встречают ее» (Indian Nations, стр. 252).

Sălikwâyĭ — «У старых тускарора был обычай, который, как они полагали, помогал им сохранять зубы белыми и крепкими на всю жизнь. Мужчина ловил змею и держал ее за голову и хвост. Затем он прогрызал ее насквозь, от головы до хвоста, и это предохраняло зубы от гниения» (W. M. Beauchamp, Iroquois Notes, в Journal of American Folk-Lore, июль 1892 г.).

Посылать потоки дождя — вера в связь между змеем и богами дождя почти универсальна среди первобытных народов, и здесь достаточно только упомянуть об этом.

50. Уктена и Улунсути (стр. 297): Вера в великого Уктена и магическую силу Улунсути прочно укоренилась в сердцах чероки. Уктена имеет своего аналога в Гичи-Кенебиге, или Великом Рогатом Змее, северных алгонкинских племен ( ), и в некоторой степени аналогичен Земогуани, или Великому Рогатому Аллигатору, киова. Мифы о драгоценном камне в голове змеи или жабы настолько распространены среди всех арийских народов, что стали пословицей. Талисманные и пророческие камни, которые тщательно охраняются и которым приносят молитвы и жертвы, хранятся во многих племенах (см. Dorsey, Teton Folklore, в American Anthropologist, апрель 1889 г.). Название змеи происходит от *слова akta*, «глаз», и может быть переведено как «сильный взгляд», т. е. «проницательный взгляд», потому что ничто в пределах его поля зрения не может ускользнуть от его внимания. От того же корня происходит *слово akta'tĭ*, «смотреть в», «внимательно рассматривать», название чероки для полевых очков или телескопа. Англоязычные индейцы иногда называют змею алмазной гремучей змеей. Мифический алмазный гребень, когда он находится на своем месте на голове змеи, называется ulstĭtlû′, буквально «он на его голове», но когда он отделен и находится в руках чародея, он становится Ulûñsû′tĭ, «Прозрачным», великим талисманом племени. Из-за своего блестящего сияния его иногда называют Igăgû′tĭ, «Дневной свет». Считается, что менее ценные магические кристаллы — это чешуйки той же змеи, и их иногда тоже называют ulûñsû′tĭ.

Самое раннее упоминание об Улунсути принадлежит молодому офицеру из Вирджинии, Тимберлейку, который был отправлен с миротворческой миссией к чероки в 1762 году, вскоре после окончания их первой войны с белыми. Он пишет (Мемуары, стр. 47–49):

«У них есть много красивых камней разных цветов, многие из которых, как я склонен полагать, имеют большую ценность; но их суеверие всегда мешало им продавать их торговцам, которые много раз пытались это сделать; но поскольку они используют их в своих магических церемониях, они верят, что расставание с ними или вывоз их из дома повредит их здоровью или делам. Среди прочих есть один камень, принадлежащий чародею, который примечателен своей яркостью и красотой, но еще больше — необычным образом, которым он был найден. Если верить индейцам, он вырос на голове чудовищного змея, чье убежище было обнаружено благодаря его блеску; но большое количество змей, сопровождавших его, а он, как я полагаю, судя по его диадеме, занимал высшее положение среди змей, делало нападение на него опасным. Индейцы предпринимали много попыток, но все они заканчивались неудачей, пока один из них, более смелый, чем остальные, облекся в кожу, непробиваемую для укусов змеи и ее охранников, и, выждав подходящий момент, застал ее врасплох и убил, сорвав с ее головы драгоценный камень, который колдун хранил в тайне в течение многих лет в месте, известном только двум женщинам, которым предлагали большие подарки за то, чтобы они выдали его местонахождение, но они твердо отказывались, опасаясь, что это может повлечь за собой какое-то наказание или несчастье. Я верю в существование такого камня, поскольку видел много камней великолепной красоты, но не могу поверить, что он заслуживает всех похвал, которыми его осыпают индейцы. Я полагаю, что колдун придумал историю о его обнаружении, но все же привожу ее читателю как образец индейской легенды, многие из которых гораздо более удивительны».

Через несколько лет Адаир дает нам рассказ о змее и камне. Согласно его утверждению, уктены обитали в глубокой долине между истоками рек Тукасиги и «северной ветвью нижней части реки Чираки» (т. е. Малой Теннесси), долина была глубоким ущельем Нантахала, где, в силу своего мрачного и угрожающего вида, чероки традиционно помещают более одного легендарного ужаса. С простительной ошибкой он путает Уктена с Вождем Гремучих Змей. Однако эти два существа различаются: последний является просто главой племени гремучих змей, без пылающего карбункула и огромных размеров, приписываемых Уктена.

«Между двумя высокими горами, почти покрытыми старыми мшистыми скалами, высокими кедрами и соснами, в долинах которых лучи солнца отражают сильную жару, есть, как утверждают местные жители, некоторые яркие старые обитатели или гремучие змеи, размером более огромные, чем упоминается в истории. Они настолько велики и неповоротливы, что для того, чтобы проползти по самой короткой траектории, им требуется круг, почти равный их длине; но щедрая природа компенсирует тяжелые движения их тел, поскольку, как говорят, ни одно живое существо не движется в пределах их видимости, но они могут притянуть его к себе...

«Описание их цвета, которое дают нам индейцы, столь же разнообразно, как то, что нам рассказывают о хамелеоне, который, как кажется зрителю, меняет свой цвет в зависимости от того, под каким углом он на него смотрит; это происходит из-за пронзительных лучей света, которые сияют из их лбов, ослепляя глаза, с какой бы стороны они ни находились, — ведь на голове каждого из них находится большой карбункул, который не только отталкивает, но, как они утверждают, загрязняет полуденные лучи солнца. Они считают, что беспокоить этих существ настолько опасно, что никакие соблазны не могут заставить их выдать их тайное убежище неверным. Они называют их и всех представителей рода гремучих змей королями или вождями змей и позволяют по одному такому представителю для каждого вида животных. Старый торговец из Чиоухи рассказал мне, что за вознаграждение в виде двух кусков ткани он нанял пару молодых воинов, чтобы они показали ему место их обитания, но вожди ни за что не позволили этого из-за суеверной традиции — они считают, что убийство этих змей подвергнет их опасности быть укушенными другими, более низшими видами этого змеиного племени, которые любят своих вождей и инстинктивно знают тех, кто злонамеренно убил их, поскольку они сражаются только в

целях самообороны и защиты своих детенышей, никогда не кусая тех, кто их не беспокоит».— История американских индейцев, стр. 237–238.

В другом месте (стр. 87) он рассказывает нам об улунсути, принадлежащем знахарю, который жил в Тимасе (Томасси), бывшем городе чероки на ручье с таким же названием, недалеко от нынешнего Сенеки, Южная Каролина. «У вышеупомянутого пророка чероки был карбункул размером с яйцо, который, как говорили, он нашел там, где лежала мертвая большая гремучая змея, и который сверкал с таким удивительным блеском, что освещал его темный зимний дом, как сильные вспышки непрерывной молнии, к великому ужасу слабых, которые ни за что не осмеливались приблизиться к этому страшному месту, извергающему огонь, из страха внезапной смерти. Когда он умер, его похоронили вместе с ним, согласно обычаю, в городе Тимасе, под большим любимым кабином [сиденьем], который стоял в самой западной части того старого сооружения, где те, кто рискнет поискать, могут с удачей найти его».

Хагар также упоминает «Оолунсаде» и, ссылаясь на авторитет Джона Акса, говорит: «Тот, кто владеет кристаллом, может в любое время вызвать к себе одного из Маленьких Людей и заставить его выполнять свои приказания. Иногда, когда люди болеют, это происходит потому, что какое-то злое невидимое существо овладело ими. Тогда Маленький Человек, вызванный кристаллом, может быть поставлен на стражу рядом с больным, чтобы не дать злому духу вернуться после изгнания» (MS Stellar Legends of the Cherokee).

Южные Аллеганы, старая земля чероки, богаты кристаллами различных видов, а также минералами. Улунсути описывается как треугольный кристалл длиной около двух дюймов, плоский внизу, с слегка выпуклыми сторонами, сужающимися к вершине, и совершенно прозрачный, за исключением единственной красной полосы, проходящей по центру сверху вниз. Очевидно, это редкий и красивый образец рутилового кварца, кристаллы которого, найденные в этом регионе, можно увидеть в Национальном музее в Вашингтоне.

Другие небольшие камни различной формы и цвета широко используются колдунами чероки для поиска потерянных предметов или в других оккультных целях. Их также часто называют тем же именем и говорят, что изначально они были чешуйками Уктена, но Улунсути — талисман со лба змеи — это кристалл, описанный здесь, и он настолько редкий, что, насколько известно, в 1890 году среди восточных чероки остался только один. Его владелец, известный охотник, хранил его в пещере, завернутым в оленью шкуру, но отказывался показывать его, не говоря уже о том, чтобы с ним расстаться, заявляя, что если он покажет его белому человеку, то не сможет больше убивать дичь, даже если ему позволено будет жить после такого кощунства.

Владение талисманом гарантирует успех в охоте, любви, вызывании дождя и всех других начинаниях ( ), но его главное назначение — гадание на жизнь, и когда его владелец призывает его для этой цели, будущее отражается в прозрачном кристалле, как дерево отражается в тихом ручье внизу.

При гадании колдун смотрит в кристалл и через некоторое время видит в его прозрачной глубине изображение человека или события, о котором идет речь. По действию призрака или его положению в верхней или нижней части кристалла он узнает не только само событие, но и его близость во времени или месте.

Многие из восточных чероки, которые вступили в ряды Конфедерации во время последней войны, перед отправкой в поход обращались к Улунсути, и выжившие утверждают, что их опыт подтвердил предсказание. Один из них пошел с двумя другими, чтобы узнать свою судьбу. Колдун, поставив трех мужчин лицом к себе, взял талисман на кончик вытянутого пальца и велел

им пристально смотреть в него. Через несколько мгновений они увидели свои образы на дне кристалла. Образы постепенно поднимались по красной линии. Образы двух других мужчин поднялись до середины, а затем снова опустились, но образ того, кто рассказывает эту историю, продолжал подниматься, пока не достиг вершины, а затем снова опустился. Затем чародей сказал, что двое других умрут в на второй год войны, а третий переживет все невзгоды и опасности и вернется домой живым. Пророчество сбылось.

Когда друзья больного человека обращаются к чародею, чтобы узнать, выздоровеет ли он, чародей показывает им образ больного, лежащего на дне Улунсути. Затем он говорит им пойти домой, убить какую-нибудь дичь (или, в наши дни, любое животное, которое можно съесть) и приготовить пир. В назначенный день колдун в своем доме смотрит в кристалл и видит там изображение компании за ужином. Если образ больного поднимается и присоединяется к ним на пиру, пациент выздоровеет; в противном случае он обречен.

51. Поиски Аган-унитси Уктена (с. 248): Это одна из самых важных традиций чероки, поскольку она касается мифического чудовища Уктена и объясняет происхождение великого талисмана Улунсути. Приведенная здесь версия была получена от Свиммера (восток) с добавлениями и вариантами от Ваффорда (запад) и других. Она записана Тен Кейтом, который получил ее на территории (Легенды чероки, в Журнале американского фольклора, январь 1889 г.), и упоминается в связи с Улунсути Адаиром в 1775 г. и Тимберлейком еще в 1762 г. (см. примечания к номеру 50, «Уктена и Улунсути»). В одном из вариантов Улунсути представляет собой чешуйку с седьмого кольца змеи.

Шауно, которые в свое время занимали регион Камберленд в Теннесси, непосредственно примыкающий к Чероки, считались волшебниками всеми южными племенами. Бринтон говорит: «Среди алгонкинов племя шауни сделало больше, чем все остальные вместе взятые, для внедрения и распространения религиозных легенд и обрядов. С самых ранних времен они, по-видимому, обладали особой склонностью к экстазу, обману и фантазиям, составляющим духовную жизнь их соплеменников. Их постоянно кочующий образ жизни привел их в соприкосновение с мифами многих народов, и весьма вероятно, что они первыми принесли рассказ о рогатой змее от криков и чероки» (Мифы Нового Света, стр. 137).

Местности — гора Утавагунта, перевал Валасийи, перевал Дунисквальгуньи и озеро Атагахи (мифическое) — все это точки в горном массиве Грейт-Смоки, который образует границу между Северной Каролиной и Теннесси. Тлануси — это местное название места под названием Мерфи, расположенного на слиянии рек Хивасси и Вэлли в Северной Каролине. Гаху — это гора Кохутта в округе Мюррей, штат Джорджия. По словам Уэффорда, на склонах этой горы есть несколько каменных ограждений, которые были построены Аган-унитси в качестве укрытий перед нападением на Уктена (см. также Глоссарий).

52. Красный человек и уктена (стр. 300): эта история была получена от Джона Ах. Свиммер тоже слышал ее, но запомнил только часть. Более подробную информацию об уктена и талисмане, полученном от него, см. в номерах 50 и 51 с примечаниями.

Асга'я Ги'гаге'и — «Красный Человек» или дух молнии, который часто упоминается в священных формулах.

Пораженный молнией — как уже объяснялось в других местах, дерево, пораженное молнией, играет важную роль в фольклоре чероки.

Сильный и опасный — индейцы обычно верят, что наличие мощного талисмана, каким бы благотворным он ни был сам по себе, ослабляет или даже представляет опасность для тех, кто находится поблизости, если они не укреплены каким-либо ритуальным тоником. По этой причине каждое великое «лекарство» обычно хранится отдельно в хижине или типи, построенных для этой цели, подобно тому, как мы привыкли хранить взрывчатые вещества на некотором расстоянии от жилых или коммерческих зданий.

53. Охотник и уксухи (стр. 301): Эта история была рассказана Свиммером и Джоном Аксом как реальный факт. Уксухи — это горная черная змея или черный гонщик (*Coluber obsoletus*). Название, по-видимому, относится к какой-то особенности глаза, *aktă* (ср. uktena). Хикори-лог, правильное название Wane′asûñ′tlûñyi, «Хикори-футлог», было поселением чероки на реке Хивасси, недалеко от нынешнего Хейсвилля, округ Клей, Северная Каролина. Другое поселение с таким же названием находилось на реке Этова в Джорджии.

Пот — индейское поверье может иметь или не иметь под собой оснований.

54. Устутли (стр. 302): эту историю рассказали Свиммер и Джон Акс (восток) и Ваффорд (запад), и она является общепринятой традицией во всем племени. Название устутли относится к подошве стопы и было дано змее из-за ее особенных лап или «присосок». То же имя дано обычной южной змее-кольцевой (*Abastor erythrogrammus*), о которой белые горцы рассказывают такие удивительные истории. Гора Кохутта (Gahû′tĭ) в округе Мюррей, штат Джорджия, также была традиционным местом обитания Уктена (см. номер 51, «Поиски Уктена Аган-Унитси», а также номер 55, « Uw‘tsûñ′ta »).

55. Увтсунта (стр. 303): эта история была получена от Джеймса Блайта. Нуньдайе, откуда происходит название Нантахала, находился на реке с таким же названием ниже нынешней станции Джарретта.

56. Мальчик-змея (стр. 304): этот миф был рассказана Свиммером.

Âsĭ — Черокийский âsĭ, или «горячий дом», как его называли старые торговцы, является эквивалентом потной хижины западных племен. Это небольшая хижина из бревен, обмазанная глиной, с односкатной крышей и достаточно высокая, чтобы в ней можно было сидеть или лежать, но не стоять. Она используется для потных бань, а поскольку она герметична и теплая, а внутри обычно тлеет огонь, то в холодную погоду она является излюбленным местом для сна пожилых людей. Сейчас она почти вышла из употребления.

57. Человек-змея (с. 304): Этот миф, полученный от вождя Смита, по-видимому, призван внушить мирянам важность строгого соблюдения бесчисленных гактуньта, или табу, которые окружают повседневную жизнь чероки, будь то в здоровье или болезни, на охоте, на войне или в мирных занятиях (см. работу автора «Священные формулы чероки» в Седьмом ежегодном отчете Бюро этнологии).

Подобные мифы о превращениях встречаются во всем мире. Один из самых древних — это история Кадма из «Метаморфоз» Овидия, в которой жена в отчаянии наблюдает, как ее муж превращается в змею. «Кадм, что это значит? Где твои ноги? Где твои плечи и руки? Где твой цвет? И, пока я говорю, где все остальное?»

В истории племени пауни, приведенной Гринеллом, два брата, путешествуя, останавливаются на ночлег. Старший ест запрещенную пищу и просыпается, обнаружив, что превращается в большую гремучую змею, причем превращение начинается с ног. Он будит брата и дает ему последние наставления:

«Когда я превращусь в змею, возьми меня на руки и отнеси к этой норе. Это будет мой дом, потому что это дом змей». Еще сохраняя человеческий разум, он продолжает говорить, пока метаморфоза распространяется вверх, пока, наконец, его голова не превращается в голову змеи, и тогда его брат берет его на руки и несет к норе. Родственники часто навещают змею, которая всегда выходит, когда они зовут, и брат приносит ей часть своих военных трофеев, в том числе лошадь и женщину, и в ответ получает защиту змеечеловека (Pawnee Hero Stories, стр. 171–181). Близкий вариант из племени омаха приводится Дорси в « » («Воины, превращенные в змей», в «Contributions to North American Ethnology», VI).

58. Месть гремучей змеи (стр. 305): эта история, рассказанная Свиммером, иллюстрирует индейское почитание гремучей змеи и страх перед ее оскорблением, уже объясненные в номере 49 «Племя змей» и сопутствующих примечаниях.

Молитвенная песня — см. другие ссылки под номером 3, «Канати и Селу». Многие индейские церемониальные молитвы и заклинания имеют форму песен или напевов.

59. Мелкие рептилии, рыбы и насекомые (с. 306): *Gi'gă-tsuha'ʻlĭ* — эта ящерица, вероятно, является *Pleistodon erythrocephalus*, которая описана в «Герпетологии» Холбрука как имеющая длину от 11 до 13 дюймов, с ярко-красной головой, оливково-коричневым телом и хвостом, а также желтовато-белым горлом и брюхом. *«Pleistodon erythrocephalus* выбирает для проживания густые леса и обычно обитает в дуплах деревьев, часто на высоте 30–40 футов от земли, иногда селится в прошлогоднем гнезде дятла, из которого он угрожающе высовывает свою ярко-красную голову тем, кто мешает ему жить. Он никогда не селится на земле или рядом с ней и, по сути, редко спускается с высоты, если только не ищет пищу или воду. Хотя он застенчив и робкий, он очень свиреп, когда его ловят, и сильно кусается благодаря большой силе своих челюстей, а также размеру и прочности зубов. Однако укус, хотя и острый и болезненный, не является, как обычно предполагается, ядовитым». 40

Большой рогатый жук — этот жук, который чероки называют по-разному: рак, олень или козел, из-за своих разветвленных рогов, вероятно, является «летающим оленем» ранних путешественников. Тимберлейк говорит: «Из насекомых летающий олень — почти единственный, заслуживающий внимания. Он имеет форму жука, но обладает очень большими, красивыми, разветвленными рогами, как у оленя, откуда и произошло его название» (Мемуары, стр. 46). Лоусон, около 1700 года, также упоминает «летающих оленей с рогами» среди насекомых восточной Каролины.

60. Почему голова бычьего лягушонка полосатая (стр. 310): первая версия принадлежит Джону Аксу, вторая — Свиммеру, который забыл детали.

61. Любовник бычьего лягушонка (стр. 310): Первую забавную маленькую историю я услышал от нескольких рассказчиков. Предупреждающие слова иногда произносятся по-разному, но всегда глубоким, грубым, певучим тоном, который очень хорошо имитирует звук бычьего лягушонка. Другие истории были рассказаны Цэсани (Джессаном) и подтверждены Свиммером.

В варианте первой истории, записанном в коллекции Таггла, это красивая девушка, которая остается непреклонной, пока ее возлюбленный, Кролик, не прячется таким же образом возле источника, с духовым ружьем вместо трубы, и не пугает ее, заставляя согласиться, восклицая: «Девушка, которая останется незамужней, умрет, умрет, умрет».

62. Предупреждение сверчка (с. 311): Рассказано Свиммером и Джеймсом Блайтом.

63. ÛÑTSAIYĬ′, АЗАРТНЫЙ ИГРОК (с. 311): Эта история была получена от Свиммера и Джона Акса (восток) и подтверждена также Джеймсом Уэффордом (запад), который, однако, помнил только основные моменты преследования и окончательного поимки в Кагуньи. Обе версии очень близки, за исключением того, что Акс посылает мальчика в страну Заката, чтобы тот сыграл против своих братьев, а Свиммер приводит их на встречу с ним в дом их отца. В версии Акса азартный игрок также бежит прямо на запад, и каждый раз, когда братья стреляют в него стрелами, гремит гром и сверкает молния, но он спасается, погружаясь в землю, которая открывается для него, чтобы появиться в другом виде где-то еще. Пловец заставляет Маленьких Людей помочь в погоне. В « » чероки приглашение на бальный конкурс является вызовом на бой. Гром всегда олицетворяется во множественном числе, Ani′-Hyûñ′tikwălâ′skĭ, «Громовержцы». Отец и два старших сына, по-видимому, являются Кана′ти и Громовыми Мальчиками (см. номер 3, «Кана′ти и Селу»), хотя ни один из информаторов не утверждает этого с уверенностью, а мальчик-герой, у которого нет другого имени, считается молнией. О его дальнейшей судьбе ничего не известно.

Ûñtsaiyĭ′ — в этом имени (иногда E′tsaiyĭ′ или Tsaiyĭ′) первый слог почти не произносится, а гласные удлиняются, чтобы имитировать звонкий звук, производимый при ударе по тонкому металлическому листу. Сейчас это слово переводится как «латунь» и применяется к любому предмету, изготовленному из этого металла. Мифический азартный игрок, который имеет своих аналогов в мифологии многих племен, является традиционным изобретателем игры с колесом и палкой, столь популярной среди индейцев юга и востока и известной под разными названиями: gatayûstĭ, chenco или chûnki (см. примечание под номером 3, «Kana′tĭ и Selu»). Он жил на южном берегу реки Теннесси, в Ûñ′tiguhĭ′.

Ûñ'tiguhĭ′ или The Suck — известный и опасный порог, известный белым как «The Suck», а чероки как Ûñ′tiguhĭ′, «Кастрюля в воде», находится в реке Теннесси, недалеко от входа в ручей Сук, примерно в 8 милях ниже Чаттануги, в месте, где река собирает всю свою силу в суженном русле, чтобы прорваться через гору Камберленд. Популярное название «Вихрь» или «Сак» восходит по крайней мере к 1780 году, при этом верхняя часть была известна в то же время как «Кипящая кастрюля» (дневник Донелсона, в Рамси, Теннесси, стр. 71),[41] что является точным пересказом индейского названия. Во времена первых поселенцев это было самым опасным препятствием для судоходства, но некоторые из самых серьезных препятствий в русле были теперь устранены с помощью взрывов и других средств. Название и легенда чероки, вероятно, были вдохновлены внешним видом порогов в этом месте. Рядом с местом, где, согласно индейским рассказам, жил Ûñtsaiyĭ′, до сих пор можно увидеть большую плоскую скалу, на которой он обычно играл в игру gatayûstĭ со всеми, кто принимал его вызов. Линии и борозды, образовавшиеся от качения колес, до сих пор хорошо заметны, а сами каменные колеса теперь прочно прикреплены к поверхности скалы. Подобный камень с бороздками и полосами, на котором, как говорят, Ûñtsaiyĭ′ также катал свое колесо, находится, по сообщениям, на северной стороне Хивасси, чуть ниже Калхуна, штат Теннесси.

Так описывает Сук путешественник в 1818 году, когда вся эта местность еще была индейской территорией, а о Чаттануге никто и не мечтал:

«И здесь я не могу не остановиться на мгновение, чтобы обратить ваше внимание на величественный и живописный пейзаж, который открывается взору восхищенного зрителя. Эта местность по-прежнему принадлежит коренным жителям, и рука цивилизации лишь в незначительной степени смягчила дикий облик природы. Река Теннесси, собрав в одну массу многочисленные ручьи, которые она принимает на своем пути протяженностью триста-четыреста миль, скользит по протяженной долине с быстрым и мощным течением, шириной в полмили. В этом месте группа гор готова преградить ей путь. Во-первых, «Lookout», отдельный хребет, начинающийся в тридцати милях ниже, противостоит течению реки своим смелым и скалистым

завершением высотой в две тысячи футов. Вокруг ее вершины находится палисад [*sic*] из обнаженных скал высотой от семидесяти до ста футов. Река течет по ее основанию и сразу же поворачивает направо. Пройдя еще шесть миль, она снова поворачивает и встречается с боком горы Раккун. Собирая свою силу в русле длиной семьдесят ярдов, она разделяет гору и бурно несется через скалистое ущелье, унося дрожащего мореплавателя со скоростью милю в две-три минуты. Этот проход называется « Suck». С вершины горы Lookout открывается вид на всю округу. И тем, кто может наслаждаться видом бесконечного леса, пронизанного извилинами смелой реки, перемежающегося сотнями зеленых прерий и прерываемого множеством хребтов и гор, в мае открывается пейзаж, который по своим размерам, разнообразию и красоте уступает лишь немногим другим.—Реверенд Элиас Корнелиус, в (Силлиманском) Американском журнале науки, I, стр. 223, 1818.

Ставил даже свою жизнь — индейцы были страстными игроками, и не было абсолютно никаких ограничений в рисках, на которые они были готовы пойти, даже если это означало потерю свободы, а то и жизни. Лоусон (История Каролины, стр. 287) говорит: «Они очень много играют и часто лишают друг друга всего, что у них есть в этом мире; более того, я знал нескольких из них, которые проиграли все, так что они оставались слугами победителей, пока их родственники или они сами не могли заплатить деньги, чтобы выкупить их».

Его кожа была чистой — идея очищения или омовения с помощью потной бани очень распространена в индейских мифах и обрядах. В рассказе о племени омаха, приведенном Дорси, герой был превращен с помощью колдовства в паршивого пса. Он строит потную хижину, входит в нее в виде собаки и потеет, пока по его команде люди не снимают одеяла, и тогда «вот, он был не собакой, а очень красивым мужчиной» («Приключения Хинпе-агце», в «Вклад в североамериканскую этнологию», VI, стр. 175).

С самого низа — выбор самого отдаленного или самого незначительного из нескольких объектов как самого ценного — еще один распространенный мотив в мифах.

Дерево медовой акации — любимое дерево медовой акации и сиденье с шипами того же вида в доме Человека-Грома могут указывать на то, что в индийском, как и в арийском мышлении, существовала оккультная связь между перистыми листьями и молнией, как мы знаем, что это имеет место в отношении европейской рябины или горной рябины.

Все виды змей — Следует помнить, что отец мальчика был богом грома. Связь между змеей и духом дождя или грома уже отмечалась. Она также появляется в рассказе № 84 «Человек, который женился на сестре Грома».

Старший брат — мой старший брат (говорит мужчина), *ûñgini'lĭ*; мой старший брат (говорит женщина), *ûñgidă'*; твои два старших брата (говорит мужчина), *tsetsăni'lĭ*.

Земля заката — здесь используется слово чероки *Wusûhihûñ'yĭ*, «там, где они останавливаются на ночь». Обычное выражение в священной формуле — *usûñhi'yĭ*, «темнеющее или сумеречное место»; общее слово — *wude'ligûñ'yĭ*, «там, где оно (солнце) садится».

Молния при каждом ударе — В мифе омаха «Сын вождя и громы», приведенном Дорси, несколько молодых людей, путешествующих к краю света, встречают Человека-Грома, который предлагает вождю выбрать одну из четырех сумок с лекарствами . Будучи заранее предупрежденным, он выбирает самый старый, но самый мощный, а затем получает также дубинку, которая вызывает гром, когда ее размахивают в воздухе (Contributions to North American Ethnology, VI, p. 185).

Ударь по камню — этот способ добывания воды известен по крайней мере со времен книги Исход.

Медь сотрется — таким образом объясняется красивый металлический блеск на голове *Phanæus carnifex*. Обычный жук-катушка называется «катушка для навоза», но этот вид отличается как «рогатый, медный» жук. Иногда его также называют собакой Громовых мальчиков.

Бобры грызут виноградную лозу — нечто подобное встречается у шайенов: «Земля покоится на большом брусе или столбе. Далеко на севере живет бобр, белый как снег, который является великим отцом всего человечества. Однажды он прогрызет опору внизу. Мы будем беспомощны, и земля рухнет. Это произойдет, когда он рассердится. Столб уже частично прогрызен. По этой причине ( ) одна группа шайенов никогда не ест бобров и даже не прикасается к их шкурам. Если они прикасаются к ним, то заболевают» (Кробер, «Сказки шайенов», в «Журнале американского фольклора», июль 1900 г.).

64. Гнездо Tlă′nuwă (с. 315): эта история была впервые получена от Джона Акса и Ta′gwadihi′, а затем часто упоминалась в связи с пещерой в Citico. Она упоминается Тен Кейтом в «Legends of the Cherokees», полученной на территории индейцев, в Journal of American Folk-Lore, январь 1889 г.

Tlă′nuwă — Tlă′nuwă (Tsă′nuwă или Sû′năwă в среднем диалекте) — мифическая птица, описываемая как большой ястреб, больше любой существующей в настоящее время птицы. Существует небольшой ястреб под названием tlă′nuwă usdi′, «маленький tlă′nuwă», который описывается как его меньшая копия или образ и который, по словам чероки, сопровождает стаи диких голубей, иногда, когда голоден, пикирует вниз и убивает одного из них, ударяя его острым грудным костем. Вероятно, это ястреб-тетеревятник (*Astur atricapillus*). Великий Tlă′nuwă, как и другие животные, «улетел». Согласно Адаиру (История американских индейцев, стр. 17), чероки сравнивали скупого человека с «sinnawah». Когда Джон Акс впервые рассказал эту историю, он настаивал, что белые тоже должны в нее верить, поскольку она изображена на их деньгах, и, подняв серебряную монету, он торжествующе указал на то, что, по его утверждению, было изображением Тланua, держащего в когтях стрелы, а в клюве змею. Он был не так уж далек от истины, поскольку хорошо известно, что мексиканский герб, отпечатанный на монетах республики, имеет свое происхождение в похожей легенде, переданной от ацтеков. Мифы об опасных змеях-монстрах, уничтоженных великими птицами, были распространены среди многих племен. Тускарора, бывшие восточные соседи чероки, рассказывали «длинную историю о великой гремучей змее, которая давным-давно жила у ручья в реке Неус и убила множество индейцев; но в конце концов белоголовый орлан убил ее, и они избавились от змеи, которая пожирала целые каноэ, полные индейцев» (Лоусон, Каролина, стр. 346).

Tlă′nuwă′ĭ — «место Tlă′nuwă», как называют это утес чероки, с пещерой на полпути его высоты, находится на северном берегу реки Литл-Теннесси, недалеко от впадения в нее ручья Ситико, на земле, ранее принадлежавшей полковнику Джону Лоури, одному из офицеров чероки в битве при Хорсшу-Бенд (Уоффорд). Чуть выше, но на противоположном берегу реки, находится Утлунтии, бывшее пристанище людоеда, пожиравшего печень (см. номер 66, «Утлунта, Копьепальцевый»).

Вскоре после сотворения мира — Как выразился Джон Акс, заимствовав библейское выражение, *Hĭlahi′yu dine′tlănă a′nigwa* — «Давным-давно, вскоре после сотворения мира».

Веревка из коры линна — Старые чероки до сих пор в основном используют для связывания и упаковки веревки, скрученные из внутренней коры деревьев. В одной из версий этой истории знахарь использует длинную лозу удаи или кохош (*Actæa*?).

Дыры все еще там — место, которое чероки называют Tlă′nuwă-a′tsiyelûñisûñ′yĭ, «Где Tlă′nuwă разрезали его», находится почти напротив Ситико, на реке Литл Теннесси, чуть ниже брода

Таласси, в округе Блаунт, штат Теннесси. На поверхности скалы есть ряд длинных углублений, похожих на траншеи, простирающихся на некоторое расстояние, которые, по словам индейцев, являются следами от кусков, откушенных от тела великого змея и брошенных Tlă′nuwă.

65. Охотник и Tlă′nuwă (с. 316): этот миф был рассказана Свиммером.

66. Утлунта, Копье-палец (с. 316): Это один из самых известных мифов чероки, одинаково хорошо известный как на востоке, так и на западе. Приведенная здесь версия была получена от Джона Акса с некоторыми исправлениями и дополнениями от Свиммера, Уоффорда (запад) и других. Ее версия, «Каменные щиты», в которой синица ошибочно представлена как сойка, приведена Тен Кейтом в его «Легендах чероки» в журнале «Journal of American Folk-Lore» за январь 1889 года, полученная от смешанного по крови информатора в Талеква. Другая версия, «Демон туберкулеза» (The Demon of Consumption), капитана Джеймса В. Террелла, бывшего торговца среди восточных чероки, появилась в том же журнале в апреле 1892 года. Еще одна версия, по-видимому, сокращенная по информации Террелла, приведена Зейглером и Гросскупом в книге «Сердце Аллеганов» (Heart of the Alleghanies), стр. 24 (Роли и Кливленд, 1883). В версии Тен Кейта каменная кольчуга разбилась на куски, как только чудовище было убито, и люди собрали осколки и хранили их как амулеты.

Существует некоторая путаница между этой историей об Утлунте и историей о Нуньюнуви (номер 67). По словам некоторых рассказчиков мифов, эти два чудовища были мужем и женой, жили вместе, оба были одинаково одеты в камень, имели шилообразные пальцы и питались человеческими печенками, с той лишь разницей, что муж подстерегал охотников, а его супруга уделяла внимание детям.

Эта история имеет близкий параллель в мифе криков из сборника Таггла «Большой каменный человек», в котором люди в конце концов убивают каменного монстра, следуя совету Кролика, который посоветовал стрелять ему в ухо.

Далеко, в Британской Колумбии, индейцы рассказывают, как Койот превратился в Лося, покрыв свое тело твердой скорлупой. «Эта скорлупа была похожа на доспехи, поскольку ни одна стрела не могла ее пробить, но она была едва достаточна, чтобы покрыть все его тело, и под горлом оставалось небольшое отверстие». Он нападает на людей, пронзая их рогами и топча ногами, а их стрелы безвредно отскакивают от его тела, пока « , луговая жаворонок, которая была большой сплетницей, не появилась и не закричала: «У него есть маленькое отверстие на горле!» Охотник направляет свою стрелу в это место, и лось падает замертво (Teit, Thompson River Traditions, стр. 33–34).

U‘tlûñ′ta — это слово буквально означает «у него (или у нее) это острое», т. е. есть какая-то острая часть или орган. Оно может использоваться в отношении зуба, ногтя или какой-либо другой прикрепленной части тела, но здесь относится к пальцу, похожему на шило. Тен Кейт пишет это имя как Uilata. На реке Литл Теннесси, почти напротив входа в ручей Ситико, в округе Блаунт, штат Теннесси, находится место, которое чероки называют U‘tlûñtûñ′yĭ, «Место с острыми пальцами», потому что, по их словам, U‘tlûñ′ta часто бывал в этом месте.

Нунью-тлугуньи — «Дерево-скала», названная так из-за сходства с стоящим стволом дерева; заметная скала в форме памятника на западном берегу реки Хивасси, примерно в четырех милях выше Хейсвилля, Северная Каролина, почти на границе с Джорджией.

Гора Уайтсайд — эта известная гора, известная чероки как Sanigilâ′gĭ, название которой для них не имеет значения, является одной из выдающихся вершин горы Блу-Ридж и расположена к юго-

востоку от Франклина и примерно в четырех милях от Хайлендса, или на границе между округами Мейкон и Джексон, Северная Каролина. Ее высота составляет 4900 футов, что делает ее самой высокой вершиной на хребте, образующем водораздел между притоками рек Литл-Теннесси и Чаттуга, впадающими в Саванну. Она получила свое название от отвесной скалы на западном склоне и иногда также известна как «Суд дьявола». Индейцы сравнивают вид утеса с ледяным покровом и говорят, что западная вершина когда-то была увенчана выступающей скалой, которая была разрушена молнией и составляла часть великого моста, который Утлунта пытался построить через долину. Описание этой горы, сделанное Ланманом в 1848 году, приведено в примечаниях к номеру 13, «Великий желтый шершень». Ниже приводится замечание более позднего автора:

«Примерно в пяти милях от Хайлендса находится огромный старый утес Уайтсайдс, который образует авангард всех горных хребтов, простирающихся на юг. Он не выше Риги, но, как и он, возвышаясь прямо из равнины, он впечатляет зрителя больше, чем его более высокие собратья. На всех низменностях верхней части Джорджии и Алабамы этот ослепительно белый столб скалы, возвышающийся в небо, является яркой и значимой достопримечательностью. Подъем можно совершить верхом на лошади, с задней стороны горы, до четверти мили от вершины. Достигнув вершины после короткого почти вертикального подъема, путешественник оказывается на краю отвесной белой скалы, над которой, цепляясь за руку, он может, если захочет, посмотреть вниз на две тысячи футов в туманную долину. Камушек, выпавший из его руки, упадет прямо, как в колодец. На обширной равнине внизу он может увидеть волнообразные холмы, на которых великие горные хребты, простирающиеся от штата Мэн вдоль континента, наконец сходят в южные равнины» — Ребекка Х. Дэвис, «Боковые тропы в горах», в журнале Harper’s Magazine, LXI, стр. 544, сентябрь 1880 г.

Сбор клубники — Как помнят читатели Бартрама, более ста лет богатые низинные земли старой страны чероки славились обилием клубники и других диких фруктов.

Мои внуки — Как и в большинстве индейских языков, термины родства в языке чероки обычно специализированы, и нет единого термина для обозначения внука. «Ребенок моего сына» — *ûñgini'sĭ*, множественное число *tsûñgini'sĭ*; «ребенок моей дочери» — *ûñgili'sĭ*, множественное число *tsûñgili'sĭ*. Использование терминов родства для выражения привязанности или уважения очень распространено среди индейцев.

Принятие внешности — это близко соответствует европейскому народному поверью о феях-подменщиках.

Сжигать листья — Сжигание опавших листьев осенью, чтобы добраться до орехов на земле, до сих пор практикуется белыми горцами южных Аллеганов. Линия огня, медленно ползущая по склону горы в темную ночь, — одно из живописных зрелищ этой живописной страны.

Песня — Как исполняет Свиммер, песни, по-видимому, предназначены для имитации печальных нот какой-то птицы, такой как горлица, скрывающейся в густых лесах.

Яма-ловушка — ловушка-яма для крупной дичи была известна почти всем племенам, но, по-видимому, не использовалась часто.

Чикадея и синица — эти две маленькие птицы очень похожи друг на друга, каролинская чикадея (*Parus carolinensis*) или tsĭkĭlilĭ немного меньше, чем синица-хохлатка (*Parus bicolor*) или utsu‘gĭ, которая также отличается хохолком или гребнем. Вера в то, что tsĭkĭlilĭ предсказывает приход отсутствующего друга, распространена среди чероки и даже распространилась на их соседей, белых горцев. См. также номер 35, «Птичьи племена», и сопутствующие примечания.

Ее сердце — представление о великане или другом чудовище, сердце или «жизнь» которого находится в какой-то необычной части тела или может быть даже извлечено и отложено в сторону по желанию, так что убить чудовище обычными средствами невозможно, распространено как в индейском, так и в европейском и азиатском фольклоре.

В мифе народа навахо рассказывается, что койот «не хранил, как другие существа, свою жизненную силу в груди, где ее можно было легко уничтожить. Он хранил ее в кончике носа и в конце хвоста, где никто не мог ее найти». Он попадает в несколько несчастных случаев, любой из которых был бы достаточен, чтобы убить обычное существо, но, поскольку его нос и хвост остаются нетронутыми, он каждый раз воскресает. Наконец, девушка, на которой он хочет жениться, разбивает его на мелкие кусочки дубиной, измельчает кусочки в порошок и развеивает порошок по четырем сторонам света. «Но она снова забыла раздавить кончик носа и кончик хвоста», в результате чего Койот снова оживает , после чего, конечно же, они женятся и живут счастливо до следующей главы (Мэтьюз, Легенды навахо, стр. 91–94).

В сказке о гаэльских высокогорьях жизнь великана заключена в яйце, которое он хранит в тайном месте, и только когда герой находит и разбивает яйцо, великан умирает. Чудовище или герой с единственным уязвимым местом, как в случае с Ахиллом, также является распространенным концептом.

67. Нуньюнуви, Каменный Человек (стр. 319): этот миф, хотя и полученный от Свиммера, лучшего информатора в восточной группе, является лишь фрагментарным, поскольку он перепутал его с несколько похожей историей об Утлунта (номер 66). Он был упомянут Аястой и другими (восток) и Ваффордом (запад) как очень старая и интересная история, хотя ни один из них не мог вспомнить детали в связной форме. Он отмечен как одна из историй, услышанных на территории Тен Кейтом (Legends of the Cherokees, в Journal of American Folk-Lore, январь 1889 г.), который пишет имя Nayunu′wi.

Nûñyunu'wĭ, «одетый в камень»; *adâ'lanûñstĭ*, посох или трость; *asûñ'tlĭ, asûñ'tlûñĭ*, мост из бревен; *ada'wehĭ*, великий волшебник или сверхъестественный чудотворец; см. глоссарий.

Очень близкая параллель встречается у ирокезов, у которых есть предания о вторжении расы свирепых каннибалов, известных как Каменные гиганты, которые изначально были обычными людьми, но ушли в пустыню, где пристрастились к сырому мясу и валянию в песке, пока их тела не выросли до гигантских размеров и не покрылись твердыми чешуйками, как камень, которые не могла пробить ни одна стрела (см. Cusick, в Schoolcraft, Indian Tribes, V, p. 637). Один из них, который особенно охотился на онондага, был в конце концов пойман в яму и убит. Другой, преследуя своих жертв, использовал «нечто, похожее на палец, но на самом деле представлявшее собой костяной указатель. С его помощью он мог найти все, что хотел». Указатель был в конце концов выхвачен у него охотником, после чего великан, неспособный без него найти дорогу, жалобно просил вернуть его, обещая больше не есть людей и даровать охотнику долгую жизнь и удачу для него самого и всех его друзей. Охотник вернул ему указатель, и великан сдержал свои обещания (Beauchamp, W. M., Iroquois Notes, в Journal of American Folk-Lore, Бостон, июль 1892 г.). Как рассказывает миссис Смит («The Stone Giant’s Challenge», Myths of the Iroquois, во Втором годовом отчете Бюро этнологии, 1883 г.), указатель был человеческим пальцем. «Он поставил его вертикально на свою руку, и тот сразу же указал ему путь».

Женщина во время менструации — Все наши коренные племена верят, что в прикосновении или присутствии женщины во время менструации есть что-то опасное или сверхъестественное. Отсюда и возникла всеобщая традиция «менструальной хижины», в которую женщина уединяется в такие периоды, чтобы есть, работать и спать в одиночестве, а также множество табу и мер

предосторожности, связанных с этой темой. Почти такие же представления существуют в отношении беременных женщин.

Колья из кисличного дерева — охотники чероки нанизывают мясо на колья из кисличного дерева (*Oxydendrum*) для запекания, а также считается, что это дерево обладает силой против колдовства ведьм.

Начал говорить — Раскрытие «медицинских» секретов магом в предсмертной агонии — распространенный мотив в индейских мифах.

О чем бы он ни молился — Свиммер дает подробное описание конкретных просьб, с которыми обращались несколько из тех, кто был таким образом раскрашен. Раскрашивание лица и тела, особенно красной краской, всегда является для индейцев более или менее священным обрядом, обычно сопровождаемым молитвами.

68. Охотник в Даква — Эта история была рассказана Свиммером и Тагвадихи и хорошо известна в племени. Версия из рукописи Вахненаухи значительно отличается от той, которая приводится здесь в « ». В переводе Библии слово dăkwă′ используется как эквивалент слова «кит». Хейвуд так упоминает эту историю (Nat. and Aborig. Hist. Tenn., стр. 244): «Одна из древних традиций чероки гласит, что однажды кит проглотил маленького мальчика, а через некоторое время выплюнул его на берег».

Вполне вероятно, что чероки ранее были знакомы с китами, которые, по словам Лоусона, около 1700 года были «очень многочисленны» на побережье Северной Каролины и часто выбрасывались на берег, так что поселенцы получали значительную прибыль от продажи масла и жира. Он перечисляет четыре известных там вида и добавляет общее утверждение, что «некоторые индейцы в Америке» охотились на них в море (История Каролины, стр. 251–252).

Практически в каждой эпохе и стране мы находим миф о большой рыбе, проглотившей человека, который впоследствии находит выход и остается в живых. Близким к мифу чероки является библейская история о Ионе и греческая история о Геракле, проглоченном рыбой и выбравшемся из нее живым, но лысым. Параллели и теории происхождения и значения этого мифа среди древних народов см. в главе IX книги Бутона «Библейские мифы».

В легенде племени оджибве великий Манабожо поглощается вместе с каноэ королем рыб. Своим боевым дубиной он наносит несколько ударов по сердцу рыбы, которая пытается выплюнуть его. Опасаясь, что он может утонуть в глубокой воде, Манабожо срывает попытку рыбы, поместив свое каноэ поперек ее горла, и продолжает наносить удары по сердцу, пока чудовище не направляется к берегу и не умирает, после чего герой сбегает через отверстие, которое чайки прорвали в боку туши (Schoolcraft, Algic Researches, I, pp. 145–146).

69. Атагахи, заколдованное озеро (стр. 321): Эта история была услышана от Свессера, Тагвадихи и других и хорошо известна каждому охотнику из племени восточных чероки. Если верить свидетельствам индейцев, то в труднодоступных ущельях гор Грейт-Смоки на северной границе округа Свейн, Северная Каролина, где-то между истоками рек Брэдлис-Форк и Игл-Крик, действительно есть большая голая равнина с таким названием. По-видимому, это отличное место для медведей и уток, и, возможно, оно периодически затопляется, что объясняет легенду.

Молитва, пост и бдение — в индейских ритуалах, как и у восточных народов и во всех древних религиях, это основные условия для обретения ясности духовного видения. Практически в каждом племени молодой воин, только вступающий в зрелость, добровольно подвергался испытанию

такого рода, продолжавшемуся несколько дней, чтобы обрести видение «лекарства», которое должно было стать его проводником и защитником на всю оставшуюся жизнь.

70. Невеста с юга (с. 322): Эта уникальная аллегория была услышана как от Свиммера, так и от Тагвадихи почти в одинаковой форме. Хагар (MS Stellar Legends of the Cherokee) также услышал что-то об этом от Аясты, который, однако, перепутал это с вариантом Хагара под номером 11, «Млечный путь» (см. примечания к номеру 11).

В мифе из Британской Колумбии «Горячий и холодный ветры» народ холодного ветра с севера ведет войну с народом горячего ветра с юга, пока индейцы, чья страна лежит между ними и которые постоянно страдают от обеих сторон, не заключают мир, который должен быть ратифицирован браком между двумя сторонами. Соответственно, народ юга посылает свою дочь замуж за сына севера. Они женятся и заводят ребенка, которого мать через некоторое время решает взять с собой, чтобы навестить свой народ на севере. По окончании визита она отправляется в обратный путь в сопровождении своего старшего брата. «Они сели в каноэ из коры и отправились в страну холодного ветра ( ). Ее брат греб. Пройдя большое расстояние и пересекая большое озеро, холод стал настолько сильным, что ее брат не смог его больше выносить. Он взял ребенка у сестры и бросил его в воду. Сразу же воздух стал теплым, и ребенок плавал на воде как кусок льда». — Тейт, «Традиции индейцев реки Томпсон», стр. 55, 56.

71. Ледяной человек (стр. 322): Эта история, рассказанная Свиммером, может быть завуалированной традицией о горящей угольной шахте в горах, случайно воспламененной при сжигании леса осенью, в соответствии с обычной практикой чероки, и в конце концов потушенной провиденциальным ливнем. Один из информантов Батрика из племени чероки рассказал ему, что «давным-давно часть мира была сожжена, хотя сейчас неизвестно, как и кем, но говорят, что другая земля была образована в результате осадки из гор» (Древности, стр. 7).

Когда французы построили форт Каролина, недалеко от нынешнего Чарльстона, Южная Каролина, в 1562 году, поблизости находилась индейская деревня, но вскоре после этого вождь со всем своим народом переселился на значительное расстояние в результате странного несчастного случая — «большой кусок торфяного болота [был] подожжен молнией и сгорел, что он считал делом рук артиллерии».[42]

Вулканическая деятельность, часть которой произошла совсем недавно, оставила много следов в горах Каролины. Гора в округе Хейвуд, недалеко от истока ручья Файнс, почти столетие известна своими шумами и сотрясениями, причем один из взрывов разломал твердые гранитные массивы, как будто взрывом пороха. Эти сотрясения и шумы повторялись с интервалом в два-три года, но в последнее время их не наблюдается. В 1829 году сильное землетрясение на реке Вэлли разорвало гору, оставив пропасть длиной в несколько сотен ярдов, которую можно увидеть и по сей день. На горе Сатула, недалеко от Хайлендс, в округе Мейкон, есть трещины, из которых, как говорят, периодически выходит дым. В округе Мэдисон есть гора, которая, как известно, грохочет и дымит, и это явление, возможно, имеет какое-то отношение к источникам Уорм-Спрингс в том же округе. Другая вершина, известная как «Дрожащая» или «Грохочущая лысина», в округе Ратерфорд привлекла всеобщее внимание в 1874 году из-за серии толчков, продолжавшихся в течение шести месяцев (см. Zeigler и Grosscup, «Сердце Аллеганов», стр. 228–229).

72. Охотник и Селу (стр. 323): Объяснение этой истории, рассказанной Свиммером, лежит в мифе, согласно которому кукуруза произошла от крови старухи Селу (см. номер 3, «Канати и Селу»).

В мифе ирокезов духи Кукурузы, Фасоли и Тыквы — три сестры. Кукуруза изначально была гораздо более плодородной, но была поражена злобой злого духа. «До сих пор, когда шелестящий ветер колышет листья кукурузы со стоном, набожный индеец воображает, что слышит дух кукурузы, который в своем сострадании к краснокожим все еще с бесполезным сожалением оплакивает свою утраченную плодородность» (Морган, «Лига ирокезов», стр. 162). См. номер 126, «Знания о растениях», и сопутствующие примечания.

73. Подземные пантеры (стр. 324): эту историю рассказал Джон Акс. Объяснение индейского представления о животных см. в пункте 15 «Четвероногие племена» и пункте 76 «Человек-медведь».

Несколько дней — Странное течение времени, при котором период, на самом деле продолжающийся несколько дней или даже лет, кажется постороннему наблюдателю, находящемуся под чарами, всего лишь несколькими часами, является одним из наиболее распространенных мотивов в европейских сказках и стало столь же знакомым американским читателям благодаря рассказу Ирвинга «Рип Ван Винкль».

74. Цундигеви (стр. 325): эту любопытную историю рассказали Свиммер и Тагвадихи (восток) и Уэффорд (запад). Свиммер говорит, что карлики жили на западе, но Тагвадихи и Уэффорд помещают их к югу от страны чероки.

История, которая, по-видимому, является вариантом того же мифа, была рассказана испанскому путешественнику Айльону индейцами на побережье Южной Каролины в 1520 году и приведена в переводе из книги Питера Мартира «Десятилетия» в «Открытии и завоевании Флориды», девятый том публикаций Hakluyt Society, страницы XV-XVI, Лондон, 1851 год.

«Еще одна странная история Айльона касается страны под названием Инзигнанин... Жители этой страны, по рассказам своих предков, говорят, что когда-то туда прибыли люди, ростом с длину мужской руки, с хвостами длиной в ладонь, которые были привезены туда по морю. Эти хвосты не были подвижными или колеблющимися, как у четвероногих животных, но твердыми, широкими сверху и острыми снизу, как у рыб и крокодилов, и простирались до костной твердости. Поэтому, когда они хотели сесть, они использовали сиденья с отверстиями или, в случае их отсутствия, выкапывали землю на глубину ладони или чуть больше, чтобы просунуть хвост в отверстие, когда отдыхали».

Так это описано в Barcia, Ensayo, страница 5: «Они также прибыли в провинцию Инкигнавин, где индейцы рассказали им, что в определенное время туда прибыли люди, у которых были хвосты... длиной в четверть, гибкий, который мешал им настолько, что, чтобы сесть, они проделывали отверстия в сиденьях: что кожа была очень грубая, как чешуйчатая, и что они ели только сырую рыбу: и когда эти люди умерли, этот народ исчез, и правда об этом случае вместе с ним».

Близкая параллель с историей чероки встречается у нискалли из Вашингтона, в истории о трех [четырех?] братьях, которые были пойманы чудесным образом сильным карликом, который связал их и унес в своей каноэ. «Обогнув далекую точку, где они впервые его заметили, они пришли в деревню, населенную расой людей, столь же маленьких, как и их похититель, с домами, лодками и утварью, пропорциональными их росту. Затем трех братьев вывели и бросили, связанных, в хижину, а совет собрался, чтобы решить их судьбу. Во время заседания совета огромное стадо птиц, похожих на гусей, но гораздо большего размера, набросилось на жителей и начало яростную атаку. Эти птицы могли бросать свои острые перья, как дикобразы, и, хотя маленькие воины сражались с большой доблестью, они вскоре были покрыты пронзительными стрелами и все без чувств упали на землю. Когда сопротивление прекратилось, птицы взлетели и исчезли. Братья

наблюдали за конфликтом из своего места заключения и с большим трудом сумели освободиться от своих оков, после чего они пошли на поле битвы и начали вытаскивать перья из, казалось бы, безжизненных тел; но как только они это сделали, все мгновенно пришли в сознание» (Кейн, «Странствия художника», стр. 252–253).

75. Происхождение медведя (стр. 325): эту историю рассказал Свемер, от которого также были получены охотничьи песни, и на нее часто ссылались другие информаторы. Говорят, что Ани′-Ца′гухи были реальным кланом в древние времена. Параллели см. в номере 76, «Человек-медведь».

Не принимал человеческую пищу — индейцы твердо верят в доктрину «человек есть то, что он ест». Адаир (История американских индейцев, стр. 133) говорит: «Они верят, что природа обладает таким свойством, что передает людям и животным качества либо пищи, которую они употребляют, либо предметов, которые представлены их чувствам. Тот, кто питается олениной, согласно их физической системе, быстрее и проницательнее человека, который питается мясом неуклюжего медведя или беспомощных куриц, медлительного домашнего скота или тяжелых валяющихся свиней. По этой причине некоторые из их старейшин рекомендуют и говорят, что великие вождя , которые когда-то были их величайшими вождями, соблюдали постоянное правило в своем питании и редко ели животных грубого качества или с тяжелым телом, полагая, что это приводит к угнетению всего организма и лишает их возможности с должной энергией выполнять свои военные, гражданские и религиозные обязанности». Постоянное соблюдение диеты, обычно используемой медведем, в конечном итоге придаст едоку медвежью природу, если не медвежью форму и внешний вид. Определенный срок «пищи белого человека» придаст индейцу природу белого человека, так что ни лекарства, ни заклинания индейского врача не будут иметь на него никакого эффекта (см. работу автора «Священные формулы чероки» в Седьмом ежегодном отчете Бюро этнологии, 1891 г.).

Будет жить вечно — для объяснения учения о реинкарнации животных см. номер 15, «Четвероногие племена».

Песни — это типичные образцы охотничьих песен, встречающихся в каждом племени и предназначенных для призывания животных или завоевания благосклонности повелителей дичи (см. также песни о оленях в примечаниях к номеру 3, «Канати и Селу»). Как обычно, формы слов слегка изменены в соответствии с требованиями мелодии. Вторая песня была впервые опубликована автором в статье о священных формулах, упомянутой выше. Цистуи ( ), Кувахи (Kuwâ′hĭ), Уяйе (Uya′hye) и Гатегва (-hĭ) — четыре горы, под каждой из которых у медведей есть городской дом, в котором они устраивают танцы, прежде чем уйти в свои берлоги на зимний сон. В Цистуи, «месте кроликов», известном нам как Грегори Болд, в горном массиве Грейт-Смоки, обитает Великий Кролик, вождь племени кроликов. В Кувахи, «Место шелковицы», дальше на северо-восток вдоль той же гряды, живет Белый Медведь, вождь племени медведей, а неподалеку находится зачарованное озеро Атагахи, куда раненые медведи приходят купаться и лечиться (см. номер 15, «Четвероногие племена», и номер 69, «Атагахи, зачарованное озеро»). Уяхье также является вершиной Великих Дымных гор, а Гатегвахи, «Великое болото или заросли (?)», находится к юго-востоку от Франклина, Северная Каролина, и, возможно, идентично горе Фоддерстак (см. также глоссарий).

76. Человек-медведь (стр. 327): эта история была впервые получена от Джона Акса и имеет много параллелей в других племенах, а также в европейском и восточном фольклоре. Сразу же приходят на ум классическая легенда о Ромуле и Реме и истории о «волчьих мальчиках» в Индии. Свиммер включает испытание оружия охотника медведями в свою историю о происхождении болезней и

медицины (номер 4), но говорит, что это могло произойти в данном случае (см. также номер 15, «Четвероногие племена», и примечания к номеру 75, «Происхождение медведя»).

В поразительно похожем мифе криков из сборника Таггла «Происхождение клана медведей» маленькая девочка, заблудившаяся в лесу, усыновляется медведицей, с которой она живет четыре года, пока медведица не убита охотником, и девочка не возвращается к своему народу, чтобы стать матерью клана Медведей.

У ирокезов есть несколько историй о детях, усыновленных медведями. В одной из них, «Человек и его пасынок», мальчик, о котором так заботились, впоследствии найден охотником, который приручает его и учит говорить, так что со временем он почти забывает, что жил как медведь. Он женится на дочери охотника и сам становится охотником, но всегда воздерживается от преследования медведей, пока, наконец, разгневанный насмешками своей тещи, он не застрелил одного из них, но сам погиб в результате несчастного случая по дороге домой (Смит, «Мифы ирокезов», во Втором ежегодном отчете Бюро этнологии). В соответствии с этим есть история об охотнике, который преследовал медведя в его берлоге. «Когда он прошел некоторое расстояние, он больше не мог видеть медведя, но увидел костер, вокруг которого сидели несколько мужчин. Старший из трех мужчин поднял глаза и спросил: «Почему ты пытался застрелить одного из моих людей? Мы послали его, чтобы заманить тебя к нам» (Curtin, Seneca MS в архивах Бюро американской этнологии).

В мифе племени пауни «Человек-медведь» мальчик, которого отец отдал на попечение медведей, вырастает с некоторыми чертами медведя и часто молится этим животным и приносит им жертвы. Во время военного похода против сиу он был убит и разрезан на куски, но два медведя нашли и узнали его тело, собрали и сложили куски и вернули его к жизни, после чего отнесли в свою берлогу, где ухаживали за ним и обучали его своим тайным знаниям, пока он не стал достаточно сильным, чтобы вернуться домой (Гриннелл, «Истории героев пауни», стр. 121–128).

В мифе джикарилла «Происхождение и уничтожение медведя» мальчик, играя в животных, забегает в пещеру на склоне холма. «Когда он вышел, его ноги и руки превратились в медвежьи лапы». Это повторяется четыре раза, и с каждым разом изменения становятся все более значительными, пока он наконец не превращается в ужасного медвежьего монстра, пожирающего людей (Рассел, «Мифы джикарилла», в Journal of American Folk-Lore, октябрь 1898 г.).

Чтение мыслей — Чтение мыслей — очень распространенная черта индийских мифов. Считается, что определенные медицинские церемонии наделяют силой тех, кто выполняет условия испытания.

Нехватка пищи — Несколько упоминаний в мифах указывают на то, что из-за неурожая привычных диких культур периоды голода были столь же распространены среди племен животных, как и среди индейцев (см. номер 33, «Миграция животных»).

Калас-Гунахита — см. номер 15, «Четвероногие племена».

Потеребил живот — этот очень оригинальный способ добывания пищи встречается также в номере 3, «Канати и Селу».

Чубчики и раздвоенные носы — Цунистахи, «Имеющие чубчики» — т. е. индейцы, в аллюзии на гребни из торчащих волос, которые раньше носили воины чероки и других восточных племен. Тимберлейк так описывает головной убор воина чероки в 1762 году: «Их головы брито, хотя многие старики вырывают волосы с корнями, за исключением участка на затылке размером примерно в два раза больше монеты, который украшен бусинами, перьями, вампумом,

окрашенными оленьими волосами и другими подобными безделушками» (Мемуары, стр. 49). Tsunû′‘liyû′ sûnĕstlâ′tă, «у них раздвоенные носы» — т. е. собаки.

Скрыть кровь — Реинкарнация убитого животного из капель крови, пролитой на землю, или из костей является неотъемлемой частью охотничьих верований чероки, и та же идея встречается в фольклоре многих племен. В мифе омаха «Иктинике и четырех создателях» герой навещает Бобра, который убивает и готовит одного из своих детей, чтобы накормить его ужином. Когда трапеза закончилась, «Бобр собрал кости и положил их в шкуру, которую опустил под воду. Через мгновение самый младший бобр вынырнул из воды живым» (Дорси, в «Вкладе в североамериканскую этнологию», VI, стр. 557).

Снова как человек — в индейских верованиях, которые имеют параллели в европейских сказках, существует распространенное представление, что тот, кто съел пищу духов или сверхъестественных существ, не может впоследствии вернуться к своему народу и жить, если не подвергнется немедленному, а иногда и длительному строгому лечению, направленному на то, чтобы избавиться от тяги к духовной пище и таким образом восстановить свою полную человеческую природу. См. также номер 73, «Подземные пантеры». В «Легенде Янтона», записанной Дорси, ребенок падает в воду и похищается водными людьми. Отец слышит, как ребенок плачет под водой, и нанимает двух знахарей, чтобы вернуть его. После надлежащей подготовки они спускаются в глубокую воду, где находят ребенка, сидящего рядом с водным духом, который, когда они сообщают ему свою просьбу, говорит им, что если бы они пришли до того, как ребенок что-нибудь съел ( ), он мог бы выжить, но теперь, если его увести, «он будет желать пищи, которую я ем; это будет причиной беды, и он умрет». Они возвращаются и сообщают: «Мы видели вашего ребенка, он у жены водного божества. Хотя мы видели его живым, он съел часть пищи, которую ест водное божество, поэтому водное божество говорит, что если мы вытащим ребенка из воды, он умрет», и так и произошло. Спустя некоторое время родители теряют еще одного ребенка таким же образом, но на этот раз «она не ела пищу божества воды, и поэтому они забрали ее домой живой». В каждом случае белая собака бросается в воду, чтобы удовлетворить духов воды за потерю ребенка (Contributions to North American Ethnology, VI, p. 357).

77. Великая пиявка Тлануси′и (стр. 329): Эта легенда была впервые услышана от Свессера и вождя Смита, последний из которых родился недалеко от Мерфи; она была подтверждена Уэффордом (запад) и другими, являясь одним из самых известных мифов племени и воплощенной в черокийском названии Мерфи. По-видимому, она основана на странном явлении, похожем на что-то живое или движущееся, на дне глубокой ямы в реке Вэлли, чуть ниже старого брода Уникой-Тернпайк, в Мерфи, в округе Чероки, Северная Каролина. Говорят, что один из жестянщиков города однажды изготовил жестяную бомбу, наполнил ее порохом и бросил в реку в этом месте с намерением взорвать странный объект, чтобы увидеть, что это такое, но устройство не взорвалось. Яма образовалась в результате внезапного обрушения или раскола в скальном дне реки, простирающемся поперек реки. Уэффорд, который когда-то жил на реке Ноттли, добавляет к этому рассказу историю о двух женщинах и говорит, что пиявка имела крылья и могла летать. Он также утверждает, что нашел в яме богатую свинцовую руду, но быстрое течение не позволило ее добыть. Примерно в двух милях выше устья реки Ноттли изгиб русла приближает ее примерно на такое же расстояние к реке Хивасси в Мерфи. Эта ближайшая точка слияния с Ноттли также известна чероки как Tlanusi′yĭ, «место пиявок», и из-за определенных явлений, общих для обоих потоков, среди индейцев и белых распространено мнение, что они соединены здесь подземным водным путем. Легенда и народное поверье были отмечены в 1848 году Ланманом, который ошибочно превратил пиявку в черепаху:

«Небольшая деревня Мерфи, откуда я отправляю это письмо, лежит на слиянии рек Овасса и Вэлли и по своему расположению является одним из самых красивых мест в мире. Ее индейское название было Клаусуна, или Большая Черепаха. Согласно легенде чероки, она была так названа из-за того, что в древние времена в ее окрестностях жила огромная черепаха, которая любила греться на солнце. Черепаха была особенно известна своей отталкивающей силой, поскольку, как было известно, она не получала никаких повреждений от удара молнии. Ничто на земле не имело силы уничтожить это существо, но из-за многочисленных попыток лишить его жизни, когда стало известно, что оно безвредно и необидчиво, оно возненавидело этот мир и прокопало себе путь в середину земли, где теперь живет в мире.

«В связи с этой легендой я могу здесь упомянуть о том, что следует считать замечательным фактом в геологии. Прямо через деревню Мерфи проходит пояс мрамора, состоящий из черных, серых, чисто белых и телесных оттенков, который также пересекает реку Овасса. Чуть выше этой мраморной дамбы река Овасса, на протяжении примерно двухсот футов, как говорят, имеет глубину более ста футов, и в одном месте дно так и не было найдено. Все это чистая правда, но я слышал мнение, что между этой огромной ямой в Овассе и рекой Нотли, которая находится примерно в двух милях от нее, существует подземное сообщение. В доказательство этой теории приводится свидетельство о том, что однажды на Нотли была помечена определенная бревна, которая впоследствии была найдена плавающей в бассейне Глубокой ямы в Овассе» (Письма, стр. 63–64).

78. Нуньнехи и другие духовные существа (стр. 330): Вера в фей и родственных духов, часто появляющихся в виде маленьких существ в человеческом обличье, настолько распространена среди всех рас, что нет необходимости приводить параллели. Каждое индейское племя имеет своих духов лесов, скал и вод, обычно доброжелательных и любезных, когда их не беспокоят, но часто озорных, а в редких случаях злобных и мстительных. Эти невидимые духовные существа считаются своего рода сверхъестественными людьми, совершенно отличными от призраков и духов животных и растений, а также от божественных существ, которые правят солнцем, дождем и громом. Большинство приведенных здесь историй нуньнехи были рассказаны Уэффордом, который твердо верил в них, несмотря на свою белую кровь и образование. Остальные, за исключением истории о обиженных духах (Wahnenauhi MS) и Огненосце (Уэффорд), были

услышаны от различных людей в резервации. Другие упоминания о нуньнехи см. в рассказах о цувенах, канасте, яхуле и т. д.

Nûñnĕ'hĭ — это слово (*gûñnĕ'hĭ* в диалектной форме и *nayĕ'hĭ* в единственном числе) можно перевести как «жители любого места» или «те, кто живет где угодно», но оно понимается как «те, кто живет вечно», т. е. бессмертные. В рукописи Вахненаухи оно пишется *как Nanehi*, а в рукописи Вахненаухи — как *Nuhnayie*. Единственное число *Nayĕ'hĭ* также встречается в качестве личного имени, эквивалентного *Edâ'hĭ*, «тот, кто путешествует».

Некий невидимый город-резиденция — древний город криков Окмулги, где сейчас находится город Мейкон в штате Джорджия, был разрушен народом Каролины примерно во время войны с ямаси. Шестьдесят лет спустя Адаир говорит о криках: «Они энергично утверждают, что, когда необходимость заставляет их разбивать там лагерь, они всегда слышат на рассвете обычный шум индейцев, поющих свои радостные религиозные песни и танцующих, как будто они спускаются к реке, чтобы очиститься, а затем возвращаются в старый городской дом; и многое другое в том же духе. Однако всякий раз, когда я бывал там, все было тихо... Но они говорят, что это было «потому что я упрямый неверующий в этом отношении» (Hist. Am. Indians, стр. 36).

Город Ноттли — собственно Надули, находился на реке Ноттли, недалеко от ручья Рапер ( ) в округе Чероки, Северная Каролина. Старый городской дом стоял на большом холме на западном берегу реки, примерно в пяти милях ниже границы с Джорджией. Город был практически заброшен еще до переселения в 1838 году (см. глоссарий).

Хемптаун — правильное название Гатуньлити, «место конопли», существовал до переселения на ручье Хемптаун, притоке реки Токкоа, в нескольких милях к северу от нынешнего Моргантона, в округе Фаннин, штат Джорджия.

Известное круглое углубление — возможно, это было круглое земляное сооружение диаметром около тридцати футов, которое, по описаниям, существовало в 1890 году недалеко к востоку от почтового отделения Соки, недалеко от истока ручья Соки, примерно в десяти милях к северо-западу от Кларксвилля, округ Хабершам, штат Джорджия. Есть и другие круглые сооружения из камня на возвышенностях в нескольких милях от Кларксвилля (см. рукописные заметки автора по археологии чероки в архивах Бюро американской этнологии). Та же история о бросании бревен и камней в одно из этих священных мест, которые затем были выброшены обратно невидимыми руками, рассказывается Зейглером и Гросскупом в связи со старыми полями Джутакулла (см. примечание под номером 81, «Tsul‘kălû′ »).

Озадаченные — «Считалось, что сумасшедшие люди одержимы дьяволом или страдают от Нанехи» (Буттрик, «Древности», стр. 14). По словам информатора Хагара: «Маленькие люди заставляют людей терять рассудок, убегать и бродить по лесам. У них очень длинные волосы, до пят» (MS Stellar Legends of the Cherokee). Согласно рукописи Таггла, в верованиях криков «феи или маленькие люди живут в дуплах деревьев и на скалистых утесах. Они часто заманивают людей из их домов и теряют их в лесу. Когда человек теряет рассудок — не сходит с ума — это делает маленький народ».

Хлебные ломанки казались уменьшенными — обманчивый и неудовлетворительный характер всех вещей фей, когда заклинание снимается, хорошо известен европейским крестьянам.

Цаваси и Цагаси — эти духи часто упоминаются в охотничьих молитвах и других священных формулах.

Царапание — это предварительный обряд перед игрой в мяч и другими церемониями, а также метод врача для подкожных инъекций. В связи с игрой в мяч это болезненная операция, при которой на обнаженную кожу наносят царапины семизубым гребнем из кости индейки, рисуя параллельные линии на груди, спине, руках и ногах, пока страдающий не истечет кровью с головы до ног. В медицинской практике, чтобы внешнее применение было более эффективным, царапание производят зубом гремучей змеи, шипом, кремнем или кусочком стекла. См. статью автора «Cherokee Ball Play» в журнале «American Anthropologist», апрель 1890 г., и «Sacred Formulas of the Cherokees» в «Seventh Annual Report Bureau of Ethnology», 1891 г. Эта практика, по-видимому, была распространена среди южных племен и иногда использовалась в качестве наказания для некоторых правонарушителей. По словам Адаира, врач проводил кровопускание, царапая пациентов зубами рыбы-игла после того, как кожа была хорошо размягчена с помощью теплой воды, а любой посторонний, осмелившийся вторгнуться на священную площадку во время церемониальных представлений, «подвергался сухому царапанию зубами змеи, закрепленными в середине расколотого тростника или куска дерева, без привилегии теплой воды, размягчающей окоченевшую кожу» (Hist. Am. Indians, стр. 46, 120).

Огненосный — вероятно, это газообразное явление, известное как блуждающий огонь, которое было предметом загадки и страха не только для индейцев.

79. Перенесенные таунхаусы (стр. 335): Первая из этих историй была рассказана Джоном Аксом. Вторая была получена от Салали, «Белки», упомянутого в другом месте как самоучка-механик из Восточного Чероки. Уэффорд (запад) также слышал ее, но перепутал с историей Цалкалу (номер 81).

За исключением Густи, все местности находятся в западной части Северной Каролины. Большой курган Сеци находится на южной стороне реки Вэлли, примерно в трех милях ниже Вэллитауна, в округе Чероки. Город Анисгайай не указан рассказчиком, но, вероятно, находился в том же районе. Цудайелуньи, буквально «где оно изолировано» или «изолированное место», — это одиночная высокая вершина недалеко от Чеова Максимум, горного хребта Аппалачи ( ), в нескольких милях к северо-востоку от Роббинсвилля, в округе Грэм, на вершине которого, как говорят, находится большой камень, внешне напоминающий круглый таунхаус с отсутствующей частью с одной стороны. Дустиялуньи, «где было застрелено», т. е. «где было поражено молнией», — это территория на реке Хивасси, около устья ручья Шутинг, выше Хейсвилля, в округе Клэй (см. также глоссарий).

Никто не должен кричать — то же самое предписание встречается в легенде о Цулкалу (номер 81). Необходимость строгой тишины во время путешествия под руководством волшебных проводников постоянно подчеркивается в европейском фольклоре.

Городской дом в воде внизу — Бретонская легенда рассказывает о затопленном городе, который поднимается из моря через длительные промежутки времени, когда его могут увидеть те, кто обладает соответствующим талисманом, и мы знаем, что в Ирландии

«На берегах озера Лох-Ней, когда рыбак блуждает,

Когда ясный холодный вечер клонится к закату,

Он видит круглые башни других дней

В волнах под ним сияют».

80. Духи-защитники Никваси (стр. 336): Эта история была получена от Свиммера. Никваси или Никвуси, одно из древнейших поселений чероки, находилось на западном берегу реки Литл Теннесси, где сейчас находится город Франклин в округе Мейкон, Северная Каролина. Курган, на котором стоял городской дом, в поле, примыкающем к реке, вероятно, является самым большим в западной Каролине и никогда не был исследован. Чероки верят, что это обитель Nûñnĕ'hĭ или Бессмертных (см. номер 78) и что в нем вечно горит огонь. Название, которое невозможно перевести, в старых документах фигурирует как Nucassee. Британский агент проводил здесь совет с чероки еще в 1730 году. Несмотря на то, что город дважды был разрушен, он был восстановлен и, вероятно, продолжал быть заселен до тех пор, пока земля не была продана в 1819 году.

Принеси новости домой — в индейских войнах было обычным обычаем щадить пленников, взятых в бою, чтобы они могли передать своим людям новости о поражении. После катастрофического поражения французов под командованием Д'Артагетта от чикасо в верховьях Миссисипи в 1736 году Д'Артагетт, лейтенант Винсенн, отец Сенак и пятнадцать других были сожжены на костре победителями, но «один из солдат был пощажен, чтобы донести новость о триумфе чикасо и смерти этих несчастных людей до униженного Бьенвилля» (Пикетт, «История Алабамы», стр. 298, изд. 1896).

81. Цулкалу, гигант с раскосыми глазами (с. 337): История Цулкалу — одна из самых прекрасных и известных легенд чероки. Она упоминается еще в 1823 году Хейвудом, который пишет имя как Тули-кула, и память о ней сохранилась в местной номенклатуре западной Каролины. Хагар также кратко упоминает ее в своей рукописи «Звездные легенды чероки». Имя буквально означает «у него косые», что понимается как отсылка к его глазам, хотя слово «глаз» (*aktă'*, множественное число *diktă'*) не входит в его состав. Во множественном числе это также название традиционной расы великанов на дальнем западе (см. номер 106, «Великаны с запада»). Цулкалу живет в Цунегуньи и является великим повелителем охоты, поэтому его часто упоминают в охотничьих заклинаниях. История была получена от Свиммера и Джона Акса, здесь приводится версия Свиммера. Параллели с эпизодом о ребенке, рожденном из крови, см. в примечаниях к номеру 3, «Канати и Селу».

В версии Джона Акса это отец и мать девочки, а не ее мать и брат, пытаются вернуть ее. Им говорят, что для успеха они должны поститься семь дней. Они постятся четыре дня, а затем отправляются в путь и идут два дня, пока не доходят до входа в пещеру и не слышат звуки барабанов и танцев внутри. Они могут заглянуть за край скалы и увидеть свою дочь среди танцоров, но не могут войти, пока не наступит седьмой день. К несчастью, к этому времени мужчина очень проголодался, и, простояв почти всю ночь, он настаивает, что уже почти рассвело седьмого утра, и он может спокойно съесть небольшой кусочек . Его жена умоляет его подождать, пока не взойдет солнце, но голод берет верх, и он берет кусочек еды из своего мешочка. В тот же миг пещера и танцоры исчезают, и мужчина с женой оказываются одни на горе. Джон Акс был очень старым человеком на момент рассказа, его память быстро ухудшалась, и очевидно, что его версия является лишь фрагментарной.

Хейвуд приводит эту историю со ссылкой на Чарльза Хикса, образованного метиса (Nat. and Aborig. Hist. Tenn., стр. 280): «У них есть сказочная традиция, касающаяся курганов, которая доказывает, что они выходят за рамки событий их истории. Курганы, по их словам, были образованы в результате землетрясения и сопровождавшего его сильного шума, церемонии, проводившейся для принятия их народа в семью Тули-кула, который был невидимым человеком и взял в жены одну из жительниц их города. И в тот момент, когда родился его первый сын, началось землетрясение и шум, но они прекратились при крике тревоги, который подняли два

неосторожных молодых человека из города , в результате чего курганы были подняты землетрясением и шумом. После чего отец взял ребенка и мать и переехал в окрестности Брастауна, оставив следы на скалах, которые можно увидеть там».

От Батрика мы получаем следующую версию предания, очевидно рассказанную специально для миссионера: «Бог велел индейцам подняться на определенную гору — то есть воинам — и там он пошлет им помощь. Они отправились в путь и поднялись высоко в гору, когда один из воинов заговорил о женщинах. Его товарищ немедленно упрекнул его, но в тот же миг сбоку горы раздался голос, подобный грому, и Бог сказал им, чтобы они возвращались, поскольку из-за этого греха он не сможет им помочь. Они казнили этого человека, но Господь так и не вернулся к ним» (Antiquities, стр. 14). На следующей странице он рассказывает об этом в несколько иной форме: «Говорят, что перед тем, как прибыть на этот континент, находясь в своей стране, они испытывали большие страдания от своих врагов, и Бог велел им подняться на вершину определенной горы, и Он сойдет и окажет им помощь. Они поднялись высоко в горы и подумали, что увидели что-то, спускающееся сверху, что, как они полагали, было для их помощи. Но в этот момент один из воинов» и т. д.

Зейглер и Гроскуп приводят другую версию, которая, хотя и приукрашена в рекламных целях, представляет собой довольно хорошую историю:

«Но есть еще одна легенда о Бальзамах, более значимая, чем все вышеперечисленные. Это «Обретенный рай» из мифологии чероки, имеющий отдаленное сходство с христианским учением о посредничестве. Индейцы верили, что изначально они были смертными как духом, так и телом, но над голубым сводом неба, населенным небесным родом, находился лес, в который возвышались темные вершины самых высоких гор. * * *

Посредником, благодаря которому индейские горцы обрели вечную жизнь, была девушка из их собственного племени. Привлеченная чарующим звуком и бриллиантовым блеском горного ручья, она забрела далеко в уединенную долину, где азалии, кальмии и рододендроны ярко украшали глубокие, затененные склоны и наполняли воздух своим нежным ароматом. Кристально чистый ручей извивался между покрытыми мхом скалами, над которыми высокие папоротники склоняли свои изящные стебли. Очарованная этой картиной, она села на мягкий мох и, преодолев усталость, вскоре заснула. Картина сказочной страны из ее сна была вскоре нарушена мягким прикосновением незнакомой руки. Дух из ее сна занял место рядом с ней и, ухаживая за ней, завоевал ее в качестве своей невесты.

«Ее предполагаемое похищение вызвало большое волнение среди ее народа, который тщательно искал ее в своих деревнях. Не добившись успеха, они начали войну с соседними племенами в надежде найти место ее укрытия. Опечаленная таким кровопролитием и горем, она умоляла великого вождя вечных охотничьих угодий о возмездии. Соответственно, она была назначена созвать совет своего народа на развилке реки Вайе (Голубь). Она явилась вождям во сне и поручила им встретить духов охотничьих угодий со страхом и почтением.

«В назначенный час собрались вожди чероки. Высокие вершины Бальзама сотрясались от грома и озарялись молниями. Облако, черное как полночь, опустилось над долиной, а затем поднялось, оставив на большом камне группу странных людей, вооруженных и раскрашенных, как для войны. Разъяренный брат похищенной девушки замахнулся томагавком и поднял боевой клич, но быстрая молния поразила его, не успев отзвучать эхо в горах. Вожди, охваченные ужасом, бежали в свои города.

«Невеста, опечаленная смертью брата и провалом совета, приготовилась покинуть свой новый дом и вернуться к своим родственникам в долины. Чтобы умиротворить ее, ей было обещано, что все храбрые воины и их верные женщины после смерти обретут вечный дом на счастливых охотничьих угодьях на небесах. Великий вождь леса за облаками стал духом-хранителем чероки. Все смерти, будь то от ран, полученных в бою, или от болезней, приписывались его желанию пополнить небесные охотничьи угодья или, с другой стороны, его гневу, который мог привести к тому, что их несчастные души были бы преданы на откуп злому духу горных вершин». — «Сердце Аллеганов», стр. 22–24.

Кануга — древний город чероки на реке Пиджен, в нынешнем округе Хейвуд, Северная Каролина. Он был заброшен до начала исторического периода, но, возможно, находился около слияния двух рукавов реки Пиджен, в нескольких милях к востоку от Уэйнсвилля, где до сих пор сохранилось множество курганов и древних кладбищ, простирающихся на несколько миль вниз по течению. Будучи пограничным городом, он, вероятно, был заброшен в ранний период из-за своего уязвимого положения. Название, означающее «чесалка», применяется к гребню, используемому для чесания игроков в мяч, и связано с *kănugû'ʻlă* или *nugû'ʻlă*, кустом ежевики или шиповника. Есть и другие курганы на ручье Ричланд, в окрестностях Уэйнсвилля.

Tsulʻkălû' Tsunegûñ'yĭ — сокращенно Tsunegûñ'yĭ; гора, на которой, как полагают, живет великан, — это Теннесси Болд в Северной Каролине, где сходятся границы округов Хейвуд, Джексон и Трансильвания, на хребте, отделяющем воды реки Пиджен от тех, что впадают в ручей Теннесси и рукав Кани реки Тукасеги, к юго-востоку от Уэйнсвилля и Вебстера. Название, по-видимому, означает «белое место» от *une'ga*, «белый», и может относиться к лысой площади площадью, возможно, в сто акров на вершине, известной среди белых как старые поля Джутакулла, по преданию, которое, как говорят, происходит от индейцев, что это была поляна, расчищенная «Джутакулла» (т. е. Цулкалу) для фермы. Немного дальше на запад, на северной стороне развилки Кань и примерно в десяти милях выше Вебстера, в округе Джексон, находится скала, известная как скала Джутакулла, покрытая различными грубыми надписями, которые, согласно той же традиции, являются царапинами, сделанными великаном, когда он прыгал со своей фермы на горе в ручей внизу. Зейглер и Гросскуп называют гору «Старой полем» и упоминают предание среди пионеров, что индейцы считали ее особым обиталищем индейского Сатаны!

«На вершине горы находится почти ровная прерия, к которой ведут крутые склоны, покрытые зарослями бальзама и рододендрона, которые, кажется, охраняют это священное место. Индейцы считали его запретной территорией, но однажды группа из них поддалась любопытству. Они пробились через заросли и весело вышли на открытую местность. Разбуженный от сна и разъяренный их дерзким вторжением, дьявол, приняв облик огромной змеи, напал на группу и проглотил пятьдесят человек, прежде чем они смогли выбраться из зарослей. Среди первых белых, которые поселились среди индейцев и торговали с ними, была группа охотников, которые использовали это суеверие , чтобы избежать наказания за свое предосудительное поведение. Они сообщали, что они в сговоре с великим духом зла, и чтобы доказать это, часто посещали это «старое поле». Они описывали его ложе под большим нависающим камнем как образец чистоты. Они часто бросали в него камни и хворост в течение дня, пока хозяин был в отъезде, но на следующее утро место неизменно было чистым, «как будто его почистили пучком перьев» (Heart of the Alleghanies, стр. 22).

Следы можно увидеть и сегодня — Светящаяся скала или Холодная гора, между Форкс-оф-Пиджен-Ривер, в округе Хейвуд, Северная Каролина, известна чероки как Datsu'nălâsgûñ'yĭ, «где их следы идут в эту сторону», из-за скалы у ее основания, в направлении Сономы и в трех милях к югу от тропы, на которой, как говорят, остались отпечатки следов гиганта и его детей на их пути в Цунегуньи. Внутри горы также находится легендарное обиталище невидимых духов. Хейвуд

путает это место с ущельем Трак-Рок, недалеко от Блэрсвилля, штат Джорджия, где находятся другие известные петроглифы (см. номер 125, «Незначительные легенды Джорджии»).

Быстрый рост двух детей имеет параллели во многих других мифологиях племен. Последовательность роста, указанная следами, напоминает нам заключительный эпизод «Арабских ночей», когда королева Шехерезада стоит перед королем, чтобы высказать последнюю просьбу: «И король ответил ей: «Проси, о Шехерезада, и ты получишь». Тогда она позвала кормилиц и евнухов и сказала им: «Приведите моих детей». Они быстро привели к ней трех мальчиков: один из них уже ходил, другой ползал, а третий еще кормился грудью».

Не следует поднимать боевой клич — см. примечание под номером 79, «Удаленные таунхаусы».

82. Канаста, потерянное поселение (с. 341): эта история, полученная от Свиммера, похожа на истории о Цулкалу, Цувенах, перенесенных таунхаусах и других, в которых отдельные люди или даже целые поселения решают уйти с невидимыми духовными существами, чтобы избежать трудностей или грядущей катастрофы.

Канаста — сокращение от Канастуньи, названия, которое невозможно перевести, описывается как древний город чероки на реке Френч-Брод, где впадает ручей Таккасеги из Теннесси, недалеко от современного Бреварда, в округе Трансильвания, Северная Каролина. Там не известно о наличии курганов, и мы не находим упоминаний об этом городе в истории, но другой город с таким же названием существовал на реке Хивасси и был разрушен в 1776 году.

Цувательда — сокращенное название Цувательдуньи, известное белым как Пилот-Ноб, — высокая гора в округе Трансильвания, примерно в восьми милях к северу от Бреварда. Из-за своеобразного слоистого вида скал, считается, что под лучами солнца их поверхность часто приобретает необычный вид, словно сияющие стены с дверями, окнами и черепичными крышами.

Datsu'nălâsgûñ'yĭ — Сияющая скала. См. примечание под номером 81, «Tsul‘kălû′».

Пост семь дней — это предписание семидневного поста для тех, кто хочет присоединиться к духам, встречается в нескольких мифах чероки. Как мы узнаем от жрецов, идея заключается в том, чтобы одухотворить человеческую природу и обострить духовное зрение посредством воздержания от земной пищи. Эта доктрина иллюстрируется в легенде о Цувенах, см. В более широком применении та же идея является основополагающим принципом всех древних религий. В обычных церемониях чероки пост длится один день, то есть с полуночи до заката. В случаях чрезвычайной важности он продолжается четыре или даже семь дней. Среди племен равнин те, кто добровольно участвуют в танце Солнца, чтобы вознести молитвы и принести жертвы за свой народ, полностью воздерживаются от пищи и питья в течение четырех дней и ночей церемонии.

Громы — см. номер 3, «Канати и Селу» и примечания, а также номер 8, «Луна и громы», с примечаниями.

83. Цувенихи, легенда о Пилотном холме (стр. 343): эта история, рассказанная Пловцом ( ), принадлежит к тому же жанру, что и легенды о Цулкалу, Канасте и т. д. Люди, которых охотник встретил внутри заколдованной горы, очевидно, те же, что и в последней истории (номер 82), с гостями из затерянного поселения.

Имя Tsuwe′năhĭ не поддается переводу, но, возможно, имеет отношение к *uwe′năhĭ*, «богатый».

Кануга и Цувательда — см. примечания под номером 81, «Цулкалу», и номером 82, «Канаста».

Жареная кукуруза — это было стандартное провиантское снабжение воинов во время походов у всех племен к востоку от Миссисипи и, вероятно, у всех кукурузоводческих племен Америки. Это пиноле тарумари и других мексиканских племен. Чероки называют его *гахависита*. Хокинс так описывает его, как он видел его у своих черокийских проводников в 1796 году: «Они мало едят, не используют соль и едят мало хлеба. Они носят с собой жареную кукурузную муку, *виссактау*, и смешивают горсть с пинтой воды, которую пьют. Хотя у них было много кукурузы и птицы, они не брали с собой в путь ничего, кроме небольшого мешка с этим. У меня много провизии, и я даю им немного при каждом приеме пищи. Я несколько раз пил wissactaw и очень полюбил его с добавлением сахара. Чтобы получить лучшее качество, мне сказали, что кукурузу сначала нужно отварить, затем обжарить в горячем пепле, просеять, измельчить в порошок и сделать муку». [43]

Сиденье было в виде черепахи — этот эпизод также встречается в номере 84, «Человек, который женился на сестре Грома». Имеется в виду вид săligu′gĭ или обыкновенная водная черепаха.

Как собачьи лапы — Причина этой особенности не объясняется, и нигде больше она не упоминается как характерная черта горных духов.

Старый табак — Tsâl-agăyûñ′li, «древний табак», *Nicotiana rustica*, священный для всех восточных племен. См. номер 6, «Как они принесли табак», и номер 126, «Знание растений».

Шипы медовой акации — этот эпизод также встречается в номере 63, «Ûñtsaiyĭ′, Игрок».

84. Человек, который женился на сестре Грома (с. 345): эту историю впервые рассказал Джон Акс, а затем с дополнениями и вариантами — Свиммер и другие. Она также кратко упоминается в рукописи Хагара «Звездные легенды чероки».

Как объясняется в другом месте, духи Грома, как полагают, имеют свое любимое место обитания под водопадами, из которых водопад Таллула, вероятно, является самым большим в стране чероки. Связь духов Грома и Дождя со змеями и водными животными является предметом всеобщего первобытного верования и уже отмечалась ранее. Один из информантов чероки рассказал Хагару (см. выше), что «Гром — это рогатая змея (?), а молния — ее язык, и она живет с водой и дождями». Едва ли нужно говорить, что танец был и остается среди всех племен не только самой распространенной формой общественного развлечения, но и важной частью каждой великой религиозной или другой церемониальной функции.

Сакви′и — сокращенно Сакви′, древний город, расположенный примерно на месте нынешней деревни Соки на ручье с тем же названием недалеко от Кларксвилля, в округе Хабершам, штат Джорджия.

Выйти за него замуж — почти во всех племенах, за исключением пуэбло, брачная церемония была простой и состояла в основном из того, что жених дарил родителям невесты определенные подарки в качестве компенсации за потерю дочери, после того как она сама давала согласие на брак. Хотя это представлялось как покупка, на самом деле это было лишь формальным утверждением договора, который девушка могла принять или отклонить по своему усмотрению. С другой стороны, если подарки были недостаточными, чтобы удовлетворить родителей, они отклонялись или возвращались ( ), и брак не мог состояться, каким бы желающим ни была девушка. Молодой человек обычно выбирал друга, который выступал посредником между ним и семьей девушки, и во всех племенах — как и сейчас на Западе — результат, по-видимому, в значительной степени зависел от ее брата, который продолжал осуществлять над ней некоторый контроль и претендовать на нее даже после ее замужества.

Заявление Лоусона о племенах восточной Каролины в 1700 году почти в равной степени справедливо и сегодня в любой части Запада: «Что касается индейских браков, я читал и слышал о множестве форм и церемоний, которые я никогда не видел; за время, проведённое среди них, я не смог узнать ничего, кроме того, о чём я расскажу вам здесь, а именно:

«Когда какой-либо молодой индеец хочет взять такую девушку в жены, он или кто-то от его имени идет к родителям молодой женщины, если они живы; если нет, то к ее ближайшим родственникам, где они предлагают брак между парой. Родственники отвечают, что они подумают об этом, что служит достаточным ответом до второй встречи по поводу брака, которая обычно обсуждается перед всеми родственниками пожилого возраста с обеих сторон, а иногда король со всеми своими вельможами высказывают свое мнение по этому поводу. Если соглашение достигнуто и молодая женщина одобряет его — ведь эти дикари никогда не выдают своих детей замуж без их согласия — мужчина платит за свою жену определенную сумму, и чем она красивее, тем выше цена» (История Каролины, стр. 302–303).

По словам Адаира, который придает этому немного более формальный характер среди племен Персидского залива, «когда индеец впервые обращается к молодой женщине, на которой он намерен жениться, она по древнему обычаю обязана сидеть рядом с ним, пока он не закончит есть и пить, независимо от того, нравится он ей или нет; но после этого она может по своему усмотрению остаться или уйти» (Hist. Am. Indians, стр. 139).

Неизбежно умрет — В мифах и ритуалах чероки часто встречается идея, что тот, кто раскрывает сверхъестественные секреты, умрет. Иногда эта идея меняется на противоположную, когда обнаружение злодейских деяний волшебника или чародея приводит к его смерти. Последнее поверье имеет аналогию в Европе.

Гладкий, как тыква — это перевод своеобразного тавтологического выражения чероки *i'ya iya'-tăwi'skage—tăwi'skage i'ya-iyu'stĭ*, буквально «тыква, гладкая, как тыква — гладкая, как тыква». Этот перевод соответствует повторению в таких детских сказках, как «Дом, который построил Джек», но не передает забавный звуковой эффект оригинала.

Большая черепаха — этот эпизод также встречается в рассказе № 83 «Tsuwe′năhĭ».

Лошадь — хотя упоминание о лошади следует считать более поздней добавкой, оно может легко относиться к периоду двух веков назад, а возможно, даже к экспедиции Де Сото в 1540 году. Среди племен равнин лошадь быстро стала настолько важной частью жизни индейцев, что теперь она входит в их всю социальную и мифическую систему.

Браслеты были змеями — Та же концепция появляется и в номере 63, «Ûñtsaiyĭ′», когда герой навещает своего отца, бога Грома.

85. Призрачный водоворот (с. 347): эта легенда была рассказана восточным чероки, известным белым как Кнотти Том. Описание водоворотных порогов, известных как «The Suck», см. в примечаниях к номеру 63, «Ûñtsaiyĭ′, азартный игрок».

86. Яхула (с. 347): этот прекрасный миф был получен на территории от Уэффорда, который услышал его от своего дяди, Уильяма Скотта, метиса, поселившегося на ручье Яхула вскоре после окончания революции. Скотт утверждал, что слышал колокола и песни, а о самой истории Уэффорд сказал: «Я слышал ее так часто и так много, что склонен в нее верить». Ее объяснение можно найти в верованиях, связанных с Нуньнехи (см. номер 78 и примечания), в которые Уэффорд твердо верил.

Яхула — это довольно распространенное имя у чероки, но, по-видимому, оно имеет крикское происхождение и связано с песней, исполняемой во время церемонии «черного напитка» или «буска» этого племени, и песни, которые пел пропавший торговец, возможно, были песнями этой церемонии. См. глоссарий.

Звон колокольчиков — в старину у южных племен приближение каравана торговцев по тропе всегда предвещал звон колокольчиков, повешенных на шеи лошадей, что-то вроде наших зимних саней. У племен равнин пони детей всегда снаряжают ошейниками с бубенцами.

В своем описании каравана торговца до Революции Бартрам говорит (Travels, стр. 439): «На каждой лошади висит колокольчик, который, когда мы выезжаем утром, завязывается травой или листьями, но вскоре отвязывается, и в течение дня его больше не завязывают. Постоянный звон и лязг колокольчиков, хлопанье кнутов, крики и слишком частые ругательства в адрес этих несчастных четвероногих вызывают непрекращающийся шум и суматоху, которые вызывают невыразимое раздражение».

87. Водные людоеды (стр. 349): Эта история была получена от Свиммера и содержит несколько сходств с другими мифами чероки. Идея о духе-подменщике распространена в европейских сказочных преданиях.

Тиквалици — этот город, называемый белыми Тукалечи, находился на реке Тукасеги, в нынешнем Брайсон-Сити, в округе Свейн, Северная Каролина, где следы кургана все еще можно увидеть на южной стороне реки.

Страх перед ведьмами — см. номер 120, «Ворон-насмешник», и примечания.

88. Первый контакт с белыми (с. 350): История о кувшине с виски, оставленном возле родника, была впервые услышана от Свиммера; история об улунсути — от Уэффорда; история о локомотиве — от Дэвида Блайта. Каждая из них впоследствии была подтверждена другими источниками.

История о книге и луке, процитированная из Cherokee Advocate от 26 октября 1844 года, не была услышана в резервации, но упоминается другими авторитетными источниками. Согласно цитате старого чероки, приведенной Батриком, «Бог дал краснокожему книгу и бумагу и велел ему писать, но тот просто делал пометки на бумаге, и, поскольку он не умел ни читать, ни писать, Господь дал ему лук и стрелы, а книгу отдал белому человеку». Будинот в «Звезде на Западе» ([44]), цитируемый тем же автором, говорит: «Они получили от своих предков предание, что книга, которая принадлежит белым людям, когда-то принадлежала им; что пока она была у них, они процветали; но белые люди купили ее у них и многому научились из нее, а индейцы потеряли авторитет, обидели Великого Духа и сильно страдали от соседних народов; что Великий Дух сжалился над ними и направил их в эту страну» и т. д. Это просто еще одна версия распространенной истории о закатившихся народах: «Когда-то мы были такими же великими, как вы».

89. Войны ирокезов (с. 351): *Лига ирокезов* — Лига ирокезов первоначально состояла из конфедерации пяти родственных племен: могавков, онейда, онондага, каюга и сенека, проживавших на территории современного штата Нью-Йорк; к ним присоединились родственные тускарора после их изгнания из Каролины около 1715 года. Название «ирокезы», под которым они были известны французам, предположительно происходит от какого-то индейского термина. Англичане называли их «Пятью», а позже — «Шестью нациями». Сами они называли себя именем, которое обычно пишется как Hodenosaunee и переводится как «люди из длинного дома».

Могавки охраняли восточную дверь этого символического длинного дома, а сенеки — западную. Их замечательная система управления и клановая структура до сих пор хорошо сохранилась: каждое племя, за исключением могавков и онейдов, имеет восемь кланов, разделенных на две группы или фратрии. Говорят, что у могавков и онейдов сейчас по три клана, вероятно, из-за потерь, понесенных в результате ухода в французские миссии. Кланы сенека, которые почти не отличаются от кланов других племен, называются Волк, Медведь, Черепаха, Бобр, Олень, Бекас, Цапля и Ястреб. Предполагается, что конфедерация была образована примерно в середине XVI века, и к 1680 году ирокезы завоевали и уничтожили или присоединили все окружающие племена и заявили о своем верховном праве на владение ( ) всей территорией от границы с чероки до Гудзонова залива и от юга Новой Англии до Миссисипи. Согласно тщательной оценке 1677 года, Пять Наций насчитывали 2150 воинов, или около 10 750 человек. Через несколько лет численность тускарора в Каролине оценивалась в 1200 воинов, или 5000 человек, но это, вероятно, преувеличение. Впоследствии лига понесла тяжелые потери в результате войн с французами и еще больше в результате ухода христианизированных индейцев в французские католические миссионерские колонии в Каунаваге, Сент-Режисе и других местах, причем больше всего пострадали могавки. Революция привела к еще одному разделению, когда около двух пятых оставшихся, включая почти всех могавков и кайюгов, переселились в Канаду. Смешанная группа сенеков и кайюгов, известная как «сенеки из Сандаски», ранее поселилась в Огайо, откуда в 1831 году переселилась на индейскую территорию. В период с 1820 по 1826 год большая часть онейда переселилась из Нью-Йорка на земли в Висконсине, купленные у меномини. Однако, несмотря на войны и переселения, ирокезы удержали свои позиции с упорством и мужеством, которые характеризуют всю их историю, и как в этой стране, так и в Канаде они довольно процветают и увеличивают свою численность, будучи, по-видимому, более многочисленными сегодня, чем в любой другой период в прошлом. Те из них, кто проживает в Нью-Йорке и Пенсильвании, за исключением племени Сент-Режис, и в резервации Гранд-Ривер в Канаде, составляющие вместе около половины всего числа, по-прежнему соблюдают формы и обряды древнего союза.

Согласно специальному бюллетеню переписи 1890 года, общее число индейцев, принадлежавших тогда к племенам, изначально составлявшим Шесть Наций, составляло 15 833 человека, из которых 8483 проживали в Канаде и 7350 — в Соединенных Штатах, за исключением 37 проживающих в последних членов других племен. Те, кто проживал в Соединенных Штатах, находились в шести резервациях в штате Нью-Йорк, одной в Пенсильвании, одной в Висконсине и одной на индейской территории, и были классифицированы следующим образом:

Могавки (включая индейцев Сент-Реджис и Каунавага):

в Нью-Йорке 1162

Онейда:

в Нью-Йорке, 212;

в агентстве Грин-Бэй, Висконсин, 1716 1 928

Онондага:

в Нью-Йорке, 470;

в резервации Корнплантер, Пенсильвания, 11 481

Каюга: в Нью-Йорке 183

Сенека:

в Нью-Йорке, 2680;

в резервации Корнплантер, Пенсильвания, 87 2767

Тускарора: в Нью-Йорке 408

Ирокезы смешанного происхождения, перечисленные отдельно, в

резервациях в Нью-Йорке 87

Ирокезы за пределами резерваций в Нью-Йорке, Коннектикуте

и Массачусетсе 79

Смешанные племена сенека и каюга в агентстве Квапау, Индейская территория 255

7350

Те, кто проживал в Канаде, в то же время были официально зарегистрированы следующим образом:

Могавки:

в Каунаваге — 1722;

в Сент-Режис — 1190;

в резервации Гранд-Ривер — 1344;

в заливе Квинте — 1056 5312

Онейда:

на реке Темзе, 715;

в резервации Гранд-Ривер, 244 959

Онондага: в резервации Гранд-Ривер 325

Каюга: в резервации Гранд-Ривер	865
Сенека: в резервации Гранд-Ривер	183
Тускарора: в резервации Гранд-Ривер	327
Ирокезы из Озера Двух Гор	375
Ирокезы из Гибсона	137
	8 483

Некоторые алгонкины входят в состав ирокезов Каунаваги и Сент-Режис, поскольку ирокезы этих двух поселений изначально были католическими эмигрантами из деревень могавков в Нью-Йорке, а также несколькими онейдами и онондагами. Когда была проложена граница между Нью-Йорком и Канадой, она разделила резервацию Сент-Режис на две части. Отчет комиссара по делам индейцев за 1900 год показывает, что 7700 ирокезов проживают в резервациях в Нью-Йорке, Висконсине и на территории индейцев, что представляет собой увеличение на 527 человек за девять лет. Если предположить, что в Пенсильвании и на канадской стороне наблюдается такой же темп роста, то общее число ирокезов на сегодняшний день составит примерно 17 000 человек. Подробную информацию см. в Colden, History of the Five Nations; Schoolcraft, «Заметки об ирокезах»; Morgan, «Лига ходеносауни или ирокезов»; работы Паркмана; отчеты комиссаров по делам индейцев как Соединенных Штатов, так и Канады, а также превосходный отчет «Шесть наций Нью-Йорка» Дональдсона и Кэррингтона, содержащийся в дополнительном бюллетене одиннадцатой переписи населения Соединенных Штатов.

Город Сенека, Южная Каролина — Заявление, сделанное Скулкрафтом (Notes on Iroquois, 161) со ссылкой на Калхуна, о том, что сенеки когда-то жили в городе Сенека в Южной Каролине, вероятно, не имеет под собой никаких оснований, поскольку эта история, очевидно, возникла из-за предполагаемого сходства названий. Чероки называют его *Исунигу* и никак не связывают его с *А-Сеника* или *Ани-Сеника*, как они называют северное племя.

Война чероки — История ирокезов о войне между ними и чероки взята из книги Скулкрафта «Заметки об ирокезах», страницы 252 и 256.

Пятидневное путешествие — это утверждение основано на свидетельстве Моргана, но расстояние, безусловно, было больше, если только мы не имеем в виду только расстояние, которое отделяло их крайние привычные охотничьи угодья, а не расстояние между постоянными поселениями двух народов.

Граница реки Теннесси — утверждение Моргана (Лига ирокезов, стр. 337) относительно линии перемирия, установленной на реке Теннесси, кажется, находит подтверждение в случайных упоминаниях в ранних документах. Границы, за которые не могли выходить воюющие стороны, или нейтральные территории, где встревались в мире извечные враги, были обычным явлением в древнем индейском обществе, наиболее заметным примером чего, пожалуй, является знаменитый

карьер для добычи камня для изготовления трубок в Миннесоте. Несмотря на притязания ирокезов, поддержанные сэром Уильямом Джонсоном, на всю территорию к северу от реки Теннесси, из истории и договоров ясно следует, что чероки предъявляли более или менее обоснованные притязания на территории, простирающиеся на север до Огайо. Однако их фактические поселения находились все к югу от основной части Теннесси.

Танец буйвола — Происхождение, приписываемое танцу буйвола ирокезов (Морган, «Лига ирокезов», стр. 287), согласуется с распространенным индейским представлением, согласно которому танцы, названные в честь животных, исполняются в подражание характерным действиям и крикам этих животных или в повиновении предполагаемым приказам правящих духов-животных.

Мирная миссия — История о предложенном межплеменном союзе, а также заявления о пленниках чероки среди сенека, взяты из книги Скулкрафта (Заметки об ирокезах, стр. 158, 252, 257). Записи о конференции в Джонсон-холле в 1768 году опубликованы в «Колониальных документах Нью-Йорка». Рассказ о миротворческой миссии ирокезов в Эчоту был передан Уэффорду двумя очевидцами, одним из которых был двоюродный брат его матери, Секвойя. Как сказал старик, «Секвойя рассказал мне все об этом». Как указано в повествовании, Уэффорд сам также видел пояса, которые были принесены и объяснены на большом межплеменном совете в Талеква. По общепринятому племенному обычаю, послы мира были защищены от преследований, каким бы ни был результат переговоров, хотя, как и среди более цивилизованных народов, это правило иногда нарушалось. Согласно традиции, древняя трубка мира чероки и, вероятно, других восточных племен была из белого камня, поскольку белый цвет является универсальным цветом мира. Красная каменная трубка сиу также использовалась в мирных церемониях из-за особой святости, придаваемой ей западными племенами.

Точность воспоминаний Уэффорда 1891 года поразительно подтверждается современным отчетом о великом межплеменном совете в Талеквахе в 1843 году, составленном художником Стэнли, который присутствовал на этом мероприятии и написал несколько портретов. Совет был созван Джоном Россом в июне и продолжался четыре недели, в нем приняли участие около десяти тысяч индейцев, представляющих семнадцать племен . «На протяжении всего заседания царила атмосфера доброй воли и гармонии. Работа завершалась на закате, после чего различные племена присоединялись к танцам, которые обычно продолжались до поздней ночи». По словам Стэнли, пояс вампум был объяснен майором Джорджем Лоури (*Agi'lĭ*, «Восходящий»), вторым вождем нации, который рассказал о традиции его происхождения от сенека [т. е. ирокезов]. Речь изобилует индейскими отсылками и символизмом:

«Сейчас вы услышите рассказ наших предков. Не стоит сильно задумываться, если мы допустим несколько ошибок при описании нашего вампума. Если это произойдет, мы постараемся их исправить.

«Мои братья, сейчас вы услышите то, что сказали нам наши предки.

«Во-первых, много лет назад сенеки разработали план, чтобы мы стали друзьями. Когда план был впервые разработан, сенека встал и сказал: «Я боюсь чероки, потому что томагавк воткнут в несколько частей его головы». Затем сенека заметил, что он видел, как томагавк все еще торчит во всех частях головы чероки, и слышал, как тот кричал и вопил, что он слишком силен, чтобы умереть. Сенека также сказал: «В старину наши воины ходили на войну; когда они уходили, они всегда шли сражаться с чероки; иногда один или два возвращались домой, а иногда никто. Он также сказал: «Великий Дух, должно быть, любит чероки, и мы, наверное, неправы, воюя с ними». Затем сенека сказал: «Давайте подружимся с чероки, помоем его раны и вылечим их, чтобы он

стал сильнее, чем был раньше». Сказав это, сенека сел. Затем встал виандот и сказал: «Ты поступил правильно, пусть будет так». Я ваш младший брат, а вы — наш старший. Эти слова были переданы шауни; они ответили: «Мы рады, пусть будет так; вы — наши старшие братья». Тогда сенеки сказали, что они будут молиться Великому Духу в течение четырех лет, чтобы он помог им заключить мир, и что они отложат сосуд с водой и накроют его, а в конце каждого года будут снимать крышку и проверять воду, что они и сделали; каждый раз, когда они открывали сосуд, они обнаруживали, что вода изменилась; в конце четырех лет они открыли сосуд и обнаружили, что вода изменила цвет на тот, который им подходил. Затем сенеки сказали: «Великий Дух помиловал нас, и все произошло так, как мы и хотели».

Тогда шауни сказали: «Мы проложим прямые пути, но сначала давайте заключим мир с соседними племенами, прежде чем прокладывать этот путь к дальним.

«Затем сенека сказал: «Прежде чем заключать мир, мы должны дать соседним племенам огонь, ибо без него мир не будет прочен — они могут путешествовать, сталкиваться друг с другом и, вероятно, причинять друг другу вред». Эти три племена сказали, что перед заключением мира огонь, который должен быть дан им, должен быть зажжен, чтобы дать яркий свет, чтобы они могли видеть друг друга на большом расстоянии; это должно длиться до тех пор, пока существует земля. Они также сказали, что этот закон мира будет действовать из поколения в поколение — до тех пор, пока на этой земле будут жить краснокожие. Они также сказали, что огонь будет гореть среди нас и никогда не погаснет, пока останется хотя бы один из нас. Сенека также сказал шауни: «Я обвязал вас поясом, связал разговор в узел и положил его вам на спины; теперь мы проложим путь, по которому пройдем к сиу. Сенека сказал еще: «Вы должны продолжать свой путь, пока не дойдете до жилища осей. Когда разговор был передан сиу, они ответили: «Мы благодарны вам и примем ваш разговор; мы видим свет через путь, который вы проложили для нас».

Когда шауни принесли разговор осаджам, те ответили: «К завтрашнему дню, к середине дня, мы закончим наши дела». Осаджи сказали дальше: «Великий Дух был добр ко мне. Он принес мне что-то, я устал охотиться за этим». Когда шауни вернулись в хижину осаджей, им сообщили, что их собираются убить, и они немедленно сбежали.

«Когда шауни вернулись в свои дома, откуда они пришли, они сказали, что их чуть не убили.

«Тогда сенеки сказали шауни, что осейджи, должно быть, ошиблись. Шауни снова пошли к осейджам и рассказали им о своем деле. Осейджи заметили: «Великий Дух был добр к нам — завтра в середине дня он даст нам что-то без усталости». Когда шауни прибыли в хижину, старик из племени осейдж сказал им, что им лучше бежать, иначе к середине следующего дня они все будут уничтожены, и указал им ближайший выход из леса. Шауни бежали около полудня. Они обнаружили, что осейджи следуют за ними, и бросили свои рюкзаки, оставив только сумку с разговором, и благополучно прибыли в свой лагерь. Когда шауни прибыли домой, они сказали, что едва не были убиты, и осейджи отказались принять их договор. Тогда сенека сказал: «Если осейджи не примут наш договор, пусть остаются такими, какие они есть; и когда подрастающее поколение станет единым, осейджи будут как одинокая трава, растущая в одиночестве». Сенека также сказал: «Осейги будут как одинокое вишневое дерево, стоящее в прериях, на которое будут садиться птицы всех видов, когда им заблагорассудится». Причина, по которой этот договор был заключен с осейгами, заключалась в том, что они гордились своими воинами и мужеством и не желали заключать мир.

«Сенека также сказал, что им удалось заключить мир со всеми северными и соседними племенами. Затем сенека сказал шауни: «Теперь вы должны повернуть на юг: вы должны отправиться к чероки и даже войти в их дома». Когда шауни вышли ночью, они разбили лагерь и

просидели всю ночь, моля Великого Духа, чтобы он помог им прибыть в мир и безопасность к чероки. Шауни продолжали свой путь, пока не достигли места под названием Тах-ле-ква, куда они прибыли в безопасности, как и желали, и там встретились с вождями и воинами чероки. Когда они прибыли в окрестности Тах-ле-ква, они пошли в один дом и послали двух человек к главным вождям. В доме была только дочь вождя. Как только она их увидела, она вышла им навстречу, пожала им руки и пригласила их войти в дом и сесть. Все мужчины были в поле на работе — отец девушки был с ними. Она побежала и сказала ему, что в доме два мужчины и что они враги. Вождь сразу же побежал к дому, пожал им руки и остановился у двери. Все чероки собрались вокруг дома и сказали: «Давайте убьем их, потому что они враги». Некоторые мужчины сказали: «Нет, дочь вождя поздоровалась с ними за руку, как и наш вождь». Тогда мужчины успокоились. Вождь спросил двух мужчин, были ли они одни. Они ответили, что нет, что с ними были еще несколько человек. Он велел им пойти за ними и привести их в его дом. Когда эти два человека вернулись с остальными, вождь спросил их, что они хотят. Тогда они открыли этот ценный узелок и сказали ему, что в нем находится предложение о мире. Вождь ответил им: «Я не могу решать вопросы в одиночку; все вожди собрались в месте под названием Чо-ква-та [для Э-чо-та], где я рассмотрю ваше предложение на общем совете». Когда посланцы мира прибыли в Чо-ква-та, вожди радушно приняли их и сказали, что с удовольствием выслушают их предложение о мире. Посланцы мира сказали чероки: «Мы проложим для вас путь, по которому сможет идти новое поколение, и мы будем поддерживать его в чистоте и белизне, чтобы новое поколение могло идти по нему в мире». Шауни также сказал: «Мы будем держать двери наших домов открытыми, чтобы, когда новое поколение придет к нам, оно было принято с радостью». Он также сказал: «Этот разговор предназначен для всех племен наших краснокожих братьев и должен длиться до конца времен». Он также сказал: «Я разжег огонь из сухого вяза — этот огонь предназначен для всех , чтобы все племена могли видеть его. Я положил один кусок в сторону восходящего солнца, один — в сторону севера и один — в сторону юга. Этот огонь не должен гаснуть до конца времен. Я поставлю палку рядом с этим огнем, чтобы его часто разжигали, и зажгу свет, чтобы его могли видеть подрастающее поколение; если кто-то повернется в темноте, вы должны взять его за руку и привести к свету, чтобы он мог увидеть, что был неправ.

Я сделал вам огненный свет, я снял кору с белого гикори и прислонил ее к дереву, чтобы, когда вы захотите убрать этот огонь, вы могли взять его и положить на кору; когда вы разжигаете этот огонь, он будет виден, поднимаясь к небу. Я увижу его и узнаю; я ваш старший брат. Посланник мира сказал еще: я приготовил для вас белые скамейки и прислонил к ним белую трубку, и когда вы будете есть, у вас будет только одно блюдо и одна ложка. Мы сделали все, что было хорошо, но наши воины все еще держат в руках свои томагавки, как будто они хотят сражаться друг с другом. Теперь мы заберем у них томагавки и закопаем их; мы должны закопать их глубоко под землей, где есть вода; и должны быть ветры, которые мы хотим, чтобы унесли их так далеко, чтобы наши воины никогда больше их не видели.

Посланник далее сказал: «Там, где пролилась кровь, я вытру ее дочиста — везде, где были разбросаны кости, я собрал их, похоронил и покрыл белой корой гикори и белой тканью — больше не должно быть пролитой крови; наши воины не должны больше вспоминать об этом. Наши воины сказали, что чероки работают для подрастающего поколения сами по себе; мы должны взяться за дело и помочь им.

Посланцы затем сказали, что вы, чероки, теперь находитесь под центром солнца; я оставляю вам эту речь для разных племен, и когда вы будете ее произносить, наш голос будет достаточно громким, чтобы его услышали на этом острове. Это все, что я хотел сказать».[45]

Вампум — знаменитый вампум представлял собой вид бусин, вырезанных из раковин моллюсков, раковин или других ракообразных, обитающих на побережье или в крупных реках. Общее

название происходит от алгонкинского слова, означающего *«белый»*, и правильно применялось только к одной разновидности, а общий термин варьировался в зависимости от племени. Бусины были скорее цилиндрическими, чем шаровидными, и имели два цвета: белый и фиолетовый или темный. Им присваивалась определенная стоимость. Вампум изготавливался прибрежными племенами, которые торговали им с племенами, проживавшими в глубине материка, и широко использовался повсюду к востоку от Миссисипи для изготовления ожерелий, воротников, поясов и других предметов личного украшения, а также в связи с известными поясами вампум, с помощью которых передавались воспоминания о договорах и племенных традициях. Эти пояса были сотканные с различными узорами из вампума, пиктографическими или символическими, значение которых сохранялось и объяснялось на публичных мероприятиях должностным лицом, назначенным для этой цели. В древние времена ни один договор или соглашение не считались обязательными, и ни одно племенное посольство не признавалось официальным без передачи пояса вампума в качестве гарантии и памятного знака. Колониальные документы полны упоминаний об этом обычае. До конца прошлого века чероки по-прежнему предлагали такие пояса в своих договорах с правительством, и один из них был доставлен таким же образом еще в 1825 году в рамках договора Прери-де-Шен. Ирокезы до сих пор сохраняют несколько древних поясов, о которых можно получить хорошее представление по иллюстрации и сопровождающему описанию (рисунок 2, страница 354). Из-за высокой ценности этих ракушечных бус они часто использовались на Востоке в качестве средства обмена, как орлиные перья на Западе, и у чероки одно и то же слово «*атела*» используется как для бус, так и для денег. На тихоокеанском побережье ракушки « » чаще всего использовались для изготовления подвесок и нагрудных украшений. Хорошее свидетельство очевидца о производстве и использовании вампума и нагрудных украшений из ракушек среди племен Южной Атлантики см. в Lawson, History of Carolina, 315–316.

90. Хиадеони, сенека (с. 356): Об этой истории Скулкрафт говорит: «Следующий эпизод из устных анналов мужества и героизма ирокезов был рассказан мне умным сенекой Тетойоахом, Уильямом Джонсом из Каттарогаса, наряду с другими воспоминаниями о древних войнах чероки». Хьюитт считает, что правильная форма имени на языке сенеков может быть Hăia′di′oñnĭ, что означает «Его тело лежит на спине».

92. Побег мальчиков сенека (с. 359): Рукописные заметки, на основе которых составлены эта и несколько следующих традиций, хранятся в архивах Бюро американской этнологии и были получены в 1886–87 годах среди индейцев сенека в Нью-Йорке г-ном Джереми Куртином, известным как автор нескольких стандартных сборников индейских и европейских мифов и переводчик произведений польского писателя Сенкевича.

Gowe'! — Это протяжный крик, не имеющий никакого значения, кроме как сигнал для привлечения внимания. Он поразительно напоминает австралийский «крик в буше» *Coowee'!,* используемый для той же цели.

93. Невидимые помощники (стр. 359): значение сенокиского названия не может быть указано.

Защитники животных — главный эпизод этой истории очень похож на рассказ киова, который старики рассказывают как реальное событие, произошедшее около пятидесяти лет назад, о воине, который, будучи тяжело ранен в сражении с мексиканскими войсками в южном Техасе, был брошен умирать своими отступающими товарищами. Ночью, лежа на земле в ожидании смерти и не имея возможности пошевелиться, он услышал вдали долгий вой, который повторялся все ближе и ближе, пока наконец он не услышал шуршание лап по песку, и к нему подошел волк и лизнул гноящиеся раны воина с таким успокаивающим эффектом, что тот заснул. Это повторялось несколько раз, пока мужчина не смог сесть, и тогда волк покинул его, сказав ему — не во сне, а

лицом к лицу — что он должен сохранять мужество и что он вернется в свое племя в безопасности. Вскоре после этого раненого воина нашла группа команчей, которая вернула его к его народу. На следующем танце Солнца он публично поблагодарил за свое спасение (см. «Календарную историю индейцев киова» автора в «Семнадцатом ежегодном отчете Бюро американской этнологии», часть 1, 1901 г.). Эта история не является невозможной. Волк мог легко лизнуть раны раненого, как это сделала бы собака, и благодаря облегчению, которое это принесло, если не из сочувствия, то из товарищества, он смог продержаться до тех пор, пока его не спасли друзья. Остальное легко представить индейцу, который верит, что между ним и другими животными нет существенной разницы.

Женщина-воительница — Женщины, которые, как описывается, имели право решать судьбу пленников и упоминаются также в следующей истории (№ 94), очевидно, были высокопоставленными женщинами древнего племени чероки, известными ранним писателям как «женщины-воительницы» или «красивые женщины». Из-за упадка традиций и обычаев чероки в настоящее время невозможно собрать какую-либо достоверную информацию по этому вопросу от индейских информаторов, но из документальных источников ясно, что среди чероки существовал обычай, аналогичный тому, который встречался у ирокезов и, вероятно, у других восточных племен, согласно которому решение важных вопросов, касающихся мира и войны, оставлялось на усмотрение женщин. Среди ирокезов этой привилегией обладал совет матрон, матерей племен. Возможно, то же самое было и среди чероки, где «красивая женщина» озвучивала решение совета, или же окончательное решение принималось в соответствии с волей самой «красивой женщины». Эта институция в определенной мере служила смягчению зла войны и имела свое происхождение в клановой системе. В рамках этой системы пленный враг оставался врагом до тех пор, пока не был принят в племя, что могло быть сделано только через усыновление в клан и семью. Поскольку родословная клана определялась по женской линии, решение о принятии в клан оставалось за женщинами ( ). Если они были благосклонны, все было в порядке, и пленный сразу становился членом семьи, клана и всего племени. В противном случае, как общественному врагу, ему оставалась только смерть, если его не выкупали друзья. Настоящее название этой женщины-арбитра жизни и смерти у чероки неизвестно. Клан Ани′-Гилахĭ, или «Длинноволосые», иногда называют кланом Красивых женщин, и эта должность, возможно, была наследственной в этом клане. Истории сеноков подразумевают, что было две таких женщины-чиновницы, но из рассказа Хейвуда следует, что, по-видимому, была только одна. Верхний приток реки Саванна в Джорджии носит название «Ручей Военной женщины».

Тимберлейк в 1765 году (Мемуары, стр. 70) пишет: «Эти вожди или старейшины также составляют собрания нации, в которые допускаются женщины-воины, многие из индейских женщин, которые славятся в войне и обладают большим влиянием в совете».

На конференции по заключению договора Хоупвелл в 1785 году главный вождь Эчота после вступительной речи сказал: «Мне больше нечего сказать, но одна из наших любимых женщин, которая родила и воспитала воинов, хочет выступить». После того как она вручила нитку вампума, чтобы подчеркнуть важность момента, «воительница из Чоты обратилась к комиссарам». Выразив свою радость по поводу мира, она продолжила: «У меня есть трубка и немного табака, которые я хочу подарить комиссарам, чтобы они курили в знак дружбы. Я смотрю на вас и на краснокожих как на своих детей. Ваше решение о мире очень радует меня, потому что я видела много бедствий во время последней войны. Я старая, но я все еще надеюсь родить детей, которые вырастут и пополнят наш народ, так как теперь мы будем под защитой Конгресса и больше не будем испытывать беспокойств. Мои слова отражают мнение молодых воинов, которых я воспитала в своем городе, а также мое собственное мнение. Они радуются тому, что у нас наступил мир, и мы надеемся, что цепь дружбы никогда больше не будет разорвана». Ее слова сопровождали две нитки вампума, трубка и немного табака (American State Papers; Indian Affairs, I, p. 41, 1832).

Хейвуд в 1823 году пишет: «У чероки был закон или обычай назначать определенную женщину, которая объявляла, какое наказание должно быть наложено на крупных преступников: например, сожжение или другая смертная казнь, или же они должны быть помилованы. Эту женщину они называли «красивой женщиной». Миссис Уорд исполняла эту должность, когда миссис Бин, примерно в 1776 году, была похищена из белых поселений в верхней части Холстона. Когда ее связали и собирались сжечь на одном из холмов, красивая женщина вмешалась и объявила о ее помиловании» (Nat. and Aborig. Hist. Tenn., стр. 278). См. также историческую заметку 20 «Города мира и города-убежища».

Между двумя рядами людей — этот обычай, известный колониальным писателям как «бег через шпалеру», был очень распространен среди восточных племен и был предназначен не столько для наказания пленника, сколько для проверки его мужества и выносливости с целью усыновления, если он докажет свою достойность. Он практиковался только в отношении воинов, никогда в отношении женщин или детей, и хотя удары были сильными, они не были смертельными. Пленника обычно развязывали и заставляли бежать по очищенному пространству в центре деревни к определенной цели, и он был в безопасности, если ему удавалось добежать до нее.

94. Побег Хатсинондо из племени чероки (с. 362): название на языке сенека не поддается переводу.

Канебраке — высокий тростник (*Arundinaria*), называемый чероки *i'hya*, широко распространен вдоль южных ручьев, о чем свидетельствуют такие названия, как Cany fork, Cut-cane creek и Young-cane creek. Он очень ценился индейцами для изготовления удочек, духовых ружей и корзин, а также в качестве корма для скота. Лучшие камышовые заросли были известны далеко за пределами этой местности, и в сезон сбора их собирали даже из дальних мест. Большая часть тростника, который сейчас используется восточными чероки для изготовления духовых ружей и корзин, добывается в ходе долгих пеших путешествий к ручьям в верхней части Южной Каролины или к точкам на реке Френч-Брод выше Ноксвилля, штат Теннесси.

Небесный свод — см. примечания к номеру 1, «Как был сотворен мир».

Hawĕñni'o — имя бога грома у сенеков используется в единственном числе. В языке чероки о громе и духах грома всегда говорят во множественном числе. Посланцы в этой истории, возможно, были духами грома.

Чтение мыслей — см. примечания к номеру 76, «Человек-медведь».

Женщины-арбитры — см. предыдущую историю, номер 93, и примечание к « » («Военная женщина»).

Мой внук — среди всех восточных и равнинных племен это ласковое обращение к зависимому или подчиненному, так же как «дедушка» — уважительное обращение к человеку, занимающему более высокое положение или уважаемому в силу возраста или достоинства, причем оба слова используются без какого-либо отношения к родству. На советах племен почти все восточные племена, за исключением ирокезов, обращались к представителям делавэров как к «дедушкам», и в песне арапахо о танце призраков к Вихрю обращаются именно так.

95. Конопляный носильщик (с. 364): Эта история о старых войнах была получена от полковника Уильяма Х. Томаса, который говорит, что Таледанигиски был вождем, ранее жившим недалеко от Вэллитауна, в округе Чероки. Это имя по-разному переводится как «перевозчик конопли», «перевозчик крапивы» или «перевозчик льна» от *слова tâle'ta*, означающего богатую траву (*Pilea pumila*), растение с волокнистым стеблем, из которого индейцы плели нитки и веревки. Тропа, по

которой шли сенека, пролегала от реки Вэлли через хребет до Чеова (Роббинсвилля) и оттуда на северо-запад, соединяясь с «великим военным путем» в Теннесси (см. историческую справку 19).

Каменные курганы — Каменные курганы раньше были очень распространены вдоль троп по всей территории чероки, но сейчас почти исчезли, будучи разрушенными кладоискателями после оккупации этой территории белыми. Обычно это были погребальные памятники, построенные из больших камней, сложенных в виде кургана над телом, высотой иногда до 6 футов и более, с соответствующей окружностью. Этот способ погребения использовался только в тех случаях, когда хотелось увековечить смерть, и каждый прохожий был привык добавлять камень к куче. Этот обычай древний и распространен во всем мире, он до сих пор сохранился в Мексике и во многих частях Европы и Азии. Ранние упоминания об этом среди южных племен встречаются у Ледерера (1670), «Путешествия», стр. 10, изд. 1891, и Лоусона (1700), «История Каролины», стр. 43 и 78, изд. 1860. Последний упоминает, что однажды он встретил «семь куч камней, являющихся памятниками семи индейцам, убитым в этом месте синнагерами или трокуа [ирокезами]. Наш индейский проводник добавил по камню к каждой куче». Общее название происходит от гэльского термина, буквально означающего «куча».

Семь жен — полигамия была распространена среди чероки, как и среди почти всех других племен, хотя и не в такой чрезмерной степени, как в данном случае. Известный вождь Янугуньски, умерший в 1839 году, имел двух жен. У племен равнин, и, возможно, у других племен, мужчина, который женится на старшей из нескольких дочерей, имеет приоритетное право на ее незамужних сестер.

96. Миротворцы сенека (с. 365): эту историю Скулкрафту рассказали сенека более пятидесяти лет назад. Несколько похожую историю рассказывает Адаир (Hist. American Indians, с. 392) о молодом воине «Анантуа» (т. е. Нундавеги или Сенека), захваченном шавано.

Песня смерти — По-видимому, среди восточных племен существовал рыцарский обычай давать осужденному, который просил об этом, возможность рассказать о своих воинских подвигах и спеть песню смерти, прежде чем приступить к окончательной казни. Ему разрешалось хвастаться в полной мере, даже за счет своих захватчиков и их племени. Песня смерти была песней, принадлежащей самому воину или военному обществу, членом которого он был, и ее смысл заключался в прощании с жизнью и вызове смерти. Когда великий вождь киова Сет-Энгия разорвал свои оковы в форте Силл и бросился на окруживших его солдат, намеренно решив отдать свою жизнь, чем остаться в плену, он сначала спел боевую песню своего ордена « Kâitseñ′ko», припев которой гласит: «О земля, ты останешься вечно, но мы, Kâitseñ′ko, должны умереть» (см. «Календарную историю индейцев киова» автора в «Семнадцатом ежегодном отчете Бюро американской этнологии», часть 1, 1901 г.).

97. Происхождение танца Йонтоньвисас (с. 365): Очевидно, это тот танец, который Морган (Лига ирокезов, с. 290) называет Унтовесус. Он описывает как этот танец, так и Осканеа как «шаффл-танец» только для женщин. Написание имен сенека в рассказе соответствует тому, которое дано в рукописи.

Не преследовать — Морган в своей работе, цитируемой выше, утверждает, что ирокезы никогда не предпринимали попыток вернуть своих людей, захваченных врагом, предпочитая считать их утраченными для своего племени и рода. Если это правда, то это вдвойне примечательно, учитывая массовое усыновление пленников и порабощенных племен ирокезами.

Горящие сосновые сучки — факелы из высушенных сосновых сучков широко используются чероки для освещения пути во время ночных путешествий по трудным горным тропам. Благодаря

накоплению смолы в сучках они горят ярким и стойким пламенем, намного превосходящим тусклое свечение фонаря.

Дикие картофели — как хорошо известно, картофель является коренным растением Америки, и мы впервые узнали о нем от индейцев. Многие другие местные клубневые растения использовались племенами, даже теми, которые не занимались сельским хозяйством, а почти полностью зависели от охоты. Любимыми среди чероки являются *Cynara scolymus* или дикий артишок, и *Phaseolus* или свиной картофель, название последнего, *nuna*, теперь используется для обозначения культивируемого картофеля.

Небесные люди — эти духовные посланники упоминаются также в истории о Хатсинондоне (номер 94), другой традиции сеноков. Каждое племя имеет свое собственное духовное творение.

Должно сделать все это — каждый священный танец и религиозный обряд, а также почти каждая важная деталь индейского церемониала должны соответствовать прямым указаниям духовного мира, переданным в видении.

98. Приключения Ганы среди чероки (с. 367): эта история, взятая из рукописи Кертина о сенека, особенно богата индейскими аллюзиями. Очистительный обряд, поимка орла, церемония мира, игра в мяч, бег и сражение описаны таким образом, что дают нам яркую картину старой племенной жизни. Имя героя сенека Гана, по словам Хьюитта, означает «стрела» (ср. чероки *gûnĭ*, «стрела»), а имя великого орла Шадагеа, по мнению того же авторитета, можно перевести как «житель облаков». Сеогвагеоно, жившие к востоку от чероки и недалеко от океана, не могут быть идентифицированы. Они не могли быть катавбами, которые были известны ирокезам как Тодериг-роно, но, возможно, они были конгари, санте или севи, жившими дальше в Южной Каролине. В форме сенака, как приведено здесь, *ge* (*ge'*) является локативом, а *ono* (*oñnoñ*) — племенным суффиксом, определяющим корень слова, и все название означает «люди из Сеогва или в Сеогва» (ср. Оядагеоно и т. д., т. е. чероки, стр. 186).

Иди к воде — этот обряд, практикуемый среди чероки, уже упоминался в главе, посвященной рассказам и рассказчикам. Церемониальное очищение водой или потной баней, сопровождаемое молитвой и постом, является почти универсальным среди племен в качестве предварительного условия для каждого важного предприятия. У чероки оно предшествует игре в мяч и танцу зеленого кукурузы и является частью ритуала для обретения долгой жизни, завоевания любви женщины, выздоровления от изнурительной болезни и привлечения процветания в семью при каждом возвращении новой луны.

Добудьте орлиные перья — Ритуал чероки по добыванию орлиных перьев для церемониальных и декоративных целей описан в номере 35 «Племена птиц». Метод сенека, описанный здесь, практически используется всеми индейцами равнин, хотя охотник обычно не удовлетворяется одним пером при добыче. Среди некоторых западных племен орла иногда душили, прежде чем срывали с него перья , но было важно, чтобы тело не было изуродовано и не было пролито крови. Пуэбло иногда брали молодых орлов из гнезд и держали их в клетках ради перьев. Полный хвост содержит двенадцать больших перьев, которые используются для военных головных уборов и на жезлах танца Орла.

Загородки — Загородки были распространены среди ирокезов и большинства племен, проживавших вдоль атлантического побережья. Они также упоминаются среди чероки в некоторых преувеличенных рассказах раннего испанского периода, но были совершенно неизвестны в более поздний колониальный период, и очень сомнительно, что характер местности позволял бы такой компактный способ поселения.

Танцоры вышли вперед — Описанный здесь метод церемониального подхода, вероятно, был более или менее распространен среди восточных племен. На равнинах посетители обычно спешивались в поле зрения другого лагеря и шли пешком медленной процессией, напевая «песню посещения», в то время как вождь протягивал красную каменную трубку, которая была символом перемирия или дружбы. Хорошее описание такого церемониала, воспроизведенное из Бэтти, см. в книге автора «Календарная история индейцев киова» в семнадцатом ежегодном отчете Бюро американской этнологии. В данном случае посетившие пауни несли флаг вместо трубки.

Тимберлейк так описывает церемонию чероки, которую он наблюдал в Ситико в 1762 году: «Примерно в 100 ярдах от городского дома нас встретила группа из трехсот-четырехсот индейцев, десять или двенадцать из которых были полностью обнажены, за исключением куска ткани, обернутого вокруг талии, и были покрыты отвратительными рисунками, шестеро из них держали в руках орлиные хвосты, которыми они махали и размахивали, продвигаясь вперед, танцевали в очень необычной позе, пели в сопровождении барабанов собственного изготовления и барабанов покойного несчастного капитана Дамере, а также нескольких других инструментов, не поддающихся описанию. Чеула, вождь города, возглавлял процессию, раскрашенный в кроваво-красный цвет, за исключением лица, которое было наполовину черным, держа в правой руке старый ржавый широкий меч, а в левой — орлиный хвост. Когда они приблизились, Чеула, выделившись из остальных, сделал два или три прыжка, давая сигнал другим орлиным хвостам, которые немедленно последовали его примеру. Это бурное представление, сопровождаемое музыкой и громкими криками толпы, длилось около минуты, после чего главарь, взмахнув мечом над моей головой, вонзил его в землю, примерно в двух дюймах от моей левой ноги; затем он обратился ко мне, произнес короткую речь (которая, как мне объяснил мой переводчик, была лишь сердечным приветствием) и подарил мне нитку бус. Затем мы прошли к двери, где Чеула и один из любимых мужчин, взяв меня под руки, ввели меня внутрь и усадили на одно из первых мест; было так темно, что ничего не было видно, пока не принесли свежие трости, которые, будучи сожженными в середине дома, служили и топливом, и свечой. Тогда я обнаружил около пятисот лиц; и Чеула, обращаясь ко мне во второй раз, произнес речь, очень похожую на предыдущую, поздравляя меня с благополучным прибытием через многочисленные группы северных индейцев, которые обычно бродят по пути, по которому я ехал. Затем он выразил несколько заявлений о дружбе, завершив их тем, что подарил мне еще одну нитку бус в знак дружбы. Он едва закончил, как четверо из тех, кто участвовал в процессии, появились во второй раз, раскрашенные в молочно-белый цвет, с орлиными хвостами в одной руке и маленькими тыквами с бусами в другой, которые они гремели в такт музыке. Во время этого танца была подготовлена трубка мира». — Тимберлейк, Мемуары, стр. 36–39.

Адейр также кратко упоминает об этой церемонии среди племен залива (Hist. Am. Indians, стр. 260), но его рассказ слишком искажен теоретическими выводами, чтобы иметь большую ценность.

Усыновление родственника — это, по-видимому, указывает на обычай, который ускользнул от внимания ранних авторов, писавших о восточных племенах, но который хорошо известен в Африке и других частях мира и очень похож на все еще существующую церемонию среди индейцев равнин, при которой два молодых человека из одного племени официально соглашаются стать братьями и закрепляют этот договор публичным обменом именами и подарками.

Белый вампум — как хорошо известно, белый цвет повсеместно символизировал мир. Традиционная трубка мира чероки была из белого камня, и само это слово символизировало мир и счастье в их ораторском искусстве и священных формулах. Так, оратор на танце зеленого кукурузы приглашает людей идти по белому пути и войти в белый дом мира, чтобы вкусить новую белую пищу.

Поднимал пояс — как уже отмечалось, каждый абзац речи посла сопровождался вручением нитки или пояса вампума, чтобы придать вес его словам, и принять пояс означало принять условие или договор, который он символизировал. На равнинах красная каменная трубка заменяла вампум.

Попробуй бег — публичные беговые соревнования были распространены среди многих племен, особенно на западе среди пуэбло, апачей и вичита, либо в качестве простых спортивных состязаний, либо в связи с религиозными церемониями. На равнинах более популярны скачки, которые всегда сопровождаются практически неограниченными ставками.

Метание дротиков из сумаха — Метание дротиков и стрел, либо в цель, либо просто для того, чтобы посмотреть, кто сможет бросить дальше, является любимым развлечением молодых мужчин и мальчиков. Стрелы, используемые для этой цели, обычно длиннее и тяжелее обычных, имеют резные деревянные наконечники и художественно расписаны. Иногда они заостряются концом рога буйвола.

99. Войны шавано (с. 370): Основным авторитетом в вопросе изгнания шавано из Теннесси является Хейвуд (Natural and Aboriginal History of Tennessee, с. 222–224). Ссылка на Скулкрафта взята из «Заметок об ирокезах», стр. 160, а упоминание о войне чероки и делавэров — из Лоскила, «Миссия объединенных братьев», стр. 128, и Хекевельдера, «Индейские народы», стр. 88. История о тунаи взята из Ваффорда, а другие события — из Свиммера.

Шавано — Шавано или шауни были одним из самых важных алгонкинских племен. Их самым известным вождем был великий Текумта. Значение этого имени сомнительно. Обычно оно интерпретируется как «южане» от алгонкинского слова *shawan*, «юг», но может происходить от другого алгонкинского слова, означающего «соль» (*siutagan*, *sewetagan* и т. д., от *sewan*, «сладкий, острый»). В отличие от южных индейцев в целом, шавано широко использовали соль и занимались ее производством, вываривая ее в соленых источниках на юго-западе Вирджинии, а затем поставляя продукт в обмен другим племенам. У них было тринадцать кланов — Волк, Гагара, Медведь, Канюк, Пантера, Сова, Индейка, Олень, Енот, Черепаха, Змея, Лошадь и Кролик (Морган), клан человека обозначался его именем. Они также организованы в четыре подразделения или группы, возможно, изначально независимые союзные племена, а именно: Пиква, Меквачаке, Кископококе и Чиликоте. Ко второму из них принадлежало наследственное священство, но первое было наиболее заметным и, по-видимому, наиболее многочисленным. Шавано были очень кочующим и воинственным народом. Их самым ранним историческим местом обитания, по-видимому, была средняя часть реки Саванна, которая получила свое название от них, но до конца XVII века мы видим, что часть из них, по-видимому, основная, занимала бассейн реки Камберленд в Теннесси и прилегающий регион Кентукки. Примерно в 1692 году большинство из тех, кто остался в Южной Каролине, переселились на север и поселились на верхнем течении реки Делавэр вместе со своими родственниками и друзьями, делавэрами и махиканами. Эти эмигранты, по-видимому, принадлежали к племени пиква. Примерно до 1730 года шавано все еще имели поселение на реке Саванна, недалеко от Огасты, откуда они были окончательно изгнаны чероки. Из-за их прежней тесной связи с учи, жившими в том же районе, некоторые ранние авторы ошибочно полагали, что эти два племени были одним и тем же. Часть шавано присоединилась к конфедерации криков и до начала прошлого века, и, вероятно, до окончательного переселения на Запад, занимала отдельный город и сохраняла свой особый язык. Те, кто поселился на Камберленде, были впоследствии изгнаны чероки и чикасо и ушли в верховья Огайо под защиту делавэров, которые дали убежище первоначальным эмигрантам из Южной Каролины. С продвижением белых поселений два племени переселились на запад, в Огайо, а шавано около 1750 года обосновались в окрестностях нынешних городов Пикуа и Чилликоте. Они сыграли ведущую роль в Франко-индейской войне, войне Понтиака, Революции и войне 1812 года. В 1793 году значительная группа поселилась в Миссури на землях, предоставленных испанским

правительством. В результате последовательных продаж и переселений все, что осталось от племени, теперь проживает на территории индейцев, причем около половины из них вошли в состав нации чероки. В 1900 году их численность составляла около 1580 человек, а именно: в нации чероки (в 1898 году) — 790; в агентстве Sac and Fox — 509; отсутствующие шауни из племени Биг Джима, специальное агентство, 184; восточные шауни из агентства квапау, 93. Есть также несколько человек, разбросанных по другим племенам. Для получения подробной информации обратитесь к Дрейку, «Жизнь Текумсе»; Хекевельдеру, «Индейские нации»; Бринтону, «Ленапе и их легенды»; «Американские государственные документы: индейские дела, I и II»; «Ежегодные отчеты комиссара по индейским делам».

100. Нападение на Тиквалици (стр. 374): Свиммер, от которого была получена эта история, считал, что событие произошло, когда его мать была маленькой девочкой, примерно в 1795 году, но, вероятно, оно произошло раньше.

Все места находятся в округе Свейн, Северная Каролина. Город Тиквалици находился на реке Тукасеги, на месте нынешнего города Брайсон-Сити, непосредственно ниже и рядом с более важным городом Китухва. Глубокий ручей впадает в Тукасеги с севера, примерно в миле выше Брайсон-Сити. Место, где пересекался след, называется Унигаятати, «Где они сделали рыболовную ловушку», и это название, возможно, и подсказало рассказчику сравнение. Место, где чероки пересекли реку выше Дип-Крик, называется Унияхитунь, «Где они его застрелили». Утес, с которого сбрасывали пленников, называется Каласуньи, «Где он упал», недалеко от Колд-Спринг-Ноб, к западу от Дип-Крик. Чероки остановились на ночь в Агитстатии, «Где они не спали всю ночь», в нескольких милях дальше, на западном ответвлении Дип-Крик. Они прошли Кунстуции, «Место сассафраса», ущелье около вершины Ноланд-Крик, недалеко от Клингманс-Доум, и наконец отказались от преследования там, где тропа пересекала границу с Теннесси, в ущелье на главном хребте, чуть ниже Клингманс-Доум, известном как Дунияттaлуньи, «Где есть полки», названный так из-за обнажения плоской скалы на вершине хребта (см. глоссарий).

Магические искусства — Почти излишне говорить, что ни одна индейская воинская группа никогда не отправлялась в поход без обширных заклинаний и «приготовления лекарств», чтобы обнаружить местонахождение и силу врага и обеспечить победу и безопасное возвращение уходящих воинов.

Ожидание смерти — индейцы обычно встречают неизбежную судьбу с невозмутимостью, и не раз в наших индейских войнах пожилой воин или беспомощная женщина, не имея возможности спастись, садились на землю, накрывали голову одеялом и спокойно ждали роковой пули или удара топором.

101. Последнее вторжение шавано (с. 374): эта история также принадлежит Свиммеру, чьи антикварные интересы к истории этих войн, возможно, были усилены тем фактом, что он сам имел небольшую долю крови шавано. Потомки старого вождя Савануги и его братьев, происходивших, как следует из названия, из племени шавано, более полувека играли заметную роль в делах восточных чероки, и один из них, носящий имя предков, сейчас является вторым вождем племени и дает старт каждой крупной игре в мяч.

Крик совы — Одно из самых распространенных утверждений знахарей заключается в том, что они способны понимать язык птиц и получать от них сверхъестественные знания, особенно от совы, которую миряне с некоторым страхом считают воплощением человеческого призрака из-за ее ночного образа жизни и в целом жуткого внешнего вида. Шаман, умерший несколько лет назад среди киова, утверждал, что черпает свои силы из этой птицы. Тело совы, , завернутое в красную ткань и украшенное различными безделушками, постоянно висело на высоком шесте,

установленном перед его типи, и всякий раз, когда ночью из зарослей раздавался предупреждающий крик, он привык покидать свое место у костра и выходить, возвращаясь через некоторое время с новым откровением.

Плоты — каноэ чероки вытесаны из тополиного бревна и слишком тяжелы, чтобы их можно было носить с собой, как каноэ из коры северных племен. В качестве временного средства они иногда использовали шкуру медведя или буйвола, связывая ноги на каждом конце, чтобы сделать грубую лодку. На нее загружали багаж, а владелец плыл сзади, толкая ее вперед по воде.

102. Лжевоины Чилхоуи (стр. 375): эта история была рассказана Свиммером и подтверждена другими как реальный случай из старых времен. Средние поселения чероки (китухва) на верховьях Малого Теннесси были отделены от верхних поселений, расположенных около слияния с главным Теннесси, многими милями чрезвычайно суровой горной местности. Диалектные различия и местная ревность порождали трения, которые иногда приводили к столкновениям между двумя частями и делали возможным такое событие, как описанное здесь. По словам Адаира, из-за этой ревности первая война чероки, начавшаяся в 1760 году, в течение некоторого времени затрагивала только часть племени. «Судя по хорошо известному характеру чероки в подобных случаях, она могла бы либо остаться таковой, либо вскоре перерасти в очень жаркую гражданскую войну, если бы мы были достаточно мудры, чтобы воспользоваться благоприятной возможностью. Было семь северных городов, расположенных напротив центральной части страны чероки, которые с самого начала несчастных недовольств решительно не соглашались с враждебными намерениями своих страдающих и разъяренных соотечественников и в течение значительного времени до этого не испытывали к ним особой доброжелательности из-за некоторых семейных споров, которые заставляли каждую сторону быть более благосклонной к себе, чем к другой. Они с готовностью удовлетворили бы их мстительный нрав либо нейтралитетом, либо наступательным союзом с нашими колонистами против них» (История американских индейцев, стр. 248).

Чилхоуи (правильно Tsû‘lûñ′we или Tsû‘la′wĭ) было известным поселением на южном берегу реки Литл-Теннесси, напротив современного Чилхоуи, в округе Монро, штат Теннесси. Коуи (правильно Kawi′yĭ, сокращенно Kawi′) было названием двух или более бывших поселений. Здесь имеется в виду поселение, расположенное на слиянии ручья Коуи с рекой Литл-Теннесси, недалеко от современного города Франклин, в округе Мейкон, штат Северная Каролина. Ни одно из этих названий не поддается анализу. Имя оружейника, Гулсадихи или Гулцадихи, и имя первоначального владельца оружия, Гуньскалиски, имеют сомнительную этимологию.

Великий военный путь — см. историческую справку 19.

Танец скальпов — этот танец, распространенный среди всех племен к востоку от Скалистых гор, исполнялся в честь добычи свежих скальпов врага. Скальпы, окрашенные в красный цвет с мясистой стороны, украшенные и натянутые на небольшие обручи, прикрепленные к концам шестов, несли в танце жены и возлюбленные воинов, а в паузах песни каждый воин по очереди подробно рассказывал о своих подвигах. Среди чероки было принято, чтобы воин, выходя в центр круга, предлагал барабанщику импровизированную песню, которая одним-двумя словами подытоживала его собственную роль в сражении. После танца часто принималось новое «военное имя» (см. эскиз Цунулахуньски, стр. 164). Танцы проводились над теми же скальпами в течение нескольких ночей подряд или иногда с короткими перерывами в течение нескольких недель.

Приход за водой — Получение воды из соседнего ручья или источника было ежедневной обязанностью женщин, и поэтому в индейских рассказах мы постоянно встречаем упоминания о засадах или свиданиях влюбленных в таких местах.

Играть в мяч — см. примечание под номером 3, Канати и Селу.

103. Город Коуи: см. предыдущее примечание.

104. Восточные племена (с. 378): *Делавэры* — Делавэры получили свое популярное название от реки, на которой в самый ранний колониальный период находились их основные поселения. Они называют себя *Lena'pe* или *Leni-lena'pe*, что, по-видимому, означает «настоящие или первоначальные люди» или «люди нашего рода». Сродные племена долины Огайо и озер знали их как *вапанаки*, «восточные люди», и это название распространилось на близкородственные племена махикан, ваппингер (т. е. вапанаки), нантикок и коной. Все широко распространенные племена родственного алгонкинского происхождения, а также виннебаго, виандоты и чероки обращались к ним с уважительным титулом «дедушка», и только властные ирокезы отказывались называть их чем-то более высоким, чем «племянник».

Их различные группы и подплемена, по-видимому, изначально занимали всю бассейн реки Делавэр, а также всю территорию Нью-Джерси, простираясь на север до водораздела Гудзона и на запад и юго-запад до хребта, разделяющего воды Делавэра и Саскуэханны. Сразу к северу от них, вдоль нижнего течения Гудзона и простираясь до Массачусетса и Коннектикута, проживали тесно связанные с ними махиканы и ваппингери, а к югу — их друзья и родственники, нантикоки и конои, первые — в Делавере и на восточном побережье Мэриленда, вторые — между Чесапикским заливом и нижним Потомаком. Все они, хотя и говорили на разных языках общей алгонкинской группы, утверждали свое традиционное происхождение от делавэров, с которыми в период своего упадка большинство из них вновь слились. Сами делавэры были организованы в три подразделения, которые, по словам Бринтона, были подплеменами, а не кланами, хотя каждое из трех имело тотемное животное, по имени которого оно было широко известно. Этими тремя подплеменами были: (1) Минси или Мунси (люди «каменной страны»?), также известные как племя Волка ( ), занимавшие холмистую местность около истоков Делавэра; (2) Унами (люди «вниз по течению»), или племя Черепах, на среднем Делавэре, и (3) Уналахтго (люди «возле океана»?), или племя Индейцев, в южной части общей территории. Из них племя Черепах имело преимущество в совете, а племя Волков обладало лидерством в войне. Каждое из этих трех племен было разделено на двенадцать семей, или зародышевых кланов, носивших женские имена. В этой связи можно упомянуть, что делавэры, ныне проживающие с вичитами в Оклахоме, до сих пор используют изображение черепахи в качестве своего отличительного клейма для скота.

Об истории делавэров здесь можно сказать лишь несколько слов. Их первыми европейскими соседями были голландцы и шведы. В 1682 году они заключили знаменитый договор с Уильямом Пенном, который в течение шестидесяти лет добросовестно соблюдался обеими сторонами. Постепенно вытесненные белыми, они сначала отступили к Сусквеханне, а затем к верхнему течению Огайо, где, когда в 1754 году разразилась французско-индейская война, они встали на сторону французов. Они сражались против американцев во время Революции и в войне 1812 года, к тому времени будучи вытесненными на запад до Индианы. В 1818 году они уступили все свои земли в этом штате и были переселены в резервацию в Канзасе, где к ним присоединилась значительная группа, которая несколько лет назад с разрешения испанского правительства эмигрировала в Миссури вместе с группой шауно. Ближе к концу революции другая часть племени, включая большинство тех, кто был обращен в христианство моравскими миссионерами, бежала из Огайо и поселилась на канадской земле. В 1867 году основная часть тех, кто находился в Канзасе, переселилась на индейскую территорию и вошла в состав нации чероки. Меньшая

группа поселилась в резервации Вичита в Оклахоме. В настоящее время численность делавэров составляет примерно 1600 человек, а именно: «Моравцы и мунси из Темзы», Онтарио, 475; включенные в народ чероки, 870 (в 1898 году); в резервации Вичита, 95; мунси в Канзасе и включенные в народ стокбриджей в Висконсине, возможно 100; делавэры и др. с шестью народами в Нью-Йорке, 50.

Из их бывших союзников ваппингеров и коноев давно исчезли в результате поглощения другими племенами; махиканы представлены группой из примерно 530 индейцев стокбриджей, включая ряд мунси, в Висконсине, в то время как около 70 смешанных кровей по-прежнему сохраняют имя нантикоке в южной части Делавэра.

Тускарора — Тускарора, южное племя ирокезской группы, ранее занимало обширную территорию на реке Нюз и ее притоках в восточной части Северной Каролины и, как и их северные соседи, по-видимому, обладало и осуществляло определенную власть над всеми более мелкими племенами, проживавшими вокруг них. Еще в 1670 году Ледерер описал «императора» тускарора как самого высокомерного индейца, которого он когда-либо встречал. Около 1700 года Лоусон оценил их численность в 1200 воинов (6000 душ?) в 15 городах. В 1711 году они подняли восстание против белых, и одним из первых актов враждебности стало убийство самого Лоусона, который занимался съемкой земель, на которые они претендовали как на свои. В ходе борьбы, длившейся около двух лет, они были настолько сильно истреблены, что большая часть из них бежала из Каролины и укрылась у своих родственников и друзей, ирокезов из Нью-Йорка, которые с тех пор стали известны как Шесть Наций. Так называемая «дружественная» группа под руководством вождя Блаунта поселилась в небольшой резервации к северу от реки Роанок, на территории современного округа Берти, Северная Каролина. Здесь их численность постепенно сокращалась из-за болезней и эмиграции на север, пока в 1804 году те немногие, кто остался, не продали свои последние оставшиеся земли. История племени после переселения на север является частью истории ирокезов или Шести Наций. Сейчас их численность составляет около 750 человек, из которых около 380 проживают в резервации Тускарора в Нью-Йорке, а остальные — в резервации Гранд-Ривер в Онтарио.

Xuala, Suwali, Sara или Cheraw — для идентификации и самых ранних упоминаний о сара см. историческую заметку 8, «Маршрут Де Сото». Их более позднюю историю характеризует почти постоянная враждебность по отношению к белым из племени катауба ( ), пока они окончательно не объединились с катауба, с которыми они, вероятно, были родственны, примерно в 1720 году. В 1743 году они все еще сохраняли свой особый язык, и, по-видимому, в последний раз упоминаются в 1768 году, когда их число составляло около 50 человек, проживавших среди катавба. См. Mooney, Siouan Tribes of the East, бюллетень Бюро этнологии, 1894.

Катауба — происхождение и значение этого названия, которое восходит по крайней мере к двум векам назад, неизвестны. Возможно, оно происходит от чокто через торговый жаргон мобильцев. Они называют себя Nieye, что означает просто «люди» или «индейцы». Ирокезы называют их и другие родственные племена в их окрестностях Toderigh-rono, откуда и происходит название Tutelo. В XVII веке они часто были известны как Эсау или Ушери, по-видимому, от *слова iswă',* «река», в их собственном языке. Название чероки Атагва, множественное число Анитагва, является искажением популярной формы. Их лингвистическое родство с сиуанской группой было установлено Гатшетом в 1881 году. См. Муни, «Сиуанские племена Востока».

105. Южные и западные племена (с. 382): *Конфедерация криков* — Следующими по значимости после чероки среди южных племен были индейцы конфедерации криков, занимавшие большую часть Джорджии и Алабамы, непосредственно к югу от чероки. Говорят, что ранние торговцы назвали их криками из-за обилия небольших ручьев в их стране. До того, как белые начали давить

на них, их племена занимали почти всю территорию от Атлантического океана на запад до водораздела между реками Томбигби, Перл и Паскагула, будучи отрезанными от побережья Мексиканского залива племенами чокто, а от Саванны, за исключением устья, — племенами учи, шавано и чероки. Около 1800 года конфедерация насчитывала 75 городов, 47 из которых были заселены верхними криками, проживавшими в верховьях Алабамы, а остальные 28 — нижними криками, проживавшими в нижней части Чаттахучи и ее притоков (Хокинс). Среди них было представлено несколько племен, ранее являвшихся отдельными и говоривших на разных языках. Правящим племенем и языком было племя мускоги (мн. ч. Muscogûlgee), которое часто давало название конфедерации. Другими языками были алабама, коасати, хичите, таскиги, учи, натчи и савануги или шавано. Мускоги, алабама, коасати, хичите и таскиги (?) принадлежали к мускогианской группе, однако алабама и коасати были ближе по языку к чокто, чем к мускоги. Хичите представляют собой завоеванные или иным образом включенные в состав мускогианские племена прибрежной области Джорджии. Апалачи из залива Аппалачи во Флориде, которые были завоеваны англичанами около 1705 года и впоследствии инкорпорированы в племя криков, были диалектически близко родственны хичите; семинолы также были в значительной степени ответвлением от этого племени. Все, что известно о таскиги, было рассказано в другом месте (см. номер 105).

Учи, натчи и савануги были инкорпорированными племенами, радикально отличавшимися по языку друг от друга и от племен мускоги. Территория учи включала оба берега средней Саванны, ниже чероки, и простиралась до средней Джорджии. Они имели сильную расовую гордость, утверждая, что они старше мускоги в этой стране, и, вероятно, идентичны народу кофитачики, упоминаемому в ранних испанских повествованиях. По словам Хокинса, их объединение с криками произошло в результате смешанных браков около 1729 года. Натчи или натчезы были важным племенем, проживавшим в нижней части Миссисипи, в окрестностях нынешнего города с таким же названием, пока не были изгнаны французами около 1730 года, когда большинство из них укрылись у криков, а другие присоединились к чикасо и чероки. Савануги были шавано, которые сохранили свой город на реке Саванна, недалеко от нынешней Аугусты, после того как основная часть их племени переселилась на север около 1692 года. Вероятно, они присоединились к крикам примерно в то же время, что и их друзья, учи. Учи по-прежнему составляют компактную группу из около 600 человек в нации криков, сохраняя свой особый язык ( ) и племенной характер. Начи сократились до одного или двух стариков, а савануги, вероятно, давно утратили свою идентичность.

По данным Моргана, собственно мускоги, и, возможно, также их объединенные племена, имеют 22 клана. Из них клан Ветра, по-видимому, является ведущим, обладая привилегиями, не предоставленными ни одному другому клану, включая наследственную опеку над древними металлическими табличками, которые составляют палладиум племени. Согласно договору Вашингтона 1832 года, крики продали все оставшиеся у них земли в своей старой стране и согласились переселиться к западу от Миссисипи, на территорию, которая сейчас является Нацией Криков в Индейской территории. Переселение продолжалось в течение нескольких лет и было окончательно завершено только в 1845 году. В 1898 году население Нации Криков насчитывало 14 771 человек, из которых 10 014 были индейского происхождения, а остальные были неграми, их бывшими рабами. По-видимому, индейское население включало около 700 человек из других племен, в основном чероки. В Техасе также проживает около 300 представителей племен алабама, «кушатта» (коасати) и мускоги. См. также Хокинс, «Очерк о стране криков»; Гатчет, «Легенда о миграции криков»; Адаир, «История американских индейцев»; Бартрам, «Путешествия»; «Пять цивилизованных племен», Бюллетень одиннадцатой переписи; Уайман, в сборнике Алабамского исторического общества.

Чикасо — это племя, принадлежащее к мускогианской группе, ранее занимало северную часть Миссисипи и прилегающие районы Алабамы и Теннесси, а в ранний период также включило в себя несколько более мелких племен на реке Язу в центральной части Миссисипи, главным из которых было родственное племя чокчума. Название впервые встречается в повествовании Де Сото. Язык чикасо был просто диалектом чокто, хотя эти два племена были извечными врагами и сильно различались по характеру: первые были активными и воинственными, а вторые — известными своей вялостью. На протяжении всего колониального периода чикасо были постоянными врагами французов и друзьями англичан, но во время революции они сохраняли нейтралитет. По договору Понтоток 1832 года они продали свои земли к востоку от Миссисипи и согласились переселиться на индейскую территорию, где они теперь организованы как народ чикасо. По данным Моргана, у них есть 12 кланов, сгруппированных в две фратрии. В 1890 году гражданское население нации (согласно законам чикасо) состояло из 3941 чистокровных и смешанных чикасо, 681 усыновленного белого, 131 усыновленного негра и 946 индейцев из других племен, в основном чокто, усыновленных по закону « ». Согласно действующему закону, по которому вопросы гражданства решаются правительственной комиссией, в 1898 году «чикасо по крови» насчитывали 4230 человек, а «белых и негров» — 4818 человек. См. также Гатчет, «Легенда о миграции криков»; «Пять цивилизованных племен», Бюллетень одиннадцатой переписи.

Конфедерация чокто — это был свободный союз племен, в основном мускоги, занимавших юг Алабамы и Миссисипи, а также прилегающее побережье Мексиканского залива на западе Флориды и востоке Луизианы. Доминирующим племенем были собственно чокто, мускоги, занимавшие юг центральной части Миссисипи. Меньшие племена, более или менее тесно связанные с ним, были мобильцы, тохоме, мугулаша, паскагула, билокси, аколаписса, баягула, хума и другие, менее известные. Считалось, что все они принадлежали к мускогианской группе, пока в 1886 году Гатчет не установил, что билокси были родственны сиуанцам, и вполне вероятно, что паскагула также имели ту же связь. Все более мелкие племена, за исключением билокси, практически исчезли или полностью утратили свою идентичность до 1800 года.

Чокто были одним из крупнейших восточных племен, уступая по численности, если вообще уступая, только чероки; но это кажущееся превосходство было нейтрализовано их невоинственным характером и отсутствием сплоченности. Согласно Моргану, чье утверждение, однако, было оспорено, у них было восемь кланов, сгруппированных в две фратрии. Существовало также географическое деление на «длинные города», «города, где едят картофель» и «шесть городов», причем последние значительно отличались от других по диалекту и обычаям. По договорам 1820 и 1830 годов чокто продали все свои земли к востоку от Миссисипи и согласились переселиться на индейскую территорию, где они теперь составляют нацию чокто. Значительное число бродячих чокто, которые в ранний период переселились в Луизиану и Арканзас, с тех пор присоединились к своим соплеменникам на территории индейцев, но от 1000 до 2000 человек все еще разбросаны по болотистому побережью Мексиканского залива в Миссисипи. В 1890 году число лиц с чистой или смешанной кровью чокто в нации чокто официально составляло 10 211 человек. В 1899 году, при других условиях гражданства, число «чокто по крови» составляло 14 256 человек, а число усыновленных белых и негров — 5150 человек. См. также Gatschet, Creek Migration Legend; The Five Civilized Tribes, Bulletin of Eleventh Census.

Осейджи — популярное название является искажением Ouasage, французского написания Wasash, названия, используемого ими самими. Осейджи были главным южным племенем сиу, в одно время занимавшим почти всю территорию от Миссури до Арканзаса и от Миссисипи далеко в равнины. Их географическое положение привело к тому, что они в равной степени контактировали с земледельческими и оседлыми племенами восточной части страны и кочующими охотниками прерий, и по своим племенным обычаям и традициям они стали связующим звеном между ними. Независимо от того, заслуживали ли они такую репутацию, все их соседи считали их особенно хищными и вероломными, и в результате у них было мало друзей, а они в основном воевали со всеми племенами. Они заключили свой первый договор с правительством в 1808 году. В 1825 году они уступили все свои права на территории Миссури и Арканзаса, а также значительную часть территории, которая сейчас является Канзасом. Их численность ужасно сократилась из-за войн и разгульного образа жизни, и сейчас их осталось около 1780 человек, которые собрались в резервации в Оклахоме, к западу от чероки и к югу от границы с Канзасом.

106. Великаны с запада (с. 391): Возможно, это преувеличенное описание визита воинов из племени высокорослых индейцев с равнин, где принято выщипывать брови и носить волосы в виде двух длинных боковых косичек, обернутых выдровой шкурой и достигающих колен, что придает глазам особый выразительный вид и создает иллюзию высокого роста, которая иногда бывает обманчивой. Однако воины племени осейдж давно известны своим высоким ростом.

За исключением Цулкалу, в мифологии чероки ( ) гигантов, по-видимому, нет, хотя все их леса и воды населены невидимыми племенами фей. Это, по-видимому, характерно для индейской мифологии в целом: гигантов сравнительно мало, а «маленьких людей» — легионы. У ирокезов есть легенда о вторжении расы каменных кожаных людоедов-великанов с запада (Schoolcraft, Notes on Iroquois, стр. 266). Расы великанов встречаются также в мифологии навахо (Matthews, Navaho Legends), чокто (Gatschet, Creek Migration Legend) и других племен. Согласно старым испанским летописцам, Айллон в 1520 году встретил на побережье Южной Каролины племя индейцев, вожди которого были гигантского роста, что, как ему сказали, было связано со специальной диетой и массажем, которым они подвергались в младенчестве.

107. Потерянные чероки (с. 391): эта традиция, приведенная здесь, взята в основном из рукописи Вахненаухи. Среди чероки существует стойкое поверье, что часть их народа когда-то ушла далеко на запад или юго-запад, где о них иногда слышали впоследствии, но они так и не воссоединились со своим племенем. Именно надежда подтвердить эту традицию и вернуть своих потерянных соплеменников в племя побудила Секвойю отправиться в путешествие, в котором он погиб. Эти традиционные потерянные чероки совершенно не похожи на исторических эмигрантов, которые ушли с Востока вскоре после Революции.

Подобные истории распространены почти во всех племенах. Так, киовы рассказывают о вожде, который много лет назад поссорился из-за раздела добычи и увёл свой народ далеко за Скалистые горы, где они до сих пор живут где-то около британской границы и по-прежнему сохраняют свой старый язык киова. Тонкава рассказывают о группе своего народа, которая каким-то образом была отрезана от племени в результате внезапного вторжения моря на побережье Техаса и, не имея возможности вернуться, постепенно пробралась далеко в Мексику. Тускарора рассказывают, как в начале своих странствий они пришли к Миссисипи и переходили на западную сторону с помощью виноградной лозы, но лоза сломалась, и те, кто оказался на другой стороне, блуждали, пока со временем не стали врагами тех, кто остался на восточном берегу. См. Mooney, Calendar History of the Kiowa Indians, Seventeenth Annual Report Bureau of American Ethnology, часть 1, и The Last of Our Cannibals, в Harper’s Magazine, август 1901 г.; Cusick, цитируется в Schoolcraft, Notes on the Iroquois, стр. 478.

108. Резня Ани′-Кута′ни (стр. 392): Свиммер, Та′гвадихи, Айаста и Уоффорд все знали это имя, которое Айаста произносил *как Ани'-Квата'ни*, но никто из них не мог сказать ничего более определенного, чем то, что было сказано в первом предложении. Наследование священнических санов в определенном клане или племени является скорее правилом, чем исключением среди племен как на востоке, так и на западе.

109. Военная медицина (с. 393): первые два абзаца взяты из Ваффорда, остальные — из Свиммера. Эти истории характерны для индейских верований и могут иметь аналоги в любом племени. Великий вождь киова, Сет-энгья, о котором уже упоминалось, считался — и до сих пор считается — своим племенем обладателем волшебного ножа, который он носил в желудке и мог по желанию доставать изо рта. Киовы утверждают, что именно этим ножом, который, конечно же, солдаты не нашли, когда разоружали его, он напал на охранника во время столкновения, которое привело к его смерти.

110. Случаи личного героизма (с. 394): Источник информации о сражении в Уэйя-Гэп — покойный майор Джеймс Брайсон из Диллсборо, Северная Каролина, родившийся в 1818 году, который узнал об этом от своего двоюродного деда, Дэниела Брайсона, участника экспедиции Уильямсона.

Говоря о «военных женщинах» чероки, которые допускались на совещания племенного совета, Тимберлейк говорит (Мемуары, стр. 70): «Читатель будет не мало удивлен, узнав, что история об амазонках не такая уж и выдумка, как мы себе представляли, поскольку многие индейские женщины были столь же известны на войне, сколь и влиятельны в Совете».

111. Курганы и вечный огонь: старые священные вещи (с. 395): То, что здесь сказано о курганах, основанное главным образом на рассказе Свиммера, приводится исключительно в качестве народного поверья, сформированного племенными обычаями и ритуалами ( ). Вопрос о фактах должен решать археолог. Однако индейское утверждение ценно тем, что показывает предполагаемые требования к торжественному освящению важного дела.

Заметка Джона Говарда Пейна о священном квадрате криков, сделанная им в 1835 году, незадолго до его визита к чероки, может пролить дополнительный свет на эту проблему: «В центре этого внешнего квадрата находился очень высокий круглый курган. По-видимому, он был сформирован из земли, ежегодно накапливаемой путем удаления поверхности священного квадрата. Каждый раз во время праздника зеленого кукурузы священная площадь усыпается еще не вытоптанной землей; земля предыдущего года убирается, но сохраняется, как объяснено выше. Ни один посторонний не имеет права ступать на новую землю священной площади, пока ее освящение не будет завершено» (Письмо 1835 года в Continental Monthly, Нью-Йорк, 1862, стр. 19). См. примечание о священном огне.

Заколдованный болезнью — Практика заклинания определенных излюбленных мест, чтобы сделать их смертельными для вторгшегося врага, была распространена среди многих, если не всех племен. Одна из самых ужасных битв войны криков была сражена на «святой земле», так называемой потому, что индейцы верили, что в результате мистических обрядов, которые были проведены там для этой цели их пророками, ни один белый солдат не мог ступить на нее и остаться в живых.

Священный огонь — метод, описанный для разжигания огня и поддержания его постоянного тления в городском доме, по-видимому, был тем, который действительно использовался в древние времена, о чем свидетельствует название растения (*atsil'-sûñtĭ*) и подтверждают единодушные свидетельства стариков. Все пожилые жители Восточного Чероки верят, что древний огонь все

еще горит в курганах во Франклине и Брайсон-Сити, а те люди, которые во время Гражданской войны некоторое время служили в армии Конфедерации и были размещены недалеко от последнего места, утверждают, что они часто видели дым, поднимающийся из соседнего кургана.

Миссионер Батрик, ссылаясь на авторитетные источники старых чероки, говорит: «Они были вынуждены разжигать новый огонь для священных целей, трением двух кусков сухого дерева, между которыми находилась сухая трава, называемая золотой прут... Когда их враги разрушили дом, в котором хранился этот священный огонь, говорили, что огонь опустился в землю, где он и до сих пор живет, хотя люди об этом не знают. Место, где они потеряли этот священный огонь, находится где-то в одной из Каролин» (Antiquities, стр. 9).

Общая точность рассказа Свиммера поразительно подтверждается описанием церемонии «Нового огня», данного более полувека назад поэтом Джоном Говардом Пейном, который отправился к чероки, чтобы изучать их этнологию, и занимался этой работой, когда в 1835 году был арестован вместе с Джоном Россом гвардией Джорджии. Он делает зажигание нового огня частью ежегодного весеннего праздника. В это время, говорит Пейн, «алтарь в центре национального семиугольника [т. е. городского дома] был отремонтирован. Он был построен в форме конуса из свежей земли. Вокруг вершины был нарисован круг для приема огня жертвоприношения. На него была уложена, готовая к использованию, внутренняя кора семи различных видов деревьев. Эта кора была тщательно отобрана с восточной стороны деревьев и была чистой и без пятен». После нескольких дней предварительного очищения, жертвоприношения и других церемониальных действий наступил день, назначенный для разжигания нового огня.

«Рано утром семь человек, которым было поручено разжечь огонь, приступили к работе. Один из них был официальным огнярем, остальные шестеро — его помощниками. Очаг был тщательно очищен и подготовлен. В бревне было проделано круглое отверстие, в которое поместили небольшое количество сухой травы золотистого цвета. Палку, конец которой точно подходил к отверстию, быстро вращали, пока трава не загорелась. Затем пламя зажгли на очаге, и оттуда женщины, которые все вместе ждали этого момента, разнесли его по всем домам. После того как старые костры были повсюду потушены, а очаги очищены, по всей стране были зажжены новые костры , и в каждом из них было принесено в жертву первое мясо, убитое после этого теми, кому они соответственно принадлежали». — Пэйн М.С., цитируется в Сквайер, «Символ змеи», стр. 116–118.

Подобные церемонии были распространены среди многих племен, особенно южных племен и пуэбло, в связи с ежегодным разжиганием священного нового огня. См. Адаир, «История американских индейцев»; Хокинс, «Очерк о стране криков», цитируется Гатшетом, «Легенда о миграции криков»; Бартрам, «Путешествия»; Фьюкс, «Церемония нового огня в Валпи», в «Американском антропологе» за январь 1900 г.; Сквайер, «Символ змеи». Выходя за пределы наших границ, можно кратко сказать, что поклонение огню, вероятно, было столь же древним, как и сам ритуал, и почти столь же универсальным.

Деревянный ящик — священный ковчег чероки описан Адаиром (История американских индейцев, стр. 161–162), а его захват делаварами упоминается Уошберном (Воспоминания, стр. 191, 221), который утверждает, что старые жрецы племени приписывали его утрату позднейшему вырождению своего народа. Они отказались рассказать ему о содержимом ковчега. По этому поводу Адаир говорит:

«Один джентльмен, который был в Огайо в 1756 году, заверил меня, что видел там незнакомца, очень настойчиво просившего посмотреть внутрь ковчега чероки, который был покрыт обработанной оленьей шкурой и поставлен на пару коротких брусков. Его охранял индейский

часовой, вооруженный луком из гикори и стрелами с латунными наконечниками; и он был верен своему долгу, потому что, увидев, что незнакомец вторгается, чтобы осквернить предполагаемое священное средство передвижения, он натянул тетиву и готов был пронзить его тело стрелой, если бы тот не отступил внезапно. Когда джентльмен спросил переводчика, что в ней находится, тот ответил, что в ней нет ничего, кроме связки фокусниковских уловок. Это показывает, какими фокусниками являются наши обычные переводчики и насколько ученый мир действительно извлек пользу из их информации».

Такие племенные палладии или «лекарства», от которых, как полагают, зависит существование и процветание племени, до сих пор сохраняются среди индейцев равнин, причем священный сосуд в каждом случае передается на хранение специально назначенному для этой цели жрецу, который единственный имеет право развязывать обертки или открывать содержимое. Среди этих племенных «лекарств» можно упомянуть священные стрелы шайенов, «плоскую трубку» арапахо, большую раковину омаха и изображение тайме киова (см. ссылку в книге автора «Религия танца духов и календарная история индейцев киова»).

Белая трубка мира — Это утверждение о древней семиствольной трубке мира, вырезанной из белого камня, приводится со ссылкой на Свиммера, который сказал, что камень был добыт в карьере недалеко от нынешнего города Ноксвилл, штат Теннесси. Один из районов западной Северной Каролины недавно приобрел незавидную репутацию из-за производства поддельных «индейских трубок», якобы взятых из курганов, вырезанных из мыльного камня и имеющих от трех до шести отверстий для стеблей, окружающих чашу.

Черепашья барабан — это утверждение основано на словах Уэффорда, который разговаривал с людьми, утверждавшими, что знали тех, кто видел барабан. Он не был уверен в названии города, но думал, что это был Кеоуи. Считается, что барабан был спрятан индейцами в ожидании их скорого возвращения, когда в 1776 году страна была захвачена Уильямсоном, но так как чероки так и не вернули себе страну, барабан был утерян.

112–115. Короткие юмористические рассказы (стр. 397, 399): эти короткие рассказы вполне типичны для юмора чероки. Каждый из них неоднократно слышался от нескольких информаторов, как с востока, так и с запада.

116. Звездные перья (стр. 399): Эта история была получена от Джона Акса, с дополнительными подробностями от вождя Смита и других, которым она была не менее знакома. Она рассказывается как реальное событие в ранние времена, до того как индейцы хорошо познакомились с белыми, и полностью отражает методы знахарей. Обман был основан на вере чероки в то, что звезды — это живые существа с перьями (см. номер 9, «На что похожи звезды»).

Индейцы всегда славились своей любовью к украшениям из перьев, и больше всего из всех местных птиц они ценили красивые перья павлина, когда удавалось достать их у белых. Еще в 1670 году Ледерер отмечал о племени Южной Каролины: «Ушеры очень любят украшения из перьев, которых у них большое разнообразие, но больше всего ценят перья павлина, потому что они редки в этих краях» (Travels, стр. 32, изд. 1891).

117. Песня матери-медведицы (с. 400): Первая из этих песен была получена от Аясты и была неизвестна Свиммеру. Вторая песня также была получена от Аясты, который знал только стихи, в то время как Свиммер знал и стихи, и историю, которая дает им смысл.

Первая песня имеет точную параллель среди криков, которая приводится в «Песнях для детей» рукописи Таггла:

Ах тан	Вниз по течению
Ах я чокес	если ты слышишь
Ма ка чо кофе	преследование продолжается
Хоче йоке соу	вверх по течению
Лит кахтс чарс,	бежать,
Лит кахтс чарс.	беги.

A thle poo	Вверх по течению
Ahyohchokese	если услышишь
Ма ка чо кофе	преследование продолжается
Торн йоке пила	к высокой горе
Лит карты чарс,	беги,
Огни картов.	беги.

Перевод

Если услышишь шум погони

Спускающийся по течению

То беги вверх по течению.

Если услышишь шум погони

Идущей вверх по течению

То беги на высокую гору,

Потом беги на высокую гору.

118. Песня для детей, чтобы порадовать детей (с. 401): Эта песня хорошо известна женщинам и была исполнена как Аястой, так и Пловцом.

119. Когда рождаются дети: крапивник и сверчок (с. 401): Эти небольшие фрагменты индейского фольклора были получены от Свиммера, но являются общей собственностью племени.

120. Ворона-издеватель (стр. 401): Ужасающее поверье в «ворону-издевателя» распространено среди чероки и имеет близкие аналоги в других племенах. Очень близко к нему стоит поверье ирокезов в вампиров или призраков-каннибалов, о которых Скулкрафт рассказывает несколько леденящих кровь историй. Он пишет: «Считается, что такие обреченные духи проникают ночью в жилища людей и во время сна высасывают их кровь и поедают их плоть. Они невидимы» (Заметки об ирокезах, стр. 144). Однажды, когда автор находился среди чероки, больному человеку позволили умереть в одиночестве, потому что его друзья вообразили, что чувствуют присутствие Ворона-Насмешника или других невидимых ведьм в доме, и поэтому боялись оставаться с ним. Описание летающего ужаса похоже на описание большого метеорита. Всеобщим принципом народных верований является то, что обнаружение или распознавание в другой форме приносит ведьме беду.

«Пикирование» ворона, летящего высоко в воздухе, выполняется путем складывания одного крыла близко к телу, когда птица падает на более низкий уровень, по-видимому, делая сальто во время спуска. Похоже, что это делается исключительно для развлечения.

121. Источник Герберта (стр. 403): Темой этой старой легенды торговца, вероятно, был один из истоков реки Чаттуга, верхнего притока Саванны, берущей начало в южной части округа Джексон, Северная Каролина, на восточном склоне хребта, с которого другие ручьи текут в противоположном направлении, чтобы соединиться с водами Теннесси. Вероятно, это было в окрестностях нынешних высокогорий в округе Мейкон, где тропа от реки Чатуга и поселений на Кеоуи пересекала голубой хребет, откуда спускалась по Кулласаги к городам на Малой Теннесси.

126. Знания о растениях (с. 420): О церемониях, молитвах и мерах предосторожности, которые использовали врачи при сборе и приготовлении лекарственных корней, коры и трав, см. работу автора «Священные формулы чероки» в Седьмом ежегодном отчете Бюро этнологии, 1891 г.

Фиалка — название на языке онондага означает «две переплетенные головы», что, как нам говорят, относится к «часто встречающемуся явлению, когда головы переплетены и разъединяются стеблями» (W. M. Beauchamp, в Journal of American Folk-Lore, октябрь 1888 г.).

Кедр — Ссылки на священный характер кедра среди племен равнин см. в работе автора «Религия танца духов», в Четырнадцатом ежегодном отчете Бюро этнологии, часть 2, 1896 г.

Липа и липа американская — Древние тускарора верили, что ни одно дерево, кроме черной липы, не защищено от молнии, которая, по их утверждению, многократно обтекала дерево, тщетно пытаясь проникнуть внутрь. Лоусон, который записал это поверье, добавляет: «Теперь вы должны понять, что этот вид каучука не раскалывается и не трескается: поэтому, я полагаю, эта история могла возникнуть отсюда» (Carolina, стр. 345–346, изд. 1860). Племя пауни утверждает, что кедр обладает такой же защитой, и во время грозы бросает его веточки в огонь в качестве ладана, чтобы отвлечь молнию (Гриннелл, «Истории героев пауни», стр. 126).

Женьшень — более подробную информацию об этом растении см. в вышеупомянутой книге автора «Sacred Formulas».

1

Asher & Co., Берлин, 1895. ↑

2

«Древности индейцев чероки», составлено из коллекции преподобного Сабина Батрика, их миссионера с 1817 по 1847 год, как представлено в «Indian Chieftain»; Винита, Индейская территория, 1884. ↑

3

Батрик, Древности индейцев чероки, стр. 9–10. ↑

4

Скулкрафт, «Заметки об ирокезах», стр. 359, 1847. ↑

5

Батрик, указ. соч., стр. 10. ↑

6

Путешествия, стр. 449–450. ↑

7

W. O. Tuggle, Myths of the Creeks, MS, 1887. Копия в архивах Бюро американской этнологии. ↑

8

A. S. Gatschet, Некоторые мифические истории индейцев ючи, в American Anthropologist, VI, стр. 281, июль 1893 г. ↑

9

Древности. ↑

10

Э. Г. Сквайер, Символ змеи и поклонение взаимным принципам природы в Америке (Am. Archæological Researches, 1); Нью-Йорк, 1851. ↑

11

Реверенд У. У. Гилл, «Мифы и песни южной части Тихого океана», с предисловием Ф. Макса Мюллера; Лондон, 1876, стр. 18, 21, 58, 71. ↑

12

Г. Э. Фостер, Секвойя, американский Кадм и современный Моисей; Филадельфия, Ассоциация по правам индейцев, 1885. ↑

13

Исторические очерки о чероки, а также некоторые их обычаи, традиции и суеверия, автор Вахненаухи, индеец чероки; рукопись в архивах Бюро американской этнологии. ↑

14

Фрэнк Рассел, «Мифы апачей джикарилла», в журнале «Journal of Am. Folklore», октябрь 1898 г. ↑

15

Х. Р. Скулкрафт, «Исследования алгиков, включающие исследования, касающиеся ментальных характеристик североамериканских индейцев»; первая серия, «Индейские сказки и легенды» (два тома); Нью-Йорк, 1839 г. ↑

16

Язык дегиха, в «Вклад в североамериканскую этнологию», VI (Министерство внутренних дел, Географическая и геологическая служба США по региону Скалистых гор. Руководитель Дж. В. Пауэлл), Вашингтон, округ Колумбия. ↑

17

Лига ирокезов, стр. 161, 102 и 199. ↑

18

Хьюитт, Космогонические боги ирокезов, в Proc. Am. Ass. Adv. Sci., XLIV, 1895. ↑

19

История Каролины, изд. 1860, стр. 35. ↑

20

Традиции индейцев реки Томпсон в Британской Колумбии, собраны и аннотированы Джеймсом Тейтом, с введением Франца Боаса (Memoirs of the American Folk-Lore Society, VI); Бостон и Нью-Йорк, 1898, стр. 74. ↑

21

Мемуары, стр. 77. ↑

22

История американских индейцев, стр. 401. ↑

23

Эрминни Смит, Мифы ирокезов, во Втором годовом отчете Бюро этнологии, стр. 80. ↑

24

Тейт, Традиции реки Томпсон, стр. 61. ↑

25

Джозайя Грегг, «Торговля прерий, или Дневник торговца из Санта-Фе во время восьми экспедиций по Великим западным прериям и почти девятилетнего проживания в Северном Мексике»; т. II, стр. 239–240; Нью-Йорк и Лондон, 1844. ↑

26

Фрэнсис Паркман, Иезуиты в Северной Америке в XVII веке, второе издание, стр. lxxxiii (цитируя Ле Клерка); Бостон, 1867. ↑

27

Тейт, Традиции реки Томпсон, стр. 85. ↑

28

Альфред Видеман, «Религия древних египтян»; Нью-Йорк, 1897, стр. 55. ↑

29

Хели Шатлен, «Народные сказки Анголы: пятьдесят сказок с текстом на языке ки-мбунду, дословным английским переводом, введением и примечаниями» (Мемуары Американского фольклорного общества, I); Бостон и Нью-Йорк. 1894. ↑

30

Мемуары Американского фольклорного общества, V; Бостон и Нью-Йорк, 1897. ↑

31

Дж. В. Бутон, Библейские мифы и их параллели в других религиях; 2-е изд., Нью-Йорк, 1883; Библейский фольклор, исследование в области сравнительной мифологии; Нью-Йорк, 1884. ↑

32

Мифы Нового Света, трактат о символизме и мифологии красной расы Америки; 3-е изд., Филадельфия, 1896. ↑

33

Хекевельдер, «Индейские народы», стр. 254, изд. 1876. ↑

34

Генри, «Путешествия и приключения в Канаде и т. д.», стр. 212–213, Нью-Йорк, 1809. ↑

35

Г. Б. Гринелл, «Истории о героях и народные сказки пауни с примечаниями о происхождении, обычаях и характере народа пауни»; Нью-Йорк, 1889, стр. 358–359. ↑

36

Джоэл К. Харрис, «Дядя Ремус, его песни и поговорки»; Нью-Йорк, 1886. ↑

37

Дж. К. Харрис, «Ночи с дядей Ремусом: мифы и легенды старой плантации»; Бостон, 1883. ↑

38

К. Г. Лиланд, «Легенды алгонкинов Новой Англии», стр. 212; Бостон, 1884. ↑

39

История американских индейцев, стр. 30. ↑

40

Дж. Э. Холбрук, «Североамериканская герпетология, или Описание рептилий, обитающих в Соединенных Штатах», II, стр. 119; Филадельфия, 1842. ↑

41

Дж. Г. М. Рамзи, «Летопись Теннесси до конца XVIII века» и др., Филадельфия, 1853. ↑

42

Бакingham Смит, Письмо Эрнандо де Сото и мемуары Эрнандо де Эскаланте, перевод с испанского; Вашингтон, 1854, стр. 46. ↑

43

Рукописный дневник, 1796 г., из коллекции Исторического общества Джорджии, Саванна. ↑

44

Д-р Элиас Будинот, «Звезда на Западе, или скромная попытка обнаружить давно утраченные десять колен Израиля в преддверии их возвращения в их любимый город Иерусалим»; Трентон, Нью-Джерси, 1816. ↑

45

Дж. М. Стэнли, «Портреты североамериканских индейцев с эскизами пейзажей и т. д., написанные Дж. М. Стэнли», хранится в Смитсоновском институте. Вашингтон: Смитсоновский институт, декабрь 1852 г.; стр. 18–22. Автор настоящей статьи ознакомился с рассказом Стэнли только после того, как традиция Уэффорда была закреплена в доказательствах. ↑

ГЛОССАРИЙ СЛОВ ЧЕРОКИ

В языке чероки есть континентальные гласные звуки *a, e, i* и *u*, но нет *o*, которое заменяется глубоким *â*. Неясный или короткий *û* часто назализуется, но назальный звук редко слышен в конце слова. Единственная губная буква — *m*, которая встречается, вероятно, не более чем в полудюжине слов в верхнем и среднем диалектах и полностью отсутствует в нижнем диалекте, где ее место занимает *w*. Характерная для верхнего и среднего диалектов буква *l* в нижнем диалекте становится *r*, но ни один диалект не имеет обоих звуков. Существует также придыхательная *буква l*; *k* и *t* имеют обычные звуки этих букв, но *g* и *d* являются медиальными, приближаясь к звукам *k* и *t* соответственно. Часто встречающимся двойным согласным является *ts*, обычно обозначаемое старыми торговцами как *ch* (см. стр. 188, «Диалекты»).

a как в far.

ă (как в what или obscure, как в showman).

â как в словах law, all.

d средний (полугласный), приближающийся к t.

e как в they.

ĕ как в net.

g медиальный (полузвонкий), приближающийся к k.

h как в слове hat.

i как в pique.

ĭ (как в слове «pick»).

k как в слове kick.

l как в слове lull.

‘l негласная l (иногда пишется hl), почти как валлийская ll.

m как в слове man.

n как в not.

r заменяет l в нижнем диалекте

s как в слове sin.

t как в слове top.

u (как в слове «правило»).

û (как в слове «cut»).

ûñû назализованный.

w как в слове wit.

y как в слове you.

‘ (легкая придыхательная, иногда обозначающая пропуск гласной).

В глоссарий включен ряд английских слов с перекрестными ссылками, которые, наряду с искаженными формами чероки, обозначены маленькими заглавными буквами.

adâ′lănûñ′stĭ — посох или трость.

adan′ta — душа.

ada′wehĭ — волшебник или сверхъестественное существо.

ada′wehi′yu — очень великий волшебник; интенсивная форма *ada′wehĭ*.

â′gănă — сурок.

Â′gănstâ′ta — «сосиска из сурка», от *â′gănă*, сурок, и *tsistâ′û*, «я его измельчаю», что понимается как измельчение мяса и т. п. в ступе после того, как его сначала поджарили на огне. Военный вождь, известный в войне чероки 1760 года и занимавший видное положение примерно до конца

Революции; известен белым как Оконостота. Также черокийское имя полковника Гидеона Моргана из войны 1812 года, его сына Вашингтона Моргана из Гражданской войны, а теперь и полнокровного индейца из резервации, известного белым как Морган Кальхун.

ʹgăn-uniʹtsĭ — «мать сурков», от *ʹgănă* и *uniʹtsĭ*, их мать, множественное число от *utsĭʹ*, его мать (*etsĭʹ*, *agitĭʹ*, моя мать). Черокийское имя пленника Шавано, который, согласно преданию, убил великого змея Уктена и добыл Улунсути.

Agaweʹla — «Старуха», формульное имя кукурузы или духа кукурузы.

agăyûñʹli — от *agăyûñʹlige*, старый, древний.

agidâʹtă — см. *edâʹtă*.

agiduʹtŭ — см. *eduʹtŭ*.

Agi‘lĭ — «Он поднимается», возможно, сокращение от старого личного имени *Aginʹ-agi‘lĭ*, «Поднимающийся олененок». Майор Джордж Лоури, двоюродный брат Секвойи и помощник вождя племени чероки около 1840 года. Стэнли ошибочно пишет «Keeth-la, или Собака» (для *gi‘lĭʹ*).

aginiʹsĭ — см. *eniʹsĭ*.

agiʹsĭ — женский род, обычно применяется к четвероногим животным.

Agisʹ-eʹgwa — «Великая женщина», возможно «Великая лань». Существо, вероятно, божество животных, призываемое в священных формулах.

agitsĭʹ — см. etsĭʹ.

Agitsta‘tiʹyĭ — «Где они не спали всю ночь», от *tsigitsûñʹtihûʹ*, «Я не сплю всю ночь». Место в горном массиве Грейт-Смоки около истока ручья Ноланд, в округе Свейн, Северная Каролина. См. примечания к номеру 100.

Агуакири — см. Гуакили.

Ăhălu'na — «Засада», *Ăhălunûñʹyĭ*, «Место засады», или *Uniʹhălu'na*, «Где они устроили засаду», от *ăkălu'ga*, «Я наблюдаю». Перевал Соко, у истоков ручья Соко, на границе округов Свейн и Хейвуд, Северная Каролина (см. номер 122). Это название также применяется к наблюдательному пункту для охотников на оленей.

ahănuʹlăhĭ — «он бородатый», от *ahănu'lăhû*, борода.

Ahuʹludeʹgĭ — «Он выбрасывает барабан» (по привычке), от *ahu'lĭ*, барабан, и *akwăde'gû*, «Я выбрасываю его» (круглый предмет). Черокийское имя Джона Джолли, известного вождя и приемного отца Сэмюэля Хьюстона, около 1800 года.

ahyeliʹskĭ — насмешник или подражатель.

aktăʹ — глаз; множественное число — *diktăʹ*.

aktaʹtĭ — телескоп или бинокль. Имя обозначает что-то, с помощью чего можно внимательно рассматривать или смотреть, от *aktăʹ*, глаз.

akwandu′li — форма песни для *akwidu′li(-hû*, «Я хочу это».

Akwan‘kĭ — см. *Anakwan‘kĭ*.

Akwĕ‘ti′yĭ — место на реке Тукасеги, в округе Джексон, Северная Каролина; значение названия утрачено. См. номер 122.

Аларка — см. *Ялаги*.

âligă′ — рыба красного коня (*Moxostoma*).

Алкини — последняя женщина, известная как потомка натчезов и особенность восточных чероки; умерла около 1890 года. Название не имеет очевидного значения.

ămă′ — вода; в нижнем диалекте *ăwă′*; ср. *a′mă*, соль.

amăyĕ′hĭ — «живущий в воде», от *ămă′* (*ămă′yĭ*, «в воде») и *ĕhû′*, «я живу», «я обитаю».

Ămăye‘l-e′gwa — «Большой остров», от *ămăye‘lĭ*, остров (от *ămă′*, вода, и *aye‘lĭ*, «посередине») и *e′gwa*, большой. Бывшее поселение чероки на реке Литл-Теннесси, на Большом острове, недалеко от устья Теллико, в округе Монро, штат Теннесси. Тимберлейк пишет его как Mialaquo, а Бартрам — как Nilaque. Не путать с городом Лонг-Айленд ниже Чаттануги.

Ămăye‘lĭ-gûnăhi′ta — «Длинный остров», от *ămăye‘lĭ*, остров, и *gûnahi′ta*, длинный. Бывшее поселение чероки, известное белым как город Лонг-Айленд, на острове Лонг-Айленд на реке Теннесси, на границе Теннесси и Джорджии. Это был один из городов Чикамауга (см. *Tsĭkăma′gĭ*).

amă′yĭnĕ′hi — «жители воды», множественное число от *amăyĕ′hĭ*.

Anăda′dûñtăskĭ — «жаркие», т. е. каннибалы; от *gûñ′tăskû′*, «я кладу это (круглый) в огонь, чтобы зажарить». Обычное слово для обозначения каннибалов — *Yûñ′wini′giskĭ*, см. там же. См. номер 3.

anagâhûñ′ûñskû′ — танец зеленого кукурузы; буквально «они танцуют танец зеленого кукурузы»; *anagâhûñ′ûñsgûñ′yĭ*, «где они танцуют танец зеленого кукурузы»; популярное название не является переводом слова чероки, которое не имеет отношения ни к кукурузе, ни к танцу.

Anakwan‘kĭ — индейцы делавэры; единственное число *Akwan‘kĭ*, попытка чероки перевести *Wapanaqkĭ*, «восточные люди», алгонкинское название, под которым, в различных искаженных формах, делавэры обычно известны западным племенам.

Анантуа — см. *Ани-Нундавеги*.

a‘ne′tsâ или a‘netsâ′gĭ — игра в мяч.

a‘netsâ′ûñskĭ — игрок в мяч; буквально «любитель игры в мяч».

ani′ — племенной и одушевленный префикс.

ani′da′wehĭ — множественное число от *ada′wehĭ*.

a′niganti′skĭ — см. *dăgan‘tû*.

Ani′-Gatăge′wĭ — один из семи кланов чероки; в настоящее время это название не имеет значения, но было абсурдно переведено как «слепая саванна» из-за неверного представления, что оно происходит от *igâ'tĭ*, болото или саванна, и *dige'wĭ*, слепой.

Ani′-Gilâ′hĭ — «Длинноволосые люди», один из семи кланов чероки; единственное число — *Agilâ'hĭ*. Слово происходит от *agilâ'hĭ* (возможно, связанного с *agi ‘lge-nĭ*, «задняя часть (его) шеи»), архаичного термина, обозначающего ношение длинных или распущенных волос, и обычно признаваемого как относящееся в большей степени к женщинам.

Ani′-Gilĭ′ — проблемное племя, возможно, конгари. См. стр. 381. Название не связано со *словом gi ‘lĭ*, «собака».

Ani′-Gusă — см. *Ani'-Ku'să*.

a′nigwa — вскоре после; *dine'tlănă a'nigwa*, «вскоре после сотворения мира».

Ani′-Hyûñ′tĭkwălâ′skĭ — «Громовержцы», т. е. гром, который, согласно верованиям чероки, контролируется и вызывается семьей сверхъестественных существ. Это слово относится к произведению раскатистого звука; ср. *tĭkwăle'lu*, колесо, отсюда — повозка; *ămă'-tĭkwălelûñyĭ*, «место, где катится вода», применяется к каскаду, где вода падает по поверхности скалы; *ahyûñ'tĭkwălâ'stihû'*, «гремит гром», применяется к реву железнодорожного поезда или водопада.

Ani′-Kawĭ′ — «люди-олени», один из семи кланов чероки; обычная форма слова «олень» — *a ‘wĭ'*.

Ani′-Kawi′tă — Нижние Крики, от Kawi′tă или Coweta, их бывшего главного города на реке Чаттахучи, недалеко от современного Колумбуса, штат Джорджия; Верхние Крики на верховьях реки Алабама отличались как *Ani'-Ku'să* (см. там же). Небольшой ручей реки Литл Теннесси выше Франклина, в округе Мейкон, штат Северная Каролина, в настоящее время известен как ручей Коуита.

Ani′-Kĭtu′hwagĭ — «народ Kĭtu′hwă», от *Kĭtu'hwă* (см.), древнего поселения чероки; объяснение см. на стр. 182.

Ani′-Ku′să или Ani′-Gu′să — индейцы крики, в частности верхние крики, проживающие на водах реки Алабама; в единственном числе *A-Ku'să*, от Kusa или Coosa (испанский Coça, Cossa) — их главного древнего города.

Ani′-Kuta′nĭ (также *Ani'-Kwăta'-nĭ*, или, неправильно, *Nicotani*) — традиционное священническое общество или клан чероки, истребленное в ходе народного восстания. См. номер 108.

aninâ′hilidâhĭ — «летающие существа», от *tsĭnai'lĭ*, «я лечу», *tsĭnâ'iladâ'hû*, «я летаю». Общий термин для птиц и летающих насекомых.

Ani′-Na‘tsĭ — сокращенно *Anintsĭ*, единственное число *A-Na ‘tsĭ*. Индейцы натчез; из-за совпадения с *na ‘tsĭ*, сосна, название было неправильно переведено как «сосновые индейцы», тогда как на самом деле это множественное число чероки от собственного имени натчез.

Anin′tsĭ — см. *Ani'-Na ‘tsĭ*.

Ani′-Nûn′dăwe′gĭ — единственное число *Nûn'dăwe'gĭ*; ирокезы, в частности сенека, от *Nûndawao*, название, которым сенека называют себя. Адаир пишет это слово как Anantooeah. Племя также было известно как *Ani'-Sĕ'nikă*.

Ani′-Sahâ′nĭ — один из семи кланов чероки; возможно, архаичная форма слова «голубые люди», от *sa ‘ka′ni, sa ‘ka′nige′ĭ*, голубой.

Ani′-Sa′nĭ, Ani′-Sawahâ′nĭ — см. *Ani′-Sawănu′gĭ.*

Ани′-Савану′ги (единственное число *Савану′ги*) — индейцы шавано. *Ани′-Сани* и *Ани′-Савахани* (см. стр. 380) могут быть одним и тем же.

Ani′-Sĕ′nikă.—см. *Ani′-Nûndăwe′gĭ.*

anisga′ya — множественное число от *asga′ya*, человек.

Анисга′я Цунсди′(-га) — «Маленькие люди»; Громовые мальчики в мифологии чероки. См. номера 3 и 8.

Ani′sgaya′yĭ — «Город мужчин» (?), традиционное поселение чероки на реке Вэлли, в округе Чероки, Северная Каролина.

anisgi′na — множественное число от *asgi′na*, см.

Ani′-Skălâ′lĭ — индейцы тускарора; единственное число, *Skalâ′lĭ* или *A-Skălâ′ĭ.*

Ani′skwa′nĭ — испанцы; единственное число — *Askwa′nĭ.*

Ani′-Suwa′lĭ или Ani-′Suwa′la — индейцы суала, сара или чероу, ранее проживавшие в верховьях реки Брод, Северная Каролина, провинция Ксуала в хронике Де Сото и Джоара или Хуада в более позднем повествовании Пардо.

Ani′ta′gwă — индейцы катавба; единственное число — *Ata′gwă* или *Tagwă.*

Ани′-Цагухи — традиционный клан чероки, превращенный в медведей (см. номер 75). Дочь пловца носит имя *Цагухи*, которое не признается как принадлежащее какому-либо конкретному полу.

Ани′-Цалаги′ — чероки. См. «Синонимия племен», стр. 182.

Ани′-Цата — индейцы чокто; единственное число — *Цата.*

Ani′-Tsĭ′ksû — индейцы чикасо; единственное число — *Tsĭ′ksû.*

Ani′-Tsi′skwa — «люди-птицы»; один из семи кланов чероки.

Ani′tsu′tsă — «Мальчики», от *atsu′tsă*, мальчик; Плеяды. См. номер 10.

Ani′-Wâ′dĭ — «Люди краски»; один из семи кланов чероки.

Ani′-Wâdihĭ′ — «Место людей краски или клана»; город краски, поселение чероки на нижнем течении ручья Соко, в пределах резервации в округах Джексон и Свейн, Северная Каролина. Название происходит от *Ani′-Wâ′dĭ* или клана краски.

ani′wani′skĭ — бугельная трава, *Lycopus virginicus*; буквально «они говорят» или «говорящие», от *tsiwa′nihû*, «я говорю», *awani′skĭ*, «он говорит привычно». См. номер 26.

Ani′-Wasa′sĭ — индейцы осейдж; в единственном числе — *Wasa′sĭ.*

Ani′-Wa′‘ya — «люди-волки»; самый важный из семи кланов чероки.

Ani′-Yu′tsĭ — индейцы ючи или учи; единственное число *Yu′tsĭ*.

Ani′-Yûñ′wiyă′ — индейцы, в частности индейцы чероки; буквально «главные или настоящие люди», от *yûñwĭ*, человек, *yă*, суффикс, означающий главный или настоящий, и *ani′*, племенной префикс. См. страницы 5 и 182.

ANNIE AX — см. *Sadayĭ′*.

AKYOHE — почтовое отделение на реке Нантахала, в округе Мейкон, Северная Каролина, место бывшего форта Скотт. Вероятно, искажение слова *egwânĭ*, река.

АРЧ, ДЖОН — см. *Аци*.

asâ′gwălihû′ — вьюк или груз; *asâ′gwăl‘lû′* или *asâ′gwĭ‘lĭ*, «на нем вьюк». Ср. *sâ′gwălĭ′*.

asĕhĭ′ — конечно.

Asĕ′nikă — единственное число от *Ani′-Sĕ′nikă*. См. *Ani′-Nûndăwe′gĭ*.

asga′ya — человек.

Asga′ya Gi′găgeĭ — «Красный человек»; дух молнии.

asgi′na — призрак, человеческий или животный; из-за того, что призраки обычно считаются злобными, это имя часто переводят как «дьявол».

ASHEVILLE — см. *Kâsdu′yĭ* и *Unta′kiyasti′yĭ*.

âsĭ — потовая хижина и иногда зимнее жилище чероки и других южных племен. Это было низкое сооружение из бревен, покрытое землей, и из-за своей закрытости и обычно тлеющего внутри огня старые торговцы называли его «горячей хижиной».

â′siyu′ (сокращенно *siyu′*) — хорошо; обычное приветствие чероки; *gâ′siyu′*, «я хорошо»; *hâ′siyu′*, «ты хорошо»; *â′siyu*, «он (оно) хорошо»; *âstû*, «очень хорошо» (усиливающая форма).

Askwa′nĭ — испанец. См. *Ani′skwa′nĭ*.

âstû′ — очень хорошо; *âstû tsĭkĭ′*, очень хорошо, лучше всего. Ср. *â′siyu′*.

Асту′гата′га — лейтенант из племени чероки, служившей в армии Конфедерации, убитый в 1862 году. См. стр. 170. Имя можно перевести как «Стоящий в дверном проеме», но оно подразумевает, что сам человек является дверью или ставенкой; в нем нет первого лица; *гатага* — «он стоит»; *стути* — дверь или ставенка; *стуху* — закрытая дверь или проход; *стугисти* — ключ, т. е. то, чем открывают дверь.

asûñ′tlĭ, asûñtlûñ′yĭ — мост или переход; буквально «бревно, лежащее поперек», от *asi′ta*, бревно.

ата′ — дерево; *ата′я*, «главное дерево», т. е. дуб; ср. мускоги *ити*, дерево.

Atagâ′hĭ — «Место желчи», от *ă′tăgû′*, желчь, и *hĭ*, местный падеж; мифическое озеро в горах Грейт-Смоки. См. номер 69. Это название также применяется к той части горного хребта Грейт-

Смоки, которая сосредоточена вокруг горы Тандерхед и хребта Мири, недалеко от границы между округом Свейн, Северная Каролина, и округом Блаунт, Теннесси.

ă′tăgû′ — желчь.

Ătă′-gûl‘kălû′ — известный вождь чероки, признанный британским правительством главным вождем или «императором» нации, примерно в 1760 году и позднее, и широко известный белым как Маленький Плотник (по ошибке, в Хейвуде — Маленький Кукурузосажатель). Это имя часто пишут как Atta-kulla-kulla, Ata-kullakulla или Ata-culculla. Оно может быть переведено как «Наклоненное дерево», от *ătă′*, «дерево» и *gûl‘kălû*, глагола, означающего, что что-то длинное наклоняется, не имея достаточной опоры, к какому-либо другому предмету; у него нет формы первого лица. Бартрам описывает его как «человека удивительно маленького роста, худого и хрупкого телосложения, единственного, кого я видел в нации; но он человек с выдающимися способностями».

Атагва — индеец из племени катавба. См. *Анилагва*.

Атахита — сокращение от *Атахитуньи*, «Место, где они кричали», от *гатахиу*, «Я кричу», и *йи*, локатив. Ущелье Вая, на хребте к западу от Франклина, округ Макон, Северная Каролина. См. номер 13. Название на карте, вероятно, происходит от слова чероки *вая*, «волк».

ATA-KULLAKULLA — см. *Ătă′-gûl‘kălû′*.

â′tălĭ — гора; в нижнем диалекте *â′tărĭ*, откуда и происходит «Оттаре» или верхний чероки Адаира. Форма *â′tălĭ* используется только в составе слов; гора на месте называется *âtălûñyĭ* или *gatu′sĭ*.

â′tălĭ-gûlĭ′ — «поднимается на гору», т. е. «альпинист»; растение женьшень, *Ginseng quinquefolium*; от *â′tălĭ*, гора, и *gûlĭ′*, «поднимается» (по привычке); *tsĭlăhĭ′* или *tsĭlĭ′*, «я поднимаюсь». Также называется в священных формулах *Yûñ′wĭ Usdi′*, «Маленький человек». См. номер 126.

a′tălulû — незавершенный, преждевременный, неудачный; откуда *utalu′lĭ*, «еще не время».

Ata′lûñti′skĭ — вождь чероки из Арканзаса около 1818 года, который первоначально эмигрировал из Теннесси. Имя, обычно пишущееся как Tollunteeskee, Taluntiski, Tallotiskee, Tallotuskee и т. д., обозначает того, кто бросает какое-либо живое существо с какого-либо места, например, врага с обрыва. См. номер 100 для примера.

â′tărĭ — см. *â′tălĭ*.

атаси (или *атасу*, в диалектной форме) — боевой дубинка.

atatsûñ′skĭ — жалящий; буквально «он жалит» (по привычке).

A‘tlă′nuwă′ — «Tlă′nuwă hole»; название Чатануги, штат Теннесси, на языке чероки (см. *Tsatănu′gĭ*), первоначально применявшееся к утесу на южной стороне реки Теннесси у подножия нынешней Маркет-стрит. См. номер 124.

A′tsĭ — название на языке чероки Джона Арча, одного из первых местных писателей, использовавших письменность Секвойя. Это слово является просто попыткой перевести английское имя Arch.

atsi′la — огонь; в нижнем диалекте — *atsi′ra*.

Atsil′-dihye′gĭ — «носитель огня»; по-видимому, черокийское название блуждающего огня. См. стр. 335. Как обычно в черокийских сложных словах, глагольная форма является множественным числом («он несет огонь»); форма единственного числа — *ahye′gĭ*.

atsil′-sûñ‘tĭ (сокращенно *tsil′-sûñ‘tĭ*) — пупавка (*Erigeron canadense*); название означает «материал, из которого делают огонь», от *atsi′la*, огонь, и *gasûñ‘tĭ*, (*gatsûñ‘tĭ* или *gatlûñ‘tĭ*), материал, из которого что-то делают; от *gasûñ′skû* (или *gatlûñ′skû*), «я делаю это». Это растение также называется *ihyâ′ga*. См. номер 126.

Atsil′-tlûñtû′tsĭ — «Огненная пантера». Метеор или комета. См. примечания к номеру 9.

Atsi′la-wa′ĩ — «Огненный ——»; гора, иногда известная как Rattlesnake knob, примерно в двух милях к северо-востоку от Чероки, округ Свейн, Северная Каролина. См. номер 122.

a′tsĭnă′ — кедр; ср. Muscogee, *achena* или *auchenau*.

A′tsĭnă′-k‘ta′ûñ — «Место висящего кедра»; от *a′tsină′*, кедр, и *k‘taûñ*, «где он (долго) свисает»; название чероки для старого города Таскиги на реке Литл Теннесси в округе Монро, штат Теннесси. См. номер 105.

atsi′ra — см. *atsi′la*.

Atsûñ′stă‘ti′yĭ (сокращенно *Atsûñ′stă‘ti′*) — «место огня» (ср. *atsil-sûñ′‘tĭ*), относящееся к методу «охоты с огнем» для убийства оленей в реке ночью. Правильное название реки Честейти, недалеко от Далонеги, в округе Лампкин, штат Джорджия.

ATTAKULLAKULLA — см. *Ătă-gûl‘kălû′*.

ăwă′ — см. *ămă′*.

awâ′hĭlĭ — орел; в частности, *Aquila chrysætus*, известный как «орел с красивым оперением».

a‘wĭ′ — олень; иногда также пишется и произносится как *ăhăwĭ′*; это название иногда применяется к крупному рогатому жуку, «летающему оленю» ранних писателей.

a‘wĭ′-ahănu′lăhĭ — козел; буквально «бородатый олень».

a‘wĭ′-aktă′ — «оленьи глаза»; *рудбекия* или черноглазая Сьюзан.

a‘wĭ′-ahyeli′skĭ — «посмешище оленя»; блеяние оленя, своего рода свист, используемый охотниками для привлечения лани путем имитации крика олененка.

a‘wĭ′-e′gwă (сокращенно *a‘w-e′gwă*) — лось, буквально «великий олень».

a‘wĭ′-unăde′na — овца; буквально «шерстистый олень».

A‘wĭ′ Usdi′ — «Маленький олень»; мифический вождь племени Оленей. См. номер 15.

Акс, Энни — см. *Sadayĭ'*.

Ах, John — см. *Ităgû'năhĭ*.

Ayâ'sta — «Портитель», от *tsiyâ'stihû*, «Я порчу»; ср. *uyâ'ĭ*, плохой. Известная женщина и информатор в резервации восточных чероки.

aye‘lĭ — половина, середина, посередине.

Айрате — см. *элади*.

Аюхваси — правильная форма названия, обычно пишущегося как Hiwassee. Оно означает саванну или луг и применялось к двум (или более) бывшим поселениям чероки. Более важное, обычно называемое *Ayuhwa'sĭ Egwâ'hĭ* или Великий Хивасси, находилось на северном берегу реки Хивасси у нынешнего брода Саванна выше Колумбуса, в округе Полк, штат Теннесси. Другое находилось дальше вверх по той же реке, у слияния с ручьем Пичтри, выше Мерфи, в округе Чероки, штат Северная Каролина. Ланман пишет его как Owassa.

A‘yûñ'inĭ — «пловец»; буквально «он плавает», от *gayûñinĭ'*, «я плаваю». Главный жрец и информатор восточных чероки, умер в 1899 году.

Аюлсу — см. *Даюлсуньи*.

Beaverdam — см. *Uy'gilâ'gĭ*.

Большой остров — см. *Ămăye‘l-e'gwa*.

Большая бухта — см. *Калануньи*.

Большой муш — см. *Гатуньвали*.

Большая ведьма — см. *Цкиль-эгва*.

Птичий город — см. *Цисквахи*.

Кровавый товарищ — см. Искагуа.

Блайт — см. *Дисквани*.

Черная лиса — см. *Инали*.

Будино, Элиас — см. *Галагагина*.

Чаша; Боулз, полковник — см. *Дивал*.

Латунь — см. *Унцайи*.

Брастаун — см. *Ицеи*.

Дыхание — см. *Уньлита*.

Бриртаун — см. *Канугалай*.

Буйвол (ручей) — см. *Юнсаи*.

Бычья голова — см. *Усквалена*.

Батлер, Джон — см. *Цанугасита*.

Кейдс-Коув — см. *Цияхи*.

Канакаут — «Канакаут, великий чародей», упоминаемый как вождь нижних чероки в 1684 году; возможно, *канегвати*, водная мокасинная змея. См. страницу 31.

Канали — см. *хигиналии*.

Канасагуа — см. *Гансаги*.

Каннастион, Канности — см. *Канаста*.

Кануга — см. *Кануга*.

Cartoogaja — см. *Gatu'gitse'yĭ*.

Каталучи — см. *Гадалуци*.

Cauchi — место, по-видимому, в стране чероки, посещенное Пардо в 1567 году (см. стр. 29). Название, возможно, имеет какое-то отношение к Nacoochee или *Nagu'tsĭ'*, см. там же.

Каунасаита — имя вождя нижних чероки в 1684 году; возможно, от *Kanûñsi'ta*, «кизил» (*Cornus florida*). См. стр. 31.

Чалаке — см. *Цалаги* в разделе «Синонимия племен» на стр. 182.

Чаттануга — см. *Цатануги*.

Чаттуга, Чатуга — см. *Цатуги*.

Чиоухи — см. *Цияхи*.

Чиракe — см. *Цалаги* в разделе «Племенные синонимы» на стр. 182.

Чеова — см. *Цияхи*.

Чеова Максимум — см. *Сехватей*.

Чераки — см. *Цалаги*, в разделе «Синонимия племен», стр. 182.

Cheraw — см. *Ani'-Suwa'lĭ*.

Чероки — см. *Tsă'lăgĭ*, в разделе «Синонимия племен», стр. 182; также *Elăwâ'diyĭ*.

Честати — см. *Ацуньстарти*.

Честуа — см. *Цистуи*.

Чеукунсене — см. *Tsi'yu-gûnsi'nĭ*.

Чеула — упоминается Тимберлейком как вождь Сеттаку (*Sĭ'tikû*) в 1762 году. Это имя, возможно, означает «Лиса» (*Tsu'lă*).

Чикамауга — см. *Цикамаги*.

Чилхоуи — см. *Цулунве*.

Chimney Tops — см. *Duni'skwa'lgûñ'ĭ*.

Чиска — упоминается в рассказах Де Сото как горнодобывающий регион в стране чероки. Название может иметь отношение к *Tsi'skwa*, «птица», возможно, *Tsiskwâ'hĭ*, «Место птиц».

Чоастеа — см. *Цистуи*.

Chopped Oak — см. *Digălu'yătûñ'yĭ*.

Чоката — см. *Ицати*.

Чота, Чотте — см. *Ицати*.

Citico — см. *Sĭ'tikû'*.

Ясное небо — см. Искагуа.

Кленнус — см. *Тлануси'и*.

Кливленд — см. *Цицеции*.

Коца — см. *Ани-Куса*.

Коко — см. *Куку*.

Кохутта — см. *Гахути*.

Колане, Колона — см. *Калану*.

Конасауга — см. *Гансаги*.

Коннеросс — см. *Каван-урасуньи*.

Кууискуи — см. *Гувисгуви*.

Куса — см. *Ани-Куса* и *Куса*.

Кусавате — см. *Кусаветий*.

Корани — см. *Калану*.

Косса — см. *Ани'-Ку'са, Куса*.

Коуи — см. *Кави*.

Коуита, Коуэта — см. *Ани'-Кави'та*.

КОЙАТИ (различные варианты написания: Кавати, Койати, Койти, Койтой, Кай-а-ти) — бывшее поселение чероки на реке Литл-Теннесси, примерно в десяти милях ниже слияния с Теллико, примерно в районе нынешнего почтового отделения Койти в округе Лаудон, штат Теннесси. Правильная форма и этимология неизвестны.

КРИК-ПАТ — см. *Куса-нуньнахи*.

CROW-TOWN — см. *Kâgûñ'yĭ*.

CUHTAHLATAH — женщина из племени чероки, упомянутая в рукописи Вахненаухи как проявившая себя храбростью в бою. Правильная форма может иметь какое-то отношение к *gatûñ'lătĭ*, «дикий конопля».

КУЛЛАСАГИ — см. *Кулсеции*.

КУЛЛОУХИ, КУРРАХИ — см. *Гулахи*.

CUTTAWA — см. *Kĭtu'hwă*.

dăgan‘tû — «он вызывает дождь»; от *aga'skă*, «идет дождь», *aga'nă*, «начался дождь»; небольшая разновидность ящерицы, крик которой, как считается, предвещает дождь. Ее также называют *a'niganti'skĭ*, «они вызывают дождь» (множественное число), или «дождевой чародей». См. номер 59.

dagûl‘kû — американский белолобый гусь (*Anser albifrons gambeli*). Название может быть ономатопоэтическим. См. номер 6.

dăgû′nă — пресноводная мидия; также разновидность прыщей на лице.

Dăgûnâ′hĭ — «место мидий», от *dăgû'nă*, мидия, и *hĭ*, местный падеж. Мидийские отмели на реке Теннесси, в северо-западной Алабаме. Иногда его также называли просто *Tsu‘stănalûñ'yĭ*, «место отмелей». Ср. *U‘stăna'lĭ*.

Dăgû′năwe′lâhĭ — «Место мидийной печени», от *dăgû'nă*, мидия, *uwe'la*, печень, и *hĭ*, локатив; название чероки для места Нашвилл, Теннесси. В настоящее время нет никаких оснований для объяснения этого названия.

DAHLONEGA — город в округе Лампкин, штат Джорджия, недалеко от которого было добыто первое золото. В 1838 году там был основан монетный двор. Название происходит от слова чероки *dală'nige'i*, «желтый», откуда *ate'lă-dalâ'nige'i*, «желтые деньги», т. е. золото.

daksăwa′ihû — «он проливает слезы».

dăkwă′ — мифическая огромная рыба; также кит. См. номер 68.

Dăkwă′ĭ — «место Dăkwă», от предания о *dăkwă'* в реке в этом месте. Бывшее поселение чероки, известное торговцам как Toqua или Toco, на реке Литл Теннесси, около устья ручья Toco в округе Монро, штат Теннесси. См. номер 68. Похожее название и традиция связаны с местом на реке Френч-Брод, примерно в шести милях выше Уорм-Спрингс, в округе Банкомб, Северная Каролина. См. номер 122.

dakwa′nitlastestĭ — «Я буду носить их на ногах как подвязки»; от *anitla′stĭ* (множественное число *dinitla′stĭ*), подвязка; *d-*, начальная форма множественного числа; *akwă*, частица первого лица; и *estĭ*, суффикс будущего времени. См. номер 77.

da′lĭkstă′ — «рвота», от *dagik′stihû′*, «я рвота», *dalikstă′*, «он рвота» (постоянно); форма множественного числа. Распространяющаяся гадюка (*Heterodon*), также иногда называемая *kwandăya′hû*, слово с неопределенной этимологией.

Da′‘nägâstă — от *Da′‘năwă-gâsta′yă*, «острый воин», т. е. «рьяный воин»; имя женщины из племени чероки.

Da′‘nawa-(a)sa‘tsûñ′yĭ «Военный брод», от *da′‘nawa*, война, и *asa‘tsûñ′yĭ*, переправа или брод. Брод на реке Чеова примерно в трех милях ниже Роббинсвилля, в округе Грэм, Северная Каролина. См. номер 122.

Danda′gănû′ — «Двое смотрят друг на друга», от *detsi′gănû′*, «Я смотрю на него». Бывшее поселение чероки, широко известное как город Лукаут-Маунтин, на ручье Лукаут-Маунтин, недалеко от современного Трентона, округ Дейд, штат Джорджия. Один из городов Чикамауга (см. *Tsĭ′kăma′gi*), названный так из-за вида гор, стоящих друг напротив друга через реку Теннесси в Чаттануге.

Da′si‘giya′gĭ — старое мужское имя, этимология которого сомнительна, но которое торговцы обычно переводили как «Shoe-boots» (ботинки-сапоги), возможно, имея в виду какой-то особый стиль мокасин или гетр. Вождь, известный белым как Shoe-boots, упоминается в документах времен Революции. Вождь Ллойд Уэлч из восточного племени был известен в племени как Da′si‘giya′gĭ, и то же имя сейчас используется восточными чероки как эквивалент имени Ллойд.

Da′skwĭtûñ′yĭ — «Место стропил», от *daskwitûñ′ĭ*, «стропила», и *yĭ*, местный падеж. Бывшее поселение на ручье Тусквити, недалеко от Хейсвилля, в округе Клэй, Северная Каролина.

dasûñ′tălĭ — муравей; *dasûñ′tălĭ atatsûñ′skĭ* — «жалящий муравей», большой красный муравей-корова (*Myrmica?*), также иногда называемый, из-за своего твердого панциря, *nûñ′yunu′wĭ* — «обшитый камнем», в честь сказочного чудовища. См. номер 67.

Datle′yăsta′ĭ — «Место, где они упали», точка на реке Такасиги, недалеко от Вебстера, в округе Джексон, Северная Каролина. О традиции см. номер 122.

dâtsĭ — традиционное водное чудовище. См. номер 122.

Dâtsi′yĭ — «место Dâtsĭ»; место на реке Литл-Теннесси, недалеко от слияния с ручьем Игл, в округе Свейн, Северная Каролина. См. номер 122.

Datsu′nălâsgûñ′yĭ — «где есть следы или отпечатки», от *ulâ′sinûñ′yĭ* или *ulâsgûñ′yĭ*, отпечаток. Ущелье Track Rock, недалеко от Блэрсвилля, штат Джорджия. Иногда также называется *De′găyelûñ′hă*, «место клейм»; (*digăletănûñ′hĭ*, клейменный или отпечатанный). См. номер 125.

dâ′yĭ — бобр.

Dayûlsûñ′yĭ — «Место, где они плакали», место на хребте у истоков реки Такасеги, в округе Джексон, Северная Каролина; так называется по старой традиции. См. номер 80.

dâ′yuni′sĭ — «внук бобра», от *dâ′yĭ* , бобр, и *uni′sĭ*, ребенок сына, любого пола (ребенок дочери, любого пола, *uli′sĭ*). Водяной жук или мягкий жук (*Dineutes discolor*).

Degal‘gûñ′yĭ — каменный курган, буквально «место, где они сложены»; ряд каменных курганов на южной стороне реки Чеова, в округе Грэм, Северная Каролина. См. номер 122.

De′gătâ′gă — черокийское имя генерала Стэнда Уэйти и известного восточного вождя, известного белым как Такатока. Слово происходит от *tsitâ′gă*, «я стою», *da‘nitâ′gă*, «они стоят вместе», и передает тонкий смысл двух человек, стоящих вместе и настолько тесно связанных симпатией, что образуют одно человеческое тело.

De′găyelûñ′hă — см. *Datsu′nalâsgûñ′yĭ.*

detsănûñ′lĭ — огороженное или ровное место, очищенное для церемониальных целей; применяется, в частности, к месту проведения танца зеленого кукурузы. Это слово имеет форму множественного числа, но его нельзя однозначно проанализировать.

De′tsătă — дух чероки. См. номер 78.

detsinu′lăhûñgû′ — «Я пытался, но не смог».

Dida‘lâski′yĭ — «Место дождя». В рассказе (номер 17) это название понимается как «Место, где идет огненный дождь». Однако буквально оно означает место, где идет дождь или что-то падает и оседает на чем-то одушевленном, и не имеет определенного отношения к огню (*atsi′la*) или дождю (*ागăskă*, «идет дождь»); *dega‘lâskû′*, «они падают и оседают на нем».

Дидаскастии — «Где они боялись друг друга». Место на реке Литл Теннесси, недалеко от устья ручья Аларка, в округе Свейн, Северная Каролина. См. номер 122.

diga′gwănĭ′ — болотная курица или дидаппер (*Gallinula galeata*). Название является формой множественного числа и означает «хромой» или «с костылями» (ср. *detsi′nigwă′nă*, «я стою на коленях»), вероятно, из-за прыгающих движений птицы в воде. Это также название танца.

Diga′kati′yĭ — см. *Gakati′yĭ.*

di′gălûñgûñ′yĭ — «где оно поднимается или восходит»; восток. Священный термин — *Nûñdâ′yĭ*, см.

digălûñ′lătiyûñ — высота, одна из серии, от *galûn′lătĭ*, «выше». См. номер 1.

Digălu′yătûñ′yĭ — «где он рассечен (топорами)»; от *tsilu′yû*, «я рублю (рубящим ударом)», *di*, приставка множественного числа, и *yĭ*, местный падеж. Рубленный дуб, ранее находившийся к востоку от Кларксвилля, штат Джорджия. См. номер 125.

Digăne′skĭ — «Он их подбирает» (по привычке), от *tsĭne′û*, «Я подбираю». Солдат из племени чероки, участвовавший в гражданской войне. См. стр. 171.

digi′găge′ĩ — множественное число от *gi′găge′ĭ*, красный.

digû′lanăhi′ta — для *digû′lĭ-anăhi′ta*, «имеющий длинные уши», «длинноухий»; от *gûlĕ*, «ухо» и *gûnahi′ta*, «длинный».

Dihyûñ′dulă′ — «ножны» или «пистолетные кобуры»; единственное число *ahyûñ′dulă′*, «ножны для пистолета» или другие кобуры. Вероятно, правильная форма имени, которое в документах времен революции фигурирует как «Untoola, or Gun Rod».

diktă′ — множественное число от *aktă′*, глаз.

dĭlă′ — скунс.

dilsta′ya‘tĭ — «ножницы»; паук-водяной (Dolomedes).

dinda′skwate′skĭ — фиалка; название означает «они отрывают друг другу головы».

dine′tlănă — творение.

di‘nûskĭ — «разводчик»; разновидность кустарника smilax brier. См. номер 126.

Disgâ′gisti′yĭ — «где они грызут»; место на реке Чеова, в округе Грэм, Северная Каролина. См. номер 122.

diskwa‘nĭ — «каштановый хлеб», т. е. разновидность хлеба с добавлением каштанов. Черокийское имя Джеймса Блайта, переводчика и клерка агентства.

distai′yĭ — «они сильные», множественное число от *astai′yĭ*, «сильный или крепкий». *Тефрозия* или «дьявольская веревка». См. номер 126.

dista′stĭ — мельница (общий термин).

dita′stayeskĭ — «парикмахер», буквально «тот, кто стрижет» (как ножницами), от *tsista′yû*, «я стригу» (как ножницами). Иногда так называют сверчка (*tăla′tŭ*). См. номер 59.

Diwa′‘lĭ — «Чаша», видный вождь западных чероки, известный белым как Чаша или полковник Боулз, убитый техасцами в 1839 году. Вождь, упомянутый на странице 100, возможно, был другим человеком с таким же именем.

diyâ′hălĭ (или *duyâ′hălĭ*) — ящерица-аллигатор (*Sceloporue undulalus*). См. номер 59.

Diyâ′hăli′yĭ — «Место ящериц», от *diyâ′hălĭ*, ящерица, и *yĭ*, местоимение. Джоанна Болд, гора у истоков реки Вэлли, на границе округов Чероки и Грэм, Северная Каролина. О традиции см. номер 122; также номер 59.

Двуглавый — см. *Tăl-tsu′skă′*.

Dragging-canoe — см. *Tsi′yu-gûnsi′nĭ*.

Дудуньлексуньи — «Где были сломаны ноги»; место на реке Такасиги, в нескольких милях выше Вебстера, в округе Джексон, Северная Каролина. См. номер 122.

Дугилуи (сокращенно *Дугилу*, обычно пишется Тугалу, иногда Тугела или Тугула) — название, встречающееся в нескольких местах на территории старинной страны чероки, наиболее известное из которых — река Тугалу, названная так в честь бывшего поселения чероки с таким же названием, расположенного на слиянии ручья Токкоа с главным руслом в округе Хабершам, штат Джорджия. Этимология этого слова неясна, но, по-видимому, оно относится к месту на развилке ручья.

Dûksa′ĭ, Dûkw‘sa′ĭ — правильная форма названия, обычно пишущегося как Toxaway, применяемого к бывшему поселению чероки в Южной Каролине и ручью, на котором оно стояло, крайнему истоку реки Keowee, берущей начало в округе Джексон, Северная Каролина. Значение названия утрачено, хотя оно было ошибочно интерпретировано как «Место проливания слез». См. номер 123.

Dulastûñ′yĭ — «Место черепков». Бывшее поселение чероки на реке Ноттли в округе Чероки, Северная Каролина. См. номер 122.

dule′tsĭ — «ядра», зоба на горле.

dulu′sĭ — разновидность лягушки, обитающая в верховьях реки Саванна. См. номер 125.

Duniya‘ta‘lûñ′yĭ — «место, где есть уступы или плоские места», от *aya‘te′nĭ*, плоский, откуда *da′ya‘tana‘lûñ′ĭ′*, уступ, и *yĭ′*, местоимение. Проход в горном хребте Грейт-Смоки, недалеко от купола Клингмана, округ Свейн, Северная Каролина. См. примечания к номеру 100.

Dunidû′lalûñ′yĭ — «Где делали стрелы»; место на ручье Стрейт, верховье реки Оконалуфти, в округе Свейн, Северная Каролина. См. номер 122.

Дунисквальгуньи — двойная вершина, известная как Chimney Tops, в горах Great Smoky, около истока Deep Creek, в округе Свейн, Северная Каролина. На северной стороне находится перевал, известный как Indian Gap. Название означает «раздвоенный рог», от *uskwa‘lgû*, рог, но указывает на то, что рог прикреплен на месте, как будто сам олень скрыт под ним.

Дустаялуньи — «Место, где раздался шум, похожий на гром или выстрел», по-видимому, имеется в виду удар молнии (*detsista′hihû*, «я издаю шум, похожий на выстрел или гром», возможно, форма первого лица, используемая олицетворенным богом грома); место на реке Хивасси, около слияния с ручьем Шутинг, недалеко от Хейсвилля, в округе Клэй, Северная Каролина. Бывшее поселение вдоль ручья носило то же название. См. номер 79.

du′stu′ — вид лягушки, появляющийся очень рано весной; название является ономатопеей. Это — правильная форма имени вождя, отмеченного Маккенни и Холлом как «Tooantuh или Весенняя лягушка».

DUTCH — см. *Tătsĭ′*.

duwĕ‘gă — весенняя ящерица. См. номер 59.

ТАНЕЦ ОРЛА — см. *Tsugidû‘lĭ′ Ûlsgi′stĭ*.

EASTINAULEE — см. *U‘stăna′lĭ*.

ЭХОИ — см. *Ицеи*.

ЭЧОТА — см. *Иццати*.

Эдахи — «Он ходит» (по привычке); мужское имя.

Эчота, Новый — см. *Гэнсаги*.

edâ′tă — мой отец (верхний диалект); форма среднего и нижнего диалектов — *agidâ′tă*.

eduʹtŭ — мой дед по материнской линии (верхний диалект); форма среднего и нижнего диалектов — *agidu'tŭ*; ср. . *eni'sĭ*.

eʹgwa — великий; ср. . *u'tănû*.

egwâʹnĭ — река.

Egwânul‘tĭ — «У реки», от *egwâ'nĭ*, река, и *nu'lătĭ* или *nul‘tĭ*, рядом, возле. Правильная форма Oconaluftee, название реки, протекающей через резервацию восточных чероки в округах Свейн и Джексон, Северная Каролина. Город чероки «Оконалуфти», упомянутый Бартрамом как существовавший около 1775 года, вероятно, находился в нижнем течении реки на месте нынешнего Бердтауна, в резервации, где раньше был значительный курган.

elă — земля, почва.

eʹlădĭʹ — низкий, ниже; в нижнем диалекте *e'rădĭ'*, откуда происходит Ayrate или нижний чероки Адаира, в отличие от Ottare (*â'tărĭ, â'tălĭ*) или верхнего чероки.

elanti — песенная форма для *e'lădĭ*, см.

Elătseʹyĭ (сокращенно *Elătse'*) — возможно, «зеленая (поросшая зеленью) земля», от *elă*, земля, и *itse'yĭ*, зеленый, от свежей весенней растительности. Название нескольких бывших поселений чероки, широко известных белым как Эллиджей, Эледжой или Аллагай. Одно из них находилось на верховьях реки Кеоуи в Южной Каролине; другое — на ручье Эллиджей реки Литл Теннесси, недалеко от нынешнего Франклина, в округе Мейкон, Северная Каролина; еще одно — около нынешнего Эллиджей в округе Гилмер, Джорджия; и еще одно — на ручье Элледжой реки Литл, недалеко от нынешнего Мэривилля, в округе Блаунт, Теннесси.

Элавадий (сокращенно *Элавади*) — «место красной земли» от *эла* — земля, *вади* — коричнево-красная или красная краска, и *йи* — местоимение. 1. Название чероки поселения Йеллоу-Хилл, ныне официально известного как Чероки, почтового отделения и штаб-квартиры агентства Восточного Чероки, на реке Оконалуфти в округе Свейн, Северная Каролина. 2. Бывшее место заседаний совета, известное в истории как Ред-Клэй, на месте нынешней деревни с таким же названием в округе Уитфилд, штат Джорджия, граничащем с Теннесси.

Эллиджей — см. *Элатсей*.

eniʹsĭ — мой дед по отцовской линии (верхний диалект); форма среднего и нижнего диалектов — *agini'sĭ*. Ср. *edu'tŭ*.

Eskaqua — см. Iskagua.

Эстанаула, Эстинаула — см. *Устанали*.

Ĕtăwaʹhă-tsistatlaʹskĭ — «Мертвое дерево-зажигалка», традиционный чародей чероки. См. номер 100.

e‘tĭ или etĭ — старый, давний.

Etowah — см. *I'tăwă'*.

Эцайи — см. *Уньцайи*.

etsĭ′ — моя мать (верхний диалект); форма среднего и нижнего диалектов — *agitsĭ′*.

EUHARLEE — см. *Yuha′lĭ′*.

ТАНЕЦ С ПЕРЬЯМИ — см. *Tsugidû‘lĭ, Ûlsgi′stĭ*.

ГОРОД-БОЕЦ — см. *Walâs′-unûlsli′yĭ*.

ЛЬНЯНОЙ ТОТЕР — см. *Tâle′danigi′skĭ*.

ЛЕТУЧАЯ БЕЛКА — см. *Kâ′lahû′*.

ФРАНЦУЗСКИЙ БРОД — см. *Унтакиястии*.

ГОРОД ЛЯГУШЕК — см. *Walâsi′yĭ*.

Гадалулу — собственное название горы, известной белым как Йона (от *yânû*, «медведь»), или верхняя часть реки Чаттахучи, в округе Уайт, штат Джорджия. Название не имеет отношения к Таллуле (см. *Tălulŭ′*) и не поддается переводу.

Gadalu′tsĭ — в искаженной форме Cataluchee это название появляется на карте как название вершины, или, скорее, хребта, на границе округов Свейн и Хейвуд в Северной Каролине, а также ручья, стекающего со стороны Хейвуда в реку Биг Пиджен. Это название относится только к хребту и, по-видимому, означает «вертикально стоящая бахрома», очевидно, из-за внешнего вида деревьев, растущих полосами вдоль склона горы; от *wadălu′yătă*, бахрома, *gadû′tă*, «стоящий в ряд или серии».

găhăwi′sita — высушенная кукуруза; Хокинс неправильно написал *wissactaw*. См. примечание под номером 83.

Gahûtĭ (*Gahû′tă* и *Gwahû′tĭ* в диалектных формах) — гора Кохутта в округе Мюррей, штат Джорджия. Название происходит от *gahûtâ′yĭ*, «навесная крыша, поддерживаемая столбами», и относится к воображаемому сходству с вершиной.

Gakăti′yĭ — «Место освобождения»; иногда употребляется во множественном числе, *Diga′kăti′yĭ*, «Место их освобождения». Точка на реке Такасиги примерно в трех милях выше города Брайсон-Сити, в округе Свейн, Северная Каролина. См. номер 122.

gaktûñ′ta — предписание, приказ или правило, в частности запрет или церемониальное табу. *Tsiga‘te′gû*, «Я соблюдаю предписание или табу»; *adakte′gĭ*, «он подчиняется правилам табу».

Gălăgi′na — самец оленя (олень) или индейки (индюк); в первом значении это название иногда используется также для обозначения большого рогатого жука (*Dynastes tityus?*). Индийское имя Элиаса Будино, первого редактора чероки. См. страницу 111.

găli′sgisidâ′hû — я танцую; от *găli′sgiă′*, «я танцую», и *edâhû′*, «я хожу».

gălûñkw′ti′yu — почитаемый, священный; используется в Библии в значении «святой, освященный».

gălûñ′lătĭ — выше, на высоте.

găne′ga — кожа.

ganidawâ′skĭ — кампион, ловушка для мух или «хозяин гремучей змеи» (*Silene stellata*); название означает «разъединяется», от *ganidawâskû′*, «разъединяется», из-за своеобразного способа, которым высохший стебель отрывается в местах соединений.

Гансаги (или *Гансагий*) — название нескольких бывших поселений на территории старинной страны чероки; оно не поддается анализу. Один город с таким названием находился на реке Такасиги, недалеко от современного города Вебстер в округе Джексон, штат Северная Каролина; другой — в нижней части ручья Канасауга, в округе Макминн, штат Теннесси; третий — на слиянии рек Конасауга и Кусауати, где впоследствии была основана столица чероки, Нью-Эчота, в округе Гордон , штат Джорджия; четвертый, упомянутый в рассказах Де Сото как Канасога или Канасагуа, в 1540 году находился в верховьях реки Чаттахучи, возможно, в окрестностях горы Кенесо, штат Джорджия (см. стр. 197).

Гансайти — «Место грабежа», от *tsina′sahûñskû′*, «Я граблю его». Ручей Венджанс реки Вэлли, в округе Чероки, Северная Каролина. Имя Венджанс изначально было прозвищем, данным белыми старой женщине из племени чероки, имевшей устрашающий вид, которая жила там до переселения. См. номер 122.

Gănsĕ‘tĭ — погремушка; поскольку погремушка для танца чероки изготавливается из тыквы, белые обычно переводят мужское имя Gănsĕ‘tĭ как «погремушка-тыква».

gatayûstĭ — игра с колесом и палкой южных племен, неправильно названная Тимберлейком *nettecawaw*. См. примечание под номером 3.

Gâtegwâ′ — для *Gâtegwâ′hĭ*, возможно, сокращение от *Igât(ĭ)-egwâ′hĭ*, «Великое болото (-заросли) место». Высокая вершина к юго-востоку от Франклина, округ Мейкон, Северная Каролина, и, возможно, идентичная горе Фоддерстак. См. номер 75.

ga′tsû — см. *hatlû′*.

Gatu′gitse′yĭ (сокращенно *Gatu′gitse′*) — «Место нового поселения», от *gatu′gĭ* или *sgatu′gĭ*, город, поселение, *itse′hĭ*, новый, особенно применительно к новой растительности, и *yĭ*, местный падеж. Бывшее поселение на ручье Картугаджа реки Литл Теннесси, выше Франклина, в округе Мейкон, Северная Каролина.

Gatuti′yĭ — «Место строительства города» или «Место поселения», от *gatu′gĭ*, поселение, и yĭ , местный падеж. Место на ручье Сантитла, недалеко от Роббинсвилля, в округе Грэм, Северная Каролина. См. номер 122.

Gatûñ′lti′yĭ — «Место конопли», от *gatûñ′lătĭ*, «дикая конопля» (*Apocynum cannabinum*), и *yĭ*, локатив. Бывшее поселение чероки, широко известное как Хемптаун, на ручье с таким же названием, недалеко от Моргантона, в округе Фаннин, штат Джорджия.

Gatûñ′wa‘lĭ — известный западный чероки около 1842 года, известный белым как «Hard-mush» или «Big-mush». *Gatûñ′wa‘lĭ*, от *ga′tŭ′*, «хлеб», и *ûñwa′‘lĭ*, «сделанный в виде шариков или комочков», — это своего рода каша из жареной кукурузной муки, приготовленная очень густой, так что ее можно вычерпывать комочками, почти по консистенции напоминающими хлеб.

ge′ĭ — вниз по течению, вниз по дороге, по течению; *tsâ′gĭ* — вверх по течению.

gese′ĭ — был; отдельное слово, которое, когда используется после глагола в настоящем времени, превращает его в прошедшее время без изменения формы; в форме *hi′gese′ĭ* оно обычно сопровождает подчеркнутое повторение.

Ge‘yăgu′ga (для *Age′hyă-guga*?) — формульное название луны (*nûñ′dă′*); оно не поддается анализу, но, по-видимому, содержит слово *age′hyă*, «женщина». См. также *nûñ′dă′*.

gigă — кровь; ср. *gi′găge′ĭ*, красный.

gi′gă-danegi′skĭ — «кровь принимающий», от *gigă*, кровь, и *ada′negi′skĭ*, «тот, кто принимает жидкости», от *tsi′negiă′*, «я принимаю» (жидкость). Другое название для *tsâne′nĭ* или скорпиона-ящерицы. См. номер 59.

gi′găge′ĭ — красный, ярко-красный, алый; коричневато-красный цвет некоторых животных и глин обозначается как *wâ′dige′ĭ*.

gi′gă-tsuha′‘lĭ — «кровавый рот», буквально «с кровью по углам рта»; от *gigă* , кровь, и *tsuhănûñsi′yĭ*, углы рта (*ăha′lĭ*, его рот). Крупная ящерица, вероятно, *Pleistodon*. См. номер 59.

gi‘lĭ′ — собака; в нижнем диалекте *gi‘rĭ′*.

Gi‘lĭ′-dinĕhûñ′yĭ — «Где живут собаки», от *gi‘lĭ′*, собака, *dinĕhû′*, «они живут» (*ĕhû*, «я живу»), и *yĭ*, местный падеж. Место на реке Оконалуфти, недалеко от Чероки, в округе Свейн, Северная Каролина. См. номер 122.

Gi‘lĭ′-utsûñ′stănuñ′yĭ — «Где бежала собака», от *gi‘lĭ′*, собака, и *utsûñ′stănûñ′yĭ*, «следы, оставленные бегущим животным»; Млечный Путь. См. номер 11.

ginûnti — песенная форма от *ginû'tiĭ'*, «положить его (одушевленный объект) на землю». См. номер 75.

gi‘rĭ′ — см. *gi‘lĭ'*.

Gisehûñ′yĭ — «где живет женщина», от *agi'sĭ*, «женщина», и *yĭ*, «местонахождение». Место на реке Тукасеги, недалеко от города Брайсон-Сити, округ Свейн, Северная Каролина. См. номер 122.

gitlû′ — волосы (верхний диалект); в среднем и нижнем диалектах — *gitsû'*.

gitsû′ — см. *gitlû'*.

GLASS, THE — см. *Ta'gwădihi'*.

GOHOMA — вождь нижних чероки в 1684 году; форма не может быть идентифицирована. См. страницу 31.

GOING-SNAKE — см. *I'nădûna'ĭ*.

GORHALEKE — вождь нижних чероки в 1684 году; форма не может быть идентифицирована. См. страницу 31.

БОЛЬШОЙ ОСТРОВ — см. *Ămăye‘l-e'gwa*.

GREGORY BALD — см. *Tsistu'yĭ*.

ГУАЧУЛЕ — см. ГУАКСУЛЕ.

ГУАКИЛИ (*Вакили*) — город в стране чероки, посещенный Де Сото в 1540 году, а затем в 1567 году Пардо, который называет его Агуакири (см. страницы 25 и 28). Название может иметь отношение к *wagulĭ'*, «свистун», или к *u-)wâ'gi‘lĭ*, «пена».

ГУАСУЛА — см. ГУАКСУЛЕ.

ГУАСИЛИ — см. ГУАКСУЛЕ.

ГУАКСУЛЕ — город в стране чероки, посещенный Де Сото в 1540 году; в повествованиях пишется по-разному: Гуасили, Гуачуле, Гуасула, Гуаксуле, Куаксуле и т. д. Вероятно, он находился примерно в местечке Накучи, в округе Уайт, штат Джорджия. Было высказано предположение, что испанцы, возможно, изменили индейское название, чтобы оно напоминало название города в Испании. См. страницы 26 и 194.

gû′daye′wû — «Я сшил себя»; «Я шью», *tsiye'wiă'*; «Я шью себя», *gûdayewiû*. См. номер 31.

gŭgwĕ′ (или *g‘gwĕ'*) — перепел или куропатка; название является ономатопоэтическим.

gŭgwĕ′-ulasu′la — «куропаточный мокасин», от *gŭgwĕ'* или *g‘gwĕ'*, куропатка, и *ulasula*, мокасин или обувь; бабочка (*Cypripedium*).

Gûlâhi′yĭ (сокращенно *Gûlâhi'* или *Gûrâhi'* в нижнем диалекте) — «место Gûlâ′hĭ», названное так из-за неизвестного весеннего растения, которое чероки едят в салатах. Название двух или более мест в старой стране чероки; одно около горы Куррахи в округе Хабершам, штат Джорджия,

другое на реке Каллоухи, верхнем притоке Тукасеги, в округе Джексон, штат Северная Каролина. Куррахи Дик был известным вождем около 1820 года.

Гуланий — поселение чероки и натчез, ранее находившееся около слияния ручья Брастаун с рекой Хивасси, недалеко от Мерфи, в округе Чероки, Северная Каролина. Этимология слова сомнительна.

gulĕ′ — желудь.

гуле-дисканихи — горлица; буквально «она плачет или скорбит о желудях», от *гуле* — желудь и *дисканихи* — «она плачет о них» (*ди-*, приставка множественного числа, *-хи*, суффикс привычности). Горлица питается желудями, и ее крик чем-то напоминает название *gulĕ′*.

gûle′gĭ — «лазающий», от *tsilahĭ′*, «я лазаю» (второе лицо, *hĭ′lahĭ′*; третье лицо, *gûlahĭ′*); черная змея (*Bascanion constrictor*).

Gûl‘kăla′skĭ — более раннее название *Tsunu′lăhûñ′skĭ*, см.

gûl‘kwâ′gĭ — семь; также землеройка (*Gryllotalpa*). См. номер 59.

gûl‘kwâ′gine(-ĭ — седьмой; от *gûl‘kwâgĭ*, семь.

Гулсадих (или *Гулцадих*?) — мужское личное имя, этимология которого неясна.

GUMLOG — см. *Tsilalu′hĭ*.

gûnăhi′ta — длинный.

Gû′năhitûñ′yĭ — «Длинное место» (т. е. Длинная долина), от *gûnăhita*, длинный, и *yĭ*, местный падеж. Бывшее поселение, известное белым как Вэллитаун, где сейчас находится одноименный город на реке Вэлли, в округе Чероки, Северная Каролина. Различные поселения на реке Вэлли и прилегающей части Хивасси были известны под общим названием «города Вэлли».

Gûn′-dĭ′gaduhûñ′yĭ (сокращенно *Gûn′-dĭgadu′hûñ*) — «поселение индейцев» (*gû′nă*, индейцы), названное в честь вождя Туркея или Маленького Туркея. Бывшее поселение, известное белым как Туркейтаун, на западном берегу реки Куса, напротив нынешнего Центра, в округе Чероки, штат Алабама.

gû′nî′ — стрела. Ср. сенека *ga’na’*.

gûñ′năge′ĩ (или *gûñ′năge*) — черный.

Gûññĕ′hĭ — см. *Nûññĕ′hĭ*.

Gûñskăli′skĭ — мужское личное имя неопределенной этимологии.

ГАНТЕРС ЛЭНДИНГ, ГАНТЕРСВИЛЛ — см. *Куса-Нуньнахи*.

Gûn-tsuskwa′‘lĭ — «Короткие стрелы», от *gûnĭ′*, стрела, и *tsuskwa′‘lĭ*, множественное число от *uskwa′‘lĭ*, короткий; традиционное западное племя. См. номер 105.

Gûnûñ′da‘le′gĭ — см. *Nûññâ′hĭ-dihĭ′*.

Gustĭ′ — традиционное поселение чероки на реке Теннесси, недалеко от Кингстона, округ Роан, штат Теннесси. См. номер 79. Название не поддается анализу. Уэффорд считал, что это попытка чероки сказать «Кингстон», но, скорее всего, это слово имеет аборигенное происхождение.

Gu′wisguwĭ′ — название вождя Джона Росса и района, названного в его честь, обычно пишется как Cooweescoowee. Собственно, это ономатопея, обозначающая крупную птицу, которую, как говорят, раньше нечасто видели в старой стране чероки, сопровождавшую мигрирующих диких гусей и описываемую как похожую на крупного бекаса с желтыми ногами и неперепончатыми лапами. В детстве Джон Росс был известен как Цан-усди, «Маленький Джон».

Gwal‘gâ′hĭ — «Место лягушек», от *gwal‘gû*, разновидность лягушки, и *hĭ*, местоимение. Место на реке Хивасси, чуть выше слияния с ручьем Пичтри, недалеко от Мерфи, в округе Чероки, Северная Каролина; около 1755 года здесь находилась деревня беженцев Натчез, а позже — баптистская миссия.

gwehe′! — крик сверчка. См. номер 119.

ha! — вступительное восклицание, предназначенное для привлечения внимания или добавления выразительности; примерно соответствует *«Эй! Сейчас!»*.

ha′-ma′ma′ — термин из песни, состоящий из *ha!* — вводного восклицания, и *mămă′* — слова, которое не поддается анализу, но используется в разговоре с маленькими детьми в значении «позволь мне понести тебя на спине». См. номер 117.

Hanging-maw — см. *Uskwâ′li-gû′tă*.

ha′nia-lĭl′-lĭl′ — бессмысленный танцевальный рефрен. См. номер 24.

Hard-mush — см. *Gatûñ′wa‘lĭ*.

ha′suyak′ — форма песни для *hasuya′gĭ′*, «(ты) выбери» (повелительное наклонение); «Я выбираю или отбираю», *ga′suyăgiû′*; второе лицо, *ha′suyăgiû′*. См. номер 19.

ha′tlû — диалектная форма, *ga′tsû*, «где?» (вопросительная форма).

ha′wiye′ĕhĭ′, ha′wiye′-hyuwe′ — бессмысленные танцевальные рефрены. См. номера 32 и 118.

hayû′ — выразительное утверждение, примерно эквивалентное «Да, сэр!» См. номер 115.

hayuya′haniwă′ — бессмысленный припев в одной из песен о медведе. См. номер 75.

he-e! — бессмысленное вступление к песне.

Перевозчик конопли — см. *Tâle′danigi′skĭ*.

Конопляный город — см. *Гатуньлти′и*.

hi! — бессмысленное восклицание в танце.

hi′gĭna′lĭĭ — «(ты) мой друг»; *agina′lĭĭ*, «(он) мой друг». На жаргоне белых людей — *canaly*.

Гикори-лог — см. *Ване′асуньтлуньи*.

ХАЙТАУЭР — см. *Итава*.

hĭla′gû? — сколько? сколько? (Верхний диалект); форма среднего диалекта — *hûñgû′*.

hĭlahi′yu — давно; конечная буква *yu* делает слово более выразительным.

hi′lûñnû — «(ты) иди спать»; от *tsĭ′lihû′*, «я сплю».

hĭ′skĭ — пять; ср. могавк *wĭsk*. Числа чероки, включая 10, следующие: *sâ′gwû, tă′lĭ, tsâ′ĭ, nûñ′gĭ, hĭ′skĭ, su′tălĭ, gûl‘kwâ′gĭ, tsune′la, sañne′la, askâ′hĭ*.

HIWASSEE — см. *Ayuhwa′sĭ*.

hi′yagu′wĕ — бессмысленный танцевальный рефрен. См. номер 32.

ХЬЮСТОН, СЭМЮЭЛ — см. *Калану*.

hûñgû — см. *hĭla′gû*.

huhu — желтогрудая мухоловка, или желтая пересмешница (*Icteria virens*); название является ономатопеей. См. номер 45.

hûñyahu′skă — «он умрет».

hwĭ′lahĭ — «ты (должен) уйти».

igăgû′tĭ — дневной свет. Это название иногда применяется к *ulûñsû′tĭ* (см. там же), а также к лиане клематиса.

i′hya — тростник (*Arundinaria*) из штатов Персидского залива, используемый индейцами для изготовления духовых ружей, удочек и плетения корзин.

ihyâ′ga — см. *atsil′sûñ‘tĭ*.

i′nădû′ — змея.

I′nădû-na′ĭ — «Идущая змея», вождь чероки, прославившийся около восьмидесяти лет назад. Название означает, что человек «идет вместе со змеей», глагольная часть происходит от неправильного глагола *asta′ĭ*, «я иду вместе с ним». Название было дано району современной нации чероки.

i′năgĕ′hĭ — живущий в пустыне, обитатель пустыни; от *i′năge′ĭ*, «пустыня», и *ĕhĭ*, привычная форма настоящего времени от *ĕhû*, «он живет»; *gĕ′û*, «я живу».

I′năge-utăsûñ′hĭ — «тот, кто вырос в пустыне», т. е. «тот, кто вырос диким»; от *i′năge′ĭ*, «пустыня, незаселенная лесная местность», и *utăsûñ′hĭ*, третье лицо совершенного вида неправильного глагола *ga′tûñskû′*, «я расту».

Inâ′lĭ — Черная лиса; обычная рыжая лиса — *tsu′lă* (в языке мускоги — *chula*). Черная лиса была главным вождем племени чероки в 1810 году. См. стр. 86.

ИСКАГУА — «Иакагуа или Ясное небо, ранее Ненетуя или Кровавый товарищ». Это имя встречается в документе 1791 года как имя вождя чероки, часто упоминаемого в тот период под

именем «Кровавый товарищ». В одном договоре оно указано как «Эскаква или Кровавый товарищ». Обе формы и этимологии сомнительны, ни одна из форм, по-видимому, не имеет отношения ни к «небу» (*gălûñ'lăhĭ*), ни к «крови» (*gi'ga*). Первая может означать *Ик-егва*, «Великий день». См. страницу 69.

Истанаре — см. *Устанали*.

Исунигу — важное поселение чероки, широко известное белым как Сенека, ранее находившееся на реке Кеоуи, около устья ручья Коннеросс, в округе Окони, Южная Каролина. Хоупвелл, загородная резиденция генерала Пикенса, где был заключен знаменитый договор, находился рядом с ним, на восточном берегу реки. Это слово не поддается переводу, но не имеет никакого отношения к названию племени сенека.

Итаба — см. *Итава*.

Итагунахи — черокийское имя Джона Акса.

I′tăwă′ — название одного или нескольких поселений чероки. Одно из них, существовавшее до переселения в 1838 году, находилось на реке Этова, примерно в районе современного Хайтауэра, в округе Форсайт, штат Джорджия. Другое, возможно, находилось на ручье Хайтауэр (Hightower) реки Хиваси ( ) в округе Таунс, штат Джорджия. Название, обычно пишущееся как Etowah и искаженное до Hightower, не поддается переводу и, по-видимому, не имеет черокийского происхождения. Город под названием Итаба, Итауа или Итава, упоминаемый в хрониках Де Сото, существовал в 1540 году среди индейцев криков, по-видимому, на реке Алабама.

Itsă′tĭ — обычно пишется Echota, Chota, Chote, Choquata (опечатка) и т. д.; название, встречающееся в нескольких местах в старой стране чероки: значение утрачено. Самое важное поселение с этим названием, часто называемое Великой Эчотой, находилось на южной стороне реки Литл-Теннесси, недалеко от ручья Ситико в округе Монро, штат Теннесси. Это была древняя столица и священный «город мира» нации. Малая Эчота находилась на ручье Саути (т. е. *Итса'ти*), верховье реки Чаттахучи, к западу от Кларксвилля, штат Джорджия. Новая Эчота, столица нации в течение нескольких лет до переселения, была основана в месте, первоначально известном как *Гансаги* (см.), на слиянии рек Оостанаула и Конасауга, в округе Гордон, штат Джорджия. Иногда ее называли Ньютаун. Старая миссия Македония на ручье Соко, в резервации Северной Каролины, также известна чероки как Итсати, как и великий курган Накучи. См. *Нагуци*.

Itse′yĭ — «Новое зеленое место» или «Место свежей зелени», от *itse'hĭ*, «зеленая или незрелая растительность», и *yĭ*, локатив; применяется, в частности, к участку земли, озелененному свежей весенней растительностью после вырубки леса или выжигания. Название, встречающееся в нескольких местах на территории старого племени чероки, по-разному пишется как Echia, Echoee, Etchowee, а иногда также неправильно переводится как «Brasstown» из-за путаницы *Itse'yĭ* с *ûñtsaiyĭ'*, «латунь». Одно поселение с таким названием находилось на ручье Брастаун реки Тугалу в округе Окони, Южная Каролина; другое — на реке Литл Теннесси недалеко от современного Франклина, округ Мейкон, Северная Каролина, и, вероятно, около слияния ручья Картугаджа (*Gatug-itse'yĭ*); третье, известное белым как Брастаун, находилось на верхнем ручье Брастаун реки Хивасси, в округе Таунс, Джорджия. В языке чероки, как и в большинстве других индейских языков, нет четкого различия между зеленым и синим (*sa'ka'nige'ĭ*).

i′ya — тыква.

iya′-iyu′stĭ — «как тыква», от *iya* и *iyu'stĭ*, «как».

iya′-tăwi′skage — «гладкий, как тыква», от *i′ya* — тыква и *tăwi′skage* — гладкий.

Джексон — см. *Tsek′sĭnĭ′*.

Джессан — см. *Цесани*.

Джесси Рид — см. *Цес-Скаци*.

Джоанна Лысая — см. *Дияхалийи*.

Джоара, Хуада — см. *Ани′-Сували*.

Джон — см. *Цани*.

Джон Акс — см. *Итагунахи*.

Джолли, Джон — см. *Ахулудеги*.

Джуналуска — см. *Цунулахуньски*.

Джутакулла — см. *Цулкалу*.

kâ′gû′ — ворона; название является ономатопеей.

Кагуньи — «место ворона», от *кагу*, ворона, и *йи*, местоимение. См. номер 63.

ка′и — жир, масло.

Кала′асунь′и — «Место, где он упал», от *tsĭla′аску*, «Я падаю», и *yĭ*, местный падеж. Утес возле Колд-Спринг-Ноб, в округе Свейн, Северная Каролина.

Kâ′lahû′ — «Все кости», от *kâ′lû*, кость. Бывший вождь восточных чероки, также известный в племени как *Sawănu′gĭ* (Shawano), а белым как Sawnook или Летучая белка.

Kâ′lănû — «Ворон»; это имя использовалось в племени как военное звание и встречается в старых документах как Corani (нижний диалект, *Kâ′rănû*), Colanneh, Colona и т. д. Это черокийское имя генерала Сэмюэла Хьюстона или любого человека по имени Хьюстон.

Калану Ахьелиски — «Ворон-насмешник». См. номер 120.

Kâ′lănûñ′yĭ — «Место ворона», от *kâ′lănû*, ворон, и *yĭ*, местный падеж. Название поселения Биг-Коув в резервации восточных чероки, округ Свейн, Северная Каролина, иногда также называемого Равентаун.

kalâs′-gûnăhi′ta — «длинные окорока» (*gûnăhi′ta*), «длинные»); разновидность медведя. См. номер 15.

Kâl-detsi′yûñyĭ — «Где кости», от *kâ′lû*, кость, и *detsi′yûñyĭ*, «где (*yĭ*) они (*de* — приставка множественного числа) лежат». Место около слияния реки Ист-Баффало-Крик с рекой Чеова, в округе Грэм, Северная Каролина. См. номер 122.

kăma′ma — бабочка.

kăma′ma u′tanû — слон; буквально «большая бабочка», из-за сходства хобота и ушей со хоботком и крыльями бабочки. См. номер 15.

kanahe′na — кислая кукурузная каша, широко используемая среди чероки и других южных племен; *tamfuli* или «Том Фуллер» у криков.

kănăne′skĭ — паук; также, из-за воображаемого сходства во внешнем виде, часы; *kănăne′skĭ amăyĕ′hĭ*, водный паук.

Каناста, Канастуньи — традиционное поселение чероки, ранее находившееся в верховьях реки Френч-Брод, недалеко от современного Бреварда, в округе Трансильвания, Северная Каролина. Значение названия утрачено. Поселение под названием Канности или Каннастион упоминается как существовавшее на реке Хивасси в 1776 году. См. номер 82 и примечания.

kanâ′talu′hĭ — кукурузная каша, приготовленная с ядрами грецких орехов.

Kana′tĭ — «удачливый охотник»; мужское имя, иногда сокращается *до Kanat′*. Это слово не поддается анализу, но используется в качестве глагольной формы третьего лица, обозначающей «он удачлив или успешен в охоте»; противоположное значение имеет *u‘kwa′legû* — «неудачлив или неуспешен в охоте». См. номер 3.

kanegwâ′tĭ — водяная мокасинная змея.

Кануга — также пишется как Кануга; поселение нижних чероки, по-видимому, на берегу реки Кеоуи в Южной Каролине, разрушенное в 1761 году; также традиционное поселение на реке Пиджен, вероятно, недалеко от нынешнего Уэйнсвилля, в округе Хейвуд, Северная Каролина. См. номер 81 и примечания. Название означает «чесалка», своего рода гребень с костяными зубцами, которым игроки в мяч чешут свою обнаженную кожу перед нанесением заклинательного лекарства; *de′tsinuga′skû*, «я чешу это».

kănugû′‘lă (сокращенно *nugû′‘la*) — «скребок», общий термин для обозначения ежевики, малины и других кустарников. Ср. *Kănu′ga*.

Kănu′gû‘lâyĭ или Kănu′gû‘lûñ′yĭ — «место, где растут кустарники», от *kănu′gû′‘lâ*, кустарник (ср. *Kănu′ga*); поселение чероки, ранее находившееся на реке Нантахала, около устья ручья Бриртаун, в округе Мейкон, Северная Каролина.

kănûñ′năwû′ — трубка.

Kâsdu′yĭ — «Место пепла», от *kâsdu*, пепел, и *yĭ*, местный падеж. Современное название чероки для города Эшвилл в округе Банкомб, Северная Каролина. Древнее название того же места — *Unta′kiyasti′yĭ*, см.

Katâl′stă — женщина-гончар из племени восточных чероки, дочь вождя Yânăgûñ′skĭ. Название передает идею одалживания, от *tsiyâtâl′stă*, «я одалживаю»; *agatâl′stă*, «ему одалживают».

Каван-урасуньи (сокращенно *Каван-урасунь* в нижнем диалекте) — «где упала утка» от *кавана*, утка, *ураса* (*уласа*), «она упала», и *йи*, местный падеж. , точка на ручье Коннеросс (от *Kăwân′-urâ′sûñ*), недалеко от Сенеки, в округе Окони, Южная Каролина. См. номер 123.

Kawi′yĭ (сокращенно *Kawi′*) — бывшее важное поселение чероки, широко известное как Коуи, около устья ручья Коуи реки Литл Теннесси, примерно в 10 милях ниже Франклина, в округе

Мейкон, Северная Каролина. Название, возможно, является сокращением от *Ani'-Kawi'yĭ*, «Место клана Оленей».

Киоухи — см. Кеоуи.

Кенесо — см. *Гансаги*.

Кеоуи — название двух или более бывших поселений чероки. Одно из них, иногда называемое «Старое Кеоуи», было главным из городов Нижнего Чероки и находилось на реке с таким же названием, недалеко от нынешнего Форт-Джорджа, в округе Окони, Южная Каролина. Другое, известное как Новый Кеоуи, находилось на верховьях ручья Twelve-mile в округе Пикенс, Южная Каролина. По словам Уэффорда, правильная форма — *Кувахии*, сокращенно *Кувахи*, «Место с тутовыми рощами»; Уэффорд говорит: «Белые уничтожили это название, как они всегда делают». См. *Кувахи*.

Ke′sĭ-ka′gămû — женское имя, искаженное чероки имя Кэсси Кокрам; *ka′gămû* также является искаженным чероки словом «огурец».

Ketoowah — см. *Kĭtu′hwă*.

Kittuwa — см. *Kĭtu′hwă*.

Kĭtuʼhwă — важное древнее поселение чероки, ранее находившееся на реке Такасеги и простиравшееся от слияния с Оконалуфти почти до современного города Брайсон-Сити в округе Свейн, Северная Каролина. Название, которое также встречается как Kettooah, Kittoa, Kittowa и т. д., утратило свое значение. Жители этого и подчиненных ему поселений на берегах реки Тукасеги были известны как *Ани'-Киттуваги*, и это название часто распространялось на все племя. По этой причине в более позднее время оно было принято в качестве названия тайной организации чероки, широко известной белым как общество Кетоова, которое обязалось защищать автономию чероки. См. также исторические примечания 1 и 47.

kiyu‘ga — земляная белка; *te′wa* — летяга; *sălâ′lĭ* — серая белка.

Клаусуна — см. *Тлануси′и*.

Knoxville — см. *Kuwandâ′tâ‘lûñ′yĭ*.

kû! — вступительное восклицание, привлекающее внимание, примерно эквивалентное *«Сейчас!»*.

kukû′ — «cymling»; также «jigger weed» или «pleurisy root» (*Asclepias tuberosa*). Коко-Крик реки Хивасси и почтовое отделение Кокер в округе Монро, штат Теннесси, получили свои названия от этого слова.

Кулсеци′и (сокращенно *Кулсе′ци*) — «место медовой акации», от *кулсе′ци*, медовая акация (*Gleditschia*) и *и*, локатив; так как то же слово *кулсе′ци* также используется для обозначения «сахара», местное название обычно переводится торговцами как Сахарный городок. Название нескольких бывших поселений в старой стране чероки. Одно из них находилось на реке Кеоуи, недалеко от нынешнего Фолл-Крик, в округе Окони, Южная Каролина; другое — на Сугартауне или Кулласаги (*Kûlse′tsi*) Крик, недалеко от нынешнего Франклина, в округе Мейкон, Северная Каролина; третье — на Сугартаун Крик, недалеко от нынешнего Моргантона, в округе Фаннин, Джорджия.

Куннеси — см. *Цию-гунсиньи*.

Кунстуци — «место сассафраса», от *кунстуци*, сассафрас, и *йи*, локатив. Проход в горном хребте Грейт-Смоки, около истока ручья Ноланд, на границе между Северной Каролиной и округом Севир, штат Теннесси.

kûnu′nŭ (сокращенно *kûnun′*) — бык-лягушка; название, вероятно, является ономатопеей; обычная зеленая лягушка — *walâ′sĭ*, а также есть названия для нескольких других видов лягушек и жаб.

Küse′ — ручей Куса, верхний приток реки Ноттли, недалеко от Блэрсвилля, округ Юнион, Джорджия. Изменение ударения от Ku′să (крик, см. *Ani′-Ku′sa*) делает его локативным. См. стр. 383.

Ku′să-nûñnâ′hĭ — «тропа криков», от *Ku′să*, индейцы крики, и *nûñnâ′hĭ*, путь, тропа; ср. *Suwâ′lĭ-nûñnâ′hĭ*. Бывшее важное поселение чероки, включавшее также ряд криков и шауно, где тропа из региона Огайо в страну криков пересекала реку Теннесси, в настоящее время Гантерсвилл, округ Маршалл, Алабама. Торговцы знали его как Крик-пат, а позже как Гантерс-лендинг, от имени чероки смешанного происхождения по имени Гантер.

Кусаветий (сокращенно *Кусаве*) — «старое место криков», от *Куса*, индеец криков (множественное число *Ани-Куса*), *увети*, старый, и *йи*, местный. Кусавате, важное поселение чероки, ранее находившееся в нижней части реки Кусавате, в округе Гордон, штат Джорджия. В одном документе название по ошибке указано как Tensawattee. См. страницу 382.

Кувахи — «Место шелковицы», от *кува*, шелковичное дерево, и *хи*, локатив; купол Клингмана, около истока реки Дип-Крик, в горном массиве Грейт-Смоки, между округом Свейн, Северная Каролина, и округом Севир, Теннесси. См. также Кеоуи.

Кувандаталуньи (сокращенно *Кувандаталунь*) — «Ежевичная роща», от *кува*, «ежевика»; название чероки для нынешнего места Ноксвилля, в округе Нокс, Теннесси.

Kwa′lĭ, Kwalûñ′yĭ — Куалла или Куаллатаун, бывшее агентство для восточных чероки, а ныне почтовая станция, расположенная недалеко от резервации, на притоке реки Соко, в округе Джексон, Северная Каролина. Это черокийское название «Полли», и станция была названа так в честь старушки с таким именем, которая раньше жила поблизости; *Kwa′lĭ*, «Полли», *Kwalûñ′yĭ*, «дом Полли». Резервация известна местным жителям как граница Куалла.

kwandăya′hû — см. *da′lĭkstă′*.

lâ′lû — цикада (*Cicada auletes*). См. номер 59.

Маленький Плотник, Маленький Кукурузосажатель — см. *Ătă′-gûl‘kălû*.

Ллойд — см. *Дасигияги*.

Длинноволосый — вождь чероки, живший со своим племенем в Огайо в 1795 году. См. страницу 79. Дословный перевод «Длинноволосый» с языка чероки — *Gitlû′-gûnăhi′ta*, но не известно, является ли английское название правильным переводом индейского слова. Ср. *Ani′-Gilâ′hĭ*.

Лонг-Айленд — см. *Ămăye‘lĭ-gûnăhi′ta*.

Город Лукаут-Маунтин — см. *Дандагану*.

Лоури, майор Джордж — см. *Агили*.

Мэйс, Дж. Б. — см. *Цава Гаки*.

Мемфис — см. *Цудатлесуньи*.

Миалакуо — см. *Амэйл-эгва*.

Морган — см. *Аганстата*.

Моисей — см. *Васи*.

Мойтой — вождь чероки, признанный англичанами «императором» в 1730 году. Как правильная форма, так и значение этого имени неизвестны; имя встречается снова как *Моятой* в документе 1792 года; несколько лет назад в резервации восточных чероки жил мальчик по имени Матайи, значение которого установить невозможно.

Мускульные отмели — см. *Dăgû'nâhĭ*.

Накучи — см. *Нагуци*.

Надули — известен белым как Ноттели. Бывшее поселение чероки на реке Ноттели, недалеко от границы с Джорджией, в округе Чероки, Северная Каролина. Название не поддается переводу и не имеет отношения к *натули*, «пряное дерево».

Нагуци — бывшее важное поселение у слияния рек Соки и Санти, в долине Накучи, у истоков реки Чаттахучи, в округе Хабершам, штат Джорджия. Значение этого слова утрачено, и сомнительно, что оно имеет происхождение из языка чероки ( ). Возможно, оно имеет какое-то отношение к названию индейцев учи. Великий курган выше по течению реки Саути, в округе Уайт, был известен чероки как *Итсати (Itsâ'tĭ)*, см.

năkwĭsĭ′ (сокращенно *năkw'sĭ*) — звезда; также полевая жаворонок.

năkwĭsĭ′usdi′ — «маленькая звезда»; гриб-дождевик (*Lycoperdon?*).

Nâ′nă-tlu'gûñ′yĭ (сокращенно *Nâ'nă-tlu'gûñ'* или *Nâ'nă-tsu'gûñ'*) — «Место елей», от *nâ'nă*, ель, *tlu'gûñ'ĭ* или *tsu'gûñ'ĭ*, дерево (стоящее) и *yĭ*, местный падеж. 1. Традиционное древнее поселение чероки на месте Джонсборо, округ Вашингтон, Теннесси. Название реки Ноличаки, вероятно, является искажением того же слова. 2. *Нана-цугунь*, место на реке Ноттли, недалеко от ее слияния с Хивасси, в округе Чероки, Северная Каролина.

Нанехи — см. *Нуньнехи*.

Нантахала — см. *Нуньдайели*.

Нэшвилл — см. *Дагунавелахи*.

Натчез — см. *Ани'-На'ци*.

Нац-асуньтлуньи (сокращенно *Нац-асуньтлунь*) — «место сосновых мостов», от *наци*, сосна, *асуньтли* или *асунтлуньи*, мост, и *йи*, местный падеж. Бывшее поселение чероки, широко известное как Пайнлог, на одноименном ручье в округе Бартоу, штат Джорджия.

na‘tsĭ — сосна.

na′tsĭkû′ — «я ем это» (*tsĭ′kiû′*, «я ем»).

na‘tû‘lĭ — пряный куст (*Lindera benzoin*).

Nayĕ′hĭ — см. *Nûñnĕ′hĭ*.

NAYUNUWI — см. *Nûñyunu′wĭ*.

nehanduyanû′ — песенная форма *nehadu′yanû′*, нерегулярная глагольная форма, обозначающая «зачатый в утробе». См. номер 75.

NELLAWGITEHI — имя вождя нижних чероки в 1684 году. См. страницу 31. Правильная форма и значение неясны, но конечная часть, по-видимому, является распространенным суффиксом dihĭ′—, «убийца», ср. *Ta′gwădihĭ′*.

NENETOOYAH — см. ISKAGUA.

НЕКВАССИ — см. *Никваси*.

НЕТТЕКАВА — см. *гатайусти*.

НОСИЛЬЩИК КРАПИВЫ — см. *Tâle′danigi′skĭ*.

NEW ECHOTA, NEWTOWN — см. *Itsâ′tĭ*.

НИКАДЖАК — см. *Никуцеги*.

НИКОТАНИ — см. *Ани′-Кута′ни*.

Никваси (или *Никваси*) — важное древнее поселение на реке Литл-Теннесси, где сейчас находится город Франклин в округе Мейкон, штат Северная Каролина. Большой курган отмечает место, где находился городской дом. Название встречается в старых документах как Неквасси, Нукасси и т. д. Его значение утрачено.

Никуцеги (также *Нукацеги*, *Никватсеги* или сокращенно *Никуцег*) — Никаджак, важное поселение чероки около 1790 года на южном берегу реки Теннесси у входа в ручей Никаджак, в округе Мэрион, штат Теннесси. Один из пяти городов Чикамауга (см. *Tsĭkăma′gĭ*). Значение этого слова утрачено, и, вероятно, оно не имеет черокийского происхождения, хотя встречается в племени как мужское имя. В искаженной форме «Nigger Jack» оно также встречается как название ручья реки Калласаги выше Франклина, в округе Мейкон, Северная Каролина.

НИЛАКЕ — см. *Ămăye‘l-e′gwă*.

НОЛИЧАКИ — см. *Нанатлугуньи*.

НОТЧИ — ручей, впадающий в реку Теллико, в округе Монро, штат Теннесси. Название, очевидно, относится к беженцам из племени натчез, которые ранее жили в окрестностях (см. *Ани′-На‘ци*).

НОТТЛИ — см. *Надули*.

nû — используется в качестве суффикса для обозначения «и» или «также»; *û'lĕ-'nû*, «и также»; *na'ski'-nû'*, «и то», «тоже».

NUCASSEE — см. *Nĭkwăsĭ'*.

нудуньнелу — он сделал *так и так*; нерегулярная форма, по-видимому, связанная с архаичными формами *адуньнига*, «это только что стало так», и *удуньну*, «это созрело или закончилось». См. номер 118.

nûñ'dă' — солнце или луна, различаемые как *nûñ'dă' igĕ'hĭ, «nûñ'dã',* обитающий днем», и *nûñ'dă' sûñnâ'yĕhĭ, «nûñ'dă',* обитающий ночью». В священных формулах луна иногда называется *Ge'yăgu'ga*, q. v., или *Su'tălidihĭ'*, «Убийца шести», названия, по-видимому, основанные на утраченных мифах.

nûñ'dă'-dika'nĭ — редкая птица, которую раньше иногда видели в старой стране чероки, возможно, маленькая голубая цапля (*Floridus cerulea*). Название, по-видимому, означает «она смотрит на солнце», т. е. «солнцегледалка», от *nûñ'dă'*, солнце, и *da'ka'nă'* или *detsi'ka'nă*, «я смотрю на него». См. номер 35.

Nûñ'dâgûñ'yĭ, Nûñdâ'yĭ — земля Солнца, или восток; от *nûñdă'*, солнце, и *yĭ*, местный падеж. Используется в священных формулах вместо *di'gălûñgûñ'yĭ*, «где оно восходит», общеупотребительного слова.

Nûñ'dăye'lĭ — «Среднее (т. е. полуденное) солнце», от *nûñdă'*, солнце, и *aye'lĭ*, середина; бывшее поселение чероки на реке Нантахала, недалеко от нынешней станции Джарретт, в округе Мейкон, Северная Каролина, названное так из-за высоких утесов, которые закрывают вид на солнце почти до полудня. Это название также встречается как Nantahala, Nantiyallee, Nuntialla и т. д. По-видимому, оно правильно применялось только к тому месту на реке, где утесы наиболее отвесные, в то время как само поселение было известно как *Kanu'gû'lâ'yĭ*, «Бриртаун», см. номер 122.

Нугацанни — хребет, спускающийся к реке Оконалуфти, ниже Чероки, в округе Свейн, Северная Каролина. Это слово является архаичной формой, обозначающей высокий хребет с длинным пологим склоном. См. номер 122.

nûñ'gĭ' — четыре. См. *hĭ'skĭ*.

nugû'la — см. *kănugû'la*.

NUHNAYIE — см. *Nûñnĕ'hĭ*.

nu'nă — картофель; первоначально это название применялось к дикому «свиному картофелю» (*Phaseolus*), который теперь называется *nu'nă igâtĕhĭ*, «болотный картофель».

Nûndăwe'gĭ — см. *Ani'-Nûndăwe'gĭ*.

nûñnâ'hĭ (сокращенно *nûñnâ*) — тропа, след или дорога.

Nûñnâ'hĭ-dihĭ' (сокращенно *Nûñ'nâ-dihĭ'*) — «Убийца на пути», буквально «Он убивает (по привычке) на пути», от *nûñ'nâhĭ*, путь, и *ahihĭ*, «он убивает» (по привычке); «Я убиваю», *tsi'ihû'*. Главный вождь, около 1813 года. Майор Джон Ридж изначально был известен под тем же именем,

но впоследствии взял имя *Gûnûñ'da'le'gĭ*, «Тот, кто следует по хребту», которое белые сократили до Ridge.

Nûnnâ'hĭ-tsune'ga (сокращенно) *Nûñnâ-tsune'ga* — «Белый путь», от *nûñnâ'hĭ*, путь, и *tsune'ga*, множественное число от *une'ga*, белый; форма множественного числа, как это часто встречается в индейских именах, и, вероятно, имеет символическое отношение к «белым» или мирным путям, о которых говорится в вступительной молитве на танце Зеленого кукурузы. Известный вождь, возглавлявший консервативную партию около 1828 года. См. страницы 113, 132.

Nûñnĕ'hĭ (также *Gûñnĕ'hĭ*; единственное число *Nayĕ'hĭ*) — раса невидимых духов. Название происходит от глагола *ĕ'hû'*, «я живу, я обитаю», *ĕ'hĭ'*, «я живу постоянно», и может быть переведено как «жители любого места» или «те, кто живет где угодно», но подразумевает, что они всегда были там, т. е. «бессмертные». Разные авторы пишут это слово по-разному: *Nanehi* и *Nuhnayie*. Единственное число *Nayĕ'hĭ* встречается также в качестве личного имени, примерно эквивалентного *Edă'hĭ*, «тот, кто ходит». См. номер 78.

nuniyu'stĭ — «похожий на картофель», от *nu'nă*, картофель, и *iyu'stĭ*, похожий. Цветущая лиана с клубневидным корнем, чем-то напоминающим картофель. См. номер 126.

nûñyû' — скала, камень. Ср. *nâyŭ*, песок

Nûñyû'-gûñwani'skĭ — «Говорящая скала», от *nûñyû'*, скала, и *tsiwa'nihû*, «я говорю». Скала, от которой происходит название ручья Talking-rock на реке Coosawatee в Джорджии. См. номер 125.

Nûñ'yunu'wĭ — сокращение от *Nûñyû-unu'wĭ*. «Одетый в камень», от *nûñyû*, «камень», и *agwănu'wû*, «я одет или покрыт». Мифическое чудовище, неуязвимое благодаря своей каменной коже. См. номер 67. Это имя иногда также применяется к жалящему муравью, *dasûñtâlĭ atatsûñskĭ*, см. там же. Также пишется *как Nayunuwi*.

Nûñyû'-tlu'gûñĭ (или *Nûñyû-tsu'gûñ'ĭ*) — «Древовидная скала». Заметная скала на реке Хивасси, прямо на границе с Северной Каролиной. См. номер 66 и примечания.

Nûñyû'-tăwi'skă — «Гладкая скала», от *nûñyû'*, скала, и *tăwiskă*, гладкий, скользкий; форма остается неизменной для местного падежа. 1. Ручей Слик-Рок, впадающий в реку Литл-Теннесси, чуть западнее границы округа Грэм, Северная Каролина. 2. Место в самом верховье ручья Брастаун реки Хивасси, в округе Таунс, Джорджия.

Окои — см. *Увагхи*.

Оконалуфти — см. *Эгванулти*.

Окони — см. *Уквуну*.

Оконостота — см. *Âganstâ'ta*.

Олд Тассел — см. *Уцидсата*.

Оолтева — см. *Ултива*.

Оолунсаде — см. *Улунсути*.

Оостанаула — см. *У станали*.

Оостиналех — см. *У станала*.

Утхалога — см. *Уйгилаги*.

Отаците, Отассите — см. Аутасити.

Отари, Отариятики — упоминается как место, по-видимому, на границе с чероки, посещенное Пардо в 1567 году. Отари, по-видимому, является черокийским *âtărĭ* или *âtălĭ*, гора, но остальная часть слова вызывает сомнения. См. страницу 28.

Оттаре — см. *â'tălĭ*.

Овасста — указано как имя вождя чероки в 1684 году; форма не может быть идентифицирована. См. страницу 31.

Оугиллоги — см. *Уйгилаги*.

Outacity — упоминается в документах как имя или титул видного вождя чероки около 1720 года. Также встречается как Otacite, Otassite, Outassatah, Wootassite и Wrosetasatow (!), но форма не может быть идентифицирована, хотя, по-видимому, содержит суффикс личного имени *dihĭ'*, «убийца». Тимберлейк говорит (стр. 71): «Среди них есть и другие почетные титулы, присваиваемые в награду за великие деяния; первый из них — Outacity или «Убийца человека», а второй — Colona или «Ворон».

Outassatah — см. Outacity.

Овасса — см. *Аюхваси*.

Paint-town — см. *Ani'-Wâ'dihĭ'*.

Path-killer — см. *Nûñnâ'hi-dihĭ'*.

Феникс, чероки — см. *Цулехисанухxи*.

Река Пиджен — см. *Вай*.

Сосновые индейцы — см. *Ани-Наци*.

Pinelog — см. *Na'ts-asûñ'tlûñyĭ*.

Qualatchee — бывшее поселение чероки на верховьях реки Чаттахучи в Джорджии; другое поселение с таким же названием находилось на берегах реки Кеоуи в Южной Каролине. Правильная форма неизвестна.

Квалла — см. *Квали*.

Quaxule — см. Guaxule.

Quinahaqui — место, возможно, в стране чероки, посещенное Пардо в 1567 году. Форма не может быть идентифицирована. См. страницу 28.

Квонеаши — см. *Тланусии*.

Горячие источники Грохочущей змеи — см. *Уцнатийи*.

Гремучая тыква — см. *Гансети*.

Равентаун — см. *Калануньи*.

Красная глина — см. *Элавадий*.

Рид, Джесси — см. *Цеси-Скаци*.

Ридж, майор Джон — см. *Нуньнахи-дихи*.

Росс, Джон — см. *Гувисгуви*.

Пристань Росса — см. *Цатануги*.

Садайи — женское имя, собственное имя женщины, известной белым как Энни Акс; его невозможно перевести.

Сагвахи или Сагуньи — «Одно место», от *сагу*, один, и *хи* или *йи*, местоимение. Ручей Соко реки Оконалуфти, в восточной резервации чероки, в округе Джексон, Северная Каролина. Не дается удовлетворительного объяснения происхождения этого имени, которое имеет аналог в *Tsâskâ'hĭ*, «Тридцать мест», местном названии в округе Чероки в том же штате.

sâ′gwălĭ′ — лошадь; от *asâgwâlihû* — вьюк или груз, *asâgwŭllû′* — «на нем вьюк».

sâ′gwălĭ dĭgû′lanăhi′ta — мул; буквально «лошадь с длинными ушами», от *sâ′gwălĭ*, лошадь, и *digû′lanăhi′ta*, см.

Sâkwi′yĭ (или *Suki′yĭ*; сокращенно *Sâkwi′* или *Suki′*) — бывшее поселение на реке Соки (Soquee), притоке реки Чаттахучи ( ), недалеко от Кларксвилля (Clarkesville), округ Хабершам (Habersham), штат Джорджия. Также пишется как Saukee и Sookee. Название утратило свое значение.

салали — белка; обычная серая белка; другие разновидности — *киюга*, суслик, и *тева*, летяга. *Салали* было также именем изобретателя из племени восточных чероки, умершего несколько лет назад; *Салаланита*, «Молодые белки», — мужское имя в резервации.

săligu′gĭ — черепаха, обычная водная черепаха; мягкотелый черепаха, *u‘lănă′wă*; сухопутная черепаха или террапина, *tûksĭ′*.

sălikwâ′yĭ — медвежья трава (*Eryngium*); также зеленая змея, из-за мнимого сходства; название бывшего поселения чероки на ручье Саллакоа реки Кусавати, в округе Гордон, штат Джорджия.

Са′нигила′ги (сокращенно *Сангила′ги*) — гора Уайтсайд, выдающаяся вершина горы Блу-Ридж, к юго-востоку от Франклина, округ Мейкон, Северная Каролина. Связана с традицией Утлунты (см. номер 66 и примечания).

Сантитла — современное название на карте ручья, впадающего в реку Чеова в округе Грэм, штат Северная Каролина, и его меньшего притока (Малый Сантитла). Это название не признается и не понимается чероки, которые настаивают, что оно было дано белыми. Малый Сантитла известен чероки как *Цунданилитий*, см. там же; главный ручей Сантитла обычно известен как *Нагухи гейюн*, «ручей Песчаное место», от *Нуюхи*, «Песчаное место» (*наю*, песок), бывшего поселения чуть выше слияния двух ручьев.

Сара — см. *Ани′-Сували*.

саса — гусь; ономатопея.

Саути — см. *Итсати*.

САВАННА — популярное название этой реки происходит от названия индейцев шавано, которые ранее жили на ее среднем течении и были известны чероки как *Ani'-Sawănu'gĭ*, q. v., крикам как *Savanuka*, а некоторым прибрежным племенам Каролины ( ) как *Savanna*. В старых документах река также называется *Исундига*, от *I'sû'nigû* или *Сенека*, см. важный бывший поселок чероки на ее верхнем течении. См. номер 99.

Sawănu′gĭ — «Шавано» (индейское); мужское имя в резервации восточных чероки, известное в истории племени. См. *Anĭ'-Sawănu'gĭ* и *Kâ'lahû'*.

SAWNOOK — см. *Kâ'lahû'*.

Sehwate′yĭ — «Место шершней, » от *se'hwatû*, шершень, и *yĭ*, местоимение. Cheowa Maximum и Swim bald, соседние голые вершины у истоков реки Cheowa, округ Грэм, Северная Каролина. См. номер 122.

selu — кукуруза; иногда называется в священных формулах *Agawe'la*, «Старуха». См. номер 126.

sel-utsĭ′ (для *selu-utsĭ′*) — «мать кукурузы», от *selu*, кукуруза, и *utsĭ′*, его мать (*etsĭ′* или *agitsĭ′*, моя мать); жемчужная кукуруза или слезы Иова (*Coix lacryma*). См. номер 126.

СЕНЕКА — см. *Ани'-Нуньдаве'ги* (племя сенека) и *Ису'нигу* (город сенека).

СЕКВАТЧИ — см. *Сигвеци*.

СЕКВОЙЯ — см. *Сиквай*.

Cĕ'tsĭ — курган и традиционное поселение чероки на южной стороне реки Вэлли, примерно в трех милях ниже Вэллитауна, в округе Чероки, Северная Каролина; название утратило свое значение. См. номер 79. Поселение под названием *Tăsĕ'tsĭ* (*Tassetchie* в некоторых старых документах) существовало на самом верху реки Хивасси, в округе Таунс, Джорджия.

SEVIER — см. *Tsan'-usdi'*.

SHOE-BOOTS — см. *Da'si'giya'gĭ*.

ШУТИНГ-КРИК — см. *Дустаялуньи*.

Сигвеци — традиционное поселение чероки на южном берегу реки Френч-Брод, недалеко от Ноксвилля, округ Нокс, штат Теннесси. Рядом находился карьер, из которого, как говорят, добывали камень для белых трубок мира. См. номер 111 и примечания. Секватчи, название реки ниже Чаттануги, в штате Теннесси, вероятно, является искажением того же слова.

sĭ′kwă — свинья; первоначально название опоссума, теперь обозначается как *sĭ′kwă utset'stĭ*, см.

sĭ′kwă utset′stĭ — опоссум: буквально «ухмыляющаяся свинья», от *sĭ′kwă* — свинья, и *utset'stĭ* — «он ухмыляется (по привычке)». Ср. *sĭkwă*.

Sikwâ′yĭ — мужское имя, обычно пишется как Sequoya, прославившееся как имя изобретателя алфавита чероки. См. стр. 108. Это имя, которое не поддается переводу, до сих пор используется в резервации восточных чероки.

Sikwi′ă — мужское имя, искаженная форма имени Sevier в языке чероки. См. также *Tsan-usdi′*.

SINNAWAH — см. *tlă′nuwă*.

Sĭ′tikû′ (или *sû′tăgû′*, в диалектной форме) — бывшее поселение чероки на реке Литл-Теннесси у входа в ручей Ситико, в округе Монро, штат Теннесси. Это имя, которое невозможно перевести, обычно пишется как Citico, но также встречается в вариантах Sattiquo, Settico, Settacoo, Sette, Sittiquo и т. д.

siyu′ — см. *â′siyu′*.

skĭntâ′ — для *skĭn′tâgû′*, понимается как «вставить новый зуб в мою челюсть». Это слово не поддается анализу, но происходит от *găntkă′* (*ganta‘gă* в диалектной форме) — зуб на месте; выпавший зуб — *kăyu‘gă*. См. номер 15.

Skwan′-digû‘gûñ′yî (для *Askwan′-digû‘gûñ′yĭ*) — «Где испанец находится в воде [или другой жидкости]». Место на верхнем рукаве реки Соко, в резервации в округе Джексон, Северная Каролина. См. номер 122.

Гладкая скала — см. *Nûñyû′-tăwi′skă*.

Смит, Н. Дж. — см. *Tsalădihĭ′*.

Снежная птица — см. *Tuti′yĭ*.

Ручей Соко — см. *Sâgwâ′hĭ*.

Соко-Гэп — см. *Ăhălu′na*.

Соки — см. *Sâkwi′yĭ*.

Спрей, Х. В. — см. *Wĭlsĭnĭ′*.

Весенняя лягушка — см. *Ду′сту*'.

Стоящий индеец — см. *Юньви-цуленюньи*.

Стенд Уэйти — см. *Дегатага*.

Стекоа — см. *Стикайи*.

ste′tsi — ваша дочь; буквально, ваше потомство; *agwe′tsĭ*, «мое потомство»; *uwe′tsĭ*, «его потомство»; чтобы различить пол, необходимо добавить *asga′ya*, «мужчина» или *age′hya*, «женщина».

Стикайи (различные варианты написания: Стико, Стикой, Стикоа, Стикои и т. д.) — название нескольких бывших поселений чероки: 1. На ручье Стикоа, недалеко от Клейтона, округ Рабун, штат Джорджия ; 2. на реке Тукасеги, на месте старого поместья Томаса, чуть выше нынешнего Уиттиера, в округе Свейн, штат Северная Каролина; 3. на ручье Стикоа реки Литл Теннесси, в

нескольких милях ниже слияния с Нантахала, в округе Грэм, штат Северная Каролина. Это слово утратило свое значение.

STRINGFIELD — см. *Tlâge'sĭ*.

stugi′stĭ, stui′stĭ — ключ; см. стр. 187 и под *Astu'gatâ'ga*.

SUCK, THE — см. *Ûñ'tiguhĭ'*.

SUGARTOWN — см. *Kûlse'tsi'yĭ*.

sû′năwă′ — см. *tlă'nuwă*.

sûnĕstlâ′tă — «раздвоенные носы»; см. *tsunû 'liyû' sûnĕstlâ'tă*.

sûñgĭ — норка; также лук; название, по-видимому, относится к запаху; различные виды мяты называются общим термином *gaw 'sûñ'gĭ*. См. номер 29.

Suki′yĭ — другая форма *Sâkwi'yĭ*, см.

su′lĭ′ — канюк; название у индейцев крик такое же.

SUN LAND — см. *Nûñ'dă'yĭ*.

su′-să′-sai′ — бессмысленный припев песни. См. номер 66.

su′tălidihĭ′ — см. *nûñ'dă'*.

Сували — см. *Ани-Сували*.

Suwa′lĭ-nûñnâ′hĭ (сокращенно *Suwa'lĭ-nûñnâ'hĭ*) — «тропа Сували», собственное название ущелья в верховьях реки Сваннаноа (от *Suwa'lĭ-Nûñ'nâ*), к востоку от Ашвилла, в округе Банкомб, Северная Каролина. Ср. *Куса-нуннахи*. См. страницы 194 и 379, а также *Ани-Сували*.

Сува'ни — бывшее поселение чероки на реке Чаттахучи, примерно в районе современного Сувани, в округе Гвиннетт, штат Джорджия. Название не имеет значения в языке чероки и, как считается, имеет крикское происхождение. См. страницу 382.

Суйета — «Избранный», от *asuye'ta*, «он избран», *gasu'yeû*, «я выбираю»; та же форма, *suye'ta*, может также означать «смешанный», от *gasu'yăhû*, «я смешиваю». Мужское имя, в настоящее время носит известный бывший вождь и информатор из резервации восточных чероки.

СВАННАНОА — см. *Сували-нуньнахи*.

SWIM BALD — см. *Sehwate'yĭ*.

SWIMMER — см. *A 'yûñ'inĭ*.

tadeyâ′statakûhĭ′ — «мы увидимся». См. номер 75.

ТАЕ-КЕО-ГЕ — см. *Таскиги*.

тагу — июньский жук (*Allorhina nitida*), также называемый *туя-дискалавстиски*, «тот, кто поддерживает огонь под фасолью». См. номер 59.

Ta′gwa — см. *Ani′ta′gwa*.

Ta′gwădihĭ′ (сокращенно *Ta′gwădi′*) — «убийца катавба», от *Ata′gwa* или *Ta′gwa*, индеец катавба, и *dihihĭ*, «он убивает их» (по привычке) от *tsi′ihû′*, «я убиваю». Старое мужское имя, которое до сих пор используется в резервации восточных чероки. Это было имя вождя, известного белым около 1790 года как «Стеклянный», из-за путаницы этого имени с *adakĕ′‘tĭ*, стекло или зеркало.

Tagwâ′hĭ — «место катавба», от *Ata′gwa* или *Ta′gwa*, индеец катавба, и *hĭ*, локатив. Название, встречающееся в нескольких местах в старой стране чероки. Поселение с таким названием, известное белым как Токкоа, находилось на ручье Токкоа, к востоку от Кларксвилля, в округе Хабершам, штат Джорджия; другое находилось на реке Токкоа или Окои, примерно в районе современного Токкоа, в округе Фаннин, штат Джорджия; третье, возможно, находилось на ручье Персимон, известном чероки как *Tagwâ′hĭ*, впадающем в реку Хивасси недалеко от Мерфи, в округе Чероки, штат Северная Каролина.

ТАКЕЙОСТИ — см. *Унтакиясти*.

ТАХЛЕКУА — см. *Таликва*.

ТАЧИ — см. *Таци*.

ТАКАТОКА — см. *Дегага*.

tă′lădŭ′ (сокращенно *tăldŭ′*) — двенадцать, от *tă′lĭ*, два. Ср. *tăla′tŭ*, сверчок.

Таласи — бывшее поселение чероки на реке Литл Теннесси, около брода Таласси, в округе Блаунт, штат Теннесси. Название утратило свое значение.

ТАЛАССИ — см. *Таласи*.

tăla′tŭ — сверчок; иногда также называемый *dita′staye′skĭ* (см.), «парикмахер». Ср. *tă′lădŭ′*, двенадцать.

Tâle′danigi′skĭ (*Utâle′danigi′sĭ*, в диалектной форме) — по-разному переводится белыми как «перевозчик конопли», «носящий крапиву» или «носящий лен», от *tâle′ta* или *utâle′ta*, лен (*Linum*) или богатая трава (*Pilea pumila*), и *danigi′skĭ*, «он носит их (по привычке)». Бывший видный вождь на реке Вэлли, в округе Чероки, Северная Каролина. См. номер 95 и примечания.

TALIHINA — имя жены Сэмюэля Хьюстона из племени чероки; форма не может быть идентифицирована. См. стр. 223.

Tălikwă′ (обычно пишется как Tellico, Telliquo или, на территории индейцев, Tahlequah) — название нескольких поселений чероки в разные периоды, а именно: 1. Великий Теллико, в Теллико-Плейнс, на реке Теллико, в округе Монро, штат Теннесси; 2. Малый Теллико, на ручье Теллико реки Малый Теннесси, примерно в десяти милях ниже Франклина, в округе Мейкон, Северная Каролина; 3. город на реке Вэлли, примерно в пяти милях выше Мерфи, в округе Чероки, Северная Каролина; 4. Талекуа, основанный в 1839 году как столица нации чероки, индейская территория. Значение названия утрачено.

Талива — место традиционной битвы между чероки и криками около 1755 года, на ручье Маунтин (?) реки Этова в верхней части Джорджии. Вероятно, это не черокийское, а крикское название от крикского *ta′lua* или *ita′lua*, город. См. страницы 38 и 384–385.

TALKING-ROCK — см. *Nûñyû'-gûñwani'skĭ*.

TALLULAH — см. *Tălulŭ'*.

Tăl-tsu'skă' — «Двуглавый», от *tă'lĭ*, два, и *tsu'skă'*, множественное число от *uskă'*, (его) голова. Вождь чероки около 1800 года, известный белым как Двуглавый.

talulĭ — беременная; отсюда *alulĭ'*, (она) мать, говорится о женщине.

Tălulŭ' (обычно пишется Tallulah и встречается в старых документах, в нижнем диалекте, как Taruraw, Toruro, Turoree и т. д.) — название, встречающееся в двух или более местах в старой стране чероки, а именно: 1. Древнее поселение в верхней части реки Таллула, в округе Рабун, штат Джорджия; 2. Город на ручье Таллула реки Чеова, в округе Грэм, штат Северная Каролина. Этимология слова неопределенна. Говорят, что лягушка *дулуси* кричит *«талулу»*. См. номер 125. Известные водопады на реке Таллула известны чероки как *Угуньи*, см.

TALUNTISKI — см. *Ata'lûñti'skĭ*.

Тамали — название, обычно пишущееся как Томотли или Томатола, встречающееся по крайней мере в двух местах на территории старинной страны чероки, а именно: 1. на реке Вэлли, в нескольких милях выше Мерфи, примерно в районе современного Томатола, в округе Чероки, Северная Каролина; 2. на реке Литл Теннесси, примерно в районе брода Томотли, в нескольких милях выше реки Теллико, в округе Монро, Теннесси. Это название не поддается переводу и, возможно, имеет крикское происхождение, так как у этого племени был город с таким же названием на нижнем течении реки Чаттахучи.

Tănăsĭ′ — название, которое невозможно проанализировать, обычно пишется как Tennessee, встречается в нескольких местах на территории старого племени чероки, а именно: 1. На реке Литл Теннесси, примерно на полпути между ручьями Ситико и Токо, в округе Монро, штат Теннесси; 2. «Старый город Теннесси» на реке Хивасси, недалеко от слияния с Окои, в округе Полк, штат Теннесси; 3. на ручье Теннесси, верховье реки Тукасеги, в округе Джексон, штат Северная Каролина. Танаски, посещенный Пардо в 1567 году (см. стр. 29), возможно, был другим местом с таким же названием. См. номер 124.

ТАНАСКИ — см. *Tănăsĭ*.

Ta‘ski′gi (сокращенно от *Ta‘skigi'yĭ* или *Da‘skigi'yĭ*, локатив *yĭ* обычно опускается) — название, которое по-разному пишется: Tae-keo-ge (опечатка), Tasquiqui, Teeskege, Tuscagee, Tuskegee и т. д., происходит от названия иностранного племени, вошедшего в состав чероки, и встречается как местное название как в стране чероки, так и в стране криков. 1. Основное поселение с таким названием находилось на реке Литл Теннесси, чуть выше слияния с Теллико, в округе Монро, штат Теннесси; 2. другое находилось на северном берегу реки Теннесси, чуть ниже Чаттануги, штат Теннесси; 3. еще одно, возможно, находилось на ручье Таскиги реки Литл Теннесси, недалеко от Роббинсвилля, округ Грэм, штат Северная Каролина. См. страницу 29 и номер 105.

ТАСКИКИ — см. *Таскиги*.

ТАССЕЛ, СТАРЫЙ — см. *Уцидсата*.

Татси — «голландец», также пишется как Тачи, вождь западных чероки около 1830 года. См. страницу 141.

tatsu′hwă — красная птица.

tawa′lĭ — панк.

Тава′ли-укванън′ти — «Панк с затычкой», от *тава′ли*, панк; имя чероки традиционного вождя шавано. См. номер 100.

tăwi′skă, tăwi′skage — гладкий, скользкий.

Tăwi′skălă — «Кремень»; сверхъестественное существо чероки, олицетворение каменного кремня; *tăwi'skălûñ'ĭ, tăwi'skălă*, кремень, от *tăwi'skă*, гладкий, скользкий; ср. ирокезское *Tăwiskaroñ*. См. номер 25 и примечания.

Tayûnksĭ — традиционное западное племя; название не поддается анализу. См. номер 105.

TELLICO — см. *Tălikwă'*.

telûñ′lătĭ — летний виноград (*Vitis æstivalis*).

TENSAWATTEE — см. *Ku′săweti′yĭ*.

TERRAPIN — см. *Tûksi′*.

тева — летяга; *салали* — серая белка; *киюга* — суслик.

TOMAC, У. Х. — см. *Wil-usdi′*.

Tĭkwăli′tsĭ — название, встречающееся в нескольких местах на территории старинной страны чероки, а именно: 1. Ручей Tuckalegee, приток ручья War-woman, к востоку от Клейтона, в округе Рабун, штат Джорджия; 2. Tĭkwăli′tsĭ из рассказа, важный город на реке Tuckasegee, в настоящее время Брайсон-Сити, в округе Свейн, штат Северная Каролина; 3. Бухта Такалечи на реке Литтл в округе Блаунт, штат Теннесси, которая, вероятно, сохранила местное название коренных жителей. Это название встречается в старых документах как Такаречи (нижний диалект) и Такалеги, и его не следует путать с Цикци или Такасеги. Его нельзя перевести. См. номер 100 и примечания.

TIMOSSY — см. TOMASSEE.

Tlâge′sĭ — «Поле»; черокийское имя подполковника В. В. Стрингфилда из Уэйнсвилля, Северная Каролина, одного из офицеров черокийского контингента в легионе Томаса. Это сокращенное написание его собственного имени.

tlâge′sitûñ′ — песенная форма *tlâge′sĭ a-stûñ′ĭ*, «на краю поля», от *tlâge′sĭ* или *tsâge′sĭ*, поле, и *astûñ′ĭ*, край, граница и т. д.; *ăma′yăstûñ′*, «берег ручья». См. номер 24.

tla′mehă — летучая мышь (диалектные формы *tsa′mehă, tsa′wehă*). См. стр. 187.

tlanu′sĭ′ — пиявка (диалектная форма, *tsanu′sĭ′*). См. стр. 187.

Tlanusi′yĭ (сокращенно *Tlanusi′*) — «Место пиявок», бывшее важное поселение на слиянии рек Хивасси и Вэлли, нынешнее местоположение Мерфи, в округе Чероки, Северная Каролина; также точка на реке Ноттели, в нескольких милях от него, в том же округе. См. номер 77 и примечания. Название также встречается как Clennuse, Klausuna, Quoneashee и т. д.

tlă′nuwă′ (диалектные формы, *tsănuwă′, sû′năwă′*, «sinnawah» — Адаир) — мифический великий ястреб. См. номера 35, 64, 65, а также страницу 187.

tlă′nuwă′ usdi′ — «маленький tlă′nuwă′»; вероятно, ястреб-тетеревятник (*Astur atricapillus*). См. номер 35.

Tlă′nuwă′-atsiyelûñ′ĭsûñ′yĭ — «Где Tlă′nuwă разрезал», от *tlă′nuwă′*, см. там же, и *tsiyelûñ′iskû′*, архаичная форма от *tsigûñilûñ′iskû′*, «Я разрезаю». Место на реке Литл-Теннесси, почти напротив входа в ручей Ситико, в округе Блаунт, штат Теннесси. См. номер 64 и примечания.

Tlă′nuwa′ĭ — «Место Tlă′nuwă», пещера на северном берегу реки Теннесси, недалеко от устья ручья Citico, в округе Блаунт, штат Теннесси. См. номер 64 и примечания.

tlay’kû′ — сойка (диалектная форма, *tsay’kû′*). См. страницу 187.

tlûñti′stĭ — фазан (*Bonasa umbella*), местное название grouse или partridge.

tlutlŭ′ — ласточка (диалектная форма, *tsutsŭ′*). См. страницу 187.

tsûñtû′tsĭ — пантера (диалектная форма, *tsûñtû′tsĭ*). См. стр. 187.

Тосах — место, по-видимому, в стране чероки, посещенное Пардо в 1567 году (см. стр. 29). Возможно, оно имеет отношение к Тоxaway (см. *Dûksa′ĭ*) или Тоссоа (см. *Tagwâ′hĭ*).

Токкоа — см. *Tagwâ′hĭ*.

Токо — см. *Дакваи*.

Толлунтески — см. *Аталунтиски*.

Томасси (также пишется *как Тимосси* и *Тимасе*) — название двух или более бывших поселений чероки, а именно: 1. На ручье Томасси реки Кеоуи, в округе Окони, Южная Каролина; 2. на реке Литл Теннесси, недалеко от впадения ручья Бернингтаун, в округе Мейкон, Южная Каролина. Правильная форма и интерпретация неизвестны.

Томатола, Томотли — см. *Тамали*.

Туантух — см. *Дусту*.

Тугела — см. *Дугилуи*.

Токва — см. *Дакваи*.

Токсауэй — см. *Дуксаи*.

Трек Рок Гэп — см. *Дацу′наласгуньи*.

Цагаси — дух из племени чероки. См. номер 78.

Цаги — вверх по течению, вверх по дороге; противоположность *ге*. См. номер 117.

Цайи — см. *Уньцайи*.

Цаладихи — вождь Н. Дж. Смит из племени восточных чероки. Это имя можно перевести как «убийца Чарли» от *Tsalĭ*, «Чарли», и *dihĭ*, «убийца» (в составе слова), но на самом деле это черокийский эквивалент имени Джарретт (*Tsalădĭ*), его второго имени, которым его часто называли. Ср. *Tagwădihĭ*.

tsâl-agăyûñ′li — «старый табак», от *tsâlû*, табак, и *agăyûñ′li*, или *agâyûñ′lige*, старый, древний; *Nicotiana rustica*, или дикий табак. См. номер 126.

Tsa′lăgĭ′ (Tsa′răgĭ′ в нижнем диалекте) — правильная форма слова «чероки». См. стр. 182, «Племенная синонимия».

Tsa′lĭ — Чарли; чероки, застреленный за сопротивление войскам во время переселения. См. страницу 131.

tsâliyu′stĭ — «похожий на табак», от *tsâlû*, табак, и *iyu′stĭ*, похожий; общее название для кардинального цветка, коровяка и родственных видов. См. номер 126.

tsâlû или tsâlûñ (в нижнем диалекте *tsârû*) — табак; по сравнению с родственными формами в других ирокезских диалектах, значение «огонь, который держится во рту» кажется очевидным. Ланман пишет это слово *как tso-lungh*. См. номер 126 и страницу 187.

tsa′mehă — см. *tla′mehă*.

tsă′nadiskâ′ — для *tsăndiskâĭ* , «они говорят».

tsana′sehâ′ĭ — так говорят, говорят о нем. См. номер 118.

tsâne′nĭ — ящерица-скорпион; также называется *gi′gă-danegi′ski*, см. там же. См. номер 59.

Tsanĭ — Джон.

Tsantăwû′ — мужское имя, которое не поддается анализу.

Цан-уга′сита — «Кислый Джон»; Джон Батлер, капитан команды по игре в мяч, полукровка из племени чероки, ранее живший на реке Ноттли. См. номер 122.

Цан-усди — «Маленький Джон»; чероки имя генерала Джона Севиера, а также имя мальчика вождя Джона Росса, впоследствии известного как *Гувисгуви*, см. *Сикви*, попытка чероки произнести «Севиер», — мужское имя в резервации восточных чероки.

tsanu′sĭ′ — см. *tlanu′sĭ′*.

tsă′nuwă′ — см. *tlă′nuwă′*.

Tsa′răgĭ′ — чероки; см. стр. 182, «Синонимия племен».

tsârû — см. *tsâlû*.

Tsasta′wĭ — известный охотник, ранее живший на реке Нантахала в округе Мейкон, Северная Каролина; значение имени сомнительно. См. номер 122.

Tsatănu′gĭ (обычно пишется Chattanooga) — название чероки для некоторого места на ручье, впадающем в реку Теннесси в городе Чаттануга, округ Гамильтон, штат Теннесси. Оно не имеет значения в языке чероки и, по-видимому, имеет иностранное происхождение. Древнее название места, где сейчас находится город, — *A‘tlă′nuwă*, см. там же. См. номер 124. До основания города это место было известно белым как пристань Росса, по названию магазина, который там держал Льюис Росс, брат вождя Джона Росса.

Tsatu′gĭ (обычно пишется Chattooga или Chatuga) — название, встречающееся в двух или более местах в старой стране чероки, но, по-видимому, иностранного происхождения (см. стр. 382). Возможные черокийские производные происходят от слов, означающих соответственно «он пил маленькими глотками» от *gatu′giă′*, «я пью маленькими глотками», или «он пересек ручей и вышел на другую сторону» от *gatu′gĭ*, «я пересек» и т. д. Древнее поселение с таким названием находилось на реке Чатуга, верховье реки Саванна, на границе между Южной Каролиной и Джорджией; другое, по-видимому, находилось на верхнем течении реки Теллико, в округе Монро, штат Теннесси; еще одно, возможно, находилось на реке Чатуга, притоке реки Куса, в северо-западной части Джорджии.

Tsâ′wă Gakskĭ — Джо Смукер, от *Tsâwă*, «Джо», и *gakskĭ*, «курильщик», от *ga′giskû*, «я курю». Черокийское имя вождя Джоэла Б. Мэйса из западной части черокийской нации.

Tsăwa′sĭ — черокийский дух. См. номер 78.

tsa′wehă — см. *tla′mehă*.

tsay’kû′ — см. *tlay’kû′*.

Tsek′sĭnĭ′ — черокий вариант имени генерала Эндрю Джексона.

Tsĕsa′nĭ — Джессан, вероятно, производная от Джесси; мужское имя в резервации восточных чероки.

Tsĕ′sĭ-Ska′tsĭ — «Шотландский Джесси»; Джесси Рид, нынешний вождь восточных чероки, названный так из-за смешанного шотландского происхождения.

tsetsăni′lĭ — «твои два старших брата» (говорит мужчина); мой старший брат (говорит мужчина), *ûñgini′lĭ*. См. примечание к номеру 63.

Tsgâgûñ′yĭ — «Место насекомых», от *tsgâyă*, насекомое, и *yĭ*, местоимение. Пещера на хребте к востоку от Франклина, в округе Мейкон, Северная Каролина. См. номер 13.

tsgâyă — насекомое, червь и т. д. См. стр. 308.

Tsĭkăma′gĭ — название, обычно пишется как Chickamauga, встречается по крайней мере в двух местах в старой стране чероки, утратило всякое значение в языке чероки и, по-видимому, имеет иностранное происхождение. Оно применяется к небольшому ручью в верховьях реки Чаттахучи, в округе Уайт, штат Джорджия, а также к району вокруг южного (не северного) ручья Чикамауга, впадающего в реку Теннесси, в нескольких милях выше Чаттануги, в округе Гамильтон, штат Теннесси. В 1777 году более враждебная часть чероки отделилась от остального племени и основала здесь большое поселение, из которого они переселились примерно пять лет спустя, чтобы поселиться ниже по течению Теннесси в так называемых городах Чикамауга или Пяти Нижних городах. См. страницу 54 и номер 124.

tsĭkĭ′ — слово, которое подчеркивает значение слова, за которым следует: например, *â′stû*, «очень хорошо», *âstû′ tsĭkĭ*, «лучше всего». См. номер 75.

tsĭkĭkĭ′ — кузнечик; название является ономатопеей.

tsĭ′kĭlilĭ′ — каролинская синица (*Parus carolinensis*); название является ономатопеей. См. номер 35.

Tsĭksi′tsĭ (*Tûksi′tsĭ* в диалектной форме; обычно пишется Tuckasegee) — 1. бывшее поселение чероки около слияния двух рукавов реки Tuckasegee, выше Вебстера, в округе Джексон, Северная Каролина (не путать с *Tĭkwăli′tsĭ*, см. там же). 2. Бывшее поселение на притоке реки Брастаун, впадающей в реку Хивасси, в округе Таунс, штат Джорджия. Слово утратило свое значение.

Tsĭ′nawĭ — колесник из племени чероки, возможно, первый в нации, изготовивший прялку и ткацкий станок. Название не поддается анализу. См. стр. 214.

tsĭne′û — я поднимаю это (что-то длинное); в нижнем и среднем диалектах — *tsĭnigi′û*.

tsĭnigi′û — см. *tsĭne′û*.

tsiska′gĭlĭ — большой красный рак; обычный рак называется *tsistû′na*. См. номер 59.

tsi′skwa — птица.

tsiskwa′gwă — малиновка, от *tsi′skwa*, птица.

Tsiskwâ′hĭ — «Место птиц», от *tsi′skwa*, птица, и *hĭ*, местный падеж. Поселение Бердтаун в резервации Восточных Чероки, в округе Свейн, Северная Каролина.

tsiskwâ′yă — воробей, буквально «главная птица» (т. е. наиболее широко распространенная), от *tsi′skwa*, птица, и *yâ*, суффикс, обозначающий главный или настоящий.

Tsilalu′hĭ — «Место сладкого каучука», от *tsila′lŭ′*, сладкий каучук (*Liquidambar*), и *hĭ*, локатив. Бывшее поселение на небольшом притоке реки Брастаун, впадающей в реку Хивасси, на границе округа Таунс, штат Джорджия. Название неправильно переведено как Gumlog (ручей).

Tsiskwunsdi′-adsisti′yĭ — «Место, где убили маленькую птичку», от *Tsiskw-unsdi′*, «маленькие птички» (множественное число). Место у истока ручья West Buffalo, к юго-востоку от Роббинсвилля, в округе Грэм, Северная Каролина. См. номер 122.

Tsistetsi′yĭ — «Место мышей», от *tsistetsĭ*, «мышь», и *yĭ*, «местоположение»; бывшее поселение на ручье Саут-Маус, реки Хивасси, в округе Брэдли, штат Теннесси. Нынешний город Кливленд, расположенный на том же ручье, известен чероки под тем же названием.

tsistu — кролик.

tsistû′na — рак; так же называется большой рогатый жук. Большой красный рак называется *tsiska′gĭlĭ*.

tsist-uni′gistĭ — «кроличья пища» (множественное число), от *tsi′stu*, кролик, и *uni′gistĭ*, множественное число от *agi′stĭ*, пища, от *tsiyĭ′giû* «я ем» (мягкая пища). Дикая роза.

Tsistu′yĭ — «Место кроликов», от *tsistu* — кролик, и *yĭ* — местоимение. 1. Грегори Болд, высокая вершина горного хребта Грейт-Смоки, к востоку от реки Литл-Теннесси, на границе между округом Свейн, Северная Каролина, и округом Блаунт, Теннесси. См. номер 75 и примечания. 2. Бывшее поселение на северном берегу реки Хивасси у входа в ручей Честуа, в округе Полк, штат Теннесси. Название ручья Чоастеа реки Тугалу, в округе Окони, штат Южная Каролина, вероятно, также является искажением того же слова.

Tsiyâ′hĭ — «место выдр», от *tsiyû*, выдра, и *yĭ*, локатив; пишется по-разному: Cheowa, Cheeowhee, Chewohe, Chewe и т. д. 1. Бывшее поселение на притоке реки Кеоуи, недалеко от современного Чеохи, округ Окони, Южная Каролина. 2. Бывшее и до сих пор существующее поселение чероки на реке Чеова, около Роббинсвилля, в округе Грэм, Северная Каролина. 3. Бывшее поселение в бухте Кейдс, на ручье Коув, в округе Блаунт, Теннесси.

Tsi′yu-gûnsi′nĭ — «Он тащит каноэ», от *tsi′yŭ*, каноэ (ср. *tsi′yû*, выдра) и *gûnsi′nĭ*, «он тащит его». «Тащащий каноэ», видный лидер враждебных чероки во время революции. Имя встречается в документах как Cheucunsene и Kunnesee. См. стр. 54.

Tskĭl-e′gwă — «Большой колдун», от *atskĭlĭ′* или *tskĭlĭ′*, колдун, сова, и *e′gwa*, большой; старик из племени восточных чероки, умерший в 1896 году. См. страницу 179. Хотя белые перевели это имя как «Большая ведьма», индейцы понимают его как «Большая сова» (см. номер 35), поскольку первоначально оно применялось к белому человеку, жившему на той же поляне и известному своими большими выпученными глазами.

tskĭlĭ′ (сокращение от *atskĭlĭ′*) — 1. ведьма; 2. темная рогатая сова (*Bubo virginianus saturatus*). См. номер 35.

TSOLUNGH — см. *tsălû*.

tskwâ′yĭ — большая белая цапля или американская белая цапля (*Herodias egretta*).

Tsudâ′tălesûñ′yĭ — «где отваливаются куски», т. е. где обрушиваются берега; от *adâtăle′û*, «отваливается», *ts*, префикс расстояния, «там», и *yĭ*, локатив. Название чероки для нынешнего места расположения Мемфиса, штат Теннесси, с видом на Миссисипи, ранее известного как утес Чикасо.

Tsuda′ye‘lûñ′yĭ — «Изолированное место»; изолированная вершина у истоков реки Чеова, к северо-востоку от Роббинсвилля, в округе Грэм, Северная Каролина. См. номер 79 и примечания. Корень слова означает «отделенный» или «изолированный», откуда и происходит название *Uda′ye‘lûñ′yĭ*, чероки-аутлет на территории индейцев.

Tsu′dinûñti′yĭ — «Место сбрасывания»; бывшее поселение на нижнем течении реки Нантахала, в округе Мейкон, Северная Каролина. См. номер 122.

Tsugidû‘lĭ ûlsgi′stĭ (от *tsugidû‘lĭ*, множественное число от *ugidû‘lĭ*, одно из длинных крыльев или хвостовых перьев птицы, и *ûlsgi′stĭ* или *ûlsgi′ta*, танец) — танец перьев или орла. См. номер 35.

tsûñgili′sĭ — множественное число от *ûñgili′sĭ*, см.

tsûñgini′sĭ — множественное число от *ûñgini′sĭ*, см.

Tsukilûñnûñ′yĭ — «Место, где он приземлился»; два лысых места на горе у истока ручья Литтл Сноуберд, недалеко от Роббинсвилля, в округе Грэм, Северная Каролина. О традиции см. номер 122.

tsûñkina′tlĭ — «мои младшие братья» (говорит мужчина).

tsûñkită′ — «мои младшие братья» (говорит женщина).

tsu‘lă — лиса; ср. *tsû‘lû*, зимородок и *tlutlŭ′* или *tsutsŭ′*, ласточка. Черная лиса — *inâ′lĭ*. Слово «лиса» в языке криков — *chula*.

tsula′skĭ — аллигатор: происхождение названия неясно.

Tsŭ‘la′wĭ — см. *Tsû‘lûñwe′ĭ*.

Tsulâ′sinûñ′yĭ — «Место следа». Место на реке Такасеги, примерно в миле выше Дип-Крик, в округе Свейн, Северная Каролина. См. номер 122.

Tsul‘kălû′ — «косоглазый», буквально «у него косые глаза» (или прислонившиеся к чему-то); приставка *ts* делает это слово множественным, и имя понимается как относящееся к глазам ( ), хотя слово «глаз» (*aktă′*, множественное число *diktă′*) не входит в его состав. Ср. *Ătă′-gûl‘kălû′*. Мифический великан и правитель игры. Имя было искажено до Jutaculla и Tuli-cula. Скала Jutaculla и старые поля Jutaculla около истока реки Tuckasegee в Джексоне, Северная Каролина, получили свое название от него. См. номер 81 и примечания.

Tsule′hisanûñ′hĭ — «Воскресший», от *di′gwăle′hisanûñ′hĭ*, «Я воскрес», буквально «Я был повержен и поднялся». *Tsa′lăgĭ′ Tsule′hisanŭñhĭ*, название газеты на языке чероки, известной белым как Cherokee Phœnix. Название на языке чероки было придумано Вустером и Будинотом, чтобы отразить идею феникса из классической басни. Индейское название недавней газеты «Cherokee Advocate» — *Tsa′lăgĭ Asdeli′skĭ*.

Tsul‘kălû′ tsunegûñ′yĭ — см. *Tsunegûñ′yĭ*.

tsulie′na — поползень (*Sitta carolinensis*); слово буквально означает «глухой» (множественное число относится к уху, *gûlĕ′*), хотя причина такого названия не объясняется.

tsû‘lû — зимородок. *Ср. tsu‘lă*.

Tsû‘lûñwe′ĭ (сокращенно *Tsû‘lûñ′we* или *Tsûla′wĭ*, возможно, связано с *tsû‘lû*, зимородок) — ручей Чилхоуи, северный приток реки Литл-Теннесси, в округе Блаунт, штат Теннесси.

Tsunda‘nilti′yĭ — «Где они требовали с него долг»; место на реке Литтл Сантитла, к западу от Роббинсвилля, в округе Грэм, Северная Каролина. Ручей также широко известен под тем же названием. См. номер 122.

Tsundige′wĭ — «Закрытые анусы», буквально «Они их закрыли», понимается как относящееся к анусу; от *dige′wĭ*, множественное число от *ge′wĭ*, закрытый, забитый, слепой; ср. *Tsul‘kălû′*; также *Gûlisge′wĭ*, «Слепые или закрытые уши», старое личное имя. См. номер 74.

tsun′digwûn′tskĭ (сокращение от *tsun′digwûntsu‘gĭ*, «у них раздвоенные», относится к своеобразному раздвоенному хвосту; ср. *Tsul‘kălû′*) — перелетная птица, которая однажды на короткое время появилась в резервации восточных чероки, судя по описанию, это, по-видимому, ножникохвостый мухолов (*Milvulus forficatus*). См. номер 35.

Tsunegûñ′yĭ (иногда называется *Tsul‘kălû′ Tsunegûñ′yĭ′*) — Теннесси-болд, в самом верховье реки Тукасеги, на восточной границе округа Джексон, Северная Каролина. Название, по-видимому, означает «там, где бело», от *ts*, приставки, обозначающей расстояние, *une′gă*, белый, и *yĭ*, локатив. См. номер 81 и примечания.

Tsunil′‘kălû — множественное число от *Tsul‘kălû*, см. там же; традиционное племя великанов на западе. См. номер 106.

tsunû′‘liyû′sûnĕstlâ′tă — «у них раздвоенные носы», от *agwa‘liyû′*, «у меня есть», и *unĕstlâû′*, «он треснул» (как трещина, образовавшаяся от солнечного тепла в бревне или в земле); начальная *буква s* указывает на нос, *kăyăsă′*. См. номер 76 и примечания.

tsunĭs′tsăhĭ′ — «(те), у кого есть хохолки или гребни», от *ustdăhû′*, «имеющий хохолок», *ustsăhĭ′*, «у него есть хохолок» (постоянно). См. номер 76 и примечания.

Tsuniya′tigă — «Голые люди»; буквально «Они там голые», от *uya′tigă*, голый (единственное число), с приставкой *ts*, обозначающей расстояние. Традиционное западное племя. См. номер 105.

tsunsdi′ — сокращение от *tsunsdi′ga*, множественное число от *usdi′ga* или *usdi′*, маленький.

Tsunu′lăhûñ′skĭ — «Он пытается, но терпит неудачу» (по привычке), от *detsinu′lăhûñ′gû′* (см.), «Я пытался, но потерпел неудачу». Бывший известный вождь восточных чероки, широко известный

белым как Джуналуска. В молодости его звали *Гулкаласки*, имя, которое обозначает что-то, что обычно падает из наклонного положения (ср. *Ата-гулкалу* и *Цулкалу*). См. стр. 164.

tsûñ-ka′wi-ye′, tsûñ-sĭkwa-ya′, tsûñ-tsu′la-ya′, tsûñ-wa′‘ya-ya′ — «Я (*tsûñ* или *tsi*, глагольный префикс) настоящий (*yă, ye*, суффикс существительного) олень» (*kawĭ′*, архаичное обозначение *a‘wĭ′*); опоссум, *sĭ′kwa*; лиса, *tsu‘lă*; волк, *wa‘ya*. Архаичные формы песен. См. номер 15.

Tsûsginâ′ĭ — «Страна призраков», от *asgi′na*, «призрак», *ĭ*, локатив, и *ts*, префикс, обозначающий расстояние. Земля мертвых; она расположена в *Usûñhi′yĭ*, Стране сумерек, на западе. См. номер 5.

tsuakwa‘lĭ — множественное число от *uskwa‘lĭ*, короткий.

Tsuskwănûñ′năwa′tă — «изношенное одеяло», от *tsuskwănûñ′nĭ*, одеяло (слово относится к чему-то полосатому), и *uwa′tă*, «изношенный». Джеймс Д. Уэффорд, известный человек смешанного происхождения из племени чероки и информатор в западной части страны, умерший около 1896 года. См. страницу 236.

Tsûta′ga Uweyûñ′ĭ — «Куриный ручей», от *tsûta′ga*, курица, и *uweyûñ′ĭ*, ручей. Крайний восточный исток реки Нантахала в округе Мейкон, Северная Каролина. См. номер 122.

Tsuta′tsinasûñ′yĭ — «Место водоворота». Место на реке Чеова у устья ручья Кокрам, в округе Грэм, Северная Каролина. О традиции см. номер 122.

tsutsŭ′ — см. *tlutlŭ′*.

tsûñtû′tsĭ — см. *tlûñtû′tsĭ*.

tsuwă′ — грязевая лягушка или водяная собака (*Menopoma* или *Protonopsis*). См. номер 59.

Tsuwa‘tel′da — сокращение от *Tsuwa‘teldûñ′yĭ*; название утратило свое значение. Пилот-Ноб, к северу от Бреварда, в округе Трансильвания, Северная Каролина. См. номер 82 и примечания.

Tsuwa′-uniyetsûñ′yĭ — «Где смеялись водяные собаки», от *tsuwă′* (см.), «водяная собака», *uniye′tsû*, «они смеялись» (*agiyet′skû*, «я смеюсь»), и *yĭ*, местный падеж; голая вершина Tusquittee, недалеко от Хейсвилля, в округе Клэй, Северная Каролина. Сюжет см. под номером 122.

Цувенах — традиционный охотник, общающийся с невидимыми людьми. См. номер 83. Имя, по-видимому, означает «У него их в изобилии», нерегулярная или архаичная форма от *Uwe′năĭ*, «у него изобилие», «он богат», от *agwe′năĭ′*, «я богат». Как мужское имя используется как эквивалент Ричарда. См. номер 83.

TUCKALECHEE — см. *Tĭkwăli′sĭ*.

TUCKASEGEE — см. *Tsĭksi′taĭ*.

ТУГАЛУ — см. *Дугилуи*.

tugalŭ! — крик гуся *dagûl‘kû*.

tugălû′nă — разновидность мелкой рыбы длиной около четырех дюймов, обитающая в крупных реках (от *gălû′nă*, тыква, из-за ее длинного носа). См. номер 39 и примечания.

tûksĭ′ — черепаха или сухопутная черепаха; также имя вождя чероки в конце Революции. *Săligu′gĭ*, обычная черепаха; мягкотелый черепаха, *u‘lănă′wă*.

Tûksi′tsĭ — см. *Tsĭksi′tsĭ*.

TULI-CULA — см. *Tsul‘kălû′*.

tûlsku′wa — «он щелкает головой», от *uskă′*, голова; щелкающий жук.

Tunâ′ĭ — традиционный воин и знахарь древнего Itsâ′tĭ; имя не поддается анализу. См. номер 99.

ТУРКЕЙТАУН — см. *Гун-дигадухуньи*.

ТЕРНЕТТАУН — см. *Улуньи*.

TUSKEGEE — см. *Ta‘ski′gĭ*.

TUSQUITTEE BALD — см. *Tsuwă′-uniyetsûñ′yĭ*.

РУЧЕЙ ТУСКВИТИ — см. *Дасквитуньи*.

тусти — для *тустига*, небольшой миски; более крупные кувшины называются *дивали* и *унтия*.

tûñ′tăwû′ — маленькая желтая ночная бабочка. Название происходит от *ahûñ′tû*, слова, означающего, что что-то влетает в пламя и вылетает из него. См. номер 59.

tu′tĭ — снежная птица.

Tuti′yĭ — «Место снежной птицы», от *tu′tĭ*, снежная птица, и *yĭ*, местный падеж. Маленький ручей Снежная птица реки Чеова, в округе Грэм, Северная Каролина.

tû′tsahyesĭ′ — «он женится на тебе».

tu′yă — фасоль.

tu′yă-dĭskalaw‘sti′skĭ — см. *ta′gû*.

tû′yahusĭ′ — «она умрет».

TYMAHSE — см. TOMASSEE.

Uchee — см. *Ani′-Yu′tsĭ*.

udâ′hale′yĭ — «на солнечной стороне».

удаи — ягодная лоза (*Actæa*?). Название означает, что на растении висит что-то длинное.

uda‘lĭ — «(это) замужем»; омела, названная так из-за своего паразитического образа жизни.

Удавагунта — «лысый». Лысая гора в горном массиве Грейт-Смоки, в округе Янси, Северная Каролина, недалеко от горы Митчелл. См. номер 51.

Udsi′skală — мужское имя.

uga′sĭtă — кислый.

ûñgidă′ — «твои два старших брата» (говорит мужчина). См. примечания к номеру 63.

ûñgili′sĭ (множественное число, *tsûñgili′sĭ*) — «ребенок моей дочери». См. примечание к номеру 66 и ср. *ûñgini′sĭ*.

ûñgini′lĭ — «мой старший брат» (говорит женщина). См. примечания к номеру 63.

ûñgini′sĭ (множественное число *tsûñgini′sĭ*) — «ребенок моего сына». См. примечание к номеру 66 и сравните с *ûñgili′sĭ*.

u′giskă′ — «он глотает это » ; от *tsĭkiû′*, «я ем». См. номер 8 и примечания.

u′guku′ — сова-болотянка (*Syrnium nebulosum*); название является ономатопеей. См. также *tskĭlĭ′* и *wa′‘huhu′*.

ugûñste′lĭ (*ugûñste′lû* в диалектной форме) — рыба с роговыми головами (*Campostoma*, каменная рыба). По сомнительным данным, название происходит от того, что у нее есть рога. См. номер 59.

Ugŭñ′yĭ — Водопад Таллула на реке с таким же названием, к северо-востоку от Кларксвилля, в округе Хабершам, штат Джорджия; значение названия утрачено. См. номер 84.

UILATA — см. *U‘tlûñ′tă*.

uk-ku′sûñtsûtĕtĭ′ — «он скрутит руку». См. номер 115.

Ук-кусунцути — «изогнутый лук»; комическое мужское имя. Ср. *гулцути*, лук. См. номер 115.

uk-kwûnăgi′stĭ — «опустит глаза». См. номер 115.

Uk-kwûnăgi′ta — «опустившийся глаз»; комическое мужское имя. См. номер 115.

uksu′hĭ — горная черная змея или черный гонщик (*Coluber obsoletus*); имя, по-видимому, относится к какой-то особенности глаза, *aktă′*; *uksuhă′*, «у него что-то застряло в глазу». См. номер 53 и примечания.

Ukte′na — «Остроглазый (?)» от *aktă′*, глаз, *akta′tĭ*, внимательно рассматривать. Мифический великий рогатый змей с талисманской диадемой. См. номер 50 и примечания.

Ukte′na-tsuganûñ′tatsûñ′yĭ — «Место, где застрял Уктена». Место на реке Тукасиги, примерно в двух милях выше города Брайсон-Сити, в округе Свейн, штат Северная Каролина. См. номер 122.

Уктена-утанси′настунь′и — «Где полз Уктена». Скала на северном берегу реки Тукасеги, примерно в четырех милях выше города Брайсон-Сити, в округе Свейн, штат Северная Каролина. См. номер 122.

Уквуну (или *Уквуни*) — бывшее поселение чероки, широко известное белым как Окони, на ручье Сенека, недалеко от нынешнего Уоллалла, в округе Окони, Южная Каролина.

Улагу — мифический прародитель племени желтых ос. См. номер 13. Это слово означает «лидер», «босс» или «главный» и применяется к первой желтой осе (*дскаи*), увиденной весной, к пчелиной матке и к лидеру рабочей группы.

u‘lănă′wă — черепаха с мягким панцирем; этимология слова неясна. См. также *săligu′gĭ* и *tûksĭ′*.

ulasu′la — мокасин, обувь.

ûlĕ′ — и; *ûlĕ-‘nû′*, а также.

Ûñli′ta — «(Он) многословен», архаичная форма обычного слова *gûñli′ta*; старое мужское имя. Вождь около 1790 года, известный белым как «Дыхание».

ûlskwûlte′gĭ — «фунтовая мельница», самодействующая водяная мельница, используемая в горах Чероки. Название означает «ударяет головой» (*uskă′*, голова), в аллюзии на то, как пестик работает в ступе. Общее слово для мельницы — *dista′stĭ*.

ulstĭtlû′ — буквально «это на его голове». Ромбовидный гребень на голове мифического змея Уктена. Когда он отрывается, он становится *Ulûñsû′tĭ*.

Ultiwâ′ĩ — бывшее поселение чероки около современного Оолтева, на ручье с таким же названием, в округе Джеймс, штат Теннесси. Название имеет локативную форму (суффикс *ĭ*), но не может быть переведено.

ulûñni′ta — одомашненный, ручной; может использоваться как для людей, так и для животных, но не для растений; для культивируемых или одомашненных растений прилагательное *gûnutlûñ′ĭ* (или *gûnusûñ′ĭ*).

Ulûñsû′tĭ — «прозрачный»; великий талисманский кристалл чероки. Хагар пишет это слово как Oolunsade. См. номер 50 и примечания.

ulûñ′ta — «он взобрался», от *tsilahĭ′*, «я взобрался»; ядовитый дуб (*Rhus radicans*). См. номер 126.

U‘lûñ′yĭ — «место клубней», от *U‘lĭ′*, разновидность съедобных клубней, и *yĭ*, локатив. Бывшее поселение на ручье Turniptown (для *U‘lûñ′yĭ*), выше Эллиджей, в округе Гилмер, штат Джорджия.

UNACALA — см. *Une′gădihĭ′*.

U′nadanti′yĭ — «Место, где они колдовали», название ущелья примерно в трех милях к востоку от Вебстера, в округе Джексон, Северная Каролина, которое теперь перенесено на сам город. См. номер 122.

унадена — шерстистый, пушистый (о животных); *увана*, шерсть, пух, мех (снятый с животного).

u′năhŭ′ — см. *unăhwĭ′*.

unăhwĭ′ — сердце; в среднем и нижнем диалектах — *unăhŭ′*. См. стр. 187.

UNAKA — см. *une′gă* и UNICOI.

unatlûñwe′hitû — «имеет спирали»; растение (неидентифицированное), используемое в заклинаниях. См. номер 126.

une′gă — белый.

une′guhĭ — «он (был) озорной или плохой»; *tsûne′guhi′yu*, «ты очень озорной» (говорят ребенку). См. номер 118.

une′gutsătû′ — «(он) озорной»; *a′gine′gutsătû′*, «я озорной».

Une‘lănûñ′hĭ — «Распределитель»; «Я распределяю», *gane‘laskû′*; «Я распределяю» (по привычке), *gane‘laskĭ*. В священных формулах — титул бога Солнца; в Библии — имя Бога.

une′stălûñ — лед.

UNICOI — название на карте старой платной дороги Unicoi (см. стр. 87), прохода на водоразделе между реками Чаттахучи и Хивасси в Джорджии, а также округа в восточной части Теннесси. Вероятно, искажение слова *une′gă*, «белый», откуда также происходит Unaka, нынешнее название на карте части горного хребта Great Smoky.

uni′gistĭ — продукты питания; единственное число — *agi′stĭ*.

Uniga′yata‘ti′yĭ — «Место, где они делали рыболовные ловушки», от *uga′yatûñ′ĭ*, рыболовная ловушка, и *yĭ*, местоимение; место на реке Такасиги, в устье ручья Дип, недалеко от города Брайсон-Сити, в округе Свейн, Северная Каролина. См. номер 100 и примечания.

Uni′hăluna — см. *Ăhălu′na*.

Уника′ви — «Танец в таунхаусе», названный так потому, что танцуется внутри таунхауса; название не относится к таунхаусу (*гати′и*) и не поддается анализу, но может иметь какое-то отношение к архаичному слову, обозначающему оленя. Ср. *Ани′-Кави′*.

Унега-дихи — «убийца белых людей»; от *une′ga*, «белый», от *yûñ′wune′ga*, «белый человек», и *dihĭ′*, суффикса существительного, обозначающего «убийца» («он убивает их» по привычке). Вождь чероки, чье имя фигурирует в документах около 1790 года как Убийца белых людей или, по опечатке, Унакала. Это старое мужское имя, до недавнего времени существовавшее в резервации. Ср. *Ta′gwădihĭ′*.

u′niskwetu‘gĭ — «они носят шляпу»; *ûlskwe′tăwă′*, шляпа, от *uskă′*, голова. Яблоко майское (*Podophyllum*). См. номер 126.

unistilûñ′istĭ — «они прилипают по всей длине»; общее название для «прилипалок» и репейников, включая испанскую иглу, репейник, дурман и т. д. См. номер 126.

uni′tsĭ — ее мать; *agitsĭ′* — моя мать.

Uniyâ′hitûñ′yĭ — «где они стреляли», от *tsiyâ′ihû*, «я стреляю», и *yĭ*, местный падеж. Место на реке Тукасеги, недалеко от города Брайсон-Сити, в округе Свейн, штат Северная Каролина. См. номер 100.

Унтула — см. *Дихюндула*.

Unta′kiyasti′yĭ — «Место, где они бегают», от *takiya′tă*, «бег», и *yĭ*, «местоположение»; в местном варианте произношения — Tahkeyostee. Район на реке Френч-Брод, вокруг Ашвилла, в округе Банкомб, Северная Каролина. Сам город известен чероки как *Kâsdu′yĭ*, «Место пепла» (от *kâsdu*, пепел, и *yĭ*, местный падеж), что является переводом его собственного названия. См. номер 122.

Untlasgâsti′yĭ — «Место, где они царапались»; место у истока ручья Хайатт реки Вэлли, в округе Чероки, Северная Каролина. О традиции см. номер 122.

УНТУЛА — см. *Дихюндула*.

unûñ′tĭ — молоко.

usdi′gâ (сокращенно *usdi′*), маленький; множественное число *tsunsdi′gă, tsunsdi′*.

usga′sĕ‘ti′yu — очень опасный, очень страшный; усиление *usga′sĕ‘tĭ*.

Усквалена — «Большая голова», от *uskă′*, голова; мужское имя, возможно, происходящее от «Бычья голова», данное Хейвудом в качестве имени бывшего известного воина чероки.

Uskwâ′lĭ-gû′tă — «Его живот свисает», от *uskwâ′lĭ*, его живот, и *gû′tă*, «он свисает». Выдающийся вождь периода Революции, известный белым как Hanging-maw.

U‘stăna′lĭ (от *u‘stănalâ′hĭ* или *uni′stăna′lă* (множественное число), обозначающее естественный барьер из камней (множественное число) через ручей) — имя, встречающееся в нескольких местах в старой стране чероки, и по-разному пишется как Eastinaulee, Eastanora, Estanaula, Eustenaree, Istanare, Oostanaula, Oostinawley, Ustenary и т. д. Одно поселение с таким названием находилось на реке Кеоуи, ниже нынешнего форта Джордж, в округе Окони, Южная Каролина; другое, по-видимому, находилось где-то на берегах реки Такасеги, в западной части Северной Каролины; третье, известное во время и после периода Революции, находилось чуть выше слияния рек Кусавати и Конасауга, образующих реку Останаула, в округе Гордон, штат Джорджия, и примыкало к Нью-Эчота (см. *Gănsâ′gĭ*). Другие поселения с таким же названием, возможно, находились на ручье Истанолли реки Тугалу, в округе Франклин, штат Джорджия, и на ручье Истаунаула, впадающем в реку Хивасси, в округе Макминн, штат Теннесси. См. *Tsu‘stănalûñ′yĭ*, под *Dăgunâ′hĭ*.

u′stûtĭ — см. *utsu‘gĭ*.

Ustû′tlĭ — традиционный опасный змей. Название означает «имеющий что-то на икре ноги или на пятке», от *ustûtûñ′ĭ*, (его) икра ноги (прикрепленная). Оно также применяется к южной кольцевой змее (*Abastor erythrogrammus*). См. номер 54.

Усуньхии — «темнеющая земля», где всегда темно, как в сумерках. Название, используемое для обозначения запада в мифах и священных формулах; общее слово — *вуделигуньи*, «там, где оно (солнце) заходит». В номере 63 используется слово *wusûhihûñ′yĭ*, «там, где они останавливаются на ночь». См. также *Tsûsginâ′ĭ*.

u′tănû — великий, полностью развитый. Ср. *e′gwa*.

utawâ′hilû — «ширина ладони», от *uwâ′yi*, ладонь. Образное выражение, используемое в мифах и священных формулах.

U′tăwagûn′ta — «лысое место». Высокий лысый пик горного хребта Грейт-Смоки на границе Теннесси и Северной Каролины, к северо-востоку от реки Биг-Пиджен. См. номер 51.

Ûñ′tiguhĭ′ — «горшок в воде», от *ûñti′yă* или *ûñti′*, горшок, и *guhĭ′*, «он находится в воде» (или другой жидкости — обычно). Сук, опасный поток в реке Теннесси, у входа в ручей Сук, примерно в восьми милях ниже Чаттануги, Теннесси. См. номер 63 и примечания.

U‘tlûñ′tă — «У него (или у нее) это острое», т. е. есть какая-то острая часть или орган; это может относиться к зубу, ногтю или какой-то другой прикрепленной части тела, но в рассказе подразумевается, что речь идет о пальце, похожем на шило. Тен Кейт пишет это слово *как Uilata*. Мифическое получеловеческое чудовище. См. номер 66 и примечания.

U‘tlûñtûñ′yĭ — «Место U‘tlûñ′tă»; см. *U‘tlûñ′tă*. Место на реке Литл-Теннесси, недалеко от ручья Ситико, в округе Блаунт, штат Теннесси. См. номер 66 и примечания, а также номер 124.

U′tsălă — «Лишайник»; другая форма *utsăle′ta*. Вождь чероки периода переселения. См. стр. 157.

utsăle′ta — лишайник, буквально «остатки из кастрюли», из-за мнимого сходства.

Ûñtsaiyĭ′ (также *Etsaiyĭ′* или *Tsaiyĭ′*, первый слог почти не произносится) — «латунь». Мифический азартный игрок. См. номер 63 и примечания. Нынешнее толкование «латунь» — вероятно, современное применение старого мифического имени, основанное на сходстве звука с тем, который издает металлический лист при ударе.

utsa′nătĭ′ — гремучая змея ; этимология названия сомнительна, но, как говорят, оно относится к гремушке.

Utsa′nătĭ′yĭ — «Место гремучих змей». Гремучие змеи, примерно в двух милях к югу от Чарльстона, округ Брэдли, штат Теннесси. См. стр. 132.

utset′stĭ — «он улыбается» (по привычке). См. *sĭ′kwă utset′stĭ*.

utsĭ′ — ее (его) мать; *etsĭ′*, *agitsĭ′*, моя мать.

Уцидсаты — «кукурузный метелок», «голова чертополоха» и т. д. Используется как мужское имя и, вероятно, было черокийским именем вождя, известного в период революции как «Старый Метелок».

utsu′‘gĭ — пушистая синица (*Parus bicolor*); также называется *u′stûtĭ*, «хохолок или кончик» из-за своего хохолка. См. номера 35 и 66. û′tsûtĭ′ — рыба. Ср. *u′tsûtĭ*, много. ûñwădâ′lĭ — склад, продовольственный склад. См. номер 3 и примечания.

Uñ′wădâ-tsu‘gilasûñ′ — «Где был снесен склад (ûñwâdâ′lĭ)». Либо Блэк-Рок, либо Джонс-Ноб, к северо-востоку от Вебстера, на восточной границе округа Джексон, в Северной Каролине. См. номер 122.

Uwagâ′hĭ (обычно пишется Осоее) — «Место абрикосов», от *uwa′gă*, «абрикосовая лоза» или «майпоп» (*Passiflora incarnata*), и *hĭ*, локатив. Бывшее важное поселение на реке Окои, недалеко от ее слияния с Хивасси, примерно в районе современного Бентона, в округе Полк, штат Теннесси.

uwâ′yĭ — рука, лапа; обычно используется с притяжательным суффиксом, как *uwâye′nĭ*, «его рука».

uwe′la — печень.

uwe′năhĭ — богатый; также используется как личное имя, эквивалентное Ричарду. Ср. Tsuwe′năhĭ.

Uw’tsûñ′tă — «прыгун» (по привычке); от *k‘tsĭ*, «он прыгает». Традиционный змей, описываемый как двигающийся рывками, как измерительный червь, к которому также применяется это название. См. номер 55.

Уяхе — высокая вершина в горном массиве Грейт-Смоки, вероятно, на границе округа Свейн (Северная Каролина) и округа Севир или Блаунт (Теннесси). См. номер 75 и примечания.

Уйгилаги — сокращение от Цуюгилаги, «где есть плотины», т. е. бобровые плотины; от *гугилуньску*, «он плотит». 1. Бывшее поселение на ручье Уткалага (Угиллоги) реки Оостанаула, недалеко от нынешнего Калхуна, в округе Гордон, штат Джорджия; 2. Ручей Бивердам, к западу от Кларксвилля, в округе Хабершам, штат Джорджия.

Вэллейтаун — см. *Gû'nahitûñ'yĭ*.

Ручей Венджанс — см. *Гансати*.

Вачеса — см. *Вацису*.

wadâñ′ — спасибо!

wâ′dĭ — краска, особенно красная краска.

Вадиге-аскали — «его голова (букв. «коричневая»)», т. е. «коричневоголовый», от *вадиге*, коричневый, коричнево-красный, и *аскали*, притяжательное местоимение от *уска*, голова; медянка.

Вадийяхи — женское имя сомнительной этимологии. Мастерица по изготовлению корзин из племени восточных чероки, умершая в 1895 году. Белые знали ее как миссис Бушихед. См. стр. 179.

Wafford — см. *Tsuskwanûñ'năwa'tă*.

Wa′gĭnsĭ′ — название водоворота на слиянии рек Литл-Теннесси и Теннесси в Леноре, округ Лаудон, штат Теннесси. Город теперь известен чероки под тем же названием, значение которого утрачено. См. номер 124.

Вагули — козодой; название является ономатопеей; название на языке делавэров — *веколис* (Хеккевельдер).

Wahnenauhi — см. *Wani'năhĭ*.

wa‘huhu′ — сова-крикунья (*Megascops asio*); см. также *tskĭlĭ′* и *uguku′*.

wa‘ka — корова; от испанского *vaca*, как и крикское *waga* и арапахо *wakûch*.

walâ′sĭ — обыкновенная зеленая лягушка; существуют разные названия для бычьей лягушки (*kûnu'nŭ*, см.) и для других разновидностей; бородавки также называются *walâ'sĭ*.

Walâsi′yĭ — «Место лягушек». 1. Бывшее поселение, известное белым как Фрогтаун, на одноименном ручье, к северу от Далонеги, в округе Лампкин, штат Джорджия. 2. Горы Ле Конт и Буллхед в хребте Грейт-Смоки на границе Северной Каролины и Теннесси, а также хребет, простирающийся в округ Севир, штат Теннесси, между средним и западным рукавами реки Литл-Пиджен. См. номер 51 и примечания.

walâs′-unûl′stĭ — «он борется с лягушками», от *walâ'sĭ*, лягушка, и *unûl'stĭ*, «он борется» (постоянно); *gû‘lihû'*, «я борюсь». Растение *Prosartes lanuginosa*. См. номер 126.

Walâs′-unûlsti′yĭ — «Место растения walâs′-unûl′stĭ», широко известное белым как Fightingtown, от перевода второй части названия; бывшее поселение на ручье Fightingtown, недалеко от Моргантона, в округе Фаннин, штат Джорджия. См. номер 125.

Walinĭ′ — женское имя, образованное от *Walĭ*, другой формы *Kwalĭ*, «Полли», с добавлением суффикса для эвфонии.

Wane′-asûñ′tlûñyĭ — «Место с мостом из гикори», от *wane′ĭ*, гикори, *asûñtlûñ′ĭ* (см.), мост, и *yĭ*, местный падеж. Бывшее поселение, известное белым как Хикори-лог, на реке Этова, недалеко от Кантона, в округе Чероки, штат Джорджия.

Wani′năhĭ′ — женское имя с неопределенной этимологией; *Wahnenauhi* из рукописи Wahnenauhi.

Вашингтон — см. *Ва′ситу′на*.

Wâ′sĭ — форма имени Моисей в языке чероки.

Wa′sitû′nă, Wa′sûñtû′nă (различные диалектные формы) — чероки, известный белым как Вашингтон, единственный выживший в трагедии переселения. См. стр. 158. Название обозначает полый бревно (или другой цилиндрический объект), лежащий на земле на расстоянии; корень слова — *asi′ta*, бревно, а приставка *w* означает «на расстоянии».

Васулу — большая красно-коричневая бабочка, которая летает вечером вокруг цветущего табака.

Ватаги (обычно пишется как Watauga, а также Watoga, Wattoogee, Whatoga и т. д.) — название, встречающееся в двух или более городах на территории старой страны чероки; один из них был важным поселением на ручье Ватауга реки Литл Теннесси, в нескольких милях ниже Франклина, в округе Мейкон, штат Теннесси; другой традиционно располагался в Ватауга Олд Филдс, примерно в районе современного Элизабеттона, на реке Ватауга, в округе Картер, штат Теннесси. См. стр. 21. Значение названия утрачено.

Ватауга — см. *Ватаги*.

Ватсиса — выдающийся старый чероки, известный белым как Вачеса, имя которого не поддается переводу, ранее живший на нижнем течении ручья Бивердам реки Хивасси, ниже Мерфи, в округе Чероки, Северная Каролина. Из-за того, что шоссе Уникой проходило рядом с его домом, оно было известно местным жителям как тропа Вачеса.

wa‘ya — волк; это имя является ономатопеей, имитирующей вой животного; ср. название криков *yähä*.

Wa‘yâ′hĭ — «Место волка», т. е. место клана Волка; форма *Ani′-Wa‘yâ′hĭ* не используется. Поселение Вольфтаун на верхнем течении ручья Соко, в восточной резервации чероки, в округе Джексон, Северная Каролина.

Waya Gap — см. *A‘tâhi′ta*.

Wayeh — см. *Wâyĭ*.

Wâyî — «Голубь»; современное название чероки для реки Биг-Пиджен в западной части Северной Каролины; вероятно, перевод английского названия. Также встречается как Wayeh.

Welch, Lloyd — см. *Da′si‘giya′gĭ*.

wesă — кошка; искажение слова «pussy».

Белый путь — см. *Nûñnâ'hĭ-tsune'ga*.

Уилстаун — бывшее важное поселение, названное в честь вождя-метиса, известного белым как Рыжий Уилл, на ручье Уилл ниже Форт-Пейна, в округе Декалб, штат Алабама. Поселение часто называли в честь него *Wili'yĭ*, «место Уилла», но это не было правильным местным названием.

Wĭlsĭnĭ′ — черокийское имя Х. В. Спрея, агента и суперинтенданта резервации Восточных чероки; адаптация его второго имени, Уилсон.

Уил-усди — «Маленький Уилл», от *Уили*, Уилл и *усдига* или *усди*, маленький. Имя чероки полковника У. Х. Томаса, на протяжении многих лет признанного вождя восточного племени.

Wissactaw — см. *găhăwĭ'sita*.

Волфтаун — см. *Вайахи*.

Wootassite, Wrosetasatow — см. Outacity.

Wude′ligûñ′yĭ — запад; буквально «там, где оно (солнце) садится» (префикс *w* подразумевает расстояние, *yĭ* — местоположение). См. также *Usûñhi'yĭ* и *wusûhihûñ'yĭ*.

Wuliga′nătûtûñ — превосходящий всех остальных, как в хорошем, так и в плохом смысле; может использоваться как эквивалент *wastûñ*, «за пределами». См. стр. 232.

wusûhihûñ′yĭ — «там, где они останавливаются на ночь», т. е. «на западе». Архаичный термин, используемый рассказчиком истории Ûñtsaiyĭ′, номер 63. Обычное слово — *wude'ligûñ'yĭ*, см. там же, а термин в священных формулах — *Usûñhi'yĭ*, см. там же.

XUALA — см. *Ani-Suwa'lĭ*.

-yă — суффикс, обозначающий главный или настоящий, как *tsiskwa'yă*, «главная птица», воробей; *Ani'-Yûñwiyă'*, «главные или настоящие люди», индейцы.

YAHOOLA — см. *Yahulâ'ĭ*.

Yahulâ'ĭ — «место Яхула», от *Yahu'la*, торговца из племени чероки, который, как говорят, был унесен духами; *Yahu'la*, по-видимому, происходит от слова *yoho'lo* из языка криков, которое относится к песне (*yoholo*), используемой в церемонии «черного напитка» криков; таким образом, *a'si-yoho'lo*, искаженное до Osceola, означало «песня черного напитка»; однако это может быть и настоящее слово чероки *yahu'lû* или *yahu'lĭ*, название разновидности гикори, а также «жука-жука»; *Ûñyahu'lă* — женское имя, которое не поддается переводу. Река Яхула, недалеко от Далонеги, в округе Лампкин, штат Джорджия. См. номер 86 и примечания.

Ялаги — ручей Аларка реки Литл Теннесси, выше слияния с Тукасеги, в округе Свейн, Северная Каролина; значение названия утрачено.

yañdaska'ga — придирчивый человек. См. номер 61.

Ян-эгва — «Большой медведь», от *яну*, медведь, и *эгва*, великий, большой. Выдающийся вождь около 1800 года; имя встречается в договорах как Йона, Йоханаква и Йонахеква. См. страницу 164.

yâ'nû — медведь.

Яну-динехуньи — «Где живут медведи», от *яну*, медведь, *динеху*, «они живут» (*еху*, «я живу, я обитаю»), и *йи*, местный падеж. Место на реке Оконалуфти, недалеко от слияния с рекой Такасиги, в округе Свейн, Северная Каролина. См. номер 122.

Янугуньски — «Медведь топит его» (по привычке), от *яну*, медведь, и *цигуньиска*, «я топлю его». Известный вождь восточных чероки, известный белым как Йонагуска или Тонущий медведь. См. страницу 162.

Yâ'nû-u'nătawasti'yĭ — «Где моются медведи» (от *yânû*, медведь, и *yĭ*, местный падеж); бывший пруд в горах Грейт-Смоки, около крайней вершины Равен-Форк, в округе Свейн, Северная Каролина. См. номер 122.

yân'-utse'stû — «медведь лежит на нем»; щитовидный папоротник (*Aspidium*). См. номер 126.

Yawâ'ĭ — «Место Ява»; место на ручье Йеллоу-Крик реки Чеова, в округе Грэм, Северная Каролина. См. номер 122.

ЖЕЛТЫЙ ХОЛМ — см. *Элавадий*.

ЙОХАНАКВА — см. *Янегва*.

yoho-o! — бессмысленный припев песни. См. номер 75.

YONAGUSKA — см. *Yâ'nûgûñ'skĭ*.

YONAH — 1. (гора) см. *Gadalu'lĭ*. 2. Сокращенная форма договора для имени вождя Yân-e'gwa.

Йонахеква — см. *Янегва*.

Ytaua, Ytava — см. *I'tăwă'*.

Ю! — бессмысленный припев песни и междометие.

Юхали — ручей Эухарли, в нижнем течении реки Этова, в округе Бартоу, штат Джорджия. По мнению чероки, это название является искажением Yufala (Eufaula), хорошо известного местного названия на языке криков. См. номер 105.

yûnsû′ — буйвол; ср. крик *yĕna'sa*, чокто *yanash*, хичите *ya'nasi*.

Юнсаи — «Место буйволов»; ручей Вест-Буффало реки Чеова в округе Грэм, Северная Каролина; место бывшего поселения чероки. См. номер 122.

yu′wĕ-yuwĕhe′ — бессмысленный припев песни. См. номер 118.

yûñ′wĭ — человек, мужчина; ср. могавк *oñgwe‘*.

Yûñ′wĭ Amă′yĭnĕ′hĭ — «люди, обитающие в воде», от *yûñ'wĭ*, «человек», и *ămă'yĭnĕ'hĭ*, множественное число от *ămăyĕ'hĭ*, см. там же; раса водных фей. См. номер 78.

Yûñ′wĭ-dĭkatâgûñ′yĭ — см. Yûñ′wĭ-tsulenûñ′yĭ .

Юньви Гунахита — «Длинный человек»; формульное название реки, олицетворяемой человеком, голова которого опирается на гору, а ноги тянутся вниз, к низинам, и который постоянно разговаривает с теми, кто может понять его послание.

Юньвинигиски — «людоеды», буквально «они едят людей» (по привычке), от *юньви* — человек, мужчина, и *унигиски* — «они едят» (по привычке), от *цикиу* — «я ем»; название чероки для далекого племени каннибалов, возможно, атакапа или тонкава. См. номер 105. Ср. *Anăda'dûñtăskĭ*.

Yûñ′wĭ-tsulenûñ′yĭ — «Где стоял человек», первоначально *Yûñ'wĭ-dĭkatâgûñ'yĭ*, «Где стоит человек», от *yûñ'wĭ*, человек, мужчина, *tsitâ'gă*, «Я стою», и *yĭ*, местный падеж; Standing Indian — высокая голая гора у истоков реки Нантахала в округе Мейкон, Северная Каролина. См. номер 122.

Yûñ′wĭ Tsunsdi′ — «Маленькие люди», от *yûñ'wĭ*, человек, люди, и *tsunsdi'gă* или *tsunsdi'*, множественное число от *usdi'gă*, или *usdi'*, маленький; феи чероки. См. номер 78.

Юньви Усди — «Маленький человек». Формульное название женьшеня, *а'тали-гули*, см. там же.

Yûñ′wĭ-usga′sĕ‘tĭ — «Опасный человек, страшный человек»; традиционный лидер в миграции чероки на запад. См. страницу 99.

Yûñ′wiyă′ — «индеец», буквально «главный или настоящий человек», от *yûñ'wĭ*, «человек», и *yă*, суффикса, обозначающего «главный» или «настоящий». См. страницы 15 и 181.

BUREAU OF AMERICAN ETHNOLOGY
NINETEENTH ANNUAL REPORT PL. II
THE CHEROKEE
AND THEIR NEIGHBORS
SHOWING THE TERRITORY HELD
BY THEM AT VARIOUS TIMES
WEST OF THE MISSISSIPPI RIVER
BY
JAMES MOONEY
1900
Note-The territory of the cognate
Iroquoian tribes is indicated
by shaded boundaries
Scale
100 0 100 200 300 Miles
JULIUS BIEN & CO. LITH. N.Y.

назад

BUREAU OF AMERICAN ETHNOLOGY
NINETEENTH ANNUAL REPORT PL. III
THE CHEROKEE COUNTRY
BY JAMES MOONEY
1900
LIMIT OF ORIGINAL CHEROKEE CLAIMS
CHEROKEE BOUNDARY AT CLOSE OF REVOLUTION
CHEROKEE BOUNDARY AT FINAL CESSION
Scale
ILL.
IND.
KENTUCKY
TENNESSEE
WEST VIRGINIA
VIRGINIA
NORTH CAROLINA
SOUTH CAROLINA
GEORGIA
ALABAMA

[назад]

Cherokee Alphabet.

D a	R e	T i	Ꭲ o	Ꭱ u	i v
Ꭶ ga Ꭰ ka	Ᏻ ge	Ꭿ gi	Ꭺ go	Ꭻ gu	Ꭼ gv
Ꭾ ha	Ᏼ he	Ꭽ hi	᏿ ho	Ᏽ hu	᏾ hv
W la	Ꭶ le	Ꭷ li	Ꭸ lo	M lu	Ꭹ lv
Ᏼ ma	Ᏺ me	H mi	Ᏻ mo	Ᏼ mu	
Ꮎ na Ꮒ hna Ꮀ nah	Ᏽ ne	Ꮒ ni	Z no	Ᏼ nu	᏿ nv
Ᏻ qua	Ᏼ que	Ᏽ qui	᏿ quo	᏾ quu	᏿ quv
Ᏼ sa Ꭶ s	4 se	Ꮒ si	Ꮓ so	Ꮔ su	R sv
Ꮕ da W ta	Ꮖ de Ꮗ te	Ꮘ di Ꮙ ti	V do	S du	Ꮚ dv
Ꮛ dla Ꮜ tla	L tle	C tli	Ꮝ tlo	Ꮞ tlu	P tlv
G tsa	V tse	Ꮟ tsi	K tso	J tsu	Ꮠ tsv
G wa	Ꮡ we	Ꮢ wi	Ꮣ wo	Ꮤ wu	Ꮥ wv
Ꮦ ya	Ꮧ ye	Ꮨ yi	Ꮩ yo	Ꮪ yu	B yv

Sounds represented by Vowels.

a, as *a* in *father*, or short as *a* in *rival*
e, as *a* in *hate*, or short as *e* in *met*
i, as *i* in *pique*, or short as *i* in *pit*
o, as *aw* in *law*, or short as *o* in *not*
u, as *oo* in *fool*, or short as *u* in *pull*
v, as *u* in *but*; nasalized.

Consonant Sounds

g nearly as in English, but approaching to *k*. *d* nearly as in English but approaching to *t*. *h.k.l.m.n.q.s.w.y.* as in English. Syllables beginning with *g*, except Ꭶ have sometimes the power of *k*. *A.S.O.* are sometimes sounded to, tu, tv: and Syllables written with *d* except Ꮕ sometimes vary to *dl*.

Smiths Lith Lond

назад